

ХАНААНСКИЕ ХРОНИКИ

Наум Вайман

Наум Вайман

ХАНААНСКИЕ ХРОНИКИ

Архив четвертый

СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
ПОЭЗИЯ, ПРОЗА, ПУБЛИЦИСТИКА

ДРУКАРСЬКИЙ ДВІР
ОЛГА ФЕДОРОВА

Наум
ВАЙМАН

**ХАНААНСКИЕ
ХРОНИКИ**

Архив четвертый

Друкарський двір
Олега Федорова
Київ, 2024

УДК 821.161.1'06(569.4)-31

В 14

Вайман Наум

В 14 Ханаанские хроники. Архив четвертый/Н. Вайман — Друкарський двір Олега Федорова 2024 — 1016 с.

ISBN 978-617-8169-40-4

Наум Вайман — известный писатель, журналист, переводчик, исследователь творчества Манделштама и автор знаменитых «Ханаанских хроник». Перед читателем «четвертый архив» этой грандиозной дневниковой эпопеи, рисующей актуальную картину современной жизни в Израиле, и в мире, а также упорные попытки лучших умов эпохи осмыслить нависший над всеми вал мировых событий. Первый же том («архив») был встречен залпом заинтересованной критики и был номинирован на премию «Русский Букер» в 1998-м году. Сергей Костырко писал о «первом архиве»: «Книга Ваймана, несомненно, событие. Книга получилась значительной»; Андрей Урицкий отметил в обширной рецензии в «Независимой газете» 26 февраля 2000 года: «...стремительная и злая, предельно откровенная проза русского израильтянина...»; многократное внимание книге уделил знаменитый писатель и критик Александр Гольдштейн («Окна», 4.5.2000): «...раскрыл псевдонимы, громко обиделся на капитулянтский пейзаж, вымазал дегтем синклит соглашателей, но в первую очередь и пуще всего — повелел себе стать уловителем стремительно ускользавших примет здешней жизни, суммарного русско-палестинского опыта, как будто никем в наших краях не переданного с такой дотошностью, тщанием и взволнованной рассудительностью».

УДК 821.161.1'06(569.4)-32

© Вайман Н., 2024

© Федоров О.М., издавець, Київ 2024

12.9.2001

От Инны:

Римочка, так когда ты вернулась?

Я в школе, знаю только что в самом центре атака террористов и World Center сравняли с землей. Мы все как в бомбоубежище, никого из школы не выпускают и транспорт не работает, телефоны тоже не работают. Ну? Так наверно во всем мире любят Буша... Не знаю когда домой пойду и как завтра с работой. Ну и дела. Надеюсь, что TV работает. Напиши что у тебя, я от тебя ничего не имела давно.

Наум — Матвею:

Когда вернулись, у нас были четыре теракта: взрывы, обстрелы, убитые. Я говорю: «С возвращением в ад». И не знал еще, как был прав — на следующий день рухнули «близнецы».

А Италия обшарпана, пленительно ленива. Последние три дня были в Вероне. Римская арена, средневековые стены-башни-мосты-улучки-соборы, фешенебельные магазины, ловко встроенные в щели этих узких каменных улиц, по которым бессмысленно фланирует праздничная толпа, залапанная до блеска бронзовая грудь Джульетты, меланхолические «сады Джусты» с громко хлюпающими посреди тишины струйками мелких фонтанов, фрески и иконы Дуомо, выставка Мунка, на которую — обидно! — не попали. Но образ места не складывается (спрятался «genius loci»). Разве что образ вечного праздника празднующихся толп.

Отвлечся и взглянул на экран. А там Арафат, мужественно стиснув зубы, сдает свою черную кровь для пострадавших от «второго Пирл-Харбора». И тут же израильский телевизионный попугай по фамилии Сукеник небрежно роняет, интервьюируя директора авиакомпании Эль-Аль: «Может Эль-Аль окажется выгодной эта катастрофа?» В смысле что теперь будет повышенный спрос на системы безопасности, установленные на Эл-Ал. Обронил, не поперхнувшись.

От Инны:

Римочка, смотри, что мне Димка прислал:

«In the City of God there will be a great thunder, Two brothers torn apart by Chaos, while the fortress endures, the great leader will succumb», The third big war will begin when the big city is burning» — Nostradamus.

Не дай Б-г. Это еще Буш-дурак во главе...

Я не могу дозвониться к детям, и они ко мне тоже, один раз Димка как-то прорвался. Они бедные не спали всю ночь — у нас утро, а там вечер, когда это произошло, а Женька еще все это видел живьем на интернете по своей камере. А я была на работе и ничего не знала, мы вчера поперли после работы домой, еще не зная всего, потому что не видели TV. Детки были в трансе, а сегодня все школы и бизнесы закрыты. Я даже боюсь включить TV, уже наверно Буш угрожает всему миру.

Твои каникулы — это радость, а моя мамочка должна была улететь куда-то 16 числа, даже мне не сказала куда, чтоб не сглазить, в Париж, наверное, и вот тебе — аэропорты закрыты. Дети сказали, чтоб я плюнула на все и поехала в Австралию, как только смогу. А как же работа, и диссертацию надо подавать??? Чувство, как после землетрясения тогда в Лос-Анжелесе — но там погибло только 200 человек — правда, за долю секунды. Ну, как Наум?

Целую, Инна.

13.9. Позвонил Барашу. Книжку всё никак не пристроит. Потому что «не вписывается ни в какие ниши». Спросил его про отклики на публикацию в «Зеркале». «Ну, непрофессиональные отклики неинтересны. Вот у меня есть одна знакомая, «интеллигентная», все журналы читает, особенно любит «Иерусалимский журнал» (смешок), вот, говорит: «Беззубова видно, а Бараша не видно» (смешок). За Беззубовым Бараша не видно. (Смеется. Ну да, по комплекции он в два раза шире Беззубова.) Книга Гольдштейна вышла. О «Зеркале» была заметка Гольдштейна в «Экслибрисе», но ее сократили, и «нас», сказал Бараш, там нет. «Знаешь этот анекдот: ворона взгромоздилась с сыром на ветку, а тут лиса — хватъ ее палкой по голове, ворона упала, а когда очухалась, сыра, конечно, нет, и говорит: не фига себе сократили басню!» Поржали. «Мы, понимаешь, — повторил он, — ни в какую нишу не вписываемся». Рассказал историю: «Был такой еврейский советский поэт Бергельсон, он писал на идиш, может и неплохо, но в заметке про него в Советской Энциклопедии я нашел, что он оставил недописанный роман “Александр Бараш”. Представляешь? (Покатился смехом.) О комсомольцах двадцатых годов. Не слабо, да? Остается только оставить после себя концептуальную поэму “Давид Бергельсон”».

В сегодняшних «Окнах» опять Миша Айзенберг, сюсюканье о Мандельштаме. Зайчик все старается, укрепляет связи (не зря же Миша его сравнил с Платоновым). Когда прилетел, позвонил ему, поблагодарил за интервью, я и вправду рад, что угодил старику (Амир звонил, был очень доволен).

— Это вам спасибо, Наум.

— Ну, я что...

— Жду ваших материалов.

— Я с удовольствием... Вот только вчера прилетел, в Италии были...

— Прекрасно, «путевые заметки» мы очень любим.

Почему этот интеллигентский тандем Зиник-Айзенберг так раздражает? Они безнадежно отстали со своей жеманностью. Грядет век ненависти. Я чую это всеми костями, я сам полон ею как пороховая бочка. А почему собственно? Чего мне «не додали»? Славы, наверное. Ин-

теллигушки объясняют ненависть и терроризм бедностью, невежеством, тяжелым детством. Но ненависть — чистый огонь зависти. Каин убил Авеля из зависти. Евреев ненавидят из зависти. И Америку ненавидят, потому что завидуют ей. Я сам ее ненавижу, но не из зависти, а за то, что она мешает нам выплеснуть друг на друга свою ненависть, упиться ею — мы бы залили весь Восток черной, воняющей нефтью кровью арабов! А теперь она от этих арабов получила по морде, как не порадоваться. Какая же она жалкая в своей надменности, в своем сытом и благожелательном высокомерии, и ведь, в сущности, при всей своей мощи, беспомощная.

Может, и моя ненависть от зависти? А что мне не хватает для полного счастья? Ну, хуй хорошо бы побольше. Так, на пару сантиметров. В молодости это бы прибавило мне уверенности. Росту можно еще добавить сантиметров пять. 180 — идеальный рост. Память лучше: цепче на детали, побольше объемом, покрепче. Нервную систему поустойчивей, не такую лабильную. Вот, пожалуй, и все. Талант? Но я не очень-то понимаю, что это такое. Удачное сочетание столь многого...

Гольдштейн все-таки чересчур осторожен. Тарасов назвал его трусом, но это не трусость, это пугливость. Он боится людей, как и я. Но разница в том, что люди боятся меня не меньше, чем я их. Я как бы принимаю этот вызов страха и одеваю броню. А он забивается в щель, и это мешает общению. С Барашем все-таки легче, в нем нет запуганности, и потому он более открыт.

Но все равно все они небожители. Не в смысле посмертной славы, или там известности. А в смысле вполне теперешнем, жизненном, живом — люди текста. А текст — это небо. И я небожитель. И это моя стая. Было время, когда я смотрел со стороны, да, с завистью и тоской, смотрел на их взлетающий бег. А нынче я с ними. Худо-бедно, сбоку припека, но с ними. Я как гадкий утенок, наконец, прибил к «своим».

Чего только в голову не взбредет, «читая Айзенберга». Тут же и заметка-интервью Зайчика об Аркадии Красильщикове. Был бы у Зайчика, у нашего Платонова, хороший литературный учитель, он бы, звезд с неба в любом случае не хватая, хоть всяких ужасов не писал бы вроде: «гармония вашей трудоспособности». А вот как Зайчик пишет «портреты»: «Он выглядит холеным баринном, а на самом деле не такой». Или: «Он плотен и быстр. Выглядит моложе своих 56-ти, но ненамного. Ему можно дать 52, максимум 53». Уж добавил бы: «а на самом деле ему 54». Сборник рассказов Красильщикова Марк «прочитал дважды — хотелось понять механизм способностей автора». А это вообще гениально: «Есть большие удачи у Красильщикова, о которых даже писать здесь неудобно...»

После рассуждений о мемуаристике на полразворота Айзенберг подает свою мемуарную прозу. В пику Барашу, что ли. Культурно написано, грамотно (это не Зайчик-Платонов). Но не очень интересно. Узнаются детали семидесятых, но все идет вскользь, без любви, без ненависти, без поэзии. Постно. Да и ни о чем. О субботниках, о «первом читателе», о том, как его подозревали в стукачестве: мол, не было этого, недоразумение. Было бы гораздо интересней, если бы ты признался, что был стукачом. Я так бы и сделал.

От Л: Все в полной прострации... старший видел всё из окна работы, недолетело самую малость. Потом телефоны не работали... я упала на ровном месте, когда зазвонил телефон, он дозвонился до меня. Младший говорит: палестинцам теперь не видать ничего, как своих ушей, а мы мечтаем атомную бомбочку на Ирак и окрестности... что-то эффективное они должны предпринять, наконец...

Читаю Башевица Зингера: «...мужчина не бывает стариком. У меня был дядя во Влацлавеке. В восемьдесят лет он женился на двадцатилетней девушке, и она родила ему троих детей...» Так что молодая красивая с мужским умом и душой старухи не такое уж невозможное сочетание... давай записки.

15.9. В последних «Окнах» очередной «разворот» Зиника «У себя за границей». Лондонские аристократические манеры. Припомнил, что Печорин «убил Грушницкого исключительно из-за манеры одеваться». Поразителен пассаж об «оскорблении одной из влиятельнейших фигур лондонской интеллигенции», которую Зиник («в баре при крикетном поле») обозвал литературным убийцей за то, что тот не стал печатать его роман! Эта личная нотка довольно забавна. Он даже позволил себе ядовитый выпад против либеральной интеллигенции. Сразу стал революционером, как роман-то не напечатали. Но дальше — больше. Великий романист решил подпустить сексу для оживляжа и загнул какую-то историю про атлетку со штангами, коей он был «загипотизирован»: она давно ему намекала, что пора бы слиться в едином эротическом порыве, но он, видите ли, подумал, что у него «есть жена Нина Петрова и тридцать лет нашей совместной жизни, любви и дружбы. ... С мечтами о новой любви я могу существовать. Но с мыслью о том, что я загубил светлую жизнь человеку, трогательно, наивно и преданно делившему со мной все свои лучшие годы, чтобы в последний момент быть брошенной на произвол судьбы, — этой мысли я вынести не могу». Ну, дает! Жалко, я тогда Нинку не трахнул, когда Зиник уехал. К Вадиму ее приглашал, танцы-обниманцы. Она была ничего, и особо вдохновляла мысль трахнуть жену старшего товарища по перу, но какая-то невесе-

лость ее, погруженность в себя, пассивность делала ситуацию тяжелой, давящей. На остренький литературный адюльтер не смахивало, и я отстал. Да, раздражает это желание публично подлизаться к жене, рассказывая всему миру, как она бедняжка настрадалась ради его творческих успехов.

Кстати, Лена вчера пригласила на ужин — наша традиционная шестерка, и Мирон позвонил моей супруге, напомнил, что у Нади день рождения, и выразил пожелание: поскольку они улетают, как обычно, на недельку в Париж, то хорошо бы ее поздравить на этой встрече, ну хотя бы поднять бокал за здоровье. Жена, конечно, захлопотала, они с Леной скинулись (хотя та и выразила недоумение: почему это она должна устраивать Наде день рождения?), купили подарок. И вот — сюрпрайз! — дамы за столом, красиво и обильно разукрашенным яствами, весело шепечут, преподносят удивленной и обрадованной Наде подарок. И тут Мирон торжественно выходит на авансцену и преподносит подарок уже от себя: дорогие часы. Охи-ахи и всякое такое. Потом мы с Аркадием обсуждали спектакль: он не мог понять назначение главной сцены. Мол, если хочешь подлизаться к жене (ради «мира в семье», поскольку чувство вины царапает), то преподнеси ей эти часы наедине, с жарким поцелуем, ну и так далее, зачем же это делать с такой дешевой помпой? Я говорю: «Так в помпе все дело. Важна демонстрация «любви и уважения», а как оно на самом деле, они и так знают. И потом наедине трудней лицемерить. «О!» — сказал Аркадий на другом конце телефонной линии, и я почти увидел, как он поднял вверх палец.

Конечно, не удержался и позвонил Гольдштейну. Его тоже поразили сексуальные финтифлюшки Зиника: «И ведь главное, придумал все, я не верю, что эта атлетка могла обратить на него внимание». Такой ход его мыслей заставил меня улыбнуться. Тем более что по телефону это не видно. Он и сам почувствовал промах и заговорил о том, что действительно не важно, придумано все, или нет, а важно то, что придумано плохо. Переключая тему, поздравил его с книгой. Он ее еще не видел. «Это дело, — говорю, — надо обмыть». «Даа», — протянул он как-то кисло. «А то прежнюю-то зажилили, зажилили!» И я по-гусарски хохотнул. Он смущенно хрюкнул. «Да... А я вот думаю, что надо возобновить посиделки у Оли...» — «Конечно! А то все по щелям забились». — «Да, да, я, знаете, совсем никого не вижу. Надо почаще видеться. Нас всего-то полтора человека...» Пришлось задуматься: это кого же он пополам резанул...

Он тоже считает, что проза Бараша несравненно лучше прозы Айзенберга. «Да, он /Бараш/ продемонстрировал необычную эмоциональную и личностную конституцию... Можно отметить, пожалуй, только один существенный недостаток...» — «Да?» — я наострил уши. «Он че-

ресчур оглядывается, заботится о том, как он выглядит, у него нет смелости признать свои слабости, это мешает ему раскрыться...» — «Верно, верно, — подтверждаю. — Я говорил ему почти то же самое».

Взял гитару, бренчал, напевая «Выхожу один я на дорогу»... И опять подумал о ненависти. Вот в Лермонтове она была, эта ненависть. Чистый её огонь. От пламени ее и погиб. Как ему хотелось бросить им в лицо железный стих, облитый горечью и злостью...

Странно, что Печорин стал кумиром русской романтической молодежи, ведь типчик довольно злобный и коварный, вовсе не «джентльмен» (Гольдштейн сказал, что Зиник с Айзенбергом строят из себя джентельменов). И убил Грушницкого за наивность. Как и Онегин Ленского. В России не любят наивность, невинность и всякие такие цветочки, а цинизм сходит за мудрость. Мрачный цинизм даже окружен мистическим ореолом.

Гуляли с Озриком. Он принес мне альбом Франца Марка, из компании «голубых всадников», погиб в 16-м на фронте, о нем, кажется, и о Макэ фильм Трюффо «Жюль и Джим». Мощные лошадиные крупы, напор красок. Немецкий экспрессионизм как воплощение национального духа, не худшее из его воплощений. Вспомнили о Портосе и его любви к корпулентным крупам. Накануне гуляли втроем и зашел разговор о Довлатове (была заметка Зайчика в «Окнах»), я сказал, что не совсем понимаю этот «культ Довлатова» среди итеэров. Портоса, который хвалил Довлатова, это задело. Когда-то он старательно читал все «важное» и считает себя ценителем всяких художеств: быть просто хорошим инженером в приличном обществе недостаточно. Заявил, что критерий литературных достоинств — занимательность и популярность, кому теперь нужен Пруст и кто его читает. Заспорив, перешли на личности. Я сказал, что мне популярность не нужна, мне нужна оценка специалистов и тайного друга на другом конце земного шара. Он сказал: да брось ты, мне-то не заливай, я тебя давно знаю, тебе, как и всем, нужны слава и деньги. Я вспылил. Разговор вышел запальчивый и раздраженный, в результате Портос слинял. Озрик стал жаловаться на жену Портоса, которая, де, считает себя красноярской аристократией, как же, сестра великого писателя Ароновича, певца Сибири, и его жену из Балашихи не уважает, а про Портоса поведал, что тот перед отъездом сказал ему, что никакой «отвальной» делать не собирается, а сам устроил вечеринку, пригласив «нужных» людей. А этот Аронович, кстати, «порядочное говно». — «Да? Вроде он симпатичный...» — «А ты знаешь (Озрик разгорячился и выдал все тайны), что он не родной брат Лельки? Отец его был армянин, но он был внебрачный ребенок, и когда Лелькина мать вышла замуж за ее отца, то он ребенка усыновил и записал евреем. А Аронович

всю жизнь считал себя русским писателем, и тяготился своим происхождением, а когда отчим умер, ему стало известно, что его настоящий отец армянин, и он закатил матери дикий скандал!» — «По какому поводу?» — «Ну, что его евреем записали. Мол, какое право имели, загубили ему жизнь и т.д. А сейчас он в еврейской школе преподает, чуть ли не закон божий». — «Ты что, он историю преподает». — «Не важно. Теперь, когда быть евреем даже почетно, так можно и в еврейской школе работать».

Dear Rima and Numa. We hope you both are well now. REMEBER — you are special friends for us!!! Rima, we are very glad to know you cooked in Italian style; we should be very happy if you send us some of your cooking receipts try. We are very troubled too about the terrible facts happened in USA: it was very shocking. We hope now politicians and statesmen in all over the world can really fight terrorism by acting rationally and not making reprisals against innocent people. That's world be very terrible and may be the real thing that terrorist want to happen. Yesterday and today in Italy lots of people in very town broke their work to condemn all terroristic acts and declare their solidarity to USA people. Leaders of main political parties and trade unions made statements against terrorism supporting solving of very conflict with no violence and wars. It will be not easy, but that's what we think too have to be done by international organizations, ...as usual above all. We'll be very glad to hear about you again!!! A big hug to you both. Lot of love

Vittorio e Fiorella

P.S.

Only I wish to tell you we have been wonderful meeting. We met 2 wonderful friends, beautiful out and inside. Sometime life presents fantastic and unexpected gifts!!! and you have a close place in our heart now. We hope to get your friendship for life.

16.9. Утром дозвонился: «Наконец-то. Я так рад слышать твой голос. Ужасно соскучился...» Она, я почувствовал, задохнулась: «Я тебя... обожаю!» Через пятнадцать минут перезвонила: сегодня пораньше освободится. Договорились на час, без четверти.

Глаза ее сияли.

— Я так рада, что ты позвонил!

Поехали в гостиницу. Я был просто счастлив, трудно поверить.

— Как он вкусно туда залазит... Как ты это делаешь... Аа...

Конвульсии объятий, глаза ее испуганно распахиваются:

— Боже, как я люблю тебя!

Лежим рядом. Обнимаем друг друга. Неустанные ласки.

— Как я соскучилась по тебе...

Переворачиваюсь.

— А ты спиной тоже чувствуешь?

- Ага...
- А попой?
- И попой.

Она прижимается ко мне, и я люблю ее всей спиной. И попой. Я люблю ее. И прощаю ей все, даже «приятность» Лермонтова. (Как-то спросил, перечитывает ли она иногда поэтов. «Конечно, некоторые у меня всегда на столике, рядом с кроватью». — «Да? И кто же?» — «Бродский. Сейчас вот Цветаева. Но Бродский мне больше нравится» — «А Лермонтова иногда перечитываешь?» — «Ну конечно. Лермонтов очень приятный».)

Потом она поворачивается ко мне спиной. «Вот так... обними меня... хорошо... а где мой животик, совсем нет животика...

- А я тут тоже кое-что написала (смущенно хмыкает).
- Стихотворение?
- Нет. Так...
- Рассказ?
- Да, вроде этого. Юмористический.
- Дашь почитать?
- Не знаю, все не решусь.
- Почему?
- У тебя слабо с юмором.
- Вот те раз!

— Ну, мои шутки ты, во всяком случае, не воспринимаешь. Считаешь, что такими вещами не шутят. А я как раз такими вещами и люблю пошутить. Я Людке читала, она ржала... А знаешь, как я его назвала? «Честная давалка».

...Едем в плотном и медленном потоке машин. Моя рука у нее между ног. Она заталкивает ее выше, в пропасть мякоти. У мужика из соседней машины вываливаются глаза.

— Ты чего, — смеется она, когда я пытаюсь освободить руку. — Стесняешься?

И хватает меня между ног:

— Я и так могу.

А мою руку держит, не пускает. Боремся и хохочем. У нее хриплый смех. Горло болит. Сегодня в классе потеряла голос.

— Интересно, ведь все делают одно и то же: обнимают, целуют. Но ты это делаешь так приятно...

... — Когда он не стоит, он какой-то жалкий...

— Отдыхает, что ты от него хочешь.

— Нет, но он как так завалился набок...

... — Поехать некуда, жара, кругом террористы. Давай на китайскую выставку поедем? Я специально тебя ждала, не ходила, ты не был?

— Был. Мы с женой перед отъездом ходили. Но я с удовольствием еще раз посмотрю.

Звонил Володе. Болеет. Грипп, хандра. «Зеркало» только «посмотрел». Бараш ему не понравился. Про мои «Записки» сказал, что только начал читать и ему показалось, что это хуже, чем книга, и, может быть, я зря это опубликовал.

17.9. Вдруг позвонил Володя.

— Знаешь что, я вчера подумал, что высказал тебе оценку, прочитав три страницы, а я это ужасно, блядь, не люблю. И я сел и прочитал всю вещь. Она тебе удалась. Там есть и тоскующая по любви душа, и мотив кладбища, и связь неразрывная Израиль-Россия, и события, конечно. И там, где ты разворачиваешься, даешь длинные фразы, там у тебя получается, интересно читать, а там где «рубишь», где телеграф, там думаешь: еп твою мать, ну скучно же, ну пошел-купил-позвонил. В конце это еще оправдано, когда дело идет к концу, то и текст как-то сворачивается. И даже в самом начале. Но ты слишком затянул начало...

— Ну что ж, я рад твоей оценке. Я уж махнул рукой...

— Это, конечно, ни какой-нибудь шедевр, но. Хорошо читается, причем мне кажется, что ее интересно будет читать именно в Совке. Я даже советую издать ее отдельной книжкой.

— Да? Я подумаю. Ну вот, подарок мне к Новому году.

— Ничего не поделаешь, вынужден тебя обрадовать.

Я засмеялся и увидел, как он на том конце линии почти улыбнулся.

18.9. Праздник в семейном кругу — всегда тяжелое испытание. При-сутствие тестя и тещи за столом абсолютно парализует. Тесть всегда приходит на час раньше, садится за стол и идиотически молчит, дожидаясь вкуснятины, которая достается ему два раза в год, на Рош Ашана и на Песах, потом, когда уже все пришли и расселись, невпопад провозглашает тосты, а теща громогласно царит над родом, осаживая ораторские поэмы супруга. Любит поговорить о политике и неизменно, когда поднимаются тосты за здоровье, добавляет упрямым и агрессивным тоном: «и чтобы не было войны», после чего следуют исторические экскурсы о том, как их поколение настрадалось.

После положенных тостов с закусоном и групповых фотографий (теща и здесь ведет борьбу за место: «я хочу с внуками», «а меня видно?», «и этот туда же» — реплика в сторону мужа, «посмотрите на него, красавец!») я уползаю в свою конуру, смотреть телевизор. Вчера посмотрел «Хаверим шель Яна» («Яна и ее друзья»), фильм, нахватавший все возможные израильские премии за последний год. Оказался не так уж страшен. Его «вытягивает» особая сексуальность главной героини, такая «сексуальность беззащитности», неизменно привлекательная для слабых мужчин, старательно надувающих грудь, а таких мужчин большинство (в Израиле они «надуваются» особенно гротескно).

Получил вдруг письмо от немецкого издателя Томаса Вейдлинга, ужасно обрадовался: может, что-то решил с книгой, но вместо этого: «The Petition» против политики Буша (готовит новую войну, «пострадают невинные»), с призывом подписать и отправить дальше. Да пошел ты.

19.9. От Л: а кто такие Витторио и Фирелла? Закинул ли удочку об издании книги на иврите у Амира? Как продвигается диалог с Гешарим? Ответил ли тебе немецкий издатель по линии Кононова?

Ответ Л: Витторио и Фирелла — итальянский след. Мы никак не могли въехать в Бергамо, вернее, в Читто Альфа (Верхний Город), где сняли гостиницу. Было воскресенье, единственный въезд через средневековую арку оказался наглухо забит очередью машин, нам с трудом удалось прорваться, доказав, что наверху ждет гостиница, но и наверху наши мучения не кончились: узкие, кривые улочки, несоответствие карте, везде знак «нет проезда» (это потом уже мы поняли, что итальянцы знаки игнорируют), и толпы, толпы, вязкой рекой в рукавах улиц. Жена пристала к кому-то: как проехать. Пара, наших лет, долго и безуспешно пыталась объяснить. Наконец, смотрю, садятся в машину — показать, как ехать. Любезно. Но и с ними мы долго кружили, маневрировали, в конце концов приехали (держа постоянную связь по мобильному с гостиницей). В порыве благодарности пригласили их в ресторанчик. Чуток посмущались, но согласились. А гостиница называется «Золотой телец» (Agnello D'Oro), пятиэтажная и узкая как башня, на небольшой площади с фонтаном. Подняли чемоданы, комнатка-мансарда, да ладно, лишь бы голову преклонить, вышли, они нас ждали, и пошли гулять по городу (в ресторан было еще рано). Поднялись в Кастелло, на крепостную башню, колорит бурых, блекло-красных и блекло-серых башен и крыш на закате. Гуляли вдоль крепостных стен (пушки времен Гарибальди, памятник альпийским стрелкам), по дороге болтали, фотографировались. Они учителя, познакомились в университете в Болонье. Он учитель музыки в средней школе, а она — биологии. Обычное учительское ворчанье на нынешнее поколение: учиться не хотят, примитивы, никакой дисциплины, в голове телевизор и поп-музыка. Он любит Пазолини, считает его одним из духовных столпов современности, оказывается, сам в молодости был коммунистом, да, членом партии. Еще он любит русскую оперу, Мусоргского и вообще Россию. Признаюсь, что мы из России. Русские?! Полные штаны восторга. Даже то, что из Израиля, не сильно смутило, только он честно предупредил, что израильскую политику по отношению к палестинцам не одобряет, а потом уже, гораздо позже, все пытался понять, как это мы из России, такой чудесной страны, уехали. Зашли в знакомую нашим провожатым trattoria, жена потребовала «специфически местного». Специфическое оказалось жирным (окорок в сыре),

но пришлось умять, проголодались. Да и вино не так чтобы очень. Витторио здесь знали. Официант, похожий на хитрого русского мужичка, прослышав, что «русские», защеголял словечками «щи», «пирожки», «пока», а у меня, говорит, жена с Украины, Света Удовиченко, при этом он с театральным страхом обернулся. Ужин прошел как с друзьями, причем официант от стола не отлипал. Выяснилось, что Света Удовиченко его слегка надула, оказалась с ребенком, да еще и бабушку выписала, заставила поставить «тарелку», теперь ему приходится смотреть русское телевидение. Но зато она оказалась очень «бизнесвумен». При этом он все время как-то неопределенно-иронически, одними уголками губ, улыбался. Когда пришло время расплаты, Витторио пришлось еще раз преодолеть некоторое смущение от того, что гость платит, но когда я стал «отстегивать» словоохотливому официанту на чай, причем у меня в кармане были только мелкие деньги (бумажки по тысяче лир, полдоллара), и я стал метать их на стол одну за другой, не совсем понимая где надо остановиться, пока, наконец, официант засмутился и исчез, а Витторио бросился объяснять мне, что здесь так не принято, ну кинул пару бумажек и будя, а я думаю: ну что такое пару бумажек, каждая два шекеля, это ж не деньги. Все-таки они (Витторио, Фирелла и жена) уговорили меня половину набросанной кучи забрать. Утверждали даже, что иначе он (официант) обидится.

А на следующий вечер они пригласили нас к себе. Готовит Фирелла потрясающе (она из Римини, из простой семьи, я покорила ее, упомянув Малатесту, волка Романьи), всякие морские «дела»: кальмары, устрицы, креветки, рачки, во всех видах и сочетаниях, с белым вином. Квартира вполне современная, большая и просторная (4 комнаты), высоченные потолки, на стенах постеры с Климтом, как у нас, книги со знакомыми именами: Свево, Моравия, Буцатти, Умберто Эко, он удивляется, откуда я «все знаю», тут его ждало еще одно открытие: оказывается я еще и писатель! Восторгу нет предела, он спешит поделиться с Фиреллой, но та уже в курсе: жена сболтнула новой наперснице, мы интеллигентно беседуем о книгах, он показывает свой компьютер (тут же посылает мне адрес), у него четыре (!) гитары, да, когда-то он даже пел, но сейчас... Потом, наконец, заходит разговор (он завел) о политике, об арабо-израильских отношениях (только что сообщили об очередном теракте). Он настроен пропалестински (но ведь «вы» же их выгнали, нет, он террора не одобряет, но...) и приветствует иммиграцию мусульман («вот у нас во дворе поселился албанец, такой вежливый»). Я ему сдуру начал мозги вправлять насчет вторжения варваров: они вежливые, пока их мало, а когда будет много, они вам собор Святого Петра сожгут, или мечеть из него сделают. А он говорит, что ему все равно, он в Бога не верует... Поставил пластинку с оперой «Борис Годунов» и, должен признаться, впервые так хорошо пошла увертюра... Потом, наконец, сели за стол, хорошо поели, выпили, Витторио (по прось-

бе публики, особенно я старался, подготавливая для него последнее «открытие») достал гитару и стал петь какие-то итальянские песни, весьма невразумительные, как мне показалось, что-то типа «кантри», с Фиреллой дуэтом, у нее абсолютный слух и голосок ничего. Ну а потом и я, с прибаутками типа «давно не брал я в руки шашек», решил «сбачать». Выдал им пару русских романсов. Это был форсаж, Витторио чуть не прослезился, изливался в любви к «русским песням», в общем, вечер получился эпохальный. На обратном пути он ехал впереди, показывая дорогу, я долго промучился со стоянкой, вставив машину в невероятную щель, да еще у обрыва, и удостоился комплимента от Фиреллы: «Ю а гуд драйвер».

Ночью капал фонтан внизу, не спалось, а утром — пасмурно, мелкий дождь, улицы совершенно пусты, и вдруг ударил колокол, и я радостно распахнул окно на башни и колокольни, вдохнул сколько смог холодный и влажный ветер. После завтрака дождик стих, пустой Бергамо оказался уютно тесен и неожиданно, не без шика красив. Старая площадь с венецианскими прибамбуками, огромный собор Мария де Маджоре, пустой, сумрачный, в гигантских гобеленах, в полустертых фресках «школы Джотто»... Поймал себя на мысли о том, что надо делать «фреску». Когда все решает сочетание больших цветковых пятен и жесты фигур, фигуры, как жесты...

Ну, а про инкрустации Лотто и капеллу Колеоне я уже писал тебе...

20.9. Поехали с Р в Иерусалим, на китайскую выставку. Она, как обычно, погрузила мою руку в нежную мякоть между ног, совсем близко к заветному, сжала и уже не выпускала. Рассказывала всякие истории, как к ней в класс (10-й) пришла известный сексолог (по телеку выступает, чудная старушенция) и предложила на обсуждение ситуацию: девочка приглашает мальчика домой, они выпивают вино, танцуют, раздеваются, и тут девочка вдруг, испугавшись, отказывается продолжать. «Ты не представляешь себе, как все мальчишки буквально озверели, все стали кричать, осуждать ее, эта сексолог не могла их успокоить. Они были похожи на голодных псов, которым показали мясо, но не дали пожрать». Потом она опять вернулась к исходной точке своей биографии, в ту комнату, где она лишилась девственности со своим двоюродным дядей, к той вечной своей загадке: мать намеренно свела их, или по недомыслию. Ей трудно было представить себе, что мать проявила недомыслие в этом вопросе, и столь же трудно было понять, почему она сделала это намеренно. Даже если считала, что подобный опыт полезен созревшей девочке, но все-таки не в двенадцать лет... Назвала это событие «совращение малолетней».

Выставка ей понравилась. Давно не видел ее такой сосредоточенной и радостно возбужденной. А мне вдруг опять стало не по себе, вдруг чую сердце, как оно бьется... Вышли и сели на каменную скамью под

большой оливой. Дул прохладный ветерок. Все-таки в Иерусалиме в конце сентября уже можно жить... Сердце успокоилось. Но не до конца. Не пойму что это: аритмия?

Люди шли мимо, а мы обнимались, целовались и признавались друг другу в любви...

21.9. От Л: Старший приезжал, рассказывал, как после первого взрыва их эвакуировали, а потом он взял такси и поехал туда, тогда еще пускали, и, как он вышел из такси, и как раз здание обрушилось, и все это «облако» двинулось на него, и он убежал и... после этого я пошла гулять с собакой, подвернулась щиколотка, и я упала...

Жанна с благодарностью вернула «Записки Мальте Лауридаса Бригге». Жена тоже взялась. «Как?» — спрашиваю. «Рильке выпендривается». «Выпендривается» — любимый литературный приговор.

22.9. От Л: Вчера президент «обратился к нации». Сегодня продолжают старательно облизывать и обсасывать то, с чем он обратился. А он оказался молодцом, почти все слова правильно произнес... Какие-то нынче «страшные дни»¹ страшноватые. Спасибо за записки.

Ответ Л: Да, душные и тревожные, как перед грозой.

В субботнем номере «Хаарец» опять про меня заметка. Все та же Рут Альмог пишет об альманахе «Бат шнот альпаим»². Привожу весь текст:

«Перед нами интересный опыт представить мозаику различных культур существующих в Израиле через создаваемую здесь литературу. По прочтении у меня возникло тягостное чувство, что я, в сущности, прочитала истории беженцев, даже когда речь идет о литературе, написанной израильскими арабами. Рассказ, открывающий антологию, «Волшебное путешествие» Рида Бэйтса, родившегося в Шфараме³ и проживающего теперь во Франции, особенно потрясает и определенным образом окрашивает весь сборник тяжелым чувством беспочвенности и отчуждения. Таким же образом потрясает рассказ, завершающий сборник, «Клятва верности» писателя из Эфиопии Асафо Барао. С большим интересом прочитала «Дневник правого» Наума Ваймана, уроженца Москвы, который описывает интересные ситуации, но вместе с тем подчеркивает такие анахронистские, смешные и не относящиеся к нашей жизни ценности, как героизм и честь. Так ли уж велика разница между ними и мировосприятием какого-нибудь шахида? По-моему это чудовищно».

Неплохо, да, насчет героизма и чести?! Вот они, левые, во всей красе!

¹ «Страшные дни» — десять дней между Новым годом и Днем Искупления (Йом Кипур).

² «Дочь двухтысячелетняя» (ивр.).

³ Израильский арабский городок.

Дорогой Иван!

Не сочтите за назойливость, но любопытство мое, полагаю, понятно: до сих пор не нашел на сайте «Свободы» нашего с Вами разговора. Может его и не было? То бишь передачи о нем? Так сказать «остался между нами»? Поверьте, что претензий у меня нет, но хотелось бы знать.

Всегда Ваш

Наум

Дорогой Наум!

Прочел Ваше смешное предположение. Нет, передача была, но ее машинистки еще не отпечатали для интернета. Поинтересуюсь.

С другой стороны, появление ее текста в сети может ли быть доказательством ее бытия в эфире? Мучительный вопрос для недоверчивого сознания.

Кланяйтесь Вашей милой жене.

Иван

Дорогой Иван!

Будте снисходительны к шуткам «недоверчивого создания» (или, как у Вас — «сознания»), все-таки в каждой шутке есть и доля шутки.

Дело еще в том, что я тут после нескольких публикаций отрывков из «Ханаанских хроник» на иврите, которые сопровождались благожелательными заметками в центральных газетах и радиопередачей, вознамерился издать книгу на иврите, для чего собираю свои «достижения», дабы предъявить их весьма «недоверчивому сознанию» израильского издателя, для которого распечатанный текст передачи мог бы послужить свидетельством ее если и не «эфирной», то по крайней мере не эфемерной жизни.

Кстати, в одной из заметок сказано, что автор пишет интересно, но зачем-то подчеркивает «такие анахронистские, смешные и не относящиеся к нашей жизни ценности, как героизм и честь. Так ли уж велика разница между ними и мировосприятием какого-нибудь шахида? Помоему это чудовищно». Как вам это нравится? Мне неудобно спрашивать, прочитали ли Вы книгу, потому что в таком вопросе уже содержится некое «побуждение», но интерес к Вашему мнению перевешивает «тактические соображения» (от слова такт), и вот, вопрос уже в эфире, вернее в Паутине...

Однако вооружусь терпением. Надо полагать, что рано или поздно машинистки все-таки завершат свой труд.

Всегда Ваш

Наум

23.9. От Л: Героизм и честь — анахронизм, а как же... Когда будет передача на радио?

А у меня тоже вчера сердце трепетало....

Как Юваль?

Ответ Л: Насчет передачи пока молчат. Юваль служит в Тель-Авиве, ему резко снизили профиль, ждет очереди на операцию (привычный вывих плеча).

А как оно у тебя трепещет? И что при этом делаешь?

24.9. От Л: Сегодня ездили в горы, к младшему на кампус, малость полегчало. Люблю горы...

А когда сердце трепещет, такая тяжесть, и руки делаются холоднее, что для меня уже плохой признак. Что делаю? Принимаю полтаблеточки.

Ответ Л: Полтаблеточки чего?

Я был у «семейного» врача, ничего не сказал: анализ крови в норме, хольтер нормальный (я и не чувствовал ничего, когда его носил) — иди, гуляй. И все же — что-то не то. Тяжесть, да, тяжесть... И от того, что происходит вокруг, тоже. Такое нехорошее, тошнотворное чувство конца. Ощущение, что мир накренился и теперь покатится, ускоряясь, в пропасть. А мы и так на краю...

Тут еще обидел Юваля — наорал по глупому поводу (бытовуха) и ужасное чувство вины, и сил нет сказать «прости».

Позвонил Ювалю. Оставил «сообщение». «Ты не обижайся на меня, что я на тебя наорал... я иногда срываюсь... это как болезнь... не по злобе... в общем, не обижайся... и... прости меня... Ну, давай, будь здоров».

Матвей, привет!

Если ты уже купил книгу Гольдштейна, то можешь послать ее мне в последнюю очередь. Дело в том, что возможен вариант, что он мне «преподнесет» экземпляр, тогда купленный тобой сможешь оставить себе, если, конечно, захочешь.

События пока разворачиваются по худшему сценарию. Кажется, Арафат нас окончательно переиграл. Вот признаки его победы: неделю назад еще под свежим впечатлением нью-йоркских ужасов французский министр иностранных дел заявил, что надо различать террор и борьбу за свободу, независимость и всякое такое, однозначно имелось в виду палестинское национально-освободительное движение. На него тут окрысились, и он даже стал оправдываться, что его не так поняли, потому что он говорил не на родном языке (а на английском). Но вчера тоже самое повторил уже английский министр иностранных дел. Завтра это скажут и американцы. Палестинцам строят образ «борцов за свободу», а нам — угнетателей. Арафат, зная, что загнал нас в угол, может позволить себе, объявив «прекращение огня», постреливать в израильтян в свое удовольствие, зная, что Переса с Шароном приведут к нему как быков на заклание. Американцы собираются нанести удар по Афганистану, для шухеры, а потом главный — по Ираку. Сменить режимы в Аф-

ганистане и Ираке. А на Израиль будут давить, чтобы кто, не дай Бог, не подумал, что они против Ислама. Но наша готовность пойти, под давлением американцев, на уступки Арафату, чтобы хоть временно утихомирить «палестинский фронт», не поможет, потому что Арафат, прекрасно понимая, как поднялись сегодня его ставки (сегодня не он просится к барину-Бушу в дом, а уже Буш умоляет его «помириться с Израилем», теперь Арафат главный привратник у ворот «арабского мира», до которого Буш пытается достучаться), и он будет все время поднимать планку требований, вплоть до невозможной высоты. Все равно им терять нечего. Разбомбив Нью-Йорк, они пошли ва-банк. В расчете (как и Гитлер в свое время), что Запад на войну не решится, ему легче откупиться.

Смотрел дискуссию российских богословов в программе «Цивилизация». Богословы подчеркивали, как на Руси-матушке мирно уживаются все конфессии. Рыжий раввин Лазар особенно старался на ломанном русском языке, призывая брать с России пример.

Всегда твой
Наум

Сегодня встречаемся в два. Хочу и не хочу этого. Боюсь? Нет мне покоя. «Коитус как наказание за радость общения» (Кафка).

Каков наш «гений места»? У нас нет своего места. Место, где мы живем, — зона обстрела. И духи этих мест не с нами. Мы прячемся в гордах, в бетонных коморках, в гостиницах.

«Не спешите за порог, там дорога не для ног» (Плотин, в моем вольном переводе).

25.9.2001. Утренняя прогулка в парке. На углу улицы писает одноногий инвалид. Его выкатывают на коляске прямо на проезжую часть и оставляют там, заставляя машины совершать виртуозные маневры объезда. Он всегда делает зарядку: машет руками, поднимает одну ногу. При этом считает высоким бабьим голосом: «Раз! Два! Три!» После зарядки он встает на ногу и, не опираясь на коляску, как цапля, писает на тротуар. Никакого внимания на прохожих, спешащих на работу, на проезжающие машины. Женщины отводят взгляд. Около восьми за ним приезжает грузовичок, пожилой крепкий водитель вкатывает коляску внутрь, где уже галдят инвалиды, его отвозят в детский сад для старичков, а к вечеру привозят обратно.

Каждое утро, гуляя в парке, я звоню ей. Обычно в пол-восьмого. Муж уходит на работу раньше. Вчера позвонил как обычно, а она смеется: «Ты знаешь, сколько времени?» «Полвосьмого», — недоумеваю. «Полседьмого! Ты забыл часы передвинуть! Муж только-только захлопнул дверь...» «Черт!» — злюсь на свою рассеянность. «Да ладно, — смеется. — Я бы сказала: “Ирочка, это ты?” Мне часто звонят рано».

Вечером, когда возвращались, у нее зазвонил мобильный. «Вот черт, забыла выключить». Потом затикал сигнал о сообщении. «Надо посмотреть». С трудом читала вслух в темноте машины: «Обязательно позвони перед тем, как приедешь домой, это срочно. Это от Элки. Можно я позвоню?» — «Конечно, звони». — «Алё. Нет, я не дома. Поняла. Поняла. Ты умная женщина. Пока. Представляешь? (Это уже ко мне) Ну какое она право имеет!» — «А что такое?» — «Говорит, что звонила мне домой, говорила с мужем. Так не вздумай сказать мужу, что была у меня. Ну, как тебе это нравится? Как она смеет?» — «Близкая подруга? Может, ты уже на нее ссылалась в подобных случаях?» — «У меня нет близких подруг. И уж во всяком случае, я на них не ссылаюсь. Один раз меня подвела подруга, я тебе рассказывала, да рассказывала, ты не помнишь. Это меня на всю жизнь научило».

В номере сумрачно. На душе спокойно. И мы никуда не спешим. Я хочу ее. Мне нравится «делать с ней любовь». Когда я погружаюсь, чувствую, как все там дрожит и бежит мне навстречу, будто вдоль него бегут и лопаются маленькие пузырьки...

— Откуда ты так точно знаешь, что надо сделать? Откуда ты все это знаешь? А ты всем женщинам так хорошо делаешь? И другие женщины тебя тоже за это любят? ... Вы оба мне очень нравитесь! Оба! И ты, и он... вы такие ловкие ухажеры...

— Такие руки... ты можешь работать обнимателем. За одно обнимание — пять шекелей, за второе — десять, а за третье...

— Ты приятный! Почему ты такой приятный? Ты мужчина, приятный во всех отношениях.

Вдруг обнимает меня со всей силы, а сила в ней тигриная, глаза таращит и удивленная улыбка:

— Я не верю, не верю, что со мной это случилось еще раз!

— Я тут недавно посмотрел русский фильм «Зависть богов», там одна женщина лет сорока пяти, влюбляется во француза, и такая сексуальная сцена в грузовике, он с нее долго снимает трусики, она там вскрикивает и стонет, а потом так удивленно откидывает голову и говорит: «Что это было?»

— Да? (Смеется?) Что это было? Хрен французский!

— Ну да. Говорят, что русские мужики на этот фильм обиделись.

— А ты знаешь басню про слона и лисицу? Да знаешь, ей уже сто лет. Нет, я стесняюсь... Нет, ха-ха-ха! Как слон лисицу хотел трахнуть, а она боялась? Знаешь, что потом с лисой стало, когда ее слон трахнул? Она сначала засмеялась, а потом лопнула.

Теперь мы встречаемся поздно (в два часа), и я предупреждаю, что мне надо к пяти вернуться. К пяти не получается, но хоть к шести, к полседьмого. И на второй круг я уже не решаюсь. Рад, что первый прошел без эксцессов. Но перед тем, как уходить, она села на меня («Я не буду тебя насиловать, не бойся») и таки раскрутила по новой. Сначала шеве-

лилась, ерзала, пытаюсь поймать убегающего зверька в норку, потом села рядом и игралась с ним, ртом и пальцами. Пока я не перехватил инициативу. И тут зазвонил мой мобильный. Отвечать не стал, но настрой был сорван. А она смотрела на него, как он клонится и съезживается. «Интересно, как он с каждым звонком заваливается, как раненый... Бедный мой...»

— А ты знаешь, ты изменился. В тебе сейчас нет этой нерешительности. Вначале была какая-то суетливость. Она меня даже немножко раздражала. А сейчас... Ты стал спокойней.

Когда гуляли с Гошей и Аллой по Монтеизоле и уже спускались с горы, зашел разговор о ситуации в России, жена рассказала про подружку, которая была недавно в Москве и отметила положительные изменения, а я рассказал про Портоса и его восхищение Москвой, в общем, похоже, говорю, что Россия выбирается из дерьма. Гоша сказал, что он не верит. Россия, мол, всегда будет отсталой. «Почему?» — удивился я суровости приговора. «Потому что русские такие, их суть заключена в четверостишии, которое я когда-то слышал и запомнил: мы не сеем и не пашем, мы валяем дурака, с колокольни хуем машем, разгоняем облака».

Амир позвонил из Эйлата (на Йом Кипур «весь Израиль» сбегает в Эйлат), спросил, видел ли я заметку в Хаарец. Посмеялись насчет «анакронизма героизма и чести».

Дорогой Наум!

Получил газету с моим материалом¹, спасибо большое. Прочитал текст, который уже забыл, посмотрел на фотографии со стороны, так сказать, отделенные от меня газетной полиграфией. Даже как бы вздрогнул, посчитав года.

А также прочитал твои воспоминания в Зеркале. Есть там непосредственное ощущение тех дней. Самое забавное, что у меня от тех дней было совершенно противоположное ощущение от тебя — спокойный, уверенный на фоне нас, дерганных и напряженных. Даже как бы «аналитичный» — не еврей, а израильтянин, офицер запаса, произносящий «Я думаю, что ваши аналитики из КГБ просчитали, что...», без нашего привычного напряжения на слове КГБ, а бестрепетно, как коллега о коллегах. Ну и так далее. А поди ж ты, сколько оказывается было трепетности и напряжения внутри.

А вообще, конечно, это уже история. Если будешь где-то еще печатать этот текст, сделай сноску про героическую костырку — никаким сотником он не был, торчал под Домом как и все. Это Мотя тогда от волнения что-то напутал.

¹ О событиях августа 91-го в Москве.

Очень надеюсь, что происходящее сейчас политики смогут употребить правильно (не все же им лажаться). Очень не хочется, чтобы Иерусалим стал мусульманским городом.

Если будет время и желание, черкни пару слов о том, как сейчас вы там. Обозначились ли какие перспективы в отношениях с палестинцами? Я видел, как тряслись от ужаса губы у Арафата в первый день, когда башни упали.

Мы живем по-прежнему. Пытаюсь работать. Сервер мой «Журнальный зал» какое-то время был закрыт, сейчас возобновляю ресурс на новом месте в Русском Журнале. Новый дизайн уже сделали, надеюсь, в начале октября заработаем в прежнем режиме.

Сергей

Сережа, дорогой, очень рад был твоему письму, и что газета тебе понравилась. А на самом деле то письмо твое оказалось, на расстоянии десяти лет, важным свидетельством, очень живым и непосредственным, я уж не говорю о фотографиях. И твоей реакцией на мои «Записки эмиссара» я был очень тронут, потому что вот такая «обратная связь» кажется мне самым интересным в литературе. Это и «по жизни» интересно, но я имею в виду именно литературу. Это взгляд на одно и то же событие (да еще какое, историческое!) с разных сторон, из разных «щелей»... А то, что «героя» из меня не вышло, то меня это уже, слава Богу, не беспокоит, я пережил сей юношеский страх¹... Гораздо важней для меня, как это посмотрится в смысле литературного качества.

Мне бы тоже не хотелось, чтобы Иерусалим стал мусульманским городом. Но ситуация довольно хреновая. Удар по Нью-Йорку был дерзким и расчетливым вызовом, расчетливым не только тактически, но и стратегически. Он, по сути, поставил Америку в наше положение. Террор вообще ставит атакованную сторону перед выбором: «мочить всех», как сказал Миша Леонтьев по ОРТ (в самом деле, пойди, вылови-вытащи «террориста» из-за спин женщин и детей), или договариваться, то есть уступать, признавая поражение. И тебя постепенно нарежут тонкими ломтиками. Мы этого испытания не выдержали, пошли на «компромисс», и нас теперь пытаются дожать. Расчет на то, что Америка тоже решит, что «замочить всех» (а это весь Ислам) она не сможет, а значит, с капиталистическим прагматизмом (если не можешь уничтожить конкурента, вступай с ним в долю) будет искать компромисса. Бомбежки Афганистана (или еще кого-то) только разозлят исламистов и начнется террористическая заваруха. В конце концов, Америка упрется в этот страшный выбор и выберет «компромисс». А у нее попросят, за временное «замирение», какую-нибудь жертву, и ты уже догадался, что такой (уже привычной) жертвой может быть только Израиль. Повторя-

¹ Автоцитата из стихотворения «Служу тебе гороховым шутом...» (<https://stihi.ru/2017/11/25/5304>)

ется «иракский вариант» (уже десятилетней давности), когда Америка бомбила Ирак, а Ирак — Израиль. А мы «сидели тихо», потому что это было в «наших интересах»...

Но всякий компромисс — это поражение. Америку просто опустили. Так или иначе, она уже не мировая держава. А если она сдаст Израиль, она это признает. И тут начнется дележка (свято место пусто не бывает). Сценарий, конечно, мрачный, но веселых я что-то не вижу. Вот и получается, что «героизм» шахидов побеждает державы.

Тут была заметка в нашей центральной газете «Хаарец» (газета для интеллигенции) известной писательницы и критикессы, посвященная альманаху «Дщерь двухтысячлетия» (имеется в виду Израиль), в котором есть и отрывки из моей книги. Привожу фрагмент заметки, весьма характерный:

«...С большим интересом прочитала «Дневник правого» Наума Ваймана, уроженца Москвы, который описывает интересные ситуации, но вместе с тем подчеркивает такие анахронистские, смешные и не относящиеся к нашей жизни ценности, как героизм и честь. Так ли уж велика разница между таким взглядом на жизнь и мировосприятием какого-нибудь шахида? По-моему это чудовищно».

А губы у Арафата всегда трясутся, и вовсе не от ужаса, у этого пидора то ли Паркинсон, то ли еще какая гадость. Перед камерами сдавал намедни свою вонючую кровь для американцев. Одной рукой кровь пускал, а из другой — сдавал.

Всегда твой
Наум

26.9.

Матвей — Науму
Наум, привет!

Гольдштейна я все же не купил: совсем нет денег на «необязательное», хотя, конечно, любопытно было бы прочесть.

Что касается противостояния «свободного мира» исламскому фундаментализму, я бы уточнил тут понятие фундаментализма, оно обычно сфальсифицировано. Фундаментализм — это не просто «возвращение к основам», а неадекватная реакция на актуальный вызов истории. Реагируя на вызов, фундаменталист впадает в истерику и строит систему, противоположную той, которая, оказавшись на высоте, тем самым бросила вызов ему. Соответственно, собственная духовная традиция в фундаментализме искажается до неузнаваемости: из нее берутся только те элементы, которые могут, при соответствующей интерпретации, противостоять «враждебному вызову». Поэтому суть не в том шархаться в другой фундаментализм, скажем, христианский, а обретение собственной идентичности. Вступить в нормальный диалог могут не «фундаментализм с фундаментализмом», а идентичность с идентичностью (а фундаментализм — это обезьяна собственного врага, то есть проти-

воположность идентичности). В этом смысле Израилю фундаментализм вообще не грозит (опасность подстерегает его совсем с другой стороны — со стороны «либеральной» мягкотелости), а радикальному исламу еще очень далеко до обретения собственной идентичности, так что диалог откладывается до лучших времен.

Буду рад, если ты напишешь о последних событиях и прогнозах: уж больно горячее времечко.

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Насчет Гольдштейна ты, кажется, не понял. Я предложил купить (для меня), но пока не высылать (заодно и полистать по случаю), потому что он, может быть, подарит мне экземпляр, тогда ты сможешь взять купленную книжку себе, как «презент». Но он может и не подарить (или процесс дарения может затянуться), и тогда ты вышлешь мне и его. То есть мой «презент», как видишь, весьма условный (посему и беру в кавычки).

Даррелл (несмотря на всеобщее восхищение) мне не очень нравится (читаю уже второй том и мнение не меняется). Сколотил, конечно, эффектно, но эффекты все «литературные», попросту говоря, дешевые, легко узнаваемые, так узнаешь убийцу на первых же страницах плохого детектива. Вот Костырко (посплетничаю) написал мне, что прочитал мой текст в «Зеркале» (а ты не отозвался!) и был поражен, насколько он видел меня (в 91-м) иначе, видел «героем» (он даже произвел меня в «израильские офицеры»), а я оказался таким... «трепетным». Я, честно говоря, люблю эту «обратную связь» текста с жизнью...

Сегодня вечером «Йом Кипур», День Всепрощения (покаяния, искупления и т.п.). Господь в этот день просматривает Книгу Жизни и «подписывает» приговоры, поэтому все желают друг другу «гмар хатимá товá», то есть хорошей «подписи».... С вечера и на весь следующий день страна останавливается: полстраны в синагогах, вымаливают «хорошую подпись», транспорт не работает, даже на машинах никто не ездит, улицы запружены народом, дети стаями носятся по улицам на велосипедах, роликах, самокатах. Веет мистикой. Вот, всего несколько десятков шахидов-мистиков перевернули рациональный мир и опрокинули его во тьму иррациональности. Вчера была дискуссия по нашему ТВ, интеллектуалы, в том числе и религиозные, пытались объяснить «что это было». Сошлись на том, что это борьба не христианства (и иудаизма) с исламом (и не «сынов света» против «сынов тьмы»), а рационального мировоззрения с иррациональным, то есть как-то ближе к твоей трактовке.

Сегодня Перес должен встретиться с Арафатом. Американцы требуют перемирия на этом участке фронта. А что у вас говорят?

Наум

Наум, привет!

Я действительно не отозвался на отрывок из «Зеркала» (думал от-молчаться). Признаюсь, он мне не слишком понравился. Хотя это не что иное, как ошметки от Текста (отрывок ничем стилистически от него не отличается), вне объемного контекста они смотрятся намного хуже, чем в книге. Не очень понимаю, в чем тут дело; возможно, читательские ожидания по привычке «нагружают» объемный текст каким-то минимумом «архетипичности», а на небольшом пространстве эти механизмы сработать не успевают. Но это еще полбеды. Существует, видимо, какой-то «интенциональный баланс»: если энергия читательского восприятия не направляется на «архетипическое строительство», то она не «испаряется», а сосредоточивается на «этическом» (в противовес «нормальному», эстетическому). Поэтому текст прочитывается (отчасти даже мной, что уж тут говорить об «обычном читателе»; с Костырккой я тоже делился впечатлениями) как «история из жизни» — история о том, как некий реальный человек, оказавшись волею судеб вовлеченным в «исторические события», повел себя, мягко говоря, неадекватно; мелко, что ли. Грубо говоря, он так испугался (хотя ему по большому счету ничего не грозило), что потерял способность не только «занять позицию», но даже отстраненно наблюдать. На это накладывается «неблагородная» роль автора во взаимоотношениях с женщинами. Получается некий сюжет с саморазоблачением. «Еврейский человек на randеву». Надеюсь, ты понимаешь, что я всех этих квази-моральных суждений не разделяю. Даже думаю, что героизм, проявленный евреями («адмиралами Нахимсонами») в разных «битвах за Россию», был несусветной глупостью, если не преступлением, и эти люди поступили бы моральнее, если бы спрятались или откупились от службы (я уже не говорю о «комиссарстве» евреев-пассионариев, к нему у старухи-истории счет особый). Но для того, чтобы история (теперь уже не старуха) прочитывалась в проблемном, а не в «жизненном» контексте, нужен как минимум этот проблемный контекст (нужно иметь хотя бы кролика, чтобы приготовить рагу из зайца). В Тексте такой контекст есть, а в отрывке его нет. Не уверен что непосредственное «воздействие на жизнь» — это то, чем следует гордиться прозаику. Конечно, художественный текст «воздействует», но не прямо, а опосредованно (аналогия с «прямым» и «косвенным» спасением). Он «формирует личность», как ни глупо это звучит (но, как ты знаешь, я вкладываю в это понятие терминологический смысл: личности просто не было до текста, а был индивид с «недоснятой индивидуацией»), а не «влияет на события». На события влияют такие «тексты», как бюджет, контракт, указ, договор, декларация, коммюнике. Никакой художественный текст по определению не может сравниться по силе воздействия с «произведениями этих жанров». Я понимаю, что ты ищешь (да и находишь) какие-то «промежуточные формы», но поскольку в них «ущемлен» архетипический аспект, они, по-видимому, должны более целенаправленно выстраиваться в расчете на «конечный эф-

фект», раз уж это не катартика, которая возникает (если возникает) как бы «сама собой». То есть нужен каркас вспомогательного «проблемного пространства». Надеюсь, ты понимаешь, что я пишу нелицеприятно не из вредности, а именно потому, что жду от тебя «новых свершений».

Всегда твой

Матвей

P.S. Насчет Гольдштейна понял. В ближайшее время постараюсь купить эту книжку и прочесть.

Позвонила Ира Гробман, не хочу ли я выступить на «РЭКе»¹. Дело хорошее. А как насчет поехать в Иерусалим на Суккот, в «шатер Шарона»? Пожалуйста. «А нас можешь взять?» — «Запросто». Потом позвонила Соня Таль. Передача в субботу, в три. «А о чем разговор?» — интересуюсь. «Пока не знаю, там посмотрим». — «По поводу книги? Вы ее читали?» — «А у вас и книга есть? Тов ладаат². Прочту обязательно» — «То есть? А кто я есть без книги?» Похоже, что это Ирка ее навела: радиопередача за подвоз в «шатер Шарона»...

27.9. Продолжаю мучительно размышлять над «охлаждением» жены: это оттого, что у нее кто-то есть, или это просто угасание? Отсутствие игривости с ее стороны крайне раздражает. Превратилась в домохозяйку, влюбленную в финтифлюшки: все время закупает горшки с цветами на окна, какие-то лампы, абажурчики, крантики, все время наводит порядок, обожает готовить. Хотя, если хорошо поработать, а иногда это удается, то она «загорается», как будто вспоминает, и тогда открывается в тайном месте липкий ручеек...

Подруга жены рассказывает: муж, де, замучил, таскает ее за собой то на экскурсию, то в театр, а тут они сходили в Габиму, на спектакль по какой-то французской пьесе, были одни бабы, спектакль об оргазме, бесконечные рассуждения о том, как и когда выделяется слизь, и всякое такое, а потом героиня говорит: давайте называть вещи своими именами, это место удобней всего называть «кус»³, давайте вместе, громко скажем «кус!», и все актеры кричат: «Кус!», «а теперь все зрители, сначала женщины, хором!», и все кричат: «Кус!», потом мужчины, я думала, со стыда сгорю, хорошо еще, что он на детей билеты не взял, он обычно на хороший спектакль берет на всех, я бы не знала куда деваться... ну правда, они уже совсем с ума посходили.., а на другой день потащил в Иерусалим, на китайскую выставку, смотреть нечего, потом в экскурсию, называется «четыре поэтессы»: Рахель, Леа Гольдберг, еще кто-то, ну это еще ничего, гуляли по Иерусалиму, стихи читали, а когда домой пришли, я взяла книжку, эти же стихи прочитать — ничего не поняла...

¹ Радиостанция для репатриантов.

² Полезно узнать (*ивр*).

³ Пи*да (*ивр*).

Из «Бальтасара»:

«...когда ложишься в постель с кем-то менее чем ты, искушенным, испытываешь восхитительное возбуждение, происходящее от осознания себя совратителем, ты ведь тянешь их вниз и окунаешь в ту грязь, из которой произрастают все страсти — вместе со стихами и теологическими концепциями».

Революция в европейском искусстве в конце 19 века (начиная с импрессионизма) была направлена против рационализма. Авангард — это на самом деле новая мистика. И неслучайно он опирался на мистическую (тотемную) скульптуру Африки и Океании, на мистическую живопись Дальнего Востока и европейского средневековья. Или только имитация мистики, игра в мистику?

По русским каналам гоняют старые фильмы. Снова посмотрел «Срок первый». «Синеглазенький ты мой...» Фильм о том, что когда происходят тектонические сдвиги и расходятся материки «своих» и «чужих», любовь — хрупкий мостик между ними — не выдерживает нагрузки...

Интересно, что и тогда женщины «работали» снайперами. Что-то в ихней породе есть убийственно хладнокровное...

29.9. Иван Толстой позвонил из Праги. Говорит, перед входом БТР поставили. Просил, чтобы я ему надиктовал стихотворение, которое читал на интервью: наконец, взялся распечатать. Не машинистки, оказывается, виноваты. Полчаса диктовал ему, а потом подумал, зачем это все, я ж мог ему по емеле отправить, странно. Судя по всему, он человек не слишком организованный, и Вайль тогда не зря на него злился.

30.9. Весь день плохо себя чувствовал. Опять сердцебиение. Злюсь от беспомощности. Чувствую, что надо поехать в больницу, выяснить, в конце концов, что происходит, но страх перед больницей... Просил жену позвонить подруге, которая работает в «Шахал», они по телефону электрокардиограммы делают, так и не позвонила. Каждый умирает в одиночку, как я любил пошутить с учениками, любителями списывать.

Позвонил Р, сказал, что побег в деревню на Суккот¹, да еще на целый день, не получится. И вообще, неизвестно, удастся ли повидаться. «Я тебе позвоню. А ты уезжаешь на Суккот?» — «Не знаю еще... Ты же сказал, что не хочешь, чтобы я уехала... Вот если бы ты сказал “Не езжай!”». Разозлился. «Слушай, это какие-то детские разговоры. Езжай — не езжай. Это твое дело. Давай. Целую тебя крепко. Я позвоню». — «Не болей». — «Ладно».

Вот так. Нахуя нам без хуя, когда и с хуем дохуя. На том мир стоит.

¹ Праздник Кущей, начинается после Йом Кипур.

Соня Таль издалека показалась красивой. Она и была когда-то красивой. Но, к сожалению, ровесница. Голос проникновенный, настоящий «радиоголос». Только переживает с интимным тоном. Дома все сидели, слушали, даже сыновья возбудились, были очень довольны отцовской «славой».

Потом пошли вшестером, Илюша был с Дафной, в «Джакометти», отмечать мамин день рождения. Кафе было почти пустым.

Яша Шехтер прислал какое-то «упоминание Бен Ладана в Каббале».

Жена позвонила: «У меня тоже сердцебиение. Я не могу, когда ты на меня злишься. Ну что я могу поделать, у каждого свои проблемы, мне действительно легче что-то у незнакомых людей попросить, чем у знакомых. Мне, чтоб Симе позвонить, надо буквально переступить через себя...» Жалко ее стало. Нет в ней внутренней силы. Выносливость есть, а силы нет.

Позвонила Р

— А у меня «Тёма» не завелся... Пришлось на такси в школу ехать... Вот, пожаловалась тебе... И знаешь, ты мне звони. А если закрыт мобильный, то оставь сообщение, как ты себя чувствуешь и вообще, я волнуюсь... Хорошо?

— Ладно. Спасибо.

— Ну вот, «спасибо»! Пожалуйста!

— Хорошо (смеюсь). Я рад, что ты позвонила.

— А ты знал, что я позвоню?

— Надеялся.

— Надеялся или знал?

— Нет, не знал.

— Ладно, я уже в класс вхожу... целую тебя.

— Я тебя тоже.

Позвонил Гробману. Миша поднял трубку. Радиопередачу одобрил.

— Нормально, нормально получилось. Хорошо.

— Ну, отлично, я рад, что нормально получилось.

— Хорошо, хорошо. Одно только...

— Что?

— Ну, догадайся.

— «Так сказать?»

— Вот именно. «Так сказать», «так сказать». Русский писатель, блять. Сразу видно, что человек не владеет русской речью. Следить, следить надо за собой. Не, а так нормально.

Спросил, что делать с оставшейся распечаткой публикации, посоветовал забрать, пригодится.

Потом Ира позвонила, тоже сказала, что понравилось. Попросила «идиота» из текста о Солженицыне убрать. «Знаешь, все-таки не стоит так...» Согласился.

Рассказала, что Тарасов прислал им стихотворение «Хлеб и гранат» («Он тебе не говорил?» — «Нет»), стихотворение ничего, но потребовал ультимативно, чтобы оно открывало номер. «Представляешь?!» — возмущалась. Уговаривал ее не обращать внимания, ну любит Тарасов выкозюливать да наскакивать, потом для него это шаг к примирению, а кто ж любит просить прощения, в общем, главное чтобы текст был хороший.

Надеюсь, возьмут. Это я ему посоветовал что-то послать им, и вообще помириться, он ругался последними словами, типа «никогда нога моя...», но я чувствовал, что внимает.

Позвонила Анат, завтра будет передача по Галей Цахал¹.

К часу поехал к кардиологу. Тот сделал экг, ничего не нашел. Ладно.

Позвонил Р, надиктовал на автоответчик, что завтра передача по Галей Цахал. В полпятого позвонила. «Я только что вошла, совещание, слава богу, отменили... Так что врач сказал? Ты не болей, ладно?» И посыпались звуки поцелуев...

От Л: А ты доволен передачей на «Свободе»? Может, заодно напешь на пленочку...

А какие русские фильмы стоит посмотреть, я очень отстала, совсем не ориентируюсь. Какие фильмы Сокурова?

Ответ: Передача на троечку с плюсом. Но гробманим были довольны и хвалили. И дома все слушали, почти фурор. Завтра будет передача по Галей Цахал, постараюсь записать.

Чтобы напеть, надо бы мне микрофон хороший купить...

А ты видела фильм «Брат2»?

1.10. Вчера по ОРТ показывали английский фильм «Зулусы». Английская рота защищает переправу от тучи зулусов, где-то в конце 19 столетия. Об английской доблести. В Израиле создать такой фильм о воинской доблести, да еще против аборигенов, — вещь невозможная: милитаризм, национализм! По израильскому ТВ в то же самое время Давид Гроссман долдонил про «кибуш²», ужасался тому, какие мы «захватчики». Он уже все изложил и остановился, но ведущая Геула Эвен все еще замороженно, как на пифию, глядела на него, и он пустился по второму кругу объяснять, как «кибуш» нас деморализует...

¹ «Армейские волны» (*ивр.*), популярная армейская радиостанция.

² Оккупацию.

Американцы нашли у одного из участников самолетной атаки «инструкцию для шахида»:

Последняя ночь.

Поклянись умереть и повтори клятву.

Удостоверься, что ты хорошо помнишь план действий.

Прочти Аль-Таува и Аль-Анафаль¹, обдумай их смысл и запомни все то, что Господь обещал шахидам.

Молись всю ночь и неустанно проси Аллаха наградить тебя победой над собой и самообладанием, молись, чтобы облегчил задачу и не раскрыл ее раньше времени.

Все время помни об Аллахе, самый лучший путь к этому, как учат мудрецы, читать Коран...

Ощути полный покой, ибо время между тобой и твоей невестой (Рай) уже не разделяет вас. Начинается счастливая жизнь, в которой Аллах будет доволен тобой, жизнь вечного блаженства в кругу пророков, святых и шахидов...

Проверь оружие, прежде чем выйдешь в путь (хорошо наточи нож, чтобы не мучить жертву во время заклания).

Проверь одежду свою (дабы не нарушить обычай всегда покрывать гениталии), ибо это путь всех святых после Пророка. Они всегда проверяли одежду перед боем. Завяжи хорошо сандалии, надень носки, чтобы ноги твои хорошо сидели в сандалиях.

Произнеси утреннюю молитву с другими и думай о том, чего ты удостоишься в результате этой молитвы. Не покидай дома своего, пока не освятишь его, ангелы будут просить за тебя, если ты чист.

(Человек на подвиг собрался, а ему: прикрой гениталии. Нет, кодекс самурая как-то «чище»: без помощи Аллаха, гениталий и девственниц на том свете.)

Когда такси возьмет тебя в аэропорт, не забывай об Аллахе все время, пока ты в машине. Когда выйдешь из машины в аэропорту, сотвори «молитву места» и в каждом месте, куда пойдешь, твори «молитву места», улыбайся и будь спокоен, потому что Бог всегда рядом с истинно верующим. И ангелы защищают тебя, даже когда ты этого не чувствуешь...

Пусть никто не заметит, что ты произносишь «Нет Бога кроме Аллаха...»

Не выгляди растерянным или нервным. Будь радостен, оптимистичен, спокоен, потому что ты на пути исполнения воли Бога, который своего добьется... Пусть для тебя это будет днем, который ты проведешь среди женщин рая.

¹ Главы из Корана, первая посвящена возвращающимся в лоно истинной веры, а вторая посвящена войне.

Улыбайся, несмотря на мучения, юноша, ведь ты идешь в Рай. Ты должен творить молитву везде, куда бы ни пошел, и всегда, что бы ты ни делал. А Бог всегда на стороне своих верных слуг, он защищает их и облегчает им путь, дарит им успех, власть, победу и все...

Когда начнется борьба, бейтесь как воины, стремящиеся расстаться с этим миром. Восклищайте: «Аллах велик!» (Алла ахбар!) потому что это вызывает страх в сердцах неверных.

Знай, что прекрасные сады Рая ожидают тебя, и женщины Рая ждут и зовут тебя: «Иди, великий, друг Бога». Они оденутся в свои самые прекрасные одежды. Если прикажет Господь, выбирая, кому из вас зарезать жертву, посвятите эту жертву отцам вашим. Если убиваешь, старайся сделать это так, чтобы жертва не мучалась, потому что так повелел Пророк наш.

Исполни веление Пророка о пленных: убей их. По словам Аллаха: «Да не будут пророки брать в плен, пока земля не насытится кровью». Когда наступит час, прими смерть ради Аллаха с сердцем, не знающим сомнений. Всегда помни Аллаха. Умирай с молитвой, секунды перед поражением цели или с последними словами: «Нет Бога кроме Аллаха и Махаммад пророк его».

После этого все встретимся в Раю, если Господь захочет.

Передача по «Галей Цахал» шла целый час, все участники читали свои тексты, а я читаю плохо, так что дали поболтать без чтения, минут десять. В конце передачи Арик Айнштейн¹ спел «Дон Кишот, атá яхóл лануах. Еш кол как арбей таханóт руах...» (Отдохни, дон Кихот, ветряных мельниц невпроворот...) Иронизируют, блин, над героями. А «Дон Кишот» учил: «Не наше дело считать, наше дело сражаться»...

2.10. От Л: «Брат 2» видела. Мне там одна фраза понравилась: «А в Америке все просто, кроме денег...» Что-нибудь еще посоветуй.

А микрофон купи и напой, и пошли уже все эфиры.

Ответ Л: Возьми Пазолини «Цветок 1001 ночи».

3.10. Утром позвонил Р. Ей «Квартет» нравится.

— Ну да, они не живые люди, картинки, он так и пишет, карты таро, он их просто тасует, красиво. И еще мне понравилось, как он описывает арабские праздники, и Александрию, все эти запахи, краски, мне так хочется вернуться в Каир, в Александрию...

Зашел к Гробманам. Миша прочитал политинформацию: мол, всё это нам на пользу, теперь арабов в Америке ненавидят, американцы поняли, что главный враг — арабы, начался необратимый процесс, евро-

¹ Популярнейший израильский бард.

пейцы еще не понимают, а американцы поняли, но и в Европе уже раздаются голоса, и Гайдер не случайное явление, и Берлускони, вот Дези, великий французский писатель, уже сказал, что ислам — религия тупиц, да, постепенно произойдет фашизация Европы. У нас? У нас давно розовый фашизм. Я ему: Европа и Америка на фашизм не пойдут, они не пойдут на тотальную борьбу с исламом, им легче нас сдать, да-да, в покое их не оставят, но они-то надеются, что оставят, а когда они еще раз получат по голове, тогда снова будут думать. Нет, говорит, следующий раз им уже врежут биологическим оружием, умрут миллионы, нация не может... Да нет никакой нации, есть трясущиеся за свою шкуру буржуа, как и у нас, они ничуть не лучше нас, вот нас отстреливают, и всем насрать... Да нет, говорит, просто мы не великая держава, у нас руки связаны... Ну и так далее. Прочитал три новых стихотворения. Его стихи вдруг понравились. Есть в них накал ядовитого ерничества, на такую позу уже не найдешь смельчаков. И вообще, Гробман стал мне даже нравиться. Есть в нем естественная наглость, которой у меня никогда не было. В наши хилые времена сойдет за раскрепощенность и дерзость: наглость и ёрничество — штандарты эпохи. А я робкое существо. И эту врожденную робость рабскую мне из себя не выдавить... Передачу по Галей Цахал Гробманы ругали. Но самое главное: в ивритский вариант «Зеркала» мои тексты не взяли (мечь). «Ты же уже напечатал это». Предложил им напечатать «московский дневник». Готов перевести за свой счет. Ира сказала, что подумает.

От Л: А ты доволен передачей на Галей Цахал?

В русских фильмотеках «1001 ночи» нет. Посмотри на твоей кассете, есть ли название по-английски, пожалуйста, и, если есть, напиши. А какие ты помнишь хорошие русские фильмы?

Ответ Л: Посмотри «Про уродов и людей», тоже Балабанова.

А интервью мне очень не понравилось. Во-первых, никакого интервью не было, всё шло впережку с тремя другими авторами, никакого «конфликта», все причёсано...

Еще недавно мне казалось, что могу любую молодку трахнуть, стоит только захотеть, и эта возможность ощущалась как молодость, и я был не прочь намекнуть всем этим стареющим красоткам, что, мол, ваше время вышло, вы на спуске, а я еще в силе. А теперь, когда и я на спуске, то вдруг добрый стал, всех жалко, со всеми хочется дружить, как бы самого не выкинули за ненадобностью.

4.10. У жены пассивный подход к сексу, она не берет, а отдается. Хотя, может это только со мной? Или теперь? Пока я тружусь как пчелка над цветком, она — руки за голову, отдыхает.

Subject: Goldstein

Наум, привет!

Отчитываюсь о проделанной работе в связи с заданием: прочитать Гольдштейна. Честно говоря, я прочитал его примерно на две трети, но картина в целом ясна. Книгу я дочитаю, но в ближайшие дни времени на это не будет, поэтому высылаю «предварительный отчет».

Сначала кажется, что это подражание какому-нибудь Игорю Померанцеву: гурман, дегустатор, причем всеядный — в том смысле, что «жизнь», своя и чужая, дегустируется точно так же, как и тексты, желательно затейливые, маргинальные, экзотичные. Не знаешь, какую сетку раскинуть, чтобы у(из)ловить, в какую «систему координат» поместить. Вот, скажем: писатель/критик (то есть не вполне удавшийся писатель и, соответственно, критик или, наоборот, удавшийся как раз благодаря своему недо-, полу-). Но нет; если мысленно «экстраполировать» чистого писателя (вычесть из общего гурманства литературное), то все равно получится недо- и полу-, потому же, почему и критик, при противоположной экстраполяции, получится такой же. Выходит, не полу-писатель/полу-критик, а полу-полу-писатель/полу-полу-критик — и без надежды, «что станет полным, наконец». Почему? Потому что маргиналии — это для отвода глаз (может быть, и собственных, внутренних «глаз души»). На самом деле за вялым, хотя и искренним влечением к маргиналиям просвечивает еще не совсем угасший огонь теургии (прости за выражение). Маргиналии и экстремумы обнаруживают внутреннее родство: они «дружат против» некоего мейнстрима. Экстремум лихорадочно стремится разом «докопаться до истока» и стремглав «добраться до устья», маргинальность меланхолично созерцает завихрения, водовороты, заливы, поймы — но и те, и другие стараются держаться подальше от мейнстрима. Мне сперва показалось, что во второй книге произошло-таки то, что было только заявлено, продекламировано в первой — расставание с Нарциссом¹; ан нет! произошло лишь смещение от экстремальности к маргинальности, но маргинал — это уставший экстремист, а не «законопослушный гражданин». Конечно, кому охота быть законопослушным? Это пошло, обыденно, «непрестижно», но беда в том, что в пароксизме отвращения бунтарь теряет способность понимать, против чего он, собственно, бунтует. Пусть закон «несправедлив», но в чем он состоит, как формулируется? Если вернуться к нашей метафоре, возможна ли «гидродинамика мейнстрима»? Этот вопрос не исследуется, даже не предполагается.

Маргинальность наводняет книгу, ее так много, что не то что высикивать, цитировать, а даже подчеркивать, педалировать ее как-то глупо: что это за «анализ», если он ломится в открытую дверь? Все же проци-

¹ Александр Гольдштейн, «Расставание с Нарциссом», Москва, Новое литературное обозрение, 1997.

тирую «декларацию маргинализма»: *Смешно прозвучит, но скажу: великие, то есть прославленные, состоявшиеся художники и писатели интересны все реже, да и вообще почти совсем не интересны. /.../ Лишь с частотными литературными разночинцами третьего, задвинутого во тьму непризнания ряда и забулдыжными передвижниками с затерянных полок плацкартных вагонов беды я на равных сегодня могу и хочу разговаривать.* Любопытно наблюдать за тем, как маргинальность плавно переходит в экстремизм; как ни обуздывает себя автор (как ни обуздывает автора его собственная усталость), экстремизм то «дает о себе знать» (например, в призыве к поэтам «идти в народ», третий маяковский ‘Приказ по армии искусств’: *долг поэзии — высунуться в человеческий мир из своих фиалковенчаных Афин и позаботиться о ней /девочке-фабричной-работнице/, с экземой на руках и обваренными ногами*), то «проклевывается» (например, в апологии фотографии, которая рекомендуется как *жизнеспособная, предельная выделенность из всего, что обладает отмеренной эпохой присутствия и подвержено трансформациям во времени*), а то и прорывается чуть ли не надсадным криком — особенно в эссе «Две чумы», наиболее интересном (для меня, по крайней мере) с теоретической точки зрения. Сравниваются две чумы — Антонена Арто и Альбера Камю. Здесь и произносится, хотя и с экивоками, и с этикетными извинениями, «знаковое», «ключевое» слово — ‘теургия’. Опять цитирую: *Неоднократно искусство проходило через смерть, без коей немислимо второе рождение, и всякий раз в пронизательных умах возникала все та же идея спасения. Искусству следует быть претворяющим, чудотворным, или его не будет совсем. Вспомним и страшное, до упора старомодное и непристойное слово — теургия. Роль искусства, если внимательно вчитаться в Арто, состоит в том, чтобы неметафорически изменять природу вещей... это и есть теургия, общение с богами, жреческое служение... регулярное священнодействие с практическими результатами обрядов.* Тут-то, «на самом дне», и проявляется со всей наглядностью непродуманность (и даже, по сути, «непоставленность») вопроса «о законе мейнстрима». Во-первых, не различаются магия и жречество. «Жреческое служение» помянуто всуе: теургия — вовсе не «регулярное священнодействие». Регулярное священнодействие всегда преимущественно жреческое, а значит, заинтересованное не в «практических /то есть внешних/ результатах обрядов», а во внутренней трансформации душевного в духовное. Теургия же всегда «последняя», потому что она — супермагия. Ей же предшествует магия, о ней, собственно, и ведется речь. Цитирую: *А эпоху отсутствия /Г. предлагает искусству «на время избавить мир от себя»/ стоило бы использовать для обучения утраченной власти и магии /подчеркнуто мной/. Поскольку магия направлена на внешние предметы, вполне логичны и рецепты: Раскрывая внутреннюю структуру предметов, искусство добывается*

освобождения их от тяжести тварного мира и перевода в райское состояние. Характерно, что процесс мыслится дискретно: отдельные предметы «освящаются» как какая-нибудь субмарина, опрыскиваемая святой водой каким-нибудь попом. При этом они освящаются «в жизни». Цитирую: *Такой рай может явиться всюду, в любой точке пространства, на котором искусство разворачивает свои операции по переводу материки в значение. Уже затем очищенные от тяжести предметы (т.е. предметы и вправду освобожденные и тотально пронизываемые светом, а не просто переброшенные в разряд «знаковых систем»), начинают излучать исцеление.* По моему разумению, это крайне наивные, и к тому же внутренне противоречивые суждения. Эстетический «Рай» является не «в любой точке пространства»: это определенным образом организованное, «рампированное» пространство. Магический же подход естественным образом размывает Рампу, «атомизирует» и «приватизирует» ее (что требовалось доказать). Суждение противоречиво, потому что переброс в «знаковые системы» предполагает «рамповость», пусть редуцированную. Характерно и то, как Г. видит «последовательность операций» (*уже затем очищенные от тяжести предметы*): сначала предметы «освящаются», затем они начинают «излучать исцеление». На самом же деле никакого эстетического смысла в «освящении предметов» нет (если ты не поп); они обретают эстетическое значение только в структуре «зарамповой мистерии» как «вспомогательные средства» для обеспечения «субъекта вчувствования», которое предшествует снятию индивидуации. В этом смысле и апология фотографии, в противовес динамическим структурам («Кино, телевидение, прочие фиксации не дают такого эффекта»), выглядит совершенно беспочвенной. Если кино и «фиксация», то не «предмета», а динамического архетипа. В конечном итоге все эти квази-магические закідоны имеют целью оправдание собственного гурманства; не хочется прослыть «бесчеловечным», но не понимаю, зачем это дегустаторство «девочке с обваренными ногами». Последствия таких теургических игр обрисованы вполне убедительно: «зонами их вероятного разворачивания» являются реальные революции и «чумные эпидемии». (Цитирую: *Управляемый с режиссерского пульта спектакль революции подошел бы Арто; Арто устроила бы всамделишная, несимволическая чумная трагедия, мигом избавившая бы его от конвенциональных постановочных хлопот: чего ради обзаводиться театром, коль скоро в подруги к тебе набивается настоящее бешенство?») Конечно, Г. не настолько безумен, чтобы безоговорочно присоединяться к подобным провокациям. Он делает вид, что стоит «над схваткой между двумя чумами». Характеризуя (по-своему, конечно) гораздо более скромные притязания Камю, Г. замечает, что у него «нет и намек на фиесту Арто, нет праздника, нет театра. В другое искусство он /Камю/ уже не верил, в иное восстание — тоже. Его повзрослевшая философия,*

его неаллегорический ответ на манифесты Арто. Не знаю, кто из них прав». Это замечание 1) теоретически несостоятельно и 2) лицемерно. Его несостоятельность в том, что он ставит читателя перед ложной дилеммой: либо теургия (Арто), либо «бескрылость» (Камю). На самом деле теургии противостоит жречество, истинно действенная сотериологическая стратегия. Г. же его (т.е. мейнстрима) в упор не видит; он предлагает выбирать между «беспольностью» и «прямой действенностью». Цитирую: *скажут, что искусство — не война, не религия, не сектантское братство, не что угодно другое. В таком случае ему придется стать войной, религией, братством сектантов, если, конечно, искусство снова хочет соприкоснуться с тканями мира.* Боже нас упаси от таких шаловливых провокаций. Лицемерность замечания в том, что на самом деле, как это видно уже из предыдущей цитаты, Г. целиком на стороне Арто (т.е. магии, безрамповости, теургии и прочих бяк). Вот что говорит Г. уже от себя, не ссылаясь на Арто. *Ничего этого /теургического измерения/ сегодня нет и в помине, а раз так, то искусство могло бы на время избавить мир от себя, не дожидаясь, пока его расформируют как трусовиший полк. А эпоху отсутствия стоило бы использовать для обучения утраченной власти и магии.* Г. в конце статьи валяет дурака, придушивается, что не знает, что выбрать. Цитирую: *Завершение требует выбора, эпидемия бывает одна. Вот уже пробило восемь, значит, и полночь прошла. Сам я с этим не справлюсь. Хорошо бы, пришли ученые, принесли с собой метод.* Это Г. так шутит. В его представлении тель-авивские философы все «увечные», а филологи «водопроводные». *Они идут, несут метод. Надеюсь, они не дойдут, надеюсь, чума уничтожит их по дороге* (с. 192). Между тем, метод ему бы как раз не помешал; не знаю, смогли бы ему помочь тель-авивские философы или нет, но сам он действительно «не справится», это уж точно, кроме шуток.

Вообще там, где Г. выходит на теоретические темы, он исправно дает петуха. Цитирую (эссе «Русский диалог»): *Изученная философам диалогическая структура романов Достоевского предполагает, что герои исповедуют и горячечно практикуют совершенное растворение в понимании; высшая, катарсическая точка этой веры и действия — конечно, скандал, чей итог есть просветление как торжество понимающей близости». Честно признаюсь, этот пассаж вызвал у меня чувство искреннего возмущения. Хотя «философ» не назван (Г. в этом отношении вроде меня: обожает ребусы и викторины; в книге десятки описательных перифрастических отсылок без указания имен; в некоторых случаях я так и не догадался, о ком речь), имеется в виду, разумеется, Бахтин. Я еще не встречал случая, чтобы на столь малом текстуальном пространстве так радикально и насыщенно переврали самую суть его идей. Бахтин всю жизнь боролся с каким-бы то ни было «растворением» и ради этого отверг снятие индивидуации. В связи с этим он отказался и от катарсиса, против-*

поставив катартике катастрофу. Он так и писал: «В катастрофе нет никаких элементов катарсиса». В этом он следовал за Вяч. Ивановым. Так перевернуть мысль Бахтина — это все равно что сделать четыре ошибки в слове из трех букв. Я считаю такое «выступление» просто позорным. Разумеется, я заметил его, потому что хорошо знаю Бахтина. С большинством же тех «маргиналий», о которых толкует Г., я знаком только понаслышке. Но приведенный пассаж заставляет меня предположить, что и там он врет как сивый мерин, и специалисты легко это засекут.

Я не оцениваю книгу как таковую. Она хорошо написана: изощренно, изобретательно, изысканно. Но мне в последнее время (чем дальше, тем больше) вообще непонятно, зачем нужен жанр, в котором работает Г. Возможно (да и почти наверняка) эта книга жемчужина в навозной куче «литературно-критической эссеистики», но это их цеховые дела; знаю, например, что Костырко читал эту книгу с интересом. Для меня само существование такого рода писаний проблематично — это что-то вроде курьеза, любопытного, но все же курьеза.

Далее. Выпишу расистский пассаж, который должен быть мил твоему (да, признаюсь, и моему) сердцу. Цитирую: *Вывод понятен: всем оставаться на своих местах. Румынам — в Румынии, филиппинцам — на Филиппинах /.../ Пусть едут куда им заблагорассудится, пусть где угодно строят курятники, жрут стариков и выносят собачьи горшки — лишь бы избавили нас от себя. Их присутствие — род злокачественной опухоли. Смешение рас, кое-как допустимое в больших государствах, несет Израилю гибель в дополнение к той, что традиционно и неотменимо грозит ему с берегов Иордана, из аравийских пустынь, из каждого дюйма начертанной нам географии. Еврейский характер страны, кажущийся за ее пределами аксиомой, изнутри предстает едва ли уже доказуемой теоремой.*

И еще интересный (в особенности для тебя) момент. В книге есть эссе под названием «Там, где нет времени, нет и пространства». Если не ошибаюсь, это отчасти тот же текст, который я когда-то читал в качестве рецензии на твой Текст. Но, что любопытно, из эссе, напечатанного в книге, вытравлено все, что касается Ваймана; оставлен только «пейзаж и жанр». Не знаю, как шел «творческий процесс». Возможно, текст «о пространстве и времени» у Г. был заготовлен заранее, и он только «припилил» к нему Ваймана, а потом его так же непринужденно «отпилил», посчитав сопряжение романа со своими метафорами «компрометирующим» для одной из сторон. А может быть, наоборот: текст родился в связи с романом, но потом «фон» показался интереснее «повода». Может быть, я вообще что-то перепутал (текста рецензии у меня нет под рукой), но вряд ли. Может быть, Вайман фигурирует в конце, в непрочитанной части книги, но это тоже вряд ли. Если ты считаешь, что я задание выполнил, то отдай распоряжение насчет книги: высылать ее тебе (тогда накопится «критический вес») или нет.

Слышал последние заявления Шарона о прекращении всяких контактов с палестинцами и порадовался (хотя повод печальный). Как ты оцениваешь ситуацию? Кончиться все может плохо, но все же катаклизмы дают Израилю шанс. Как-то он им воспользуется?

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Тебе следует официальная благодарность за выполнение «задания». Книгу пока оставь у себя, я просигналю, высылать ее или нет. Если удосужишься прочитать до конца (это необязательно, потому что принцип действительно ясен, а «сюжет» вряд ли содержит в себе какие-то тайны, хотя по привычке, от которой и сам стараюсь избавиться, тянет «дочитать до конца», то ли «долг», то ли надежда, которая умирает только с последней точкой в книге), поставь в известность, нашел ли в конце какой неожиданный поворот.

Я думаю, что ты усмотрел главное: автор «гурман, дегустатор, причем всеядный — в том смысле, что «жизнь», своя и чужая, дегустируется точно так же, как и тексты, желательно затейливые, маргинальные, экзотичные». Если добавить к этому, что книга «хорошо написана: изощренно, изобретательно, изысканно», то надо полагать, что она ему удалась и он, в смысле литературного признания, сделал шаг вперед (а ведь так легко после первого, почти феерического успеха, оступиться и даже пасть).

Твои разоблачения его «теоретической несостоятельности» кажутся мне не относящимися к делу. Он не теоретик, таковым себя не считает, позволяет себе произносить священные слова (типа теургии и катарсиса) всуе и «судить» его за это бессмысленно. Все его теоретизирования носят декоративный характер, в лучшем случае в них содержится какая-то информация для того большинства, что училось понемногу чему-нибудь и как-нибудь. Тут как тут, конечно, и маленькое тщеславие: мол, и на теоретическом уровне мы «не лаптем щи хлебаем». И что еще интересно: хоть он, конечно же, расчетлив, но при этом открыто высказывает «правые» взгляды, иной раз даже brutальные, хотя прекрасно знает, что в мире, особенно в Израиле, левые на коне, во всяком случае в сфере культуры. Но он делает ставку на «правизну», полагая, что время «левых» прошло (в частных разговорах, да где-то и письменно, сейчас лень искать, он высказывался в том смысле, что «левизна» теряет притягательность, и будущее за «правыми»). И неслучайно ты иногда цитируешь разные его «социально-политические» фрагменты, милые твоему сердцу.

Что касается «интересного для меня момента»: исчезновении моего имени из рецензии, написанной на мою книгу, то, полагаю, что поскольку текст рецензии, со всеми его завитушками, показался ему интересным, жалко выкидывать, он его приспособил, а имя выкинул. По вполне

понятным причинам все той же расчетливости: рекламировать в своей книге писателя-современника это неуместно выпячивать его значение, да еще и влияние. Как Гробман говорил: тут себя-то не успеваешь рекламировать. Тем более что моя книжка, конечно же, оказала на него влияние: мы с ним находимся на одном пяточке «пространства-времени» и даже интенсивно (относительно, конечно) общаемся, так что взаимовлияние тут неизбежно, как и определенный вид соперничества. Но скажу тебе честно: я не в обиде. Не таково уж это «влияние» (по силе и по характеру) что обязывает его (из соображений «порядочности») указывать источник. Тем более, как ты заметил, он даже на авторитетные источники не ссылается, он с ними «работает» особым образом, не цитируя, а как бы перерабатывая, и затем включает в свой текст, своего рода палимпсест. Его право. Да все мы абсорбируем идеи, и если требовать указаний на источники, то изложение мысли превратится в указатель источников.

И еще: если уж нет смысла критиковать его за «теоретическую несостоятельность» (поскольку он не теоретик), то и «нехудожественность» книге не предъявишь, ведь это сборник эссе на темы культурки, вот и получается, что если он и пытается задеть читателя за живое, то прямыми высказываниями (тебя больше задели эстетические, меня — политические), но при этом не берет на себя за никакой ответственности, мол, эссе, и всякое художество. Это такое своеобразное просветительство, научно-популярное культуроведение, и в популярности, как мы видим, сомневаться не приходится — успех налицо. Правда, добавим: оно хоть и «научно-популярное», но для особо продвинутых. Возможно, оно тем самым удовлетворяет тщеславию этих «особо продвинутых» (мол, во какие мы продвинутые, какие изыски знаем и понимаем), а они и делают погоду на рынке. Мне, например, читать было интересно и познавательно, даже ловил себя на гордой мысли, что лет десять назад я бы в этой абракадабре ничего бы не понял, а нынче вишь как вырос! Ну а так, по-простому, ничего меня не задело, хочется ведь почувствовать в тексте что-то «живое», то, что рвется заголосить. Хотя... есть пожалуй в его текстах некий «живой» корень, но только он какой-то ядовитый, смердящий. Конечно, он в основном рисует («шаловливые провокации»), когда старается казаться «страшным маргиналом», но сама его тяга к маргиналиям — нет ли тут чего-то подлинного, даже «подленького», в смысле какой-то смердяковщины? Он вполне откровенно признается в садомазохистских пристрастиях и любопытствах, явно любит изломы, «раны», запах гнили. Фактически его книга — о катастрофе, и мира, и искусства, причем не будущей, а происходящей на наших глазах. И он облакает её картины и запахи в форму «последней изысканности», изысканности труположства. Здесь его сила. И хотя эту почти эротическую тягу он проявляет не слишком грубально (дабы не вызвать на себя огонь прекраснодушных), его «отвратительность»

в том, что он ее смакует. Но чем он отвратительней в этом смысле, тем профессионально успешнее. И в самом деле, в его причитаниях о смерти искусства, о наступающей (наступившей) эпохе катастроф, для которой двадцатый век с его мировыми войнами и геноцидами был только прелюдией, есть нечто инфернальное... Тут какая-то поэзия смерти, он ее «гурман», роящийся на свалке, на помойке европейской культуры, источающей аромат невозвратной гибели. Вот только я еще не решил окончательно (тем более, что книгу не читал, правда, большинство текстов знакомо по газетным публикациям): это природная тяга ко всему «гибельному», или сознательная игра на понижение? Пророчества гибели продаются лучше прогнозов на успех.

Что касается наших дел, то, ситуация пока развивается по худшему сценарию. Нас собираются сдать и тем самым «купить» себе на какой-то срок безопасность. Расчет абсолютно неверный (как сдача Чехословакии в Мюнхене) и грозящий катастрофой (сначала нам, потом уже и другим), но поступки объясняются не расчетами, а психологией. Прекраснодушным (откуда эта чертова зараза?) «страшно подумать», что воевать надо уже сейчас. Они к этому не готовы. Разница с Чехословакией только в том, что чехи не боялись за свою шкуру (бояться должны были только евреи и коммунисты), а тут все знают, что всех вырежут. Поэтому придется, хотим мы этого или нет, сражаться за жизнь. А пока люди сражаются, у них есть шанс. «Воевать надо сегодня», как говорил т. Ленин в пьесе Погодина «Кремлевские куранты».

Что касается заявлений Шарона то они ничего не стоят.

Вот реляция, которую я тебе приготовил вчера, но не отослал.

3.10. Вчера к ночи два террориста ворвались в поселение «Алей Синай», расстреляли и забросали гранатами всех, кто оказался на пути. Двое погибли, десятки раненых. Перед этим, днем, Буш выступил и сказал, что поддерживает создание палестинского государства. Лижет жопу арабам. Пока он еще говорит о праве Израиля на существование (спасибо отцу родному!), но и эта «незыблемая позиция» может закачаться. Что случится наверняка, если мы будем вести себя в том же духе, пай-мальчиками. Шарон и вся эта шобла у власти пока топчется в нерешительности, а нужно было воспользоваться этим терактом, чтобы нанести тотальный удар, развязать войну и решить проблему арабов от Иордана до моря раз и навсегда, включая израильских арабов. Пока мы еще можем это сделать. В случае вступления в войну Египта и Сирии необходимо применить ядерное оружие. Это застало бы американцев со спущенными штанами. Они уже замахнулись на Афганистан, а тут такое «в тылу». Повозмущались бы и утихли, особенно, если зачистку Эрец Исраэль провели бы с предельной решимостью, быстротой и жестокостью. Общественное мнение всех, сохранивших разум, было бы на нашей стороне. Много ли таких на Западе? Недавняя демонстрация американских студентов под лозунгом: «Если действовать по принципу «око за око», то все будут сле-

пыми», конечно, чудовищна, то есть предлагается уже не другую щеку подставить, а другой глаз! Горючая смесь трусости и продажности (наверняка за всеми этими «мирными инициативами», как и за нашим «Шалом ахшав»¹ стоят арабские деньги). Но все-таки, хочется верить, что большинство «нормально», то есть понимает, что если у тебя убивают соседа, то ты на очереди, если не возьмешь в руки оружие. Так или иначе, у нас-то выбора нет, если мы этого не сделаем, враги рано или поздно овладеют средствами массового поражения и применят их непременно.

Что же сделал Шарон? Собрал Кабинет! Кабинет решил, что «израильская армия сделает все для защиты граждан». В результате этого смелого решения армия заняла часть сектора Газы глубиной в километр (!!), вокруг поселения «Алей Синай»... Да и эту территорию скоро отдаст. Будешь тут пессимистом...

Ты читал Раймона Арона (об истории, из серии «Книга света»)? Если встретишь его, возьми мне.

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Я совершенно согласен с тобой в оценке ситуации, больше всего в той части, которая касается этнической чистки «включая израильских арабов», а также применения ядерного оружия. Американская «замедленная реакция» уже превратилась в фарс. У них в «антитеррористической коалиции» Саудовская Аравия, откуда родом большинство террористов (включая «нашего» Хаттаба) и откуда идут деньги, а враг, оказывается, Афганистан. Еще комичнее «крутость» англичан: они полны решимости разбомбить горы, но у себя дома мирятся с деятельностью мусульманских «фондов», которые открыто грозят на улицах Лондона (был репортаж по телевидению) залить этот самый Лондон кровью «неверных». В Европе 26 (двадцать шесть) миллионов арабов, через тридцать лет они будут составлять там большинство. В этом смысле Израиль мог бы «подать пример», и если бы он сделал это «с предельной решимостью, быстротой и жестокостью», его «поняли» бы, скрепя сердцем, со скрежетом зубным, но поняли бы. Сейчас момент уникальный и, возможно, единственный. «Профукать» его — это будет ошибка, более страшная, чем любое преступление. По мере того, как обнаружится бессмысленность войны с Афганистаном (а это произойдет неизбежно), Америка и Европа будут становиться все более восприимчивыми к арабскому тезису о том, что «во всем виноваты евреи»: стоит Америке прекратить поддерживать Израиль, и все ее проблемы будут решены. Этой идеей одержимы абсолютно все арабы, как входящие в «антитеррористическую коалицию», так и воюющие с ней. И соблазн «откупиться Из-

¹ «Мир немедленно» (*ивр.*) — левая израильская организация.

раилем» окажется для Запада непреодолимым. Похоже, что в этой ситуации единственный шанс Израиля на выживание — это развязать полномасштабную войну и «под шумок» произвести жесточайшую «чистку» у себя в тылу. Не уверен, что начинать надо сейчас. Возможно, следует сначала дать американцам ввязаться в драку (теперь они будут вынуждены это сделать: промедление уже воспринимается, например, в России как «темная игра»), но что для меня несомненно — Израиль должен иметь очень простой и неимоверно жестокий план действий и отладить механизмы так, чтобы осталось только «нажать на кнопку» в нужный момент.

Относительно Гольдштейна скажу только, что не считаю его книгу успешной. («Хорошо написано» означает, что он доносит до меня свои гастрономические изыски; но это не значит, что они мне для чего-то нужны). Я не разбираюсь в конъюнктуре, но впечатление у меня такое, что «здесь» ее не воспримут. На ней печать «необязательности» (может быть, только в «русском контексте»). В фильмотеке рядом с нашим домом, в отделе «мягкого порно» (как они выражаются) у них значится фильм «Греческая смаковница». Конечно, правильно 'смоковница', но ошибка многозначительна. Про Гольдштейна я сказал бы, что это «Тель-Авивский смаковник». Что касается «интересного для тебя момента», то ты как-то странно повернул тему. Я не ставил вопрос о том, повлиял Вайман на Гольдштейна или не повлиял. Я удивился тому, что текст, появившийся как рецензия на роман Ваймана, вошел в книгу без малейшего упоминания о Ваймане и его романе: все это вытравлено напрочь. Я с таким случаем вообще не встречался. Это все равно, что Добролюбов перепечатал бы статью «Луч света в темном царстве» без упоминания об Островском, драме «Гроза», Катерине и Борисе Григорьевиче.

Книгу Арона в серии «Книга света» я видел, но не читал. Читал, и с большим удовольствием, другую его книгу (Р. Арон. Мнимый марксизм. М., 1993 — 384 с.), в которой он отхлестал по щекам французских «леваков» во главе с Сартром. Книга из серии «Книга света» продается, так что я тебе ее вскорости вышлю, а может, и сам прочту. Сейчас вышла другая книга Арона, которая считается его главным текстом (лебединой песней). Названия точно не помню, что-то типа «Война в мировой истории». Это огромный фолиант, одно из самых «тяжелых» исторических исследований. После следующего «рейда» сообщу тебе о ней более точные данные. Закончу цитатой из «Много марксизма»: *Только либералы, пессимисты и, быть может, мудрецы призывают человечество брать на себя лишь те задачи, которые оно может выполнить. Поэтому они не делают историю и довольствуются тем, что комментируют ее. Марксисты принадлежат к другому семейству. Они соизмеряют задачи не со своими силами, а со своими мечтами. /Чем не маги?/*

Всегда твой
Матвей

Наум — Матвею

Докладываю: днем был теракт в Афуле (трое убитых и десяток раненых), а несколько минут назад Шарон провел пресс-конференцию (ни разу он не выступал после терактов и никак их не «комментировал»). На ней он сказал буквально следующее: «Все наши попытки добиться решения проблемы террора путем переговоров потерпели неудачу. (Перед этим он перечислил последние теракты.) С этого момента мы будем полагаться только на себя. Только на себя (повторил). Я предупреждаю западные демократии и прежде всего США против той ошибки, которую они совершили в Мюнхене в 1938 году, предав Чехословакию, полагая такой выход удобным. Я предупреждаю западные демократии против желания задобрить арабов за счет Израиля. Мы Чехословакией не будем. Мы будем воевать с террором» («террор» — это, конечно, эвфемизм).

На мой взгляд, это поразительное по драматичности заявление. Поразительно и совпадение с текстом письма, которое я тебе послал утром. Наконец-то он сказал то, что должен был сказать. Я надеюсь (остается только надеяться), что он, наконец, начнет делать то, что должен делать, воевать.

Поразил меня и такой «штришок». Телеведущий Штерн обратился к мэру Иерусалима Ольмерту с просьбой прокомментировать «драматическое заявление». И дело даже не в том, что Ольмерт стал вилять хвостом, а в том, что Штерн, вдруг извинившись, прервал его из-за какого-то «драматического сообщения» и предоставил слово спортивному комментатору, который сообщил, что европейская футбольная федерация отменила предстоящий футбольный матч между Австрией и Израилем (отборочный матч чемпионата мира, который должен был проходить в Израиле и от которого отказались 9 (!) игроков австрийской сборной из-за страха за личную безопасность — до какого позора докатились белокурые бестии!), что неожиданно дает Израилю шанс выйти в финальный круг. Вот какие «драмы» их беспокоят! И это накануне «Мюнхена»?!

Шарон делает пассы в сторону России, Путин пока благосклонно это воспринимает, особенно на фоне гибели «общего» самолета, который украинцы сбили вчера над Черным морем. Не уверен, что Россия перспективный союзник. Не уверен, что Россия возьмет курс на борьбу с исламом. Зачем им такие сложности. Да это им просто не под силу. А привлечь бесхозный Израиль — почему нет, авось пригодится. Как та же разменная монета с арабами. Но делать, видно, нечего, приходится блефовать. А в остальном ночь прошла спокойно, передали, что американцы «удивлены» драматичностью и недипломатичностью заявления Шарона (подняли бровь), он, де, пытается вбить клин между Бушем и Конгрессом, но даже Конгресс никогда не согласится со сравнением американского президента с Чемберленом. И в самом деле, никаких решительных действий не последовало. А это хуже всего. Он что, думал кого-то напугать? Разве что американских евреев... Боюсь, что о решительной войне никто здесь не помышляет.

Что касается использования Гольдштейном текста обо мне без упоминания моего имени, то, возможно, он считает, исходя из своего знания литконъюнктуры, что такое упоминание может ему повредить в чьих-то глазах. Я со своей стороны не чувствую в нем противника, и не потому, что недооцениваю, и не потому, что «добрый», просто мы работаем в разных плоскостях, и если я в своей плоскости преуспею, то его успехи меня не заденут, а если не преуспею, так не превращаться же из-за этого в завистника. Он важный персонаж того «культурного бульона», в котором я тут варюсь и, соответственно, моих «меморий», поэтому я стараюсь поддерживать с ним «по жизни» максимально корректные, даже дружественные отношения, насколько это вообще возможно с этим очень замкнутым, очень расчетливым и не очень располагающим к себе человеком. И он, кстати, выказывает (до сих пор, по крайней мере) такие же старания.

Наум

6.10. Уже Суккот заканчивается, а небо еще синее-синее. Ни облачка.

От Матвея:

В связи с часто мелькающими у тебя недоумениями по части моих антропологических теорий стало ясно, что я, по-видимому, так и не донес до тебя суть идеи спасения (в моем понимании). На самом деле это не философия и не метафизика, а элементарная борьба за выживание. Я понимаю слово 'спасение' абсолютно буквально: если человек живет, значит, он спасен. Расовые войны и даже поголовное уничтожение человечества — это мелочи по сравнению с «эстетикой» в моем понимании. Что важнее: дышать или воевать? Ответ очень прост: если не будет органов дыхания, участвовать в «войне рас» будет просто некому. С другой стороны, способность дышать не гарантирует от войн и даже от поголовного уничтожения. Не надо требовать от легких, чтобы они выделяли мочу. Надо просто присмотреться к «функциям организма». Надо увидеть 'Блок спасения' как орган, обеспечивающий антропологическую идентичность человека как вида (*homo salvans*). Говорить о «преодолении мейнстрима» — это все равно, что говорить о «преодолении человека». Я свято верю, что человек как вид рано или поздно погибнет (в этом смысле я оптимист), но не могу представить себе, что он будет «преодолен»; я даже не могу понять, что это может значить. А о «смерти искусства» говорили всегда и повсюду (только в разной терминологии, не всегда позволяющей сразу догадаться, о чем речь), эти разговоры недорого стоят и теперь уже, на мой вкус, не слишком прилично звучат (как убеждение Булгакова¹ в том, что он не успеет умереть до страшного суда; успеем, батенька, успеем, вот те крест).

В связи с этим хочу еще раз вернуться к вопросу о религии, и ее роли в происхождении человека.

¹ Имеется в виду о. Сергей Булгаков.

Именно научные, «полевые» данные показывают, что никакого «человека до религии» не было. (Его изо всех сил пытались отыскать советские этнологи, вышла даже в свое время комичная книжка «Человек без религии», где на обложке был изображен очень страшный питекантроп: весь в шерсти, с клыками и рычит; напрашивался вывод: смотрите, дети, что бывает с человеком, когда он без религии). Конечно, никакой «религии» сначала тоже не было (слово 'религия' самое катастрофическое, на нем как на mine подрываются даже лучшие умы), но синкретическая обрядовость была. Никакого «голого прагматика» (голого в шерсти) никогда не существовало. А вот индивидуация «была всегда». Иначе придется признать, что религия (правильно было бы сказать: обрядовость) возникла до индивидуации; но в таком случае я «отказываюсь понимать», что такое религия. Здесь замкнутый круг, который, на мой взгляд, удалось прорвать одному гениальному дилетанту, советскому историку Борису Федоровичу Поршневу. Он не только не был «специалистом»-этнологом, но и историей-то занимался «новой» (типа монографии «Народные восстания во Франции перед Фрондой», за которую получил Сталинскую премию в 1950 г.), был совершенно заурядным совковым «доктором исторических наук», «завкафедрой» и все такое. При этом он вел тайную вторую жизнь, в которой были: дрессировка обезьян в домашних условиях и наблюдение за ними в питомниках, штудирование необозримой археологической, этно- и этологической литературы, серьезное отношение к «диалектическому методу» и яростное «диссидентство» (исключительно в сфере этнографических идей). Он так и не сумел при жизни опубликовать ни строчки на интересовавшую его тему (умер в 1972 году). Незаконченная (но продуманная вполне, «от и до») книга, над которой автор работал 25 лет — Б.Ф. Поршнев. «О начале человеческой истории» (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974 — 488 с. — была опубликована после смерти, «по недосмотру» (в редакторском предисловии сказано, что «в книге излагаются взгляды, не являющиеся общепринятыми в науке»); ее проигнорировали «специалисты» и не сумели оценить «любители». Скажу сразу, что Поршнев исходил из совершенно иного, чем я, круга идей, он «не понял» смысла индивидуации (слова такого не употреблял), рефлексии, блока спасения (нет у него такого понятия) и т.д. Тем убедительнее для меня его выводы. Поршнев обнаружил порочный круг в марксистской ортодоксии: если труд порождает сознание, то концы с концами не сходятся, поскольку труд есть по определению целепологающая деятельность, а целепологание невозможно до сознания. Поршнев уцепился за оброненное Марксом замечание об «инстинктивном труде» и постулировал наличие «переходного существа» (это выражение он отыскал у Энгельса). В образе жизни этого существа (из изложения Поршнева ясно, что для него это некий «античеловек» и одновре-

менно «антиживотное», необходимое промежуточное звено для осуществления «отрицания отрицания»). Поршнев ничего не говорит о рефлексии, но он доказывает (на мой взгляд, «железно», с неопровержимой логикой), что становлению человека как такового предшествовало формирование у «переходного существа» «второй сигнальной системы» (попросту говоря, речи). А наличие речи (добавлю от себя) делает появление рефлексии не только вероятным, но и необходимым. Если Поршнев сводит загадку появления человека к загадке возникновения речи, то остается сделать малюсенький, и вполне логичный, шаг, чтобы дополнить речь рефлексией. Второсигнальное взаимодействие складывается, по Поршневу, из двух главных уровней и делится на фазы: первичную, интердиктивную, и вторичную, суггестивную. Опуская детали, задержусь на понятии суггестии. Здесь Поршнев следует за Выготским, согласно которому все высшие психические функции суть интериоризованные (то есть спроецированные вовнутрь) межличностные (то есть «социальные») отношения. По Поршневу, человек в процессе суггестии интериоризирует свои реальные отношения с другими индивидами, выступая как бы другим для себя самого. Этот процесс уже не может осуществляться в действиях с предметами, он протекает как речевое действие во внутреннем плане. Механизм «обращения к себе» оказывается элементарной ячейкой речи-мышления (и, добавлю, рефлексии в чистом виде). Далее у Поршнева возникает категория 'дипластии' — элементарного противоречия мышления, которое основывается на исходных для человека социальных отношениях в модусе «мы — они». Таким образом, социальное — в его современной, идущей от Выготского (а не марксистской) трактовке — наличествует «внутри» индивида: мышление как «обращение к себе» насквозь «диалогично» и глубинно социально (весь Бахтин, кстати, вышел из этого постулата). Итак, когда «человек» проклевывается из «предчеловека», он уже является готовым субъектом синкретической культуры, у него уже есть «дополнительный орган» — 'Блок спасения', — но еще полый, стремительно заполняющийся сотериологическими архетипами. Здесь, на этом этапе, и кристаллизуется *Homo salvans*.

Следующий вопрос в том, чем именно заполняется этот Блок. Обычно эту «начинку» называют религией. Здесь, как я уже сказал, источник множества 'роковых' ошибок. На архаичный сотериологический синкретизм невольно переносят признаки знакомых нам «мировых» религий. Такая подмена закрывает путь к пониманию сути дела. «Религия», в нашем обыденном понимании, это прежде всего «верование». Мы думаем, что это «вера в Бога (богов)». На самом деле в сотериологической архаике ничего этого нет. Первичны не «вера» и не «Бог»; первичен синкретический обряд (ритуал). Это не мои теоретические фантазии, а результаты полевых наблюдений строгих ученых-позитивистов.

Процитирую мэтра, Робертсона Смита (текст, Lectures on the Religion of the Semites, издан аж в 1907 г): *В наше время мы имеем обыкновение рассматривать религии с точки зрения верований, а не с точки зрения практики; ведь вплоть до сравнительно недавнего времени в Европе сколько-нибудь серьезно изучались только разные христианские церкви, а во всех ответвлениях христианства признано, что ритуал важен лишь во взаимосвязи с его интерпретацией. Таким образом, изучение религии означало преимущественно изучение христианских вероучений. А наставление в религии начиналось обычно с вероисповедания, религиозные же обязанности подавались посвящаемому как следствия догматических откровений, которые он должен принять. И это кажется нам настолько в порядке вещей, что, приступая к изучению какой-либо древней или экзотической религии, мы — как нечто само собой разумеющееся — ставим перед собой задачу найти религиозное кредо, чтобы в нем обрести ключ к ритуалу и практике. Но древние религии по большей части не имели кредо; они состояли преимущественно из институтов и практик. Несомненно, люди не станут изо дня в день следовать каким-то практическим нормам, не приписывая им определенного значения; но, как правило, мы находим, что если практики были строго детерминированы, то значения, им приписываемые, были чрезвычайно неопределенны. Один и тот же обряд разные люди объясняли по-разному, и при этом даже не возникало вопроса об ортодоксии или гетеродоксии. Например, в Древней Греции некоторые действия производились в храме, и люди в полном согласии считали, что было бы неправильно их не производить. Но если бы вы спросили, зачем нужны эти действия, то, вероятно, получили бы от разных людей несколько противоречащих друг другу объяснений, и никто не придавал бы крайней религиозной важности тому, какое из объяснений вы предпочтете принять в качестве правильного. В самом деле, те объяснения, которые вам могли бы предложить, не такого свойства, чтобы возбуждать сколько-нибудь сильные чувства; в большинстве случаев это были бы просто разные истории о том, в каких обстоятельствах интересующий вас обряд был впервые установлен по прямому указанию божества или в подражание его действиям. Короче говоря, обряд был связан не с догмой, а с мифом. С самого начала осознать, что ритуалы и практические действия представляют, строго говоря, самую суть древних религий, — дело первостепенной важности. Религия в первобытные времена не была системой верований с практическим приложением; она была совокупностью устоявшихся традиционных практик, которым каждый член общества следовал, не рассуждая. Люди, конечно, не были бы людьми, если бы соглашались совершать какие-то действия, не представляя, для чего они это делают. Но в древних религиях не было так, что сначала формировался смысл действий в виде доктрины, а потом уже отражался в практиках; было, скорее, наоборот: практика предшествовала доктринальным теориям.*

Так как пора закругляться (по объему, но не по смыслу), скажу напоследок, что твой вопрос, является ли религия механизмом «снятия индивидуации», тоже следует конкретизировать. Если понимать религию в смысле современных «мировых религий», то я утверждаю как раз обратное: религия как гипостазированная магическая составляющая синкретического обряда не снимает индивидуацию, а поощряет ее, холит и лелеет; снимает же индивидуацию противоположная, жреческая составляющая синкретического обряда. Поэтому, во избежание путаницы, лучше всего было бы вообще не применять слова 'религия' к «домировым» верованиям. Магическую и жреческую составляющие следует выделять не в 'религии' (договоримся считать ее супер-магией), а в синкретическом обряде.

И если говорить о «социальности», то следует позаимствовать смысл этого понятия не у Маркса, а у Дюркгейма (цитирую Дюркгейма: *Ритуал есть выражение единения общества. Функция ритуала состоит в том, чтобы «воссоздать» общество или социальный порядок путем «переутверждения» и укрепления чувств, от которых зависит социальная солидарность и соответственно сам социальный порядок*).

Очень обяжешь меня, если будешь сообщать «горячие новости». Выступление Шарона у нас передавали (пересказывали) по телевидению почти в режиме реального времени, но сегодня к нему никто не возвращается: говорят только о самолете. Слышал сегодня выступление Кондолизы Райс, где она говорила о необходимости различать терроризм и борьбу чеченцев за национальное освобождение. Смысл был такой, что мы русским карт-бланш не даем и не дадим. Возможно, там был и антиизраильский подтекст. У нас «в народе», после некоторого шока, вызванного нью-йоркским терактом, стремительно нарастает антиамериканская (и, соответственно, антисемитская) риторика. В этом смысле Путин впервые «разошелся с народом» и начал тратить накопленный «кредит доверия». Скоро о том, что теракт устроили евреи, будут говорить как о чем-то само собой разумеющемся. Что и требовалось доказать.

Всегда твой
Матвей

От Л: Хоть Шарон порадовал, а то я совсем скисла.
За записки спасибо. Руки чешутся тебя обнять и полечить.

Наум — Матвею

Поршнева я когда-то читал, но ничего не запомнил. И идея «переходного существа» мне в любом случае непонятна. Ясно, что процесс перехода от стаи обезьян к человеческой общине был долгим, с большим количеством промежуточных стадий, однако найти тут «ключевое звено» вряд ли возможно, во всяком случае, не с моей «теоретической подготовкой». Но из общих соображений охотно соглашусь, что все дело

в социуме: человек — результат социального взаимодействия, а значит его изначальной задачей и первейшим делом было укрепление социальной структуры. И, конечно, речь была важнейшим фактором в превращении стаи в социум, но как возникла речь? Ведь не сама ж по себе, а в результате совместных групповых действий: труда, охоты, войны и т.п. И готов согласиться, что религия начинается с ритуала. Если есть социальная структура, то есть и правила, по которым она существует, и Ритуал, похоже, тот универсальный механизм, который служил закреплению этих правил. Ну, а где речь, там и рефлексия с индивидуацией, а они всегда центробежны. И Ритуал призван быть той веревкой, которой центр, ядро социума, держит индивида, всегда стремящегося к «отвязанности», к центростремительному побегу.

Вернусь, однако, к нашим баранам.

У нас речь Шарона тоже стараются теперь «замять». Передали только, что Буш был «вне себя» (его как бы сравнили с Чемберленом), ругался последними словами, которые «невозможно передать», внешне это «вышло» заявлением спикера госдепартамента о том, что такие «выражения» (сравнения) «неприемлемы», и какой-то дипломатической драчкой под ковром, в результате которой последовало официальное заявление от бюро главы пр-ва, что Америка «наш истинный друг и союзник», а «президент Буш — верный друг Израиля». На данном этапе стороны считают инцидент исчерпанным, но сказанное повисло в воздухе и опять же неизвестно, пойдет ли оно на пользу (боюсь, что нам уже ничего не может пойти на пользу), тем более что делами не подкрепляется. Хотя действия армии стали чуть более решительными. Наконец-то были заняты два квартала в Хевроне, расположенные на господствующих высотах, с которых шел постоянный обстрел еврейских кварталов, в частности недавно, во время массовых молитвенных собраний у «Пещеры праотцев» («Маарат амахпела») огнем снайперов были ранены две женщины из числа молящихся. Кварталы были заняты решительно, с применением танков и вертолетов и нанесению противнику потерь в живой силе (семеро убитых арабов). И еще: вызванный скандал привел к тому, что Колин Пауэлл позвонил Арафату и якобы очень решительно заявил ему, что если он своих огольцов не обуздает, Америка «пересмотрит свою политику» по отношению к нему. А раньше он был пай-мальчиком? В общем, Америка маневрирует (или виляет). Вопрос: какие все-таки будут «действия»? И будут ли? Вот главное испытание американцев и Буша в частности.

Не совсем пойму как это у вас «нарастает антиамериканская (и соответственно антисемитская) риторика», то есть как это возможно одновременно? Ну, антиамериканская — понятно, но при чем тут почтальоны? И даже, как ты говоришь, если «скажут, что евреи взорвали» башни-близнецы, то, исходя из антиамериканизма, надо бы им поплодировать, или я чего-то не петрю в логике? Нет, я понимаю, что

у ненависти нет логики, но не преувеличиваешь ли ты (по привычке) ненависть к евреям? Для России они сегодня достаточно «боковая» составляющая общего расклада.

8.10.

Наум, привет!

Чувствую себя виноватым, что не ответил сразу: заела текучка, а там уж и CNN с America Strikes Back. Контрвоззвание Бен Ладена не оставило сомнений, что ключевой пункт для всех без исключения арабов (включая мнимых «друзей» Америки) — уничтожение Израиля: или Америка его сдаст, или ни один американец не будет чувствовать себя в безопасности. Усама и закончил выступление ударно — словом 'Палестина'. Мусульманский мир дает понять, что он удовлетворится Израилем (а зеленый флаг над глобусом — это, как может показаться, слишком отдаленная перспектива, чтобы сейчас о ней думать; кстати, не факт, что это реальная угроза). Первые же сложности, которые возникнут перед союзниками по «антитеррористической коалиции» (даже осознание того, что борьба затянется), поставит их перед выбором: воевать или сдать Израиль. Для меня ясно, что они предпочтут. Даже если вариант с Israel Strikes Back окажется крайне тяжелым, связанным с противостоянием со всем «цивилизованным миром», на него все равно надо идти, потому что только он дает шанс. И победителю прощается все, причем очень быстро. Давно ли из одного только города Баку за неделю изгнали 200000 армян, и что же, с Азербайджаном «стесняются сесть за один стол»? Ничуть не бывало: его дружбой дорожат из-за маршрута нефтяной трубы.

Как ты расцениваешь ситуацию в свете конкретных военных действий?

Разговор об умностях оставляю на потом.

Всегда твой

Матвей

Матвею:

Американцы вдряпались, и не просто в «кучу», а в целое болото дерьма. Я просто преисполнен восхищения этими ребятами, которые таки затащили Америку в войну с исламом. Когда вчера передали речь Буша, а после него речь Бен Ладана, как будто это два противника, я вдруг увидел всю глубину этой бездны поражения, в которую пала Америка. И я имею в виду не тактическое поражение (хотя все начинается с хорошо продуманной и блестяще проведенной тактической операции), а стратегическое: мировую державу заставили делать то, что она ни в коем случае делать не хотела! Затащили в войну, у которой не может быть целей и не может быть успеха, только одни поражения. И когда показывали по телевизору этих исламских «теоретиков» (Бен Ладен и этот

египтянин, забыл, как зовут, Захария?), то и внешне, как они выглядят и говорят, как очень умные восточные люди, было очевидно их интеллектуальное превосходство над безликими американцами с их петушины ми позами. С одной стороны — мудрость, с другой — бодрячество.

А когда вся бездна поражения разверзнется перед тупоголовыми америкосами, у них, ты прав, останется только один выход: «сдача» Израиля. И наше поведение в этой ситуации должно быть чрезвычайно чутким и чрезвычайно решительным: как только запахнет миром и сдачей, необходимо ударить изо всех сил, тотально. Думаю, что именно это и имел в виду Шарон, когда заявил про Чехословакию... Так сказать, предупредил, что «сдача» не пройдет гладко. Пусть задумаются.

Наум

9.10. В жизни человека есть такая черта, перейдя которую (по возрасту или по болезни), он попадает в глазах окружающих в категорию «уходящего». С этого момента он уже умер, и даже похоронен. Он еще может прожить десятки лет, но никто на его жизнь не обратит никакого внимания. Живешь — живи, умрешь — умри.

Есть приглашенные на пир, юношество, спешащее на зов, есть участники пира, а есть такие, которыми уже объелись.

Так и у государств.

10.10. Р с утра занята, совещание. Договорились в два часа в «деревне». И «только на два часа». Голос веселый. «Это оттого, что я слышу твой голос! Расскажи, чего делал? Ну, хоть накатал чего-нибудь? А я, ха-ха-ха, совсем загуляла!» Я тоже старался бодриться, но потом и вот теперь мне «грустно». А у грустных нет шансов... Грустные — пусть забьются со своей грустью. Это мир веселых. Кому пир не по сердцу или не по здоровью — геть отседова, брысь из-за стола!

Не нравится мне это все... Как будто я тяжело влюбился... А ведь это все от плохого самочувствия, от усталости, от них и бессилие. А чем страшнее расставание, тем крепче привязанность...

От Л: А ты знаешь, что Натанияху толкал речь в Палате представителей на предмет борьбы с террором? 20 сентября кажется. Об этом в новостях не распространялись, но по емеле ее распространяли и рассылали, что характерно, как раз из Франции. И народ эту речь оценивает как блестящую. Палестинцев помнят как ликующих после атаки на «близнецов». Многие хотели бы употребить «пук» — атомное оружие.

Спасибо за записки

Показывали фильм о Мисиме (в программе «Цивилизация»). Ведущий назвал все это театром, с опереточным переворотом и оперным ха-ракири.

А мне кажется, что тут была попытка, не единственная в «современном искусстве» (это уже некая тенденция), вернуться к непосредственному жизнедействию, столь любимому Гольдштейном, с неизменным жертвоприношением. Это от ощущения, что искусство перестало действовать, выполнять свою сакральную функцию, попытка вернуться к «прямому действию». И царю-художнику-жрецу приходится брать на себя и роль жертвы. Но проблема в том, что получается не действие, а игра в действие, перформанс, самоубийство в музее. Театральность.

— Как я соскучилась!

Поехали в Латрун. Стоянка у монастыря пуста. Целовались. Распалась. Перешли на заднее сиденье. «А у меня месячные, третий день». — «Мне-то все равно... а Тёму обкровянишь». — «Да с Тёмой-то я разберусь...» — «Ладно, раз такое дело...» Она только этого и ждала. Добралась, наконец, до любимой игрушки. «Какой он хороший! Посмотри! Ты его любишь? А можно его язычком?» А тут вдруг машина какая-то, красная, а потом другая, белая, рядом с нами припарковалась, хотя вся стоянка свободная. Какой-то хрен очкастый с женой и бабкой. Еле оторвал ее... «Увидят же, ты что, ну ты что!» — «А я ничего не вижу». — «А я вижу». — «А ты что, глаза не закрываешь?» — «Иногда открываю». — «Я тебе повязку куплю, нашлапки такие, ха-ха-ха!» Глаза ошалелые. «Так нельзя. Тебе хорошо: упал — и все. А у меня не падает. У меня все внутри, как струна натянулось, вот-вот лопнет....»

Сидели обнявшись, целуясь, глядя друг друга. Говорили, как любим. Умом не веришь, а руки, губы... «Я так тебя люблю...» — «Я был бы счастлив, если бы ты меня любила...» — «А ты что, не видишь? Ты не чувствуешь?»

Ездил в Турцию. Загорела. «Я все время на пляже лежала. Так хорошо отдохнула!»

А меня черная ревность ест.

С трудом расплелись, пора разбежаться.

11.10.2001. Вчера вечером, когда лег в кровать, жена смотрела телевизор, беседу с Сорокиным. Разговор шел вокруг темы «литература и жизнь», звонили возмущенные телезрители и спрашивали, ел ли он говно и хотел ли сжечь свою дочь. Сорокин благообразен, молодо выглядит, длинные вьющиеся волосы с проседью и черная бородка. Говорит очень медленно (результат борьбы с заиканием) и невозмутимо, иногда тень улыбки пробегает по лицу. Пытался объяснить, что нет ничего общего между литературой и жизнью, что литература это не «учебник жизни», а род потребительского товара. Что книга должна быть «вкусной», это главный критерий. Что дело не в соцарте, и если он с чем-то и боролся в своей жизни, то только со скукой. Да, если переписать «Анну Каренину» матом, то это будет эпохальное произведение.

Ведущие замирали от ужаса и беспорядочно стреляли вопросами. Потом позвонил какой-то сердитый мужчина и вместо вопроса посоветовал ведущим побольше молчать и дать гению высказаться, ведущие объявили его фаном и отключили.

Жену передача взволновала, пустилась в рассуждения, что действительно многие люди «учатся жить» по литературным произведениям, и поэтому писатель должен чувствовать свою ответственность, я возразил насчет ответственности, — такая вот получилась прелюдия к сексу, спасибо писателю. Все-таки, говорю, он перегнул насчет «отрыва от жизни», есть же, как к ней не относиться, литература о жизни, изучающая, фотографирующая, препарирующая, да разве мы не учились жизни по литературным произведениям? Ведь иной ткач текста открывает себя так, как тебе никто из самых близких не откроется, он тебя пускает внутрь, заходи, изучай, читай тайнопись, если сумеешь прочесть.

Жена еще отметила несоответствие образа художника, который встает из его книг, с его реальным образом, что писателей лучше не показывать людям, что-то теряется от тайны, мол, какая-то женщина была влюблена в писателя, а он оказался плюгавым мужичонкой. Ну, говорю, обычно хорошие писатели еще при этом и красивые люди. Порода, говорю, она во всем сказывается. Сорокин, кстати, очень ничего. Да и что далеко ходить, муж твой, например. И писатель хороший и собой хоть куда.

— Ой, ой! Это какая же дунечка тебе такое внушила!

— А что, нет что ль?

— Ты что, совсем сбрендил? Ты — красивый?!

Долго смеялись, но я чувствовал, что ее это задело. Почему? Сильно задело. Потом смех постепенно перешел в любовную схватку, а когда отлепились, выяснилось, что сон вообще пропал. На жену нашла «философия», и она продолжила тему «писатель и жизнь», об «ответственности», что писатель не имеет право на «полную свободу», что есть еще и «порядочность», «мораль». А я поучал, будто меня пригласили на телепередачу, что, мол, каждый выбирает: «общественная мораль», или наглость абсолютной свободы, и за выбор приходится платить, вот Сорокина спросили, не боится ли он, что его, как «певца насилия», кто-нибудь кокнет, а он сказал, что нельзя «оглядываться», хотя писатели частенько гибнут за нарушение «общественных норм», Сократа, например, убили...

— За что?

— За духовное разращение юношества.

— Ты хочешь сказать, что есть «простые люди», и такие, которым все позволено?

— Им не позволено, но они себе позволяют.

— А может, они просто выпендриваются?

— И такое бывает. Но обычно люди не приемлют того, что выходит за границы усвоенных в школе «вкусов», они трусливы и неразвиты.

И тут мы вдруг «перешли на личности»: «У тебя иногда с людьми бывает такой тон, как будто ты бог, и говоришь с какими-то муравьями. Это вызывает агрессивную реакцию». А я огрызаюсь, мол, когда «бог» все время толчется среди мещан, он иногда звереет от одиночества, к тому же мещанство агрессивно, оно не признает своей духовной убогости, и никогда не признает божественности, пока «бог» не становится знаменит и богат, тут оно готово ему пятки лизать... Она была задета, захотела в ответ обидеть, мол, конечно, меня «никто не понимает», но ей этого и не нужно, «мы тебя любим не за это».

— И мы тебя тоже.

И отвернулся к стенке. Обидно вдруг стало, что вот, даже жена не считает тебя ни красивым, ни гениальным... Или просто не любит. Любит не за это...

Позвонил Володе:

— Как дела?

— Да по-разному, хуй его знает. Тут один мой приятель повесился, Юрка Гольдман, сорок шесть дней провисел! Я о-ху-ел! Весь Иерусалим был просто потрясен! Так я вот уже полтора месяца не просыхаю. Даже читать не могу. Это старый приятель брата и мой, он жил у меня, он нас трогательно любил, хотя человек был грубоватый, скажем, неотесанный, удар у него триста килограммов, нет, он средней комплекции, мастер спорта по боксу, крутой такой мужик, но у него крыша поехала, 51 ему, да, не мальчик, у него там опухоль какую-то нашли, так эти козлы вскрыли ему череп, а потом говорят: извините, мы не там вскрыли, так он с открытым черепом ходил, и у него периодически крыша шевелилась, а тут еще и жена его бросила, нет, ее нельзя так однозначно обвинять, потому что он бегал от одной к другой, а тут еще какая-то хуйня с деньгами началась, не знаю, да на хуй мне в их делах ковыряться... Повесился в Долине мертвых, представляешь, место нашел?! Второго августа он исчез, а нашли только 17 сентября, на дереве, тело обезображено, птицами, зверьми, он лежал под деревом, даже веревку кто-то спиздил, мать на похоронах просто землю ела... Хорошо еще Лазарь Дранкер помог, как-то добился, чтоб его похоронили на кладбище, а не за забором, да, он еще и нееврей оказался, то есть мать его, хоть она и еврейка, и отец тоже, но она в советские времена записалась русской... без «кадиша» похоронили, в сторонке, где всякие странные люди, но хоть не за забором. Ну, я и... полтора месяца кошке под хвост, ничего не писал, не читал, чтобы я полтора месяца ничего не читал?! Нет, вспомнил, читал все-таки, «Зеркало», мне Саша Гольдштейн очень понравился, очень, молодец, такой мясистый стал, про онанизм мне ужасно понравилось, и про кладбище, не, молодец, ну и Смирнов хорош, злой, мне особенно понравилось про Никона, который царицу на исповеди завалил, это круто, зачать царя на исповеди, ха-ха-ха! (сатанинский смех) я Мишке дал

почитать, так он охуел от восторга, ты читал, говорит, про Петра? Ну так я ж тебе для этого и дал! А Кононов — хуйня, и Бараш, Бараш, блядь, никуя не понимает, это же психоделический, можно сказать фармакологический термин, а он: «Трип Москва!», Сорокин писал «трип Толстой», или «трип Набоков», а тут... я тебе удивляюсь, ты стал какой-то всеядный, раньше у тебя были суждения, может, не всегда точные, но резкие, а тут... да Бараш трусливо описал пятерых там, бледно... И еще мне Король дал свою новую книгу, да, Кононов выпустил, надул его, за полторы тысячи 500 экземпляров! Да за эти деньги он мог у Резницкого шикарно, шикарно издать!.. Ну, как открыл, так и закрыл. Я вообще не пойму, нахуй это все нужно, это жуежопие, знаешь, лет 25 назад, тебя еще в Израиле не было, была такая карикатура: мужик стоит на четвереньках, грубо, конечно, да, смотрит вперед, читает ноты и пердит, пердит по нотам, ха-ха-ха (сатанинский смех)! Нет, я Мише такое, конечно, не скажу, но... нет, он мастеровит стал, да, но нахуй это все нужно, убей не пойму. А я тут схулиганил, послал в «Зеркало» стихотворение. Так Ирка мне позвонила, сказала «берем». По-моему, у них ко мне тактика меняется... Да, я в «Солнечное сплетение» привел Бренера, тебя, Птаха, Иру Сапгир, семь авторов я привел, я им журнал сделал... Приезжай, конечно. Иерусалим? Все такой же вонючий, все та же мразь тут живет, как-кие-то в черных куртках на мотоциклах теперь патрулируют, бомжей пиздят... А, как тебе все это нравится? Нравится, ну да, ты же фашист. Я теперь тоже фашистом стал, весь этот хамас и джихад надо вырезать, да, каленым железом, а Птах, ну, Птах да, он еще молодой, левый...

— А ты не читал мое сообщение? Я тебе перезвонила утром, я просто не могла говорить, у меня сестра ночевала, я ее проводила и позвонила тебе... Ты знаешь, так странно, мне так хорошо было вчера, я вернулась и была такая счастливая! Ты такая... рожа хорошая! И я еще тебя обнимала, ты был со мной... А вообще смешно, что мы два часа целовались, но я не могла от тебя оторваться... А ты молодец: пора и все. А я просто голову теряю, забываю обо всем...

Rimochka,

Оно все вроде ничего, но не покидает ощущение игры, в которой оба понимают, что играют, и что отношения ненастоящие, и в любой момент игра может кончиться — от усталости или оттого, что кто-то проиграет. Вот так и живем. А для окружающих и для детей мы вполне счастливая пара. Но иногда находит... Я тогда просто ухожу гулять по улицам одна, пока не отпустит. Я не жалуясь... Так. Иногда...

Оба моих дитя растут и мужают. Вчера наблюдала (подглядывала), как старший учил младшего играть на гитаре, а потом они пытались что-то вместе изобразить. Повзрослели. И стали больше дружить. Дай Б-г, чтобы так и осталось. А ваши когда начали дружить по-взрослому?

В прошлый weekend ездили на два дня на море/океан, дюны, и потом еще два дня не работала. Отоспалась, немного отдохнула... А сегодня опять здесь на работе, а погода стоит чудная — бабье лето, теплая осень, а я — опять в здании, в молекулярной биологии. Гулять бы и гулять...

Павка начал работать 1 окт. здесь же, в Бостон Унив, но в другом department. Вроде доволен, что-то не спеша делает. Посмотрим...

А что у вас слышно в связи с активными действиями US в Афганистане? Все боятся, что Израиль будет в роли заложника, и вынудят его подписать окончательный мир с арабами. Ужас! В газетах почти каждый день читаю о терактах в Израиле. Отсюда все это выглядит гораздо страшнее, чем может быть на самом деле. А как ваши мальчишки? Юваль ведь еще служит?

Дани передавай привет. Интересно как он себя чувствует после года в Америке. Хотя, ему это не в новинку.

Счастливо, Римочка.

Тапуа

13.10.2001. Суббота. В восемь утра народ уже толпами гуляет по парку. На спортплощадке русские собрались в футбол погонять. Лет 20–30. «Блядь, смотри какая шапочка у него! Иди, иди на ворота, блядь! Смотри, блядь, кто едет! Арабский, блядь, наемник, сука! Прямо из дискотеки! Ну, ребята, блядь, поехали?»

Вчера были у Аллы на дне рождения. На стене заметил карандашный портрет Ахматовой.

— Гош, ты чо Ахматову повесил?

— Да она всю жизнь тут висит.

— Анненкова, что ль?

— Не знаю... (Гриша повертел картинкой, нигде ничего не написано.)

— Похоже на Анненкова.

Жена вдруг с апломбом:

— Это Фальк.

Я завожусь с пол-оборота:

— Какой Фальк, что ты несешь!

— Фальк, точно.

— Чего ты интеллектуалку из себя строишь?! Мы тебя любим не за это.

На обратном пути закатила настоящий скандал:

— Ма атá маршэ ле ацмехá! (Что ты себе позволяешь!) Как ты со мной разговариваешь! Да, это Фальк, я прекрасно помню! Что ты из себя строишь! А я что хочу, то и говорю, а кому не нравится, может подпрыгнуть! И почему ты хамишь мне, публично! Я тебя кормлю, пою, облизываю...

И опять угрозы, что ей такой сопровождающий не нужен, она и без меня обойдется и т.д.

Дома засела за компьютер: «Я тебе докажу, что это Фальк!»

Посмотрел, как она рыщет по интернету.

— Это ты думаешь про такой голубой портрет, остроугольный такой?

— Да.

— Так это тоже не Фальк. Я забыл, кто... Посмотри в Русском музее...

— Я сама знаю, где мне смотреть.

Лег спать. Через полчаса пришла.

— Это Альтмана портрет.

— Да-да (сквозь сон), Альтман...

Спал плохо.

Матвей, привет!

У нас террористическая активность спала, не до нуля, но спала существенно (уже два-три дня нет жертв), по этому поводу наверху идут острые дискуссии: давать им «послабления» (чтобы создать «положительную динамику») или еще подождать. После того, как Арафат жестко погасил выступления в пользу Бен Ладена (включая расстрел демонстрации), Буш лично и публично похвалил его и обласкал, так что теперь он (как и прежде) под крылышком дяди Сэма. До чего ж, сволочь, увертлив! А за спиной Израиля (и это уже не гипотеза) идет «согласование позиций» американцев и арабов для новой американской «мирной инициативы», фактически речь идет о том, что в Израиле называют «питарон кафуй», то есть навязанное урегулирование. Шарон нервничает, попал как уж под вилы. И никакие крики о «Чехословакии» ему не помогут. Да и сделать резкий поворот к решительным действиям не выйдет, столько сдерживались, и тут вдруг на тебе, как раз поперек батьки (то бишь дядьки Сэма), не поймет ведь «мировое сообщество». Так что, надо полагать, к этому все и идет, к навязанному, тем более что левые наши такое решение приветствуют на ура, а народ... народ «устал»...

Ну, а война в Азии идет своим чередом, устаканилась, одни бомбят, другие прячутся, пока все это где-то в афганском углу происходит и не выплескивается. Вот вчера американцы не бомбили, по причине, как они сказали, «уважения чувств верующих мусульман», для которых пятница — святой день молитв. Вот он, высший пилотаж лицемерия!

Всегда твой

Наум

Посылаю еще «тезисы» Натанияху из его речи к Конгрессу США.

И, наконец, отпечатали мою беседу с Иваном Толстым на сайте «Свободы» в программе «Поверх барьеров». Беседа бестолковая, но там некий «заочный спор» с тобой, так что если любопытно, посмотри...

14.10. Утром позвонил. Счастье слышать радость в ее голосе. Завтра в час.

15.10.

Наум, привет!

Прочел твое интервью с Толстым, тон достойный, да и общее впечатление вполне пристойное. Стихи тоже прозвучали к месту и как-то «ностальгически» (неизвестно почему и по чему). Больше всего мне понравились суждения об антисемитизме в России на эмпирическом уровне: все это наше «общее достояние». Конечно, как ты понимаешь, на теоретическом уровне меня очень мало удовлетворяют суждения об избранности как причине антисемитизма. Да и книжная полка, на мой вкус, подобралась случайная, но она у каждого своя, «о полках не спорят». Кстати, несколько дней назад это твое интервью транслировалось по радио днем (видимо, повторно), но я опять не застал, был на работе (разноска газет). Позвонил Эдик, которому очень понравилась твоя книга (я тебе об этом писал), и сказал Миле: «Включи радио, Вайман по «Свободе» выступает». Но Мила волну не нашла (да она и не привыкла ловить вражьи голоса), а я вернулся гораздо позже.

У меня опять дикая запарка, связанная с тем, что, кроме всего прочего (разноска и переводы), я готовлю к экзамену в аспирантуру по философии сына Сереги (это строго конфиденциальные сведения). Сам Серега укатил на отдых в Испанию (он оттягивается ежегодно, «сделал себе привычку», как говаривал Чичиков). Через пару дней освобожусь и отвечу на письма.

Меня очень заинтересовали твои слова о консультациях Америки с арабами за спиной у Израиля. Насколько это достоверные сведения? Известны ли какие-нибудь детали? У нас об этом ничего не сообщали. Как вообще развивается ситуация? Какие перспективы?

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Я рад, если прозвучало «вполне пристойно». В общем-то, это радио, должно, прежде всего, «звучать». Тут важны голос и его интонации. Мне, например, кажется, что я удачно читал стихи, особенно второе, длинный верлибр, во всяком случае, было заметно, что на Толстого стих произвел впечатление, хотя ведущему как бы и не положено «проявлять эмоции». Кое-какие свои реакции он даже убрал, но, к сожалению, не убрал некоторые ошибки и нелепости синтаксиса, которые в разговоре незаметны, а в тексте выглядят как бессвязность, если не безграмотность. «Книжная полка», конечно, не продуманная, случайная, как ты правильно заметил, к таким вопросам, а они стандартные, надо готовиться.

Ну, а о причинах антисемитизма мы еще, батенька, поспорим.

Сведения о согласовании позиций по будущему урегулированию между США и арабами абсолютно верные, и отнюдь не из «конфиденциальных источников». Шарон по этому поводу сильно нервничает, тем более что он чувствует, как Натанияху не только сел ему на хвост, но и дышит в затылок. Послал нашего «шелкового умника» Меридора /министр «по выработке политической стратегии» (?!)/ выяснять с американцами отношения т.ск. «приватно». На недавнем заседании пр-ва было решено, вопреки мнению начальника генштаба, снять блокаду с арабских городов и оставить холмы над Хевроном, занятые после последних терактов. Начгенштаба выступил с официальным сообщением о своем несогласии (это скандал), получил строгий выговор от министра обороны, а Шарон стал «намекать», что начгенштаба готовит себе таким макаром теплое местечко подле Натанияху на будущих выборах (Натанияху тоже выступил против). После этого решения пр-ва самая правая партия «Национальное единство» вышла из коалиции. Это первая трещина. Вообще Шарон оказался (уже давно) в ловушке. Это постоянное место тех, кто любит «маневрировать» и думает, что самый хитрожопый. Теперь его главная опора — Перес, о чем тот догадывается. Ну, а Перес (вот уж крутила так крутила!) на коне. Фактически пр-во проводит его политику.

Американцы, кажись, не знают, что им делать дальше. И все по той же причине: хотят усидеть на двух стульях, пососать двух маток (у арабов они уже отсосали). А какие тут стулья, когда тектонические сдвиги пошли... Америка в панике из-за «биологической войны», создали «министерство госбезопасности». Русские комментируют, не скрывая злорадства.

Всегда твой
Наум

Позвонил Гольдштейну. Выразил восхищение публикацией в «Окнах» (о Трифонове). Передал и особенное одобрение Тарасовым отрывка об онанизме (в «Зеркале»). Присовокупил и свое. Читал, мол, с большим любопытством. Тут он признался, что «почти все выдумал». Прозвучало, как оправдание. Тем лучше, говорю. И на самом деле надуманность в этом куске была. А ведь хочется «пережитого». Опять намекнул ему (по привычке), что надо бы обмыть книгу. Он сказал: «Да-да. Вот, может, у Оли организуем что-нибудь». Одобрением Тарасова был доволен, сказал, что и ему проза Тарасова в последнем «Сплетении» нравится. Что ж, передам. Намечается возвращение Тарасова в круг «Зеркала».

Договорились на завтра. Попросил принести «Записки честной давалки». Хохочет. «Нет. Я еще не созрела. И не уверена, что вообще покажу это кому-то».

И хохочет, и хохочет.

Наум, привет!

Прочел твое письмо и тут же услышал сообщение об Арафате в Лондоне и заявлении Блэйра. Похоже, план сдачи Израиля приобретает зримые очертания. Смерть дышит в спину. Гнусность ситуации в том, что Израиль исключен из числа активных игроков, как будто террористы это не палестинцы, а евреи. Конечно, для взаимодействия с арабами Америке и Англии нужны кнут и пряник. Подлость в том, что в качестве пряника используется чужая, израильская, жизнь и кровь. В общем, ты прав: если сами евреи не борются (во всяком случае, недостаточно активно) за свое существование, почему они надеются, что кто-то сделает это за них? Слышал о выходе из правительственной коалиции также и партии «Наш дом Израиль». Каков теперь внутривнутриполитический расклад? Реален ли приход к власти Натанияху, и хороший ли это вариант?

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Будем надеяться, что «смерть дышит в спину» это преувеличение... И потом, ситуация меняется драматически, и никто не гарантирует ангелосаксам, что теперь у них есть «все время мира». Мир стал другим. Так что поживем еще. Поживешь подольше — узнаешь побольше...

Шарон ведет линию очень противоречивую: с одной стороны — ослабления, а с другой — ликвидации. Сегодня еще один шахид в своей машине взорвался (излюбленный способ вырубать ихнюю братию). Но это им как красная тряпка для быка. Шарон их явно дразнит. Провоцирует. А что толку, если, спровоцировав, ты ничего решительного предпринять не можешь? Боюсь, что за этим нет никаких «хитрых планов», а просто внутривнутриполитические «маневры», то есть мелкая личная выгода. Он же должен показать правым (они его избиратели!), что он свое дело делает, бьет арабов.

Натанияху мне больше нравится. Но до выборов еще полтора года, а пока Шарону вряд ли что угрожает.

Наум

16.10.

— Мы едем в гостиницу? А ты хочешь? Я не знаю, у меня вчера как будто струна лопнула. Эти три дня, ты не представляешь, я все время... Это так красиво было тогда: ты сидишь, а он стоит. И вот он у меня стоял буквально перед глазами, с мужем я говорю, или с кем-то, а он у меня перед глазами, просто не могла избавиться. И все время улыбаюсь. И сесть на него хочется (хохочет). А когда ты мне сказал, что не сможешь, у меня прям низ живота заболел... Я такая злая была, бедные ученики, все на них сорвала...

— Он у тебя такой красивый... Розовый с голубым, перламутровый, знаешь, как у ракушки внутри... Если б мы 20 лет назад встретились, я б тебя увела. Увела бы. Мне никогда никого не хотелось уводить из семьи, да мне и у себя дома хорошо. Но тебя бы увела... Мне как-то приснился сон, я его до сих пор помню, я накануне читала письма Пушкина, и мне приснился сон, что я у княгини Вяземской, она обещала мне передать письма Пушкина, но стала рассказывать, что они куда-то делись, и я так переживаю, и тут входит Пушкин, и я просыпаюсь с криком, и слышу, как кричу: «Пушкин, где ваши письма?!» Муж проснулся, дочка прибежала, видимо, я сильно кричала. Муж с тех пор чуть что, дразнит меня: «Пушкин, где ваши письма!» (Хохочет.)

Свет в номере постепенно таял, за окном наступили сумерки, а потом и вечер пришел. Мы долго лежали, обнявшись, молча, почти не шевелясь. Зашторенный сумрачный номер, как островок...

Потом пошли в «Манта Рей», народу было мало, с моря на веранду выбегали облака, как артисты из-за занавеса.

— Так низко? — удивилась.

— Да... Как будто мы на вершине.

С голодухи набросились на еду. Туман заполнил веранду, даже соседние столики потерялись из виду.

17.10. Когда жена пришла из кино, я дремал, голос ее возбудил меня. И столько силы вдруг проснулось, столько желаний...

Потом долго не мог заснуть...

— А я тебе звонила утром, когда ты обычно гуляешь, а ты не ответил, и я так разволновалась... Ты как?

— Замечательно.

— Правда? («Слышу», как она радостно улыбается.)

— Да.

— А чего не позвонил?

— А я встал поздно.

Через час еще раз позвонила.

— А я как раз собрался тебе звонить...

— Правда?

— Ага. Я очень рад, что ты позвонила. И я тебя целую.

— А я вчера пришла, даже разговаривать не могла. Попила чаю, помылась и легла. Нет, еще почитала немножко... И спала хорошо.

Матвей, привет!

Сегодня утром убили генерала Ганди, нашего «самого правого» (легендарный вояка времен войны за Независимость, последний из моги-кан). Удивительная, чисто израильская беспечность: он (как и другие министры и члены Кнессета!) останавливался в огромном арабском отеле в Восточном Иерусалиме, никакой охраны, вход-выход свободный.

Прихлопнули и спокойно ушли. Телепопугаи кричат о «красной черте» — министра убили. Ну, может, кокнут в отместку кого-нибудь из окружения Арафата, и всего делов...

Посылаю тебе свой ответ на заметку Цветкова на «Свободе» (заметка в скрепке).

Леша, привет!

С большим интересом прочитал твою статью «Наблюдатель». Не знаю, расположен ли ты обсуждать затронутые темы, но от некоторых возражений мне трудно удержаться. То, что современный обыватель стал «массовым телевизионным зрителем», еще не делает его эпикурейским «наблюдателем». И я не вполне согласен с твоей характеристикой фундаментализма: «рефлекс испуга, реакция на бескомпасное устройство общества со стороны человека, которого свобода выбора в этом обществе сбивает с толку, и который инстинктивно стремится вернуться в общество тотального принуждения». Ты описываешь определенный круг людей, «боящихся свободы», но я не уверен, что к ним подходит слово «фундаменталисты». Вернуться к фундаменту это не значит бежать от свободы. Ты и сам осуждаешь «отвязанность» современного человека, его пресыщенность свободой (слишком большой выбор и слишком мало обязательств). Так почему же ты считаешь, что «соблазн фундаментализма свидетельствует о нашей слабости: далеко не все готовы к той свободе, которую мы сами себе завоевали, ценой многочисленных жертв и подвигов именно тех пионеров индивидуализма». Индивидуализм — это хорошо, он жаждет свободы — прекрасно, но если эту жадность не ограничивать наработанной традицией, она ведет к разнузданности, которая, как я понял, и тебя не вдохновляет. Так в чем «наша слабость», в том, что свобода нас развратила, или в том, что мы до нее еще не доросли? Если, судя по первой половине твоих рассуждений, мы стали «эпикурейцами» (в осуждающем смысле, как презревшие долг), то фундаментализм это естественная реакция на отвязанность, на разнузданную свободу от всех обязательств. Можно, конечно, назвать это испугом, но это испуг оправданный, если судить с точки зрения Фабрициуса, пожелавшего всем врагам Рима такую свободу. Но ты видишь «фундаментализм» как реакцию нездоровую: шараханье, бегство в иллюзию «золотого века» (у тебя было когда-то целое эссе на эту тему). Если это и так (не уверен), то разве «золотой век» — век рабства? И потом, как соотнести свободу с целью? Если у Истории есть некая цель (Замысел Божий), то ее можно рассмотреть только в русле традиции движения к этой цели. А если цели нет (что возможно), то и что беспокоиться? Плыви как рыба в океане, пока плывется.

Так может, суть фундаментализма не в том, что кто-то «не готов» к свободе и привык к «жесткой структуре» (любит тюрьму), а в том, что есть потребность в цели. А движение к цели требует организации и дисциплины, т.е. ограничения свободы: цель важнее свободы. И общая цель

важнее индивидуальной жизни. Она требует т.ск. скромности, а порой и жертвенности. Я думаю, что больше всего невыносимо человеку ощущение бессмысленности жизни. Ведь без цели свобода становится вседозволенностью и безответственностью, а ее разгул дико скучен. Дик и скучен.

Но если есть «смысл существования», то он заложен в жизни рода, а не индивида. И вся созданная культура (она же традиция, фундамент) предназначена для выживания рода. Основной вопрос: способствует ли индивидуальная свобода выживанию рода или нет? Как нас в школе учили, жизнь есть форма существования высокоорганизованной материи, т.е. жизнь это организация, структура. В ней должна быть свобода, но, быть может, это свобода колебания молекул в кристаллической решетке...

И ты напрасно включил в компанию кровожадных фундаменталистов «последователя фундаменталистской секты Баруха Гольдштейна», расстрелявшего «молитвенное собрание палестинцев в мечети». Если принять твою классификацию, то тебе-то что за дело: один фундаменталист расстрелял других. Хотя на самом деле тут совсем другая мотивация: мести и борьбы с врагом, который после молитвенных собраний напрямик направляется на мокрые дела, врагом, между прочим, беспощадным, так что ж его, по головке гладить? Барух Гольдштейн ни к каким «фундаменталистским сектам» не имел отношения, он был врач в хевронской общине, все время подвергающейся нападениям, и совершил свой поступок как акт личной мести. И к затронутой тобою выше «цивилизационной» теме имеет отношение только тем, что араб-израильский конфликт, будучи изначально чисто национальным: чья земля и т.д., превратился сегодня в конфликт цивилизационный (западная цивилизация против исламского фундаментализма), и вообще всячески глобализировался. И именно палестинцы стараются (во имя своей победы — уничтожения Израиля) привлечь массы под религиозными лозунгами («интифада Эль Акса» и т.д.), что совпало с намерением исламских фундаменталистов объявить джихад Западу. А Америку теперь вообще никто не боится, это она боится исламского джина. А Израиль для этого джина только часть глобального плана, ислам ведь когда-то уже достиг Пуатье и Вены, и чтобы скovyрнуть Израиль они маскируются в борцов с колониализмом, империализмом, лозунги все еще популярны в либеральных кругах «новых эпикурейцев». В общем, расклад такой: вы (Запад) сдаете нам Израиль, а мы вас не трогаем (пока). Некоторые страны Запада (как Франция) уже пошли по этому пути, надо полагать, что и другие чешут тыковку. Хотя ясно, что сдача Израиля не облегчит положение Запада, а усугубит. Потому что идея ислама глобальна, и для него-то как раз свобода — совсем не главная ценность. И случайно под его зеленое знамя собираются сегодня все «затурканные» народы, как недавно собирались под красным...

Краве сердечный привет.

Всегда твой

Наум

18.10.

Матвей — Науму

Привет! Правильно ли я понял из тональности твоего послания, что Цветков еврей? Честно говоря, я его не читал, кроме нескольких стихотворений. Стоит ли? Как публицист и радиообозреватель, он на меня «впечатления не произвел».

Мне крайне неловко высказывать политические суждения, находясь в позиции «наблюдателя-эпикурейца», но, по правде говоря, израильская реакция на теракты (в том числе на последний, связанный с убийством министра) производит тягостное впечатление: вводят войска — выводят войска, оккупируют — освобождают; какая-то дурная бесконечность. Я не готов предложить конкретное «политическое решение» (вам виднее); дело в принципе. По идее каждый теракт должен бы был приводить к необратимым последствиям (как необратима человеческая жизнь): пускай арабы знают, что в результате каждого теракта у них отторгается, скажем, хотя бы пядь земли — но навсегда (хотя бы символически, учитывая, что в политике «навсегда» не бывает), иначе получается какой-то цирк. Цирк на крови.

Всегда твой

Матвей

От Цветкова, лапидарно, без здрасти-досвиданья:

Во-первых, ты неправ, полагая, что Израиль в эпицентре войны. Это у тебя географическое искривление угла зрения. Израиль — это как Бог у Вольтера, если бы его не было, его следовало бы придумать. Вспомни, что еще долго после образования Израиля Штаты относились к нему довольно прохладно, а СССР был добрым другом, но с СССР все как с гуся вода, а вот Штатам записали в дело. В списке претензий Бен Ладена Израиль стоит где-то третьим пунктом, просто потому, что вообще не упоминать — неприлично. Да, его надо уничтожить, но в повестке дня есть пункты поважнее.

Во-вторых, национализм — вопрос вчерашнего дня. Палестинцы схватились за эту идею просто потому, что поздно вышли на сцену, когда спектакль был уже сыгран — в Турции с относительным успехом, в Египте как катастрофа, в других местах тоже. Сам Осама сегодня говорит о «мусульманской нации» — ни египтян, ни пакистанцев больше нет, хотя арабы, конечно, главнее всех. Ислам стирает национализм с карты мира: и афганцы, и пакистанцы относятся к арабам без большой любви, но они грудью стоят за Осаму, то есть за ислам. Можешь себе представить сербов и хорватов, совместной грудью стоящих за христианство? Хамас и еще более радикальные людоеды идут на смену Арафатке, который это очень чувствует и сильно суетится, но пирожок от Барака все-таки не принял, потому что пули в лоб боится. От кого? От исламистов же. Вифлеем еще сравнительно недавно имел христианское

большинство населения, теперь мусульмане всех оттуда выжили, и такие дуры, как Ханан Ашрави, напоминают мне западных интеллигентов в годы холодной войны. Никакой палестинской проблемы больше нет, есть исламская, и христианка Ашрави будет повешена — последней, может быть, но все-таки повешена.

Насчет Баруха Гольдштейна ты тоже, по-моему, неправ. Не помню, к какой школе он там принадлежал — то ли Нетурей-Карта, то ли Гош-Эмумим, то ли Ках. Важно то, что тип сознания и образ действия типично фундаменталистские, групповая ненависть и прекращение действия этики за пределами группы. Конкретные мотивы данной акции Гольдштейна могли быть любимы, и лет двадцать назад вполне были бы националистическими, но не сегодня. Еврейский национализм — это ведь был сионизм, вчерашний день, а сегодня иные еврейские фундаменталисты ненавидят светских евреев еще лютее, чем гоев, или, по крайней мере, одинаково.

Про цель ты сформулировал близко к деньгам, но все же чуть мимо: не цель, а смысл. Но смысл свободы нельзя отрывать от самой свободы, потому что смысл без свободы — это не смысл и не цель, а просто правила. Большинство людей не понимает свободы и хочет жить по правилам — и пусть себе живут. Фундаментализм хочет заставить всех жить по одинаковому, своим правилам. Много ли смысла было в жизни средневекового крестьянина, христианского или мусульманского?

Вообще-то исламский фундаментализм куда более твердый орешек, чем еврейский и христианский, и здесь нет времени затрагивать, а в передачах приходится быть осторожным, чтобы не скатиться в разжигание розни. Об этом как-нибудь в другой раз.

19.10.2001. Встречался с Тарасовым. Кружили вокруг Таханы¹, искали книжный склад. Кругом воняет мочей. «Ну и вонь», — говорю. «Восток ебанный, чего ты хочешь», — откликнулся Володя. Воняло везде. Невыносимо. Перед этим в букинистическом на Тахане встретили Вайскопфа. Улетает в Москву, лекции читать. Хвастался, что его «Сталина» переиздали. А первое издание «расхватали». Я говорю: «Вот молодцы израильтяне, НЛО их издает!»

— Ну, издает пока только одного, — сразу возразил он, но тут же поправился: — Ну, да, еще Гольдштейна. Но Гольдштейна никто не читает и не знает. Ему Ира (Прохорова — *H.B.*) специально премию выбила, чтоб хоть что-то продать.

Гуляючи дошли до Ротшильд. Присели пивка выпить. Володя сказал, что Вайскопф «здорово раскрутился». Несколько книг, журнал, серьезное имя. Его «Сталин как писатель» — бестселлер. Он там на примерах стиля доказывает, каким Сталин был межеумком.

¹ Центральная автобусная станция.

— Ну, с этим я не согласен, Сталин — оригинальный и незаурядный ум. А по стилю вообще трудно судить о его уме — русский язык для него не родной. Но вообще, мне эта тема, про Сталина, кажется уже давно изглоданной, так что успех, если он есть, мне непонятен. Может, написано очень хорошо...

— Написано сталинским стилем.

Посмеялись.

— Миша, — говорю, — конечно, «ума палата», но писатель не ахти.

Сказал, что передал Гольдштейну его, Тарасова, одобрение публикации в «Зеркале», и что Гольдштейн в ответ похвалил его «Бомбу на блюдечке». Володя поделился своим большим замыслом: написать о мистическом конфликте Адама и Змия, что надо перекопать Каббалу и гностиков (Люся советует ввести «треугольник»: Адам-Ева-Змий). Я сказал, что читаю римлян, хочу понять, что такое римляне. «Это современные американцы плюс японцы», — бросает с апломбом. «Американцы — да, имперская параллель напрашивается. Но японцы?..» После пары кружек разговор зашел о «старых дураках», я говорю: «хоть мы и старые дураки, но все-таки одни из умнейших людей своего времени». Володя прищурился: «Не могу не согласиться. Бессмертие за нами следит». Подсунул ему интервью с Амиром. Прочитав, он сделал кислую рожу: «Малоинтересно». За что и люблю: зря не похвалит. Разговор соскочил на Цветкова (по маршруту Сошкин-Прага-Цветков), сошлись на том, что он стал брюзгой.

— Наверное, оттого, — говорю, — что недоволен «результатом»: три сборника стихов и недописанный роман, согласись, что не густо. И даже не в том дело, а такое впечатление, что он перегорел... Может, работа на «Свободе» сушит.

— Беда получается с Цветковым, беда, — сказал он.

Потом Соколова обсудили, мол, цыган и ни за что не держится, потому и «горит» еще. Хотя ему тяжело, после того, как он стал легендой, а потом молчал так долго. Тяжело выдать что-то такое, что могло бы встать хотя бы вровень со славой. Помечтали о третьей «Саламандре»¹.

Он хлестал кружку за кружкой (я на каждую его пол-литровую брал треть), а когда счет принесли (вполне приличный), отрезал с прямойотой римлянина: «Прости, поучаствовать никак не смогу, совсем». Я на особое участие и не рассчитывал, но «прямота» слегка обескуражила...

Матвей, привет!

Твоя оценка действий израильских политиков абсолютно верная (цирк на крови), более того, она совпадает с оценкой многих толковых и вполне официальных людей, так, вчера один бывший высокий чин высказался буквально твоими словами, тем более поразительно, насколько

¹ Альманах, который Тарасов издавал в начале девяностых.

упорно «левые» все еще держатся за милые сердцу концепции «переговоров». Говорят, что на вчерашнем (ночном и марафонском) заседании Кабинета, когда Арафату выдвинули ультиматум (единогласно!): «выдать убийц Ганди, иначе «палестинская автономия будет объявлена организацией, поддерживающей и дающей убежище террору, и Израиль будет действовать против нее соответствующим образом» (буквальная цитата), Перес в сердцах сказал: «Делайте, что хотите, но вы еще убедитесь, что решение возможно только за столом переговоров с Арафатом». Вот такой «верный арафатовец»...

Решительность заявления, увы, не должна обманывать: у «ультиматума» нет срока, да он и не первый... Но все же это еще ступень, мы неизбежно спускаемся к войне, но боюсь, что и война будет столь же нерешительной, как и «борьба с террором». Трудно повернуть «эпикурейского наблюдателя» в сторону тотальной мобилизации.

В заключение на эту тему посылаю тебе ответ Цветкова.

Строчу Л: Вчера ходили на «Русского Гамлета» Эйфмана. Оказалось, что музыки к балету не существует, а он идет под «фонограмму»: состоит из надерганных музыкальных цитат из Бетховена, Малера и пр. И когда под неистовство Бетховена они там дрыгали ножками, это было ужасно. А как «Лунную сонату» завели, все думаю, писец. Любовь под «Лунную сонату» — это круто. Там еще в одном из эпизодов мать Гамлета падает на трон, а Фаворит — на нее, при этом израильтянка сзади воскликнула: «Йо!» А русская конь-баба после спектакля усердно орала «Браво», а потом бросила соседке: «Знай наших!», а соседке израильтянке: «Зе Петербург, зе Петербург, зе¹ — культура!»

Старший решил жениться.

Посылаю записки.

Матвей, привет!

Гуляя по сайту «Свободы», набрел на заметку Парамонова «Леонтьев и Розанов», где обнаружил такой пассаж: «Философы неоднократно размышляли над феноменом власти, над абсолютной ее загадочностью, парадоксальностью: каким образом один человек может властвовать над всеми? Да хотя бы над тремя-четырьмя, если эти трое-четверо заведомо сильнее одного? Власть не просто силой насаждается, а вот этой способностью властителя перейти за грань смерти. Власть создает ауру смерти вокруг себя (скорее, бессмертия, на мой взгляд), она существует в поле нечеловеческого опыта. В глубине она не социальна, а экзистенциальна». Что ты на это скажешь?

В приложении к «Едиот ахронот» наткнулся на интервью с одним шелковым умником, неким профессором Джорджем Стайнером, пред-

¹ это (иер.).

ставлен, как один из крупнейших духовных авторитетов в мире, австрийский еврей, вовремя перескочивший с поезда в Освенцим на пароход в США, до сих пор его заслонял Исаия Берлин (в качестве авторитета), ну а теперь он главный, человек бескомпромиссной морали, в прошлом объявил израильский флаг цветной тряпкой, не имеющей никакого значения, и что еврейское государство только вредит еврейскому народу, был отлучен израильским академическим истеблишментом. Но во всем мире проф. Стайнер нарасхват. На израильтян обижаются. «Я был бы рад преподавать в Израиле, но ректоры университетов знают, что первые четверть часа от первого урока я бы говорил о том, что у каждого человека должна быть «красная черта». У меня есть такая черта с детства: никогда, ни при каких условиях не мучить человеческое существо. Такое, конечно, нельзя слушать израильским студентам». Полагает, что «академический истеблишмент Израиля больше зол на него за фетвы¹ вроде этой: «еврейская гениальность, создавшая Фрейда, Эйнштейна и Маркса, погибла в Израиле, стране, где царит серятина, поскольку все силы уходят на выживание».

Вот еще несколько «характерных» высказываний. «Еврейская традиция — это посвятить свою жизнь учению» (а не в армии, мол, служить); «В доме моих родителей деньги считались грязью»; «Универсальные моральные ценности важнее существования нации»; «Израильтяне сами признались, что применяли пытки. Для меня это красная черта. Я никогда не буду пытать человека даже под угрозой смерти». Конечно же, он «друг арабов», а Израиль — «поезд смерти». А вот еще перл: «Я думаю, что быть беженцем — это прекрасно, это возможность изучить другие языки, другие обычаи...» (Почему бы ему не убедить в этом арабских беженцев?!) Ну скажи, в какие шахиды записаться, чтобы поставить эту ученую жидовню к стенке?

А на фронтах за истекшие сутки ничего существенного не произошло.

P.S. Этот Стайнер еще сетует, что все «падающие» (в самолетах и башнях), высказывались по формуле «Я тебя люблю», но никто не вспомнил Бога.

А в нацистских застенках писали «отомстите»...

20.10. Ездили на море с Мироном и Надей, на Пальмахим. Не пляж, а свалка мусора. Ветер. Штормит. Все-таки искупался, вода теплая. Потом прогулялись с Мироном вдоль моря. Он сказал, что «сексуальный» отрывок у Гольдштейна ему не понравился «на уровне запаха». И вообще, «он абсолютно асексуален». «Это даже интересно, как это можно написать абсолютно асексуальный текст на сексуальную тему». Рассказал про свои приключения.

¹ Фётва (араб.) — решение исламского авторитета по спорному вопросу.

— Живу фактически с двумя женами... Но продолжаю поиски... Видел тут новое объявление в нашей местной газете, открыли салон массажа, по дороге на работу, позвонил: полчаса — 150 шекелей, 45 мин. — 180, без полового контакта. Долго собирался, наконец, заехал. Еще не сразу нашел, указателей-то нет... Короче, организовано лучше, чем когда я был в Тель-Авиве в последний раз: такой холл с баром, в холле сидят пять-шесть девушек, да, можно выбрать, в основном русские, за стойкой такой мужичек со шрамом, предложил мне выпить, но выпивать я не стал... выбрал одну, хорошая фигурка, рыжеватая такая, ничего, не акти, но ничего, русская, да, мы с ней сразу перешли на русский, зашли в такую маленькую комнатку, там топчан и джакузи, да, даже джакузи, половая часть в джакузи происходит. Она быстро разделась, сразу предложила 45 минут, иначе, говорит, мы ничего не успеем, ну, я не стал спорить, сначала она мне сделала массаж, я лежал на животе, даже не видел ее, непонятно зачем это все, хотя массаж она делает хорошо, сказала, что специальные курсы проходила, что другие не умеют, ну, потом перевернула меня и перешла к главной части программы, да, я спросил ее, можно ли ее трогать, можно все, кроме полового контакта. Ну, это уже было поинтересней, фигурка у нее действительно привлекательная и очень гладкая кожа, кожа в общем-то главное достоинство молодых, просто поражаешься, что может быть такая гладкая кожа, потом мы перешли в джакузи, доводка шла уже в джакузи, но знаешь, как с этим делом, не всегда получается..., так и тут, я ей потом сказал, что у меня главная эрогенная зона это соски, она говорит, ну что ж ты сразу не сказал, тут уж она довела дело до конца. Ну что я тебе скажу, ощущение осталось двойственное. Все-таки это не то. Но... А так... относительно культурно все. Да, конечно, разговорились, тут очень важно создать «атмосферу доверия», кхе-кхе. У нее есть хавер¹, он владелец какого-то ресторана в Бат-Яме... может и врет, да какая мне разница, нет, вполне милая девушка... Нет, у меня чем старше, тем сильнее влечение. А у женщин — не знаю как. Природа им мстит за ранний расцвет.

Subject: Steiner

Наум, привет!

Я полностью разделяю твои мысли и чувства относительно «ученой жидовни», но и не только ученой. Не знаю, как у них в Америке, но в России есть только одна категория людей, еще более омерзительных, чем антисемиты: это евреи. При этом никакие другие евреи, кроме евреев-русских-православных-патриотов, в публичной жизни не участвуют: их нет на экранах телевизоров, нет в печати и, кажется, уже нет в природе, то есть исчез тип «нормального еврея», со всеми его специфическими достоинствами и недостатками (действительно: если ты нормальный,

¹ Буквально «товарищ» (*ивр.*), больше соответствует американскому «бой-френд».

то почему ты еще здесь?). Еврей-русский-патриот как собака задирает ногу (для демонстративности) и ссыт на могилу своих предков. Это его обычная поза, которая уже никого не удивляет и почти не шокирует. Все, включая «нормальных» антисемитов, испытывают при этом чувство некоторой неловкости (им такой «русский патриотизм» не нужен), но унять еврея-патриота невозможно, выйдет себе дороже. Так эта братия буквально терроризировала российскую Госдуму. Сперва они устроили скандал, сорвав минуту молчания в память о жертвах Холокоста. Потом сорвали такую же минуту молчания в память о жертвах террористического акта в Америке. Последний эпизод такого рода — наши «правые» («Яблоко» и СПС) не решились даже предложить почтить минутой молчания погибших в авиакатастрофе (речь шла о самолете, сбитом украинцами): нельзя, Жириновский поднимет скандал, потому что в самолете находились евреи. При этом Жириновский и Митрофанов остаются желанными гостями на всех теле- и радиоканалах, включая самые «либеральные». Ни один человек не отказывается сесть с этой мразью за один стол. Меня утешает то соображение, что в русской политической «элите» совокупились две жертвы «противоестественного отбора» (жертвы пьяной акушерки-истории): русские «отсеивали» своих, десятилетиями уничтожая весь жизнеспособный генофонд, у евреев «отсев» происходил за счет оттока всех нормальных особей за границу. Кроме того, идет полным ходом «упреждающий отсев», при котором все талантливые молодые специалисты уезжают на Запад; в генетическом отношении такой отбор гораздо страшнее поголовного истребления части популяции без особого разбора (типа Холокоста). Совокупление двух жертв противоестественного отбора дает горючую смесь, которая, надеюсь, благополучно взорвет, а потом и закопает эту страну, не заслуживающую лучшей участи.

Слышал о гневной реакции американцев на последние действия израильтян, которые наконец-то взялись за дело. Думаю, что двурушничество американцев («политика двойных стандартов», как выражается эта политкорректная публика) настолько тут очевидна, что если евреи не дрогнут, у них появится шанс уцелеть; а другого шанса, возможно, уже не будет.

Кстати, о вашем споре с Цветковым насчет роли евреев в «глобальном конфликте». В этом вопросе я склонен занять даже более «радикальную» позицию, чем ты. Если бы речь шла о чисто рациональном противостоянии с прагматическими целями, то роль Израиля измерялась бы исчезающе малой величиной. Но поскольку тут решающую роль играет иррациональная мифология, то я вовсе не исключаю той возможности, что исламский мир действительно удовлетворится Израилем (по крайней мере, на то обозримое будущее, о котором только и имеет смысл говорить в политических расчетах). И западные государственные деятели очень скоро это почувствуют, а потом и осознают. Например,

сегодня на саммите в Шанхае представитель Малайзии сказал, «глядя Бушу в глаза», что Афганистан тут вообще ни при чем, а все дело в «страданиях палестинского народа». Конечно, Израиль может и должен из тактических соображений проводить параллели с Чехословакией (мол, исламисты не успокоятся на Израиле, как Гитлер не успокоился на Чехословакии), но, «между нами девочками говоря», это успокоительная ложь. Механизм работы мифологического сознания таков, что оно стремится обнаружить, а затем и вырвать из земли и растоптать некий «корень зла». Без мышления в таких категориях не возникает ощущения верховной санкции на убийство (в данном случае, на террор). Я допускаю, что самому Бен Ладену нет дела до палестинцев (говорят, он никогда не давал им денег), но Цветков совершенно неправ, когда говорит, что это дело десятое для его риторики и мифологии. Бен Ладен разговаривает с американцами как с обвешанными оружием простаками, не ведающими, какую гадюку (в виде «мирового сионизма») они пригрели на груди; он говорит с ними как с несмышленьшими, которые в принципе имеют возможность исправиться. Слово же «еврей» заключает в себе приговор, не подлежащий обжалованию. Действительно, как тут исправишься? Даже испражнения на могилах родителей не сильно в этом помогают. С евреями Бен Ладен, будучи не политиком-практиком типа Арафата, а лабораторно-чистым идеологом (для соблюдения идеологической чистоты нет места лучше, чем афганская пещера), не разговаривает, и я просто не могу представить себе ситуацию такого «диспута». Корень зла подлечит искоренению для ритуального очищения оскверненного мира — вот и весь разговор. Точно так же «американцы-несмышленьши» отделяются от зловещего ZOG (Всемирного сионистского правительства) в трудах наших конспирологов типа Дугина-Джемала.

Кстати, у тебя в непонятном контексте мелькнул Исая Берлин как чуть ли не идеологический предшественник Стайнера (о котором я, кстати, никогда не слышал). Заступлюсь за Исая в том смысле, что он всю жизнь был убежденным сионистом (близко дружил, например, с президентом Вейцманом) и при каждом удобном (и неудобном) случае говорил о евреях как о своей семье, добавляя при этом, что интересы семьи для каждого нормального человека всегда стоят превыше всего. Если его место в западном истеблишменте действительно заняли отморозки типа Стайнера, то это показатель катастрофической деградации Запада.

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Исая Берлин «мелькнул» у меня только в цитате, где говорилось, что Стайнер якобы сменил его на пьедестале «духовного авторитета». Может, это и не совсем так, журналисты «Едиот ахронот» тоже не Б-г весть какие авторитеты в своем деле (поэтому я и спросил тебя, слышал

ли ты про такого). Во всяком случае, я никаких камней в Берлина не кидал. Но вот тебе еще один «близкий» пример попыток «западных интеллектуалов» сдружиться с исламистами: Зиновий Зиник, косящий под «западного интеллектуала» и в этой роли регулярно печатающийся в «правой» израильской газете «Окна» под характерной рубрикой «У себя за границей» с подзаголовком «взгляд из Лондона». В последней заметке он пишет: «В знак солидарности с запуганным мусульманским меньшинством Великобритании я отправился в марокканский бар...» Там он знакомится с «чудесным арабом», а тот — сюрприз! — оказывается «крупным специалистом по русской философии и главным переводчиком Михаила Бахтина в Ираке» (интересно, кем он назначен «главным», Зиником, или самим Саддамом Хусейном?), и это будит в нашем герое «ностальгические параллели»: «...и тут видишь Багдад, похожий на брежневскую Москву <...> огромные прокуренные квартиры, где интеллигенты-диссиденты во время шумного застолья разглядывают альбомы Пикассо и Босха и обмениваются книгами Сартра и Камю...» Я почти прослезился от умиления. Ну как же, мы их бомбим, а они такие интеллектуалы, Бахтина переводят... А то у немцев на службе Гитлера мало было интеллектуалов. Один Хайдеггер что стоит. Да что там «лондонцы», у нас на днях одна популярная тележурналистка накинулась с обвинениями аж на американцев (во, до каких степеней смелости доходит сочувствие к «запуганным мусульманским меньшинствам»!) за бессмысленные бомбежки, смерть «женщин и детей», тысячи беженцев. Ну и наш Шалом Ахшав («Мир немедленно»), демонстрирует у дома Шарона с требованием «прекратить войну».

Армия окружила уже шесть палестинских городов. С какой целью? Может они просто, зная, что нация не готова к войне, таким макаром медленно направляют к ней пугливое стадо?

А американцы утешают Афганистан и требуют от нас «сдержанности». Боюсь, что они там завязнут и попадут под огонь своих же левых, как в дни вьетнамской войны (а левые — и евреи, мы знаем, тут заводилы — уже стали приходить в себя, нью-йоркские ужасы забываются, ну и потом «мертвых все равно не вернешь»...). А чем больше Америку будут «критиковать», тем больше ей захочется оправдаться (поставками зерна для беженцев тут не обойдешься), а значит, тем сильнее будет давить на Израиль.

Вот откуда, скажи мне на милость, этот стойкий «левый синдром», нелепость, лицемерие и интеллектуальная несостоятельность которого, казалось бы, столь очевидны? Какая-то здесь «таинственная» связь с христианством...

21.10. Белый селезень с красным гребешком усердно бьет поклоны воде, как богобоязненный перед Библией, и машет куцыми крыльями...

22.10. Сегодня с утра сильный дождь. Первый. Вот и лето прошло...

Вдруг, внезапно охладев к ней, подумал, что вся эта моя «любовь» — отражение идущей от нее ко мне любовной волны, пока я чувствую ее по голосу, улыбке, прикосновениям рук и губ. Но как только ощущаю, что ей не до меня, у меня все сразу «падает». Я вообще живу отраженным светом. Внутри у меня темно.

Наум, привет!

Касательно проблемы власти скажу, что рассуждения Парамошки (так называет его в переписке с И. Ефимовым С. Довлатов; занятая, между прочим, книжонка) — бессмысленный набор «умных» слов.

Власть — это навязывание воли: субъект навязывает волю объекту. Но «навязывание» не может быть чисто силовым; если налицо безоговорочное сопротивление объекта, власти как таковой нет. Поэтому власть непременно включает в себя атрибут 'легитимности'. Эта проблематика разработана М. Вебером, выделившим «чистые типы власти». Из них важнейшие — традиционный и харизматический, а также легальный. Вебер рассматривает традиционный и харизматический типы как противоположные: один строится по принципу «чем древнее, тем лучше», другой — на инновациях, достигаемых благодаря некоей личности, обладающей из ряда вон выходящими способностями. При формировании классового общества оба эти типа теряют доминирующее значение, уступая «легальному», т.е. бюрократическому. «Для того чтобы были действенными и мораль, и право, и идеология, необходимо непременное условие: они в той или иной степени должны разделяться всеми участниками процесса, иными словами, требуется, чтобы система ценностей, которую включает та или иная потестарная культура, признавалась в качестве таковой всеми (в идеальном случае) или подавляющим большинством членов данного общества». (Л.Е. Куббель. Очерки потестарно-политической этнографии. М.: Наука, 1988. с. 79).

На этапе так называемого «вождества» наблюдается объединение в руках правителя власти собственно потестарной и религиозной, при этом «совмещение должностей» следует рассматривать не столько в качестве объединения самостоятельных функций, сколько как проявление разных аспектов единой функции управления обществом. Приближаясь к нашему времени, мы наблюдаем все большую специализацию и постепенное отделение религиозных институтов от собственно политических. Место религии занимает в этом смысле (как санкция норм) идеология.

Как осуществляется «первичное», «архетипическое» властное насилие? Прочитую отрывок из одной этнографической статьи: «Так, после избрания главы матрилинейного клана у минанкабау устраивается ритуальная процессия. Она состоит из трех групп: в первой идут новобранный правитель, его друзья и сподвижники; во второй — родст-

венники его жены; в третьей — гости, музыканты, танцоры и т.д. Нарушителя порядка, т.е. оказавшегося в несоответствующей группе процессии, приравнивают к совершившему кровосмешение и убивают без всяких разбирательств. Родственникам убитого компенсация не полагается» (Л.Л. Тайван. Власть и ритуал. // Ретроспективная и сравнительная политология. Вып. 1. М.: Наука, 1991. с. 322). Чем хорош этот пример? Описан ритуал избрания правителя, т.е. осуществителя властных полномочий. Разве убийство «нарушителя» (на наш взгляд, «жестокое», «недостаточно мотивированное» и «безжалостное») является следствием психологических особенностей избранного правителя? О них даже не упоминается, и это правильно.

Строгость («жестокость») ритуала диктуется пониманием, что правитель выступает в качестве агента «внешней» (можно даже сказать «трансцендентной») субстанции, тогда как управляемый народ представляется в естестве жены правителя. Всякое нарушение ритуала («осквернение») приводит правителя к заболеваниям, предупреждающим, что его отношения с управляемым народом недостаточно гармоничны. Нарушение сигнализирует о том, что он неудовлетворительно посредничает между «мировым порядком» («сакральным макрокосмом») и профанным микрокосмом. В замечательной книге Мэри Дуглас «Чистота и опасность» (я тебе ее высылал) утверждается, что у евреев святость изначально была равнозначна разделению, то есть, попросту говоря, фундаментальной классификации. Святой тот, кто не путает верх с низом, жидкое с твердым и оказывается во время ритуала в нужной колонне. А любое смешение, «нарушение порядка», «осквернение» карается жесточайшим образом, и легитимной («освященной», сакральной) санкцией на эту карающую функцию наделяется правитель. Совершенно ясно, что в его «жестокости» нет ничего «личного»; здесь вообще нет «психологии». А чисто функциональное «психологическое принуждение», обязательное для обеих сторон, есть. Если человек «осквернился» таким образом, что никто этого даже не заметил, он все равно зачахнет и умрет, если не успеет (или не сумеет) должным образом «очиститься». Кто осуществляет над ним насилие? Не личность, а структура — структура его мировосприятия, и она же — социальная структура. Что же касается готовности правителя умереть, то тут, на мой взгляд, дело состоит в том, что принимая на себя роль посредника между «мировым порядком» и «порядком в общине», правитель умирает как индивидуальное существо (очень часто «коронации» предшествует длительная и жестокая аскеза), совершает своего рода «обряд перехода» (термин Ван Геннепа), при котором «умирает и воскресает», умирает как человек и воскресает как функция; кроме того, он всегда готов к ритуальной смерти, поскольку цикличность «мирового порядка» предполагает «смену», хотя бы и символическую, карнавальную (убийство царя и коронация шута). Так что правитель, действительно, находится «на

короткой ноге со смертью». Но его власть не функция его личного «героизма» (воин и все такое); скорее наоборот: сакральность наделяет его функциональным «героизмом».

Теперь насчет вопроса, не пугает ли меня угроза того, что «снятие индивидуации», буквальное, в мистериях мятежей и войн, снимает и преувеличенное представление о ценности человеческой жизни?» Отвечаю: если речь идет о «преувеличенном представлении», то нет, не пугает нисколько. На поверку вся эта «преувеличенность» сводится к субъективной притязательности, тяготеющей к магическим стратегиям спасения. Этого хлама мне не жалко. Но мы проявили бы непростительную наивность, если бы поверили тем байкам, которые распространяют про себя «монотеистические религии». Если им поверить, то они породили (чуть ли не «сотворили из ничего», по ноу-хау Яхве) некую небывалую степень индивидуации и тем осчастливили человечество. На самом деле сотериологическая стратегия в принципе не может ничего такого «породить»: она реагирует на вызов, сформировавшийся вне сферы ее функционирования (термометр не «порождает» температуру воздуха, а реагирует на нее). Повышение степени индивидуации — это нечто вроде «естественно-исторического процесса», ее концентрация «разлита в воздухе», и если бы магические стратегии спасения были единственным ответом на этот вызов, то крестоносцы и мусульмане давно бы уже поголовно перерезали друг друга, а о ценности отдельной человеческой жизни ностальгически рассуждали бы на развалинах Европы и Ближнего Востока какие-нибудь даосы. К счастью, Европа предложила другой, прямо противоположный, жреческий ответ на этот вызов — гуманизм. Гуманизм оболган и сфальсифицирован с двух сторон. С одной стороны, христиане трактует его как «человекобожие», противостоящее ихнему «богочеловечеству» (так трактовали гуманизм Флоренский, Булгаков, Лосев и иже с ними). С другой стороны, сами западные «гуманисты» (те же упоминаемые тобой «гуманисты-онанисты» и «еврей-леваки»), ни бельмеса не смысля в жреческом генезисе «истинного гуманизма», трактуют его в духе «морального ригоризма» (идиотической «красной черты» в речах отморозка-Стайнера). Между тем, в жреческой катартике нет ни грана «морализаторства»: скажи на милость, какую «либеральную мораль» можно извлечь из акта жертвоприношения, на котором замешана вся катартика культуры? «Истинный гуманизм» не имеет ничего общего ни с «человекобожием» (он очень быстро, за четверть века переболел в эпоху Ренессанса этой детской болезнью), ни с «богочеловечеством». Он действительно учит скромности и ценит личность соразмерно с ее местом в обжитой ойкумене, не девальвируя ее (что фактически происходит в истерической атмосфере магической сотериологии), но и не наделяя носителя индивидуации какой-то непонятной «абсолютной ценностью» (как сказал один умный генерал, есть вещи и похуже войны).

А «буквального, в мистериях мятежей и войн» снятия индивидуации, по-моему, не бывает. Это воскресение теургических представлений Серебряного века. Федор Степун, например, рассматривал Октябрьскую революцию как такого рода мистирию и напредсказывал кучу глупостей, из которых ни одна не сбылась. Аналогичная история произошла чуть раньше с Вяч. Ивановым, который, будучи умнее, вовремя одумался. Их проблема заключалась в том, что Степун в упор не видел Рампы, а Иванов хотел ее «преодолеть». Снятие индивидуации происходит лишь за Рампой, а резня, даже самая кровавая и «апокалипсичная» просто уничтожает индивидуумов.

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Расписал красиво. То, что ритуал — основа власти, и в нем правитель умирает, как человек, и возрождается как сакральная функция, готов согласиться. Кстати, в этом случае функция власти — это, прежде всего, функция объединения подвластных. И вождь (лидер) — символ единства. Но в этом раскладе я все же не отбрасывал бы личную готовность к насилию ради власти, и «психология личности» все-таки играет роль в этом процесс (формирования власти). Я бы даже усилил тезис: каждый, кто может осуществить насилие, обладает властью. Там, куда его сила может дотянуться. И пусть она не имеет никакой «легитимности», но она внушает страх и правит, угрожая наказанием. Да и как бы иначе одно общество осуществляло свою власть над другим, имеющим другие традиции и ценности, другие ритуалы? И как происходит смена власти и ценностей (даже религии) внутри самого общества? Если малейшее нарушение ритуала влечет за собой смерть, то как же общество, связанное таким ритуальным каркасом, может принять чужую власть каких-нибудь «отвязанных», презирающих эту ритуальность? А сегодня вообще ритуальные (религиозные) подпорки власти почти не действуют. Так что, либо грубая сила, либо «общественный договор».

И для имперских завоеваний нужна «воля к власти» и молодая энергия. Как и для сопротивления. Вот Чехия в 15 веке поднялась против всей Европы и держалась десятилетия (5 крестовых походов!), а перед Гитлером спасовала. «Вера», конечно, помогает, но одни за нее держатся, а другие не очень: это характеризует веру, или стойкость вождя и народа?

У нас обстановка «активизировалась». В Вифлееме уличные бои. Громко сказано, конечно, но постреливают. Папе римскому показали две пулевые пробоины в витраже церкви Рождества Христова и он «выразил озабоченность». Американцы злятся на нас, мы им путаем карты. И очень хорошо, что злятся, это значит, что и мы можем им «насолить», так пусть не пренебрегают. Передали, что они «очень жестко» заявили Сирии, что Народный фронт Освобождения Палестины (штаб-квартира

в Дамаске), который взял на себя ответственность за убийство Ганди (смешная кликуха, правда?), для них вне закона, и погрозили Сирии пальчиком. Наши «левые» тоже активизировались: караул, мы опять «оккупируем» Иудею и Самарию. Грозят выходом из пр-ва.

Такое впечатление, что последние действия Израиля никакого «шторма протеста» не вызвали. Даже арабы помалкивают. Арафат всем надоел. В нерешительности (а может постепенности и медлительности?) тоже есть свои преимущества... Кажется, палестинцы впервые чувствуют себя несколько «придушенно». Но до ковровых еще далеко...

От Л: А что ты думаешь, эта война надолго?

Ответ Л: На всю оставшуюся жизнь и далее со всеми остановками. Это не война, а противостояние. Оно будет обостряться и утихать, вестись повсюду и всеми средствами, но всегда будет. Это будущая история, начало которой нам удалось застать...

23.10. Утром гулял по парку. Три серых гуся, откормленных, с белыми животами, ходят за мной и угрожающе гогочут. Позвонил ей. Дома никого. Мобильный откликнулся. Она в дороге.

— На работу едешь?

— Нет, мужа отвозила. А я сегодня не работаю. У меня кенес¹.

— Аа.

Дал ей гусей послушать. Хохотала. Ну и — как она меня целует, и как она слушает мою пленку, и какой я умница, и как она меня любит. Да, в понедельник. А на весь день, может, через неделю, ладно? Ладно.

Кенес. Врет.

Гуси все еще чапали за мной, и тут я вспомнил, что мне сегодня приснился этот серый гусь, он как-то странно летел, не взмахивая крыльями. Плыл по небу.

Кенес. И не то обидно, что она все время с кем-то ебется, а то, что перестаешь верить в то, что говорит и даже делает. Любит... Любит победиться, и всего-то делов...

Наум, привет!

Сказать, что ритуал власти просто прикрывает, в качестве идеологического обеспечения, насильника, это значит по существу отказаться от объяснения. То есть между чем и чем мы на самом деле выбираем? С одной стороны, представление о том, что исходным пунктом для возникновения власти послужила потребность регулировать функционирование общественного организма. Он с одной стороны, действительно, организм, т.е. может сохраниться лишь как согласованное целое; с другой стороны, благодаря «отрыву» человека от природного единства, его

¹ Собрание (*ивр.*).

функционирование не обеспечено автоматически, как обеспечено функционирование регулируемых инстинктом животных сообществ. Отсюда необходимость в специальном властном механизме. Это объяснение, на мой взгляд, совершенно убедительное и достаточное; по крайней мере, меня оно удовлетворяет. Сказать же, что в основе всего лежит неконтролируемый порыв некоего насильника — это значит ничего не сказать. Если этот порыв спонтанный, то откуда берется упорядоченность общественного организма, регулируемая властью? Если это порыв именно к власти, то откуда взялся порыв, когда еще не было власти как социальной организации? Думаю, что когда ты говоришь о третьем (и, по-твоему, самом распространенном) типе власти — о «чистом насилии», ты имеешь в виду что-то вроде агрессивного импульса, общего для человека и животного (об «агрессии» в том смысле, какой придает этому слову Конрад Лоренц). Но тот же Лоренц показывает, насколько в поведении животных «агрессия» подчинена правилам, закрепленным в «общественном инстинкте» (запрет на внутривидовые убийства и тому подобное). Лишившись инстинктивных правил, человек вырабатывает искусственные нормы, но цель остается той же — обеспечить выживание целостного видового организма. Я не вижу фактов, которые противоречили бы этому объяснению. А «чистое насилие» всегда, в любом социуме было «остаточной неупорядоченностью», то есть вполне маргинальным для социума явлением, которое не переходит порога личных идиосинкразий, начиная от сексуальных маньяков и кончая семейными тиранами. (Очень интересная концепция маргинализации насилия и «переработки» его в ритуальную упорядоченность изложена в книге Жирара «Насилие и священное».) И Рим, который ты постоянно ставишь в пример, вовсе не был субъектом «чистого насилия»; напротив, римская администрация делала все от нее зависящее, чтобы не нарушать границ «взаимной согласованности»; она, как правило, достаточно деликатно относилась к вопросам сакрализации. Конечно, чрезмерное насилие применялось временами Римом и к сакральной сфере, но это делали недоумки и маргиналы (в том числе и маргиналы на троне), достигавшие тем самым противоположного укреплению власти эффекта.

Что же касается взаимоотношений между различными «этническими организмами» с существенно различными структурами всего на свете, в том числе и организации власти, то о чем, собственно говоря, мы спорим? Такое взаимодействие существует, никто не станет этого отрицать. В ходе этого взаимодействия поле для маневра очень ограниченное: стоит немного «пережать» (как это случилось с шахом Ирана), как возникает фундаменталистская реакция. Способов «приспособляемости» изобретено великое множество: «демократия» в Индии очень мало напоминает по существу европейскую демократию, притом, что соблюдаются очень сходные процедуры. В России сейчас строится «управляемая демократия». Но система власти не может выйти за рамки «согласованных меха-

низмов». Я не знаю успешных примеров абсолютно силового навязывания. Самые «близкие» примеры — это послевоенное навязывание «демократии» Германии и Японии. Но в обоих случаях демократическая традиция в этих странах уже существовала, и страны-победительницы не препятствовали адаптации абстрактных демократических схем к специфической ментальности немцев и японцев. В противном случае власть теряет устойчивость и разваливается, что может сейчас произойти, например, в Пакистане. Собственно говоря, нынешняя «борьба с терроризмом» как раз и означает, что взаимодействие различных по характеру сакрализации социумов таит в себе колоссальную взрывную силу, которая вырвалась из-под контроля как джинн из бутылки. Человечество может с этим джинном и не совладать. А кто обещал, что «все получится»?

В России тоже не слышно «штормов протеста» против действий «израильской военщины». Надеюсь, ты будешь держать меня в курсе событий.

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Вот ты говоришь, «откуда взялся порыв к власти, когда еще не было власти как социальной организации?» А откуда он берется, допустим, в волчьей стае? Зоологи говорят, что есть волки (или другие хищники), у которых явно выражен («встроен», как ты говоришь) инстинкт господства (альфа-самец) и он за это свое господство готов драться до смерти. И самцы дерутся не только за самку, но и за власть. То есть, имеются в наличии жаждущие власти и готовые подчиняться (если жаждущие оказываются сильнее).

Готов согласиться, что «общественный организм» требует для своего успешного функционирования/выживания определенной организации, и эта организация обеспечивается «властным механизмом». Но все это не имеет отношения к управлению самим властным механизмом. А им управляет жаждущий власти. Для него важно захватить власть. А уже захватив ее, он готов, кроме всяких «наслаждений власти», заниматься и поддержкой функционирования общественного организма (естественно, ведь если организм погибнет, власть испарится). Более того, он даже может оказаться «успешным менеджером». Так что властный механизм это одно, а жажда им управлять (поручить страной) — совсем другое. То есть все твои глубокомысленные объяснения относятся к работе социального механизма (всякие структуры и пр.), но ведь я не о том, а о захвате власти. И это вопрос психологии (хотя есть, конечно, и технологии захвата власти, скажем, что брать раньше, телеграф или банки). У власти тот, у кого сильнее «инстинкт власти», и его не «выработает». Вот ты пишешь: «Я не знаю успешных примеров абсолютно силового навязывания». Во-первых, — да сколько угодно. Разве

коммунисты не захватили и не держали власть чистым насилием? Да, даже самая наглая власть, дабы облегчить взятое на себя бремя (чистое насилие требует постоянного напряжения) обставляет свое господство всякими атактистическими ритуалами, идеологией, пропагандой и т.п., то есть действует на психологию подданных, но это воздействие в корне лживо и призвано прикрыть наглость чистого насилия. Даже «демократические» механизмы выборов, публичных выступлений с зажигательными речами и красивыми кандидатами (не более, чем театральные действия) таят в глубине тайную возню и сговоры «центров силы», с взаимными угрозами, компромиссами, иногда и убийствами. А для этого нужны воля и энергия. Ну а когда власть захвачена, можно объявить и о «новых механизмах», от распределения бюджета до степени свободы слова и прав человека.

И еще (добавим к психологическим механизмам): власть — лекарство от страха смерти (тут Парамошка кое о чем догадался). Владея жизнью других, ты как бы съедаешь их жизнь и тем самым продлеваешь свою. Не зря же многие властители тайно или открыто поощряли всякие научные поиски по продлению жизни, увлекались всякими связанными с этим кровавыми ритуалами, кроме того, люди всегда обожествляли носителей абсолютной власти. Вот ты же ищешь «спасения» на путях «иллюзорного» возвращения к роду через «рампированный катарсис». Совсем не оспариваю обоснованность такой методики (об эффективности можно поспорить), но хочу сказать, что она не всем подходит, и джинна индивидуации, если уж он вырвался наружу, не загонишь обратно в «лампу» (за Рампу), он будет искать «утешения» в необъятности и фантастичности своих проектов. И тут, естественно, возникает опасность «агрессии» со стороны такой «отвязанной» личности, но ответом на вызов такой агрессии может быть только твердость характера, который чужую власть не примет (а не преверженность ценностям, такая преверженность может помочь, но без «характера» она бессильна). Т.е. мы опять выходим на «психологию» и — героизм!

Американцы возмущены (во лицемеры!) гибелью гражданских лиц во время вчерашней «операции», чуть ли не ультиматум Израилю предъявили: прекратить «оккупацию» городов. Но Израиль отклонил. В кои-то веки проявил твердость.

Всегда твой
Наум

24.10. Утром не стал ей звонить. Перерыв. Не каждый же день, в самом деле.

Наум, привет!

Не очень-то представляю себе, как «развивать тему» (тем более что она для меня «побочная»). Твои размышлизмы, возможно, и имеют ка-

кой-то эвристический смысл, но для меня это не более чем фантазии: я как-то не наблюдаю вокруг себя засилья титанов, а вижу противоположный процесс унификации и измельчания личностного начала. Может быть, поэтому мне кажется, что твои рассуждения отдают анахронизмом. Какой-то запоздалый романтико-титанический синдром.

А если уж коснулись титанов, а стало быть, Ренессанса, отмечу, не углубляясь в детали, что в эту эпоху был возрожден (название точное) языческий (жреческий) канон снятия индивидуации, который оказался настолько продуктивным, что остается непоколебленным по сей день и составляет истинную (не вполне «узнанную») основу «либеральной» цивилизации. Одно из двух: либо ты принимаешь допущение, что этот канон действительно основан на архетипе снятия индивидуации (и тогда ни о каком культивировании «абсолютной личности» не может быть и речи, какими бы «индивидуальными особенностями» не отличались творцы этого канона), либо предлагаешь какую-то другую концепцию этого архетипа. Ты как-то, в пик моей концепции, выразил «склонность согласиться» с Лосевым, так учти, что за неё надо платить, причем по крупному. Люди типа Лосева-Флоренского не валяли дурака и не сидели между двух стульев (вот уж кого никак не обвинишь в сотериологической шизофрении; это чистой воды параноики): приняв тезис о человекобожестве возрожденства-вырожденства, они прокляли ('анафематствовали', как они выражались) всякое «светское» искусство (т.е. искусство снятия индивидуации) и противопоставили ему икону. То есть они боролись, причем бескомпромиссно, не с личностями-«титанами», а с каноном (архетипом). Это была братва покруче Саванаролы, и не нашему брату к ним «подлизываться»; честнее уж полаивать из подворотни, как Моська на слона, чем я и занимаюсь (см. басню «Слон и Мотья»). При этом я остаюсь при мнении, что они, в порыве самоослепления, «обманули самих себя» и дали абсолютно неадекватную трактовку Ренессанса: их концепция прекрасно характеризует «русское религиозное сознание», показывая его бессильную ярость против успешного конкурента, но нелепо ожидать найти у них «объективную оценку» этого конкурента.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

К серьезному разговору о Возрождении не готов, хотя тема очень интересная (эпоха «ключевая»), так что помолчу пока.

У нас все сосредоточились на «столкновении с Америкой», на ее ультиматуме (точнее — грозном окрике). Войска пока не выводят, наоборот, ночью ввели еще в одну деревню и «прочистили им дымоход». Не то чтобы уж очень основательно прочистили, так, верхний слой сажки смахнули. Думаю, что здесь не только стремление «сохранить лицо» (все говорят, что через день-другой выведем), но определенное намерение

«оскалиться» на Америку (хочу надеяться), мол, и мы можем вам подпортить обедню. А мы можем. Американцы очень боятся серьезной заварухи (даже Ливану пальчиком погрозили), это обрушит карточный домик их коалиции, а вернее, молчания продажных арабских режимов. И вообще, американцы (судя по реакции на Израиль) нервничают, Буш, во всяком случае, нервничает, например, передают, что он в частном разговоре послал Израиль «к черту». Видно, дела в Афгане идут со скрипом. Ситуация не развивается. А «зависать» в таком деле — самое страшное.

А «черт»-то может не так страшен, как его малюют. Раньше я бы после такого крепкого выражения (все-таки Буш болван) написал тебе, что вот видишь, все по сценарию: кинули, да еще к черту послали. Однако не так все просто. Есть ощущение, что какая-то степень свободы у нас еще осталась. А вообще, степени свободы появляются у тех, кто борется за свободу.

В Вифлееме еще постреливают. А вообще терактов стало существенно меньше.

Всегда твой
Наум

От Л: Бабье лето такое короткое... А я хотела по телефону тебе сон рассказать, так и не расскажешь.

Давай записки.

С 1-го по 11 ноября меня не будет, летим в Португалию.

Ответ Л: А я пару дней назад послал тебе записки...

Так Расскажи сон.

Матвей, привет!

Псылаю тебе «ответ» Цветкова, его статью «Верой и правдой». «Мимо кассы» во всех отношениях. Ты прости, что «нагружаю», может статья, что читать нет смысла, но раз тема была поднята...

Кстати, хотел тебя спросить: какая на сегодня твоя «производительность» в чтении? Со мной прям беда: две-три страницы прочту — и в сон клонит, ужась!

Всегда твой
Наум

Написал Барашу:
Chto novogo, brat-literator?

Бараш ответил:
a eto videl?

И присовокупил заметку Белкиной в Русском Журнале о «Зеркале». Про меня написала, что «физиологический» дневник... О Бараше больше всех (обширные цитаты).

Рубрика озаглавлена «Обратная перспектива, пункт назначения — Москва». Александр Бараш («Трип «Москва») посетил нас, судя по всему, очень недавно, Наум Вайман («Записки сохнутовского эмиссара») — в августе 1991-го. Ничем, кроме путчевого юбилея, публикацию Вайманова дневника не оправдать: скрупулезно физиологические, житейские «Записки», может, пригодятся «аннальным» историкам лет этак через семьдесят. Впрочем, я вот уже не помню, сколько стоил доллар в августе 1991-го, а Вайман вдруг напомнил: столько же, сколько сейчас! Разница в том лишь, что три тыщи тогда считались сумасшедшими деньгами (\$100!), и добропорядочные московские хозяева постеснялись брать столько с постояльца. Что до собственно впечатлений-ощущений того, кто посетил сей мир в его минуты роковые, то они сводятся по большей части к подробному меню, продовольственным закупкам, мужской охоте и еврейским страхам.

Написал ему:

Спасибо, что перекинул. Мою трогательную повесть о любви так никто и не заценил...

25.10.

Матвей — Науму

Статья Цветкова вращается вокруг проблемы национализма, весьма темной (в том числе, признаюсь, и для меня). Интуитивно я с ним не согласен (все, что он пишет по этому поводу, лежит на поверхности и доверия не вызывает), но чтобы аргументированно «спорить», нужно кое-что почитать / очень обещающая и оригинальная постановка вопроса обнаружилась в книге Бенедикта Андерсона (оказавшегося мужчиной) «Воображаемые сообщества», которую я пытаюсь читать, но урывками)/, а что-то «освежить в памяти» (серьезные концепции разработаны в имеющихся у меня книгах Геллнера и Хобсбаума).

А коли уж зашла речь про Цветкова, приведу забавные выдержки из переписки Довлатова с Ефимовым.

Довлатов — Ефимову /январь 1980 г./

«Мне нравятся его /Цветкова/ стихи, и Грише /Гр. Поляку/ тоже, но Лифшиц /Лев Лосев/ сказал, что Бродскому они не очень. Хотя, видимо, дела обстоят несколько сложнее. Иосиф, мне кажется, не любит соизмеримых авторов. В следующем же номере альманаха Поляк охотно поместил бы его стихи».

Ефимов — Довлатову /январь 1980 г./

«Сереза, я люблю ваши письма и храню их для потомства, поэтому будьте, ради Бога, осторожнее — не пишите, что Бродский и Цветков соизмеримые поэты».

Довлатов — Ефимову /17 января 1980 г.

«За аналогию “Бродский — Цветков” извините. Даже не знаю, как это вырвалось».

Что касается моей «производительности в чтении», то она чудовищная: я читаю с жадностью, обратно пропорциональной наличию свободного времени, которое стремится к нулю. Завидую пенсионерам. При этом возрастает «избирательность»: мне все труднее читать беллетристику и все легче — научную литературу, особенно по философии и этнографии. В связи с этим вопрос: читал ли ты книгу Мери Дуглас «Чистота и опасность»? Мне пришло в голову, что наилучший способ «углубиться» (а толочь воду в ступе надоело) — это обсудить конкретную, не слишком сложную и небольшую по объему книгу, к тому же свежую в памяти. У нее еще ряд достоинств: 1) сравнительно новая (то есть учитывает результаты «основополагающей» дискуссии о магии/религии), 2) вызрела в лоне английской социальной школы (принадлежит к «великой традиции» Дюркгейма-Мосса-Рэдклифф-Брауна) и 3) выдвигает оригинальные идеи (есть где разгуляться). Если ты проявишь заинтересованность, я готов попробовать.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Что толку сидеть на пенсии, если производительность нулевая...

Попробую прочитать Дуглас.

Насчет Цветкова это ты намекаешь, что не стоит «горячиться», потомство может неправильно понять? Как мне сам Цветков говорил, «не плюй в колодец». Хотя он имел в виду современников. И тут стоит сказать, что Цветков и Бродский, может, и несоизмеримы, во всяком случае, Бродский куда более знаменит, но ведь мы знаем, как получаются знаменитости, а талон на место у колонн, ты прав, вручают потомки. Хотя и они зачастую оказываются в плену прижизненной славы человека, он как бы уже «вписал» себя в эпоху и, как Мандельштам говорил, «попробуйте меня от века оторвать». Возможно, Бродский уже занял, и по праву, более заметное «место в культуре», если можно так сказать, но Цветков мастер слова такого класса, что всякие «измерения» подобного рода кажутся мне неприличными. Меня всегда раздражал перенос в область культуры, тем более поэзии, этой русской привычки к чинопочитанию: они все играют в «кто главный», кто «выше», кто «ниже». Хоть бы в делах вечных ценностей соблюдали бы демократию, или хотя бы уважение к коллегам. И признаюсь: Цветков мне местами близок, а Бродский — никогда.

Американцы, кажись, чуть ослабили хватку — твердость себя оправдывает. Но по тому радостному облегчению, с которым Шарон доложил об этом, видно, как они боялись собственной твердости...

Всегда твой
Наум

Еще от Бараша:

Можешь посмотреть у Курицына, в одном из предыдущих его WEEKLY.

О тебе там нет, но есть о «Зеркале».

Курицын отмечает «звездного» Гольдштейна и Бараша: «Лирическая проза. Реальный нерв».

От Л: Спасибо за записки. Еще не читала.

Снилось, будто я просыпаюсь среди ночи и сажусь к компьютеру. Включаю, а на экране вижу: ты сидишь и что-то пишешь на своем РС, и думаю: ну да, у вас уже утро, это у нас ночь, но у тебя окно распахнуто и видно луну-блюдец, такую же как у меня и думаю — это ты опять свиданки боишься, а ты нажимаешь на клавишу и чувствуешь что она мягкая и теплая, как живая, поднимаешь глаза, а вместо компьютера на столе я сижу и ножки свесила, ну ты встаешь и я тебя обнимаю и в шею шепчу — вот я тебя сейчас буду любовью своей редкой заражать через влияние чтоб не боялся больше и спал спокойно и мы смеемся вместе.... потом уже...

Ответ Л: Хорошие у тебя сны...

Старший сегодня летит в N-Y с невестой, погулять пару недель. У нее там сестра, тетя и бабушка. Пора и мне в N-Y слетать.

Вчера была интересная телепередача о том, как израильтяне привозят невест из Украины. Из Херсона... Печальна ярмарка невест...

Позвонил Марку Корнилову, насчет книжки Бокштейна. У него был Тарасов. Решил подскочить к ним. Марк снимает квартиру на Бен Иуда. Мутный, из-под бровей, взгляд наркомана. Программист. Сейчас без работы. На добровольных началах делает индивидуальные сайты разным литераторам: Тарасову сделал, Бокштейну, Кузьминскому, делает Анечке. Красивые сайты. Две кошки в доме: тибетская дымчатая, и ее сын, черный как смоль. Гладил тибетскую, рассказывал им о заметках про «Зеркало». Тарасов был какой-то измученный. «Может, подкурить хочешь?» — спросил его Марк. «Нет, мне к четырем надо в консерваторию, у дочки концерт. А после курева у меня язык заплетается».

Решили пойти пива выпить. Марк отказался. «Со вчерашнего башка гудит». Обменялись с ним емелями. Вышли с Володей, долго искали бар с разливным пивом: у всех только бутылки. Пошли в тот, где Тарасов с Соколовым «упился пивом». Повод поговорить о Соколове. На письмо Володи он еще не ответил. Бар пустой, музыка слишком громкая, попросили убавить, заказали «Карлсберг» и салат греческий, наш неизменный ассортимент. Выпили по пол-литра, потом еще. Тарасов на этот раз заранее дал мне полтинник. Потом про наши дела. Как ему трудно будет с зеркальной бандой мириться: «Гробман — мудака. Ирка — лицемерка.

Бараш — лизоблюд. Гольдштейн... Гольдштейн просто мне противен». Стал успокаивать его, что детей ему с ними не крестить, пусть печатают. Выпили еще. Как-то потеплело на душе. Подумал, что ведь я ж его люблю. Да, люблю его. Хотя, в сущности, я готов всех любить. Кроме Гольдштейна. Даже Гробмана. Завели про Гольдштейна. Я стал ему зачем-то рассказывать, какой Гольдштейн «корректный», никогда не позволит себе гадостей за спиной.

— В сущности, он очень порядочный...

— Ой, только не произноси при мне этого слова! — взвился Тарасов. Засмеялись.

— Ну а что. Вот не люблю его, а ничего плохого про него сказать не могу. Даже писать стал хорошо. А ты его (и я гаденько захихикал): «Саша — вы трус!» А он... ну, умора!, а он: «Почему, Володя?!» «Почему, Володя?!» Нет, чтоб вмазать тебе по роже!

Тарасов тоже стал смеяться.

— Хоть бы стакан воды на меня выплеснул!

— Неет, неет! Ему театральные эффекты чужды! Чужды. И потом он к тебе со всей корректностью, а ты: «Трус»! Он был искренне удивлен. «Почему, Володя!» За чтоо?!

Посреди разгула позвонила Р.

— Ты где?

— Да вот, сидим с молодым поэтом Владимиром Тарасовым, пиво трескаем. Фрески вокруг какие-то полустертые...

— Ты чего, пьяный? — смеется.

— Да какой-там, — с неожиданной грустью.

— Ладно, я потом позвоню.

— Ты хотела что-то сказать?

— Да ничего, просто поболтать. Ну вы пейте, пейте.

— Ладно. Мы уже заканчиваем, я тебе через полчаса позвоню, ты будешь дома?

— Через полчаса еще буду.

— Понятно... — скривил я губы.

Потом я подкинул Тарасова к консерватории на Штрикер, заехал в переулочек и позвонил ей.

— Ну, рассказывай.

— Да я просто хотела поболтать.

— Давай поболтаем.

— Так ты помирился с Тарасовым?

— Помирился? А, ну да. Проехали.

— Ну, я рада.

— Да, это хорошо.

— Что еще нового?

— Нового? Вот пригласили лекцию читать о переводах. Трансмиссия культур.

— Кто пригласил?
— Вроде министерство абсорбции. Даже заплатить хотят, аж 1200 сикелей.
— Ого! Ну, здорово, а когда это?
— В пятницу вечером, через неделю.
— Ой, как я хочу послушать! А можно?
— Ради бога. Жены как раз не будет.
— Я ужасно хочу. Только не знаю, в пятницу вечером... надо что-то придумать...
— Ну, как получится.
— Но мне ужасно хочется послушать.
— Смотри, как получится. Мы еще это обсудим. Я еще точно не знаю, где это.

От Бараша:
a vot esho i eto videl?
Интервью с Ирой Гробман в «Экслибрисе». О «Зеркале» и о них самих. Обо мне вскользь. На большее не наработал.

Барашу:
Спасибо за информацию. Идет активный «зеркальный» десант! Продолжай держать меня в курсе.

Отвечаю Шехтеру на сообщение о новом номере «22»:
Яша, спасибо за информацию. Обязательно почитаю. Пожалуйста, пиши мне по-русски с attachment, иначе я получаю абракадабру.
Всегда твой
Наум

Новый, 121-ый номер журнала «22» открывается стихами Палвановой. Такая прелесть, что хоть все цитируй.

Анне Лотан
*Сколько лет мы так не сидели!
Может, хватит суету плодить?*

И прошу заметить: неизменно патриотична.
*Возвращает нас в Сион
Нефизическая сила.*

В стихотворении «Миндаль» найдена восхитительная изюминка:
Сереют ветки, словно мысли...

Около десяти вдруг позвонил из Москвы Миша. Оказывается, он три месяца был в больнице, только два дня как вышел. Перезвонил ему,

чтоб не тратился на международный. Мучается с ремонтом. Батарею ему поставили, но она забита, не греет, надо менять. Таня Михайловская очень помогает.

— Здорово. Молодец.

— Ты не представляешь, какая это самоотверженная женщина.

— Да...

— Благодаря ее стараниям я даже вступил в писательскую организацию, в поэтическую секцию, она там председателем.

— Правильно.

— Правильно, да. Так я просто инвалид, а теперь — писатель.

Спросил, как продвигаются мои «иудейские войны».

— Да никак.

Успокаивал меня, пытался приободрить. Учил. Обещал подробное письмо написать.

— Может, не сразу, мне еще трудно собраться. Мне даже ходить трудно, все-таки три месяца полупостельного режима...

И в Москву звал.

— Приезжай. Тут ужасно интересно. Познакомишься с кучей людей, развеешься, может, и книга веселей пойдет.

— Может, весной...

Еще про фильмы спрашивал, какой я смотрел в последнее время самый интересный.

После разговора мне стало грустно. Хоть плач. Вот ведь как получилось. Может, ближе и нет никого. И действительно, после разговора будто вера появляется, что смогу что-то... Из здешних никто тебя ни на что не подвинет, и не подумает. Тут у всех «карты — к орденам», конкуренция. Разве что Тарасов...

26.10. Половая жизнь водоплавающих. Молодой селезень в пруду наскокивает на утку, быстро скользящую по воде, взбирается на нее, загоняет под воду, все это происходит на ходу, сопровождается бултыханиями, гоготанием, частыми взмахами крыльев. А сбоку еще подгребает селезень какой-то другой породы, с красным гребешком, раза в три больше, чем утка и ее ухажор, он, видимо, средних лет, неуклюже поспевает за спаривающимися и пытается согнать соперника с утки, крыльями, клювом, но юноша, вцепившись как всадник в гриву, не сдастся, ебет и сражается, утка не очень-то помогает ему, и он все-таки сваливается, и тут могучий старикан, подгребая под себя уточку, пытающуюся ускользнуть от ответственности, совершенно топит ее, непонятно как ей там живется-дышится под не на шутку разбушевавшимся гигантом, все-таки она выскальзывает от него, и тут юноша, плывущий параллельным курсом, лихо вскакивает в седло и снова давай наяривать, гигант опять спешит за ними, снова сгоняет настырного молокососа, снова наваливается на бедную уточку. Уточка, однако, крепка, хотя на вид худощава,

у ступеней она, наконец, освобождается от всех ухажеров и пуль вылетает на берег, отряхивается, приподнимаясь на носки и вытягиваясь, быстро-быстро машет крыльями. Кажется, довольна. Выглядит щуплой, но что-то есть в ней сексапильное, такая молодая-испорченная.

Наум, привет!

Два слова, пока ты примеряешься к Мери.

Насчет Цветкова я, разумеется, ни на что не «намекал», а просто хотел тебя позабавить чужой шуткой. Делаю вывод, что свои у меня получаются лучше. Если бы Довлатов не «горячился», никто бы сегодня не читал его писем. Вот Ефимов отмеривал каждое слово — и скучен, как самозванный проповедник без кафедры.

Раз уж возник опять Цветков, «погорячусь» и выскажу свое искреннее отвращение к его статье, хотя первым импульсом было «политкорректно» воздержаться.

Сперва человек надувает щеки и хмурит брови: долой политкорректность и мультикультурализм! хватит с нас либеральной лжи! Да здравствует Люис, «сокрушающий целый арсенал общих мест»! Браво Найполу (вовремя похвалил: ему давно надо было дать Нобеля, но раньше Ц. об этом почему-то молчал, а тут первым выбежал на разминированное поле) «с его глубочайшим презрением и к политической корректности, и к мультикультурализму»! Смело! И да сгинет советник Форт, пресмыкающийся христианский фундаменталист!

Читаю дальше — и изумляюсь: в конечном итоге он высказывает те же самые взгляды, за которые так якобы яростно и «смело» критикует советника Форта и президента Буша-юниора. Разница лишь в том, что «христианский фундаментализм» (в данном контексте бессмысленная кликуха, показывающая, что Ц. никогда не задумывался над смыслом слов; он и «иудейский фундаментализм» обличил; наш пострел везде поспел) Форта-Буша имеет хоть какой-то смысл: за ним традиция и остаток веры. За тем, что «исповедует» Ц., — за «либеральным христианским универсализмом» — не стоит вообще ничего, за исключением той же лживой политкорректности, только в квадрате и даже в кубе.

Чем же так плох гадюка Форт? Он, видишь ли, «всеми силами старается доказать, что ортодоксальная религия и зло несовместимы», руководствуясь «стремлением обелить чужой фундаментализм, чтобы случайно не навести тени на собственный». Ну, не гнида? Но только в чем же разница между Фортом-Бушем и самим Ц.? Президент и его советник говорят, что несовместимы ортодоксальная религия и зло; Ц. утверждает, что несовместимы опирающаяся на эти же религии «традиция универсализма» и зло. Буш-Форт говорит, что террористы воюют на самом деле не с Западом, а с истинным исламом; Ц. говорит, что они воюют с истинным универсализмом, опирающимся на тот же ислам (цитирую: «мы должны сохранить верность самим себе, тем традициям универса-

лизма, которые мы вынесли из христианства, иудаизма и того же ислама»). Вынес, понимаешь, человек кое-что из ислама, как несун с советского завода, подсуетился... Ц. пишет, что «мы» не воюем против ислама: «Нет — в том смысле, что это — не война христианства или иудаизма против ислама в целом». Вот те на! Это не из речи Буша? В чем же разница? Форта-Буша я, по крайней мере, понимаю («не разделяю», так сказать, «их взглядов», но что с них, убогих, возьмешь?), но что такое «традиции универсализма»? кто, где и когда доказал, что они «вынесены» из «мировых религий», а не, например, «внесены» в них? Задавать эти вопросы бесполезно: пишет человек, никогда и ни о чем не задумывавшийся, он занимается не мышлением (связанным с занудным сомнением в смысле каждого из общеупотребительных слов), а квазиинтеллектуальной комбинаторикой.

Так, например, его взгляды на национализм (если можно назвать это «взглядами») странным образом противоречат тому, что он говорит о «традиции универсализма» (то есть его главному тезису). Ислам, по Ц., чрезвычайно плох тем, что закрыл доступ к языческой национальной традиции; христианство же, напротив, достаивается в этом плане похвалы: «переход от беспрекословно религиозного общества к плюралистическому — это период /переход — это период; стилист, блин!/ национализма. Национализм в Европе и других уголках земного шара /!/ был неразрывно связан с попыткой возвращения к предколониальным корням, и хотя кое-где /у нас порой/ он обретал уродливые формы нацизма, болезнь оказалась временной». Кто колонизировал Европу? Наверное, христиане. И христиане же позволили вернуться (недоблюли?) «к корням» (видимо, языческим), и из этого получился «универсализм». Как же так? Если универсализм «нашелся» в языческих корнях (что совершенно правильно), то с какой стати он «вынесен из христианства», а не «внесен» в цивилизацию вопреки христианству? И как понять слова: «именно ислам сохранил львиную его /античного, т.е. языческого, наследия/ долю для универсальной цивилизации»? /Опять человек ненароком сболтнул правду; бывает/.

Ц. «присоединяется к мнению» Найпола. Я с идеями этого уважаемого мужа не знаком, но, судя по цитатам, приведенным тем же Ц., Найпол пишет о цивилизации, а вовсе не о религии (статья Найпола, на которую ссылается Ц., называется «Наша универсальная цивилизация»). 'Цивилизация' же, по моему глубокому убеждению, это симбиоз 'Блока обеспечения' и жреческой (а никак не магической) составляющей 'Блока спасения'. Может, Найпол до этого не додумался (не ознакомился с моей теорией), но никаких глупостей и даже неточностей в цитатах из него я не обнаружил, даже учитывая безобразный перевод (может, и не зря дали мужику Нобеля), а *интертрепацию* оставляю на совести Ц.

И в заключение перл: «Христианином или мусульманином, не по правилам доктора Форта, а в соответствии с принципами либерализма, является тот, кто им себя считает, а не тот, кому мы даем на это право». Быть христианином и, тем паче, мусульманином (жиды, видимо, туда ж) «в соответствии с принципами либерализма» — это круто! Рукоплещу! Вот я, например, считаю себя негром-мусульманином, и точка, к нам не подступись! А за козла (жида) ответишь. Хочется с криком «Караул!» вернуться хотя бы к каким-нибудь правилам смыслообразования, хотя бы на худой конец к «правилам доктора Форта», лишь бы не остаться совсем без правил, наедине с этой бессмысленной квазилиберальной и сугубо политкорректной бредятиной, против которой якобы и направлена статья Ц.

Поневоле прислушаешься к Довлатову. Пристраивая Ефимова на радио «Свобода», он написал: «Мне кажется, единственная трудность для Вас в этой работе та, что вы не способны представить себе низости уровня. 'Этика' всего этого сводится к тому, что писать для «Либерти» надо, если ты можешь делать это с легкостью. Я трачу на скрипт 3 часа, Парамонов — 2. Простите, что затягиваю вас в эту помойку». Добавлю от себя, что я в общем-то люблю «Свободу» по той простой причине, что остальные радиостанции — еще хуже.

Всегда твой

Матвей

Матвею:

Статья Ц, мне не понравилась настолько, что я даже не считал необходимым на нее реагировать. Я ему и не написал ничего, хотя всегда вежливо отвечаю. К сожалению, это действительно «квази-интеллектуальная комбинаторика». И жаль, потому что, как говорил Д'Артаньян, «а ведь это один из лучших».

Все это, возможно, следствие «подневольной» службы, когда надо регулярно выдавать текст «на гора», как уголек. Я это почувствовал на себе и отказался от регулярной поставки материала в газету («на уровне» — не могу, а просто так заполнять страницы это лицо терять, вот я смотрю, как тандем Зиник-Айзенберг стараются (50 долл. за разворот!), и каждый раз думаю, зачем им это надо, зачем им эта убогая слава? А может, Зайчик им платит больше?

Тут «наскочил» случайно на рассказ Зайчика «Дело Карабаса», аж в столичной «Звезде» («ни в «Звезду», ни в Красную Армию», как говаривал хулигашка Топоров), прочитал даже, ну, пробежал. Инфантильный бред. Понадергал ситуаций из российских телесериалов про «крутых»... да грех говорить об этом. Однако ж горд небось: в столичном журнале засветился... Но ведь Зиник-Айзенберг «несоизмеримы» с ним по таланту, а рвутся в Тель-Авиве прославиться.

Кстати, «Зеркало», кажись, начинает «раскручиваться» в России. «Замечают» (Русский журнал, Экслибрис). Так что мы имеем шанс прозвучать с нашей полемикой вокруг Солжа.

Всегда твой

Наум

P.S. Насчет Мэри Дуглас: если тебе удобно начать с «реферата», это ускорило бы «процесс обсуждения», потому что, в отличие от тебя, я читаю очень медленно, и это не единственная книга «на очереди».

Вчера позвонил Миша. Он, оказывается, три месяца был в больнице...

Барашу:

В двух последних номерах «Калейдоскопа»¹ Хаенко дал большой обзор «Зеркала». Вполне подобострастный. Даже собаке Гробмана, чтоб ласкова была², все вылизал. А обо мне, понимаешь, ни слова! О тебе почему-то тоже, что немного утешает.

Впрочем, виноват, «Бараш» упоминается в разделе «Интересная дискуссия», про бредятину Сливняка, где тебе влетело от прогрессивно настроенного Хаенко за сермяжный патриотизм («окопная правда Бараша»), с чем тебя и поздравляю.

Наум

27.10. От Л: А когда выйдет Зеркало с перепиской о Солже? Под каким названием?

Название: «Переписка из двух углов». Выйдет месяца через два.

А мы вчера пошли в кино на «Перед тем как спускается ночь» (в нашем прокате), режиссер Джулиан Шамбаль, про одного кубинского поэта. Обязательно посмотри. Пошли компанией: Аня с Мариком и та скрипачка с мужем. Она мне по-прежнему нравится. И я ей. Но никак не получается ее выудить... Марк, кажется, тоже равнодушен. Получилось очень смешно, когда все здоровались, скрипачка сказала: «А я хочу целоваться!», и мы с Мариком тут же бросились ее целовать, чуть лбами не сшиблись. Но хорошо, что есть две щеки... Если бы еще две щёлки... После кино поехали к ней. Она еще и неплохо готовит, но это мелочи...

Разговор был ни о чем, анекдоты. Какая-то явная сексуальная напряженность в воздухе, и все это понимают, женщины, конечно, тоже (моя точно чувствует), отсюда и неловкость.

В кино она перегнулась через мужа и сказала: мне ваша книга очень понравилась. Я пролепетал «спасибо».

¹ Приложение к израильской газете «Время».

² Парифраз из «Горя от ума» Грибоедова («Собаке барина, чтоб ласкова была...»).

From: Alexander Barash

Старик, ревнуй к Копернику (в крайнем случае к вернику), а не к ханко.

Господи, прости нас грешных за снобизм...

Наум, привет!

Я, как ты понимаешь, своей сверхзадачи не скрываю: мне хочется углубиться. На уровень Жреца и Мага. Мери Дуглас хороша тем, что не занимается этим вопросом специально. Тем самым она выступает в качестве «объективного свидетеля». Она свидетельствует о том, что современная антропология буквально тычется (утыкается) в эту проблему, но по каким-то причинам (на мой взгляд, из-за недостаточной философской подготовки) не формулирует ее в адекватных терминах. В одной из глав — в последней, десятой: «Система распавшаяся и обновленная» — Мери Дуглас вплотную подходит к различению Жреца и Мага (не называя их по именам). В этой десятой главе осуществляется «кувырок»: вся система различений, утверждавшаяся в предыдущих главах, выворачивается наизнанку; получается, что ‘различение’ важно, но ‘неразличение’ еще важнее. Это чрезвычайно интригующая идея с глубочайшим философским содержанием (в книге Дуглас проявленным недостаточно). Среди антропологов ее развивал Виктор Тернер; широкой публике она известна через «карнавализм» Бахтина. Если начать с конца (хотя это грубейшая риторическая ошибка), то для меня «неразличение» = жречеству, а «различение» = магизму. Это очень грубое, и потому совершенно неадекватное изложение. Но мне хотелось бы испытать концепцию на убедительность, а не навязывать ее. Поэтому от реферирования склонен отказаться. Вообще-то можно было бы ограничиться рассмотрением десятой главы, но без предыдущих глав (хотя бы наскоро просмотренных) ее смысл (закрывающийся в «выворачивании наизнанку» смысла предыдущих глав) будет неясен. Кроме того, в этих «предыдущих главах» имеется интереснейший материал по «истории вопроса» (вопроса о различении магии и религии). Мой «пуант» состоит в том, что представители «великой традиции» «не сумели разобраться», потому что противопоставляли несоизмеримые понятия (Бродского и Цветкова), а именно магию и религию, а надо было — соизмеримые, то есть магию и жречество.

Еще об одной вещи скажу сразу. По моему убеждению, то, о чем пишет Мери Дуглас (и, например, Жирар) имеет к эстетике гораздо более близкое и непосредственное отношение (собственно, это и есть «основы эстетики»), чем то, что излагается в «Курсах эстетики» (красота, прекрасное, безобразное и прочая муть). Антропологи занимаются эстетикой, а эстетики незнамо чем; странная ситуация.

Впрочем, если тема тебя не заинтересовала, можно найти другие подходы.

Всегда твой

Матвей

Матвею:

Да нет, тема подходит. В Жирара я уже заглянул, и его концепция жертвоприношения, как замещения мне очень нравится. Я просто боюсь, что чтение займет у меня много времени. Ну, уж ладно, как получится.

Кстати, насчет «соизмеримости». Я тут заглянул в 121-й номер журнала «22» и в рубрике «Литературная рефлексия» обнаружил настоящий клад: статью Эдуарда Бормашенко с таким зачином: «О прозе Якова Шехтера, Льве Толстом, еврейской вере и страхе Б-жьем», и таким эпиграфом: «...Искусство — не про жизнь, хотя бы потому, что и жизнь — не про жизнь ... искусство, как и жизнь — про то, зачем существует человек». И. Бродский «Катастрофы в воздухе».

Проглотил статью с трепетом на грани оргазма. Прочитировал бы всю (в порыве сладострастья), да боюсь утомить...

... не будучи ни филологом, ни литературным критиком, я наберусь окаянства утверждать, что прозе Якова Шехтера суждена долгая и заслуженная слава. <...> Проза Якова — не кривой в царстве слепых. Его рассказы прекрасны безотносительно. Впрочем, не вполне безотносительно: планка задана русской классической литературой.

<...> Не надо возмущаться несоизмеримостью (sic!) масштабов дарований. Пока Страхов не объяснил русской читающей публике, что такое Толстой, мало кто видел в нем гения. Мне бы очень хотелось стать таким Страховым для Якова.

Так же, как и Толстой, Шехтер заворожен смертью. Марк Алданов в «Загадке Толстого» приводит список (не полный) смертей тщательно и любовно выписанных графом Толстым: Смерть от удара (граф Кирилл Безухов, Николай Андреевич Болконский). Смерть от чахотки (Николай Левин, барыня в «Трех смертях»). Смерть от ушиба (Иван Ильич). Смерть от жары (арестант в «Воскресении»). Смерть от холода (Василий Брехунов). Самоубийство посредством повешения (Меженецкий). Самоубийство под колесами поезда (Анна Каренина)... Убийство по суду Линча (Верещагин). Расстрел (пленные русские в «Войне и мире»). Удушение (ребенок во «Власти Тьмы»)... И т.д.

Обратимся к прозе Якова. Реалии времени и места, болезни и технические средства, конечно, изменились. Перед нами: смерть в автокатастрофе /следует список рассказов/, смерть от рук террористов /список рассказов/, смерть от инфаркта /список рассказов/, смерть от рака /список рассказов/, расстрел /список рассказов/, убийство /список рассказов/. Ручаюсь, что я что-нибудь да упустил, так что сомнительный критерий истинного искусства, сформулированный Бродским и вынесенный мною в эпиграф, удовлетворен прозой Шехтера в полной мере, смерть и вопрос «зачем?» ведут нас сквозь все его рассказы и повести.

Толстому, однако, чтобы набрать столько мертвецов, пришлось исписать сотню томов. У Якова весь вышеприведенный мартиролог поместился в двух жиденьких (от слова жид — Н.В.) томиках, так что плотность покойников на квадратный сантиметр текста у него неизмеримо выше. Центральность проблемы смерти отрицать нелепо, все дело, разумеется, в чувстве меры, и тут уж дело художника — решать. Но Шехтер, как и Толстой, не просто помещают смерть на заслуженное ею место, они хотят нас напугать.

При внимательном взглядывании в тексты Толстого и Шехтера бросается в глаза еще одно разительное сходство: свирепая ненависть к врачам.

Ну и так далее. Впрочем, не могу остановиться: чем дальше, тем жемчуг крупнее...

Какая философия кроется за этой зачарованностью смертью и причем тут такая лютость к врачам? Ни Толстой, ни Шехтер не стряпают «страшилки». Толстому принадлежит то жутковатое открытие, что «если смерть бессмысленна, то и жизнь бессмысленна...»

Ларчик открывается просто: оба — Шехтер и Толстой отвергают всякое движение мысли в сторону обоснования феномена человека на рациональных основаниях. В самом деле: смерть кладет непреодолимый предел разумным человеческим стремлениям.

И все это сопровождается обильными цитатами из Мамардашвили, псалмов Давида, Марка Алданова... Впрочем, я, кажется, придираюсь. Даже злюсь. Но ведь какие перлы! Откушай:

Все то же, что сказано об Иване Ильиче, может быть сказано и о Льве Каплуне <...> Шехтер идет куда дальше Толстого: ему известно и за что наказан Лев Каплун <...> по душевной своей лени он не дал себе труда ознакомиться с законом, дарованным евреям Б-гом. <...> Проза Якова Шехтера в еще большей степени, чем проза Толстого, представляет собою проповедь и притчу. <...> И последнее: почему именно Толстой дает нам ключи к пониманию прозы Якова Шехтера? Совсем не из-за близости писательской манеры. Разгадку я нашел у М. Алданова. Кто же он, Толстой? «Эллин, перешедший в иудейство, или иудей, перешедший в эллинизм...?» <...> Толстой — самый близкий к евреям писатель в русской классике, и дело не в филосемитизме, а в его активном неприятии всяческого идолопоклонства и уверенности, что словами нам не дано выразить смысл и тайну бытия. В таком, более чем обязывающем сравнении, проза Якова Шехтера ничуть не теряет, но я боюсь ее, этой прозы. Верно автор этого и добивался.

А ты говоришь — «соизмеримость», Цветкова критикуешь. А тут что ни слово — луидор, что ни фраза — пословица. Одну из них предлагаю немедленно взять на вооружение: «сменить духовную парадигму». А как тебе нравится «подавляющее место иудаизма»? Всю жизнь на нем

сидишь, и не знаешь. Или такие ажурные арабески, как «статья Страховым для Якова», или «у него был большой стиль». В общем, бойтесь прозы Шехтера...

С иудейским приветом

Наум

Эх, жалко Витя Топоров не читал, вот бы порадовался.

28.10. С Мироном и Надей и их приятелями из Беер-Шевы Додиком и Милой отправились в Иерусалим, на китайскую выставку. Потом решили перекусить в ресторанчике возле Бейт Шемеша, на горе. Мирону рекомендовали. Припарковались поодаль, и я увидел, как он несется к ресторанчику, наклонившись вперед, будто разъяренный гусь (видно, расписание возлияний джина было нарушено). Место было без претензий, я почему нафантазировал себе нечто более изысканное и не отказался от удовольствия поворчать. Еда восточная, тоже не ахти, обслуживание деревенское. Я еще поворчал, но Мирон вдруг окрысился: «Вот некоторым место не нравится, — сказал он в пространство, — а нам нравится». Крайнее раздражение и вызывающий тон меня задели. «Да я не говорю, что мне не нравится, — продолжаю ворчать (вроде джин не употребляю, однако могу и без него позанудствовать), — но это не то место, о котором я думал». Мирон в дискуссию не вступил, он разливал джин. Потом они с Додиком стали спорить: пируэт — это поворот на 360 градусов, или... Я тут вспомнил «Зеркало» Тарковского, про команду «круу-гом», но меня в круг их общих воспоминаний не приняли, Мирон стал вдруг вспоминать, какая у Милы была фигурка, а Мила, до этого сидевшая как прибитая транквилизаторами, вдруг вскочила, встала между столами в позу балерины и стала нам показывать, что такое пируэт, и что такое фуэте. Со знанием дела. Ее тумбообразная фигура действительно вдруг преобразилась, маленькая ножка как птичка выпорхнула из-под юбки. Она проделала все это с невозмутимостью сомнамбулы и, «не просыпаясь», села на место. Восточные люди за столиками вокруг остались с открытыми ртами. На обратном пути нас застал сильный дождь.

Жена осталась довольна вылазкой. А я все о скрипачке думаю. И днем и ночью.

От Матвея:

Наум, привет!

Время — не проблема, тем более что у меня выпадает неделя (приехал погостить брат; а жена уехала). Тем не менее, буду рад любым твоим письмам. Привлечение к делу Жирара всячески приветствую. Других его книг по-русски, кажется, нет.

Как мог Миша пролежать в больнице 3 месяца, если я два месяца назад у него был и написал тебе отчет? Половина того, что он рассказывает, — это выдумки. Я сегодня посочувствовал ему по телефону в связи с тем, что его сбила машина, а он мне ответил, что машина его не сбива-

ла, но могла сбить, потому что он возвращался усталый, вот у него и разыгралось воображение. («А откуда же у тебя шрамы и ссадины на голове?» — «Этого я не помню».) Насколько я понимаю, сначала он попал в вытрезвитель (соседи якобы нашли его голым и избитым до крови у дверей подъезда и вызвали милицию; Миша эту версию отвергает, но не может объяснить, как попал в вытрезвитель: не помнит). После того, как его выпустили из вытрезвителя, соседи добились, чтобы его забрали в психушку (соседей, по-видимому, раздражает, что Миша тянет с ремонтом, и там перманентный бардак на всем этаже). Когда Миша лежал в дурдоме, у него образовался какой-то гнойник на руке, и его поместили в горбольницу, а оттуда опять в психушку, где он пролежал недели две-три. Сейчас он дома и, как это ни странно, неплохо себя чувствует. Бойтся, что его опять заберут в психушку. Чтобы этого не случилось, он должен навести в квартире хотя бы минимальный порядок. Я предлагаю ему помощь в этом плане, но он не соглашается по непонятной мне причине. Если тебя эти детали не интересуют, извини за занудство.

А Бормашинка — сверлит, как положено.

Всегда твой

Матвей

От Л: Ну вот видишь, наша щель многих дамочек волнует.

А поэт кубинский — гомосексуалист?

Натурально гомосексуалист. Умер от СПИДа в 1990-м. И эта «проблема» тоже подана с необычной естественностью. А краски смерти и жизни напомнили Караваджо.

Старики не должны маячить у молодых перед глазами. Зрелище постепенно дряхлеющих и выживающих из ума родителей невыносимо.

29.10. Смекалистый русский дворник посадил в парке лук между цветочных грядок. Смотрю, накопал с полведра. Лук мелкий.

От Л: А сколько лет скрипачке?

Давай записки.

Думаю, лет 45 плюс-минус.

30.10. Вообще-то у меня было нормальное настроение. Я чувствовал, что давно ее не видел и...

— Куда поедет? — спросила.

— В отель.

— Знаешь что, давай сначала заглянем в «Красный фонарь»? Я угощаю.

Вкусно поели, выпили винца, ресторан действительно хороший. В отеле досталась новая комната («Мы здесь никогда не были?!») и высокая кровать.

— Ого, — говорю, — не кровать, а пьедестал!

Сравнение ей понравилось. Смеялась. И действительно, первый акт прошел на ура. Я даже подумал, что такого секса у меня все-таки никогда и ни с кем не было. Но потом на меня вдруг напала молчаливость. Я уходил от разговоров, от ее щебетания, отворачивался, отодвигался, мне хотелось уйти. К морю, которое шумело за окном.

Она обнимала мои ноги, гладила ступни.

— Какие у тебя красивые ноги... а ступни — женщины могут позавидовать! ... Я хочу, чтоб ты меня любил. До крика. Да. А ты никогда не кричал от любви? Ну, ты вообще несчастный... Знаешь, когда мы в первый раз с тобой расстались на длительное время, ты уехал в отпуск, кажется, и я пошла с одним мудаком, а потом возвращалась через Таханат ракевет¹, где мы всегда встречались, и мне вдруг стало так плохо, так плохо! Я так орала в машине! Жизнь — это крик. Не важно, счастья или тоски. Я живу, когда я кричу. Когда я чувствую сильнее всего...

— Ты наркоманка чувственности.

Опять вспоминала начало. «А ведь уже три года прошло?!»

Вдоль моря мы погулять не успели.

От Л: Вчера посмотрела «Про уродов и людей», интересное кино, спасибо. А ты смотрел «Телец» Сакурова, о смерти Ленина?

Э. Бормашинка затмил, конечно, все своим гением. Они что, там все с ума посходили такое печатать?

Как продвигается подготовка к лекции, и кто сосватал?

Ма нишма каха?² Как самочувствие?

Ответ Л: «Про уродов», это, дорогая моя, порнография русской жизни! Омерзительно до оргазма. «Тельца» Сакурова не видел и не очень хочется после «Молоха». А лекцию сосватал, видимо, Сошкин, или кто-то из «Сплетения». Готовиться не собираюсь, я даже к урокам никогда не готовился. Сымпровизируем.

Самочувствие ничего, нормальное.

31.10. От Л: Мне понравилось, как он на льдине поплыл по Неве. И еще мотив Арины Родионовны, наказывающей розгами обожательниц Пушкина. И какой-то странный ностальгический свет, как на старых фотографиях... как он это сделал?

Ответ Л: Не знаю, фильтрами. А мне понравились адские машины: паровоз, как его заправляют водой, будто поят животное, лодка с ог-

¹ Железнодорожный вокзал (ивр.).

² А что вообще слышно? (ивр.)

ромной трубой и такой же гигантский автомобиль, как они проплывают на фоне величественных силуэтов, харкая в небеса черным дымом. И эта нечисть, то ли гоголевская, то ли булгаковская, проникшая из подземелий, и щемящие песни «татарской» России, разделенной на две сросшиеся половины, ту, что спивается вусмерть, и ту, что безнадежно и бессмысленно влюблена в поруганную Вечную Женственность... А «техническая интеллигенция», прислужница нечисти, мечтающая о спасении красоты с помощью технического прогресса? Не, гениальная вещь.

От Л: А ты мне опять приснился. И я потом позвонила тебе по карточке, иначе приходит счет с номером тел., так время все вышло. Там оставалось 10 мин. Даже не успела обнять.

Ты мне снись почаще, хорошо?

Ответ Л: Ладно, попробую явиться. Так расскажи, как там у них в Португалии...

Вечером пошел один (жена пойдет в пятницу) на «Фиделио», Марк пригласил. После оперы пошли пиво выпить. Марк был возбужден, все время смеялся, глаза бегают. Рассказывал про музыку, где Бетховен Моцарту подражал, а где сам сварганил.

1.11.

Матвей, привет!

Наткнулся тут на интервью с Кублановским, из тех, любимых тобой, «жидов с крестом на пузе». Высказывания его вполне характерны для этой межеумочной корпорации. «Тогда (при коммунизме) зло было видимо, и творческая личность могла состояться в противлении ему. А сейчас оно размыто: везде и нигде. Как в такой ситуации духовно укрепиться молодому человеку? (Вопрос был о «новом поэтическом поколении», говорить о котором, как считает Кублановский, «пока еще рановато».) А ведь без этого полноценное творчество невозможно». О современных писателях: «Они давно не читают Пушкина, а дерутся за престижное выживание. ... Каждый предпочитает заниматься самоутверждением, нежели служить задачам культурного оздоровления России». Радеет, панимаш, за культурное оздоровление.

Всегда твой

Наум

На «Свободе» интервью Толстого с Кенжеевым. Стихи Кенжеева напечатаны через пень колоду, Чимкент с Читой спутали — все-таки Тол-

стой портах и лентях. А стихи вроде ничего и, должно быть, «хорошо идут», но... прошлый век. Рассказ не слишком умный, что свидетельствует об искренности.

Иван Толстой: Что вы помните о себе тех лет, подростковых?

Бахыт Кенжеев: Арбат. Мы жили в подвале в одной комнатке все вчетвером в Чистом переулке. И для меня название этих переулков — Чистый переулок, Теплый переулок, они совершенно естественно звучат до сих пор, они меня не удивляют. И по соседству жил патриарх всея Руси в своем особнячке. Когда мы играли в мяч на дворе, был двор, где стояли липы кружком. Мы играли в мяч, и мяч иногда перелетал через стену к патриарху, и охранники нам его выкидывали. /И я был где-то рядом, тоже помню стену во дворе, но в моей памяти за ней было американское посольство, или консульство, жили вчетвером в девятиметровой комнате, арбатская коммуналка./ Очень были недовольны этим. Была какая-то очень теплая жизнь тогда. Я думаю, что это всем свойственно. Набоков как вспоминал свое детство? У него было детство, что называется, благополучное, а у нас понятно, какое. Но мы же другого не знали. ... На эту тему замечательные стихи написаны и Кибировым, и Гандлевским. По поводу вот этой вот детской цельности бытия, в обществе, которое потом понимает, что было, в общем, не совсем тем, чем хотело казаться. ... Я начал писать лет в 19. А потом мне очень повезло. В те годы была литературная студия «Луч» под руководством Игоря Волгина, и там я познакомился с Бродским, Гандлевским и Цветковым. И с Кублановским. И кроме того, это была совершенно замечательная школа. Игорь Леонидович был отличный педагог. Он казался нам старым и мудрым, хотя был нас старше лет на 5 всего. Он уникальная фигура, поскольку писал человек стихи, был членом Союза писателей, и вот вел эту студию. ... И он познакомил нас со всей хорошей русской поэзией. Были специальные семинары, которые посвящались Мандельштаму и Ахматовой, Волошину. Кто-нибудь готовил доклад, какие-то самиздатовские листочки. Не очень понимаю, как партком МГУ все это терпел. Может быть, не знали, а донести было некому. /Ну уж, так и некому. Просто пасли молодняк./

Иван Толстой: А ваши персональные мотивы эмиграции какие были?

Бахыт Кенжеев: Скорее, семейные. Нет, был еще один мотив — боялся. Для того, чтобы дальше жить в России тех лет, нужно было просто иметь нервы крепче, чем у меня. Может, где-то был и инстинкт самосохранения. Я побоялся, что меня сломают. Я не люблю политики, и когда из лирического поэта делали диссидента в моем лице, мне это просто не нравилось. Кроме того, были какие-то иллюзии (во-во, это главное!), казалось, что на Западе интересно. На Западе действительно интересно — это хорошая школа жизни, а с другой стороны, я знаю немало людей, которые всю жизнь прожили в России и обладают не менее широким кругозором, чем люди, прожившие полжизни за границей.

Иван Толстой: Скажите, какой сложился ваш литературный и дружеский круг на Западе?

Бахыт Кенжеев: Никакого не сложилось.

Иван Толстой: С Нью-Йорком вы как-то дружили? Вроде бы близко?

Бахыт Кенжеев: Близко, но за граница. Конечно, литературные силы все в основном в России. Те единицы, которые до сих пор живут на Западе, они так разбросаны. Что такое Запад? Запад большой. Не наездишься. Саша Соколов жил там, и мы с ним были дружны очень. Сейчас он живет в уединении, где-то в Америке, и как-то мы не виделись довольно давно. А так хороших писателей мало. Я бы дружил с Юрой Кублановским, но он давно в Москве.

Иван Толстой: Я дружбу с Нью-Йорком имел в виду в 70-е и 80-е годы.

Бахыт Кенжеев: Я приезжал в Нью-Йорк, там были организованы чтения, в основном Глезером. Мы очень дружили с Алексеем Цветковым и часто виделись, но потом он уехал в Мюнхен, Саша Соколов уехал в уединение, наш круг распался. Лимонов, которого я никогда не видел, уехал, но думаю, что в те годы я мог бы с ним дружить — он был хороший поэт. Лосев. Но Лосев живет в глуши, сам никуда не ездит, мы иногда видимся с удовольствием. А с Бродским мы несколько раз виделись, но дружбы не сложилось, я думаю, по чисто творческим причинам. /Читай — несоизмеримость!/
Иван Толстой: То есть вы из такой полнокровной, литературной, хоть и политически сложной Москвы советских лет оказались в литературно более разреженном воздухе?

Бахыт Кенжеев: Конечно.

Иван Толстой: Но вас это в результате устраивает?

Бахыт Кенжеев: В том контексте жизни, который сейчас есть, в том, что я провожу в Москве едва ли не половину времени, вполне устраивает. Более того. Начал воспринимать Канаду как некий род монастыря, где можно отдохнуть, собраться с силами, потому что в Москве интенсивность литературной жизни, пожалуй, слишком высока для меня.

Иван Толстой: Вы сказали, что опыт эмигрантской жизни хорош и положителен в целом. Вы могли бы в нескольких словах дать почувствовать, что это за опыт?

Бахыт Кенжеев: Ответ мой будет тривиален. Это опыт — жизнь, расширение кругозора. Больше ничего. Я считаю, что будущее, 21 век вообще принадлежит молодежи, которую я называю международными людьми. Которые получают образование за границей и потом живут или за границей, или в России. Лучше бы они в России жили, они очень полезны. Но главное, что Пушкин, который никогда не был за границей и страстно мечтал туда поехать и если бы он поехал туда, он был бы еще лучше. /Это перл: Пушкин был бы лучше!/
Иван Толстой: А вы не считаете, что это некий перл? Пушкин был бы лучше!

2.11. Замечательный фильм Киры Муратовой «Три истории». Наконец-то посмотрел его полностью от начала до конца. И «Котельная» хороша, и «Офелия».

Жена: «Где мой зайчик, дай мне моего зайчика! Не забирай его от меня. Куда ты его уносишь! Я ему сделаю пирожки на завтрак. И ты их съешь как миленький».

From: «yashechter»

Это отчет с сервера за октябрь. Появились новые читатели в Иране, Таиланде, Корее, Тайване, Малайзии, Иордании. Интересно, кто нас читает на Мальдивских островах? Ума не приложу. Яков

Яков, привет!

Спасибо за информацию, очень интересно. Разъясни, пожалуйста, что означает «сессия» и «процент трафика»? Как это оценить количественно?

Прочитал статью господина Бормашенко о твоей прозе. Не считаешь ли ты ее несколько... как бы это выразиться, высокопарной? Сравнение с Толстым «не жмет»?

Наум

From: «yashechter»

Subject: Sessions

Привет! Сессия — это одно посещение одним посетителем. Посетитель может заходить несколько раз, но сессия останется все равно одна. Для оценки общего количества заходов есть параметр — число открытых страниц. Их больше восьмидесяти тысяч. То есть каждый посетитель открывает в среднем 10 страниц. Бормашенко имеет полное римское право думать о моей прозе, что угодно, точно так же, как Воронель печатать эту статью, а ты считать ее высокопарной. Как там на самом деле — время покажет.

Михаил Хейфец, «советский либерал левого толка» по собственному представлению, в «Нон-стоп» отбомбился по «Зеркалу»: *«Стиховые атаки на разум» Анашевича и стиховые эксперименты Байтова — не буду о них писать, сами читайте... Кажется, Гольдштейна увлекает вдаль не течение сюжета, как положено все-таки в прозе, а некая эссеистическая идея... И т.п.* Меня с Барашем «перечислил» под рубрикой «путевые заметки»: *Бараш понравился мне куда больше Ваймана.* Без Бараша и не перечислил бы. Обидно, Миш.

Перед лекцией заехал к Володе. Он допивал последнюю банку пива и был в натяге. Спросил меня, как настроение.

— Как тебе сказать... Того состояния подъема и безграничной силы, какое у меня было год назад, когда книжка вышла... этого уже нет. А так... нормально.

Тарасов понимающе кивнул. Предложил встретиться с какими-то «молодыми ребятами», которые с него «не слезают», а ему это остопиздело, и он хочет их вывести в свет, познакомить со мной, а то они ни с кем не хотят знакомиться, «как будто кроме Тарасова никого на свете нет». Один из них поэт, стихи вон, на столе.

— ...двадцать три года сидел на игле, представляешь? Двадцать три года на героине! Только недавно завязал.

— А сколько лет он в стране?

— Да года два.

— Аа, так он на игле и приехал?

— Во-во. Ха-ха.

— Сколько ж ему годков?

— Лет сорок.

— Аа. Не такой уж молодой...

— Ну, по сравнению с нами. Жена у него тоже на игле сидела, а детей они отправили в Америку. Героин — страшное дело. А я тут недавно понюхал немного, так упал раз пять. И все на спину. Расшиб голову, спину порезал. Там такой щебень кругом... Алкоголь с героином — смертельный номер.

— Я тебе удивляюсь, ты ж опытный человек...

Тарасов тяжело вздохнул.

— Сейчас я позвоню ему, тогда выйдем, прогуляемся. А ты пока стихи посмотри.

Ему нужно было где-то заправиться. Но с парнем стыковки не получилось. Первый стих мне сначала приглянулся, показалось, что похоже на Кенжеева, но дальше — хуже. Что я Володе и сказал.

— Да, — согласился мэтр, — стихи так себе. Кофе хочешь?

Он стал варить свой сказочный кофе, а я развлекал его рассказами о Кенжееве, и мы опять прошлись по кругу Кенжеев-Цветков-Соколов, все о том же. Что Кенжеев — это, конечно, не Цветков, а Цветков, конечно, не Соколов. Он жаловался, что журнал (речь шла о «Солнечном сплетении») становится все более литературоведческим, а такой уклон губителен («Сошкин нихуя не понимает, а за всем этим Вайскопф стоит»), хотят второй НЛО сделать, но ниша-то занята.

За разговорами и кофе оприходовали. Не кофе, а зелье.

— Ну что, выйдем, прогуляемся? Мне надо пиво купить.

— Пошли, — говорю.

Рынок задраен, вымыт брандспойтами, пуст и сумрачен. Сколькие от мыльного раствора плиты.

— Осторожно, не подскользлись.

Я шел как моряк по палубе в сильную качку. Вышли на Агриппу. Безлюдно. Через Бен Иуду перешли к Яффо, площадь на стыке разворотили — ремонт, дальше по Яффо, ближе к Старому городу была «Щель», единственная открытая лавка в городе. Добавил ему 10 шекелей, и он купил две пол-литровые банки. Вернулись к рынку. Домой он идти не хотел, тянуло тут же на скамейке и выпить. На другой скамейке расположились три китайца, а может, таиландца, в очках, громко разговаривали и смеялись. Я вдруг почувствовал сердцебиение. Неужто кофе виноват?

— Ты чего?

— Застучало чего-то во грудях.

— Воды надо попить. Пойди, купи.

Однако полегчало. Но его рассуждения я слушал рассеянно. Подошли два парня, поздоровались. Такое впечатление, что они всегда здесь встречаются. Володя и их «молодежь» кликал, хотя ребята под сорок. Решил взять на себя роль аксакала? Один нежно красивый, с мутными глазами, расплавленными наркотиками, второй лысоват, но взгляд ясный. Разговор шел о Сорокине, о телеинтервью, которое и они видели, ругали телеведущих. Потом ушли. Ушли и китайцы. Мы остались одни. В пустом, полутемном вечном городе.

— Как вымер, — говорю.

— Пизданутый город, как я его ненавижу!

Пошли обратно, пора было на лекцию. Володя не отрывался от банки.

— Да, мне надо лечиться. Я зашел в штопор. Мне надо уехать. Поеду к маме. Погуляю по Галилее. А может, уеду в Константинополь.

Разговор опять пошел по кругу имен, на этот раз близкому: Король-Бараш-Гольдштейн-Бренер. У Володи на столе была новая книжка Короля «Охота на ежей в Фонтенбло», та, что Кононов издал, издана действительно поганно, и в первой же строке слово «выгнутая», неточное слово по отношению к поверхности, поверхность бывает вогнутой и выпуклой, но не выгнутой, спросил Володю, он согласился.

— Если уж выдумывать слова, то мне сегодня ночью пришло в голову гениальное слово «херсонница», Херсон же родина авангарда, и Бурлюки оттуда, и, кажется, Крученых. А как тебе нравится «музей опилок», ха-ха! Гениально, да? И Саша Соколов бы позавидовал! Или «углекома»!

— Короля заносит иногда...

— Нет, заносит — это Бараша.

— Нет, Бараш всегда важный. А Король вроде держит себя просто, но вдруг... заносит его.

Перескочили на Бренера.

— Я жалею, очень жалею, что мы с ним разошлись. И ничего не поделаешь, это уже навсегда. Теперь ему и приехать не к кому будет, так он ко мне приезжал...

— Ну, у него здесь родители, бывшая жена, сын...

— Но все равно он ко мне приезжал. Жена... он себя вел подлейшим образом, ночевал у нее, да еще требовал, чтобы она ему давала, а Барбара — в другом конце Тель-Авива, у другого... а сын его выгнал, наорал на него, как он смеет еще и деньги у матери брать, вел себя как подонок, Бренер подонок, правильно Баембаев говорит...

На лекцию он потащился за мной. По дороге заставил опять подскочить к «Щели» и купить еще пива. Обещал вести себя хорошо. И действительно, вел себя хорошо.

Лекция (мы с Сонисом выступали на пару) прошла нормально. Слушатели — новые репатрианты, в основном женщины неопределенных занятий и неопределенного возраста, повозили их по стране и решили на закуску попотчевать культуркой. Я спросил, есть ли среди публики профессиональные литераторы, все стали кричать и показывать на раскрашенную ведьму, а она: «Ну не надо, я этого не люблю, я же не профессиональная поэтесса». Сонис прочитал им на иврите «У лукоморья дуб зеленый» Шленского и вызвал бурю восторга. Я прочитал свой перевод рассказа Ханоха Левина «Дневник горбатой девушки», пожилые девушки смеялись. А вообще меня «не полюбили», я вел себя почему-то заносчиво, иронизировал-с. «Поэтесса» спросила, а может ли мужчина перевести женские стихи, ведь «мужчина не может проникнуть в женщину». Я не выдержал и, подкрутив ус, ляпнул: «Ну почему же, в женщине как раз может». Володя при этом сморщился как от кислого, а потом и вовсе закрыл лицо руками.

3.11. Пошли с женой на китайский (Гонконг) фильм «In the mood for love» Карвая, что можно перевести цитатой «На любовь свое сердце настрою». Томительный вальс сопровождает любовную интригу, полную недоговоренностей и скрытых умыслов. Слева от меня села молодая женщина, ее улыбка мне понравилась. Два места рядом оставались пустыми почти до начала сеанса и она, протиснувшись со спутником, очень обрадовалась, что не занято. Говорю: «Шамáрну бишвилхém» (держали для вас). Тут она и улыбнулась навстречу моей улыбке. А в конце фильма слышу, как она всхлипывает. Зажегся свет, и я посмотрел на нее: она утирала глаза. «Йихъе беседер» (все образуется) — говорю. Она улыбнулась (глаза заплаканы), а я пожалел, что не один, и что она не одна... Если бы мы не были связаны условностями, то наверняка познакомились бы и, возможно, подружились. Об этом и фильм. О том, что встреча произошла, но нелепые обстоятельства, узы условностей, не дают прорваться чувственной любви, и это «взвинчивает» отношения на уровень какой-то грезы о недостижимом. И весь фильм как картина, написанная мазками запретных прикосновений: скольжение камеры, смена ракурсов, расцветки кадра, интерьера, длинная фигура женщины, одетой каждый раз в платье другого цвета и рисунка (что-то от бабочки), томление музыки, скупость слов, — прикосновения к счастью, которое позво-

ляет приласкать себя, но не позволяет собой овладеть. И напряжение этой невозможности счастья все нарастает, достигая невыносимой томительности, от которой возможно только бегство... Фильм кончается руинами средневекового буддийского монастыря в Камбодже и цитатой-притчей (откуда?): «Прошлое можно увидеть, но нельзя потрогать».

После фильма пошли в ресторан (выгуливаем по полной программе). Жена оценила фильм как «занудство». Вспыхнуло раздражение и разбушевалось так, что побоялся слово сказать — вырвется. Раздражение на все: на то, что увяла, и на то, что всё видит не так, что не видит главного... Мясо было хорошим. Плюс кьянти. Стали обсуждать детали фильма, многое осталось неясным, неопределенным, даже самое главное: «это» было, или не было?

— Я вспомнила, как в институте, на втором курсе спросила одну: а от поцелуев можно забеременеть? И как она тогда смеялась!

— На втором курсе?! Тебе ж было двадцать лет!

— Да.

— И ты не знала, откуда дети берутся?

— Представь себе.

— Ну, ты даешь! У тебя ж мама гинеколог!

— Значит, меня это не так волновало.

4.11. Вчера левые собрались на площади Рабина на ежегодный ритуальный плач по вождю. Маркиша пригласили. Выступил по-русски, синхронно переводили, о «наследии Рабина».

Позвонил ей утром. Потом она мне днем. Долго говорили, не отпускала.

— Ну, прочитала? (Дал ей «Сексбогатыря»).

— А ты как думаешь?

— Так завтра принесешь?

— Принесу.

— Ну и как?

Замолчала.

— Хоть смеялась?

— Ты знаешь, нет.

— А я думал, ты будешь ржать.

— Нет. Совсем не смешно. Сколько лет тебе было, когда ты это написал?

— Тридцать один.

— Понятно.

— А что ж там такого серьезного?

— Все-таки ты не любишь женщин...

— Да? Почему?

— Не знаю.

В том киббуце, куда мы направили лыжи, мест не оказалось. Ужасно огорчилась. Пришлось сесть на телефон, обзвонил все киббуцы и мошавы вокруг Иерусалима. Вспомнил, что в Цове есть гостиница. Позвонил туда.

— Поедем в Цову, там какая-то гостиница.

— Дожить бы только до завтра...

5.11. От Соколова:

Наум, добрый день, после долгих рассуждений и споров мы решили перезимовать в Вермонте: мне не удалось уговорить Марлин рвануть судьбой, прогнозы, поступающие от знающих людей, самые мрачные и некоторые из них уже сбываются. Я отношусь к ее опасениям с пониманием: пусть поживет подольше, хотя безусловно скучаю по вам по всем и по местности вашей, а вы, если почему бы то ни было захотите сюда, приезжайте, покатаемся на лыжах, снег уже несколько раз выпадал и стаивал, обстановка тут грустная, люди помертвели лицами и в магазины почти не ходят, опасаясь взрывных работ и сибирской язвы, а насчет моего американского патриотизма ты совершенно прав: чего нет, того нет, что, впрочем, не помешало нам с Алешей пообщаться вполне полноценно и цивилизованно в середине сентября. Сообщай о себе и литературных событиях, Римме привет, твой С.С.

Саша, привет!

Ваше решение остаться в Вермонте понятно. Обстановка у нас действительно поганая, хотя народ, неожиданно для меня, воспринимает все это почти стоически. Большая война пока не брезжит на горизонте (пока американцы воюют, они никому не дадут «путаться под ногами»), а к «малым» попривыкли. Что касается Америки, то вроде негоже теперь в ее огород камешки кидать, но я все чаще вспоминаю твои характеристики американской, как бы это выразиться... прямолинейности что ли. Знакомые пишут, что атмосфера в Америке начинает им напоминать советскую. И я, увы, не уверен, что страна окажется на высоте той «всемирно-исторической задачи», которая на нее внезапно свалилась. Впрочем, подавай им Б-г в священной борьбе.

Мы тут с Тарасовым как раз недавно несколько раз встречались и каждый раз с теплотой вспоминали о тебе, думали-гадали, приедешь или нет, сошлись на том, что вряд ли.

Спасибо за предложение «заскочить» в Вермонт, ей богу соблазнительно, даже Риммка загорелась, услышав о снеге и лыжах. Но, честно говоря, не знаю... Я в этом году вышел, как ты знаешь, в отставку и уже не работаю, собрался, понимаешь, «посвятить себя литературе». Но эта капризная дама пока относится к моей самоотверженности несколько настороженно. Пока пытаюсь наладить некий рабочий ритм, так, чтоб и писать, и читать. А сочинить хотел бы огромную (и по объему и по

претензии) вещь, к которой пока еще только подбираюсь эдак попластунски. Если работа разгорится, на что я надеюсь, то, конечно, никуда не поеду, а если наоборот, и станет мучительно больно за бесцельно прожитые годы, то, может, захочется немного развеяться...

С удовольствием готов сообщать сводки с литературных фронтов. Вот у «звездного» (по выражению Курицына, одного из ведущих теперь критиков в Москве) Гольдштейна вышла (месяца полтора назад) в НЛО вторая книжка, называется «Аспекты духовного брака» (не знаю, отдавал ли он себе отчет о двойственности значения слова «брак», вроде бы должен был...), и уже вошла в шорт-лист премии Андрея Белого. Если хочешь, могу тебе книгу «организовать». Отрывки из нее были в последнем номере «Зеркала» (15–16). Проза, как богатый орнамент, красиво, цветасто, но «простодушного читателя» во мне не задевает, хотя, конечно, есть чему поучиться. В этом же номере мои «мемуары» о Москве 91-го (встреченные критикой весьма прохладно, надо полагать, поделом) и очень изящные, на мой взгляд, «путевые заметки» о Москве Александра Бараша. Надо сказать, что журнал теперь регулярно рецензируется в самых заметных местах, включен т.ск. в ряд «ведущих» на русском языке. В следующем номере (через месяц) будет стихотворение Тарасова и мои материалы по поводу книги Солженицына «200 лет вместе». У Тарасова в журнале «Солнечное сплетение» вышла проза («Бомба на блюдечке»). Не знаю, есть ли у них сайт, но Тарасов с удовольствием пошлет тебе. Вообще-то он в последнее время в «штопоре», никак не выберется.

Как твои дела? Что бури севера, не вредны русской прозе? Если захочешь поделиться, рад буду почитать.

Всегда твой

Наум

6.11. Мокрая после дождя площадка для катания на роликах блестит на солнце и манит. Каждый раз мечтаю купить ролики и кататься по утрам.

Позвонила, опередив меня.

— Я все еще какая-то ошарашенная... Было слишком хорошо...

Вчера утром поехали в Цову. Двухкомнатная «свита» с балкончиком. Вид на горы. Думали пойти сначала погулять, но не пошли, завалились в кровать. Утро не ее время. Вот и на этот раз ощущение, что обычный путь ей немного скучен. Ей больше нравится мять его и гладить, чем пускаться внутрь.

— А можно, я полижу?

Долго священнодействовала, сидя перед ним на коленях, как перед маленьким божком, и на этот раз я отдался ее стараниям. Наконец, она нашла такой уровень плотности в полости рта и стала медленно и требовательно двигать ртом вдоль всей длины древа, от самых корней, или просто это длилось уже так долго, что пора было, но я вдруг почувство-

вал, как все мои астральные силы покидают тело и по корешкам-сосудикам слетаются в ствол, это было не извержение семени, а улет жизни... Потом мы заснули. Проспали до часу. Очнулись голодные. Но решили никуда не ездить, отовариться в супермаркете и поесть «дома». Купили хлеб, сыры, салаты, бутылку красного я припас. Вытащили столик на балкон, разложили все, выпили по стакану и набросились на еду. Выпили еще. Солнце уже клонилось, сияние сменилось золотым блеском, в долины заползли фиолетовые струи, овевал ветерок, лесные склоны гор потемнели синевой, откуда-то голос муэдзина — арабская деревенька в лощине.

— Я тут к гадалке ходила. Я тебе говорила, что давно собиралась. Дочка дала адрес, говорит, расскажет тебе то, что ты сама про себя не знаешь. В общем-то, мне это ни к чему, я и так все про себя знаю, и потом это в тридцать лет интересно, когда жизнь еще открыта, а моем возрасте что уже может быть: ни карьеры, ни новой семьи, ни детей. Но мне ужасно интересно как они гадают, на чем, что за тип. Я ведь тоже гадала, а как мама у меня гадала! Ну и пошла я к ней, пятьдесят долларов сеанс. Час заняло. Она гадает на дни рождения, спрашивает дни рождения, твой, родителей, мужа, ребенка. А потом еще на картах таро. Причем не только на тебя, но и на того, чье имя скажешь. Но ты же мне сказал, что не хочешь?.. Я на тебя и не гадала. Сказала она мне, что я абсолютно замкнута. Она чертит такие рисунки, так у нее вышло, что я в центре такого темного пространства, и она говорит, что я людей не замечаю, как будто их нет вокруг, и что мне никто не страшен, что я защищена от всяких наговоров, порчи и так далее, что у меня два ангела хранителя, и вообще, у меня прямая связь с небом, мне и гадать не надо, я могу просить напрямую. Что буду всю жизнь тяжело работать, что в моей жизни появился мужчина, но я с ним никогда не соединюсь, а разлуку с ним буду очень тяжело переживать. Что муж мой зависит полностью от меня, что без меня он не смог бы жить, да, что интересно, сказала, что он скоро потеряет работу, их предприятие закроют, и это действительно так, и про сестру сказала, что кто-то на нее навел порчу, а она действительно все время болеет, а я, помнишь, тебе говорила, что у ее мужа есть любовница, я и дочке сказала, что у него есть любовница, ну, мама, она говорит, ну откуда ты знаешь, а я же вижу, так гадалка сказала, что эта любовница порчу наводит, что это целенаправленные действия и надо принять меры, чтобы отвести порчу, сказала, что в отличие от меня сестра не работает и работать не будет, что ее всегда будут содержать, и что у мужа ее будут большие деньги. И еще она меня напугала, сказала, что через три года я захочу уехать, но не уезжай, говорит, ни в коем случае, тогда у тебя там плохо сложится, а подожди еще год-два, уезжай через пять лет. А до этого она нагадала, что муж через три года будет тяжело болеть, я ее спросила, уеду ли я одна? Но она сказала нет-нет, я не это имела в виду. А я столько близких уже похоронила, что у меня уже

нет сил... А потом на картах таро, но они то же самое показали. Но мне кажется, что это не важно, на что гадаешь, это просто помогает сосредоточиться. Ты просто начинаешь видеть, что с человеком будет. Я тебе рассказывала, что тоже гадала? Рассказывала, ты не помнишь. Я на картах гадала. И после того, как несколько раз нагадала всякое, и так оно и вышло, решила, что больше к картам не притронусь, и с тех пор не гадаю. А мама моя гадала замечательно. Но мне не хотела гадать, и вот однажды мы с Наташкой, это была моя лучшая подруга, пошли к цыганке, а у нас целый район был, где жили цыгане, и гадали всего за рубль, а эта гадала за три, и дом у нее был такой деревянный, на отшибе, мы когда подходили, то я еще удивилась, он как будто сиял, доски были свежим лаком покрыты, и солнце на закате... Сначала Наташка пошла, а она тогда была ужасно влюблена в одного парня и хотела за него замуж, а он все молчал, так цыганка ей что-то такое все говорила, говорила, непонятно что, так Наташка ее спросила про замужество, а та рукой так махнула, мол, выйдешь с позором. Так и вышло. Ну, что значит... он все-таки женился на ней, когда она уже почти рожала, так мать ее прокляла, ну что ты хочешь, дикие люди, мать ее была деревенская баба, а Наташка такая интересная девка была, такие парни за ней ухаживали, а она с этим Валеркой, потом забеременела от него, так она матери не сказала, а я ей письмо написала, и в конце спрашиваю, ты матери сказала, что беременна, а они подумали, что письмо — поздравление со свадьбой и открыли, ну и узнали, и мать ее прокляла, ну за что, за то, что раньше времени родила, и отец тоже, а отец у нее был гебешник, начальник особого отдела танкового завода, Андрей Петрович, ой, с ним такая история произошла!, когда он умер, дело было зимой, а я была как раз после операции и еще даже не выходила ни разу, но все-таки потащились, и такая метель была, а там еще дорогу чинили, и весь поезд встал, впереди автобус с катафалком, за ним еще автобус с родственниками, сослуживцами, потом места были заказаны в ресторане, поминки справлять, в общем, когда к кладбищу подъезжали, катафалк вдруг завалился набок и упал, никто не пострадал, только покойник вывалился, кое-как подняли катафалк, все испугались, покойник прям на них упал, а в автобусе была канистра со спиртом, так ее тут же выпили, и мне стакан спирта дали, чтоб не замерзла, зимы у нас лютые были, а метели! Знаешь какие метели были! В общем, я думаю все, какую мне. А за нами еще автобусы, очередь образовалась. А когда пошли пешком к могиле, гуськом, длинной такой цепочкой, шаг в сторону ступишь, провалишься в сугроб — не выберешься, а я еще пьяная после стакана спирта, и решила не идти, вернулась в автобус. Ну, кое-как все-таки похоронили Андрея Петровича и поехали поминки справлять. И тут такое веселье началось, знаешь, народ голодный, с мороза, да еще канистру эту раздавили, в общем, посадили меня между двух мужиков, чувствую, стали мне задницу обжимать, ха-ха-ха! А потом танцы, думала не выживу, но ничего... А я когда вошла

к цыганке, то она меня сразу поразила: такая полная, но молодая, яркая, в синем вязаном платье, тогда вязаные платья были в моде, ковры на стене, и карты такие старые, засаленные... и она мне сразу сказала, как меня зовут, что я сирота, и тут же поправилась, нет, говорит, мать в больнице лежит, а мама действительно лежала в больнице. И она мне все в общем-то правильно нагадала, нагадала, что я скоро выйду замуж за военного, а я военных терпеть не могла, что уеду далеко, в южную страну, и что денег у меня всегда будет много, но ничего не останется ... А почему же ты не хочешь, чтобы тебе гадали? Боишься поверить в плохое?

— Да, боюсь. Я вообще впечатлительный. Я тебе не рассказывал, что сам пытался гадать, в возрасте 15–16 лет? И что меня особенно испугало, что я это делал вроде в шутку, то есть... я гадал по руке, в основном девочкам, совершенно ничего не зная о символике линий на руке, просто нес отсебятину...

— Но ты это делал вдохновенно?

— О, да!

— Ну так в этом все и дело! Я ж тебе говорю, что символика имеет вспомогательное, психологическое значение, а суть в видении, которое либо есть, либо нет, и одно должно быть вдохновенным...

— Так меня больше всего напугало именно то, как некоторые верили в эту мою отсебятину, просто напугало... И с тех пор я проникся презрением и страхом ко всякого рода мистике. Что-то конечно есть. Именно поэтому я избегаю всего этого, потому что «океан темный», он неуправляем и страшен, а хочется ясности, контроля. Отсюда и вера в Разум.

К сумеркам стало прохладно, горы стали таять, и мы вернулись в комнату. Сели на диван, обнялись. И сидели так, почти не шевелясь, обнявшись, целуясь. «Ты такой родной, такой родной... Я тебя очень люблю...» Потом взяли одеяла, закутались и опять сели на балконе. Сумерки быстро густели, в деревьях на взгорьях зажглись огни. Я любовался ее лицом в полутьме, закутанным в светло-бежевое одеяло, и все целовал волосы, глаза, губы...

— Станный день, — шептала она, — мне так хорошо... даже страшно. Так не бывает... Слишком хорошо...

Она еще много всякого рассказывала, всего сразу не вспомнишь...

— Турнули меня за финансовые нарушения, да. Ну, там много всякого было. Они меня еще вербовали, прислали мне такого... уж не знаю, как я не согласилась — красавец был мужик, чтоб я им стучала, там еще всякие дела были, короче, прислали комиссию, она нашла финансовые нарушения. Ну, это когда берешь деньги на одно, а выдаешь на другое. А как без нарушений, сами же приезжают из области, давай им банкет, пятьсот рублей минимум, что ж я, из своего кармана, что ль должна? Ну и выписываешь им. Да там все так. Короче, турнули. И пошла я работать в институт инженеров транспорта — вот это была контора! Таких жуликов я еще не видела. Там у всех были машины, даже у лаборантов. Во-

обще это было сборище знаешь... отбросов таких, которых откуда-то выбросили, директор был вторым секретарем горкома, его в институт «спустили», ох, жулик был! И такой бардак там был с расписанием, с экзаменами, полно было приезжих лекторов, все это надо было согласовывать. Дал мне полгода наладить работу. Я им за две недели всю работу наладила, девочки от меня плакали. Но когда работа налажена, можно уже ничего не делать, я и их потом по расписанию отпустила, а сама вообще... пропала...

Обратно ехали медленно, через лес, она была странно притихшей, гладила мою руку и говорила полупшепотом: «Я этот день не забуду... Я как-то странно себя чувствую, такой покой...».

7.11.

Матвей, привет!

Дочитал я книжку Дуглас и разочаровался. Вторая половина книги оказалась слишком специальной и выхода на проблемы религиоведения так и не произошло, если не считать цитат из «Многообразия религиозного опыта» У. Джеймса, из которых я усмотрел, что, во-первых, все ее «философские» обобщения, так мне понравившиеся в начале книги, не вполне оригинальны и повторяют идеи У. Джеймса; а во-вторых, может быть, стоит почитать У. Джеймса? Ближе к кассе. Ее антропологические, «полевые», разработки ритуалов всяких там курги и леле, призванные подкрепить некоторые общие выводы, для меня излишни — не хватает только еще на полном серьезе углубляться в антропологию. Тем более что, как я понял, каждый антрополог норовит построить мир на каком-то одном, им придуманном принципе, один — на инстинкте насилия и его замещении (Жирар), другой — на инфантильной анальной сексуальности, третий — на осквернении. Ну что ж, и осквернение, судя по изложенному, вполне может служить краеугольным камнем «культурного строительства». Причем все это заявлено уже во введении, все остальное можно не читать. Так что же я «извлек» из книги? Что грязь — это беспорядок, ее устранение — стремление упорядочить, организовать мир. «Религия существует не для спасения души, а для сохранения и благополучия общества... Древняя религия — это не что иное, как часть общего социального порядка, который в равной степени охватывает богов и людей». (Это, кстати, цитата из Робертсона-Смита и вообще — общее место социальной антропологии, начиная с Дюркгейма.) Само восприятие определяется заданными рамками культуры и имеет свойство не замечать того, что этой культуре «не нужно» или «вредно». Отклонение (непорядок, хаос) есть источник опасности, но и силы. «Чистую» культуру (она же есть «святость», она же и «целостность и завершенность») можно защитить только «ритуалами разделения». В то же время особую «силу» можно обрести, только «гуляя по обочине», нарушая границу. Это подчеркивается многочисленными рассуждения-

ми о противоречивости сексуальных запретов, поди, мол, совмести требование целомудренности женщин с желанием продолжить род, не говоря уже о желании соблазнить (отсюда, кстати, «вытекает», о чем Мери умалчивает, ритуальная проституция, а стало быть, и проституция вообще как институт «сглаживания противоречий»). Приводится в связи с этим и мнение некоего Эренцвейга (чувствует мое сердце, что еврей), согласно которому «произведения искусства нравятся нам потому, что дают возможность выйти за пределы ясных структур нашего обыденного опыта». «Чистые» структуры дают чувство надежности, но быстро надоедают, да и не всегда, и не полностью обеспечивают «безопасность».

Что касается самих ритуалов, то они являются символическим выражением общественных правил и правил взаимоотношений с природой. Ритуалы поддерживают равновесие (и границу) между родом и миром и обучают правилам этого равновесия. Возможности «развития» ритуального комплекса в результате общественного и, соответственно, индивидуального развития (индивидуация) и, соответственно, проблема «перспективности» культурных систем (в какие из них такое развитие заложено, а какие обречены на окаменение), в книге почти игнорируются (в конце там что-то про оптимистические и пессимистические религии, но это потенция прорыва к системе оценок совершенно не задействована). Только сказано: «ритуал способен творить». В общем, я не совсем понял, почему эта книга «бросает тебе вызов». Предлагаю тебе «начать обсуждение», потому что мои «спонтанные» соображения весьма простоваты и похожи на «заметки на полях». Например, напрашивается рассмотрение идеи ритуального очищения в связи с «историей еврейского народа» (у Дуглас целая глава посвящена книге «Левит»). Приходится признать, что евреи, как народ особо сосредоточенный на идее ритуальной чистоты, вероятно, были изначально особо озабочены своими родовыми границами и страхом их нарушить. Это легко связать и с его «экстерриториальностью». Кочевники, не имеющие физических (географических) границ для своего рода, обязаны ради его сохранения гораздо резче очертить границы осквернения (смешения) и поддерживать их ритуалами (верой). И тот, кто сделал это самым решительным и «жестким» образом, имел больше шансов на выживание.

А у нас все то же. Интенсивно отстреливаем «конкретных» террористов, но это все равно, что собирать урожай по колоску перочинным ножиком.

Всегда твой
Наум

Гольдштейн позвонил. «Да ничего нового, Наум, ничего нового. Что у Вас? ... Да я тоже отшельником». Пришлось развлекать. Рассказал о письме Соколова. Он оживился. «Ну что, пишет он? Что-нибудь для журнала бы...» — «Знаете, я эту тему боюсь с ним затрагивать, мне ка-

жется, что она болезненная...» Болезненность он подхватил и стал Соколову сочувствовать. Спросил его, не будет ли он устраивать вечер, все-таки книга вышла. «А где?» — «Ну, хотя бы в этом подвальчике в Доме литераторов». — «Нет, там мне не хочется. Придут, знаете, какие-то старушки...» Я посетовал, что свой вечер тоже так и не сделал. «А хотите в «Дон Кихоте»?» — спросил он. «Не знаю... Ну соберется человек 15–20, как тогда на ваш вечер, да еще вопросы всякие дурацкие начнут задавать: как жена вам прощает...». Похихикали. Поведал и ему (для развлечения) о статье Бормашинки про Шехтера. «Я как раз держу новый номер в руках, вот только что прислали в редакцию... сейчас открою, вот... Да! Название шикарное!» — «Так я Шехтеру написал: сравнение с Толстым не жмет? и знаете, что он мне ответил? Время покажет». — «Прям так и сказал? Не может быть...» — «Буквально». — «Потрясающе. Вот, никогда не поймешь что в голове у этих людей...» — «Что там царапалось, боролось» — резонирую.

Мы рассмеялись.

— Читал в интернете, — продолжаю, — что вы попали в шорт-лист премии Андрея Белого, поздравляю.

— Даа... только денег это не приносит.

— Ну, деньги в нашем деле приходят только с именем. Если приходят.

— Вот именно.

— Хотя имя вы себе уже заработали. Вон Курицын называет вас звездным.

— Даа... — он смущенно хихикнул.

Пожаловался ему на Хаенко, что ни словом не обмолвился ни обо мне, ни о Бараше. «Просто он Бараша очень не любит», — утешил он меня.

Обсудили производительность письма, он считает, что страница в день — это приличный темп.

9.11.

Hi Naum! We really want you to come skiing, how about late December or January?

Look up the web site of our ski/rowing center here. There are some pictures of last years ski marathon so you can see what it looks like.
www.craftsbury.com

Stay in touch.

Sincerely,

Marlene Royle

Hi, friends!

Thank you for invitation. I saw the site — beautiful places.

But i am afraid, that i am not in form for sky. I have some checkings about my heart.

And... we will see...

Sasha, write me, if it is interesting for you, what do you think about texts in «Zerkalo».

May be you will want to give something for magazine.

Yours

From: Rima Vaiman

To: «zinovy vauman»

Subject: Re: road in Europe

Зус, напиши как Иланочка??? Что насчет внуков??? Где она работает? Как ее муж, чем занимается??

Будьте все здоровы!!!

Love Rima

внуков нет

Лана в Сиэтле

Ее муж послал мне email и всё

Lana hates me Нюша hates me too

I met her 4 weeks ago

Римма, а как папа мама?

привет Игорьку

я не был в Вильно 27 лет еле узнал

но постепенно вспомнил

привет Басе

а как тетя Маня??????

Миша сказал, что у Наума ОК

когда женится Илюша?

как Юваль?

как жесток этот мир

Но мы живы

Z

To: «zinovy vauman»

Subject: Re: road in Europe

Зусик!!!

Все поняла. У нас вот такая новость — Люша решил жениться!!! Когда точно свадьба еще неизвестно, все сообщим и надеемся вас всех видеть!!! Невесту зовут Дафна — блондинка с зелеными глазами, нам нравится! Сейчас они в Нью-Йорке, но уже послезавтра возвращаются. Юваль в порядке — служит в армии, но каждый день дома. Доволен. М.Н. белее-менее, функционирует, по-моему, на ее возраст вполне. Мои родители тоже — все в соответствии с возрастом, пока на ногах — молю

Б-га!!! Теперь должны все танцевать на Илюшиной свадьбе!! Игорь тоже — нормально, Маю уже будет 9 лет. Время мчится!!! Мы с Наумом уже женаты 30 лет и три года — как те старик со старухой!!

Ну все, будь здоров!!!

Rima

From: «zinovy vauman»

Subject: Re: road in Europe

эх как бы дожить бы до свадьбы женитьбы
а нашей Москвы нет...

11.11. Вчера гуляли всей компанией по Кейсарии. Римский ипподром у моря почти раскопали. В галерее Бронштейна купил приглянувшийся рисунок, вернее, литографию: пейзаж с кипарисами, старыми оливами и куском иерусалимской стены. Посидели в ресторане «У Якова», славно пожрали. Снимал на видеокамеру.

Рассказал Мирону про израильский фильм Бентвича «Что-то тотальное» (вчера показывали по телеку), про свое очередное изумление перед «их» тотальной бездарностью, тотальной бесвкусицей. Он заметил, что все это оттого, что в Европе каждое высказывание всегда соотносится с каким-то культурным контекстом, а здесь — ведь они решили новую нацию строить с новой культурой — все высказывания ни с чем и никак не соотносятся, ну, разве что с очередной газетной передовицей, поэтому такое впечатление, что все звучит в пустоте.

13.11. Катаясь с Р по горам, заехали в ресторанчик на перекрестке Бар-Гиора. Народу почти никого. Вокруг горы. Сытно и дешево. Она была в черном свитере и в черной кожаной юбке. Золото на черном поблескивало на закате, подсвечивая ее красоту. Было холодно, и я отдал ей свой пиджак. Закуталась в него и потерлась щекой о воротник, блаженно улыбаясь. «Тебе идет, серый пиджак на черном...» Она пошевелила губами в знак поцелуя. Выпили по бокальчику...

— А сын твой любит свою невесту?

— Не знаю, наверное.

— Ну, это же всегда видно. Вот у дочки с ее мужем это видно до сих пор, а вначале, когда они поженились, невозможно было сидеть рядом с ними, все было наэлектризовано, казалось, что вот сейчас, если все исчезнут, они просто набросятся друг на друга.

— Ну, с ее стороны может быть, она его все время целует, обнимает...

— Да я не про это! Я ж тебе говорю, с ними рядом невозможно было сидеть, такое было напряжение.

— Нет, такого, пожалуй, нет.

— А что он говорит? Почему он вдруг решил?

— Он сказал, что как-то представил себя без нее и решил, что он без нее быть не хочет.

— Не хочет или не может?

— Не хочет.

— Нет, это не любовь.

— Ну, любовь не всегда самая здоровая основа для брака.

— Да ну брось ты, что за чушь. А вот ты, когда женился...

— Я вообще не хотел жениться.

— Как это? Что, возникла необходимость?

— Не возникла, а уже была — необходимость регулярной половой жизни.

— Ты что, без этого что ль нельзя было? Когда родителей нет...

— Вот именно, надо «ловить», когда родителей нет, это не так просто, да еще вдруг вернуться...

— Не знаю, у моего мужа не было такой проблемы. Я когда приехала к нему, так он еще следы заметал, у него там целый ящик писем был от девиц, я его просила не выбрасывать, там такие письма были, что ты, шедевры, жалко, что не сохранилось...

— У него квартира была?

— Ну да, офицерам давали квартиры в городе...

— Ну, так это совсем другое дело! Если у тебя есть квартира, то, конечно, можно жить регулярно.

— Но когда он в части был, он жил в казармах, там у него тоже была квартира, но...

— Какая разница, приводить-то мог.

— Ну да... и потом офицеры в таком городке были, конечно, выгодными женихами, за ними охотились...

— Ну вот, представь себе какой-нибудь Мухосранск, соответствующий женский контингент, да у тебя еще отдельная квартира...

— Ну это ты зря, у него девушки были вполне, музыкантши, художницы... Хотя, конечно, разные были, и болели они все ужасно, все офицеры из триппера не вылезали...

— Даже в таких условия все непросто, сама говоришь, что хотели замуж, значит, надо все время обманывать...

— Ну, это уже их проблемы, обещания им никто не давал.

— Что значит «обещания», договоров не писали, но раз «давали», значит рассчитывали... И это зависит от человека. Не каждый может отмахнуться.

— А ты не отмахиваешься, если вдруг женщина перестает нравиться? Ты чувствуешь себя чем-то обязанным? Бросаешь, и все. В таких делах нет сантиментов.

— Не знаю... И потом еще очень важно: что ты ищешь. Мы уже с тобой как-то говорили о курортных романах...

— Да ты сам мне говорил, что искал только потрахаться.

— Нет, не только. И вообще не этого я искал.

— Ну вот только не пизди.

— Ну что делать, тут у нас нестыковочка. С любовью-то. Сколько уж я тебе твердил, что есть любовь без секса и секс без любви, и последний мне лично противен. А ты не понимаешь, что есть люди, которых, кстати, большинство, которым нужно что-то другое, и они это ищут. Конечно, я хотел потрахаться, но я всегда рассматривал секс как мост, как плацдарм для прорыва, а если нет, то важна взаимная необязательность, свобода, а это редкое сочетание, ведь девушки тоже искали...

— И поэтому тебе, бедному, не давали.

— Давали, но редко и не сразу.

Мы прогулялись немножко, но дул ветер, и пришлось спрятаться в машину. Обнимались-целовались.

— Я бы отдала сейчас год жизни за неделю с тобой 35 лет назад! А ты?

— Я не уверен, что мы бы понравились друг другу.

— Как это не понравились бы? Я всем нравилась. Знаешь, какие у меня были сиськи? Никогда лифчиков не носила.

— Ты-то мне понравилась бы, а вот я тебе...

— Ты? Если ты сейчас такой красивый?! Уух, обожаю!

Она вдруг вошла в раж.

— Значит, секс тебе противен, да?! Противен?!

Набросилась, чуть зубы не высосала, потом стала целовать в голову и кусаться, впилась в черепушку, аж зубы вонзила.

— Ты что! Больно!

Хохочет.

— Теперь ты видишь, что я волк!

— Больно, ты что. И след останется...

— Дай посмотреть... Ну ничего... Немножко покраснело. Больно?

— Да больно-то ладно, след останется...

— Ты на меня злишься? А я очень люблю кусаться. Это ты меня всегда сдерживаешь. Ты сам такой сдержанный, и меня сдерживаешь.

— А надо рычать и кусаться?

— Нет, дело не в этом... Ну ты вообще... Я вот хотела тебе предложить одну вещь, но боюсь тебя шокировать...

— Какую?

— Не скажу...

— Ну скажи уж.

— Не скажу.

Мы уже ехали обратно, по лесным склонам, на закате.

— А вот ты, — стал я пытаться ее, — больше любишь в рот, чем... конвенционально?

— Нет, почему. Я все люблю.

— А мне показалось... Хотя ведь так трудно кончить... Ты кончаешь от этого?

— Иногда да. ... С тобой я все люблю. Особенно люблю чувствовать, что могу откусить! Вот так — раз, и все, ха-ха-ха! Не боишься?

Когда приехали в деревню, было уже темно. Не отпускала. Все терла мне между ног.

— А можно, я потрогаю...

— Ну где тут, люди ходят...

— Ну можно?

Расстегнул штаны.

— Ох, какой хорошенький, мокренький...

В общем, довела и меня до кондиции.

— Я хочу хоть на неделю вернуться в свои семнадцать лет... Нет, ощущения не слабеют, но слабеют желания. Ты не представляешь, как я хотела! Если я что-то хотела, для меня не существовало препятствий! ... Ты мне вчера приснился, такой странный сон... мы втроем в большой такой зале, я, ты и твоя жена, а она почему-то такая большая, высокая, сильная, знаешь, такая литовка, загорелая, спортивная, а ты даешь мне почитать какую-то рукопись, и я читаю, все аккуратно распечатано, и так интересно, и вдруг эта распечатка кончается, и остальное написано таким корявым почерком, и вообще чушь какая-то, мне ужасно не нравится, и я спрашиваю, кто это написал, а она говорит: это он написал, а то, что напечатано, это я написала... Помнишь, я тебе говорила, что подружка, когда я говорила с тобой по телефону, сказала мне: «Только не говори, что это ты с мужем разговаривала»? Так вот, она мне сегодня говорит: «Ты когда вчера уходила из школы, у тебя было такое лицо, как будто ты бежишь к любовнику». Ну как тебе это нравится?

14.11. От Л: В Португалии есть всё, что и у нас: в Лиссабоне есть «арабский» район Альхама, видно, там были бани¹, есть раскопки римской виллы 1 века с водоснабжением, вылитая Ципори, есть городок на юге, Логос, вылитый Акко (помнишь, мы были у крестоносцев?). Есть места, напоминающие Кейсарию. Ну и кое-что от Европы: своя Эйфелева башенка, свои Елисейские поля, загородные дворцы типа Петергофа и даже салют 7 ноября, есть подвесной мост, самый длинный в Европе. Мы передвигались на лошадях, паровозе, электричке, трамвае и метро. Из окон видны наши сабры, пардесим, анавим, шкедим², эвкалипты... аборигены люди не очень симпатичные, напоминают цыган, такая гремучая смесь, низкорослая и кривоногая, поют цыганскую музыку «фадо». Погода была замечательная — гуляй не хочу. 17 +/- 4 по Цельсию. Лиссабон, как Рим, стоит на семи холмах, есть и речка, впадающая в океан (пожиже Невы, конечно), а на холмах монастыри и крепости, виды потрясающие.

¹ Хамам по-арабски баня.

² Плоды кактуса, сады, виноград, миндаль (*ивр.* в русской транскрипции).

Давай записочки. А то я соскучилась уже. И загляни в lenta.ru, там про Питера Гринвея, приехал в Москву выбирать актеров для своего 16-серийного фильма — киноинсталляции.

Понял про Португалию. Записки сейчас организую.

Про Гринвея посмотрю, я его вчера по русскому ТВ видел, очень бодрый мужик, взгляд ироничный, пронизательный, но незлобивый.

Забрал вчера свою «сердечную карту», все формальные показатели явно улучшились. Хоть возвращайся к теннису...

Вот осталось только иногда легкое трепетание. Или я придираюсь к своему сердцу?

Хамсин сегодня, может, в этом все дело...

Наум, привет!

... МД не скрывает своей принадлежности «школе Дюркгейма», что вдвойне похвально: во-первых, честно, а во-вторых, школа хорошая, даже, может быть, «наилучшая». Беда в том, что никакая школа, а тем более столь «почтенная» и, скажем прямо, изрядно закостеневшая, не может дать ответов на актуальные вопросы. Вектор вопрошания она задает, но для получения ответов нуждается в модификациях (если не в радикальном пересмотре).

Почему я назвал школу Дюркгейма наилучшей? По многим причинам, из которых остановлюсь на главных. По Дюркгейму, реальным существованием обладает только «социум» (это близко к моей трактовке «родового начала»). Ни одно человеческое проявление, включая самые экзотические (типа, например, ритуала), не рассматривается Дюркгеймом как «неправильное» или «устаревшее». Что обеспечивает функционирование социума, то и «правильно»; никакой другой истины, кроме упорядоченного социального бытия, гарантирующего выживание, не существует. В этом плане всякие там «боги», «религии», «трансцендентности» и все такое прочее не более чем эмблемы для обозначения тех или иных механизмов, обеспечивающих солидарность социума. Это, на мой взгляд, совершенно здравый подход к проблеме религии, и в этом смысле «памятник Дюркгейму» навсегда останется указателем в единственно верном направлении. Далее, «путь Дюркгейма» учит скромности: все отличия между «нами» (современными умниками) и «ими» (первобытными дикарями) носят исключительно функциональный характер. То есть, строго говоря, различий вообще нет. Система функционирует, значит, она «права»; происходит лишь дифференциация, обособление и «отладка» отдельных функций при сохранении «общего ансамбля». Все эти идеи (в основе своей абсолютно, на мой взгляд, правильные) остаются для МД чем-то вроде «символа веры», и если уж

иметь таковой, то лучшего нельзя и пожелать. То есть нет лучшего средства для «прочистки мозгов», загаженных миазмами теологии «мировых религий».

Вместе с тем, в построениях Дюркгейма есть одна особенность (не рискуя сказать «недостаток», потому что каждый волен выбрать свой «предмет и метод»): его подход ограничивается социологическим уровнем. Дюркгейм не «философствует», а «социологизирует». Поэтому «социум» и «индивид» оказываются у Дюркгейма постулатами, «священными коровами» (это высшая инстанция — и все), а не предметом критического анализа. Вопросы о генезисе и природе «индивида», «личности» и т.п. в этой системе координат не могут быть даже толком поставлены (а не то что разрешены). Самое печальное следствие теоретических установок Дюркгейма состоит в том, что они предполагают некую изначальную «монолитность»; всякая попытка ввести, например, на фундаментальном уровне разделение на 'Блок обеспечения' и 'Блок спасения' неизбежно будет восприниматься изнутри «школы Дюркгейма» как возврат к бесплодным религиозным «трансцендентностям», к постулатам «Бога» или «духовности» (в духе, например, Макса Шелера) и прочим «поповским штучкам».

Я вообще-то горячо сочувствую подобной установке, но подход Дюркгейма выплескивает вместе с водой и ребенка. Он ничтоже сумняшеся формулирует: «Религия существует не для спасения души, а для сохранения и благополучия общества». Так-то оно, может, и так, но если даже откинуть «душу» (камень в огород христиаства), то потребность в спасении все равно остается; если выкинуть и ее, то вообще нет смысла говорить о религии — достаточно «социальных механизмов»; но уж больно «странны» эти механизмы с точки зрения «материалиста», и если мы хотим выяснить их специфику, надо учесть и «субъективный фактор», тем более что исходная установка Дюркгейма двусмысленна: ведь если «что работает, то и правда», то чем «работа спасения» хуже «работы обеспечения»? Дюркгейм мечется между постулируемым, достаточно тонким, гносеологическим прагматизмом (очень напоминающим прагматизм У. Джемса) и довольно вульгарным «материализмом», который кажется ему «само собой разумеющимся». Остается согласиться с МД: «Сейчас очевидно, что Дюркгейм отстаивал чрезмерно унитарный /то есть недостаточно дифференцированный/ взгляд на социальную общность».

Однако Дюркгейм «не так прост, как кажется». Казалось бы, из постулата о том, что религия существует исключительно для сохранения и благополучия общества, естественно должен был бы последовать некий «структурный монизм»: механизм есть механизм, каким бы фантастическим образом ты его ни обосновывал. Между тем Дюркгейм, будучи убежденным монистом на фундаментальном уровне (нет ничего, кроме механизмов поддержания социума в его единстве), при этом столь же

убежденный дуалист на уровне «структуры организации» общества. Так, одним из двух основополагающих принципов определения религии (первый — это организация сообщества для исполнения культа) он называет «отделение священного от мирского» и в этом даже расходится со своим учителем Робертсоном-Смитом, считавшим, что «разделение между областью религии и обыденной жизнью отсутствует». /Вынужден с прискорбием отметить, что МД в этом вопросе ближе к Робертсону-Смиту, чем к Дюркгейму — и напрасно, потому что именно радикальное отделение священного от мирского выводит Дюркгейма на уровень истинного мыслителя, хотя и «всего лишь» социального./ Откуда взялся столь резкий структурный дуализм у фундаментального мониста Дюркгейма? Исходя из своих изначально постулируемых священных коров — социума и индивида, — Дюркгейм закладывает в оппозицию индивид/общество максимальный энергетический потенциал. Он предполагает отчаянную и страшную по своей разрушительности силу сопротивления индивида «зову (диктату) социума». Поэтому подчинить индивида этому «зову» можно только с привлечением неких дополнительных спецсредств. Главное из этих спецсредств — это нечто вроде «мистического ужаса» (в более поздних религиях аналогичный импульс называли «страхом Божьим»). Дюркгейм говорит примерно следующее: Бога нет, но без страха Божия общество не устоит. Если верить Дюркгейму, то сакральное — это, по сути, средство нагнетания страха для поддержания социального порядка. Обычное позитивистское положение о том, что «страх породил веру в Бога», вывернуто здесь наизнанку. /Сделаю небольшое отступление в сторону. Мила привезла из Италии книгу «Русско-итальянский архив III. Вяч. Иванов. Новые материалы». (Salerno 2001). В разделе «Сентенции и фрагменты Вяч. Иванова в записях О. Шор» я вычитал следующие «сентенции» мэтра: «Говорят, религия родилась из страха; напротив, отрицание религии происходит из боязни» (запись 1932 года). «...да и то еще: скорее ужас произошел из религии, чем религия из страха» (запись 1934 г.)./ Как бы ни относиться к подобным «сентенциям», характерно, что они возникают и в традиции, предельно отдаленной от традиции Дюркгейма. И в любом случае, я считаю его идею «проекции» — величайшим достижением.

Привожу ее в изложении МД: *Общественное сознание проецировалось вне и над индивидуальным членом общества, превращаясь в нечто иное, чем он, внешнее по отношению к нему и подавляюще могущественное. Таким образом, мы видим, что Дюркгейм настаивает на том, что правила разделения — отличительная черта священного, которое полная противоположность мирскому. /.../ В связи с этим он указывал на фиктивную, абстрактную природу религиозных сущностей. Это только идеи, вызванные к жизни социальным опытом, только коллективные представления, спроецированные вовне, только выражение морали. Знают, они не имеют никакого соответствия в материальном мире. /.../*

В самой их природе заключена опасность утраты их отличительных, присущих им свойств. Священное необходимо постоянно ограждать запретами. Контакт со священным всегда рассматривается как заразный... При изложении МД очевидным образом подменяет тезис, говоря, что для Дюркгейма «правила разделения — отличительная черта священного»; наоборот, по Дюркгейму, первичное отделение сферы священного порождает все прочие «правила разделения»; разделение сакрального и профанного — это не то же самое, что разделение, например, тяжелого и легкого. И в этом смысле МД делает шаг назад по сравнению с Дюркгеймом; другое дело, что именно этот шаг назад парадоксальным образом позволяет ей покончить с нелепым отделением вечноплохой магии от вечнохорошей религии и опровергнуть «гигиенические» и «моральные» критерии отделения магии от религии (об этом я намереваюсь поговорить в дальнейшем подробно). Дюркгеймова идея «проекции» (Фейербах с его идеей отчуждения в Боге родовой сущности человека был в этом плане предшественником Дюркгейма) представляется мне великолепной по «механизму», по «начертательной геометрии», но не по содержанию. Величие Дюркгейма в том, что он ощутил необходимость «фундаментального разделения», но произвел его «не там»: не на том уровне и «не по тому принципу». То есть я не сомневаюсь, что нечто было действительно «спроецировано вовне». И это нечто нуждалось в защите в виде некоего «сакрального круга» (предшественника Рампы). С чем я не согласен, причем категорически, так это с тем, что проецировались якобы напрямую «коллективные представления», «нормы морали» и т.п. — словом, некий «зов социума» (категорический императив социума) в виде некоего набора правил (т.е. того же классифицирующего разделения, но только «морального»). На самом деле проецировался не «кодекс», а механизм снятия индивидуации. Это не кодифицированное «требование» социума, а рамочное условие его существования. Если сформулировать предельно грубо и заостренно, проецировался механизм возобновления действия инстинкта; точнее, не всего инстинкта, а его пораженной («запускной») части — его «парализованной воли». Проецировался механизм реабилитации воли к жизни. Вообще проблема состояла не в воспроизведении «набора правил» (это дело сугубо вторичное), а в формировании субъекта, готового выполнять какие-либо правила.

Эта тема требует хотя бы беглой проработки. В процессе дифференциации «человеческое существо» («предчеловек», или даже «античеловек», по Поршневу) доходит (в том числе и в процессе когнитивной классификации, описываемой МД) до такого состояния (рефлексия, индивидуация, тоска бытия), которое «отключает» автоматическое функционирование инстинкта (по крайней мере, на самом высоком, «запускном» уровне — на уровне «воли к жизни», жизненного порыва /elan

vital/). Собственно говоря, на этом этапе история «опыта с человеком» заканчивается: опыт не удался, и Творец потерял к нему интерес. Между тем, человек, вопреки Замыслу о себе, преодолел кризис, создав «инстинкт» (если хочешь, «заменитель инстинкта») вне себя, спроецировав его вовне. На самом деле «священное», спроецированное вовне и огражденное «сакральным кругом» — это не «зов социума», а — поднимай выше! — зов самого Замысла (категорический императив Замысла). Человек становится собственно человеком (*homo salvans*) с того момента, когда его управление (управление им) начинает осуществляться с двух пультов одновременно: пульт обеспечения действует изнутри в режиме «обычного», «встроенного» инстинкта, а пульт спасения действует снаружи, в режиме экстериоризованного (вынесенного вовне) «инстинктозаменителя». При этом «встроенный» инстинкт передается обычным генетическим путем, а «вынесенный вовне» — путем научения.

Здесь важно отметить, что как бы ни «накладывались» и ни «смешивались» ‘процедуры обеспечения’ и ‘процедуры спасения’, каждая выполняет только свою функцию (либо «обеспечительную», либо «спасительную»). То есть «необходимо и достаточно», чтобы выполнялись обе функции, а насколько они смешаны или дифференцированы — тут возможен колоссальный спектр возможностей. По мере дальнейшей дифференциации сферы обеспечения и спасения настолько «отслаиваются» друг от друга, что вместо «наложения» возникает четкая картина разделения, конституируемого Рампой; при этом сам принцип функционирования в режиме управления сразу с двух «пультов» не меняется.

На этом умолкаю в сознании произведенного сумбура. Надеюсь, что при дальнейшем рассмотрении проблем магии/религии и, особенно, великолепной 10-й главы книги МД, где автор «превосходит себя самого», я смогу изложить свою позицию более внятно и прочертить выходы в интересующие нас сферы. Хотелось бы, конечно, получить от тебя импульс в режиме «обратной связи»; иначе я рискую заехать в дебри бесконечного диалога с самим собой.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Что-то путано. Ритуал как «проекция механизма реабилитации воли к жизни»? Не зов социума, а зов Замысла? Разве, по твоей системе, зов социума-рода не есть зов Замысла (единства с природой)? Вот ты говоришь: «В процессе индивидуации “человеческое существо” доходит до такого состояния, которое “отключает” автоматическое функционирование инстинкта индивидуального выживания (“на уровне воли к жизни”）」, правильно я понял? Но воля к жизни никуда деться не может, она с самой жизнью неразлучна. По твоему учению (насколько я его освоил),

индивидуация ломает не волю к жизни, а единство человека с родом-природой, человек становится антагонистом рода, в результате чего, да, и он сам, и род могут погибнуть. Если сравнить человеческий род с муравейником, то это равносильно тому, что муравьи вдруг перестали бы подчиняться некой единой воле строительства муравейника, как «дома жизни», и стали бы разбегаться с криками: а нафиг мне этот «дом рабства». И вот тут включаются социально-психологические механизмы восстановления единства, те самые ритуалы жертвоприношения, призванные воспитывать (внушать) индивиду готовность к самопожертвованию ради «общего дела», к героизму. Кстати, не исключено, что для муравьев строительство муравейника есть не только практическая необходимость, но и ритуальное действие.

А я тут «вместе со страной» слежу за перепитиями вашей «жизни под стеклом» (ТВ-6), и даже прочитал сегодня в интернете, что «есть половой контакт!» и какие-то герои этой «драмы» уже вовсю «тараканятся». И мне вдруг все это явление, кстати, не новое, и на Западе (и у нас в Израиле) уже апробированное и серьезной сенсации не вызвавшее, показалось любопытным «антропологическим» экспериментом «рампирования» с целой страной, которая, «пуская слюни», следит и «реагирует» (вот Жириновский недавно посетил, а он очень чуток к нервам масс-медиа, митрополит всея Руси осудил...).

Всегда твой
Наум

Позвонил Бараш. Он получил от Гольдштейна книгу и «почитал». Говорит, «ощущение двойственное». «Может ли маленький человек быть большим писателем?» «Нет ни одной своей мысли. Все отраженное. Он очень много знает, потрясающе много, аккумулирует и отражает». Его задело, что в каких-то местах, где Гольдштейн должен был его умолять (полуцитаты, полузаимствования «идей»), он этого не сделал. Бараш считает, что это чисто русский беспредел. Сам он подписал договор на книгу с Гринбергом. Рассказал, как пришел к Гринбергу с Ирой, и у того «борода встала дыбом», впечатлился, значит, от Иры. «Такой вот, хи-хи, жовиальный мужик». Что-то было наивное в этом хвастовстве женой, которому я легко подыграл: «Ну что, это делает честь его вкусу». О Гольдштейне он еще заметил, что если тот и любит что-нибудь, то литературу, отсюда идет энергетика его прозы.

Еще рассказал, что Алексин написал отрывок о Гробмане и по этой причине был допущен ко двору, а Алексин, кстати, дружит с отцом Гольдштейна. «Ты не знаешь? Его отец был художественным руководителем бакинского цирка». «Ого!» — удивился я. «Да. Это те люди, которых я когда-то считал врагами. Да, сегодня, конечно, можно с ними разговаривать. Но все равно, это другие животные. И вот у Гольдштейна эта

удивительная дипломатичность со всеми, ровность». «Да, — поддакиваю, — что-то молчалинское: мне завещал отец всем угождать в сем мире без изъятия. Странно, что при такой дипломатичности он не сделал административную карьеру».

— Он выбрал литературную. И преуспел.

— Да, надо признать. А ты видел, что он попал в короткий список на премию Белого?

— Ну, это слабое достижение, — утешил Бараш, — поскольку куратор премии Морев, его старый приятель, и Гольдштейн написал предисловие к новой книжке Саши Петровой, знаешь это — «муж моей первой жены», хи-хи. А выдвигала Прохорова, так что...

Свернули на его прозу. «Продолжаю. Хочешь, pošлю тебе». — «Давай».

Барашу:

Прочитал быстро, сразу же.

Мне это по-прежнему нравится, и даже очень. «Школа» понравилась больше, может, потому что «Эротика» — слишком маленький текст, не успеваешь войти, как уже — на выход. Медлительность, герметичность, легкая меланхолия как нельзя лучше подходят для «состояния созревания», так что читал с удовольствием, «узнавая» и «со-чувствуя». Тем более что созревающий цветок — необычный, поэтический, чему способствуют разные изысканные штрихи типа «коленки как камни под водой» и всякие там «застывания варана», которые делают текст достаточно «насыщенным бульоном». Что-то приятно напоминает старые романы, по аромату что ли (не случайно упомянут Вертер). Интересно, что же будет с героем дальше, хотя подозреваю, что «кокон» так и не раскроется, и герметичность его не следствие возраста, а нечто врожденное...

Бараш: thanks за экспресс-отклик
а почему ни слова про главу «Стихи»?
не понравилась?

Барашу: Только сейчас прочитал... Замечательно. Завораживающее вовлечение в омут такой знакомой, чисто российской, «зачарованности души»... Видишь, и я поддался этому гипнозу и самозабвенно гоню ту же волну... Твой герой все больше меня увлекает. Давай дальше.

Но «антропологическое созревание» это как-то заумно. «Давай споем» — пожалуй единственный «иронический» ход во всех трех текстах и он приятно оживляет. Не слишком ли ты «серьезен»?

15.11.

От Бараша: спасибо

рад твоей реакции — ее типу — это то, чего бы мне и хотелось. Да, а это словцо «антропология» лезет почему-то отовсюду. Не успеваю вычищать...

если что еще заметил, скажи (не обязательно, при наличии желания и времени)

твой с.

От Л: А помнишь я тебе про это кино китайское писала, даже позвонила после, «прошлое можно увидеть, но нельзя потрогать»? Помню, как она шла по коридору с развевающимися на ветру красными шторами. Гостиница? Еще помню, что он спросил ее в первый раз, где она купила платье, что у его жены такое же. А ей муж подарил... еще помню, что у меня тоже глаза на мокром месте были.

А у вас прям медовый месяц — «зайчик» завтракает «пирожками»...

А я в Лиссабоне ела голубя жареного, как в Квартете...

До медового месяца далеко. Наоборот, угасание...

А это так, редкие вспышки, потому и «отметил».

Получил от Бараша продолжение его прозы. Если интересно, пошлю. Мне нравится.

16.11. От Л: У них в Португалии вообще кухня очень простая. Любимая еда — треска с картошкой. Но зато сладости на каждом шагу и всегда везде полно народу — все сладкоежки. Голубь по-португальски «кура». Они их держат в клетках, такие голубятни и там же их готовят — арабская кухня, как я понимаю, и очень вкусно, с разными специями. А вообще самое замечательное в Лиссабоне — это виды с холмов, там везде смотровые площадки — крепости и монастыри, то что сохранилось после землетрясения и пожаров. Строили с размахом. Мостовые вместо асфальта из мелких камушков, черных и белых, идешь по мазаике, очень изобретательные орнаменты. Они эту традицию продолжают, мостовые-мозаики. Нигде такого не видела. И полно русских и украинцев подрабатывают на строительных и уборочных работах.

Присылай Бараша, если тебе нравится. А Гольдштейна стоит поискать здесь?

Гольдштейна могу тебе организовать. А ты читала отрывки в последних «Зеркалах»? О китайском фильме ты писала, помню, но не связал... А ты все «поняла»? «Спали» они или нет? Чей ребенок? Для чего повторы-репетиции? Шлю Бараша.

Матвей, привет!

Хотел еще заметить «на полях», что антисемитизм хорошо вписывается в схему разделения чистого и нечистого. Антисемитизм есть не просто «ненависть к евреям», это страх заразы и стремление очиститься. Говорят, что в православной церкви есть даже такой обряд «очищения от еврейского духа», который (обряд) в последнее время загнан в религиозное подполье в силу своей одиозности, но его и сейчас справляют. А тотальное уничтожение евреев по всей Европе путем сжигания в печах это чистый воды ритуальный обряд очищения. Евреев антисемитская пропаганда так и рисовала, как грязных, как носителей заразных болезней (проказы), как мировую грязь. И это зеркальное отражение еврейской национально-религиозной обособленности, поднятой на уровень ритуальной чистоты. И сегодня в Израиле мы видим, как ортодоксы стараются избегать контакта с «не соблюдающими», требуют отдельных мест в автобусах, отдельных вагонов в поезде, отдельных мест проживания, отдельных школ. Вплоть до невозможности контакта детей, принявших строгую форму ортодоксии, со своими родителями, оставшимися неверующими, что приводит к семейным драмам и судебным конфликтам. Считая всех «не соблюдающих» заразными, евреи вызывают такое же отношение к себе. А отсюда до «обрядов очищения» рукой подать.

Можно сказать, что любая ксенофобия есть естественный страх перед нечистым, заразным, гибельным. И на таком фоне насильственное (искусственное) смешение рас несет в себе зародыш психологического, а за ним и политического коллапса.

Всегда твой

Наум

18.11. Вчера были днем на концерте в Цафте, Марик играл с Эллой Ашерофф Баха, Шумана, Локтели и сонату Франка. На сонате Франка я «проснулся» — вдруг услышал «трагическую ноту». И исполнители зажглись, явно воодушевленные, они обменивались ободряющими знаками восхищения. Соната прошла на ура. А вечером пошли на «Солнечное затмение в Кандагаре», но не попали, Кандагар теперь в моде, пошли в Синематеку на «Строшека» Вернера Герцога. Фильм замечательный. Особенно кружение в конце фильма: его — на фуникулере, грузовика без шофера — на площади, курицы — на вращающемся круге. Танцующая курица...

Наум, привет!

Этим письмом я просто даю знать, что твой получил, но, с твоего позволения, не буду, за недостатком времени, отвлекаться на «конкретное реагирование» (мы можем вернуться к твоим, весьма «суггестивным», вопросам потом; важно, что они зафиксированы), а продолжу по

возможности систематический анализ концепции МД, чтобы извлечь из книги побольше пользы: когда-то еще доведется «углубиться» («Давай, брат, углубимся, // Давай, брат, воспарим»). Так что тебе придется набраться терпения; я сам удручен тем, что не остается времени «на самое интересное»: какая-то дикая и совершенно бессмысленная, перманентная запарка.

Программа «За стеклом» и у меня вызвала мысли о «рампировании». На западе первая программа такого типа носила название «Большой Брат» («Big Brother») — это из Оруэлла: Большой Брат наблюдает за тобой всегда и везде. Название «За стеклом» представляется мне более удачным, поскольку дело не в наличии наблюдателя, а в «рампированности» взгляда. Мощь Рампы такова, что благодаря игре с ней дебиловатые подростки затмили всех телеперсонажей, как «реальных», так и «художественных».

Всегда твой
Матвей

19.11. Пожаловался Р, что Иисус у меня не вытанцовывается. Даже Тиберия не могу оживить. И настроение от этого тошнотворное. А на нервной почве я жру и прибавляю в весе.

— А ты назови его Тиби¹. Всю дорогу к отелю ржали, придумывая варианты: «Тибик», «Тибирик». У нее было злое настроение, у меня тоже. Приехали около двух. В последнее время мне кажется, что она не очень хочет. Может, в кино сходить? Да лень вылезать... После второго захода, наконец, разговорилась, у нее это всегда признак удовлетворенности. «Я так хотела! А как ты догадался? Ты удивительно догадлив в этом смысле». Молчу. Да о чем говорить. Вообще я в последнее время впадаю в протрацию. Какой-то паралич ощущений, желаний. Полное ко всему равнодушие. Кроме одного — жажды литературного успеха. Славы, славы хот-ца. Да знаю, что незачем, а так. Зацепиться хоть за что-то в этом обвале. Стала вдруг расспрашивать о письмах Матвея, о нем, как я с ним познакомился, а не собирается ли приехать, она очень хочет с ним познакомиться, а можно? И тут я сказал ей, что в следующем «Зеркале» будет наша с ним переписка. «И ты только сейчас мне это говоришь?» Страшно обиделась. Аж помертвела. Еле растормошил. Странно... И неужели я ей не говорил? Да и что за важность. А мне, говорит, важно. И что я, вместе с дочерью и внуком, самые родные для нее, что она счастлива, что у нее есть я, дочь, внук. И вообще, она счастливая женщина...

Она часто так себя уговаривает. А потом частушки декламирует: «Не ходите девки замуж, ничего хорошего. Только утром сиськи набок

¹ Ахмед Тиби, израильский политический деятель, член Кнессета от одной из арабских партий

и пизда взъерошена». Мобильник я отключил, жена разозлилась. Мол, где ты был. Где-где, в пизде. Вечером Марина позвонила от Гринберга, вроде дело с переводом зашевелилось.

20.11. У жены глупая вот всех отношениях манера «наказывать» меня непредоставлением сексуальных услуг. Что-нибудь капризное, вроде: «Еще полчаса можно поспать». А когда отворачиваюсь (баба с возу — коню легче), сама начинает заигрывать.

Р. удивительно непосредственна, и это несмотря на острый, хваткий ум. И она «не любит оглядываться». А я только и делаю...

— Мы с тобой самые красивые. Правда?

— Само собой.

— Нет, правда. Я вот смотрю на людей вокруг, даже учеников, ну, у молодых есть, конечно, обаяние молодости, но если посмотреть на мужиков около тридцати, то они все тебе в подметки не годятся. Ты такой... Башка такая! Хорошая, мужская башка! Нет, ты класс, класс. Ну, про себя я уж и не говорю. Раз ты ничего не говоришь. Как муж говорит: есть девки, есть бабы, а женщина — ты одна.

Любит рассказывать, какой муж «рукастый», все, за что не возьмется, ладится-спорится («Он и меня так хорошо умеет взять! ... Слушай, что я говорю, совсем с ума сошла...»).

А она действительно «класс». Но при этом что-то простоватое...

— Я безумно любила Маяковского. А всяких там Деризо я не любила. У нас девочки умирали по Деризо. Потом уже появились Евтушенко, Рождественский, Вознесенский. Мне Евтушенко нравился. А тебе кто из поэтов нравился в отрочестве?

— Лермонтов.

— Ну, лермонтов-пушкин, я про них не говорю. Конечно, я очень любила Пушкина.

— Пушкина я как раз тогда... не очень...

— А Евтушенко?

— Евтушенко я не читал.

— Как?!

— Я советских поэтов вообще не читал. Из принципа.

21.11. Утра холодные и солнечные. Если ветра нет, то вообще благодать. Обхожу наш маленький версальский парк имени Переса, гуси гогочут, ждут своего кормильца, утки ныряют, некоторые нежатся на утреннем солнце, дремлют, пряча голову под крыло. Вот кормилец их идет бодрой походкой, маленький, с седыми усами, с мешком крошек и радионаушниками с маленькой антенной за ухом: «Бóу-боу-боу! Боу-боу-

боу! Боу, мамеле, боу!¹», кричит он. И гуси радостно бегут к нему, гогоча на всю округу. Когда я звоню ей утром, а в последнее время — каждое утро, даю иногда послушать их гоготанье. Она смеется.

Вчера позвонила в три. «Только что с работы пришла. Устала. Где твои щеки? Хочу к тебе прижаться».

Наум, привет!

С удовлетворением отмечаю, что совершенно согласен с твоей главной претензией к Жирару: для меня тоже наименее убедительна как раз главная предпосылка его концепции — идея насилия, якобы лежащего в основе амбивалентного комплекса гибели/спасения общества.

С другой стороны, в книге Жирара столько интересных побочных соображений, что надо как-то объяснить, каким образом они вытекают из столь «гнилой» предпосылки. По-видимому, дело не столько в насилии как таковом, сколько в его статусе. Жирар понимает насилие совершенно буквально, с «обезоруживающей непосредственностью». Люди реально собрались и совместно растерзали случайно подвернувшегося под руку козла отпущения (точно так же, как сыновья у Фрейда собрались и убили отца). Даже если подобный случай и в самом деле имел место (чего на свете ни бывает!), и даже если он повторялся неисчислимое количество раз, из этого факта ровным счетом ничего не следует. Мы имеем ряд специфических реальных фактов, существующих наряду с другими реальными фактами. Но ритуал — это не очередной реальный факт, а преобразователь реальности. Надо объяснить возникновение этого нигде не виданного и ни на что не похожего преобразователя, выявить механизм его действия и результат. Допустим, что динамический стереотип переживаний связанных сначала с разгулом насилия, а затем, после совместного растерзания, с катартическим просветлением, это стержневой катартический стереотип (в чем я сильно сомневаюсь). Что отсюда следует? Во-первых, возможны еще сотни, если не тысячи, реальных жизненных ситуаций, чреватых таким же стереотипом переживаний. Во-вторых, остается открытым вопрос, каким образом осуществляется переход от отдельного факта (фактов) к символическому действию, имеющему место в ритуале. Надо объяснить переход к порождению символического опыта. Иными словами, надо объяснить возникновение Рампы (или, точнее, Сакрального круга, предшествовавшего Рампе). Не имея в данный момент возможности углубляться в предмет, отмечу только то, что считаю главным: Рампа получает объяснение лишь при том допущении, что в основе динамического стереотипа лежит необходимость прохождения через собственную смерть. Любые другие виды /внешнего/ насилия (в том числе и совместного насилия, направленного против козла отпущения) прекрасно обходятся без Рам-

¹ Идите, идите, мамочки мои, идите! (*ивр.*)

пы. Но это означает также, что они обходятся и без механизма символизации, которая, собственно говоря, и есть механизм ритуального смыслопорождения, вокруг которого центрируется опыт социума. Символизация по Жирару основана на замещении жертвы. Это глубокая идея, поскольку она приближает нас к пониманию взаимоотнождествления «моего соседа» с «протагонистом» ритуала (впоследствии трагедии); но она все же недостаточно глубока, поскольку решающий вопрос состоит не в выборе «козла», подлежащего закланию, а в готовности самому стать этим «козлом». Подобная процедура осуществима только в «рампированном» хронотопе.

Делая эти беглые предварительные заметки, я льщу себя надеждой вернуться к теме на более серьезном уровне после проработки некоторых идей МД. Надеюсь, ты понимаешь, что такого рода заметки можно сделать на ходу, но рассуждения по поводу МД требуют перечитывания и сосредоточенности, то есть совсем другого количества времени. К тому же я боюсь «опошлить идею»: здесь от великого до смешного один шаг.

Всегда твой
Матвей

Наум — Матвею:

Да, «необходимость прохождения через собственную смерть», это, пожалуй, «ключ».

Что касается «козла отпущения» (сеир ле Азazel на иврите, т.е. козел для Азazelло), то Жирар для иллюстрации «коллективного насилия» взял неудачный пример. С этим козлом происходит, причем каждый год на Йом Кипур, совсем другая история (как у нас говорили: козлы и бараны — это совершенно разные люди). Раньше, когда был Храм, специальный служащий Храма отводил его в пустыню и там оставлял в дар этому самому Азazelло. Т.е. никто его не «терзал», тем более «коллективно». Хотя Азazelло, конечно, весьма злобный ангел, предводитель «восставших» ангелов (эта история перекочевала потом и в христианскую мифологию), натворивших много бед на земле, за что разгневанный Господь сбросил их в какую-то страшную бездну (для человека — это пустыня), а главаря (Азazelло) еще и посадил там на цепь, а людей той эпохи уничтожил Потопом, так что, возможно, злой Азazelло этим козлом и лакомился раз в год. Но суть не в этом, а в том, что для людей Храма это была жертва покаяния-искупления (капара на иврите, отсюда и Йом Кипур, День Всепрощения и Раскаяния) за их грехи. Считается, что это покаяние за несмыаемый грех — то преступление, которое совершили братья Иосифа, продав его в рабство (просто за то, что Иаков, отец их, любил его, как им казалось, больше других). Да еще отцу сказали, что Иосифа растерзали львы, показав его окровавленную рубашку. В общем, веселая еврейская история, ничего общего не имею-

щая с коллективным насилием (по отношению к козлику). Кстати, этот «перенос» (замещение) на козлика всех грехов человеческих, т.е. очищение от грехов через жертву — повторяется (плагиат!) в мифе о жертвоприношении Иисуса (только тут агнец вместо козлика).

Тесть пришел. Поплакаться дочери, пожаловаться на ее мать. А я как раз переводил про «бедного Меира», как тот пришел к Познеру с Лиорой, и они едят суп, а он жалуется на свое тело, которое впустило в себя болезнь и теперь уже кажется ему чужим. Вот отчего старики так раздражают — они несут смерть. Но тесть не надоедает с болезнями (а моя мать вся в обследованиях). Уходя, он повторяет свои присказки: «Ты умница. Ты не забудешь? Чтобы ты был здоров. Дай поглажу...» И он осторожно дотрагивается до моей лысины. «А где Юваль, еще в армии?» — «Нет, он дома. В салоне, наверное...» — «Я его не заметил». Он проходит в салон, встречается там маму. «Здравствуйте, девушка. Не забывайте, что вы должны быть здоровы». Потом возвращается по коридору к комнате Юваля и осторожно стучит в дверь: «Ювалинька? Как ты себя чувствуешь? Чтобы ты мне был здоров. Как дела? Идут дела. Дождь лил, потом прошел немножко. Будет хорошо».

22.11. Жена утром:

— Папа вчера заходил. Говорит: мне бы только посмотреть на вас. Мамаша его опять достала. Говорит: она мне укорачивает дни.

— Чего опять?

— Разозлилась, что его мыли без трусов.

— В смысле?

— Ну эта женщина, которая его моет.

— Она была без трусов?

— Если бы она была без трусов, мама бы дом взорвала. Ты что. Она папу моет в ванной, так мама заглянула, а он был без трусов.

— Получил по попке?

— Еще как. И женщине этой бедной досталось.

Солнечное утро. Потеплело. Позвонил Р.

— У меня вчера был день отдыха. Отмокала в ванне, читала твоего Бараша. Даже не замочила.

— И как тебе?

— Знаешь, мне его становление как великого поэта неинтересно, и никому неинтересно.

— Ну...

— Тебе было интересно?

— Мне было интересно.

— Не знаю. А потом я закуталась в такой махровый белый халат и поспала.

Читаю «Майн кампф».

«Я знаю, что симпатии людей легче завоевать устным, чем печатным словом. Всякое великое движение на земле обязано своим ростом великим ораторам, а не великим писателям».

«Я больше всего мечтал о предметах, связанных с войной и с жизнью солдата».

«Я теперь твердо убежден в том, что все творческие идеи человека в общих чертах появляются уже в первый период его юности, насколько вообще данный человек способен творчески мыслить. Я различаю теперь между мудростью старости ... и гениальностью юности, которая щедрой рукой бросает человечеству благотворные идеи и мысли...»

«Одна кровь — одно государство».

Где теперь такое найдешь? Да и тогда.

23.11. Священный круг земли, родины. Граница Родины как Рампа.

И тогда охранители границ, воины, выполняют священную миссию. Войны за родную землю всегда «священны» и солдаты такой войны святые. Герои священны. Война — это очищение. Воины — жрецы очищения и его жертвы. Нет связи, как у Жирара, между войной и охотой.

24.11. Уговорил жену пойти на «Кобра Верде» Вернера Герцога. Позвонил Марку с Аней (все хочу выйти на скрипачку, не получается), но у Марка завтра три концерта, утром в Хайфе, в 17.30 — трио в «Городском саду», а вечером филармония. Пригласил на трио. Я сказал, что с удовольствием бы, но у нас «прием», будущую невестку принимаем, важное мероприятие. Потом Озрик звонил, тянул гулять. Жена говорит: «Везде поспеть хочешь». — «А я люблю жить многогранной жизнью». Она усмотрела в том намек и хитро сощурилась: «Зе лифамим меаэф!» («Это иногда утомляет!»). Захотелось мне спросить, мол, а ты откуда знаешь, но решил не начинаться. Только так же хитро улыбнулся и сказал: «Не знаю, не знаю». «Так уж и не знаешь», — незлобиво пожурела супруга.

А меня уже не раз подмывает спросить ее (наши отношения зашли в тихую гавань «интимной дружбы»): «Скажи мне, сколько у тебя было мужчин?» Только ведь не скажет, ответит вопросом на вопрос. И придется либо слезать с темы, либо откровенничать первому. Да я-то не прочь, да уж и откровенничал в романе дальше некуда, но все равно она на такие отношения, как между любовниками, не решится, испугается. Да и я не уверен, что это плодотворно. Может лучше так, недоговоренность. Да и зачем мне ее откровения? И сколько их у нее было. Конечно, было какое-то количество. Может, и много. То спокойствие, с которым она относится к моим мемуарным саморазоблачениям, говорит о том, что она отомстила, и дело не в том, что она мщением удовлетворена (обиды — вечные раны), а в том, что это придает уверенности в себе, дает основу для душевного равновесия. Хотя ревность и насто-

рожденность всегда на месте. Да есть и куча других причин для адюльтера: поиск сексуального разнообразия, удовлетворения, утех, наконец. Да красивая женщина может иногда и уступить особенно волнующим домогательствам.

Насчет кино в десять вечера позвонил Жанне. «А я как раз собралась идти». Посмотрели «Кобра Верде» вместе. Дикий фильм. Полулегенда, полупритча, полубред, полупророчество. Гордое одиночество, чужестранность, море, война, гибель, мечта, заброшенные места, презрение к женщине, искалеченность человека, отчаяние. Фильм начинается засухой и мором, а кончается отчаянной попыткой героя, затерянного в мире черных, столкнуть в море огромную лодку, чтобы убежать к снежной мечте, а за его бесполезными усилиями наблюдает человек-собака, неопишущий урод-инвалид, передвигающийся на руках и одной ноге, когда вторая нога волочится-путается. И все это посреди дикой экзотики джунглей, черных племен, их царей и женщин, заброшенных крепостей, негритянских танцев и затерянности белого человека.

Фильм кончается фразой: «Рабы продадут своих хозяев, и у них вырастут крылья».

Утром гуляли с женой по парку, и вдруг навстречу двое в костюмах, при галстуках, с портфельчиками — не из нашей деревни. Задержали на нас взгляд, как бы обдумывая, обратиться или нет, наконец, один, чуть пониже и пожиже (я давно его приметил, частенько сидит со старыми грузинками в черном и что-то им «впаривает», доставая из портфельчика книжки, я условно окрестил его «грузинским поэтом») обратился ко мне с характерным акцентом: «Позвольтэ вам показатэ одну книжэчку...» Книжечка называлась «Будет ли когда-нибудь мир без войны?» и на обложке была скульптура «Перекуем мечи на орала».

— Как ви думаэтэ? Будэт когда-нибудь мир бэз войны?»

— Конечно — нет.

Элегантный грузин вежливо улыбнулся.

— Вот эта статуя стоит пэред Организацией Объединенных наций в Нью-Йорке, там било написано «Пэрэкуем мэчи на орала», но не било написано откуда цитата. Мы добились того, чтобы написали, что это цитата из Библии.

— Похвально.

— Прочтитэ, здесь написано о том, что такое Библия...

Они дали мне еще одну книжку «Библия — слово Бога или человека?», я поблагодарил, и они отчалили.

— Какие-то марсиане, — сказала жена.

— А вот сейчас посмотрим, что это за марсиане... Сделано в Германии... Ну, я так и думал: «Свидетели Иеговы».

— А кто это такие?

— Секта такая, современные иудео-христиане.

— Смотри, в галстучках, на грузин не похожи.

Агитка тиражом в 3 миллиона экз. «Почему надо читать Библию? Мы живем в мире, в котором очень много проблем, но очень мало решений. Миллионы людей голодают. Растет число тех, кто злоупотребляет наркотиками. Все чаще распадаются семьи. В сводках новостей постоянно говорится о насилии в семье и кровосмешении. Воздух, которым мы дышим, и вода, которую мы пьем, постепенно отравляются. Наряду с этим все больше людей становятся жертвами преступности. Как вы думаете, будут ли когда-нибудь решены эти проблемы? Руководство в вопросах нравственности, а также эффективные решения проблем преступности, голода и загрязнения предоставляет Библия. Однако тревожит тот факт, что большинство людей уже не считают Библию компетентной в таких вопросах. Было время, когда к мнению Библии прислушивались... Сегодня же модно сомневаться во всем...»

Вчера в «Окнах» некролог на смерть Хаенко: «Умер Аркаша Хаенко. ...Уход Аркаши проделал в моей жизни огромную дыру, заполнить которую просто нечем. Да и незачем». И кончается некролог: «Не бойся, Аркаша! Стариком ты не станешь никогда...» Какой-то Евгений Сельц накатал на правах «друга» (некролог называется «Памяти друга»). Вот умрешь, а какой-нибудь «друг» от скорбного усердия эдак пукнет над твоей могилой.

Позвонил Гольдштейну. Спросил про Хаенко. Оказывается, инсульт. «Бедняга, ужасно тяжело работал. Почти полосу в день выдавал. Да куда не денешься, хозяин давил на него, конвейер, а платят гроши, и вообще отношение как к рабам». Поговорили о творческих планах (разведка боем). Я ему: вторая книга всегда проблема. А он мне: а по-моему, третья. Посмеялись. Посоветовал что-то издать «в промежутке». Не хочешь ли я пока «Хроники» продолжить? Я сказал, что зарок дал: пока что-то другое не сделаю, к старому не вернусь. Он тоже чувствует необходимость «менять», а это «проблема». Вспомнили о «поточной системе» Сорокина, «но там определенная повторяемость, серийность входит в концептуальную поэтику, это как Энди Уорхел тиражировал Мерлин Монро и в количестве уже добивался определенного эффекта», сказал он. Я поделился надеждой издать перевод Шабтая. «А где?» — оживился он, но я страшную тайну не выдал, не сглазить бы, да и нет еще ничего, увы, ишу, говорю, издателя. Поговорили о Вернере Герцоге, он тоже недавно смотрел «Кобру Верде», только на видео, и тоже восхищен. Напомнил ему Гринвея. Но я сказал, что Гринвей придумщик и насмешник, а у Герцога живая страсть, подлинный страхи и настоящая мечтательность. Он охотно согласился. Закончили обычным пожеланием «встретиться» и «поболтать».

Жена слышала наш разговор. Иронически обронила:

- Пíсики. Сплошные писики (так она величает писателей).
- Ну, не так уж их много.
- Но и не мало.
- Писик писику рознь.
- Зе эмёт¹.

Наум, привет!

Ко мне окольными путями попала статья Алексея Цветкова «Империя лжи», возможно, она покажется интересной и тебе, тем более что этот персонаж (АЦ) присутствовал (и даже виртуально участвовал) в нашей переписке. Извини, если эта статья тебе уже известна. Интересно было бы узнать твое мнение об этом тексте, весьма, по видимости, «крутом».

Матвей

Матвей, привет!

Спасибо, что послал статью, я ее не читал, перестал «отслеживать» Цветкова. И в этом тексте он напомнил мне старика Фета, который, как известно, проезжая по Моховой, неизменно плевал на Университет. Если вынести за скобки наезд на современную русскую литературу и литературоведение («В сегодняшней России литературы нет — ее заменила система раздачи литературных премий»), то по заявленной теме: в разговоре о литературоведении как науке, да еще на фоне спора между Романом Якобсоном и Набоковым, нет ничего интересного. Всё тот же погром всех современных «научных» методов: структурализма, деконструктивизма и т.п., мол, сплошное «убожество». Допустим, что он даже прав, тудыть их в качель, все эти формализмы, Деррида и компанию (*Деррида считает всякую мысль изначально ложной, делая послабление лишь самому себе, и такой маневр чрезвычайно удобен для тех, кто утратил критерии истины*), но что ты предалгаешь взамен, тем более что «критерии истины» и в самом деле утрачены? А взамен предлагаются «плохо измеримые качества» «литературного мастерства» (*Искусство — совокупность плохо измеримых качеств, именно поэтому выносимых наукой за скобки. Но некоторые из этих качеств объективнее других и поддаются сравнительной оценке. Это, прежде всего, факторы литературного мастерства, и как раз в этой области ситуация сейчас катастрофична.*) А что это за качества, что за «факторы литературного мастерства»? Не сказано. По сути, он уповаает на вкусовщину. И какой-то странный призыв к реализму: «Никто нынче не пишет с натуры» (вот тебе, кстати, и повод похвалить Ваймана, гадом буду — с натуры писал, и «жизненно», как хором утверждают, но он же меня ругал за то, что это

¹ Это правда (*ивр.*).

«не литература», что «надо выдумывать»!). И допустим, что «постмодерн» себя изжил, так что, вернемся к классическому реализму? И потом эти утомительные истины о «безоговорочном цинизме», «убожестве», «откате в национализм», мол, «отступление на полтора столетия, затронуло все общество в целом, и литература /русская/ сдалась вместе с обществом». А в Америке, мол, «небывалый расцвет» (этот его американский патриотизм просто смешон). И кто обещал, что после падения Дзержинского начнется расцвет? Да что перечислять все эти банальности, или спорить с ними... Написано, конечно, лихо, да вот только о чем? О том, что нынешние не чета бывшим?

А я вот вчера посмотрел «Кобра Верде» Вернера Герцога — вот художник, который не сетует, что где-то что-то умерло. Творит себе, не оглядываясь. А потому что «горит». А если потух человек, то это как смерть. Обидно, конечно, но что уж тут сетовать, как мой «бедный Мерир»... А у меня тут, «по линии антропологии», возникла идея государственной границы как Рампы. Как тебе такой разворот темы?

Всегда твой

Наум

25.11. Позвонил, гуляя по парку.

— Так завтра в час?

— А ты хочешь?

Пришлось сказать «да». Настроение у нее неважное. Да не обязательно ебаться, можно и так погулять. Только негде. Да и дождь обещаю...

Наум, привет!

Мое впечатление от текста Цветкова настолько совпадает с твоим, что добавить мне просто нечего.

История с «козликотом отпущения» очень интересная. И «граница как Рампа» — богатая идея, но все зависит от конкретного наполнения.

И раз уж я погряз в сплетнях и с непривычки заложил всех, кого можно было, прилагаю письмо Кобринина, приятеля Цветкова, об Ирландии (по-моему, небезынтересное, хотя, как у них там заведено, манерное). По-видимому, я пытаюсь компенсировать чужой писаниной отсутствие своей.

«Наши за границей — омерзительны. Это не кокетство, а горькая правда. Русский человек хорош в России; смесь страха и наглости, появляющаяся на его лице при пересечении рубежей, невыносима. Увы. Это не относится к нескольким категориям: работающим за границей на хорошей работе, взятым по конкурсу и вообще талантливым, непьющим и проч. (певцы, профессора, программисты), детям в иностранных школах, бабушкам из русской деревни или уездного городка, оказавшимся вне России (я знавал одну такую в Лондоне; ей было лет 75, аглицкого она

не знала, жила весело и опрятно, особенно дружила с соседями, гомосексуальной парой: называла их «зелененькими» и уважительно прибавляла: «а любят-то ведь как друг друга, не ругаются, чаек в постель носят, и непьющие!»). Здесь в Праге десятки тысяч русскоговорящих; в места их обитания и отдыха я ни ногой! Да и эмигрантская публика противна — на Радио. Такое вот разлитие желчи получилось у меня на национально-территориальной почве...

Вернулись ли вы из Испании? Я возвратился только из Ирландии и предоставляю вам отчет:

Зеленый остров населен пьяницами и писателями. Мрачнейшая дыра Европы, ее ультима дуля. Делать там можно только одно — пить. Или писАть. Жить невозможно. Дублин — поселок городского типа, с несколькими георгианскими строениями и парой даже не небоскребов, а так, высоток. Остальное — либо хрущобы (натуральные!!!), либо двухэтажные домики британского типа, но неизмеримо грязнее. Городской транспорт там отсутствует как закономерность, проявляясь иногда феноменологически. Гулять почти негде. Каждое утро центральные улицы пахнут блевотиной, даже если их уже помыли: 5–7 пинт Гиннеса вечером делают ирландца существом рыгающим. Все время дождь. По улицам и университетам бродит грязноволосое племя девиц-шибздигов в приспущенных тренировочных штанах — пэтэушницы натуральные. Все время дождь. Жизнь стоит столько же, сколько в Париже, при довольно скромных зарплатах. Ханжество католическое. Паромы в Британию переполнены особями женского пола, отправляющимися сделать аборт. Все время идет дождь. На Гласневинском кладбище (описанном — странное слово, не правда ли? — Джойсом и Вашим покорным слугой) есть две аллеи, где похоронены выкидыши. У каждой могилки недоноска (просто Боратынский) свалены полусгнившие и новые детские игрушки, стоят разноцветные ветряки, висят веселенькие ленты. Тихо звенят колокольчики. Страшнее места не видал в жизни. Дождь не кончается. Вечерами в пабах сидят рыгающие мужички и полуспившиеся бабы и тянут Гиннес. Играет ирландская народная музыка. Она тренькает везде — в пабах, в магазинах, в сортирах, в китайских ресторанах, в офисах. Вечером тускло. Город полусвещен — фонари только на одной стороне улиц и дорог. Портреты Джойса повсеместно — в пабах, на банкнотах, на майках, на стенах домов, в начальственных кабинетах. Чуть меньше ликов Оскара Уайльда, Беккета и Йейтса. Дождь не отступает. Чудовищно грубая и невкусная еда: знаменитое ирландское рагу похоже на картошку с тушенкой. Виски, впрочем, хорош, так же как и портер. Лучшее место в городе — музей Гиннеса на заводе Гиннеса: такое впечатление, что его сделал Питер Гринуэй. «Гиннес» — религия ирландца: его суп, его хлеб, его секс, его смерть. Смерть, это уж точно. Беккет — не фантаст, а местный реалистический писатель, как, впрочем, и О'Брайан. Страна, культу-

ра — как гимн убожеству. Получить независимость для того, чтобы рабски подражать бывшей метрополии, стать ее, нет, не бледной, а грязной, копией. Апофеоз постмодернизма — реплика.

Извините за лирику, но поездка была потрясающая и незабываемая. Опыт бесценен.

Недавно одна моя знакомая написала в письме, что принялась изучать идиш, потому как русские все время обижали евреев. Идиш... Ну хорошо, а почему бы тогда не учить украинский? Тоже ведь обижали мы их... Или чеченский... Кого мы только ни обидели. И кто нас только ни обидел. Моя жена Оля вот тут выучила чешский. Говорят, мой пра-дед (или пра-пра-) писал на идиш и его называли «еврейским Горьким»). Звали его Леон Кобрин. Почти псевдоним...

Дурь какая-то лезет в голову после посещения этой странной страны.

С ирландским приветом Ваш
Кирилл О'Кобрик

Дорогой Матвей!

Письмо замечательное, так что благодарствуйте. Продолжай закладывать оптом и в розницу, это все очень интересно. Этот Кобрин пишет довольно бойко, вот такое и надо печатать (чего жаловаться на отсутствие прозы).

А у меня не идет «Иисус». Зря я себя загнал в этот «исторический» тупик, не подберу к нему ключа, не найду «хода», а ведь еще лет пять назад, когда в Москве в последний раз был, про «Иуду» трезвонил-куражился, сдуру воодушевившись... А нынче отрезвел чуток, только голова с похмелья гудит.

Я думал, что ты мне про «Кобру верде» напишешь. Вот ведь кино, тоже, говорят, умерло (фильм этот коммерчески провалился с треском, хотя визуально очень эффектный), однако ж кто-то жив еще, творит, а через сто лет все это назовут золотым веком... А вообще, мне кажется, что кино «потребляется» легче, оно короче, насыщенней, непосредственней, как музыка (я и музыку, кстати, «полюбил» на этой почве), и давит на тебя живыми образами, а литература стала неповоротливой, чересчур обходительной, извиняющейся. Я и художественного уже давно ничего не читал, а в кино хожу с удовольствием. Или это старость?

Всегда твой
Наум

P.S. Ты знаешь, я еще подумал «на лестнице», что стиль Кобрина вдруг напомнил мне стиль писем Зиника (а я еще хотел тебя спросить, интересно, откуда они знакомы), которые тот писал в середине семидесятых после своего отъезда (а я, за женой его ухлестывая, читал). Они вроде «лихие», но есть какое-то тайное клеймо «литературности» на этой интеллигентской, даже снобистской лихости, то, что ты точно на-

звал манерностью. Задевают шаблоны этой манерности вроде легенды о русской старушке из деревни, которая жила непременно «опрятно» (любимое журналистское словцо, это такой «хороший журналистский стиль») и даже к гомикам хорошо относилась — вот, мол, она, глубинная Русь-матушка, как терпима! И «извинение» в конце ни к чему (как Лебедю казаки сказали: что ты все как еврей извиняешься): «Извините за лирику, но поездка была потрясающая и незабываемая». А вообще, «злой стиль» хорошо идет. Только у него «короткое дыхание», это спринт. Впрочем, я придираюсь, а значит, позавидовал.

Наум

Вчера неожиданно позвонил Литвак, отец Маши. Спросил, стоит ли читать «Данте в Москве» Бауха, он читал очень хорошую рецензию. Я замялся, говорю «смотря что вы любите в литературе». Выяснилось, что он любит Чухонцева. Тогда, говорю, можно и Бауха почитать. Еще он поинтересовался, за сколько можно продать старую еврейскую энциклопедию. Я сказал, что узнаю.

По поводу энциклопедии звоню Володе. На обычный вопрос, всё ли нормально неожиданно огрызается:

— Да не все нормально!

— Ну, все нормально не бывает...

— Это верно. Но у меня еще и конкретные причины!

— А что такое?

— Вайскопф и Сошкин постарались. Гнусная интрига. Нет, это не телефонный разговор, слишком долго рассказывать. Что у тебя?

— Да тоже настроение не очень... Не пишется...

— Пить надо! — неожиданно резко потребовал он — Встряхнуть организм!

— Да не верю я в эту мистику...

— Это не мистика, а физиология.

— Напьешься, так и работа пойдет? Не верю. Скорее спать потянет.

— Встряска, встряска нужна! Тогда и мысли свежие появятся!

— Да, иногда, когда выпьешь, мир кажется ярче... Но потом — выглядит еще более потускневшим...

26.11.

Матвей, привет!

Главная мысль Жирара, как я теперь вижу, не о «насилии» («насилие» это скорее следствие, чем причина культурного перелома, который он почему-то называет жертвенным — опять непонятное желание выдать следствие за причину), а о «различении» (совпадает с Дуглас). То есть мир стоит на различиях, культура — это различие. «Стирание граней» — основа кризиса, ввергающего общество в пучину хаоса и наси-

лия. Инцест в его анализе трагедии «Царь Эдип» есть «венец процесса уничтожения различий» (похоже на нынешнее смешение сексуальных различий, и оно тоже доведет до беды). На пике «смешения» (когда «члены сообщества превращаются в «двойников») выход один — «жертва отпущения», когда взаимное насилие заменяется «неотразимым безрассудством единодушия» ненависти к жертве. Об опасности смешения «кричал» и Леонтьев, и вообще это мысль не новая. Христианство поначалу и явилось такой еврейской революцией против тех, кто охранял границы (шомрэй хумот — стражи стен). А Холокост — это реакция перемешанного христианского человечества на роль евреев в этом смешении, особенно (в «наше время»), евреев-ассимилянтов, главных активистов смешения, их и сделали «козлами отпущения»: нарушаешь, разрушаешь «священные границы» — получай, гад, гранату!

И сегодня, в «родном» еврейском государстве, непримиримость и ненависть между «разделителями» (националистами) и «смесителями» (леваками) полыхает вовсю. Единственную здоровую основу этого государства, национализм, левые «смесители», стремящиеся слиться со всем прогрессивным человечеством, просто ненавидят («фашизм»!). Религиозные ортодоксы тоже его чураются, но у них другие критерии разделения.

Всегда твой
Наум

27.11. Предложил поехать «покушать», но по дороге, как она меня за руку взяла (а рука теплая, любящая), передумал и свернул в отель. Купил питу со шницелем в забегаловке напротив (проголодалась).

— Сначала поедим? — спрашиваю.

— Одновременно.

Одновременно так одновременно. Эх, хорош с ней секс.

— Сегодня было как-то особенно...

Когда в номер вошли, говорю:

— Слушай, не знаю, что с мобильником делать. Выключить — вызвать подозрение. Жена мне вчера рассказала, может и неспроста, что боится брату звонить, потому что жена брата начинает ей жаловаться, что его дома нет, и мобильный выключен, опять, мол, где-то трахается.

— А ты что, забыть дома не можешь? Или в машине?

— Да уж столько раз забывал и дома, и в машине...

— Да ладно. Засунь его под подушку.

В самый решительный момент, как и положено в комедийной ситуации — звонок. Я, конечно, не ответил...

Стемнело в камере. Окно открыто, но занавешено, шуршат шины машин, шуршит море. Так можно лежать вечно. Тела привыкли друг к другу.

— Скажи, а я тебе нужна? Ну правда?

— Да.

— Ты должен знать, что я всегда тебя люблю, всегда... И мне так хорошо с тобой, ты не представляешь... Ты мой единственный...

— Ну, апаа́м игза́мт (хватила через край).

— Нет, не игза́мти, нет... Ты знаешь, я просто уже не могу без тебя.

Правда.

Разговорились вдруг о страсти «выбиться наверх», о том, как отроческие мечтания «выстраивают» жизнь.

— Я всегда верила в то, что судьба ведет человека, и всякие старания «выбиться» бесполезны. Будет так, как должно быть.

— Что быть должно, то быть должно, так пела с детских лет шарманка в низкое окно, и вот я стал поэт¹...

— А ты чего хотел с отрочества?

— Славы. Я жаждал славы.

— Странно... Я никогда об этом не думала... Я всегда хотела, чтоб меня любили. И с мужчинами я всегда думала только о том, хочу я его или нет, а не то, что мне с этого будет (до этого говорил ей, что постель для многих это средство «выбиться»).

Вспомнил и рассказал о маниакальном стремлении Зуса «выйти в другой круг», о девушках из «высшего круга», за которыми он безнадежно и занудно ухаживал, приходил, чуть ли не ежедневно, сидел, пока не выгоняли, как стремился попасть и попадал в разные творческие дома, и в конце концов стал настоящим завсегдатаем Дома Композиторов, часто бывал и в Доме Актера. А вот Дома журналистов и литераторов не освоил, оказались труднодоступны, а Дом кино и вовсе остался землей неизведанной. Он умудрялся ввинтиться во всякие салоны, и везде проходил как-то бочком, на задних лапках, мне это было невыносимо, и я редко ходил с ним. Но все равно завидовал, да, завидовал... Сейчас? Сейчас он бродяга, скиталец. Но это не важно, мало ли мечтательных начинаний не увенчалось успехом. Он говорит, что счастлив. В этом бродяжничестве, видимо, еще есть какой-то отсвет «яркой жизни». Да, в сущности, мы хотели «яркой жизни»: приключений, путешествий, встреч с необыкновенными людьми. Яркая жизнь... ее ослепительный свет манит всяких «мошек из темноты», только нет в этом свете тепла. Но нет в этом небе огня²... А для меня, в конце концов, от всей этой «тоски несбыточного» остались только встречи с женщинами, они стали моими «необыкновенными приключениями» и «удивительными путешествиями»...

— То есть блядство.

— Блядство от тоски...

— Хуже нет.

¹ «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...», А. Блок, 1907.

² Слова из песни Окуджавы.

— Что полеты времен и желаний — только всплески девических рук... Я всегда изменял, потому что не мог без этого, если у меня не было «таинственного друга», жизнь теряла смысл, вернее, аромат, она становилась серой и беспросветной. А серости и беспросветности я боюсь хуже смерти.

Когда собирались в обратный путь:

— Скоро сделаю себе «пластик». Как ты считаешь? Я хочу быть для тебя молодой. Муж еще не знает, только любовники. Я еще думала заодно уж и фигуру... А я те двадцать тысяч взяла. Он был очень доволен, что я операцию сделаю. Я уже один раз их взяла, минус закрыть, но он сказал, что это не считается, сумма для операции всегда меня ждет. Ну, я и взяла. Решила, что хватит выпендриваться. Ты меня осуждаешь? Подтяну себе тут, и тут (стала делать рожи перед зеркалом). Вот такая у меня будет рожа, а? Ха-ха-ха!

Вечером еще поехал один в кино на «Фитцкарральдо» Герцога. Оказался рядом с Жанной. Говорю: «Хорошо, что с девушкой не пошел». «Я бы никому не сказала!» — быстро выпалила.

От Л: А мне приснился ретро-сон. Будто мы сидим с тобой в Яффо за бутылочкой вина. Молодые. На мне юбка красная, и теплый ветер на лету задирает юбку¹. А на тебе белые штаны, кот. я тебе подарила. Ты вдруг опускаешься на корточки и фотографируешь под столом мои ноги. А потом говоришь — давай выпьем за твои ножки и... все вокруг утраивают овацию!

Бараш, на мой вкус, несколько нудный.

Давай записки.

¹ Цитата из стихотворения Ваймана «Яффа»:

Яффа. Рухлядь. Пустыри.
Нет дальнейших планов.
Вдоль причала рыбаки —
Словно истуканы.

Тихо в брошенном порту.
Стучаются шляпки.
Теплый ветер на лету
Задирает юбку.

На вечернем сквозняке
Тают клубы дыма.
Птичий поезд вдалеке
Проплывает мимо.

Жарят рыбу на дворе.
В золотой чалме
Одинокий минарет
На холме.

Красивый сон. А я вчера пошел на один фильм Вернера Герцога «Fitzcarraldo», тоже сон, опера в джунглях. Гениальная пара Герцог-Кинский. Бери любой их фильм и смотри. Сны...

Записки сегодня пошлю, попозже.

В кино оказался рядом с Жанной, она часто ходит в Синаматеку. Мы еще о том китайском фильме поговорили. Она считает, что, конечно, у них «все было». А я ей говорю, что напряженка создается, когда «главного» не происходит, потому что «главное» на самом деле не главное. А главное — «напряженка». Движение все — цель ничто. «Вот как ты смотришь, — говорит, — поняла».

А еще. Помнишь, как она нас увидела в музее, и мы потом гадали: рассказала жене или нет, и я тебе говорил, что вроде не рассказала, что странно. А тут я ей говорю, шуткую: «Хорошо, что я с девушкой в кино не пошел», а она: «Я бы никому не сказала!»

Наум, привет!

Твое прочтение Жирана (в том смысле, что первично не ‘насилие’, а ‘различение’), конечно, правильно. Верно и то, что это сближает его с МД (именно по этой причине я загорелся идеей «пришпилить Жирана»); я как раз и «собираюсь попытаться» выяснить соотношение между культурой и различием. Предварительно скажу, что не согласен с тем, что «культура — это различие»; в моем представлении культура — это как раз этап искусственно спровоцированного неразличения между двумя этапами различений: когнитивным и социальным; иначе это можно сформулировать так: культура — это преобразователь когнитивных различений в социальные, но именно поэтому сама культура (экстатичная в своей основе) есть не различение, а снятие различений; и еще надо отметить, что функция преобразования не единственная функция культуры: она есть еще и «запускной механизм», дающий личности кванты энергии для существования в рамках социальных различий, и это самая главная ее функция; по этой причине твои суждения о различиях применительно ко всему на свете, на мой взгляд, нуждаются в дифференциации, хотя в них есть очень «суггестивные» догадки; таким образом, я застолбил площадку, которую надо еще обжить).

Всегда твой,

Матвей

Матвей, привет!

Мы обживаем культуру... Я и употреблял слово «культура» в значении среды обитания, дома. И что мне понравилось у Дуглас, что она помогла мне осознать важность границ (разделение). Строительство дома начинается с того, что мы рисуем границу. Сам дом есть физическая граница между моей сферой обитания и всей остальной жизнью (мой дом — моя крепость). Болезненное «стирание граней» и «прони-

цаемость границ» я сам ощущаю буквально физически. Я люблю границы, хотя, быть может, только тем и занимаюсь, что подрываю чужие. Но это уже, наверное, агрессия, я хочу распространиться до бесконечности... Впрочем, агрессия — это способ защиты границ на дальних подступах...

И Рампа тоже граница. Поэтому я тебе и кинул идейку о Родине (ее границе), как Рампе. Родная земля, это дом, ее границы священны, бытие в ее границах имеет высший, сакральный смысл. Но когда ты оказываешься вне этих границ, ты становишься наблюдателем, зрителем, твое собственное бытие исчезает, остается только «жизнь за стеклом», к которому ты припадаешь, рискуя расквасить нос. Но зато ты видишь-наблюдаешь. Они живут, а ты наблюдаешь... Жизнь «на родине» становится захватывающим спектаклем...

Всегда твой
Наум

Жена, хихикая, сказала, что Жанна ей звонила, рассказала про кино, и сказала, что я потерял инстинкт охотника. «Она что, хотела, чтоб я за ней поохотился?» «Нет, — жена смутилась, — это я сказала, она сказала, что ты сидел с ней рядом и не реагировал, а я сказала, что, наверное, ты потерял инстинкт охотника».

Вечером зашел Портос, принес рукопись коллеги по работе: доктор наук, но вот «балуется» литературкой.

— Я ему сказал, что у меня есть приятель, который понимает, в случае чего может и в газету устроить. Он очень этим воодушевился.

— А сколько ему лет?

— Под сорок. Он такой маленький, а вообще-то толковый малый. В Израиле? С 12 лет.

— Так чего он на иврите не пишет?

— Он на обоих языках пишет.

— Ладно. Посмотрим. Пусть мне позвонит через пару дней. Только восторгов не обещаю.

Сели чай пить.

— Так ты думаешь, что государство это развалится? — спрашивает.

— Не знаю...

— А я думаю, что оно всех заebet.

28.11.

У него была странная манера — чихать во время оргазма.

Встретился с Гольдштейном. Зашел в редакцию, поздоровался с улыбочивым Яном, зашел к Зайчику, засвидетельствовал свое почтение. Зайчик отрастил усы и смотрит как-то сбоку и немного испуганно. Ле-

вый глаз красный. Усы ему не к лицу, какой-то нарисовался приказчик, кругломордый, глуповатый и чуть ли ни угодливый. Только страх и печаль в карих глазках выдавали несомненную вразумительность.

— Марк, у вас же книжка вышла в ОГИ, хотелось бы...

— Книжка? Какая? Когда?

— Ну как же, сборник рассказов, где-то год назад.

— Нет, это не в ОГИ (грустно), это у нас вышло.

— С предисловием Айзенберга?

— Да, с предисловием Айзенберга.

— Аа, а я почему-то решил, что раз Айзенберг, так в ОГИ...

— Да, он там...

Гольдштейн преподнес мне свои «Аспекты духовного брака». В районе Рибаль сели за столик на улице, обдувал ветерок, я взял багет с тунцом и бутылку сока, пива не было, а он — чай. Для разминки потоптали шестидесятников из «22» («это даже шестидесятые позапрошлого века, просто какие-то чудища», — поделился он недавним разговором с Воронелем), я посетовал на трудности со своим «грандиозным замыслом», что никак не могу найти «хода», историческая концепция есть, философская тоже вроде вырисовывается, но самого главного — живых образов — нет, вспомнили тут Булгакова, «он ведь роман десять лет писал, так до конца и не склеилось», да, согласился я, остались стыки, неувязки, разрывы, но «ход», с этим совмещением абсурдизма Москвы 30-х и обстановкой в римской провинции Иудея, удался, все остальное оказалось мелочью, а вот поди найди такой ход. Ну и, конечно, поразительный драматургический талант. Кстати Мандельштам любил сравнивать гибнущую российскую империю с Иудеей перед разрушением Храма, может, Булгаков как-то подхватил это «веяние»...

Спросил его, что он сейчас делает.

— Вот пишу некую вещь... я решил общим планом вообще не задаваться, а сосредоточиться на отрывках, а потом буду их компоновать. Еще Шкловский говорил о концепции книги...

— Ну, и предыдущие книги вы фактически так писали. (Он кивнул.) Это и есть ваш «хитрый ход» (при слове «хитрый» он эдак «печально» улыбнулся, мол, если бы)?

Спросил его о продуктивности чтения.

— В последнее время хорошо, если книжку в неделю удастся прочитать, и все больше беллетристику, сколько я философских книг собирался прочитать... И вообще, как помотришь на полки с книгами...

— Книги — гарем старика.

— Да, это верно! — обрадовался он.

— А я как раз наоборот, все больше по философии, антропологию всякую читаю. Интересные тексты переместились из области художественной литературы... Впрочем и раньше книги по истории были интересней художественных.

— Вот меня как раз в последнее время история интересует.

— А что именно, какие эпохи? — спрашиваю.

— Общий взгляд, воззрения.

— Почитайте Раймона Арона.

— Я читал его огромный кирпич, где он описывает разных деятелей, и с таким личным пристрастием, зло, как будто они в чем-то виноваты перед ним, очень было интересно. А сейчас читаю Михаила Гаспарова, такие заметки, он и пишет в предисловии, что не литератор и литературных задач не ставит, пишет о своей работе — он, конечно, кладезь знаний — но так лично, пристрастно, что читается как хорошая проза.

— В том-то и дело. Достаточно любой специальный текст, тем более по филологии, написать пристрастно, эмоционально — это сегодня самая интересная литература.

А еще он читает «Орландо», повосхищались Вирджинией (фильм он, оказывается, не смотрел), перескочили на Вернера Герцога, я рассказал ему «Фитцкаральдо» («В сущности, колониальные полотна», — заметил он), вот, говорю, кто умел находить «ходы»: Вирджиния Вульф, Вернер Герцог. А вот Кафка, но у него не туннели червей в яблоке, а какие-то чудовищные архитектурные громады... «Я все больше убеждаюсь в том, — откликнулся он, — что Брод, которого принято ругать за непонимание Кафки, был все-таки прав: Кафка — это религиозный учитель, типа рабби Нахмана...» Это было в последней книге, или заготовка к следующей?

На десерт оттянулись на «Солнечном сплетении», я как раз начал читать 12–13-й номер, подивились нелепыми отрывками Безродного (полторы страницы вырванные непонятно откуда), я сказал, что стихи Волохонского меня удивили — бредятина, похоже немного на Рубинштейна, но полный бред, сдержанно похвалили Бренера (хотя, говорю, и пишет топорно). «Но главное, — добавил он, — у них /с Барбарой/ нет концепции, и все тексты, даже хорошие, провисают, непонятно к чему они». — «А у «Зеркала» (хором), у «Зеркала» все-таки есть концепция»...

Дома я взял его книгу, прочитал первые две главки, вроде предисловия, и эпилог. Поискал, нашел и прочитал главу о Саше Соколове, понравилось мне, в том смысле, что мастерски пишет. Хотя местами и выспренно, как, например, фраза о фаюмских портретах: *Мечтаю, чтобы дыхание фаюмского света приблизилось хотя бы к некоторым изображениям, срисованным для этих листов с мертвых или покамест живых.* И о Соколове читать было интересно, но какой-то оттенок некролога с награждением «пальмовой ветвью, благо пальм у нас растет много», пафосно. Патока патетики. И в такой концентрации — до рвоты. Подумал и опять раскрыл книгу в поисках доказательств и вижу: целая глава «Три утешения пафосом». Значит, осознает дурную склонность. *Художники сегодня избегают пафоса, и перспективы патетической компо-*

зиции незавидны. Меж тем культура, не окончательно утратившая волю к строительству, не может обойтись без пафоса. Культура пусть и не может, а в прозе, да если не вполне к месту, он становится пышностью. Более того, пафос в стиле — это маскировка какой-то лжи. Лишенные пафоса, то есть идеологии броска, прорыва, требования невозможного, культура и ее важнейшая составляющая искусство оборачиваются бесплодным самоудовлетворением — может и так, но «важнейшая составляющая» это бээ, плохо. И не надо нам сюсюкать с романтическим придыханием: *траектория его передвижного скита, подобно скитальчествам воина-одиночки, скрылась из глаз мира* (это о Соколове), *в Саше была гордость вольно бродящего, берегущего свою независимость зверя*. По сути-то верно, но как-то «нагорожено» всякого. Нет, надо найти другие примеры, потому что тут поэтическая выпренность от восхищения, которое он не может обуздать. Но сегодня даже стихи (да что там «сегодня», уже «при Пушкине»!) не пишут, вставая на котурны, не в этом поэзия, это видимость поэзии. Так и хочется одернуть: «Будь проще. Простота уже не ересь, и давно, не со времен Пастернака». Впрочем, не в этом дело. Высокопарность выдает искусственность пафоса, позиция становится позой, а то и позерством.

Но что он правильно уловил в Соколове, почти подошел к определению, но не назвал почему-то: его «иконность», особый, благой свет, который исходит от первых двух книг... И в них, кстати, несмотря на изысканность, ни капли высокопарности.

И вообще, брать такое могучее само по себе явление, как фаюмский портрет только для того, чтобы набросить вуаль таинственности на всю книгу, это... это все-таки не уважать ни фаюмский портрет, ни читателя. Великое нельзя просто упоминать, тогда получается, что ты хвастаешься тем, что «знаком», демонстрируешь читателю свой культурный багаж, пусть по струнке вытянется, знай, сука-читатель, с кем дело имеешь. С великим явлением, раз уж упомянул, нужно свое письмо как-то соотнести. А иначе... Все-таки он обманщик, манипулятор, хитрец. Он хочет понравиться, а лицо прячет. Может, и нет лица, а на его месте что-то очень неопределенное. Конечно, и такое имеет право на жизнь, в том числе и в литературе, и эта пафосность явилась для многих неожиданностью, показалась новизной.

Вот и дарственная надпись какая-то... Жанр, конечно, трудный, я и сам не мастак их писать, но как-то минимально выдержать стиль обязан же... «Дорогому Науму Вайману». Если уж ты пишешь «дорогому», то напиши «Науму», «дорогой» — признание в определенной близости, после которого протокольное перечисление анкетных данных как-то странно. «В знак дружеской признательности». За что собственно? Так, отписка. «И с надеждой не раз еще обмениваться книгами. Спасибо!»

Насчет обмена книгами — это нормально, этого было бы достаточно, все остальное — лишнее. И зачем еще это «спасибо» в конце

с восклицательным знаком? Какое-то расшаркивание. И знаю, что не от почтительности, а из церемониальности. Молчалин, ей богу Молчалин. Надо было просто: «Наум, надеюсь, нам еще не раз предстоит обменяться книгами».

29.11. Вчера всей компашкой совершили культпоход на фильм «Поздняя свадьба», который взял в этом году все призы. Даже Гордин сказал: «Из всего израильского дерьма это еще не такое страшное, и там грандиозная сексуальная сцена на двадцать минут, можно сказать, рекорд мирового кино». Фильм и в Европе прозвучал, сделал его Косашвили, невольно вспоминаешь великую традицию: Данелия, Абашидзе, Йоселиани...

Сексуальная сцена немного затянута. Однако смело, как и то, что местные «грузины» показаны такими козлами, что даже марокканцы на их фоне выглядят благородно. В конце фильма отец и сын стоят рядом в клозете и ссут, и сын (главный герой фильма), поглядывая на член отца (что запрещено иудеям, запрещено, блядь!) и говорит: «Папа, у тебя красивый хуй». Папа застенчиво отворачивается. Сыну тридцать один, он делает докторат по философии в Университете (азохун вей еврейский философ), и родители стараются женить его, сватают к разным девицам, а он ходит к одной марокканке с ребенком, которая старше его и пытается его приворожить. В сцене-кульминации грузины приходят к этой марокканке всей хамулой¹ и устраивают скандал с саблями, сын покоряется воле родни и его женят на «своей». А «поздняя свадьба» в том смысле, что поздно мальчик женится, у них, у козлов, принято молодыми жениться. Даже название какое-то нелепое. Вот если бы назвали «Поздняя грузинская свадьба»...

Girard

Наум, привет!

Беда всех социоцентричных систем, начиная с Дюркгейма (роль которого остается недооцененной), состоит в том, что в основание системы кладется неотрефлексированное понятие. Ты в точности воспроизводишь ходы социоцентрической мысли и попадаешь в те же ловушки: путаешь род и социум. Любое животное принадлежит какому-то роду, и инстинкт заставляет его жить «родовой жизнью». Некоторых животных называют более «социальными», чем другие, но это всего лишь метафора, если не шутка. Если условно назвать «животную социальность» стадностью, то выяснится, что между стадностью и социальностью лежит пропасть (поскольку индивидуация дезорганизует функционирование инстинкта). Именно это зияние восполняется и «снимается» культурой. Стадность управляется инстинктом, социальность же харак-

¹ Хамула — большой семейный клан (сленг).

теризуется как раз тем, что на месте инстинкта — зияние, а мост через него перебрасывает культура. Субъектом социальности является личность, сформированная культурой. Поэтому фраза «культура обживает человека» точна: она прочно стоит на ногах, а не выливается на голову. Вообще, я замечаю, что поршневатская идея «античеловека», предшествовавшего человеку, тобой вовсе не воспринята, я не вижу в твоих построениях ни малейших следов ее учета. Мне путь формирования социальности видится как катастрофичный; это прыжок через пропасть индивидуации, а у тебя какая-то эволюционная «прямая дорога», тишь да гладь в духе «социального оптимизма» какого-нибудь Гексли. Вообще, ресурсы социоцентризма исчерпаны в антропологии Рэдклифф-Брауном, который извлек из учения Дюркгейма «все лучшее» и попытался проинтерпретировать в этом духе гигантский антропологический материал. /Согласно его учению, ритуал служит для того, чтобы наделять ценностным смыслом все социально значимое, то есть сакрализировать все социально полезное и табуировать все социально вредное./ Мери Дуглас (и это видно даже по ее ссылкам) идет в фарватере идей Рэдклифф-Брауна и объясняет по его лекалам все, что связано с различием. Но у нее есть большое преимущество: МД анализирует не только различия, но и ритуальное снятие различий (которое Рэдклифф-Брауном просто игнорировалось); при этом она не замечает, что рамки социальности стесняют ее и мешают адекватно проинтерпретировать собственный материал. Я считаю социоцентризм «отработанным паром»: он сделал свое дело, заложив основы великой традиции «светского» / т.е. не засранного тенденциозностью «мировых религий» / истолкования феномена человека; но теперь мавру пора на покой. Думаю, отсюда должно быть понятно, что для меня Рампа «первичнее» социальности; и никакого отношения к «вторичному смещению» она не имеет. Цивилизация — это окаменевшая культура, застывшая лава ритуального вулкана. Если уж говорить о «вторичности», то цивилизация — это «вторичное разделение» (а никак не смешение), то есть «второе издание» когнитивности, переоформленной в процессе ритуальной переплавки.

С переводом Адорно меня кинули и денег не заплатили (это у нас вполне привычная практика). Я решил развязаться с последней книжкой и завязать с переводами вообще, поскольку так и не научился сочетать их с «умственной деятельностью».

Всегда твой
Матвей

30.11. Подхватил Володю на Центральной автобусной и покатали в Ерусалаим.

Он был взъерошен, лицо опухло, но трезв.
— Так что там Вайскопф натворил?

— Да Вайскопф — хуй с ним, он просто болван, Сошкин... Ох, мне уже надоело на эту тему говорить.

— Не хочешь — не говори.

— Ты понимаешь, звонит мне как-то Вайскопф, а у него же, блядь, не поймешь, что он говорит, он говорит, как моя ж-жопа! Он говорит «поклонник», а ты слышишь — «покойник», он же полный бол-лван! А я еще пьяный, ни хуя не разберу! И вот он мне что-то мямлит, будто кто-то в Москве, это как-то связано с «Экслибрисом», хочет издать Анечку, целый проект, и чтоб я написал послесловие. И что у Сошкина их имейл, чтоб я у него взял. Я пошел к Сошкину, я ему говорю, дай что-нибудь выпить, он мне дал коньяку, я как-то пришел в себя, и тут он мне говорит, что Вайскопф ему звонил и предложил написать послесловие — бля-ать! Такая поебень, ты представляешь? Я ему говорю: дай мне имейл, я с ними сам свяжусь, а он говорит: не дам! Я просто о-хуел! Он им послал свою старую статью об Анечке, со своей ебаной концепцией, ну просто полная херня! У него там куча неверных интерпретаций, он же не врубается...

Он долго рассказывал эту длинную историю, что еще на свадьбе у Сошкина, на которой он страшно упился, Петя Птах сказал ему, что нельзя все отдавать Сошкину, он загубит, и что Петя все рассказал Баембаеву, а Баембаев ему советует взять у матери Анечки письмо с назначением его душеприказчиком и тем самым выебать Сошкина, а Сошкин написал им письмо, где назвал Володю вторым душеприказчиком, да еще взял слово «душеприказчик» в скобки, «так получается, что он, Сошкин, как бы первый душеприказчик, а я — второй, да еще в кавычках!», и что оказывается, у них даже нет его книжки, что Сошкин ему сказал, что отправляет письмо и свою книгу, чтоб я ему занес свою, а я ему говорю, что сейчас не могу, вечером, а вечером я прихожу, а он мне говорит, что уже отправил, я просто о-хуел! Какое говно! В общем, я так разозлился, что даже пить бросил, уже три дня не пью... В конце концов он решил вообще ничего не писать, нет, он предложил мне отредактировать мои собственные комментарии, ты представляешь?! Редактировать свои комментарии — я что, мудака что ли?! И потом знаю я этот совок: сегодня у них проект, а завтра ни хуя! Все это такая мерзуха, что я решил вообще отказаться от участия, послесловие-предисловие, пошли они все на хуй... Мне Волохонский рассказывал в Тюбингене, что ему предложили написать послесловие к какому-то сборнику, и он отказался: я поэт, так что, я должен появиться в России, как сочинитель послесловий! Сначала меня издайте, а уж тогда. Так они издали!

— Кстати, — говорю, — я прочитал стихи Волохонского в рыжем «Сплетении», стихи, или какие-то афоризмы — я был просто удивлен. Какой-то бред, чушь собачья. Или я что-то не понял?

— Ну что, ну не тот уже Волохонский. Постарел.

— Причем здесь постарел? Вкус, что ль, постарел?

— Пишет что-то — уже хорошо.

— Здравсти! Чтоб не забыли?

— Не знаю.

Я поставил машину напротив монастыря Ратисбон, и мы потащились в магазин к Люсе. Воздух холодный, рассеянная, ласковая пасмурность, деревья раскрашены осенью, дома здесь старые, каменные, затейливые.

— Хорошо у вас, осень, воздух такой здоровый!

— Ну хоть что-то хорошее должно быть в этом городе.

Оказалось, что Люся теперь в магазине «Гешарим» в квартале Геула, в магазине крутился какой-то разговорчивый дос¹ с седой бородой, представился Могилевским, говорил без остановки о Сталине, Нудельмане, убийстве Рабина («вы же знаете, что его в машине убили?»), о своих восьми арестах в Израиле, я успел вставить, шутки ради, «вот, купите мою книгу», а он взял и купил. Приглашал к себе в гости, в ешиву, «у вас хорошее лицо», и я вдруг загорелся, захотелось окунуться в этот незнакомый, но манящий мир. В сущности, я знаю, чем он так манит: мир книг и рассуждений, рассуждений и книг. В конце концов он взял какой-то треснутый столик, две медные тарелки («Испания, восемнадцатый век, забавные тарелочки, да?») и мою книжку и отправился в свою ешиву. «Иди-иди нахуй, заебал мозги!» — напутствовал его Володя. И Люся тоже с облегченьем вздохнула.

Потом мы вернулись к Володе домой. Шли через Геулу, по узким каменным улочкам квартала богобоязненных, в окнах видны были качающиеся ученики, у дверей «палаток», маленьких синагог, толпились иудеи в шляпах и лапсердаках, с длинными белыми, черными, рыжими, серебристыми пейсами, не знаю, почему мне хочется упасть в этот омут, уйти на дно, вернуться...

Дома Володя состряпал обед, но я есть не стал, выпил чаю с хлебом и козьим сыром, который он сам засолил. «Ты прям кулинар!» — похвалил я сыр. «Говорят об этом. Люся вообще советует пойти поваром работать». Поговорили о литературной политике, как она похожа на политику вообще, о том, что движет людьми, в сущности, простые вещи. Он сказал, что раньше, лет 15 назад, все-таки всё было не так, как-то теплее. «Хотя я помню, как Генделев с Каганской объединились для того, это мне сам Генделев говорил, чтобы заебать Гробмана, а вышло, что Гробман их заебал». Рассказал ему об интервью Губермана на ТВ-6: вел себя почти развязно, оскорблял ведущих (Бермана и Жиндарева), упомянул только «удивительную-замечательную писательницу» Дину Рубину, вот, говорю, лицо нации в российском телезеркале: Рубина-Губерман, упомянул и о встрече с Гольдштейном, о впечатлении от его книги.

— Я не пойму, зачем ты с ним встречаешься? О чем вы говорите?

¹ Кликуха ортодоксов (израильский сленг).

Потом мы разбежались: я — к Вернику, а он — опять в магазин, к Люсе. Через рынок шли вместе. Стену высокого дома на Агриппе расписал сценами рынка какой-то француз. На рынке немногочленно.

— Вечером останусь один, опять выпить захочется. Нет, не в этом дело, я всю жизнь один. Любви нет. От этого я с ума схожу. Как Юленька, ангел мой, бросила меня, так и запой этот начался, ровно год назад, 26 ноября 2000 года. Ровно год. Это меня подкосило. Люся очень хорошая, она заботится обо мне, и я о ней, все нормально с Люсей, но это не то. Там я трепетал, сгорал, умирал. А за весь этот год у меня только несколько перерывов, по неделе, самый длинный перерыв — 17 дней, когда я писал «Бомбу», вообще только стихи, только писание как-то вытаскивает. Надо бросать, а то гибель.

Верник повел меня в «Шипудию¹» на Агриппе, все на том же пяточке. Арабское заведение. Покормили вкусно и дешево. Кебаб замечательный. И «кубэ» ничего. Выпили по пиву, а потом еще араком заполировали. Выспренный Верник в парадных перьях меланхолии (к девчонкам-официанткам обращается с величием русского барина: «Голубушка моя, а нельзя ли нам организовать...»). Прочитал мне стихотворение. Куцее, опять собака лает, и кошка спит.

— Опять у тебя животные. Кошки, собаки...

— Кошки у меня были только три раза.

— Три раза тоже много.

— Голубчик, ну что же делать, если на Востоке я так долго живу, что мне кажется, не наяву, не взаправду, а понарошку. Только присутствие кошки успокаивает меня как-то. Кошка в доме является фактом: то налейте ей молока (замечаете, вы живете, пока она пьет), то ей дверь отворите или, скажем, окно. Словом, домашние звери мне по сердцу давно... Слушай, Ньюма, давай уедем!

— Куда?! — испугался я. Вообще почувствовал себя старым альфонсом, охмурившим юную курсистку.

— Просто, в поезде! Или в Грецию! Леса, боги!

Конечно, заговорили и о Гольдштейне, Бараше. Вообще Верник чувствует, что крутая литературная карусель вынесла его на обочину. Обижается.

— Нет, если позвонишь ему, передай привет, он очень любезен (о Гольдштейне), но сам я — никогда. Понимаешь? Никогда. Нет, я не обижаюсь, но сам посуди... А вообще, мое время прошло... Только горечь, горечь, и больше ничего.

— Горечь, горечь, вечный привкус на губах твоих, о, страсть! Горечь, горечь вечный искус — окончательнее пасть!... — отзываюсь рефреном.

— Я еще живу, но уже умер...

— Я должен жить, хотя я дважды умер. А город от воды ополоумел...

¹ Шипудия — шашлычная (*шпр.*).

(Прям оперный дуэт.)

— Я уже ничего не могу. Но я еще понимаю. Понимаю, что хорошо и что плохо. И не пишу. Ничего не пишу. Уже давно, — продолжал подвывать Верник.

— Слушай, извини, что я... как говорится, не хочешь — не говори... — переключаю его, — ты ведь приехал вместе со мной, и вообще мы ровесники... сколько у тебя было здесь романов?

— В Израиле?

— Да.

— Серьезных — три.

— А несерьезных?

— Тоже два-три.

— Ну, нормально... Я к чему спрашиваю, это как-то встряхивает?

— Встряхивает разлука, когда все кончается. Тогда получаются стихи. Посмотри в книжке третье стихотворение с конца.

Потом он проводил меня до машины. Под дворниками штраф за стоянку. Чтоб они треснули! Перешли дорогу в «Парк Независимости», он захотел еще «выкурить сигаретку». Критиковал меня за мат в прозе.

— Ньюма, ты же ругаться не любишь и не умеешь. Я сам этого терпеть не могу. Я могу это терпеть только у одного человека, у Володи Тарасова. А у тебя это получается неестественно. Ты, что называется, человек воспитанный, и это очень хорошо, замечательно.

— Ну, так это и должно звучать, как истерика.

— Нет. Когда ты пишешь «запиздячить» — это не истерика, а что-то вымученное!

В парке никого не было. Нос замерз — уже морозно в Ерушалаиме. Дома посмотрел «третье с конца», называется «Возвращение».

Я живу так, как меня несет,
поднимаю слово, что плохо лежит.
Мне известно — никто не спасет,
даже если красный зверек мимо не пробежит.
А и если спасется кто,
Какой-никакой:
Вишь ты, жить захотел, —
какой-никакой спасется
и вернется домой,
он не помнит домашних дел,
и домашний кот
не узнает и отвернется, не улыбнется.

1.12. Все утро собирались тучи, и дул характерный, такой «тревожный» предгрозовый ветер. И, наконец, хлынул дождь, отвесной стеной. Где-то далеко ворчит гром. Два часа дня.

От Л: а помнишь такого поэта Армалинского? Ему еще Алик оформлял книжки, я их тебе, кажется, оставила. В молодости я его стихи, посвященные мне, рвала и бросала в Фонтанку. Так вот, прочла у Довлатова в эпистолярном романе, как он предлагает поспорить с Ефимовым, что тот не сможет прочесть вслух своей жене его стихи, постесняется?!

Kidok

Наум, привет!

Если тебя действительно интересует «технология кидка», то я могу рассказать о своем опыте; однако его можно назвать «поучительным» только с натяжкой, потому что в наших условиях «научиться» ничему нельзя — все равно кинут. Вообще-то о том, что работать лучше по контракту, чем без него, я, как ты понимаешь, догадывался. Но «контракт по-русски» — это очень специфический феномен. На него распространяются некоторые особенности национального бизнеса. Так, например, я перевожу ужастики по контракту с солидным и процветающим издательством... (меня туда сосватал Гена, который там работает). В этом контракте — совершенно официальном, заверенном печатями и подписями в двух экземплярах, — указаны данные: стоимость одного печатного листа — 20 р. На самом деле мне платят за лист 750 р (что тоже не слишком густо). Издатели занижают реальные суммы, чтобы увести деньги от налогов, а гонорары передают наличными в конверте (Гена, состоя в штате издательства, точно так же получает зарплату: расписывается за одну сумму, а получает другую, раз в 10 больше). Чтобы ты представил, насколько смехотворна «официальная» сумма — 20 р за лист (то есть 40 000 знаков), замечу, что проезд на метро стоит 5 р, и на троллейбусе тоже 5 р. в один конец. Так что, поехав за гонораром, я потрачу все полученные деньги на общественный транспорт. Конечно, ни один нормальный человек не может поверить, что кто-то возьмется переводить за такую сумму. Тем не менее, эти документы проходят «сквозь» налоговых инспекторов. По-видимому, давать взятки дешевле, чем платить налоги. Если учесть порядок занижения суммы, можно себе представить размер взятки. Так вот, имея такой контракт на руках, я им несколько не защищен. Если меня кинут, и я отсужу деньги (что крайне маловероятно; всегда можно найти «эксперта», который за двадцатку заверит своей подписью, что перевод «не отвечает требованиям»), то этих денег мне хватит только на то, чтобы доехать домой от здания суда. В других издательствах тоже самое; это общая практика. Наверное, имеется прослойка «раскрученных» переводчиков, с которыми заключают реальные контракты, но я к числу этих счастливцев не принадлежу. По сути дела, я сотрудничаю с этим издательством не потому, что подписываю с ними контракты (это филькины грамоты), а потому, что доверяю им лично — в том смысле, что им невыгодно меня кидать,

покуда я исправно делаю свое дело и не рыпаюсь (то есть не требую каждый раз надбавки); к тому же они ценят Гену как работника и не будут без особой нужды кидать его протеже (то бишь меня).

Принимая предложение от П.С. Г. (он доктор философских наук, член-корреспондент чего-то там такого и даже вице-президент Российского психоаналитического общества; прославился главным образом «полемикой» с Дм. Галковским, в ходе которой сильно пострадал) перевести Адорно, я исходил из сходных соображений. Правда, там контрактов не подписывают. Г договаривается об условиях со знакомым ему директором издательства, специализирующегося на книгах по психологии, и, по-видимому, что-то липовое с ним подписывает; с нами же он расплачивается наличными. Но поскольку контракты все равно не стоят бумаги, на которой они написаны, решающим оказывается фактор доверия. Г. работает с моей женой в одном институте и всячески заискивает перед ней. На него работают, на таких же условиях, многие сотрудники института, и всякая попытка кого-то кинуть тут же подмочит ему репутацию среди сослуживцев, с которыми он встречается каждый день. И зачем ему кидать собственную дойную корову? Ведь он сам получает деньги за переводы (по-видимому, несравнимые с нашими), вообще не ударяя пальцем о палец. К тому же до сих пор никто на него в этом смысле не жаловался. Все знают: Г. платит.

На этот раз мне просто не повезло. К тому моменту, когда перевод был закончен (книга Адорно очень толстая, и над ней работал целый «коллектив переводчиков»), эта же книга («Авторитарный человек») вышла в другом переводе, в другом издательстве («Серебряные нити», если это кому-нибудь интересно). Предугадать такую неприятность трудно: дело в том, что эта книга (1946 года издания) с просроченными авторскими правами, и ее могут издавать все, кому не лень. При таких обстоятельствах никакой издатель не станет выбрасывать деньги на ветер: ведь ясно, что продать тираж ему не удастся. Ладно бы еще «мы» могли похвастать блестящим переводом, глубоким предисловием и меткими комментариями. Г. просто проныра и «хитрый еврей»; он не смыслит в философии ни уха ни рыла и пишет свои предисловия, используя одну прогнившую болванку, разработанную лет тридцать назад, и только меняет в ней имена авторов. Все, на что он способен, — это собрать переводы у разных переводчиков (при этом даже терминология не согласовывается!), передать их издателю и получить деньги. На этот раз не получилось. Приходится относиться к этому как к неблагоприятному явлению природы. Вот, собственно, и все. Даже не знаю, зачем я тебе это рассказал. Будем считать, что это «случай из жизни». Совершенно рядовой случай из довольно поганой российской жизни. Ничего «поучительного» я в нем не нахожу и не знаю, какой «опыт» можно из него извлечь. Если мне понадобятся деньги, я снова

пойду к такому же г..., и не исключено, что меня опять кинут. Вот и весь опыт. Если мне удастся прожить, не занимаясь переводами, буду считать, что пострадал недаром.

Завтра выберусь, наконец, за книгами: сейчас в Москве проходит «Выставка интеллектуальной книги», но новинок там, говорят, совсем немного. Но что-то надеюсь купить по дешевке, без торговой наценки, благо Серега достал для меня бесплатный пригласительный билет.

Всегда твой
Матвей

Жена толкнула грудями: «Беру на абордаж!»

2.12. Теракт в Афуле, «небольшой», как сказали в радиорепортаже, ерунда в сущности: двое смертников расстреляли толпу на базаре, трое убитых. А два дня назад взорвали автобус, тоже говорят «мазаль гадоль» (большая удача), только трое убитых. Ну, а на всякие обстрелы автомашин, когда только раненые, никто и внимания не обращает. А вчера уже было «пигуа гадоль» (большой теракт): 10 убитых, почти две сотни раненых. Вожди как заведенные: «Борьба будет долгой» (какая борьба? Резня будет долгой?), и «В борьбе с террором “эйн збенг ве гамарну”» (нельзя победить одним ударом). Только я что-то вообще ударов не вижу, хоть бы один «збенг»... Паралич воли. Трусость вождей. А что, жопы у них в тепле, в министерских креслах. И рыла что жопы.

Основной вопрос еврейской классической философии: «Кама зе оле?» («Сколько это стоит?»)

От Л: Спасибо за записки. Если у тебя в Израиле было 3 серьезных романа, то с кем второй?

Да не у меня, а у Верника. А Армалинского я помню, он еще «Интимный дневник Пушкина» написал, своеобразный литературный типаж. В общем-то, так и остался «на обочине», хотя упорно карабкался...

Посмотрел на видео странный фильм «Пианистка». Посмотри. Какие-то сексуальные загадки, я не понял.

В Диаспоре отчаяние от невозможности существовать в рамках самостоятельного организма становится мотором упорного вживания в чужое тело, вплоть до его завоевания. Как Мандельштам писал: «войди в их хрящ, — и будешь ты наследником их княжеств». С таким «вжившимся» элементом чрезвычайно трудно бороться, потому что его уже нельзя исторгнуть, не повредив структуру самого тела. Евреи — это активная зараза. И где бы они ни появились, какое обличие ни приняли бы, они будут вызывать инстинктивную реакцию отторжения, крайне болезненную как для себя, так и для ткани, в которую пытаются вжиться.

ся. Израиль хочет выжить на Ближнем Востоке, в его арабском, мусульманском теле, путем «приспособления к окружающей среде», путем ассоциации, ассимиляции (мечта израильских левых). Это гибельный путь. Ислам нас исторгнет и за ценой не постоит. Самосохранение возможно только на путях самоизоляции, жестких границ собственного «национального тела» (идея Жаботинского о «железном занавесе»). Израиль смогут принять только как чужого и сильного. Не старайтесь понравиться, не извиняйтесь, не виляйте жопой. Прежде всего, очиститесь, очистите землю и национальную жизнь.

Читаю «Волю к истине»¹ и слушаю радио. Взорвали автобус в Хайфе, стрельба в Иерусалиме. Пиплы хавают, министры совещаются. Шарон все еще в Америке, отчитывается о проделанной работе.

Позвонил Гольдштейн.

— Наум, посмотрите на сайте Курицына, там есть выход на сайт НЛО, где мое интервью с Ильей Кукулиным, оно будет в следующем номере НЛО. Я там о вас сказал несколько слов.

— Да? Замечательно. Спасибо.

— Да, вот так.

— Хорошо. Пойду, посмотрю.

Долго искал, нашел все-таки. Вот фрагмент:

«В самом же Израиле я бы отметил, например, моего доброго приятеля Наума Ваймана и его «Ханаанские хроники» — стилизованный под дневник сатирико-бытовой эпос жалких превратностей эмигрантского существования. Такой дневник одиночки, одержимого политикой и понимающего свою невозможность поучаствовать в реальной политической игре Израиля. Человека, живущего русской литературой и примеряющегося к ближневосточным обстоятельствам, к этому солнцу, к этой совсем иной почве. С зоркими наблюдениями, с такими, подчас в духе «Шутовского хоровода» Хаксли выписанными персонажами, с их придурковатыми интригами, склоками, с их жестами, даже симпатичными в своем идиотизме. Не говоря уже о том, что там масса знакомых мне имен... (улыбается)».

Мерси, мерси. Но все стоит в ушах это «да, вот так»... с какой-то странной смесью неловкости и назидательности.

3.12. Не так больно смотреть на жертвы, как на поведение «правителей-представителей». Лицо народа. Мой народ так выглядит. Картина отвратительная до рвоты, до отчаяния. Не знаешь, куда деваться от этой омерзительной рожи, от этой тотальной импотенции... Задыхаешься в немом крике...

¹ Книга М. Фуко.

А иногда думаешь, что все это во благо... Только жертвы могут превратить эту кашу, которая зовет себя израильским народом, в тесто... И свое находит место черствый пасынок веков — усыхающий довесок прежде вынутых хлебов¹...

Как много у нас общего с теми, с кем мы не желаем иметь ничего общего.

От Л: Да, они с Аликом крупно разругались после моего приезда. Он какой-то рассказ напечатал, который от меня скрыли.

Довлатова просматривала в магазине на Брайтоне, но не купила.

Давай подробности про «Пианистку»: где, когда, кто. А что, не помнила ли она тебе твою скрипачку? Небось, поэтому взял.

Фильм французский, с Изабеллой Юпперт, режиссер Хенеке. Там еще играет старенькая Анни Жирардо. Фильм, кажется, в 2000 г. что-то получил в Каннах.

А «моя» скрипачка у меня из головы не выходит. Очень хочется с ней законтачить, но никак не найду удобный «угол атаки».

Продолжил чтение «Аспектов духовного брака». Первая глава: «Яффо, жилище и фотография». Раздражение сразу вскипело: «сам же я неустроен, о чем сообщаю, стремясь к точности». А я помню, что жилище у него аккуратное, трехкомнатное, мебель добротная, много книг, уютно. Но предпочитает позу «гений из коморки». Однако постепенно магия фраз меня увлекла и расслабила. И против воли своей я испытал восхищение, когда читал про «подванивающие семейные соты Бней-Брака», про «скворешни ярости к государству», про «гниловатую ласковость» еврейских мужей. Сравнил невольно со своими жалкими, протокольными записями... А он пишет образно, метафорично, хорошо, сука, пишет. А может, это вообще поэзия?

Позвонила Р: «А где моя нешикат бокер?²»

Пулеметные очереди поцелуев полетели в колодца микрофонов, вылетели в эфир и через трепет нежных мембран залетели в уши. И мы рассмеялись.

Днем позвонила еще раз.

— Я сейчас вот переоденусь, покушаю, и опять в школу — родительское собрание. А мне так хочется тебя увидеть, погладить по животику... И режим приходится нарушать. Но не хочу с новой директрисой

¹ Мандельштам, «Как растет хлебов опара...» (1922).

² Утренний поцелуй (*ивр.*).

ссориться. И так уже... Да ну что я тебе буду рассказывать тюремные мелочи. Да, у меня уже хорошее настроение. Я вчера три часа Сорокина читала (дал ей второй том). Так он меня увлек, я даже не ожидала. Так что я рада, что ты мне его принес. Я тебе говорила, что у меня вчера было настроение плохое? А теперь хорошее. Это от Сорокина. Да, он произвел на меня очень сильное впечатление, очень. Вот ты уже три года меня снабжаешь всякой литературой, и это в сущности вторая книга, которая так... И интересно, что ведь его мало кто читает, мне кажется, его трудно читать...

Рассказал ей про интервью Гольштейна в НЛО, «есть такой журнал, знаешь?».

— Нет.

— Ну как, это один из самых престижных...

— Ну откуда же мне знать?! Откуда? Интервью у меня не берут, моей мне номера не приносят...

— В общем, он там о Сорокине тоже говорит, и обо мне даже, абзац примерно.

— А что?

— Хочешь, зачитаю?

— Давай.

Зачитываю. На слове «придурковатыми» начинает хрипло ржать.

— Ой! (Хохот усиливается.) У меня даже трубка упала! Ну что, хорошо!

— Да, дело хорошее.

— Надо срочно менять о нем свое мнение.

— Действительно, а то даже неловко, я о нем так плохо, а он...

— Ну а что, ты достоин, а он недостоин — и оба правы! (Хохочет, и я присоединяюсь.) Замечательно. Вот, не зря я позвонила. Ну ладно. Я ужасно скучаю (капризно захныкала).

— Ну ничего, до завтра доживем...

— Да, это тебе все равно, ты может и рад. А я так хочу обнять твои щечки, и вообще, обнять тебя изо всех сил!

Позвонил Гольдштейну.

— Саш, еще раз спасибо...

— Ну что вы.

— Нет уж, я был в полном восхищении. Особенно мне понравились «придурковатые интриги»...

— Аа, да.

— И не только само выражение, но и правильное отношение к картинке, я бы хотел, чтобы именно так меня и поняли, а то ведь все видят в этом какое-то сведение счетов, а какое там сведение счетов, все это забудется, имена забудутся, делишки...

— Вы совершенно правы, все это забудется, уже сейчас многое стало забываться, а книга останется, и это действительно хроники.

- Вообще, замечательно. И такое большое интервью.
- Вы знаете, что странно: они оставили устную речь без всяких стилистических правок, там столько шероховатостей.
- А я как раз хотел вас спросить: вы им посылали ответы, или...
- Нет.
- Это когда вы были в Москве?
- Да, мы сидели с Кукулиным в кафе, беседовали, и он записывал.
- Здорово. Ну, я и раньше отмечал, что вы говорите как по писанному.
- Если бы...
- Такие развернутые характеристики, метафоры, нет, для устной речи это феноменально. Ну и сам факт, в таком месте, очень престижно.
- Ну что... все это утонет в толстом журнале.
- Нет уж, не скромничайте, что значит «утонет», все утонет, и вечности жерлом пожрется, нет, это очень престижно...
- Я вот только про Винокура забыл сказать, ну совершенно вылетело из головы...
- Да... ну, это неизбежно, всегда про кого-то забываешь. Но странно, конечно, что они не послали вам...
- Да, такое важное интервью, с ответственными высказываниями...
- Ну да, послать для редактирования, каких-то уточнений.
- И Бараш, конечно, обидится.
- Да, я обратил внимание.
- А с другой стороны, меня попросили высказаться о прозаиках, а его проза еще в журнале не выходила (в тоне появилась какая-то металлическая нотка).
- Ну да.
- Но все равно, конечно, обидится.
- Смотрите, если человек пишет хорошую прозу, то рано или поздно она удостоится упоминания в тех или иных высказываниях. Он, конечно, обидится, всегда обидно, по человечески все это понятно, когда кого-то упомянут, а ты — нет, но эти чувства надо преодолевать. Надеюсь, что и он преодолет.
- Не знаю.
- А я вас еще хотел спросить, вот вы в «Аспектах» написали про философа, который по вечерам охотился за мальчишками, это про Фуко?
- Нет, это про Барта.
- А что, Барт тоже?
- Вы знаете, мне Недель говорил, что там только один был стрейт — Деррида.
- Даром что еврей.
- Ну да. А все остальные... Мне Ира переводила дневники Барта...
- А Ира так хорошо знает французский?
- Ну да, кстати, они и на иврите есть, так там совершенно пронзительные сцены, как он сидит в коморке, стучит на машинке, а потом...

— Да, вот мы с вами говорили о «ходах», так вот сочетание «истории мысли», которая была заботой Фуко, с привязкой к жизненной ткани — вот где ключ к современной прозе. Они, кстати, к этому и шли, и Фуко, и Барт, это такая новая литература, но все-таки их тексты все еще в основном специальные, философские, ну разве что Деррида приблизился в тексте о Москве...

— Вы знаете, мне этот его текст не кажется самым сильным.

— Я говорю о жанре.

— Вообще-то мне кажется, что ближе всех к этому Сартр. И Камю. Хотя Камю, конечно, больше писатель.

— Да, Камю философический писатель.

— Сартр — да. Вы читали «Слова»?

— Ээ... нет. Я читал «Тошноту», и она мне не очень...

— Да, знаете, чего-то в ней нет.

— Я даже не дочитал, признаться.

— Вроде все правильно, а чего-то нет.

— Похоже на иллюстрацию философской мысли.

— Да...

— Ну, хорошо, Саша, еще раз спасибо вам...

— Да ну что вы, не стоит.

— Ире привет.

— Вы тоже передайте Римме.

— Всего хорошего.

— Всего наилучшего.

4.12.

Report

Наум, привет!

Что там у вас, заваривается, наконец, что-то серьезное или опять будет ввод войск, а потом их вывод? Кажется, сейчас американцы уже не «держат за руки»; у нас передавали, что они, в ответ на жалобу палестинцев, отказались осуждать Израиль за последние бомбардировки в Газе и даже ответили: «Израиль имеет полное право защищать себя». Не значит ли это, что произошло радикальное изменение ситуации, которым грех не воспользоваться?

Я планирую съездить в Олимпийский в четверг, и тогда уже пошлю бандероль, благо «критическая масса» уже накопилась. Тогда же составлю полный список. А вчера я купил на выставке Non-Fiction «Рождение трагедии», если захочешь, в четверг же и вышлю. Книга вышла в той же серии, что Беньямин «О Кафке» и «Переписка Хайдеггера и Ясперса». Перевод А.В. Михайлова. Этой книге был почти целиком посвящен чуть ли не весь последний номер НЛО. Перевод Михайлова (безусловно, лучшего переводчика с немецкого) был найден после смерти в его архиве. Кроме перевода «Рождения трагедии» (публикуемого впервые) Михай-

лов собрал и перевел материалы полемики, которая развернулась после выхода книги Ницше. А нынешний составитель (А.Россиус) дополнил книгу «горячими» современными материалами, в частности, нашумевшей статьей (почти книгой) Петера Слотердайка «Мыслитель на сцене: Материализм Ницше». Слотердаик стал культовой фигурой после выхода в свет в Германии его книги «Критика цинического разума» (это едва ли не самый громкий философский бестселлер XX века; книга недавно вышла в России, но я пока не могу ее описать: нет под рукой). Кроме того, в книгу включена статья Бориса Гройса о Слотердаике «Дионис на берегах Рейна». В своей рецензии на книгу, опубликованной в НЛО, М.Л. Гаспаров написал: «Я всегда ненавидел Ницше. Но после прочтения нового издания “Рождения трагедии” понял, что есть человек, которого я ненавижу еще сильнее. Это Слотердаик». Интересна полемика вокруг книги «Рождение трагедии» (во втором разделе): Роде, Вилламовиц-Меллендорф, Вагнер, Гураугер.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Трудно сказать, что у нас заваривается. На последнем заседании пр-ва (вчера) приняли решение (все последние действия — со ссылкой на старшего брата: мы-де как американцы) объявить палестинскую автономию «организацией поддерживающей террор», а некоторые примыкающие к ней вооруженные отряды — террористическими организациями. Всё это формальные шаги, они как бы открывают возможность «воспользоваться ситуацией», но возможность не есть ее осуществление. Я даже думаю, что «радикального изменения ситуации» не произошло и не произойдет. В этом смысле характерно поведение министров от партии Труда: они не приняли участия в голосовании и вышли (во время голосования!) посоветоваться. Они против «резких шагов», против разрушения органов власти Арафата, мотивируя это тем, что будет еще хуже. А пока, видимо, им не так уж и плохо. Очевидно, что Арафат их политический якорь, они давно сделали на него ставку, связали с ним свое политическое будущее и будут держаться за него из последних сил. Конец Арафата — это и их конец. Они давно уже превратились в его соучастников, в пятую колонну. Печально другое, что по-прежнему им удастся сбить с толку или запугать большую часть избирателей (средства массовой информации, и прежде всего телевидение, их обслуживают, тиражируя отчаянный лозунг: не троньте Арафата, после него будет хуже, будет Хамас, вы что, «хотите Хамас в двух шагах от Кфар Сабы?!»). Конечно, эта демагогия действует все слабее (с каждым взрывом). И у меня создается впечатление (хотелось бы, чтобы это было так), что Шарон постепенно загоняет их в угол «соучастия» с Арафатом, заставляя выбрать между ним и собственным народом и вызвать раскол в этой

шайке. В общем, чтобы победить внешнего врага, надо хотя бы нейтрализовать внутреннего. Настоящие гири на наших руках это не американцы, а «левые». Хотя американцы тоже «обеспокоены».

А пока непосредственные действия Израиля весьма умеренные: ну расстреляли три арафатовских вертолета, ну вспахали взлетную полосу аэродрома в Газе, ну разбомбили штаб полиции в Дженине, и всё ночью, почти без жертв (были раненные, их назойливо показывали по телевизору, и видно было, что это раненные от падений, шока и т.д., ни капли крови). В этой постепенности тоже есть своя логика. Теперь нам сходит с рук то, что год назад привело бы к тотальному осуждению и санкциям. Иногда «эволюционный» путь оказывается самым революционным...

Ницше возьми (ради Слотердайка).

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Прежде всего, хочу поблагодарить тебя за политический комментарий. Очень меня обяжешь, если будешь держать в курсе дела. Время такое горячее, что не хотелось бы больших перерывов в получении информации. Ситуация меня по-настоящему волнует.

Что касается Фуко, Барта и всей этой французской компании, то они не особо меня увлекают. Наиболее глубоким из них мыслителем (то есть одаренным чисто философски) считаю Делёза. Но он настолько абстрактен, что его «на голову не наденешь» (что и хорошо: невозможно растаскать на цитаты). Далее, в моей табели о рангах, следует Мерло-Понти. Хотя он принадлежит другому, более пожилому «сартровскому» поколению, его книга «Феноменология восприятия» написана «поверх барьеров», в том числе поколенческих: это чистой воды классика (кстати, эта книга кое-где еще попадает: горячо ее тебе рекомендую, вскоре она пропадет с концами). Мерло-Понти, единственный из феноменологов, сделал идеи Гуссерля животрепещущими, «опустил их на землю», «отсеяв шелуху» (которую сам Гуссерль считал сердцевиной). На другом полюсе вертопрах Бодрийяр. Становится обидно, когда видишь, что философская репутация зависит от броскости письма. Если бы не тематизированные Бодрийяром «симулякры», был бы он всеобщим посмешищем, а вот поди ж ты — ходит в классиках. Остальные располагаются «в промежутке». Ролан Барт, Фуко, Лиотар, Кожев, Нанси, Лаку-Лабарт, Лакан, Деррида. Кого забыл, пусть простит. Вообще-то, у каждого есть свои достоинства, и чтение их небесполезное занятие (что бы там ни говорили цветковы). Наиболее философичен из них Лакан (но зато и наиболее «темен», собака). Наименее философичен Барт (но зато чуток к литературной технологии). Фуко исчерпал философский заряд в трех первых книгах; такие труды, как «Забота о себе», — это уже историко-философская публицистика. Из Лиотара слишком торчит Маркс, а из

Кожева Гегель. Деррида настолько антисистематичен, что о нем вообще трудно сказать что-либо, хотя его общефилологическая одаренность поразительна; очень стимулирующее чтение (хотя у нас «в хорошем обществе» принято «осыпать его проклятиями»). Особняком стоят Рикёр и Батай. Рикер — всеобщий эклектик «политкорректного» склада, местами очень тонкий и глубокий. Батай — единственный «писатель во философах» (кроме, по-видимому, Бланшо, но я его прозу, в отличие от эссеистики, не воспринимаю; творения из серии: «Когда я просыпался, это было гениально»). Странно, что имя Батай не возникло в вашем разговоре с Гольдштейном. Приводимые Гольдштейном примеры писателей-экзистенциалистов (типа Сартра и Камю) показывают, как мне кажется, что он просто не врубился в твой «вектор вопрошания». Эти ребята, по существу, ничем не отличаются от Вольтера; экзистенциалисты — это последние отпрыски «Просвещенческого проекта»; хотя в качестве именно последних они очень далеки от Просвещения по содержанию своих идей, но взаимоотношение идей и способа письма у них еще вполне просветительское (то есть в основном иллюстративное). Как ты выразился, «философские писатели»; Батай же, напротив, «писательствующий философ», а это совсем другая парадигма (или, если сказать по-ученому, иной разлив).

Я не купил себе Слотердайка («Критика цинического разума») из-за нехватки денег (естественно), к тому же это не «горячая» новинка, ради которых ходят на выставки. Но сейчас я выяснил по телефону, что он есть в магазине «Гнозис». Так что я тебе его вышлю, если не возражаешь (270 р, но это целый фолиант большого формата; к тому же курс доллара сейчас подрос — почти 30 р; а с января обещают повышение цен на книги как минимум на 30 процентов: на выставке горячо обсуждали эту проблему; собственно говоря, только ее и обсуждали). Так что я Слотердайка не читал, но судя по отзывам, книга «этапная» и в то же время свежая по мысли.

И коль скоро мы уже забрели в антропологические дебри, то прежде, чем остановиться на «ключевом повороте от человека к обезьяне» в чисто философском ключе, стоит остановиться (а то когда еще представится такой повод?) на Конраде Лоренце, создателе 'этологии' (науки о поведении). Лоренц хотя и редуccionист (то есть проявляет склонность сводить 'высшее' к 'низшему' без остатка), но он понимает, что ключевым звеном отличия является ритуал. В отличие от Десмонда Морриса, крайне грубого и прямолинейного в этом отношении, Лоренц видит автономность ритуала, хотя и наделяет им животных (в этом и сказывается его редуccionизм). Такая промежуточная позиция очень удобна: это тот угол зрения, который дает «удобный ракурс» для рассмотрения «ключевой оси». Кстати, читал ли ты Лоренца?

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

По поводу принятого «стратегического» решения (что арафатовский режим поддерживает террор) теле- и радиоумники ведут споры, которые сводятся к сакраментальному вопросу: а что мы, евреи, собственно хотим? Каковы наши, извините за выражение, стратегические цели? У них-то светлая конечная цель остается все той же: отторжение инородного тела, возвращение Палестины (фром ве ривер то ве си) в лоно арабского мира и Ислама. А у израильтян, очевидно (по опросам): отступление со всех позиций, ранее казавшихся «последней чертой», включая раздел Иерусалима, кроме одного — возвращения беженцев. Если учесть, что лет десять назад подавляющее большинство израильтян было категорически против палестинского государства, то Арафат естественно экстраполировал эту тенденцию в будущее, полагая, что если еще чуток поднажать, то можно вызвать дополнительное сползание в пропасть, а много уже и не нужно, какой-то незаметный, в сущности, шагочок, и его можно так замазать формулировками, что пиплы схваают. А сползание неизбежно, потому что своей светлой и чистой идеей (типа Израиль — от Нила до Евфрата) у израильтян нет. А когда нет ориентира, жизнь хаотична, не за что зацепиться. Поэтому все наши виртуальные «границы» и «красные линии» давно порушены. Вот тебе «на одной ноге» и вся «стратегия», остальное тактика. Если бы у нас была «ясная цель» и готовность угрожать их существованию, как они угрожают нашему, им было бы гораздо легче пойти с нами на компромисс, и давно бы уже был мир. Но пиплам такая «крайняя» позиция кажется «кровожадной». Для евреев земля никогда не была «священной». Вот мы ею и торгуем. И захлебываемся кровью...

Есть еще одна ложь, которую израильские официальные лица твердят неустанно: мы ведем борьбу с террором, но не с палестинским народом (опять же по аналогии со «старшим братом», который ведет войну не с исламом, а с террором). По-видимому, они думают, что так им будет легче добиться понимания своих действий в глазах мирового общественного мнения. В результате сложилась безумная ситуация, когда весь палестинский народ борется с нами за эту землю, а мы боремся «только» против террористов, а пойдешь «вылови» их из сплоченной ненавистью народной массы, а если попытаешься, неизбежно заденешь какого-нибудь «невинного ребенка», за слезу которого мировое общественное мнение тебе пасть порвет и моргала выколет. Кстати, вылавливают с изумительной точностью, воюют буквально с микроскопом и, увы, «под микроскопом». Вот неделю назад разведка подложила заряд на тропке, по которой террористы обычно пробирались «на дело», а по тропке возьми да прогуляйся с утра пораньше ватага школьников, возьми да полюбопытствуй шо це таке, ну и шарахнуло, четверо мальцов отправились в свой исламский рай, генералы были в шоке, знали, что получают по жопе, виновато топтались и мямлили, пока, наконец, не

признали свою «ошибку» и не извинились перед палестинским народом, а министр Меридор, ответственный за «стратегическое планирование» (когда-то считался «правым»), заявил, что мы «теряем облик человеческий». Американцы, сбросив атомную бомбу на мирный город, виш, не потеряли, а они для нас учителя морали... Хотя наши левые, еще робко, но уже «критикуют» американские бомбежки в Афганистане, а, кстати, бомбежки Белграда ни одна еврейская левая сволочь не осудила. Это были «дела старшего брата», не нашего ума забота, опять же — в защиту мусульман. Складывается впечатление, что так же, как для левой европейской интеллигенции кровавый сталинский режим был «светом в окне», так и сегодня такой «свет в окне» для них это «палестинское народно-освободительное движение». Интеллигенты любят назначать «угнетенных», а потом их освобождать на свою голову, хлебом не корми...

Вот так и с этим «объявлением» палестинской автономии «организацией, поддерживающей террор». Вроде все правильно (а сколько вони «слева»!), но если кто-то думал, что это объявление войны, то он ошибся. Это все то же (только под другой «шапкой») продолжение политики «итутим» («сигналов»), мы им сигнализируем, что они ведут себя плохо и, если не образумятся, получат по попке. Они нас режут, а мы им «сигнализируем».

Слотердайка возьми, а заодно уж и Мерло-Понти, хотя чует мое сердце, что руки до него не дойдут. А вот Лоренца-то у меня и нет...

Всегда твой

Наум

5.12. Поехали в Центр Голды, в новое кафе. Народу почти никого. За окнами дождь. Она всё о Сорокине, взахлеб. Восхищена переходами от стилизации «русского романа» к каннибализму. «Хороший мат». И опять меня пожурили, что матерщинник из меня никудышный. А я разъясняю, что, мол, все эти сорокинские расчленения и поедания фекалий, а также буквальная ебля мозгов, есть метафора тех литературных действий, которые он совершает с русской классической или советской литературой, и того, что эта литература, по его мнению, проделывала с читателем, то есть это, в сущности, такое оригинальное литературоведение, на которое мне жалко тратить время.

За окном стеной идет дождь. Она сидит чуть в тени, красивая, глаза лучистые, любящие, и рука мою руку не выпускает... И мне хочется погладить ее волосы, и не отрываться от этих глаз, от этой руки, и чтобы губы ее всегда твердили: «Люблю тебя... Ты мой любимый...»

Улица стала рекой. Пока дошли до машины промокли и ноги промочили. Но руку ее не отпустил, и вдруг остановила, потянула к себе, поцеловала. Да, в дождь хорошо целоваться. Мокрые губы, мокрое лицо. Прохлада, влага, любовь... Обрато ехали долго. Пробки, ливень, воспоминания. А «Тёму» я уже давно привык водить только одной рукой...

— А ты мне сразу понравился: сначала рожа твоя, такая хорошая рожа, потом ты меня рассмешил, а я это очень ценю, а потом ты мне в постели понравился... Оч-чень.

Вдруг позвонила жена. Она вся сжалась. Сказал, что стою в пробке.

— Мой муж всегда говорит, что романы надо заводить только с замужними. Вот я сейчас подумала: если бы не была замужем, я бы так спокойно не реагировала... А так мы на равных.

— А помнишь, как я сказал тебе, в самом начале, что мог бы на тебе жениться?

Хохочет.

— Да, ты сделал мне предложение, и мне это очень понравилось!

— А я, правда, впервые в жизни почувствовал, что... Хотя это было бы мучением...

— Я не могу сказать, что мой муж мучается. Я хорошая жена.

Когда приехали в деревню, машин на стоянке не было, только наши. Целуемся. Тянется к игрушке. «У тебя, — говорю, — рефлекс на дождь?» И у меня сработал. С трудом, но отсосала.

Придется ей, пожалуй, рейтинг понизить. Слишком мягко делает, хорошо для ласки, но так вовеки не кончишь, вот и на этот раз кулаком помогла. Весь перепачкался, брюки, свитер, черт...

— Ну вот, свитер...

— Ничего, бочком проберешься. Ну, теперь ты понимаешь, что означает поговорка: радости полные штаны?

От Л: Знаешь, после nine eleven я будто опять переехала в другую страну. И теперь я живу в стране испуганных идиотов. Даже природа в конфузе. Не успели листья опавшие собрать, а на деревьях опять уже почки набухли. Трава зеленая пробилась из расселин¹. Цветочки рас-

¹ Цитата из стихотворения Н. Ваймана «Причудливых мостов упругие хребты»:

Причудливых мостов упругие хребты
Давным давно надежно перебиты.
На мертвых площадях скучают монолиты.
Седых ворон гогочущие рты
На дланях пугал каменных расселись.
Трава колючая пробилась из расселин.

Уже играет новая орда,
Священных войн оспаривая почесть.
Мелькнет ее падучая звезда,
На миг разрезав мрак кромешной ночи.

Из пепла царств взойдет цветущий миф.
Упившись кровью, сдохнут диадохи.
Мудрец в изгнании напишет апокриф.
Его мышами сглоданные крохи
Найдут потомки. Теплый прах эпох
Как удобренье чтит чертополох.

пускаются. Птицы перелетные растерялись. На Хануку — дождь! Как в наших палестинах. А вокруг елки рождественские уже стоят разряженные.

А я подумала... угадай что.

Ответ Л: Что хорошо бы нам встретиться.

6.12. Утром, когда жена собиралась на работу, вдруг зазвонил мобильный.

— Але.

— Привет!

— Ошибка, вы не туда попали.

Мертвое молчание.

— Кто это? — спрашивает жена.

— Не знаю. Ошиблись номером.

Через полчаса опять позвонила:

— Скажи мне, что готов на мне жениться. Нет, скажи. Или ты сегодня уже не готов?

Хохочет.

Наум, привет!

Спасибо за политобозрение. Хорошо написал, внятно и выразительно. Почаще бы так. А то мне тут трудно разобраться, одни эмоции.

Вчера по НТВ показывали интервью, взятое «независимым журналистом Ростовцевым» в Ливане у какого-то «лидера палестинских террористов» (фамилию забыл). Он сказал: «Надо добиваться возвращения беженцев, это главное требование». При этом он добавил, что евреи и арабы не могут дышать одним воздухом. Евреи, сказал он, тоже не могут: такая уж у них религия, что они считают себя богоизбранными. Левые, которые «могут», вызывают чувство брезгливости даже у своих врагов: только путают им карты и путаются под ногами. Как случилось, что эта шваль определяет политику страны, созданной в качестве убежища? Или не все так мрачно?

У меня такое чувство, что Лоренца (книга называется «Оборотная сторона зеркала», и в ней главная работа «Так называемое зло: к естественной истории агрессии») я тебе в свое время высылал (в серии «Мыслители XX века»).

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Я и сам думал, что Лоренц у меня есть, но не нашел. Хотя у меня таковой бардак с книгами... Поищу.

В нашей «политической» переписке возникли две темы, которые, правда, измусолены, но, несмотря ни на что, по-прежнему актуальны, так что хотелось бы в них разобраться. Я тебе написал: «Интеллигенты любят назначать “угнетенных”, а потом их освобождают на свою голову, хлебом не корми», а у тебя вырвалось такое «наивное» восклицание: «как случилось, что эта шваль определяет политику страны?» Вот и возникает вопрос: откуда берутся «левые»?

Мне кажется, что несмотря на благополучное развитие, технический и социальный прогресс, результатами которого западное общество пользуется уже, ну, скажем условно, лет двести, начиная с Великой Французской буржуазной (подчеркиваю это слово!) революции, в этом «прогессе» есть какая-то мучительная, депрессивная составляющая, которая питает все так называемые «антибуржуазные» революционные движения. И дело здесь не в борьбе классов. Сплошь и рядом мы видим борьбу именно интеллигенции с буржуазией, в которую эта хитрая интеллигенция (будучи сама «физически» убогой — нет массы!) втягивает то «угнетенные классы», то «порабощенные народы». Эта интеллигенция, не вся, конечно, а прежде всего так называемая «творческая», ведет против буржуазного общества террористическую войну. Она не только принимает активное участие в многочисленных террористических организациях, которых, начиная с анархистов, всегда было в Европе хоть пруд пруди (Европа — родина современного террора!), но и провокационно мобилизует народные массы на борьбу с буржуазией под любыми подвернувшимися лозунгами (слово «буржуй» самое тяжелое ругательство в лексиконе этих «революционеров»). И их не пугает самоубийственный риск таких провокаций («народные массы», оказавшись у власти, могут устроить — и устраивают! — интеллигенции кровавую баню).

В чем же причина ненависти «поэта» к «буржую»? Обвинения давно предъявлены: «буржуа» стал символом расчетливости, рационализма, технического прогресса. А творческая интеллигенция связана, прежде всего, с культурой, и она — за сохранение традиций (культура консервативна), она боится нивелирующего мира техники и денег. И если «буржуазия» технологична, то левая интеллигенция теургична. Вспомним русскую революцию, как магическими пассами призывала ее на свою голову «одухотворенная» русская интеллигенция. А возьми «арабских террористов», ведь они выбрали для атаки безликие небоскребы Торгового центра, как символ «буржуазной цивилизации». Здесь пишет страх, здесь пишет сдвиг¹, страх, что рационализм и технический прогресс лишит «одухотворенности» (вроде страха кастрации), люди станут механизмами. Опять же — борьба метафизиков с рационалистами, или, если употребить твои термины, тех, кто отвечает за «блок спасения» с теми,

¹ Строка из «Грифельной оды» Мандельштама.

кто заведует «блоком обеспечения» (не не наоборот!). Причем «творцы» (теурги) не только ненавидят рациональных буржуа, они их и глубоко презирают. Я помню как в ненавистном мне МЭИСе нас было всего несколько «книжников» среди сотен студентов, мы читали Кафку (знаменитый «черный» томик в переводе Райт-Ковалевой вышел в 65-м, когда я был на первом курсе), пописывали стишки и дружили на почве презрения к «технарям». Мы считали себя штучным товаром, диссидентами, а их — безликими и слугами власти.

Любопытно, кстати, что против буржуев встала не только левая интеллигенция, но и правая, включая настоящую аристократию (романтики!), вроде Леопарди, Д'Аннунцио, Эволы, и не случайно все сомкнулись в движении Муссолини. С той важной разницей, что правые живут традицией, а левые — утопией, и им наплевать на прошлое, они устремлены в будущее, будто взялись ниоткуда.

Всегда твой
Наум

Редакция газеты. Зайчик сидит с народом и травит «за политику», все громко смеются вслед за начальником. «Наум, кто был лидером партии “Шинуй¹”?! Вот черт, из головы велетело...» — «Пораз?» — вспоминаю. «Да нет...» — «Лapid²» — это Слуцкого осенило. Зайчик: «О! Лapid!» — «Про политику значит, базлаем», — ухмыляюсь. «Да нет, мы вообще-то про шахматы, Лapid был председателем шахматной федерации». — «А, да...» Гольдштейн подстригся. Какой-то старинный полубокс, так стригли подростков в провинции где-то в середине шестидесятых.

Зайчик приглашает в отдельный кабинет. «Чуть свет, — шуткую, — и я у ваших ног». Кривится. Берет текст. «Мата нет?» — «Нет». — «А упоминания интимных частей тела?» — «Ну, кое-какие части упоминаются...» — «Какие же?» — спрашивает испуганно. «Жопа. Очень важная часть тела. Не могу пройти мимо». Лицо его мнется, и он откладывает листки. «Я потом прочитаю. И позвоню вам». «Вы мне книжку обещали», — напоминаю. «Да-да. Вот, я вам приготовил». Медленно, старательно выписывает дарственную надпись. «Как ваше отчество?» — спрашивает. «Отчество? Вообще-то Исаакович, но... Чем проще, тем лучше... Хотя, как вам...»

Гольдштейн спросил, прочитал ли я книгу, ему интересно мое мнение о композиции. Нет, говорю, еще не прочитал. Вдруг все куда-то побежали: приехал главный редактор «Едиот ахронот» Варди, встреча

¹ «Перемена» (в смысле «мы хотим перемен», смена курса, *ивр.*), израильская «либеральная» политическая партия, недолго державшаяся на политическом небосклоне.

² Томми Лapid, отец нынешнего политического деятеля Яира Лапида.

с сотрудниками. Сотрудники, хихикая, спешат гуськом. Кто-то фрондирует: да не пойду я, что я, школьник всякую чушь выслушивать. Встретил Ваулина, что-то у него с зубами, их будто меньше стало, и ужимки странные. Столкнулся с Наташей. «Ты хорошо выглядишь!» — искренний женский комплимент. А я знаю, что хорошо выгляжу в этом красном свитере. И вообще, я тебе, дорогая, давно нравлюсь. Наташа на встречу не пошла, постоял с ней на лестнице, она курила, говорили о сыновьях.

Дома посмотрел дарственную Зайчика: «Науму Исааковичу с лучшими пожеланиями и искренним уважением», число, подпись. А книжка — сборник рассказов, называется «Новый сын». Видимо, имеется в виду «сын отечества», «репатриант». Большан издал. От книги (шрифт, обложка — всё) несет дешевой, «за свой счет» израильской поделкой. Но зато предисловие Айзенберга. А вот почитаем...

По крайней мере два определения Марка Зайчика (вот поэт, а не чувствует, что «определения Марка Зайчика» звучит неопределенно: то ли Марк Зайчик их автор, то ли кто-то определяет Зайчика) *кажутся безусловными: это русская проза, эта проза израильская. Оксюморонность определения снимается по ходу чтения...* (Бараш тоже любит словечко «оксюморонный».) Отмечает «чуткость к эманациям Святой земли», «утаенный артистизм». Что верно, то верно, утаил на славу. «В жанровых сценах» есть, оказывается, *неосязаемая вещественность утреннего сна. Все... оживает в убийственно-точной детали: «с любопытством заглянул в зеркало»...* Не нашел никакого сравнения с Платоновым, Тарасов по злобе переборщил. Есть упоминание Платонова, пожалуй, и неуместное, в таком вот контексте: *...Зайчик как будто нарочно сохраняет некоторые «знаки принадлежности»* (имеется в виду «ленинградская школа»). *Например, стилевую ужимку («взгляд лица», «буква почерка», «заднее тело») которая у него прочитывается не как общее для ленинградцев тех лет увлечение Андреем Платоновым, а как особый юмор стилия.* «Юмор стилия»? Это что, тоже «ужимка»?

Позвонил Вернику. Он опять болеет.

— Отвратительно, отвратительно себя чувствую. Лежу я, Ньюма, и твержу списанного тобою в небытие поэта Давида Самойлова: «Я — маленький, горло в ангине. За окнами падает снег. И папа поет мне: Как ныне собирается вещей Олег...» Значит Ньюма, я прочитал твой текст несколько раз и еще раз почитал книгу, подумал, и вот что я тебе скажу... Только вначале несколько постулатов...»

Долгие реверансы о том, как он хорошо ко мне относится. И о том, что я лучше своего героя, а герой только и думает, кого бы ему трахнуть. «Ньюма, мне это неинтересно! За этим же ничего нет! Никакой метафизики! Никакого состояния души! Вот ты пишешь: «пора было на кого-нибудь взгромоздиться» — да я бы за такое расстреливал!», — сказал он в сердцах. Я расхохотался.

7.12.01.

Наум, привет!

Извини, но у меня действительно нет времени, чтобы пройтись по твоим текстам более внимательно. Просто какая-то катастрофа. /На завтра еще — не было печали! — согласился помочь Мише Файнерману (будь он неладен, погорелец хренов) привезти к нему на квартиру с Рязанского проспекта холодильник и стиральную машину — и это после рабочего дня! Назначил меня человек своим единственным другом, и не хватает силы воли отказать от такой чести/. Поэтому могу только поделиться беглыми, поверхностными впечатлениями. Текст «о леваках» слишком сырой и размашистый. Идеи интересные, но не прописаны, местами противоречивы. Думаю, ты и сам еще тысячу раз изменишь (в сторону углубления) свои представления об этих тонких материях. Если ты задумал что-то в этом духе опубликовать, то на мой взгляд, это не прибавит тебе авторитета: интернет переполнен «отвязанными мальчишками», строящими на полутора страницах глобальные концепции. Разве это жанр для белого человека?

Я послал тебе сегодня две бандероли. Report пришлю позже. И выполнил практически все заказы, кроме Мерло-Понти, который везде уже прошел.

Всегда твой

Матвей

Матвей, текст «о левых» (абсолютно размашистый, согласен) к публикации не имеет никакого отношения и является нашим «внутренним делом», то бишь моей очередной провокацией. Ведь согласишься, что левые заедают.

За посылки спасибо.

Что касается Миши, то, как писал Вайман, «любовь беременна жертвой». А ведь ты его любишь, я знаю.

Всегда твой

Наум

From: «zinovy vayman»

Yuoma:

твоя книга в магазине ОГИ продана

я купил последний экз. в б-ке Ленина на еврейской книжной ярмарке

Гилея закрыта

Георгиевский клуб закрыт

Z

От Л: Вчера ездила на семинар, в Н-Й. Познакомилась с интересными людьми, даже с сыном не успела повидаться. Там теперь возрождение. Мода на реализм в живописи. Даже открыли худшколу (институт),

где все преподаватели выпускники русских худ. Академий. Попали в струю. Походила по галерейкам. Художники озверели — даешь реализм. Такая тоска по «рисунку».

Давай записки.

8.12.

Матвей, привет!

Ну как, перетащил холодильник с Рязанского проспекта?

А в нашей великой газете «Окна», как раз вчера, будто нас услышали, напечатан текст одного моего знакомца по правому лагерю, некоего Зеева Гейзеля (лет 10–12 в Израиле, из нацепивших ермолку и отрастивших для благолепия бороду, при Натанияху был что-то вроде ответственного за «русский» сектор, в какой-то мере приближенным, на пороге стремительной карьеры, но вместе с шефом скатился). Человек тоже пытается понять «тайну» левизны. Выдвигает несколько «основных принципов» левого мировоззрения. Первый: «Слабый всегда прав». Второй: «Для определения слабой стороны анализ конфликта упрощается до минимальной схемы, по возможности лишая его временной координаты и связи с окружающей геополитической обстановкой». Третий: «Слабость устанавливается только по результату на текущий момент». Четвертый: «Слабый в каком-либо конфликте не рассматривается как сильный ни в каком другом». Ну и т.д. А преданность «левого Мыслителя» (так он определяет своего противника) принципу слабости он выводит из зависти. Кого и к кому — не понял. Примеры мало что проясняют: «Любой африканский диктатор, власть которого основана на том, что он приобрел по случаю партию современного оружия и уничтожил две-три соперничающие группировки в его стране (как правило, вырезав при этом целые племена, с этими группировками связанные), купается в немислимой роскоши, источник которой — в многомиллиардной помощи от искупающего таким образом свою «колониальную вину» Запада». С какого боку тут «левый Мыслитель»? Со стороны «колониальной вины»? Вот еще перл, уже в другой плоскости: «современная западная цивилизация является, по крайней мере, этнически (?!), по большей части наследницей христианства...» (Может, это опечатка, и он хотел сказать «этически»? Тоже нелепо, но не так...)

Конечно, скажешь, чего так волноваться по поводу интеллектуального пёра малограмотного комсомольского борзописца? Но вот ведь, напечатали (два разворота и еще обещано продолжение!), а значит, полагают мнение важным. Но суть не в этом, а в том, что «вопросание»-то всеобщее, кричащее, и его ненависть к левым я понимаю и разделяю, и тоже хочется «разоружить их идейно» (моя «размашистая» попытка должна была послужить приглашением высказаться, может у тебя есть какие толковые соображения на тему). А может всё — пси-

хология (как писал Вайман: идеология — функция психологии)? И не-
ча тут объяснять, расстреливать надо. Или как мой более гуманный
знакомый говорил: «это — к врачу».

Всегда твой
Наум

Пошли днем с Мариком и Аней на «Цвета рая» Маджа Маджи, в «до-
ме Оперы». О том, что мир, в сущности, рай, и все люди добры, но Иран
проклят, оторван от истоков, и ни в чем ему нет и не будет удачи. По-
томство его слепо и обречено. Впрочем, какую-то надежду в конце наро-
до оставили. Слепой мальчик выжил... Аллегория.

Марку Зайчику мой «Засланец» понравился, говорит «читать было
интересно».

9.12. Утром позвонила. Мы все ближе и ближе... В среду побег. А зав-
тра: «Пойдем покушаем, я тебя приглашаю, идет?» Голос радостный...

Позвонил Верник. Стал рассказывать про Володю Фромера, ставше-
го одним из его первых знакомых после приезда, как поразил своей
библиотекой, даже дал целых семь книг почитать, «я даже их названия
помню». «Надо бы ему книжку мою послать», — говорю. Через некото-
рое время Верник еще раз звонит: «Я только что разговаривал с Володей
и сказал ему про тебя, позвони ему, вот телефон, он будет очень рад». —
Я позвонил. Фромер оказался приятным по голосу человеком, сказал,
что то, что он читал (в журнале?) ему понравилось, и он будет рад полу-
чить книгу и вообще встретиться. Доложил о разговоре Вернику, побла-
годарил. «Человек вроде симпатичный, а с симпатичным человеком по-
знакомиться — уже подарок. Так что спасибо».

Gauchiste
Наум, привет!

Конечно, я тоже чувствую это «всеобщее, кричащее вопрошание» —
разобраться с «левым Мыслителем» (когда пишешь это слово с большой
буквы, чувствуешь, что он тужится как на толчке — это, наверное, Роден
постарался). Мне тоже хотелось бы поспособствовать его «идейному ра-
зоружению». Соображения есть, но смутные, сварганить из них на ско-
рую руку «систему» я не в силах. В качестве долгосрочной «сверхзадачи»
охотно поддерживаю этот проект, тем более что хочется самому разобрать-
ся. /Мила тоже этим озадачена. Вот что больше всего поразило ее в Ита-
лии: идут улыбочивые, доброжелательные, милые люди, поют «Подмос-
ковные вечера» — оказывается, это демонстрация в поддержку пале-
стинцев. Демонстрируют не арабы, а «туземцы», то бишь итальянцы.
Лозунги о «сионизме» и «израильской оккупации» воспроизводят сов-
ковую риторику брежневской поры. Что это за люди?/ Так что пиши.

Холодильник перевезли благополучно, но, честно говоря, общение с Мишей, особенно когда он пребывает в активной, маниакальной фазе, дается мне с огромным трудом (депрессивный Миша вызывает хотя бы чувство жалости, а общаясь с маниакальным, жалеешь только себя), и я постараюсь свести его к минимуму, а если повезет, и вовсе прервать. Относительно моей «любви» к Мише ты заблуждаешься (наверное, следует добавить: к сожалению). Вообще я замечаю, что когда признаешься в нелюбви, тебе обязательно ответят: значит, любишь. Если верить моим здешним друзьям, я «на самом деле» люблю Россию (брррр...), если послушать тебя — то Мишу. А что, нельзя просто не любить?

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Не помню, писал ли тебе, как мы этим летом в Италии, в Бергамо, познакомилась с очень симпатичной парой учителей (лет 45) и очень мило провели время, они даже пригласили нас домой, рубали креветки, пили белое вино и пытались вести интеллектуальные беседы о Пазолини, о Моравиа (это на моем-то английском!). Так он, будучи учителем музыки и страстным поклонником всего русского (сначала думал, что мы из России, а когда узнал, что из Израиля, сильно разочаровался, но удар выдержал), и тоже пел мне под гитару «Подмосковные вечера», а я их попотчивал цыганскими романсами, в общем, был полный восторг до поросычьего визга. В конце он даже поставил Мусоргского, но сбился все-таки на политику, признался, что коммунист (из партии вышел, но) и сочувствует палестинцам, а действия Израиля, мягко выражаясь, не одобряет. И все недоумевал, почему я уехал из Советского Союза, рая братства и любви. А мусульмане, говорит, очень милые и вежливые люди, вот у них во дворе недавно поселился албанец, так каждый раз здоровается и даже кланяется.

Кстати, смотрел тут сериал про покорение Кавказа: «Штурм будет нелегким» и извлек два очевидных «исторических вывода»: во-первых, покорение Кавказа, в конечном счете, провалилось, России не удалось проглотить эту кость. Покорение Кавказа началось во второй половине 18 века и идет до сих пор. По данным авторов фильма, население «горцев» (тут и адыги, и кабардинцы, и чеченцы) за 19 век сократилось в десятки раз! Настоящий геноцид. Кстати, если бы кавказцы не сопротивлялись, а покорились бы России, то их было бы сегодня великое множество, десятки миллионов! И тогда неизвестно кто кого покорил бы!

Самое время поздравить тебя как старого еврея с праздником Ханука (Хаг Ханука sameax!). Здоровья и благополучия тебе и всем близким.

А про любовь к Мише я пошутил.

Да, а что такое Gauchiste?

Всегда твой
Наум

Звонит Р:

— Я тебя не оторвала?

— Нет, я тут сижу, перевожу. Все-таки есть надежда, что дело выгорит, так надо подготовить, а у меня только полработы... Мне сегодня все время хочется быть... к тебе поближе...

— Я тоже ужасно скучаю.

— Как ты себя чувствуешь?

— Ничего, так... Но ты же знаешь, декабрь... Сегодня годовщина смерти мамы. Двадцать семь лет — целая жизнь... Вот подумала, что пока я помню, дочка еще помнит, а потом — все... Некому будет вспомнить, исчезновение... Грустно...

— Не грусти. Я тебя люблю.

— И я тебя. И я счастлива, что ты у меня есть. Только ты мне редко это говоришь... Принеси мне завтра чего-нибудь почитать. Да, Сорокина я дочитала. Он, конечно... — браво. Браво. Такой насмешник. Там у него есть пьеса, «Москва» называется, как три бабы...

— По этой пьесе фильм поставили. Неплохой фильм. Его можно взять в русских видеотеках.

— Самое интересное, что прям «Три сестры» Чехова, я потом взяла Чехова перечитать, так там даже фразы совпадают.

Наум, привет!

Раз самое время, то я и тебя как старого еврея поздравляю с праздником (Хаг Ханука sameax!).

Gauchiste значит гошист, то есть левак (gauch означает 'левый'). Французское слово, ставшее международным, употребляется в широком значении: гошистами были, например, и Сартр, и Фуко, и Пазолини, и Адорно.

Хорошая новость состоит в том, что, перелистывая книгу Слотер-дайка «Критика цинического разума», я обнаружил, что она посвящена, в каком-то смысле, критике левачества (в основном философского, но и идеологического и отчасти политического), хотя у автора свои заморочки. Во всяком случае, ее можно будет использовать для разгона: тема мне не близка, и я предпочел бы в этом случае для начала к кому-нибудь прислониться.

Всегда твой

Матвей

10.12. Секс с женой оживился. Вчера уступил, и вышло таки неплохо.

— Вот это было выступление! Вот это номер!

А утром закрепил успех. Нет, она еще ничего, когда расшевелится.

Позвонил утром: «Нашикат бокер!» — «Тодá¹». — «Ты можешь говорить?» — «Ты лучше спроси: где я». — «Ну, где же ты?» — «В полиции». — «Что случилось?» — «Тёму обидели. Стекло выбили, ковырялись, хотели приемник вытащить... Я как увидела его... У меня такое чувство, что я его бросила...»

В Цову она больше ехать не хочет. «В то, что было, мы уже не вернемся. Это невозможно. И я боюсь разрушить то состояние, я хочу, чтобы оно осталось со мной навечно».

Встречу отменила. Застряла в гараже. А в шесть надо быть опять в школе. Да и настроение отвратительное. «Ты знаешь, я ведь люблю тратить деньги, но тратить их на удовольствия, а тут, такое чувство, что выбрасываешь, с таким трудом зарабатываешь, и какая-то мразь...» Посочувствовал.

11.12. Зашел к Рафику в контору. У него обычный «сумасшедший дом»: звонки, факсы, визитеры.

— Да я давно уже мечтаю все бросить, мне уже и не надо, в смысле денег — не нужно мне это, но я боюсь, привык к этой суете. Хотя у меня есть несколько приятелей, они, правда, чуть постарше, на пенсии, так они говорят, что у них минуты свободной нет: внуки, бабы, то да се. Но я не знаю, внуков у меня пока нет, да и... нет, я люблю детей, но вряд ли это может наполнить жизнь... А я прихожу домой часов в семь, ни на что сил уже нет, почитаю «Глобс» и — спать, и такое чувство, что я свою жизнь просто убиваю... Нет, меньше работать не получается, это как конвейер, его не остановить, взять компаньона? Да я два года уже ищу... Ну как развлекаемся, вот вчера еблись весь вечер, даа, проститутки, конечно, только проститутки, тут же тысячи людей этим занимаются, в последнее время я вышел на одного, который неплохих нам поставляет, да, нас компания, вот вчера, звоню одному: хочешь ебаться? Не хочет, второму звоню — не хочет, старые, блядь; но, думаю, никуя, будете у меня, как миленькие, ну, взяли пару девок, ничего, красивые, высокие, да ебутся как все..., ну, получается шекелей по сто пятьдесят, нас четверо, берем двух, да какая разница, брось ты со своей интимностью, двое ебутся, а двое пока киряют, места тут дохуя (он раскинул руки: в конторе четыре комнаты)... Да всё делают, а зачем целоваться, ты что, совсем охуел? Кто с ними собирается целоваться. А ты не волнуйся, они тебе наденут, они больше тебя боятся. Ну, смотри, конечно, если у тебя женщина, это лучше, я до недавнего времени одну подъебывал, но с этим же всегда проблемы. Да всегда. Хочешь, я тебе дам телефон одной, она принимает в Тель-Авиве, я у нее бы один раз, мне очень понравилось: чисто, она тебя купает, отсасывает, аж заглатывает, 250 шекелей за два часа, что тебе плохо... где ж у меня был ее телефон... до нее трудно доз-

¹ Спасибо (ивр.).

вониться, она все время работает... правда, ей много лет, лет сорок, но фигура очень хорошая... вот, нашел. Лена. Скажешь, что от Бори-массажиста.

От Зуса (он в Москве):
Мама вгоняет себя в неподвижность
Боремся с ней — Кей и Я
Кей учит иудаизм
Альперовичи заняты — для нас (мама, Кей, я)
Твое имя было упомянуто в бюллетене Кузьмина в связи с закрытием Георг. Клуба.
Вчера у Миши Ф. был день рождения 55
Пришли люди.
z
Привет тете Мане

12.12. «Тёма» еще в гараже, и я заехал за ней. Едем в Эйн Керен. Я снял там комнату. Хозяйка позвонила утром, сказала, что никого дома не будет, двери открыты, объяснила, как найти.

День солнечный, она счастливо улыбается, прислонясь к плечу, гладит руку.

— Как давно мы не виделись... я ужасно соскучилась... Не неделю, а целых девять дней. А хорошо тогда было, как мы по лужам бежали? Ты вот говорил мне, что я на тебя повлияла, и ты изменился, стал смелее, и я подумала, а в чем я изменилась, как ты на меня повлиял? И поняла, что в двух вещах. Ну, одно не очень важное: помнишь, ты говорил мне, что чувства вины не испытываешь?

— Я?

— Да. А я всегда... немножко мучилась. А в последнее время я решила, что ты прав. Что каждый человек имеет право на свою жизнь, делать то, что он хочет. Ты меня освободил от чувства вины. А второе, и это очень важно, ты... повернул мое время вспять. Я уже тебе говорила, что когда мне исполнилось пятьдесят, я решила, что все, мое время кончилось. А ты... вот когда мы прыгали через лужи и целовались под дождем, это было как в молодости, ты вернул меня в другое время... — и она с силой прижала к себе мою руку.

Я принес ей Добычина, а она вернула Сорокина.

— Ты знаешь, он не русский. Вот сейчас приедем и посмотрим на его лицо. Нет, не русский, совершенно нерусский, изошренный ум. Он точно еврей, или полуеврей. Узнай, пожалуйста. Я тебе говорила, что после этого перечитала пьесы Чехова, я никогда не любила Чехова, нет, я все понимаю, но он мерзкий тип, так Сорокин мне показался похожим, только он мне симпатичен. Он насмешник. Эта «Москва» просто прелесть. Ира-Ольга-Маша, три сестры. Там все: «в Москву», «в Москву», а тут — «Москва»: здрасти, приехали. И что? Ничего не изменилось. Тупик.

— Ну, вот Галковский огромную книгу написал на эту тему, называется «Бесконечный тупик». А Чехов, конечно, предтеча Сорокина, и Сорокин его ученик, это ты очень правильно угадала. Чехов вообще был таким Сорокиным конца прошлого века, теперь уже позапрошлого. Только мало кто это понял, его пьесы почти никто не понимал тогда. Предтеча постмодерна. Комедия тупика. И, кстати, чисто русский, даже, как и положено, антисемит. Так что ты зря под Сорокина копаешь...

— Нет-нет, я уверена. Такая отстраненность. И глаза его... А русские благодушны.

— Ну, не скажи. Русский юмор очень жесток, едок. Никакого благодушия.

— Все-таки узнай.

— Но интересно, что Чехова я готов перечитывать, а Сорокина — нет.

— Да, это верно, Сорокина совсем не хочется перечитывать, все уже ясно.

— Дело не в том, что ясно, а в том, что у Сорокина нет катарсиса, он отстранен, как ты говоришь, равнодушен, нет сопереживания. А у Чехова есть.

— Да, у Чехова боль...

— И боль, и издевательство, но это живые эмоции, ты им сочувствуешь. Я тебе рассказывал, что перед отъездом я с Мишей пошел на «Механическое пианино» Михалкова, кстати, Михалков один из немногих, кто Чехова понял, как бесконечный тупик, так вот, когда фильм кончился, я подумал с радостью: как здорово, и как верно, что я уезжаю.

И еще она сказала: «Ты можешь писать обо мне все, что хочешь, хоть под моим собственным именем, как хочешь, даю тебе полный карт-бланш»...

Мы поднялись по переулку вдоль монастырской стены, прошли через сад и по узкой, крутой лестнице старого каменного дома поднялись в огромную светлую комнату с арочным потолком. Большое окно выходит на балкон и открывается вид на крыши Эйн Керема: сады, шпили и купола церквей, а дальше горы... У нее удивленный, слегка обалдевший вид. Обошла комнату, обставленную в арабском стиле: диванчики, подушечки, коврики. Посреди комнаты притягивает глаз большая кровать под пуховым одеялом.

— Ну, как сюрприз?

— Подожди, я что-то не пойму...

Предложила погулять, но я так сильно хотел ее, что не дал ускользнуть. Потом мы посидели на балконе, выпили винца, закусили сыром. Желтые листья фикуса лежат на расписанных арабским орнаментом плитках балкона. Слева виден шпиль кирхи, справа, рядом с балконом, торчит кипарис, его обвиняет какой-то куст, и желтые цветы выглядят из шевелюры кипариса. И воробей копошился в ней.

Потом пошли гулять. Тропу развезло после дождей, шли по краюшку, путь вел за окраину, в лесок по склону. За нами увязался большой рыжий пес с мордой волка, он забегал вперед, оглядывался и возвращался, нет, он не был навязчив, он хотел с нами погулять, но делал это с достоинством, держа дистанцию.

— Интересно, — говорю, вот как человеку удалось совершить такую революцию в душе дикого зверя, создать из него такое преданное и любящее животное?

— Очень просто, человек его поломал.

— Нет, тут что-то другое. Может, все это сказки о дикой и жестокой природе... Может, волки добрые. И преданные. Не то, что мните вы, природа, — завел я, немного пьяненький, — в ней есть душа, в ней есть свобода, в ней есть любовь, в ней есть язык! Вот возьми человека...

По вопросу о происхождении человека наметились разногласия.

— Скажи, — резко меняю тему, — мне в последнее время кажется, что ты не ощущаешь такой остроты, какая у тебя была прежде.

— В чем?

— Нуу... в сексе.

Задумалась.

— Да, может, ты и прав. Отношение стало более нежным, ты мне так дорог, что мне достаточно просто обнимать тебя... но это не значит, что я получаю меньше удовольствия, наоборот, я кончаю чуть ли не сразу, как только тыходишь... Это началось после нашей последней размолвки. Когда я поняла, что мне не удастся тебя вырвать... Я такие глупости делала... ужасно... Мне тут старый анекдот рассказали, я так смеялась! Король утром гуляет по саду, а сад в снегу, а на снегу желтой струей написано «король дурак», не знаешь? это ж пионерский анекдот. Ну, он вызвал министра внутренних дел: в 24 часа найти виновника. Ему через день докладывают: моча премьер-министра, а почерк королевы, ха-ха-ха! Я как представила себе эту сцену, как королева выводит, ха-ха-ха!.. А у меня для тебя тоже сюрприз.

Подарила мне песочные часы.

— Ты их поставишь на свой рабочий стол?

— Обязательно.

— И будешь их переворачивать? Хоть иногда?

— Буду.

— Вот, и время будет бежать обратно...

13.12. Тяжело мне от этих бесконечных признаний в любви. Поддался этому требованию и сбился на банальную ложь. Уж и не знаю точно, где играю, а где люблю. И насчет отсутствия чувства вины — это я когда-то расхрабрился...

Утром позвонила. О том, какой был сказочный день, как она меня любит. «Но знаешь, у меня такое чувство, что это было сном. Как будто этого не было...»

Матвей, привет!

Сначала сводки. Вчера, после расстрела автобуса с религиозными у Эммануэля, Кабинет снова собрался и принял совсем уж странную резолюцию, определяющую Арафата как фигуру «нерелевантную», как бы не имеющую отношения к ситуации. Это уже какой-то талмудизм. После каждого теракта они ищут для Арафата определения. Последнее якобы означает, что теперь Израиль его «в упор не видит», будет игнорировать, перестает возлагать на него ответственность и будет «бороться с терроризмом» сам. Армия совершила несколько обычных бомбардировок пустых домов, повалила телеантенну, выдвинула на границы некоторых арабских городов танки, заняла несколько кварталов в Рамалле и в Газе, вот и все. Да, заняла дом одного партизанского босса (его дома не было), посадив фактически его жену и детей под домашний арест. Это из серии «сигналов кому следует». Арафат сейчас тоже в Рамалле и стал «невыездным»: выбраться из Рамаллы не может. Особого осуждения эти «массированные акции» (ха-ха!) не вызывают, король Иордании заявил, что ни при каких условиях не пошлет войска на Западный берег, Египет вроде бы объявил о спешном созыве Лиги арабских стран, но тут же этот созыв отменил. Либерман, лидер «крайне правой» партии (а вообще, он какой-то «мутный») заявил, что партия выходит из пр-ва, и что если Шарон сейчас не «выгонит Арафата», то он уже никогда этого не сделает. Однако американцы по-прежнему видят Арафата в качестве партнера для переговоров.

Вот такой «расклад». Ты совершенно резонно не можешь понять, куда клонит Шарон. Он свой план и от себя самого скрывает. А план у него есть. Но прежде, чем к нему перейти, я должен сказать, что о «радикальных решениях» типа этнических чисток надо забыть. На это в Израиле никто не решится. Надо полагать, что это и невозможно. Просто практически невозможно. Если бы Израиль был способен на такое, дела никогда бы не дошли до нынешнего состояния, и никакие чистки бы не понадобились.

Что же хочет Шарон (и что вообще можно сделать)? Прежде всего, нельзя допустить прекращения огня, за которым неизбежно последуют переговоры на «платформе Барака» (а она недопустима), и международное давление в этом направлении. Поэтому с «геополитической» точки зрения Израилю выгодна сегодняшняя ситуация. (За нее приходится расплачиваться жизнями, но кто их считает). В такой ситуации и личная власть Шарона незыблема. Ситуация выгодна и Арафату. Тем более что он уже так далеко зашел, что сказать просто: побаловались и будя, он не может. Поэтому этот абсурд и продолжается. Он не смог бы продолжать-

ся, если бы обе стороны не были в нем заинтересованы. В этой ситуации у обеих сторон сохраняются «революционные перспективы»: Арафат рассчитывает «дожать» израильтян, а Шарон рассчитывает (надеется), что нарастающее давление на власти автономии приведет (уже в известной степени привело: есть целые районы и города, где власть Арафата номинальна, и орудуют местные банды) к полному развалу центральной палестинской власти, дезорганизации и анархии, что с одной стороны вызовет (уже вызывает) усиленную эмиграцию арабов, а с другой — заблокирует возможность вести с кем бы то ни было переговоры (за столом переговоров мы по любому проигрываем). И тогда мы фактически вернемся к положению, когда мира нет (и слава Богу, мир это поражение), но зато мы сохраняем контроль над территориями, а по возможности и расширяем его. Вот тебе и весь «план».

Всегда твой

Наум

14.12.2001. Проснулся в полшестого, предутренний сумрак. Не помню, что снилось, и сердце шкворчит... Собственно в этом и дело. Там, в «турецкой комнате», я лег не как обычно слева от нее, а справа, и она налегла на сердце, тяжелая, сильная, давила, тискала, и вдруг почувствовал, что как-то душно, давит, говорю: «Давай поменяемся», она, сразу испуганно отпрянув: «Сердце?!», да нет, говорю, просто так удобней... Конечно не в удобстве дело, и на прогулке я почувствовал усталость и вернулся. Сидели на балконе, солнце, крыши, горы, сад, выжрал бутылку «Каберне Савиньон» и съел какой-то плавленый сыр, оставленный хозяйкой в подарок, а потом... поди напруги спереди, когда в тылу прохудилось. Так и осталось от всего этого дня ощущение тяжести... А дома в Эйн Кереме не простые: каменная кладка, седая, благообразная, старая Палестина начала века...

Ну вот, проснулся, значит, повалялся с часок, думая о арабо-израильском конфликте, вернее, мечтая, как бы их всех тотально зачислить, жена зашевелилась, проверила, а у меня ничегошеньки, и в мыслях нет. Однако ж мало-помалу. Жар от нее идет, чувствую — хочет, а это заражает и заряжает. И действительно, приняла с благодарной улыбкой, с мяуканьем.

— Нравится тебе так?

— Оч-чень нравится...

— А так?

— Нравится... Ох!

Тяжести моей она долго не выдерживает.

— Слезай... Уф. Ты меня как бабочку гвоздиком прибил...

Однако продолжает играть.

— Мой дружок... Он один меня понимает...

— Все-все... И никаких гвоздей.

Смеется. Знает классику.

А потом я заснул. Думал пойти погулять, солнышко, но заснул. Проснулся уже в полдевятого. Жена хлопочет: сегодня у старшего день рождения. А я лежу, обленился, смотрю на книжные полки. Увидел в углу «Биографию» Верника, а я ее искал. Достал и раскрыл. И сразу разжалобила такая знакомая, такая, в сущности, родная интонация, из которой мы все вышли...

Какой-то птицы окаянной
тончайший росчерк слюдяной...

Кто-то из нее вышел, «выбрался», а кто-то так и остался, как мой Вадим. И вот Верник. У него много хороших начал, но сил хватает только на строчку, иногда на две, а то и всего на слово («Ах, как бессовестно хочется жить...»), у Мандельштама: «До смерти хочется жить», «бессовестно» даже лучше). Редко-редко хватает дыхания на стихотворение из пары строк. Ишемическая поэзия.

Здесь воздух цепенеет от беды
и холода зимы ненастоящей,
и пропадает осязание быта,
но анонимны время и беда...

Тот фехтовальщик, философ, юрод,
что задавал бесстыжие вопросы
и сеял смерть, и ничего не мог.
Его б сюда теперь.

Про кого это он? Надо спросить.

Посмотрел даты, аккуратно проставленные под каждым стихом. 1980-ый, через пару лет после приезда. Заглянул в начало книги. Вот его старая дарственная: «Человеку Науму, который задумчив и размышляет».

Да, стихотворение «Биография», наверное, его лучшее. И не зря он вынес название в заглавие книги. В нем есть все. Больше он ничего не сказал, только перепевал все тот же мотив.

Почитай, что и не жили,
Состояний не нажили,
Расстояний не прошли.
.....
Три судьбы нагородили,
три беды наговорили,
откровений не нашли,
музы к нам не снизошли.
.....

Сквозь событий сито
на краю у быта
мало что осталось для судьбы иной.

И это еще выжимка, остальное лишнее, даже в этом стихотворении. Все остальное — вариации на тему. И ужасно любит слово «беда». «Я в вагонный мрак ныряю, уезжаю — на беду», «Вот так три месяца в году, стирая морду о беду». А какая, собственно, беда-то стряслась? «Беда» получилась какая-то заезженная... Вот стихотворение 1963 года, значит, ему шестнадцать:

О чем осталось горевать?
Мне все еще пустое снится —
Районная в дожде больница,
А в ней холодная кровать.

Что в шестнадцать лет, что в сорок — та же музыка.
А вот тоже характерное, почти тридцателетнего:

Вот — осень в феврале. Вот — слякоть.
И белый свет душе не мил.
Голубчик, перестаньте плакать...

Можно было бы назвать издевательскую статью о его творчестве: «Голубчик, перестаньте плакать». И таких строк, что подходят для издевательских названий у него рассыпано в изобилии: «Не то чтоб умница какой, не то чтобы дурак». Впрочем, Пьеро он и есть Пьеро. Достать чернил и плакать¹. «Пьеро русской поэзии». Были же Арлекины, трагические теноры. Вот теперь и Пьеро. Пьеро из Гило.

Но почему-то смеяться над ним не хочется. Хочется сказать: не стой на ветру, простудишься.

Стихи «местные», уже «взрослого» человека, конечно, покрепче. Но все равно та же «интенция» умирания. Да, пожалуй, это не слабосильность, а какое-то от рождения «опущение рук»... Будто жизнь в них не держится.

Так холодно в моей квартире
и лица все нехороши,
как будто умер Бог, и в мире
нет ни одной живой души.

—
Предупреждение беды /опять беда/ —
солёный черновик печали...

¹ Пастернак, «Февраль. Достать чернил и плакать...»

—
И нынешний недобрый час
открылся мне тогда.

—
Собака лает. Ветер носит.
И сердце рвется на куски.

А вот стихотворение «С Новым годом»:

Ни лица не видать,
ни слова
не слышать,
только тень былого.
Пыль в углу
и кровать
не застелена.
На полу
под окном неприкрытым лужа.
В доме грипп, и разлад, и стужа.
—
Если плечи твои
пиджаком не спасать мне кургузым,
если нечем в любви
объясниться — словарь опустел...

И опять про беду:

Под вечер моросит,
и близко до беды.
—
Не отвести беды...
—
Мешают свет и звук
во сне и наяву.
Все вымерли вокруг, а я еще живу.

А вот намек на некоторые сексуальные неурядицы:

И, чуть не плача, сгоряча
навстречу — только бы начать
и не сгореть уже вначале
лишь от касания плеча.

А вот это пободрее:

Когда ночные сторожа
стучат по звездам колотушкой,

.....
от мира, с юной потаскушкой
я засыпаю, не дыша
от счастья.

Центральное стихотворение второй части книги — «Юбилейная проза». Это 1985-й, стало быть, ему 38. Половозрелый.

Я не ездил семь лет никуда отдыхать,
я все чаще ложусь, не раздевшись, в кровать, —
на носках идиотские латки —
и сколько сахара в чай не клади,
чай кажется совершенно несладким.
Вот и женщины нет, которой сказал бы не уходи —
с такого все взятки гладки.

Ему идет такое повествовательное, и когда ирония вперемешку с сосущей грустью.

Беру в руки вторую книгу (их всего две, тоненьких). О боже, он вставил во вторую книгу несколько стихотворений из первой! Зачем же расписываться в маломощности...

Ну вот, нашел, что искал, итоговое:

На Востоке я так долго живу,
что мне кажется — не наяву,
не взаправду, а понарошку...

А что же я так много его цитирую?

Статья Хейфица о 121-м номере «22».

Самым ярким произведением последнего номера стала повесть Якова Шехтера — и сам по себе, и как объект рассмотрения в одноименной статье Эд. Бормашенко... На это раз журнал поместил большую повесть Якова — «Астральная жизнь черепахи». Я читал ее, признаюсь, с острым читательским интересом, но вот пересказывать и анализировать не буду. Не могу. Ибо это, на мой взгляд, феномен в литературе — еврейская проза...

Без тени юмора, не подумайте.

Ну и Бормашинку не забыл:

А вот статья Бормашенко о творчестве Шехтера написана истинно русским пером, хотя ее автор такой же религиозный еврей, как и Яков. Бормашенко необыкновенно высоко оценивает молодого (да ему уж, блин, за сорок!) израильского прозаика, сравнивая его творческую манеру с поздним Толстым — в пользу израильянина, между прочим!

Витя Топоров, алё! Для тебя цитирую, радуйся, сука!

А вот еще чудесное: «Важной удачей журнала я считаю его литературность...»

И заканчивает статью (почти в полосу!) афоризмом Карабчиевского: «Мало быть свиньей, нужно еще так устроиться, чтоб перед тобой бисер метали». Это про кого?

Теща: «Ой! Ой! «Земля любви»! Это же чудесный фильм! Я должна смотреть! Они так играют! А мать Паолы так похожа на тетю Цию! А какая музыка! Наум, сделай, пожалуйста, погромче! Это так много напоминает...».

Матвей, привет!

Насчет «обстановки в пустыне»¹, то давление на палестинскую администрацию, и особенно на население, нарастает. Города в осаде, отрезаны друг от друга, превратились в изолированные бантустаны, в некоторых танки и снайперы сидят внутри кварталов и на стратегических высотах, так что с винтовкой не погуляешь. Идут аресты и разрушения домов. А кое-кого и отстреливают. У населения нормальной жизни нет, власть не только унижена, но и фактически дезорганизована. Израиль уже ведет контакты «на местах», стремясь создать в разных районах и городах «местное руководство», которое возьмет власть и с которым можно иметь дело. В таком случае идея палестинского государства «рассосалась» бы в мозаику бантустанов, не связанных между собой. В принципе это было бы возможно, но этого Запад нам не даст. Его твердая установка — право палестинцев на свое государство. Но пока заветный пароль «террор» действует, никто на этом «праве» не настаивает. Американцы еще не решили (говорят, что на эту тему есть в администрации разногласия, как и по Ираку), держаться ли им еще за Арафата, или его кинуть. А пока мы играем в террор, ведь получается, что он наш союзник... Шарон иногда явно дразнит и провоцирует вспыльчивых шахидов на теракты путем болезненных ликвидаций очередного партизанского вожака. А на жертвы террора он, видимо, смотрит как полководец на жертвы войны. Сейчас общее впечатление такое, что он перехватил инициативу, и Арафат загнан в угол. Но это не первый его угол и не самый глухой. На самом деле, стратегически у него и сейчас преимущество (стоит ему только начать активные действия против своих же террористов, к нему моментально вернется поддержка Запада), а наши «успехи», увы, тактические, и за собственный счет (жертвы террора). Тактическая задача Шарона — фактически, а не декларативно аннулировать все прежние соглашения с Арафатом. А для этого «архитекторы Осло» должны сойти со сцены.

¹ Обыгрывается название известного стихотворения Бродского «Остановка в пустыне».

Во всяком случае, те «черные» сценарии (Чехословакия!), которых я опасался после «найн илевен», пока не разыгрываются. Даже наоборот. С Бушем есть явное «согласование». Сегодня, например, американцы наложили вето в Совете Безопасности на египетскую резолюцию, требующую «международного контроля».

Всегда твой
Наум

15.12.

Сережа, привет!

Хотел еще тебя спросить: читал ли ты последнюю книгу Гольдштейна, и если читал, то как ее расцениваешь?

Всегда твой
Наум

Поехали в лес с Мироном и Надей. Солнечно, ветер холодный. Гуляли, жарили сосиски. Сказал Мирону, что читаю Гольдштейна. Он его тотально не одобряет и читать не хочет:

— Я вообще считаю, что Прохорова «удружила» русской литературе тем, что раскрутила его. Это такое поощрение бессодержательности. ... А ты читал в «Вестях» статью об этом, ну... который о Блоке написал...

— О Толе Якобсоне?

— Да!

— Нет, не читал. И что там?

— Да ничего... Что с ума сошел после того, как приехал.

— Да он от Израиля и сошел с ума. Вообще, те, кто приехали сюда в начале семидесятых — ведь это была элита, а здесь они очутились буквально в пустыне. Я помню, как он мне с гордостью показывал вид из окошка своего дома в Неве Якове: «Мертвое море видно!» А я только что приехал и вот гляжу на Иудейскую пустыню за окном, а сердце от страха сжалось: боже мой, куда занесло! Вот сейчас вспомнишь — ведь это ж эпидемия какая-то была в среде советской интеллектуальной элиты, изрядно проевреенной, конечно... А здесь... люди опустились, сдались, сгнули, уехали. Зиник тоже, покрутился тут пару лет и — в Лондон, в Лондон, все сначала, все сначала.

— Да, в Лондон много уехало. Твоя знакомая эта...

— Наташа Рубинштейн.

— Да-да.

— И поэт этот, забыл, Колер, Котлер... я его еще в Москве потом встретил... Ну как его?

— Колкер, Юра...

— Да, точно! Хотя в этом Лондоне они тоже много не наварили. Этот Зиник твой печатает в «Вестях» какую-то муть. Про лондонские пабы. Пабы там, конечно, хорошие!... — и Мирон сладко потянулся.

— Зиник сноб. С провинциальной еврейской тягой «быть в центре»...

— Да, понять можно. Израиль — на отшибе. Но... он плодотворен. Кстати, ваш Гробман, я его не люблю, но надо отдать ему должное, он не сдался.

— Да, ты прав. Гробман выжил. Гробман вообще скала. Его природную наглость можно иногда принять за бесстрашие, иногда за наивность, но это странное отсутствие страха, редкое, страшноватое качество.

— И стихи у него забавные.

Позвонил Барашу. Обсудили «Аспекты духовного брака». Он тоже считает, что это «ни о чем». Но он (Гольдштейн) «хорошо вписался в круг НЛО с его квази-академизмом. Но это не интеллектуальная проза. Это скурвившиеся филологи. И вообще, он зациклился. Если бы хоть пошел в сторону яркости. А в «Аспектах» ни одной живой картины, сцены, образа. Пустыня какая-то. И все цветы искусственные».

— Но какой-то секрет тут есть, — говорю, — раз мы так много об этом говорим.

— Секрет успеха. Вот что нам интересно. Типология успеха, об этом интересно было бы написать, но я смотрю, что все эти великие русские критики молчат. Записали его в звездные, на полку поставили и забыли.

А потом добавил, хихикнув:

— А ты слышал такую шутку: «Лучше сто лет одиночества, чем двести лет вместе»¹?

16.12. Утром солнечно и прохладно. Зима в Израиле благодатное время. Позвонила. «Я все еще вспоминаю тот день. Тебе не кажется, что это было сном? Как мы гуляли... Этот пес... Я уже соскучилась. Скорей бы завтра...»

От Л: Спасибо за записки

Лень — это хорошее чувство, оно защищает нас от ненужных занятий. А где это «турецкая комната»?

Еще раз позвонила. Рассказывала про машину, про гараж, про дочку, про гостей.

— Ничего, что я чушь несу? Мне так приятно с тобой говорить... А ты во что одет? Да? А какого цвета? А носки какие? А тапочки какого цвета? А на мне такие длинные гетры, красивые, ажурные... тут вот такие штучки, и тут вот... ну, лифчика, конечно, нет, я лифчики терпеть не могу...

¹ «Сто лет одиночества» — роман Габриэля Гарсиа Маркеса; «Двести лет в месте» — труд Солженицына об истории евреев в России.

— Ну всё, уже соблазнила...

— Да?!

— Ага.

— И что, можно потрогать и убедиться?

— Ага.

— Уу-ух! ... А ты сексуальные беседы умеешь вести?

— Не пробовал.

— Ну, ты же писатель!

— У меня тут уборщица...

В конце концов я взмолился:

— У меня уже ухо занемело.

— Тогда послушай (голос стал ближе и глуше), я сейчас даже закрываю трубку, чтобы никто-никто не услышал... слышишь? Ты самое главное, что у меня есть, я счастлива, и я тебя целую тысячу-тысячу, миллион раз, крепко-крепко.

Вчера старший вдруг позвонил около часу, пригласил пойти стеки пожрать в «Асу». Ну, я конечно, согласился. Поели, пива выпили, поболтали. Все очень мило, но не покидает противное ощущение, что это «по делу». Свадьба, кваритра, деньги. С папой надо дружить... Или это я к нему так отношусь, недоверчиво? А он просто хотел... может, рассказать что, но не решился?

А с младшим я могу просто молча сидеть, или, еще лучше, на двух гитарах брэнчать, или в шахматы... Говорю ему: пойдём в кино, втроем, с Илюшей, на «Владыку колец»? Не хочет. Не любит в кино ходить, и вообще никуда не ходит.

Когда вернулся, мама заболела. Жуткий озноб, тошнит, температура 39, ничего сказать не может. Я положил руку на ее лоб и почувствовал, как тонка кожа, почувствовал череп.

Потом ей стало лучше, но утром я отменил свиданку. Р замолчала в трубке, и я тоже. И настроение отвратительное. Болтали с полчаса, потом еще раз позвонила. Рассказывала о внуке, как ему, пятилетнему, на вечеринке для детей вручали, как и всем детям, подарки в честь Рождества, так ребенок насупился и сказал: «А мы Рождество не празднуем, мы празднуем Хануку...» Начальник, раздававший подарки был очень смущен... «А он вообще очень рано стал как-то мыслить, и говорить, очень странный был, я помню, как года в полтора его муж спрашивает: чего ты такой грустный? А тот отвечает: зе гораль шели (это моя судьба). Представляешь? Вообще детей надо наблюдать с самого рождения, особенно в первый момент, когда они рождаются, ты сразу понимаешь, что пришел кто-то, кто уже был когда-то на этой земле, они рождаются такими мрачными старичками, веки поднимет, да как посмотрит — страшно становится... Я уже мечтаю, чтобы у тебя были внуки, вернее, внучка. Ты не представляешь, какое это удовольствие, даже больше чем

от детей. По ночам вскакивать не нужно, ты себе с ним тетешкаешься, море удовольствия, а потом счастливый уходишь домой...» — «Как с любовницей». — «Ну ты суро-ов!»

18.12.2001. От Л: Что вообще? Что с мамой? Почему дома сидишь? А в кайф было с сыном посидеть? Младший намерен искать работу по специальности — информационные международные системы управления. У него еще вторая специальность — Ближний Восток. В эту сессию сдал иврит. Я ему нашла в букинистической лавке старый «Квартет» и подарила. Много читает. Старший у него книжки иногда берет. Старший на бирже работает, финансовый аналитик. Так что думаешь, воспользоваться приглашением Соколова? С женой?

Ответ Л: В Америку пока не поеду. Лень. Да и, можно сказать, «работаю» — по 5–6 часов в день сижу за компьютером. Нормальная рабочая неделя, и без выходных... Толку вот мало. Чувствую, не на то время трачу. Перевожу на Word старые дневники 96–97-го. Раз подопечный окопался, попробую продолжить хроники. Мама как-то сдала ментально, вроде соображает, но какая-то заторможенность, какие-то свои упрямые мании и фобии. И страшно ее одну оставлять. В общем, сижу дома. И сам на этом фоне как-то скис.

А с сыном ощущал какую-то неловкость... Что-то не то с «химией». Она у меня с младшим. А у жены — со старшим.

А когда у вас Рождество?

Тесть «отдолжил» какому-то ханыге 500 шекелей. Это болезнь. Есть такие, что не могут не выпить, не уколоться, не продуть в карты последнюю рубашку, а этот обязан «помогать людям». И если люди попадаются сообразительные, то и с такого нищего можно кое-что выцарапать.

19.12. Ночью был дождь. Проснулся и вдруг вспомнил Венецию в снегу. Чайные сервизы Сен Марко...

Парк вымыт дождем (ночью шел), площадки зеркальные, никого. И ловишь себя на мысли, что никого видеть не хочется...

Вчера Марик пригласил в Музей на концерт: Малер, Дворжак, Шуберт. Жена не пошла, устала. А я рад был вырваться.

От Л: Необходимо чтобы ты знал, что когда человек находится в состоянии совершенства, то называется «сидящим дома», а слово «дом» намекает на нуква заин-алеф, светящей в мохин гимел-алеф-пе, как написано: с мудростью будет строить дом, и потому те, кто получает от нее, называются «сидящими дома».

А в то время когда человеку необходимы исправления, поскольку несовершенен — тогда должен остерегаться, дабы не прилепились к нему внешние силы, и не заставили его согрешить. И потому обязан выйти из дома на путь Творца, то есть получить исправления, необходимые ему.

И разрешается ему в это время получать мохин от зивуга заин-алеф и ламед, поскольку он — свет «хасидим мехусим», и присасывание к нему внешних сил невозможно. А этот мохин называется «гостиница», так как предназначен для путников. Потому Ноах был совершенным праведником и, несмотря на это, он уподобляется путнику, зашедшему в гости. (Комментарии к «Сулам».)

Ответ Л: Ну, пропала, охмурили ксендзы.

Наум, «Переписку» вашу с Мотей, разумеется, прочитал сразу же. Читал с интересом и пользой для себя. Спасибо.

Стратегию журналов, в частности РЖ, по отношению к таким материалам не знаю. Пару раз перебрасывал какие-то материалы, что-то печатали, что-то нет. Переписку вежливо похвалили и не взяли. Не наш формат, сказали. Что это значит, не знаю сам. Четкой стратегии там моему нет. Что касается «Нового мира», я показал текст, мне сказали, что читать интересно, но печатать не будем. Для таких текстов место в аналитических еженедельниках. Тут я согласен.

Новую книгу Гольдштейна прочитал с интересом. Для меня это такая лирико-исповедальная проза, написанная в жанре культурологического эссе. Читать интересно, иногда вздрючивает, но не слишком. Такого возбуждения, которое было после первой книги, уже не испытал. Очень прихотлива мысль и логика, но на это уже не обращаешь внимания — самый кайф здесь в смаковании самого процесса чтения и думания. Если принять условия игры — мысль как вещь чуть декоративная, эффектность метафоры самодостаточна, то есть мысль и метафора ведут не к более точному понимаю затронутого предмета, а предлагают полюбоваться на свою «эстетику». Я и люблюсь. Даже перешел по утрам, когда пишу, с кофе на зеленый чай — очень уж вкусно про это у Гольдштейна. Если с положениями первой книги я был готов спорить, то здесь — нет. Не потому, что — все бесспорно, а потому что, это уже и не важно. Не об том речь. Будет у автора другое настроение, о том же самом напишет по-другому. Вот, примерно, такое ощущение. Но пишет он, действительно, «вкусно». Иногда с некоторым перебором, чересчур цветисто, и уже шибает парфюмом, но читаю с удовольствием. Привет ему от читателя.

Сергей

На улице ливень. В этом ее любимом ресторанчике действительно очень хорошо кормят. Пока ее нет, заказал чашку саке, принесли, горячую. Постепенно вытянул. Заказал еще японскую сливовицу, тоже в чашечке, вкусная сливовица. Тут и она явилась. Ну, обалдеть: в ярко красной шерстяной кофте с широким воротником вовсю раскрытым на груди, а расселину между могучих грудей прикрывает что-то белое кружевное-льняное, вроде ажурной ночнушки. И вся сияет своими глазами цвета прозрачного моря... Пиздец.

Хохочет. «Ну как?!» — «Страшно смотреть». — «Я думала, ты будешь смеяться надо мной!» — «Ты ослепительна». — «Врунишка! Но я тебе верю!»

Поели славно. И все те же песни: как она счастлива, что мы встретились, что она меня любит, и что я у нее есть, и какой я красивый и умный, и какой «уух!» в постели, и что она хочет мне «соответствовать», я вяло подпевал. Поймал ее блеснувший взгляд кому-то у меня за спиной. Совершив хитрый маневр, обернулся, за столиком у окна сидело трое мужиков. А она всё рассказывала, как на нее навалились совещания, «ну что ты так хитро смотришь, ты думаешь, я каждый день только и делаю, что трахаюсь? Ты не должен ревновать, у тебя нет никаких причин, ревность от неуверенности в себе...»

— А я и не уверен.

— Как ты можешь быть не уверен, когда ты... такой... Это у тебя от неудачного первого опыта. Ты должен это описать. Как ты мне рассказал, это было просто ужасно...

— Я не уверен, что лучше, а вернее, что хуже: чувствовать абсолютную уверенность или абсолютную неуверенность...

— Конечно неуверенность. Я очень рада, что ты меня ревнуешь.

Может быть, все это лишь непосредственность, а мне иногда кажется — привычная лживость. Профессор де фуа. Какой уж я такой-растакой в постели, что ты мне втираешь...

В четыре они закрывали, дождь перестал. Сели в ее машину. И давай целоваться. Посреди бензоколонки. Спятели. Но так хочется ее обнять... эта красная кофта, эти сияющие глаза — неужели они могут так сиять всем на свете? Эти мягкие губы...

Знаю, что могут. А что мне за дело. Вот сейчас они сияют тебе. Ну и не оглядывайся. Жри свою пайку счастья.

От Л: Это кабалистические термины, в которых описываются «энергетические уровни», если можно так выразиться, или состояния души.

А что в музее сейчас? А скрипачка была на концерте?

Скрипачки не было, а я надеялся... Но зато была замечательная экспозиция (погулял перед началом по музею) Enzo Guccu «Мгилбт мид-бáр¹». Навечно Иудейской пустыней. Мне понравилось.

Сережа, привет!

Ты очень точно охарактеризовал основной «мотив» книги Гольдштейна («мысль как вещь чуть декоративная»). И если бы автор упражнялся в «эффектности метафор» на «лирико-исповедальную» тему (у него есть несколько таких «новелл»), то можно было бы, как ты и пишешь, «полюбоваться», или слегка пожурить его за «цветистость». Но все дело в том, что он берется за «серьезные», почти «научные» темы: культурология, эстетика, анализ современного искусства, критико-аналитические высказывания о деятелях культуры и политики, я уж не говорю о прямых высказываниях по поводу злободневных или исторических событий. Если высказываться на эти темы, считая мысль «вещью декоративной», то это профанация и намеренное «обесценивание» мысли. Ты и сам пишешь: «если с положениями первой книги я был готов спорить, то здесь — нет. Не потому, что все бесспорно, а потому что, это уже и не важно». Видимо, ситуация (литературная) представляется автору тотально инфляционной, и он решил сыграть на понижение. Все, кто на бирже играют на понижение, «опускают» экономику. Биржа-то бог с ней, там «игроки», один выиграл, другой проиграл, каждый знает, на что идет, а вот экономику жалко, нам с ней жить. Если мысль ничего не стоит, то это хана не только литературе (о чем он навязчиво талдычит), но и всей нашей жизни, основанной все-таки на мысли, а не на «чумных» ритуалах, по которым Гольдштейн предлагает ее «перестроить», не только литература, но и жизнь становится «не важной». Как тебе нравится, например, его отношение к армянским погромам как к *траурному оргийному празднеству*, как к *плачевно-вакхическому кеносису ислама*, как к *высокому достижению творчества, ибо в нем было все, что отлетело от современных искусств — жестокость, свет, бескорыстие (квартиры — только предлог), страшный энтузиазм, прямое обращение к чувству...»*?! А как тебе нравится такое вот «оправдание» погромов: *«Имелось и еще одно, самое важное обстоятельство, должное оправдать азербайджанский народ на страшном суде всех конфессий. В квакающем бакинском пруду... существование мое и моих рассеявшихся по глобусу сопластников (?) было сносным, временами приятным, для кого-то и вовсе прекрасным и сладостным — отчего не сказать эти слова, если к ним потянулось перо. В общем, мы жили как у пророка Исы за пазухой, и гурии, звена браслетами на лодыжках, нежными языками слизывали хмельные соки, стекавшие по нашим праздным телам. Непонятно, почему эта жизнь, которую великодушно даровал нам азербайджанский народ, должна быть*

¹ Можно перевести, как «Свитки пустыни» (ивр.).

поставлена ниже бессмысленной, кишками наружу, смерти двух-трех сотен ничем себя не проявивших людей. (?)» Так и жертвы Освенцима ничем себя не проявили. И как надо себя «проявить», чтобы Гольдштейн тебе посочувствовал? То есть, короче, за то, что он жил у азеров как у пророка Исы за пазухой, он готов оправдать их преступления? Зачем ему понадобилась эта маска морального монстра? Ну хорошо, допустим, из «литературных соображений» он разрисовал себя в боевую окраску такого «литературного героя» (сам-то он не такой, нет), такого крутого-крутого по части массовых кровопийств и совершенно дьявольской аморальности. Допустим, что такой образ кажется ему литературно «интересным», тем более что он на протяжении всей книги проводит любимую идею о том, что «настоящее искусство» это оргиазмы революционных (и погромных) масс. (Оставим пока на его интеллектуальной совести это с позволения сказать «определение»). Но ведь он тут же, не сходя с той же страницы, пишет вдруг, что он *когда-то считал* (полстраницы назад), *что искусству подобаает быть вневчеловечески подавляющим, как пирамида..., теперь думаю, это слишком, лучше пусть утешает недужных, берет под крыло сироту /подчеркнуто мной/*. Бляаадь, как сказал бы мой друг Тарасов, какой лицемер! И тут же, после гимна «чуме», обращение к духовно-близким: «братья», с призывом *к воссоединению духовной семьи, уставшей от бесплодных разобщения!* Характерно и окончание главы: *Если бы советская власть устояла, я бы ходил с животом и портфелем, я был бы евреем при губернаторе... и приставленный молодой аспирант... таскал бы мне продукты с базара*. Это несомненно, но все вместе — не понимаю, во что выстраивается.

Добавлю, что для «интеллектуальной прозы», а претензия вроде бы именно на этот «жанр», он не только слишком поверхностен и беззаботно противоречив, но и позволяет себе ради «красного словца» всякую, с исторической или интеллектуальной точки зрения, отсебятину и нелепицу, как, например, предположение, что Ленин в выражении «искусство восстания» имел в виду «восстание как искусство», то есть как нечто «совершенно бесполезное, как всякое творчество», нечто «неудержимое» и «оргиастическое», «иначе как перманентной революция быть и не может». Пусть все летит в тартарары, но сделайте мне красиво. Это скорее уж Троцкого можно изобразить таким «художником революции» (и тоже будет «цветасто»), чем Ленина, о котором сам Гольдштейн и пишет, что это свое понимание восстания как искусства Ленин «провидчески понял» «войдя в противоречие со своими эстетическими потребностями». А умер Ленин, оказывается, не от *последствий ранения отравленной пулей, не от обызвествленных (язык сломаешь!) сосудов и не от гипотетического яда генсека, но от того что был вынужден задержать свой разбег, заменить продразверстку продналогом*. А почему «был вынужден»? Да потому, что был

прагматиком и революционным преобразователем, а не «чумным» бунтарем в стиле Антонена Арто. Так художником революции, или прагматиком? Ты уж определись, батенька.

И про Оруэлла неправильно сказано: *не имея непосредственных советских впечатлений, он превратил чужой иностранцам, по идее непознаваемый опыт...* Да в том-то и состоит даже не гениальность, а просто интеллектуальная честность Оруэлла, что он именно на опыте западного общества и западных компартий (и прекрасный опыт Испанской войны) увидел то, что многие, даже располагавшие «непосредственными советскими впечатлениями», видеть отказывались. И «тринитарная» (в пику Плутарху) биография Ганди, Че Гевара и рабби Нахмана — абсолютно нелепое никак не оправданное «склеивание», такое же, как склеивание газетных статей в духе «интеллектуальной прозы» в книгу «Аспекты духовного брака».

Почему же он так противоречив, почему так старается «и нашим и вашим»? Ведь интеллектуальная проза предполагает позицию, а не звенящую дребедень. Может, ему «очень важно ни в чем не быть обвиненным»? Или наоборот: быть обвиненным во всем?

А может быть, его постоянные причитания о том, что *искусство бессильно, что оно должно избавить мир от себя*, не просто «интеллектуальный гон», не только дань моде, а он действительно враг искусства, и тогда это Великая Проза ненавистника искусства, не отрицателя, что нынче модно, а ненавистника, жаждущего уничтожить его в *пышных оргиях надругательств, слагающих кодекс бесчинств*, утопить во *все вокруг уничтожающем бреде чумы*? Вот это была бы поза! Вот это вызов! Но, осмелюсь предположить, что он на такую позу не способен, просто по структуре личности. Что и видно по вихляющему — и нашим и вашим — тексту. *«После того как ухо свыкается с роскошной риторикой, а глаз начинает с недоумением вылуцивать в восхитительно-неподсудных, не нуждающихся ни в какой конкретизации пассажах исторические имена и названия, долженствующие поддержать этот полет, понимаешь, что за убийственный яд...»* Да, понимаешь и шарахешься в испуге. Воистину «аспекты духовного брака», духовной язвы.

Тебя и «шибануло парфюмом», такой «спецфицки» гольдштейновский парфюм: настойка из *легчайшей пыльцы идеологических смыслов, осеменяющих прахов, тайных, из подмышек и паха, желаний, крови и гноя и зачумленных крыс афинских, марсельских и константинопольских эпидемий*. Так что гораздо легче предположить, что он просто трепло, музозвон. Напыщенный и велеречивый.

За хлопоты с материалами спасибо, а что не вышло, не страшно. Я так и полагал, что эта тематика все-таки от российских интересов далека — своих забот хватает.

Что касается жанра «писем» как некоего проекта, то надо тебе сказать, что такую регулярную переписку «обо всем» («из двух углов») мне

еще в 97-м заказали в НЛО, но мы с Матвеем, поразмыслив, отказались от этой затеи (это как сношаться прилюдно — никакого удовольствия). Однако кое-какие фрагменты, уже задним числом, кажутся настолько интересными, что обидно оставлять их «втуне», и вот в очередном «Зеркале» (скоро выйдет) я «пробил по братве» один из таких фрагментов. Пока поинтригую тебя насчет темы и прочего, но когда прочтешь, и если это покажется тебе интересным, то мы сможет такой проект обсудить, тем более что есть «заделы» и на другие темы.

Всегда твой

Наум

Матвей, привет!

Наша ситуация снова зависла. Арафат прибег к своей обычной тактике (как тот заяц, что дал медведю поджопник и тут же, упав на спину, закричал «лежачего не бьют!») — демонстрирует доброжелательную активность: закрыл какие-то конторы Хамаса, даже конфисковал у них какие-то старые компьютеры. Тут же вектор мирового общественного повернулся в его сторону, нас призывают «дать ему шанс» (да и наши левые активно подпевают), и еще дать ему «политический горизонт». Надо полагать, что и на этот раз он «выкрутится». Чего ждет Шарон? Может быть, «большой бучи», которая намечается с Ираком. Если Америка с Ираком «свяжется», это будет большая свара со всем арабским миром, поговаривают, что нам придется (в качестве мальчиков для порки) принять на себя «неконвенциональный» (ни больше ни меньше) удар Ирака. В ситуации региональной войны, да еще под «неконвенциональными» (химия и биология) ударами руки будут развязаны. Но я боюсь, что и в этом случае у них не хватит решительности...

Вчера закончил (домучил) книжку Гольдштейна. Его поэтизация армянских погромов крайне меня удивила. И, мол, не берусь судить. Это в том смысле, что погромы инициировали беженцы из Карабаха. Впрочем, мы знаем, что погромы, тем более массовые, как и любые общественные выступления, надо организовать, а всякие «стихийные выступления масс» — это для дураков. Он называет эти погромы обрядом «мухаррам», «траурным оргийным празднеством», «плачевно-вакхическим кеносисом ислама», а раз обряд, тем более кровавый, то нужно освящение, нужна санкция жрецов, властей. Сам же пишет: «за неделю из города ... вышвырнули около 200 тысяч армян» (у меня родственница, была замужем за армянином, чудом спаслась: вынесли завернутую в ковре из дома). Это уже массовая депортация, за этим стоит государственная воля и организация. Это не аффект, а преступление с заранее обдуманной намерениями. Странно, что собственный «национальный инстинкт» не подсказал ему, на чьей стороне, хотя бы эмоционально, он должен быть. У меня даже мелькнула мысль, что это он,

одобряя погром и массовое изгнание армян, рисует план действий для нашей ситуации, это было бы действительно интересно, но пришлось эту смелую мысль отбросить. У него это «от эстетики», а не от политики, погром он называет «высоким достижением творчества», ну и т.д. Крутая «эстетика»?! Помнишь, Солженицын писал, что погромщики были бескорыстны?

Вообще-то я уже накатал Сереге о своем впечатлении от книги Гольдштейна, так что просто приклею сюда фрагмент из этого письма...

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Гольдштейна ты отутюжил знатно, и это тот редкий случай, когда я «стопроцентно» с тобой согласен. Когда я написал тебе, что книга «идеологически вредная», то как раз и имел в виду, что это выступление «со стороны Мага», и иначе как враждебным по отношению к себе (в идейном, конечно, смысле; ничего личного), я его расценивать не могу. Меня потому и не удовлетворили твои первоначальные «импрессионистские» реакции, что ты писал «мимо главного» (не совсем, но все же мимо; периферия вытеснила ядро). А то, что «позиция Мага» — это не дело частного выбора, а ‘парадигма’ (в том смысле, какой придал этому слову Т.Кун), книга Гольдштейна убедительно подтверждает, со всеми этическими, политическими и даже «поведенческими» коннотациями. Позиция Гольдштейна (учитывая его «совковский» background) — это позиция человека, который «ничего не забыл и ничему не научился» (с той только разницей, что он, насколько я понимаю, не французский дворянин). Я прочел-таки книгу до конца, и меня особенно задели как раз те места, которые ты выписал, и задели по той же причине, что и тебя. Но, конечно, во главе угла стоит «эстетика», из чего следует, насколько глупы теории, сводящие ее к «украшательству» (‘прекрасное’ и прочая белиберда).

А симпатия Костырки к Гольдштейну (равно как и к Цветкову) носит не теоретический (Серега вообще не имеет склонности к теории, в чем охотно признается), а «кланово-профессиональный» характер. Думаю, Гольдштейн, в каком-то смысле, дает Сереге (в его представлении) «индულгенцию» на «самовыражение», «субъективность», «противоречивость», игры в «художественность» и т.п., то есть «потакает» ему в том, к чему у него и так имеется склонность. В этом плане он для Сереги почти что «мэтр». При этом надо отдать Сереге должное: при всей своей «вписанности» в тусовочную констелляцию, он сохраняет совершенно бескорыстную, прямо-таки детскую любовь к литературе как таковой, то есть читает непредвзято и даже с удовольствием (что большая редкость для «работника его цеха»; например, заставить прочитать что-

нибудь «необязательное» такого человека, как Леня Бахнов, практически невозможно: он будет отбиваться до конца и даже, в крайнем случае, отстреливаться).

Я почти разделался с переводами, оставив за собой только ужасики с очень «щадящими» сроками сдачи. В связи с этим рассчитываю в скором времени возобновить теоретическую переписку в полном объеме.

Всегда твой
Матвей

21.12.

Матвей, привет!

С Гольдштейном у меня состоялся разговор о книге (я обещал ему прочитать и высказаться). Посылаю тебе запись в дневнике, суди сам. Начинаю с армян.

— *Как же это вы резню армян оправдываете?*

— *Где, да вы что, не дай Б-г?!*

— *Ну вот, сейчас процитирую...*

— *Аа, я знаю, что вы имеете в виду. Но это же саркастически.*

— *Не знаю, я никакого сарказма не почувствовал.*

— *Ну не в этом же дело, вот Селин по-всякому высказывался о евреях, а мы его ценим как писателя. Меня больше интересует, как книга в целом, интересно ли было читать...*

— *Что значит «интересно»? Если по той или иной причине возникает отталкивание, или даже раздражение, то эти ощущения становятся доминантными.*

— *Аа, вот это мне важно знать...*

— *И мне кажется — нравится-не нравится это как-то поверхностно. Дело-то не в армянах, вот вы позволили себя «сильное высказывание», то есть сделали заявку на какую-то позицию, и вдруг, рядом же, пишете о том, что литература должна утешать, помогать страждущим и т.д.*

— *Ну и Селин тоже, у него есть сочувственные страницы...*

— *Не знаю. Я не почувствовал, такое впечатление, что можно сказать так, а можно и эдак. Но это...*

— *Вы знаете, мне вообще в художественном произведении неинтересно высказывание.*

— *А что интересно?*

— *А вот какая-то пронзительная нота о мире. Вот возьмите Женю Штейнера, вещь ведь так себе, но вот эта нота у него есть.*

— *Да, есть. Она и у вас есть. В некоторых местах. Но все дело в том, что у Штейнера вся вещь сидит на этой, скорее щемящей, чем пронзительной ноте, она цельная и господствующая, а у вас после «ноты» вдруг идет именно «высказывание», и само-то по себе не слишком интересное, но главное, что звучащее иначе, или, в лучшем случае, никакого отношения в этой ноте не имеющее.*

— Ну, я хотел разнообразить... и потом, почему, там есть и очень важные для меня высказывания, вот знаете, как в романтической прозе прошлого века...

Разговора не получилось. Я наскакивал, он «оправдывался», оправдываясь, путался, звучало неубедительно. Да и наскоки мои как-то «отскакивали» от него: «а я не философ», «мне не важно, умно это или нет», а я ему говорю, раз не философ, то и не берись за философию, как это «неважно», нет — он тут же поворачивает — какие-то выстраданные вещи я все-таки высказал...

Он был, конечно, удручен моим резюме, но поблагодарил за подробное заключение, за внимание и т.д., голос у него был огорченный, что вот, мол, только я да Бараш и высказались... «А что Бараш сказал, если не секрет?» — «Ну, ему книжка в общем понравилась, но очень не понравился герой, очень несимпатичный. И вообще разговор был скорее такой личный...»

Выходит, что и у нас получился такой же, и от всего этого у меня осталось неприятное послевкусие. И потому что все время нападал на него (неблагодарно: он меня хвалит, причем публично), и главное — разговора не вышло, какая-то окопная война...

Я так возбудился, что тут же позвонил Барашу. Он выбежал забрать ребенка из сада, сказал, что вернется — перезвонит, ему очень интересно.

Перезвонил. Сказал, что да, он считает книгу значительной, что она отвечает современному состоянию литературы, неслучайно же она произвела на нас такое сильное впечатление. Состоянию-то, может, и отвечает, говорю, тем хуже для состояния, но насчет сильного впечатления, то для меня — в отрицательном смысле. В конце концов, он склонился к моему мнению, и мы единодушно съехали к омерзительности героя, не оставив в покое и автора. Мы-то его знаем, говорю, поэтому я чувствую, а может, для этого и необязательно его знать лично, где он пыжится, где притворяется, а где в наигранном отчаянии рвет на груди рубаху. «Он пытается быть смелым, — сказал Бараш, — и поэтому выбалтывает совершенно страшные вещи». — «Да, вот в том эпизоде, когда пятеро огольцов отняли у него 50 шекелей, он действительно искренен, тут действительно щемящая нота». Бараш хмыкнул. У него мелькнуло слово «ненужная» о книге. Я сказал, что это совпадает слово в слово с мнением Костырко. Он привел похожее мнение Гринцмана. Долго говорили, возбужденные, пока не устали. Ребенок кричал: «Папа! Папа!»

Увы, не все удалось запомнить, многие, возможно, важные или яркие вещи ускользнули. Но сценку прошу оценить «эстетически».

Кстати, если тебе интересно прикинуть, как прозвучит наше «высказывание» о Солженицыне, то посмотри на сайте НЛЮ (Бараш навел) пару статей о его книге, Чудаковой и некоего Петровского-Штерна. По-

хоже, что обе оставляют и нам «пространство высказывания». Хотя, как мне кажется, «еврейский вопрос» нынче свою актуальность (социально-политическую) утерял.

Всегда твой
Наум

22.12. От Л: Спасибо за записки. Еще не читала. А в музее еще есть Лелюш?¹

Ответ Л: Да, Лелюш висит.
Как твои родители?
Все чаще вспоминаю фильм «Нарояма».

Позвонил Герц Франк. Он год был в Москве и Риге, сделал десяти-минутный фильм и сейчас делает двухчасовой при поддержке АРТЭ. Чувствует себя хорошо. Сказал, что в фильм «Иш аКотель»² он внес завершающий штрих в сцене с ветром, перевортывающими страницы, которой он закончил фильм по моему совету, ему все время «не хватало пространства», и он поставил после нее еще сцену: человека, который прохаживается вдоль Стены. Он считает своим долгом сообщить мне об этом. Теперь он чувствует, что фильм закончен, он больше не собирается к нему возвращаться. Теперь «пусть живет своей жизнью». Договорились, что после Нового года созвонимся и увидимся, он будет здесь еще месяц.

Бараш отмечает попытки Гольдштейна «быть смелым», а Гольдштейн, характеризуя прозу Бараша, отмечает его «несмелость» и постоянную «оглядку» на читателя, озабоченность тем, как он будет «выглядеть».

23.12. От Л: У нас сейчас новый бизнес процветает — бюро по составлению этических завещаний. Это после 9.11. люди на всякий случай пишут детям вроде напутствия, что, по их мнению, важно в жизни, неплохо придумали?! А ты говоришь зомби... мне тут на праздники одна клиентка подарила коробочку, а на ней ленточка с надписью «антропология»... ну я конечно заинтересовалась, а сын сказал, что это магазин такой есть в Нью-Йорке, дорогу-уу-щий, там всякие вещи для дома про-

¹ Офер Леллуш уроженец Туниса (1947), изучал математику и физику в Париже в колледже Сент-Луиса, в Израиле служил в армии, жил в кибуце, учился в Институте искусства и дизайна им. Авни в Тель-Авиве, вернулся в Париж и защитил степень магистра литературы по теме: Стефан Малларме, иллюстрировал его книги. В Т-А Музее Искусств была выставка его автопортретов.

² Человек Стены Плача (*ивр.*).

дают. И еще знаменитая карикатура после 9.11 — статуя Свободы со слезой, и в глазах у нее отражаются горящие «близнецы». А еще в Нью-Йорке есть ресторан «Бальтазар», очень модный сейчас...

Родители? Папа вроде немножко отошел, начал нормально кушать. Он ужасно высох, кости да кожа. Устает сильно, но пока на своих ногах, слава Б-гу. А мама тоже с ним замучилась, как с младенцем упрямым. Уговаривает что-то покушать, вкуности всякие ему готовит из последних сил...

Ответ Л: Мама тоже очень похудела, но мне кажется, она себя диетами морит... И все глубже и глубже уползает в какую-то свою нору, окна не открывает, солнца не видит, воздухом не дышит...

А я сейчас перевожу у Шабтая отрывок о смерти матери...

24.12.

Наум, привет!

Спасибо за статью Петровского-Штерна о Солженицыне, отрадно, что этот материал напечатан в России, под эгидой НЛЮ. Автора я не знаю. Кто он, где живет? (Почему не в армии?) Статья, может быть, лучшая на сегодняшний день, но и она никакого «прорыва» в себе не содержит. По сути, она игнорирует историософскую проблематику книги, а держится на уровне «чистой истории». Это право автора. Можно вообще не признавать за историософией права на существование. Но это значит, что статья не отвечает на вопросы, поставленные Солженицыным, реагирует «мимо кассы». Допустим, книга не выдерживает критики как историческое исследование (а кто в этом сомневался?). Значит ли это, что не существует таких проблем, как: «Виноваты ли сами евреи хоть в чем-нибудь? Можно ли вообще ставить вопрос таким образом, если можно (по-видимому) ставить вопрос о 'вине государства'?»; «Создавало ли присутствие евреев реальные проблемы для русской государственности?»; «Если да, то как следовало решать эти проблемы?» (я продолжаю думать, что радикальное единоразовое «раскрепощение» евреев привело бы к еще более катастрофическим последствиям, но «либералы» об этом как-то не задумываются); «Разделяет ли 'общественность' ответственность с государством?» и т.д. и т.п. Прочитав статью Петровского-Штерна, я остался в полном неведении относительно его отношения к этим сюжетам (вижу только, что он иронизирует над сионистами: слова об «израильском антиассимилянтском издании энциклопедии, по которому уход русских евреев в революционное движение — это позорное бегство от единственно верного сражения за Эрец Израэль»). Создается впечатление, что «историческая критика» служит, кроме всего прочего, средством «забалтывания» этих проблем, подмены их проблемами иного уровня (текстология, критика источников, методология исторического исследования и т.п.). Доказав, что «Солже-

ницын — антисемит», автор считает дело сделанным; а по-моему, «дело Солженицына» (по аналогии с «делом Хайдеггера») еще даже не принято к рассмотрению.

Всегда твой
Матвей

От Л: Меня тоже удивили гольдштейновские пассажи армянские. И Костырке ты письмо блестящее сварганил.

А ты не думал отдать переписку, кот. отвергли зайчики, в Зеркало? Мне кажется, они возьмут. Тем более журнал и в паутине висит...

А Шабтая еще много осталось переводить?

Слышал ли о сокуровском грандиозном замысле в Эрмитаже? Ты знаешь, что «эрмитаж» в переводе «уединение»?

А «Нараяма» это где хоронят в горах? Дети просто уносят стариков и там оставляют без пищи?

Да, в «Нараяме» сын уносит мать в горы и оставляет там. Таков обычай.

Так тебе нужна книжка Гольдштейна? Матвей мне выслал.

Переписку на израильские темы для «Зеркала» — я обдумую. В том виде не годится — у нас об этом пишут в газетах. Нужно углубить. Мне тоже кажется, что письмо Костырке получилось, но он даже не ответил. Шабтай идет медленно, и есть еще почти две главы, половина книги. Правда 3-я переведена когда-то, но не отпечатана (на компьютере) и не чищена. Издательство уже опубликовало каталог, где перевод заявлен в план (мне об этом с удивлением сообщил Тарасов), но еще идут какие-то переговоры с вдовой о правах, со мной, соответственно, никто еще не «разговаривал». Дело висит. А хотелось бы...

О сокуровском замысле ничего не слышал, а в чем он состоит?

Позвонил Бараш. У него с Ирой (женой) возникли разногласия насчет следующего фрагмента текста. Хочет послать мне, посоветоваться. Давай, говорю, с удовольствием.

Прочитав, шлю отзыв:

«Начало мне неожиданно не понравилось: какие-то сухие перечисления, непонятное, хоть и в кавычках, “оттянутое наблюдение”, какие-то застенчивые реверансы. Но постепенно я рассчитался и оторваться уже не мог. И чем дальше, тем больше мне это нравилось: и живыми, как из явственного сна, ностальгическими деталями, вроде открывания калитки колесом велосипеда, и глубокой, на грани добродушия, иронией, и даже “культурно-историческими” обобщениями, ненавязчивыми, не “заумными” (научнообразными), но остроумными и естественно вплетенными в “трип”... Тогда я, прочитав до конца, вернулся к началу и понял, в чем дело: ты начинаешь чересчур издалека, стремление вывозить

детей “на воздух” (так мне знакомое, вообще, много общего, хотя среда была другая и другое время — мое детство, это пятидесятые, и “по усадьбам и монастырям” я стал шастать уже в институтской молодости, даже позже, и соитие в Новом Иерусалиме мне так и не удалось — отыгрался в Старом — хотя и я гулял там, кстати, с героиней моего “эмиссарского” трипа... интересно, что я, в смысле поколений, нахожусь как бы между тобой и твоими родителями, поэтому мне так интересно продолжение — дразнит, когда же, наконец, закончим цветики с лугов собирать и начнем плугом земную плоть так сказать)... да, так стремление вывозить детей на воздух не совсем гладко соединяется с глубокой культурно-исторической темой “усадеб-монастырей”, стык надо бы сделать как-то иначе, яснее, без лишних танцев... И, если уж быть совсем суровым, то сценка “на лугу” в конце, на мой вкус, несколько шмальцевата... Засим остаюсь неизменно преданный и к Вашим услугам».

Он позвонил и выразил удивление, что я так быстро прочитал и выслал отчет. «Ну, спасибо, старик». Сошлись на том, что главку стоит начать на пару абзацев позже. А закончить, не «лежа на лугу», а «проезжая на велосипеде».

Ему было важно, получил ли я «удовольствие от путешествия», а я ему говорю, что прочитал скорее как контекст культурного становления героя. Настоящей тревоги открытий и приключений, которые всегда сопровождают путешествия, я не ощутил. А в чем «шмальцеватость»? — спросил он. И добавил: «Хотя, мне кажется, что я понимаю, что ты хотел сказать, мол, закруглил. И я действительно пытался тут свести все концы... то есть видна техника, и хоть никто ее, кроме профессионала, не заметит, но... ты прав».

А вообще говорили долго, воодушевляясь взаимопониманием. Разговор прервала Р, позвонила по мобильному. Ей захотелось мой животики погладить.

25.12.

Kazus Klempereger

Наум, привет!

Что касается того, что «еврейский вопрос сегодня свою актуальность (социально-политическую) утерял», то мне не очень понятно, что имеется в виду, когда делаются подобные утверждения. Если речь идет об «объективной опасности», которую якобы несут с собой евреи, то ее не было никогда: это выдумка антисемитов. Но это не помешало совершиться Катастрофе. Наименьшую опасность представляли евреи как раз для Германии и как раз накануне Катастрофы. И «еврейский вопрос» именно тогда утерял (если вообще когда-нибудь имел) всякую «социально-политическую актуальность». У Германии тогда не было более простодушных, оптимистичных, патриотичных и преданных своей «родине» граждан, чем евреи. Немецкий профессор («еврейского происхож-

дения») Виктор Клемперер вел дневник на протяжении многих десятилетий, по-немецки добросовестный. Про этот дневник (опубликованный в Германии сравнительно недавно, в 1995 г) сказано в одной рецензии, что это «цветной фильм о нацистской Германии после многих лет черно-белого кинематографа». Вот выдержка из дневника Клемперера на интересующую нас тему:

В течение целого столетия немецкие евреи полностью стали немцами и совершенно с ними слились... все эти люди без малейших трений живут среди немцев и работают вместе с немцами буквально во всех областях и сферах немецкой жизни. Всегда наличествующий антисемитизм отнюдь не является доказательством противного. Ибо чуждость евреев и арийцев и трения между ними никогда не были и вполнину так велики, как постоянные трения и враждебные отношения между протестантами и католиками, как вражда между работодателями и наемными рабочими или различия и недоброжелательство между жителями Восточной Пруссии и, к примеру, Верхней Баварии, между жителями Рейнской области и берлинцами. Немецкие евреи были частью немецкого народа, как французские евреи — частью французского народа и т.д. Они заполняли свое место в немецкой жизни и никогда никому не были обузой».

Но, хлебнув лиха, тот же Клемперер пишет:

Как глубоко, оказывается, гитлеровские взгляды укоренены в немецком народе, какой действенной оказалась подготовка к насаждению арийской доктрины, как нелепо я сам себя обманывал на протяжении всей жизни, считая себя частью Германии, и как я совершенно неприютен теперь».

Любопытно, что Клемперер относился к сионизму отрицательно. В 1939 году он записал в том же дневнике: *У меня с этим движением так же мало общего, как с национал-социализмом или с большевизмом; я остаюсь либералом и немцем.*

Всегда твой
Матвей

Ира Гробман сообщила, что журнал вышел, что она снова перечитала мой материал и считает, что он очень хороший, «ну просто очень», так что она меня поздравляет. Ну, я ее тоже поздравил. Оказывается еще и номер на иврите вышел, и у Гробмана выходит дневник в НЛО. Я говорю: «Прям залп!» Договорились, что завтра зайду.

Матвей, привет!

Дневник Клемперера — вещь характерная, спасибо за наводку, но опыт и рассуждения людей такого типа не новы и неинтересны, а их горький опыт ничего, кроме злорадства, у меня не вызывает, хотя со временем у меня поубавилось желания тешиться своей «правотой».

И в качестве свидетеля в нашей тяжбе об «актуальности еврейского вопроса», в России и вообще, он не годится. Ему и тогда казалось, что никакого «вопроса» нет, поскольку он сам себя считает «либералом и немцем» (кстати, любопытная связка: чтобы сменить национальность нужно стать «либералом»). Но тебе я удивляюсь. В том же все и дело, что все эти еврейские переодевания — игра в прятки с самим собой. Закрыв глаза (или спрятал голову в песок) — и уверен, что тебя никто не видит. Но не важно, кем ты себя считаешь, важно, кем тебя считают окружающие. И это касается не только национального происхождения. А еврей в любом «арийском» окружении — чужой. Прежде всего, чужой. А чужой — всегда «нечистый», ты же сам подсунил мне «Чистоту и опасность». Это глубоко сидит в ритуальном подсознании. И сколько бы реальной пользы ни приносил сообществу конкретный еврей, на ритуальном уровне он всегда будет «заразой». А ты говоришь: какая от них «объективная опасность», «выдумки антисемитов» и пр. Да нет никаких «антисемитов», есть люди с архаическим сознанием, воспринимающим чужого как заразу. Кстати, зараза может быть иногда и полезной (граница — источник не только опасности, но и силы, смотри Мери Дуглас), лекари и по сей день натирают всякие кожные повреждения «полезной грязью», вон их сколько у Мертвого моря натираются. Когда тело, в общем, здорово, грязь может быть полезной, ею можно и даже нужно «натираться», а если тело поплохело, то первым делом, инстинктивно — надо очиститься, смыть грязь. Да и твой Мандельштам о том же: «Как крошка мускуса наполнит весь дом, так малейшее влияние юдаизма переполняет целую жизнь. О, какой это сильный запах! Разве я мог не заметить, что в настоящих еврейских домах пахнет иначе, чем в арийских». Человек понимал дело. Вроде бы понимал, но не уставал строить иллюзии, и как в результате накололся! Похлеще Клемперера. Вот ты писал мне про Польшу, что, мол, евреев там нет, а антисемитизм есть. Правильно, потому что реальное «влияние», оно, как запах, часть атмосферы, которой ты дышишь, и если это «запах» чужого, то у тебя чувство, что ты уже не дома, и когда дышишь одним воздухом с «чужим», то дышишь чужим воздухом! И этот воздух не очистишь, выметая чужие манатки! Евреи въедались в воздух европейской культуры, и «коренных» это всегда пугало. Тот же Мандельштам писал Тынянову в 1937-м (цитирую по памяти): «я наплываю на русскую поэзию и вскоре стихи мои с ней сольются и растворятся в ней, кое-что изменив в ее строении и составе». И еще добавил: «Это грозно». И ты совершенно справедливо заметил, что статьи о Солженицыне избегают главных вопросов, в том числе и об антисемитизме (само слово «антисемитизм» вроде шлагбаума, за которым выжженная земля и горы трупов, никто туда не суется). Теперь мне это явление видится иначе, и боюсь, что и наша переписка вышла не достаточно углубленной в этом смысле (с моей стороны уж точно). Ведь что паразитально (мы как раз говорили о наших левых), что и у нас, в Из-

раиле, есть такие же клемпереры, считающие, что они *имеют так же мало общего с сионизмом, как с национал-социализмом* и «остаются либералами и немцами». Ну, если не немцами, то уж во всяком случае, не израильянами (как и Клемперер, левые считают израильяно-сионистов «нациками»), отсюда их «либерализм», они полагают, что это талон для места у колонн, проходной билет к чему-то универсальному, освобождающему от «оков» национального происхождения. А на самом деле они стремятся освободиться именно от еврейского происхождения, от немецкого же Клемперер не стал отречься, да еще пошел бы воевать за Гитлера, если бы разрешили стать «настоящим немцем». И я теперь вижу еще один аспект в отречении евреев от своего происхождения и стремления «стать немцем», или русским: карьера. Да, высокие карьерные интересы, самореализация! Эти люди (и Мандельштам туда же!) рассуждали так: еврейская культура занимает очень маленький и быстро исчезающий ареал, так что даже достигнув там успеха, останешься в неизвестности «в мировом масштабе». А они себя мерили мировыми масштабами, видели себя «избранными» для счастья человечества. И если для того, чтобы осчастливить человечество надо плюнуть на могилу предков, то, так говорил Генрих Четвертый, «Париж стоит обедни». И именно поэтому они всегда служили империям, интернациональным идеям и были подлыми приспособленцами.

Но в результате Катастрофы практическое влияние евреев на государства их проживания стало почти ничтожным (их просто мало осталось). Можно говорить об увеличении влияния Израиля на европейские (и мировые) дела, но о влиянии польских или русских евреев на дела в Польше или в России говорить, согласись, не приходится. Вообще, наличие государства Израиль во многом (так мне кажется) поменяло отношение к Еврею, не только в Европе, но и в России. О евреях теперь гораздо больше знают (слово «Израиль» мелькает во всех газетах), и еврей уже не так таинственно чужд, да и от антиеврейского вектора христианства мало что осталось (*Nostra Aetate* и т.д.). Нет больше «вечного жида», великого скитальца, у него появился адрес, а возможно, и сроки бытия. И в этом смысле книга Солженицына запоздала. То есть сегодня еврей в России представитель обычного нацменьшинства, пусть и с определенной степенью «вредности», но эта «вредность» уже не является для коренной нации национальной проблемой. В России это ярко продемонстрировано вполне нормальным отношением как властей, так и «народа» к возрождению еврейской самоорганизации и самоидентификации (еврейские конгрессы, школы, Ханука в Кремле и т.д.). Единственное, где проблема еще «сидит», так это в среде межеумочной интеллигенции, страдающей от своей собственной культурной невнятности и «непроявленности», вынужденной определять себя, ты об этом писал, как «не-евреев». То есть проблема перешла в область «историософии», а в некоторых случаях и психиатрии. И полемика вокруг книги Солжа это ярко

демонстрирует. (Кстати, позвонила Ира Врубель-Голубкина, сказала, что журнал вышел — завтра заберу, — и что наш материал она перечитала, и он ей очень нравится. Вот.) Отсюда и мое «смутное ощущение», что нынче в России «еврейский вопрос свою актуальность (социально-политическую) утерять». А вновь обретенная политическая субъектность неизбежно превращает Израиль в часть калейдоскопа государственных интересов всех стран, который все время «перетряхивается», так что возможны совершенно неожиданные отношения «дружбы и сотрудничества» даже с прежними непримиримыми врагами. Даже когда вопрос о будущем еврейском государстве только взвешивался державами, нацистская Германия и сталинская Россия вступали с представителями Ишува¹ в разного рода сделки. А если бы государство возникло до войны, то и не было бы никакой Катастрофы.

Всегда твой
Наум

— Вот так лучше всего: один раз я сама, а второй раз вместе. А хорошо, когда вместе? Когда я начинаю кончать подряд, то я этого не люблю, это слишком. У меня возникает страх, что я умру. Ну и наоборот тоже не очень. За все время только один раз было, что я с тобой не кончила.

Закатное солнце будто разорвало плотный занавес, и через щель в сумрачную комнату падает колонна света. Меняет окраску, становится то оранжевой, то малиновой и, наконец, совсем гаснет, и тогда по стене и потолку пробегают супрематические тени: темная — светлая, темная — светлая, наверное, от фар машин.

— Скажи мне, а что у тебя было в августе? Когда мы почти месяц не встречались. — иногда в ней просыпается следователь.

— В августе? Не помню... (Я, конечно, сразу вспомнил, Л приезжала в конце августа.) Я же в Италии был!

— Нет, в Италии ты был в начале сентября. А что было в августе?

— А процедура когда у меня была? А, 25 июля... Ну, наверное, я себя чувствовал неуверенно...

— Нет, дело не в том. Расскажи, что было...

— Да ничего не было. Просто бывают подъемы и спады...

— Нет, что-то было. Меня не обманешь. Расскажи.

— А что за «страшную глупость» ты сделала? Ты же мне не рассказываешь...

— Да это не имеет значения. А давай ты мне расскажи, что было, а я тебе тоже расскажу.

Держись, держись, говорю себе. Постельная болтливость уже готова овладеть языком. Держись, кошара! Не поддавайся на провокацию, не признавайся ни в чем!

¹ Так на иврите называют самоорганизацию еврейских поселений в Палестине, т.ск. «государство в пути».

— Давай ты мне сначала расскажи, а потом я тебе.

— Да мне нечего тебе рассказывать, все это ерунда. Не имеет никакого значения. Мало ли глупостей я сделала в жизни.

— Так почему тогда «страшная»?

— Это совсем не то, что ты думаешь. Да, я была вне себя. Ты не звонил. Я хотела вырвать тебя, но не могла. Я ехала в машине и видела тебя перед собой. Я боялась сделать аварию. Кричала тебе: «Кыш!». А ты не уходил... Расскажи. Я три месяца тебя не спрашивала.

— Да ничего не было. Просто я решил тогда, что всё. И не звонил.

— Ты хотел прекратить?

— Да.

— Так почему же...

— Я почувствовал, что не могу без тебя...

— Знаешь, это нечестно.

— Что нечестно?

— Ты должен был прямо сказать.

— Мне кажется, что ты поняла. Все было вполне ясно. А если сказать, то потом уже не вернешься, даже если захочешь...

— А я ужасно страдала. Ты так больше никогда не делай. Лучше порвать. ... Мне с тобой не хочется играть ни в какие игры, хочется быть самой собой. Я везде что-то играю. Уже путаю маски...

— А вот я хотел тебя спросить... я иногда думаю, ты другим тоже говоришь...

— Что?

— Ну... про любовь. И обнимаешь вот так?

Она лежала в темноте с широко раскрытыми глазами и молчала.

— Ты меня обидел. Разве я могу кого-нибудь так обнимать? Разве ты не чувствуешь? А сказать «люблю» для меня вообще болезненно. Я никому это не говорю. Вот с тобой почему-то так легко с губ слетает...

Я стал целовать ее и почувствовал, что глаза у нее влажные. Слезы? Секс с ней сказочный, с каждым разом все удивительнее...

— А откуда он знает, что я хочу? Мне так хорошо... Он так меня нежно ласкает... скользкий такой, горячий... Но иногда совсем не нежно! ... А ты со всеми делаешь одно и тоже?

— Иногда бывают импровизации. По вдохновению.

— Почему я тебя так люблю?

— Еще б ты такого парня не любила.

— Вот он мой животик... (гладит) Почему я его так люблю? Вот я мужу погладила — не так. И он смеется (живот трясется). Ты опять похудел (испуганно)! Пожаалуйста, не худей! Ведь и он тогда похудеет. Он такой хороший. И смотрит на сердце. А я вот тут прилягу, между ним и сердцем, между двумя органами любви.

Kazus Klempereger

Наум

Все, что ты написал, по сути не вызывает возражений. Тем не менее, вопрос остался для меня неясным. Я так и не понял, что ты понимаешь под «социально-политической актуальностью (или неактуальностью) еврейского вопроса». Для Польши, где не осталось практически ни одного еврея, вопрос остается актуальным. Если представить себе, что в России евреям нисколько не грозит реальный «погром» (я думаю, что так оно и есть), значит ли это, что вопрос «неактуален»? Я считаю его актуальным хотя бы по той причине, что еврей не может быть в России вменяемым или хотя бы «психически здоровым»: «нормальный» еврей — это загнанный в угол неврастеник (правда, я давно уже таких не встречал; должно быть, сужу по себе), а еврей-русский-патриот — просто монстр. Что считать «актуальностью»? Влияние на внешнюю и внутреннюю политику? Я думаю, что для России оно не меньшее, чем для гитлеровской Германии (в этом месте почтенная публика смеется). Весь расклад «геополитических» сил легко экстраполируется в зависимости от отношения к «еврею». «Патриотическая оппозиция» фрондирует дружбой с врагами Израиля и заигрывает с Исламом, как внешним, так и внутренним. В этом плане я не вижу различия между интеллигенцией и народом (боюсь, что твое разделение — рецидив романтического «народолюбия»). Что касается внутренней политики, то еще недавно вся она, в показательно-информационном, пиаровском плане (то есть в геббельсовской сфере), группировалась вокруг «великой иудейской войны» между Гусинским и Березовским, теперь последний независимый телеканал ТВ-6 и единственная «неконструктивно-оппозиционная» Либеральная партия накрепко ассоциированы с Березовским, бездарно корчащим из себя «демона-жидомасона». Примеры можно множить и множить, и тебе они знакомы не хуже, чем мне. Сказать, что «еврейский вопрос» стал для России неактуальным, это все равно, что сказать: Россия стала нормальной страной. Я искренне надеюсь, что это несчастье не приключится с ней никогда, и ради достижения этой высокой цели (то есть ради дальнейшего втапывания России в говно) готов «пожертвовать» оставшимися здесь евреями. Ни она, ни они не заслуживают лучшей участи. Что касается «еврейской самоорганизации» и якобы «нормального отношения к ней властей», то, например, «еврейская религиозная жизнь» стала пешкой в грязной игре за влияние на властные группировки между Гусинским и Березовским. Еврейскую религиозную общину раскололи при помощи придурковатого инопланетянина Берла Лазара только для того, чтобы уничтожить Гусинского (до сих пор Путин с упорством тихого сумасшедшего продолжает разыгрывать эту уже отыгранную карту, регулярно приглашая в Кремль Лазара и не приглашая Шаевича). Устроение празднования Хануки в Кремле было провокацией, которая ничего не дала евреям, но послужила дорогим подар-

ком для русских «патриотических публицистов». Со стороны евреев готовность участвовать в этой сверхбестактной акции остается для меня свидетельством «генетической неменяемости» некоторой части этой, впрочем, достойной нации. Еврейские школы в провинции (последний случай был недавно в Рязани) разгромлены, и поделом.

Поэтому когда ты говоришь, что дело в новом историческом опыте и «в наличии Израиля», то я соглашусь со вторым утверждением, но никак не с первым. Исторический опыт — дело затяжное, неповоротливое, и внешние события не так-то легко и быстро затрагивают (и, тем более, изменяют) его внутреннюю структуру. А вот наличие Израиля (в том числе и как громоотвода) — это реальный фактор, и тут я с тобой полностью согласен. Если бы удалось в конечном итоге не только обеспечить существование Израиля, но и стабилизировать его положение в качестве моноэтнического государства, это означало бы реальный конец антисемитизма — для евреев Израиля. Евреев диаспоры мне «не жалко», а страны-недотыкомки (вроде России) пускай продолжают заниматься самоуничтожением под маркой «борьбы с жидом» (которого уже нет). Это было бы красивым завершением узлового «историософского сюжета», удовлетворяющим как этическое, так и эстетическое чувство. А внешнеполитические взаимоотношения Израиля с другими автономными государствами — это совсем другая статья; тут, действительно, возможны какие угодно «перетряхивания». Невозможно только одно — «дружба между народами». Во всяком случае, реальная история не предоставляет нам подобных примеров (например, в «благополучной» Швеции очень популярны анекдоты «про датчан», выступающих в той же функции, что и «наши» чукчи). Да и зачем народам «дружить»? Это примерно то же самое, что «любить своего президента».

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Ты, конечно, перегибаешь по части «критики» российской ситуации, но мне этот эмоциональный настрой понятен: это близко и больно. Я точно так же ярюсь на ситуацию здесь (хотя ярость другого свойства, но я говорю о накале, и о неизбежном в связи с накалом перегибе). Мне «со стороны» действительно кажется, что Россия становится нормальной страной, во всяком случае, она на пути к этому. Если, конечно, считать нормой «западные ценности». Одну ценность она уже усвоила — деньги. Деньги — великая сила, и в борьбе за деньги «национальное» и «духовное» отступает (теряет актуальность!)

Ну а то, что «Ханука в Кремле» бестактность, я согласен (прожив четверть века среди евреев, я понял, что тактичность не самая сильная их сторона), и в тоже время думаю: может, это бестактность по отношению к антисемитам? В конце концов Хануку отмечают и в Белом Доме,

и в Конгрессе США, и никто не считает это бестактностью. Хотя в Букенгемском дворце ее труднее себе представить... И все-таки открытость (и гласность), даже открытость антисемитизма (обилие фашистских газетенок) — здоровое явление. Оно снимает неврастению и помогает определиться. Тем более, что «дружба народов» необязательна, как ты считаешь. Кстати, думаю, что покупателей у этих газетенок немного. И это тоже показатель «уровня актуальности».

Всегда твой
Наум

26.12.

Матвей, привет!

Произошла крайне неприятная вещь, а для меня вдвойне неприятная — я стал, хоть и невольно, нарушителем слова, нарушителем «контракта». Зашел сегодня к «гробманам» чтобы взять несколько авторских экземпляров. Под сопровождение их славословий (дымовая завеса?) открываю в радостном предвкушении номер и читаю в заглавии вместе с моей и твою фамилию. Там стоит твоя фамилия. Гробман при этом спрашивает: «А как фамилия этого твоего корреспондента?»

— То есть как?! Рувин его фамилия!

— Как Рувин?

— Я тебя не понимаю, мы же договаривались! Да ты что?!

— Ну да, но я думал, что это его псевдоним.

Сказать откровенно, я такого не ожидал. В свое время вокруг «фамилии» была дискуссия, мне объясняли, почему по тем или иным (и даже вполне резонным) соображениям должна стоять фамилия автора («Мы анонимов не печатаем», — рубанул тогда Гробман), а я говорил, что как бы резонно это не было, но такова воля «соавтора», так что либо берите под псевдонимом, либо не берите, мне дружба дороже. В конце концов Гробман согласился и попросил только, чтобы я, просто так, к его личному сведению, сказал твою фамилию. Я немного поартачился, но не видел особого смысла играть в конспирацию (а зря!), тем более что все оговорено. Ну и назвал. И вот он результат. Они стали всячески охать, мол, ай-яй-яй, потом уверять меня, что ты будешь рад и им благодарен, и даже готовы были писать извинительное письмо. Но нахуй тебе это письмо, да и вообще мне стыдно даже рассказывать тебе весь этот еврейский театр. Чувствую себя отвратительно. Ради Б-га прости, что так вышло. Я очень надеюсь, что это не испортит наши отношения. Я совершенно поражен этой наглостью, совершенно поражен, и до сих пор не пойму, как такое могло произойти, вроде нормальные люди... И зачем, ради чего?

Не знаю, что еще можно добавить... Прости.

Журнал вышлю уже ближе к Новому году, потому что завтра утром уезжаем на три дня в Эйлат.

Наум

Вот так. Ай да Гробман, ай да молодец. Вот тебе и «скала». А я вначале и не обратил внимания, уши развесил, слюни распустил, Ира меня все хвалит, и такие доверительные разговоры... Все больше про Гольдштейна. Что он не любит общаться, а искусство творится только в общении, вот, даже не пригласил на свой вечер в «Дон Кихоте». «Я знаю, — говорит Гробман задумчиво, — почему он меня не пригласил. Он боится оказаться в моей тени». Ира сказала, что книга его не получилась, и вообще она боится, что с Гольдштейном дело плохо. Мол, исчерпал себя. А сгубила его премия. Он решил, что ему никто не нужен, и он один проберется (именно так и сказала, «проберется»). «Ведь ты учти, он же приехал из Баку, родители его — это вообще советские коммунистические монстры, мать, еще когда, была выездная... и дело не в том, что он обязан Гробману или нет, но он столько с нами общался, да и с тобой, а о ком он пишет? О Россмане, с которым пару раз виделся, да-да, называет его другом, о Штейнере...

— Да, Штейнера он называет «потомственный москвич», — усмехаюсь.

— А может, жена виновата. Она вообще странная...

Тут еще пес лег на мою куртку и не хотел отдавать. И вдруг Гробман меня спрашивает: «А как фамилия твоего этого, Матвея? Ведь ты хотел, чтоб мы его под псевдонимом напечатали? Мы так и сделали». Я кидаюсь к журналу — немая сцена. А мы, мол, думали, что фамилия это псевдоним. Пардон-с, перепутали. Ира помалкивала. В этот момент пришел Винокур с каким-то Володей, смазливый высоким парнем, с влажными глазами. Лично знаком с Кузьминским, перезванивается с ним насчет сайтов Марка Корнилова. Винокур — слон-матерщинник в посудной лавке, все вокруг падает.

— Оо, блядь!

Схватил журнал. Потом журнал на иврите.

— Лапушка ты моя! (Ире) Ну хочешь в попку поцелую! А я всё, бля, завязал с литературой. Больше не буду печататься. Для себя буду писать. А ты знаешь, у меня, бля, сегодня третий инфаркт был! Я это, по дорожке бежал, проверяли меня, и зашкалило, тут же положили меня, так доктор потом говорит: не шали!

Гробман:

— Так ты что, подыхать ко мне пришел?!

— Слушай, купи у меня журнал, который в прошлый раз подарил, мне домой ехать не на что.

Гробман ему:

— У тебя что, недвижимости нет?

Винокур вдруг вынимает изо рта челюсть:

— Вот, блядь, моя недвижимость! Вот, блядь! А этот (на меня) вечно с красивыми бабами! Вайман, слушай, купи у меня мою книжку!

— У меня уже одна есть.

— Еще одну купи! Не на что домой ехать!

— Ну на тебе 20 шекелей.

Не взял, однако. Он похудел, мешки под глазами, сильно возбужден, курит.

— Вот бляди! А вы про что, про Гольдштейна? Квази-экспрессионистическая, блядь, проза! Апория, блядь! А что это такое — хуй его знает, скажешь в приличном обществе: что это у тебя апория нетае, хуевая апория у тебя, а тебе — в рожу! ... У Гришки Люкса сегодня день рождения...

Я откланялся, Винокур с Володей — за мной: «Пошли вместе». По дороге:

— Сколько они тебе заплатили?

— Нисколько.

Винокур оттянул пальцем нижнее веко, мол, не сочиняй.

— Да нисколько не заплатили.

— А я считаю, что это блядство! Почему не платят?! Я писатель! Это труд, блядь! Почему мне за труд не платят?!

— Ты же слышал, что Гробман 30 тысяч получил, — подзююкивает Володя.

— Ну ты согласен, блядь, что надо платить?!

— Да я не против...

Еле отстал.

Позвонил Барашу, пожаловался на «псевдоним». «Не может быть, — говорит Бараш. — Зачем им это. Я думаю, что это недоразумение».

А я думаю, что намеренно. Гробман провокатор. И не зря рубанул: «Мы анонимов не печатаем».

Наум, привет!

Насчет того, что «обилие фашистских газетенки — здоровое явление», это как сказать. В России была «гласность» такого рода во время кишиневского погрома и дела Бейлиса, во Франции — во время дела Дрейфуса, а в Германии — всю дорогу, вплоть до разгрома третьего Рейха. Ну и к чему привело это «здоровое явление»? Я при этом ничуть не против существования подобных изданий в России; меня этот факт даже радует. Но, что там ни говори, это все же не проявление «здоровья», а симптом болезни (не лекарство, а именно симптом).

Вообще, что касается России, то, возможно, здесь действительно сказывается «географический фактор»: всяк кулик свое болото хает. Однако, как бы то ни было, твой благодушный взгляд на «бывшую Родину» настолько меня изумляет, что кажется почти неправдоподобным. От этого я как-то немею (как Чичиков немел перед законом). Взять хотя бы «усвоение ею (то бишь Россией) ценности денег». Можно подумать, что раньше русские не подозревали, что лучше быть богатым и здоровым...

Но деньги деньгам рознь. Раньше грызлись за кормушки и привилегии. Теперь материальное положение человека определяют исключительно коррупционные и «бешеные» деньги (бандитские, рэкетирские, «приватизационные» и «нефтяные»), но если заработать честным трудом или честным бизнесом невозможно, то субъект такой, с позволения сказать, «экономики» очень далек от веберовского субъекта — носителя «духа протестантской этики». Можно подумать, что в Арабских Эмиратах не знают цену деньгам, но никому не приходит в голову называть эту страну «нормальной», «в духе западных ценностей». Кроме того, по моим наблюдениям, для нынешней ситуации характерно не «обилие фашистских газетенки» (хотя и этого дерьма навалом), а плавное проникновение фашизоидных элементов в издания (печатные и электронные), прежде считавшиеся вполне уважаемыми. Издательство «Мысль» публикует Хаусхофера, «Крон-Пресс» — Гобино, «ЭКМО» — Кожина (многомного). «Литературная газета» (с давними «демократическими традициями») переходит под крыло к Ю. Полякову (характерно, что «испытанные демократы со стажем» типа О. Мороза и В. Радзишевского не уходят из газеты после ее захвата «патриотами», а продолжают там работать как ни в чем не бывало). Последняя акция такого рода — еще год назад ничего подобного нельзя было даже помыслить! — это вступление издательства «Ad Marginem» в союз с А. Прохановым (смею тебя заверить, что по части звериности антисемитизм Проханова даст сто очков вперед антисемитизму Гитлера); теперь эти «партнеры» будут осуществлять «совместные проекты», один из которых — издание прозы и публицистики самого Проханова. И это при том, что именно в издательстве «Ad Marginem» вышли книги В.Беньямина, переписка Хайдеггера и Ясперса и т.п. Интересно, что будут теперь делать такие «отцы-основатели» и постоянные авторы этого издательства, как Рыклин, Ямпольский, Подорога? Вопрос чисто риторический. Уверен, что они сядут за один стол с Прохановым; не постеснялись же «демократические» СМИ пригласить к себе за стол Жириновского в тот самый день, когда он отказался почтить память жертв Холокоста, устроив непотребный дебош в Думе (впрочем, перед Жириком придется извиниться: он у нас сегодня уже западник и говорит об «Израиле, истекающем кровью в борьбе с мировым терроризмом»; ну, чем не союзник? теперь ему, глядишь, и израильскую визу дадут). Специфическая «гласность по-русски» привела к тому, что Россия стала раем для расистов самого низкого пошиба. Авторы, которые сидят в тюрьмах за расизм в «цивилизованных» европейских странах, свободно печатаются в наших «почти уважаемых» журналах. Приведу один пример. В журнале «Атеней» напечатана статья Гастона-Амана Амодрюза «Русский народ и защита белой расы». В редакторской врезке к статье сказано: «Зарвавшаяся западная 'демократия' не стесняется бросить в тюрьму 80-летнего стари-

ка только за высказываемые им идеи». А вот и сами идеи: «Законы западного мира запрещают оспаривать т.н. «холокост» и даже сомневаться в нем. СМИ утверждают: шесть миллионов евреев были уничтожены в газовых камерах во время второй мировой войны. Это позволяет обвинять спустя более чем 50 лет после этой войны не только немецкий народ, но и другие народы за то, что они не воспрепятствовали «холокосту». И это позволяет Всемирному еврейскому конгрессу с успехом пользоваться шантажом, в частности, против швейцарских банков». А вот что пишет этот «узник совести» о России: «По сравнению с Западной Европой Россия пользуется большей свободой слова. 'Основополагающие мифы израильской политики' Роже Гароди, конфискованные в Швейцарии, свободно распространяются в России, равно как и другие ревизионистские (т.е. пересматривающие общепринятый взгляд на нацизм) произведения. Защитники расы могут писать и говорить. Этот благоприятный климат, существующий в одной лишь России, делает ее авангардом борьбы за белую расу» (Атенеум, 2002, № 1. С.18–19). Как видишь, этот бодрый старичок тоже считает положение в России «исключительно здоровым». Так что я никак не могу разделить твоего мнения, что наличие фашистских газетенок «снимает неврастению и помогает определиться». Наоборот, неврастения становится диффузной и охватывает практически все «информационное пространство». То есть утрачивается граница между дозволенным и недозволенным, здоровьем и болезнью и т.п. Не от этой ли «атмосферы» («особенный еврейско-русский воздух», как выразился Довид Кнут) ты в свое время унес ноги? Неужели «ностальгия одолела»?

А что касается «инцидента», то не бери в голову. Проехали. Мне это действительно крайне неприятно, но не по каким-то там «тактическим» соображениям (не оттого, что я чего-то «боюсь» и все такое), а из присутствующего мне чистоплюйства: для меня разграничение на «ответственные» и «безответственные» тексты носит характер «талисмана»; это своего рода «суеверие», «патент на благородство» (мнимое, конечно).

Единственная просьба — впредь этого не допускать ни под каким видом. Иначе нарушится спонтанность и «безоглядность» нашей переписки (во всяком случае, с моей стороны), и она просто потеряет смысл, чего мне бы не хотелось.

Всегда твой,
Матвей

Ты мне камень с души свалил.

Я тут поговорил с Барашем насчет «псевдонима», он утверждает, что это «очень неприятное недоразумение», но все-таки «недоразумение», он не верит, что они могли... «Просто» у них правая рука не знает, что делает левая. Даже если так — слабое утешение...

Ладно, проехали, так проехали. А мне — наука...

А ноги унес — да именно от этого. И ностальгия не одолела, нет. Но сейчас все видится иначе, издалека...

Всегда твой
Наум

30.12. От Л: Гольдштейна мне не обязательно иметь у себя, с ним и так все ясно. А вот Зеркало хотелось бы, так что уж позаботься пожалуйста. За чтиво спасибо. Почему-то вспомнилась наша поездка в Хайфу на поезде... Ты мне тогда показывал свои фотографии для обложки Хроник, а я тебе лечила локоть своими горячими руками.

Ответ Л: Зеркало на днях вышло. Там есть интересные вещи. Ты еще «ящичек» арендуешь?

А поездку в Хайфу помню хорошо...
С Новым годом!

Дорогой Николай!
Спасибо за поздравления!

Поздравляю Вас и Марианну с Новым годом и желаю всей семье здоровья, удачи, и творческих успехов!

Вышел на днях очередной номер «Зеркала», где есть мой материал на, так сказать, общественную тему («лучше сто лет одиночества, чем двести лет вместе»). Пишу много, да бестолку. Мало что вытанцовывается.

Далекий гром Вашей славы доходит и до наших палестин. Еще раз здоровья и успехов!

Всегда Ваш
Наум

Матвей, привет!

Поздравляю тебя и Милу с Новым годом. Всех благ вам, здоровья, и творческих успехов!

Вернулись из Эйлата. Удивительное место: уголок лета. Купался в море, читал «Зеркало». Завтра вышлю тебе два экземпляра. Номер неплохой. Но, прочитав внимательно «наш» раздел, я разъярился еще больше чем в первый раз. Когда подъезжал к Эйлату, позвонила Ира Врубель-Голубкина (Бараш передал ей мою «взволнованность», а я еще добавил, что ты «в шоке»), всячески ужасалась «недоразумению», и как я мог подумать, что они нарочно, «ну подумай, зачем нам это надо»? В общем-то, не знаю, зачем растравляю твои и свои «раны», но я по-прежнему «в шоке» (потому что не верю их причитаниям, и ты сейчас поймешь, почему), а главное, не знаю, как оправдаться перед тобой. Говорят (но это не утешает), что «редакторы» всегда (или частенько) на-

ебывают авторов, вольно или невольно, а Гробман в этом отношении (как и в других) грубая скотина, то есть делает так, как ему нужно и на всех «забывает болт». Он вообще маниакально упрям и несгибаемо нагл. Дело в том (кажется, я писал тебе об этом, когда материал готовился к печати), что в твоём перечислении «Абрам-диссидентов» (Гинзбург, Щаранский) Гробман, «пройдясь рукою мастера», выкинул Щаранского и вставил Гершуни. Ссылаясь на то, что Щаранского лучше не трогать. Я сказал ему, что если уж политес диктует такое исключение, то Бог с ним, пусть вычеркивает, но вставлять в чужие письма то, чего там нет — это уже полная нелепица, мягко выражаясь. Он с этим согласился и в окончательном варианте, который я послал Ире (вот сейчас проверил, она мне по телефону просила: проверь, может ты сам забыл выкинуть) никакого Гершуни нет. А в напечатанном тексте есть! Может, и мелочь (для читателя и незаметная), однако не совсем. Дело в том, что нашу переписку они предварили двумя статьями Гробмана, опубликованными в газете «Джерузалем пост» в 1972 и 1973 годах, где он действительно высказывает похожие (на мои) характеристики Солженицына, а эти статьи — ещё и «лирическим вступлением» Гробмана, где он рассказывает, как к нему (ещё в блаженные диссидентские годы) пришел Гершуни... и т.д. Ты понял, в чем дело? Ведь надо подать Гробмана как пророка, он-де ещё тридцать лет назад говорил то, о чем нынче «спорят» ученые мужи типа Вайман-Рувин. Причем именно в мелочах, даже Гершуни упомянут — вот какой он мистический провидец! Я вдруг понял, что меня взяли в качестве подпевалы Гробмана! И ладно меня, я и тебя подставил! И мне это вдвойне обидно, что первый же блин нашего соавторства получился таким скомканным...

Ладно. Ты посмотри тексты сам, когда придет журнал, и скажи, как ты это видишь. Заодно, если будет настроение, можно и «пройтись по текстам», некоторые мне кажутся интересными (Бараш, Урман), и мне интересно знать твоё мнение (и вообще мнение об этом номере). А пока сообщи мне, хочешь ли ты, чтобы вышеупомянутые «недоразумения» были исправлены в «сетевой» версии. Мне кажется, что, по крайней мере, «Гершуни» нужно выкинуть. Ну а фамилия автора пусть остается, иначе нелепость получится: был такой-то, и вдруг — кто-то другой. Впрочем, тебе видней, как скажешь, так и будет.

Ну вот, такая получается трепанация...

Книги ещё не пришли.

Всегда твой

Наум

Да, ясно, почему Ирка так рассыпалась в похвалах: мы Гробмана «хорошо отгенили». Они вообще строят журнал как икебану к портрету Гробмана. Даже Винокура заставили себе жопу лизать. Вылизал как миленький, а не заплатили. Понимаю теперь, чего он так злился.

Наум, дорогой, я вас тоже поздравляю!

Насчет грома вы, батенька, перебрали. Что-то я его не слышу. Но вот рассказец вошел в кор. список премии Казакова.

Новостей кроме зимней холодрыги и темени нет. Но и они как-то для меня не продуктивны. Я кроме недвижности ничем не занимался с месяц! Правда, очень выгодно продал нашу квартиру и так же выгодно купил другую. С дивным видом, балконом и вообще в два этажа. Теперь на лестницу между этажами денег не хватает. Что ж, будем прыгать, разница от пола до пола 3, 80. Авось выдюжим.

У меня, наконец, вышла в НЛО книжка стихов «Пароль. Зимний сборник». Читаю и радуюсь — какая бумага хорошая. Оформление — будто кокаином обсыпали. Галлюциногенез полный.

Ничего хорошего не читал. Что-то как-то все не то или, скорее, не так. Ну, Вы знаете. В опере давно не был. Катерина Измайлова не в счет, так как тенор был совершенная херня. Он, гад, все и испортил. Не зря его фамилия Марусин.

Никуда из-за квартиры не собираюсь. Но эта жертва стоит некоторой обездвиженности. Много чего узнал про риэлторов. Убыф бы усих!

Одним словом, варимся и паримся в собственном аэстетичном соку.

Пишите, не забываете, Ваш НК

Так это и есть слава, дорогой Николай: там «короткий список», тут «короткий список». Как в песне поется: но за тобой тащился длинный хвост — длинющий хвост твоих коротких списков¹. Так незаметно, лениво отмахиваясь, становятся классиками. А мне, по честному, Ваши письма дороже всякой «литературы», «прелесть что такое», так что не забываете.

Неудобно «нагружать», но с радостью получил бы и Ваш «Пароль». А как вам «Зеркало», если, конечно, интересно обсуждать? Последний номер на днях будет и в Сети, но если хотите иметь у себя, я вышлю. Он вроде неплохой. Только крайне раздражает, что они строят его как веночек к портрету Гробмана, с Гольдштейном в качестве муаровой ленты. Гольдштейн же бессовестно повторяется. И книжка его последняя мне не понравилась. Ну вот, я уж и разбежался пообсуждать, то бишь посплетничать... А то что «все не то и не так», это я согласен. Пока, понимаешь, сама рукава не засучишь, ведь никто за тебя мировую литературу не вытянет.

А с недвижностью — это славно, рад за вас. Риэлторы приходят и уходят, а недвижность остается.

А я, тоже похвастаюсь, три дня в Эйлате сидел, загорал, в море купался, островок лета...

Всегда ваш

Наум

¹ Парафраз из песни Высоцкого «О нашей встрече, что там говорить...».

Позвонил Гробману. Лично Сам поднял трубку. Поздравил их с Новым годом. Потом все-таки сглупил. «Пожаловался» царю-батюшке, да еще эдак запанибрата: «А все-таки ты меня наебал». Неконструктивное заявление. Ну, он сначала стал мне говорить, что я параноик, да «на Ирке весь журнал, да ты знаешь, сколько там ошибок, даже на обложке ошибка!», «и еще я тебе скажу...» Но тут Ирка пришла, спросила как номер, я сказал, что интересный, что мне Урман понравилась. «Аа, вот хорошо, а то тут у некоторых сомнения были, мол, слишком просто для нас, так что я рада, что тебе понравилось». — «Да, и рассказ Винокура ничего, вроде бред полный, но атмосфера создается, даже трагическая... А кстати, он что, педик?» — «Да ты что!» — «Он всегда с какими-то странными молодыми людьми...» — «Поклонники, Наум, поклонники! Винокур, понимаешь, достиг такого уровня славы, что у него много поклонников. Вот у тебя нет, а у него есть». — «Аа... Ладно. Пусть будет поклонники».

— Вот тут Миша еще хочет тебе что-то сказать.

— Наум, — Гробман взял трубку, — чтоб закончить с твоей паранойей. Ты меня даже оскорбляешь такими предположениями, ты как бы говоришь тем самым, что Гробман Ваймана испугался, прямо ему не сказал, а объебал его. Это не мой стиль. Я никого и ничего не боюсь. Если мне надо Ваймана нахуй послать, я его и пошлю (ну вот, нарвался на ласоньки царские, поделом дураку) и печатать не буду. Так и учти. Ну, в общем, ладно. Еще раз с Новым годом, здоровья. И заходи.

Позвонил Мише в Москву. Голос у него хриплый.

— А я опять сгорел. Буквально вчера. Да. От сигареты. Нет, не всё, только подушка, перья черные витают как после погрома. Ты что, я завязал после больницы, это я простужен. Дела — нормально. Жениться хочу. Еще не нашел. Ищу вот. А ты как? Сердце? Как мама? Передай... Напишу, Наум, напишу.

Эйлатские «блестки» от жены:

Утром: «Посмотри на море, много хаимов сидят?»

Бездомные у нее «бомжульки».

Подложил три подушки, поднять задницу на третий этаж и... А она потом: «Покоряешь вершины?»

Советую ей почитать в «Зеркале» «Новую Лолиту», письма Урман (ближе к концу я забуксовал), говорю: «И Инне напиши, ей будет интересно: жизнь одинокой немолодой женщины, правда героине не 55, а 45...» — «Это большая разница, очень большая. 45 — это еще жизнь, а 50 — это уже закат Римской империи».

— А ты представляешь, что мне Жанка сказала? Что я теперь ей больше нравлюсь, раньше я была слишком хорошенькая!

Приснился Тарасов. Что он погибает. Ищет гибели, сходит с ума. Я бегу за ним по каким-то железным лабиринтам, похожим на переходы

подводной лодки, какие-то люки, лестницы, коридоры, перила, все из металла, из ржавых труб, а Тарасов убегает умирать, и вот я на каждой лестничной клетке, на каждом переходе нахожу окровавленные куски его внутренностей, как будто, убегая, он раздевается, но изнутри, вырывает и выбрасывает куски мяса, кишок, мотки сосудов, и я понимаю, что это уже смерть, нельзя же существовать без этих органов, и все бегу за ним, преследую и вижу фрагменты хребта, и не могу понять, как он еще убегает, почему жив... И вдруг какие-то безумные повстанцы, штурмуют в отчаянном, самоубийственном порыве крепость, скорее большой дом, а я здесь только чтобы догнать его, потому что он убегает к своей смерти, вокруг выстрелы, я пригибаюсь, падаю, прячусь, теряю его из вида, ползу и перебегаю с места на место, и тут вижу его: он лежит у двери, как-то полубоком, рядом старая винтовка из фильмов про Гражданскую войну, и он, почти не шевелясь, пальцами поворачивает ее дулом к своему рту и при этом смотрит на меня, а я лежу невдалеке, прижавшись к полу, и смотрю на него, а он такой молодой, почти юный, и даже румянец на щеках, и медленно поворачивает лежащее на полу ружье, и я думаю при этом, что к лучшему, он все равно не жилец после того, как себя вычистил, все внутренности выкинул, и вообще ясно, что он смерти искал и вот сейчас он с ней соединится, и я не смогу помешать. А ствол, гладкий, серый, поворачивается и останавливается против его рта, он открывает его и вытягивает губы трубочкой, и смотрит на меня, то ли прощаясь, то ли давая урок, то ли просто еще держась взглядом за что-то, и спускает курок.

Когда проснулся, забыл сон, но когда взял в руки «Зеркало», жена пошла мыться, а мне вставать не хотелось, стал перечитывать его стихи, «Хлеб и гранат», тут сон и вспомнил...

Урман читал с удовольствием, подкупила живостью, но к концу соскучился: сорокалетняя темпераментная красавица гоняется за 20-летними, иногда ловит, ну и что? Оргазма от описаний оргазма я уже не получаю.

«Профили освобожденных» Гольдштейна начал читать с интересом, там, где лирика и воспоминание о школе. Как он ненавидит себя и презирает, как сам себе омерзителен: расплющенность, трясогузкино сердечко-серчишко, прыщавый жиртрест, недужное нутро — и все на одной странице, на первой. Но он быстро свернул на проторенную дорожку «культуры». Будто он теперь, во всеоружии отточенного пера, мстит себе прежнему, сводит с собой счеты, пытаюсь быть беспощадным в самообнаженности. Но что-то жалкое в этом. «Скорбь обездоленной промежуности». «Можно ли трусом назвать того, кому от рождения невдомек, что на свете бывает, извините, храбрость». А вот мы его «черепашкой ногтя по пипке». Перечитанность, муки книжного червя, пытающегося выбраться из дурмана обглоданных фолиантов. Да, сносит его тече-

нием книжных ассоциаций на мель чужеродных угрызений. Книжный червь — червь могильный. Пишет о поэзии шахмат, а в шахматы играть не умеет. По сути, это очерки о выдающихся деятелях культуры, приправленные стилизованными воспоминаниями о детстве-отрочестве-юности. Выспренность Цвейга. «Дягилев был Сократом для юных варваров Нежинского и Лифаря, он мял их как воск и как глину, обучая полету». Дягилев был импресарио, делец, а не балетмейстер. И какое к черту «варварство», русский модерн это натуральный «закат Римской империи». Пишет о том, чего не знает, почитал чуток и «дал простор воображению». Ориенталистская проза про одалисок, султанов и морских разбойников. Только в роли одалисок в шелковых шальварах — философы, революционеры и литераторы, разодетые, в угоду воспаленному тщеславию, в причиндалы восточного маскарада. Если угодно, церемониальный литературный балет.

Совершенно неуместные цитаты из Мандельштама в пассаже об Альтюссере.

А что такое «психопространственные изменения»?

«Вальтер Беньямин, провозвестник грозовой историософии, испепелившей погребальные покровы, которыми рациональность пеленала откровение истории», якобы явился ему во сне и велел писать об Альтюссере. Биографии в стихах? Занимательно. Но все-таки герои биографий не выдуманные, нельзя о них писать бог знает что.

И кокетничает: «сущий невежда, вроде меня...»

Последняя главка о Курёхине — перепевы «философии искусства» собственного домашнего изготовления.

В книге у него «о скором пришествии вопля, неизбежность которого для искусства...», «неразделенность жизни и смерти, энергичная трансмутация всех представлений, целенаправленная работа с призраками сознания... только таким должно быть искусство», «эпидемическая реализация мстительного и победного бреда», «рассадник несбыточных, но должных осуществиться, как все невозможное, грез», «мегамашина желаний... гностическая драма» и т.д.

В «Профилях»: «в космосе рождается Существо, оно тоже явит свой лик, и привычная констелляция ценностей рухнет перед ним...», «гностическая перспектива», «неизбежность того, чего словом не выразить», «только с помощью невозможного претворяют тварность в свет», «главным было наитие, что сумасшедшее действие осуществимо и невозможное возможно»...

Весь этот текст — повторение книги, замкнутый круг.

Женщина с мужчиной раскрывается, становится интересной. А женщина с женщиной сворачивается в канат своего члена, глупеет, становится смешон, жалок и подл. В стаде он еще омерзительнее. Мужчина прекрасен, только когда он один.

Фромер звонил, сказал, что книгу мою получил, прочитал, и она ему очень понравилась, Прайсман передал привет от Юзефовича, Володя Овчинников купил дом в Дании, приглашал на рыбалку.

Наум, привет!

Рад, что тебе удалось отдохнуть и хоть немного расслабиться. Поздравляю с Новым Годом. Желаю тебе и твоему семейству здоровья и всех прилагающихся к нему благ. Тебе же лично — творческого прорыва; думаю, энергия для него уже накоплена, так что дело за малым — за удачей. Конечно, я хочу, чтобы «недоразумения» были исправлены в сетевой версии, включая (точнее, исключая) фамилию (засвечивать фамилию в интернете особенно не хотелось бы, учитывая обширность аудитории, а «нелепость» рассогласованности с печатной версией меня не волнует). «Казус Гершуни» представляется мне особенно диким, так как я даже не знаю, кто это такой. Впрочем, я не принимаю всего этого слишком близко к сердцу и тебе не советую. Сверхусилий предпринимать не надо: как получится, так и получится. Проехали так проехали.

Жаль, что не пришли книги, но думаю, что переживать рано; возможны заторы в связи с новогодней перегрузкой.

Всегда твой
Матвей

Позвонил Барашу. Обрисовал ситуацию. В конце концов, он тоже редактор журнала. Говорю, что журналу не на пользу, когда из него делают раму к портрету Гробмана, «музефицируют Гробмана», как выразился Кабаков.

— Это неизвестно. Когда у человека столько энергии, что все гребет под себя, и крупное и мелкое, то не исключено, что все идет на пользу. Ну, и потом у людей могут быть свои маленькие слабости...

— Я не уверен, что «грести под себя» это правильная стратегия саморекламы. И уж точно — не рекламы журнала. Может обернуться бумерангом. Скажешь: его проблемы? Но если бьет по журналу, то и по нам.

— Да уже оборачивается. И приводит к тому, что у всех у нас вот такое отношение к Гробману. У меня с ним было с десятков таких историй, если захочешь, как-нибудь расскажу, и в результате у меня пропало всякое желание с ним... ну знаешь, как-то идти навстречу, что-то делать. Да я палец о палец ради него не ударю.

— Да, вот он меня просил принести ему всякие «литературные» фотографии...

— Да-да, он и меня просил, это меня ужасно возмутило: может, тебе еще и архив свой литературный принести?

Позвонил Гольдштейну, поздравил с Новым годом. Не удержался, рассказал о «казусе Рувина». Ну что ж, сказал он, еще одно унижение

придется проглотить. Это мне придется. Хотя «еще одно» как бы знак солидарности: в цепи «наших» унижений. Ладно. Я его взамен по-дружески, так сказать, критиковал, мол, в публикации повторяется. И вообще, «ходы», характерные для книги и публикации, себя исчерпали. Он сказал: возможно. Заверил, что сейчас работает в совершенно другой манере. О своих «культурных биографиях» заметил, что он специально искажает, «додумывает» биографии реальных персонажей истории и культуры, но только слегка, это и не биография, и не свободный полет фантазии под «знаком» известных имен, как в «Палисандрии» или у Сорокина в «Голубом сале», а нечто среднее. Такова «метода». Я сказал, что это «среднее» выглядит сомнительным методом. Как-то ни то ни сё. Он в ответ привел пример книги какого-то американца (Рорти?), который написал «роман» о Хайдеггере, вернее о герое, который во всем похож на Хайдеггера, с изменением одной детали в биографии: Хайдеггер женится на еврейке и уезжает в Америку.

Сказал ему и про Винокура, как тот в своем рассказе вдруг, ни к селу ни к городу, подлизнул Гробману.

— Да? Я не читал.

— Вот почитайте.

— Но ему-то зачем?

— Ну как, напечататься хочет.

— Без этого, думаете, не напечатают?

— Хочет повысить шансы.

— Даа... Вообще Винокур хитрющий, и вовсе не такой простак, каким любит прикидываться.

— Хитрый и коварный. В нем есть что-то опасное. Ядовитое.

— Да, это верно.

Позвонил Тарасову, поздравил. Рассказал всё ту же историю «самоуправства» Гробмана.

— Блядь. Какая гнусная скотина. Он когда-нибудь дождется, что ему в морду заедут. У меня просто руки чешутся. Но не могу же я бить старого человека. Ты просто напомнил мне... он так же выкидывал фамилии из моих текстов, ну, того же Бренера, например, которого он терпеть не может. Скажи, мое стихотворение открывает номер?

— Нет.

— Блядь!

— А что, они тебе обещали?

— Что значит «обещали»?! Они мне прислали распечатку, и там на первой странице было мое стихотворение!

— Нет, сначала идет проза, а стихи в середине номера, сначала Степановой, а потом твои.

— Какая все-таки гнусь. Ну просто деваться некуда. А кто первый?

— Бараш.

— Ну да. Бараш не захотел, чтобы я был перед ним, понятно. Бараш меня ненавидит.

— Ну, я не думаю, что слово Бараша решающее...

— Они тоже меня ненавидят.

— Ненавидели бы — не напечатали, но... напечатать, при этом слегка унизив, это кайф.

1.1.2002. Новый год в «литовской» компании. Пел подвыпившей еврейской буржуазии на большом балконе «И другу на руку легло, крылатки легкое крыло...». Бешеный успех.

2.1. 2002.

Матвей, привет!

Я вернулся к Жирану и сразу же наткнулся на «цитаты» из Рувина:

Жертвоприношение ... обладает катартической эффективностью... Жертвоприношение ... остается общинным институтом. Эволюция, позволяющая его «индивидуализировать», — дело позднее, противоположное духу этого института. Задача ритуала ... извлечь из учредительного насилия своего рода технику катартического умиротворения. ... Он играет роль не целительную, а профилактическую. Ритуальное мышление считает эту игру (ритуал) средством сохранить и возобновить культурный порядок, над которым всегда тяготеет угроза распада. По духу все это прямо противоположно авангардному театру или современной контркультуре. Речь идет не о том, чтобы приветствовать пагубные силы, а о том, чтобы их изгнать.

Последняя цитата прям для господина Гольдштейна. Только вот я подумал, что может быть все эти заклинатели и маги насилия (почему-то вспомнился и Александр Блок) тоже призывали и призывают «пагубные силы», чтобы их изгнать? Ведь никто ж не хочет «полной гибели всерьез». А приывают, чтобы сделать их явными. Дело в том, что на «пагубные силы» в наше время вышел запрет, и им приходится маскироваться, а то и уйти в подполье, хотя свое магическое действие они и оттуда продолжают оказывать. И «современное» искусство пытается вывести их на чистую воду, «навести на них фонарь», осветить и освятить с тем, чтобы извести. И всё это Жиран прямо называет «динамикой спасения». В связи с этим он анализирует роль короля и африканские ритуалы мнимых и действительных принесений короля в жертву.

Король правит лишь в силу своей будущей смерти; он не что иное, как жертва перед жертвоприношением, приговоренный в ожидании казни. ... Он машина по переработке бесплодного и заразного насилия в позитивные культурные ценности.

И тут со всей очевидностью всплывает (в продолжение нашего разговора о механизме власти), что власть возникает (я утверждал, что на силе, а ты — что на ритуале) как часть ритуального механизма «жерт-

вы отпущения». Эта власть всегда (изначально) персонифицирована, и вождь, или царь-король всегда жертва (отнюдь не метафорическая, впрочем, и метафоры возникают не случайно, метафора — отголосок мифа). Поэтому он священен, и власть его священна, и в этом священстве источник ее «легитимности». Поэтому создание «республик» подобно вырыванию корня у власти, особенно в обществах архаичных. Так что падение монархии в России было потрясением не столько политическим, сколько религиозным, да оно и сопровождалось отменой религии. У России опять отняли прежнюю веру и навязали новую, опять изнасиловали. И остается обвинять всякие «вихри враждебные»: евреев, Запад и т.д. Они и назначаются «козлами отпущения», тем самым нация пытается восстановить свое психическое здоровье, «спастись». С помощью такого вот «ритуального механизма». Но боюсь, что прошли времена ритуалов...

Всегда твой
Наум

От Л: Ну, ты доволен публикацией в Зеркале? Есть какие-то отклики?

А Бараш мне нравится тем, что узнаешь детали. Признаюсь, что мне как-то трудно судить о «целом» из этих отрывков. Когда я читала отрывки Гольдштейна, они мне нравились, этакая поэма о Тель-Авиве-Яффо, а после твоей реакции на книгу совсем другое дело. Но в обоих случаях читала с удовольствием, что нынче для меня большая редкость. Так что спасибо за чтение. Костырко ответил?

Костырко деловой стал, отвечает не сразу и не на все...

Посылаю тебе записки, там все приключения с публикацией, из которых ты поймешь, что я не очень доволен.

Матвею:
Не успел дописать...

Если царь — жрец и жертва, то напрашивается сравнение с Царем Небесным, тот же Христос — он и Царь, и Жертва. Но Бог-Отец никак не жертва. Т.е. Бог-жертва, как и царь-жертва — это язычество. И Христианство только «для вида» прикидывается монотеизмом (а опора на Ветхий Завет — костыль).

Как Новый год справили?
Всегда твой
Наум

Она выглядит измученно. Сильно кашляет, со свистом. Я говорю:
— У меня сегодня мало времени... Поедем куда-нибудь перекусить?
— Ма ше тагид¹.

¹ Как скажешь (*ивр.*).

Посидели в «Пирате» в Яффо. Сильный ветер опрокидывает легкие стулья, и мы прячемся внутри. Кроме нас только компания из трех мужиков, болтающих по-английски. Потом пришла еще пара, потом еще одна. А так пусто. За окном пасмурно, обещали дождь, за дамбой встают на дыбы осажённые волны. Ели ее любимые креветки в чесночном соусе, форель в грибах и сметане, белое вино, поджаренные питы... Она держала меня за руку. Прошептала что-то.

— Чего ты говоришь?

— Говорю, что люблю тебя...

Потом опять вспомнила свои слезы в последний раз.

— Мне так стыдно. Ужасно стыдно... Но самое ужасное, что я до сих пор не пойму...

— Это до сих пор тебя мучит?

— Да. Потому что я не могу понять, почему ты... Ты не представляешь, как мне было больно. Ужасно, ужасно. И тогда я такое натворила...

— Что ж такого ты натворила?

— Нет, я не могу пока тебе рассказать. Я не хочу причинять тебе боль. Я не готова рассказать, а ты не готов выслушать. Это стыдно. И омерзительно.

— Ну, ты уже как-то намекала... (на панель что ли пошла, думаю).

— Тем более... И я до сих пор не могу понять... ты же знаешь, я не понимаю твоего «вверх-вниз», этой пилы...

— Я это называю синусоидой.

— Какая уж тут синусоида, это пила, горло пилит...

— А когда была первая размолвка, тогда, у вокзала, тебе тоже было так?..

— Да нет, что ты. Тогда ты еще так не сидел во мне. Мне было, конечно, грустно, но совсем не так.

Мне стало ее жалко. И в то же время я чувствовал веселое злорадство и гордость, что все-таки «зацепил» ее, и от этого захотелось обнять ее и поцеловать.

В деревне мы еще долго сидели в машине и целовались. И я до сих пор чувствую кожу ее рук, век, губ, как она прижимается ко мне. Да, я люблю ее.

В ресторане зашел разговор о новогодних пиршествах, и я описал ей технологии искусственной рвоты древних римлян, позволявшие им пировать несколько дней подряд.

— Ну и русские мужики также. Ты на свадьбах никогда не был? Кладут такое бревно большое, наваливаются на это бревно животом и отдают все лишнее.

— Вонизи, небось, к концу свадьбы.

— Да кто нюхает, перепились уже все...

Вечером позвонила Ирка, опять хвалила, потом про какой-то съезд в Иерусалиме, русские приедут, тусовка, «Зеркалу» дают 3 часа, не хочу ли я поехать. Можно, говорю, почему нет. «Тогда, может, ты нас возьмешь?» А то я не понял, что тебе шофер нужен. «Ради бога». — «А можно и Шауса взять с нами?» Да куда ж мы без Шауса.

3.1.

Далекие и дорогие, тем же вас концом да по тому же месту, да сбудутся ваши лучшие пожелания, и да сгинут все хвори. У нас снег, лыжные обстоятельства налицо, ждем-пождем зимнюю Олимпиаду Ютовну, причем только что проводили в Бостоне Гену, который приезжал к нам на побывку, поскольку в Америке никогда не был, и вот мы решили, что пора. Три недели пролетели стремглав, было весело, в частности потому, что дом у нас русский и артистический: снимаем пополам с одной цирковой акробатической парой из Москвы. Проработали эти ребята в столичном цирке двадцать лет, но в конце концов не выдержали бытовых сложностей и переселились сюда, служат теперь педагогами в местном шапито с детским уклоном. А кроме того тренируют собак и кошек, наличие коих в доме создает колорит приятнейший. Словом, Гена попал с корабля на бал, и выпито было немало, и теперь вся тверская молодежь норовит податься по его стопам. Наум, мне как-то не удалось через интернет прочесть твои тексты, попадались какие-то другие, прежние, так что пришли, если можешь, что пожелаешь, буду рад и признателен. Зеркало, конечно, в первую очередь, журнал сей нельзя не похвалить, и вообще, было бы замечательно, если бы, прочитав очередной его номер, ты бы его мне присылал на просмотр, а я бы обратно тебе отфутболивал. А как складываются отношения с московским знакомым, что посылает тебе оттуда книги, доходят ли сейчас посылки, стоит ли мне с твоей помощью с ним связаться, и если да, то как он узнает мой вкус? Или лучше обременить кого-либо в Израиле, например, тебя, ибо такого человека как Гена обременить трудно: ему ведь неясно, что меня может интересовать, с тобой же мы можем творчески обсуждать будущие приобретения. Интересы мои ты знаешь, они достаточно узки, и многого посылать не придется. Оплату гарантирую. В общем, подумай. Если тебе это не с руки, так и скажи. Хотелось бы раздобыть, например, те книги Гольдштейна, за которые он получил премии, я ведь его мало читал. Ну вот, пока все. Марлин шлет приветы. Твой С.

Саша, привет!

У вас снег, у нас — дожди. Одним словом, зима. А на Хермоне таки снег, аж 18 сантиметров, можно и с горки скатиться.

Насчет книг сделаем просто: я соединю тебя с Матвеем (отрывки из переписки с которым опубликованы в последнем «Зеркале»), он очень симпатичный, смею сказать, неглупый и страшно начитанный парень, интересов в основном философских, а главное, фанатично честен в де-

нежных делах, достоинство, которое я считаю у людей особенно редким и ценным. Он же и организует доставку, и расчеты ведите напрямую. Мне кажется, что так будет оперативней. Могу рассказать, как мы с ним «работаем». Приблизительно раз в две недели он посылает мне список книг (исходя из моих интересов), пример такого списка привожу ниже, с его же краткой и очень толковой аннотацией. Из него я выбираю необходимое, остальное — дело техники и его расторопности, а он человек расторопный, так как «имеет интерес»: он берет со всех своих расходов на книги, на пересылку и на транспорт 25% надбавки, это как бы его заработок (и все равно это получается процентов на 30–40 дешевле, чем у нас в магазинах), и он для него существенен. Меня в этом уже многолетнем нашем «бизнесе» интересует не столько экономия (она не велика и ради нее не стоило бы человека «гонять»), сколько «общение». Вот такой, извините за выражение, бизнес пропозишн.

Сердечный привет Марлин.

Всегда ваш

Наум

Наум, привет!

Из того сгустка тем и мотивов (конечно, «рувинских»), которые у тебя «намешаны», прочерчу пунктиром линии «согласия/несогласия».

Разумеется, я не буду спорить с катартической трактовкой ритуала и с ритуальной трактовкой власти. Линии размежевания пролегают глубже. У Жирара прочитывается (даже в приведенных цитатах) допущение, что ритуал возникает в чисто социальной сфере и что он возникает как событие в ряду других событий. Эта «естественная установка»: кажется «естественным» («слишком» естественным, чтобы стать объектом рефлексии), что сначала «общинный институт», потом «индивидуализация», сначала «реальное событие», потом Рампа. Я думаю, что «очевидность» подобных предпосылок играет роль «мыслеотвода», позволяющего «незаметно проскочить» самое «темное» место — вопрос о происхождении ритуала. Ведь если принять допущение, что «индивидуализация» — дело позднее и даже «противоположное духу этого института» (жертвоприношения), то «снимается» вопрос об «изначальной» индивидуации. Получается, что ритуал только потом «потихоньку нагружается» функцией снятия индивидуации, причем искусственно, вопреки собственной изначальной природе. На самом деле все эти уловки ни к чему не ведут: ведь приняв вышеуказанные допущения, надо будет признать и то, что катартическая функция ритуала тоже поздняя (вообще, если катартика — не снятие индивидуации, то что это такое?) и «чуждая изначальному духу». Но чем был ритуал без катартики? Получается логический круг. Чтобы разорвать его, надо признать изначальность индивидуации и Рампы. Индивидуация — это субстрат риту-

ала, а Рампа — механизм его переработки. Только при соединении этих двух «ингредиентов» возникает катартическое снятие индивидуации («процесс пошел»). Жиран правильно нащупал тот момент, что ритуал не мог быть «изобретен», а должен был быть «найден» (точнее, должен был быть найден его «носитель»). Но он не там его ищет. Эпидемия насилия и катартический эффект коллективного насилия над случайно выбранной жертвой — это чисто спекулятивная конструкция, которую нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Но беда не в этом (всякая теоретическая конструкция в той или иной мере «принимается на веру»); конструкция Жирана внутренне противоречива, потому что постулируемый им ритуал ничем не отличается от неритуала (как событие в ряду других событий). Между тем, надо объяснить как раз разделение социальных событий на ритуальные и неритуальные, то есть архитектурное расслоение изначально единого мира. Мои построения исходят из того предположения, что расслоение произошло изначально в сознании (рефлексия как самосознание), в интерсубъективной сфере (самосознание как взгляд на себя «глазами другого»). Вызванные рефлексией аффекты («страх смерти»), парализующие действие пускового механизма блока обеспечения (общего для человека и животного), должны быть нейтрализованы («переработаны», «сублимированы»), но как? Должен быть найден «носитель» не только «содержания» (индивидуация), но и формы (механизма) ритуала. Суть этой формы априорно в ее «отвязанности» (поскольку она призвана нейтрализовать абсолютно «отвязанные», «не предусмотренные Замыслом» аффекты). С точки зрения функции — это должен быть возврат к инстинкту (только на новом уровне); значит, должен быть найден (не верю, что вещь подобного рода могла быть «изобретена») «холостой инстинкт», обладающий циклической структурой. Не могу сейчас углубляться в эту тематику (хотя при случае готов), но мне представляется, что таким носителем ритуальной формы мог послужить «смещенный инстинкт», открытый и подробно описанный этологами (прежде всего К. Лоренцом) — то есть «случайно возникший», «нефункциональный», «холостой» инстинкт мог послужить формой, подходящей для того, чтобы «нагрузить» ее столь же «отвязанным» содержанием (индивидуационным субстратом). Если бы удалось реконструировать такую цепочку (а это вполне реальная задача, для которой накоплен весь необходимый материал), то мы объяснили бы ритуал в его сущности (генезис совпал бы со становлением смысла) — и нам не пришлось бы задним числом, контрабандно (как делает это, сам того не замечая, Жиран) нагружать ритуал его собственной сущностью и смыслом.

Остановлюсь еще на «господине Гольдштейне» и на связи механизма власти с «монотеизмом». Мне кажется искусственным разделение на «чистых экзорцистов» (изгонителей нечистой силы) и «нечистых» (тех, которые выводят эти силы «на чистую воду», чтобы затем изгнать).

Сплошные смысловые рифмы: 'выводят' 'на воду'; 'чистые борцы' в борьбе с 'нечистой силой'; думаю, в таком метафорическом бульоне могло бы вывариться нечто многообещающее. Разве «чистый экзорцист» (тот же Жрец) не «выводит на чистую воду», чтобы «потом изгнать»? Разница в том, что Жрец осуществляет «полный цикл», а Маг выдирает из этого цикла только одно «отдельно взятое» звено и абсолютизирует его (разрывает круг), оставаясь при этом «обезьяной Жреца» (то есть, не внося, в сущности, ничего нового, светя отраженным светом и пользуясь заемной энергией). «Господа гольдштейны» не мэфистофели и даже не воланды (какими хотят казаться), а поповские имитаторы магического «злодейства» и «кошунства». В этом смысле помянутый тобой Блок их отдаленный предшественник, с той только разницей, что самообвинение в доморощенной арлекиnade (мотивы «Балаганчика») и в «нечистом мистицизме» позволяли Блоку «возвыситься над собой» в духе романтической иронии. В конечном итоге он верил, что бездны кошунства (выкликание духов зла) «сами собой» выведут его к некоей особой «кошунственной святости», «закругляющей» цикл исканий; недаром он сказал о своей Музе: «И когда ты смеешься над верой, // Над тобой загорается вдруг // Тот неяркий, пурпуровосерый // И когда-то мной виденный круг». Иными словами, Блок верил в «дьявольский нимб», неотличимый от нимба святого.

Относительно связи механизма власти с «монотеизмом» ты исходишь из той же логики, что и Жирар: сначала «реальное жертвоприношение» (вещь, в сущности, непонятная; проблема ведь не в том, принесется ли кто-либо в жертву реально, а в том, чтобы это происходило в «отвязанном», «ирреальном» хронотопе; жертва символична изначально, потому что «несимволичная жертва» — это просто сапоги всмятку, этический поступок, не имеющий прямого отношения к делу; от него нет пути к ритуалу), а потом «символическое замещение» (что-то вроде деградации). По-моему, «легитимность» (сакральность) власти основывается не на оппозиции 'реальность'/ 'символичность', а на прочности/непрочности Рампы (то есть на «самовоспроизводимости» ритуального механизма).

Ты считаешь, что «прошли времена ритуалов» — и в то же время продуцируешь фантазии относительно «религий» (времена которых, по-твоему, надо полагать не прошли). Я придерживаюсь противоположной точки зрения: прошли времена религий, а времена ритуалов еще впереди (если впереди история, а не апокалипсис). И поэтому не вижу прямых соответствий между дихотомией монотеизм/политеизм и сакральностью. По-моему, беда в том, что общепринятые представления о религии мешают понять ее истинный статус. Дело не в том, сколько богов было у «язычников» (монотеизм/политеизм), а в том, была ли их картина мира единой или раздвоенной (монизм/дуализм). Монизм — предпосылка для «правильной», циклической ритуальности (облегчает

задачу Жреца); дуализм же способствует абсолютизации «отдельно взятых» фрагментов ритуала (облегчает задачу Мага). А религия — это лишь довольно поздняя и совершенно неадекватная «эмблематизация» уже доказавших свою эффективность ритуальных моделей. Религия — это «ложное сознание» об «истинных» (то есть эффективных) ритуальных структурах. Можно сказать и так: религия — это магическая (и тем самым заведомо ложная) интерпретация жречества. Поэтому и «исцеления» можно ждать (если оно еще возможно) не от навязывания «более правильных» или «более подходящих» религий (это уже отработанный пар), а от «взаимной подгонки» ритуальности и реально наличествующей структуры субъекта; это и будет «формированием нового субъекта». А в какой форме это произойдет (и произойдет ли вообще) — во многом дело случая. Я не знаю, каким будет «новый машиах», но знаю точно, что его не узнают. К трудностям узнавания отсылает и приведенный тобой пример «русской революции» как религиозной. Конечно, в общем виде тут особо не поспоришь, но при малейшем приближении возникают проблемы. Прежде всего, о какой революции идет речь? «Республиканской» была только Февральская революция; Октябрьская же оказалась фундаменталистской, к вящему изумлению доживших до стабилизации «отцов-разрушителей» (зеркальный pendant к американским «отцам-основателям»), то есть, с точки зрения собственно религии, не столько разрушающей, сколько созидающей, не столько «прогрессивной» (т.е. идущей по пути роста индивидуации и, соответственно, усложнения механизмов ее снятия), сколько «регрессивной» (т.е. делающей, по шкале индивидуации, шаг назад, к ритуальной архаике). Что же касается конкретно русского человека на randevу с реальностью, то его проблема в том, что он, блин, «за себя не отвечает». Главное, он «бессознательно знает» о себе, что за себя не отвечает; он говорит: «со мной иначе нельзя», «мне только дай волю, я тут вам такого наворочу...» ('волю', а не 'свободу'; идея свободы русскому сознанию вообще чужда, что отметил тот же Бердяев). В результате этот тип индивида оказывается неспособным к выстраиванию структур, опосредующих его взаимоотношения с властью; поэтому власть как таковая (в форме чистого насилия) обрушивается всей своей мощью на индивида как такового (непосредственно на его тело). Пока не будет сформирован другого типа субъект (а это делается лишь при помощи Рампы, в «ирреальном» хронотопе), ничто принципиально не изменится. Приведу пример из жизни. Когда я разношу газеты (толстые, бесплатные, рекламные), то слышу каждый раз один и тот же комплекс высказываний: «вот на что бумага идет», «а сколько бы вышло тетрадок (учебников) для детишек» («Сколько бы вышло портянок для ребят, а всякий раздет, разут» — А.Блок), — но кончается всегда одним: «Сталин бы за такое расстрелял!» Надо видеть, с каким восторгом помятые жизнью, беспомощные старики произносят эту сакраментальную фразу. Казалось бы, кому охо-

та ходить под дамокловым мечом физического уничтожения за любую ничтожную или даже мнимую провинность? Ан нет, чувствует мужик (нутром чует): со мной иначе нельзя; мне только дай волю, я вам тут такого наворочу, мало не покажется... Отсюда полная неспособность к самоорганизации да и мало ли к чему еще...

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Да, проблема Жирара в том, что он, отталкиваясь от похвального стремления уменьшить уровень насилия в мире, полагает ритуал средством борьбы с насилием: мол, коллективное убийство козла отпущения снимает напряженку на этот счет — чушь собачья, да еще с христианскими заморочками (Христос де и есть козел отпущения, взял на себя все грехи наши).

Журналы я тебе вчера выслал, два экземпляра. Надеюсь, дойдут (конвертик хлипкий, но приемщица сказала: сойдет).

И еще тут клиент наметился, Саша Соколов, сидит он в своей Вермонтской глуши («совсем одичал», как сказал о нем Гольдштейн), на лыжах катается, а книжки покупать негде, вот он и запросил насчет нашей с тобой «торговой сети». Я дал ему твой адрес, так что если напишет и пришлет конкретные пожелания (книги, темы), то может и расширишь свою деятельность, если, конечно, ты в этом заинтересован.

Всегда твой
Наум

От Л: Вчера была на Бродвейском «Producers». Это как два еврея решили сделать спектакль на Бродвее с тем, чтобы он провалился, а на собранные деньги, 2 миллиона уехать в Рио. Деньги собирают со старушек (пожертвования) за любовь. Ищут самую плохую рукопись, постановщика, бездарных исполнителей и т.д. и выбирают пьесу о Гитлере, которого будет играть голубой. С расчетом на еврейскую аудиторию. Ну и конечно получается у них все наоборот — фурор. Бред, но смешно и очень изобретательно. Билеты надо заказывать за год, но сын случайно нашел в паутине.

Для Л: Изобретательность это главное.
А ты что-то зачастила в Нью-Йорк.

4.1.2002

Наум, привет!

Разумеется, я заинтересован в расширении своей «торговой сети», и мне было бы лестно стать снабженцем такого гранда, как вко-

нец одичавший Саша Соколов, хотя не отказался бы заполучить себе в клиенты и черта лысого (платежеспособного). Так что спасибо за хлопоты.

Всегда твой
Матвей

Позвонил Володе. Он был под мухой.

— Я на Новый год избил одного. Ногами бил. Но не очень сильно. И не по лицу. Это со мной впервые за пятнадцать лет. В последний раз я дрался с братом во Франции, защищая честь матушки...

— Кто ж такой? Литературный враг?

— Нет, он музыкант. Представляешь, как только вошел, в дупель пьяный, сразу стал всех поносить, ну буквально всех, от «А» до «Я», да... А потом еще взял и раздавил у меня на голове помидор. Представляешь, раздавил у меня на голове помидор! Ну тут уж я... И все женщины были за меня. Это меня утешает. Все женщины были за меня. А Птах на меня наорал...

— А, ты у Птаха встречал?

— Да. Птах на меня ужасно наорал, и мне надо было и ему двинуть в морду.

Я тут же представил себе стокилограммового Птаха, похожего на диснеевских добрых драконов с маленькой головкой и огромным туловищем, и худенького, едва достающего Птаху до плеча, Тарасова, пытающегося «двинуть ему в морду»...

— Ты смотри, опять не сорвись...

— Не, я ж завязал. Сейчас я мало пью. Ну, для меня мало.

Позвонил Верник. Поздравил. Сказал, что Гольдштейн позвонил ему в 12 часов и поздравил с Новым годом.

— Нализался, что ль? — говорю.

Шутка оказалась неудачной: Верник вдруг замолчал.

— Очень трогательно с его стороны, — попытался я исправить положение.

Вспомнил, что Ирка (Гробманиха) рассказала, что заходил Гольдштейн, ну, естественно, был в восторге от журнала, «просто сиял», и она провела с ним работу, чтоб, мол, не отрывался от коллектива. Может, этот звонок Вернику в рамках программы возвращения в лоно коллектива?

А Верник болеет. Воспаление легких.

— Ё-маё, у вас прям качели, то ты, то Ирка (его жена).

— Да, — грустно сказал Пьеро.

— Что-то с иммунной системой.

— Да.

— А что лекари говорят?
— Говорят, что-то с иммунной системой.
Пожелал ему здоровья.

Жена: «Пойди выпукайся. А то от тебя отрицательные флюиды...»

Воробьев в своих мемуарах о Холине тоже лижет Гробману филейные части.

За Гробманом, как за Петром Первым, прорубившем окно в Европу, потянулись ... Олег Прокофьев, Миша Шемякин, Осип Бродский, А. А. Галич, Юрий Мамлеев, Генрих Худяков, Эдик Лимонов, Наталья Горбаневская, Лидия Мастеркова, В. Я. Ситников, Ева Уманская, Валя Воробьев, Александр Глезер, Оскар и Валя Рабины...

Гробман — в роли крысолова, уводящего от Родины русскую интеллигенцию.

Ирка: «Ты последний номер «Сплетения» видел? Слушай, это такая хуйня! Такая скука!»

Может, и скука, но Вайскопф хотя бы свой зад в рожу не тычет: «Цалуй, гад!»

5.1. Витторио и Фиорелла поздравили и даже подарок прислали: диск с неаполитанскими песнями...

We hope you had nice holidays at red sea...We are happy you liked our little gift. In one's you can get listen to song you heard at our home: If you need know text of some Italian songs we sent you and that you like in particular...tell us

We are thinking often to Israel and we are sorry for bad things are happening there...But you know our idea about this war...and as said Numa we are Occidentals reading italian paper LOLOL and sure don't can understand real problem there. But let off this bad minds

Fiorella is pulling my ears because thinks that my english is really bad. Fiorella it is really a teacher who like use red pencil!!!

We hope the best for you both in this new year. See you soon

Love

Vittorio and Fiorella

6.1. Утром в парке был сильный холодный ветер, обещают снег в горах. И когда она позвонила, я сказал, что все-таки поеду завтра в Иерусалим.

И все-таки я выбрал не ее, и именно так она и воспримет, и правильно сделает.

Потом я вспомнил тестя (он пошел за газетой) и подумал, что если кто-то вызывает во мне жалость, то с жалостью тут же приходит раздражение, будто хочется еще больше унижить жалкого, стереть его дотла

вместе со своей жалостью... Может, это оттого, что жалость (как и любовь!) — балласт, и если грубо не сбрасывать с плеч всех, кто цепляется за твою жалость, то обрастешь как дно корабля ракушками и не сможешь пошевелиться. Не сбросишь, не поплывешь. Только вот куда ж нам плыть... Нет, жалость хуже, чем балласт, она могуча, она затягивает и высасывает твою силу, и ты покорно отдаешься жалости, причем жалости мелкой, бесполезной даже тому, кого жалеешь... Но жизнь, если хочешь жить, учит сердобольных жестокости. Не желей, никого не желей...

А я и к ней вдруг почувствовал такую теплоту, потому что пожалел. Видимо я могу любить, только жалея... Она нащупала (или случайно угадала?) слабинку...

Сильный дождь. Вот и повод. Звоню Ире Гробман.

— Слушай, Ир, ты извини, но я не поеду завтра в Иерусалим.

— Аа... жалко, я уже тебя в списки включила, там снимать будут.

— Спасибо, но... Машина у меня не потянет... в такую погоду...

— Ну, можно на автобусе.

— Нет уж, я не поеду.

— Ну ладно.

— Извини, если ваши планы расстраиваю.

— Ну, чего уж там, доберемся на автобусе.

— Да...

На том и расстались. Как-то легче стало. Наконец-то поступил геройски: не захотел — и не поехал. А может, зря все-таки? Снимать будут... Да нахуй мне эти съемки. В подтанцовке вокруг Гробманов. Позвонил Вернику. Он еще дома.

— Холодно у вас?

— Холодно, старик. И хмурится. Погода, как говорил Юра Милославский, ядерная.

Рассказал ему всю эту «историю с псевдонимами». Дошел до аргумента «недоразумения» и услышал вдруг резкое: «Врет!» Обещал какую-то историю про Гробмана рассказать, после которой он с ними...

Позвонила. Сказал, что отменил поездку. Так что завтра встретимся.

— Здорово! У меня рот до ушей! Только мы завтра туда не сможем поехать. Только если тебя не пугает...

Ирония судьбы.

Наум, привет!

Хочу поделиться мыслями (скорее, цитатами), которые «таинственным путем» — я сказал бы, «мистическим», если бы не презирал суеверий, — попали мне на глаза сразу после того, как я отослал тебе последнее письмо. Проще объяснить это ваймановским феноменом чтения с фонарем. Речь идет о работе Слотердайка «Мыслитель на сцене», включенной в состав последнего издания «Рождения трагедии» Ницше.

Как ты помнишь, я развивал в письме идею о том, какой должна была бы быть философия в идеале (интерпретацией жреческой стороны ритуала). Безусловно, в «Рождении трагедии» Ницше — и только в этом его произведении! — мы находим прообраз именно такого типа философствования. Ты, наверное, помнишь, что и эту идею я занудно повторял каждый раз, когда речь заходила о Ницше. Так вот, в статье Слотердайка (кстати, получил ли ты книгу «Рождение трагедии»? Кажется, она в той же злополучной «контрабандной» бандероли...) как раз и проводится мысль о новизне типа философствования Ницше в «Рождении трагедии» (Слотердайк тоже считает, что в последующих произведениях Ницше эта новизна сошла на нет; правда, он полагает, что в самых последних его писаниях она возродилась, но в этом он меня не убедил). Новизна типа философствования выражена уже в названии статьи: «Философ на сцене». Согласно Слотердайку, наиболее глубокий смысловой пласт «Рождения трагедии» зиждется не на примирении Диониса с Аполлоном (которое происходит у Ницше без сучка без задоринки ко всеобщему удовольствию), а на неизбывном противостоянии «духа трагедии» (изначально «музыкального») и «духа философии» (которую Сократ сбил с пути истинного тем, что «отвлек от музыки»). По сути дела, Ницше можно понять и так, что «истинная философия» (проблески которой наблюдались у «досократиков») как раз и должна быть интерпретацией трагедии (что очень близко к тому, что говорю я: «быть интерпретацией ритуала в его жреческом изводе»). Слотердайк тематизирует именно эту сторону смыслового состава РТ. Теперь я немного процитирую Слотердайка. В основном самую интересную четвертую главу, которая называется «Дионис встречает Диогена».

В этом раннем своем произведении /в РТ/ Ницше приступил к радикальному изменению стиля философского духа. Мыслитель хотел указать на будущие возможности дионисически возрожденного мышления.

Далее Слотердайк разворачивает метафору, очень «суггестивную» для понимания Рампы. На сцене разворачивается трагедия, а в этот момент в зрительном зале появляется неприметная фигура. Имя ее — Сократ. Новый зритель не выказывает ни малейшего понимания возвышенности происходящего на сцене и не разделяет художественного опьянения остальных. Он сидит, ерзает на месте, он качает головой, он зевает. Иногда даже громко бормочет или раздражается теоретическими замечаниями относительно хода действия. Послушать его, так герои могли бы избежать гибели, если бы приняли во внимание то-то и то-то... Господи ты Боже мой! Уж не философ ли по ошибке оказался в трагическом театре?

<...> Тот, кто относится к дионисийству серьезно, не может пройти мимо того факта, что наряду с великими миропреобразующими днями музыки должна существовать еще и повседневность. Достаточно ли распутства раз в год, чтобы служить вечно оргазмическому, вечно

грядущему богу? Ведь истина бога и во время его отсутствия должна соответствующим образом уважаться и оберегаться. Но истина оргии — эта вовлеченность единичного сознания в эйфорическую беспредметность, освобождающую от муки индивидуации — может и должна быть также и в оставшемся от нее на память скромном подарке. Ницше называет настоящее имя этого сувенира; два с половиной тысячелетия имя ему — философия. <...> Невероятно: с момента своего возникновения философия всегда (за исключением нескольких подозрительных случаев) представляла себя полной противоположностью всему тому, что обычно связывают с дионисическим. С незапамятных времен философия делала вид, что она есть воплощение покоя, что она взыскует одного — ясности духа — и живет лишь горным миром идей. А теперь утверждается, что она по своей основе сама принадлежит дионисическому — но только как его не бросающееся в глаза, герметичное и далекое от трагедии инкогнито! Убедительность этого утверждения находится в прямой связи с достоверностью предыдущего: что необходимым образом должны существовать дионисии повседневности». <...>

«Если согласиться с этим, то станет ясно, почему философское мышление, ставшее схоластическим, с первых шагов испытывало большие трудности в самоопределении; оно лучше всего традировало себя, когда само забывало, что оно изначально означало. Лишь в Ницшевом РТ покров над этой тайной слегка приподнимается. Появление подлинной философии, таким образом, это дионисийский покой после бури.

Там и дальше много интересного в том же духе; надеюсь, прочтешь когда-нибудь и сам. Мое дело — указать пальцем направление. Конечно, Слотердаjk слабо понимает роль Рампы и совсем не видит различия между Жрецом и Магом, но найденный им способ интерпретации РТ кажется мне очень актуальным. И крайне любопытно (для меня) то, что я наткнулся на соответствующие места (в четвертой главе) практически сразу после того, как сочинил письмо Вайману.

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Слотердаjk (твои цитаты) заставил меня вновь обратиться к «Рождению трагедии», книжки, конечно же, поворотной. Столько разительных мыслей, от христианства до Гамлета, например, сравнение подвига Прометея с первородным грехом Библии («арийский возвышенный взгляд на активность греха»), мол, что еврею грех, арийцу подвиг... А какая сила пророческих вдохновений! И на этот раз, уже ведомый твоей мыслью, я увидел некую картину (раньше было впечатление сумбурности), проявился сюжет. Причем если раньше мне казалось, что главная тема книги — борьба Диониса и Аполлона (как чувства и разума), то те-

перь я узрел, что главный конфликт (и здесь пророческое видение Ницше современных проблем) — между Сократом и Дионисом, а точнее, между Сократом, отцом рационализма и науки, и связки Дионис-Аполлон, причем Аполлон играет в этой связке второстепенную роль, как ответственного за воплощение в «искусстве» дионисийского мифа.

А суть мифа о Дионисе, как я уже усвоил благодаря твоим урокам, и суть культа — в оргийном слиянии с природой, когда все во мне и я во всем, как сказал поэт (еще он выразился, и тоже вполне дионисийски: «чувства мглой самозабвенья переполни через край, дай вкусить уничтоженья, с миром дремлющим смешай»¹), а трагедия (она уже идет по ведомству Аполлона) — разыгрывание этой «идеи» на сцене, идеи «героического прорыва отдельного ко всеобщему» через самопожертвование как терапии трагического разрыва человека с природой. Ницше даже (все по Рувину!) указывает на главного виновника этого разрыва: индивидуацию («мы должны рассматривать состояние индивидуации как источник и первооснову всякого страдания»). В дионисийских мистериях, а затем в трагедии происходит пароксизм счастья избавления от индивидуации (то, что ты называешь катарсисом): *при мистическом ликующем зове Диониса разбиваются оковы плена индивидуации, и широко открывается дорога к Матерям бытия, к сокровеннейшей сердцевине вещей. ... Дионисическое искусство хочет убедить нас в вечной радости существования; ... мы становимся на краткие мгновения самим Первосущим и чувствуем его неукротимое жадное стремление к жизни, его радость жизни; борьба, муки, исчезновение явлений нам кажутся теперь как бы необходимыми при этой чрезмерности бесчисленных стремящихся к жизни и сталкивающихся в ней форм существования, при этой через край бьющей плодовитости мировой воли... несмотря на страх и страдание, мы счастливо-живущие, не как индивиды, но как единое живущее, с оплодотворяющей радостью которого мы слились.*

Искусство у Ницше, и прежде всего музыка, «язык мировой воли». Те попытка ее, воли, стремления к жизни, оно же *elan vital*, воплотиться, и тут на помощь приходит Аполлон, создатель этого «покрова над бездной»: реальных звуков, изображений и живых образов трагедии, способных погрузить внемлющего в спасительное единение с Первосущим.

Но Аполлон, создавая образы, рефлектирует по отношению к Дионису и мировой воли к жизни, то есть вторичен, он, по сути, бог рефлексии (и Ницше называет его богом индивидуации, а где индивидуация, там и рефлексия). И вот она-то и разъедает веру, ту связь между образами и мифом (и неслучайно вся эта система зовется религией, то есть связью). И тут является Сократ, ироник, скептик, вопрошатель, Фома неверующий, Сократ-разрушитель. Разрушитель и мифа, и порожденно-го мифом трагического искусства («мы узнаём в Сократе противника

¹ Ф. И. Тютчев «Тени сизые смешались...»

Диониса»). Он поднимает «знание и разумение» на новую и неслыханную высоту «абсолютного блага» и «произносит приговор как искусству, так и этике своего времени». *Этому оку был недоступен благорасположенный взгляд в дионисические глубины, что, в сущности, должно было увидеть оно в возвышенном и высокославном трагическом искусстве, как называет его Платон? Нечто весьма неразумное, где причины как бы не имеют действия, а действия не имеют причин; к тому же всё в целом так пёстро и многообразно, что на рассудительные натуры оно должно действовать отталкивающим образом, а для чувствительных и впечатлительных душ быть своего рода огнеопасным веществом. Мы знаем тот единственный род искусства, который был доступен его пониманию, это была Эзопова басня. (Можно бесконечно цитировать, все в жилу.) Достаточно будет представить себе все следствия Сократовых положений: «добродетель есть знание; грешат только по незнанию, добродетельный есть и счастливый», в этих трёх основных формах оптимизма лежит смерть трагедии.* Но дело не только в «смерти трагедии» или «смерти искусства», о чем нынче любят судачить. Это конец всему «дионисийскому» миру. И тут Ницше начинает вещать о гибели этого мира с невероятной пророческой силой, вещать о том, что мы уже видим своими глазами.

Кто хоть раз наглядно представит себе, как после Сократа, этого мистагога науки, одна философская школа сменяет другую как волна волну; как неведомая дотоле универсальность жажды знания, охватив широкие круги образованного общества и сделав науку основной задачей для всякого одарённого человека, вывела её в открытое море, откуда она с тех пор никогда не могла быть вполне изгнана; как эта универсальность впервые покрыла всеохватывающей сетью мысли весь земной шар, кто представит себе всю эту удивительную в своём величии пирамиду современного знания, тот принуждён будет увидеть в Сократе одну из поворотных точек и осей так называемой всемирной истории. И мы теперь живем в эпоху, когда не только боги и герои сошли со сцены, но и философы (и в этом смысле Ницше и в самом деле последний «философ на сцене»), да и вообще, Человек, каким мы его знали. На сцену вышел монстр, порожденный рационализмом Сократа — технический прогресс. А Человек становится равнодушным и обреченным зрителем происходящего. Если Сократ был первым таким зрителем, то мы — последние. И Слотердаjk уже не философ на сцене, а лектор, который вместо спектакля читает зрителю лекцию о происхождении трагедии...

Книги еще не пришли.

Я обнаружил, что в собрании сочинений Розанова (изд. Республика) у меня нет томов 2 (Мимолетное), 4 (О писательстве и писателях), и 7 (Легенда о Великом инквизиторе). Если их еще можно встретить, то возьми.

Всегда твой
Наум

7.12.

Дорогой Наум, привет!

Спасибо за желание послать мне зеркало, я конечно, только за. Если бы мне еще и редакция гонорар кинула за рассказец, который, кстати, расхваливают всякие злобные рецензентки, то я бы обрадовался еще сильнее. Новое жилье, куда я еще не переехал, требует и требует. Но жилье — просто непристойный супер. Два этажа с дивным видом на небольшой парк, и вдали всякие чудесные купола. Совсем не депрессивное жилье, знаете ли, батенька, не депрессивное. Поживши в таком, не захочешь и революции совершать.

Но вот раньше я думал, что юг придает человеку жизнелюбия, откуда же столько молодых самоубийц в палестинской среде? Странно...

Что хорошего? Спрашиваю я сам себя. Не знаю, что и самому себе ответить. Так как книжки уже упаковал в коробки из-под вина, выпитого не мной, то только плачу, глядя на имена сортов винограда. Савиньон, шардоне, пино...

Есть неплохие новые поэты! Один из них — Алексей Денисов, кажется, есть в сети. Гляньте. Может он мне нравится из-за моего влияния, но все же нет. У него есть строчка «Кононов рядом лежит и тихо бормочет», заверяю, что это всего лишь книжка «Лепет». Но это так, для биографии. А правда, так как любимые книжки упаковал в первую очередь, то читаю только плохие. Вот, к примеру, переводы Бланшо. Дело рук Вити Лапицкого (он подписывался раньше Арнаут Скард-Лapidус, каково). Я понял, на что похожи плохие переводы великих писателей. Будто строчки перепачкали золой, и хочется что-то смахнуть или оттереть. Но не получается, и читаешь, читаешь, а в глазах першит от перхоти переводчика. Я теперь это племя называю перхачи. Не грубо? Но черноголовбо. Что-то пытаюсь писать, но стал добр и глуп.

У нас классная погода — сегодня утром было плюс ноль, а сейчас, к вечеру — минус восемнадцать.

Замерзаю

Ваш НК

Кровищи натекло. А она еще (увидев, что рожу скорчил), запрыгнула на меня, стала ерзать, и руками по мне кровь размазывать, и хохочет! Смех у нее хриплый. Последнее время кашляет.

Рассказал ей о том, что Кононов вдруг разразился аж двумя письмами. Так его распирает от покупки дома. А она говорит: «Жди третьего».

— Ты думаешь, что он чего-то хочет?

— Он просто так ничего не делает.

— Это результат твоего изучения нашей переписки?

8.1. Бегал с утра по делам: аптека, копии, супермаркет. Вышел из супермаркета с авоськами, солнышко, а навстречу мне высокая девица в джинсах,

гордо несет прыгучие шары, и я поймал себя на том, что скромно потупил взор. И ведь я всегда так, и когда молодой был, боялся женщин, боялся этой вызывающей женственности. Неужели этот страх перед женщинами так и сидит во мне? Вся жизнь — сизифов труд избавления от этого страха. Вся жизнь — зализывание зияющей раны, непонятно кем и когда нанесенной, но нанесенной навсегда и неизлечимо. Отсюда вся неуверенность в себе, вся трусость, все мелкое, подлое, хитрое. Вот и прячешь глаза от стыда, всю жизнь. И самим собой тебе никогда не быть. А ведь хочется принять каждый вызов, как женщины, так и мужчины. Но все вызовы природы и жизни принять невозможно, и вот — тупишь взор, клонишь выю. И презираешь себя...

Дорогой Николай!

«Недепрессивное жилье», судя по всему, Вас немного расслабило. Хочется гладить по головкам... Что касается самоубивающихся, то не в климате дело, а в семитской маниакальности. Арабы к тому ж обижены. Им хочется роль играть. Вдруг завтра нефть кончится — придется пустую трубу сосать.

А Бланшо, который Морис, я читал только «От Кафки к Кафке», и перевод там Кротовой. Но с философским текстом легче разобраться: мысль и в дурном переводе хранит смысл, как и голова с перхотью — все-таки голова... А вообще «отечественный перевод» стал чересчур «на скорую руку». Где золотые времена классиков, «уходящих в переводы»...

Насчет «гонораров» за публикации в «Зеркале», то я лично к ним с «последними вопросами» не обращаюсь. С таким биндюжником, как Гробман, не до жиру, быть бы живу.

Денисова поищу, особенно после такой рекомендации.

А у нас тоже зима. В Иерусалиме сегодня до нуля и снег, а на побережье ливень с утра, злой ветер — нос не высунешь.

Всегда ваш

Наум

12.1.

Сели втроем завтракать, я, мама, жена. Как всегда в субботу: отварная картошка с укропом, раньше с маслом, теперь без масла, селедка, огурцы-помидоры-лук, авокадо. На этот раз без авокадо. Говорю жене:

— Что ж ты не заказала авокадо?

А мама эхом:

— Да, блокада... вы и представить себе не можете, что такое блокада...

— Любовь Рафаиловна? Это вы звонили?

— Нет.

— Аа. Может Борис Михайлович. Просто кто-то звонил, и я...

— Вот он тут, смотрит передачу о разводах. Ему очень полезно. Я когда вижу эту передачу, сразу начинаю плакать (начинает плакать). Мерзавец... мои дети... предатель...

13.1. От Л: Сегодня получила Зеркало. Огромное спасибо. Очень интересно. Читаю с удовольствием. Урман хорошо пишет. Напомнила чем-то Анаис Нин. Тарасова стихи неожиданно растеребили. А Гробман не говорил тебе, что собирается перед твоей публикацией дать свое «предисловие»? Такую песню испортил!

Нет, не говорил. Они намекали (показывали мне старые статьи Гробмана, вон-де когда еще Солжа разоблачил), но я, дурак, не понял.

А Тарасов хороший поэт, что ж тут неожиданного.

Урман меня к концу разочаровала, какой-то замкнутый круг сексуальной истерии... Двадцатилетние, тридцатилетние... Жена очень разозлилась и не поверила, мол, эта Урман «айта мета¹» с двадцатилетними, и вообще, лучше нашла бы себе пятидесятилетнего и радовалась бы жизни, не удрал бы через неделю, и не обзывал бы мамой.

Матвей, привет!

Сегодня получил, наконец, две декабрьские посылки с Зевельчинской (настоящий раритет!), спасибо. Надеюсь, что и журналы мои дойдут (ты сообщи, как получишь).

Какие новости? У нас относительное «затишье». Так сказать, перегруппировка сил. Американцы, видимо, тоже на распутье: куда повернуть легионы...

Я по-партизански атакую «подопечного»: налетаю из тьмы, вгрызаюсь в пустоту и исчезаю с каким-то «кусочком». У меня их уже много, таких кусочков, но это как кусочки мозаики, которую кто-то рассыпал и свалил в углу... Испытываю интересные, новые для меня состояния «сочинительства». Совершенно другой эффект, другие радости и другие опасности. Похожее я испытывал, когда в пионерлагере после отбоя, сочиняя на ходу, рассказывал замершей палате, очередную «серию» каких-нибудь приключений. Слушатель был благодарный и невзыскательный. Постепенно палата засыпала, засыпал и я, еще ворочая языком, но чей-то голос будил: а дальше? И так я рассказывал, пока вся палата не засыпала. Так же примерно я сейчас засыпаю перед телевизором...

Всегда твой

Наум

¹ Была бы до смерти счастлива (*ивр.*), сленг.

14.1.

Наум, привет!

«Рождение трагедии» — тема богатая, но придется пока отложить.

Очень рад тому, что книги дошли. Только получив твое сообщение, понял, каким грузом висело у меня на плечах его ожидание. Похоже, авантюрист из меня никакой.

Тихо завидую твоему «состоянию сочинительства»; тем не менее, искренне желаю успеха. Мне же так и не удалось скинуть с себя удавку «переводческой деятельности».

Что касается «засыпания перед телевизором», то для нас это самая актуальная новость: после ликвидации ТВ-6 ничего другого не остается. Мелкая мстительность нового вождя и кумира молодежи, методично добивающего уже разгромленного, деморализованного и ставшего почти союзником противника (вкуче с «дожиманием» Пасько, Матвеева и Сутягина, назначенных шпионами) производит сильное впечатление. /Мне пришло в голову, что непреложная власть КГБ (как бы он ни реформировался и как бы ни менял имена, явки и фамилии) над «умами и сердцами» основывается на том, что только эта институция, по мнению «народа», доводит начатое до конца. С одной стороны, это поражает воображение расхлябанного населения (органы проявляют «чуждый нам и заслуживающий восторга 'американизм'»); с другой, дается со сказочной легкостью (ведь ломать не строить, голова не болит; к тому же, не легко проверить, хорошо сломано или то, что надо, или «задели своих»; да и какая разница?). Видимо, наш Буратино действительно перспективный тиран, и мы умрем под его железной рукой. Инфантилизм гуманоида, в котором до сих пор жив этакий «Мальчиш-Кибальчиш» («свои борются с «буржуинами»), пришелся точно в масть/. Коллеги с других телеканалов, как ни стараются, не могут скрыть радости; общественность (включая якобы либеральный «Союз правых сил») в полном восторге; опросы общественного мнения выявляют ликование «народных масс»: по мнению этих двуногих (совершенно искреннему), независимые СМИ — это рассадник продажности, символ зависимости от «олигархов» (легальный эвфемизм, позволяющий не употреблять слово «жиды»; например, финансовый воротила Потанин не «олигарх», потому что русский). Оказывается, «массы» только того и ждали, чтобы власть провела незримую, но вполне отчетливую черту между «нашими» и «не нашими» (друзьями и врагами народа). Заведомо неправосудные судебные решения (по сути, открытое исключение таких символических «типичных не-наших», как гусинский и березовский, из правового пространства), призванные продемонстрировать: «так будет с каждым, кто не любит Родину», встречены общественностью с чувством полного понимания и облегчения. Если отбросить эмоции, то это факты глубоко позитивные. Во-первых, от информационного поля отсекаются «еврейские деньги», что безусловное благо; во-вторых, русской нации обеспечивает-

ся новый длительный «период застоя», который приведет к еще большому отставанию от «цивилизованного Запада» и, в конечном итоге, к дальнейшему распаду и деградации страны, чего я ей искренне желаю.

Всегда твой
Матвей

Rimulia

Еще подожди пару-тройку лет — и Наум станет настоящим семьянином, а может это и есть закономерность — когда семья очень нужна, в преклонном возрасте!!! «Органзу» не знаю, но посмотрю, когда мозги освобожу с переездом, сейчас и мозги и кости ломит, вчера еле шевелилась. Пришел наконец Лешка — перед тем как ехать в аэропорт встречать Наташку — вид, будто только что сейчас из постели вылез, он минимум с тремя разными бабами был за эти недели... Ну??? Говорит сорокалетние эмансипированные. Отвинтил мне полку, наконец, заняло пять минут с дрелью. Я уже дергаюсь, как в понедельник перееду, мама надавила на голову каким-то ее русским дать заработать, так я уже боюсь, что нахалтурят. Всегда, когда слушаю маму, потом жалею что поддалась... Все-таки набралось миллион ящиков, больше 20, хотя половину книг повыкидывала пока думала что еду в Австралию с концами... Да, прикупила в скупке диванчик раскладной, чтоб было где Женьке спать — тоже завтра надо будет как-то перевезти, придется лишнее платить грузчикам. Лешка тут же обосрал, сказал, могла бы в KIA купить за те же деньги новый, ну? А переться туда?? Это в New Jersey. А диванчик мне нравится, он не длинный, а раскладывается вперед, то есть мало места в складном виде занимает. Куплю на него чехол и все тут. Отдала вчера занавеси в чистку, ох, не хочу думать о быте... От Димки не слышала дней 10, позвонила ему, так вроде все хорошо, проводит себе кабель для скоростного компьютера, но ничего больше не сказал. Не открывает душу с Дианой... Мамашка уже давит на мозги чтобы тут же подавала на улучшение условий с квартирой, это конечно возможно, но не хочу... Какой-то у меня комплекс, что лучшие условия не для меня... Лизка тоже сказала, что вполне можно лучшую квартиру получить. А условия такие: каждый год приносить им уйму справок, что ты не верблюд и работаешь честным трудом как пролетариат, поняла? Поскольку это дом для пролетариата... Моя копеечная зарплата как учительки на этом фоне считается максимальной, и я на 200 долларов в месяц должна платить больше чем остальной рабочий класс... ну?? Азохун вей опять же, но большое спасибо Б-гу и за это. Seriously.

Пошла пить кофе. Сегодня как-то пасмурно. Лешка сказал, что может сделать стенной шкаф, но это явно от хорошего настроения после плодотворной недели... Все они кобели.

nu tseluiu inna

15.1. Чувствую себя отвратительно. Намучался с ними. Утром с женой. Ну и с ней потом... меньше двух раз никак не выходит. И обычные рассказы как ей хорошо, где он там трет и как. И как он все знает, что она хочет. Направились в гостиницу обреченно. Потом сказала, что не очень хотела. Не то чтобы не хотела, но и хотения не было. Впрочем, оживленно рассказывала о Голковском, нравится ей, интересно. Только уж очень антисемит.

— Чем-то евреи его зацепили, зацепили. У нас, конечно, есть недостатки. Которые мы себе прощаем, ха-ха-ха!

— Да не обязательно и зацепили. Люди обычно свои фрустрации...

— Я люблю, когда ты мне объясняешь.

— Это новое для меня слово, я его еще не освоил. В общем, евреи — это такой почтовый ящик для недовольных жизнью. Всегда открытый: пишите нам до востребования.

— Но он нас ищет не там, где нас можно найти, не там. А вообще, очень вредная книга. Если бы она попалась мне в молодости, не знаю... да, она могла бы плохо на меня повлиять. Знаешь, в молодости мировоззрение еще не устоялось... И потом есть люди наивные, склонные верить, вот как мой муж, вот для него то, что написано в книге, даже в газете — он верит, нет, он совсем не дурак, но мы с ним и тогда еще ужасно спорили, я все-таки росла в такой критической среде... И все равно такая книжка могла бы сильно на меня повлиять. Я ведь росла в совершенно русской среде, у нас вообще евреев было мало, а те, что были — противные, а из нацменов — татары, а у татар тоже своя иерархия, и аристократы свои и... я когда уже работала в школе, у нас одна учительница была татарка, она преподавала русскую литературу, так эта, я тебе про нее рассказывала, Нина Михайловна, она как-то мне говорит в учительской: я, мол, не против татар, но чтобы татарка русскую литературу преподавала, а так вполне нормальная баба была, а я ей говорю, а еврейке вы доверяете математику преподавать? Она вся как вспыхнула, аж похорошела, да, они блюдут... а я хотела тебе рассказать, я когда в последнем классе училась, тогда мода была носить крестики. Мне два раза дарили крестик, один раз, я тебе рассказывала, когда я разбила себе позвоночник, представляешь? Ну вот, и мне подарили такой маленький крестик, очень изящный, понимаешь, это не считалось каким-то религиозным символом, так, вроде амулета, и я с этим крестиком пришла домой, а мама мне говорит: сейчас же сними, еврейская девочка не должна носить крестик, я говорю ну мама, это же так, все носят, а она говорит, ты его носить не будешь, мама вообще никогда на меня не кричала, но тут я поняла по тону, что она мне сейчас этот крестик снимет вместе с головой...

На обратном пути вспомнила такую историю:

— Я часто ездила тогда во Владимир, к маме, мне было где-то 26, с дочкой мы ездили, ей было года два-три, и в купе был один мальчик,

лет 22-х, я на таких внимания не обращала, но помню, что очень симпатичный еврейский мальчик, широкое лицо такое.. ну, мы познакомились, в тамбуре, и я чувствую, что он не понимает, что я еврейка, я совсем не была похожа на еврейку, и как-то в разговоре, я уж не помню, по какому поводу, я сказала как меня зовут, ты не представляешь, как у него расцвело лицо, я до сих пор это помню, так чувствовалась какая-то дистанция, а тут вдруг... оно у него как-то разгладилось... Ну, конечно, он умолял, чтобы я дала ему адрес, но я сказала твердо, что ни к чему.

А после первого захода рассказывала опять о работе в газете. О Бар Селе, о Виктоше, о Меламиде¹.

— Они ужасно пили. Я этого не люблю. Сидят, вместо того чтобы закончить номер, начинают пить. Виктоша вечно свои байки рассказывает про несчастные романы, ходила в какой-то рваной юбке... А мне надо домой, и вечером еще банк убирать. Вот я к ним захожу, а так мы не очень плотно общались, мы были очень разные, нет, у меня со всеми были хорошие отношения, но это была другая среда, это было ясно. Так я захожу, давайте, говорю, закончим, а потом уж пейте... Назаров его фамилия, Бар Селы, признался, что не еврей. А чего, я ему говорю, такой курчавый и носатый? Говорит, цыгане в роду. Ага, говорю, Гришка Мелехов. Сравнение ему понравилось. Ну конечно, пытался. Но он не мой тип. И ухаживал как-то ужасно, коряво, не умел ухаживать. Вообще, опаздывал, пил. Его и турнули. Но юмор своеобразный. Приходит: «Девочки, на вас бляди жалуются». А у нас общий туалет был. Там такое здание (показывает руками), тут внутренний дворик, а тут клетушки такие с девицами, а потом наша зала. А крысы там были — вот такие. Сидят у входа и смотрят на тебя. И ты их обходишь, а не они тебя... И потом Вайскопф пришел... (И снова про его шашни.) Но за что я его уважала, Мишу, вот он мог машинистку посадить и выдать перевод сразу, и чисто, без помарок. Молодец.

Второй раз очень сближает. И язык развязывается: и тебе всякие «люблю», «родной-родная». А то и болезненные выяснения отношений.

— На дурацкие вопросы получишь дурацкие ответы. Ну ты же все про меня знаешь. Помнишь этот анекдот про поручика Ржевского? Как офицеры просили поручика Ржевского рассказать, где он был этой ночью. Он говорит ну что, господа, вы же все про меня знаете...

— Люблю твои глаза. И губы. И волосы. Волосы очень люблю. И брови...

— А я люблю твой хуй.

На обратном пути чуть не попали в аварию, и она сказала, что хорошо вожу машину.

¹ Бар Села, он же Володя Назаров, лингвист и литературовед, упорно занимался разоблачением Шолохова, как автора «Тихого Дона»; Виктоша — внучка Михоэлса, Меламид — русскоязычный израильский литератор.

— Но мой последний любовник, перед отъездом — он водил, как бог. Просто сливался с машиной. У него был такой оранжевый «Фиат», ужасный цвет. И еще, у нас в моде были ковры, может, это от татар, в каждом оренбургском доме были ковры на каждой стене, а иногда под ковром еще ковер, чтобы висел, не пылился. Так у него в машине тоже ковры были, он огромный ковер разрезал и сделал накидки на сиденья, как с голой задницей ляжешь — колется, ха-ха-ха! Слушай, что я такое несу! Вот ведь вспомнилось...

Прочитала журнал. Бараш ей не нравится. «Графоман твой Бараш». Урбан понравилась. А я говорю: когда ее читал, все время про тебя думал.

— Она на меня совсем не похожа. Это верно, что чем я старше, тем любовники мои моложе, но все-таки не на столько.

Про переписку с Матвеем сказала, что впечатление, будто молодой, ужасно темпераментный, фонтанирующий идеями, пишет такому старичку, который все по полочкам раскладывает и возвращает молодому человеку на доработку. А тот опять подпрыгивает, машет руками, что-то кричит. И тут вдруг прыгнула на меня и стала обнимать. «Молодец, молодец! Интересно. Если бы я тебя не знала, я бы никогда не подумала... Ты там не похож на себя».

А жена утром: «Больше в кино не ходи». (Сказал, что в кино ходил.) Не может она не догадываться. Или у нее свои дела, и это ее даже устраивает? Нижнее белье кокетливое.

Получил от Цветкова письмо:
Posmotri moju poslednjuju peredachu.
Alexei P. Tsvetkov

Как всегда лапидарен. Конечно, я заглянул. Памфлет против героизма. А мне решил послать, поскольку мы эту тему уже не раз обсуждали и с громким лаем: героев не любит, герой для него — альфа-самец обезьян. И название соответствующее: «Нищета героизма». Хотя сам поставил себя на ноги вполне героически. И стихи шагают — что легион на марше.

Леша, привет!

Спасибо что обратил внимание на передачу: тема, конечно, «моя любимая». Но текст мне, прости, активно не понравился. Его главная задача, что сразу и заявлено, «понять механизмы, приведшие к катастрофе 11 сентября». И по-твоему, дело не в исламе, а в ненависти к Западной цивилизации, мол, эта ненависть *выходит далеко за рамки мусульманского мировоззрения, эти взгляды в значительной степени разделяют и русские или сербские националисты, и их чеченские или албанские противники, и французские последователи Де Голля. Более того, если проследить их историю, она приведет нас не в Каир или Эр-Рияд, а на тот же Запад, точнее, на его периферию.* То есть «враг» (виновный

в атаке на Нью-Йорк, ведь об этом речь), по-твоему, некий «периферийный» человек вообще. То есть, ты не хочешь обсуждать исламский террор (хотя именно он виновен в «катастрофе 11 сентября»), а включаешь его в некий террор вообще, при этом появляется адрес его «корней» и четкое определение его сути: корни террора прописаны на «периферии Запада», а сам террор есть «функция героизма». И поясняющая самоцитата: *я уже заводил речь о периферии самого Запада как области зарождения идеологии современного героизма — или терроризма, что одно и то же.*

Твое мнение о героизме мне известно (пассаж о героях как альфа-самцах у обезьян я цитировал еще в «Хрониках»), но ты его серьезно расширил и углубил. Конечно, тему героизма эксплуатировали и нацисты, и коммунисты, и всякие террористы, но это не может служить доказательством тождества между героизмом и терроризмом, как и между героизмом и нацизмом (*толчком к окончательному формированию современной идеологии героизма стало поражение Германии в Первой Мировой войне, а сама доктрина известна сегодня как нацизм; нацизм изначально зародился как героический культ и т.п.*). В общем, в твоих глазах именно героизм исчадие ада, и даже виновник «катастрофы 11 сентября». Интересно, а как ты назовешь тех пассажиров, которые (безоружные!) напали на террористов в самолете в попытке, жертвуя собой, помешать теракту? Ты пишешь: *Если прибегнуть к языку современного социального дарвинизма, который сегодня корректнее назвать эволюционной психологией, героизм — это не нравственное качество, а инструмент адаптации и выживания генов (что еще за «выживание генов»?). Говоря условно, носитель гена героизма имеет склонность убивать каждого мужчину и овладевать каждой женщиной за пределами круга своего кровного родства. И дальше любимое сравнение героя с обезьяной: Героизм в чистом виде проще всего наблюдать не в человеческом поведении, а где-нибудь среди ближайших родственников, не современных атрибутами цивилизации, скажем, в стаде шимпанзе. Именно здесь мотивы убийства и овладения господствуют над всеми другими, а воздаяние герою имеет самый неоспоримый характер: он становится во главе стада.*

Столь же глубокомысленны (уж прости за иронию) и твои пассажи о цивилизации: *Цивилизация — это возобладание рассудка над инстинктом, ценностей разума над ценностями гена (?!). Миф героизма, существующий в каждой цивилизации, обычно относит расцвет этой сомнительной добродетели к самым истокам, к каким-нибудь темным или средним векам, подчеркивая этим его атавистический характер. Перефразируя Горького, в жизни тем меньше места подвигу, чем эта жизнь цивилизованней. Самыми неблагоприятными для героизма эпохами были времена наибольшего торжества цивилизации, а вернее, идеологии цивилизации: «золотой век» Антонинов в Риме или XIX век на Западе. И коль*

скоро мы говорим о XIX веке, то такой идеологией стал в эту пору либерализм — предмет самой ожесточенной ненависти человекообразных приматов Аль-Каиды.

Все это какая-то куча мала, не буду в ней далее копать, а просто повторю свое абсолютное несогласие с твоими рассуждениями. Суть героизма в самопожертвовании, и готовность к героизму действительно использовали всякие «тоталитарные режимы», но эти режимы использовали и другие славные качества: мужество и стойкость, верность, любовь к близким (не абстрактному «ближнему», а конкретной родне), трудолюбие, дисциплинированность. Но это не ставит знак равенства между этими качествами и фашизмом, коммунизмом и т.п. Ты ведь и сам человек трудолюбивый, дисциплинированный, и даже — страшно сказать! — вполне себе героический, во всяком случае, стойкий и мужественный, это же не значит, что ты «нацист».

Надеюсь, однако, что и впредь будешь держать меня в курсе интересных передач.

Всегда твой

Наум

17.1.

Наткнулся на новый роман Гандлевского в «Знамени», называется «НРЗБ». Тоже «о времени и о себе». Но что меня в таких «воспоминаниях» особенно раздражает, это тщательный политес. Раздражает, потому что «литература», и уж тем более «воспоминание» — единственная возможность сказать то, что не сказал «по жизни», испугался, был опутан обязательствами, был несвободен. А если и в тексте осторожничаешь, то грош этому тексту цена. Воспоминание должно быть дантовым путешествием по кругам родного ада. Я и сам не большой смельчак, но другому попенять легче...

А все потому, что главная задача — не высказаться, а построить литературную карьеру, положить в ее основание еще кирпичик. Поэтому и дозируют: будешь чересчур осторожен, прослынешь трусом, и не видать тогда популярности, а будешь чересчур смелым, те, что посильней тебя (если заденешь их), твою литературную карьеру уроют. Поэтому мемуаристы народ умный, расчетливый, пинают только слабых. Конечно, Гандлевский уже славен, но слава пока не из бронзы, нужно каждый год, как спортивный разряд, подтверждать. А лепит грамотно. Но скучно, скучно друг мой! Через несколько страниц я уже перестал читать и стал пробегать страницы, ища хоть какого-то «поворота», хоть «полуповорота», а потом стал их пролетать... Единственные «следы жизни» — ядовитые брызги издевок над героем, молодым поэтом Львом Криворотовым. Ну да, над собой-то можно издеваться как угодно, никто не отомстит, коллегам даже понравится, прослынешь смельчаком откровений. Может, и я тоже...

Обиженно грущу. Она не позвонила, и на электронные письма не ответила. Пошла на работу? Позвонил. Телефон заблокирован. Оставил слезливую запись. В четыре позвонила. «Извини, я не могла». Таким нежным, с придыханием, голосом. А емелю не получила. Оказывается, я неправильно адрес написал.

— Ты ходила на работу?

— Нет.

— Аа. Полный загул, значит.

— Да (и тоже, вот этим, за хуй берущим шепотом).

— Понятно...

Помолчали.

— А я обижаюсь, — говорю.

— Чего?

— Ну, вот, что загуляла...

— Я не загуляла...

Ну что вам сказать. Надо с этим делом завязывать. Большая баба. Бегаёт за хуями на старости лет. И я еще тут подсуетился со своим медицинским прыщиком.

Вчера к проктологу ходил. «Русский», лет пятидесяти. И ассистентка у него симпатичная, гей славяне. «Ложитесь на левый бочок, ноги согните в коленях». Засунул мне что-то неласковое в жопу, ковырнул и говорит: «Нет у вас гемороя, так, в начальной стадии. А это у вас тромб. Поможете, я вам сейчас выпишу, и пройдет. И советую поменьше в туалете засиживаться, без раздумий о вечном, и никаких там газеток. В Англии это называется библиотечной болезнью». Да, говорю, сижу много, перед компьютером... А вы кто, спрашивает, по специальности? Стыдливо проговариваю: «Я писатель». Тут он с ассистенткой улыбочкой перекинулся и говорит: «Что-то в последнее время писатели зачистили». Ну тут я стал ржать, и девица тоже. А этот тихий еврей хитро прищурился и изобразил удивление. «Во, — говорю, — профессия — страшно признаться. Засмеют». А потом говорю: «Жалко, я книжку с собой не взял...» Он испугался: «Да я книжек вообще не читаю!»

— Аа, — говорю. — Ну и правильно. А то еще писать захочется... До свидания. Приятно было с вами познакомиться.

— Да? — удивился. — В первый раз вижу пациента, которому было приятно со мной познакомиться.

Тут мы с девицей опять ржать стали, и так, смеясь, я вышел из кабинета. Большой восточный человек с удивлением посмотрел на меня:

— Ма кара? Ма зе, кулам ёцим им хиюх?¹

— Махала казот², — говорю.

¹ Что случилось? Что это, все выходят с улыбкой?

² Такая уж болезнь.

18.1. От Л: А где вы сняли зал? Когда свадьба? Когда операция у Юваля?

Записки получила. Спасибо.

Ответ Л: Зал недалеко, по дороге в Савион. Свадьба где-то в июле, пока еще срок не утвердили. С операцией тоже неясно.

Настроение каха-каха¹. Борюсь с гриппом.

От Соколова:

Наум, как дела, спасибо за список, из него я приобрел бы книги за номерами 1, 3, 4, 6, 10.

Теперь относительно моих литературных вкусов. Не скрою, утонченности мне не занимать. Отсюда и тяга к изящной словесности, к предосудительному буржуазному изыску, к разного рода декадентским вещицам. Грешным делом люблю Северянина, которого у меня, кстати, практически нет, Андрея Битова, которого читал далеко не все, Андрея Белого, Константина Фофанова, а уж Бунина и подавно. Естественно, что узость интересов и взглядов привела к широким пробелам. Не читал ни Сорокина, ни даже Пелевина. Понимаю, без них теперь никуда, и хотел бы достать что-либо, но только не много, а мало, по одной повести каждого, или по сборнику. И вообще текущий литературный процесс идет где-то мимо, а наверстать следует. Вероятно, Матвей может стать путеводом в галерею наиболее блистательных из современных нам земляков. Но да не застит нам дым отечества вида на европейские и южноамериканские ценности. Влекут мастера типа Итало Кальвино, Камило Хосе Села, Октавио Паса. Интересно, существует ли серия Нобелевские Лауреаты? Во всяком случае, было бы интересно ознакомиться с лучшими из последнего двадцатилетия. Из иных пробелов самообразования: Роб Грийе, Дос-Пасос и иже с ними. Многие из которых печатались в Иностранке, но ваш покорный, будучи отрезан от родины, не всегда был ее подписчиком. Но, говоря о Западе, не забудем о Востоке: книги по Дао и Дзену никогда не помешают и неузнаваемо преобразят полку. То же касается древней поэзии Японии и Китая. И еще о современных русских. Недостает Чичибабина, Сосноры, ностальгирую по Смелякову, по раннему Пастернаку, Владимиру Соколову.

Наум, условия Матвея вполне приемлемы, но как оплата осуществляется технически, и не пропадают ли посылки, отправленные из России? И такая деталь: ты говоришь, что он по преимуществу философ, не затруднит ли его возня с беллетристикой и поэзией? Относительно Зеркала ты, разумеется, прав, пересылка не стоит свеч. Посему в ближайшие дни я просто начну посещать сайт журнала, где меня интересуют, прежде всего, твои мемуары о прежних днях. Но ежели у тебя возникнет душевный порыв, то пришли пару Зеркал и что-либо из текущей израильской

¹ Так себе (*ивр.*), буквально: то так то эдак.

журналистики, типа пару еженедельников. Если Матвей не против, то нам остается лишь познакомиться с ним с твоей помощью, сообщи его электронный адрес, и я напишу ему. С твоей стороны было бы славно, если бы ты нашел время отфутболить ему мои литературные мечтания. С.С.

Матвей, привет!

Соколов, наконец, прорезался (нетороплив), так что поздравляю с клиентом. Пересылаю тебе его письмо. Несколько застенчивое, от чего он становится неуклюже кокетлив. О вкусах его спорить не будем — это его проблемы. Но заглянуть в творческую лабораторию всегда интересно. А поскольку ты становишься, таким образом, владельцем литературных тайн (поставщик книг — он как душеприказчик), то призываю тебя к дискретности. Если в Москве начнут трепаться о том, что король-то может и голый, мол, хихи-с, любит Фофанова и Владимира Соколова, то бумеранг сработает неизбежно, и потомки увидят нас не с лучшей стороны.

Что касается деловой части, то вот тебе его адрес...

Фактически это адрес его жены Marlene которая и ведет всю переписку (технически). Я обычно посылаю ей несколько слов на моем хитром английском (у тебя с этим легче) и «скрепку» для Саши. Если дело наладится, то имеет смысл, чтобы пересылка и переписка у вас шли напрямую (буду рад, конечно, если «меня лично» будешь держать в курсе возможных пикантностей). Что касается денег, то я спрошу его, нет ли у него каких «идей» насчет передачи денег, может и эта часть у вас будет «автономной», но в крайнем случае будем действовать тем же способом, что и до сих пор, а с ним я буду сам разбираться. Посмотрим.

Его заказ в письме (я послал ему для примера список № 53) можешь пока осуществить на мой кредит, чтоб дело не стояло (куй железо).

Мне кажется, что будет лучше, элегантней, что ли, если он первый тебе напишет. Так что подожди, может, несколько дней, а я пока выясню насчет передачи денег (все-таки немаловажная часть бизнеса). А когда у нас будет «вся полнота информации», то можно будет и не дожидаться его письма, а выступить с инициативой. Или у тебя другое мнение?

Всегда твой

Наум

Саша, привет!

Я перекинул Матвею твой заказ. Он с удовольствием берется за все это дело, так что вам стоит связаться напрямую. Вот его адрес...

Остается решить вопрос, как передавать деньги. В принципе я периодически передаю ему деньги через окации (с которыми он уже знаком). Если у тебя есть свои каналы передачи, то ты их согласуй с Матвеем, и я вам не нужен. Если же у тебя таких каналов не окажется, и ты захочешь воспользоваться моим «кредитом» у Иосифа, то придется подумать, как передавать деньги мне.

Всегда твой

Наум

20.1.

Шалом, спасибо за содействие, я нынче же свяжусь с Матвеем, и если переговоры пройдут благополучно, открою у него свой кредит: видимо, так будет проще.

У меня нет никаких регулярных оказий, да и вообще связь с Москвой зыбкая, но ведь имеется Вестерн Юнион, организация надежная и скорая. О результатах переговоров поставлю в известность днями. С.С.

Р прислала открытку с фотографией и такую надпись:

Ню, дорогой!

Тебе не надоело получать мои «приветы»?

С завтрашнего дня у меня не будет времени на это.

Обнимаю очень крепко

Сердце так и оборвалось... Особенно когда посмотрел на ее сияющие глаза на фотографии. Неужели все?

Надо же, действительно сердце щемит, буквально.

Позвонил. Телефон отключен. Оставил сообщение: «Позвони мне, пожалуйста». Подумал и добавил: «Целую». Еще какая-то надежда теплится. Ведь написала «обнимаю». Хотя это и вполне смотрится прощальным жестом. Хорошо, что она мне Галковского еще должна вернуть. Не зажилит ведь. Значит, встретимся. Хоть бы видеть ее иногда.

Вот теперь моя очередь просить «не лишать дружбы».

Конечно, она кого-то подцепила в последнее время.

Да, и обида, и ревность, и унижение. Но все это ерунда. Тяжело мне будет без света ее глаз. А с другой стороны, на что я собственно имею право претендовать? С ебком раз в неделю. «Хвалю за то, что этого так мало тебе»¹.

Чтоб удержать ее, бог знает на что можно пойти.

¹ Цитирую себя. Из стихотворения «Пройтись зимой по берегу пустому...»

Пройтись зимой по берегу пустому,

По мокрому песку,

Босому...

День снисходителен.

Потешили тоску о дальних странах.

Патрульный вертолет береговой охраны

Ушел за мыс.

В конечном только смысл.

По борту слева — Яффа, крепостица.

Бегут навстречу парень и девица

В купальнике.

«Все бегают», — ворчишь.

Еще отпущено нам целых две недели.

И что дает мне право, в самом деле,

Просить остаться в наших краях?

Родство души, привязанность —
все козыри мои.

В лесных колючках это одеяло —

Вот все реликвии.

Хвалю за то, что этого так мало

Тебе.

Да, я тобой горжусь.

Любовь на раз в неделю...
Давно надо было найти замену.
А так придется скулить в углу.

Позвонила в 10 (вторая перемена).

— Привет...

— А я тебе звонила утром.

— Я не выходил, приболел немного.

— Что такое?

— Да... кашляю... А как у тебя настроение?

— Так... Сейчас у меня самый противный класс...

— А как ты ко мне относишься?

— Я тебя люблю!

— Ты меня возвращаешь к жизни.

— Почему?

— Ты ж написала, что у тебя не будет времени на это...

— Да ты что?! Не будет времени письма посылать! А ты получил все мои письма?

— Нет, только фото с этим...

— А я тебе еще послала спасибо за письмо Матвея и еще открытку.

— А я не получил... Но не важно. Ты меня просто вернула к жизни.

— Да ты что. Ой! (Смеется.) Ты какой-то... впечатлительный.

Смеется. Смех хриплый.

— Так встреча завтра не отменяется? — спрашивает.

— Ни в коем случае.

— Даже если сопливый будешь, мне все равно.

Потом еще раз позвонила.

— Я тебя целую тысячу раз!

21.1.

Саша, привет!

У Матвея полетел жесткий диск (он несколько дней не отвечал на мои письма, и я позвонил), это страшное дело, потеря информации, ну да что там говорить...

Он сказал, что как только починит компьютер, тут же сообщит. Надеюсь, что это не возьмет больше недели.

Леша обратил мое внимание на свою последнюю заметку на «Свободе» (у него там раздел «Атлантический дневник»), о героизме (моя тема). Заметка мне крайне не понравилась, и чрезмерным упрощением темы, и изложением (аргументация какая-то сумбурная и не по делу). Интересно было бы знать твое мнение.

А в последнем «Знамени» опубликован новый роман Гандлевского, называется «НРЗБ», который тоже удивил меня своей необязательностью. Тоже можешь посмотреть в Сети. И само собой, что если ты на это время тратишь не собираешься, то я «не обижусь».

Всегда твой
Наум

Посмотрел стихи Кибирова в том же «Знамени», что и Гандлевский. Такие шутки-реплики на стихи великих. Вот пожалуй лучшее:

...богов певец
Не будет никогда подлец!
Г. Р. Державин

Жил да был богов певец.
Пел он, пел и наконец
Оказался в полной жопе.
В этом скорбном хронотопе
Наш певец уж не поёт —
Тесно здесь для Каллиопы,
Не влетит сюда Эрот!

Посещать дыру срамную
Аонидам запахло!
(Раньше задницу такую
Звали «вечности жерло»).

Аллегориею этой
Я хотел сказать о чём? —
Очень уж легко поэту
В наше время стать говном....

Да в любое время, Тимур, запросто. Ты-то как сюда попал?

Длинный разговор с Барашем по телефону. Рассказал ему про Гандлевского с Кибировым. Такие тексты называет «постмортем». Когда сказать нечего, а положение обязывает. «Трепанация черепа» еще была живым текстом, там были живые персонажи, может, потому, что реальные. А потом он написал пьесу. Да. А ты не читал? Ну вот это я называю постмортем. Нет, сделано добротное, но персонажи уже вторичны, это рефлексия по поводу литературы, а не литература, причем рефлексия неинтересная. Это не произведение, а проект. Всегда имеющий дело с промежуточным, вторичным литературным продуктом, со стереотипами литературы. Ну, а тут уже что-то запредельное. Удивляет, что такие профессиональные люди теряют возможность самооценки. Зажирели. Гандлевский стал классиком. А Цветков выпал из актуального поля потому, что он строже и чопорней. Таким трудно (хмыкнул).

Обсудили последнее Зеркало. Что Урман ничего. Только непонятно, при чем здесь Лолита, это притянутый за уши концепт. Вот есть такая поэтесса Петрова, да нет, ей лет сорок, муж ейный издал ее «Дневник школьницы», ну там Васька на меня посмотрел, а я поправила юбку, так вот это не настоящий дневник, а проект. А Урман — все-таки живой текст. Да, местами неточный и неуклюжий, но и это признак жизни.

Вчера он был на вечере Короля.

— Много народу было?

— Человек 15–20.

— Немного.

Хмыкнул.

— Молодец Король, — говорю. — Жила не иссякла.

— Да, мотает.

— Вот, вечера еще устраивает.

— Ты знаешь, в Москве сейчас другая система: ставят закуску, фуршет, несколько слов — и вся презентация. Не заставляют выслушивать часами свои тексты. Это по-честному. Но и там посещаемость хилая. Хотя там хоть есть студентки и претенциозные мальчики, а здесь вообще никого. Ходят всё те же. А место ничего, симпатичное, Дана его «открыла». В квартале Нахлаот, его во всю преобразовывают. А Тарасову я принес журналы — он так удивился: ты что, специально для меня принес? Он Ирке страшный скандал закатил... в конце журнала, в его краткой биографии написано, что первый сборник у него вышел в 1998 году, представляешь себе? Ну там сидит такой странный человек Илья, до которого поправки не доходят, или он их игнорирует, катастрофа. Так что и в твоём случае, я уверен, это просто ошибка.

— Да ладно, проехали. Я скандалов и не учинял, я вообще не люблю скандалы, после них надо либо бить морду, либо ее целовать, а мне с мордой Гробмана ни того, ни другого делать не хочется...

— Звучит как заготовленная фраза. Очень литературно.

— Ну, наблатыкались.

Поговорили на десерт о Гробмане. О том, как он Бродскому «прорубил окно в Европу». Что весь этот гробманизм виден насквозь и журнал портит.

Скоре выздоравливай, и отметим это. Скучаю. R

24.1. Посмотрел «Телец» Сакурова. Диптих с «Молохом» играет своими трупными черно-зелеными красками. К историческим персонажам он подошел со стороны музыки и красок, и как живописная симфония смотрится. Но историческая конкретика показалась банальной. Неужели история вообще мельтешение...

Пишу Р: Привет! Я все еще болею, сильный кашель. И не могу позвонить (все дома). Каждый день по несколько раз включаю в уголке телефон: а вдруг записала мне несколько слов... Так хочется послушать твой голос. Но механизм отвечает: «почтовый ящик пуст»... И по «горячей линии» нет ни слова. И печально мне, что ты думаешь обо мне не так часто, как я о тебе...

Гуляли с женой по парку. День солнечный. Детей выгуливают. Кусты роз подстрижены. У полянки анютиных глазок вспомнила: «У нас Марь Степанна делала «анютины глазки» из бархата... я тебе рассказывала. Я дружила с ее дочкой Ивонкой. А она была замужем за начальником тюрьмы, он был поляк, полковник, они целый этаж в доме занимали, и родила ему двух детей, и они взяли Ивонке учительницу музыки, еврейку, и эта учительница завела с отцом Ивонки роман, и этот отец Ивонки однажды пришел и сказал Марь Степанне: «Ты бревно», и ушел к еврейке, а до этого на руках ее носил, духи дарил, и это она все мне рассказывала, когда цветы делала, а это на меня такое сильное впечатление произвело, мне было лет тринадцать, я не понимала что значит «бревно», но меня это почему-то очень взволновало, наверное, мне было жалко ее, она была очень хорошая женщина... у нее была такая доска, на нее натягивался бархат, и она такой раскаленной ложечкой делал в нем такие пятна, получалось очень красиво... а еще она любила рассказывать как кто какает, вот ты, говорила, какаешь, как птичка...»

— Что она, подсматривала?

— Нет, но она потом всегда в туалет заходила...

— А вы что, не спускали, оставляли ей на анализ?

— Ну не знаю...

Опять показали «Июльский дождь». Чудовищные диалоги. Но Москва — моя, узнаваемая, троллейбусный парк утром напомнил, как забрался с одной в таком парке за Бутыркой в открытый троллейбус, дождь накрапывал, пытался завалить ее на протертое двойное сидение, но она была «поэтически» настроена: «Ой, дождик!». Так и не дала.

28.1.

— Я люблю взять его, когда он прячется, и чувствовать, как он вылезает, как головка черепахи из-под панциря... а потом он становится такой... как желе, а потом — как резина, гибкий, а потом твердеет, и вот уже честь отдает во всей красе! ... Расскажи, а что он там чувствует...

— Нет для этого слов. А ты можешь описать свои ощущения?

— Да! Когда он туда залезает, он мне так делает... ох! Откуда он знает про все эти места, это ты его направляешь? А ты записываешь в дневнике, что он там чувствует?

— Нет.

- А вот напиши.
- Напишу.
- А что ты напишешь?
- Я тебя процитирую.
- Нуу, это не интересно.

Она без умолку болтает, толкая меня в дрему, про свою работу инспектором ГОНО, как ее ужасно боялись в школах, какое жулье было кругом, как школы грабили, про комиссии из центра, республиканские и союзные, которые давали «указывки» и никогда ни за что не платили, ни в гостинице, ни в ресторанах, а местное начальство было занято убажанием: сауны, рестораны. «Девочек не требовали?» — «А зачем, они приезжали своими компаниями, давно слаженными, у меня банщица была знакомая, у нее была замечательная сауна деревенская, так она рассказывала: приезжают, сразу все раздеваются догола, мужики и бабы, и вместе в баню, а я не знаю, как мне быть, раздеваться неудобно, а в одежде, когда все голые, тоже вроде...»... Иногда она в испуге останавливалась, чувствуя, что я засыпаю: «Боже мой, что я несу!» Иногда ее заносило на литературные темы: «Ты мне в следующий раз принеси Сологуба, «Мелкий бес», ты знаешь, мне кажется, что Сорокин вышел из Сологуба. А меня ведь Сорокин до сих пор не отпускает. И я все думаю, откуда же он такой взялся?». А иногда мы лежим тихо, обнявшись. И мне хорошо, до блаженства. Глаза ее мерцают в сумерках комнаты, и все лицо кажется молочно светлым.

— Галковский мне отвратителен. Чем дальше, тем хуже. И кровавый навет оправдывает. И не удивлюсь, если дальше он будет опровергать Катастрофу. А почему ты вообще мне его дал?

— Про Чехова зашел разговор.

— А, да, ты сказал, что он интересно про Чехова пишет. Но он поворачивается. Все время возвращается к одному и тому же.

— Знаешь, я на его антисемитизм почему-то не обращал внимания. Это как с Розановым, антисемитизм таких людей — это спазмы отчаяния. Когда он считает, что его «родная» культура — это бесконечный тупик, то остается или повеситься, или уйти из этой культуры, скажем, принять католичество, или иудаизм, или биться в ней, как Цветков писал: «кроликом в узле». Вот его антисемитизм — это такая истерика в тупике. И я читал это даже с удовольствием, таким садистским удовольствием. Это история болезни, его пожалеть можно.

— Можно, но не хочется. Уж очень противный, и не зря его в школе ненавидели и на вешалку повесили. Не надо было снимать. У нас в классе тоже был один такой, ужасно противный, плюгавый, косой еще, один глаз на Кавказ, а другой на Север, а главное, он все время делал пакости, ему доставляло удовольствие делать пакости, так его ребята однажды на гвоздь повесили, у нас в классе такой большой гвоздь торчал, на него географические карты вешали, плакаты разные, и вот они его взяли,

приподняли и повесили на этот гвоздь, и у него воротничок рубашки поднялся, и сдавил горло, и он стал задыхаться, посинел, захрапел, пена пошла, и они его сняли. Его потом вырвало, ужасно было противно. А ты вообще видел повешенных? Я тебе рассказывала, как у нас девочка в классе повесилась? Язык выпал и не могли запихнуть, рот перекосило. И лицо было в таких пятнах синих. Я вообще много мертвых видела, относительно, конечно, для мирного времени. Видела, как человека раздавило, машина на него наехала, до сих пор помню этот крик, действительно нечеловеческий, откуда-то из нутра... Видела утопленника. И только одна мертвая была очень красивая, я тебе рассказывала про эту девочку, «христову невесту»...

30.1. От Бараша:

Вот я тебя упомянул в Русс. Журнале. А ты меня?

В анонсе Зеркала, перечисляя имена авторов публикаций, назвал и мое.

Барашу:

Спасибо, дорогой, согрел душу, изнывающую в неизвестности.

А я что, я человек маленький, меня никто о коллегах не спрашивает.

Впрочем, если уж на то пошло, то в последнем интервью по радио (где-то месяц назад) я тебя в натуре и конкретно упомянул.

Позвонил Верник. Все еще температурит. И Ира не очень. И вообще. Даже как-то неудобно быть бодрым. На вечер Зеркала он не придет, не хочет гробманов видеть. Рассказал, наконец, историю про них, которую обещал «при встрече». Мол, гробманы, через него, обещали Штейнеру деньги, гонорар за публикацию, под это обещание тот занял деньги и приехал в Израиль, а они дали только половину. Он спросил «как?», а они ответили «а так».

— Мол, больше нету?

— Нет, они не так объяснили. Они сказали, что больше не обещали. Что я не так понял.

— Ничего себе! Так они тебя подставили!

— Ну конечно. Ты же знаешь мою аккуратность. Я в тот же день позвонил, передал все Жене.

— Понятно. А какая сумма-то, извини за любопытство, около тысячи?

— Даже больше. Полторы.

«Ого! — подумал я про себя. — Вот суки! Платят, значит! А нас за фраеров держат!»

— Нет, прости, чуть меньше, где-то тысячу двести.

Поехали в Яффо, в тот ресторанчик, «Пират», который нам в последний раз понравился. Народу мало, но жратва разочаровала. Зато га-

вань, залитая спокойным, клонящимся к закату солнцем, как-то особенно благостна тихими, неяркими красками: синь неба, бурые борта старых лодок, белые мачты, зеленые горки сетей, брызги из-за дамбы. Большая туча улеглась брюхом на горизонт. И вдруг строка явилась, за ней еще одна, целая строфа проклюнулась:

Предзакатный покой.
Клин вдоль моря летит.
Над зеркальной водой
Улеглась туча-кит.

И тут же вторая пошла:

В море редко волна.
Ветра нет, ветра нет.
И царит тишина,
И ласкающий свет.

Прогулялись к дамбе. По-арабски перекрикиваются рыбаки, у ворот маленького дока сидит и курит толстый араб в сером дырявом свитере, какая-то девка в берете нервно мечется вдоль берега и кричит по-русски кому-то в Бостон...

— Я люблю твои глаза, — говорю ей.

А они такие светло-изумрудные, как у моря, как у птицы.

— А я твои пальчики на ногах. Такие пальчики хорошие... Девушкам на зависть.

31.1. От Л: У нас тут неожиданно весенняя погода случилась, когда в Калифорнии наоборот снег идет. Вот я и воспользовалась — смоталась в N.Y. Давно сына не видела. А пока он был на работе, погуляла по Централ Парку и заглянула в Метрополитен. А там как раз всякие выставки, японская и китайская, и Пенна, фотографическая экспозиция и Extreme Beauty: The Body Transformed... в общем, отвела душу, а потом с сыном еще общалась, в Сохо мы с ним прогулялись, поужинали, поболтали, и пешочком потом на вокзал. А сегодня так ноги болят, что еле передвигаюсь... Как обычно, переоценила свои силы.

Саша, привет!

Я звонил Матвею, и он просил передать тебе свои извинения и сожаления — технические проблемы все еще мешают установить связь. Он затеял полный, извиняюсь за выражение, апгрейд своего компьютера, а в России, особенно если «через друзей», это делается не сразу. Я сказал, что еще неделю мы ему, так и быть, даем.

Появился в Сети новый номер «Зеркала». Там есть хорошее стихотворение Володи Тарасова, и еще мы с Матвеем вольно изгиляемся над Солженицыным и над нашей печальной иудейской судьбой. Ну и все остальное, о чем было бы, конечно, интересно узнать твое мнение.

Всегда твой
Наум

1.2. 20002. Позвонил Матвеем. Он сказал, что журнал «ничего», читать интересно. Нашу переписку он дал почитать только Гене. Сереге не дал, и даже жене боится. «Духовный стриптиз», говорит. Похоже, говорю, как я жене боялся свою книгу показывать. «Во-во».

2.2.2002. Ездили в лес. Миша, хихикая, рассказал «врачебную историю»: «У нас есть такой профессор урологии Лейднер, так у него умер отец, старик лет 82, ему сделали операцию желудка, а потом он через некоторое время заболел, ну и... положено вскрытие в таком случае, но знаешь как, наш сотрудник, вдруг там что-то не так сделали, ну вот, вскрываю я его и точно, нахожу гной, перитонит, как они его пропустили, не знаю, ну, как я и думал, ищу источник, а он не в том месте, где была последняя операция, а в другом, гораздо ниже. Ну я звоню заведующей отделения, в котором он лечился, и спрашиваю, не делали ему каких-нибудь операций до этого? Как же, говорит, делали, хи-хи-хи, простату оперировали. А кто, говорю, оперировал? Профессор Лейднер. Ну, хи-хи-хи, думаю, так я и знал, все, как и положено, у врачей всегда так. Сын отца прооперировал и пропустил перитонит. Я еще там железную скобку нашел».

4.2.

Матвей, привет!

Чувствую необходимость в первую очередь поделиться политинформацией, поскольку ситуация у нас подошла к резкому, может быть, роковому повороту. Дело в том, что Америка, кажется, наметила продолжение и назвала цель: Ирак. Ясно, почему Ирак: он слабее и изолированнее в международном плане, удар по нему приструнит Сирию и т.д. Но и здесь американской дипломатии придется поработать, чтоб обеспечить «прикрытие». Хотя это их проблемы, дело в другом: удар по Ираку ставит нас под удар, как это уже было 10 лет назад, и возможно, под удар неконвенциональный. Таким образом, хотят ли этого американцы или нет, мы становимся их самыми теснейшими военными союзниками, и удар по Израилю будет восприниматься (всеми!) как удар по Америке. То есть, планируя компанию против Ирака, американцы должны не только согласовать с нами определенные действия, но и по возможности обеспечить нам защиту, или дать нам средства самим это сделать, и, в третьих, занять нашу сторону в конфликте с палестинцами. Любой

серьезный удар Ирака по Израилю вновь предоставляет нам возможность нанести «асимметричный» и уничтожающий удар по палестинцам. Не уверен, что у Шарона хватит духу воспользоваться моментом, но момент возникает уникальный.

Эта схема, видимо, стала для многих столь очевидной, что заметно в последнее время судорожное оживление израильских левых и совместные (левых, палестинцев, египтян и иорданцев) усилия по «снятию напряженности». Мубарак вдруг встретился с израильским министром обороны, вдруг принял верительные грамоты нового посла Израиля, то есть восстановил дипотношения, замороженные несколько лет назад, Абдалла проклинает Арафата и подает сигналы о помощи: иорданские палестинцы подогреты до точки кипения, и Хизбалла во всю действует в Иордании, фундаменталисты пытаются скинуть Абдаллу и открыть еще один фронт против Израиля (дай-то Бог!). Израильские левые вдруг подняли отчаянную компанию против «незаконных действий израильской армии на территориях», тут и телевидение, и письмо 50 офицеров-резервистов об отказе служить «на территориях», и угрозы «международного суда», и всякое такое. Шарон на следующей неделе едет в Вашингтон. Все замерли. Там должны развернуть карты и провести будущие границы.

Всегда твой
Наум

5.2. После нее у меня бессонница, беспокойство, будто что-то давит на грудь. И от этого исчезает все счастье встречи, весь любовный лепет, остаются усталость и досада. Вчера сидел на диване, вошла мама, говорит: «Что с тобой? Ты выглядишь как выжатый». А я и был выжатый. И в ушах еще журчат ее неумолкающие сказания:

— Папа всегда говорил: от военных пахнет ремнями, и что за военных выходят только няньки, а я с подружками на танцы к ним не ходила, у нас было несколько военных училищ, но самая престижная была летная школа, «лётка», там было два отделения, обычная авиация и морская, морская была самая-самая, во-первых, их посылали за границу, и потом форма очень красивая, с кортиками, девчонки умирали, у меня подружка была на первом курсе, она влюбилась там в одного, он пел у них в ансамбле, Цветков была его фамилия, маленький такой, но пел хорошо, а вот пригласить ее не мог, потому что пел все время, она таки вышла за него, не без моей помощи, ха-ха-ха! Я тогда как раз поссорилась со своим хахалем, и они позвали меня на танцы, ну я и решила пойти, ой, это так смешно, когда девочки идут на танцы, туфли в газетку завернуты, и еще билеты надо было покупать, это было просто унижительно, ну, купили билеты, прошли в большой такой зал у них был, выкрашенный в ярко-желтый цвет, стулья по кругу, площадка у стены для ВИА, это вокально-инструментальный ансамбль, и сбоку такая комната

большая, там девочки переодевались, снимали гамаши. Гамаши? Это такие рейтузы со штрипками внизу, зимой у нас холодно было, я, правда, их не носила, мама мне всегда говорила: нечего задницу перегревать, вот, снимали гамаши, одевали туфли... вышли мы в зал, там эти курсанты, такие гордые, а мне хоть бы хны, я вообще случайно, мне никто не нужен, у меня хахаль, хоть я с ним и поссорилась, и Наташка мне показывает своего Цветкова, я говорю, этот маленький? Да ну, вот рядом с ним еще ничего, похож на мужчину, такой высокий был парень, вырубленное лицо, но хорошо вырубленное, он мне понравился, и что ты думаешь, в перерыв они к нам подходят, а меня невозможно было не заметить, меня мама так одевала! и приглашают, этот высокий меня, а Цветков — Наташку, а у них иногда музыку заводили такую, от проигрывателя. А это парень оказался из Новосибирска, Никифоров его звали, вот, очень талантливый был, замечательно играл на пианино, его родители хотели отдать в музыкальное училище, но он умирал быть летчиком, хороший был мальчик, я с ним несколько раз встретила, он даже заходил к нам, но я с ним порвала, резко, он был хороший мальчик, что я ему буду голову морочить... ну что, я тогда на молоденьких не смотрела, и потом от военных ремнями пахнет... и у меня был хахаль, поссорилась-помирилась, не хотела я ему голову морочить... ой, боже мой, что я несу! Никифорова вспомнила, бог ты мой!» — и закрыла лицо руками.

Все время, пока она взахлеб рассказывала, я с удивлением и восхищением смотрел на ее лицо, на сияющие в темноте глаза, которые там, за стеной комнаты, видели исчезнувшую жизнь, чувствовал, что вот сейчас люблю ее.

— А твои родители не возражали против брака?

— Нет... В этом я тоже как-то обвиняю маму. Все-таки мне было только 19 лет, они должны были меня... ну хотя бы сказать, подожди, подумай, а то в неделю все произошло... У него был отпуск, а я думала... ну, во-первых, он еврей, значит, я уже не могла его просто так отбрить, если бы он не был евреем, у него не было бы никаких шансов, и он пришел к нам и сразу покорила маму, мама сказала: «Вылитый Бумочка», ее младший брат, который первый погиб, под Туапсе, потом старший погиб, потом отец, ну я тебе рассказывала, один за другим, и потом она мне сказала: это твоя судьба. Мы с ним сходили один раз в кино, потом он повез меня на пикник с друзьями, ну, думаю, отпуск кончится и... А потом я увидела хрен, ох какой хрен! Ну и все... Я виню его только в одном, что он...

— Оказался слабее тебя.

— По-твоему, брак это драка, поединок? Нет, что он не сумел меня оградить, встать между мной и всеми другими, что он не забрал меня всю. Я ведь, когда замуж выходила, совсем не собиралась ему изменять, у меня это и в мыслях не было, наоборот. И до сих пор такое обожание... чуть что — начинает оправдываться, я ему говорю: замолчи! Что ты все время оправдываешься! Ты знаешь... Нет, это ужасно глупо...

— Что?

— Мне хочется родить тебе девочку... Во, совсем с ума сошла... Ну почему, почему ты меня не нашел тридцать лет назад?!

Инулька, дорогая! Написала тебе письмо на работе и вдруг испортился компьютер! Ну? Вот и сразу отрезана от всего мира! Так что даже не успела послать, посему пишу еще одно уже из дома. Вот приперла домой, а Наума нету, а я нервничаю — он пошел на час дня на проверку сердца, а сейчас уже пять... Ладно, небось в кино пошел! Ой, чтоб только ничего ни с кем не случилось! Я сама хочу пойти сегодня к врачу, а то целый день болит голова — это уже второй день, давление видимо. Черт! Заполнила сегодня анкету на семинар на Мертвом море, может, повезет, и будут места, поедем с Наумом, Баську уговаривала тоже ехать, а ей не с кем, с мужем не хочет... Ну, посмотрим. Это как раз с 20-го по 23-е мне очень удобно, потому что 25-го Ювалик ложится на операцию — тоже страх. Ох! Короче — не получается чтобы было беззаботно?! Вот, горение в науке полностью поглощает и ни о чем уже не думается, вместо лекарства. Но я уже аут. А ты вся в статьях, молодец! Еще горишь! Ну вот, Наум позвонил, все ОК, на радостях попер по книжным! Слава Б-гу! Все, пойду полежу, а потом пойду к врачу. Я поняла, что вечер удался, было приятно! Очень хорошо! Даже если и нету уже той потребности в общении, все равно — близкие люди! И конечно, то, что своя приятная квартира!

Целую, Рима

От Л: Читаю «Внутреннее созерцание» и «Плоды мудрости» (мудрец важнее пророка). Нужно опуститься на самое дно эгоизма и только после этого можно начать восхождение (лестница Якова). М.б. я уже упала (не без твоей помощи), а ты еще нет? Просто мне кажется, или, как ты говоришь, «я знаю», что это может сильно продвинуть тебя в твоей работе с подопечным. Он ведь тоже был каббалистом.

Иисус не был каббалистом, и Каббалы-то еще не было. Но тема интересная. Ты в свою «каббалу» действительно «низко пала», но я тут ни при чем.

От Л: Еще Авраам был каббалистом. Это он предпочел эмуна меаль а даат¹ (вознес руки выше головы) над своим сыном...

Я начала читать в сети. Потом заказала себе книги и теперь читаю. Там есть уроки для прослушивания и даже музыка. И еще я «чувствую» пустоту в твоём сердце, но к сожалению (не могу тебе помочь, я ведь пыталась, но ты не врубился), читать ты должен сам, потому что это

¹ Вера выше знания (*ивр.*)

очень индивидуально — каждый изучает науку получать «для себя». И Каббала это действительно наука. Главное чувствуешь ли ты в этом потребность.

Наум, привет!

Откликаясь на пожелание узнать «мнение о журнале»... Как бы это выразить пояснее и поделикатнее. Я не читатель журналов. Перестал понимать, зачем они. Не критик. Не «ценитель». Могу высказать лишь нечто заведомо необязательное.

Что касается нашего «выступления», то, прочитав сразу по получении (в интернет не лазил), сейчас не могу себя заставить даже открыть на соответствующей странице. Никаких чувств, кроме стыда. Не понимаю, где я, зачем и почему вещаю о непонятном мне самому незнакомым людям. Интонация фальшивая, суждения убогие, тривиальные и безответственные. А тут еще специфическое «обрезание» (надеюсь, что не твое, а редакторское). Суждение о Иван- и Абрам-диссидентах родилось из каламбура Ильи Глазунова (если тот, в свою очередь, не украл у кого-нибудь из своих заединщиков): *Аван-гард — Иван-гард*; мнилось некое изящество в том, что берется шутка «чужого заединщика» и выворачивается наизнанку; некая ироническая необязательность интонации заложена уже в источнике словообразования. И что же? Корень «шутки юмора» отрублен, и я начинаю с места в карьер менторским тоном: «Иван-диссиденты и Абрам-диссиденты...» Брррр. О, куда мне бежать от шагов моего хвастовства? Говорю все это не в порядке «предъявления претензий», а чтобы донести, насколько чистосердечна моя незаинтересованность в такого рода «засвеченности». Повторяю: я не исключаю возможности своего явления городу и миру и в дальнейшем, но текст должен быть чужим, а моя фамилия — неназванной. Мое отвращение к собственной «доле участия» так сильно, что не чувствую себя способным оценить «публикацию в целом».

Теперь о других материалах. Мне не понравились ни поэзия (которая вообще «не зацепила»), ни проза. Все вроде бы на уровне и не без достоинств, но в прозе Бараша нет «звука»; Винокур «слышит», но уж очень «погружен в материал». Лучше всех пишет (прозой) Гольдштейн, но поскольку он еще и теоретик (как бы ни отнекивался), извращенное понимание стратегических целей и задач не остается безнаказанным и для фактуры словесной ткани. Конечно, он должен был договориться до апофеоза «людей, обесчестивших Нью-Йорк». В этой последовательности есть своего рода «величие»: взялся за магический гуж, не говори, что не дуж. Но это величие странного недоумка: ему дано думать, но он не хочет этого делать. Видимо, боится, что это помешает плести словеса, а словопроизводство уже отлажено, да и ткань выходит высококачественная, хотя ни для чего не пригодная. Самое забавное в его опусе то, что он сам знает (но боится отрефлексировать) опровержение собст-

венной позиции: «Неправильно упрекать в плагиате — мол, содрано с фильмов врага». Как раз правильно. Только нужно продумать упрек до конца, и тогда выяснится, что осуществление желания «вырваться из пространства сна» не оставляет после себя ничего — ни сна, ни яви. Граница конституирует «сон» (в модусе неосуществимости) в той же мере, в какой она конституирует явь. Субъект, «преодолевающий границу», — это либо бессознательный инфантил, либо сознательный экспериментатор; но в обоих случаях паразит, лишенный креативного начала. Потому что творится — каждый раз заново, «из ничего», хотя и по лекалам архетипа, — именно граница, а остальное к ней прилагается. В случае с террористами дело обстоит еще хуже. Никакого «общего, единого для всех пространства сна, хрестоматийного сна» не существует. Из каких таких бессознательных исламистских глубин выпорхнул вдруг и материализовался сон о небоскребах-близнецах? Это всего лишь ложно понятый чужой сон. Потому в террористическом акте нет и настоящего «бесчестия». Не Наполеон обесчестил Кремль, загнав лошадей в Успенский собор, а сами русские, когда взорвали храм (пускай и пошлый по архитектуре), воздвигнутый в честь победы над Бонапартом. / Кстати, о храме. Воспользуюсь случаем (все не приходилось к слову) указать, что в твоём Тексте смущает удивление присущим храму Христа Спасителя военно-патриотическим мотивам: повидимому, ты просто не врубился, что он воздвигнут (хотя и с огромным опозданием, о причинах которого писал еще Герцен в «Былом и думах») по решению Александра I в честь победы над Наполеоном. Другое дело — насколько органичным может быть в принципе совмещение христианства с «нееврейским» патриотизмом: ведь Бог (то бишь Яхве) говорит как о «маркированной» только об определенной земле для определенного (избранного) народа; поэтому все потуги присобачить к Библии «туземный» патриотизм по большому счету обречены на провал, и чуткие «туземцы» (вроде Розанова или Флоренского) это знают, хотя не всегда и не всякому скажут вслух./

Материалы о Вяч. Иванове интересны и хорошо поданы, но они могли появиться и в любом другом месте (типа НЛО).

Кроме интервью Дззы, с интересом прочел письма Виктории Урман, очень человеческие и «по-хорошему бабьи».

На редкость тусклая и бездарная статья Д. Сегала (а ведь, что обидно, выкормыш лотмановской школы!)

Но верх тупоумия и стилистического идиотизма — это врезка Гробмана. Признаюсь, со времена блаженной памяти «застоя» мне не приходилось читать фраз типа: «Уже он один не позволяет Солженицыну свидетельствовать от имени русской культуры, которая поистине полноценно-грандиозна, несмотря на вечный гнет политической жандармерии»; или: «Русская литература XX века полностью порвала со старой литературной традицией неуважения или неприязни к евреям. Напротив, она стала юдофильской». Я разделяю пафос Гробмана. Пони-

маю, что в то время надо было обладать недюжинной смелостью, чтобы выступить против Солженицына. Словом, я готов признать, что Гробман герой (как, впрочем, и Солженицын). Но, похоже, он и сегодня относится к своим «полноценно-грандиозным» сентенциям без тени иронии. Вот это уже клиника.

О мнениях «тех, кто читал журнал», сказать ничего не могу. Гена молчит из сочувствия и деликатности, а Серега, возможно, выскажется, но позже (хотя он заезжал ко мне вчера, но у меня не возникло желания дать ему журнал, тем более что он получает «Зеркало» регулярно по своим каналам). А больше мне спросить не у кого, да и нет особого желания.

О Цветкове и героизме надо говорить особо. С твоего позволения, отложу на потом. В целом я, разумеется, «на твоей стороне».

За «политанализ» спасибо. Будем следить за событиями, а ты раскроешь их «историософский смысл».

Всегда твой

Матвей

P.S. В ответ на письмо Саше Соколову получил записку по-английски от Marlene с благодарностью и обещанием передать Sashe.

Матвей, привет! Ну что я тебе скажу... Мне и самому несколько неловко за наше «выступление». И, конечно, соблазнительно свалить все на Гробмана (а он действительно гад, подтасовывает карты: зачеркивает, вставляет, делает чужие письма «лучше»), но в отличие от последнего (да, самоиронией он не страдает) готов покаяться, что захотелось «напечататься», захотелось «гвоздонуть», ну и так далее. Одним словом, мальчишество. Так что и у меня осталось чувство неловкости, хотя и слабее твоего, ведь я в другом «ареале», гораздо менее критичном вообще.

Сегаль полный кретин, его держат за «представителя академических кругов», и он периодически несет какой-то несусветный бред на «глубокие» темы.

Письма Урман я тоже прочитал легко, возможно это самый «живой» текст в журнале, хотя и к нему можно предъявить массу претензий (как к тексту), но не хочется, серьезного разговора он не достоин. Гольдштейн достоин, и то, что мы оба так активно его мутузим, признавая «достоинства», говорит (мне) о том, что здесь осталось много неясного, его текст окутан каким-то вязким туманом (как и стиль его прозы), до конца не понят, хотя, скорее всего, это тот «туман», который он сознательно напускает, и кроме тумана-то и нет ничего.

А с Соколовым — это их обычная церемония: вся почта идет через Марлин.

Всегда твой

Наум

6.2. Утром лежал и думал о том, что не хочу. Да и она не жаждет. Получается, что темп сократился до двух раз в неделю. Один коитус в субботу, полноценный, и где-то в промежутке, так, вскользь. Произвела какое-то шевеление. Необязательное, но я слабо отреагировал. Наметилась возможность. Но хочу ли я? И хочет ли она, потому что мне-то необязательно. Так, шевеление за шевелением, пришли к необязательной неизбежности. «Я хочу пи-пи». Это уже правило: перед заездом — осадить. Заявить о своем равнодушии как бы. Отпустил ее на пи-пи. Когда вернулась, все ушло. Упало-пропало. Легла голенькая и доложила: «К принятию члена готова!» А чего принимать-то. Как в песне поется: вы ж видите, любить вас просто нечем. Но, однако ж, солдат еще службу знает, пробудился. Совершили вскользь. Оживилась. Оживляться надо было до того.

Gauchiste

Матвей, привет!

Любопытно, что правые и левые в Израиле сходятся в одном: вazyблемой вере в национальную исключительность, в «избранность». И сегодня ты можешь «на каждом углу» (здесь) услышать общеизвестную, многократно повторяемую как религиозными ортодоксами, так и левыми «борцами за права человека», фразу, почти поговорку: «лихьёт ор ле гоим», «быть светом для всех народов», только для религиозных это нести «свет Торы», а для отвязанных — свет «общечеловеческих» ценностей. Причем леваки при этом напирают на отказ от религиозных заповедей (десять заповедей уже к общечеловеческим ценностям не относятся?), на пламенную борьбу с авторитетом религий вплоть до отказа от национальной идентичности (которая, что поделаешь, основана на Танахе), «отмены» наций и т.п.

Пафос этой борьбы возник вначале как понятный (мне) протест против затхлости, к которой неизбежно привели века замкнутости, но он, устремившись в теории всеобщего братства, превратился в ненависть к «своей» религии и нации, вплоть до национального самоотказа и самороспуска (пастернаковское: «не сбивайтесь в кучу, разойдитесь»). Этот бунт самороспуска в бессмертном полку нашел идеологическую опору в разных универсальных учениях: христианство, коммунизм, прогресс науки и техники, права человека — все что угодно, только против веры отцов (недоброжелатели всех сортов всегда отмечали — как обоснование своего недоброжелательства — «партикулярность» иудаизма). Христианство было особо популярно, что объяснялось «универсальностью» христианской религии. Мол, Христос и совершил этот выход из национальной замкнутости на просторы ойкумены. Не забудем и коммунизм, что прошелся по жизням наших дедов и отцов как цунами, даже нам трошки досталось. Многим это бегство от традиций казалось делом вполне практичным — ведь национальный корабль тонет. Но корабль остался на плаву, более того, обновился и воспрял парусами надежд и

свершений, однако и на нем все та же свара, и даже острее! Все та же вера в «универсализм» как закономерный результат «развития человечества» (интернет, унификация, «мир — большая деревня» и т.д.), при этом родовые ценности де естественным образом отмирают, и верх берут «общечеловеческие начала». Последователи этого универсализма считают себя «идущими в ногу со временем», а «националистов» числят мракобесами, а то и «фашистами». В этом, как мне кажется и коренится «левизна», во всяком случае, в Израиле.

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Единственное, что ты сделал, — это произвел некоторый терминологический нажим: назвал ассимилянтов «левыми», а затем приравнял левизну к универсализму. Но ведь это всего лишь игра словами. Так теоретические проблемы не решаются.

Правда то, что «тенденция к самороспуску» приобретала местами /временами (особенно в России в начале века) гипертрофированные формы, наглядные и потому удобные для рассмотрения. Так, психолог Лев Выготский (двоюродный брат Давида Выгодского, известного деятеля еврейской культуры) начинал как еврейский публицист (написал рецензию на «Петербург», уличавшую А. Белого в антисемитизме), но впоследствии изменил фамилию едва ли не для того, чтобы отмежеваться от «еврейского национализма», писал о «переплавке человека как о несомненной черте нового человека», об искусственном создании нового биологического типа, призванного стать единственным и первым видом в биологии, который создает сам себя (статья «Исторический смысл психологического кризиса»). Примерно в это же время Лев Троцкий писал: «Мы можем провести через всю Сахару железную дорогу, построить Эйфелеву башню и разговаривать с Нью-Йорком без проволоки. А человека улучшить неужели не сможем? Нет, сможем! Выпустить новое, «улучшенное издание» человека — это и есть дальнейшая задача коммунизма». («Несколько слов о воспитании человека»). Все это психологически очень понятно. То, что именно евреи-интеллектуалы довели идею «революционного преобразования» до антропологического уровня, объясняется, на мой взгляд, их стремлением «замаскироваться»: когда возникнет «новый биологический тип», разница между евреем и неевреем утратит всякую актуальность. В подтексте читается: эта разница сотрется только при условии радикальной «антропологической переплавки» (из этого можно заключить о колоссальной силе давления антисемитского окружения). Проект радикальной антропологической переплавки не выдуман евреями-русскими радикалами. До них подобный проект выдвинул, например, Вл. Соловьев (теургический проект). Для данного контекста важно, что он не еврей (хотя, по непонятной причине, филосемит). Думаю, сравнение

показывает, что евреи склоняются к наиболее сциентистским (то есть кажущимся «научными») проектам (идут к универсализму через Блок обеспечения). Я не знаю заметных евреев-теургов (а антисемитов в теургических рядах хватало). Вполне понятно, почему. Проект Вл. Соловьева остается религиозным, христианским, не оборвавшим пуповину, связывавшую его с традиционной культурой, и по этой причине в нем труднее было спрятаться, затеряться, замаскироваться еврею.

Теперь подумаем, имеет ли «левая (а точнее, ассимилянтская, которая совсем не обязательно должна быть левой) тенденция» в еврействе прямое отношение к универсализму? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно определить, что такое универсализм. Ты, по сути дела, определяешь его «от противоположного»: универсализм = отталкивание от «национальной исключительности». При этом сам говоришь, что «оттолкнувшиеся» могли примазаться к чему угодно: коммунизм, «мировая наука», «права человека». И совершенно ясно, что (если не считать десяти заповедей, о чем разговор особый) ни одна из перечисленных «универсалий» не создана евреями (скорее, они навязаны обстоятельствами). Мало того, ни одна из них не совместима с «истинно еврейскими» традиционными ценностями. Их выбор зависит только от условий места и времени, в которые были «заброшены» евреи. Если в выборе тенденции и наблюдается какая-то закономерность, то следующая: евреи выбирают не традиционные ценности окружающей культуры, а «модернистские» и, по возможности, «сциентистские». По понятной причине: евреям труднее всего затеряться именно на «полюсе традиции», а легче всего — на другом, противоположном полюсе, — модернизации и науки. Если это так, то универсалии приравниваются к ценностям модернизации (антитрадиционалистским). Ясно, что «модернизации» бывают разные в зависимости от того типа традиционализма, от которого они отталкиваются; в таком случае универсализм — это то общее, что наблюдается в разных стратегиях модернизации. В этом смысле еврей-ассимилянты — это «прорабы модернизаций», или, иначе, «прорабы универсализма». Я «пошел тебе навстречу» для риторического удобства, вроде бы согласившись приравнять модернизацию к универсализму. Между тем, это «уравнение» вовсе не очевидно. Возникают вопросы. Складывается ли универсализм только на векторе модернизации? Не объединены ли и «традиционализмы» своими универсалиями?

Что же касается приравнивания универсализма и левизны, то это еще большее огрубление, выходящее, на мой взгляд, за всякие допустимые рамки. По сути, ты говоришь: модернизация = левизна. Но это абсурд. Если следовать твоей логике, то антиглобалистов придется признать «модернизаторами», в то время как они опираются на противостоящие модернизации силы — как левые, так и правые. Да и что такое «глобализм», как не универсализация? Если леваки борются с глобализмом (модернизаторским универсализмом), то по твоей логике выходит, что они борются сами с собой.

Что же касается еврейской традиции, то задача заключается в ее реконструкции. Чтобы докопаться до истоков «еврейского универсализма» нужно отрешиться от множества мифов и фальсификаций, как «вражеских», так и «дружеских», в том числе и автохтонных (возникших в русле чисто еврейской традиции). Евреи-традиционалисты и антисемиты сходятся в фальсификации «изначального духа» еврейской традиции (например, и те и другие носятся как с писаной торбой с совершенно бессодержательным, злокачественным понятием «избранности»). И не так важно, что они делают это «с разными знаками» и с противоположными целями: фальсификация есть фальсификация.

Всегда твой
Матвей
P.S.

Получил ответ от Саши Соколова. Среди прочего такой пассаж: «Матвей, а ведь верно, было бы разумно, если бы Вы послали мне несколько из тех списков, что были отправлены в последнее время Науму. Сразу многое бы конкретизировалось. С.С.»

В связи с этим у меня к тебе просьба: вышли, пожалуйста, эти списки, поскольку у меня они пропали вместе с остальной информацией — это сэкономило бы мне уйму времени. Технически всего удобнее было бы, кажется, сокопировать все последние списки (штук 6–7) в единый, выкинуть из соответствующих писем все лишнее и послать мне в одном Attach'e. Сделай это, пожалуйста, если тебя не затруднит. Может быть, тебе интересно будет узнать, что кроме всего прочего С.С. прислал мне отрывок из своего письма к тебе «относительно моих литературных вкусов»; те авторы, которых он перечислил, вполне доступны, и дальнейшее будет зависеть от его аппетитов и от того, каких денег ему не жалко. Судя по фразе из письма: «Для получения денег, первую порцию коих в размере ста долларов моя жена Марлин Ройял вышлет, как только Вы дадите сигнал готовности» — он не планирует особенно больших затрат. Впрочем, поживем-увидим. В любом случае, за клиента спасибо.

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Только что случайно посмотрел по ОРТ сцену «президент России принимает главного раввина». Хоть смейся, хоть плачь. И где они такого карикатурного еврея нашли? Специально чтобы потешить народную душу. А сами-то евреи российские куда смотрят? Вот ты, куда смотришь?

9.2.

Наум, у меня просьба к тебе, не мог бы ты прислать небольшое письмо с перечислением основных русских журналов в Израиле и краткую их характеристику? Дело в том, что на меня постоянно наезжают русские из-

раильтяне с просьбами поставить их журнал в Журнальный зал, а я не очень ориентируюсь в них. Никакой, естественно, специальной исследовательской работы делать не надо — просто напиши навскидку кто есть кто, на твой взгляд в русско-израильском журнальном пространстве.

Сергей

Berl Lazar

Наум, привет!

Спасибо за то, что так оперативно откликнулся на мою просьбу; сводный список я Саше Соколову уже переслал. Действительно, я ничего не теряю, а приобрести могу, так что еще раз спасибо.

Карикатурного еврея нашли специально; и, нашел его, естественно, еврей-Березовский с исключительной целью досадить еврею-Гусинскому, кстати, единственные неприкрыто антисемитские передачи по ЦТ (я не беру провинциальный дециметровый «Русский Дом») шли по первому каналу, когда им заправлял Березовский, тогда клевет Путин, — и опять же исключительно для того, чтобы подчеркнуть нелояльность жида-Гусинского (в то время Председателя Совета еврейских общин; Березовский же, видишь ли, был тогда «православным христианином» и «другом власти»; он и выписал в пику ставленнику Гусинского Шаевичу (тоже, впрочем, шуту) откровенного шута Берл Лазара. Вообще я прихожу к мысли, что антисемитизм (в антисемитской стране) плох не тем, что плох сам по себе, а тем, что он делает с евреями, из числа которых всегда находятся энтузиасты-березовские. Теперь насчет того, «куда я смотрю». Я смотрю на карикатурного Берл Лазара с чувством глубокого удовлетворения. Вообще институт еврейского религиозного представительства в антисемитской стране — вещь гнусная по определению (что заметила еще Ханна Арендт, и чего ей до сих пор не простили евреи). Положение обязывает их говорить, что власти их «нисколько не притесняют», никакого антисемитизма нет, а есть только особенно горячая дружба с муфтиями, ну и случаются отдельные эксцессы. Ведь им нужно «окормлять» (каково словцо?!) оставшихся, а не поощрять алию; а для этого надо всячески демонстрировать лояльность. Поэтому я «смотрю» на это дело так: чем хуже, тем лучше. То есть тем больше вероятность, что хотя бы малая толика оставшихся здесь «нормальных» евреев уедет, а ненормальных (евреев-русских-православных патриотов) мне не жалко: туда им и дорога. Кстати, Путин раздавил сегодня последнее свободное средство массовой информации — радиостанцию (телевидение уже полностью «зачищено») «Эхо Москвы», на которое пришла работать «команда Киселева» (бывшее ядро НТВ и затем ТВ-6). Расправа последовала через неделю после того, как эта радиостанция (ранее входившая в медиа-холдинг Гусинского), приютила у себя опальную компанию. Путин, конечно, далеко пойдет: у него замашки методичного, закомплексованного фюрера-маньяка. Он необычайно похож на Гитлера (впрочем,

еще больше на Крошку Цахес). Но дело, конечно, не в Путине: «народу» (равно как и «интеллигенции», в том числе «либеральной») все происходящее чрезвычайно нравится, так что он был бы идиотом, если бы не воспользовался складывающимся «общественным мнением». Девиз: «избавимся от грязных денег олигархов» (что-то вроде ритуального очищения), под которым орудует теперь власть, имеет совершенно отчетливый антисемитский оттенок: «олигархи» — это евреи-банкиры (вполне мифологический образ).

Не имея сейчас возможности (по времени) ответить подробно на счет универсализма христианства, напомню (как «свет окормляющего маяка») золотые слова о христианстве, сказанные Ницше: «Поистине, нет большей противоположности чисто эстетическому истолкованию и оправданию мира, нежели учение христианства, — оно *чисто* морально, и желает быть чисто моральным, — абсолютностью своей меры: например, правдивостью Бога, — ссылающее в царство *лжи* искусство, *любое* искусство, а это значит — его отрицающее, проклинающее, осуждающее. За таким способом мыслить и оценивать вещи — он враждебен искусству прямо пропорционально своей подлинности, — я всегда ощущал *враждебность жизни*, негодующе-мстительное отвращение к жизни, ибо жизнь покоится на кажимости, искусстве, обмане, углах зрения, необходимости перспективы и заблуждения. С самого начала, существенно-основательно, христианство было усталостью и омерзением — испытываемыми жизнью от жизни же, и только прикрывающимися, и прячущимися, и принаряжающимися верой в «иную», или же «лучшую» жизнь. Ненависть к «миру», предание проклятию аффектов, страх перед чувственностью и красотой, потусторонность, придуманная, чтобы легче было очернять посюсторонность, в сущности же тяга к небытию, к ничто, к концу, к покою, к «субботе суббот» — все это, равно как и негибемая воля христианства допускать одни только моральные ценности всегда казалось мне самой опасной и зловещей из всех возможных форм «воли к гибели» и, по меньшей мере, знаком самого глубокого нездоровья, утомления, уныния, немощи и оскудения, жизненного обнищания», — ибо перед моралью (в особенности христианской, то есть безусловной) жизнь обязана оставаться вечно и неизбежно неправой».

Если согласиться с этим диагнозом (а он, на мой взгляд, точен; и доктор Розанов подтвердит), то какие такие «универсалии» хочешь ты найти в санкционированной христианством морали? Может ли «антижизненная» установка диктовать универсальные для жизни правила? Если в христианстве и есть какая-то «универсальность», то «отрицательная»: в нем наблюдается вывернутая наизнанку установка Жреца на определенном этапе индивидуации; иными словами, это Маг «периода упадка» («Я римский мир периода упадка»). Здесь колоссальную роль сыграл еще и социологический фактор: Рим вобрал в свои пределы слишком много магически настроенного отребья (люмпенов-

террористов того времени), волна которого и захлестнула «лучших людей». Отребе же не могло воспользоваться выработанными эллинистической культурой архетипами спасения по той простой причине, что они были ей не по зубам. Общепринятое представление (и ты, Брут, похоже, его придерживаешься) сводится к тому, что античная культура «изверилась в своих богах» и потому с неизбежностью должна была заменить их на свежих (типичный образец христианского пиара); на самом же деле она совершала в тот период времени героическую попытку перейти к спасению посредством автономных культурных архетипов (оставив религиозную составляющую для плебса, в том числе и для «плебса в себе», в своей душе). Но справиться еще и с внешним плебсом она не имела шансов — и проиграла.

Всегда твой,
Матвей

Женя, подруга жены, ходит на «философско-медицинский» кружок, очень увлечена, пригласила жену в качестве подопытного кролика, они ее «посмотрят», «обсудят» и объяснят, отчего у нее высокое давление. Жена говорит: «Поехали со мной, тебе будет интересно, Женя говорит, что очень интересные люди, ты же любишь философию». «Ненавижу, — говорю. — Особенно эти тайные собрания по четвергам стареющих красоток вроде твоей Жени. Вдруг на старости лет увлеклась, понимаешь, философией...» — «Ну что, может нифтах ла эт арош (буквально: у нее открылась голова, по-русски говорят: “открылись глаза”)». — «Во-во...» Жена отгадала ход моей мысли и выразила ее сама: «Одно место закрывается, другое открывается». — «Вот именно». — «А я всегда ненавидела философию, и сейчас...» — «Ну, потому что ты всегда была иша птуха (буквально: открытой женщиной, по-русски говорят «открытость взглядов», непредвзятость, но тут скрыта и двусмысленность)». Жена рассмеялась. «Ну, им ата омер...» (Ну, если ты так считаешь...)

Сережа, привет!

В Израиле с относительной стабильностью выходят четыре литературных русскоязычных журнала: «Зеркало», «Солнечное сплетение», «Иерусалимский журнал» и «22». Из них «22» самый старинный (почти четверть века) и самый убогий (особенно после того, как несколько лет назад из него ушел главный редактор Рафаил Нудельман). Журнал ведет чета Воронелей, Александр Воронель выступает в роли благодушного «интеллектуала», пописывая всякие «глобальные» статьи, а его супруга Нинель — в качестве романистки (страх Божий). Журнал — оплот отморзков-шестидесятников (неслучайно и братание с Солженицыным), итеэров от литературы и литераторов от чертежной доски, их литературные часы остановились во время славной советской оттепели, они вещают оттуда. Иногда это и бред «по-русски» на уровне вашего главного раввина Берла Лазара. Если захочешь ознакомиться, загляни на сайт: ...

Советую обратить внимание на статью Эдуарда Бормашинки (в номере 121) о великом писателе Якове Шехтере, где последний навязчиво сравнивается с Толстым, причем не в пользу Толстого. На мой вопрос: «Яша, не жмет сравнение?», он ответил: «Время покажет». Ступенькой выше стоит «Иерусалимский журнал», который ведет поэт Игорь Бяльский. Здесь ситуация поживее, скорее «отсталая», чем «дохлая», и в общем, на мой вкус, унылая. «Звездой» тут (и членом редколлегии) является небезызвестная тебе Дина Рубина, которую не чураются печатать и московские журналы. Другой звездой журнала является Губерман, тоже почему-то очень популярный в России (недавно видел его в телепередаче «Без протокола»), я этих еврейских смехачей почему-то не люблю. Но я вообще шуток не люблю, так что... В журнале также печатаются такие «маститые» литераторы, как мастодонт еврейской советской литературы Георгий Канович и старожил нашей литературной полянки Марк Зайчик. «Солнечное сплетение» делает тоже небезызвестный в России Михаил Вайскопф (его последняя книга «Писатель Сталин» мне лично мало интересна, но это ни в коем случае не отменяет его высокую филологическую квалификацию). Это уже вполне добротный журнал, на страницах которого можно встретить Михаила Безродного, Анри Волохонского, Леонида Гиршовича, Володю Тарасова, Александра Бренера. Ему, пожалуй, не хватает определенного «лица» и в последних номерах заметен явный уклон в сторону филологии. Усматривают некое равнение на НЛО, на мой взгляд, совершенно в наших условиях бесперспективное. Сетевой версии нет, во всяком случае, адрес ее не обнаружен. Ну и, наконец, «Зеркало», журнал в целом, на мой взгляд, самый живой, а посему и интересный, хотя, конечно, есть публикации (и некоторые тенденции, прежде всего «культ Гробмана»), которые мне лично «мешают». Но с этим журналом ты, как мне кажется, неплохо знаком, так что распространяться не буду. Кстати, в последнем номере есть «подметные письма» на Солженицына, полагаю, что тебя этот материал особенно позабавит, так как корреспондентов ты слишком хорошо знаешь, жаль только, что Гробман и здесь весьма нагло навел несколько штрихов, искажающих первоначальную композицию. Твое мнение на этот счет (и литературное и «по жизни» — хоть здесь трудновато будет произвести подобное разделение) было бы для меня драгоценно. Есть еще журнал «Время искать», но он скорее политико-публицистический, чем литературный, журнал «Двоеочие» (супруги Зингеры), который выходит на двух языках, русские тексты переводятся на иврит и наоборот. Выходят с разной периодичностью журналы (скорее антологии) и сборники так сказать «местного» или «группового» характера, то есть представляющие определенную местность или группу людей. Это навскидку. Если тебя интересуют подробности о том или ином журнале, я «разверну» тему. Привет Ире и Василию.

Всегда твой
Наум

Говорил с Барашем. Злится, что Гробманы его не упомянули, и это в телепередаче по 10-му каналу, которую редактирует Оля, он там, понимаешь, строго между нами, редактирует ей эту передачу, а они его даже не упомянули.

Пишу Л: Указанные тобой каббалистические страницы в Сети почитал, они совпадают с твоими цитатами и по духу, и по стилю и по смыслу, то есть все это абсолютная белиберда, набор слов-символов, чтение которых, видимо, должно создать у слегка охмуренного ксендзами такое блаженное состояние приобщения к «тайнам бытия». Да и перевод еще таков, что превращает все это в полную тарабарщину. Ну что такое «Музыка, литература, живопись являются молитвой человека, желанием сердца к тому источнику света, кот. в нем возник. Как и саму психологию и психиатрию мы не можем заключить в научные рамки, потому что они относятся к душе человека, его внутренней части. Поэтому они и являются самыми слабыми сторонами медицины. И обычным подходом тут ничего невозможно сделать».

Извини, это просто бессвязный, да еще и безграмотный бред. Ну их к черту, этих ловцов душ. Долой-долой монахов, раввинов и попов.

Матвей, привет!

Я понимаю, конечно, эмоциональный фон, но все-таки с Путиным ты переборщил. Чего уж Гитлера поминать все, это как-то не философски. Да и хапуг-банкиров как-то не жалко, ни тебе, ни мне, ни «народу», я и антисемитизма в этом не могу усмотреть, обычная борьба за власть, одни евреи уходят, другие приходят, что уж теперь, и еврея тронуть нельзя? Вон, говорят, и Лужкова Буратино прижал. Не за то ж ведь, что евреев «окормлял». А что хватка у вождя бульдожья, так ведь поди иначе, удержи господождя. А не удержишь — понесут кони, и не сносить головы, ни эллину, ни иудею. Кстати, он мужик с юмором (несколько глумливым, конечно: «Где деньги-то?»), чего у Гитлера напрочь не было.

Что касается христианства, то хотя славные удары философского молота Ницше читаются с удовольствием, но все же «волей к погибели» хр-во не исчерпывается, и упрощать это явление не стоит, «каким-то странным образом здесь есть всё». Ведь вот ненавидело христианство (по Ницше) «любое искусство», а великое искусство было создано, очевидно, при попустительстве высшего духовенства. Можно, конечно, сказать, что искусство «выжило» не благодаря хр-ву, а вопреки ему, но, пожалуй, «диалектика» тут посложней. Я бы еще отметил у христиан, как и у сегодняшних левых, скорее наивность, чем «негодующе-мстительное отвращение к жизни», но это «грех» иного рода... Можно ли у блаженно-го Франциска Ассизского обнаружить эту «зловещую волю к погибели»? В общем, все не так просто... с этим ты не сможешь не согласиться.

Всегда твой
Наум

10.2. Вчера жена ходила на «Кармен», с подружкой Женей. Пришла в час. Попыталась увильнуть («уже час ночи... я хочу спать...»). Я, конечно, своего добился, но ее индифферентность так меня злит, что и акты получаются как схватки, чересчур злые и короткие. А от этого я злюсь еще больше. Потом долго не мог заснуть, все прикидывал, сколько же длился спектакль, и сколько ушло на дорогу, как ни крути, — на час больше расчетов. Утром опять стал ее мять, а она мне: «Феликс (муж подруги) в Вильнюс авиалинию провел». Причем здесь Феликс, я не понял. Воспользовавшись моим недоумением, она выскользнула: на работу пора.

Потом, когда в парке гулял, позвонила Р. Завтра не получится, да, может быть, в среду, но мы еще созвонимся. Ладно. И ложится упорная гневность у меня меж бровей на челе: она жжет меня, черная ревность по твоей незнакомой земле... Сам удивляюсь своей детской обидчивости. Своему страху оказаться покинутым. Жалкая тварь.

Наум, привет!

Вижу в благодушии твоих суждений о России отсутствие интереса, замешанное на счастливом сознании того, что тебя это не касается (и это действительно отрадно и нормально для еврея). По моему ощущению, сегодняшнее состояние российского «общественного сознания» самое гнусное из всех, какие мне пришлось прочувствовать на своей шкуре («Бывали хуже времена, но не было подлей»). Более всего задевает, конечно, то, что «водораздел» проходит по живому, через каждую компанию и чуть ли не через каждый дом (иначе и быть не может при зашкаливающем рейтинге Буратины). Уверен, что типологически это бесценный материал для изучения формирования авторитаризма именно гитлеровского типа. Философия здесь ни при чем, а социология для меня очевидная. Разделить твоего восхищения юмором Путина не могу. (Кстати, как раз сегодня Лужков стал лидером путинской «партии власти», полностью потеряв лицо, хотя и была-то харя; поэтому не могу понять, в чем Путин его «прижал»: наоборот, он доверил ему честь считаться своим главным сатрапом; похоже, ты просто не следишь за событиями и говоришь наобум.) И если уж до еврея не доходит запах антисемитизма, этого ему не объяснишь. Так что тему закрыли, а продолжение увидим очень скоро; оно и рассудит (хотя это, конечно, утопия: каждый увидит то, что захочет увидеть).

Про искусство ты сам ответил на свой вопрос, отметив сохранение «элементов» (точнее, архетипов) эллинской культуры. Даже сугубо православные богословы (например, Флоровский) говорили о «реэллизации» христианства, которое началась уже во II-м веке.

Если не замечаешь в ком-то «воли к погибели», это означает только, что имеешь дело с «ненастоящим» христианином. (Если это верующий человек, то он скорее всего мистик, как св. Франциск; а мистик в каком-то смысле «сам себе Откровение»; поэтому любой мистик — потенциальный еретик.)

Антижизненная позиция не может существовать иначе, как в режиме эсхатологического ожидания пришествия уже сегодня. Если парусия откладывается хотя бы на один день, происходит некая адаптивная эрозия. Вся история христианства — это история эрозии. Все случаи интересны и заслуживают отдельного анализа и разговора (с тем, что «не все так просто», я действительно не могу не согласиться). Тем не менее, сохранение в голове абстрактной, радикальной идеи христианства (скажем, ницшеанской, хотя она нуждается в корректировке «по Рувину») — это, во-первых, как раз таки «по-философски», а во-вторых, это единственный способ сохранить ориентиры и не дать себе заморочить голову (в том числе и всяким там симпатичным Францискам).

Всегда твой,
Матвей

От Л: С фоткой — это ты хорошо придумал. Мне и так уже не терпится тебя обнять.

Как сочиняется? Как погода?

Не дается подопечный, «не вижу» его...

А погода... Неделю стоял такой зимний хамсин, лето, пляжи забиты, а сегодня пасмурно...

Матвею:

Вопрос «интереса» к России требует уточнения. Если говорить о перипетиях внутренней политики (а также и внешней, если она непосредственно не касается ближневосточных дел), то интерес действительно «уже не тот», произошло неизбежное (четверть века не хрен собачий) дистанцирование, если не сказать отчуждение, и именно на эмоциональном уровне (перестало задевать). И вообще, местная действительность так динамична и так непосредственно тебя касается, что не оставляет уже места другим «беспокойствам». На это накладывается глубокое (у меня, во всяком случае) отвращение к «внутренней ткани» российской жизни, то самое ощущение «гнусности», о котором ты пишешь, и которое я ничем не могу доказать (гнусностей-то везде полно, поди измерь, где больше), поэтому и не сосредотачиваюсь на нем. Это, кстати, одна из причин, почему я вот уже несколько лет никак не заставлю себя поехать в Москву, хотя многих хочется повидать, да и «полезно» было бы. Причем это ощущение гнусности («Бывали хуже времена, но не было подлей» — на редкость уместная цитата, увы, стыдно, но забыл, откуда, Грибоедов?) — не инерция старых страхов и ненавистей, а нечто «благоприобретенное» уже в «период свободы». При старой диктатуре были все-таки какие-то утопические ориентиры, которые утешали «социальную совесть»: где-то кто-то боролся, не смирялся, шел на подвиги духа... А тут вдруг и это исчезло, даже стало смешным: за что, за кого на костер

всходить? Все-таки не могу я без героических ориентиров, жизнь без них какая-то подлая... Вот вчерашний пример: у вас теперь новая серия «застеколья» идет. Прежнюю я смотрел не без определенной симпатии, подопытные вызывали любопытство без отвращения. По сравнению с нынешними они кажутся какими-то ангелочками. Сейчас «боссы» запустили под стекло какую-то хамскую свору, и ничего кроме омерзения зрелище этих блядей (и мужского и женского пола) не вызывает. А разница-то между группами всего в несколько лет, а уже другая поросль, подлая. Вообще «в наше время» атмосфера была такая, что даже и те, что власти служили, жопу ей не лизали. А нынешние именно жопу лизут, вымаливают «кусочек». Говорю именно о «деятелях культуры».

А с другой стороны, как пишущий по-русски и даже рассчитывающий на какой-то интерес в России к своим писаниям, я не могу не интересоваться тем, что там происходит, прежде всего в культурной жизни. Но следить плотно за событиями не могу, во-первых, занят, а во-вторых, то, что доходит прямым, а чаще всего косвенным образом, не только неинтересно, а вызывает скорее недоумение и даже какую-то брезгливость. Все пишут только ради рейтинга. Вот новый бог культуры...

Что касается социологии авторитаризма то я в принципе готов согласиться с подмеченной тобой типологией (судить не могу, не слежу), но все же, извини за настойчивость, Гитлера бы не трогал. Еще накараешь... А насчет «запаха антисемитизма», то я всегда воспринимал его как неотъемлемую часть общественной атмосферы и больше думал не о том, за что нам такое наказание (дышать вонью), а о том, что мы можем этому противопоставить. И тут плавно перехожу к нашим проблемам. Видимо, удар по Ираку неминуем, и надо полагать, что Америка будет в этом «мероприятии» одна. Ну, разве что с нами. А мы союзник тот еще. Европа (см. последнее заявление министров иностранных дел Евросоюза) совсем ошалела от страха, заняла крайне интиизраильскую, совершенно пропалестинскую позицию и выразила свое несогласие с американской политикой, включая «мероприятие» против Ирака. Честно говоря, и мне страшно. Мне кажется, что Буш «залез слишком высоко», и мне трудно себе представить, что он решится на атаку Ирака ценой почти международной изоляции (даже не ясно, будет ли с ним Англия). Это почти бросить вызов миру... А боюсь я того, что он на атаку не решится, и тогда Америка окажется «униженной» (проиграла Ираку!), и начнется откат, и тут все взоры обратятся в нашу сторону: вот же кто во всем виноват, давайте его «сдадим», и тихо будет. И тогда выяснится, Чехословакия мы или Масада. А кое-кто уже возвращается в страны исхода (подруга жены, которая приехала пару лет назад из Вильнюса), где не проданы квартиры и где можно «пересидеть» намечающуюся «бурю в пустыне».

Всегда твой
Наум

Вся вероломством, лестью, ложью,
как в ризы ты облачена...
Скажи мне, верная жена,
дрожала ль ты заветной дрожью,
была ли тайно влюблена?

Все-таки жену я больше ревную, чем Р.

Наум, привет!

«Я книгу взял, восстав от сна, // И прочитал я в ней: // Бывали хуже времена, // Но не было подлей». (Н.А. Некрасов).

Что говорят о результатах поездки Шарона? Есть ли у правительства идеи, как использовать относительно благоприятный момент (когда мы имеем с Америкой общего врага)? Ведь грех им не воспользоваться: дальше все может измениться к худшему. Или как?

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Шарон вернулся из Америки и попал с корабля на бал террора. Уже из Газы стреляют «большими катюшами», они их называют «Касам-2». Израильтяне в очередной раз обещают, что если они такое сделают, то тогда мы им покажем. Ну вот сегодня сделали. В ответ авиация сейчас бомбит эвакуированные административные здания в Газе. Ничего решительного не ожидается. Еще виток, и еще виток. Кстати, непонятно почему ракета касам-шмасам, упавшая в пески возле киббуца, это «нестерпимое нарушение суверенитета», а взрыв автобуса с десятком убитых и кучей раненых — это «дело житейское». Американцы, говорят, наказали Шарону, чтобы не допустил «нарушения стабильности в регионе». Все ждут американского шага в Ираке. Он многое прояснит. Или наоборот спутает все карты. Но в любом случае ожидать от изр. пр-ва, особенно нынешнего (лебедь, рак и щука), какой-то решимости «воспользоваться» не стоит. Все телепузики кричат только об одном: нет военного решения, и когда же пр-во возьмется за ум и «сядет за стол переговоров».

Некрасов, значит. А я его ну совершенно принял за Грибоедова...
Всегда твой
Наум

11.2.

Наум, привет!

Посылаю тебе для развлечения «список» из двух позиций. По магазинам пока шнырять некогда; возможно, выберусь во вторник, тогда вышлю заказанные ранее книги и составлю «настоящий» список.

Никлас Луман. Власть. /Выдающийся труд, вышедший в Штутгарте в 1975 году. Книга написана с позиций, близких к идеям Франкфуртской школы (типа Хабермаса). Дается оригинальная трактовка власти — как коммуникации. Власть, по сути, мало отличается от любого другого «генерализованного средства коммуникации»; ее проблема «формулируется точно так же, как и в отношении любви или истины». Власть становится более могущественной, если оказывается способной добиваться признания своих решений при наличии привлекательных альтернатив. С увеличением свобод подчиненных она лишь усиливается. Власть поэтому следует отличать от принуждения, при котором возможности выбора сводятся к нулю. Принуждение означает отказ от преимуществ символической генерализации, отказ от того, чтобы управлять селективностью партнера. В большинстве случаев можно говорить о том, что к насилию прибегают ввиду недостатка власти. М.: Праксис, 2001 — 256 с.

Анатолий Найман. Сэр. Это книга об Исае Берлине. Получив грант от какой-то лондонской шарашки, автор разговаривал с Исаей в последние годы его жизни на всевозможные темы, записывая беседы на диктофон. Текст распечатан очень бережно, с сохранением особенностей устной речи. В разговорах много внимания уделяется «еврейскому вопросу» (целый раздел, едва ли не самый большой в книге). Сделаю несколько выписок. Ответ на вопрос об ассимиляции: «Мое отношение довольно сложное, я вам скажу, почему. Очень такое нелегальное. Я не говорю всем об этом. Я говорил об этом с людьми, но они ужасаются. Я считаю, что... Я же сионист. Вопрос: почему Израиль? Потому что ассимиляция не удалась. Никогда не удастся. Это ясно. Самая большая ассимиляция была в Германии, и это лопнуло. Евреи замечательный народ, нужно их сохранить, они много для мира сделали — (*серьезно*) цена слишком велика. Это так, но мы заплатили слишком дорого за это. В конце концов, еврейская история — не история мартирологии. Поэтому я не взялся бы сказать: нет, нужно идти дальше, нужно страдать. Я не считаю, что евреи — это нация-Христос. Если бы я мог превратить всех евреев в неевреев, я бы это, может быть, и сделал. Но! Так как это невозможно, тогда только один ответ: мы не должны быть такими, мы должны жить нормальную жизнь, где-то. Где они, евреи, не чувствуют себя неуютно. Нету еврея в мире, в котором нет чувства неуюта. Они не совсем как другие». «Я в Бога не верю, но все-таки я еврей, и считаю себя евреем, и мне близки евреи. В том отношении, что если какой-нибудь еврей делает что-нибудь гадкое, я не только осуждаю это — мне стыдно. А стыдно может быть, если родственник это делает». «Во-первых, для Иисуса существуют только евреи. Остального мира нет. Нет римлян, нет греков. Только евреи, только с ними, только о них он говорит. Вторая вещь, которая мне была интересна, это то, что он говорит довольно часто о том, что если вы не пойдете за мной, пойдете в ад. Про ад тогда евреи не очень говорили, это христианская вещь. В Старом Завете... в Вет-

хом Завете этого нет. Есть какое-то место Шеол, куда вы попадаете в результате... какое-то неприятное место. Нету какой-то жизни в аду. Не пытаются какие-то дьяволы. Но он настаивает на аде, Христос. Настаивает. Больше, чем я думал. Нет, он не был чужой, откуда-то, для кого-то, нет-нет... он, конечно, был еврейский... И началось с того, что еврейские христиане в Риме, в первом столетии, хотели себя отделить от евреев. Преследовали *всех* их, у Нерона и других императоров, и они хотели сказать: это не мы, это они. Это они, мы совсем другие, мы христиане. Мы не имеем ничего общего с этими погаными евреями. И поэтому вся антиеврейская пропаганда у отцов церкви и так далее идет с того момента, когда ранние христиане хотят себя отделить от евреев, которых римляне преследуют. Антисемитизм начинается между евреями. Одна еврейская секта хочет очернить другую, потому что политически им это нужно было. Это моя теория. С этого начинается вот эта яростная, эта лютая ненависть к евреям. Богоубийцы! — ничего не может быть хуже». {Скажу от себя: Исайя очень удивил меня такой трактовкой. Мне всегда казалось, что евреи чувствовали себя в Риме гораздо безопаснее (у них были официальные привилегии), чем евреи-христиане. А ты как думаешь? Впрочем, от перестановки слагаемых сумма не меняется: с общим выводом Исайи «антисемитизм начинается между евреями» — наверное, придется согласиться. Кстати, нечто подобное я читал у Бикермана в книге о диаспоре}. “Послушайте, если вы меня спрашиваете о главной причине, то есть начале антисемитизма, оно находится в Евангелии. Оттуда все идет. Нельзя не быть антисемитом, если вы верите в Евангелие, это невозможно. Вы должны сделать что-то специальное психологическое над собой, чтобы не быть. Вы идете в воскресную школу, там вы читаете Евангелие. Там стоит, что некие “евреи” убили Бога. Вы не знаете, что это означает, но какая-то искорка появляется внутри этого слова, и есть разные ветры — социальные, экономические, политические, религиозные, которые раздувают ее в пожар. Без этой искорки не было бы пожара. Мусульмане не антисемиты в этом смысле, никто. Ну, конечно, они низшая раса, евреи, они низшее общество, потому что они не мусульмане. Как и христиане. Но мусульмане не верят, что евреи существуют для того, чтоб подрывать, чтоб быть врагами, чтобы, понимаете ли, отравлять эти ручьи — как думали в Средних веках. Вот это глубокий антисемитизм, что евреи не могут любить хорошее, что они враги всего хорошего, всего святого, всего, так сказать, божественного — это идет пря-ямо от Евангелия” {Забавно отметить при этом, что сам Найман, разумеется, «православный христианин»; других, то есть нормальных, евреев в России, кажется, не осталось} — А вы думаете, что антисемитизм Месопотамии, скажем, Вавилона, был другой? — “Абсолютно. Как это и теперь между арабами: они ненавидят евреев из-за политических резонов, из-за Израиля все это — это понятно. Всегда немножко презирали их, потому что они не мусульмане. Как презирали христиан,

буддистов и так далее. Но это не то, это не этот глубокий острый антисемитизм, где нужно говорить: эти люди — наши враги, они не могут нам не портить” / М.: ЭКСМО-Пресс, 2001 — 320 с. /

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

До Великой Войны с Иудеей (Флавий, может, из национальной гордости, утверждал, что это была крупнейшая война в истории) положение евреев в Риме было действительно лучше, чем христиан. Но после войны, когда евреи стали настоящими врагами, ситуация, видимо, перевернулась. Тем более, что война, на самом деле, была трехступенчатая: через полсотни лет в Египте, на Кипре и в Киренаике случилось, по описанию историков, жуткое восстание евреев, в ходе которого последние якобы (историк были греками и римлянами) отличились массовыми зверствами. Трояну пришлось снять войска с парфянского фронта, чтобы усмирить провинции, а потом еще лет через двадцать, было восстание Бар Кохбы, совсем отчаянное, и война шла года три... Так что иудеи в Риме с тех пор не слишком любили, и христиане старались от них дистанцироваться. Но в любом случае антисемитизм не начался с Евангелий, он цвел и в античном мире (смотри книжку Соломона Лурье «Антисемитизм в древнем мире»), достаточно вспомнить александрийский погром 41 года (о христианах речи еще не было), который был не «пуховым» погромом, а резней, с десятками тысяч убитых, он был попыткой «окончательного решения» еврейского вопроса, и не только в рамках «отдельно взятого города», александрийские агитаторы пытались поднять на евреев весь греко-римский мир. И на этом фоне гораздо понятней это Великое восстание, кончившееся разрушением Храма, как и все последующие. Наши левачки пытаются представить это восстание как вспышку религиозного, мессианского фанатизма, пренебрегая социальным подходом: народ был затравлен и дошел до точки кипения. Кстати, размах исламской ненависти таков, что независимо от причин, она вполне способна на геноцид. А это, на мой взгляд, «универсальный» критерий.

Всегда твой
Наум

Позвонила в полпервого. «А почему ты мне не звонишь? Я ужасно соскучилась... Может, пообедаем? Я приглашаю. Мне в полчетвертого надо быть в школе».

Встретились в час. Перекусили в «Асе» у Латруна. Большой зал, народу мало, за окнами туман.

— Ты знаешь, — сказала, — я как-то странно себя чувствую, когда я тебя вижу, из меня как будто все вытягивается тебе навстречу... С тобой

я чувствую, что живу, только когда я с тобой. А все остальное время я... иду, иду, как солдат, не зная куда и зачем. И вдруг — островок: встреча с тобой... Давай знаешь за что выпьем... чтоб тебе хорошо работалось!

А я говорил, что люблю ее. И правда, было как-то блаженно. Ревность моя рассеялась, и вся утренняя хмурость ушла. Я был счастлив. Потом, когда вернулись в деревню, целовались в машине. Пошел сильный дождь.

— А он у тебя стоит? ... А потрогать можно?

12.2. Жена ходила с Женей в кино. Вернулась около 12, я уже спал. А в три проснулся и уже не мог заснуть. Третий день подряд приходит поздно. И чувствую, тоже не спит. Утром стал шебуршиться, а она: «Я хочу еще десять минут поспать...». Ну и спи. Встал и пошел гулять. Был сильный ветер, и я быстро вернулся. Кашляю. Р тоже ужасно кашляет. Может, заразился? Жена юлила, почувствовала, что злюсь. Стала содержание фильма рассказывать, мол, не подумай, что я где-то была. Лезла целоваться.

Nekrasov

Наум, привет!

Спасибо за исторический комментарий. Думаю, ты прав. Хотя не помешает еще подумать и посмотреть источники. С геноцидом тоже не все так ясно. Конечно, это «окончательный диагноз», с этим особо не поспоришь. И все же есть разница между «геноцидом», с одной стороны, скажем, ацтеков, саами, чеченцев — и, с другой стороны, евреев. Я не говорю, что «лучше», но есть разница в мотивах.

Воспользовавшись случаем, скажу пару слов о Некрасове. Обсуждать всерьез качество строк, по-моему, не приходится. Стихи чисто фельетонные, каких Некрасов написал вагон и маленькую тележку.

Интересно, что в первой строке («Я книгу взял...») имеется в виду вполне определенная книга — а именно номер «Отечественных Записок» (издававшихся самим Некрасовым) за 1874 год, где была напечатана повесть Хвоцинской (В.Крестовского), в которой встречается такой пассаж: «...бывали времена хуже — подлее не бывало». (Сведения взяты из комментария к академическому изданию). Но еще интереснее контекст. Это зачин (первое четверостишие) поэмы «Современники» (1875). Что же так раздражило Некрасова, в чем непомерная подлость времени? Конечно, в засилье жидов.

Во-первых, они внедрили свои, чуждые народу, жидовские идеалы:

Будешь в славе равен Фидию,
Антокольский! Изваяй
«Гарантию» и «Субсидию»,
Идеалам форму дай!

Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идут на поклоненье
И ученый, и герой;
Пусть идут израильтяне
И другие пришлецы,
И российские дворяне,
И моршанские скопцы.

Вот портрет жида — железнодорожного подрядчика:

На уме чины да куши,
Пассажиров бьет гуртом:
Христианские-то души
Жидовине нипочем.
До пределов незаконных
Гнул, а денежки гребет...
Все равно что резать сонных —
Обирать народ!

Еврейская мелодия (*подлые жида дают вредный совет раскаявшемуся в грехах русскому толстосуму Зацепину*):

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жида,
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику,
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К насей финансовой матери.
Денежки — добрый товар, —
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как — царrrr!..

Зацепин
(русский купец, не утративший своей православной совести, дает отпор жидам):

Прочь! гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватывающий,
Всеворующий союз!..

Раз уж заговорили о Некрасове, справедливости для упомяну об одном произведении (отнюдь не фельетонном), которое достойно, на мой взгляд, войти в *любую* антологию (если выкинуть из него ровно половину строф, как это сделал некто, превративший стихи в «народную песню»; не поешь ли ты ее под гитару?) Разумею стихотворение «Похороны» («Меж высоких хлебов затерялся»). Настоящая, высококачественная катартика со снятием индивидуации и прочими архетипическими причиндалами — притом «в народном духе». Поразительное и далеко не оцененное по достоинству достижение.

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Что и говорить, стишки впечатляют. Слышал, что поэт нашего брата недолюбливал, но когда вот так, конкретно и построчно... впечатляет.

А мотивы геноцида безразличны его жертвам. Хотя у некоторых возникает желание «разобраться» (*post mortem*). Так у нас очень любят после каждого теракта объяснять, какая именно организация совершила, по какой причине, и даже по какому поводу, ну, допустим, на носу какой-нибудь мусульманский праздник, или годовщина смерти какого-нибудь шахида.

А «Меж высоких хлебов...» я не пою, нет.

Всегда твой
Наум

В девять Р позвонила.

— А чего ты не звонишь?

— А я не знаю, может, ты дома...

— А я дома. А ты что, сообщений моих не читаешь?

— Да я только включил. У меня сын только что ушел.

— А я прочитала твое письмо. И мне почему-то грустно стало.

Все-таки у тебя удивительная способность видеть плохое.

— Да, эта способность у меня есть.

— Это из-за собрания в школе?

— Ну, не только...

— А я вчера пришла на собрание и ни одного слова не слышала. Как оглушенная сидела...

13.2. Каждый раз, когда она, будто распахнув руки «бежит» мне на встречу, я прячусь как улитка, уожу в свой закрученный туннель. И то-

гда она в недоумении останавливается, а потом отворачивается, и когда мне кажется, что она собралась уходить, я в страхе выползаю, и на всех своих многочисленных и коротких ножках пытаюсь побежать за ней, догнать, остановить...

Как будто я боюсь счастья...

14.2. Провалились часов семь в гостинице. Даже уснули. Очнулась: «Ты знаешь, я ничего не помню... как в тумане... У меня такое чувство, что ничего не было... А что-то было? Расскажи подробно».

Художница, любит размазывать шоколад, разукрасила меня как индейца, и член, естественно. «Я хочу его накормить шоколадкой, можно? Иди, иди сюда... Смотри, он как черепашка спрятался...».

Делились «фантазиями». Какие, говорит, у тебя «фантазии»?

— Сейчас никаких. То есть в последнее время.

— А раньше были?

— Были.

— Ну, какие?

— Ну, вот с «господином Стемацким», помнишь? Да, это была такая упорная и возвращающаяся «фантазия»...

— Да? Интересно, почему?

— Наверное, на почве комплексов. Мужчина очень комплексует по части размеров...

— Ну, тебе-то чего?

— Мне-то... Не знаю...

— Да ты что. Он у тебя!.. Посмотри, посмотри какой красивый.

— Не знаю, не знаю. Нет, вообще, всякие легенды, что женщины любят что-то такое... внушительное... Ты никогда не фантазировала?

— А зачем фантазировать, все наяву. А этот, «Стемацкий»... да ну, он холодный...

— Ну, все-таки продают в магазинах всякие колбасины, да еще с жужжалкой, значит это кому-нибудь нужно. Даже в браке некоторые используют...

— Ну да, это если он быстро кончает, тогда вибратором помогают, мне одна подруга рассказывала...

— Ну вот, если вибратором можно помочь, то можно и им одним обойтись.

— Можно, конечно... Ну, а еще?

— А еще я фантазировал насчет любви втроем. С двумя женщинами.

— А это чем привлекает?

— Ну... возбуждает, если кто-то видит, и потом, когда сразу двух обслуживаешь, возникает такое ощущение, что ты... царь зверей.

— А ты осуществил такую фантазию?

— Полноценно — нет. Так, однажды валялся с двумя, мучался, они все стеснялись, друг друга, наверное... В конце концов, одну трахнул, а другая убежала...

— Вообще я считаю, что все фантазии надо осуществлять.

— Ну, это не только от тебя зависит. А тебе втроем не хотелось?

— Ты понимаешь, я женщин очень не люблю. Запах их не люблю.

А с двумя мужиками — пожалуйста. А ты, если с напарником?

— Смотри, все зависит от того, с кем. В каких-то сочетаниях, я думаю, это возможно. И я их в свое время перебирал в голове. Но подходящих кандидатов даже в фантазиях не нашлось...

— Ну, а еще.

— А еще я одно время очень хотел в попку.

— Ну и?

— К сожалению, никто из дам — в двух случаях я пытался это осуществить — энтузиазма не проявили. Скорее наоборот. Нет, в одном случае мне вроде даже удалось. А вот с женой... так и не дала.

— А это больно.

— Не знаю, в книжках пишут, что кулак можно засунуть.

— Нет-нет, это больно. Вначале, по крайней мере. Потом, если привыкнуть, то может быть. Вот Лилька, подруга моя, у нее мужик этот, из восточных, она вообще говорит, что восточные очень любят это дело, он ее склонил все-таки, так она привыкла, и даже чего-то такое стала испытывать... Муж у меня тоже одно время что-то мурлыкал на этот счет. А я ему говорю: тебе что, так плохо? Он сразу и отстал. А ты овечку никогда не хотел? Кудрявенькую такую, бээээ! Вот так она к тебе — бээээ! А козочку? Козочку хотел? Беээээ!

Ну и пошло-поехало.

На обратном пути — про ту ее «большую любовь».

— А ты не хотела за него выйти?

— Нет, никогда. Он уже планировал, вот, младший школу закончит через год, а я боялась и думать, что будет, он мог и домой прийти и устроить бог знает что. Все увиливала, а он говорит: ты меня не любишь... Я от него просто удрала в Израиль, это было для него полной неожиданностью... Я говорила тут с Аллой, она его видела недавно, говорит, все разговоры только о тебе... А мне, вот нехорошо это, я знаю, что он страдает, но мне приятно... что он думает обо мне, мучается... Нет, я его любила. Он мне так подходил, он всю меня заполнял, мне всегда было с ним интересно, но замуж за него я не хотела.

— Почему?

— Во-первых, он русский. Нет, национальная тема у нас никогда не обсуждалась. Он только все время рассказывал мне про своего школьного приятеля-еврея, как он к нему хорошо относится, и мать его, тоже такая была сильная женщина, из тех, что живут до ста, такое здоровье было в ней, и она тоже этого его приятеля любила, и он все рассказывал мне, как он к ним приезжал, как они его принимали... И потом, он бы меня под себя подмял, он был очень властный и, конечно, не понимал...

— Женской диалектики.

— Да. Как с тобой я с ним, конечно, не могла говорить...

— Ну, вот ты говоришь, что тебе было с ним всегда интересно. А чем он был интересен?

— Он был очень сильный человек, от него исходило это ощущение силы, человека, крепко стоящего на земле, всеми корнями...

— Да, для перекасти-поля качество, конечно, диковинное...

— Он и мне давал это ощущение, мне было с ним хорошо...

— Из всего того, что ты мне о нем рассказывала, можно сказать, что он не был, так сказать, «интеллигентным человеком»?

— Почему? Он, конечно, не был интеллектуалом, но... он очень любил природу. Мы с ним часто выезжали, он мне показывал очень интересные, красивые места, всегда рассказывал о природе, чего я не знала...

— А чем он занимался?

— Не важно.

— А почему ты не хочешь сказать?

— Не хочу. Я уже говорила тебе, что он был в управленческих органах...

— Не в тех ли органах?

— Нет.

— А что за тайна?

— Ну не хочу я говорить об этом... У него жена очень хорошо готовила, и всегда ему в дорогу всякие пирожки совала, и мы их съедали, ха-ха-ха! Он мне идеально подходил сексуально. Русские мужчины вообще в этом смысле хорошо сделаны. Нет, с приятелями мужа я никогда не имела дела.

— Я тоже. Никогда не имел дела с женами своих приятелей.

— Ну да, это табу.

— Не знаю, скорее всего, просто никто не нравился. Мои же приятели к моей жене приставали. Да и вообще, это же классический случай. Думаю, что просто никто не нравился.

— Ко мне тоже приятели мужа приставали. Один вообще преследовал, даже выследил один раз, что муж в командировке, а где дочка была... не помню, в общем, пришел, какую-то кассету переписать, чушь какая-то, и не знаешь, что с ним делать, выгнать вроде неудобно, хорошо соседка зашла, я ей говорю: не уходите. И сели мы чай гонять, он думал, что пересидит ее, но не тут-то было.

— А если б не зашла соседка?

— Пришлось бы выгнать. Он мне противен был. Мне мама приснилась... Она стоит у обрыва, а я говорю ей: чего ты тут делаешь? А она говорит: я Лилю жду, она должна приехать. Я говорю: почему же здесь? Поехали на вокзал. А она говорит: нет, мы здесь договорились. Лиля скоро умрет...

Позвонил Барашу, спросил про вечер. Говорит, что «прошел успешно», народу де было много, человек тридцать, с трудом разместились в библиотеке, Сливняк вдруг взял на себя роль патрона, Гольдштейн читал из новой книги, которую пишет, ритмическая проза, Шаус единственный был в костюме и в галстуке.

Потом попросил меня прочитать, что Шаус написал про него в «Вестях». Я зачитал.

— И все?

— А ты чего губу раскатал?

16.2. От Л: Как мама? У моих всякие проблемы со здоровьем, так что у меня тоже настроение испортилось.

Мама ничего. Стабильно. А что у твоих?

Вчера не поехал в Иерусалим на вечер Зеркала. Кашляю, да и вообще... как-то потерял к этому интерес.

В Вестях был обзор номера, Шаус накатал, под псевдонимом. Никого не обидел, даже меня «упомянул», две строчки: живая, мол, переписка. Ну, и себя не забыл: из семи столбцов обзора целый столбец своей статье посвятил, где он «подверг анализу», «выявил», с цитатами и т.д.

Матвей, привет!

Наткнулся в «Журнальном зале» на статью Сороса о глобализации. По-моему, не очень интересная, но кое-что можно выудить, так что посылаю на всякий случай ссылку.

Что Соколов, молчит? Он вообще-то «неторопливый»... А как наша «переписка» аukaется? Тебе еще пиздюлей не выписали за вольнодумство?

Всегда твой

Наум

А вот и великий русский писатель прорезался:

Шалом из Вермонта, где жизнь приобрела типично зимний характер, на повестке всякого дня борьба с морозом, снегом, льдом, катание на лыжах, наблюдение Олимпийских соревнований, которые слегка разочаровывают в связи с невысокими результатами соотечественников: развал системы сказывается. Последовал совету твоему, читаю гандлевский роман, нахожу, что ты прав: слишком человеческое и необязательное, но: он дает атмосферу города и поэтического круга того времени, которое я провел не там, а здесь, то есть с исторической точки это любопытно. Из зеркальных материалов прочитал Гольдштейна, твою переписку с Матвеем и тарасовское стихотворение. Последний, по-моему, зря растекается мыслью по древу, ему более пристал лаконизм, сжатость, выжатость, каковыми отличаются его вещи в сборни-

ках. Гольдштейн забавен, но сумбурен, неряшлив, подчас бессвязен, но в шарме не откажешь, жаль, что в человеческом своем варианте он самовыражается достаточно скупой. Думая о нем, всякий раз вспоминаю его фразу из твоей книги: «А я не люблю искусство». Переписка с Матвеем подвигла меня на заказ ему новой вещи Солженицына, которого я уже двадцать лет как терпеть не могу и, будучи Скорпионом, не могу понять, почему он все еще кому-то интересен. Для тебя сделаю исключение, допущу, что Двести Лет ты использовал как публицистический повод. Знаю, что об этой книге судачит весь русско-еврейский Нью-Йорк, а наш сосед Володя, акробат и вообще циркач и человек далекий от всего подобного, резко завелся от вашей переписки и тоже хочет прочесть и вступить с кем-нибудь в полемику, и как только я сам прочту, дам ему и жене его, тоже эквилибритске, и вот мы будем все встречаться на излюбленной завалинке и давать свою оценку всем этим делам. Помимо Солжа заказал еще с десятков томов и отправил Матвею сумму средней величины. Отношения наши с ним складываются весьма приятные, полные взаимопонимания и реверансов. Слышно, что американцы затевают войну с Ираком, что-то будет. Телеграфируй, твой С.

Наум, привет!

Переписка не аукается никак: не слышал ни одного отзыва, потому что ни с кем не общаюсь.

Соколов прорезался вот прямо сейчас, сию минуту (после недельного молчания) — я получил письмо от него вместе с твоим. Это ответ на то письмо, в котором я переслал ему прежние «ваймановские» списки. Поскольку ты выражаешь заинтересованность в этом деле, пересылаю тебе это письмо. (С.С. заказал современную прозу, восточные стихи и книги по дзэн-буддизму). Лишь бы не возникло сложностей с получением денег через Western Union (вариант денежного перевода, которым я никогда прежде не пользовался). Если деньги дойдут без проблем, дело, может, и пойдет. Так что спасибо еще раз. До книжных еще не дорвался, но надеюсь в ближайшее время съездить.

Всегда твой

Матвей

Письмо от Саши С.

Матвей, здравствуйте, спасибо за списки. Они впечатляют. Ваши аннотации читать интересно, даже если темы их мне не близки. Вот что хотелось бы приобрести /следуют номера из списков/...

Сегодня вечером, 14-го, мы отправили деньги — 150 долларов. Номер перевода — на всякий случай — 414-157-5265. Телефон и адрес Вы знаете. И не забудьте, пожалуйста, деньги отправил не я, а Марлин Ройял. Надеюсь, они уже в Москве. Ваш С.С.

Саша, привет!

Обрадовался твоему отзыву о прочитанном. Насчет Гандлевского все-таки не могу согласиться, именно его «атмосфера города и поэтического круга того времени» меня особенно разозлила, показалась неестественной, схематичной, надуманной, разозлила и удивила: ведь он же «свидетель», уж лучше бы «смеуарил»! Вот ты мне рассказывал о смогистах, так я видел перед собой живых людей, а тут какие-то литературные манекены... И насчет Володи не вполне согласен: сжатость, может, и не помешала бы, но зато есть очевидные достоинства, нигде и ни у кого больше не замеченные мною в современных поэтических текстах, такой разгон души, притом безоглядный. А это главное. Вот, возьми, Кибилов (на сайте рядом с Гандлевским) пишет: ...(следует повтор стиха «Жил да был богов певец... Очень уж легко поэту в наше время стать говном»). Пишет, как банальный остроумец и даже не замечает, что последнюю фразу можно отнести и к нему самому, какое-то странное отсутствие рефлексии (как в том анекдоте: а нас-то за что?) У Володи такого нет. Его «не опустишь». Он упрям и горд. Это и есть настоящая поэтическая осанка. Она и меня заставляет «подтянуться», выпрямить спину.

Я надеюсь, что ваше сотрудничество с Матвеем наладится к взаимной пользе — он умнейший человек, кристально честный (согласись, что редкое сочетание, ведь еще Грибоедов определил, что «умный человек не может быть не плутом», вот тоже, как и Володя, редкий пример «несгибаемости», островка «старинных доблестей души», который «новая Россия» еще не захлестнула, под себя не подмяла), его краткие рецензии к предлагаемым книжкам иногда столь исчерпывающи, что и книгу покупать уже лишне, на что я ему даже и намекнул однажды... Но интеллектуальный темперамент и дружелюбие — всегда за счет заведения.

Что касается Ирака, то, похоже, действительно заварится каша. Как бы нас тут не накрыли чем-нибудь неконвенциональным.

Привет Вермонту. Смотрю лыжные соревнования из Солт Лейк Сити и завидую...

Зима. Вермонт. Что делать нам в деревне? Я встречаю слугу, несущего мне утром чашку чаю, вопросами: тепло ль? утихла ли метель?..

Всегда твой

Наум

От Л: Спасибо за сайт. Послушала Вадима Егорова, а кого еще стóит?

Он мне когда-то нравился, а на днях я его видел на нашем телевидении (приехал попеть), спел новую песню о Иерусалиме: «День рождения в Ерушалаиме/ Долгих лет не пожелай мне/А пожелай через годы-года/ Чтобы я снова вернулся сюда», и вообще говорил очень воодушевленно, я люблю это не проходящее мальчишество, он тоже 47-го...

Наум, привет!

К вопросу о том, заинтересовала ли Сашу наша переписка. Вот что он мне написал: «Прочитал в Зеркале вашу с Наумом переписку. Тема увлекательная, сразу захотелось прочесть новую солженицынскую работу, хотя в принципе я не большой его поклонник: прежде по политическим причинам А.И. казался куда значительнее». Кроме того, С.С. заказал саму книгу Солженицына. Видимо, это о чем-то говорит, поскольку это единственный заказ, явно выходящий за рамки его интересов (все остальное — современная русская проза, восточная поэзия и дзэн-буддизм).

Кстати, не знаешь ли ты, в каком городе живет С.С.? Эти данные нужны мне для получения денег, а на запрос Саша, который почему-то думает, что у меня есть его почтовый адрес (есть только E-mail Address), еще не отозвался.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Живет он в Вермонте, а города не знаю, да боюсь, что и нет никакого города, а живет он на лыжной спортивной базе. А насчет переписки он мне написал: «наш сосед Володя, акробат и вообще циркач и человек далекий от всего подобного, резко завелся от вашей переписки и тоже хочет прочесть и вступить с кем-нибудь в полемику». Как говорится, нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. Один мой знакомый (преподает кино в Тель-Авивском университете) позвонил мне и сообщил, что ему переписка очень понравилась, а все остальное в журнале не очень. Вообще, по идее, наша переписка должна нормального русского человека «задевать».

Чем сейчас занят, что читаешь, пишешь?

Всегда твой
Наум

18.2.

Наум, привет.

Спасибо за информацию. Впрочем, Саша (точнее, Марлин) уже откликнулся и выслал необходимые данные. Пойду завтра в банк.

Я занят, как обычно, тем, что волком вою: разноска и переводы не оставляют времени для серьезных занятий. Кроме того, пообещал сдурить «своему американскому другу» профессору Мицкевичу из Принстона статью о поэзии Вяч. Иванова (в виде отклика на его доклад: моя устная реплика так его заинтересовала, что он меня, слабохарактерного, уломал).

«В порядке отдыха» проглотил в последние дни подаренные мне Геной (настоящий друг, знает, чем угодить: книга вышла в его изд-ве

и, подозреваю, досталась дарителю бесплатно) трехтомный итоговый труд недавно умершего В. Кожина «Россия. Век XX. Опыт беспристрастного исследования», — естественно, все сочинение про жидов (не странно ли, что русский патриот отличается от просто русского исключительным интересом к жидам?) Я давно не читал Кожина (после определенного момента) из брезгливости; но теперь (возможно, повлияло то, что имеешь дело с мертвым — а следовательно, «хорошим» — антисемитом) прочел не без интереса и, к собственному удивлению, безо всякого отвращения. Боюсь, он смотрит на «еврейский вопрос» трезвее среднестатистического «еврея-либерала», хотя и прямо объявляет себя «черносотенцем» (доказывая при этом, что черносотенцев оболгали, и не было людей милее и дальновиднее этой публики). Я несколько стесняюсь своего мазохизма и потому не предлагаю тебе ни труд Кожина, ни даже его резюме. Впрочем, если проявишь интерес, я готов. Во всяком случае, если кому и полезно ознакомиться с взглядами Кожина, так это евреям (правда, скорее русским, чем израильским).

Твой знакомый, преподающий кино, — не тот ли это человек, который когда-то жил около месяца у меня на квартире (с твоей подачи)? Тогда он отчасти и мой знакомый. Помнится, приятный человек, хотя скорее левых убеждений.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Да-да, это тот самый, действительно приятный человек, хоть и «левак» (еврей, а хороший человек), я и забыл, что вы знакомы. А насчет Кожина, то я даже попросил бы тебя, если, конечно, не в ущерб основным занятиям, ознакомить меня с генеральными тезисами его труда. Да и книжку можешь прислать. Раз уж мы стали такими записными специалистами по антисемитизму...

А статья о поэзии Иванова — это же замечательно, еще в Америке выйдет, так чего ломаться? Да и послужной список тоже, как говаривал Хлестаков.

Сообщи, как дошли деньги через банк, может и я эту дорожку освою?

Всегда твой
Наум

От Л: А что, твоя райская овечка так женщин не любит? А ежели души хорошие французские? Или нет шанса? Выходит, третий лишний?

А ты что расфантазировалась? Можно провентилировать...

В субботу в лесу зашел разговор об изр. фильме «Йалла-йалла», жена говорит про него, что «ничего». Я говорю: а ты разве видела? А помнишь, говорит, когда я поздно пришла, так это я с Женей ходила на «Йалла-йалла».

В первый раз, решив не ехать в гостиницу, я так и сделал. Поехали в кино, на «Настроение к любви». Больше целовались, чем смотрели. Губы у нее мягкие-мягкие...

Фильм ей не понравился, мол, тусклый, некрасивый, убогая жизнь, убогие чувства.

Спорить не хотелось. Поехали в Яффо, в «Бернард Шоу». Там никого, море внизу, еда сносная. Только русская официантка с крошкой на губах раздражала.

— Давай выпьем, знаешь за что? Чтобы ты был всегда любим. До конца жизни. Чтобы тебя любили, как я тебя люблю. Всего, от макушки до кончиков ног...

— А ты что, собираешься меня разлюбить?

— Я тебе в пятницу даже вечером позвонила, так хотелось хоть голос услышать. Ты с утра просто висел на мне, не могла стряхнуть... Плохо мне было, плохо... И такая тоска...

— А почему тоска?

— Потому что я хотела быть рядом с тобой, целовать тебя, обнимать... И никого мне не нужно было. Никого...

На обратном пути была грустна. «Мы теперь так долго не увидимся».

От Л: Чего только ни приснится: будто мы с тобой, молодые-неженатые, у тебя дома в Москве. И папа твой меня Лялочкой зовет и очень ласково со мной обращается. И мама твоя кормит нас после того, как мы выходим с тобой из спальни... а потом мы на нашей даче, в Сестрорецке, едим малину с кустов у забора. И мой папа говорит мне, что ты очень хороший и симпатичный мальчик и чтобы я больше не приводила других, ты ему нравишься больше...

Остановлюсь у сестры.

А шкидия уже порохат?¹

Сон славный. А шкидия давно порохат, уже отцветает... Завтра едем на Dead Sea. Вернемся в субботу. Созвонимся, даст Б-г, 26-го. До встречи.

Наум, привет!

Деньги прошли без скрипа. Система действительно очень удобная, но — для меня. Дело в том, что до меня дошла вся сумма целиком (150 \$). Поскольку кто-то должен платить за перевод, значит, платит отправитель. Выходит, все зависит от того, какой процент они берут. Но это, видимо, должен узнать отправитель в своей стране (?).

¹ Миндаль уже цветет? (*ивр.*)

Кожинава попробую тебе пересказать, но чуть позже (почти все книги уже купил). Посылку, наверное, сумею послать не ранее четверга; тогда же составлю и список.

Всегда твой
Матвей

19.2. Утром, как обычно, когда гулял, позвонила.

«А мне вчера так грустно было... Мне показалось, что я тебя никогда больше не увижу...»

20.2. От Л: Я приезжаю 26-го вечером, так что созвонимся 27-го, даст Бог. 25-го я в Женеве.

Отдыхай хорошенько, пригодится.

21.2. Мертвое море. Отель «Гранд Нирвана». Бабы с массовиком-затейником танцуют самбу вокруг бассейна. Солнце в мристом мареве. По всей стране стрельба, взрывы, похороны. Настоящее так болезненно, так раняще, что пытаешься не пустить его внутрь, держать за порогом сознания, записать по разряду «истории», отправить в прошлое. А «история» обступает, толпится вокруг, не «трогает», но давит...

24. 2. Сегодня Пурим в школах, она вырвалась раньше. Хорошо было. Она умеет любить.

— Ты изумительная женщина, ты меня изумляешь...

— А я тебя так люблю, что мне плакать хочется... А сколько максимально у тебя было женщин одновременно?

— В какой-то момент было четыре.

— Ого, ты меня перещегоолял! Ну и развратник ты, Вайман. Нет, бабник. Ты бабник. И это комплимент. А что, у тебя есть все, чтобы сделать женщину счастливой. Я думаю, что твоя жена счастлива с тобой... А ты собой гордился, конечно?

— Я тогда чувствовал себя на подъеме...

— А сейчас?

— Сейчас... Уже уходят без возврата года пригодные к разврату.

— Ну погоди, еще не уходят. А это с женой четыре?

— Да.

— Аа, ну нет, жена-муж не считаются.

— А что, жена не женщина?

— Нет. Жена-муж — это как работа. Значит, трое. Ну, трое и у меня было... А вот с этой, с которой ты расстался, ты с ней начал до меня, или когда уже со мной?

— Не помню точно. Кажется, когда уже с тобой. Хотя познакомился я с ней давно, году в 96-м... Но только через несколько лет дошло дело до гостиницы...

— Ты ей тоже сказал: «Пошли, грубо говоря, в гостиницу»? Это твоя постоянная фраза?

— Не помню уже.

— А ты ее вспоминаешь?

— Вспоминаю.

— А тянет иногда... написать, возобновить?

— Было время, когда тянуло, теперь уже нет.

— Тебе было с ней хорошо?

— Да, мне нравилось.

— А чем?

— А вот... как-то необременительно.

— Что значит?

— Встречались на часа полтора-два, как правило, она убегала с работы, или в промежутках между всякими делами...

— Полтора часа?! Да я бы на полтора часа и в гостиницу не пошла бы. Полтора часа!

— А как же ты говорила, что бывает вот случайно, порыв, а потом уже и видеть его больше не хочешь, такой одноразовый член.

— Да, бывает, и это надо ловить, не упускать, причем сразу, тут же на месте, а то пока до гостиницы доедешь, расхочется.

— Ну, сразу на месте не всегда получается...

— А вот надо исхитриться. Но все равно, это же не регулярные встречи. Если уж специально, регулярно ездить в гостиницу, то полтора часа...

— Не знаю, мне хватало.

— Хочешь сказать, что со мной ты через полтора часа уже думаешь, как бы удрать?

Матвей, привет!

На Мертвом море читал «Хайдеггер и “евреи”». Хочу поделиться впечатлением. Во-первых, я не знал, что Хайдеггер так глубоко сидел в нацистском дерьме (член партии с 1933 года!), и эта информация была полезной. В связи с этим мне показался как-то отталкивающе «академическим» вопрос о «молчании» Хайдеггера (тоже мне бог, это евреи любят рассусоливать на тему о «молчании» Бога в Шоа, говорят еще, что Он «закрыв глаза»), то есть лично с Хайдеггером мне в этом плане «все ясно», не он первый, не он последний. Что касается Лиотара... повторяю, «философский подход» к проблеме геноцида меня несколько покорибил... Наверное, потому что для нас речь-то идет о собственной шкуре, а для них это — философия...

И поэтому вся эта мифологизация «Еврея» меня раздражает. Он называет сего мифического персонажа «бессознательной тревогой» Запада, заворачивает непонятные философские загибы насчет «забывания», мечется между Кантом и Фрейдом, между «возвышенным» и «вытесненным». Значит, Запад хочет «забыть» о своей «тревоге», стереть ее

из памяти, но при этом, мол, он, бедняга, стирает «тылы своей мысли», попадает в «беспамятство». Кстати, сам же в конце пишет, что «реальную», нынешнюю Европу все это почти не задело, она уже «забыла» («герой пребывает в полном здравии...»), и тут тоже, конечно, можно до бесконечности применять фрейдовские «экономические» конструкции вытеснения «шоковых аффектаций», которые «не укладываются»...

А «тревога» состоит, якобы, в том, что евреи «суть то, что... “духу” Запада сопротивляется, его воле к волеию, ставит этой воле препоны (с этим я могу согласиться), не перестает заново вскрывать рану незавершенности». Евреи-де непростительны в своем движении прощения и прощания. Что они неприручаемы в рамках одержимости владычеством, влечения к властному влиянию, имперской страсти к власти... «Они не могут ассимилироваться, говорила Анна Арендт...»

Антисемитизм Запада — это не просто ксенофобия, он составляет одно из имеющих у аппарата его культуры средств связать и представить... изначальный страх, активно его забыть. Он составляет защитную сторону его механизмов нападения, каковыми является греческая наука, римское право и политика, христианская духовность, Просвещение. В средние века их обращают, они сопротивляются, в классическую эпоху их изгоняют, они возвращаются, в новое время их интегрируют, они упорствуют в своем отличии, в 20 веке их уничтожают. Но эта бойня... тем самым еще раз свидетельствует о том, что она истребляет (это его любимая, часто повторяемая мысль, что Шоа свидетельствует об избранности): что имеется невысказанное, всегда присутствующее утраченное время, некое откровение, которое никогда не открывается, но остается здесь. И что это несчастье, эта душа, есть сам мотив мысли... Ну и так далее. Как-то чересчур поэтично...

Пропустив говоря, европейская мысль (он ведет ее от Аристотеля, то есть считает ее основой и сутью рации, попытку построить мир как Храм мысли, кстати, феноменология и «реконструкция» это всего лишь «новая» попытка рационализировать картину мира, и ты как-то писал об этом своем пристрастии к феноменологии как о единственной сегодня форме рационального познания, сознаваясь в грехе «европеизации» (а стало быть и антисемитизма?), только если Гегель строил «снизу вверх», то Гуссерль — «сверху вниз», даром что еврей...) таит в себе непомерную претензию и поэтому «злится» на «евреев» за то, что они все время указывают ей на «нехватку», на ее неизбежную ущербность, и отсюда антисемитизм и Шоа — как фрейдовское отцеубийство, страшная тайна («секрет мысли»), которую хотят «забыть», но ее «вытеснение» свидетельствует, приводит к самой «мысли»... «Они, “евреи”, излучают единственно ту тревогу, что “ничего тут не поделаешь”. Что мысль таит в себе нехватку...» Мне нравится последняя фраза (и мысль), она выводит к той же развилке «универсализмов», сократовского, ведущего к машинерии, и иудейского, я бы сказал, животворящего, опровергаю-

щего «разумное» (рациональное) устройство мира. Нравится его признание: «мысль таит нехватку». И эту «нехватку» чувствовали и греки. Что подтверждает мою мысль о том, что антисемитизм «старше» христианства, не просто исторически, а, пардон, онтологически.

Что касается «эстетики», то он, конечно, до Рувина не дотягивает. («Искусство, каким оно осмысляется со времен греков, всегда остается мимесисом».) О «письме» (а что это, как не «представление»?) туманно пишет, что «стремится... отметить на самом себе “присутствие” того, что отметин не оставило».

По ходу дела есть несколько характеристик евреев, которые мне понравились, а к тому же дословно совпадают с тем, что я писал в книге: «необъяснимое отсутствие политической сознательности, преступная (в другом месте «вызывающая») невинность, пассивность. И тут он вторгается в «нашу» область «трагического», «героического», в область эстетики. «Тревога, бессознательный эффект не оставляют места трагедии. “Евреи” не трагичны. Это не герои». (Почти прямая цитата из моей книги, горжусь!) А также: «Нет... еврейской эстетики. Есть постоянное повествование, составленное из частных историй».

Шоа приводит его к «сцене», на которой она совершалась, к трагедии и эстетике вообще, и к Адорно в частности. К «эстетике после Освенцима». К «проблематике непредставимого», и отсюда — к понятию о «возвышенном», которое есть «неощутимая аффектация, ощутимое только сердцем присутствие» (такие хайдеггеровские туманы).

«Адорно знает...: метафизика... даже кантианская, марксистская, франкфуртская критика метафизики, не в состоянии обнаружить “разумные основания” для катастрофы». Потому что метафизика (и критика ее, вообще европейская мысль) архитектурна. А «философия как архитектура лежит в развалинах...» (Это тоже мне нравится, как продолжение идеи о «нехватке мысли», мысли как рационального построения мира, мысли как архитектуры.) И остается *письмо выживания, само зажатое стыдом, что не смогло погибнуть, стыдом, что еще может — и скорбью, что осмеливается — свидетельствовать. Оно есть то в мысли, что вопреки себе выживает, когда философская жизнь становится невозможной, когда больше не приходится рассчитывать на прекрасную смерть, а героизм перешел на сторону врага. Фактически та же песнь (о, Гольдштейн!) о «смерти искусства».*

А почему Хайдеггер — ясно: немецкая мысль (и молодой Гегель не забыт, «нападавший с подлинно антисемитской ожесточенностью»...) как архитектоника, техницизм («нацизм — это момент вторжения нового искусства, техники...»). Прекрасная цитата Гегеля: *Все состояния еврейского народа, вплоть до самого гнусного, самого постыдного, самого отвратительного, в каком он пребывает еще и в наши дни, суть не что иное как последствие и развитие изначальной судьбы евреев, согласно которой с ними всегда грубо обходились и будут грубо обходиться до*

тех пор, пока ту бесконечную мощь, которой они противостоят необъяснимым образом, они не умиротворяют духом красоты и тем самым не упразднят ее духом примирения. И Лиотар пишет: «Каждое слово весомо здесь своей угрозой...»; «Гегель записывает предсказание как оракул, под рубрикой “судьбы народа”, которую он, вероятно, знает. Преступление совершается уже в этой записи...»

Лиотар также отмечает у Хайдеггера «сакрализацию народной почвы». Тут и народ как душа, и народ в качестве истины бытия, и земля как местоположение бытия. Еще пишет о каком-то стихотворении Целана, написанном после его, Целана, встречи с Хайдеггером, не знаешь ли, о каком стихотворении идет речь?

Короче: евреев уничтожили за то, что они вечно смущали красивую и стройную европейскую мысль, дразнили ее несостоятельностью («разные там жида да армяшки смущают доверчивую душу русского мастерового...»). И еще: во всех этих рассуждениях признается только одна форма существования евреев — Рассеяние. Ну, допустим, что сионизм был своеобразной формой отказа от еврейства (от того самого Рассеяния), но ведь евреи жили как нация (а не как европейская тревога) и до сионизма, и даже до европейской тревоги... И вообще-то своим существованием никого дразнить не собирались...

Вот такой «реферат» по Лиотару. А ты книжку читал?

Всегда твой
Наум

25.2. Позвонил ей. «Ой, как хорошо, что ты позвонил. А я так хотела, чтоб ты позвонил. ... Читаю, дали мне тут, знаешь такую Сильвию Платт? Ну вот... тошнит от нее, бабская литература, но придется дочитать. ... Я замерзла, бегала в одной маечке, а теперь под одеяло залезла. ... Я всегда еще несколько дней после этого еще с тобой. Ты меня не отпускаешь...»

Через пять минут перезвонила. «А у меня ноги холодные... Ложись ко мне под одеяло, погрей мне...»

Наум, привет!

Реферат твой прочел с увлечением. Книжку я «просматривал», но не так внимательно, как она того заслуживает (надо пере-сматривать). На том поле, где я чувствую себя «хозяином», — на поле «эстетики» — Лиотар явно «недотягивает», некритично принимая идею «мимесиса» (что отмечено Вайманом) и совокупляя ее с кантовским «возвышенным» (как возможно такое совокупление, он не объясняет). Камень в огород Гольдштейна брошен по делу.

В идее отождествления «евреев» с «непредставимым» (‘неосмыслемым’, ‘забытым’, ‘другим’ — кому что и когда сподручнее) есть две стороны: «морально-политическая» (холодок отчужденности приводит

к тому, что «защита» Лиотара вызывает местами чувство едва ли не большей безнадежности, нежели «прямые нападки» недругов, что звучит актуально в связи с нынешним, вроде бы неожиданным — но не для Лиотара — «антисемитским поворотом» якобы «неантисемитской» Европы) и абстрактно-теоретическая. Если встать на первую точку зрения, приходишь к мысли: при чем тут непредставимое? Если встать на вторую, недоумеваешь: при чем тут евреи? Вот этой-то связкой (то есть ее обоснованием) Лиотар занимается меньше всего, рассчитывая, что достаточно сделать «смысловой жест» — и одно начинает «богато» (с взаимным обогащением) наслаиваться на другое. Так, собственно, и происходит. Автор преуспел, но в чем? Боюсь, что в наведении тени на плетень. В связи с этим, может быть, рано радоваться и фразеологическим «совпадениям» с Вайманом (по части, например, героизма). Ведь тут возможна и такая интерпретация (я к ней, как ты понимаешь, «склоняюсь»): всякие-разные лиотары навязывают еврею отчужденный взгляд на самого себя и заставляют его мерить себя чужим аршином — причем в самой «интимной» сфере: в сфере собственного «национального самосознания». И еще: о том, насколько увяз Хайдеггер в нацистском говне, есть богатый (чуть ли не исчерпывающий по части документов) материал в примечаниях к переписке Хайдеггера с Ясперсом (эта книжка должна у тебя быть).

Лиотар сделал великое дело, столкнув лбами открытый «почвенный» антисемитизм («олицетворенный» Хайдеггером) с левацким якобы гуманистическим якобы неантисемитизмом. В свете недавних сдвигов в европейском «общественном сознании» поневоле призадуматься: может быть, Лиотар не «борется» с антисемитизмом (как ему, наверное, кажется), не «обнажает его корни», а нащупывает «приемлемый» модус выживания и «легитимизации» юдофобии в изменившихся условиях. Приведенные в послесловии Лапицкого суждения Лиотара (см. с. 166–169) можно интерпретировать и так, что Франция сменяет на этом поприще Германию, «принимая у нее эстафетную палочку» (или, если угодно, «подхватывая знамя»). Если «преступление совершается» в приведенной (действительно замечательной) цитате из Гегеля, то в дискурсе Лиотара оно не пресекается, а продолжается. Разумеется, этим смысл книги не исчерпывается, но для более конкретного рассмотрения «абстрактно-теоретической» ее стороны нужно потрудиться.

Стихотворения Целана я не знаю; может быть, оно есть в сборнике: см. выше Список № 1, пункт 10.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Что касается моей преждевременной радости от текстологических совпадений с Лиотаром на тему о героизме, то, может, чести тут и не

много, но от параллельности мысли отказаться не могу. Только он-то назвал это роковое слово «героизм» почти случайно (в поэтическом бреде), а я именно героизм (вернее отсутствие оногo) вывел, как оселок инаковости «еврейства» по отношению к «Западу». Но глядя на то, что вокруг творится, все равно не могу понять «их», израильтян (евреев?) реакции на постоянные убийства. Не понимаю их правительства, их комментаторов, генералов, интеллектуалов, это настолько «другое», что мне остается только ненавидеть...

Вот Шарон недавно сказал (под грохот аплодисментов): «Я не дам затащить этот народ в пропасть войны». Тащит ее в Освенцим, а на войну — нет! То есть нет правых и левых. А есть «евреи». И от этого я взрываюсь изнутри, у меня болит голова...

26.2.

Наум, привет!

Спасибо за заказ. У Кожина зияет странный разрыв между XVI и XX веками. Он объясняет его так: «обращение к начальной эпохе отеч. истории и, с другой стороны, к ее последнему периоду имеет свое оправдание. История Руси в пропущенные столетия изучена достаточно полно, а тут, мол, сплошные “загадки” и “белые пятна”. Замечу от себя, что Кожин взрастил в себе на почве «русского патриотизма» исключительный интерес к евреям — настолько исключительный, что «вне еврея» русская история его просто не интересует. При этом по своей первой («древнейшей») профессии он литературовед. А, как известно, в «пропущенные столетия» евреи в литературной жизни никакой роли не играли (если не считать «случайно залетевшего» Фета, о котором Кожин писал много и восторженно). Можно возразить, что евреи не играли роли и в «литературе древней Руси». Но Кожин так находит им «роль» — это роль извечного врага. Всю историю древней Руси он рассматривает как историю борьбы с «хазарским игом». С ними, хазарами (то бишь с жидами) велась борьба за выживание в реальной истории, и с ними же воюют богатыри в былинах. При этом Кожин придерживается «хорезмийской», а не «кавказской» (Л. Гумилев) или «автохтонной» (Артамонов) версии генезиса Хазарского каганата. Евреи господствовали до X века над Хорезмом, основанным «Нарсе, сыном еврейки». Хорезм был узловым пунктом, поскольку «Европу с Востоком связывала торговля, почти всецело находившаяся в руках еврейских купцов». Наконец, «основной товар, поставляемый Европой, — рабы — являлся прерогативой еврейской торговли». В VIII веке в Хорезме совершился государственный переворот («еврейский социалистический», поскольку опирался на маздакизм, характеризуемый как «хилиастический социализм»), возглавляемый Хуразадом. Хорезмшах призвал для его подавления арабов. Арабское завоевание привело к массовой эмиграции хорезмийских иудаистов в Хазарию. Характеризуя внутренние распри в кага-

нате («гражданскую войну» IX века), Кожинов цитирует Л. Гумилева: «Эта война была беспощадной, так как, согласно вавилонскому Талмуду, “неиудей, делающий зло иудею, причиняет его самому Господу и заслуживает смерть”. Для раннего средневековья тотальная война была непривычным новшеством. Полагалось... обложить побежденных налогом и повинностями. Но поголовное истребление было отголоском глубокой древности. Например, при завоевании Ханаана Иисусом Навином запрещалось брать в плен женщин и детей. Даже предписывалось убивать домашних животных, принадлежащих противнику. Обадия возродил забытую древность». Итак, евреи внесли в мирную жизнь раннего средневековья свое древнее зверство, социализм и торговлю. Пользуясь этими рычагами, они натравливали Русь на ее естественную союзницу Византию. Зверства русских над «византийцами» также спровоцированы евреями (они их науськивали). Вот что говорится о характере действий русских против византийцев в 941 году (со ссылкой на того же Л. Гумилева): «начались такие зверства, которые были непривычны. Русы пленных распинали (sic!), расстреливали из луков, вбивали гвозди в черепа, жгли монастыри и церкви, хотя многие русы уже приняли к этому времени хр-во. Видимо, русские воины имели опытных и влиятельных инструкторов», — пишет Гумилев. — «Разумеется, ‘инструкторов’ из Хазарского каганата», — уточняет Кожинов для особо одаренных. Описывая этот погром, константинопольский патриарх Фотий говорит: «Свирепость русов простиралась не только на человеческий род, но жестоко умерщвляла и всех бессловесных животных: волов и лошадей, птиц и прочих, какие только попадались». На что Кожинов замечает: именно таким способом велись древнейшие войны в Палестине, и этот «способ» возродили правители Хазарского каганата. Ведь сказано в Ветхом Завете: «истреби все... от вола до овцы, от верблюда до осла». Ни в каких рассказах о *позднейших* войнах Руси, уже не руководимых хазарскими «инструкторами», нельзя найти и намек на подобное тотальное смертоубийство.

Вот как Кожинов «теоретически обосновывает» роль евреев. Ссылка на Пигулевскую (работа 1923 г.): «Фарисеи являлись партией, связанной с широкими кругами иудейских масс», но все же имелось «резкое расхождение народа и фарисеев в отношении к Иисусу». «Кто составляет ту толпу, — задается вопросом Пигулевская, — которая теснится вокруг Иисуса и которую называют “чернью” и “грешниками”, за общение с которыми так упрекают Иисуса фарисеи? Сущность этих людей выражает значение употребляемого в Библии термина *am-haages*, простирающегося только на еврейскую массу, еврейское простонародье, в противоположность языческим народам, именуемым *goyim*. Та часть евреев, которая не относилась к *am-haages*, составляла товарищества (*heber*). А об *am-haages* один из хаберов, равви Елиезер говорит: “Если бы мы не были им нужны для торговых дел, они убили бы нас”. В книгах хаберов

выражено общее презрение и пренебрежение к am-haages. Запрещается быть его попутчиком, доверять тайны, молиться с ним. Ненависть человека am-haages к ученому больше, чем ненависть язычника к Израилю. Поэтому равви Иоханан сказал, что человека из am-haages позволено по-рвать как рыбу. Равви Самуил сын Исаака сказал: “И со спины его”.

Итак, фарисеи и — шире — хаберы (“товарищи”) воспринимали еврейских am-haages (“народ земли”) чуть ли не как даже более чуждых и более опасных своих врагов, нежели сыны других народов, “гой”. Именно “народ земли” шел за ненавистным его убийцам-фарисеям Иисусом Христом, который так заклеил фарисеев: “Ваш отец диавол, и вы хотите исполнять похоти отца вашего”. Поэтому недопустимо отождествлять хаберов (которые, в частности, пришли из Хорезма к хазарам и сумели встать во главе каганата) с евреями как народом, как этносом. Хаберы — это определенный социально-идейный слой еврейского этноса, который ставит своей задачей экономическое, политическое и идеологическое господство и над еврейским, и над всеми другими “народами земли” /“Народы земли всех стран, объединяйтесь!"/, что так ярко выразилось в истории Хазарского каганата. “Уместно напомнить, — добавляет Кожин, — что в частности о том же самом почти за полтора столетия до Пигулевской /кстати, это вполне квалифицированный историк/ сказал гениальный мыслитель Иммануил Кант, исходивший, конечно, не из фактической истории иудейства (ее тогда толком и не было), но из проникновенного понимания самой идеологии хаберов. В одном из главных и наиболее зрелых своих трактатов “Религия в пределах только разума” Кант, в частности, пишет: “без веры в будущую жизнь немислима никакая религия. Едва ли можно сомневаться, что евреи, так же, как и другие, даже самые грубые народы, не могли не иметь веры в будущую жизнь, а стало быть, должны были иметь свое небо и свой ад, ибо эта вера в силу всеобщих задатков человеческой природы сама собой навязывается каждому. Следовательно, наверняка *преднамеренно* (здесь и далее выделено Кантом) было сделано то, что законодатель этого народа *не хотел* иметь ни малейшего отношения к будущей жизни. Он хотел основать только политическую, а не этическую общность. И хотя вряд ли можно сомневаться также и в том, что евреи создавали определенную религиозную веру, которую они присоединяли к артикулам своей статуарной /то есть политической/ веры, но все же первая никогда не входила в законодательство иудейства. Оно отказало всему роду человеческому в общении, считая себя особым народом — избранником Иеговы, народом, который ненавидел все прочие народы и потому был ненавидим каждым из них”. /Каков Иммануил? Не хуже твоего Гегеля./ Как видим, Кант четко отграничивает “законодателей” от евреев как народа. Впрочем, — скорбно добавляет Кожин, — несмотря на это, нашлись хаберы, которые обвинили одного из величайших и вместе с тем благороднейших творцов общечеловеческой мысли в “обоснова-

нии научного антисемитизма” (цитата из “Еврейской энциклопедии”). Вот эти-то хаберы везде и пакостят. Так, они, по словам, естественно, еврея, Бергмана (сподвижника Бубера) “в 1910 — начале 1930-х годов по сути дела спровоцировали нацистский переворот. Они издавали в Германии многочисленные журналы, со страниц которых евреи регулярно, словно инъекцию, впрыскивали нигилизм и раздражение в кровь немецкого народа”. В основе мировосприятия хаберов лежит требование признать их исключительной, “богоизбранной” частью человечества. И это с полной ясностью выражалось, в частности, в “теории и практике” Хазарского каганата. Но не только. Например, Хаим Вейцман сказал в 1937 году про ам-хаагес: “Они — пыль, экономическая и моральная пыль в жестоком мире. Только молодая ветвь выживет. Они должны с этим согласиться”. Эти слова приведены в книге “Жертвы Холокоста обвиняют”, составленной евреем (но не хабером!) М. Шонфельдом, который пишет о Вейцмане, Бен-Гурионе и подобных деятелях, что, с их точки зрения, “еврейская кровь — хорошая смазка для колес еврейского национального государства” /Вот до чего довел русского литературоведа Кожина Хазарский каганат в книге о “Русском слове”!/ Но если даже не принадлежащие к сонму хаберов евреи квалифицируются как “пыль”, что уж там говорить о других народах!

В общем, я считаю свою задачу на первом этапе выполненной. Если тебя заинтересовала книга, закажи ее (тем более цена смешная); если нет, могу рассказать и дальше, там еще много всякого такого.

Вот, для затравки, только одна идея из последнего тома:

«Начатая весной 1947 года борьба с “антипатриотизмом” до определенного времени — до последних месяцев 1948-го — явно не имела противоеврейского характера. Это очевидно как из того факта, что самым суровым нападам по этой линии подвергались деятели культуры и науки русского происхождения, так и из того, что среди застрельщиков борьбы с “низкопоклонством” было множество людей еврейского происхождения, которые “обличали” и русских, и своих соплеменников. Евреи начали преобладать в перечнях обличаемых “низкопоклонников” только с начала 1949 года, что имело свою существенную и вполне очевидную причину — ту ситуацию, которая сложилась и в СССР, и в мире в целом в связи с созданием (в мае 1948-го) государства Израиль».

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Насчет Кожина. Во-первых, большое спасибо за «разъяснительную записку», она, в общем, создала довольно ясное впечатление, а именно: покупать мне ее не хочется (мы не так богаты чтобы покупать дешевые вещи), и если уж мне на Солженицына жалко было время тратить, а он все-таки человек «нормальный», то Кожин по сравнению

с ним просто маньяк. Все эти рассказы про «хаберов» — неуклюжий маневр с целью избежать обвинений в геноцидном антисемитизме, мол, не все евреи гады ползучие, а только некие «хаберы» из их числа (хабер, надо полагать, это «хавер», товарищ). Группа, кстати, не совсем ясная для определения, возможно, просто часть фарисеев. Дело в том, что еврейское общество времен Иисуса разделялось по степени «праведности», а «праведность» измерялась соблюдением ритуальной чистоты (по части еды, омовений и пр.). Кстати, считается, что где-то с началом эпохи Маккавеев (и до восстания Бар Кохбы — после него уже ничего не было) в Израиле произошла «революция праведности», точнее, ритуальной чистоты, которую народ вдруг бросился соблюдать. «Праведники» были, наверное, во всех социальных слоях, но все-таки, можно предположить, что среди бедняков их было меньше: бедняки менее образованы, проще нравами и зачастую им не до соблюдения всяких тонкостей ритуальной чистоты. Так что социальное расслоение совпадало с разделением по степени «соблюдения». Тем более, и это важно, что соблюдение «чистоты» связано с отделением себя от «нечистых» (даже на Руси пахарей называли «чумазыми»), что тоже способствовало появлению разных групп, общин и даже партий, вроде фарисеев. Фарисеи, думаю, были похожи на наших ортодоксов (в смысле строгости соблюдения), а «хаверим» (хаберы), скорее всего, были группой среди фарисеев, из тех что особо склонен задать строгача. А были еще и «книжники», которые в евангелиях ходят парами с фарисеями, тоже какой-то подвид (ведь чтобы соблюдать Закон, надо его знать!), они же, наверное, и «рабби». Из этой среды потом уже (после разрушения Храма) вышли создатели Талмуда. Была еще храмовая аристократия, саддукеи, давно разгромленная еще Маккавеями (небось, обвинили в сотрудничестве). Флавий отмечает их как «партию», называя еще в числе партий эссеев и последователей Иуды Галилеянина, как я понимаю, зелотов. Я в свое время все это штудировал, готовясь к роману. Фарисеев считают самой большой и влиятельной партией, и в силу того, что Евангелия хором про них, как Иисус боролся с этими коварными лицемерами, и в силу того, как мне кажется, что после разрушения Храма они точно господствовали, других и не осталось: зелотов перебили, эссеев тоже (это вообще была секта вычурная), а храмовая аристократия после разрушения Храма буквально «не нашла себе места»... Так что социальная подоплека деятельности Иисуса (в основном среди «грешников», то бишь простолюдинов) — вполне понятная версия. Но переносить социальное и идейное расслоение евреев Иудеи первого века нашей эры в Хорезм 8–9 веков, а оттуда в Хазарию это, конечно, исторические фантазии. Но что любопытно в твоей истории болезни Кожина, это фраза «"вне еврея" русская история его просто не интересуется». Может, тут как раз и глубина исторического видения Кожина: соотносить русскую, да и

любую другую (в христианскую ареале) историю, с еврейской? И если, как многие считают, евреи «придумали» историю, то в каком-то смысле без них ее и не существует?

В общем, если тебе времени не жалко, я бы попросил, вот также вкратце, изложить эту «всемирную историю» по Кожинovu до конца, и чтоб непременно с «разоблачениями» (побалуй мазохиста).

Всегда твой

Наум

27.2. Приехала Л. Начались маневры. Звонки туда, звонки сюда. «Что ж, мы так и не встретимся?»

Наум, привет!

Кожинova, так и быть, перескажу, но не сразу.

Пришла мысль относительно приводимой Кожинovым цитаты из Канта. Получается, что Кант смотрит на «интересующие нас» вопросы как-то уж очень «зеркально» (по отношению к тому, как смотрю на них я). То есть ничего удивительного, если человек думает «иначе». Думает себе, и ладно. Но когда наблюдается полная «вывороченность наизнанку», поневоле призадумываешься. И так, имеем три тезиса.

Кант считает, что евреи, «так же, как и другие, даже самые грубые народы», должны были иметь («не могли не иметь») изначально «нормальную» религию. Я тоже так считаю.

Далее. Кант полагает, что по ходу дела произошло некое «вредительство» (хаверим не хаверим, а нашелся-таки гнида-«законодатель»; я же, как тебе известно, грешу на пророков), в результате которого вера стала «не вполне нормальной». Я тоже так считаю.

Антисемитизм (специфическая ненависть к евреям) возник в силу «невыполненности» еврейской религии. Соглашусь и с этим. Осталось уяснить, как «мы с Кантом» понимаем «норму». Тут-то и закавыка. Ничтоже сумняшеся, этот «благороднейший творец общечеловеческой мысли» утверждает (прямо скажем, ни с того ни с сего), что всякая религия характеризуется двумя (по-видимому, «необходимыми и достаточными») признаками: «верой в будущую жизнь» и наличием «своего неба и своего ада» (в сущности, признак один, поскольку второй можно интерпретировать как «техническую реализацию» первого). Вообще-то понятно, откуда он это взял — из христианства. Но ведь человек взялся рассуждать об истоках *всякой* религии, об *общем* генезисе *религии как таковой* (то есть поставил «кантовский» вопрос: «Как возможна религия?»). Как же мог творец трех (как минимум) «критик» подойти к столь важному вопросу настолько некритично? Теряюсь в догадках. Ведь Кант был одним из самых трезвых мыслителей всех времен и народов, пока дело не касалось «интересующих нас материй». Но когда Канту приходится их «касаться», его покидает не только гений, но и элементарная

способность «шевелить мозгами». Не обнаружив в «классическом» иудаизме отчетливо выраженной «веры в будущую жизнь» (хотя на самом деле иудаизм отличается от «вполне нормальных» — по моему разумению — религий как раз тем, что в нем таки есть начатки этой долбанной веры), Кант зачислил евреев в уроды, которых могила исправит. Не знаю, какая отсюда вытекает «мораль» в полном объеме, но один вывод представляется мне неоспоримым: мы еще слабо представляем себе, какую катастрофическую роль сыграло христианство в гуманитарной сфере, поскольку и наши мозги засраны этой вредоносной субстанцией. Величие Канта состоит в том, что он выкроил, отгородил, отвоевал у христианства маленький, но приятный «пяточок» гносеологии (теории познания). Выясняется, что он отвоевал этот пяточок также и у самого себя (оставив часть «своей головы» во власти самых пошлых предрассудков). Только в этой области (то есть в гносеологии) и наблюдаются кое-какие реальные философские успехи (главным образом на путях, указанных Гуссерлем, мыслившим в кантианском духе). Что же касается этики, эстетики, антропологии, теории культуры, религии и — шире — сотериологической сферы, то вся эта важнейшая область знания до сих пор лежит в руинах после катастрофы, учиненной христианством.

Как надо относиться к «инициативе принца Абдаллы»? Просвети, пожалуйста.

Всегда твой
Матвей

Матвею:

По Флавию, только саддукеи не верили в бессмертие души и загробное воздаяние, и по этой причине они мне всегда нравились. И это самый что ни на есть жреческий подход (если я правильно понимаю Рувина), тем более, что саддукеи и были храмовой аристократией, позднее свергнутой хасмонеиской революцией. И пророки тоже, как иная «божественная» институция, скорее всего с ними, саддукеями, не ладили. Я знаю только одно ясное высказывание насчет воскрешения: в пророчестве Иезекииля (ты не зря «грешишь на пророков») сказано сухим костям: «И обложу вас жилами, и выращу на вас плоть, и покрою вас кожей, и введу в вас дух, и оживете, и узнаете, что Я Господь» (Иез. 37:6). Кости должны быть непременно сухие, отсюда и похоронные обычаи тех времен, когда тело оставляли в замурованных нишах, а через год собирали сухие кости и хоронили (русская поговорка: были бы кости, а мясо нарастет). Воскрешение предполагалось один раз и в конце времен. И чем все это время до конца времен душа занимается — загадка. Бессмертие души у евреев, вообще, дело туманное. Поначалу, в Пятикнижье, все очень сурово и без соплей: всех ждет Шеол, место супермрачное, хуже Аида, и никакого тебе древнегреческого дуализма души и тела. «Мы умрем и будем как вода, вылитая на землю, которую нельзя собрать»

(2 книга Царств 14:14). «Дни человека как трава; как цвет полевой, так он цветет. Пройдет над ним ветер, и нет его, и место его уже не узнает его» (Пс. 102, 15–16). Вот так, без затей. Считается, что евреи позаимствовали у шумеров (Авраам же отшель) свой «открытый взгляд» на окончание земного пути («в доме мрака, жилище Иркаллы, в доме, откуда вошедший никогда не выходит» — цитирую из Гильгамеша). Ну а потом пошли всякие веяния. Появляются идеи о переселении душ, особенно в эллинистическую эпоху, идея Мессии, всякая «апокалиптическая литература», апокрифы, Каббала. Из этого булькающего варева и Иисус родился. Но даже в таком «позднем» тексте, как Экклезиаст, во многом эллинском, все «по совести сурово», без дураков: «Всему и всем — одно: одна участь праведнику и нечестивому, доброму и злему, чистому и нечистому, приносящему жертву и не приносящему жертвы; как добродетельному, так и грешнику; как клянущемуся, так и боящемуся клятвы... Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению, и любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части вовеки ни в чем, что делается под солнцем». Мне было лет пятнадцать, когда этот текст впервые попался мне на глаза, и я его учил наизусть, совершенно ошеломленный... В общем, с бессмертием души у жидов недостатка. Так что Кант не сильно погрешил, утверждая, что у евреев «нет веры в будущую жизнь», хотя такой веры нет и у греков, и у тех же шумеров, да и буддизм в этом отношении иллюзий не строил — в чем же тут «ненормальность»? И Канту все это было прекрасно известно, так что обвинение еврейской религии в «ненормальности» — явная пропагандистская натяжка в расчете на невежество аудитории. Кстати, это не единственный случай, когда великий философ выдает свои «пошлые предрассудки» за мудрые наблюдения. Ты читал его рассуждения о национальных характерах в свете «Наблюдений над чувством прекрасного и возвышенного» (второй том шеститомника, стр. 168)? «Немец имеет менее развитое чувство прекрасного сравнительно с французом и менее развитое чувство возвышенного, чем у англичанина; но в тех случаях, когда оба чувства связаны между собой, проявление их более соответствует чувству немца». Тонко подмечено, не правда ли? «Ничто так не противоречит всем искусствам и наукам, как вкус к причудливому: поэтому-то в Испании мало заметна расположенность к изящным искусствам и наукам... В любви немец и англичанин не очень прихотливы, у них есть некоторая тонкость в восприятии, но скорее всего их вкус здоровый и грубоватый; в том, что касается любви, итальянец мечтателен, испанец склонен к причудливому, француз сластолюбив (бесполого философа явно потянуло на клубничку). ... Если арабы представляют собой как бы испанцев Востока, то персы — это французы Азии. Японцев можно было бы рассматривать как своего рода англичан этой части света, но только в смысле их твердости ... храбрости и презрения к смерти. Впрочем, у них явно мало признаков утонченного

чувства... Каких только нелепых гримас ни содержат в себе витиеватые и заученные комплименты китайцев; даже их картины гротескны и представляют странные и неестественные образы... Чернокожие весьма тщеславны, но на негритянский лад, и столь болтливы, что их приходится разгонять ударами палок». Всем, как видишь, досталось, не только евреям...

Что касается наших абдалл с шаронами, то нету у меня на них нервов. Особливо на шаронов. Тут один министр (есть такой марокканец Шитрит, из тех, что строят из себя умеренно правых, а посему доверили ему еврейской юстицией позаведовать) после вчерашних очередных терактов (в одном обстреляли машину, которая везла роженицу, убила отца роженицы, ранила и саму роженицу — в живот! — родившую несмотря ни на что здоровую девочку) очень гневно говорил по радио, что нам все это надоело, что Арафат переходит все границы (а до того, значит, держался в рамках), «что если он будет продолжать в таком же духе, то у нас не будет другого выхода как». Шитриту, конечно, не надоело, но почувал, небось, что народу надоело, не ровен час скинет, блин, пр-во, отнимет юстицию, чем эта сука тогда будет заведовать? А ты говоришь «Абдалла». Да тот только пальчиком поманил, пообещал, что если Израиль капитуляцию подпишет (то есть все условия Арафата примет), то он, Абдалла, наследный принц Великой Саудии, лично готов будет нормализовать отношения с Израилем и даже пригласить в свою ебаную Саудию какого-нибудь израильского «лидера». Что тут началось! Президент (хитрожопый «перс», уверенный, что он-то знает как, отведав рыбки, на кол сесть и жопу не порвать) и всякие министры наперебой предлагают себя в саудовский гарем, в газетах истерика и счастливые слезы, наконец-то, сам принц готов пригласить, да мы костями ляжем, а принца удовлетворим... Прямо у двери барской выстроились, орут, толкаются, пришлось Абдуле чуток урезонить ретивых евреев, мол, сначала — капитуляция, а потом уж визиты. Но счастливые слезы с печального еврейского лица так легко не смахнешь. Американцы, правда, холодной водой обкатали, сказали, что все это очень мило, но ничего конкретного не предложено, давайте-ка, если хотите реально замирииться, придерживаться плана нашего сенатора Митчела. А на самом деле, все это арабские пиаровские маневры: последнее опросы в Америке показывают, что Саудовскую Аравию (вернейшего союзника и сателлита Америки) подавляющее большинство американцев считает ответственной за «найн илвен», вот они и «выступили с мирной инициативой». А тут заседание Совета Безопасности по Ближнему Востоку на носу, да еще и всеарабская конференция, и все это в предверии атаки на Ирак... Кстати, у нас тут «говорят», что Россия, забившись в патриотической истерике из-за недочета золота на Олимпиаде (засудили империалисты), сделала резкий антиамериканский демарш по Ираку, мол, не бросим друга в беде. Бросят, конечно, но так или иначе всё, как я уже писал тебе, сегодня концентрируется вокруг Ирака: врежут или не врежут, вот в чем вопрос...

В общем, нас по-прежнему безнаказанно отстреливают, а мы «Абдуллу ждем». Только, увы, не так, как товарищ Сухов, смазав пулемет...
Всегда твой
Наум

1.3. Юваль дома. Рука фиксирована. Боли.

Утром пошел гулять. Звоню Р.

— Какие новости? — спрашиваю.

— Никаких.

— Что делать собираешься в выходные?

— Ничего. У меня ничего не происходит. Скучно. Старая я...

— Нуу, это ты зря. Мне вот тоже 55 стукнет...

— Что значит тоже? Это у кого еще «тоже»?!

— У приятеля моего. Я вчера звонил Вадиму в Москву, я тебе рассказывал про него, поэт Вадим Шуляковский...

— Да-да...

— Поздравил его с днем рождения. Он был, конечно, очень рад... Говорит, что у него был тяжелый год, не писал ничего...

— Ну, литература от этого много не потеряла...

— Жестоко ты.

— Ну а что делать...

— Говорит, что женщины тоже надоели...

— Ну, а ты ему сказал, что тебе еще не надоели?

— Он это понял по голосу, говорит, голос у тебя бодрый.

— Это у вас как в том анекдоте, ха-ха, один говорит, у меня этот вопрос уже отпал, а другой — а у меня еще висит, ха-ха-ха!

Встретились с Л. Все там же, под пешеходным мостом у Ришона, будто и не прошло ста лет.

— Ну что, поедем в гостиницу?

Смутилась. Хорошая еврейская девочка, все-таки смутилась.

— А может, лучше посидим где-нибудь?

— Ладно, давай посидим. Поедем в Латрун?

— Во, поехали в Латрун.

На полпути вдруг передумала:

— Знаешь что, поедем в гостиницу.

— Действительно, что нам время терять.

Да, была в этой деловитости какая-то грубость. Но в откровенности всегда есть грубость.

— Поедем в Бат-Ям, к морю.

— Я и хотел туда.

В этой дешевой гостинице у моря все очень просто, без затей и прикрас, секс для деловых людей, не любящих или не имеющих времени

рассушивать. И секс был хорош. Нет, я так и «не отвык» от нее. Я ее «помню», она «родная». Слово уже было готово сорваться с губ, но... не хотелось повторяться, да и она бы удивилась. Кажется, раза два она кончила. И стала из меня «выжимать», а я «не давал». Наконец, выставила главное оружие: на коленях, собравшись в комок, дулом кверху, а я загонял и загонял свой пыж, и тогда зачвакала, заквакала, заохала с хрипом и храпом, зарычала, запердела старая калоша... «Ой», замотала головой, что-то произнесла, как бы извиняясь за этот джаз, и я не выдержал...

— Кажется, она была довольна, — смеюсь, — аж расквакалась...

Засмеялась.

Потом, полежав минут десять, стала вдруг собираться. А я уж как-то настроился на два захода... Впрочем, так даже лучше. Пора по домам.

— Я когда приезжаю, то... так странно... все пропадает, проваливается, и я снова возвращаюсь в то время, и чувствую себя молодой...

Наум, привет!

Достал все книги, кроме одной (Вл. Соловьев. Три еврея. Захаров — 175), которая разошлась, в том числе и в издательстве. Это ж надо — написать такую книгу, которая сделала уже три скандала: в 1975 (в год написания), в 1989 (когда отрывки из нее стали печататься в «Новом русском слове») и вот теперь в России.

Я, конечно, не поленился и заглянул в Канта, да так увлекся, что прочитал (к стыду своему, впервые) целиком трактат «Религия в пределах только разума». /Иммануил Кант. Трактаты и письма. (Серия «Памятники философской мысли»). М.: Наука, 1980/. В этом трактате немало интересного, в том числе и насчет евреев. Так, Кант не находит никакого универсализма ни в религии евреев, ни в их морали. Кроме того, он отказывается фетишизировать так называемый «еврейский монотеизм» и «трансцендентализм» еврейского Бога (а ведь Кант, наверное, понимал толк в «трансцендентальности», если называл свою систему «системой трансцендентального идеализма»). Цитирую: «иудейство было настолько далеко от того, чтобы в свое время составить собой эпоху, причастную к существованию *всеобщей* церкви, или создать саму эту всеобщую церковь, что оно отказало всему роду человеческому в общении, считая себя особым народом — избранником Иеговы. При этом не следует переоценивать тот факт, что этот народ сотворил себе в качестве всеобщего миродержца единого бога, которого нельзя представить себе зримым образом. Ведь и у большинства других народов находят, что их вероучение сводилось к тому же и лишь из-за почитания прочих подчиненных главному могущественных меньших богов навлекло на себя подозрения в политеизме. Ибо бог, желающий только исполнения своих заповедей, для чего вовсе не требуется лучшего морального образа мыслей, не является все же тем моральным существом, понятие о котором мы считаем необходимым для религии». И отсюда — совер-

шенно однозначный вывод: «Мы можем, следовательно, всеобщую церковную историю, поскольку она должна составлять систему, начинать не иначе, как с истоков христианства, которое, будучи окончательным отходом от иудейства, где оно возникло, было основано на совершенно ином принципе и произвело полную революцию в вероучении».

Вот еще забавный момент, связанный с пресловутым празднованием Хануки в Кремле, о котором мы в свое время обменялись мнениями. Рассказывая о правителях Хазарского каганата, Кожинов натывается на имя «Ханука, брат Обадии». Этого оказалось достаточно, чтобы Кожинов сделал к этому имени такое примечание: «Имя его, конечно, связано с праздником (в память возобновления богослужений в иерусалимском храме в 765 году), который через почти 1200 лет, в 1991 году, иудеи сумели отметить в Московском Кремле, вызвав недоумение и возмущение многих христиан». Отсюда можешь себе представить, какую занозу воткнули евреи в русское «родовое тело» этим нелепым мероприятием. Именно такие символические раны дольше всего свербят.

Буду признателен, если расскажешь, как развиваются события в связи с «инициативой Абдаллы» (да и вне этой связи тоже).

Всегда твой
Матвей

Позвонил Вернику. Никто трубку не поднял, оставил сообщение: «Вы что, эвакуировались?» Через час он позвонил.

— Старик, спасибо что позвонил... Нет, ты понимаешь, я вчера много принял алкоголя и вернулся поздно... такого обстрела еще не было, а я иду себе по пустой улице как гвардеец, пули свищут, а я говорю себе, ну кто, блин, кто на меня! А я со своим приятелем Витей Ладыженским, художником, очень вкусно поели в грузинском ресторане «Кенгуру», ну да, ну да. И мы с ним выпили бутылку, а потом еще поднялись на балкончик, где бар, и... ну да, заполировали, а я уже лыка не вязал, аа, выпили мы водки, «Финляндия», 750 грамм, вот, а барменом оказался Лонский, и я очень захотел пойти к Лонскому, и мы пошли к Лонскому, а потом пришел Володя, и мы так странно друг другу обрадовались... Ну вот, так и «посидели»...

— Ну, замечательно, у вас хоть какая-то «жизнь»...

— Да, вот так и живем... Не, у нас все в порядке, окна выходят во двор, как ты знаешь, а мы так все эти годы из-за этого переживали, ну да, что нету этого шикарного вида на Бейт-Джалу... А я сразу сказал, как эта инициатива Абдаллы началась, я говорю: сейчас нас обстреливать начнут... Но они все равно все отдадут, все, и правые и левые...

— Конечно отдадут. Тут и нет никаких правых, какие правые. Жилые кварталы города под обстрелом, а они даже не чешутся, ну так, стреляют из пулеметов в темноту... А бомбить боятся. А раз боятся, сам знаешь... Да чего там...

— Да, об этом неинтересно.

Матвей, привет!

Что-то я не понял: Кожинов такой грамотный по еврейской части, а ошибся с началом празднования Хануки почти на тысячу лет. Что за 765 год? Ведь праздник — в честь освобождения Иерусалима и Храма в 164-м до нашей эры, Маккавеями, а в 765-м Храма уж давно не было...

А про Канта — это интересно. Подозреваю, что всю жизнь давил в себе гомосексуалиста. Или еще хуже — был асексуален. Отсюда и жуткий ригоризм: принципы превыше всего. Отвратительный тип. И это его обожествление морали (когда я слышу это слово, рука невольно тянется к кобуре). Неслучайно его распря с иудейством: евреи сексуальны и жизнелюбивы, для них жизнь выше принципов, они верят не в принципы, а в своевольного и жестокого Бога. И я понимаю, почему тот же Шестов так не любил Канта.

Кант, собственно, отец современной «универсальной морали», суть которой в непреклонном следовании некому «нравственному императиву», а в чем он состоит я так и не понял: «нравственный закон» и все тут, вопреки цели, «вопреки счастью», он даже не нуждается в религии и «в идее о другом существе» (это уж полная чушь). Но самое смешное, что наша израильская судебная система фактически опирается именно на эти «высшие принципы» и готова защищать врагов своего народа, исходя из «прав человека». Убыф бы усих, как выражается Кононов. Кстати, Кант был не прав и в том, что еврейство не «составляло собой эпоху» в начале эры. А как же Иисус? В начале эры христиане еще были внутри иудаизма, и отделение заняло пару веков минимум. И вообще, конвергенция идей между греками и иудеями шла гораздо интенсивнее, чем это принято думать.

У нас говорят, что выступление саудовского делегата в Сов. Безопасности было разочаровывающим (мол, напал на Израиль и ни словом не обмолвился об «инициативе»). К тому же у нас тут началось вторжение армии в лагерь беженцев под Шхемом и Дженином (гнезда террора, бандитское государство в государстве, своего рода палестинская Чечня), поднялся истошный крик о резне, о новой «Сабре и Шатиле» (помнишь резню в Бейруте, которую устроили палестинцам христианские фалангисты и за которую Шарона — недоглядел! — до сих пор по судам таскают и грозят засудить аж в самом Брюсселе или Гааге), и этот визг, вместе со сводками боевых действий, вытеснил все остальные «новости». Хотя вчера вся страна праздновала выход тель-авивского «Апоэля» в четвертьфинал кубка УЕФА по футболу и победу «Маккабим» над ЦСКА по баскетболу. А в «лагерях» идут бои, конечно же без артиллерии и авиации — как бы не пострадало «мирное население». В ответ на вторжение палестинцы вчера ожесточенно обстреливали из легкого оружия иерусалимский квартал Гило. И что? И ничего.

И еще насчет моих предыдущих возмущений реакцией израильтян, мол, воевать не хотят... Конечно, я преувеличиваю. Нам не дают. То есть

настолько «висят на руках», особенно Европа, что просто бесит. Ну а мы вынуждены (чай не сверхдержава) играть по правилам, которые нам навязывает «мировое сообщество». А правила эти никогда не были особо льготными для евреев...

И еще, вот вспомнил, хотел тебе написать насчет антисемитизма: интересно то, что евреи, особенно «традиционные», всегда жили, игнорируя этот мощнейший фон их жизни, точнее, воспринимая его как стихийное бедствие, на природу ж не станешь обижаться. И благодаря такому подходу сумели сохранить душевное здоровье, ту самую «наивность», которая так радовала антисемитов («еврей глуп»). Так же живут и израильтяне (и меня тоже бесит их наивность).

А евреи Рассеяния, конечно, «умнее», «проницательнее», но за эту проницательность приходится расплачиваться шизофренией. И это еще в лучшем случае. А в худшем — идти в шуты-затейники к своим душегубам.

А что же этот Соловьев там такого понаписал? Ты меня заинтриговал...

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

То, что ты пишешь о «конвергенции» и об эпохе, которую составляло еврейство в начале эры, кажется мне очень перспективным по теме. Так что я с удовольствием поучаствовал бы в ее обсуждении (конечно, на вторых ролях: ты, батенька, изложи сперва «концепцию», хотя бы и черновую). И хотелось бы накопить побольше материала для более строгого конструирования таких «концептов», как ‘моно/поли-теизм’ и т.п. Удивляюсь, почему никто не разрабатывает идею парадоксального соотношения между ‘монотеизмом’ / ‘монизмом’ и ‘политеизмом’ / ‘дуализмом’ — думаю, тут и зарыты все собаки.

Насчет Владимира Соловьева могу тебя частично просветить: Гена дал мне сегодня книжку почитать. Я пока только полистал, но общая картина ясна. Это что-то вроде пасквиля на поэта А. Кушнера, но, так сказать, обобщенного — в том смысле, что «Кушнер — это я» (но только отчасти, потому что отчасти я и Иосиф Бродский). Бродский — это, так сказать «путь», причем путь иудея, а Кушнер — это соблазн (что-то вроде твоего «затейника при душегубах», но только скучного, незатейливого). /Кстати о затейниках. Здесь тоже сумели отличиться евреи: ни в чьих устах лесть Путину не звучит так мерзко, ничей язык так не смердит при вылизывании гебешных задниц, как «великий и могучий» язык хазановых-жванецких/. Вот как характеризует сложившийся расклад сам автор: «Саша (Кушнер) и Ося (Бродский) — два полюса нашей ленинградской жизни, два моих псевдонима; одного из них я мешаю с говном, другого идолизирую. Саша и Ося — два моих alter ego, мое прошлое и мое будущее, то, что я в себе ненавижу, и то, что пестую и возвращаю». Когда издатель Захаров решился опубликовать книгу, он обратился

к Кушнеру с предложением написать свою версию изложенных событий и пообещал напечатать обе под одной обложкой. Кушнер ответил так: «Что касается пасквиля В.Соловьева, выступать под одной обложкой с секретным сотрудником КГБ, лжецом и негодяем... не считаю для себя возможным... От его книги исходит удручающая вонь». Имеется и отзыв С. Довлатова: «К сожалению, всё правда». Вообще-то Соловьев человек небольшого калибра, малоодаренный и в смысле «владения словом», и еще менее как «мыслитель». Но здесь он «прыгает выше головы». Ситуация сложилась таким образом, что, вконец затравленный в Ленинграде после отъезда Бродского, но до своего отъезда (в Москву, а не то что на Запад) в 1975 году, он «выплеснулся на бумагу, чтобы не лопнуть». «Это страстная, покаянная, иступленная книга. Если бы не написал, лопнул бы, задохнулся. Чисто физиологическая потребность — очиститься от скверны внутри себя. Вот именно: катарсис, то есть очищение. Не только в философско-эстетическом смысле, но и в изначальном: понос, рвота. Другой прозы я, впрочем, и не признаю, а только прозу как компенсацию, как возмещение, как реванш, как речевые спазмы, как родовые схватки, как скатологические порывы». Любопытно, что перед В.С. стоял также и «ваймановский» вопрос: называть ли «героев» повествования подлинными именами. В первоначальном варианте они были завуалированы, хотя и «прозрачно». Потом, говорит В.С., «я слегка подпортил свое произведение нью-йоркским изданием, поместив там портреты прототипов и раскрыв псевдонимы: в рукописи были И. Б. (Бродский), Саша Рабинович (Кушнер) Лидия Михайловна без фамилии (Лидия Яковлевна Гинзбург), но остальные под реальными именами. Естественно, поставив реальные имена, мне пришлось снять ряд срамных характеристик. Что теперь делать? Восстанавливать романские имена вместе с характеристиками? Решил оставить все как есть». Для данного издания В.С. решил малость изговнять и Бродского (исправить, так сказать, ошибку его «идолизации»), присовокупив к роману, в качестве приложения, отрывки из своих уже зарубежных дневниковых записей под названием «Два Бродских». Я почему-то не сомневаюсь, что достану для тебя книгу: тираж большой; надо будет, Захаров сделает допечатку, это ведь коммерческое издание.

Впрочем, у меня появилось сейчас (вчера купил) еще более интересное чтение: Яков Бромберг. Евреи и Евразия. Составитель А. Дугин. М.: Аграф, 2002 — 320 с.

Этот Бромберг был евразийцем, в связи с чем пообтерся в кругах таких высокоинтеллектуальных персон, как Н. Трубецкой, Карсавин, Флоровский и иже с ними. Представлял собой странный на первый взгляд, но ставший теперь остро актуальным в России (а может быть, и не только) тип «красно-коричневого еврея». В книге собраны работы 30-х годов: 'Запад, Россия и еврейство'; 'О необходимости пересмотра еврейского вопроса'; 'Еврейское восточничество в прошлом и будущем';

‘Идет ли мир к идеократии?’ В качестве Приложения в книге помещены две статьи Дугина ‘Евреи и Евразия’ и ‘Обреченный Израиль’, а также две статейки вашего «красно-коричневого евразийца» А. Эскина: ‘Русско-еврейский симбиоз’ и ‘Прорыв в евразийство’. Бромберг пишет «суггестивно». Вот образчик его стиля: «Не есть ли современное глубокое падение еврейства — запоздалое, но имманентное проявление некоего тысячелетнего недуга религиозной сущности еврейства, восходящего к самым глубоким и первичным во времени духовным корням трагической христианско-еврейской тяжбы?»

Присовокупляю до кучи небольшой список.

1. Школа Валентина. Фрагменты и свидетельства. (Серия Античное христианство. Источники) / Издание содержит практически все сохранившиеся фрагменты из произведений Валентина-гностика и античные свидетельства о нем и его школе, полный перевод с древнегреческого «Извлечений из Теодота» Климента Александрийского и другие гностические тексты. Фрагменты из несохранившихся произведений Василида, Исидора, Карпократа и Епифана приведены в отдельных приложениях. Есть и особое приложение: «Гностики о сексуальной жизни и о браке». СПб.: Алетейя, 2002.

2. Норберт Элиас. Общество индивидов. (Серия «Образ общества») /Итоговая книга Элиаса, опубликованная в Германии в 1996 году. Первые наброски к «Обществу индивидов» первоначально замышлялись как часть общей теории для второго тома «Процесса цивилизации». В процессе работы стало ясно, что теоретическое рассмотрение самой кардинальной проблемы — проблемы соотношения индивида и общества — грозило взорвать рамки книги о цивилизации. Далее Элиас разрабатывал эту проблему в течение всей жизни. Первая часть работы написана в 1939 году, последняя — в 1987 году. Таким образом, «Общество индивидов» подводит итоги теоретической концепции Элиаса. В книге три части: ‘Общество индивидов’; ‘Проблема самосознания и образа человека’; ‘Изменения баланса между Я и Мы’/. М.: Праксис, 2001.

3. Александр Койре. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. /Это чуть ли не первая представительная публикация замечательного мыслителя, русско-французского (настоящая фамилия Койранский) философа и историка науки. Один из лидеров «интерналистского» направления в истории идей (развитие науки объясняется не внешними факторами, а внутренней логикой развития научной мысли). Прошел хорошую феноменологическую школу (хотя не принял «жизненного мира» позднего Гуссерля). Руководствовался принципом единства научной, религиозной и философской мысли: великие научные революции всегда определяются радикальными изменениями философских концепций. В основу книги легли лекции, прочитанные в 1953 году. По сути, это популярное изложение основ концепции Койре. Очень красноречиво охарактеризована «научная революция» XVI–XVII веков, когда античный

и средневековый «космос» уступил место бесконечному однородному пространству. Разделы: 'Бог и пространство, дух и материя'; 'Абсолютное пространство, абсолютное время и их отношения к Богу'; 'Обожествление пространства'; 'Бог рабочей недели и Бог субботы'; 'Заключение: Божественное произведение'. М.: Логос, 2001.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Заказываю весь список. Тем ни менее, если прочтешь Бромберга и захочешь поделиться, буду рад (то же касается и Соловьева). Вообще, должен сказать, что такой способ «обмена информацией» меня вполне устраивает и сокращает количество запланированных к прочтению книг (даже и купленных, можно подумать, что все, что купил, прочитал, дай Бог, 10–15%), а стало быть, экономит время, что чем дальше, тем более «критично».

Всегда твой
Наум

P.S. И все-таки еще раз о еврейском менталитете. Вот эта «наивность» поразительна (она мне кажется то душевной болезнью, то какой-то звериной мудростью), и не менее поразительно отсутствие злости. Ты просто чувствуешь это, нет в них злобы и жестокости, нет желания «пасть порвать». Внутри общины это создает такую «теплую», «домашнюю» атмосферу, а вовне — отсутствие клыков иногда выглядит, как удручающая беззубость, хотя это как раз обманчивое впечатление: злоба — это одно, а клыки и хватка — другое.

Ходили с Марком и Аней на «Затмение солнца в Кандагаре». Фильм странный, недоделанный какой-то. Но одна сцена невольно впечатляет: скачущая на костылях толпа джигитов-инвалидов...

Марик устроил пикник на крыше. Я рассчитывал увидеть скрипачку и не прогадал. Но остаться наедине или как-то переговорить не удалось. А она тоже хотела. Протянулась и натянулась между нами веревочка, и даже не глядя друг на друга, мы друг друга чувствовали. Когда уже расходились, спросила: «Есть уже продолжение "Хроник?"» Я сказал, что планируются несколько публикаций, с удовольствием им (вынужденно обращаюсь и к мужу, который тут как тут) сообщу, «я тогда позвоню...» Ну вот, вроде и повод позвонить. У мужа глаза-буравчики, колюче смотрит. Чует покушение.

Инна, которая снимала 12 лет назад рекламный ролик с нашим участием, теперь работает с Гольдшмитом в большом издательстве, кажется «Ам овед». Предложила прислать книгу. Пошлю, хотя шансов мало.

3.3.2002. Волна террора. Война, в сущности. А эти бляди, устроившие нам кровавый карнавал, извиваются в «объяснениях»...

Еще подумал про ментальность евреев, что за тысячи лет Рассеяния, будучи бессильными, выработали у себя беззлобность как иммунитет, потому что бессильная злоба убивает изнутри. Единственный выход — терпеть. А все «воинственные», кто терпеть не мог, погибли. Остались только «добрые». Вот и терпят... Но бесполезно. Господь ожесточил сердца филистимлян, хотят или не хотят «добрячки», дойдет дело до взрыва...

Встретились с Л. Поехали в Латрун. Жирная, весенняя зелень, запах сосен и всего этого букета кустов, о котором писал Шабтай, запах земли Израиля. За оливами серые стены монастыря, тускло-красные крыши покрытые пылью. Она кусала и мяла во рту травинку. «Запах молодости...»

5.3. Жена утром положила на подушку открытку. «Нёмочка! В моих глазах ты все еще тигр!! Будь здоров и счастлив чем подольше! Твоя Римма» На обложке тигр из диснеевского «Маугли». Это она меня так утешает. А Р сказала, что 55 — золотой возраст для мужчины, и пожелала, чтобы женщины меня всегда любили, «а у тебя еще будет много женщин». Вот это утешение.

Звонила Л. У отца сердечный приступ. «Но я надеюсь, что мы все-таки еще увидимся... А мне странный сон снился, будто я гуляю у Латруна с младшим сыном, но когда он еще маленький, и вдруг террористы появляются, и мы куда-то бежим — кино... Ты позвони мне...»

Р несколько раз звонила, все-таки вытащила меня («ну хоть на полчасика, я так хочу тебя видеть»). В результате позабыл, когда договорились, без пятнадцати два, или в два пятнадцать. Приехал без пятнадцати, звонить и переспрашивать не хотелось, прождал до 2.15, еще пять минут, еще пять минут, звоню — телефон отключен, еще пять минут и еще пять минут, уже собрался уезжать, приехала, оказывается, она только в 2.15 заканчивает, и назначила без пятнадцати три, а что сказала уже не помнит... Ладно. Подарила мне огромный испанский нож, сантиметров 25. «Я мечтаю, что когда-нибудь ты его используешь по назначению». «Не люблю опер», — смеюсь. Целовались-обнимались-разбежались. Вечером жена устроила вечеринку-сюрприз. Пригласила всех друзей. Только Миша не пришел, у него после Барселоны живот болит.

У Гольдштейна вышло огромное интервью в «Хаарец», с картинками, то бишь фотографиями. Под шапкой «Это что, культура?» Напал на ихнюю левантийскую топь с футболом, хумусом и шеш-беш.

Наум, привет!

Как это нередко случается «в жизни», сама действительность начинает проявлять некую «фонарность» (от ваймановского «чтения с фонарем»), которому противостоит, видимо, мироотношение «до фонаря»), когда носишь фонарь при себе, хотя бы и в зачехленном виде, и не сам, а «дал поносить товарищу» (ей, в сущности, немного надо, этой самой «жизни»: ты только намекни на «интенциональную» предрасположенность к «сюжетности» — и «мотивы» начинают сыпаться на голову как из рога изобилия). Выскочил ниоткуда, как чертик из табакерки, «постскриптум» к «Трем евреям» Владимира Соловьева. Дело было так. Поэт Евгений Рейн сломал ногу. Его навестил в больнице Гена Калашников. И знаменитый (отчасти) поэт рассказал ни с того ни с сего «молодому дарованию» историю о Бродском (может быть, всем известную и только нас с Геней шокирующую). Рейн рассказал, что когда дело с отъездом Иосифа Бродского было в принципе решено, и сам И. Б. с этой решенностью смирился и стал даже примерять ее на себя «эстетически», дошло дело до «технической стороны», и выяснилось, что предстоит изгнаннику выехать по «еврейской визе», по проторенному пути «колбасной» и отчасти «сионистской» эмиграции. И тут «вызграло ретивое». Все стерпел человек: «противостояние Левиафану», суд и ссылку, одиночество и замалчивание, зависть и клевету — и приготовился уже стерпеть «изгнание», но тут вышла закавыка. Он не смог вынести последней капли, переполнившей «чашу» — «выезда вместе со всеми этими евреями». При одной мысли об этом нашего гения гнуло, ломало и корчило. Он дошел до того, что стал искать доступа к разного рода «генералам» (от литературных до настоящих), добивался аудиенций у высокопоставленных чиновников, проявляя в этом деле неожиданную для своего имиджа пронырливость и настойчивость. Парадокс состоял в том (говорит Рейн), что эти люди просто не могли понять, чего от них хочет эта жидовская морда. Тебя не посадили, а, наоборот, выпускают за границу. Чего тебе еще надо? Чем больше и многословнее он объяснял, тем меньше его понимали.

Почему я воспринял эту историю как «постскриптум»? Книга Вл. Соловьева называется «Три еврея», но, как явствует из сопроводительных материалов, это название придумали издатели — Захаров со своей женой Богат. О еврействе в романе говорится очень много. Поскольку вся проблематика спроецирована на оппозицию «хороший И. Б.» / «плохой Кушнер», И. Б. рисуется, вдобавок ко всему, и как воплощение некоего «пути»; так и говорится: это путь «даже не еврея, а иудея» (со смутной отсылкой неизвестно к чему). Кушнер «плохой», потому что «ассимилянтские» мотивы наслаиваются на «приспособленчество к режиму». А вот почему И. Б. «хороший», понять труднее (в «еврейском» аспекте). По одной простой причине: эта материя вообще лежит за пределами не то что понимания, но даже элементарного интере-

са самого Вл. Соловьева. Парадокс «Трех евреев» состоит в том, что «еврейство» интересует всех троих лишь в качестве обидной помехи (или, может быть, «стимулирующей помехи», но все равно обидной) для реализации их всепоглощающей «русскости», за пределами которой они вообще ничего не видят и ничем не интересуются. При этом и русскую культуру эти «товарищи евреи» знают очень приблизительно. Меня до глубины души поразил один из эпитафов к роману (это ведь «Роман с эпитавами»). Среди эпитафов к главе 15 помещен следующий текст: «Есть бытие, но именем каким // Его назвать — ни сон, ни бденье». Под ним стоит подпись: «Не помню кто». (С. 104). Между тем текст Баратынского, начиная со второй строки, звучит так: «Его назвать? Ни сон оно, ни бденье; //Меж них оно, и в человеке им // С безумием граничит разуменье». В. С. даже не заметил, что сбился с размера при цитировании второй строки. Конечно, никто не обязан «знать все». Но В. С. был профессиональным литературным критиком и защитил диссертацию на звание кандидата филологических наук по пушкинской тематике (!). Кроме того, он с апломбом рассуждает в одном месте конкретно о Баратынском. Словом, это очень специфические евреи, и их, конечно, не «три»: имя им легион. Вот ведь, не режет слуха это название ни издателям-затейникам, ни автору-спекулянту, ни читателю-клубничнику. Я намеренно абстрагируюсь от литературных материй, от проблем «гения» и «таланта». Скажу только, что «гений» обескураживает тем, что с поразительной легкостью совмещается со «злодейством» любого вида и степени, а «бездарность» — тем, что она нынче начисто лишена «комплекса Сальери»: пушкинский отравитель выглядит прямо-таки титаном на фоне нашего пасквилянта-спекулянта. Слово «Израиль» появляется в романе только один раз — и в очень характерном контексте. Когда журнал «22» решил напечатать очередной опус В. С., другой писатель-эмигрант Игорь Ефимов стал их отговаривать от этой затеи, предложив напечатать вместо этого собственный роман. Таким образом, и Израиль удостоился чести быть упомянутым — как дополнительная площадка для их «русскоязычной» подковерной возни.

Кстати, книжку В. С. «Три еврея» я тебе достал.

P.S. Будь добр, расскажи о последних политических событиях.

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Историю ты рассказал интересную, хотя и никак меня не удивившую: отношение мое к Бродскому как, по большому счету, «пижону» сложилось давно и т.ск. нашло свое отражение в книге. Покойный еврей не любил, в том смысле, что очень боялся «запачкаться». Не знаю, чего здесь больше: великорусского снобизма (помнишь, еще Владимир Ильич писал, что инородцы особенно сильно перебарщивают по части

великодержавности), или продуманной заботы об имидже (погрязнешь в «еврейских делах» — не возьмут тебя в «русские поэты», и Нобеля тебе не видать). Кстати, интересно, что именно «как еврей» он был малый довольно противный: заносчивый, предельно расчетливый, а вот Кушнер как раз наоборот, человек мягкий, похожий на типичного галутного еврея-дедушку с очками на носу... И хоть Кушнер «еврейских» стихов не писал, но по части «русскости» гораздо менее агрессивен (может, в силу того, что вообще менее агрессивен). Мне Бродский и как поэт не интересен. Ну талантливый, даже очень, и что? В конце концов, восприятие поэзии есть некое душевное со-звучие, со-дрогание, если угодно, когда чувствуешь, что «душа певца, согласно излитая», согласно с твоей стремится «разрешиться» «от всех своих скорбей», а не карьеру соорудить. А его песнопение мой болящий дух не врачует. Что мне до его славы? Слава украшает героя, или мученика. Впрочем, и тут «имиджмейкеры» постарались, надели-таки нимб мученика на еврея. Но он мученик политический, конъюнктурный. С властью он не боролся, разве что презирал ее и считал себя выше «этого». И правильно считал, он и стал выше. Он и стал поэтом эпохи. Но две фальшивые ноты всегда режут мне слух в его могучих симфониях: евреи и женщины.

Кстати, вспомнив «болящий дух», я взял томик Боратынского и наткнулся на «Притворной нежности не требуй от меня», и... слезу прошибает. И не сентимент разлуки, конечно, а элегическая мощь, такая сытость тоски... И какая непритязательность, почти прозаичность, точность! Вот был поэт. Талантливый нееврей...

А с губошлепом Рейном мы познакомились на иерусалимской книжной ярмарке года три-четыре назад, он любит, собрав вокруг себя род веча, желательно женского полу, заливать байки о поэтах, очень связно заливает, как профессиональный затейник. С большим апломбом мужик, не по таланту. Из дружбы с Бродским давно сделал бизнес. Впрочем, кажется, не злой. А что, Гена с ним дружит?

А у нас шахиды совсем распоясались, каждый день фейерверк терактов, пр-во отвечает китайскими «последними предупреждениями», продолжает бомбить пустые казармы, иногда отстреливают какого-нибудь зазевавшегося террориста, но это все равно что вылавливать рыбку из косяка. Отряд не заметит потери бойца. Все (министры и телевизионные балаболки) говорят, что мы приближаемся к «переломному моменту», но приближение носит асимптотический характер. Популярность Шарона резко падает. До конца каденции ему осталось полтора года, но ситуация не может длиться так долго, тем более что темпы эскалации нарастают. Пр-во под сильным давлением тотального недовольства. Либо оно скоро падет, либо на что-то решится. Остается надеяться только на то, что чем нам хуже, тем нам лучше.

Всегда твой
Наум

7.3. Р позвонила. Рассказал ей свой сексуальный сон, как мы лежим с Женей в постели, голые, а с нами девочка лет десяти, и мы о чем-то беседуем. А потом Женя куда-то исчезает, а у девочки такие длинные ноги, как у взрослой девушки, и я их глажу...

— Мало того, что ты гомик, ты еще и педофил!

И хрипло ржет.

Все эти звонки, то Р, то Л, как-то «душевно» путают, не умею так быстро перестраиваться... У Л отца вчера отвезли в больницу, сердечный приступ.

«Боюсь, что это у него от новостей, все время телевизор смотрит...»

Как и каждое утро, неизменная церемония:

— Наум?

— Да, Борис Михайлович.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

— Так я газету принесу?

— О'кей.

— Как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, нормально.

— А как Ювалик?

— Вроде лучше.

— Ох, Наум, Наум, чтобы ты был здоров.

— И вы тоже, Борис Михайлович.

Поехали с Л в Цову. Там хорошо, уютно, номер хороший, свита, и не дорого...

И секс с ней хорош, все хорошо... И телом она любит меня. Но в глаза ее я по-прежнему не могу смотреть. Я там ничего не вижу, кроме чужой пустоты.

Потом мы выпили текилы, поболтали. Она заторопилась. Что меня даже задело: почему это она второй раз не хочет? Уж нет «былых желаний»?

Заваливает к 60

Но еще 55!!!!!!!!!!!!!!!!!!!!

Congrats!!!!!!!!!!!!

Z to Nyoma

8.3. Каждое утро по дороге в парк вижу этого старика-инвалида в берете (называю его про себя «старый партизан»), который ждет машину в инвалидном кресле с неизменным и каким-то сюрреалистическим упорством делая утреннюю зарядку. Проходя по другой сторо-

не улицы, я слышу его «раз, два, три, четыре, раз, два, три, четыре...», которыми он сопровождает свои упражнения. Сегодня он поднимал и опускал плечи.

Матвей, привет!

Ситуация ухудшается. Шарон, кажется, не пожелал понять простой вещи, что мы «войну на истощение» не можем выиграть в силу того, что у нас нет тыла (ситуация Германии). Такое ощущение, что мы попадаем в молчаливую изоляцию, на нас махнули рукой. Америке такой союзник не нужен, слабый союзник — обуза, а не помощь. Последние заявления Пауэла и Буша говорят о том, что нам не дадут обижать бедных палестинцев, мир не позволит, и Америка против мира не пойдет, ей в нем жить, им управлять, нас собираются опять плотно взять за руки. Наверное, со стороны действительно создается впечатление (хотя это не совсем так, и даже совсем не так), что мы морально выдохлись, раздираемы изнутри «моральными» противоречиями... Вот сегодня по радио какой-то генерал хвастался, что операцию в лагерях израильская армия провела так... гуманно, как не способна никакая другая армия в мире, «нет армии в мире с такой военной моралью», сказал он... Они заботятся о своей морали больше, чем о своей жизни. Кстати, среди юдофилов бытовало мнение, что евреи народ с «врожденным чувством морали», отсюда выводились и все религиозные «достижения» иудаизма, включая христианство, евреи (причем левые!), и в Галуте и здесь, тоже усиленно мусолят эту мысль, что мы или уже являемся «светочем для народов», моральным, конечно, либо должны стать им любой ценой («иначе жить не стоит»). Я лично считаю (не знаю, как с врожденными качествами, говорю о приобретенных), что это все тот же эффект страха. Не будучи в состоянии (или не веря в такую возможность) быть «сильными», евреи стараются быть «моральными» (как дедушка Кант завещал), это «стратегия выживания». Надежда на то, что «хороших» (высокоморальных) любят и в критический момент «пожалуют». Надежда, ведущая прямиком в Освенцим...

А арабы срать хотели на все эти христианские заморочки, у них мораль шахидов, мораль героев, которую так ненавидит Цветков (кстати, Гитлер хотел после войны исламизировать Германию, и начать с корпуса SS, полагая, что исламская мораль формирует настоящих воинов)...

Итак, к нам едет ревизор, генерал Зини. Усмирять разбушевавшиеся страсти. Но филистимляне набрали уже такую инерцию ненависти и безоглядного революционного порыва, что остановить его какими-то политическими мерами (как мечтают израильские левые), это все равно что остановить поезд, потерявший тормоза, красным семафором. Тут знаки не помогут, тут сила нужна. А единственная сила, которая здесь действует, это сила мирового сообщества (и Америки), направленная против нас. Кончится тем, что нам продиктуют условия «мира», о чем так мечтают наши левые, на самом деле условия капитуляции. Шарон

просрал все возможности блицкрига, которые у него были. Увы, это и есть израильские политики, израильтяне вообще — люди узкого кругозора, малой образованности и большого самомнения, может, они сильны «тактически», так сказать умеют «выкручиваться» (и в этом сомневаюсь) но стратегически они беспомощны. И это я говорю о «лучших», с европейской статьёю. Впрочем, где она нынче, европейская статья...

Что нового у тебя, стоит ли еще Россия? Русские новости в последнее время (уже давно) почти совсем не смотрю, так что уже не только не понимаю, но и не знаю, что у вас происходит. Куда идет корабль... Да и какая разница, когда твой (мой в данном случае) — идет ко дну...

Мне тут позвонил один родственник, из мелких «новых русских», поздравил с днем рождения. Озабоченно спрашивал, что тут у нас происходит. Говорит, все его израильские друзья, которые хвастались своим благополучием и издевались над ним за то, что он остался прозябать, теперь в депрессии, некоторые интересуются возможностью возвратиться. Вот, настал его час гордиться собой, своей мудростью и прозорливостью.

Всегда твой
Наум

Теперь у меня каждое утро два звонка, сначала Р, потом Л. С Р свиданку отменил. С Л еще вчера договорились встретиться, она поехала с утра в больницу, а я мучался: встречаться не хотелось. Мы и так уже мало что говорим друг другу, все больше молчим. И хоть это «глубоко понимающее» молчание, но иногда оно очень уж долгое, такое долгое, что и «понимание» становится каким-то неопределенным, а главное, необязательным.

И все-таки решился: позвонил и сказал «извини, сегодня не получится...», стал что-то объяснять...

— Чего ты извиняешься. Не получится. Я поняла.

— Как папа?

— Очень ослаб. Думают вводить ему зонд. Настроение — сам понимаешь. Я хотела с ним побыть еще, так что хорошо, что ты позвонил, а то я бы мучалась...

— Ну вот я и позвонил...

— Чтоб не мучалась.

И мы похихикали.

Звонил Гольдштейну, поздравил его со статьей в «Хаарец».

— Знаете, Наум, у меня такое впечатление, что это ничего не значит, не оставляет никакого следа.

— Ну, как вам сказать... Конечно, это не то, что интервью в «Правде» в свое время, хотя для местных условий это почти эквивалентно...

— Да, интервью в «Правде», конечно, означало, что все уже состоялось.

— Да. В данном случае такого не скажешь, и прежде всего потому, что все-таки речь идет об иноязычном писателе. Для израильского писателя такого рода резонанс на его книгу был бы куда более значим...

— Да, возможно вы правы...

— А тут... все это носит несколько этнографический характер...

— Я бы сказал «зоологический»...

— Да, почти зоологический... Когда мой текст взяли в «Кешет», редактор мне так и сказал: «Это интересно как взгляд на нас со стороны», ему, например, очень понравилось, что я подметил, как израильские генералы все время поправляют на себе штаны... Если бы я еще подметил, как сержанты чешут яйца, это бы привело его в полный восторг...

— У этого парнишки, который брал интервью, и интерес был совершенно не литературный, он и текста, конечно, не читал, просто открыл антологию, кто на первом месте, у того и взял интервью...

— Ну, правильно, тот, кто на первом месте, тот главный...

— И интересовали его провокации, он все пытался выжать из меня какое-нибудь политическое высказывание, непременно с геноцидом, просто прямым текстом просил меня загнуть что-нибудь о правительстве, или, на худой конец, чтобы напал на местных маститых.

— Да... Все это верно, и культурный след мал от такой публикации, но все-таки. Лучше чем ничего.

— Ну, это конечно.

Я сказал, что прочитал и его интервью с Тименчиком, и показалось забавным, что тот упорно не хотел играть «в значимые имена», а потом вдруг стал активно называть «своих», из «Иерусалимского журнала»...

— Да-да, — подхватил Гольдштейн. — Бяльского, Палванову. Палванова особенно большой авторитет.

— Да-да (похмыкали). Какие-то советские, я бы сказал, замашки. И зачем ему такой жалкий политес? Ведь он им нужен больше, чем они ему, так, на первый взгляд...

— Странно, очень странно.

Спросил его о Бараце, что пишет у них комментарии к еженедельной главе Торы, что, говорю, за доморощенный раввин? Но Гольдштейн о нем ничего не знает, кроме того, что тот был когда-то христианином, а потом переметнулся. Начитанный, говорю, и пишет на интересные темы, но, увы, совершенно невразумительно. «Совершенно невразумительно», — согласился Гольдштейн. И насчет политических теорий А. Воронеля, тиражированных «Окнами» («Все-таки великая газета “Вести”», — говорю, о чем и похмыкали), тоже сошлись что «абсолютно невразумительно». «Но что, — говорю, — кураж есть. Такой профессорско-пионерский задор».

— Старческий задор.

— Но не сварливый.

— Нет, не сварливый.

9.3. С утра звоню Л. «Как папа?» — спрашиваю.

— Плохо. Кажется, у него начинается воспаление легких. Нет, мы его из «Каплан» перевели в частную больницу. «Каплан» — это сумасшедший дом... Не знаю даже, лететь ли мне завтра...

Вечером, когда сидел перед телевизором и смотрел «израильское кино»: теракты, теракты, теракты, бесконечный и однообразный сериал, кроваво-мыльная опера, позвонил Бараш. Обсудили интервью Гольдштейна в «Хаарец». Он все дивится, как Гольдштейну удается так точно попадать в фокус внимания. Потом он переключился на Винокура, у того, оказывается, тоже было интервью в тель-авивской городской газете «Аир». Тоже завистливо удивлялся. Как, мол, такой «урод» вызывает у кого-то интерес. Раздражался на его позу крутой урлы: «да с такими замашками крикуна и истерика он в тюрьме бы не выжил. Я тебе рассказывал, как на крыше однажды, я был с сыном, посадил его, пацана полуторагодовалого в кресло, а он рядом сел, ну то, что он орал и матерился, ладно, а потом вдруг вытащил свою челюсть и стал перед ребенком щелкать, поиграть решил с младенцем, представляешь? А если бы он его напугал? Я б его убил на месте». Потом переключились на Тименчика. Я выразил удивление, что тот с «Иерусалимским журналом» связался. «Так у него ж жена там печатается. Ну, эта... такая пожилая, маленькая, припизднутая еврейская женщина, стихи пишет, Зина Палванова по сравнению с ней Ахматова. Как говорится, скажи мне кто твоя жена и я скажу тебе кто ты».

«Да, — продолжил он, — я прочитал Гандлевского. Ты знаешь, мне хотелось блевать. «Трепанация черепа» по сравнению с этим просто гениальная вещь, там все-таки какие-то реалии, живые люди описаны, про них не нагородишь бог знает чего. А тут... такое подлаживание под читательские стереотипы, чтиво, и это после того, как человек был нормальным поэтом, со своим голосом, и вдруг такое. Вообще там ужас что происходит».

Потом позвонил Верник, около двенадцати.

— Ньюма, ты не спишь?

— Нет.

— А я напился. Мы были у приятелей в Натанье и проезжали по этой улице за семь минут до теракта. А когда въехали в Иерусалим — взрыв в «Моменте»¹. Ну, я и напился. Если бы ты жил рядом, я бы к тебе сейчас зашел...

11.3. Утром позвонил Р. Потом Л. Спросил, как папа.

— Папы уже нет.

— О, господи...

¹ Теракт в кафе «Момент» был из категории «значимых»: 11 убитых и полсотни раненых, к тому же там собиралась иерусалимская богема...

- Да...
- Как быстро... сгорел...
- Да, пришел на своих ногах и вот...
- Так ты не летишь?
- Нет, сдала билет.
- А как мама?
- Ну как...
- Когда похороны?
- Еще не знаем. Мой старший хочет прилететь, и племянница из Женевы...

Ressentiment

Наум, привет!

Ты затронул вопрос (в связи с израильскими «левыми») о людях, которые «заботятся о своей морали больше, чем о жизни». /«Не будучи в состоянии (или не веря, что это возможно) быть «сильными», евреи стараются быть «моральными», это «стратегия выживания»/. Весь этот пассаж получился у тебя совершенно «ницшеанским», с той только разницей, что Ницше ставит во главу угла не страх /«это все тот же эффект страха»/, а ненависть. Совершенно понятно, почему он так поступает: ему хочется иметь «красивую», чистую оппозицию любовь/ненависть. А именно: то, что глупцы называют «христианской любовью», есть на самом деле «иудейская ненависть». Цитирую из «Генеалогии морали»: «Но вот само событие: из ствола того дерева мести и ненависти, еврейской ненависти — глубочайшей и утонченнейшей, создающей идеалы и пересоздающей ценности, ненависти, никогда не имевшей себе равной на земле, — произросло нечто столь же несравненное, новая любовь, глубочайшая и утонченнейшая из всех родов любви, — из какого другого ствола могла бы она произрасти? Но пусть и не воображают, что она выросла как прямое отрицание той жажды мести, как противоположность еврейской ненависти! Нет, истинно как раз обратное! Любовь выросла из этой ненависти как ее крона, которая тем порывистее влеклась в царство света и высоты... чем глубже и вожделеннее впивались корни самой ненависти во все, что имело глубину и было злым. «Этот Иисус из Назарета как воплощенное Евангелие любви, этот “Спаситель”, приносящий бедным, больным, грешникам блаженство и победу, — не был ли он самым соблазном в наиболее жуткой и неотразимой его форме, соблазном и окольным путем, ведущим именно к тем иудейским ценностям и обновлениям идеала? Разве не на окольном пути этого “Спасителя”, этого мнимого противника и отменителя Израиля достиг Израиль последней цели своей утонченной мстительности?»

Для обозначения этого феномена Ницше вводит понятие 'ressentiment' (ресентимент; если уж быть точным, то 'ресантиман', где оба

‘а’ — носовые), оговаривая, что вынужден пользоваться французским словом, поскольку в немецком языке (как, заметим, и в русском) нет соответствующего термина. Если покопаться в этимологии французского слова, выяснится, что в нем по меньшей мере два аспекта (два семантических элемента в его составе). Во-первых, *sens* — это чувство. А приставка *ge* обозначает повторность. Значит, это повторно переживаемое чувство. Но суть не в том, что оно переживается повторно, а в том, что оно переживается вместо действия. Это гнилое чувство, которое, не находя себе выхода в действии, отравляет своими миазмами весь «душевный организм». Макс Шелер, написавший целую книгу о ницшевском *ressentiment*'е (Макс Шелер. Ресентимент в структуре моралей. СПб.: Университетская книга, 1999. Любопытно, что первая публикация этой работы /1912/ носила подзаголовок «Исследование о патологии культуры»), так определил это понятие: «речь идет об интенсивном переживании и последующем воспроизведении определенной эмоциональной ответной реакции на другого человека, благодаря которой эмоция погружается в центр личности, удаляясь тем самым из зоны выражения и действия личности». Шелер отмечает при этом, что речь идет о негативной, враждебной эмоции: «это блуждающая во тьме души затаенная и независимая от активности «Я» злоба, которая образуется в результате воспроизведения в себе интенций ненависти или иных враждебных эмоций и, не заключая в себе никаких конкретных враждебных намерений, питает своей кровью всевозможные намерения такого рода». В другом месте Шелер называет *ressentiment* «самоотравлением души». Вернемся к первоисточнику, то есть к Ницше. *Ressentiment* — это мораль раба. Поразительно, насколько легко и непринужденно ницшевские характеристики накладываются на реакции израильской общественности (по крайней мере, на реакции левой части ее политического спектра), если согласиться с их ваймановской оценкой. «Восстание рабов в морали начинается с того, что *ressentiment* сам становится творческим и порождает ценности: *ressentiment* таких существ, которые не способны к действительной реакции, к поступку, и которые вознаграждают себя воображаемой мстостью. В то время как всякая преимущественная мораль произрастает из торжествующего самоутверждения, мораль рабов с самого начала говорит *Нет* ‘внешнему’, ‘иному’, ‘несобственному’: это *Нет* и оказывается ее творческим деянием. Этот поворот оценивающего взгляда — это необходимое обращение вовне, вместо обращения к самому себе — как раз и принадлежит к *ressentiment*: мораль рабов всегда нуждается для своего возникновения, прежде всего, в противостоящем внешнем мире, нуждается, говоря физиологическим языком, во внешних раздражениях, чтобы вообще действовать, — ее акция в корне является реакцией». «Мне кажется, что здесь лгут; каждый звук липнет от обсахаренной нежности. Слабость следует перелгать в заслугу, а бессилие, которое

не воздаёт — в 'доброту'; трусливую подлость — в 'смирение'; подчинение тем, кого ненавидят, — в 'послушание' (именно тому, о ком они говорят, что он предписывает это подчинение, — они именуют его Богом). Безобидность слабого, сама трусость, которой у него вдосталь, его попрошайничество, его неизбежная участь быть всегда ожидающим получает здесь слишком ладное наименование — 'терпение', она столь же ладно зовется *добродетелью*; неумение отомстить за себя называется нежеланием мстить, может быть, даже прощением («ибо они не ведают, что творят, — только мы ведаем, что они творят!»). Говорят также о 'любви к врагам своим' — и потеют при этом». Это Ницше. Макс Шелер вносит уточнение. Он говорит, что в основе лежит не ненависть (как у Ницше) — и, добавлю от себя, не страх, как у Ваймана, — а импульс мести. Сам по себе он чист, если находит выражение в ответном действии; но этот импульс перерастает в *ressentiment* в том случае, если ответное действие сдерживается сознанием своего бессилия. Ресентимент можно понимать и как социологический термин. В традиционном (в пределе кастовом, как, например, в древней Индии) обществе потенциал социального ресентимента минимален. «Максимально сильный заряд ресентимента должен быть в таком обществе, где, как у нас, почти равные политические права соседствуют с огромными различиями в фактической власти». Отсюда уже недалеко и до трактовки революции как проявления ресентимента (Шелер так и пишет: «Страшный взрыв ресентимента во времена французской революции...»). Итак, можно говорить о ресентименте как отдельного человека, так и любой ущемленной группы (например, Шелер упоминает о «ресентименте калеки»). Разумеется, не обходится и без жиды. Цитирую Шелера. «Чудовищный еврейский ресентимент, как справедливо замечает Ницше, питается из двух источников: с одной стороны, это сочетание чрезвычайной национальной гордости евреев («избранный народ») с презрением и гонениями, которые веками воспринимались как судьба; с другой стороны, в последнее время это еще более сильное сочетание формального конституционного равноправия с фактической дискриминацией. Особая тяга этого народа к приобретательству и наживе, несомненно (наряду с факторами, обусловленными природными задатками и другими причинами) есть следствие уязвленности еврейского самолюбия — черты, ставшей конституциональной; эта тяга — сверхкомпенсация за недостающее социальное признание, которое соответствовало бы свойственному нации чувству собственной значимости».

Тут есть о чем поразмышлять — в случае, если такой поворот темы покажется тебе интересным. Пока ограничусь приведенными цитатами.

Всегда твой
Матвей

Неспособность на поступок рождает способность к мечте...

Да, секс с ней фантастический, но... все это быстро забывается, после второго раза уже не помнишь, что было в первый... Помнишь только мысль, что это все-таки нечто удивительное. И каждый раз все удивительнее...

После первого захода выпили «Текилы», съели питы, она со шницелем, я — с тунцом. Она болтала о своих «замыслах». «Я на днях так огорчилась, нашла в объявлении «Русского слова» книгу «Толчок». Я тебе говорила, что хотела написать книгу о туалетах? Вообще я думала о двух книгах: о туалетах и о моей работе в Исполкоме. Особенно я хотела написать о туалетах, тут и история, и народные обычаи, я тебе рассказывала, как в деревне... и мой личный опыт, а я столько их перевидала, были такие, что я просто не могла... Мужчинам легче, они могут не касаться, а женщинам надо сесть... У меня все было готово, все в голове, просто сесть и записать, и вот кто-то издал, обидно. Хотя, как я поняла из аннотации, это не совсем то, что я хотела сделать, но все-таки, идею украли... И еще у меня есть идеи всяких моделей одежды, три главных идеи: модели «галифе», модели «пantalоны» и модели «школьный фартук». Помнишь школьные фартучки у девочек, с воротничками? Ах, какие воротнички я придумала! Можно воротничок и фартучек, а задница голая...

После второго захода я захотел выйти вон. К морю. Надоел этот сумрак в четырех стенах. И ее: «Ты великолепный ёбарь! Ты что, стесняешься? Тебя смущает слово «ёбарь»? Ебать тебя не смущает, а слово смущает?»

Она почувствовала, что я хочу вырваться.

— Ты мне еще два раза должен. За то свидание, что пропустил.

— Нет уж, что упало, то пропало.

— Ничего не пропало. Ты не волнуйся, я тебя раскачаю. Ты сможешь. А не сможешь, я тебя изнасилую.

И навалилась. Пришлось силой снять с себя. Хиханьки-хаханьки, но после этого я уже решительно заторопился. А тут еще звонок.

— Пора, — говорю.

На обратном пути закапризничала:

— Как-то все в конце испортилось... Мне плохо... Ты знаешь... мы с тобой видимся редко, всего раз в неделю... когда-то мне этого было безумно мало, но сейчас я привыкла, и я сумела заполнить свою жизнь..., но этот раз в неделю ты должен отдать мне полностью, я должна чувствовать, что ты мой, а не мечешься где-то... Я, когда с тобой, для меня ничего другого не существует. Я должна чувствовать, что хоть эти несколько часов ты мой.

Дорогой Матвей!

Ты меня порадовал письмом о «ресентименте». Идея богатая, но у этих гигантов мысли все как-то туманно. Я понимаю, что в бессилии некоторые пытаются найти добродетель (мораль рабов). Но если «мораль рабов с самого начала говорит “нет” “внешнему”, “иному”, несобственно-му, то чем она отличается от аристократической морали, что “произрастает из торжествующего самоутверждения»? Если «раб», говорит «нет» внешнему, навязанному силой, то он не раб, а аристократ духа, герой.

Я как раз перед этим накатал что-то вроде статейки, «хрип души», почти на тему, хоть и «актуальную», завтра понесу в газету, уверен, что зайчики не возьмут. Называется «Выбор судьбы». Но пока дело со статьей не решилось, посылать ее тебе не буду (для тебя в ней нет ничего нового), пошлю уж вместе с ее судьбой.

Всегда твой
Наум

12.3. Утром уже привычный двойной звонок. Сначала Р: «Я тебя обожаю. И все время тебя хочу».

Потом Л.

— Уже похоронили. Сын так и не вылетел — невозможно достать билет. И у меня нет обратного билета, поставили на лист ожидания. И из Женевы нет билетов, не знаю, что творится... Он меня ждал. Он просто меня ждал...

Голос ее стал сдавленным.

У Жени умерла мать, проводили в последний путь. Эдик успел из Флориды. Седые короткие волосы, совсем американец.

Похороны, когда речь идет о людях, созревших для могилы, превращаются в оживленную встречу родственников и знакомых, которые по другому поводу редко собираются вместе.

— Вот, — сказал Меир, — отойдя от могилы. — Конец известен. Ничего нового...

Потом я оказался рядом с Феликсом.

— Вот, суетимся, мобильные телефоны (покрутил в руке мобильный телефон), и вдруг раз...

Эти, — он кивнул на похоронное братство, — злые, как черти. Поживиться нечем: участок мы давно купили, машина не нужна. Он меня спрашивает: это нужно? Я говорю — не нужно. А это нужно? Не нужно. Тогда он говорит: «И бихлал еудия?¹» Ну, я только этого и ждал. Я говорю: «Сарра, бат Шломо, еудия ётер мимха!²» Сам-то таймани³ плюгавый. В общем, ни копейки им не дал.

¹ «Она, вообще, еврейка?» (ивр.)

² «Сара, дочь Соломона, еврейка больше чем ты!» (ивр.)

³ Йеменит, из Йемена (ивр.).

Матвей, привет!

По твоей наводке я заглянул в «Ресентимент в структуре моралей». Шелер интересно рассуждает, а по психологической изысканности не уступит и Фрейдю. Но должен признаться, что само понятие ресентимента осталось неясным. Допустим, тебя обидели, а ты отомстить не можешь, слаб, или просто «дороже выйдет», и ты загоняешь это чувство мести «внутри», «переживаешь». Такие переживания организм отравляют, согласен. И вот, начинаешь лечить неутоленную месть самовнушением, что я, мол, «выше этого», что у меня «другие интересы» — схема понятна, но что он называет ресентиментом, чувство неутоленной обиды, или процесс трансформации этого чувства в самовнушение, переключение на другую систему ценностей, оправдывающую неутоленность обиды? И как это у него получается, что Французская революция это «взрыв ресентимента»? Если «рабы» восстали реально, а не в морали, проявили свое чувство мести, а не стали сублимировать, то где тут «ресентимент»? Боюсь, что во всем виновата идея Ницше, будто христианство это еврейская месть Риму, которая всем понравилась (Ницше был мастак на яркие метафоры), и Шелер просто стал ее «разрабатывать». Но и эта ницшевская «теория происхождения христианства», на мой взгляд, не канает. Я могу понять человека, совершающего мысленную трансформацию тупика трусости в перспективу «всеобщей любви», создающего для себя «перевернутую» систему ценностей, психология дело темное, но как перипетии личной психологии становятся идейной основой жизни для «широких масс», становятся религиозными ценностями? Допустим, что христианская зараза «любви» захватила какую-то (как мы знаем, небольшую!) часть евреев Рассеяния после Иудейской войны и разрушения Храма, но почему она вдруг охватила победителей, не боявшихся проявлять свои чувства, и не страдавших от мук «отложенной мести»? Даже средневековая христианская Европа была весьма воинственна и слабость не демонстрировала.

Признаюсь, и мне нравились у Ницше его обвинения христианства в интеллектуальном криводушии, в подмене «подлинной» ситуации всякими «замещениями», в результате чего оболганной и искаженной становится сама действительность, но как именно в такой искаженной системе ценностей возникла такая могучая цивилизация, великая культура? А слабость и нерешительность современного европейца (со времен Ницше) — это какое-то позднее явление этой культуры, оно скорее связано со смертью христианства как живой веры (Бог умер)...

Всегда твой

Наум

Позвонил Л.

— Ты у мамы?

— Ага.

— Много народу пришло?

— Да, приходят...

— А сколько ему было, когда он в Израиль приехал?

— Он двенадцатого года рождения... значит... семьдесят три было...

— Так что он уже не работал?

— Нет. Он как инвалид войны пенсию получал.

— Аа. А на войне он чего делал?

— Ничего.

— А чем он вообще занимался?

— Он был подпольный бизнесмен.

— Да? А где ж твои соболя?

— Он был скромный. Его товарища, не такого скромного, расстреляли. А он был очень осторожный. Его только однажды посадили, и то потому, что его отец был раввином. Да, дедушка был раввином.

— Так у тебя настоящая еврейская семья.

— Да уж, не шуточная...

13.3. Утром, когда гулял, позвонила Р. «Голубое сало» ей нравится. Вообще с Сорокиным я ей угодил. Говорили минут 20, я уже несколько раз пытался сказать «ну ладно» (нет-нет, только не говори «ну ладно!»), пока, наконец, ни сказал, что у меня уже рука отсохла. Сразу обиделась. Через пару минут позвонил:

— Ты что, обиделась?

— Немножко...

— Не обижайся. У меня, правда, рука устала.

— А что, нельзя в другую руку переложить?

— У меня уже обе устали... И вообще, я не могу долго говорить по телефону...

— А ты не говори, ты только слушай...

Позвонил Зайчику.

— Марк, я тут сочинил кое-что, жажду вам показать...

— Давайте, Наум, давайте!

Радостный помчался в газету. Зайчик листочки опасливо покрутил.

— «Хуй» нигде не торчит, — успокаиваю. — И «жопа» тоже.

— И на том спасибо.

Сказал, что позже посмотрит, и обязательно сегодня же сообщит.

Телефоны, люди, дела, шуточки. Зашел крупный, чернявый с проседью мужчина. Глаза быстрые, бесовские.

— Наум, хотел вашу книжку купить — нигде нет.

— Аа, да, нигде нет. Я вам ее принесу.

— Потом спрашиваю Зайчика: «А кто это?»

— Подражанский.

14.3. Позвонил утром Р, но быстро закруглил.

В одиннадцать встречаюсь с Л.

Наум, привет!

Раз 'ресентимент' тебя «озадачил», имеет смысл на этой теме по-топтаться. Занятно, что при прикидочном обдумывании («за разноской газет», — отметил бы Розанов) мои мысли двигались в том же направлении, что и твои. Действительно, понятие ресентимента само по себе мало что дает. Верно и то, что его ущербность вытекает из «психологического» генезиса. Сомнительны социологические применения (то, что ты говоришь о Фр. революции, верно). Согласен и с тем, что не все ясно с христианством. Ну и, конечно, решающим был бы выход на базовый (для меня) уровень: правомерно ли строить аналогию между магией и ресентиментом? И твое сравнение с Фрейдом очень уместно, так МШ в открытую пользуется понятием «замещения». Цитирую: «Не получая разрядки, аффекты превращаются в душевный динамит, именуемый ресентиментом. В этом случае аффекты претерпевают процесс, который Ницше, хотя и не описал в деталях, но совершенно определенно имел в виду и который лучше всего было бы назвать вытеснением. Вытеснение особенно эффективно там, где эти душевные переживания как бы лишаются объекта. И тогда мы имеем дело не столько с боязнью — она всегда предполагает определенный объект, — сколько с глубоким чувством скованности жизни, называемой страхом, а лучше сказать, запуганностью, забитостью» (с. 50). / Не знаю, читал ли МШ к этому времени (1912) Фрейда, но он настойчиво изобретает велосипед; причем не только фрейдовский, но и — наперед — хайдеггеровский (1928) с его различием 'страха' и 'тревоги'. / Здесь можно пойти двумя путями: коротким и длинным. Короткий означал бы развитие (с коррективкой, разумеется) твоей аргументации по намеченным пунктам. Длинный предполагает предварительное изложение точки зрения МШ по узловым вопросам. Несколько поколебавшись, я выбрал длинный путь — хотя бы потому, что без этого остался бы за скобками самый интересный для нас (на мой взгляд) аспект проблемы: Ресентимент&Христианство. Дело в том, что суть выступления МШ — его спор с Ницше о христианстве. Ницше говорит, что христианство — это квинтэссенция ресентимента, а МШ возражает, что как раз наоборот: христианство враждебно ресентименту, а вот враг христианства — «современное человеколюбие» (под ним МШ понимает либеральный гуманизм) — это самый в натуре ресентимент.

Для правильного понимания МШ надо учесть два обстоятельства. Во-первых, в этой своей ранней работе автор стоит еще на христианских позициях (причем католических, что не очень обычно для немца). В зрелом творчестве МШ полностью пересматривает свои религиозные взгляды и разрабатывает очень смелую и весьма пессимистическую внеконфессиональную систему, враждебную христианству (хотя и «иде-

алистическую»). Каким образом трансформировалась идея ресентимента в его новой системе — это особый, и очень интересный, вопрос. Второе обстоятельство состоит в том, что МШ хотя и спорит с Ницше по вопросу о христианстве, но находится под его сильнейшим влиянием. Фактически он перенимает у Ницше всю систему оценок и терминологию и доказывает только, что Ницше «ошибся» в применении этого критерия к христианству (то есть сам критерий он не оспаривает).

Остановлюсь на третьей главе книги «Христианская мораль и ресентимент». МШ начинает с признания: объяснение Ницше «настолько глубоко, что заслуживает более серьезного анализа, чем любое другое из идущих в том же направлении. Я подчеркиваю это как раз потому, что считаю его, в конечном счете, *абсолютно ошибочным*». Какие аргументы приводит МШ?

Любовь.

Все дело в «направлении движения» этого чувства. Все античные мыслители, поэты, моралисты сходятся в одном: любовь — это стремление «низшего» к «высшему». /От себя сформулирую «по-платоновски»: это «эрос недостатка»/. «Если бы мы были богами, мы бы не любили». Аристотелевский «нус» хотя и движет миром, но, будучи самодостаточным, он движет им «как любимый движет любящими». В христианстве совершился «поворот движения» любви. Любовь, наоборот, должна проявляться в том, чтобы благородный снизошел до неблагородного, здоровый до больного, богатый до бедного, добрый и святой до злого и подлого, мессия до мытарей и грешников. На место вечного «перводвигателя» мира приходит «создатель», сотворивший мир «из любви» к нему. Откуда эта «смена направления»? Неужто ее источником послужил ресентимент? «Чем больше я размышлял над этим вопросом, тем яснее мне становилось, что истоки христианской любви совершенно чисты и свободны от ресентимента и что в то же время нет другой идеи, которую существующий ресентимент мог бы использовать с такой легкостью, чтобы симулировать ту или иную соответствующую этой идее эмоцию». Сущность жизни состоит в росте полноты бытия, а вовсе не в «самосохранении». По сравнению с этой естественной способностью любить и жертвовать проявления инстинкта «самосохранения», всякого рода «эгоизма» — уже признаки скованной, ослабленной жизни. Своеобразное равнодушие к внешним средствам жизни свидетельствует не о безразличном отношении Иисуса к жизни и ее ценности — это знак глубочайшей и таинственной веры в силу самой жизни и внутренней уверенности в ее безопасности перед лицом разного рода механически-случайных стечений обстоятельств. «Эгоизм, боязнь смерти (в античные времена она была так распространена, что целые философские школы провозглашали своей целью «освобождение от страха перед смертью») — признаки деградирующей, больной, надломленной жизни. В эпохи наивысших подъемов витальности отношение к жизни и к ее концу было спокойно».

Поскольку Бог — это любовь, естественно изливающаяся от полноты, естественно сильному и здоровому изливать благодеяния на сырых и убогих. Это истинно христианское отношение, в котором нет ни грана ресентимента. Только благостное снисхождение и способность к нему от избытка силы и величия. Между тем существует и другой способ, которым снисходят до малых, сырых и убогих, в корне отличный от описанного выше, хотя и поразительно похожий на него с чисто внешней стороны, а именно когда любовь возникает не от избытка внутренних жизненных сил. В этом случае любовь становится лишь красивым названием для бегства от самого себя. Такая «ресентиментная» любовь — не что иное, как замаскированная ненависть, вытесненная зависть, злоба и т.д. Ненависть, у которой не хватает смелости обнаружить себя, легко выражается в форме притворной любви, любви к «чему-то», что имеет противоположные ненавистному черты. А так как ненавидят «богатство», «силу», «жизненную энергию» (все то, чего ненавидящему не достает), якобы «любят» как раз сырых и убогих.

Любопытен момент, когда МШ выходит на «архитектонические» параметры, то есть касается важнейшего, с моей точки зрения, вопроса о монизме/дуализме. Адепты «ресентиментной» любви очень любят рассуждать о воздаянии, ожидающем этих людей (сырых и убогих) на «небесах» за их невзгоды, а «небеса» оказываются перевернутым земным порядком («последние будут первыми»). Становится ясно, что человек, находящийся во власти ресентимента, стремится переложить на Бога месть, которую он затаил против богатых, которую не в силах осуществить сам, чтобы по крайней мере в фантазии с помощью потустороннего механизма наказаний и воздаяний утолить ненависть, неутолимую в посюстороннем мире. Очевидно, что у подверженных ресентименту христиан сердцевину идеи Бога по-прежнему образует мстительный Иегова. Для них «Царство Божие» не пребывает в органической, переживаемой связи с царством зримым, так что законы ценностей и законы воздаяния, значимые и действующие уже в зримом царстве, в «Царстве Божием» находят лишь более чистое и совершенное выражение, — оно стало для них «потусторонним», чем-то, что механически противостоит «посюстороннему» (антитеза, неведомая всем живым эпохам в истории христианства) и представляет собой некую бытийную сферу, в которой знакомые тени людей и событий, движимые ресентиментом, отплясывают свой танец в ритме, обратном земному.

Индивидуализм и асоциальность христианства.

Откуда такая тяга Христа к грешникам? Не проявление ли это ресентимента? Ставя во главу угла спасение души, евангельская мораль сохраняет строго индивидуалистический характер. Если судить с социальной точки зрения, важно, чтобы не совершился дурной поступок. Иисус же судит наоборот: грешник, который грешит, лучше грешника, ко-

торый не грешит, и греховный импульс которого уходит внутрь, отравляя его индивидуальную сущность, даже если в первом случае обществу наносится вред, а во втором этого удается избежать.

Аскетизм.

Не есть ли христианская аскеза проявление мстительной ненависти к миру, то есть затаенного ресентимента? Существуют две первичные формы аскетического поведения. К аскетизму может привести отчужденное отношение к собственному телу, доходящее в иных случаях до ненависти («тело — темница души»). Здесь отправной пункт к дисциплине тела — не любовь к собственной духовной сущности, необходимая для ее совершенствования и спасения, а первичная ненависть к телу, задним числом пытающаяся создать видимость заботы о «спасении души». В основе «ресентиментной» ненависти к телу лежит попытка оправдать бессилие в овладении разного рода жизненными благами; отсутствие таланта к работе, приносящей хороший доход, приводит к императиву бедности; эротическая бездарность и половое бессилие — к заповеди целомудрия; неспособность к самоуправлению — к покорному подчинению и т.д. В этом же духе Ницше считает возможным толковать и сущностное ядро христианской аскезы. Аскетический идеал представляется ему оценочным рефлексом уставшей, приходящей в упадок жизни — жизни, подсознательно ищущей смерти. Однако аскеза может иметь совершенно иное происхождение и абсолютно иной смысл. Она может иметь чисто воспитательный смысл и использоваться для подготовки народа в определенных целях, например к войне, охоте и т.д.; таков был смысл спартанского, крайне «аскетического» воспитания. Во-вторых, более высокая и благородная форма аскезы та, что вырастает из богатства, силы и полноты жизни; ее смысл и ценность заключаются как раз в апофеозе жизни и ее прославлении. Наибольшей силой будет обладать не та жизнь, которая деятельно проявляет себя в максимуме целесообразно приспособленных к ней механизмов, а та, которая при минимуме все еще способна существовать и развиваться. Такая аскетическая мораль есть не что иное, как выражение силы жизни.

Жизнь и ЦБ («Царство Божие»).

Но когда имеешь дело с такой глубокой гипотезой, каковой стала гипотеза Ницше о происхождении христианской морали, то недостаточно — признав ошибочной — просто отвергнуть ее; надо показать, как Ницше впал в такое заблуждение. Причина не только в ложном понимании христианства и в ложном ценностном масштабе, которым Ницше его мерил. Она коренится и в действительно имевших место искажениях христианской морали самими христианами. Эти искажения произошли уже на ранних стадиях в ходе исторического взаимодействия христианской морали с выросшими на совершенно иной исторической почве ценностями, во многом определившими ее дальнейшую судьбу /эллинизм подгадил/. Ницше, исходящий из «жизни» как высшего принципа,

не понимает, что христианство ценности укореняет в Царстве Божиим. Этим еще ничего не сказано относительно того, в какой мере «Царство Божие» — «трансцендентное», «потустороннее» или «имманентное», «живое» по отношению к миру, насколько оно представляется верующему доступным как экзистенциальная форма, то есть достижимо ли оно только после смерти или кажется вечно «настоящим». В любом случае под ним понимается независимая от ценностей жизни сфера бытия, служащая фундаментом для всех остальных экзистенциальных сфер. Непонимание этого ведет к тому, что христианские ценности соотносятся с масштабом максимального способствования жизни, с точки зрения которого — если допустить, что он верный, — они и в самом деле выглядят как ценности упадка (в биологическом смысле). Ницше, не мудрствуя лукаво, принимает этот масштаб. Однако жизнь, в том числе в ее высшей форме, для христианина не «высшее благо»; таковой жизнь представляется ему лишь постольку, поскольку она образует собой арену для прорыва в мир «Царства Божиего». Там, где сохранение жизни вступает в противоречие с реализацией сущих в ЦБ ценностей, она ничего не стоит, и от нее отказываются, какой бы ценной она ни казалась в соответствии с принципом жизненного максимума. Хотя в христианстве тело понимается не дуалистически — как «темница души» (Платон), — а как «храм Святого Духа», это лишь «храм», а не носитель высшей ценности.

Таким образом, любовь — это не служащая жизни духовная активность, а то, благодаря чему жизнь впервые обретает высший смысл. Поэтому вполне обоснованно требование отказа от жизни, требование пожертвовать ею, если в результате этого ЦБ, мистическая связь с которым через поток духовных сил и есть любовь, пополнится ценностями. Так как Ницше предубежденно считает христианство, прежде всего, религиозно «обоснованной» моралью, а не «религией», и измеряет христианство масштабом, сознательно отвергаемым христианством, — масштабом максимума жизни, он просто не может истолковывать предположение о существовании некой возвышающейся над жизнью сферы иначе, как признак упадочнической морали.

Социальный аспект.

Поскольку христианская любовь направлена на духовное ядро личности, опирающееся на ЦБ, Иисус был далек от того, чтобы, исходя из требования любви, основывать новый государственный строй или новый экономический порядок. Он спокойно признает сословные различия между господином и рабом, императорскую власть — вообще все те естественные инстинктивные факторы, которые делают отношения человека к человеку враждебными. В его учении нет и намека на идею «всеобщего человеческого братства» или восстановления «универсальной жизненной общности, нивелирующей различия в индивидуальности народов /МШ оказался «антиглобалистом»; но это и камень в огород

тех, кто настаивает на «универсализме» христианства/, которую стоики идеализировали в доктринах всеобщего разумного естественного права и «мирового государства» (космополитизм — понятие, несущее на себе печать Стои) /вот кто универсалисты-глобалисты!/. Нет у Христа и целей создать независимое еврейское государство; он не возражает также и против войн между народами /МШ был в этот период (накануне и во время первой мировой войны) настроен «патриотически» (если не шовинистически)/. Такие требования, как мир во всем мире или прекращение борьбы социальных классов за власть, выходят за рамки проповеди Иисуса. В частности, кажущееся парадоксальным требование возлюбить врага своего не имеет ничего общего с современным девизом /пацифистским/ «Только никакой вражды!» или восхвалением тех, кто по натуре своей попросту не способен к вражде, — тех, кого Ницше называл «современными ручными стадными животными». Смысл в том, чтобы мой самый заклятый враг, против которого я борюсь за правое дело всеми доступными средствами, стал в ЦБ братом. И точно так же к христианским ценностям относится не подавление позыва к мести, влечений к власти, насилию, господству, а свободный акт принесения в жертву этих присущих любому нормальному живому существу инстинктивных побуждений. У кого нет жажды мести, тот не может простить.

Христианство и демократия.

Вот почему едва ли не самое глубокое заблуждение — рассматривать христианское движение, основываясь на неопределенных аналогиях с известными формами современного социального и демократического движения. Между тем этот образ Христианства, в свое время весьма распространенный, оказал большое влияние на представление самого Ницше о христианском движении. Никогда не утверждало христианство и «равенства душ перед Богом». Христианству абсолютно чуждо представление о равноценности любого «перед оком Божиим», о том, что в основе всего ценностного аристократизма человеческого бытия лежит якобы лишь предрассудок. Такому представлению радикально противоречит хотя бы уже христианское воззрение на «небеса», «чистилище» и «ад» /отзвук католичества/, а также внутренняя и внешняя аристократическая структура христианско-церковной общности, находящей непрерывное продолжение и завершение в незримом ЦБ.

Прежде чем приступить к «критике», мне хотелось бы узнать, показались ли тебе убедительными аргументы Макса Шелера (по возможности конкретно: какие? в какой мере?).

P.S. Что означает сегодняшняя резолюция СБ ООН (о признании Палестинского государства)? Кажется, инициативу выдвинула Америка? Надо сказать, наше ТВ до сих пор держится пристойно: сегодня показали сюжет, разоблачающий французских корреспондентов-антисемитов,

сфабриковавших с подачи палестинцев сюжет о «хладнокровном убийстве» палестинца, «забыв» упомянуть о том, что его тело пришлось потом разминировать при помощи робота.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Я раньше никак не мог понять, в чем смысл притчи о блудном сыне, она казалась мне воплощением нелепости христианства: одного сына, честного работника, отец держит «в черном теле», а другому, гуляке и шалопаю, стоит только вернуться и покаяться (все прогулял — куда деться), как отец ему пир устраивает, рад до небес, что вернулся. В жизни, конечно, всяк бывает, но это ж притча, тут «мораль» важна, а в чем она? Грехи, мол, грехам, вину и страстной ночи, шепча заветное «аминь», как сказал поэт, а потом покайся и — как с гуся вода? Но получается (Шелер недоумил), что я мыслю примитивно и пьесу не понял (утешает только, что попал в компанию примитивов вместе с Ницше). А суть её в том, что безгрешных нет. Иисус ведь сказал тем, кто приволок прелюбодейку дабы по закону забить ее камнями: кто без греха, пусть первый бросит в нее камень, и мужички праведные рассеялись. То есть по Иисусу праведники — лицемеры (его конфликт с фарисеями!), нет праведности в природе! Есть только грешники, и делятся они на тех, кто честен с самим собой, и на лицемеров, или того хуже — фанатиков, подавивших в себе грешные позывы, в них-то и сидит ресентимент: тут, по Шелеру, и фарисеи, следящие за своей «социальной фигурой», и стойки, коим важно «себя уважать», и даже те, «кто после “проверки собственной совестью” считает себя “праведным” и “добрым”». «Закоренелый грешник всегда признает плохое в своей душе. Причем я имею в виду не только признание на словах, перед людьми, но и признание перед самим собой, признание путем деяния, в котором исполняется грешная воля. Пусть то, в чем он признается, плохо и грешно, но само признание прекрасно! Этим он очищает свое сердце и не дает распространиться заразе, которая у человека, вытесняющего злые импульсы, захватывает все новые и новые слои личности». Вот почему для Иисуса «грешник, который грешит, лучше грешника, который не грешит». И отсюда в христианской системе упор на раскаяние. Шелер пишет: «Иисус, очевидно, понимал, что великий, крутой поворот в отношении к жизни и к ее смыслу, которого он требует от человека, — поворот, на христианском языке именуемый “второе рождение”, — легче совершить грешнику, чем “праведнику”, стремившемуся день за днем, шаг за шагом к тому идеалу, что предписан Законом. В “грешнике” сокрыта могучая сила и пластичность жизни, он как бы неисчерпанная возможность!» Кстати, в каббале есть такая идея: греховность дает энергию к исправлению, такую «энергию заблуждения». Но если вернуться к притче, то получается, что отец счи-

тает своего старшего сына-трудягу «фарисеем», лицемером, который перед ним выслуживается ради будущего наследства, а сын-гуляка — «честный грешник», а честность — единственная основа праведности! Только неясно, на чем основано подозрение отца в лицемерии старшего, а ведь это подозрения Отца Небесного... В притче об этом ни слова.

Вот ты спросил: «Откуда такая тяга Христа к грешникам?» И точнее: к отщепенцам, изгоям (тем же мытарям). Обрати внимание, что любим в притче о Блудном сыне именно младший брат, то есть не первенец, не главная ветвь. Есть еще один, самый важный, практический аспект «работы» Иисуса именно с грешниками. По сути, его деятельность, практически, заключалась в вербовке сторонников. И для этой цели годились, прежде всего, грешники и отщепенцы. Во-первых, потому что сам был отщепенцем. Талмуд рассказывает о его сомнительном происхождении, к тому же он стал «расстригой»: есть любопытная история (психологический этюд) как он учился у известного раввина, но как-то за общей трапезой сморозил в адрес строгого учителя некую двусмысленность «по женской части», и раввин его из группы изгнал. И вообще найти сторонников на бунт (ведь он и в Храме бузил, и даже грозился его разрушить) среди «мейнстрима» у него не было шансов. А «грешникам» он мог хотя бы пообещать «отпущение грехов», мол, вы исторгнуты за греховность, а я вам скажу: вы честные ребята (грешности не скрываете), покайтесь, и я подарю вам Спасение и ЦБ, а клянущие вас — лицемеры, им фигу с маслом. Тут еще и верный психологический ход: он дарит грешникам, не в будущем, а уже нынче, «положительный имидж»: де все грешны, но вы лучше всех, потому что внутренне честны, и умны, поскольку способны к самоиронии, а значит и к осмысленному покаянию, вы — соль земли, а «праведники» — либо лицемеры, либо глупцы, либо фанатики. Толково действовал, в духе движения протестантов, когда лицемерная «идейность» ксендзов уже достала. И был еще один аспект его обращения к простолюдинам-«грешникам», связанный с сутью его проповеди, но это уже мои «надумки» (к роману готовил), не зря же он водился с общиной отшельников в Иудейской пустыне, оттуда все пошло. Но это отдельный разговор, может, при случае.

А у Шелера я бы еще отметил идею о «глубоко индивидуалистическом духе евангелизма». Т.е. христианство есть учение экзистенциальное, а Царство Божие — это состояние души. На мой взгляд, все эти философские придумки Кьеркегора, Шелера, а потом и Хайдеггера, то, что стали называть экзистенциализмом, — попытка спасти изнемогающее христианство, спрятать его в глубь «душевных переживаний» (моя душа, что хочу то и ворочу). Сам-то Иисус действовал в кипящей среде иудаизма, глубоко чуждого индивидуализму, а в тот период еще и насыщенного до предела духом «конца времен», охваченного, я бы сказал, мессианской, эсхатологической истерией (нация на грани нервного срыва). Эти народные мессианские чаяния, конечно, были связаны с на-

деждой на освобождения от римского ига и счастливую, свободную жизнь по воле Господа и его царя-посланника, и только это счастливое — и близкое! — будущее могло ими пониматься как Царство Божие. Не знаю, в чем была суть проповеди Иисуса (то есть у меня были соображения на этот счет, но это большая и отдельная тема, как-нибудь обсудим при случае), но как бы то ни было, поскольку он сам задержался со вторым пришествием, пришлось перевести стрелки народных чаяний на «будущую жизнь», а когда и эта вера иссохла, стали строить ЦБ в душе, как особый мир личных переживаний, как высшую форму духовной жизни, как систему ценностей (прежде всего «любви»), мол, это и есть тот «высший смысл», ради которого становится «вполне обоснованным требование отказа от жизни, требование пожертвовать ею». Конечно, Ницше «не понял» всех этих мудрствований, полагая, что нет ничего выше жизни, и считая, что все эти построения «над жизнью» — «признак упаднической морали». Я, как ты понимаешь, на стороне Ницше, а не Шелера. И вообще не понимаю этой любви-снисхождения от полноты жизни, или «полноты бытия», как и вообще абстрактной «любви». Даже если принять идею, что Бог сотворил мир от некой преисполненности (тоже, кстати, каббалистическая идея самоумаления, цимцум, Он как бы «сжал себя» и дал место миру), то почему это называют «любовью», назвать, конечно, можно по-всякому, но почему это обязывает обычного человека любить сырых и убогих? Не все же такие «богатые» чтобы изливать благоденствия. И зачем помощь ближнему, вполне естественное и древнейшее проявление человеческого (и не только!) общезжития и взаимодействия, раздувать до принципа «всеобщей любви»? (А уж как животные помогают друг другу! — их тоже Христос надумил?) И у Шелера полно «психологических» проколов. С какого, например, бодуна сильный и богатый должен втайне злобно завидовать сырым и убогим? А то, что нынче демонстрация «всеобщей любви» стала в обществе обязательной, как соблюдение догматов веры, то это та самая лицемерная «фарисейская» праведность, доводящая обычное сочувствие до абсурда веры в то, что кто слаб, тот и прав, и чуть ли не свят — очень удобная мораль для нынешних леваков, готовых в борьбе за счастье угнетенных перебить всех, кто им покажется «благополучным».

Всегда твой

Наум

Подхватил Л у ее дома. Вдруг пошел сильный дождь, почти ливень. Но пока доехали до Пальмахим, все стихло, даже солнце выглянуло.

На краю площадки с буфетом, прямо над морем, железные, единого литья столики и стулья. Немного ржавые. Уселись лицом к морю. Рядом копошится в мусоре черно-грязная меланхоличная собака. Берег грязный как помойка.

— Дай-ка я Зайчику позвоню... Чтобы знать точно...

Я набрал номер. На работе его не было. Набрал мобильный.
— Марк? Приветствую вас, это Наум, Вайман.
— Да, Наум.
— Так что там слышно... каков ваш приговор?
— Понимаете, я вчера не успел... только бегло посмотрел...
— А.
— Но уж очень вы категоричны.
— Да, я такой, кхе-кхе...
— Но я еще внимательно не прочитал. Давайте отложим этот разговор до воскресенья?
— Давайте.
Раздались звуки арабского барабана, такой бубен в виде больших песочных часов. Это один из компании возле машин стал настукивать ладонями энергичный и тревожный ритм.
— Ну что? — спрашивает она.
— Говорит, что я категоричный.
— Хх-ха.
— А уж я так старался, смягчал как мог, наступал на горло собственной песне... Вот назвал правительство бандой капо, а потом убрал. Слово «банда» убрал.
Она рассмеялась.
— А статью мне принес?
— Принес...
Я достал статью, она углубилась в чтение.
— Тебе не скучно — говорю. — Все это сейчас читать?
— Нет.
Барабан бьет тревожно, воинственно. Вдоль моря гуляет босиком девушка в вязанном обтягивающем платье с большим белым бульдогом.
— Неплохой звуковой фон к статье, — говорит она.
Парень наяривает искусно, всё наращивая темп, почти яростно. Она оторвалась от статьи: «Я могу ее взять домой?»
— Возьми.
Смотрели молча на море, слушали барабан. Мне хотелось ее обнять, но я почему-то не решался. Араб принес кофе.
— Спасибо. Сколько я тебе должен?
Он чуть замешкался:
— Пятнадцать шекелей.
Я достал двадцатку.
— Будем считать, что двадцать.
Он улыбнулся и пожал плечами, мол, хозяин — барин. Отведали. Кофе добрый.
— Как тогда в Галилее, помнишь? — говорит она.
— Помню.

— У Мордехая... Тоже кто-то играл рядом. А потом ты взял гитару...

— Да... А вообще мне... мне жалко, что ты далеко...

— Почему далеко? Вот она я... рядышком...

— Да...

— Знаешь, маме странный сон приснился. На следующую ночь. Очень явственный. Что папа к ней вошел в комнату, не молодой, но молоде... И она ему говорит: «Ты меня прости, если я что-то сделала не так...» А он ей говорит: «Ты все сделала так, чтоб я был с тобой счастливым». И представляешь, такой явственный был сон, что она встала и пошла в его комнату, ей казалось, что он там... А вообще удивительно... Так получилось, что... и то, что я в последние минуты была с ним. А у нас всегда была с ним какая-то связь... такая незримая... Представляешь, если бы он умер, а меня бы не было? Все было бы иначе. А так я была все время с ним, держала его руку. Он уже на второй день не хотел продолжать, срывал с себя маску, капельницу. И глазами мне так показывал, что мол, хватит, все. Больше не хочу. И то, что мы за неделю до этого все вместе справили ему день рождения, и он даже такой тост сказал, который мы все запомним... Ну, про все. И про страну, что надо ее защищать. Я думаю, что все это тоже его подкосило... Как будто он все рассчитал и приготовил... И он как-то всех отпустил. Такое странное чувство легкости, никакой горечи или печали. И у мамы тоже. Странно...

Из моря вышла стайка парней в черных блестящих костюмах, с досками для серфинга.

— Смотри, как пингвины, — сказала она.

Потом мы пошли к морю, собака за нами. Гуляли вдоль кромки, хрустели ракушками. Я не удержался и стал ей рассказывать о Р. Мне очень хотелось рассказать ей о Р, о том, какая она необыкновенная, и о том, что я устал от нее...

Долго ходили, часа два. Солнце пекло лысину. Позвонила жена. Сочинил что-то про адвоката. Но шум прибоя... Контора, говорю, у моря.

— Ты знаешь, даже если она и играет, — продолжил я, — она играет на полную катушку, без халтуры, выкладываясь. И какая мне разница, как жена говорит: аикар ааргаша¹, а она дает это чувство — что тебя любят, и когда... а я уже раза три пытался с ней завязать, остается ужасная пустота, вдруг холод и пустота, ужасное ощущение, и каждый раз я... И еще, что мне было важно, с моим комплексом мужской неполноценности, что она с первого же раза дала мне чувство... полета, знаешь, каждый акт можно сравнить с отрывом от земли, до сих пор были такие прыжки, чуть дольше, чуть короче, но прыжки, а с ней — я выхожу в открытый космос, у меня такое чувство, что я могу это делать вечно, и мне нужно прилагать какие-то особые усилия, чтобы кончить...

— Ну, со мной ты тоже, кажется, не спешил...

¹ Главное это чувство (*ивр.*).

— Да, но с тобой это все-таки были прыжки, такие затяжные прыжки, с зависанием, балетные такие (мы засмеялись).., но все-таки не полет. С тобой я все-таки искусственно себя сдерживал...

— Я как-то не замечала.

— Ну, все усилия сосредоточены на том, чтобы не замечала.

Мы долго гуляли вдоль моря, и я все рассказывал о Р. Потом отвез ее домой.

На обратном пути, уже около дома, позвонила Р. Была натянуто весела.

— Я рад, что ты позвонила.

— Правда?

— Ага.

— А я тоже рада... что слышу тебя, я ужасно скучаю.

— Я тоже, — соврал я.

— Позвони мне завтра утром, я буду одна.

— Хорошо.

— Позвонишь?

— Обязательно.

— А что Зайчик, взял статью?

— Нет, сказал, что я слишком категоричен. И чего-то это меня разозлило. Надо на него надавить.

— Да, прижми его животом в коридоре...

— Он большой.

— Да? А я его себе представляла маленьким, и с большими ушами.

— Нет, он очень большой и толстый. И усы завел, они у него странно черные. Красит, наверное. Он же мой ровесник...

— Тогда купи ему пучок морковки.

15.3.

Матвей, привет!

Тут есть еще один потенциальный клиент, но несколько другого профиля, и мои списки могут его вдохновить лишь частично. Он вообще такой «всеядный», но склонность имеет к военной истории, истории вообще (в более популярном изложении), всякие биографии, еврейские дела и прочее. Худлитература интересует его в меньшей степени, во всяком случае, под указанными «углами». Так что если тебе не трудно, составь ему список пошире, что-нибудь съедобное и соблазнительное, глядишь, и клиент появится. Твои условия я ему объяснил, и он их принимает. А что Соколов, помалкивает?

А я вчера случайно наткнулся на комментарий Михаила Леонтьева из ОРТ («Однако») на израильские темы и поразился их «правым» уклоном, и тем, что главный израильский источник у них Авигдор Эскин. И все было бы хорошо, но уж чересчур несло антиамериканизмом (с п-

режимом, если не передегериванием фактов) и желанием доказать, что место Израиля под крылышком России, а не Америки. А после этого я еще прочитал в газете «Вести» ответ Дугину нашего «правого» журналиста Конторера. Дугин пытается в последнее время уловить кое-кого из «русских» израильтян, затраханых террором и возненавидевших на почве собственного бессилия американцев (вместо того, чтобы ненавидеть свою банду капо), привлечь их в свое «евразийское дело». В таком совпадении нетрудно проследить некую одобренную сверху тенденцию, впрочем, робкую. Возвращаясь к теме «русско-еврейского сближения» (и тут книга Солженицына оказалась актуальной!), замечу, что некое смутное «желание» такого сближения наблюдается с двух сторон, но что-то нездоровое, неестественное ощущается в этих робких попытках, какая-то возня в темноте двух подростков, замирающих в страхе, что кто-нибудь из взрослых вот-вот застукает их за неблаговидным занятием... Сама же полемика (Дугин — Конторер) задевает напрямую наши темы, там даже слово «рессентимент» мелькает, и по этому случаю я написал Контореру и попросил адрес его сайта, может, тебе любопытно будет почитать.

Всегда твой
Наум

16.3.

Наум — Матвею

Хочу вернуться к Шелеру, а точнее — к теме «любви».

У греков, по сути, нет любви, а есть стремление к совершенству. Единственное исключение — любовь к мальчикам. Но и это не любовь (как и к женщинам), а половое влечение. Нет любви и у евреев. Бог Саваоф (Воинств), Эль Накман (Мстящий), нервный, ревнивый, мятущийся, мстительный иудейский Бог не был Богом любви, Шелер прав. И книга Иова в этом смысле яркое тому доказательство: Бог не любит несчастного Иова, а держит его за примерчик в могучих спорах с Сатаной, «пучает сверху», объясняя дурню, как мир устроен, и где в нем его жалкое место. Бог евреев — Бог произвола, а не Бог любви, если он и отец, то очень жестокий, требующий веры безоговорочной, без философских подпорок или морализаторских объяснений, он требует своеобразного героизма в вере (Кьеркегор это «ухватил» и Авраам у него «рыцарь веры»). Нет никакой любви и у Ешу. Сам он был крут и жесток, обещая уничтожить целые города, если не «примут» его. А требование бросить умершего отца (или мать, не помню) и иди за ним, «пусть мертвые хоронят своих мертвецов» — тут не много любви, даже милосердия.

И в Нагорной проповеди говорится не о любви, а о непротивлении злу: «я же говорю вам: любите врагов ваших и молитесь за тех, кто гонит вас, ведь если вы будете любить тех, кто вас любит, какая у вас заслуга? Разве мытари не делают того же?» Какая-то получается изнаси-

лованная любовь: изнасилованные должны любить насильников, а иначе ему неинтересно, любить любящих тебя, мол, и дурак может... И тут он, кстати, непроизвольно выдает свое презрение к мытарям, хотя, «политически», готов их звать за собой.

Концепт «любви» возник в христианстве позже, может, от Павла («Если имею дар пророчества, и знаю все тайны, и всю веру, так что могу и горы переставлять, а не имею любви, — то я ничто»). И возник как требование. Но можно ли требовать от человека любить кого-то или что-то? По Шелеру «В его учении нет и намека на идею “всеобщего человеческого братства” или восстановления “универсальной жизненной общности”, нивелирующей различия в индивидуальности народов, которую стойки идеализировали в доктринах всеобщего разумного естественного права и “мирового государства”». Я вообще не пойму что такое «любовь», и Шелер мало что прояснил мне в этом вопросе. И защита христианства у него больно сложная. Кстати, ты пишешь, что он немец, а у него мать еврейка, т.е. он галахический еврей!

Все религии любви (послушать мусульман, так и Ислам религия любви), обретя власть, вводят запреты и жесткие правила с набором наказаний для несоблюдающих. А внутри общины верующие соревнуются кто святее, кто истовой «соблюдает», себя не жалея. А уж если себя не жалеет, он и другим не спустит. Когда иудей живет один среди гоев, он святой человек, никому не мешает, тише воды ниже травы, а как только «их» становится много, они перегораживают улицу, а то и квартал, а то и город, и там уже и на машине в субботу не сунешься, и в короткой юбке не пройдешь, и лавку со свиным мясом не откроешь. А христиане так вообще рвались весь мир «обратить», причем огнем и мечом. Мусульмане тож, а чуть что — за ножи, за оскорбление пророка голову отрежут.

Всегда твой

Наум

17.3.

Наум, привет!

То, что ты написал о «национальных особенностях русско-еврейского сближения»: «нездоровое, неестественное... возня в темноте... страх, что застукают», — все это глубоко верно и точно схвачено. Я читаю сейчас книгу Якова Бромберга «Евреи и Евразия» (для тебя уже припас, да некогда на почту съездить), составленную Дугиным и оснащенную статьями Авигодора Эскина и самого Дугина. Леонтьев из их компании (участвовал «в качестве наблюдателя» в работе дугинского Евразийского съезда), хотя этим не исчерпывается; он неглуп, смел, разбирается в экономике, говорит на «нашем» языке (вообще у нас на телевидении это, на мой взгляд, единственный обозреватель с мышлением аналитика) — и от этого особенно монструозен. Наглядное свидетельство разлагающего воздействия «еврейского ресенти-

мента» (он, между прочим, еврей) на любую — даже не обделенную способностями — душу. Но речь не о нем. Сам Яков Бромберг, сформулировавший свои еврейско-евразийские тезисы еще в конце 20-х, куда интереснее. Мутный, безъязыкий, но не мелкий, а с диким пафосом, со своей логикой сумасшедшего, местами неотразимой. Какое же это мучительное чтение! Не оставляет чувство, будто занимаешься чем-то постыдным — и тебя вот-вот «застукают», «возьмут за шиворот», «выставят напоказ». Впрочем, дождусь, когда книга до тебя доплывет — тогда и поговорим.

Приведу несколько выписок из установочного выступления Дугина на этом съезде. Это нечто невообразимое по стилистике. «Максимально евразийской спецслужбой по определению является ГРУ, военная разведка. Приход бывшего офицера ПГУ Владимира Путина — это важный симптом. Усиление КГБ на нынешнем этапе является важным евразийским элементом. С надеждой и упованием всматривается народ в Президента Путина. На нас поставили крест, нас приговорили к неизлечимому инфаркту. Сердце бьется едва-едва, неуверенно. Вот и Путин колеблется: “быть или не быть?”. Но даже в его неуверенности сквозит тихая надежда, далекий и отраженный отблеск предрассветных зарниц. Вы еще узнаете, кто на самом деле “мистер Путин”, и мало вам, уверяю, не покажется. Без мистера Путина не будет истории. Но с мистером Путиным зреет новый аккорд столкновения цивилизаций, причем с неожиданным для многих исходом. Мистер Путин — прелюдия евразийского пробуждения. Мы — нация космического масштаба, и никакой недостаток, никакая стабильность и никакой разумный эгоизм нас никогда не удовлетворит. Мы в резонансе с высшими силами, мы с ними возвышаемся и с ними сострадаем. Мы — народ Божий, и наши горести и болезни способен урочевать лишь Создатель».

Конечно, пришли мне адрес сайта Контрера или, может быть, лучше сами статьи.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Твои цитаты из Дугина ярко освещают клиническую картину русского национализма: глубочайший и крайне болезненный комплекс неполноценности. Да еще плюс инфантилизм. «Космическая нация», «народ божий»... Неудивительно, что евреи для такого измученного непризнанностью сознания просто красная тряпка для раненого быка: это они, гады, место «народа божьего» заняли, что же делать... Изобретать другого Бога? Можно только посочувствовать. Тут самое место для разговора о русском ресентименте. И возникает мысль, что русский ресентимент не менее «чудовищен», чем еврейский, во всяком случае, он носит те же типологические признаки «уязвленного самолюбия» и «ос-

корбленности», ставшей судьбой. Здесь же и «экзистенциальная зависть» к еврею. Все это так очевидно, что странно, как это никто еще не писал об этом, или я просто не в курсе?

Вчера смотрел программу «Зеркало» со Сванидзе и Мироновым, который, оказывается, наделал в России шуму своим «поступком» — отказом от встречи с Арафатом (Израиль его «поступок» проигнорировал). Во всем этом явно прослеживается какая-то «линия», идущая сверху. Сванидзе и намекал, что Миронов «близок» к Путину и часто «озвучивает» его идеи. Какая-то здесь идет попытка совместными усилиями чуть ослабить «американский гнет»... Брала обширнейшее интервью у нашего Либермана, который недавно вышел из пр-ва (хотят «завалить» Шарона). Показывали «визит арабских послов к Зюганову», показывали бесноватого Жириновского, который кричал, что Зюганов антисемит и американский наймит, а он, Жирик, защитник арабов и Ислама. Если, говорит, Америка нападет на Ирак, я выведу тысячи людей на улицы Москвы в знак протеста... Цирк.

Кстати о Дугине. Нашел в Сети его статью (в «РЖ») о театре, могла бы тебя заинтересовать, говорит «на нашем языке» (ритуал, антропология...). Правда, не совсем то говорит, язык, видишь, люди быстро осваивают, но мышление это не меняет...

Всегда твой
Наум

Позвонила Л. Есть возможность «вырваться». Ладно. Поехали в Яффо. Кажется, сексом мы, не сговариваясь, решили больше не заниматься. На почте (по дороге) встретил Т. Вдруг кто-то сзади положил теплую лодонь, с любовью положил, на лысину... Обернулся... Приятно сознавать, что ее все еще тянет ко мне. Прямо упала на меня, растеклась по телу. Ну и поцелуи. Испытав благодарность (вредное чувство), я подарил ей книгу (взял с собой для Подражанского), а ведь не хотел... Не поймет ведь правильно. Рассказал об этом Л. «Не бойся, она ее не прочтет».

В Яффо погуляли в порту. Море шумит. Качаются разноцветные яхты. На пустыре за мастерскими живописно валяются ржавые шхуны.

— Скажи, — говорю, — вот бывают места, которые вызывают сексуальные ощущения?

А здесь был наш «Бени-рыбак», теперь место заброшено. Сели в «Фишмен». Взяли рыбу и пиво. Обслуживала статная русская деваха. Когда в первый раз проводил ее взглядом, Л усмехнулась. Дул ветер.

Напомнила, что я хотел позвонить Зайчику.

— Марк?

— Это я.

— А это я.

— Да, Наум. Тут такие дела...

— А что случилось?

— Да нет, ничего, просто суета ужасная... Ну что я вам скажу...
— Мы тут посоветовались и...
— Да... Вы понимаете, очень вы как-то... суровы. Попробуйте сделать помягче.
— Время такое, Марк...
— Ну да, пусть даже правда и на вашей стороне, но... все-таки помягче. Вы же знаете, я ваш поклонник, но уж очень вы...
— Ну никто ж, Марк, правду эту не пишет, что нельзя резню допускать, ну нельзя...
— Да-да Наум, конечно. Но все таки вы попробуйте помягче. И в четверг тогда встретимся, идет?
— Не знаю... Попробую...
— С боксерской такой мягкостью, да? Вот и договорились.
— Ну, что он сказал? — спросила.
— Чтоб я был помягче.
— Чтоб у него был помягче, — сказала.

18.3.

Сережа, привет!

Опять «напрягаю» тебя своим публицистическим неистовством.

Положение у нас, сам знаешь, аховое. Вот я и накатал нечто сердитое. А в родной газете редактор умоляет «помягче». Ну и я — к тебе. Покажи, как в прошлый раз в РЖ (или кому угодно), может, пригодится. Статья вроде не такая уж плохая. Ну, а нет — так нет. Опять же, если тебе по каким-то причинам возиться с этим делом несподручно, то, как говорится, никаких обид. Но ежели вдруг, паче чаяния, придется текст ко двору, то я готов, если есть такая надобность, писать периодические «фронтовые корреспонденции».

Как успехи у Василия? Привет Ире.

Всегда твой

Наум

Дозвонился до Подражанского, подъехал к нему в газету, преподнес книгу. Мужик на вид яркий. Черная как смоль борода с проседью. Статью взял, не глядя. Я ему говорю, что тут нюанс имеется, я ее сначала Зайчику отнес, а Зайчик не взял, так не возникнут ли на этой почве межведомственные трения?

— Да ну, что за ерунда, я сейчас все с ним улажу.

— Я ему тоже тогда позвоню, не хочу, чтобы он обижался.

— Позвоните.

Все та же редакторская суета: звонки, кто-то забегает, кто-то что-то показывает, требует, куда-то зовет. И все шутят, шутливо обсирают друг друга и, уже нешуточно, авторов, это любимое занятие. Котлярский зашел. Мобильный приклеен к уху. «Сейчас не могу, — в телефон, — у меня совещание...». Дружный хохот в комнате. «Да кто с таким говном со-

вещаться будет!» — «Паапрашу!» Рот у Котлярского щербатый, в черных дырах. У Подражанского мобильный «запел». «Не отвечай! — останавливает Котлярский. — Дай музыку послушать!» — «А ты спляши!» Котлярский перебирает на столе Подражанского рукописи. «О, “Заметки по поводу еврейских мук”! Красиво!» Подражанский стыдливо убирает рукопись в стол. «Это со дна моря, со дна моря». Заглядывает девушка. В брюках, остренький носик, стройная. Какое-то продолжение разговора о людях и арабах. Девушка: «А арабы и не люди, их нельзя людьми называть». — «А кто ж они?» — «Грязные собаки. Я их называю “грязные собаки”». Серьезная девушка.

По пути домой попал в пробку. Звоню Зайчику.

— Марк? Это Наум. Вы меня извините, что я вас терблю...

— Да, Наум.

— Я тут посмотрел статью — не получается смягчить. Вы понимаете, это не политическая статья, там никаких умностей или информации новой, она вся держится на возмущении, знаете, как Ювенал говорил: если нет вдохновенья, рождается стих возмущением. Как же тут смягчишь...

— Ну, Наум, попробуйте, попробуйте.

— Нет, Марк, не получается. Так я решил Подражанскому отнести...

— Да вы что, Наум! Этому бандиту? (Я делаю вид, что шутка, и смеюсь.) Он же совершенно непорядочный человек.

— В каком смысле (неловко хихикаю)?

— Во всех смыслах. А вообще я пьян, я тут немного выпил...

— Аа, дело хорошее.

— В общем, Наум, хоть чуть-чуть смягчите, и я беру.

— Ну, теперь вот не знаю, если он решит взять...

— Да я его уебу!

Звоню Подражанскому.

— Сергей, я тут Зайчику позвонил, он возмущен. Затопал ногами.

— Ладно, я беру его на себя. Сейчас иду к нему, я вам позвоню.

Действительно, позвонил.

— Все нормально, я все уладил. Объяснил ему, что у меня трудное положение, к Пасхе ничего нет, а у него полно помощников...

Сказал Л, что завтра не могу.

— Завтра ты в раю?

19.3. С утра поехали с Р в киббуц. Чувствовал себя устало. Домик не шикарный, кровати — нары, по-пионерски. Провалились до трех, и вышли погулять. Хамсин ушел, яркая зелень, прохладно, кусты с огромными желтыми цветами, обвивают кипарис аж до верхушки. Другие кусты с висячими красными цветами, как бахроме... Гуляли. Потом сели перед домом, обнявшись, долго сидели. Гадали на Розанове, я таскаю с собой «Мимолетное».

— Ну, давай, загадай. Ну, загадай.

— Суждена ли мне слава. Страница такая-то, такая-то строчка снизу.

— Знаешь что написано? Вот: «рукописи твои сохраню и буду перечитывать». Интересно. Еще загадай.

— Где я буду через пять лет?

— А теперь я скажу страницу и строчку... Ой, смотри, что написано: «Все уедем в Америку»...

— Да...

Стало холодно. Небо в тучах, но дождь не шел. Вернулись в дом. Легли в одежде и еще одеялами накрылись. А вокруг — никого. Так и лежали обнявшись. К семи стали собираться. Уже стемнело. Она сидит, закутавшись в одеяло, и смотрит перед собой. Вдруг сказала:

— Видел бы меня сейчас муж... Наверняка убил бы.

— Что за мрачные мысли.

— Сказал бы: опять за старое...

На обратном пути несколько раз повторила: «Странный день...»

20.3. Устал. Ремонт машины, потом к адвокату, потом поехал к Л. Завтра уезжает. «Ты не хочешь выпить?» — спрашивает. Поехали в ресторан в Мазкерет Батъя. Выпили бутылку красного, чуток закосели, но быстро выветрилось. Антрекот был сыроват. Вдруг с грустью заговорил об Р (мне все время хочется о ней говорить, а не с кем).

— Я собираю последние крохи ее красоты, последние крохи, но и они рассыпаются...

— Вот поэтому я и...

— В смысле?

— Не хочу...

— Ну, это ты зря!

И мы расхохотались.

Scheler

Наум, привет!

Если ты подумал, что я оставил Шелера, то сообщаю, что уже обдумал целый реферат о его трактовке монизма и дуализма под названием «Макс Шелер: Архитектоника спасения». Но беда в том, что на меня опять накатила «текучка» (срок сдачи перевода), и нет времени все это изложить, хотя материал подобран, и вся система аргументации у меня в голове выстроена. По той же причине не могу сейчас ответить на твои отдельные замечания, хотя они очень интересны: ты фактически «раскусил» Шелера, чем меня несказанно порадовал. Я отозовусь на них позже, а пока замечу на бегу, что Макс вообще-то был человеком крайне честолюбивым и явно метил в «духовные лидеры», но его карьера кончилась катастрофой: в 1928 году вышла книга Хайдеггера «Бытие и время», и всем — в том числе и самому МШ — стало ясно, кто «вышел в гении». МШ тут же умер, в расцвете сил. По большому счету МШ достиг

многого: он совершил очень перспективный «антропологический поворот» в философии, и «научная антропология» началась именно с него. Но это заметили позже, и его честолюбие осталось неутоленным.

Хотя он считал себя феноменологом и заморочил в этом смысле голову многим, на самом деле он исповедовал уже выходящую тогда из моды «философию жизни». / Любопытно, что Риккерт, старик-неокантианец «самых честных правил», издал в 1920 году книгу «Философия жизни. Изложение и критика модных течений философии нашего времени». Шелер у него там главный мальчик для битья. Риккерт пишет о нем без тени уважения: «Шелер обладает замечательной способностью выражать модные мысли, и притом в такой заостренности, что они наталкивают на критику. В ответ на его силлогизмы можно было бы сказать вместе с Ницше: “Нет надобности, чтобы кто-то опровергал этого мыслителя: для этого достаточно его самого”». (Риккерт. Науки о природе и науки о духе. М.: Республика, 1998. С. 277–278)/.

Всегда твой
Матвей

21.3.

Наум, текст статьи вчера показал в РЖ, там прочитали и отклонили. Сказали, что это не эссеистика, что это больше для ежедневной газеты.

Извини за известие.

А статью прочитал с интересом. Не берусь судить о содержании, поскольку не владею материалом, точнее, внутренним ощущением его.

Сами-то мы смотрим с ужасом в телевизор. Ощущение полного тупика. Столкновения Средневековья и современности. Почему-то самое тягостное, это то, что Восточный Иерусалим может стать мусульманским. Да еще в таком самом диком косматом варианте.

Сергей

Сережа, привет!

Спасибо за хлопоты.

Статью в конце концов взяли в другое место, но, увы, так или так, все равно ощущение, что все это «камень, брошенный в тихий пруд».

А Иерусалим совсем опустел, в Старом городе уже никто не гуляет, да и туристов почти нет.

Ну, давай, будь здоров.

Наум

Матвей, привет!

Проблема с этими «ценностями». Ладно еще когда они «оформляют» какие-то сложившиеся правила социального поведения, но когда каждый горлопан, каждый создатель идеологии норовит всех заставить

подчиняться своей системе ценностей, а по сути — стремится к власти (власть начинается с господства в умах), то дело плохо. Поэтому я против того чтобы ценности, как у Шелера, «возвышались над жизнью», и мне страшно (сказывается опыт тоталитарной идеологической власти), когда та или иная надстройка из ценностей подчиняет себе жизнь, направляет ее. Когда левые, например, твердят, что ценность «равенства прав» важнее жизни. А это означает, что врагу, которого тебе удалось повергнуть и осталось только добить (о чем говорит инстинкт жизни: враг оправится и вновь нападет), нужно протянуть руку, уравнивать с собою в правах и поделиться с ним не только хлебом, местом, но и оружием. Ты при этом рискуешь жизнью? Не беда, «любите врагов ваших, благотворите ненавидящих вас» — высшие принципы, стоящие над жизнью.

Вот и мифы о потустороннем мире веками владеют миллионами, кои и знать не хотят, что это не спасение, а паническое бегство в зазеркалье. Но ведь и в самом деле: есть мир предметов и действий (действительный) и есть мир мыслей-образов, которые руководят, пусть и частично, действиями, а значит, рвутся в реальность. Нужны какие-то барьеры «критицизма» на их пути. Не пора ли разобраться и с мифом «души», с этим дырявым мешком идей и воспоминаний, который таскаешь за собой, и надо бы выбросить хлам, но этот хлам — ты сам и есть.

Наум

Пригласила в свой любимый китайский ресторан между Лудом и Рамле. Здесь действительно вкусно готовят. И то, что бывшие ученицы тут в официантках, ее не смущает. Выглядит устало.

— Мне опять сон про тебя приснился. Что мы с тобой лежим в одежде, под одеялом, обнявшись, ну прям продолжение того, что было, и я тебе руки в штаны запускаю, и чего-то они у меня там запутываются в трусах, но, наконец, добираюсь и хватаю тебя, всего... Что бы это значило, растолкуй. А сегодня приснилось, что у тебя такие носочки на ногах, с подтяжечками, помнишь, давным-давно носили такие, у меня папа еще носил, такие резинки на уровне икр, с застежками, и носки к ним пристегивались, помнишь? Ну вот, так ты в таких носках, и я тебе их снимаю... Как-то я не догадалась во сне, надо было все у тебя оторвать и себе оставить...

Вина почти не пила.

— Мне надо быть сегодня трезвой. Внимательной и сосредоточенной.

— Это зачем же?

— Надо. ...Скажи мне еще раз, что ты меня любишь.

Потом сидели в машине на стоянке у ресторана, рядом заправка, куча людей шныряют, а у нее приступ интима: объятия, поцелуи, «А можно я потрогаю?» Заметив, что чувствую себя неловко: «А что, мы плохо себя ведем?» Потом вдруг засмотрелась, как какой-то шофер ссыт у мусорного ящика.

— Смотри, смотри, даже не заправил, копается в помойке, так и болтается у него...

— Это он решил тебе помахать.

— Побежал к машине, какая-то баба там с ребенком, — докладывает.

— Чего тебя так заинтересовало? Есть на что посмотреть?

— Нет, он странный какой-то. Вот, смотри, опять побежал, какой-то мусор собирает...

— И все еще болтается?

— Нет...

Потом вернулась ко мне.

— Тебе пора уже — говорю.

— А ты спешишь?

— Я — нет.

— Я не могу с тобой расстаться...

Вид у нее совсем измученный.

Потом поехал к Гробманам. По дороге звонок.

— Ты не представляешь, как я тебя люблю. Не представляешь. Ты хоть понимаешь, как я тебя люблю?

У Гробманов говорили о «смене декораций», что «старые» знаменитости: Генделев, Каганская сошли со сцены. Ира рассказала, как Каганская жаловалась властям, что бедствует, просила 18 тысяч.

Ира в восхищении от своего нового открытия — Гденича. Пишет, мол, «чудесные письма». Дала почитать. Письма как письма. Предлагает новый раздел: «отклики». На что? На все. Ладно, откликнемся.

22.3. Утром позвонила.

— А чего ты не звонишь?

— Я только что вышел. Ну что, как вчерашняя встреча, на которой ты должна была быть сосредоточенной?

— Как всегда, разочарование.

— Да?

— Всего 12 тыс. долларов.

— Не так плохо...

— Я рассчитывала на большее. Правда, будут еще. Может еще тысяча двадцать. И все.

— Ну что, поскольку это все из воздуха, то не так уж плохо...

— Да брось ты, это мелочи. Шесть уйдет на поездку летом, а шесть отдам дочке, ей надо подвал оборудовать.

Будто вижу со стороны: машина у помойки, ее усталое, измученное, старое лицо, близко-близко, глаза, которые только что были нежно-зеленые, тающие, вдруг свинцово-белесые, и мужик этот бегаёт с болтающимся членом вокруг помойки, собирает что-то, и ей предстоит свидание со щуками бизнеса, и она почему-то вцепилась в меня и не отпускает...

23.3.2002.

Позвонил Володе.

— Ну, ты жив-здоров? А то кругом снаряды рвутся...

— А мне похую, я в запое. Хотя конечно... Совсем заебали... Вот закончил одно большое стихотворение и отдал в «Сплетение», подборка будет...

— Молодец. А что не в «Зеркало»?

— Да ну их нахуй.

— Так-то оно так, но жалко, все-таки там заметнее.

— Может быть, может быть. Но мне уже остопиздело иметь с ними дело. И потом я Сошкину давно обещал...

24.3. От Л: В пять встала, читала Зингера. Мне нравится, как он описывает нас, он все про нас знает, какие мы, все эти метания, то так, то эдак, герой, запутавшийся с женщинами, некоторые места просто точно про тебя, я аж похолодела, когда прочитала... все-таки мы народ разболтанный, и он это хорошо рисует... Чего делаешь?

Верник позвонил. Охал. Про Юлию Винер рассказывал:

— Это же у нее под домом произошло, а она как раз шла домой и зашла в пекарню, я сам всегда в нее захожу, когда иду к ней, ей-то нельзя все это, но я знаю, что она стопку поставит, ну и... так вот, зашла она в пекарню, подумала: черт с ней с диетой, пропадай всё, встала в очередь, а впереди мужик толстый, и она вдруг передумала, взяла себя в руки и ушла, зашла в подъезд, на восьмую ступеньку поднялась, и тут рвануло...

От Матвея:

Вернусь к 'ресентименту'. По ходу дела придется затронуть фрейдизм и как-то по отношению к нему определиться. Что нелегко. Но я рад слышать это сделать.

Ясно, что в период написания рассматриваемой книги 'ресентимент' казался Шелеру чем-то вроде отмычки. В более поздних работах (сужу только по переведенным) эта проблематика сходит на нет (хотя в «Месте человека в космосе», написанном с совершенно иных позиций, Шелер рекомендует читателю эту свою работу). Если судить только по тексту «Ресентимента», заглавное понятие трактуется крайне поверхностно и неопределенно. Даже, я бы сказал, грубо ошибочно. Создается впечатление, что для Шелера идеал «психического здоровья» — это биохевиористская цепь «стимул — реакция». Там, где между звеньями цепи наблюдается заминка, пауза — там-то и подстерегает зловредный 'ресентимент'. Но «цепное» объяснение неприменимо уже по отношению к высокоорганизованным животным. Что уж тут говорить о человеке. Скорее, дело обстоит противоположным образом: человека формирует как раз «заминка», «пауза», которая вклинивается между звеньями реф-

лекторной цепи. Означает ли это, что во всех случаях «заминки» мы имеем дело с патологическим 'вытеснением'? Тогда самый здоровый человек был бы вообще не человеком и даже не животным, а механизмом. Из «заминки» возникают такие ценнейшие в эволюционном плане феномены, как «проект», «гибкость», «дифференциация» — словом, факторы лучшей приспособляемости. Далее. Шелер уточняет: речь идет прежде всего о мести, причем «отложенной». Для нее характерны два фактора: 1) торможение и сдерживание непосредственного импульса; 2) обусловленный этим перенос ответной реакции на другое время (ну погоди!). Отложенная месть основана на бессилии. То же и с завистью. Шелер пишет: «зависть приводит к формированию ресентимента только там, где речь идет о ценностях и благах, которые по самой их природе *нельзя приобрести* (например, чужие экзистенциальные качества — «экзистенциальная зависть»). По-моему, это грубейшая ошибка в трактовке ресентимента. Я сформулировал бы противоположным образом: зависть приводит к формированию ресентимента только там, где речь идет о ценностях и благах, которые *можно приобрести*. То есть о ресентименте в строгом смысле слова можно говорить только тогда, когда цель влечения *достижима*. Ресентимент — это результат надлома: человек пасует перед трудностями в борьбе за какие-то *достижимые* цели — и «делает из нужды добродетель», то есть выстраивает и теоретически обосновывает (не важно, на каком «философском уровне») свой отказ от борьбы тем, что цель якобы недостойна («виноград зелен»; — Эзоп и дедушка Крылов в басне о Лисе и винограде описали и поняли ресентимент лучше, чем Шелер). Для возникновения ресентимента необходимо, чтобы субъект «в глубине души» осознавал, что он «сдрейфил», и произвел подмену: вместо того чтобы признаться себе «Я отступил от трудно достижимой цели, потому что не был готов к борьбе и возможным лишениям», он говорит: «Я запросто мог бы этого добиться (цель легко достижима), но не стал этого делать, потому что эта цель противоречит моим высоким нравственным принципам». И тут мы подходим к важнейшему вопросу: так что же «вытесняется» при ресентименте? (Кстати, разве не «вытеснение» изобразил Эзоп в упомянутой басне? Значит, для понимания этого процесса вовсе не обязательно «знать Фрейда»). Сначала скажем, что *не* вытесняется. Не импульс к действию сам по себе. Не отказ от определенного действия. Импульс может быть ошибочным, и отказ оправданным — хотя бы тем, что такую-то вещь «по природе нельзя приобрести»; человек смиряется с подобными вещами на каждом шагу (в терминах Фрейда, «принцип реальности» вносит коррективы в поведение, подчиняющееся «принципу удовольствия»), и при этом происходит нормальное «воспитание чувств» (а никакой не ресентимент; иначе все человечество состояло бы сплошь из невротиков). /Кстати, многочисленные примеры, которые приводит сам Шелер, подтверждают, что для ресентимента нужна как раз *выполни-*

мость задачи: раб (или член касты) не подвержен ресентименту, а подвержен — член «общества смешения», где права провозглашены, но трудно осуществимы («видит око, да зуб неймет»)/. В нашем же, «ресентиментном» случае вытесняются не влечения (Фрейд рассматривал преимущественно вытеснение влечений), а вытесняется честный самоотчет — лживым. Тут и зарыта собака! Для конструирования категории ресентимента следует ввести понятие «инстанции самоотчета» (аналог фрейдовского Супер-Эго; я считаю расчленение субъекта на Оно, Эго и Супер-Эго большим достижением Фрейда). Отдавая отчет самому себе, я тем самым как минимум раздваиваюсь на «субъекта самоотчета» (того, кто отчитывается) и «инстанцию» (перед которой я отчитываюсь). Здесь важно отметить, что феномен 'самоотчета' предшествует феномену 'ресентимента' (я не могу солгать при самоотчете, пока нет самого акта самоотчета как сложившейся душевной институции). При этом феномен 'самоотчета' — это явление довольно высокого уровня душевной деятельности. Ведь это не просто «психическое явление», а в каком-то смысле «теоретическое осмысление» некоего первичного психического акта. В какой бы грубой форме ни происходил 'самоотчет' (он может ограничиться «внутренним мычанием»), тем не менее, он по своему статусу «метапсихичен»: это «акт об акте» (вторичный акт осмысления по отношению к первичному акту поступка). Если я «вытеснил» правду осмысления своего поведения, утаил ее от «инстанции» и подменил ложью, я безусловно навредил себе на метапсихическом уровне. Если такого рода «вытеснение» прошло «успешно» («инстанция» ни о чем не заподозрила; а на самом деле «сделала вид», что ни о чем не подозревает), значит, подорван сам «акт самоотчета» (как институция): скомпрометирована как «инстанция» самоотчета, так и его «субъект». Исходя из этого, выстраиваю «проект дальнейшего поведения в сходных ситуациях» (потому что акт самоотчета нужен как раз для «выработки проекта»), который будет неадекватным уже потому, что исходит из ложных оснований. В результате у меня сформируются «принципы» (чисто ресентиментные), которые будут тщательно оберегать меня от прямых контактов с действительностью. Я буду не решать реальные проблемы, а «задабривать жизнь». Думаю, что из приведенного анализа можно сделать, по крайней мере, два вывода. 1. Ресентимент — феномен довольно высокого, метапсихического уровня. А это значит, что в нем задействованы не только — и, главное, не столько! — психические явления типа «влечений», сколько акты уровня «теоретического самоотчета». 2. При этом «вытесняются» опять же не «влечения», а одни теоретические модели другими: а именно — правдивая, но «неудобная» теоретическая модель вытесняется лживой, но «щадящей».

Здесь я подхожу наконец (благо представился повод) к «первому блюду» (если вспомнить «самоотчет» Андрея Битова, который каждый раз добирался только до закуски) — а именно, к своей теории «рацио-

генных эмоций». Я просто вынужден на ней остановиться, потому что как раз на этой почве происходит мое размежевание с Фрейдом. А размежевание с Шелером уже вторично и производно, и если выявить первое, то второе определится само собой. Так вот, как я уже сказал, у Фрейда вытесняются *влечения*. На этот счет у меня нет особых идей, поскольку я не психолог. Ну, вытесняются и вытесняются, и шут с ними (а может, и не вытесняются). Другое дело, когда Фрейд придает категории «вытеснение» философский, или, как он выражается, «метапсихологический» смысл. Тут и происходит «роковое смешение». Фрейд в своем «вытеснении» сваливает в одну кучу и стандартное (для него) вытеснение влечений, и гораздо более сложные и тонкие случаи типа ресентимента, который я толкую как «вытеснение правды ложью при самоотчете». Важно осознать колоссальное различие — почувствуйте разницу! — между «вытеснением влечения» (по Фрейду) и «вытеснением правды ложью при самоотчете» (по Рувину). Что касается «вытеснения влечения», то, как я уже сказал, для меня это сомнительный и не слишком интересный феномен. Если бы Фрейд четко провел его анализ и действительно ограничился рассмотрением вытеснения *влечений*, то никакой «философии» (и даже метапсихологии) из этого не вышло бы. Это понятие «наращивает объем» именно в силу своей неопределенности. Точнее говоря, в силу того, что «контрабандно» («нелегально», «незаконно») включает в себя и понятия типа «ресентимента по Рувину». Получается не «по Фройдю» и не «по Рувину», а «по Фройдвину». Задача же заключается в том, чтобы четко развести эти понятия; иначе мы не выберемся из «вселенской смази» (из «Фройдвина»).

Здесь самое время вернуться к вопросу о границах применимости категории 'ресентимент'. Если это и в самом деле отмычка, то она должна быть релевантной на всех уровнях, включая основополагающие (по крайней мере для меня) уровни рефлексии и индивидуации. Очень соблазнительна мысль на каждой из «уровневых развилок» — например, на развилке между сотериологическими стратегиями Жреца и Мага — отождествить «злокозненную» стратегию (стратегию Мага) с ресентиментом. В таком случае ресентимент действительно стал бы чем-то вроде «универсальной отмычки». Но правомерен ли подобный подход? Здесь ключевой является категория 'индивидуации'. О ней со всей определенностью можно сказать только одно: она «пострефлексивна». Но в остальном статус ее неясен. Что есть индивидуация? Чувство? Процесс? Свойство? Я сказал бы так: это *свойство* обладать специфическим *чувством*, поддающимся *процессу* «снятия». Специфика этого чувства состоит в том, что оно «не первично»; в каком-то смысле это «искусственное» чувство, «чувство-надстройка» над «базисным» чувством. В общем-то, ясно, над каким «естественным чувством» надстроена индивидуация, — над чувством страха. Ясно и то, почему оно «вторичное» и «надстроенное»: между ним и «естественным чувством» существует некое

промежуточное звено. Парадокс состоит в том, что это промежуточное звено по своей природе относится не к эмоциональной, а к рациональной сфере. Чтобы реагировать на свою смертность, нужно ее осознать. Чтобы ее осознать, нужно проделать основополагающую (базисную) рациональную логическую операцию. Все учебники логики начинаются с выведения силлогизма: Человек смертен — Кай человек → Кай смертен. Чтобы вывести подобный силлогизм, необходимо отождествить себя с определенным родом, что невозможно без растождествления изначального индивидуально-родового единства. Единство преобразуется в сознании в дихотомию. Дихотомия позволяет отождествлять себя попеременно с Я, Ты и Он, а также — при определенных условиях (обеспечивающих «снятие индивидуации») — произвести синтетическое самоотождествление с «родовым существом» (заново обрести свою «родовую сущность»). Эти сложные материи можно разворачивать сколь угодно долго. В этом вопросе нет ни общепринятых трактовок, ни устоявшейся терминологии. Но кое-что все же ясно «поверх» трактовок и терминов. Возникновению 'индивидуации' предшествует этап рациональных логических операций, лежащих в основе теоретического рационального мышления как такового. И если индивидуация — это, хотя бы отчасти, *чувство*, то это чувство *рациогенное* (то есть порожденное — а точнее преобразованное — рациональностью; прошедшее сквозь горнило рациональности). Дело в том, что сфера рациональности, по видимому, не может *порождать* чувства. Чувства порождаются влечениями: удовлетворенные влечения порождают «позитивные» чувства, а неудовлетворенные — «негативные». В этом смысле «эмоциональная энергия» порождается только на уровне влечений. Другое дело, что эта энергия может быть затем, на более высоких, «рациональных» уровнях преобразована. (Рацио может «оседлать» первичные чувства, как всадник — коня). Такие преобразованные чувства — прошедшие через чистилище рацио, — я и предлагаю называть 'рациогенными'. Пройдя через это «силлогистическое чистилище», чувства становятся структурированными (в отличие от «слепых» влечений). А структурированные («рациогенные») чувства поддаются (в отличие от неструктурированных) снятию посредством архетипов. Потому что архетипы снятия индивидуации как раз и представляют собой структуры, «изоморфные» (хотя и «с обратным знаком») структуре рациогенных чувств. Только благодаря этому снятие индивидуации становится возможным.

Теперь попытаюсь объяснить, «для чего все это нужно». Фрейд, говоря о «вытеснении», имеет в виду, прежде всего, «влечения», ставшие источником «слепых», неструктурированных чувств. У вытесненных влечений два пути, «положительный» и «отрицательный»: либо они «сублимируются» (порождая «все высокое и прекрасное», в том числе и культуру), либо «гниют», загнанные внутрь, порождая неврозы. При таком подходе структуру 'сублимации' определить невозможно. (Тот же

Шелер в «Положении человека в космосе» пишет о теории Фрейда: «в ней нет и следа ответа на вопрос: *что же в человеке совершает отрицание, что вытесняет влечения и по каким различным основаниям вытесняемая энергия влечения один раз становится неврозом, а другой раз сублимируется в культуросозидающую деятельность?*». На этот «вопрос на засыпку» Фрейд действительно не дал — и, как я пытаюсь показать, — не мог дать внятного ответа). Возьмем понятие 'комплекса' (хучь бы и Эдипова). У Фрейда это не что иное, как «отражение» некоего типового события, основанного на вытеснении влечений. В чем же состоит производящая культуру «сублимация»? Что обеспечивает ее успех? Фрейд объяснял это тысячу раз, каждый раз чуть по-разному, но так и не объяснил. По-видимому, трагедия «Эдип-царь» представляет собой образец такой сублимации (если не она, то что же?). Но что «делает» эта трагедия? Она изображает «типовую» ситуацию, «обнажая» вытесненные влечения (сын на наших глазах убивает отца и сходится с матерью). Это «теория отражения» плюс «срывание всех и всяческих масок». Ситуация вполне парадоксальная. Ведь, согласно тому же Фрейду, культура начинается с табу (см. «Тотем и табу»). А структурируется соответственно ситуации «до табу». По-видимому, предполагается, что зритель «разряжается», «выпускает пар» (иллюзорно и безопасно нарушая табу вместе с Эдипом), обретая новые силы для соблюдения того же табу. (Но это я «вчитываю себя» во Фрейда: он не дает даже и такого объяснения.) Таким образом, искусство «портретирует» ситуацию «необузданного влечения». Что же это за «сублимация» («возвышение», «возгонка») такая, если мы возвращаемся к самому «низменному»? Если «вытесненное» во что-то «сублимируется», так это в табу. Но что «возвышенного» в запрете? Тем более что Фрейд видит гораздо более действенные способы укрепить запрет, чем искусство, и подумывает о необходимости как раз его ослабить.

В замечательной работе «Недовольство культурой» (1929) Фрейд формулирует дилемму: религия возникла либо из «океанического чувства» (точка зрения, высказанная его корреспондентом Роменом Ролланом), либо «из детской беспомощности и связанного с нею обожания отца». Фрейд недвусмысленно отдает предпочтение второй точке зрения. Аргументация такая: «Чувство может служить источником энергии лишь в том случае, если само оно выражает какую-то сильную потребность. Мне кажется неопровержимым выведение религиозных нужд из детской беспомощности...». При этом Фрейд с трогательной наивностью признается, что в его личном опыте эмоции типа «океанического чувства» отсутствуют: «Личный опыт не убеждает меня в том, что такие чувства первичны по своей природе». Трудно отделаться от мысли, что Фрейд был «симпатичным уродом», с той только поправкой, что уродство творца психоанализа было обусловлено не столько его личной идиосинкразией, сколько всецелой «вписанностью» в позитивистскую идею

логическую парадигму. Позитивизм любого толка несет на себе печать редуционизма: явления «высшего порядка» сводятся (причем без остатка) к неким «первичным данностям». Неудивительно, что Фрейд находит в своем опыте первичную данность страха и незащищенности и не находит там такой «первичной данности», как «океаническое чувство». Ведь любое чувство, по его мнению, «выводится» из потребности. Потребность в безопасности ясна и очевидна. Но на какую «первичную потребность» отвечает «океаническое чувство»? В том-то и дело, что эмоции типа «океанического чувства» (вся катартика относится к сфере переживаний подобного рода) «выводятся» не из первичных, а из «вторичных» потребностей, порожденных 'рациогенными чувствами' типа 'тоски индивидуации'. Эти «вторичные» потребности нередуцируемы к первичным; по этой причине Фрейд их «в упор не видит». Проблема с «океаническим чувством» усугубляется тем, что это не просто чувство «второго уровня», но и на этом втором уровне оно финальное, а не отправное. «Океаническое чувство» есть финал катартического процесса снятия индивидуации. Поскольку Фрейд вообще не видит «второго этажа» человеческой душевной жизни (при методологической установке редуцировать все к первичным потребностям), он, естественно, не видит и снятия индивидуации, и тех архетипов, которые направляют этот процесс. /В своем стремлении свести все к «первичной потребности» Фрейд доходит до вопиющего курьеза. Когда он столкнулся с тем, что одно только 'либидо' (Эрос) не способно объяснить наличие деструктивных импульсов, он «пришел к выводу о существовании другого влечения, противоположного инстинкту самосохранения», то есть «инстинкта смерти», Танатоса. Поразительна та легкость, с какой Фрейд вводит «новые первичные сущности» (даже ценой разрушения всей прежней системы), хотя принцип «бритвы Оккама», этот завет подлинно научной методологии, предостерегает нас: «Не вводите новых сущностей без крайней нужды!». Итак, если не видеть «второго этажа» душевной жизни (то есть рациогенной сферы) и того, что там происходит (снятие индивидуации), то какое может сформироваться представление об искусстве? Только крайне убогое, сводящееся к «выражению» первичных влечений. Но первичные влечения не имеют прямого отношения к художественным архетипам. «Вещество существования» культурных архетипов — это «вторичная», 'рациогенная' сфера эмоций. Первичные влечения выступают в произведении искусства только в качестве «носителей», «символов» вторичных чувств. Без них не удастся обойтись, поскольку у «вторичной сферы» нет собственной энергетики («конь и всадник»), но в результате переживания катартического цикла эстетический субъект убеждается в «тщете» первичных влечений; они «снимаются» в первую очередь в процессе снятия индивидуации. Никаких таких процессов Фрейд, повторяю, не видит. Он убежден в том, что интенция художественной воли исчерпывается «бессознательным вы-

ражением» первичных влечений. Но какой цели служит такое «выражение»? По Фрейду, это просто баловство, отвлекающее от тягот жизни. В статье «Недовольство культурой» искусство стоит в ряду таких «ценностей», как «красота, чистоплотность и порядок», но уступает им, потому что прилагает свои усилия к «иллюзорному миру». Культура предлагает в лучшем случае компенсаторный способ удовлетворения. По сути (хотя Фрейд не говорит об этом прямо), это утешение для слабых, игра в бирюльки. «Писатель как играющий ребенок творит свой фантастический мир и очень серьезно к нему относится». «Искусство почти всегда безобидно и благотворно, оно и не хочет быть ничем иным, кроме иллюзии. Если не считать тех немногих лиц, которые, как говорится, одержимы искусством, оно не решается ни на какие вторжения в область реального». Будучи чем-то ерундовым и не заслуживающим внимания с точки зрения собственных функций, искусство может, тем не менее, «послужить для пользы науки» — а именно для пользы психоанализа (которому оно «завещает свой труп»). Дело в том, что, «выражая» влечения в столь безобидной, иллюзорной сфере, художник бессознательно обнажает свою (а тем самым и «нашу») подноготную, то есть первичные, подавленные «цензурой Сверх-Я» влечения. Анализируя произведение искусства, психоаналитик «разгребает завалы», «срывает маски» и докапывается до «нутра». Но что это за нутро? — Доэстетическая реальность авторской биографии. Жан Старобинский пишет в статье «Психоанализ и познание литературы»: «психоанализ дешифрует, двигаясь вспять, от настоящего к прошлому, от литературного слова к сокрытому в нем желанию, словно срывая маски. Он проходит в обратном направлении дороги, которую уже прошел художник. Он полагает, что объяснил произведение, тогда как фактически он всего лишь вернулся к некоторым из предпосылок его возникновения. Такой метод, ограничиваясь исследованием материальной причины произведения, не принимает в расчет конечной его цели, того, что мы могли бы назвать модным словом 'проект'. Тем самым, погружаясь в рассмотрение «скрытых глубин», мы теряем само произведение» (Старобинский. Поэзия и знание. М., 2002. С. 65). Впрочем, сам Старобинский не очень представляет себе, в чем состоит этот «проект» (не знает Рувина). Я же прихожу к выводу, что психоанализ теряет произведение, потому что не видит «второго этажа» психики, ее 'рациогенной сферы'; по этой причине он не видит процессов (снятия индивидуации), которые на этом «этаже» происходят (не видит «цели» и «проекта», говоря языком Старобинского); по этой же причине ему остается только «докапываться» до первичных влечений. Таким образом, для Фрейда произведение искусства — это не терапевтическое средство (как доктор может смириться с наличием опасного конкурента?!), а лишь симптом. Когда психоаналитик анализирует произведение, он производит операцию, напоминающую вскрытие мертве-

ца. Оно может послужить науке и терапии не само по себе, не собственным воздействием, а будучи «разъясненным» специалистом (разъяснителем патологоанатомом).

Любопытно, что Фрейд характеризует художника в терминах, подозрительно напоминающих 'ресентимент' (так что твоя мысль о том, что «"дуализм" (спасение в снах) как-то связан с ресентиментом» очень эвристична, рукоплещу). По мнению Фрейда, искусство — это проявление желания (естественно, «первичного»), которое отказывается искать себе удовлетворения в реальном мире (художник — «слабак»). Желание в этом случае обращено в сферу вымысла, и Фрейд признает за искусством только власть *иллюзии* /как будто сфера индивидуации — не реальность, хотя и специфическая/. Искусство — это замещение реального объекта, достичь которого художник-слабак не в состоянии, объектом иллюзорным. Еще более любопытно, что в «Тотеме и табу» искусство сближается с магией. Идея Фрейда такова (собственно говоря, это ходячая идея тогдашней этнографии, которую Фрейд интерпретирует по-своему): в истории человечества выделяются три эпохи (фазы): анимистическая, религиозная и научная. Фрейд прослеживает судьбу «всемогущества мыслей» (собственно говоря, «магичности» в его понимании) во всех этих фазах. «В анимистической фазе человек сам себе приписывает это могущество, в религиозной он уступил его богам, но не совсем серьезно отказался от него, потому что сохранил за собой возможность управлять богами по своему желанию разнообразными способами воздействия. В научном мирозерцании нет больше места для могущества человека, он сознался в своей слабости и в самоотречении подчинился смерти, как и всем другим естественным потребностям» (Фрейд. Тотем и табу. // «Я» и «Оно». Том 1. С. 280). «В одной только области всемогущество мысли сохранилось в нашей культуре — в области искусства. В одном только искусстве еще бывает, что томимый желаниями человек создает нечто похожее на удовлетворение и что эта игра — благодаря художественной иллюзии — будит аффекты, как будто бы она представляла собой нечто реальное. С правом говорят о чарах искусства и сравнивают художника с чародеем, но это сравнение, быть может, имеет большее значение, чем то, которое в него вкладывают. Искусство, несомненно, не началось как *l'art pour art* /искусство для искусства/; первоначально оно служило тенденциям, большей частью уже заглушим в настоящее время. Между ними можно допустить и некоторые магические цели» (там же, с. 282). Но наиболее резко мысль о подменном характере эстетического удовольствия проводится во «Введении в психоанализ». Неспособный встретиться лицом к лицу с реальностью и достичь в реальном мире того, чего он желает, художник укрывается в мире фантазмов, в котором он может уклоняться от активных действий. Итак, мы снова столкнулись с 'ресентиментом' и, кажется, уже готовы ответить на вопрос о границах применимости этой категории. Мы видим,

что у Фрейда очень естественно и непринужденно объединились признаки ресентимента и магии. Было бы соблазнительно приписать этому объединению сущностное значение. Разумеется, от конкретной фрейдовской интерпретации надо сразу отказаться, поскольку он не видит разницы между магией и жречеством и неправомерно относит искусство по ведомству магии. Но, может быть, есть основания назвать 'ресентиментной' магическую стратегию спасения и 'нересентиментной' — жреческую? В этом случае категория 'ресентимента' действительно превратится в «универсальную отмычку», пригодную для употребления на всех уровнях рассмотрения соответствующих проблем. Честно говоря, эта идея поначалу показалась мне соблазнительной. Я довольно долго «прокручивал» в голове возможные схемы, но в результате пришел к неутешительному выводу: притянуть категорию 'ресентимента' к основополагающим сотериологическим стратегиям можно только ценой недопустимых натяжек, которые лишают ее сколько-нибудь определенного смысла.

Напомню, что в ходе предыдущего анализа категории 'ресентимента' я пришел к выводу, что о нем можно говорить только в том случае, если препятствие, от преодоления которого «отлынивает» индивид, преодолимо. Уклонение от преодоления препятствия переживается (не обязательно осознанно) индивидом как субъективная «слабость» (а не объективная «неизбежность») и порождает чувство вины (которого не было бы, если бы препятствие было непреодолимым). Однако при самоотчете перед Инстанцией (что-то вроде фрейдовского Супер-Эго) индивид «вытесняет» это осознание и подменяет истину ложью («я преодолел бы препятствие, если это имело бы смысл»; «виноград зелен»), и выстраивает новую «ценностную систему», призванную «подкрепить» эту ложь, «подвести под нее фундамент». Так вот, сфера индивидуации имеет дело с «непреодолимым препятствием» — а именно со смертью. При этом 'непреодолимость' (как то, с чем имеешь дело) не случайная «акциденция», а сущностное свойство индивидуации. Поэтому, какую бы сотериологическую стратегию ни избрал индивид, ему не из-за чего испытывать чувство вины и, соответственно, инициировать «вытеснение» (лгать перед лицом Супер-Эго). Далее. Ресентимент представляет собой результат лживого теоретического осмысления некоторого образа действий, рационализации влечений и связанных с ними поведенческих актов. Но сами влечения остаются «первичными», «естественными», «элементарными», — а не 'рациогенными' (они остаются на «первом» уровне, не переходя на «второй»). Хотя они и осмысливаются (рационализируются), но рационализируется только «первый», «естественный» уровень душевной жизни. А сотериологические стратегии имеют дело исключительно с 'рациогенными' эмоциями. Грубо говоря, единственная рациогенной эмоция — это «метафизический ужас» («тоска бытия»). Ее отличие от «эмоций

первого уровня» (которые могут быть разрешены устранением тех или иных препятствий на пути влечений) состоит в том, что он «неизбывен» (нет таких конкретных препятствий, устранение которых приведет к «разрядке»). Но, что характерно, нет и «влечения» (эмоции первого уровня), которое можно было бы «удовлетворить» (если не принимать совершенно неадекватного фрейдовского якобы первично-элементарного «влечения к смерти»). Отсюда второе принципиальное различие между ‘ресентиментом’ и магической стратегией спасения: в одном случае задействованы рационализованные первичные эмоции, в другом — рациогенные вторичные эмоции, подлежащие не рационализации, а ‘снятию’ (в жреческом варианте) или ‘культивированию’ (в магическом варианте). Осталась последняя возможность связать ‘ресентимент’ с магической стратегией спасения. По критерию «лжи перед Инстанцией» (Супер-Эго). Как тебе известно, я действительно считаю жреческую стратегию спасения «честной», а магическую — «лживой». В магическом (точнее, ‘супермагическом’) варианте сотериологической стратегии индивид таки производит своего рода «вытеснение» (лжет своему Супер-Эго): начиная с осознания «неизбежности смерти», он, тем не менее, конструирует такую «картину мира», где она «преодолевается» (причем буквально, в прямом смысле, путем «прямого спасения»). Конечно, он («современный» субъект магического пути спасения) скажет, что меньше всего думает о личном спасении (тем более о торговле: ты мне веру, я тебе — спасение), а, видите ли, «так уж устроил Бог» (хотя подозрительно, что Бог устроил именно так, как ему, субъекту, хочется). Почва для «нечистой совести» тут, безусловно, имеется. Но она выражается настолько иначе, чем в случае «классического ресентимента» (смотри два предыдущих пункта), что различие перевешивает сходство. Если уж называть «нечистую совесть» магического пути спасения ‘ресентиментом’, то надо дать специфицирующее ограничение — назвать его, к примеру, ‘метафизическим ресентиментом’ (в отличие от ‘просто ресентимента’). Кроме уже отмеченных отличий, отмечу еще одно: субъект ‘метафизического ресентимента’ (в отличие от субъекта ‘просто ресентимента’) не говорит, что цель (спасение) не существенна (как говорит Лиса в басне); он лжет не «в цели», а «в методе». По всем этим (и многим другим) причинам я прихожу к выводу, что между ‘метафизическим ресентиментом’ (это скорее метафора) и ‘просто ресентиментом’ (а это относительно точный термин, но не «метафизический», а нравственно-поведенческий) нет прямой связи (нет «единой цепи», в которой они — «необходимые звенья»), и мы поступим мудро, если ограничим употребление категории ‘ресентимента’ той сферой, где она «на месте», «у себя дома»: в моральной оценке поступка. Расширяя сферу употребления этого понятия, мы обязаны иметь в виду, что оно приобретает все менее точный (все более метафорический) смысл.

P.S. Я собираюсь съездить за книгами и на почту во вторник. Почти весь твой список я уже отоварил. Даю до кучи еще пару предложений <...>.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Твой блестящий психоанализ вновь вызвал ресентимент (уж было списанный мною за ненадобностью) к жизни! Как ты выражаешься, рукоплещу. И готов принять эту схему ресентимента: отказ от борьбы за труднодостижимые цели («видит око, да зуб неймет», «мы врага бы на рога бы, только шкура дорога») и построение «теоретических обоснований» для собственной трусости или бессилия. Причем именно «нравственных» обоснований: цель недостойна, ее достижение противоречит моим нравственным принципам. При этом происходит «вытеснение честного самоотчета», и это уже страшно в нашей конкретной политической обстановке. Вот мы много говорили с тобой о еврейском или даже русском ресентименте, но посмотри, как ведут себя лидеры Запада (европейцы особенно) в борьбе с исламским террором, их открытым врагом: они разнообразно «объясняют» эту враждебность таким образом, чтобы оправдать свое уклонение от решительных действий, прибегая и к «ложному самоотчету», то есть затачивая свои органы разведки на такие отчеты, которые позволили бы политикам уклониться. Т.е. политика выстраивается даже не по линии идеологии, а по линии трусости. Впрочем, «гуманизм» (в нашем случае) это и есть идеология трусости и чистой воды ресентимент.

Теперь насчет связи магии с ресентиментом. Вот ты говоришь о ресентименте как о чувстве вины за отказ от борьбы за достижимое, но труднодоступное, а поскольку смерть есть препятствие непреодолимое (бессмертие недостижимо), то страх перед ней чувство вины не вызывает, а значит и не диктует необходимость строчить самому себе ложные (магические) отчеты — ситуация ресентимента не возникает. Ты берешь здесь смерть «в сильной позиции» (крайней, пограничной ситуации), когда уже действительно не до ресентимента. Но ресентимент — дело практическое, почти житейское — имеет дело не со смертью, а со страхом смерти, когда твои действия могут костлявую приблизить. И ты стараешься избегать таких действий, объясняя себе их ненужностью. Зачем, например, мужество, решимость, самопожертвование? Это я, прости, опять про героизм (поп свое, а черт свое), как путь монизма, честного самоотчета, путь жреческий, и без всякого ресентимента. Я бы даже сказал, что там, где ты уклоняешься от героизма — впадаешь в ресентимент. Вообще-то героизм — встроенная основа коллективной (родовой) жизни. Но с ростом индивидуации человек все больше ценит свою жизнь и все дальше уходит от героизма как

«естественной» родовой ценности, и выстраивает новую — ложную! — систему индивидуалистических ценностей, да еще и магическую веру в свое всеислие (наука и техника).

А Фрейд, конечно, позитивист, хотя и с проблесками «модерна». И для него «произведение искусства — это не терапевтическое средство, а симптом», что верно, то верно. А цель произведения — компенсация подавленных желаний путем их освобождения в свободный полет грез (тех же образов). И Фрейд, ты прав, описывает именно магическое, репрессивное искусство (художник — «слабак», обращающий желание в сферу вымысла). Но проблема в том, что грезы-образы имеют наглость вторгаться в действительность и выстраивать ее по своему подобию...

Всегда твой
Наум

От Л: Спасибо за записки. Еще не прочла, но предвкушала весь день на работе...

Так статья уже вышла, или в след. номере?

Должна появиться в среду, но поди знай...
А настроение — так...

25.3. Утром, только вышел в парк, позвонила Р, и тут же отключилась. А я испугался, мне послышался какой-то вздох... Нет, показалось: позвонила снова. Пожаловался на настроение.

— Вот только когда голос твой слышу, радуюсь. Ты моя радость...

— Правда? Нет, ты, правда, так чувствуешь?

— Конечно, правда.

— А то ведь ты человек лукавый.

— Да, я лукавый...

— Ха-ха-ха! Вот это я люблю в тебе, когда ты признаешься: я лукавый, ха-ха-ха!

Опять восхищалась Сорокиным. Вот ведь как ко двору пришелся.

Он, говорит, маленький и худой. Да нет, говорю, вальяжный такой мужчина, красивый. В то, что красивый, не верит, и в то, что русский. «У русских не может быть такого юмора». — «А, по-моему, это как раз русский, несколько монструозный такой юмор...». Долго спорили: «Нет-нет, ты меня не убедил».

От Л: Половину записок прочла, очень хорошее чтиво. Честно говоря, я в последнее время не могу ничего другого читать. Потеряла интерес. Только тебя, да Каббалу... на работе завал после долгого отсутствия. Еще гуляла в лесу. Птички поют. И вспомнила Латрун.

А я в полном тупике с «подопечным». Все, что написал — чушь. И настроение от этого просто депрессивное. Странно, что такие вещи так влияют...

Позвонил Гольдштейн. Был с женой неделю в Риме. Там живет Саша Петрова с бой-френдом, она их опекала, показывала интересные места, куда туристы не ходят, в основном римское «замоскворечье», Трастевере. Говорит, что Петрова много работает, «крутится», мало пишет, не очень довольна своим пребыванием в Риме, а Рим провинциален, да, задворки Европы, Израиль тотально осуждается, причем именно интеллигенцией, они беседовали с одним, бывший коммунист, полностью поддерживает палестинцев. Я рассказал про знакомство в Бергамо: тоже бывший коммунист и тоже поддерживает палестинцев. «Интересно, — спросил он риторически, — почему в Европе такой обвал, такое тотальное осуждение, может, проснулся дремавший антисемитизм, вдруг получивший возможность морального оправдания?» — «В какой-то мере так, — говорю, — но не только это, просто левые на коне, все сочувствуют «угнетенным»...» — «И все-таки, — сказал он, — вот так посмотришь на Европу, на все это разложение и бессилие, и чувствуешь, что у нас люди все-таки покрепче, какое-то в них еще здоровое основание сидит, да, даже наши левые, у них другие взгляды, но они готовы к борьбе, и готовы воевать, даже эти, которые отказываются служить на территориях, как-то наши люди выглядят симпатичней...» Я еще посетовал на то, что не идет книга, начинаешь сомневаться в своих силах, может, лучше бросить, чем идти напролом. Он сочувственно откликнулся, да, мол, вечные дилеммы, и в жизни и в литературе, такие кризисы нормальны, даже необходимы, и у него тоже плохо движется, некогда писать, работа в газете заела, иногда пишет в автобусе. «Ну, — говорю, — замечательно, если есть такая энергия, большинство ее уже растеряло». — «Энтузиазм творчества еще есть, — отозвался он эхом, — но иногда кажется, что все так плохо, засмеют ведь, или не заметят, что еще хуже». — «Нет, — говорю, — хуже, если засмеют». — «Ну, — утешил он меня, — это все-таки вряд ли, не такие уж мы беспомощные, что-то умеем делать». Я его, конечно, поблагодарил за это «мы».

26.3.

Матвей, привет!

У нас вчера показывали организованную экскурсию светил мировой литературы в Рамаллу. Так сказать «визит солидарности», по всем старым советским правилам. Был там и Сарاماго, который «Евангелие от Иисуса» и лауреат Нобелевской. Сказал: то, что евреи вытворяют с арабами, что происходит в палестинской автономии — это «Освенцим и Бухенвальд». Нужен «особо благоприятный климат» для того, чтобы такая наглая нелепость «прозвучала», а не ударила бы бумерангом по

тому, кто ее произносит. А Сарاماго, каким бы дураком он ни был «по литературе» (я писал тебе, что его роман мне так с первых же страниц не понравился, что я его отбросил, будто кусок говна ухватил), по жизни-то, то есть по части пиара, наверняка не дурак, иначе бы Нобеля не заработал. А еще тут Гольдштейн приехал, был неделю в Риме, и говорит, что в Европе мы уже просто «прокаженные», что он беседовал там с одним интеллигентом, бывшим коммунистом, который горой за палестинцев, а я тебе рассказывал, что познакомился летом в Бергамо тоже с одним очень симпатичным бывшим коммунистом, который тоже, конечно, против Израиля. Сарاماго, как выяснилось, тоже коммунист. Это я все к тому вопросу, который мы уже затрагивали: чем объясняется связь левизны с этой, все сметающей на своем пути, волны «антисионизма»? Конечно, здесь все вместе синхронно сработало и детонировало: и массы мусульман в Европе (а это рынок и электорат), с которыми левые заигрывают, записав в «обездоленные», и арабские деньги (есть очень богатые обездоленные), на которые покупаются журналисты, писатели, теле- и радиокомментаторы, философы и т.д., и общий тренд борьбы с колониализмом, когда в палестинцах нашли чуть ли не единственный живой пример угнетенного народа, и латентный антисемитизм, которому вдруг представилась возможность «морального оправдания», и радостное освобождение от чувства вины за Катастрофу, мол, а сами-то вы не лучше (это дошло даже до нашего классика А.Б. Иошуа, кстати, жуткого левака). От себя добавлю, что евреи действительно, с явным пережимом, продолжают эксплуатировать европейскую, немецкую, а в последнее время швейцарскую «вину» с целью выбить миллиардные компенсации, эта борьба за компенсации уже вызвала пару лет назад сильную волну антисемитизма в Швейцарии и Германии, мол, сколько можно тыкать нам в рожу преступления предков. Европейцам надоело чувствовать себя виноватыми (да еще деньги за это платить), а тут такая возможность обвинить своих обвинителей, очернить свою жертву, и тем самым избавиться от морального дискомфорта. И в этом «освободительном движении» есть своя истина: евреям легко было обвинять государственные структуры во всяких преступлениях, когда они сами были лишь в роли угнетенного нацменьшинства. Но, обретя государственность, они вдруг столкнулись со схожей проблемой: есть враги, национальные конфликты, «пятая колонна», «идеологический подрыв», «подрыв единства нации» и т.д. Положение государственной нации не то, что положение народа в изгнании. В какой-то мере это возвращает нас к реакции на книгу Солженицына, хотя сама книга всю эту проблематику не разбирает.

Конечно, чтобы откровенно ненавидеть, нужно придумать и задействовать плакатные символы плохой-хороший, и в качестве такого разделения было ловко выбрано разделение сильный-слабый. Сознание, стремящееся к комфорту, не любящее «диалектических мук», сознание

«слабое», интеллектуально криводушное, сознание ресентиментное (!) всегда стремится упростить свой моральный выбор, и его легко убедить, что слабость — непременно жертва насилия, а сила — всегда насилие. И это работает: палестинцы — жертвы насилия, израильтяне — насильники. И тут все праведники встречаются и пляшут свой испуганный хоровод на той единственной и «универсальной» почве, на которой они только и могли встретиться и побрататься: на ненависти к евреям.

А по сему случаю поздравляю тебя с нашим прадником Свободы, праздником Песах, как говорят в наших краях: хаг херут кашер ве самеах! (праздника Свободы «чистого» и веселого! Да-да, «чистота и опасность», перед праздником неделю очищают дом от скисшего, «беур хамец».)

Всегда твой
Наум

27.3.

Наум, привет!

То, что ты пишешь, очень грустно, но деваться некуда: приходится признавать, что Европа источает зловоние. То, что говорит мой брат о Швеции, полностью укладывается в нарисованную картину. Противно даже пересказывать то, что выделывают тамошние СМИ и политики, обслуживающие исключительно арабскую точку зрения. Во Франции (кажется, пару дней тому назад) во главе десятитысячного антиизраильского шествия дефилировала кинодива Жюльетт Бинош (лавры Ванессы Редгрейв не дают покоя?).

Относительно твоих рассуждений о левачестве — христианстве — ресентименте мне нечего сказать, поскольку я с ними полностью согласен. Мне кажется, что, вопреки обыкновению (как правило, дело ограничивалось у нас «прояснением позиций»), мы можем гордиться обсуждением ресентимента; думаю, мы малость продвинулись в теоретическом понимании этого феномена, а это реальное достижение. Я рад, что моя идея 'рациогенности' тоже пришла ко двору, хотя понятие нуждается в уточнении по части места и границ его применимости. Нуждается в более детальной проработке и понятие 'справедливости'. В целом же я могу только приветствовать твое возвращение к ваймановской «базисной историософии» с пополненным теоретическим багажом.

Что касается присланных тобой материалов, то я их прочел с интересом. Буду признателен, если ты и впредь будешь перебрасывать мне то, что сочтешь интересным. Кстати, последняя новость: Серега Костырко получил позавчера «Русского Оскара» — первую премию (статуэтка, но без денег) за лучший сайт («Журнальный зал») в номинации «Литература в интернете». Что касается статьи Цветкова, то в его интересе к Эдичке есть что-то болезненно-извращенное (если не принимать во внимание их возможную «личную дружбу», в которую верится

с трудом). Когда видишь изыски Ц. на бумаге, все может показаться пристойно-эксцентричным. Но если открыть газету «Лимонка» (это грязный погромный листок) или послушать «ваххабита» Гейдара Джемала (в последнее время он пропагандирует исключительно две «идеи»: 1) Взрывы 11 сентября устроил Израиль; 2) Израиль, эта заноза в теле исламского мира, не имеет легитимного права на существование и подлежит уничтожению), академический эксцентризм Ц. и иже с ним не может вызвать ничего, кроме чувства брезгливости.

Так что — хаг кашер ве sameах! Будем чистыми и веселыми. А что еще остается?

Всегда твой
Матвей

Тебя тоже с избавлением от египетского плена. Мы как раз сегодня идем на седер — Кравины друзья из Израиля купили здесь квартиру.

Alexei P. Tsvetkov

Забыл добавить — никакой статьи о Лимонове я не писал, это, наверное, другой Цветков.

Леша, привет!

Хорошо что «предупредил», что статья о Лимонове не твоя. Уж очень там неожиданные для тебя взгляды. А с другой стороны, «Алексей Цветков», да еще какие-то намеки на «старую дружбу»...

А с этим «совпадением» надо что-то делать, он, «двойник» этот, очень плодovit, раньше хоть подписывался «младший», а тут перестал. Только с толку людей сбивает...

Всегда твой
Наум

Матвей, привет!

Срочно сообщаю тебе, что статью о Лимонове написал другой Цветков, о чем мне сообщил Леша Цветков, так что я «погрешил», и тебя невольно «ввел в грех». Не так все, значит, ужасно в этом мире.

Спасибо за посылки. Отдавать 45 долл. за перевод 500 мне не хочется, можно кучу книг на них купить. Но на крайний случай буду иметь в виду.

Всегда твой
Наум

28.3.

От Л: Хаг Песах sameах!

А я вдруг стала так по тебе скучать, как будто только что в первый раз расстались... к чему бы это?... так хочется тебя обнять и быть рядом...

Мне тоже все время как-то... грустно...
Посылаю записки

Бараш звонил. Гринберг его мурыжит. Про события не говорим, но все-таки сорвалось у него: «Если государство не выполняет основную свою функцию, то что мне теперь, налоги что ль, не платить?»

Матвей, привет!

Один знакомый (Саша Бараш) заказывает у тебя четыре части Дарелла (два тома, если не ошибаюсь?).

А что такое «История против язычников» Павла Орозия, стоит купить? Уж больно дорогая... И еще я видел тут в одном каталоге «Римские оргии» Лукана. Ты когда-то предлагал мне двухтомник (в «Алетейе»), или я что-то путаю? Я бы его взял.

Всегда твой
Наум

Ночь. Гроза, ливень. Не помню, чтоб была гроза на Песах. Не спится. Правительство, что б оно скисло, совещается. По ТВ показывают «наши танки» агидин паровоз... наши пушки гвалт 13, гвалт 14... Объявили даже частичную мобилизацию. Министры корчат сердитые рожи.

29.3.

От Бараша малява: «Пройди по ссылке».

Сообщение о книге стихов Цветкова, в Питере вышла, в изд. «Пушкинский фонд».

Отвечаю: «Да видел. И статью там прочитал, бездарную (вернее, «газетную»), Айзенберга, кажется».

Бараш в беспокойстве: «Это уже второй «итоговый» сборник, впрочем, на этот раз «полный»... Если переиздают, значит, классик.... А вчера по-русскому ТВ была короткая, в рамках новостей, телезаписка о «поэтическом буме» в России, мол, подвальчики-катакомбы поэтических вечеров забиты молодежью, показали такое собрание в клубе ОГИ, какой-то «молодой» читал что-то акмеистическое, дали короткое интервью с Курицыным, похож на грузчика, сказал, что культура — это когда мальчики и девочки, встав утром, считают своим долгом написать стишок... И что это хорошо, меньше пьянства и преступлений...».

30.3.

Наум, привет!

Горю от нетерпения узнать твою оценку происходящих событий. Российская Дума будет обсуждать сегодня предложение Митрофанова

(идеолог Жирика, между прочим, еврей, внебрачный сын Андропова) о предоставлении политического убежища Арафату. Резолюцию собираются поддержать коммунисты. Звучит как музыка.

Очень приятно выполнить заказ для Бараша. Впрочем, я благодарен за любого клиента.

Павел Орозий, нач. V в. н.э., испанский священник и писатель. Его основной труд — написанная под влиянием Бл. Августина «История против язычников» в семи книгах. Она задумана как «практическое воплощение» того общего плана мировой истории, который начертан в книге Августина «О граде Божием». Мировая история разделена у Орозия на 4 периода. «История» Орозия считается основополагающей для переосмысления хода исторического развития в христианском духе; ее новаторство подчеркивается тем, что она написана в полемике с «античным ('языческим') духом». Эта книга была очень популярной в средние века универсальной всеобщей историей; принятое в ней деление мировой истории на эпохи сохранялось до 18 в. Не помню, какую цену тебе указывал (как ты знаешь, прежние списки у меня пропали), но эта книга никак не может быть особенно дорогой. Она малого формата (хотя довольно «плотненькая») входит в издающуюся «Алетейей» серию «Античное христианство. Источники». Насколько я помню, это будет издание в двух томиках, и пока, если не ошибаюсь, вышел только первый том (а может, вышли и оба, это легко уточнить). Вряд ли он может стоить больше 150–180 рублей (за 1 том), что по нынешним временам (и при нынешнем курсе доллара) совсем не дорого.

Что такое «Римские оргии» Лукана, я не знаю. Насколько помню, Марк Анней Лукан жил во времена Нерона, был племянником Сенеки и воспитывался под его руководством (наряду с Нероном). Сначала дружил с Нероном, но потом ревнивый император воспылал к Лукану ненавистью (по-видимому, из зависти в связи с громким успехом его эпической поэмы «Фарсалия»), и Лукан еще принял участие в заговоре Пизона (по некоторым данным, был душой заговора). Когда заговор был раскрыт, Лукан проявил слабование и заложил всех сообщников, пытаясь обелить себя. Ему было предоставлено право выбрать род смерти, и он остановился на вскрытии вен. Ему было тогда всего 26 лет. Поэтому, насколько я знаю, Лукан остался автором единственного произведения — уже упомянутой эпической поэмы «Фарсалия». Если у тебя ее нет, можно купить (в пределах 200 р) / Марк Анней Лукан. Фарсалия, или поэма о гражданской войне». Репринтное воспроизведение текста изд. 1951 г. (Серия «Литературные памятники»). М.: Ладомир, 1993 / В поэме идет речь о борьбе Цезаря и Помпея. Поскольку в ней прославляются гражданские добродетели Катона Младшего (это главный «положительный герой») и обличаются «тирания» и «разврат», там могут быть упомянуты «римские оргии», но не думаю, что из этого можно было бы сделать целую книгу. Если укажешь, что это за каталог, какое издательство, инициалы автора, тогда легче будет разобраться.

Что касается двухтомника, который я тебе предлагал сравнительно недавно, то это был Лукиан. Он вообще «грек» (то есть писал по-гречески) и вряд ли мог писать о «римских оргиях» сколько-нибудь развернуто (хотя и бывал в Риме, будучи странствующим софистом). К тому же он писал преимущественно диалоги. Тем не менее, воспользовавшись случаем, еще раз попробую «навязать» тебе этот двухтомник, так как считаю это издание совершенно замечательным как по содержанию, так и по качеству подготовки текстов. Любопытно, что Лукиан, живший во II веке н.э., родился в Самосате, в Сирии, и его родным языком был, по-видимому, сиро-арамейский. Похоже, Лукиану больше всего нравилось выставлять в смешном виде традиционные греческие верования («Вольтер античности»). Нет лучшего источника по «упадку традиционной греческой религии», чем Лукиан. Но не меньшее раздражение вызывало у Лукиана распространение культов чужеземных богов. Еще более интересно его отношение к христианству. Из диалогов Лукиана видно, что во II веке н.э. ни один видный представитель греко-римской культуры не предугадал хотя бы смутно историческую перспективу новой религии. Лукиан говорит о христианах в двух диалогах — «Смерть Перегринна» и «Александр, или лжепророк». Автор преисполнен искреннего презрения к христианам. Что касается данного издания, то это «лебединая песня» Александра Иосифовича Зайцева (1926–2000) / еврей, отсидел семь лет в лагерях, а потом, несмотря на все «препоны» (будучи всего лишь «профессором»), стал негласным лидером самой сильной в стране, петербургской классической школы /. Перу Зайцева принадлежит замечательная книга «Культурный переворот в Древней Греции VII–V вв. до н.э.», где выдвинута концепция «агональности» («соревновательности») как формообразующего фактора формирования 'греческого духа'. Зайцев отредактировал весь корпус перевода Лукиана, внося в текст несколько сотен существенных поправок. Один диалог, «Тираноубийца», печатается впервые (когда готовилось академическое издание 1935 года, его не решились включить в двухтомник, испугавшись «ассоциаций»). Издание предваряется статьей Зайцева «Лукиан из Самосаты — древнегреческий интеллигент эпохи упадка». /Лукиан Самосатский. Сочинения. (Серия «Античная библиотека. Литература») Том 1. — 472 с. Том II. — 538 с. СПб.: Алетейя, 2001 — примерно 350 р за оба тома.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Сначала сводки, так как у нас «почти война». А когда война, то все «анализы» — просто сводки. Идет мобилизация (частичная, 20–30 тыс., но при этом готовят и всеобщую), знакомые звонят и в панике говорят, что «ночью нашего взяли»...

В пятницу сообщили о двух убитых (один русский) и двух серьезно раненных (почти все офицеры) при захвате Рамаллы. Утром того же дня араб-рабочий (еще кто-то берет их на работу!) зарезал двух старичков (один из них «русский») в поселении Нецарим у Газы, а днем семнадцатилетняя арабка взорвала себя в супермаркете в Иерусалиме, подошла к такой же семнадцатилетней девушке и взорвала себя, двое убитых и с десятком серьезно раненных. Показали ее «предсмертную молитву» (арабы практикуют такое театральное «действие»: отправляющийся на задание смертник, или смертница, записывают на видеокамеру свою предсмертную молитву-клятву-призыв о мести на Коране, закутанные в традиционные балахоны и под святым знаменем Ислама на стене, к которому приколоты два перекрещенных автомата). Красивая, породистая девушка. Эти самоубийцы в биологическом смысле — цвет нации... А до этого террорист пробрался в поселение Алон Море рядом со Шхемом (у меня там знакомые) и, ворвавшись в один из домов, расстрелял семью из четырех человек, отца и мать, сына и деда, все мужчины из элитных частей армии. И все это уже после резни в Натании, которая была всего-то в пятницу...

Целью операции в Рамалле сведущие люди считают ликвидацию тайных подземных складов оружия, устроенных на территории «правительственной администрации» Арафата в Рамалле. Эта территория захвачена, оставлены только два дома: где живет лично Арафат (который спустился в бомбоубежище и называет себя теперь генералом) и еще жилой дом, где семьи его obsługi (в том числе и военно-политической). Уже обнаружены два бункера, набитых противотанковыми ракетами, видимо, палестинцы рассчитывали (надеялись) устроить в Рамалле Грозный-2 для израильских танков, но, слава богу, кишка тонка, это тебе не чеченцы (хотя, кое-чему, научились, бляди), и в помещениях «тайной канцелярии» нашли электронную разведаппаратуру и массу разведданных о базах, передвижениях войск и командиров. Конечно, лучше было бы эту территорию, вместо штурма, перепахать глубинными бомбами, но... фактически жертвуют жизнями солдат в угоду «западному общественному мнению», поневоле возненавидишь оное... А ведь когда-то мы на него так уповали... Метаморфозы.

Считается, что арабы ответят «истерикой террора», включая покушения на израильских политиков и военных. Появились сообщения о каких-то «нестандартных» передвижениях египетской, сирийской, ливанской, иракской и саудовской армий. Арабы рисуют «эскалацию» как ответ Израиля на саудовскую мирную инициативу (кстати, на последнюю всеарабскую конференцию в верхах не явилась половина приглашенных, в том числе и президент Египта, были угрозы со стороны «Ал-Каида» атаковать конференцию химическим оружием).

Положение, при котором Арафат фактически под домашним арестом, пугает «умеренных» арабов (типа египтян). Опасаются за внут-

ренную стабильность. Опасаются также, что «хизбалла» на Севере открывает «второй фронт» против Израиля массированным обстрелом пограничных городов (у них есть ракеты, достигающие Хайфы), Ирак способен послать самолеты-самоубийцы против израильских городов, что вынудит Израиль нанести ответный удар по Ливану, Сирии и Ираку, и это будет означать всеобщую заваруху. Доллар и цены на нефть уже полетели вверх. Американцев ситуация «беспокоит». Надеюсь, что удар по Ираку не отменят, хотя говорят, что уже «задержали» и перенесли на конец мая-июнь. Видимо, им придется при этом решить проблему курдов, или курдской независимости, проблема, из-за которой Буш-папа не решился скинуть Саддама двенадцать лет назад (а «как вчера»...), потому что «курдская проблема» открывает геополитический «ящик Пандоры» (турецкие, иранские и сирийские курды).

Ладно, давай двухтомник Лукиана, Проблема была в том, что частичный Лукиан, из старой серии «Библ. Антич. Лит». у меня есть. «Фарсалия» Лукана у меня тоже есть. А «Римские оргии» Марка Саллюстия Лукана, о которых шла речь, я нашел в каталоге ozon.com, Эскмо-Пресс, 2001 год, 84 рубля. Может, это такая же фигня, как и «Этруски» (спасибо, что предупредил). С Орозием пока подождем. Белла летом едет в Москву, но я поищу и более близкую оказию.

В разгар писания «сводок» позвонил Леша Цветков из Праги, вроде как поздравить с Песах, он это делает крайне редко. Он тоже встревожен нашими обстоятельствами, так что у меня появился совсем «не лишний» повод раскаяться в своих скоропалительных выводах на его счет.

Всегда твой
Наум

31.3. Позвонил утром Р. «Нет, сегодня не получится». — «Ну ладно, значит через неделю».

Ходил по парку и стихи сочинял.

*

Нахуя попу гармонь
Он и так у нас огонь,
Вот такой в пизду амбал —
Весь приход переебал.

*

Нахуя козе баян —
Когда есть у ней изъян:
Между ноженек провал —
Только мертвый не ебал.

*

Я ебал твою пизду
Перед камерой за мзду,
И теперь твоя пизда
Нахуй блядь кинозвезда.

*

Не люби кинозвезду —
Заебешься с ней в пизду.

Израиль превратился в «хават пигуим», заповедник террора. Взрывы, взрывы, взрывы. Взорвали бомбу в кафе рядом с Гробманами, погибла женщина, врач, пишут, что боролась за мир. Вожди не кажут лику, прячутся от телекамер, от растерянности, вряд ли от стыда. Комментаторы с умным видом рассуждают, насколько близко армия должна находиться около арафатовской конторы, как бы случайно не замочили «партнера». Нужна величайшая осторожность, самые надежные и опытные люди, чтобы гарантировать его неприкосновенность (говорят, что там сейчас все высшее офицерство). Фактически это военная операция по защите Арафата... Ситуация дошла до абсурда.

Позвонил Гробманам, Ира взяла трубку. «Да Мишка как раз в это время, когда с Тимуром гуляет, мимо этого кафе проходит, а тут к нам гости пришли, так он задержался...». Ругалась матом. Решили, что «надо что-то делать». Какую-нибудь демонстрацию организовать. Статью похвалила.

1.4. От Л: Что-то случилось? Не томи меня...

Ответ Л: В этом году странный Песах: ливни с грозами, на Хермоне снег выпал, среди ночи неожиданно просыпаешься от шума ливня, а утром: солнечно, и вдруг — снова короткий и сильный дождь...

А сегодня пошли с женой в «Музей русского искусства» в Рамат Гане, там выставка русских фотографов, Мелихова и Гитмана. Портреты, виды Москвы. На большой фотографии центра с птичьего полета нашел свою «улицу детства», Трубниковский переулок... выпуклая радость узнавания... Нет, скорее грусть узнавания, грусть темная, горькая...

А вообще ходить никуда не хочется, и, кажется впервые, какая-то тошнота безнадеги...

1.4.2002. От Л: Ты не молчи так долго, не пугай меня. Уж не знала что подумать.

Мои сыновья разъехались. Старший едет в Израиль на «шлошим»¹. Говорит, что хочет вернуться, что не видит себя здесь. Ему 25, как нам, когда мы уехали...

Я его понимаю... У меня в последнее время пропала охота «удирать». Как-то сейчас не до «обид на евреев».

¹ Шлошим — тридцать (*ивр.*) Тридцатидневный траур, менее строгий (нельзя только бриться и стричься), чем в первые семь дней после похорон.

Lucan

Наум, привет!

Хотя и глупо выяснять вопрос о «Римских оргиях» во время «почти войны», все же, узнав, что книга издана в ЭКСМО-Пресс («Эскимо», по Вайману), я позвонил Калашникову, который работает в ЭКСМО, и он поведал мне, что это мистификация. Некто Владимир Пеленягрэ, член литературного объединения «Орден Куртуазных Маньеристов» (сборище бездарных спекулянтов), написал книгу от имени несуществующего «римского поэта» Лукана (кажется, он даже не знал о существовании «натурального» Лукана, а получил фамилию, видоизменив имя Лукиана), а сам выступил в качестве «переводчика». На самом деле это бульварное «мягкое порно», облаченное в римские тоги. Симптом нынешних «литературных нравов». Такой «прикол». Самый известный прикол Пеленягрэ — это слова ура-патриотической песни (исполняет группа «Белый Орел»), которая начинается так:

А в чистом поле система «Град»
За нами Путин и Сталинград.

По ящику показывали сегодня поцелуи врасплох: «Глава французских антиглобалистов» (фамилию забыл) целовался с Арафатом. До чего докатилась матушка-Европа...

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Атмосфера в стране военная. Мобилизация, широкомасштабное вторжение — наконец-то, после трехдневных переговоров о сдаче, или просто колебаний, обстреляли сегодня командный пункт начальника палестинских спецслужб Джибриля Раджуба, его, правда, на месте не оказалось, может, помогли ему выбраться, были слухи, что он из тех «батенька, проституточек, что нашим и вашим» — пустые улицы, сводки терактов, которые уже воспринимаются не как внезапная катастрофа, а как рутинная война. У меня после последних взрывов вдруг поменялось психологическое состояние, от отчаянно-злобного и ненавидящего «еврейских слюнтяев» на напряженное, волнующе-тревожное. Такое чувство, что «шутки» кончились, кончилась эпоха «объяснений». Еще бросает от возбуждения к подавленности, но в воздухе уже какой-то весенний, пьянящий запах освобождения, будоражащий ноздри запах смертельной схватки.

А Пасха у нас в этом году очень странная: ливни с грозами, на Хермоне снег выпал и народ «встал на лыжи», все сухие ручьи, все дремлющие реки Иудейской пустыни проснулись, захлестали мутными потоками, побежали к Мертвому морю, потащили за собой оползни. И я чую, как арабская ненависть набухает в жилах ислама, как вода в руслах пересохших ручьев, набухает чтобы обрушиться вниз с порогов своих унижений, яростно, отчаянно и неудержимо... Во Франции и Бельгии жгут синагоги, в Лондоне мусlime открыто провозглашают «джихад», мы на пороге «черного потопа», нового пассионарного витка Ислама, нового нашествия варваров. Не знаю, чувт ли это в Европе, но тут, за порогом дома, уже слышен рокот воды. И в такое время невольнo ищешь в народе, у которого уже нет выбора, которому придется встретить этот поток, придется заставить землю разверзнуться и поглотить в свои бездонные щели эти мутные реки, ищешь не болота «гнилости» (они и так на виду), а архипелаги мужества, не то, что можно облить презрением, а то, на что можно опереться для ответного удара, ищешь твердую почву под ногами. И поэтому хочется писать «апологию Израилю». Мокрогубое телевидение все еще ебет нам мозги о «нелепости» гибели и войны, но страна уже поднимается из пуховых перин, как медведь после зимней спячки. Все стали как-то жёстче, сосредоточенней. Мобилизация прошла на 110%, то есть на призывные пункты явились те, кого и не просили. Добровольческое движение нарастает. Идут пятидесятилетние «старики», профессора и бизнесмены, и вид этой «старой гвардии» радует. Быть может действительно «чем нам хуже, тем нам лучше», и жертвы были не напрасны, и только так у нас есть шанс пробудиться от грез, избавиться от иллюзий, и вооружится единственным оружием, которое спасает и освобождает — мужеством? И тогда, только тогда, мы, даст Бог, одолеем, и «нецах исраэль ло йешакер» (вечность Израиля — не обманет). Прости за «возвышенный» тон, и меня захлестнуло.

Тут, кстати, и старое мое стихотворение как нельзя подходит:

Магмы Ислама
зловонная лава
хлынет в долины
Волги и Влтавы.
Лопнет от клича
небо над станом:
«Смерть басурманам!
Смерть басурманам!»

Спасибо за разъяснения по «Лукану».
Всегда твой
Наум
P.S.

Российские СМИ ведут себя по сравнению с Европой просто «благородно». Европа «зеленеет» от злости... Что касается всяких жириков, то влияние этого «феномена» не стоит, как мне кажется, преувеличивать. Все-таки это из области курьезов и анекдотов.

Наум, привет!

Прокламация у тебя получилась замечательная. Стихотворение в прозе. Признаюсь, отчасти позавидовал тебе: по крайней мере, есть ощущение, что «проживаешь собственную жизнь», чего про меня не скажешь.

Конечно, сопротивление и победа — как можно более сокрушительная — единственная возможность уцелеть. Хотелось бы, впрочем, подробностей тоже. Затрагивает ли мобилизация непосредственно твоё семейство? Какие цели достижимы — по крайней мере, на первом этапе? Откуда исходит главная опасность?

Я послал тебе сегодня бандероль, но отчет составлю чуть позже. Книга «Школа Валентина» опять не прошла по весу

Всегда твой
Матвей

Были у Мирона. Чуть не разругались из-за «Игр разума» с Расселом Кроу. Типичная голливудская чушь, а Надя с вызовом: «А мне, Наумчик, очень понравилось! Я вообще люблю голливудские фильмы». Мирон сначала мякнул: «с женщинами не надо спорить», но потом решительно поддержал жену, типа кино — вообще не искусство, а индустрия, и нельзя ему предъявлять эстетические претензии, а потом посоветовал мне «вылезти из башни из слоновой кости», а я вылезать не стал, тогда он обозвал меня упрямым, а когда я все равно не стал вылезать, он озлился, аж позеленел. Успокоились на «политике» (он резко поправел и стал рассуждать нормально), я рассказал о письме Инны, где она пишет, что сын ее готов ехать в Газу помогать палестинцам, на что Мирон ухмыльнулся и сказал про своего: «Да и Арька хоть завтра бы туда отправился».

4.4. Утром позвонил Р. Чуть ли не плачет: «Произошло ужасное несчастье...»

— Что случилось?! — испугался я.

— У Иры, у моей подруги, умер сын, 26 лет.

— О, господи... А что с ним случилось?

— Кровоизлияние.

— М-да...

— Помнишь, я тебе рассказывала, что он дорогую скрипку об стенку разбил? Помнишь?

— Да...

— Он вообще был странный... и знаешь, меня не покидает ощущение, что это было предопределено... Это произошло позавчера... я до сих пор не могу в себя прийти... все время плачу... я так не плакала с тех пор, как умерла мама... хорошо, что ты позвонил...

Матвей, привет!

Меня в последнее время теребит проблема «психологии современного морализаторства», в том числе и политического. Тут подруга жены, они переписываются уже десятки лет, наша бывшая соседка по дому на Пугачевской, через год после нашего отъезда уехала с мужем в Австралию, потом развелась и уже с десяток лет живет в Нью-Йорке, защитила на старости лет докторскую по психологии (кончала в свое время Институт Стали), два взрослых сына остались в Австралии (муж-пианист уехал в Японию), так она пишет, что один из сыновей хотел недавно поехать в Газу добровольцем, помогать палестинцам (уж не знаю, «гуманитарно», или с оружием в руках...). Таких «благородных юношей» и у нас тут хватает. Так вот мне интересен генезис таких порывов, тут «глупостью» не объяснишь (хотя от большого ума молодцы, конечно же, не горюют), тут психология. И пропаганда, умело использующая какие-то мощные моральные «архетипы». Ведь дети бежавших от коммунизма впитали эти стереотипы не «с молоком матери». Хотя мать их тоже писала: «отдайте им» (арабам), «невозможно, что бы за землю гибли люди».

Всегда твой

Наум

От Л: Песах — от слова «пасах», «пропускать», это когда все падения, низкие состояния пропускаются, а учитываются только взлеты, тебе зачитывают твои высокие состояния и, благодаря ним твой дух освобождается от мира раим¹, от фараона — «телесного плена» — и переносится в высшие миры. Моше вытягивает тебя из изгнания... из перин.

Ты уж меня извини за «кабалистическую трактовку» не смогла удержаться. Такая уж погода выдалась в этот Песах...

У нас объявили, что американским гражданам не рекомендуется ехать в Израиль и дип. работники эвакуируются... я своему сыну намекнула очень мягко, а он сказал, чтоб я не волновалась, мол, разберется на местности...

5.4.

Матвей, привет!

Операция «хумат маген» (крепостная стена) продолжается, заняты почти все города и крупные деревни на Западном Берегу (Газу пока не

¹ Раим — плохие (*увр.*).

трогают, и она ведет себя «тихо», возможно, что с каким-то из местных царьков достигнуто негласное соглашение), довольно интенсивные бои идут в Дженине и Шхеме. В Бейт-Лехеме, он же Вифлеем, сотни полторы огольцов засели в церкви Рождества, вопят оттуда, что их собираются вырезать, а сами постреливают из окон, зная, что армия получила строгий приказ по церкви не стрелять... Интересно, что «христианский мир», насколько я могу судить (Папа римский во всяком случае), осуждает Израиль, а не этих бандитов, осквернивших храм своим вооруженным захватом и насилием над священниками (их не выпускают и держат как заложников, и священники, конечно, «помалкивают», ведь войны отгремят, а с этими огольцами и их родичами им еще жить и жить в этом Богом забытом Вифлееме, а в соседней церкви Святой Марии — все знакомые места, сколько раз там был! — когда вошли туда после капитуляции засевших там террористов, нашли связанный труп своего же, они там еще какие-то разборки чинили в церкви Богородицы...). Армия потеряла за неделю боев четырнадцать человек убитыми, и в основном из-за своей «гуманности», ведет бои от дома к дому вместо того, чтобы положить все эти дома с воздуха. Потери палестинцев где-то около сотни, ерунда, но много пленных, тысячи. А в Европе кричат (и не только арабы), что мы чуть ли не этническую чистку проводим. Демонстрации с лозунгами «Шарон — Гитлер», уже идет бойкот израильских товаров, так сказать, явочным порядком, не дожидаясь «указаний сверху». По русскому ТВ слышал в новостях, что Арафат делит «последнюю осьмушку хлеба с соратниками». Глядишь, и Христа из него сделают. Америка пока стоит за нас твердо, вызывая огонь на себя. Спираль общей «нервозности» нарастает. На севере уже который день идут обстрелы, жертв пока нет, и Израиль «не поддается на провокации», но долго так тоже продолжаться не может. В общем, положение стиснутое, тем более что не ясно, как эту операцию завершать, нельзя же просто так уйти ни с чем, все опять вернется на круги своя (кстати, последние несколько дней взрывы автобусов прекратились, это говорит о том, что все-таки какой-то эффект есть...).

У Гердера на весь его огромный кирпич «К идеи философии истории человечества» есть несколько коротеньких замечаний о евреях и возникновении христианства, которые характерны как своими «догадками», так и «предрассудками».

«...народ этот был испорчен воспитанием и не дорос до полной зрелости политической культуры на собственной почве, а потому и не обрел истинного чувства чести и свободы». ... «...народ избранный Богом... можно сказать, с самого своего возникновения ведет жизнь растения, паразитирующего на стволах других наций — порода лукавых перекупщиков, разбросанная по всему свету, порода людей, несмотря на все угнетение никогда не алкавших чести, не мечтавших о собственной крыше над головой, не тосковавших по родине».

Это из главы «Еврей». Нетрудно заметить, что здесь больше пред-
рассудков, чем догадок, особенно по части «тоски по родине» — пожа-
луй, ни у одной другой нации не наблюдалась в истории такая многове-
ковая, неизлечимая тоска. Вряд ли кто-то из немцев, перебравшихся
в свое время в Россию или Америку (тоже диаспора!) через поколение
еще «тосковал о родине». Ну да Бог с ним, с этим «добрым немцем»,
интересно здесь, пожалуй, лишь признание за евреями «избранности»,
которое легко и не совсем «философски» соседствует с их определени-
ем как народа «жалкого» («они покажутся народцем малозначитель-
ным, роль его на мировой арене жалкая», стр. 327). Впрочем, призна-
ются и «большие способности народа», что, мол, «находчивый и энер-
гичный», «всегда умел сохраниться», и даже «не было у иудеев недос-
татка в храбрости», а «некогда» они были даже «народом трудолюби-
вым и прилежным». Пожалуй, интересней его высказывания о возник-
новении христианства, где он «повторяет» (предваряет) уже нынче
расхожие идеи Ницше о враждебности христианства действительности:
«Ожидание царства Христова... уводило их (христиан) прочь от
мира. Они презирали мир, лежащий во зле... и так они могли торжест-
вовать над непобедимым — над духом времени, над властью гоните-
лей, над насмешками неверующих; они были чужестранцами на этой
земле». (Правда, похоже на евреев?)

А я в связи с этим (не забыв и Фрейда) подумал, что в «клинической
картине» монотеистической иудейской религиозности интересна не
идея Бога-отца, а явно ущербная идея Мессии-спасителя. Сам-то иудей-
ский Бог не спасает, Он просто правильно организует жизнь. А нам
подавай Спасителя! И тут прорывается болезненный инфантилизм на-
рода, его, так сказать, отказ повзрослеть, то есть остаться с Богом один
на один. Это как бы вторая защитная стена веры, то есть, даже если «Бог
умер», то Мессию можно еще ждать и ждать. Бог — Творец, а Мессия —
сказочный принц, предмет упований и надежд.

Видел ли ты гонконгский фильм «Настроение к любви»?

Всегда твой

Наум

P.S. Кстати, я тут говорил с Леней Прайсманом, он историк и старый
знакомый Сереги Костырко, часто бывает в Москве, и я думал передать
с ним деньги. Так он рассказал какую-то жуткую историю, которая даже
меня удивила (отстал от жизни?), что его в последний раз в Москве
ограбили милиционеры, задержали (под предлогом, что был пьяный,
«аа, профессор Иерусалимского университета?!»), отвезли в отделение,
раздели и потом он недосчитался 250 долларов (хорошо, что органы це-
лы). Пьяным он, конечно, не был, ну, шел с вечеринки, рожа протоколь-
ная, спросили: «Выпил?», а он еще и шутить вздумал: «А что, в Москве
пить запретили?» Подал на них в суд... Но раньше октября в Москву не
заявится, да и настроение ездить поубавилось.

Привет, Матвей!

Хочется, конечно, разобраться с левизной, но время не ждет, торопит, требует «действия», агитации. А может, и неча особо разбираться, картина проста: опять «пролетарии всех стран» объединяются, чтобы всыпать евреям, которые, захватив Америку, пытаются овладеть всем миром. А Арафат — новый идол революционности, новый Че Гевара, похужей будет на морду, но другого, как говаривал товарищ Сталин, «у меня для вас нет». И опять, как всегда (и Ницше для этого читать не обязательно), зависть (экзистенциальная или попроще) точит зубы на «избранных», называя свой трусливый и злобный оскал улыбкой мира. И опять, как и всегда, находятся среди «господ» шибко умные, которые посовистывают в революционные паруса (мол, и мы куда надо дуем!), надеясь, что буря не тронет. Ну и гагары тоже стонут.

6.4.

Наум, привет!

Запутанная, отчасти шизофреническая ситуация складывается в российских СМИ. Относительно пристойного тона придерживаются государственные каналы, 1-й и 2-й. Антисемитские трактовки дает НТВ, как бы частный канал, бывшая вотчина Гусинского, а теперь — помойка с непонятным запахом. Есть и оголтело черносотенные программы типа «Русского дома» по 3-му каналу (бешеный вой об «осквернении христианских святынь» — естественно, евреями; о палестинцах, взявших попов в заложники, ни слова). Дума почти сплошь антисемитская. Странное чувство: чем дальше от Путина, тем мерзее. В очередной раз подтверждается пушкинское: «Единственный Европейец у нас Правительство». Приходится сделать, по крайней мере, два уточнения: единственный европейец в правительстве — Путин, да и тот, если правду сказать, косит под фюрера. /Будучи прожженным лицемером с гебистской выучкой, он дает одновременно два ряда сигналов: один — «на внешнюю публику» (к которой принадлежат отчасти и наши «либералы»), другой — «тем, кто понимает». Этот посыл воспринимается публикой на ура и выливается в такие шалости, как убийства «черномазых» (чуть ли не ежедневное, рутинное явление), поджоги синагог, осквернение еврейских кладбищ (эти вещи происходят в российской глубинке практически ежедневно, а говорят в этом плане о Франции и Бельгии, а не о России именно поэтому, что для нас это стало рутинной). То же самое — сцены, подобные тем, которую описал тебе Прайсман (кстати, Серега вспоминает о нем с неизменной симпатией)/. Что же касается чиновников, то уже ближайшее окружение Путина — два Иванова: Министр иностранных дел и Министр обороны — настроены явно антисемитски (Миронова за отказ встретиться с Арафатом одернул сам Путин). Второе уточнение касается понятия 'Европейец': даже наши комментаторы (по крайней

мере, некоторые) говорят, что EuroNews дают не информацию, а оголтелую пропалестинскую пропаганду. А ведь это те самые «свободные СМИ», которые столько лет ставились в пример российским журналистам как «эталон объективности»!

Привожу в качестве примера образец «произраильской пропаганды», которая прозвучала сегодня по радио «Эхо Москвы». Это «Реплика» Андрея Черкизова. Не бог весть какой «анализ», но интересно как симптом: такие голоса звучат, и достаточно громко; особенно усердствует на этой — произраильской — ниве Александр Бовин, обозреватель, бывший посол России в Израиле.

«Арафат страдает бессонницей — по причине шума моторов израильских танков и временами плачет. Израиль разрешил г-ну Зинни переговорить с Арафатом. Слезы помогли. Шумовыми бомбами израильские войска отогнали журналистов от арафатовского укрытия. Вместе с Арафатом плачут пацифисты и журналисты, которые по сию пору толкутся в его резиденции. А еще там нет воды, электричества и еды. Чего толкутся? Джордж Буш-младший вечером четверга выступил с новым заявлением, в котором повелел Израилю утихомириться, Арафату повелел покончить с террором, Ирану и Ираку — одуматься, а всем — жить в мире и дружбе.

Вопрос: и чего теперь?

Ответы. Первый: ничего. Объяснения: во-первых, Арафат прожженный лжец и жулик. Он никоим образом не осудит терроризм, потому как сам террорист. С опытом, со стажем, немало умения, заметим. Во-вторых, жизнь людей в Палестинской автономии выстроена таким образом, что им ровным счетом ничего не остается делать, кроме как работать, извините, в Израиле или обвешиваться поясами с взрывчаткой. Деньги, выданные Арафату мировым сообществом, либо разворованы самим Арафатом и его подручными, либо вложены в арафатовские убежища и укрытия.

Ответ второй: ничего. Объяснения: во-первых, совбезовские резолюции, на которые ссылается Буш, никоим образом не учитывают жизненно важных интересов Израиля. <...> Ответ третий: ничего из предложений Буша не выйдет. Объяснения: с муллой Омаром и его бандой можно было договориться? С бен Ладеном — договорились? Договариваться можно только с теми, кто совестью понуждаем к компромиссам. А дяденька Арафат, как и вся его банда, совестью понуждаем только к убийствам. К тому же приучили и свой народ. Вот когда хотя бы один, прописью пишу: один палестинский политик, палестинский общественный лидер, палестинский интеллектуал, наконец, прочитает отповедь своим согражданам, в очередной раз ликующим по поводу убийства израильских детей и стариков, вот тогда я предположу, что хоть что-то сдвинулось с места. Вот только тогда я рискну утверждать, что мир на Ближнем Востоке возможен».

Как ты оцениваешь последнюю речь Буша? Означает ли она, что американцы дали израильтянам время — «до приезда Пауэлла» (кажется, он не самый большой друг Израиля)? Поддастся ли Израиль американскому давлению? Боюсь, если выведут войска «просто так», будет еще хуже, чем до начала операции. Или как? Короче, что нужно было бы сделать, по-твоему? Или Шарон «все делает правильно»?

Я взял на себя смелость перекинуть своему брату Юрию (который, не имея возможности получать информацию непосредственно из Израиля, постоянно запрашивает: «Что пишет Наум?») твою статью о морали и получил ответ, который, возможно, тебя заинтересует.

Привет, братишка!

Спасибо за статью Наума. Очень интересно. Особенно то, что он пишет о христианстве. Евреи — истинные христиане, а кому же еще быть истинными христианами, если не евреям? Действительно, поведение евреев во времена испытаний всегда было истинно христианским.

С появлением Израиля все изменилось на некоторое время. Евреи стали вдруг лучшими в мире военными, легендарными героями. Сейчас, к сожалению, все иначе. Арабы откровенно глумятся над беззубой израильской армией. Если военные сейчас позволят уйти этой шпане из Бейт-лехемской церкви, то окончательно потеряют авторитет. Где знаменитые командос, блистательные операции?

То, что пишет Наум, очень симпатично, да, похоже, что Израилю уже выбирать не из чего, придется им избавиться от «ресентимента». Арабы оказались на редкость дисциплинированными — если не солдатами, то тактиками. Ну кто бы мог еще пару лет назад поверить, что европейцы, при всей своей отчужденности и даже враждебности по отношению к арабам, будут полностью на их стороне и против европеизированного Израиля? Нобелевский комитет в Норвегии подумывает о том, чтобы отобрать премию у Переса (!), 70% населения Швеции за санкции против Израиля, отличились и упомянутые тобой «интеллектуалы», есть среди них и евреи, их лозунг — «еврейские интеллектуалы, живущие в Швеции, отмежевываются от политики Шарона» (узнаешь СССР? Среди них актер Йосеф Ерландссон, любимец Бергмана. Что-то с этими актерами...), непрерывные демонстрации палестинцев и коммунистов — все это результат оголтелой проарабской пропаганды. Слабые попытки евреев организовать демонстрации наткнулись на запрет полиции: дескать, не можем гарантировать безопасность.

Но все-таки я склонен думать, что основа этого не антисемитизм как таковой, а желание задобрить арабов, загладить конфликт. Не хотят они новых арабских беженцев, терактов, хотят спокойствия. А как достичь спокойствия с минимальными затратами? Конечно же, уничтожить Израиль! Это мелькает уже в прессе: «ООН совершила ошибку в 1948 году...»

Я никак не ожидал, что мне снова придется испытать это омерзительное чувство оболваненности и полной беспомощности, точно так же, как 20 лет назад в Москве. Европа взяла на себя роль Советского Союза и поддерживает все диктаторские режимы, всю шпану. Мне даже кажется, что здесь это еще более омерзительно. В Союзе никто не принимал идеологическое морализирование всерьез, была холодная война, «так надо было». Здесь же они захлебываются от негодования и самолюбования. Полное отсутствие способности понять происходящее. Дело еще усугубляется тем, что и бежать-то больше некуда.

Самое неприятное — это, конечно, заявление Европы на этой неделе, что, так как стороны не способны решить конфликт сами, решение будет найдено и реализовано внешними силами. Чуть ли не намек: «Будем бомбить Израиль». Пока кишка тонка, но как обернется дело в дальнейшем?

У нас все по-старому, кроме отвратительного настроения из-за всего этого дерьма.

Обнимаю,
твой брат Юра

Матвей, привет!

Что Шарон «все делает правильно», я никак не могу сказать. Вместо того чтобы снести, или хотя бы обрить наголо вшивую голову, армия выдергивает вшей пинцетом и теряет людей. Наши СМИ заливаются слезами патриотического умиления гуманностью наших солдат. Один корреспондент, задыхаясь от восторга, рассказывает, как 18-летние парни чуть ли не с «нежностью» (именно это слово и употребил!), провожают под арест сдавшихся бородатых бандитов, «я горжусь нашей армией!», сказал он и пролил слезу умиления. Только так они, вся эта левая сволочь, засевшая в СМИ, готовы принять войну, в шоколадной обертке «гуманности»: наша армия — самая гуманная в мире. Нам бы сюда этого Черкизова...

Кстати, наши «русские» в таких «умилениях» не замечены, чувствуется выучка. Вот, например, некто Алекс Тарн написал (главное, что напечатали!) статью «Убей», где напропалую цитирует Веру Инбер и Константина Симонова блаженного 42-го:

Избавить мир, планету от чумы —
Вот гуманизм! И гуманисты — мы.

Или:

Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!

За такие «цитатки» в ивритской прессе могут и в суд потащить за подстрекательство... Ну а русских «психов» кто читает кроме самих же «психов»...

Тот же Тарн, уже от себя, добавляет: «Нынешняя чума — кровавый арабский нацизм. Все так просто, так очевидно. Вот они — окопы. Вот он — фронт. Вот он — враг, алчущий убить тебя, твоих детей, твоих стариков. Убей его, прежде чем он убьет тебя. Убей. Убей чуму. Оттого-то чисты как песня наши мальчишки с автоматами — сыны света — на блокпостах и в танках, в засадных схоронках и в лобовых атаках, в патрульных джипах и боевых вертолетах, — наша слава, гордость и защита, наши дети, вытаптывающие склизкую гадину». Поэма! Почище Ваймана будет. А Перес (правильно, пусть заберут у него Нобелевскую, а Арафату оставят!) утром по радио все скулил свое заезженное: «надо понимать суть конфликта, а она в том, что палестинцы живут там в ужасающих условиях».

Что касается речей Буша и визитов Пауэлла, то мне кажется, что тут идет какая-то игра (и с нашей стороны) с целью выиграть время и дать американцам наиболее удобный «угол атаки» на Ирак. Если они в такой обстановке ударят по Ираку, то их престиж в арабском мире подвергнется тяжелому испытанию... они такой огонь на себя вызовут, что... боюсь, как бы не передумали.

Спасибо, что перекинул письмо Юры (передай ему привет). Поразительно, что именно скандинавы вдруг в авангарде антиизраилизма, с какого бодуна?

А одну его «спонтанную» фразу я бы подчеркнул: «и бежать-то больше некуда»...

И еще пару слов на оказавшуюся «смежной» тему «чистоты и опасности». Сегодня по радио слушал пятиминутную религиозную «разминку» на тему кошрута (тоже поразительно и симптоматично, что евреи единственный «цивилизованный» народ, сохранивший жесточайшие пищевые запреты!). Сказано было, что многие «столпы веры», авторитетные раввины, пытались объяснить запреты кошрута рациональными — медицинскими! — соображениями, со временем утерянными (и я сразу вспомнил Дуглас), что, мол, вредно для здоровья, но некоторые, как, например, Рамбан (не путать с Рамбамом, тот был «рационалист», а этот каббалист), резонно отвечали, что почему-то на здоровье «гоев» это не сказывается, а стало быть, речь идет не о физическом, а о духовном «здоровье», например, объясняет Рамбан, запрет есть птиц-хищников объясняется тем, чтобы, не дай Господь, не «заразиться» агрессивностью (!).

Всегда твой
Наум

7.4. «Пивной» вечер у Гордина. Ваулин притащил «Балтику» всех сортов. Был еще некто Алекс Браверман. Перемещенное лицо. В 18 лет приехал в Израиль из Вильнюса, через 10 лет уехал в Южную Африку, еще через десять — в Америку. Каждый переезд сопровождался браком

и деторождением. Сейчас женится на еврейке из Техаса. Компьютерщик и писатель. Пишет по-английски. Член далласского поэтического общества. Гордин подсунил ему мои стихи, и он хвалил, добавляя: «Я редко кого хвалю, Гордин знает...» Читал свой рассказ, написанный по-английски (хитрый Ваулин вовремя дал дёру, боится, мол, в темноте машину водить), синхронно переводя его на русский, хуйня какая-то а ля Киплинг (любимый писатель — Айрис Мэрдок, да знаю, что баба), про Афганистан, мальчика-найденыша, собаку. Графоман лет пятидесяти. Сдуру взял его на следующий день в лес, на наш пикничок, так он сцепился с Аркадием «за политику», довольно беззастенчиво обзывал его объяснения глупостью, Аркадий покраснел, мне стало стыдно, что привел дурака.

Обменялись емелями, и он тут же засыпал меня своими текстами, переведенными непонятно с какого на русский.

Дорогие Наум и Рима!

Большое спасибо за интересные беседы и приятно проведенное время. Это обычно редкость, а уж сейчас так вообще!

Посылаю вам некоторые свои вещи, все довольно давние и получившие неплохие отклики. Главная, повесть «Улица Горького, Иерусалим», к сожалению, имеет старое начало и конец, которые были совершенно переписаны, когда я немного научился писать. Но на русский я так это и не перевел. Есть, однако, черновик второго варианта начала. Посылаю отдельным файлом. Делать нечего, читайте как есть.

Алик

Опять привет, Наум да Рима!

Вот некоторые мои размышления о Великом Политическом Споре, состоявшемся в лесу и его окрестностях.

Одна из причин, по которой Запад (наши единственные друзья, и даже создатели, как ни крути) отрицательно относятся к израильской пропаганде — это потому, что мы относимся к ним как к невеждам, которые ничего не знают и не понимают, и мы должны им всё разжевать. Люди, как правило, звереют от такой наглости и как-то хуже воспринимают сказанное. Эфбет получается диаметрально противоположный, и встает тогда вопрос: так кто ж дурак? Надо как-то помнить, что они-то и придумали всю громкую фигню с историческими предпосылками и исторической необходимостью, и не нам их учить такой премудрости. Но наша несусветная израильская наглость и самоуверенность не является всё же главной причиной их несогласия. Израиль не может в принципе объяснить свою позицию просто потому, что эта позиция необъяснима, по крайней мере, с их точки зрения. И если мы желаем объясниться, нам сначала необходимо просечь ИХ точку зрения, а не наоборот.

С их точки зрения мы являемся оккупантами, НЕСМОТРЯ на исторические предпосылки. И поэтому хватит уже с этими предпосылками, они их знают не хуже нашего. А как оккупанты мы несем основную долю ответственности за происходящее, включая несомненные палестинские бедствия. Не всю ответственность, но основную долю. Израиль не сможет опровергнуть этот Европейский сентимент. А палестинская пропаганда проста и чиста как слеза Марите Мельникайте: мы живем под оккупацией — с нас и спрос как с гулькин нос.

Запад не оправдывает палестинский террор, но, осуждая террор как метод, при этом подтверждает право (и в некоторой степени, обязанность) каждого народа бороться против оккупантов с оружием в руках за свою независимость. И этот вопрос для них просто принципиальный. Никакая пропаганда не поможет. (С моей личной точки зрения, это вопрос прагматики, а не принципа. Вот поумнеют дьяволы эти и начнут убивать исключительно солдат, да взрывать только танки — кто тогда их осудит?)

Самое обидное во всем этом то, что, отвлеченно говоря, все израильские горячие головы согласны с подобными принципами — отвлеченно говоря! Но в том-то и дело, что говорим-то мы о самих себе, и говорить отвлеченно становится сложно. Делаем ли мы себе поблажки или занимаемся самобичеванием? А черт его знает. И того, и другого хватает. Вот если б принимать себя немного меньше всерьез, с иронией относиться к нашим «истинам» — то и драться между собой меньше стали бы, и от запора бы помогло. Да и есть у нас самих исторические предпосылки, чтоб хмурить брови на всякие «истины», мы уже знаем одно «единственно-верное».

Теперь: очень важно тут различить между журналистикой и моим личным мнением. Послание сие есть в основном мои потуги ответить на вопрос: почему нас невзлюбили Европейцы. Вот, передайте моим новым друзьям, ежели не против и не трудно.

Когда-то давно напечатал пару рассказов в «Зеркале». Я знаком с Гробманом. Я был у них, когда приезжал из Южной Африки, они жили в каком-то подвале, там крысы бегали, я не знаю, как люди могут так жить. Так я повел их в ресторанчик на берегу, угостил. Так он мне все рассказал о положении в Южной Африке, и конечно он знал обо всем лучше меня, я ж там за десять лет ничего не понял. Она, Ира ее зовут? Да, она еще ничего, а он-то, что он еще жив, это кто-то недоглядел.

Алекс

От Л: А ты мне снился сегодня. Будто мы на вершине Нимрода. Облака плывут под нами и птицы... и потом туча нас накрывает, и я поднимаю руку, а ладонь уже не видно — она по ту сторону... ну и мы обнимаемся и любим друг друга как сумасшедшие, и видим только друг друга, вокруг туча и мы в ней тонем, и я говорю — всегда знала,

что любовь наша потусторонняя, неземная и слова только дотрагиваются до нее, но выразить ими ничего невозможно... а ты только киваешь головой — да...

Когда вошли в номер, она сказала: «А у меня не стоит».

Потом рассказывала о подруге, у которой сын умер, как все слетаются, совершенно чужие и незнакомые, как воронье, и на кладбище, и на посиделки...

И о том, что была на свадьбе, и все там отравились. И как она однажды отдыхала в санатории в Цхалтубо, где радоновые ванны, и там невозможно было есть, и она ужасно голодала и похудела на десять килограммов, «правда у меня еще любовник был классный»...

Потом в «деревне» выясняли отношения. Сказала, что думала разорвать. Что 11 марта было роковым. И в киббуце ей было «плохо». Нет, сегодня было хорошо. И сейчас хорошо. Но в киббуце было плохо. И что она, конечно, знает, что я ее не люблю, но все равно она мне благодарна. На следующее утро голос у нее был грустный и отчужденный.

8.4.

Позвонил Зайчику насчет статьи.

— Опять кого-нибудь ругаете?

— Да нет, наоборот...

— Вот вы Шарона ругали, а он — посмотрите какой молодец.

— Ну, сейчас вроде ничего...

— Вы посмотрите, как стоит против всех! Какой красавец!

9.4. Звоню Р:

— Ну как прошел день Катастрофы?

— Фильм детям показывали, на полтора часа, я одна с двумя классами сидела. Час они еще высидели, а потом... ну трудно им. ... Ашкеназим еще понимают, восточные — не очень. А еще у нас группа есть: Ваня Смирнов, Саша Петров, Таня Соловьева, ну и еще несколько таких, они в углу сидели, нет, тихо сидели, играли в электронные игры на своих пелефонах, и чего-то меня заело, может я и не права, я к ним подхожу и говорю: «Может, Ване Смирнову и Тане Соловьевой все равно, что шесть миллионов евреев убили, но из уважения к государству, в котором живете, могли бы в такой момент в игрушки и не играть». Ну ничего, спрятали свои пелефоны. Насупились. Да они же ненавидят нас, я знаю.

Вчера собирались «иврим» по поводу выхода сборника статей «Ахерет»¹. Еще обсуждали оформление их интернетовского сайта. А в субботу, на Независимость, ездили вино пить к одному виноделу. Взял с собой

¹ По-другому (*ивр.*).

жену. Боялся, что будет скучно, но ей понравилось: «очень интересные люди». Амир произвел впечатление: «старый орел». Сказала, что он «очень умный». «Умный-то умный, — говорю, — а всю жизнь долбит одну и ту же идиотскую идею». «Какую?» — поинтересовалась жена. «Ханаанскую. Что мы все тут, и арабы и евреи, должны стать единым народом, ханаанейцами, старая идея Ратоша. Он думает, что если он евреев уговорит, то полдела сделано». — «А кто такой Ратош?» — спросила жена. — «Неважно, поэт был такой».

Наум, привет!

Я получил сегодня по E-mail'у от брата статью из американской газеты «Уолл-Стрит», которая мне настолько понравилась, что я ее даже перевел (см. ниже) на случай, если у тебя возникнут трудности с английским. Поскольку я переводил наспех, «с листа», в тексте могут быть шероховатости и неточности, которые нетрудно скорректировать, имея под рукой оригинал.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Спасибо за статью, неожиданно произраильская, даже для Америки, но больше «эмоциональная», чем аналитическая. Трудно судить, насколько она характерна для тамошних настроений, я плохо знаю обстановку в Америке и даже в Европе, у нас здесь ощущение, возможно несколько параноидальное, что «все против нас».

А пока официальная Америка требует нашего отступления, хотя всем ясно, что как только операция закончится, начнутся взрывы (ни одного за время операции, вот уже дней десять!). Конечно, грех жаловаться, Америка тоже не может «положить» на всех, но вот в «Таймс» вроде было сообщение, что американцы (совещание с Блером в Техасе) отложили атаку на Ирак чуть ли не на год. Если это так, то буча, которую Арафат завернул, достигла своей цели: американцы дрогнули. Если так, то для нас это почти катастрофа. Через год — это никогда. Через год мир вообще будет уже другой, неизвестно какой, и влияние Америки на развитие событий будет еще меньше.

Немцы прекратили нам поставки сцеплений для танков «Меркава». Европа обсуждает (пока только обсуждает) санкции. Папа стучит клюшкой, и конечно не на палестинцев, захвативших храм Рождества и изощряющихся в провокациях. Все это мало похоже на «понимание»... А на Севере, как и опасались, хизбалду совсем распоясались, но мы пока «терпим»...

Всегда твой
Наум

10.4.

Соколову:

Sasha, privet!

Заказанный тобою «Квартет» уже в пути.

Всегда твой

Наум

Spasibo, starik!

Как сказал один романтический поэт, предшественник Тарасова —
«Старик, я слышал много раз, что ты меня от смерти спас...»

Обнимаю

S.

От Матвея:

Shoa

Реплика Черкизова

9 апреля 2002 года. Радиостанция «Эхо Москвы»

В понедельник в Европе, а во вторник в Израиле прошел день Катастрофы, Холокоста.

В очередной раз людям предложено вспомнить о том, что по воле нацистов 6 миллионов человек погибли только за то, что были евреями.

Но нынешнее напоминание не только и не просто напоминание в очередной раз. Нынешний день памяти о Холокосте происходит на фоне событий, которые заставляют людей приходить к очень странным сравнениям. С одной стороны, Израиль проводит военно-полицейские акции на территориях Палестинской автономии, расположенных на западном берегу Иордана, для того, чтобы покончить со структурой террора, созданной Арафатом и его приспешниками.

С другой стороны, всю прошлую неделю во многих европейских столицах, а также в Нью-Йорке проходили многотысячные демонстрации в поддержку палестинцев.

Тут возникает первая серия вопросов. Почему, к примеру, европейские столицы не взвинчивались протестами всякий раз, когда палестинские камикадзе убивали в Израиле мирных жителей, детей и стариков? Почему пропалестинские демонстранты в Европе ни разу не осудили Арафата, которые до сих пор не сделал ни шагу для успокоения ситуации на Ближнем Востоке? И — вообще — существует ли второй, другой смысл в этих демонстрациях в Париже, в Брюсселе, в Риме?

Как ни странно, на этот, последний вопрос ответили итальянские профсоюзы и левые партии, которые было согласились принять участие в демонстрации, но потом отказались. Так вот, они заявили, что не будут принимать участия в этом мероприятии, потому как опасаются, что оно может принять... антисемитский характер.

Вот-вот, именно об этом и речь. Действия израильских властей на территории ПНА, совершенно понятные всякому информированному человеку, подняли в Западной Европе волну антисемитизма.

Справедливости ради надобно отметить, что в самом конце минувшей недели в том же Париже прошла демонстрация в поддержку действий израильских властей.

И по численности людей, принявших в ней участие, эта демонстрация, как говорят, даже превзошла пропалестинскую.

И я вам скажу, почему так произошло. Европейцы, пусть и не сразу, начали понимать, что вторая палестинская интифада, бесовестно раскрученная Арафатом, есть не что иное, как сиквел Холокоста.

Скажите-ка мне, только, пожалуйста, честно: какая существует принципиальная разница между печами для евреев в нацистских концлагерях или расстрельными рвами для узников гетто и дискотекой возле дельфинариума в Тель-Авиве или ресторанчиком в Хайфе?

По-моему, никакой. И там и там людей убивали только за то, что они были евреями.

Теперь скажите мне: какая существует принципиальная разница между Европой, молчавшей по поводу геноцида евреев во время Второй мировой, и нынешней, которая не только не осаживает, но даже поддерживает палестинцев? По-моему, никакой; в первом случае консьержки, выдав очередную еврейскую семью, обещали в обязательном порядке следить за оставленной этой семьей собачкой. В нынешнем случае, не осуждая палестинских террористов-убийц, многие настойчиво говорят о стремлении к миру и верности ценностям демократии.

Матвею:

Сегодня утром взорвали автобус недалеко от Хайфы. В боях за Дженин и Шхем много убитых. В Дженине вчера погибло 13 солдат (есть и раненные), а точнее, офицеров (штурмуют Дженин отборные, почти офицерские, части). Эти «крутые» ребята в Дженине (район особенно бандитский, маленькая Чечня Западного берега) заминировали дома и взрывают их вместе со своими и чужими... Наши не решаются вводить в дело авиацию (вертолеты работают) и пропахать этот участок, боятся картинок: горы трупов, разрушенные дома — взрыв возмущения во всем мире. Вчера, когда эти тринадцать подорвались в Дженине, вся страна кипела «жуткими» слухами (сообщили только к вечеру). У каждого солдата мобильник, страна и так на ушах стоит... Бой за Дженин, а вернее, за какой-то кусок «лагеря беженцев» около Дженина, продолжается. С обеих сторон нарастает ожесточение. Весь арабский мир жужжит как растревоженный улей. Температура в мире поднимается, и это только начало. Боюсь, что в этих условиях Америка не решится на атаку Ирака, а это будет означать и ее поражение. Арафат оказался гораздо лучшим союзником Ирака (его поддержка Саддама 12 лет назад была не

случайной!), чем Америка — союзником Израиля. Буш позавчера «гневно» требовал вывода войск. Но это уже не имеет значения. Операция провалилась. Политические цели не достигнуты. Пауэлл собирается встретиться с Арафатом (с патентованным бандитом!), который из своей «тюрьмы» продиктует условия временной «передышки». Черкизов, дай ему Бог здоровья, немного переоценивает опасения европейцев перед антисемитизмом. Я вообще думаю, что классический европейский антисемитизм — это сегодня «мелочь», капля в море. Европа боится любой бучи. А исламский мир, как когда-то Гитлер, выбрал евреев как слабую точку Запада и собирается надавить на нее изо всех сил. Победив на Ближнем Востоке, Ислам завоюет мощные позиции в Европе (они и так уже не слабые), и на этом тоже не остановится. Как тот же Гитлер сказал: террор может остановить только еще более страшный террор. Но решимости на превентивную войну ни у кого на Западе нет. И бежать, как твой брат говорит, некуда...

11.4. Боевая задача по-израильски: «Нет девственниц — нет терактов!»¹.

Матвей, привет!

В Дженине идет тотальная сдача террористов: сотни пленных, та же картина в Шхеме. Один местный сайт, якобы «приближенный» к военным источникам, сообщает, что американцы, до сих пор не взявшие Кандагар, а расположившиеся на окраинах, на аэродроме, предоставив новой власти как-то «договариваться» с остатками «талибана» (вообще война в Афгане совсем не окончена и еще преподнесет немало сюрпризов), с большим интересом следили за какой-то оригинальной «техникой взятия городов», которую продемонстрировала израильская армия. Надо сказать, что народ ведет себя «как надо», по рецептам скорее «героическим», чем «ресентиментным», народ готов воевать, здоровое чутье подсказывает ему, что бежать некуда. Но СМИ... ох, уж эти СМИ. Берут, например, интервью у офицера подразделения, которое потеряло много солдат в бою за Дженин (маленькая модель мясорубки в Грозном в первую чеченскую...) и спрашивают: после того, как погибли ваши товарищи, у вас не возникло желание выйти из этого ада?

Я очень надеюсь, что эта готовность воевать, необычная и непонятная в современном западном мире, действительно заложит основы какой-то новой, более «здоровой» моральной атмосферы. Мне даже кажется (может, я бросаюсь в другую крайность), что Европа нас немного побаивается. Ведь если бы дали нам «развернуться», мы бы давно весь Ближний Восток под себя подмяли...

¹ Исламских самоубийц соблазняют на подвиг обещанием 70 девственниц, которые ждут их в Раю.

А СМИ, особенно телевидение, надо «брать», и любой ценой, хотя это орешек покрепче Дженина...

Что читаешь сейчас, над чем «работаешь»?

Всегда твой

Наум

12.4. От Л:

Спасибо огромное за записки. Еще не читала, но предвкушаю.

Сын звонил из Т-А-ва. Голос бодрый. Воодушевленный. Говорит, такое чувство, как после 9.11. в Н-Й-ке. Патриотический всплеск. Кругом знамена, возбуждение всеобщее. На сборы приходит больше людей, чем требуется. Чувствуется, что счастлив, что сподобился посетить в его минуты роковые. Говорит, звонил на работу, а там полный обвал. Большие деньги теряют. Я ему говорю: так ты же знаешь, что все взаимосвязано. А он: знать-то знаю, но пощупать — это машеу ахер легамре¹... И у нас тут тоже митинги в поддержку... все встрепенулись, сегодня открытым текстом вещали по CNN, что Буш не может себе позволить двойной стандарт. Что после 9.11. в Израиле были приспущены флаги, а у Арафатки на улице плясали...

Наум, привет!

Перелистывая Иосифа Бродского, наткнулся (в V томе) на «Актовую речь». Теперь, в ходе «чтения с фонарем», мне показалось, что она имеет прямое отношение к 'ресентименту'. Бродский рассуждает о «знаменитом совете обратить /подставить? это перевод с английского/ другую щеку». По его мнению, эта христианская заповедь имеет глубокий смысл — но только в том случае, если найти к ней правильный подход. Если интерпретировать ее с грубым буквализмом, это приведет к катастрофическим последствиям. Приведу слова, которые звучат сегодня очень актуально: «Строить этику на неверной цитате — значит, готовить себе гибель или судьбу духовного буржуа, наслаждающегося максимальным комфортом — комфортом своих убеждений. В обоих случаях (из которых второй с его членством в гуманистических движениях и некоммерческих организациях переварить труднее) дело кончается уступкой территории злу, отсрочкой понимания собственных слабостей». Между тем, Бродский вовсе не отрицает справедливости заповеди — но специфической, пригодной только для тех случаев, когда ситуация безвыходна (напомню о своем анализе 'ресентимента', в ходе которого я пришел к выводу, что для правильного понимания этой категории очень важно знать, насколько непреодолима преграда). Бродский в связи с этим пишет: «Позвольте напомнить, что сейчас нет речи о ситуации честной борьбы. Мы говорим о ситуации, где человек с самого начала

¹ Что-то совершенно другое (*ивр.*).

занимает безнадежно проигрышную позицию, где нет шанса дать сдачи, где у противника подавляющий перевес. Иными словами, о самых мрачных часах человеческой жизни, когда ощущение морального превосходства над врагом нисколько не утешает, когда враг зашел слишком далеко, чтобы внушить ему стыд или тоску по забытой совести...» Почему это важно? Потому что евреи диаспоры, особенно после разрушения Храма, практически всегда жили именно в такой ситуации. Между прочим, у Бродского (несмотря на его «непростое» отношение к «еврейскому вопросу») проскальзывает подспудно «еврейская тема» («И арестанты, и охрана шутили на его счет, что, мол, вообще-то евреи считаются хитрыми, а этот...» — с. 277). В этой ситуации ни «подставление щеки», ни «отдавание верхней одежды плюс к рубашке», ни готовность «идти два поприща вместо одного» (см. с. 278) не будут проявлениями 'ресентимента'. «Еврейский ресентимент» проявляется не в этом, а в «шведских интеллектуалах-евреях», которые примыкают к антиизраильским демонстрациям. Чемпион ресентимента — Борис Пастернак, который в своем мерзком по идеологии и низкопробном в художественном отношении «Докторе Живаго» умолял евреев — устами Гордона — исчезнуть с лица земли, чтобы не трепать ему нервы. И это говорилось почти сразу после Шоа! Поэтому Ницше выступает как заурядный антисемит, когда приписывает 'ресентимент' евреям. «Истинными христианами», «христианами в квадрате» становились не «евреи вообще», а еврей-ассимилянты, еврей-выкресты, еврей-лучшие-друзья-арабского-народа.

Теперь на другую интересующую нас тему. Я прочел в книге Старобинского замечательную статью: «'Мифы' и 'мифология' в XVII–XVIII веках». В ней прослеживается возникновение у немцев «мифа о мифологии» — того самого, который привел в конечном итоге к «нацистскому мифу». Далее пересказываю Старобинского «близко к тексту». В «мифе о мифологии» происхождение мифов совпадает с происхождением нации, что требует от людей кризисной эпохи восстановить связь со своим первоисточком. Но люди, живущие в век науки и рефлексии, не могут вновь обрести наивную изумленность юного человечества. Невозможность вернуть к жизни старую мифологию делает еще более сильным опасное желание создать новую мифологию. Шеллинг (цитирую по Старобинскому): «Нам нужна новая мифология, но эта мифология должна быть на службе у идей, она должна стать мифологией *разума* (ср. с *моими 'рациогенными' эмоциями*). Идеи, не представимые в эстетической, то есть мифологической форме, не составляют интереса для народа, и наоборот, неразумная мифология постыдна для философа. В итоге образованные и необразованные люди должны подать друг другу руки, мифология должна стать философичной, дабы сделать народ разумным, философия же должна стать мифологичной, дабы сделать философов чувствительными».

Хотя эти ожидания нового расцвета мифа не сбылись, но будущей истории была задана функция, эквивалент которой можно найти только в религиозных или гностических эсхатологиях. В то самое время, когда начинает ощущаться нехватка мифа, само время творимой людьми истории оказывается насыщенным ожиданиями новой мифологии, словно второго пришествия, подобное мышление тем самым уже мифически расценивает настоящее время как подспудное зарождение нового Адама. Становясь предметом этого нового мифотворчества, человеческая история кажется наделенной умопостижимым смыслом — возвратиться к древнейшей истине путем рождения совершенно нового мира. Понятый таким образом миф, который в начале XVIII века был чисто профанным украшением, становится самым воплощением сакрального. И в философии Просвещения недостаточно выделять 'секуляризацию'. Очевиден и обратный процесс, в ходе которого мифу, на первых порах устранившему как бессмыслица, приписывается смысл явленной истины (Шеллинг). В результате этого двойного преобразования реорганизуется вся оппозиция сакрального и профанного. Старинное сакральное как бы меняет кожу, а область профанного наделяется мифическими упованиями на избавительный прогресс. Грядущий миф, каким он очерчивается в неясных ожиданиях, не просто будет выдуман человеком (поэтом-пророком или трудящимся человечеством), но и героем его станет человек. Ожидаемый миф — который так и не родился ни в исторической действительности, ни в поэтической, — это уже не теогония, а антропogония; стремясь к объединению народа, он должен воспеть Человекобога, создающего себя своим пением или же трудом своих рук.

Я очень рад, что в твоём последнем письме проскальзывают ноты оптимизма в связи с нынешней ситуацией. Меня тоже бросает то в жар, то в холод, иногда по несколько раз за день.

Всегда твой
Матвей

From: «Alexander Barash»

Как насчет поместить твой перевод Шабтая в ОСТРАКОН'е?

Барашу: Я не против.

Позвонил и объяснил ему неясную пока ситуацию с «правами». Он испугался и тут же отказался от идеи.

Жанна: да, видела я демонстрации в Упсале и Стокгольме. Одни арабы со своими шведскими женами.

14.4. Я вдруг обнаружил, в ходе работы с выдуманными героями, что с образами, созданными фантазией, трудней расстаться, чем с жи-

выми людьми. Возникает какая-то шизофреническая привязка к этим «созданиям», или их — к тебе, они отказываются тебя покинуть. Я недооценивал силу и значение воображения. Даже в случае, когда не ты создатель «образов», а они «внушены» тебе другими (так образы детских книг зачастую не отпускают тебя до смерти), но ты «пропустил их через себя», дофантазировал, полюбил как «свои», и они владеют тобой... Образы владеют нами... Гештальт-психология. Может, отсюда такая власть СМИ? Вместо действительности нам подсовывают картинку, поливают соусом чужих чувств — и мы попались, мы в нее верим. А до действительности надо еще докапываться. А если она к тому ж неудобна... Вот тебе и мир как воля и представление.

В нас хотят видеть жертву, а мы сопротивляемся, и это раздражает. К тому же среди нас так много услужливо готовых на такую роль (ради «справедливости»). Их готовность всячески приветствуется благороднейшим мировым сообществом. Боюсь, что нам не выбраться из «парадигмы жертвы»... Нужно чрезвычайное культурное усилие...

Когда сталкиваются этносы, справедливость ни при чем. Тут глубь инстинктов. Война — вид коллективного насилия и восстановления единства. Сладость единства...

Три фактора решают в борьбе племен: внутренняя цельность, численность и техническое оснащение. Стремление увеличить численность объединением племен и родов, приводит к внутренней нестабильности. Внутренняя цельность, то есть «цивилизационный клей» (религия, строй) влияет и на техническую оснащенность (долгосрочно). А этот клей создается культурой. Национальной культурой.

16.4. Ехал с тяжелым чувством, что эпоха заканчивается. Но удивила меня веселостью. Горячие руки. Принес ей кассету «Настроение к любви», а она мне книжку «Обитель ста наслаждений» Рубоко Шо. По дороге в обитель споры о любви...

— Я прочитал в «Искусстве кино» статью об этом фильме, кстати, хороший журнал, прочитал его от корки до корки, шестой номер за прошлый год, там еще интересная история о Луговских и Елене Булгаковой, интересные подробности быта в эвакуации, и вообще..., так я выяснил окончательно, что между ними «все было».

— Как же ты это выяснил?

— Оказывается, режиссер вырезал откровенные постельные сцены...

— Ну да, чтоб ты помучался.

— Одна знакомая, когда я ей сказал, что между ними, может быть, ничего не было, сказала: «Наумчик, тебя легко обмануть!»

— Ха-ха! А тебя легко обмануть?

— Ах, обмануть меня нетрудно...¹

— А вот интересно, почему тебе так хочется, чтобы у них ничего не было?

— Потому что так сохраняется высокое напряжение любви, а когда «это» происходит, любовь как бы разряжается, уходит, грубо говоря... (перехожу на декламацию) как молния в чрево земное! Заземляется. В общем, все становится банальным.

— Это твоя главная ошибка: ты считаешь любовь банальной, ты боишься заземления. А это и есть любовь, другой нет. «Ничего не бывает» только у импотентов.

— Да нет же. Понятно, что любовь, как и всё, имеет «земное» происхождение, но человек всегда достраивает «верхние этажи»: идеалы, божественное и так далее. Любовь основана на сексе, это понятно, но человек так поражен силой своих чувств, что ему чудится в них проявление божественной воли, это и есть поэзия, человек мифологизирует свои ощущения, чувства усиливаются стократно, как в резонаторе, более того, помещая свои ощущения в «верхние этажи», человек уже и не нуждается в «сексе», любовь выходит в небесные сферы, как многоступенчатая ракета, отбрасывая отработанные ступени...

— А ты? Ты тоже не нуждаешься в сексе?

— Да я вообще говорю...

— А я про тебя. Вопрос простой: тебе нужен секс?

— Да секс всем нужен. Я про то, что любовь — это не только секс, мы уже сто раз с тобой на эту тему...

— И я сто раз тебе говорила: любовь без секса — это для семидесятилетних. Нет, для девяностолетних.

— Опять ты не про то... Люди могут годами не видеться, а любовь между ними есть...

— Это совсем другое, это воспоминание о любви. Если она когда-то была, то всегда ее помнишь...

— Бывает, взглядами с кем-нибудь обменяешься, и аж дух перехватывает, потом всю жизнь это помнишь.

— Бывает.

— Поэты воспевают любовь именно оторванную от секса...

— Например?

— Ну, там Лаура Петрарки. Да вся поэзия именно об этом, о любви как загадке, божественной загадке, так формируется культурный стереотип любви, любовь — это культурный стереотип, мы его воспринимаем в отрочестве «из воздуха культуры», даже те, кто книг не читает. А физиология не загадка, а задачка... Мы же, когда влюбляемся в отрочестве, мы же не знаем, что это сексуальный инстинкт, и мы «любим»

¹ «Ах, обмануть меня не трудно!.. Я сам обманываться рад!» (А.С. Пушкин, «Я вас люблю, хоть и бешусь...»)

в соответствии с культурными стереотипами, о чем в книжках про любовь прочитали, а там твердят о возвышенном, поэтому и столько разочарованных в юности, я сам был разочарованным, потому что представляешь себе это иначе, возвышенно, а ты миновала стадию мечтаний о любви, ты сразу получила секс, тебе это понравилось, и вся поэзия для тебя оказалась излишней...

— Все эти литературные образцы часто действуют разрушительно...

— Это верно.

— А твое разочарование связано совсем не с этим. То, что ты рассказал мне... это было ужасно... Ну тогда, в первый раз: ее мать рядом на сундуке, клопы... ужасно, ужасно...

Еще прочитал ей лекцию о «переносе» на любовь стремления к родовому единству, и стремления к единению со всем миром, с природой: всегда девушек заманивают либо на берег моря, либо под звездный полог, почему-то именно близость к океану располагает к любви, любовь — океаническое чувство...

— А куда мы вообще едем?

— За сексом.

— Без любви?

— Любовь располагает к сексу.

— Аа, ну и слава Богу... Ладно, я посмотрю фильм, раз уж ты так... Я невнимательно смотрела. Ты меня отвлекал... Не знаю, мне вся эта история показалась смешной, как из того анекдота: давайте им отомстим.

— В статье, кстати, написано, что в Китае и Японии некоторые зрители смеялись.

— И вообще мне этот фильм не понравился: как-то все там убого, грязно...

— В том-то и дело, что это не важно...

— Эта актриса с плоским, как блин лицом, грех такой не изменить...

Губы у нее мягкие-мягкие, любящие. Мы даже не успели раздеться... Потом все-таки разделись. А потом она что-то рассказывала, и я подумал, что все-таки удивительно простодушна... Девчонка...

Выпили текилы, закусили хлебом с сыром и огурцом. Она не умолкала:

— В субботу мы были в одном ресторане в Ашдоде, там красивую набережную сделали, ресторан с виду невзрачный, но внутри хорошо оформлен, официанты во фраках, да, в белых перчатках, и очень вкусно, молдавский... там был один наш знакомый, профессор паразитолог, все его Паразитом зовут, ему лет 65, но он прям мячик, мы с ним так плясали, очень весело было. И жарко. А на обратном пути я кофту сняла, а потом и лифчик, нет, в машине, я уж не такая хулиганка, ну и стала мужа соблазнять... соблазнила, конечно. Ничего, нашел место. А ты бы что? Так и сказал бы: потерпи до дома? Муж мой тоже один раз так сказал. Почему «отомстила», не в этом дело. Но так нельзя говорить, никогда так не говори, желание — это святое.

Потом читали Рубоко Шо. Она в восхищении и от комментариев.
— Вот, сейчас я тебе найду...

Гладит мизинцем по векам
Шарю спросонок вокруг
Ножка под шелковой юбкой
Встает Хитоцубаси
Волшебное пробуждение!

Хитоцубаси означает единственный мост, правда, красиво?
— Хитоцубаси, говоришь...
— А вот здесь, о каком наслаждении идет речь:

Ужинаем под пение птиц
Рис кажется слаще
Саке — крепче
Меч Цуруги после ужина
Обрел те же свойства

Вот переводчик Энгр пишет, что Рубоко Шо описывает здесь способ наслаждения, не имеющий в Европе ни аналогов, ни названия...

А вот:

Покинул ее на рассвете
Не слишком заботился о наряде
Криво сидит кафтан
Развязан шнурок от шапки
Жадно ловлю взгляды прохожих

— Ну?

— Ну, радуется, что ему завидуют...

— Чему завидуют?

— Что у бабы был! А вот тут интересный комментарий, послушай: «Рубоко в целом пренебрежительно относился к мнению окружающих. В “Дневнике” находим любопытный пассаж: “Поэты, — пишет Рубоко, — и с точки зрения заботы о престиже делятся на две категории. Первые страдают болезненным себялюбием и разнообразно прихорашиваются. Не устают осведомляться о мнениях в отношении своих сочинений и гардероба. Вторые якобы не ставят мнение окружающих ни во грош”. Принадлежность можно с удивительной точностью определить по тексту. “Если в стихах, — продолжает Рубоко, — встречаются определения ‘бесстыжая, развратная, порочная, распутная, падшая, коварная, злобная’, то автор самолюбив до слабоумия. Если прибавляет существительные ‘баловница, прелестница, проказница, шалунья, вертихвостка’, или существительные ‘любимая, возлюбленная, хорошенькая’ — характером лжив, высокомерен и подл”. Ха-ха-ха! А вот переводчик, этот Энгр, считает, что “поэт метафорически описывает упоение славой. Именно утро, когда проснулся знаменитым. Приход долгожданной известности переосмысливается как ночь с капризной потаскухой”...»

— Ничто не сравнится с наслаждением от всеобщей зависти, когда тебе покоришься та, о которой все мечтают... Это похоже, конечно, на наслаждение славой... но часто и славы-то хотят добиться только для того, чтобы добиться женщины... Помню, как на заводе, где я работал по распределению, у нас была одна татарочка, ух, какая сладкая! Когда она проходила мимо по лестнице, где все курили, мужики как роботы крутили головы в ее сторону и облизывались на ее попку, а потом начинался такой возбужденный хор грубостей, как «засадил бы по самые помидоры», а меня эти грубости наполняли блаженством, вот, думаю, все облизываются, а я — ебу.

Так, за цитатами, постепенно увлеклись ласками, сначала равнодушно отстраненными: ее пальчики занимались мечом Цуруги, а мои — колоколом Дотако. Потом она припала к источнику, слизывая изморозь с меча Цуруги, а я, пожалуй, впервые, добрался языком до колокола и принялся вылизывать его изнутри. Это колокол «потрясло». С трудом оторвал ее от Хитоцубаси и, войдя в нефритовый храм, долго-долго моллился и бесновался, исполняя Танец Корейского Пса в разгар Танца Четырех птичек, пока не расцвели хризантемы оргазмов...

Как когда-то, в полубеспамятстве грубо спихнула меня с себя: «Пусти!»

Молча лежали рядом. Пришла в себя и сказала: «Ну ты даешь...»

— Давно ты не говорила мне «Пусти!» — улыбаюсь.

— Я больше не могла. Такое чувство, что еще одна фрикция, и — пиздец. Чего ты смеешься? Чего ты смеешься!

.....

— Скажи мне, но только честно, обещаешь? Ты в прошлый раз не кончил?

— Почему не кончил, — смеюсь, — кончил.

— Нет, ну правда!

— Правда!

— А чего ты тогда смеешься? Нет, ты не кончил... Ну скажи правду!

— Ну, если тебе так хочется, чтобы я не кончил...

— Нет, я хочу знать правду.

— Кончил я, как я мог не кончить.

— А чего ты все смеешься? Ты меня обманываешь... Смотри, какая я сейчас мокрая, а тогда было сухо...

— Не знаю... А чего тебе так важно...

— Ну что уж я, дура совсем, не могу определить, когда мужик кончил?

Спросил ее:

— А тебе нравится, когда языком?

— А тебе?

— Так чего ж ты как-то... прячешься?

— Я не прячусь. Я могу тебе прям сюда сесть... (коснулась пальчиком моих губ) Мне просто кажется, что ты не очень это любишь...

— Почему...

— Мне так кажется... А тебе не очень нравится в рот? А почему ты меня все время отрываешь?

Ну иди объясни ей, что если кончить в рот, то уже на другие места ничего не останется. Сколько можно «кончать».

— А ты сегодня утром... делал это с женой?

— ...допустим, что да.

— Так да или нет?

— Да.

— Ну ты герой.

.....

— Такой ебли у меня уже давно не было... Чего ты смеешься? Ну чего ты смеешься?! Ну «ебля», да, а что? Как еще назвать, «половой контакт»? У нас с вами был чудесный половой контакт. А что, прекрасное русское слово «ебля»... Ну ты чего...

А у меня уже судороги от смеха.

— Ты в прошлый раз сказал, что другие женщины любили тебя не так, как тебе нужно.

— Ну...

— А как тебе нужно? Я хочу любить тебя так, как тебе нужно...

— Я думаю, что ты поняла это несколько «технически». Нет, у меня нет каких-то специфических пожеланий. Если бы были, я бы сказал.

— Тебе было хорошо? Мне было просто... давно мне не было так хорошо... мне всегда хорошо с тобой, но так... Во мне все еще дрожит, все еще чувствует тебя... Ты знаешь, что я тебя люблю? Знаешь? Ты моя последняя любовь...

Полулежала, подперев лицо ладонью, опершись на локоть, смотрела на занавешенное окно. Старуха.

— Я обожаю Рубоко. У него 39 стихов посвящены женским наслаждениям, а 61 — мужским. Интересно, что среди мужских наслаждений очень многие связано с гордостью, мстью, завистью...

— Да, у мужчины секс всегда переплетен с разными социальными инстинктами, престижностью...

— Странно.

— Чего странного. Тебе разве не важно, если кавалер приехал не на транте, а в красном «Мерседесе» с откидным верхом, красавец, аристократ и прочее...

— Ты знаешь, мне никогда это не было важно, никогда. Мне было важно, что у него между ног, и если мне было с ним хорошо — красивый или нет, богатый или нет, мне было все равно. Я и замуж так вышла, как увидела хрен, тут же и сказала себе: это то, что мне нужно. Да, было на

что посмотреть... Он и сейчас ужасно гордится, они в армии все время мерились... Я ему говорю недавно: давай померим, вдруг больше стал, он так радостно: давай!

— Ну, и сколько намерили?

— Да ну...

— Вот, застеснялась вдруг.

— Я не застеснялась, но чего я буду тебе...

— Интересно...

— Почти логарифмическая линейка.

— Ого!

— На семь сантиметров меньше.

— В логарифмической по-моему 25 сантиметров.

— Да.

— Значит 18 сантиметров?! Ого, а сколько ж, когда встает?

— Да ты чо, это в возбужденном состоянии, ты чо, до колена, что ль, болтается?

— Откуда я знаю... Понятно... Ну, тоже мехубад меод¹.

— Мехубад, мехубад. Но это не всегда хорошо. Муж мне больно иногда делает...

— Понятно.

— А давай у тебя померим! Я в следующий раз угольник принесу!

— Да чего там мерить...

— Не говори так! Никогда так не говори! Ты должен его любить! Он у тебя очень красивый! И он мне доставляет такое удовольствие... ты себе не представляешь!

И на обратном пути:

— ... нет, есть такие, что когда встают, почти не увеличиваются, это у армян так...

— Ты и как у армян знаешь? Чтоб к такому выводу прийти, нужно собрать статистику...

— Уж сколько я хуев перевидала... А у некоторых вообще западает, их так не видно... Слушай, ну что я несу... ты как-то странно на меня действуешь... про хуи тебе рассказываю...

В деревне совсем размякла, не хотела отпускать.

— Не уходи... подожди...

.....

— А можно я посмотрю, как ты писаешь?

— Смотри.

— А ты не стесняешься?

— Нет.

Смотрела из-за плеча, а у меня «не идет».

— Ну, пись-пись-пись! Ну!

И коленкой под зад пихнула.

¹ Весьма почетно (*швр.*).

16.4. Утром позвонила.

— Я вчера в полдесятого спать пошла, чтоб... улизнуть. Я все еще была с тобой... Я так скучаю (тяжелый вздох). Мне было так хорошо... Даже в киббуце тогда не было так хорошо...

Матвей, привет!

И тебя тоже с Днем Независимости. Как раз собрался тебя поздравить, но ты меня опередил. Все-таки хорошо, что есть такой праздник.

Не по этому ли случая и Елена Боннер «выступила в защиту». Наконец-то в ней проснулась старая еврейка.

«...в Европе и в Америке под лозунгом защиты палестинского народа разгорается антиизраильская истерия, хотя Израиль ведет необходимую и оправданную войну не с палестинским народом, а с мировым терроризмом, синдикатом терроризма, объединившим «Аль Каиду», «Хамас», «Фатх», «Исламский джихад» и других. И эта война Израиля никак не менее справедлива, чем та, которую ведет антитеррористическая коалиция во главе с США. Кто руководит этой истерией и кто платит ее руководителям — мы не знаем. Но ее подпитывают рассуждения специалистов о неизбежном нефтяном бойкоте, шантаж Саддама Хусейна и личные амбиции ряда политиков и хозяев средств массовой информации. Размах этой истерии впечатляющий — от американских студентов и голливудских звезд до европейских ученых и норвежских парламентариев, до Европарламента и до правозащитных организаций. Ученые додумались до призыва к бойкоту израильских коллег. Европарламент принял 269 голосами антиизраильскую резолюцию. Члены комитета по Нобелевской премии мира сочли, что Перес не достоин премии — ее достоин только Арафат.

Коротка память у этих политиков. Они сумели забыть, как Черный сентябрь Арафата чуть не разрушил Иорданию, забыли Мюнхенскую олимпиаду и многое другое. Эта истерия ставит Израиль в трагическую ситуацию изолированности, но она куда опасней для Европы и Америки, где уже поднялась мутная волна антисемитизма. А антисемитизм, как известно, легко воспламеняется (нет ничего легче!), да трудно тушится. И никто не знает, каких новых Гитлеров он ведет за собой. «Бей жидов, спасай Россию» — был лозунг российских черносотенцев. Похоже, к чему-то подобному сегодня катятся Европа и Америка. И это не бедные страны Африки и Азии, а центры мировой демократии...»

И еще тебе заказ: я тут «открыл» Рубоко Шо, японского поэта эпохи Хаян, вышло три его книги по-русски: «Эротические танки». М. Панорама, 1991г., «Дневники. Манускрипт». International Research Center for Ruboko Sho, Kioto. Пер. О.М. Узунгикоян, и «Обитель ста наслаждений», Москва. Вагриус, 2001 г. Если встретишь что-то из этого, или все три книги, то возьми мне, можно по два экземпляра.

17.4. От Л: с праздником тебя Независимости! Были на митинге в поддержку, в Вашингтоне. Привет от Биби. Сын вернулся. Говорит водил Наташкиных дочек куда-то в Тель-Авив, так все сидели и смотрели, кто входит, боятся, и народу на улицах мало, непривычно и очень грустно...

И тебя с Праздником! А мы как раз сегодня ходили «семейно» в итальянский ресторанчик. Вкусно... Посылаю записки. Ты прости за «безобразия», но уж очень местами забавно...

Позвонил Бараш. Оказывается, у него есть старший брат («на три года старше»), живет во Франции, «да ничего не делает, мать его содержит»...

— Как это?

— Ну, у меня же мать бизнес-вумен, ты чего, не знал? У нее свечной заводик. Она и нам подкидывает. Ничего особенного, конечно, сейчас вообще дела не очень, ну, может несколько тысяч она имеет в месяц... Но вот сыну моему купила квартиру за 40 тыс. долларов.

Так этот брат позвонил ему из Парижа и сказал: «Ты там попроворней под пулями».

— Да? А у него там дом в три этажа, лужайка с бассейном, и он не сказал: давай, приезжай, живи сколько хочешь, даже не обмолвился, он сказал: ты там попроворней под пулями.

Оказывается брат его тоже литературный человек, учил биоинженерию, но после института ударился в литературу. «А сейчас он занимается ремонтом, да всего что угодно, находит на помойке старые шкафы, столы, электроприборы, делает из них игрушку и продает». — «Молодец», — подивился я.

Наконец, дошли до главного: он хочет послать мне очередной отрывок прозы, там как раз о родителях, это очень трудно — писать о родителях. Да, говорю, еще трудней, чем о жене, и поведал про очередной опус Зиника в «Окнах», «ты не читал»? Нет, он Зиника не читает, не интересно. «Он там пишет об отце, причем как-то очень странно, как-то отвязанно, про ногу отца, которую тот потерял под Кенигсбергом, с какой-то странной иронией, и мне кажется, что он это сочинил, решил попробовать «новый подход», вот прочти, мне интересно, правильно ли я думаю...».

— Ну, — говорит, — если это «новый подход», то он не с той ноги начал.

И мы рассмеялись.

— Да, — бросил он небрежно (и я понял: вот она, главная цель звонка!), — издательство вот сообщило мне, что книга, наконец, вышла... Как раз ко дню Независимости...

18.4. От Л: Спасибо за записки. Хоть смейся, хоть плачь...

Ты прости меня за разудалую порнографию. Литература попутала...

Наум, привет!

Перевел для тебя еще одну статью из итальянской (издаваемой Берлускони) «Коррьере делла сера». Ее написала известнейшая итальянская журналистка Ориана Фаллачи. Прошу прощения за скверный перевод: нет времени «шлифовать».

«Я считаю позором, что в Италии могут проводиться процессии людей, одетых в одежду самоубийц-бомбистов, совершающих жестокие нападения на Израиль, держа фотографии израильских лидеров с нарисованной на их лбах свастикой и призывая окружающих ненавидеть евреев. Эти люди так желают снова увидеть евреев в лагерях уничтожения, в печах Дахау, Маутхаузена и Бухенвальда, Берген-Бельзена и т.д., что готовы для этого продать в гарем родную мать. Я считаю позором, что Католическая церковь позволяет своему епископу, до сих пор занимающему должность в Ватикане, святому человеку, которого схватили в Иерусалиме с арсеналом оружия и взрывчатки, спрятанным в тайниках его святого мерседеса, выходить к микрофону и благодарить во имя Бога убийц-бомбистов, убивающих евреев в пиццериях и супермаркетах. Я считаю позором, что во Франции Свободы-Равенства-Братства жгут синагоги, терроризируют евреев, оскверняют их кладбища. Я нахожу позорным, что молодые голландцы, немцы и датчане щеголяют в kaffiah, как молодежь из авангарда Муссолини носила фашистские повязки. Я нахожу позорным, что почти во всех университетах Европы палестинские студенты спонсируют и питают антисемитизм. <...> Я нахожу позорным, что в теледебатах горячо приветствуются мерзавцы в тюрбанах или kaffiah, которые вчера пели гимны в честь теракта в Нью-Йорке, а сегодня воспевают убийства в Иерусалиме, Хайфе, Нетании, Тель-Авиве. Я считаю позором, что пресса делает то же самое, что она возмущается окружением Церкви Рождества в Бет-Лехеме израильскими танками, но не высказывает никакого возмущением тем, что внутри этой самой церкви засели две сотни палестинских террористов, хорошо вооруженных, с автоматами и взрывчаткой. <...> Я нахожу позорным, что Roman Observer, газета Папы — того самого Папы, который не так давно оставил в Стене Плача письмо с извинениями перед евреями, — обвиняет в геноциде народ, который миллионами уничтожался христианами. Между прочим, европейцами. Я нахожу позорным, что эта газета не признает за выжившими остатками этого народа (у многих из которых еще сохранились лагерные номера на руках) право реагировать, защищаться, не позволить себя уничтожить еще раз. Я нахожу позорным, что во имя Иисуса Христа (еврея, без которого все они были бы безработными) каноники наших приходов, или социальных центров, или не знаю, как

они там называются, заигрывают с убийцами тех в Иерусалиме, кто не может зайти в пиццерию или сходить на рынок за яйцами без риска быть взорванным. <...> Я нахожу позорным, что почти все наши левые, те самые левые, которые двадцать лет назад позволили одному из своих профсоюзов выставить гроб (на манер предупреждений мафии) перед синагогой в Риме, забывая о том вкладе, который сделали евреи в борьбу с фашизмом. Я нахожу позорным, что отчасти по вине левых — или, скорее, главным образом по вине левых (подумайте о левых, которые начинают свой съезд с аплодисментов в честь представителя Народного Фронта Палестины, лидера итальянских палестинцев, который жаждет уничтожения Израиля) — евреи в итальянских городах снова пребывают в страхе. И то же самое творится во французских городах, и в голландских, и в датских, и в немецких. <...> Я нахожу позорным, что многие итальянцы и многие европейцы выбрали в качестве образца для подражания Арафата. <...> Этот прирожденный лжец ... всегда двурушничает, лжет даже тогда, когда вы спрашиваете у него, который час. Ему нельзя доверять ни в чем и никогда!» Ну и т.д.

Ориана Фаллачи, Панорама, Корьер делла sera, 12 апреля 2002 года.

В сноске она названа top-journalist. Специалист по Среднему Востоку, ей 71 год. Дальше дайджест полемики по поводу этой статьи; надеюсь, прочтешь сам по-английски: устал переводить.

Матвей, привет!

Спасибо за статью. Да, поднимается какое-то «сопротивление» в Европе и в Америке (была на днях огромная демонстрация в Вашингтоне), даже такое ощущение, что, может, жизнь качнется вправо, качнувшись влево¹. Но это «сопротивление» только укрепляет мое ощущение, что ожесточение нарастает, и «обе стороны» готовятся к решительной схватке. Боюсь, что от войны не уйти, нам во всяком случае, и надеюсь, что Америка будет с нами. Ударит Америка по Ираку или нет, «до нас», или потом, не знаю, но нам придется иметь дело с Ираком в любом случае. Ну и со всеми остальными. Надеюсь, что у Шарона хватит духу заодно решить «окончательно» палестинскую проблему... Хотя и они, небось, мечтают порешить нас окончательно... Теперь, когда Пауэлл уехал, тут начнется свистопляска террора. Главная задача все та же: «разогреть» паровой котел исламской революции. Арафат так и сказал: «Если меня будут держать здесь, как в тюрьме, запыхает весь Ближний Восток». А температура в котлах уже и так достаточно высокая. В этом «мировом раскладе» не забудем и Россию с Китаем. Ну, Китай, скорее всего постарается держаться в стороне, хотя поди знай, а вот России придется «определиться», тем более что она уже вовлечена, и тем, что воюет с чеченцами, и «особыми отношениями» с евреями, все-таки в России еще

¹ Цитата из стихотворения Иосифа Бродского «Рождественский романс».

почти миллион евреев, и здесь миллион евреев из России, да и «ветры Европы» ее миновать не могут (вот скинхеды у вас расшались, в Киеве синагогу сожгли, кому-то пиздюлей навешали). И от России многое сейчас зависит: если она пойдет с Америкой, то может оказаться в роли чуть ли не единственного (кроме Англии) американского союзника, со всеми плюсами (типа нового «плана Маршалла») и минусами такой позиции (отход от «традиционных», с имперских времен, союзников среди «угнетенных» и «пробуждающихся»), то есть внешнеполитический выбор связан для неё (это всегда так) и с внутривнутриполитическим: попытаться, воспользовавшись «слабостью» Америки (осталась без союзников), вновь оживить «имперскую роль» (соблазнительно для разогретых инфантильным национализмом умов), или полностью с ней расстаться для того, чтобы превратиться в державу-партнера, пусть и на вторых ролях, но в хорошей компании. Хотя я лично на Россию не рассчитываю: смурная она, и в смуте.

Сказать откровенно: все это «скопление туч» и перспектива бегать в бомбоубежище не особо радуют. И сыновей, что греха таить, есть желание спрятать... Но — «бежать некуда»...

В свое время, когда уезжал (я говорил тебе), у меня было неприятное ощущение, что я «убегаю» от борьбы с «проклятым режимом», но помогло ощущение, что и «режим», да и все остальное — не мое. А тут, как ни странно все, как ни чуждо, но ощущаешь — свое. А значит — приехали.

И интересно, настроения «героической обреченности» я встречаю теперь в «местах» совершенно неожиданных, у всяких бывших «левых»... Нет, я не приуныл, мы их, конечно же, взъебем. Когда смотришь на лица солдат (а лица солдат — портрет народа), то видишь: взъебем, только перья полетят. Просто «цена» пугает.

Получил две посылки, спасибо.

Всегда твой

Наум

P.S.

Lenta.Ru публикует текст прошлогоднего письма Арафата, в котором лидер ПА призывает израильских арабов вступить в борьбу с Израилем:

«Во имя милостивого Аллаха, ... нашему палестинскому народу, всем тем, которые остаются верны нашей земле, ожесточенно и упорно сражаются.

На вас и на последующие поколения, вплоть до воскресения, возложена обязанность защищать эту землю. Вы исполняете обет, находящийся на ваших плечах и плечах ваших детей и внуков, потому что вы защитники и стражи вашей земли, вы живете на ней, вы происходите из нее, вы ее законные владельцы и наследники до дня воскресения. <...>

Палестинский народ начал интифаду для того, чтобы покрыть своей чистой кровью улицы священной святыни, столицу независимого Палестинского государства. Камни и люди, птицы и деревья начали интифаду на улицах Иерусалима и в его священных местах, на холмах и в долинах Западного берега, на побережье и в лагерях беженцев Газы, на равнинах, холмах и горах Палестины, в городах и деревнях Палестины, находящихся в оккупации с 1948 года. Да, мы продолжим чертить нашей кровью карту единой родины и единого народа... <...> Мы вместе выражаем волю единого народа — жить жизнью, исполненной достоинства и свободы. Несмотря на угнетающие нас народы и тьму расистских гонений, ведущихся против нас солдатами самой ужасной оккупации за всю историю человечества, для того, чтобы гневно указать на историческое угнетение, павшее на нас, началась интифада камней, интифада общего гнева. <...> С вами и с вашей помощью мы освободим нашу священную мечеть Аль-Акса, чтобы свободный палестинский флаг развевался в небе над Иерусалимом, колыбелью божественных религий, страной вестников, страной, в которой соберется все тварное в Судный день. Слава и вечная память нашим невинным жертвам, скорое выздоровление нашим храбрым раненым, свобода нашим храбрым пленникам, стыд и позор коллаборационистам и тем, кто согрешил. Это восстание продлится до нашей победы».

18.4. Перед тем как позвонить, все думал, встречаться или нет, вроде собирались «пойти покушать», ей нравится ресторан «Эль Гаучо» в промзоне Ришона («из всех зон предпочитаю эрогенную», Портос утверждает, что это моя шутка). Позвонил, что-то мямлил. «А ты хочешь?» Ну что, скажешь «не хочу»?

Она все еще под впечатлением понедельника. «Все тело тебя помнит»...

Да, память тела...

Бараш прислал 13 страниц главы «Родители».

Барашу: Это только для «затравки», или все будет о родителях? Здесь все решает «перспектива»: перед тобой «строительные леса», или «вид из окна»...

Поехали в «Эль Гаучо», пожрали на славу. Она любит мясо. И вина выпили. Выглядела неважно.

— Я так скучала... Так хотелось к тебе прижаться... Даже плохо было, как наркоманка...

Рассказала, что у дочки день рождения.

— Давай, говорю, — выпьем за ее здоровье!

— Ну, это не с тобой.

Осекся.

— После такой еды завидую твоей жене!
— А я — твоему мужу.
— Ну, он сам о себе заботится. Все время лучок специальный кушает, всякие травки, очень внимательно к этому подходит.
— Профессионал.
— А ты профессионал?
— Любитель.
— Профессиональный писатель и ебать-любитель, ха-ха-ха!

Марик пригласил поужинать. У него были дирижер Глозман с супругой. Человек не светский. В конце играли в шахматы. Проиграл вчистую. То ли перепил, то ли голова уже не та, то ли стало плевать на победы...

19.4.

Rimochka,

Как поживаете? Как ваши мальчики?

У нас все по-прежнему, у детей сейчас каникулы, на улице уже весна — листочки, цветочки, вчера даже был хамсин (на американский манер). Мы работаем, что-то читаем. Недавно попала в руки Т. Толстая, почитала, не понравилось. Перечитываем Н. Ваймана и ругаемся с мужем, он считает, что книга очень агрессивна, а я считаю, что правдива и мне нравится.

Ну а в остальном «стам»¹ заботы — одежда детям, компьютер детям, игры детям, в кино с детьми. Ведь уже два здоровых мужика! Когда они уже вырастут и станут самостоятельными?

Вот так. Пишите что у вас.

Счастливо,

Тапуа

P.S. Дан прислал очень грустное письмо на Йом Азикарон². Как он поживает?

От Л: Да чего ты извиняешься? Я смеялась, особенно диалоги смешные, когда каждый о своем, и про линейку и угольник... и еще я вспомнила «ты же нищий»...

Бараша еще не прочитала.

Как работается?

Да не очень работается. Нет «шекет нафши»³.

¹ Обычные (*ивр.*).

² День Памяти павших (*ивр.*).

³ Душевный покой (*ивр.*).

19.4.

Бараш позвонил. Сказал ему, что главе не хватает драматичности, недостаточно «нового» по сравнению с другими главами, что оправдывало бы отдельную главу о родителях, что ее «плотность» на эту тему недостаточна. Он рассказал, что родители его сейчас едут к брату, у которого «поместье» на Луаре, так отец (у него со старшим сыном напряженка) написал ему, что взял с собой его, Бараша, текст (детство-отрочество) и собирается «ответить», «интересная стереоскопия может получиться, если вставить это в текст». Я идею одобрил. Еще раз вспомнили заметку о нем Булкиной, что слишком «беглая», что его прозе мало внимания уделяют, что Булкина «Зеркало» поставила рядом с каким-то журналом из Запорожья: мы для них «литературный уезд». «Курицын, который в тридцать лет приехал в Москву, считает себя москвичом, а меня, который в тридцать из Москвы уехал, москвичом не считает». Вообще, говорит, нет сегодня в России серьезной критики. «Какого-то Ольшанского они там наперебой обсуждают. Ты не видел? Ну загляни в «РЖ», там целая буря вокруг статьи этого Ольшанского «Как я стал черносотенцем». Да придурок. В общем, Дима Кузьмин правильно написал, мы с тобой об этом говорили, что есть писатели, но нет критики, а значит, и нет литературной ситуации...».

Позвонил Гольдштейну. Спросил его про текст Зиника, не показалось ли ему, что Зиник крутого из себя строит (больно круто про отцовскую ногу)? Нет, ему так не показалось, сказал, что тема отца продолжается (будет в следующем номере), вообще был уклончив. Обсудили полемику вокруг Ольшанского в России. Статья Ольшанского ему скорее понравилась. «Молодой человек, кажется, недавно открыл для себя Леонтьева... Впрочем, и у меня это произошло приблизительно в этом возрасте и произвело сильнейшее впечатление... так сказать, «потрясение в основах»...». Констатировали лишний раз, что у нас «что-то совсем штиль», и что «надо бы собраться, выпить»...

20.4.

Наум, привет!

О Рубоко Шо выяснилось следующее. Книгу «Эротические танки» (М. Панорама, 1991 г.) найти трудно /вот что написано о ней в «Обители 100 наслаждений»: «Судьба русского издания прославленных «Ночей Комати» (Рубоко Шо. «Эротические танки». М.: Панорама, 1991) хорошо известна любителям литературы. 300-тысячный тираж был распродан за считанные недели июля-августа 1991 года. С тех пор и по сей день переиздать книгу не представляется возможным по цензурным соображениям», о ее качестве судить не берусь. Но сейчас вышла новая книга: Рубоко Шо. Эротические танки. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002 — 384 с. — 105. Я купил для тебя один экземпляр (могу подкупить и второй). Хотя в ан-

нотации сказано, что это «наиболее полное собрание сочинений Рубоко, которое объединяет такие циклы, как “Обитель Ста Наслаждений”, “Мутные воды любви”, “Цветы бесчестья” и др.», эта книга не вызывает у меня никакого доверия, поскольку на титульном листе значится: «Перевод со старояпонского Виктора Пеленягрэ» — того самого «куртуазного маньериста», который сфабриковал в этом же издательстве «Римские оргии» якобы «Лукана» (ему что со старояпонского переводить, что с латыни — один хрен). Нашел я и другую книгу: Рубоко Шо. Обитель 100 наслаждений. М.: Вагриус, 2001 — /страницы не проставлены/ — 90 р. Купил для тебя два экземпляра. Эта книга вызывает куда больше доверия. Во-первых, перевод (насколько могу судить, вполне пристойный) Питера Энгра, как сказано, «крупнейшего представителя современной зарубежной школы русского перевода». Во-вторых, в данном издании цикл «Обитель Ста Наслаждений» публикуется в расчете на последовательно-параллельное прочтение танка + комментариев (у Пеленягрэ, конечно, никаких комментариев нет). Профессор О. М. Узунгиоян (Харьков) составила очень подробный Комментарий, который был разослан на рецензию крупнейшим «рубоковедам». Наиболее интересные отзывы коллег-профессоров, а также переводчика включены в текст Комментария. Так что Комментарий получился ‘диалогический’ и даже отчасти ‘полемический’ — во всяком случае, живой и интересный.

Вышла книга: Шарль Пеги. Наша юность. Мистерии о милосердии Жанны д’Арк. (Серия «Французская библиотека») / Пеги (1873–1914), католик-социалист и пылкий ‘дрейфусар’, переводится на русский впервые. Мемуарная книга «Наша юность» полностью посвящена Делу Дрейфуса. Поводом к ее написанию послужили толки о том, что Пеги отрекся от «ошибок молодости». Помешанный на идеях чести и героизма, Пеги отвечает на это обвинение с необычайной страстью. Он пишет о «бессмертном Деле Дрейфуса, переросшем в дело дрейфусизма» как о символе веры. «В Деле Дрейфуса была, есть и будет, может быть даже вечно, некая необычайная, особая доблесть. Наш дрейфусизм был религией, я беру это слово в самом буквальном, точном его смысле. На нем испытывалось право Франции на существование как нации» (ни больше, ни меньше). «Ведь существуют события как бы избранные. Дело Дрейфуса было избранным. В нем мы проявили собственно французские добродетели, достоинства и доблесть расы: безупречную храбрость, стремительность, стойкость, добронравие... Надо просто сказать, что мы были героями». При этом сами евреи готовы были «сдать» Дрейфуса (на внешнем, политическом уровне), но «вся мистика Израиля состоит в том, чтобы он продолжил в мире свою миссию. Я хорошо знаю этот народ. На его теле нет места, которое не причиняло бы боль, где не было бы застарелого синяка, кровоподтека, нанесенного или Востоком, или Западом. Они распознают испытания своим изумительным, своим пятидесятивековым инстинктом. Они узнают и приветствуют удар.

Ведь это еще один удар, полученный от Бога». В книге прославляется (совершенно непомерно), Бернар-Лазар, еврей-дрейфусар. Пеги рисует его современным пророком Израиля. (Кстати, известный тебе антисемит Дрюмон, автор «Еврейской Франции», написал о Бернар-Лазаре: «Нам остается желать только одного — чтобы христиане сумели сделать из величия и славы самого слова ‘христианин’ то, что сделал Бернар-Лазар из величия и славы слова ‘еврей’»). Самое забавное, что этот Бернар-Лазар, по словам Пеги «был позитивистом, поклонником науки и убежденным атеистом. Одним из его излюбленных аргументов, который он всегда приводил мне, был тот, что народ Израиля, поскольку из всех народов он наименее верующий в Бога, очевидно, будет легче всего освободить от древних суеверий; и следовательно, он и покажет путь другим народам. Превосходство евреев, по его словам, в том, что они раньше всех стали свободо-мыслящими» (все это очень похоже на «нашего» Гершензона). Разумеется, Бернар-Лазар «относился к сионистам с мягкой иронией». Трагедия Пеги состояла в том, что его друзья-дрейфусары (типа Жореса) использовали победу в конъюнктурных целях и оставили Пеги у разбитого корыта, заставив его оправдываться. «Они лишили нас всего, но не могли отнять у нас нашу честь. Они создали ту политическую иллюзию, согласно которой дрейфусистское движение — движение антифранцузское. Из-за грязной и циничной позиции Жореса Дело Дрейфуса стало частью демагогии антикатолической и антихристианской». Пеги писал о евреях с необычной для француза проникновенностью: «Нелегко быть евреем. С вами. И даже без вас. Если они остаются бесчувственными к призывам собственных братьев, вы говорите: *Это плохие евреи*. Но если они прислушиваются к стонам, доносящимся с Дуная или Днепра, вы говорите: *Они предают нас. Это плохие французы*. Таким образом, вы непрестанно преследуете их, вы угнетаете их противоречивыми упреками. По существу, вам только бы и хотелось, чтобы их не существовало вовсе»./ СПб.: Наука, 2001 — 406 с. — 185 с.

И еще: Карл Лёвит. От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. / Книга открывает новую серию «Мировая Ницшеана». Карл Лёвит (1897–1973), будучи евреем и «немецким философом», эмигрировал в 1934 г. в Италию, затем в Японию, где и была впервые опубликована эта книга (1939), затем в США, где эта книга была переиздана (1949). Книга посвящена Гуссерлю, у которого Лёвит учился. На него повлияли также Макс Шелер и экзистенциалисты. По «главной специализации» Лёвит был антропологом «школы Шелера» (в словарях его всегда перечисляют наряду с такими фигурами, как Теодор Лессинг, Арнольд Гелен и Гельмут Плессер). Антропологию Лёвита называют «виталистская апология культурного пессимизма» / человек — «недостаточное существо», но не от природы (как у Шелера и Гелена), а в результате влияний культуры/. Что касается самой книги, то в ней исследуется преимущественно «бродильный котел» неогегельянства

(Штраус, Фейербах, Бауэр, Штирнер и Руге), из которого вышли такие основополагающие для XX века фигуры, как Маркс, Ницше и Кьеркегор. Такой подход помогает вскрыть теологические корни философствования этих «властителей дум». Очень внятно растолковываются интерпретации христианства в каждой из рассматриваемых философских систем. Таким образом прослеживается развитие «немецкого национального мифа», подменившего «христианский миф». Названия некоторых разделов: 'Гегелевское снятие религии в философии'; 'Сведение Штраусом христианства к мифу'; 'Осуществленная Фейербахом редукция христианской религии к природной сущности человека'; 'Замена христианства гуманностью у Руге'; 'Деструкция Бауэром теологии и христианства'; 'Осуществленная Штирнером деструкция божественного и человеческого'; 'Парадоксальное понятие веры у Кьеркегора и его атака на существующее христианство'; 'Критика Ницше христианской морали и культуры'; 'Разрыв гегелевских опосредований в однозначных решениях Маркса и Кьеркегора'; 'Ницше как философ нашего времени и как философ вечности'/ СПб.: Владимир Даль, 2002 — 672 с.

Вся Москва стоит на ушах в ожидании дня рождения Гитлера, плавно переходящего в День Победы. Скинхедам скинхедово, а вот как откликнулась на торжества «либеральная интеллигенция» — прилюдно записалась в черносотенцы («Кто не спрятался, я не виноват»). Некто Дмитрий Ольшанский, из молодых да ранних, в прошлом либерал, «охотно клевавший зёрна из рук Гусинского», внезапно прозрел и возвестил об этом граду и миру. К позору «российской интеллигенции», «тексты» (с позволения сказать) подобных говномётов обсуждают все-рез как «последнюю сенсацию». (Даю с сокращениями.)

Дмитрий Ольшанский

КАК Я СТАЛ ЧЕРНОСОТЕНЦЕМ, ИЛИ УПРОМЫСЛИВАТЬ, ГНОБИТЬ И НЕ ПЕТЮКАТЬ

Оглядываясь назад, на свое либеральное прошлое, я не вижу ничего, кроме лжи и позора. Неугомонные девяностые годы — во многом потерянное время для русской литературы, время либеральной букеровской мертвечины, и чувство вины за это продолжительное дурновкусие нельзя отделить от новых, куда более оптимистических ощущений. Литературный процесс уж не тот, что был. Сколько демократическая веревочка ни вейся, а красивая, намыленная, удобная петля из нее уже сложилась. Брату-либералу пора карабкаться на табуретку.

Первый раз чувство тотальной собственной неправоты появилось у меня во время чтения романа Астафьева «Прокляты и убиты» — величайшего военного текста, обойденного, разумеется, в свое время букеровским жюри. Вещь эта при всех неприменных особенностях астафьев-

ского стиля, о которых здесь не место говорить, демонстрировала какое-то ужасающее, физиологическое, невозможно-чудесное явление Соборности — поглощения не только индивидуального героя, но и читателя как персонажа, как фигуры чтения таким огромным, варварским потоком насилующего всех и вся текста. <...> От позднего Астафьева я двинулся дальше. Чем дальше, тем больше мне становилось ясно, что хорошая литература в России категорически несовместима с тем умеренным, сонным, толерантным каноном 90-х, который пропагандировали все эти годы либеральные критики. Особенно хорошо виден этот разительный контраст при взгляде на истинные итоги 2001 года, подведенные в газете «День литературы» умнейшим из современных литобозревателей Владимиром Бондаренко /!/. Большинство из названных им событийных книг года («Блуждающее Время» Мамлеева, «Миледи Ротман» Личутина, «Книга Мертвых» Лимонова) никогда не получают ни Букера, ни Аполлона Григорьева. О них не пишут в большинстве газет, и читательское внимание им достается вопреки, а не благодаря критике. <...>

Метафизические усилия, необходимые для написания чего-то, превосходящего качеством толстый журнал N, требуют от автора признания тех органических и, возможно, зловещих законов бытия (страх Божий, неотвратимость смерти, благополучие России в силе ее святых штыков, иерархичность и принудительность как точка отсчета для гармонии в мире, etc.), что ненавистны и страшны либеральному, условно-реалистическому литератору-атеисту. Иван Сергеевич Тургенев ... был милейшим человеком, но в происходящем вокруг, в отличие от Достоевского и Леонтьева, он не понимал ни черта. Я не сомневаюсь, что именно Тургеневу (а также Пыпину, Златовратскому и Панаеву) из всех авторов девятнадцатого столетия, живи они сейчас, наши литературные прогрессисты воздали бы максимальное количество почестей. А вот мне от подобного положения вещей хочется замочить самого себя в сортире.

Однако времена, как сказано было выше, неуклонно меняются. Прогрессизм рухнет, и скоро рухнет окончательно. Лучшая в настоящий момент в России премия «Национальный бестселлер» — лучший признак того, что обильная демократическая графомания девяностых уходит. Настает время признания яростных, неправильных, национально мыслящих авторов и сочинений — сочинений, от которых иной читатель содрогнется во вселенском трепете. Истинная литература обсуждает лишь две темы — Смерть и Власть. Только в русском языке есть звучащее приговором словечко «либеральничать».

В подмогу традиционной уваровской триаде — Православие, Самодержавие, Народность — мне хотелось бы предложить для идеологического строительства новой русской словесности другую вспомогательную глагольную триаду... Упромысливать — всячески содействовать распространению душеполезных, направленных против либеральной гордыни идей. Гнобить — обращать свое строгое внимание на явления, противные

писательской и человеческой совести. Не петюкать — с достоинством принимать власть в разных ее формах и проявлениях, не упорствовать в злом индивидуализме. Иными словами, понимать порядок.

Упромысливать, гнобить и не петюкать. Лучшим русским писателем 2002 года является Александр Проханов.

Матвей, привет!

Интересно, что когда я читал «Обитель Ста Наслаждений» (с этой книги и началось мое знакомство с Рубоко Шо), меня не покидало подозрение, что это мистификация, включая диалогические комментарии (в них есть что-то нарочитое и странное, что-то «литературное», чересчур «забавны», и имена мне неизвестные, включая самого Рубоко Шо, и еще более странные упоминания Губермана в этих диалогах...). В конце концов я решил, что уж очень трудоемко и талантливо для мистификации, но твое недоверие к «полному собранию сочинений Рубоко» упало на благодатную параноидальную почву. Я был бы тебе весьма благодарен (очень хочу проверить свою «литературную интуицию»), если бы ты смог выяснить, не забава ли все это. Может Гена что знает, это же «его» издательство? То, что купил книгу (и две «Обители») — спасибо, это в любом случае любопытно.

Предложенные книги беру все.

За статью Ольшанского (не еврей ли?) я тебе чрезвычайно благодарен. Поначалу даже возникает сочувствие его пафосу: ведь я и сам готов причислять себя к «яростным, неправильным, национально мыслящим авторам». То есть первая половина статьи Ольшанского вполне себе в русле современных идейных споров. Думаю, что и Гольдштейн под этой частью статьи подписался бы, он часто в разговорах со мной высказывался в том же духе, как раз давеча отозвался об этой статье с определенной «теплотой». И в самом деле, этот «антипрогрессизм», эта, я бы сказал, антииндивидуалистическая революция идет нынче повсюду, словно взорвался некий нарыв, и совпал со всем современным наступлением фундаментализма, от шахидов до антиглобалистов. Ох, истосковалась душа по «соборности», по ритуалу, по кровавой жертве («зловещим законам бытия»)! Видно, время такое пришло, что «искусство» в качестве ритуала уже «не работает» (Гольдштейн, в сущности, все время об этом) и наступает время кровавых мистерий. Не знаю, можно ли этот вал погасить «великим искусством» (по канонам Рувина), но иди, жди его, а враг у ворот.

Всплывает великое слово «нация», от которого многих, особенно евреев, бросает в трепет, заставляя прятаться под лавку плюрализма-либерализма. Но и сам он «изъём» нынче на распутье и в смущении. Ведь орды «варваров» грозят затопить его мирные хаты, а когда затопят (мирно или насильственно), то не только от старых наций ничего не останется (это бы либералы еще пережили), но и от либерализма... Станет

ли Европа метисов наследницей Аристотеля? Или соберется у костров и будет приносить жертвы, тряся голыми задками и ударяя в тимпаны? В общем, если бы Ольшанский писал о «политике», то было бы о чем поговорить и поспорить. Но он ведь взялся говорить о литературе, начал с Астафьева, с его последнего романа «Прокляты и убиты», явившего де «невозможно-чудесное явление Соборности». Я даже решил заглянуть в роман (прочитал страниц десять), и должен сказать, что письмо его хоть и старомодно (чем-то напомнил Солженицына, и словечки тоже такие заковыристые выкапывает, «изблизя», или «размичканный» — не знаю, что сие значит), но зытягивает, как страшная сказка. Это даже не казарменная российская соборность, и даже не орда варваров, а какое-то подземное царство копошащихся в земле и грязи упырей, жуть какая-то, Босх. Но, похоже, Ольшанского это не пугает, как интеллигентки из одухотворенных, что в канун Революции звали демонов, полагают, что «по литературе», это шибко круто, а от демонов родная «власть» защитит, ведь он именно ей готов верно служить своим призывом «не петюкать — с достоинством принимать власть в разных ее формах и проявлениях, не упорствовать в злом индивидуализме. Иными словами, понимать порядок».

А «кто такой» Проханов?

Ты меня по возможности держи в курсе всяких ваших «общественных бурь».

Кстати, из статьи не ясно (или ты ее «сократил?»), почему именно «черносотенец», во всяком случае прямых антисемитских «инвектив» я не заметил...

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Думаю, тут происходит досадная подмена понятий. Подмена — вообще досадная вещь, но когда профессионалы (в нашем случае литературные критики Ольшанский и Гольдштейн) так и не удосужились задуматься о предмете своего рассмотрения, они просто дисквалифицируются как профессионалы. А правила в профессии жестокие: если ты не рефлексируешь над своим предметом, то принимаешь как данность самые пошлые расхожие представления о нем. Ольшанский считает (впрочем, «считает» — слишком «высокое» для него слово; он «проговаривается» на дорефлексивном уровне: «Истинная литература обсуждает (!) лишь две темы — Смерть и Власть»), что искусство «обсуждает» и «отражает»: Иван Сергеевич был, как ему известно из школьного учебника, либерал, значит, он ни черта не понимал в политике и писал плохую прозу. Другое дело — Достоевский (который, между прочим, считал, что главную опасность для России представляет Папа Римский, а «Константинополь будет наш»; нечего сказать, истинный пророк). Про-

ханов же (бездарнейшая завистливая погань), поскольку он, не смущаясь, называет себя черносотенцем, пишет, что 37 год был великим благом для России, так как покончил с «властью кагала», и «выступает за соборность», — «лучший, талантливейший писатель нашей эпохи». Художество, идеи и политика смешаны в одну кучу. Это «ленинская теория отражения» в самом бездарном, каком-то небывало детском — до дебильности — исполнении. Ни один «теоретик соцреализма» — ни Овчаренко, ни Нечипоренко, ни даже академик Храпченко — не писал на таком убогом уровне. Дураки хотят навязать нам черно-белое видение: либо ты либерал, выступающий за «ценности индивида», либо «черносотенец», выступающий за «ценности рода». Выбирай, сука, считаю до трех. И в глаза смотреть, в глаза. Между тем, Иван Сергеевич был профессионалом и занимался своим делом — достигал эффектов снятия индивидуации (например, «Первая любовь» — это, на мой взгляд, лучшая в мировой литературе проработка архетипа инициации). Можно ли назвать это либерализмом? Думаю, да. Более того, это и есть «либерализм в высшем смысле»; он архетипически зарождается на эстетическом уровне, а этика и политика — лишь его проекции на более поверхностные уровни, нередко искаженные, как в кривых зеркалах. Но если понимать художество по-дурацки, в духе «теории отражения», то придется назвать либерализмом полный отказ от снятия индивидуации (бешеный индивид так и остается бешеным). Но тогда, если довести эту стратегию до логического конца, «либеральное художество» вообще невозможно, получается, что это противоречие в терминах. Таким (ложным) образом истолкованный либерализм в эстетической сфере должен был бы стать чистой «приватной магией». С другой стороны, ложным образом истолкованное «родовое начало» тоже полностью разрушило бы эстетическую сферу, превратив культуру в череду факельных шествий. Я, кстати, и «факельные шествия» не считаю «абсолютным злом»; просто надо понимать, в какой сфере они уместны, где «работают». Если сфера культуры (сфера снятия индивидуации) готовит «субъекта для жизни», то «факельное шествие» может подготовить этого субъекта для какого-то конкретного общественного деяния («для подвига»); одно дело «соната для гобоя и альты», другое — походный марш в исполнении военного оркестра (Лев Толстой, усомнившийся в ценностях культуры, вполне логично предложил запретить 'Крейцерову сонату', но оставить военные марши; примерно то же самое рекомендовал и Платон (см. «Государство»). Ты когда-то писал о «здоровых нациях» вроде англичан, сохраняющих «уравновешенность», причисляя к таковым и израильтян (могу позавидовать твоей причастности к ним в «час испытаний»); но спросим: что дает им возможность сохранить эту самую «уравновешенность» даже в ходе «факельных шествий» и последующего «подвига»? Ответ может быть только один — культура. А ведь нетрудно и вовсе потерять человеческий облик в подобных условиях (что мы и видим

в «факельных шествиях» палестинцев и иже с ними). Тут все дело в «разделении сфер», в сохранении структурной иерархии. И можно только пожалеть, что такие тонкие и небесталанные люди, как Гольдштейн, «с теплотой» говорят о словоизвержениях дешевых говнометов, которые, ввиду своего ничтожества, кровно заинтересованы как раз в разрушении иерархий (если иерархия есть, то какой же Ольшанский штабс-капитан?) Я не верю ни в нормативную этику, ни в нормативную идеологию. Возможна ситуация, когда «священными» становятся такие слова и понятия, как «территория» или «нация». Во что я верю, так это в сотериологическую иерархию. Если сознание пройдет через горнило культуры (иными словами, станет *либеральным* в высшем — то есть эстетическом — смысле), оно и в «фашизме» (я от слов не вздрагиваю) сохранит человеческое лицо. А если оно начинается с дешевой, неотрефлексированной идеологии, то ею и кончается, то есть мгновенно скатывается на позиции тупого шовинизма и партийной демагогии. Если начать всерьез обсуждать ольшанских (может, он и еврей, не удивился бы, но стыдно даже интересоваться), сразу поймашь себя на том, что тасуешь списки претендентов на литературные премии; для подобных профессиональных тусовщиков мир структурирован между полюсами «Букера» и «Русского бестселлера». Даже писателей прошлого — это ж надо иметь такое извращенное воображение! — он сортирует по принципу: кто получил бы премию, а кто нет. Звиняйте, вьюноша, ваш «дискурс» не для меня.

Что же касается вашей с Гольдштейном «ударно-забойной» мысли: «Видно такое время пришло, что “искусство” в качестве ритуала уже “не работает”, наступает время кровавых мистерий», — то, по-моему, это детская болезнь эстетической левизны. С некоторых пор каждому поколению хочется непременно стать «свидетелем Иеговы» и современником Судного Дня. Но нелишне будет вспомнить, что под этой твоей (вашей) фразой охотно подписались бы (и подписывались; ничто не ново под луною) и Вячеслав Иванов, и Андрей Белый, и Александр Блок, и композитор Скрябин. Между тем русский Серебряный век представляется нам сегодня едва ли не идиллией, стихи Блока звучат как «ресторанная лирика», а прелюдии Скрябина — как салонные багатели.

Всегда твой
Матвей

P.S. Увлечшись «идеологией», я не ответил на конкретные вопросы, каковое упущение попытаюсь восполнить. Напоминаю, что книга «Обитель 100 Наслаждений» вышла не в ЭКСМО (желтом издательстве, где Гена работает, а я перевожу), а в «Вагриусе», издательстве хотя и коммерческом, но просвещенном, дорожащем репутацией. Не будучи «рубиковедом» (и не имея соответствующих знакомств), могу судить лишь исходя из здравого смысла. Все люди, задействованные в Комментариях, реальны, все они занимают должности в академических структурах. При таком раскладе если это и мистификация, то ее мог произвести лишь

японский мультимиллионер Кавабаки, который впервые опубликовал свиток в 1985 году. Но и это крайне маловероятно, поскольку он сам не ожидал эффекта, произведенного этой публикацией. Насколько я знаю, подлинность свитка, с которого она была сделана, вообще никем не подвергалась сомнению. Да и вообще подделкой могли быть (теоретически) только «Ночи Комати», а не «Обитель», которую публиковали академические японские филологи. О Рубоко писали такие авторитеты русской японистики, как академик Конрад и профессор Горегляд. Так что книгу «Обитель 100 Наслаждений» (Вагриус, 2001) следует, по-видимому, считать вполне доброкачественной. Отсюда не следует, что в Комментариях нет совершенно диких суждений и просто дури, но это в порядке вещей. Что же касается издания: Рубоко Шо. Эротические танки. ЭКСМО, 2002, — то это халтура уже потому, что Пеленягрэ мог переводить только по подстрочникам (что сомнительно: кто стал бы делать для этого шута подстрочники?) либо, что более вероятно, перелагать по-своему уже имеющиеся переводы (что можно делать только прожженный циник для заработка). Гена не в курсе (да и кто ему скажет? — коммерческая тайна!) Тем не менее, книга, вышедшая в ЭКСМО, имеет все же какую-то познавательную ценность, поскольку в нее вошли «Ночи Комати», которых, естественно, нет в «Обители» (а сборник изд-ва Панорама практически недоступен). Кстати, ты так и не ответил, покупать ли второй экземпляр ЭКСМОВского издания?

Теперь что касается Проханова. Полемика по поводу Ольшанского останется не вполне понятной, если не учитывать «фона», созданного опубликованным совсем недавно (буквально 2–3 недели назад) в виде книги романом Проханова «Господин Гексоген». Пикантность ситуации состоит не в самом романе (Проханов — плодовитый графоман, выпускающий по роману в год, но до сих пор все его «творения» выпускали только «патриотические» издательства вроде «Русского Пути»), а в том, что он опубликован в издательстве Ad Marginem (это издательство привыкли считать одним из самых достойных и рафинированных; там опубликованы такие книги, как «Переписка Хайдеггера и Ясперса», «Московский дневник» и «О Кафке» Вальтера Беньямина, «Рождение трагедии» Ницше и т.п.) Поэтому сделанное пару месяцев назад заявление директора издательства Ad Marginem Александра Иванова о сотрудничестве с Прохановым произвело «эффект разорвавшейся бомбы» (я, кстати, писал тебе об этом). Дело в том, что, с одной стороны, издательство имело репутацию в высшей степени либерального (и, соответственно «проевреенного»); при нем группировались главные силы «русского философского постмодернизма» (Подорога, Рыклин, Ямпольский, Петровская); точнее сказать, это издательство и было создано как орган «философского постмодернизма» четырьмя людьми: Подорогой, Рыклиным, Ивановым и Петровской, его женой. С другой стороны, известна своей одиозностью репутация Проханова, издателя профашистских га-

зет «Завтра» и «День», бездарного идеологического писаки, известного своей беспринципностью. Достаточно сказать, что начал он как сциентистски настроенный либерал (в духе «Иду на грозу» Гранина), потом писал в духе соцмилитаризма, прославляя советскую авантюру в Афганистане (за роман «Дерево в центре Кабула» одна критикесса прозвала его «соловей генштаба», и эта кличка волочится за ним по сей день). При этом Проханов был не просто милитаристом, но государственным-технократом-космополитом и яро нападал на «писателей деревенщиков» за провинциализм, национализм и клерикализм. Теперь это его лучшие друзья; нынче он и сам националист, клерикал и, естественно, антисемит, из самых ярых. Когда появилось сообщение о сотрудничестве Проханова с издательством Ad Marginem, оно и меня сильно задело, потому что возникло опасение, что такие достойные люди, как Рыклин, Ямпольский и Подорога, будут продолжать в нем сотрудничать (об этом я тебе и писал как-то, в плане того, что стало «все дозволено», и нет такого мерзавца, с которым не соглашались бы «сесть за один стол» приличные люди). К счастью, все оказалось не так страшно. Я имею об этом информацию из первых рук, поскольку Подорога, и Рыклин, и Петровская работают с Милой в одной конторе (Институт Философии РАН). Когда-то там работал и Иванов, но ему не удалось сделать академическую карьеру (тут руку приложила и Мила, написав уничижительный отзыв на проект его диссертации, но это особая история; во всех «нацистских обращениях» всегда можно раскопать фактор уязвленного самолюбия, тем более что «жиды» типа Рыклина сделали карьеру, а русскому человеку Иванову «не дали»). Так вот, Петровская рассказала недавно Миле (под большим секретом), что она с Ивановым развелась уже год назад, а Подорога и Рыклин прервали с ним все отношения еще до «истории с Прохановым». По ее словам, свои «патриотические» поползновения Иванов объяснял сперва чисто коммерческими соображениями («Я должен печатать патриотическую дребедень в духе «Брата-2», чтобы иметь возможность печатать того же Рыклина, некоммерческого по определению»; он и сейчас «аргументирует» примерно так же, добавляя при этом, что «с чисто литературной точки зрения», если отвлечься от идеологии, Проханов такой же постмодернист, как Сорокин или Пелевин; на самом же деле это открытый фашистский агитатор, а «литература» в его писаниях никогда и не ночевала.) Короче говоря, издательства Ad Marginem теперь просто не существует, и это отрадный факт. Было бы хуже, если бы Рыклин восседал за одним столом с Прохановым. Если тебе действительно интересно, «кто такой Проханов», то вот образчик его «прозы»; обрати внимание на безотказный мотив «крови христианских младенцев» («Они пили, не закусывая, кровь русских младенцев»). Если не ошибаюсь, это отрывок из того же «Господина Гексогена», оформленный в виде «рассказа».

ПЛАХА ВО ЧРЕВЕ

Тусклое московское утро в угрюмом рокоте улиц, с черной бегущей толпой. В небе синяя гарь, перекрестья проводов, реклама водки, церковный крест. Чиновники занимают в кабинетах столы, раскладывают папочки с документами, отвечают на звонки телефонов. Торговцы на рынках считают первый барыш, мусолят деньги, прячут в тугой кошелек. На телеэкране модный режиссер рассказывает о новом спектакле по мотивам Шолом Алейхема. А здесь, в больнице, за серыми стенами, нематыми окнами, среди желтоватого несвежего кафеля, в тесной операционной готовятся к абортам. Длинный, накрытый клеенкой стол, похожий на гладильную доску. Две опоры для женских ног, похожие на стремена. Круглый стульчик хирурга с потертой кожей от долгих сидений и ерзаний. Сестра с недовольным лицом ставит эмалированные медицинские миски, вынимает из кипящего тубуса стальные инструменты, ссыпает в миску их сверкающий, окутанный паром ворох. Флаконы, банки, ватные тампоны. Журнал регистраций.

В коридоре дожидаются женщины. Их несколько, записанных на операцию. Разные по возрасту, по достатку, по социальному положению. Единые в одном — в каждой притаился живой зародыш, маленький сочный эмбрион. Прилепился к их материнской утробе, слабо трепещет, пульсирует, нежно пьет живые материнские соки. Для этих нерожденных младенцев — хромированная сталь инструментов, кипятилок, отточенные лезвия, крючья. Материнское чрево — плаха, где состоится казнь. Кафельная операционная — место казни. Вокруг операционной, превращенной на время в центр мира, вращаются по орбитам — Президент в золоченом кремлевском кабинете, Патриарх, совершающий утреннее богослужение, хлебопек, вытаскивающий противень с румяной выпечкой, писатель, затевающий увлекательный роман. Москва своими миллионами, жилыми кварталами, банками, министерствами окружает операционную, заглядывает в немые окна, собирается к месту утренней казни. <...>

Женский живот дышит. Колеблется легкий волосяной лобок. Смугло-коричневое лоно слеplено, склеено, как морской моллюск. В нем, упрятанный в материнскую плоть, уже забытый матерью, преданный ею, отданный на заклятие, притаился плод. Крохотный красный клубенек, в котором набух прозрачный пузырек головы, наметились водянистые горошины глаз, выступают скрюченные, едва намеченные лапки с пупырышками пальцев. Колбочка, в которой, как в капельнице, пульсируют соки, сочится теплая влага. Каждая секунда прибавляет ему щепотку народившихся клеток, увеличивает его, как растущую почку, нацеленную вовне, из материнского лона, во внешний мир. И этот мир приготовил ему снаружи отточенную сталь, иглу, крюк, скребок. Подстерегает у врат, готовит смерть.

Женщина, лежащая на одре, — почтовая служащая, незамужняя, с ничтожной зарплатой. Ребенок ей в бремя — не прокормит, не вырастит. Не решилась стать матерью-одиночкой. Пошла на аборт, уже шестой.

— Начали! — хирург протягивает руку к орудиям, удобно разложенным на столике. <...>

Стальные расширители растворяют трепещущее лоно, не дают емужаться, расталкивают нежную ранимую плоть. Скребок-кюретка, с отточенными кромками, насажен на пластиковый шланг насоса. Орудие убийства, металлический стержень, сжатый резиновой перчаткой, медленно уходит в лоно, в распахнутую глубину, передавая чутким пальцам хирурга прикосновение к нежным стенкам, к мускулистой наполненной матке, к прилепившейся, сочной личинке будущего человека. Рывок скребка. Красный флакон зародыша лопается, из него вытекает жижа. Насос с чмоканьем, хлюпом выпивает красную, как варенье, жижу, прогоняет ее сквозь прозрачную трубку. Малиновая трубка дергается, гонит перетертого в слизь и сукровицу крохотного человека. Взорванную, не успевшую развиться галактику. Раздавленную у истоков судьбу. Казненную безгрешную душу, чей неслышный вопль, заглушаемый чмокающим звуком насоса, подхватывают рыдающие ангелы. Прижимают к груди убиенное дитя, похожее на нераспустившийся красный цветок. Влекут его в райский сад.

Prohanov

Матвей, привет!

Текст Проханова (про аборты) впечатляет до тошноты. И твоя реакция понятна, но что все-таки делать с таким ударным впечатлением, разве не в этом секрет художественного? А что «фашиствует», то среди авторов, которых считали «фашистами», было немало общепризнанных мастеров: Юнгер, Селин, Эвола. Но здесь все время кажется, что это текст-провокация, т.е. не вполне «серьезно», и если так, то это и есть постмодерн? У меня как-то был на эту тему разговор с Пепперштейном, который утверждал, что в России вообще нет постмодерна, а есть «русский стёб», уходящий корнями в скоморошество, к юродивым и т.п. Не знаю... Это «литература», которая разговаривает «призывами» (и сама же над собой, и над призывами своими, смеется. А «мир» по-старинке «возмущается», вызывая сатанинский хохот литературных хулиганов...

Вот возьми Сорокина, замечательно талантливый писатель, но к каким сотериологическим архетипам и иерархиям можно отнести его творчество, когда оно — коллаж из обрезков канонической литературы?

Вот я вспоминаю «крутые» высказывания Гольдштейна про армянские погромы в Баку, а ведь Гольдштейн — милейший и корректнейший человек, мухи не обидит. Однако «раскрашивает» погромы. Даже с пафосом. И провокацией не назовешь... Может, мода пошла такая? Только непонятно, на стёб или на зверства? Вот он в «Литературе существования»

(в первом номере «Зеркала») призывал к «прямому высказыванию», но оно невозможно! «Зеркало», кстати, и пошло по пути «мемуаров», писем, разговоров, по пути «прямого высказывания», и при этом считает себя «авангардным» (какой это к черту авангард, и до модерна-то не всегда дотягивает), когда на дворе уже давно «постмодерн»...

А я тут читаю «Насилие и священное» Жирара, он тоже «занимается» ресентиментом, и «выводит» его из адаптации. По его схеме ресентиментный (трусливый) человек — он и есть самый адаптирующийся. Свое желание, встречающееся с насилием, он не «забывает», а «культурно преобразует»: дистанцируется от него, «выносит его за скобки» действительности, предоставляя другой «инстанции», «высшей» (культурной) решать вопрос о насилии. В общем, очередные психологические изыски. Хотя под ресентиментом, как мы уже разобрали, надо понимать «перегибы адаптации», не приспособляемость, а приспособленчество.

Всегда твой
Наум

22.4.

Наум, привет!

В «случае с Ольшанским» чувствую себя бессовестно «кинутым» («соблазненная и покинутая»). Если помнишь, я с самого начала высказался о статье в смысле постыдности обращать внимание. Ты же, проглотив наживку, ответил многозначительными намеками на замеченные вами с Гольдштейном «глубины» («Г. отозвался о статье с определенной “теплотой”»), чем спровоцировал меня на увещевания, обращенные, конечно, не к Ольшанскому, а — по возможности в мягкой форме — к «вам с Г.» Теперь получаю «отлуп» (с больной головы на здоровую): зачем отнесся так серьезно к «постмодернистскому тексту»? Во-первых, это «просто нечестно»: всерьез отнеслись «вы», а мне стало обидно — за вас. Во-вторых, называть детский (но небескорыстный: парень четко сечет, откуда ветер дует) лепет ‘постмодернизмом’ — значит слишком уж плохо о нем (постмодернизме) думать (скажи на милость, что в этом тексте постмодернистского? это что, Деррида, Делёз? — даже не Курицын, хотя и курица не птица); я и впрямь думаю о постмодернизме «довольно плохо», но не настолько. В-третьих, за этим как бы стёбом стоят реальные подстрекательские тексты: от надписей на заборе до передовиц и «прозы» того же Проханова, где нет ни стёба, ни «постмодернизма» (с чем и ты согласился), а есть агрессивная, рассчитанная на «зомбирование масс» пропаганда определенной идеологии, вполне каннибальской.

Что касается Жирара, то его «схему» я помню, но он нашел неправильный отправной пункт для своего конструирования. Насилие — это не метафизическое начало, и никакой «метафизики ресентимента» на этой почве не построишь (хотя местами рассуждения Ж. очень «эвристичны»). Ты правильно «опомнился», что под ресентиментом нужно

понимать «перегибы адаптации», а не приспособляемость как таковую; но это сводит на нет предыдущие рассуждения. И в очередной раз ставит нас перед проблемой «правильной» и «неправильной» адаптации — то есть адаптации «меня к миру» или «мира ко мне» — иными словами, возможна адаптации «по Жрецу» и квази-адаптации «по Магу». В этом смысле можно говорить о сотериологической стратегии Мага как о «метафизическом ресентименте». Подобная трактовка ресентимента (не такая уж и «простоватая») может пригодиться и для оценки христианства. В статье Делёза «Ницше и св. Павел» тоже говорится о повышенной «приспособляемости слабых» (см. у Ваймана: «трусливый — самый приспособляемый»): «Дело в том, что 'слабые', эти люди озлобления, ждут не дождутся отмщения и наделены твердостью, которую они обращают к собственной выгоде. С наступлением христианства меняется смысл отсроченной судьбы ('отсроченную судьбу', по мысли Делёза/Лоуренса, изобрели иудеи как 'пророческое слово'), поскольку она уже не просто отсрочивается, но просрочивается, переносится на после смерти, после смерти Христа и смерти каждого. Тогда возникает необходимость заполнить это чудовищное, растянутое время между Смертью и Концом, Смертью и Вечностью. Его можно заполнить лишь видениями. Апокалиптическое видение сменяет пророческое слово, программирование сменяет промысел и деяние, настоящий фантазмагорический театр приходит на смену как деяниям пророков, так и Христовым страстям. Фантазмы, фантазмы, выражение инстинкта мщения, орудие мщения слабых людей». Конечно, Делёз «начитался Ницше», хотя и «понял его по-своему».

Теперь о самом Ницше. Думаю, ты несколько упрощаешь его позицию. Действительно, его можно принять за «руссоиста», пока он борется с ресентиментом. Но когда возникает вопрос о предположительном «модусе вивенди» победившего сверхчеловека, он вдруг забывает о «детскости», «открытой борьбе сил» и т.п. — и пишет о «белокурой бестии» довольно неожиданные вещи (в «Воле к власти»): «Сильнейшие могут стать во время кризиса любых порядков самыми умеренными, которые не нуждаются в крайних догматах веры, такими, которые не только допускают добрую волю, но и любят ее, такими, которые умеют размышлять о человеке, значительно ограничивая его ценность, но не становясь, однако, от этого ни приниженными, ни слабыми». Такой человек был бы, по мнению Ницше, — впервые — истинно моральным, потому что его мораль не нуждалась бы ни в каких догматических и сотериологических подпорках. Здесь не столько «детскость», сколько заявка на «зрелую мудрость». Конечно, это заявка с негодными средствами; подпорки нужны, потому что это не подпорки — в смысле «костылей» — а уже неотъемлемые «части тела», «члены», без которых человек выходит за рамки собственного антропологического типа, что у Ницше и вылилось в пошлую идею уберменша. Ницше вынужден был прибег-

нуть к «антропологическому утопизму», потому что попытался обойтись без сотериологии. Утопизм — это расплата за обедненную (минус сотериология) трактовку человеческой природы, за антропологическое членовредительство. Когда «сверхчеловек» делает «скачок из царства необходимости в царство свободы» — через сотериологическую область, — он «приземляется» точно таким, каким его сделала бы «правильная» — то есть жреческая — стратегия спасения. Так чего прыгать, когда можно было спокойненько пройти пешком по сотериологическому лугу, срывая по пути васильки и ромашки («цветы удовольствий»)? Ницше не увидел за ресентиментным шутком-Магом величественной фигуры Жреца — это его и подкосило. Точнее, Ницше ослеп в какой-то момент. Ведь он хорошо чувствовал эту сферу, когда писал «Рождение трагедии». Самая интригующая «загадка Ницше» — это его внезапное самоослепление («синдром Эдипа»); но, похоже, этот вопрос в «мировой Ницшеане» даже не поставлен. У Ницше возникла странная иллюзия, что если отринуть «ложные ценности», на их место сами собой придут «истинные». Цитирую из «Воли к власти»: «Упраздним же этот 'истинный мир', упраздним высшие ценности, мораль. Если, таким образом, тирания прежних ценностей будет сломлена, если будет упразднен и 'истинный мир', то сам собой /выделено мной/ возникнет новый строй ценностей». По-моему, глупо. Вообще Ницше после «Рождения трагедии» как-то сразу и безнадежно поглупел. Хотя, справедливости для, отдадим ему должное хотя бы за то, что он «подарил» нам богатую идею ресентимента.

Еще один штрих. Наткнулся у Мамардашвили (в статье об Арто) на актуальные идеи о 'подпорках', 'Рампе', 'катарсисе' и 'факельных шествиях'. «Следовательно, согласно Арто, нужна сильно сбита, сильно структурированная, сильно сцепленная машина, чтобы вообще могло случиться состояние понимания — в голове актера и в голове зрителя. Это театр насилия или театр жестокости. Потому что только жестокость может до конца изгнать изображения того, что нельзя изображать. Только одна жестокость. Но Арто добавлял все время: ни в коем случае не в реальности. Ибо в противном случае теряется весь смысл. Вся кровь и насилие есть кровь и насилие в построении изображения, разрушающего изображение. А если мы этого не сделаем, не пройдем через эти катарсисы в наших собственных душах, то все случится в реальности, то есть буквально случится. Он предупреждал об этом еще до фашизма. И потом все это случилось. Ведь немецкие мифы, скажем, немецкий расовый миф или советский социальный миф, — все они разыгрались в реальности. Немцы вкатились в свой расовый миф, причем со всеми атрибутами театра: факельные шествия, драматические сжигания книг. У нас гражданская война может сменить гражданское состояние людей со всей театральной атрибутикой, со всеми соответствующими позами» (Антонен Арто. Театр и его двойник. С. 343–344). Впрочем, Мамардашвили заблуждается, когда приравнивает мыслительные (когнитивные) процес-

сы к катартическим: «я не отличаю мысль от образа, от чувственности или чувства» (329). Ну и напрасно, батенька, пора бы уже и научиться отличать. В остальном же он прав. И еще один момент: трактовка Мамардашвили прямо противоположна трактовке Гольдштейна (в статье о чуме из «Аспектов»); на этом примере видно, кто занимается профессиональной деятельностью (попросту мышлением), а кто «ольшанствует».

Хочу также привлечь твое внимание к очень, по-моему, занятным (и при этом в высшей степени «юдофильским») соображениям о «первоначальном кинизме» как об изобретении еврейского народа в книге Слотердайка «Критика цинического разума». См. в особенности сс. 260–274. Было бы интересно узнать твое мнение о его трактовках. Там есть переключки и с «ресентиментом по Ницше», и с «героизмом», и с «мотивами Бродского». Немного процитирую для затравки: «Спина, которая отсчитывала удары, наносимые по ней, правда, согнется в поклоне, потому что так будет умнее, но в этом ее поклоне будет такая ирония, которая приведет в бешенство жаждущих величия. Поэтому фашизм, надутое ничтожество, строящее из себя нечто героическое, не мог не чувствовать, что именно евреи, как никто другой, видят его насквозь. Осуществляя массовые убийства евреев, фашисты стремились разбить то зеркало, которое еврейский народ уже в силу одного только своего существования ставил перед фашизмом — так, что оно отражало все его высокомерие и заносчивость. Антисемитизм выдает надлом в фашистской воле к власти; эта власть никогда не смогла бы быть настолько большой, чтобы преодолеть кинически-еврейское «нет» по отношению к ней. Из проникнутой смиренней, искаженной приспособленчеством, но все же сохранившейся традиции сопротивления у современного еврейства все еще исходило столь сильное и направленное в самый центр фашистского сознания отрицание высокомерия власти, что уверовавшие в свое величие фашисты строили лагеря массового уничтожения для искоренения того, что стояло на пути к осуществлению их намерений».

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Наш любимый автор сумел (за то и любим) отлить в поэтическую бронзу это «кинически-еврейское нет» показному, пацанскому «героизму»: «Немного теплого куриного помета и бестолкового овечьего тепла; я все отдам за жизнь — мне так нужна забота, — и спичка серная меня б согреть могла. Тихонько гладить шерсть и ворошить солому, как яблоня зимой, в рогоже голодать, тянуться с нежностью бессмысленно к чужому, и шарить в пустоте, и терпеливо ждать»¹. Настоящий меморандум еврейского кинизма.

¹ Мандельштам, «Кому зима — арак, и пунш голубоглазый...»

Цитата из Слотердайка мне нравится. Эта идея еврейской иронии по отношению к любой власти. Это всегда злило любую власть. Я думаю, что эта ирония — в силу их, евреев, поклонения Богу, который выше любой власти. Языческие боги, особенно греческие, были слишком «человеческие» (человеческое, слишком человеческое), свои ребята-паскудники, драчуны, бабники и интриганы. И все они боролись за власть, и будто списаны были с царей, тот же Молох, например, и назван «Царь» на всех западно-семитских языках. И средневековая европейская традиция видела в Христе «царя небесного», так его и называла, а царей обожествляла, еще римские императоры почитались, как боги, а византийский императорский трон был двойным, пустое кресло справа предназначалось Христу. Кстати, были и христианские мученики, не признававшие абсолютной власти царя — явно еврейская традиция. Но если так, то эта еврейская ирония по отношению к земной власти сводит на нет весь нищенский пафос иудео-христианской «морали рабов»: раб (еврей), загнанный в угол, вырабатывает не яд ложных ценностей, дабы отравить ими хозяев жизни (германцев), а с глубокой иронией к уберменшу хранит традицию духовного сопротивления. Вообще, взаимоотношения евреев с Европой — стержень европейской культуры, а стало быть и истории. И в центре этой истории не только вечный диалог-противостояние Афин и Иерусалима, но и война с дикой Европой, недоросшей ни до той столицы, ни до другой. И мне иногда кажется, что ненависть Европы к евреям коренится не в христианстве, а именно к ненависти к христианству как инстинктивное неприятие чужого нарратива: евреи захватили Европу, заставив ее жить по библейским, по еврейским сказаниям (возьми что Ветхий Завет, что Новый). Христиане ведь и называли себя «новым Израилем». И это борьба исконных, неоформленных цивилизаций с Израилем, старым и новым! В 19 веке эти силы вырвались наружу — тот же Вагнер — в романтизации языческих легенд.

И еще о Жираре и Фрейде. Ни тот, ни другой совершенно не рассматривают «женскую сторону» Эдипова комплекса. То есть, если влечение к матери вызывает у сына соперничество с отцом, то влечение к отцу должно вызывать у дочери соперничество с матерью вплоть до параллельного эффекта «инцестуального убийства». Насколько я знаю, отношения дочерей с матерями зачастую (даже чаще, чем у отцов с сыновьями) конфликтны, причем на почве ревности к главному мужчине в доме. Может быть, мать смотрит гораздо спокойнее на такое соперничество (принимая моногамность мужчины), чем отец на соперничество сына? Или женщины просто менее агрессивны и склонны к насилию? Кажется, Фрейд что-то писал о женском варианте «эдипова комплекса», но я уже не помню... Если же рассматривать «семейные» отношения через призму «миметической зачарованности» Жирара, то аналогия должна быть полной: мать — образец для дочери и ее соперница на ложе отца. Или «культурный образец» для дочери тоже отец?

Жирар приводит интересные исследования Малиновского, который рассказывает, что в обществе тробианской первобытной культуры происходит «разнесение» образца для подражания и объекта желания: у тробианцев роль отца и «образца» играет дядя по материнской линии, который в семье не живет (отношения с сестрой табуированы), и отец у тробианцев оказывается в роли «утешителя, дружелюбного и снисходительного товарища», что напоминает современные отношения деда и внука. Из этого Жирар делает вывод, что «современное западное» общество гораздо в меньшей степени дифференцировано, чем «примитивное», это общество «миметической зачарованности», и что «эволюция современного общества заключается в распаде различий», что западной историей «управляет принцип деструктуризации, который можно назвать чуть ли не ее (“западной цивилизации”) миссией». «Первобытные общества в такой ситуации не устояли бы: насилие лишилось бы всякой меры, и его пароксизм пустил бы в ход механизм учредительного насилия, восстановив тем самым какую-то весьма многообразную систему. В западном и современном мире ничего подобного не происходит; стирание различий протекает постепенно и непрерывно и кое-как переваривается и усваивается..., и понемногу распространяется на весь земной шар. Здесь проявляется как поразительная пластичность современности, ее невероятная эффективность, так и рост терзающих ее напряжений».

Интересно, что бы Жирар сказал по поводу нынешнего «пароксизма насилия»? Именно распространение «западного образца» на весь земной шар, и обратно — диффузия «земного шара» в западное общество и приводит ко всяким «двойным зажимам» и пароксизмам насилия. У нас тут, на этом пятачке земли экспериментальная лаборатория «двойного зажима» и учредительного насилия. Вот, даже Франция поддалась к Ле Пену (если бы он был более привлекательной личностью, то мог бы и победить). «Чужие» — всегда проблема, но сейчас она уже вышла из берегов, вышла на улицы. «Малый» пароксизм насилия мусульман против евреев во Франции показал французам, что они могут воленс-ноленс оказаться ареной «чужой» войны. «Еврей-либералы» в Израиле и во Франции, конечно, в шоке от возможной победы Ле Пена, и во Франции некоторые уже бросились сдувать пыль со старых чемоданов эпохи перемещенных лиц... А я говорю: вив Ле Пен!

А наше телевидение, наконец, сделало толковую передачу: интервью с пацаном из Дженина, лет 14, который рассказал, как «взрослые дяди» одели ему и его приятелю пояса со взрывчаткой и послали взорваться около израильских солдат, а он по дороге обосрался и стал угрожать другу, что не стоит, «ты еще молодой», и «все про тебя тут же забудут», но друг ушел и взорвался («неудачно»), а он убежал и по дороге услышал взрыв... Этот маленький «урок ресентимента» получился очень естественный и проникновенный, а главное, доходчивый для «западного либерала» с его принципами защиты прав детей и т.д.

Да, так Жирар (вернемся к нашим баранам) возлагает *ответственность за напряжение и отчуждение, которым подвержен современный человек... на все более полное отсутствие всякого закона. Непрестанное разоблачение закона связано с типично современной обиженностью (рессентимент!), то есть с напором желания, наткнувшегося не на закон, как оно, желание, полагает, а на образец-преграду* (белые, как образец для черных в США или той же Франции)... *Чем лихорадочнее и безнадежнее становится мимесис в вихре сменяющихся мод, тем упорнее люди отказываются признать, что они превращают образец в преграду, а преграду в образец. Проводником на этом пути будет не Фрейд, и даже не Ницше, отводящий обиженность «слабым», тщетно пытающийся установить прочное различие между этой обиженностью и по-настоящему «искренним» желанием, волей к власти, но не замечающий, что его проект и есть предельное выражение всякой обиженности... нет, им будет, видимо, Кафка — один из немногих, который понял, что отсутствие закона есть то же самое, что обезумевший закон, что это и есть подлинное бремя, гнетущее человека».*

Всегда твой
Наум

По дороге вдруг — приступ некрофилии:

— А ты любишь мертвецов?

— Кюшать люблю, а так — нэт.

— А, любишь кушать? Вот так, вилочкой кишочки наворачиваешь, вместе с червячками, с гноем, и втягиваешь, ха-ха-ха!

— Любишь ты тошнотворное...

— А мне интересно, как ты будешь реагировать! А ты себе это наглядно представляешь, да? Ха-ха-ха!

Кулинарные фантазии продолжались. «Ты чего, голодная?». — «Нет, мне еще рано». Время — начало первого. На стоянке говорит: «А давай погуляем. Можем у моря посидеть, кофе выпить». Я был благодарен ей за это предложение. Неужели, думаю, поняла, что мне неохота в гостиницу, и вообще...

День солнечный, ветер, не жарко. Зашли в кафе. Внутри никого. Но за столиками на пляже, на песке сидят кое-где.

— А давай креветки возьмем?

— Давай.

— Знаешь, как внучок мой креветки называет? Червяким! Шув атем охлим червяким¹, ха-ха-ха!

Поели червяким, заодно и бутерброд с ростбифом, заговорили о половом влечении, я говорю, что с возрастом слабеет, а она говорит, что нет.

— Я, наверное, сумасшедшая...

¹ Червяким! Опять вы червяков едите (*ивр.*).

— Ну, ты из ряда вон выходящее явление...

— Что со мной вчера было... нет, зачем я тебе это рассказываю...

— Ну уж, расскажи...

— Нет, но это сумасшествие...

— Ну, уж начала...

— Не знаю... Рассказать?

— Давай-давай.

— Я вчера пошла к гинекологу. Я уже несколько лет не была, но тут решила пойти. Позвонила, как раз была очередь, в общем, поехала. Ты хоть знаешь, как гинеколог осматривает?

— Ну... кресло такое, ноги кверху, на костылях таких...

— Да. А смотрит он как?

— Как?

— Ну, так же не видно ничего, он такое зеркальце внутрь засовывает и смотрит. А знаешь, почему женщины предпочитают мужчин-гинекологов? Потому что женщина так тебе это зеркальце засунет, что закричишь, а мужчина очень аккуратно это делает. Ну вот, зашла я к нему, ничего такой мужик... слушай, зачем я тебе это рассказываю? Ну вот, он мне, конечно, отвесил комплимент, что, мол, никогда бы не подумал, в смысле возраста, послал на всякие анализы на предмет гормоны мне выписать. Говорит: у вас спираль? Давайте ее вытащим, зачем она вам? А я говорю: на всякий случай. И тут мы стали ржать. Это редко бывает с врачом, да еще гинекологом.

— Гинеколог тоже человек. И даже мужчина. Стало быть, понравилась ты ему.

— Нет, гинеколог не мужчина, он, знаешь, столько всего насмотрелся, он не может смотреть на пациентку как на женщину... очень удивился, что у меня еще месячные... я говорю: а вдруг я забеременею... ух мы ржали. А потом еще часа полтора болтали. Уж и в дверь стучали.

— Ну?

— Ну и все. Пока оставил спираль. Буду анализы делать...

— Так трахнул он тебя или нет?

— Да ты что?! Какие-то у тебя странные фантазии. У тебя одна мысль в голове.

— Ты сама сказала, что ты ненормальная, хотела что-то рассказать в подтверждение...

— Ненормально то, что я тебе все это рассказываю.

— Чего ж тут ненормального.

— Любовнику про врача не рассказывают.

— Чего-то ты недоговариваешь.

— Мне стыдно...

— Да ладно уж...

— У меня такое произошло...

— Чего?

— Нет, не могу...

— Пукнула, что ли?

— Ну вот, весь спектр твоих представлений: от трахнули до пукнула.

— Ну я не знаю, что уж могло такого произойти...

— Ты знаешь, чего я пошла-то? У меня от тампона веревочка оторвалась, и он там застрял. Ну и пришлось пойти... вытащил. Говорит: у вас только один тампон? А я ему: что у меня там, махсан¹? Ну и тут мы так ржать стали...

От гостиницы не удалось отвертеться. Да все бы ничего, если опосля смыться. Но она уперлась: не отпущу. И чувствую: не отпустит. Пришлось пойти по второму заходу, совсем уж как-то не в кайф, но и это не помогло. До шести все равно провалялись. А дома еще жена вдруг решила внимание проявить, уж и не знаю, как сдюжил. Заебали.

23.4.

Матвею:

Вот тебе еще образчик местной русскоязычной прессы, из-под пера того Александра Римана, который в свое время возмутился моим отрицанием героизма у евреев. Кстати, недавно у меня вышел мимолетный разговор с одним израильтянином, не знаю, кто он, но явно «интеллектуал»: мы были на презентации сборника актуальных статей «Ахерет» («Иначе»), который выпустил мой знакомый и первый публикатор на иврите Аарон Амир, я посылал тебе мое интервью с ним, презентация проходила в мошаве (сельхозкооператив), у одного владельца виноградника и небольшого винного заводика, сам «помещик» — из известной литературной семьи (Смилянские), все было очень мило, гуляли по винограднику, весна, все цветет, поля убегают вдаль, нахлестались вином, и я стал рассказывать своему случайному соседу по прогулке о своей книге, он спросил о чем она, я говорю: о том, что героизм еврейству чужд. Он сразу насторожился и спросил: а что такое «героизм», как я определяю (сразу видно, что интеллектуал, а поскольку при этом слове «встал в стойку», понятно, что «левый»), я за словом в карман не полез и говорю: героизм — это готовность взять на себя ответственность за свою судьбу. Он голову наклонил (как бы прополоскал мою фразу в уме), качнул ее обратно и сказал: о, это воистину героизм! Правда, губы его при этом дрогнули в какой-то полуулыбке, может по пьянке...

Так вот, статья Римана называется «Евреи, отомстите!»

«Невинна крив жидовска нехай сплыне на вшистских немцев. Помсты, помсты! Нехай их порун забие. Курва их мать. Сруль Вайнштейн. 23.8.42».

¹ Склад (ивр.).

И опять примеры отношения к врагам берутся из славного советского прошлого, из эпохи войны с немцами, как в статье Тарна («Убей!»), о которой я тебе писал, и если Тарн цитировал Симонова и Инбер, то Рима́н цитирует Эренбурга:

Как эта жизнь — не ешь, не пей
И не дыши — одно: убей...

Впрочем, я не прав, Рима́н берет примеры не только из советского пропагандистского арсенала, но и из Библии, о том, как по велению Господа израильтяне вырезали поголовно всех сынов Медианитянских, надо полагать, зловредных. И делает вывод, что война идет между народами, как в свое время война шла не с фашизмом, а с немцами, немцы убивали евреев, а не «фашисты» (мол, итальянские фашисты евреев не убивали, что не совсем точно), и Эренбург писал: «Немцы — не люди... нельзя стерпеть немцев. Нельзя стерпеть этих олухов с рыбьими глазами, которые презрительно фыркают на все русское...» (на все гусское...), а Даниил Гранин, через четверть века оправдывая геноцидный пафос Эренбурга, пишет: «Я знаю, как нужны были статьи Эренбурга, ненависть была нашим подспорьем, а иначе было не выстоять»).

Вот в чем дело, есть нужда в ненависти. А это признак слабости (да и фашизм отсюда, как и пишет Слотерда́йк, фашизм как слабость)... Ненавидят того, кого не могут убить! Кого могут убить — убивают и забывают о нем, так живут сильные! Бессильная ненависть — пчелиная матка ресентимента. Меня всегда удивляло, что у израильтян нет ненависти к арабам. Во всяком случае, их упорно воспитывают (культурные и политические вожди) на христианской любви к своему врагу, на готовности понять, пойти навстречу, помочь — чем не ресентимент? Но именно это, как мне кажется, озлобляет арабов больше всего, они видят в этом демонстрацию превосходства. А израильтяне и в самом деле ведут себя с ними, как с умственно отсталыми, причем вовсе не из надменности, а с естественной беспечностью. Вот на меня во время моих утренних прогулок вокруг нашего пруда в «Холонском лесу», все время нападает один психованный гусь, их там целая стайка, здоровенный такой и очень агрессивный, шипит и все норовит ущипнуть за пятку. А я отбрыкиваюсь. Иногда эта его неизменная агрессивность меня, признаюсь, раздражает, злит, думаешь: голову ведь отверну, сука, куда прешь! Но он упорно шипит, даже получив пяткой по клюву, но, пройдя еще несколько шагов, я забываю о нем до следующего утра...

Наум, привет!

Начну с вопроса, на который ответить относительно легко. Фрейд с самого начала имел в виду «женский эквивалент» эдипова комплекса, хотя упоминал о нем крайне редко. В «Психоаналитических этюдах» чи-

таем: эдипов комплекс — это психологическая травма, переживаемая в детстве каждым человеком и выражающаяся в «эмоциональной привязанности к родителю противоположного пола с сопернической установкой в отношении к родителю своего же пола». Как видишь, здесь нет «женской дискриминации» и «мужского шовинизма» (по крайней мере, в замысле). Более того, существует и соответствующий термин: 'комплекс Электры'. Электра, как известно, способствовала смерти своей матери Клитемнестры, убившей ее отца. Комплекс Электры проявляется в любви к отцу и враждебном отношении к матери. По правде сказать, у самого Фрейда я этого выражения не встречал (но я «не специалист»); не уверен даже, что термин принадлежит самому Фрейду, но в популярной околофрейдистской литературе он встречается сплошь и рядом. Впрочем, определенная асимметрия в «гендерном плане» у Фрейда наблюдается не только в том, что о проблемах девочки он говорит несравненно реже, но и в том, что девочка, по Фрейду, испытывает зависть к мальчику из-за недостающего члена. Обратной же зависти не наблюдается. Честно говоря, вся эта возня с детской сексуальностью никогда не вызвала у меня доверия. Боюсь, что все эти 'эдипы' и 'электры' — прискорбное заблуждение маэстро, которое самым пагубным образом отразилось на его подходе к искусству. А сильная сторона книги Жирара — в идее стирания различий: протагонист — любой, кто попало, пустое место отождествления. Думаю, этот архетип несовместим с эдиповым комплексом (как и с комплексом Электры).

Но у Жирара больше слабых, чем сильных сторон. Его концепция относится все же к «миру фантазий», хотя и выдает себя за «науку». В самом деле, чем обосновывается фундаментальная роль 'насилия'? Да и вообще: что это за 'насилие' такое? Одно из «убойных» возражений я встретил у какого-то француза (кажется, у Бодрийера): кто сказал Жирару, что насилие нужно было нейтрализовать? Как раз наоборот: в целях выживания его нужно было культивировать! Это не научный спор, а порочный круг: слово Жирара против слова Бодрийера. Жирар строит из себя крутого, но «гуманитарная презумпция» (то, что насилие — это, по определению, плохо) представляется ему чем-то само собой разумеющимся. Но можно зайти и с другой стороны. Каков генезис насилия? Возможно, это «животное наследие» («зоологический индивидуализм»). Но тогда нужно говорить скорее об 'агрессии' в духе Конрада Лоренца. Однако тот же Лоренц убедительно доказывает, что животным как раз не свойственно внутривидовое насилие (во всяком случае, до смертоубийства дело, как правило, не доходит). Может быть, гоминиды какими-нибудь особенные (особенно зловредные)? Есть такое мнение, но оно основано на предубеждениях (правда, очень распространенных), а не на научных данных. Например, считается, чуть ли не очевидным фактом, что в стаде обезьян-антропоидов шла свирепая борьба за самок. (На этой предпосылке целиком построена, например, известная тебе — ин-

тересная, но сугубо дилетантская — книга Бородая.) Но вот читаю в авторитетной монографии серьезного исследователя Л.А. Файнберга «У истоков социогенеза» (М.: Наука, 1980): «Конкуренция самцов из-за самок у шимпанзе и горилл, как правило, носит мирный характер. Для них обычна взаимная терпимость самцов в половой сфере, как, впрочем, и в других отношениях. По наблюдениям... того-то и того-то... в период течки до 20 самцов спаривались с одной самкой. Однажды это сделали 7 самцов подряд. И все это не вызывало никакого конфликта между ними. Сплошь и рядом наблюдается образование временных групп, состоящих из одной самки и нескольких самцов. Никаких признаков конкуренции между самцами обнаружено не было. Дж. Шаллер, почти два года наблюдавший горных горилл на воле, не видел ни одного столкновения из-за самок, хотя в каждой группе обезьян было несколько взрослых самцов. Ученый пришел к выводу, что сексуальность в сообществах горилл не доминирует» (с. 43–44). Еще цитата: «Один из важных результатов наблюдения за поведением обезьян на воле — установление факта сравнительно мирной конкуренции из-за самок. Самцы-гамадрилы обладают биологическим механизмом подавления полового инстинкта, что в основном помогает им избегать сражений из-за самок, которые могут привести к гибели самца. Уже занятых самок не «отбивают», даже если самка принадлежит самому слабому самцу, а у сильного — самки нет. Распределение самцов между самками стада не соответствует, в противоположность ранее господствовавшим представлениям, рангу самцов в иерархии доминирования. В естественных условиях самками владеют 80% самцов, среди них и слабейшие» (с. 21). Спрашивается, откуда же тогда взялось представление о конкуренции «не на жизнь, а на смерть»? Дело в том, что эти выводы основывались на наблюдениях за поведением обезьян, деформированным в условиях неволи. Цитирую дальше: «Наблюдения за поведением обезьян в подобных неестественных условиях дали повод широко распространенным до недавних пор (особенно в работах не приматологов, а историков первобытного общества) представлениям о безудержной и кровавой борьбе из-за самок различных видов обезьян. ... Что касается сообществ обезьян, обитающих на воле, то теперь уже можно с уверенностью сказать, что преобладавшие в литературе по истории первобытного общества представления о господстве у животных, включая обезьян, ничем не ограниченного зоологического индивидуализма не отвечают современным данным о сообществах приматов и должны быть пересмотрены в пользу существования у обезьян, как и у многих других млекопитающих, черт поведения, ориентированных на интересы сообщества, а не отдельной особи» (с. 22).

Вот и выходит, что «зоологический индивидуализм» — это выдумка человека, и если это выражение к кому и применимо, то меньше всего к животным, а больше — к нему самому («проекция»). Что и понятно. Утратив большую часть инстинктивного регулирования, человек (точ-

нее, претендент на это звание) оказался — в результате рефлексии — в ситуации почти полной «отвязанности», чреватой эксцессами. Но кто доказал, что главным таким эксцессом было повальное «цепное» насилие? Разумеется, я не претендую в этом вопросе на «сугубую научность», но если попытаться представить себе, чисто теоретически, характер этой «отвязанности», то исходившая от нее главная угроза, как мне кажется, заключалась в ослаблении «воли к жизни»; была бы воля, «а остальное приложится». Что же касается насилия, так это вещь полезная и зачастую совершенно необходимая «в обиходе». Важно только одно — быть адекватным в его применении (как, впрочем, и в применении чего угодно). А быть адекватным — значит, иметь незамутненную (катартически очищенную) волю к жизни. Это понятие более глубокого уровня, уровня сущностей. А насилие — не более чем акциденция, то есть проявление этой сущности на одном из поверхностных уровней, в зависимости от обстоятельств. Короче, мелко плавает твой Жирар.

А насчет истории Европы, как борьбы с еврейскими сказаниями... крутая мысль, надо с ней переспать.

Всегда твой
Матвей

Vdgonku

Перевел для тебя статью из JERUSALEM POST. Возможно, глупо посылать тебе статью из еврейской газеты (не знаю, циркулирует ли у вас русский вариант, и насколько ты владеешь английским), но уж очень хочется сделать «хоть что-нибудь для Израиля».

ГРЯЗНАЯ ПОЛИТИКА АГЕНТСТВ
ПО ПРЕДОСТАВЛЕНИЮ ГУМАНИТАРНОЙ ПОМОЩИ
19 APRIL 2002 (pre-publication text)
GERALD M. STEINBERG
(привожу частично)

Реальная гуманитарная трагедия состоит в том, что число лиц и агентств, которые предоставляли бы гуманитарную помощь, не ввязываясь в деструктивную пропаганду, чрезвычайно невелико. Многие неправительственные организации и агентства, включая Международный комитет Красного креста, вовлечены в антиизраильскую политическую программу. ... Организации, действующие под эгидой ООН, и, в частности, Агентство по предоставлению помощи и работы (UNRWA), за 52 года своего «временного» существования, стала частью проблемы, а не средством ее разрешения. Вдобавок к гуманитарной помощи, включая пищу, медицину, образование, строительство и другие службы, UNRWA стала также центральным компонентом палестинской политической структуры. UNRWA имеет возможность действовать в лагерях на условиях подчинения «правилам игры», установленным боевиками, банди-

тами и террористами из ФАТХ, Хамас и другими вооруженными группировками. В школах, которые работают под эгидой UNRWA, антиизраильское подстрекательство, основанное на отрицании права Израиля на существование, входит в учебную программу. Офисы UNRWA постоянно используются как склады оружия и фабрики по изготовлению бомб. Директор UNRWA Питер Хансен был в этом уличен во время интервью с корреспондентом BBC Тимом Себастьяном и мычал нечто невразумительное, не в силах отрицать очевидность. Любой руководитель, который отказался бы выполнять условия Арафата, давно был бы отстранен от должности. При таких обстоятельствах UNRWA не может быть доверена миссия доставки гуманитарной помощи, и чем скорее эта организация закроется, чем лучше.

Другая организация, Комиссия по наблюдению за соблюдением прав человека (HRW), сыграла решающую роль в дискредитации Израиля. HRW часто поддерживает палестинцев, публикуя с их слов непроверенную или преднамеренно сфальсифицированную информацию относительно израильских тюрем и политики Израиля в области такого оружия, как противопехотные мины. <...>

Наряду с ООН, HRW и другими организациями, такими, как Amnesty International, а также многие правительства, также несут ответственность за фиаско Durban process. Дурбанская «антирасистская» конференция, проведенная в сентябре, означала серьезный шаг в компании по дискредитации Израиля и разжиганию антисемитизма. В то время как правительство США проявило моральную стойкость и покинуло конференцию, другие представители остались и стали частью процесса. Несколько дней назад члены известной Комиссии ООН по соблюдению прав человека (за исключением Канады, Британии и Германии) проголосовали за осуждение Израиля за «акты массовых убийств» и поддержали «вооруженную борьбу» палестинцев (другими словами, террористические нападения на мирных жителей). Члены UNHCR (главным образом из Евросоюза) продемонстрировали, что для них главное — антиизраильская пропаганда, а вовсе не мораль. Равным образом антиизраильской пропагандой занимаются и политики, такие, как Энн Клуид (член Британского парламента), посетившая Дженин, чтобы выразить озабоченность «страданиями палестинцев».

... Уже давно назрела — и даже перезрела — необходимость распустить все эти организации при ООН и NGO и создать новые, неполитизированные, профессиональные агентства.

Матвею:

А я как раз тоже собрался послать тебе «матерьяльчик», посылают разные знакомые (подбадриваем друг друга). Кстати, Цветков прислал свой перевод статьи Орианы Фаллачи и предложил опубликовать, не называя имени переводчика...

Умиляет, как израильтяне, вернувшиеся с фронта, в качестве военных подвигов рассказывают о том, как они помогали палестинцам, в смысле всяким «мирным» людям: кто-то дал воды заблокированной в доме семье, кто-то дал пожрать какому-то заблудившемуся ребенку, кто-то, акушер на гражданке, оказал помощь роженице, ну и всякое такое. Израильтяне сильно озабочены тем, что ООН назначила комиссию по проверке нашего «поведения» в Дженине, Израиль зачем-то согласился. Представитель ООН, кстати датчанин Ларсен, недавно запущенный под охраной израильтян в Дженин, был «потрясен» разрушениями (небольшой пятачок, несколько коротких и тесных улиц, где сосредоточилась схватка), сказал, что «землетрясение», что «пахнет трупами», в общем, ужас что такое.

24.4. Р обозвала: «фантазером с пессимистическим уклоном». Рассказала анекдот, как двум братьям, оптимисту и пессимисту обещали подарить лошадь, пессимисту у кровати поставили деревянную лошадку, а оптимисту кучу говна положили, вот пессимист просыпается, видит деревянную лошадку и говорит: уу, не настоящая!, а оптимист говорит: а у меня была настоящая, только убежала!

Вчера гуляли с Верником в Яффо. Пожрали в арабском ресторане. Все время торопили нас (у них битком, народ на улице ждет), и я разозлился... До сих пор не отойду.

После ресторана гуляли вдоль моря по новой набережной, много пустых кафе, дошли до музея Эцеля.

— Похоже на Грецию, — сказал Верник.

Когда стояли на площадке над морем, внизу обнималась парочка. Я сказал: «Влюбленных тянет к океану...».

— Влюбленных тянет к океану, — подхватил Верник. — Готовая строка!

— Да... — отозвался я эхом, — строка...

От Л: Все уговариваю маму погостить у меня, но она еще не готова.

А помнишь, до моего последнего приезда мне снилось, будто мы с тобой молодые, у нас на даче малину с кустов у забора едим? И папа мне советует других мальчиков не водить — ты самый симпатичный...

А Р было очень плохо с тобой 11 марта. Я даже вздрогнула от даты... что она ее запомнила и вот так всплывает в записках.

Наум, привет!

Перевел для тебя статью из канадской газеты National Post. Автор Mark Steyn.

Appeasing Arab hate puts the lie to 'Never Again'.

Задабривание арабской ненависти делает ложью лозунг «Больше никогда».

Все цивилизованные люди согласятся с тем, что убивать евреев неправильно. То есть было неправильно убить шесть миллионов евреев 60 лет назад. Убивать по паре дюжин или около того каждые 48 часов — это другое дело. Официальная позиция Министра иностранных дел Канады, о которой он объявил с пляжа Барбадоса, такова: ответ Израиля на непрекращающиеся убийства «непропорционален».

Мистер Грэхем не разъяснил, какой ответ он посчитал бы «пропорциональным». <...> «Сионистское государство» ныне изолировано больше, чем когда-либо за всю свою историю. Совет Европы призвал Израиль «умерить жестокость». Министр иностранных дел Греции сказал: «мы осуждаем интервенцию израильской армии». Министр иностранных дел Швеции назвал действия Израиля неприемлемыми. Папа, в свою очередь, «возмущен несправедливым обращением и унижениям, которым подвергаются палестинцы, равно как и репрессиями и акциями возмездия, которые ничего не дают, а только питают чувство подавленности».

Вероятно, в результате подпитки этого чувства, в воскресенье одна синагога в Марселе была сожжена дотла, а другая наполовину во вторник, и Великий муфтий Сохейб Беншейх сказал агентству ЮПИ: пока «насилие на Среднем Востоке» продолжается, «арабские юноши Франции продолжают свои нападения». Это не палестинцы, почти все они французские граждане североафриканского происхождения. Но «подавленность» от действий Израиля на Западном Берегу Иордана, служит достаточным основанием для того, чтобы французские мусульмане жгли молельные дома евреев. Прошлый уикенд выдался оживленным. В Брюсселе была подожжена синагога. В Берлине два ортодоксальных еврея были избиты на оживленной улице, а еврейское кладбище осквернено свастикой. В Тулузе обстрелян магазин кошерной пищи.

В Вильебане, пригороде Лиона, молодая еврейская пара — муж и его беременная жена — были жестоко избиты. «Ох уж эти евреи, — вздохнула привлекательная, интеллигентная, образованная парижанка за ужином вчера вечером. — Везде, где они появляются, возникают проблемы». Я поперхнулся и забрызгал супом рубашку. «Вы должны вести себя более деликатно в присутствии нашего друга, — причмокнул хозяин, размышляя над недавними замечаниями Барбары Амьель о французском антисемитизме. — В англоязычном мире считают, что Европа планирует второй Холокост».

Ну уж нет. В Европе не будет второго Холокоста — хотя бы потому, что эта работа была очень хорошо проделана в прошлый раз. Возбужденное арабское юношество Франции пришло к шапочному разбору: осталось только подчистить остатки. Его действия имеют значение лишь как предзнаменование того, что может ожидать континент, когда война мистера Буша с терроризмом переместится в Ирак. Единст-

венный вопрос состоит в следующем: ограничится ли многомиллионное мусульманское юношество Европы тем, что парализует свои правительства или окончательно дестабилизирует власти. Даже в Британии Даунинг-Стрит сотрясается от массивованных мусульманских демонстраций.

Но даже если в Европе не осталось достаточного количества евреев для широкомасштабного геноцида, поражает сходство между «тогда» и «теперь». В 1960 году, когда израильцы схватили Адольфа Эйхмана, государственная газета Саудовской Аравии опубликовала сообщение об этом событии под заголовком: «Арест Эйхмана, который имел честь убить шесть миллионов евреев». Сегодня в Израиле живут шесть миллионов евреев; половина из них — это люди, изгнанные из арабских стран, хотя не слышно, чтобы кто-нибудь говорил об «интернированном населении», когда дело касается евреев. Теперь убить еврея — это великая честь: ваше лицо на постерах, расклеенных по всему городу, вашей семье обеспечено уважение, она получит от Саддама Хусейна 25 000 долларов.

Теперь, как и тогда, те же лозунги: — Протоколы сионских мудрецов, евреи пьют кровь христианских младенцев. Все это ежедневно печатается в правительственных средствах массовой информации — тогда в Германии, теперь в Египте, Сирии, Саудовской Аравии. Теперь, как и тогда, дипломаты всего мира настроены решительно: ничего не видим, ничего не слышим. В 2002 году Саудовская Аравия наш «друг», Египет — отличается «умеренностью», а Глава Палестинской автономии Арафат, если верить пресс-секретарю шведского Министерства иностранных дел Мюриэль Берсет-Коэн, «наш легитимный партнер, поскольку он был демократически избран». <...>

Как отметил недавно Джордж Йонас, арабы злятся на Европу за то, что она решила свою еврейскую проблему, выпроводив их в «оффшорную зону», отфутболив в мусульманский мир и сделав их арабской проблемой. Я отношусь к этой точке зрения с некоторой симпатией: оглядываясь назад, я думаю иногда, что было бы лучше отдать сионистам Францию или Австрию. Сегодня проблема для арабов состоит в том, что они не могут избавиться от евреев при помощи конвенциональных военных средств. У них есть танки, вооружение, авиация, но каждый раз, когда они используют их против Израиля, они терпят поражение. Поэтому арабский мир выбрал в качестве оружия палестинцев: по сути дела, они рассматривают весь Западный Берег как одного большого бомбиста-самоубийцу, предназначенного для того, чтобы уничтожить евреев. <...> Хашеми Рафсанджани, один из тех знаменитых «умеренных», на которых молится Запад, уже объявил: «быстро приближается день, когда мусульманский мир получит ядерное оружие, и еврейский вопрос будет решен раз и навсегда».

Матвею:

Если возможен «жертвенный кризис», когда ритуал «не работает», то почему невозможен «кризис искусства», когда к тексту (к спектаклю) «серьезно» уже не относятся, и обращение к архетипам не создает больше «терапевтического эффекта»? Вот Арто предлагал «театр жестокости», предлагал «сыграть» жестокость (в жестокость), чтобы изгнать ее из жизни (вроде учредительного насилия Жирара), и, кстати, этот рассказ Проханова об абортах, как мне кажется, и является таким «театром жестокости», или «литературой жестокости» (о которой мечтает Гольдштейн), так вот все эти «театральные» жестокости уже не работают, зритель-читатель не хочет сопереживания, он хочет развлечься-отвлечься. Это и есть «смерть искусства». Что в такой схеме «не убедительно»?

Пришла посылка с Норманом Мейлером (а что, кстати, Соколов, подает признаки интеллектуальной жизни?), и взяв в руки его «Евангелие от сына Божьего», я тут же с отвращением отбросил книгу: опять то же самое: пересказ евангелий своими словами, да еще в «предисловии», как бы от имени сына Божьего, сказано, что евангелия от Матфея, Марка, Луки и Иоанна «сплошное вранье», и поэтому «он решил» «рассказать свою историю сам», — такая религиозная порнография, разве это не смерть искусства? Чуть ли не про ессеев в Назарете...

Что касается Слотердайка, то прочитав по твоей рекомендации главу о «цинизме государства и власти», я просто офонарел: и это интеллектуальный кумир современности? К евреям он, конечно, хорошо относится (наверное, потому, что так удачно подверстал их к своей теории), приятно читать про «героизм с человеческим лицом» и т.д., но это, увы, единственное его достоинство. Во-первых, он относится априорно плохо к любой власти («кровавое, насильственное, основанное на шантаже начало всех властей»), к власти как институту, не желая понимать, что власть — это способ функционирования любого социального организма, включая коммуникацию (без власти он погибает). Для Слотердайка власть и насилие синонимы (а не формы жизни), а насилие аморально (о какой морали, говорит это «циник», уж не левак ли он?). По его мнению, власть только тогда становится приемлемой, когда ее «первородный грех насилия» «искуплен» добрыми делами, которые он с отнюдь не «цинической» наивностью перечисляет: «стремление к миру», «защита слабых» и прочая чушь. Он попытался противопоставить этому «порочному кругу» еврейское свободолюбие как чуть ли не мистическую альтернативу, полагая, что нашел единственное в своем роде исключение из правил: функционирование еврейского социального организма вне институтов власти. Но это не так: даже в Диаспоре евреи сохраняли автономию самоуправления со своими судами, наказаниями и податями, не говоря уже о том, что они оставались при этом, как правило, лояльными подданными государств и правителей. А то, что они

были против «обожествления» правителей, то это, конечно, верно, поскольку «не сотвори себе кумира», но не думаю, что ирония насчет «спеси королей» была их монополией, хотя, конечно, они питали ее своей чужеродностью. Да, евреям не свойственен «священный трепет» перед властью, это в какой-то мере наблюдается и в Израиле, где царствует дух дворового панибратства, предписывающий неуважение к власти предрержащим, от полицейских до министров, так что невольно затоскуешь по дисциплине и хоть какой-то субординации.

Потом он выдвигает нелепую концепцию истории (христианской), движимой якобы «конфликтом между религией любви и милитаризмом» (!). И Маккиавелли он оценивает в этом духе, и совершенно неправильно, и фашизм, и коммунизм, а когда запел про Троцкого, что, мол, «будучи евреем», «стал наследником древней традиции сопротивления и самоутверждения» (может, он троцкист?), а перманентную революцию назвал «шифром, за которым скрыта идея еврейского сознания, что любое голое государственное тщеславие будет смирено», то, как в песне поётся, «тут сила воли моя кончилась вся». Нет, Слотердаjk — это не голова.

Из «проеврейских» материалов прочитал неплохую статью Леонида Радзиховского в «Независимой газете» насчет «леваков» (он их называет «мизерабли»), кое-где совпадающую с элементами моей ненапечатанной «прокламации». Он начинает с «национального бестселлера» французов, романа «Отверженные», «как добродетельный бедняк Жан Вальжан умирает, а его миллионы (в чем же и добродетель бедняка, как не в скрытых миллионах?) достаются глуповато-милым юным буржуа (они же экс-революционеры)» и о «моде сочувствия отверженным». «Вот он, французский буржуазно-лицемерный и платонически-сентиментальный социализм». И насчет «подставь левую»: «Но вот от Израиля Запад требует истинно христианского смирения... При этом евреям, которых уничтожают шахиды, Запад сочувствует куда меньше, чем палестинцам, которые гибнут в ходе боев. Это тоже понятно: на Западе бухгалтерский счет сочувствия евреям проводится по другой графе, по линии Холокоста, дважды одной нации не сочувствуют, а то баланс сочувствия может и не сойтись. ... Ясно, что еще большую свинью, чем Израилю, Запад подкладывает палестинцам. Ведь это чушь, что западная интеллигенция сочувствует «вообще палестинцам». Западные леваки 1920–1970-х годов сочувствовали уж никак не русским, они как могли поддерживали КПСС и КГБ — против русского народа. Так и сегодня западная элита, как может, поддерживает не палестинский народ, а террористов, держащих этот народ в железной узде... При этом, если бы не было моральной поддержки «цивилизованного мира», а был бы жесткий разговор, Арафат и К стихли бы в один день».

Наум привет!

Ты спрашиваешь: что неубедительно в такой схеме.

Отвечаю: в ней неубедительно все. Логический сбой происходит (по-моему) оттого, что ты никак не определишься, мыслить тебе «в рамках концепции» или «вне рамок». Но вне рамок мыслить вообще нельзя. Отказываясь мыслить в строгих рамках, ты просто начинаешь плыть меж «размытых» (то есть банально-общепринятых) берегов. Я вовсе не призываю принять мою концепцию; напротив, я призываю подвергнуть ее критике; именно ее — хотя бы потому, что никакой другой в поле нашего дискурса не появлялось. А чтобы обсуждать, надо, хотя бы условно, в эвристическом порядке, «встать на точку зрения», «вчувствоваться», даже «отождествиться». Ты, как тебе кажется, становишься в такую позицию: допустим, ты (то есть я) прав в отношении «классики», но к «современности» эта теория «уже» («в наше время») не применима. Не знаю: может, применима, а может, и нет — ведь это всего лишь теория, а не откровение. Но чтобы рассуждать об этом, надо действительно допустить, хотя бы условно, «на секундочку», что катартический подход верен. Если допустить это не словесно, а на самом деле, то какой тогда смысл в обнаруженной тобой у современной публики тяги к развлечениям (будто раньше ее не было)? Вроде бы надо на этом месте «начинать все сначала», но я уже изверился в подобном методе. Скажу лишь следующее. Идея катартики имеет «вещественное» (то, которое можно «почти пощупать») выражение в Рампе. Если «романы и стихи» стали только развлечением, значит, нам вообще не о чем беспокоиться — Рампа крепка как никогда, дай ей Бог здоровья. Вот если бы произведения искусства «побуждали к действию» (таким был, например, в замысле театр Брехта; человек должен был уходить со спектакля не домой, в спальню, а на баррикады; естественно, Брехт пытался достичь искомого эффекта путем расшатывания Рампы; примерно о том же говорил раньше и Толстой), тогда действительно надо было бы бить тревогу.

Проблема Гольдштейна/Ваймана (как я ее вижу) не в том, что они видят кризисные явления (которых я якобы не вижу), а в том, что у них нет «системы координат», по которой можно было бы судить, кризис это или нет, и если кризис, то кризис чего. То есть проблема в том, что осталась неотрефлектированной как раз классическая схема (точнее, та, которую считаю классической, похоже, один я на всем белом свете). А если нет классической схемы, то о каком кризисе вообще можно вести речь? От чего вести отсчет, от какой печки плясать?

Согласно моим представлениям, «устойчивого равновесия» в этой сфере вообще не может быть хотя бы уже потому, что «индивидуация» непостоянная величина. Она имеет тенденцию «расти»: увеличивается ее степень, повышается мера. Любой сдвиг такого рода воспринимается крайне болезненно, затрагивая «душевные глубины», а в той традиции,

на которую наложил отпечаток христианский эсхатологизм, подобные сдвиги практически неизбежно воспринимаются как признаки «конца света» и «смерти искусства». О смерти искусства писал уже Платон. Это был аргумент в «споре старых и новых» (XVII в.). Об этом талдычили романтики и Вагнер. Лев Толстой составил формальный акт о смерти искусства (в той же «Крейцеровой сонате» и в статье о Шекспире). На смерть культуры уповал «взыскующий Града» Серебряный век. Адорно со товарищи вопрошал: «Как возможна культура после Освенцима?». Если история культуры чему-то учит, так только тому, что любой «пророк конца» в конце концов оказывается в дураках. Надо наконец отдать себе отчет, что говорить о «конце культуры» — это все равно что говорить о «конце человека». Вообще-то человечество запросто может сыграть в ящик. Но где ты видишь признаки «уберменша», сверхчеловека, нового, уже не вполне антропологического типа? Скорее наблюдается досадное измельчание привычного антропологического типа, но процесс этот «неоднозначный». Homo salvans по одним параметрам «мельчает», а по другим проявляет невероятную гибкость и пластичность. Главное, помнить, что критерием оценки может служить не наше «ндравится/не ндравится» (основанное всего лишь на привитых той или иной прослойке того или иного поколения вкусах), а объективная способность к выживанию. Живет — значит, спасается; и, по большому счету, не нам его судить. И впереди еще непаханное поле, сотериологическая целина. Если «западному человеку» суждено спастись, то он рано или поздно (теперь уже, кажется, скорее «рано») будет поставлен перед жестким выбором: либо только косвенное — жреческое — спасение, либо смерть. Магический ресентимент — слишком тяжелый балласт, чтобы плыть с ним «по волнам XXI века». Нынешний кризис обнажает остроту ситуации. Слабость Запада на метафизическом уровне заключается в неспособности сделать «судьбоносный» сотериологический выбор. Играя на одном поле с архаической пассионарностью прямого спасения (с исламским миром), Запад потерпит поражение — заведомо и однозначно. Здесь «сотериологическая отсталость» исламского мира превращается в преимущество (как архаизм еврейской веры превратился в преимущество на заре христианства). Запад не может спастись, оставаясь сотериологическим шизофреником. Его могут спасти только дополнительная рефлексия и ее «очищение» — катартический отказ от архетипов прямого спасения, который, в свою очередь, должен вызвать взрыв в развитии жреческой стратегии косвенного спасения, потому что на нее ляжет неимоверная нагрузка. Так что основная работа у культуры еще впереди. Если будет на кого работать. А ты говоришь: Проханов.

С тем, что Слотердаjk относится к семейству мелкоплавающих, спорить не буду. Согласен почти со всеми твоими оценками. Но никто и не ждал от него «головы». Это «философская попса»; к ее чести, она ни за что другое себя и не выдает. Тем не менее, смысл в этой книге есть —

если проявишь готовность его извлечь. Слотердаjk вводит совершенно новое измерение — систему координат с параметрами: власть → кинический вызов власти → циническое «поглощение» изменившейся властью этого вызова. И потом все по новой: еще одна спираль. А любое новое измерение — тем более спиралевидное — есть моделирование, в ходе которого привычные понятия видятся в новых ракурсах. В этом смысле у меня полное ощущение (возможно, ошибочное), что я прочел Слотердаjку не без пользы для себя. (Помнишь разговор с Эзрой Паундом в «Празднике...» Хемингуэя? «Зря вы не читали русских, — говорит ему Эзра Паунд, — у них многому можно научиться». — «Еще бы, — думает про себя Хемингуэй — я могу многому научиться у кого угодно»).

Что касается Соколова, то пока мне грех на него жаловаться. Я «выработал» на нем уже 300 баксов. Если так пойдет и дальше, разбогатею. Лишь бы не вспугнуть: он остался для меня (пока, по крайней мере) человеком совершенно непонятным. Вещь в себе. Чего стоит, например, такой заказ: «Слышал я, что у вас выходила проза Андрея Вознесенского, так нельзя ли ее достать?» — «Можно-можно, этого добра у нас как грязи, хоть жопой ешь», — отвечаю я, но в галантных выражениях. — «А вот слышал я еще по русскому радио, что вышла книга воспоминаний актрисы Елены Кореневой»... Так и беседуем.

Наум, привет!

Хочу поделиться с тобой «маленьким открытием», которое меня поразило. (Хотя, скорее всего, я изобрел велосипед, но меня это не смущает: я не «специалист», а домашний философ.)

Как ты думаешь, откуда нижеследующая цитата?

«Кто хочет прожить жизнь правильно, должен давать полнейшую волю своим желаниям, а не подавлять их ('вытеснение' по Шелеру), и как бы ни были они необузданны, должен найти в себе способность им служить (вот на что ему и мужество, и разум!), должен исполнять любое свое желание. Но, конечно, большинству это недоступно, и потому толпа поносит таких людей, стыдясь, скрывая свою немощь, и объявляет своеволие позором и, как я уже говорил раньше, старается поработить лучших по природе; бессильная утолить собственную жажду наслаждений, она восхваляет воздержность и справедливость — потому что не знает мужества» ('ресентимент' в наичистейшем виде!). Еще одна цитата из того же текста: «Если ты доподлинно муж, то не станешь терпеть страдание, переносить несправедливость — это дело раба, которому лучше умереть, чем жить, который терпит несправедливости и поношения потому, что не в силах защитить ни себя самого, ни того, кто ему дорог. Но по-моему, законы как раз и устанавливают слабосильные, а их большинство (Ницше в чистом виде!). ... Стараясь запугать более сильных, тех, кто способен над ними возвыситься, страшась этого возвышения, они утверждают, что быть выше остальных постыдно и несправедливо, что

в этом как раз и состоит несправедливость — в стремлении подняться выше прочих. /.../ Но сама природа, я думаю, провозглашает, что это справедливо — когда лучший выше худшего и сильный выше слабого. /.../ Но если появится человек /предсказание прихода уберменша, «белокурой бестии»/ достаточно одаренный природою, чтобы разбить и стряхнуть с себя все оковы, я уверен: он освободится, он втопчет в грязь наши писания, и волшебство, и чародейство / «ницшеанская» критика религии/, и все противные природе законы, и, воспрянув, явится перед нами владыкою, бывший наш раб, — вот тогда-то и просияет справедливость природы!».

Если я тебя заинтриговал, то вот и разгадка: это не Ницше, а Платон — диалог «Горгий», на который я набрел по принципу «чтения с фонарем». Приведенные цитаты выражают точку зрения Калликла, оппонента Сократа.

Но мало того, что Платон ставит «ницшеанскую проблему» (включая идею 'рессентимента'); — он ее и решает, причем несравненно более глубоко, чем Ницше. Вывод Платона таков: «Мудрецы учат нас, Калликл, — говорит Сократ, — что небо и землю, богов и людей объединяет общение, дружба, порядочность, воздержность, справедливость, по этой причине они и зовут нашу Вселенную «порядком» [космосом], а не «беспорядком», друг мой, и не «бесчинством». Ты не замечаешь, как много значит и меж богов, и меж людей равенство, — я имею в виду геометрическое равенство, — и думаешь, будто надо стремиться к превосходству над остальными. Это оттого, что ты пренебрегаешь геометрией».

По сути дела, Платон говорит о «снятии индивидуации», в результате которой становится возможной позиция «незамутненного» восприятия и оценки, обеспечивающая адекватное поведение. Душа должна «очиститься» (катарсис — буквально «очищение»), и Платон пишет: души людей «должны пройти через боль и страдания: иным способом невозможно очистить себя от неправедности».

Платон, как и следовало ожидать, не ницшеанец, а рувинист. Такие, брат, дела. Если не веришь, перечитай «Горгия» целиком.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Ты прав, конечно, что теоретизировать об искусстве надо все-таки на основе какой-то теории, хотя бы твоей, «классической», иначе болтовня получается. Но, обращая внимания на конкретные явления (типа «смерти искусства»), я не собирался игнорировать твою теорию, или совершать под нее подкоп, я просто отметил, что, возможно, нынешний индивид ни в искусстве, ни в теоретизировании о нем не нуждается. Перестал нуждаться в этом типе спасения, а то и вообще в «спасении» (метафизическом). Может, он теперь будет спасаться «физически»: просто

продлевая свою жизнь (медицина, техника, биотехника и пр.). Ты говоришь, что это «конец человека»? Да, смерть того антропологического вида, который мы знали и к которому сами принадлежим. Может, мы последние из могикан. А если отпала функция спасения, то упор делается на воспитательно-побудительную функцию, или развлекательную, что мы и наблюдаем. Ты разве не замечаешь, что человек все больше и больше превращается в автомат, винтик социума, с детства натренированный выполнять указания и подверженный регуляции сознания? Я собственно об этом: что говорить о «спасении» человека, когда он уже погиб?

Всегда твой

Наум

P.S. А цитата из «Горгия» замечательная, и вообще текст любопытный (начал читать). Еще читаю Целана, книгу, которую ты мне прислал, начал с биографии, оказывается он из Черновиц, как у нас тут говорят: из города «А» (— Вы откуда? — Из Черновиц. — А.)

А для развлечения вот тебе еще публикация:

The 'engineer'

By Jonathan Cook, Al-Ahram Weekly, Cairo, Egypt, 18 — 24 April 2002

Омар, с которым я встретился на тайной квартире, беспокойно елозит на стуле. Он «инженер» из Дженина, лагеря беженцев: один из лучших изготовителей бомб в этом городе бомбистов. Для Израиля он один из самых опасных, разыскиваемых террористов. Яд кобры. Мы встретились вечером в четверг, через несколько часов после того, как он скрылся из лагеря, когда израильские солдаты овладели им. Мы находимся настолько близко от Дженина, что видим «иллюминацию» над лагерем: постоянное освещение позволяет солдатам делать свою черную работу. Но Омар здесь долго не останется. Он собирается вернуться на Западный Берег, чтобы произвести перегруппировку сил со своими товарищами из Дженина. Их не могло остаться слишком много. Даже согласно израильским военным источникам, по крайней мере сто боевиков были убиты, сотни ранены и захвачены в плен за восемь дней ожесточенных боев. Омар не называет ни своего имени, ни возраста. Это худой мужчина лет двадцати пяти, гладко выбритый. Он участник Исламского Джихада, но говорит, что в Дженине представители всех группировок делают одно общее дело: свобода или смерть. Под синей рубашкой бомбиста виден туго перевязанный обрубок правой руки, конец которого он рассеянно почесывает. Как он потерял руку? Во время предыдущего вторжения в Дженин израильской армии несколько недель назад, говорит он. Он спрятался, оставив на виду только руку, чтобы бросить 'kwa' — самодельную бомбу — в танк. Шрапнель искалечила руку, говорит он. Но изготовитель бомб (очень уважаемая, престижная профессия среди членов палестинского сопротивления) мог потерять руку и при менее героических обстоятельствах: например, при взрыве; это профессио-

нальный риск при такой работе. Омар признает, что он один из немногих боевиков, оставшихся в живых после ожесточенного сражения, которое вели палестинцы во время последнего вторжения израильских войск на Западный Берег. Из его группы, состоявшей из 30 человек, только четверо спаслись из лагеря в среду, после того как был взорван арсенал палестинцев. Большинство остальных были убиты. «Из всех боевиков Западного Берега мы были подготовлены лучше всех, — говорит он. — Мы начали разрабатывать свой план: заманить в ловушку израильских солдат и взорвать их — сразу после того, как израильские танки ушли из Дженина в прошлый раз, месяц назад». Омар и другие «инженеры» изготовили сотни взрывных устройств и тщательно выбрали места для их установки. «Мы заминировали более чем 50 домов в лагере. Мы выбирали старые и пустые здания людей, которых разыскивали израильтяне, потому что знали, что солдаты будут их искать», — сказал он. «Мы разрезали водосливные трубы и начинили их взрывчаткой и гвоздями. Затем мы расположили их в домах — в шкафах, под раковинами, в диванах». Боевики надеялись поразить израильские танки при помощи более мощных бомб, размещенных в мусорных контейнерах на улицах. Другие взрывные устройства были спрятаны в машинах разыскиваемых израильтянами людей. Подсоединенные при помощи проводов, бомбы поддавались дистанционному управлению, питаются от тока в автомобильных батареях. По словам Омара, все обитатели лагеря, включая детей, знали, где были расположены взрывные устройства, во избежание подрывов мирных жителей. Это было одним из слабых мест плана. «Нас предали шпионы, — сказал он. — Провода более чем трети взрывных устройств были обрезаны солдатами по наводке коллаборационистов. — Если бы не предатели, солдаты никогда не вошли бы в лагерь. А когда они проникли внутрь, стало трудно защищаться». А как насчет взрыва в прошлый вторник, когда погибли 13 солдат? «Мы их заманили, — говорит он. — Мы все прекратили стрельбу, и к солдатам вышла женщина и сказала, что мы убежали». Женщина подала знак боевикам, когда солдаты подошли к заминированной зоне.

26.4. Озрик позвонил. Простужен. Интересуется, «что нового».

— Старый приятель по Москве, — рассказываю, — затащил на чемпионат по салонным танцам, у него дочка танцует...

— И что?

— Весело попойкой крутит...

Я не стал ему рассказывать, что вдруг понял, почему Ирод Антипа подарил Саломее голову Крестителя... Чего хочешь отдашь... Жена говорит: «У тебя глаза к ней прилипли. Нет, молодец, еще реагируешь». И стала рассказывать, как Люля Наташке рассказывала, что когда она танцует, у всех старичков слюни текут. И много еще на эту тему говорила, как бы понимая мою горечь и обнажая свою. И я вспомнил, как Л ска-

зала, что ей стыдно быть старой. А вот Р не стыдно... Да нет, тоже... но она «держится». И грустить не любит. Наверное, нет сильнее зависти, чем зависть к молодости...

Наум, привет!

О'кей, поговорим о кризисе. Только не сразу: тема трудная и сроки — сдачи переводов — поджимают. Пока остановлюсь на одном моменте критики Жирара. То опровержение, о котором я упомянул в одном из предыдущих писем, как выяснилось, принадлежит не Бодрийяру, а Жилю Липовецки. Цитирую: «недавно высказанные Р. Жираром взгляды, касающиеся насилия, как нам представляются, имеют ложную основу: по сути, заявить, что жертвоприношение — это способ превращения нескончаемого процесса мщения в средство защиты, к которому прибегает все сообщество перед лицом бесконечного круговорота насилия и контрнасилия — это означает упустить из виду главную заботу дикарей: чувство мести надо не подавлять, а всячески поощрять. Мечь перестала быть угрозой, жуткой реальностью, предотвратить которую можно с помощью жертвоприношения, способного положить конец насилию, предположительно дающему выход внутренним распрям с помощью обезличивающих методов. Такому представлению о мести следует противопоставить мечь, какой ее считают дикари, у которых она инструмент социализации, ценность столь же бесспорная, как и щедрость. Их основное требование — соблюсти кодекс мести, ответить ударом на удар. /.../ Не являясь, как у Жирара, явлением, чуждым истории и биоантропологии, насилие с целью мщения представляет собой общественный институт, а вовсе не «апокалиптический» процесс. Мечь — это ограниченное насилие, цель которого — установить в мире равновесие, добиться симметрии между живыми и мертвыми. /.../ В таких обстоятельствах жертвоприношение является демонстрацией кодекса мести в действии, а не тем, что препятствует его осуществлению. Жертвоприношение, по существу, это осуществление принципа мести /французское *vengeance* — реванш — имеет и другой смысл: 'восстановление равновесия'/, требование пролить кровь, насилие на службе равновесия, вечной жизни космоса и социума».

Как ты думаешь, завтрашний «визит в Дженин» комиссии ООН — угроза для Израиля? Зачем пустили этих мудаков (извиняюсь, мизераблей)? Ведь Ларсен (по словам брата) еще до визита «все знал»: подтвердились «его самые худшие опасения». Иногда кажется, что если бы Израиль устроил настоящую резню, Европа вздрогнула бы — и промолчала. Ничто так не вредит репутации Израиля, как эта оглядка на пособников убийц, которые корчат из себя «совесть мира» (не говоря уже о том, что эта оглядка оплачивается кровью израильтян). Швеция — это, видите ли, «совесть Европы» (хотя только шведы додума-

лись до того, чтобы заставить транзитных и своих евреев — единственных из граждан — проставлять национальность в паспорте, чтобы облегчить работу гестапо).

Всегда твой
Матвей

27.4.

Матвей, привет!

Месть — основной инстинкт человека, посильней полового, это и без Липовецкого ясно, а Жирана мы сами разоблачили. И инстинкт этот до сих пор работает безотказно (в том числе и как социальный инструмент по урегулированию конфликтов). Поэтому меня бесконечно раздражает лицемерный «гуманизм» наших леваков-либералов, который считают, что судопроизводство не мстит преступнику, а стремится его исправить.

Визит комиссии ООН для проверки уровня гуманности операции в Дженине представляет большую опасность, это попытка «пригвоздить агрессора к позорному столбу» с помощью «заклучения независимых экспертов». А для чего пришпиливают к позорному столбу? Правильно, для совершения «учредительного насилия». Уж нет ли и тут тайной страсти отомстить евреям — а пусть не строят из себя жертву праведную! К тому же «старушка Европа», эта старая, гнилая блядь, нынче даже побаивается Израиля как фактора в мировой политике.

Всегда твой
Наум

P.S. Слушай, вышли «Дневники» Сартра 39–41 годов, если встретишь, возьми. И еще «Записные книжки» Лидии Гинзбург, она была у тебя в списках, но уже не помню, в каком.

А что Соколов, скупает книги вагонами? Дай хоть один пример списка его заказов (обещаю опубликовать «только после...»).

Из последних новостей: 99 американских сенаторов подписали письмо Бушу с требованием выразить европейским лидерам «отвращение» перед антисемитским разгулом на улицах Европы и потребовать у арабских лидеров прекратить кампанию по разжиганию ненависти к Израилю и оправдания террористов-самоубийц. Буш на пресс-конференции после визита саудовского Абдаллы в Техас сказал, что он напомнил Абдалле, что у США особые отношения с Израилем, и «мир должен твердо усвоить одно: Америка никому не даст разбить Израиль».

На Севере Хизбалла возобновили обстрелы, есть раненые.

Вчера была операция в Калькилье, убит местный глава Народного фронта за Освобождение и захвачен автомобиль, начиненный взрывчаткой, еще пара десятков «активистов» арестовано...

28.4. Вчера ездили в лес. Мирон рассказал про очередной поход к проститутке. Баба, мол, ничего, обходительная, лет 26–27, сначала массаж, 150 шекелей (30 долл). Но увы, говорит, это не секс. Это такая порнография, когда можешь не только посмотреть на голую бабу, но и ее потрогать, или как онанизм, когда при этом еще и женщину можно пощупать. «Ну и, конечно, хвалила: тебе 58?! Не может быть! А у тебя такой твердый, сильный, хи-хи-хи! Ну, конечно, это профессионально, они все член хвалят». Вообще хвастался. Что у него сейчас самая бурная сексуальная жизнь. Во-первых, свою подружку («завтра ей 37 исполняется») он чуть не дважды в день — каждый день! — трахает и жену «не обижает» («ну, я к ней заезжаю каждое утро, а потом иногда после работы, и каждый раз думаю, что просто так заскочу, не надо бы, но... соскальзываешь... да, это зачастую излишне, нет, и на жену хватает...»), и все равно еще хочется чего-то... Мы с Аркадием дружно восхищались. «Главное, что хочется!» — говорит Аркадий (он на десять лет старше). «Я думаю, что это у меня из-за того — оправдывается Мирон, — что не добрал в молодости, так вот сейчас есть желание отквитаться, чтоб было что вспомнить». Мы с Аркадием дружно уверяли его, что дело не в этом.

Утром позвонил Р. Перенес встречу на вторник: начнутся каникулы в школе, может, куда поедет... «Я очень соскучилась!» А мне трудно поверить, что кто-то может по мне соскучиться... Пустой и холодный человек. Но добрый. То есть мне всех жалко. Вот девочка-школьница стоит у дороги, ждет, видимо, кто-то должен приехать, забрать ее, и хочется ее по головке погладить, хочется весь глобус по головке погладить. Только молодых и наглых мне не жалко, которые молодостью кичатся, старичков забирают, «ну что, старикашка, не стоит уже, ха-ха-ха!». Думают, что молодость — это титул. Таких надо на войну, пусть хлебнут дерьма с кровью. Но есть поумнее, те, кто смотрит на стариков как на свое будущее. Я был таким, меня всегда возмущала эта спесь молодости... Да стоит-то стоит, как вам и не снилось, только поднять его уже не так просто, разве что с песнями-танцами...

Наум, привет!

Список № 4

Жан-Поль Сартр. Записки странной войны. (Серия «Дневники XX века».) /Когда в 1939 году Сартр был призван на воинскую службу, он начал вести дневники. «Записки» предваряют «Бытие и ничто» как историко-биографическое введение. Поражение в «странной войне» было воспринято Сартром как поражение интеллектуальное, и это вынудило его отказаться от либерального пацифизма. О фашизме, демократии, кризисе цивилизации и т.п./ СПб: Владимир Даль, 2002 — 812 с. — 275.

Э. Юнгер. Излучения (февраль 1941 — апрель 1945). (Серия «Дневники XX века») / Дневниковые записи; в каком-то смысле это продолжение книги «В стальных грозах». Книга состоит из двух «парижских дневников» — первого и второго, разделенных «Кавказскими заметками» и дополненных «Кирххорстскими листами». Вместо прежних «мобилизационных» мотивов теперь в центре внимания «сверхвременные константы» и «праистория»/ СПб: Владимир Даль, 2002 — 783 с. — 257.

Симона Вейль. Укоренение. Письмо клирику. Предисловия С.Аверинцева. /Это первая книга Симоны Вейль в русском переводе. Французская еврейка, ставшая культовой фигурой. Религиозный философ. Христианка, но некрещенная (не хотела «выбывать из еврейства», пока продолжался геноцид); при этом теоретическая юдофобка (призывала христиан отказаться от Ветхого Завета, за что Аверинцев обвинил ее в «маркионской ереси»; существует известная полемическая работа Левинаса: «Симона Вейль против Ветхого Завета»); дала очень нешаблонную трактовку Евангелия, которую не принимает ни одна христианская конфессия; моральная максималистка, больше всего боялась иметь привилегии (пошла работать на фабрику, замучила себя голодом). Считается создательницей идеала 'новой солидарности'. Аверинцев пишет: «Если XXI век — будет, век этот будет веком Симоны Вейль». Ее очень высоко ценили Т.С. Элиот (антисемитам нравятся евреи-рenegаты), Камю, Р.Арон. «Укоренение» — самая большая и аналитическая из книг Симоны. «Письмо клирику» — образец полемического стиля философа. В этом издании есть еще три материала: статья К.Сигова об «Укоренении» — «Новая сила иной правды», статья Анны Шмаиной — Опыт прочтения Симоны Вейль наоборот» и раздел из полемической книги Жана Даниэло — «Эллинизм, иудаизм, христианство» (из часто цитируемой книги «Ответы Симоне Вейль»)/ Киев: Дух і Літера, 2000 — 347 с. — 150.

Генри Пикер. Застольные разговоры Гитлера. /Пикер день за днем стенографировал застольные разговоры фюрера в 1941–1942 годах (в Бергхофе и «Волчьем логове»). «Гитлер был неистощим в речах, говорение было стихией его существования». Опубликованная в Германии в 1951 году, книга произвела шокирующее впечатление: впервые прозвучали интимные мнения Гитлера обо всем — от положения на фронтах до женской красоты. Содержательное предисловие историка И.М.Фрадкина «Гитлер: словесный автопортрет». Считается вполне надежным источником. Книга переведена без каких-либо сокращений/ Смоленск: Русич, 1998 — 496 с. — 160.

Владимир Сорокин. Лед. / Последняя новинка / М.: Ad Marginem, 2002 — 320 с. — 130.

Сергей Гандлевский. «НРЗБ»: Роман. / Книга, насыщенная автобиографическими мотивами. История дружбы-вражды-ревности-зависти выдающегося непутевого поэта и поэта-неудачника. Неудачник становится биографом рано умершего поэта, рефлектирующим о взаимоотношениях со своим героем/ М.: Иностранка, 2002 — 425 с. — 140.

Павел Улитин. Разговор о рыбе. / Улитин считается — наряду с Евг. Харитоновым и Леоном Богдановым (еще неизданным) — одной из трех ключевых фигур русской неподцензурной прозы. Как сказано в аннотации, «писатель розановской парадигмы»; его проза — превращенный дневник. «Мое дело — говорить за тех, кто лишен речи» / М.: О.Г.И., 2002 — 208 с. — 100.

И вот тебе, для сведения, список книг, заказанных Соколовым (далеко не полный). Но это между нами: не уверен, что он «желает широкой огласки».

Игорь Северянин. Я избран королем поэтов. М.: ЭКСМО, 2002; Андрей Вознесенский. Проза поэта. М.: Вагриус, 2000; Лев Лосев. Собранное. Екатеринбург: У-Фактория, 2000; Виктор Соснова. Романы. М.: Панорама, 2002; Борис Пастернак. Я понял жизни цель. Стихи и поэмы; Ли Бо. Нефритовые скалы. СПб.: Кристалл, 1999–384; Сайкаку. Превратности любви. М.: Кристалл, 2000; Дальнее эхо. Ант. кит. лирики. СПб.: Гиперион, 2001; Павильон наслаждений. Китайская эротическая поэзия. ЭКСМО, 2001; Елена Коренева. Идиотка; Владимир Соколов. Стихи; Андрей Битов. Вычитание зайца; Пелевин. Generation «П»; Дм. Липскеров. Пространство Готлиба; Яр. Смеляков. Хорошая девочка Лида; Синсэн Вакасю; Пять домов Дзэн; Мудрость Дзэн; Баян Шириянов; Солженицын. 200 лет вместе; Кокинвакасю; Гертруда Стайн; Гольдштейн. Аспекты...; Путь... наставника Дзэн Догэна; Люйши Чуньцу; Т. Толстая. Кысь; Михаил Берг. Литературократия; Вера Павлова. Совершеннолетие; Эфраим Баух. Пустыня внемлет Богу. («МСП») М.: Радуга, 2002; Н.А. Заболоцкий. Полн. собр. стих. («Библиотека поэта»); Мишель Лейрис. Возраст мужчины. СПб.: Наука, 2002 Владимир Соловьев. Три еврея. М.: Захаров, 2002; Н. Мейлер. Евангелие от сына божия. М.: Махаон, 2001 У.С. Берроуз. Мое образование: книга снов. М.: Глагол/Летний сад, 2002.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Юнгера я еще и первый том не прочитал, надоело плодить непрочитанное... Читаю так медленно, вот сколько уже мурыжу Жерара...

Симона Вайль отталкивает на уровне «запаха», хотя насчет трактовок Евангелий надо было бы познакомиться... А баба, кстати, красивая... Морила, говоришь, себя работой на фабрике? Вчера показывали по на-

шему ТВ (с целью доказать «фашизм» Ле Пена, чего взъелись, молиться на него надо!) старое его телешоу с каким-то евреем-журналистом, еврей «типичный»: глазки бегают, смущается-краснеет-заикается, так Ле Пен пристал к нему: ты, сука, кто по национальности? А тот: француз. А Ле Пен говорит: значит, ты не еврей? А тот: еврей. Так ты еврей, или француз? А тот говорит: еврейство — это конфессия, я француз еврейского вероисповедания... Странно мне что люди (евреи), да еще во Франции, до сих пор так мучаются... Сказал бы хоть, что евреи — профессия. Даже юмора не осталось...

А еще вчера по ТВ было телеинтервью с нашим «возмутителем спокойствия» адвокатом Шефтером, который защищал Демьянюка, «Ивана Грозного из Треблинки» (в результате освобожденного, за что какой-то пострадавший от нацизма плеснул в адвоката кислотой в переулке, глаз выжег), так на Шефтера в очередной раз напали за такую «позорную» (хоть и блестящую с профессиональной точки зрения) защиту (мол, Демьянюк ведь не простой убийца, а «убийца твоего народа»), так Шефтер им отвечал, что это была его месть «красному истеблишменту», в том числе и судебному, который решил устроить «показательный процесс», месть за то, что его в детском саду заставляли петь коммунистические песни. Еще этому Шефтеру «вменяется» защита Меира Ланского (известного американского гангстера), который на старости лет хотел приехать (чтобы «умереть на родине»), но израильское пр-во ему не позволило (и была принципиальная тяжба: еврею не дают не то что репатрироваться, даже въехать в Израиль! Так Шефтер сказал, что Ланский был полной противоположностью «еврейчика», и если бы в Треблинке была бы тысяча Ланских, то не было бы никакой Треблинки...

Роман Гандлевского читал в журнальном варианте (в Сети) — не понравилось. Интересно, что о нем пишут. Неужели опять Букер?

Кстати, возвращаясь к Рубоко Шо. Хоть его «открыли» недавно, но «тогда»-то, в эпоху Хаян, его должны были знать? Почему этого имени нет ни в одном японском сборнике средневековой поэзии? И ты уверен, что Питер Энгр и доцент Штокайло (упорно гнущий свое насчет революционных аллегорий) реальные лица?

Несколько раз звонил Мише и не застал ни разу. Он подавал признаки жизни?

Список Соколова, конечно, довольно эклектичен. Само собой: тсс, молчок. Боюсь, что он и вправду больше ничего не напишет... Есть инерция творчества и есть инерция молчания... Это такая потенциальная яма, нужна страшная энергия, чтобы из нее выскочить. Самому бы не впасть.

Всегда твой
Наум

Матвею:

Вот всякие «материалы»: статьи в американской прессе, заявление Российского Еврейского Конгресса, выступления американских сенаторов, петиции, речь Натанияху в Сенате США, «54 способа, которыми вы можете помочь Израилю» — это явно от религиозных (Выбирайте израильские оливки и фруктовые соки, даже если вам придется заплатить за них чуть дороже!, Вывесьте израильский флаг, Экономьте нефтепродукты, Посетите своего конгрессмена, пусть он узнает, насколько его избиратели озабочены вопросами ближневосточной политики, Найдите способ донести до палестинцев жизненные ценности демократического общества, Сдавайте кровь, Возблагодарите Господа за Его чудеса, Запишитесь на курсы по изучению иудаизма, Обратитесь к президенту... Пойте псалмы, Делайте инвестиции, Вы можете также приобрести государственные облигации Израиля по 136 долларов за штуку...).

Наум, привет!

Спасибо за материалы. Вообще присылай мне всего побольше: ни к чему другому сейчас душа не лежит. О Мише сведений не имею; я с ним вроде как прекратил общение: он настолько невыносим со своим сочувствием к палестинцам и постоянными вопросами: «Ну скажи, что может грозить Израилю? Что может оправдать его агрессию и зверства?» При этом у него вся комната заставлена протухшими продуктами, которые он получает от еврейской благотворительной организации «Рука помощи». Больного еще можно вынести, но ведь я не обязан общаться с духовно растленным типом, вызывающим у меня глубокое и неизменное отвращение.

Насчет Симоны Вейль, то «Письмо клирику» — потрясающий документ пламенного еврейского антисемитизма. Она пишет (в 1942 году, в разгар уничтожения евреев): «Если бы иудеи лучших времен воскресли и получили оружие, они всех нас — мужчин, женщин и детей — истребили бы за идолопоклонство». Тем не менее, она отказывалась креститься (из «кровной солидарности», хотя «крови» не придавала никакого значения). И в это самое время, находясь в Лондоне при «правительстве в изгнании» де Голля, отказывалась от куска хлеба больше лагерной пайки и втайне работала по лагерной норме. Умерла от истощения, по-моему, в 1943-м году (или 1944-м), перед высадкой де Голля на континент. У Симоны совершенно удивительная «религиоведческая позиция»: она возводила в настоящий культ греческую религию, особенно пифагорейство и орфизм, ценила манихейство и индуизм — и ненавидела иудаизм (да и к христианству, по большому счету, относилась довольно кисло). Эта специфическая христианка пишет: «Наша цивилизация ничем не обязана Израилю, весьма немногим — христианству, почти всем — дохристианской античности». Ее творчество — образчик «душевно чистого еврейского антисемитизма» (очень актуального сегодня). «Душевная чистота» делает людей такого типа, на мой вкус, осо-

бенно мерзкими («синдром Пастернака»; к этому же типу относится и Роднянская), но в каком-то смысле «трудно отразимыми»; в связи с этим они, на мой взгляд, заслуживают самого пристального внимания, а Симона Вейль, наверное, самая яркая представительница этой породы; во всяком случае, мышление у нее самобытное, она существо неодноклеточное, и интерес к ней — не сомневаюсь — будет только расти. «Очень своевременная книга».

Теперь о грустном. Так уж получилось, что я только сейчас (буквально сегодня!) начал внимательно читать книгу Рубоко Шо — ту, что с комментариями. Совершенно очевидно, что это мистификация. У меня нет ни малейшего сомнения, что все это состряпано от начала до конца — и «тексты», и «комментарии» (то есть никакого Рубоко просто никогда не существовало). В предисловии и комментариях столько нестыковок, что даже разбирать их стыдно. Прости, что невольно ввел тебя в заблуждение; может быть, тебя немного утешит, что я и сам накололся и даже купил для себя книгу, которую сейчас имею удовольствие «изучать». Забавно, что ты два раза делал заказы по каталогам («древний римлянин» Лукан и «старый японец» Рубоко), и оба раза нарывался на одного и того же человека — на Виктора Пеленягрэ. Тут сыграли «роковую роль» два фактора: во-первых, я не читал книгу, а только «перелистывал»; во-вторых, меня смутило, что задействованы аж три издательства — «Панорама», «Вагриус» и «ЭКСМО», из них Вагриус считается солидным (из чего, впрочем, не следует, что они не могут «пошутить»). Ну и ссылки на «авторитеты» (Конрад, Горегляд и т.п.) Однако книги, на которые ссылается «комментатор», вышли до того, как был якобы «открыт» Рубоко. Да и характер приводимых высказываний настолько одиозен, что ясно: Пеленягрэ просто дурачился. Короче, поглумился над нами куртуазный маньерист, мать его растак...

Всегда твой
Матвей

29.4.

Матвей, привет!

Значит я не зря «сумлевался» насчет Рубоко Шо, это меня радует. А я тебе процитирую остроумные рассуждения Барта о жанре «дневников» (мне это было, как сам понимаешь, полезно почитать):

«В первый момент, когда я пишу свои заметки, испытываю некоторое удовольствие: это ведь так просто, так легко. Не надо мучительно придумывать, «что сказать» — материал сразу тут как тут, это словно рудные залежи на поверхности — только знай нагибайся; не нужно и перерабатывать эту руду — она ценится даже и в неочищенном виде... На втором этапе впечатление портится: словно пища, которая на следующий день прокисает... я удрученно замечаю всю искусственность своей «искренности»... хуже того — я с отвращением и раздражением обнаруживаю в этом «позу»... На третьем этапе, перечитав дневник че-

рез несколько месяцев или лет, я по-прежнему испытываю сомнения, но и некоторое удовольствие, вспоминая излагаемые в нем события, а еще более того — навеваемые им оттенки ощущений. В общем, тут уже нет никакой заботы о литературе — одна нарциссическая привязанность к случившемуся «со мной». <...> Могу ли я сделать свой дневник «произведением»? ... Скажем, Кафка вел дневник чтобы «удалить от себя беспокойство» или же, если угодно, чтобы обрести «спасение». Для меня такой мотив был бы неестественным. ... Всякая исповедальность стала тщетной: искренность — всего лишь вторая ступень воображаемого. Нет, оправдание Дневника как произведения может быть только литературным. ... Здесь мне видятся четыре мотива.

Первый — создать текст, окрашенный некоторым индивидуальным письмом... назовем этот мотив поэтическим. Второй — изо дня в день... распылять в тексте следы своей эпохи... Назовем этот мотив историческим. Третий — сделать из автора объект желания — доказывать что «я лучше, чем то, что я пишу»: при этом дневниковое письмо становится некоторой «добавочной силой», призванной восполнить слабости письма в узком смысле этого слова; назовем этот мотив утопическим. Четвертый мотив — превратить Дневник в кузницу фраз, делать все более утонченной и отточенной форму. Назовем этот мотив любовным. ...

Могу допустить, что в ходе писания Дневника из того, что поначалу казалось непригодным для литературы, возникает форма, вбирающая в себя все ее атрибуты: индивидуальный след, соблазн, фетишизм языка.

Наум

Р позвонила.

— ...Я так соскучилась... Слушай, когда ты сказал, что мы встретимся только в ём шлиши¹, мне плохо стало... Сейчас уж я смирилась со своей участью... Сколько еще часов осталось, скажи быстренько... ну...

— Часов девятнадцать...

— Ох...

Позвонил Верник. Прочитал нашу с Матвеем переписку в «Зеркале». Сказал, что рад за меня, что у меня такой товарищ. И что письма Матвея понравились ему больше моих. В моих — рисовка, поза, оглядка, а у Матвея — естественность, достоинство, ясность.

Бараш ему тоже понравился.

Наум, привет!

Возник один момент в нашей переписке о Жираре и Липовецки, который я воспринимаю как свой «должок». Дело тут не в персоналиях (по большому счету оба автора птицы не самого высокого полета), а в твоём высказывании о культуре как социальном процессе, с чем я никак не мо-

¹ Йом шлиши (*ивр.*) — третий день, вторник (отсчет идет от субботы).

гу согласиться. В связи с этим и «победу» Липовецкого я воспринимаю «условно» — скорее как «Пиррову победу». Беда в том, что оба автора «не видят Рампу»; следовательно, не делают должных различий, не соблюдают должной иерархии. При этом Липовецкий — уже на уровне «первоинтуиций» — целиком помещается в социальной «плоскости» и подверстывает все прочие уровни к социальному, Жирар же гораздо более «метафизичен», но «сам об этом не знает»: он-то думает, что строит концепцию «социально-культурного развития». Однако его «первоинтуиции» относятся как раз к сотериологическим архетипам, и с ним происходит нечто противоположное (в сравнении с Липовецким): социальный уровень подверстывается к «метафизическому», но то, что получилось в результате, «выдает себя» за историко-социальный анализ. Поэтому, когда они оба сходятся на «социальной» площадке (а Жирар из-за недостаточного «самопонимания» этому не препятствует — грубо говоря, «подставляется»), Липовецкий легко «побеждает», но его победа говорит лишь о том, что архетипы сотериологического уровня (которые имеет в виду Жирар) имеют свою, независимую от «социальности», структуру. Поэтому из «победы» Липовецкого никак не следует вывод о «социальности» культуры. Наоборот, культура задана на уровне «первообразов» (как говорил Гете), или сотериологических архетипов, «до» всякой социальности. Точнее, в архетипах спасения «задан наперед» весь возможный диапазон социальности, поскольку изначально, а priori не может быть диапазона более широкого, нежели дихотомия «Я-идентичности» и «Мы-идентичности» (использую терминологию Элиаса), или, говоря по-старинке, между индивидуальным и родовым началами. Те «варианты индивидуации», которые мы «застаем» в конкретных социальных контекстах, лишь конкретизируют объект «Мы-идентичности» (племя, нация, класс, любая другая общность — но не «дальше» рода), задавая параметр уровня индивидуации. А уже внутри этого параметра идет изменение (в сторону возрастания) другого параметра — степени индивидуации (характеристика субъекта «Я-идентичности»). Когда степень индивидуации «зашкаливает» («превышает свой уровень»), происходит скачок на следующий уровень (следующий объект «Мы-идентификации»). Этот механизм, развертываясь в «социальном времени», и дает фигуру «синусоиды» («маятник Чижевского»), но «первообраз», «изначальный архетип» — это скорее круг, способный развернуться в спираль; поэтому «первоархетип» в каком-то смысле «до- и вне-временный» (а значит, и до- и вне-социальный), ибо только вне-временное может развертываться во времени.

В ответ на твой «запрос о Гандлевском» прилагаю рецензию Костырки.

Обозрение С.К. №92

О романе Сергея Гандлевского «<НРЗБ>» «Знамя» № 1, 2002

...Гандлевский написал про то, что знает, — про литературу и литературную жизнь. Можно было бы сказать, что это своеобразное продол-

жение «Трепанации черепа», но не будем торопиться. В романе изображены типы, сюжеты и атмосфера андерграундной литературной Москвы начала семидесятых, вставленные в рамку сегодняшнего литературного быта. Пятидесятилетний литератор Лев Криворотов вспоминает себя двадцатилетнего — первую женщину, молодой азарт стихосложения, товарищей по литобъединению, свою первую любовь; знакомство с опальным поэтом Чиграшовым, ставшим кумиром Криворотова; историю с самодеятельным альманахом, стремительно изданным на Западе, и последовавшие меры властей («профилактические беседы» в КГБ, исключения из институтов, сдача в солдаты друга) и совпавшее с ними самоубийство Чиграшова — все то, что определило его последующую судьбу. Эпизоды из молодости Криворотова вплетены в повествование о нем сегодняшнем — относительно благополучном, «среднестатистическом» литераторе, терзающемся осознанием своей жизни как сокрушительного поражения. К этому роману следует, видимо, отнестись как к «роману-комментариям» о судьбе литературного поколения Гандлевского. Горчащая проза, элегичная интонация, даже как бы с блестками черного юмора. С сердечной истовостью написанная. Почти оплакивающая того, молодого, открытого, порывистого, «на первом дыхании» надломленного неразделенной любовью, «изменой» друга и холодноватой отстраненностью Чиграшова. С оценками уровня романа, уже данного критиками (Агеев, Немзер, Урицкий), я согласен полностью. Это действительно хорошее чтение. Мои расхождения с коллегами, писавшими о романе, — в прочтении его содержания. <...> Тональность повествования я бы определил как тональность элегии с примесью горестно-обличающего недоумения героя перед тем, как время «выправило» его жизнь. Плюс глубоко скрытая обида на время и на судьбу (тут я расхожусь с Немзером, отказавшимся увидеть в романе обиду, хотя симптоматично, что слово это, тем не менее, возникло в его разборе). Обида уже в самом сопоставлении того, чем начиналась жизнь Левы, чем дразнилась, что обещала, и к чему привела; в ситуации поздней двусмысленной славы Криворотова как специалиста по творчеству Чиграшова — в первую очередь, а уж во вторую — как поэта. С мазохистским почти смакованием описывает Криворотов свой «типовой» авторский вечер: сорок минут чтения собственных стихов при вежливой тишине в зале, ну а далее — неподдельный интерес проснувшейся публики к его рассказам о Чиграшове. Герой уверен, что жизнь не удалась. Понять, почему он так думает, можно. Согласиться сложнее. Изначальное представление о жизненной состоятельности Криворотов проговаривает иронически («Творчество, любовь, шедевры, период гонений, седина, фрак, Стокгольм, лауреатская речь...»), но ирония здесь не столько убивает инфантильность мечтаний, сколько очищает ее пафос. Главная боль Криворотова — обида на Чиграшова, смахнувшего Криворотова с доски поэзии как слон пешку («мальчик хороших средних способностей») и как бы добивающего сейчас, вынудив жить и «кормиться» не своей, а его, Чигра-

шова, жизнью. Да, не состояться литературно — это действительно страшно. Но — при одном условии: если было чему реализовываться. Однако при чтении романа не возникает ощущения, что в Криворотове перегорает, не воплотившись, некий поэтический мир. Похоже, что стихотворство для героя изначально было средством самоутверждения (и отчасти — психотерапией, отчасти — формой противостояния косности и неподвижности), но отнюдь не точкой соединения с жизнью. Его горячая потребность услышать «Криворотов-гений» — скорее из области «экзистенциальных потребностей». <...> А может быть, мы имеем дело не с загубленной жизнью, а с человеком, мучающимся этим ощущением?

Отчего все-таки герой — и, похоже, автор вслед за ним — считает, что жизнь его не удалась? Несчастливая безответная любовь? Ну, а какой ей быть еще — это в самой ее природе. К пятидесяти-то годам Криворотов мог бы и догадаться о некоторых механизмах полноты ее проживания. При всей жестокости, с которой обошлась жизнь с Криворотовым, она была по-своему и благосклонна к нему. Все, что получил герой тогда из рук судьбы, — оказалось настоящим. И женщина, которую он полюбил, и сама его любовь, которой хватило на всю жизнь, — в этом-то Криворотов как раз состоялся. И стихи, которые он полюбил в молодости и которыми, отложив все, занимался всю жизнь, были (поверим ему тут на слово) настоящими. А то, что автор этих стихов был еще и человеком со всякими человеческими свойствами — и хорошими, и дурными, так это нормально, смутить этот факт мог бы юношу-максималиста, но не поседевшего, жизнь прожившего человека. Наконец, история с альманахом и последующими карательными мерами властей, история, «контузившая» героя, тем не менее не лишила его самоуважения — на «беседе» в КГБ Криворотов держался вполне достойно. <...> Герой как бы и сам все это понимает, но ничего не может поделать со своей обидой. Его обращение к прошлому, его маета — от сосредоточенности на вопросе «За что мне все это?», но отнюдь не на вопросе «Для чего мне все это было?». Возможно, поэтому экзистенциальный смысл нажитого опыта, мерцающий в романе, так и остается художественно нереализованным. То есть, повторяю, это скорее «роман-комментарий» к истории поколения, нежели собственно роман со своей романной мыслью.

В «НРЗБ» Гандлевский, на мой взгляд, дальше от себя, чем в своих стихах или в «Трепанации черепа». В «Трепанации...» была попытка (другой вопрос, насколько удачная) продолжить в прозе то, что делал Гандлевский в стихах, — установить как бы «напрямую» связи с сущностным, там главный вопрос «Зачем все это было с нами?» Автор как бы преодолевал собственным тяжким жизненным опытом «литературу», как раз это и делало прозу «Трепанации...» литературой. В новом же романе он обратился уже к собственно «литературе», к помощи беллетристических ходов и схем, обладающих собственным энергетическим запасом, — и получилась беллетристика. И никуда не деться автору от сопоставлений с предшественниками ... <...> И еще — хотим мы этого или нет, ставил пе-

ред собой такие задачи автор или не ставил, — перед нами попытка написать портрет поколения в его силе и в его слабостях. Естественно, ежишься, вчитываясь и примеряя. А никуда не деться. Похоже. И очень даже похоже.

Наум, привет!

На всякого «ролана» найдется своя «жермена», как на всякого Ницше — свой Платон («А вы нас бомбой, а мы вам в морду»).

Вот на какое рассуждение о дневниковой прозе я наткнулся (как раз сегодня!):

«Я хотела бы создать полный дневник своей души, я порвала несколько страниц; бывают такие движения души, которые теряют естественность, когда о них вспоминаешь или если думаешь, что когда-нибудь будешь о них вспоминать; оказываешься в положении царей, которые живут для истории, — так и ты чувствуешь для истории».

Это строчки из самого начала дневника, который Жермена Неккер (будущая госпожа де Сталь) стала вести в 19 лет. Комментируя эти слова, Жан Старобинский пишет:

«Почти спонтанно Жермена Неккер поднимается над уровнем душевных излияний, признаний и переходит в план самоанализа. Какая удивительная острота зрения! Какое глубокое понимание расстройств, которое вносится в жизнь одним лишь намерением правдиво записывать переживаемые чувства! Идея вести дневник накладывает отпечаток предвосхищаемого воспоминания («думаешь, что когда-нибудь будешь о них вспоминать») на настоящий момент и нарушает его подлинность. Жермена Неккер догадывается, что каждое чувство переживается для того, чтобы потом быть описанным /жалко, что Старобинский не знает Брюсова: «Быть может, все в жизни лишь средство // Для ярко-певучих стихов»/: оно изначально предназначено для литературного изображения. Здесь вполне предстает опасность литературного письма: риск не только в том, что неадекватные слова и «форма» исказят пережитой опыт; сама идея описывать изо дня в день свою жизнь и свои чувства неизбежно перерастает в идею жить для того, чтобы писать о себе, и тогда уже на первичном уровне переживаемого утрачивается «естественность», человек становится игрушкой вымышленной силы — описываемой «истории», в которую он помещает себя и для которой себя предназначает. Жермена Неккер сразу же уточняет: «Впрочем, горе тому, кто может все выразить; горе тому, кто способен читать о своих притупившихся чувствах; он будет страдать еще более, чем тот, кто, обладая достаточным красноречием, чтобы воспламенить бумагу огнем, который пожирает ему сердце, способен затем порвать эти листки и отворотить взор от своего образа». Осудив то предвосхищение писаного текста, которое способно уже в самом начале исказить чувства, выражаемые в дневнике, юный автор предвидит и еще одну опасность. Допустим, что слова, доверенные бумаге, будут полным и правдивым выражением «пламени» и «страсти». Но человек ведь может измениться,

его чувства могут ослабнуть: когда он станет перечитывать свою исповедь, то обнаружит, что не соответствует своему же зафиксированному образу, почувствует вину за то, что дал погибнуть чувствам. Такое внутреннее изменение ведет к чувству раздвоенности, и Жермена предчувствует всю его болезненность. Заметим, что такой страх перед будущим, заставляющим «отводить глаза» от собственноручно начертанного изображения, уже сам является актом предвосхищения». (Жан Старобинский. Госпожа де Сталь: страсть и литература. // В книге: Жан Старобинский. Поэзия и знание. М.: Языки славянской культуры, 2002)

Да, и насчет Рубоко Шо хочу уточнить, что я зря «обвинил» куртуазного маньериста Пеленягрэ: это, скорее всего, некто Олег Борушко, тоже, говорят, любопытный тип, живет где-то на Мальте...

Всегда твой
Матвей

От Бараша:
Ознакомься
Александр Иванов
Ad marginem
В защиту спецэффектов

<...> По жанру сегодняшний доклад будет чем-то вроде заметок на полях к тексту Ольги Славниковой, опубликованному в первом номере журнала «Новый мир» за этот год — «О спецэффектах в литературе». <...> Для меня самое важное в статье Славниковой — констатация необратимых изменений, происходящих сегодня, говоря философским жаргоном, с бытийным статусом литературы. Литература перестает быть средоточием всеобщего внимания, интереса, зоной инвестиции социальных энергий, как это было, скажем, в конце 80-х годов. <...> Я не буду вдаваться в анализ причин, могу сказать коротко, что маргинализация литературы, уход ее на обочину культурного пространства определяется тем, что, в некотором смысле, реальность стала интереснее литературы, жить стало интересней, чем читать. <...> Ольга пишет о том, что статус литературы как суверенной реальности заметно «проседает». <...> Ольга признает, что классический реализм в современных условиях невыносим. Литература не может, сообразуясь с античной теорией мимесиса, чистосердечно имитировать внешнюю действительность. Постмодернистская линия в литературе подражает не самой реальности, а технологиям изготовления образов, присутствующих в массовом сознании или в сфере массовой культуры. Согласно автору статьи, ни то ни другое уже не работает и не позволяет литературе поднять свой статус. Что же предлагается, что может спасти литературу?

Славникова намечает несколько возможных стратегий, в числе которых разработка персонажной психологии, погружающая читателя в подсознательные уровни психики героя, а также исследование «живородящих возможностей» самого языка, его метафорического уровня. При-

чем метафора здесь выступает в качестве самостоятельной литературной ценности, а не средства развития и динамизации текста. <...> Понятно, что в 90-е культурное пространство становится очень многообразным и литература начинает взаимодействовать с нелитературными практиками, прежде всего, визуальными: фото, кино, видео... Позиция Славниковой заключается в том, чтобы вернуть литературе ее аутентичность, «литературность», уйти от того, что она называет «спецэффектами» и что чаще всего связывается в ее статье с кинообразностью и киноязыком. Необходимость подобной дистилляции предполагает достижение стадии литературной зрелости: в писательском опыте и в опыте чтения, — в то время как спецэффекты отсылают к сфере инфантильной чувственности, апеллируют к архаичным слоям нашего сознания.

Для меня слабость этой позиции (я это знаю как издатель, которому приносят очень много рукописей) заключается в следующем: Славникова, будучи писателем, очень любит литературу. В европейских языках существует «снижающий» контекст употребления слова «литература», на английском это звучит так: it's just a literature — это только литература. Вы предлагаете издателю книгу и слышите: это же литература, это несерьезно. Словесность в подобном контексте понимается как иллюзия, обман — с позитивными, и негативными коннотациями этого слова. <...>

Для меня, то, что предлагает Ольга, есть форма поддержки литературных кодексов в противовес непосредственному писательскому опыту, который — опыт каждого писателя — в определенный момент вступает в конфликт с социальной формой существования литературы.

Я могу привести примеры из русской классической традиции. Для позднего Толстого было характерно обостренное неприятие литературы именно как культурного института. Его поздние совершенно алитературные опыты, например, «Азбука» и критические статьи с чудовищными нападками на Шекспира и на целый ряд других священных коров транслируют чувство, которое я склонен называть ненавистью к литературе. Этот же ген ненависти к литературе присутствует и в творчестве Достоевского, писателя, чрезвычайно открытого навстречу массовой культуре своего времени.

Важный пункт, на котором я хотел бы остановиться: образ литературы, который предлагает нам Ольга Славникова, базируется на определенном понимании языка художественной словесности. Я хочу напомнить вам знаменитую статью Шкловского «Искусство как прием»: ранняя работа, где он вводит различия между языком литературы и нелитературными языками: языком бытовой речи, научным языком и целым рядом других. Для Шкловского самым существенным в литературном языке является то, что это язык акоммуникативный, он не передает никакой информации. Единственное, что отличает литературный язык — это его чистая экспрессивность. То же, на мой взгляд, связывает Ольга с понятием метафоры. В то время как массовая культура в отличие от литературы, понятой так, как понимают ее модернизм и постмо-

дернизм, семиотична, а не метафорична. Организована не по принципу символа, но по принципу знака. Символ аккумулирует в себе культурную память. Массовая культура старается эту память от себя оттолкнуть, с одной простой целью — чтобы мы могли потребить знак. <...> Семиотичность массовой культуры начинается сейчас, в 90-е годы, активно проникать в литературу, — процесс, обозначенный Славниковой как экспансия спецэффектов. Что воспринимается как угроза подлинной, настоящей литературе.

Я хотел бы обратить внимание на то, что этот процесс семиотизации выводящий на первый план «пустые», с точки зрения традиционной литературы, знаки, связанные со сферой потребления — одеждой, едой напитками, характеристиками физического пространства — не есть открытие литературы 90-х. Если мы перечитаем «Преступление и наказание», то увидим, что количество обыденного семиозиса там огромно. Достоевский работает с журнальными хрониками, полицейскими репортажами, с повседневным «трэшем», используя его в почти сыром виде с минимальной «художественной» обработкой. Он дает нам урок толерантности по отношению к массовой культуре. Оказывается, что использование «низкого» материала бытового сознания способствует становлению новой литературной формы.

Это характерно и для модернистской литературы — Джойса, Кафки. Но в целом парадигма модернизма делает акцент на экспрессивности, авторском эго, эротически замкнутой на себя литературной форме. Она не транспарентна в отношении того, что мы называем массовой культурой.

На мой взгляд, последние пять-десять лет в литературном пространстве — я имею в виду не только российское, но и европейское, американское литературное пространство — намечаются существенно новые тенденции. Как мы сейчас все начинаем понимать, постмодернизм или то, что мы привыкли называть постмодернизмом, является составной частью модернистского проекта. И это объединяет, с одной стороны, Джона Фаулза, который проходит по разряду постмодернистов, а с другой стороны, Джойса, Набокова, Кафку, Пруста — классиков модернизма. Им свойственно особое отношение к литературной форме, к языку. То, что я сказал, приводя в пример статью Шкловского «Искусство как прием», в данном случае можно интерпретировать следующим образом: литература — потому и литература, что ее язык отличается от всех других нелитературных языков — научного, бытового, какого угодно еще. Это отличие фундаментально, неустранимо, оно иллюстрируется таким элементом литературного языка как метафора.

Метафора самодостаточна и нарциссична. Метафоричность письма вносит эротический подтекст в наше — читательское и писательское — общение с литературой. Под эротизмом в литературе я подразумеваю функционирование тропов как фабрики, производящей «фигуры удовольствия». Удовольствие, близкое к эротическому, определяет наше восприятие собственно «литературного» в литературе.

Славникова воспринимает тотальное омассовление культурного пространства как вражеское нашествие. В ее статье мне видится очень искренняя попытка борьбы с массовой культурой — построение очередного варианта башни из слоновой кости, где и подобает жить «настоящей литературе». Преемственнице великой модернистской-постмодернистской литературной традиции с ее эротическим отношением к языку.

Я думаю, что эта позиция слаба лишь в одном отношении: мы не можем объективно и определенно противопоставить себя массовой культуре. Сопротивление возможно только в том случае, если мы начнем активно с нею работать: как писатели, как мыслители, как критики. Как рефлектирующие потребители, в конце концов. Строительство башен из слоновой кости есть путь, ведущий к эскалации конфликта массовой и элитарной культуры, что было характерно для всего XX века. <...>

В настоящее время в Германии, Франции, Америке я наблюдаю возвращение к классической романной форме: к сюжетному повествованию, минимально нагруженному стилистическими новациями. Дух классического модернизма призывал писателя экспериментировать с романной формой, создавать конструкции, которые как бы подчеркивали отличия литературного языка от обыденного. Сейчас «литературность» литературы нивелируется, текст сближается с простым нарративом, с бытовым «рассказыванием историй». Но при этом что-то меняется в самом содержании этих историй. <...>

Попытка Славниковой со слесарным инструментом подходить к массовой культуре неадекватна: эта сфера требует тонких хирургических инструментов, предела нашей рефлексивной работы. Не случайно массовая культура является предметом серьезнейших исследований на протяжении всего XX века, и художественных исследований в том числе. Беньямин занимался археологией массовой культуры Европы на протяжении всей своей жизни. Уорхолл вводит в зону высокого искусства анонимные фигуры массового сознания — будь то изображения Элвиса Пресли, Ленина и Мао или знак доллара — и начинает продуктивно с ними работать, постигая механизм формирования образа в массовой культуре. <...>

У Хайдеггера есть замечательная идея, связанная с одним из основных понятий его философии — понятием техники. Вкратце можно пересказать ее следующим образом: техника отчуждает человека от него самого: то, что раньше было связано с ручной работой, с теплотой человеческой индивидуальности, — отчуждается в анонимных инструментах. Но, говорит Хайдеггер, в этом бесчеловечном механизме есть то, что можно назвать надеждой — он позволяет нам понять, что человек не является мерой всех вещей и что именно эта гордыня — желание быть мерой всех вещей — и привела к тотальному отчуждению. Техника поставила человека перед лицом бытия, перед лицом подлинности, которая не является его собственностью. Подлинное не является ни человеческим, ни божественным, потому что божественность в такой антропоцентрической концепции — это тоже проекция человека на небо...

Нужно отдавать себе отчет в том, что завтра будет хуже, чем было вчера и жить, исходя из этой установки: мир будет сложнее, а не проще, запутанней, а не прозрачней. Осознание этого — тяжелейшая травма, травма всех нас как советских людей, потому что советская страна учила нас, что завтра будет лучше. Не только советская страна, но и Россия нас этому учила: понятно, что прошлое у нас тяжелое, настоящее плохое, но зато будущее...

Матвей, привет!

Это как это: «первообраз», «изначальный архетип» — является, в каком-то смысле, «до- и вне-временным» (а значит и до- и вне-социальным)... культура задана на уровне «первообразов» или сотериологических архетипов, «до» всякой социальности? Но если «первообразы» и «архетипы» даны не когда-то, как-то и где-то, то они даны т.ск. свыше? Уж не Боженьку ли ты решил тут «протащить», как писал Вл. Ильич?! Как это «вне социальности», когда проблема Я — Мы уже социальная, ее вне социальности просто нет! Знаешь, ты мне вдруг помог осознать (вспомнить), что я не «социолог» и не «метафизик», а «историк», для меня все исторично, и нет ничего «вневременного». Ты ведь сам пишешь о постоянном изменении «степени индивидуации», и что «этот механизм разворачивается в «социальном времени»». Чем, интересно, «социальное» время отличается от «исторического», или каких-то других «времен»... Ну да ладно, допустим, ты говоришь о социальных механизмах (лучше — «процессах», все-таки это «живое» дело). А насколько я понял (что-то в жизни), человек, вообще и в частности, все его свойства и «практики», в том числе и сотериологические, формируется в социуме. Если наша родина — род, то кто мы, если не дети социума? Существует ли мы (как личности) вне других? (Во взрослом, сформированном состоянии, конечно, но сформировались бы мы в то, что есть, без «других»?) Может, ты против «вульгарной социологии», тогда понятно, с социологией, понимаешь, тоже аккуратно надо. Но чтоб «вне-временное разворачивалось во времени» — это мне неясно. Во времени вообще ничего не разворачивается, кроме процессов, а процесс — это не архетип, это жизнь в ее переменчивости: рождается, живет себе кое-как и умирает.

У меня в связи с Жираном возникла другая мысль: если назначение ритуала — экстаз единства, то ничто так не работает на такой экстаз, как «единодушное убийство», и любая война — экстатический ритуал...

Спасибо, что перекинул мне статью Костырко о «НРЗБ». Я был рад совпадению в главном: «Похоже, что стихотворство для героя изначально было средством самоутверждения», как и (добавлю от себя) написание этого текста для автора. Его лучшие стихи держаться на «мягком» цинизме (как мягкое порно), а прозе мешает (мне) флер исповедальности. В результате «получилась беллетристика», и, на мой взгляд, не лучшего сорта. «В романе он обратился уже к собственно «литературе», к помощи бел-

летристических ходов и схем», причем «эти вот сюжетные, так сказать, архетипы, висят в воздухе; еще немного — и они станут общим местом», — полностью с Серегой согласен. Он даже отмечает «некоторую романсовую (почти надрывную) мелодраматичность в разработке этого сюжета. Некоторая циничная бравада брутальных финальных сцен — ... жест, отдающий все той же подростковой инфантильностью, все тем же стремлением укрыться от проклятых вопросов о сущностном в прожитой жизни в уютную сладковатую горечь обиды». Но несмотря на все это Костырко пишет, что роман — «портрет поколения» («перед нами попытка написать портрет поколения в его силе и в его слабостях. Естественно, ежишься, вчитываясь и примеряя. А никуда не деться. Похоже. И очень даже похоже»). Может, и похоже, но это комплимент для уличных художников, рисующих по заказу портреты прохожих, и в любом случае это портрет не поколения, а определенной тусовки. Да и то фрагментарный. Даже тусовка была разнообразней и интересней, говорю как свидетель: сам из нее, хотя был там на третьих ролях, да и скоро уехал.

Что касается дневниковой прозы, то Сталь, конечно, права: живешь, чтобы описывать свою жизнь. Теряется ли при этом сама жизнь, когда живешь «предвосхищением воспоминанья», как красиво выразился Старобинский? Но разве не каждый живет, так или иначе осмысляя свою жизнь, а значит, оформляя словами? Ну а некоторые еще и записывают, да еще пытаются торговать этими записями. Иногда при этом и увлекаясь вот такой особой игрой с самим собой...

Кстати, мне позвонил приятель, поэт Александр Верник, он прочитал нашу «переписку» и, во-первых, порадовался за меня, что у меня есть такой корреспондент, и даже просил тебе передать, что ему твои письма понравились больше моих, в моих много «рисовки», «позы», «оглядки», а у тебя «естественность» и «достоинство» и «ясность мысли». Что стараешься «мысль донести», а я — «себя показать».

И еще. Бараш прислал статью Александра Иванова (*Ad marginem*), где он спорит со Славниковой насчет участи современной литературы (похоже, пытается оправдать публикацию Проханова), мол, все дело («уход литературы на обочину», потеря ею «социального статуса») — в борьбе «настоящей литературы» и «массовой культуры», и если Славникова предлагает от массовой культуры отгородиться, то Иванов предлагает с ней «сотрудничать», ну и вокруг этого всякие «теоретические выкладки». Но литературу этот весьма продвинутый и стреляющий «семиозисом» товарищ (Иванов) по-прежнему понимает в рамках теории подражания, только считает, что «современная литература» должна подражать не «самой реальности, а технологиям изготовления образов» (в этом де постмодернизм и заключается, Энди Уорхолл и т.п.). Славникова в его изложении считает главным в литературе «животворящие возможности языка», в частности метафору, что напомнило мне рассуждения Гольдштейна. Но где здесь «новая формулировка литературоцентричности»? Будто кто-то против метафор. И чем плох «кино-

язык»? Все это умничанье: «массовая культура в отличие от литературы, организована не по принципу символа, но по принципу знака». В общем, если прочтешь, интересно твое мнение.

Всегда твой
Наум

Барашу:

Спасибо за «наводку», статью Александра Иванова прочитал, не без пользы. Хотя смысл этого теоретизирования я не понял. Немного напомнило рассуждения Гольдштейна о примате «языка» над «сюжетом» (условно, «линия Славниковой»). А Иванов призывает с массовой культурой «работать» (как Достоевский). Ну, если как Достоевский... Сам разговор какой-то «журналистский» (на расхожую тему), а не литературоведческий.

А мне приятель прислал отзывы на «НРЗБ» Гандлевского, все положительные, я просто ошалел. Отзыв Костырко наиболее интересен (если хочешь, посмотри у него в «Обзрении»), он хотя бы критичен. А ты читал сей роман?

1.5.2002.

Лаг ба Омер¹. Ездили в Цову. «А у меня сегодня началось. Тебя это не смущает?» Провалились с десяти до пяти. На этот раз отпустил ей в рот. Но и в кровавую яму пришлось залезть. Как-то само собой получилось. Но в крови купаться я не люблю. «Что-то ты сегодня быстро кончал?» А потом сказала: «В следующий раз надо пойти куда-нибудь. Бесплезно в постели валяться».

Поднялись на гору. Развалины крепости в густом кустарнике и высокой траве. Она боится змей. Кусты колются, она перешагивает, задирая юбку.

Закат. На маленькой центральной площади огромные одуванчики. Порыв ветра поднимает отдельных «парашютистов» и уносит за стены, туда, где уродливой толпой напирают на стены кактусы.

Перед тем как зашел в туалет, услышал вдруг страшный грохот в спальне. Вбежал: она корчится и хохочет. Хотела спрятаться от меня в шкаф, села на полочку, а полочка-то возьми и обломись...

От Бараша:

Это, если ты не понял, старик, такой междусобойчик.

Интеллектуальные и стилистические способности милаги и работы Костырки нам, впрочем, и так известны. Беда в другом: у Иванова и других нормальных людей продолжает работать снобизм в отношении «черной» культурной работы прямого и ежедневного противостояния этому убожеству...

¹ Иудейский праздник со времен Бар Кохбы и рабби Акива.

Результат: как бы ничего смертельного, но — раздробленность и болото, а единого одновременно общего и годного для жизни культурного поля — нет...

Барашу:

Позвонил мне Верник, он прочитал последнее «Зеркало» и сказал, что твоя проза ему очень понравилась. Я решил, что тебе все же будет приятно...

Наум

Позвонил Бараш. Был растроган отзывом Верника. Спрашивал: а что конкретно он говорил? Вернулся к статье Иванова. «Я всю эту компанию знаю еще по Москве, Подорогу, Рыклина, моя первая жена с ними училась, ее второй муж тоже философ». Интересовался насчет Соколова, не хочет ли он что-то дать «Зеркалу». Я говорю: вряд ли у него что есть, а если бы было, вряд ли он даст «Зеркалу».

2.5.

Матвей, привет! Из последних событий отмечают «возвращение Британии в Палестину». Шарон согласился не только на то, что британские тюремщики будут охранять арестованных палестинцев в иерихонской тюрьме, но и с тем, что именно британские спецслужбы займутся восстановлением палестинских служб безопасности. Взамен, по видимому (это выяснится уже сегодня в Совете Безопасности), ООН придется слезть с высокой трибуны «глобального» осуждения Израила (комиссия по Дженину и т.д.).

Вчера, как ты знаешь, наверное, Арафата таки выпустили из «Мукаты», того здания, где он месяц сидел в осаде. Он тут же завопил на все телекамеры, что евреи подожгли Церковь Рождества в Вифлееме, и действительно, одновременно палестинцы, которых там осадили, развели в храме костры и стали стрелять из окон во все стороны. Дым столбом, пальба — во, блин, провокатор! Но на этот раз, кажись, международные СМИ призыв не подхватили.

Доброжелатели подкинули тут заметку Льва Рубинштейна о романе Гандлевского. Все-таки ироническая, особенно если учесть, что они приятели.

«Читая прозаическую вещь Сергея Гандлевского, я все время ловил себя на том, что постоянно придираюсь. Ищу и, главное, нахожу недостатки. И вот я читаю и ворчу. “Правильно было бы, — ворчу я, — написать эту штуку лет десять тому назад, тогда цены бы ей не было, а теперь...” И что это, — ворчу я, — за название за такое? “Курсив мой”, “Конец цитаты”, что там еще? А еще там, оказывается, “НРЗБР”. “Да что же это за, — думаю я, следя за специфическими поворотами действия или натываясь на особые способы словоупотребления, — такая устойчивая зачарованность Набоковым? В наше-то время? Пора бы уже... Взрослый же человек...” “Что за диалоги, — думаю я, — не диалоги, а разыгранные по ролям эссе. Зачем?”

Да что же это я так? А вот что: ревность. Не та, о которой легче всего подумать. Совсем другая: я слишком люблю стихи Гандлевского, чтобы не ревновать их к его же прозе. Я слишком высоко ценю этого автора, чтобы обижать его снисхождением.

Неприятные вопросы тем временем продолжали обуревать.

“Что это за неперенное желание отметиться во всех жанрах? Прямо как Пушкин какой-то, — продолжал я вредничать. — И что это вообще за подростковая затея навалить настоящий, взрослый роман с образами, характерами, ‘проблемами’, пейзажными отступлениями, да еще и с дуэлью впридачу?”. “А о чем это у нас роман? Ах, о любви? Ну, ну! Треугольники, четырехугольники, прочие фигуры — все в ассортименте”. “Не затеяно ли это не слишком лаконичное повествование с подъемами и провалами, — думал я, — ради нескольких мест, которые...”. Которые стоят того, чтобы ради них городить огород. Которые сильно подмывает назвать неупотребляемым мною словом, а именно “волшебными”. Которые хочется перечитывать столько раз, чтобы мне, человеку с неважной памятью, они запомнились бы наизусть. Да, хотя бы и ради этих нескольких мест — что в этом такого? Но не только ради них, разумеется. А иначе разве случилось бы так, что, вынырнув из дочитанного текста и стряхнув с себя пену суетного критиканства, я почувствовал себя вполне счастливым. Узелки затянулись. Концы свелись с концами. Решение сошлось с ответом. Точка поставлена в безусловно правильном месте. Все, что было НРЗБР, стало РЗБР. Жизнь в очередной раз удалась».

Всегда твой

Наум

От Матвея:

Список № 5 (привожу только несколько наименований)

Вальтер Беньямин. Озарения. (Книга была составлена Адорно после смерти автора. Попытка представить весь спектр интересов Беньямина. Литературные портреты Пруста, Бодлера, Лескова. Основные работы по эстетике, культурологии, истории, а также биографические материалы. Прочитую знаменитый фрагмент из статьи «О понимании истории»: «Есть картина Клее, она называется «Angelus Novus». На ней изображен ангел, который выглядит так, как будто он собирается удалиться от чего-то, на что он пристально смотрит. Глаза и рот широко открыты, крылья напряжены. Так должен был бы выглядеть ангел истории. Взор его обращен в прошлое. Там, где появляется цепь наших событий, там он видит сплошную катастрофу, которая непрерывно громоздит друг на друга развалины и швыряет их к его ногам. Он хотел бы задержаться, разбудить мертвых и вновь соединить разбитое. Но из рая дует штормовой ветер, такой сильный, что попадает в крылья ангела и он не может их прижать. Этот ветер неудержимо гонит его в будущее, ангел поворачивается к нему спиной, а гора развалин перед ним вырастает до неба. То, что мы считаем прогрессом, и есть этот ветер»). М.: Мартис, 2000.

Пьер Видаль-Накэ. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. Автор — один из крупнейших французских историков уровня Вернана, с которым работал в соавторстве. Ввел в изучение древнегреческой истории структурный анализ (в антропологической интерпретации) и «показал, что категории воображаемого иногда более весомы, чем иллюзии реальности». В центре книги (1981) — проблема инициации. «Черный охотник» — эвристическое изобретение автора, ставшее очень популярным у французских интеллектуалов: это юноша в черном плаще, обитающий в дикой местности, эфеб, не прошедший инициацию, «символ переходного состояния». Пьер Видаль-Накэ — еврей, «друг Израиля»; его родители погибли в концлагере; он автор трехтомного исследования «Евреи: Память и Современность» (1995). Названия некоторых разделов: 'Значение земли и жертвоприношения в религии и мифологии'; 'Время богов и время людей'; 'Черный охотник и происхождение афинской эфебии'; 'Сырое, греческий ребенок и вареное'; 'Существовал ли класс рабов в древней Греции?'; 'Полис вымышленный и полис реальный'; 'Греческий разум и полис'; 'Афины и Атлантида. Содержание и смысл платоновского мифа'; 'Дельфийская загадка'. В качестве Приложения дана интереснейшая статья «Атлантида и нации»; в ней показано, как миф об Атлантиде использовался для того, чтобы отделаться от «еврейского первородства» и обосновать наличие других «избранных народов». Видаль-Накэ пишет: «Со II–III веков н.э. средиземноморский мир начинает превращаться в христианский. Для античных мыслителей, которых не могла не волновать данная метамозфоза, это означало замену их мифологии и истории от гигантомахии до Троянской войны — еврейской мифологией и историей от Адама до рождения Христа. Компромисс между греческими и еврейскими историческими традициями начинает складываться во II веке. При этом инициатива исходит от евреев и т.д.». М.: Ладомир, 2001.

Матвей, привет!

Из списка возьму только Беньямина. Когда только все это читать...

Последняя военная операция (еще тлеющая) вообще как-то «перетасовала карты», начинается новый этап в нашем противостоянии с арабами (и всем миром). А в таком «тумане» (политическом) нужно проявлять инициативу, захватывать позиции. Впрочем, может, это только для меня все туманно...

Всегда твой

Наум

3.5.

От Л: У меня сейчас страшно что делается — торнадо... и вспомнила, как первый раз тебе описывала что это такое, помнишь?

За записки спасибо, еще не успела прочесть.

Ездил в Нью-Йорк, на randevу с сыном. Рассказывал мне о своих планах возвращения на родину. Говорит, что давно поставил себе задачу попасть в Нью-Йорк и заниматься тем, чем он теперь занимается, что он знает, что сможет зарабатывать столько, сколько захочет, но это не делает его счастливым. Что в Израиле он почувствовал, что это его место, что там ему хорошо. А на закуску спросил меня что я по этому поводу думаю, и мне пришлось сказать, что должен попробовать, если так чувствует, иначе будет потом жалеть... А дома, первый раз за 13 лет, забыла собаку на улице, только утром вспомнила...

Ответ Л: По ТВ вчера показали пару (лет 45), которая вернулась из Калифорнии (он ученый-химик), и тоже — «за сыном». Он приехал служить и остался, ну и они за ним...

А вообще война преобразует действительность, есть в ней нечто «священное», мистический экстаз единства...

Матвей, привет!

Буш вызвал Шарона «на ковер». Будет руки ломать. Шарон повез слабенькую защиту: протоколы допросов Баргуди, который признался (раскололся, сука!), что Арафат не только «знал» о каждом теракте, но и был главным бухгалтером терроризма, выписывая чеки на каждую «операцию».

Американцы что-то варят с Саудией (а саудовцы признались недавно, что выплачивали деньги семьям «шахидов», то есть, попросту говоря, кормили террор, как и Садам Хуссейн). Говорят, что американцы сейчас очень заинтересованы в сближении с Россией (и «советской» Средней Азией), поставщику нефти, способному нейтрализовать зависимость от Саудии. Какую «плату» потребуют от Шарона — неясно.

А у вас пошли по стопам израильтян, хлопнули Басаева и Хаттаба? Может, там наши инструкторы подсобили?

Вчера показали смешную сцену (которую засняли «сверху», с непознанных летающих): палестинцы, оказывается, организуют фиктивные похороны, чтобы создать истерическую обстановку постоянных «преступлений израильских агрессоров»: кладут на носилки «жертву», заворачивают ее в палетинский флаг и бегущей-орущей толпой проносят через весь город к кладбищу, все это, соответственно снимается всеми телестанциями мира, но на этот раз разведовательная телекамера подсмотрела организацию таких похоронных пробежек у самого истока ее создания, когда жертву кладут на носилки, заворачивают и начинают свой бег, еще небольшой группой с десятков человек, но делают это неловко, «по-арабски», как у нас говорят, жертва вываливается и, зло жестикулируя, опять забирается на носилки...

Эмнисти Интернешинал опубликовала свой отчет по Дженину (Арафат назвал его Дженинград, надеюсь, что не всем в России это понравится), где сказано, что никакой резни не было (палестинцы на днях

сами признались, что в Дженине погибло 56 человек, тогда как солдат погибло 23), и шел бой, но при этом «были совершены военные преступления» и всякое «антигуманное».

Всегда твой
Наум

4.5. От Л: Война — конечно, но он и раньше мучался, мне кажется это больше вопрос идентификации: «кто» он и что «здесь» делает... сказал, что ему повезло что есть с кем поговорить, кто его понимает, что тяжело держать в себе... я тоже сказала, что еш ли мазаль им еладим шели ве ани геа бо¹...

Классная цитата из Барта о дневниках. А какую переписку с Матвеем читал Верник и где?

Ответ Л: Так в Зеркале, про Солжа.

А я пытаюсь сейчас подготовить «второй том» переписки, уже «о войне». Как-то не идет, текст кажется «тяжелым»... Хочу тебе послать, посоветуй что-нибудь.

А с сыном у тебя замечательные отношения, я очень рад за тебя...

Наум, привет!

Искусство социально в том смысле, что не может существовать иначе, как в конкретных социальных условиях, которые неизбежно накладывают на него свой отпечаток. Но оно вне-социально в том смысле, что основополагающие для него 'первообразы' и 'архетипы' заранее и наперед задают для него как сущности весь горизонт возможных социальных акциденций. Метафизический подход позволяет «держать в уме» обе стороны этого диалектического процесса, в то время как «чисто социальный» подход обязательно скатится на позицию базиса/надстройки — и в результате этой редукции культура потеряет свою специфику и будет сведена к социальности без остатка, что и произошло в честном, последовательном марксизме (который циники от марксизма обзывают вульгарным, хотя в работах таких, например, мыслителей, как Люсьен Гольдман, Лукач или Альтюссер, нет ровно ничего «вульгарного»; просто они не диалектики).

Что до развития событий, то у меня такое чувство, будто опять «потерялась нить». Видимо, что-то важное происходит «за кулисами» и «под ковром». Во всяком случае, свои «маленькие» (но очень важные) победы Израиль, как мне кажется, одержал, в то время как ООН, расформировавшая Комиссию по Дженину, окончательно потеряла лицо, что радует. Слышал о заявлении, принятом американским сенатом: в нем однозначно поддерживаются силовые действия Израиля, осуждается Арафат и, в более мягкой форме, Буш — за недостаточную последова-

¹ Мне повезло с детьми, и что я им горжусь (*ивр.*).

тельность в поддержке Израиля. Поговаривают и о возможной отставке Пауэлла как слишком «пропалестински настроенного». Западные журналисты (насколько могу судить по Евровидению) проявили завидную управляемость и мгновенно заткнулись на предмет «резни в Дженине». Вообще Европа все больше начинает походить на Советский Союз, в то время как Россия от него отдаляется. Тем не менее, особенно рассчитывать на Россию я бы не стал, хотя конфигурация с заменой Аравии на Россию в качестве поставщика нефти выглядит впечатляюще.

Всегда твой
Наум

Матвей, привет!

Осмелюсь возразить. поскольку мне кажется, что есть чисто логические «неувязочки». Во-первых, уточню, что под «социальностью» искусства я имею в виду не его сферу действия («искусство социально в том смысле, что не может существовать иначе, как в конкретных социальных условиях»), а историю его развития, его генезис (именно в этом контексте это словосочетание и всплыло), ведь мы же в наших «антропологических разработках» пытаемся выяснить именно генезис ритуала, а, следовательно, и искусства. А человек и социум — как курица и яйцо: трудно сказать что «первично», но ясно, что это неразрывная связка в единстве и противоречиях. Ведь и индивидуация продукт социума. Даже прямое следствие! Индивидуация ведь и возникает как оппозиция социуму. То есть генезис ритуала надо искать в «тайнах социума». И в социуме «изобретаются» «структуры социума», которые должны обеспечить его выживание, эти структуры потом оформляются поэтами и философами как архетипы и первообразы. Что здесь вызывает твоё возражение?

Вчера в Шхеме во время операции (штурмовали по разведанным дом, в котором засели смертники и где была «лаборатория» по изготовлению взрывчатки), погиб комроты десантников (и еще комполка был тяжело ранен, тут офицеры идут вперед), который пару недель назад был ранен в Дженине... А вообще «антитеррористическая операция» потихоньку продолжается, то есть пытаются не дать гидре террора отстратить срубленные головы. Ты все правильно «понял»: пока мы одержали победу, и именно военная победа — лучший способ заткнуть глотку врагу, а враги сидят тут в парламенте и даже в правительстве, и в армии (сколько лет вопили: нет военного решения!). Дальнейшее во многом зависит от Америки (Ирак «заждался», теперь поговаривают о конце года и необходимости стянуть чуть ли не полумиллионную армию). Кажется американцы «сообразили», наконец (и наша военная операция «помогла» этому умственному движению), что с Арафатом каши не сварить, и теперь предстоит трудный процесс «отделения» Арафата лично от «дела палестинского народа». Американцы продемонстрировали политическую мощь, сварганив «тройственное соглашение» с Саудией и Израилем (Саудия должна поддержать — не петюкать — атаку на Ирак,

а мы — поумерить пока свой антитеррористический пыл). Этим соглашением Европу вывели из игры (приглашение на мирную конференцию вместе с Россией, где она будет играть даже меньшую роль, чем Россия, издевательство, кость старой псине), а будет ерепениться — поставят в угол. Я не зря тебе писал, что она боится Израиля, союз с Америкой (Шарон поехал «согласовывать позиции») и военная решимость делает Израиль, как это ни смешно, «державой», и отнюдь не «регионального уровня». А от опасений недалеко и до «комплексов». И поделом старой бляди, она, ты прав, омерзительна. Все-таки Шпенглер правильно подметил «тенденцию». А нацизм был ее, «старушки», истерикой климакса...

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Боюсь ошибиться, но мне кажется, что в своей «теоретической части» разговор принял характер, малоинтересный для нас обоих. Проще всего было бы поддаться соблазну спустить его на тормозах. Но поскольку ты продолжаешь вести «арьергардные бои», мне приходится возражать, тем более что для меня принятие (даже молчаливое) твоего подхода означало бы что-то вроде «поражения в правах» и «запрета на профессию»: какой же смысл быть пророком философии спасения (нет бога, кроме Сотера, и Рувин пророк его), если 'Бога сотериологов' нет, а есть только 'Бог социологов' (сомнительный прогресс по отношению к Паскалеву 'Богу философов')?

Во-первых, ставлю тебе на вид совершенно невысказанную (хотя и ок как знакомую по работам «советских эстетиков») логику, содержащуюся в твоей фразе: «А раз (архетипы) «человеческое изобретение», то, стало быть «социально», потому что нет человека вне социума (социальное животное)». Интересно, что ты собираешься делать дальше с понятием, которое так агрессивно узурпирует права всех других понятий? И почему нужно ограничиваться «изобретениями»? Возьмем, скажем, мышление — возможно ли оно, если человека не кормить? Нет — значит, мышление пищеварительно. Ну хорошо, хорошо, все в человеке пищеварительно (сиречь социально), а дальше-то что? Дальше идет «пищеварительная философия искусства», в которую и выродился марксизм, когда полез в неподвластную ему эстетическую сферу.

Читаем следующий пассаж: «трудно сказать, что «первично» (человек или социум), но ясно, что это неразрывная «связка». Ведь и индивидуация продукт социума! Даже прямое следствие! Индивидуация ведь и возникает как оппозиция социуму. То есть генезис ритуала надо искать в «тайнах социума». Что здесь вызывает твое возражение?».

Здесь, опять же, мое возражение вызывает все. Прежде всего, бессмысленно ставить вопрос: что первично, человек или социум — поскольку понятие человека входит в понятие социума, и наоборот. Содержательный вопрос следовало бы сформулировать иначе: что пер-

вично: сфера обеспечения, или сфера спасения? Но и в таком, более осмысленном виде вопрос, на мой взгляд, поставлен некорректно, поскольку «завязан» на интуиции базиса/надстройки, с которой давно пора «завязывать», поскольку она столько лет была «у власти», что никак невозможно снова поверить ее «предвыборным обещаниям» (это все равно, что сейчас в России голосовать за коммунистов). Речь должна идти не о «надстройке», а о «встройке»: 'Блок спасения' встроен в антропологическую структуру *Homo salvans*'а, и он соотносится с 'Блоком обеспечения' не на правах слуги, а «на основе равноправия», поскольку генетически «первороден» по отношению к «человеческой природе» в той же мере, в какой и 'Блок обеспечения'.

Теперь попробуем «позиционировать» категорию 'социальности'. Безразмерное расширение понятия невыгодно прежде всего для самого этого понятия, поскольку оно теряет всякую определенность, а значит — перестает работать. Категория 'социальности' всецело относится к 'Блоку обеспечения'; она предполагает какую-то (хотя бы минимальную) структурированность человеческого сообщества и устанавливает определенные правила во взаимоотношениях между его структурами. Для этого ей нужен как минимум вменяемый субъект (субъект социального бытия). Он должен быть вменяемым, поскольку регулирование перестает работать на уровне инстинкта, и правила устанавливаются самим сообществом, «на свой страх и риск» (хотя во многом и «бессознательно»). Вменяемого субъекта для социального бытия готовит культура, то есть 'Блок спасения'. Социум всячески заинтересован в сохранении автономности 'Блока спасения' (в незыблемости Рампы): в противном случае он не сможет выполнять свои специфические функции 'школы субъекта'. Но в это социум как целое заинтересован, а отдельные его представители (особенно наделенные властью) легко поддаются соблазну «простых решений»: отсюда и появляются «мобилизационные» проекты «укрепления связи школы с жизнью» («профорентация»), «ангажированности искусства» (адекватный ответ на вопрос: «С кем вы, мастера культуры?» — дал Лев Лунц: «С отшельником Серапионом»), «подчинение церкви государству» (вечная мечта правителя-идиота от Нерона до Петра Первого) и т.д. и т.п.

Но даже если принять эту аргументацию, остается нерешенным вопрос о взаимодействии между двумя Блоками, или, в рассматриваемом аспекте, между «социальностью» и «сотериологией». Проблема усугубляется тем, что чем дальше мы всматриваемся во «мглу первообразов», тем труднее отделить одно (социальность) от другого (сотериология). Кажется, что сакральное (относящееся ко 'Блоку спасения'), освящая власть, принимает непосредственное участие в «социальной жизни» (относящейся к 'Блоку обеспечения'). Так оно и есть: «разделение властей» гораздо заметнее на продвинутых этапах культурно-исторического развития, а «вначале» господствует «синкретизм». Что же из этого следует? У Маркса сформулировано где-то

очень полезное методологическое «правило руки» (наподобие «правила буравчика»): «Лучший ключ к строению руки обезьяны — это строение руки человека». Иными словами, явления надо стараться наблюдать в их развитой форме. Иначе говоря, «в сильной позиции». Театр, где Рампа выражена в наиболее отчетливом и доступном «феноменологическому созерцанию» виде, есть ключ к пониманию ритуала, а устройство современной власти (с «принципом разделения» на законодательную, исполнительную, судебную и т.д.) есть ключ к пониманию социального устройства архаического общества. Не имея таким образом скорректированных «ретроспективных линз», нечего и думать, что, вглядываясь «во тьму времен», усмотришь что-то толковое. Уж на что «синкретичен» архаический ритуал, где магические архетипы неотделимы от жреческих. И, тем не менее, имея продуманную модель 'стратегии Жреца' и 'стратегии Мага' (то есть обзаведясь соответствующими линзами), можно различить в «синкретическом» (и сколь угодно архаичном) ритуале магический аспект (центробежный вектор адаптации мира к субъекту — культивирование индивидуации) и жреческий аспект (центростремительный вектор адаптации субъекта к миру — снятие индивидуации). Сходные процедуры, проведенные с должной методологической строгостью, позволят отличить социальные функции от сотериологических в любой архаике самого густого синкретического замеса. Главное — помнить, что ни «бытие-к-смерти», ни «метафизический ужас» (основополагающие категории метафизики Хайдеггера), ни ответственная за их возникновение рефлексия не относятся к «структурам социальности». Это совершенно особая сфера бытия, со своей структурой, со своими стратегиями (сотериологическими), со своими «методиками» и «техническими средствами» (Рампа, с одной стороны, и магические процедуры, с другой). Если эта сфера и взаимодействует с социальной (а это безусловно происходит), то не по «вертикальной» модели базиса/надстройки (редукционистской в своей основе), а по «горизонтальной» модели «термометра»: как термометр фиксирует в «окружающей среде» не что попало, а только температуру воздуха, так и «сотериологический термометр» фиксирует в окружающей «социальной среде» только «градус индивидуации», и только с ним (с этим «градусом») имеет дело, перерабатывая его в своей автономной сфере 'Блока спасения'. А этот блок способен выполнять свою функцию «подготовки субъекта для социального бытия» лишь до тех пор, пока сохраняет свою автономность (пока прочна Рампа); подчинять его социальности невыгодно для самого социума. Если исполнится «мечта правителя-идиота», и социум подомнет под себя сотериологию, дело кончится тем, что он (социум) потеряет вменяемого субъекта и утратит жизнеспособность.

И еще два слова о «первообразах». Честно говоря, я уже жалею, что ввел это понятие наряду с архетипами. Но я никак не имел в виду «инструментального» использования этого термина. Более того, я считаю такое использование (по модели «архетипов по Юнгу») безусловно вред-

ным и только вводящим в заблуждение (вообще Юнг вредный и даже «вредительский» фантазер). Поэтому выстроенную тобой цепочку (в социуме «изобретаются» «структуры социума», которые должны обеспечить его выживание) я вижу совершенно иначе. В сфере социума «изобретаются» структуры социума, а в сфере сотериологии — структуры сотериологии, то есть архетипы спасения. «Первообразам» там нет места. «Первообраз», — если уж очень хочется сохранить это понятие, — есть не что иное, как «агент отождествления»; он по своей природе изменчив как Протей; он имеет не лицо, а маску с выражением не то ангела, не то чудовища. Я уже отмечал, что самая, на мой взгляд, сильная сторона книги Жирара — это образ неотличимости ангела от чудовища в экстатическом порыве «цепной реакции взаимного жертвенного отождествления с козлом отпущения». Это и есть «первообраз» в сотериологическом (а не в гетеанском) смысле. Любопытно, что я нашел очень сходную с Жираровой интуицию «сотериологического первообраза» в последней книге Делеза. Он сравнивает функцию «миметического соперничества» (поиск того, с кем бы мне отождествиться) с «отцовской функцией»: «образ — это образ отца, а субъект — это сын, даже если определения взаимозаменяются». Но в подлинно художественном образе «статуя отца уступает место его расплывчатому портрету, затем другому портрету — неважно, кого, или вообще никого. Скорее всего, можно было бы сказать, что между двумя фигурами устанавливается какая-то зона неотличимости, расплывчатости, как если бы они достигли точки, которая непосредственно предшествует процессу их взаимного отличения. Психоз следует своей мечте — обосновать функцию всеобщего братства, которая уже минует отца, строится на руинах отцовской функции и предполагает разложение любого образа. Ведь это исключительно Прометеев грех — выбирать. Ведь хороших отцов не бывает. Если человечество и может быть спасено, то лишь силой растворения».

Напоследок о «политической ситуации». «Евровидение» изменило тон настолько, что показало — во всех выпусках вчерашних новостей — сцену с фальшивыми палестинскими похоронами. При этом было добавлено, что палестинская сторона «пока воздерживается от комментариев». Относительно старой бляди Европы ты поразительно совпал в суждениях с моим братом, который написал мне, что Европа «всегда была такой; только при Гитлере у нее был кризис среднего возраста, а сейчас она впала в старческий маразм».

Всегда твой

Матвей

5.5.2002.

Матвей, привет!

Ладно, уползаю зализывать философские раны...

У нас что-то «варится». Шарон едет в Америку, Арафат едет в Каир, встречаться с Мубараком и Абдаллой. У нас тут «говорят», что пока обо-

их не будет, Арафат готовит какую-то «страшную провокацию» в Храме Рождества, соглашение по которому он тормозит и даже уволил «переговорщиков». Представитель Шарона якобы вел «тайные» переговоры в Техасе с представителями Саудии и «важными» палестинцами на предмет обойти Арафата. США вроде заносят меч над Ираком.

В общем, кануны...

А я задумал очередную провокацию: хочу соблазнить Зеркало вторым томом Переписки. Отобрал письма за этот год (январь-февраль-март), которые показались мне «поживее». В принципе я смотрю на это как на «литературу», то есть можно «дописывать», «усиливать» (чтобы только «конструкция» не рассыпалась) и т.д. Поэтому посылаю тебе отобранный текст, и если ты не против в принципе (мы это вроде уже обсудили), то, возможно, захочешь внести какие-то изменения, что-то убрать (скажем выпады против Путина, я не знаю как у вас теперь с этим делом...).

Я, например, после тяжелых колебаний убрал «живых» (Цветкова, например).

Основные «темы» вынесены в заглавие. К сожалению, четкого мостика от антропологии к войне перекинуть не удалось («пролеты моста теряются в тумане»), но... Если у тебя возникнут какие-то идеи по поводу всего этого мероприятия, то жду со страхом и нетерпением.

Всегда твой
Наум

7.5.

Перед фильмом гуляли вдоль магазинов, она остановилась и долго не отходила от витрины с куклами. Пошли на «Человека, которого там не было» братьев Коэн. Постмодернистская притча не без философских претензий. В стиле сна, или чего-то потустороннего. Жутковато-скупновато. Целовались. Губы у нее мягкие, любящие. Вдруг что-то щелкнуло в сердце. После чего оно «проснулось» и захотело мне что-то сказать. Но я не понимаю его языка. Когда в машину садились, взгляд упал на бесподобные ее ножки, а потом и рука побежала за взглядом, и вместо ресторана мы покатали в отель.

Около четырех еле вырвался, под предлогом того, что чувствую себя неважно, тем более что чувствовал себя неважно, сердце не умолкало.

— А у меня сегодня 35 лет свадьбы, муж наверняка встретит с цветами...

На обратном пути спросил ее про Мики. Полетел рассказ о том, как он ей надоел, но она все не решает его бросить, ей жалко его, это будет для него страшным ударом. И о том, что муж — единственный человек, рядом с которым она чувствует себя уверенно, единственный человек, который, если надо, отдаст за нее жизнь. «А ты, если вдруг нападут бандиты, ты ведь убежишь?» Я на всякий случай промолчал.

Ночью сердце опять пыталось заговорить со мной, и вся левая сторона груди как-то ныла, и под лопаткой, я даже подумал: поехать

в больницу? В конце концов жена дала успокоительное, и я уснул... Снилось мне непрерывная сладкая ебля, когда член гудит как натянутая стальная струна... Так он гудит у нее во рту.

Утром гулять не пошел, и только в девять вспомнил, что не позвонил ей.

— Что с тобой, где ты?! Я уже тебе сто раз звонила! Воображала себе Бог знает что, что ты в больнице!

Успокоил, мол, все в порядке. Так, что-то шкворчит, но все в порядке. И вдруг она заплакала: «Я тебя очень люблю...». И тут я испугался.

Наум, привет!

Принципиальных возражений против публикации у меня нет (как нет и принципиального стремления ее осуществить). Честно говоря, есть большие сомнения, что текст окажется удобоваримым для «подписчиков» — не потому, что они «недостойны», а в силу того, что базовый язык наших «размышлизмов» (по моей, конечно, «вине») очень специфичен; поэтому все будет понято превратно — так, что и «на голову не наденешь». Думаю, ты прав в том отношении, что мне читать текст сейчас нет смысла, но подготовленный (сокращенный) вариант я обязательно должен просмотреть. Относительно «композиции» (которую я с удовольствием оставляю «на твое усмотрение») у меня возникло такое соображение: как бы ни была «мила» сумбурная непосредственность (в какой-то мере ее надо, конечно, сохранить), необходим «стержень». Он может быть разным для разных «томов», но для нашего «смыслового поля» напрашиваются, как мне кажется, «танцы вокруг ресентимента». Тогда надо углубить тему «метафизического ресентимента» как логического предела; тогда к нему легче будут подверстываться «случайные клиенты» (Жиран, Мэри Дуглас). В этом случае возможна такая структура «военной кампании»: ты произвольно «натыкаешься на ресентимент» (в ходе разведрейда); я подключаю «тяжелую артиллерию» (Ницше, Шелер), а под конец победителем выходит Платон. Думаю, все «пласты» — от политики до сплетен — подключатся к ресентименту достаточно непринужденно. Разумеется, это лишь вариант; если ты придумаешь совсем другую структуру, будем «с ней работать».

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Сомнения твои насчет «удобоваримости» наших размышлизмов вполне обоснованы, в чем я убедился, перечитав и, соответственно, поработав немного над усушкой и утруской. Интересно было проследить за повторением некоторых ключевых тем, что вызывает к жизни (такой диалог с Дневником) новые аргументы... но, честно говоря, мой энтузиазм резко упал... И стержень, конечно, обязан быть, иначе все расплзается.

Идея с ресентиментом как стержнем очень удачная, и я попробую что-то выстроить в этом смысле. Проблема еще в том, что даже если и удастся наметить такой «сюжет», то он все равно не втиснется в рамки публикации, и придется ему «ломать конечности»... В общем, я вот сижу сейчас, пытаюсь что-то сварганить... Если что-то будет вытанцовываться, конечно же, дам знать.

А пока я нарвался на еще одно длиннющее рассуждение Барта о дневниках, оказавшееся буквально к месту.

Сначала он записывает (5.8.77), перечитывая «с волнением» «Войну и мир»: «Литература производит на меня гораздо более сильное впечатление истины, чем религия (так-так!). А потом переходит к длинному рассуждению о дневниках...

«Париж, 25 апреля 1979 года

Напрасный вечер.

Сколько ни перечитываю эти два фрагмента (последние записи в дневнике), ничего не говорит мне, что они годятся для публикации; но и ничего не говорит, что не годятся. Передо мной непосильная проблема, проблема «публикабельности»... Сомнение смещается, сдвигается от качества текста к его образу. Я задаюсь вопросом об этом тексте с точки зрения другого... другой, рассматриваемый в дуальном и как бы личном отношении, — это кто-то, кто будет меня читать. Не так ли и с любимым текстом? Нет. Текст анонимен или, во всяком случае, создается неким Псевдонимом автора. А дневник — нет: дневник представляет собой не текст, а «речь»...

Почему дневниковое письмо так подозрительно мне с точки зрения Образа? ...

Дневник не отвечает никакой миссии. Литературные произведения, для тех, кто их писал, всегда имели какую-то цель: социальную, теологическую, мифическую, эстетическую, моральную и т.д. «Архитектурно предумышленная книга» мыслится как воспроизводящая в себе строй мироздания, в ней, пожалуй, всегда предполагается некая философия монизма. А Дневник не может стать Книгой (Произведением): это всего лишь альбом... Альбом — это собрание листков, которые поддаются не только перетасовке, но и бесконечному сокращению...

Но нельзя ли рассматривать и практиковать Дневник именно как такую форму, чья сущность — выражать несущность мира, мир как несущественное? Тогда и сюжетом Дневника должен быть мир, а не я.

... В дневниковом письме — регулярно-ежедневном, словно некое физиологическое отправление, — есть, конечно, свое удовольствие, но не страсть. Это такая мания письма, утрачивающая свою обязательность между писанием заметок и их перечитыванием: «Не думаю, чтобы написанное до сих пор было особенно ценно или же решительно заслуживало быть выброшено» (Кафка).

... Отсюда и гнетущий эффект: когда я пишу, вроде приемлемо, когда перечитываю, никуда не годится.

По сути, все эти слабости указывают на некоторый изъян субъекта. Ему не хватает существования. В Дневнике задается не трагический вопрос: «Кто я?», а комический: «Есть ли я?» Особый вид комизма — вот каково содержание Дневника.

... Дневник может быть спасен только при условии, что я буду работать над ним до смерти...»

8.5. Позвонил утром. Поговорили о болезнях. «А я вчера поднималась в лифте и еще обнюхивала себя, все еще пахла тобой, открыла дверь: муж стоит с цветами. Ужасно, правда?! Так когда я тебя увижу?»

Надо завязывать. Пахнет порохом любви.

Наум, привет!

Посетила меня еще одна идея, достаточно безумная, чтобы претендовать на роль композиционной. А что, если в центр поставить не идею как таковую ('ресентимент'), а твою статью о ресентименте (незаконченную, ненапечатанную, может быть, отвергнутую). Может получиться нетривиальный жанр (это в наше-то время, когда все жанры уже «разобраны»!): «Закулиса одной неудавшейся статьи». А заодно и статью напечатаешь. И при этом за нее вроде бы не отвечаешь, как псих; а вместо справки — переписка.

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Во-первых, я рад твоей «творческой активности», благодарен за идею и попробую над ней поработать. Хотя «навскидку» мне кажется, что проблема любых «композиций» с «живым» материалом (а переписка относится именно к этому роду письма) в том, что это разрушает изначально заданный характер текста (со всеми его плюсами и минусами, которые отметил Барт), и тогда требуется не только поменять жанр, но фактически сочинить, именно сочинить новую вещь. Но «сочинение» получается своеобразным: оно превращается в коллаж из готовых кусков дневника или переписки. При этом эти «отдельные куски» соответственно теряют неприкасаемость, то есть появляется не только соблазн, но и необходимость их поменять, исправить, досочинить. С точки зрения трудоемкости легче сочинить некую вещь заново, чем запутаться с резкой и клейкой кусков, я уж не говорю о том, что в такой вещи (когда куски принадлежат разным людям) может возникнуть проблема «авторства». Я говорю, как ты понимаешь, не о «славе», тут мы с тобой, уверен, «сочтемся», более того, я с удовольствием предложил бы тебе развлечься на досуге такими «композициями», может быть у тебя получится интересней, в любом случае это полезный литературный опыт.

А у нас после месячного затишья опять «большой теракт», кажись, первый раунд и перерыв закончен, дали гонг на второй. Шарон прервал

визит и возвращается. Может, проведут зачистку Газы. По ТВ показывали, как министры Саддама сдают на ГТО. Есть намеки на то, что удар по Ираку близок.

В связи с убийством голландского «фашиста» Пима Фонтана я подумал о том, что этот парень нашел очень перспективный (эвристичный!) идеологический ход (и в этом смысле был идеальным идеологическим союзником): сочетание «прав человека» и борьбы с исламом, то есть подать борьбу с исламом как борьбу за права человека (женщин, сексменьшинств и т.д.), как борьбу с обскурантистской и агрессивной силой, своего рода современным фашизмом, это очень правильная тактика, она может расколоть левый лагерь, который мечется между идеологической приверженностью к «правам человека» и поддержкой «угнетенных народов Востока».

Всегда твой
Наум

Вернику срезали на ноге какую-то гадость.

— Врач мой посмотрел, говорит: знаешь что, иди-ка к хирургу, а хирург посмотрел, говорит: ложись. И отрезал. Я говорю: на что это похоже? Он говорит: похоже на рак. Но пошлем на гистологию.

Потом поговорили о литературе. Рассказ Винокура в «Зеркале» ему предельно не понравился. Гольдштейн тоже показался скучен. Особенно к концу.

Володя с Люсей открыли новый магазин, вместо «Полины». Люся за директора, а он на подхвате, названия пока нет. Пьет. Стал ему говорить про неконвенциональные методы.

— Да, я думал идти к гипнотизеру. Но все еще надеюсь, что сам выберусь. У нас тут этажом выше один алкоголик живет, так он пошел к гипнотизеру, а жена в соседней комнате сидела, а они дверь плохо закрыли, и она все слышала, как он ему отвращение к алкоголю внушает, ну, пациент пьет, как ни в чем не бывало, а жену при этом, как водку видит, так всю выворачивает, представляешь?! Ха-ха-ха!

9.5.

Случайно встретил на Каплан Изю Шамира.

— А вот и наш любимый враг, — радостно улыбаюсь.

В зеленой китайской распашонке, глазки бегают, голова вертится, улыбочка гаденькая, и все за усики себя дергает. Омерзительен.

Два месяца его не было. Выступит по телевизору. «Пора кончать с этим делом», — сказал он. Что он имел в виду, террор или государство Израиль, я не спросил.

10.5. С утра еще было прохладно, нависли тучи, тяжелые, дождевые. Вдруг подул резкий ветер, согнул пальмы, засвистел в «метелках» на верхушках, порезавшись о твердые и острые листья. Небо стало как дорога

в грязи, покрытая множеством следов от телег. Вдруг пошел редкий, но крупный дождь, пошел сильнее. И тут пахнуло душным, влажным теплом, и какими-то чужими, враждебными запахами, хамсин идет...

Матвей, привет!

Поздравляю тебя с праздником победы над фашизмом.

Посылаю полуприготовленный материал с условным названием РЕСЕНТИМЕНТ. В двух частях: письма 2001 и 2002 года. Весь материал потянет на книгу, так что я намерен предложить им вторую часть, но в принципе для оживления можно и понадергать что-нибудь из первой части. Даже одна вторая часть очень большая, и редакторы в любом случае потребуют сокращения. Но я думаю сначала показать Ире Врубель-Гробман (чуешь, какие раскаты...) начало и конец второй части, пусть пожует и скажет, интересно ли им это в принципе. Если да, то будем «уточнять понятия». В любом случае некая композиция во второй части существует и даже при сокращении сохранится. Так что можешь взглянуть. Заодно и понять мой «метод». Но если у тебя нет на это времени, то подожди «развития событий».

Всегда твой

Наум

11.5.

Вчера была презентация ивритского «Зеркала» в доме Гиоры Розена. Вальяжный мужик, чем-то похожий на актера Медведева. Публика была: топ-директы, из политиков Эли Гольдшмит (уже бывший) и аж сам министр культуры и спорта генерал армии Вильнаи.

Читали отрывки из произведений. Сценарий читки был четко разработан, никаких импровизаций. Переводы звучали лучше, чем оригинал. Затем авторы выступали с коротким «словом». Гольдштейн говорил по-английски, так же гладко, как и по-русски (такое впечатление, что он просто включил другую пленку), но выступление на иностранном языке после десяти лет в стране звучит странно.

У Гробмана вышла книга в НЛО. Гольдштейн жаловался, что чувствует себя на таких сборищах не в своей тарелке и «не знает куда деваться». Что-то новое «сочиняет». Говорит: увлекательно сочинять. Над вымыслом, бля, слезами обольюсь. С Димой Сегалем пили дешевое красненькое, которое он почему-то хвалил и «рекомендовал». Винокур был в белой рубашке с манжетами, на лысой башке лихое французское кепи. Похудел. Говорил уже о третьем инфаркте, куртуазничал. Риммке: «Что это с вами случилось? Вы прекрасно выглядите!» Были Найманы. Бараша не было, ребенок заболел.

Жена на обратном пути:

— Гольдштейн сказал мне, что не любит все эти сборища, что ему вообще люди не нужны. С людьми он готов общаться, только если речь идет о деньгах.

Ездили с женой в Музей на выставку портрета. Собрали симпатичную композицию от античной скульптуры до последних инсталляций. «Ближе» всего начало двадцатого: Пасхин, Хенкел, даже Пастернак-отец. Потом зашли к Гробманам, я дал Ире «Ресентимент». Обменялись впечатлениями от вчерашней презентации. Ира внимательно отслеживает, кто что сказал. Гробман (о нем была большая статья в «Маариве» и статья в «Хаарец») — в боевой стойке, еще не остыл после споров: «В очередной раз пришлось им втолковывать, что они настоящее русское искусство, авангард, пропустили, остановившись на символизме, особо продвинутые — на акмеизме. У них только Пушкин на уме». Узи Шавита обзывал мудаком: «Профессор! Он же ни хуя не понимает, ну ни-ху-я!»

Жена по дороге рассказывала, что некоторые «израильтяне» недовольно жужжали в кулуарах по поводу brutальных нападок Гробмана на их необразованность, что он, мол, «неправильно» себя ведет. Ты, говорю, за Гробмана не волнуйся, он хорошо знает как себя вести. Он на плевках в лицо интеллегушкам карьеру сделал.

От Верника:

Чудовищно маюсь с позвоночником. Ох, не надо было зверю вставать с четверенек, неправильно это было. Мне вполне занятно было прочесть диалог с Дезой, не то чтобы уж шибко нетривиальные мысли, однако же сказанное о сегодняшнем католицизме в отношении евреев показалось небезынтересным. Собираешься ли куда прочь из наших Палестин? Привет блондинке. Саша.

Отвечаю:

Наверное, поедем куда-нибудь, но определенных планов пока нет. У нас 23.7 старший женится, так разве что после... Да и откровенно говоря, неохота никуда двигаться. Европа опротивела, Америка неинтересна, Россия страшна...

Наум, привет!

Полез в Интернет, чтобы найти Т. Луговскую и наткнулся на каталог АГРАФ'а. Посмотри, может, найдешь для себя еще что-нибудь интересное. Если возникнут сомнения, готов дать всю необходимую информацию по любому пункту. Цены не проставлены, но все эти книги относительно недорогие. Желательно, чтобы ты откликнулся поскорее, пока я не поехал в издательство за Луговской (ориентировочно планирую на вторник).

Прочитал книгу Эдмунда Лича «Культура и коммуникация. Логика взаимосвязи символов. К использованию структурного анализа в социальной антропологии». (М.: Наука, 2001). Эта книга так меня увлекла, что я стал составлять конспект, которым, наряду с собственными соображениями, собираюсь с тобой поделиться. Но чуть позже. Пока скажу только, что затрагиваются проблемы «социальное/метафизическое»; «пространственно-временная структура ритуала» (говоря моим языком,

«сотериологический дуализм» и «Рампа»); «смысловая структура жертвоприношения» (в том числе мифологема «козла отпущения», которая трактуется несравненно более убедительно, чем у Жирара).

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

С предвкушением подожду реферата по Личу.

У нас неожиданно и очень странно (как-то позорно) отменили операцию в Газе...

Пусть живет Россия дружно — что еще еврею нужно...

Всегда твой
Наум

Позвонил Барашу, рассказал про вечер. Понял, что он с Ирой Гробман уже обменялся впечатлениями. Обсуждали Гольдштейна (завидуем, завидуем...), его английский, его стратегии «выхода на рынок», имидж «бедняка» (Розен представил его как человека, который снимал занюханный угол в Тель-Авиве, а теперь «в трудных условиях живет в Лоде»), особенно раздражавший своей мифологичностью: и в Тель-Авиве у него была хорошая квартира, а в Лоде даже шикарная, с крышей. Другое дело, что при слове «Лод» публика из Кфар Шмарьяу пугается: город арабов, эфиопов и русских, плюс «чахчахим»¹, одним словом — клоака. Бараш был доволен, как «идет» «Зеркало».

— Ну, ты дневник-то свой пишешь?

— Пишу — нехотя отвечаю.

— «Бараш испугался и не приехал», «Гробман хамил, как всегда»? Хе-хе.

— Да, что-то в этом роде.

— Они все умны — назидательным тоном, — и здорово понимают в стратегиях. Да я тоже вроде понимаю, но лень и как-то... обидно заниматься «политикой». Хотя «жизнь» — это «политика».

— Но мы же не в это играем, не в «жизнь»? Или как?

Матвей, привет!

Ты можешь позвонить Альперовичу (ты уже имел с ним дело), тел. ... и получить 600 (шестьсот) тугриков. Я свою часть «обмена» уже выполнил.

Преодолевая отвращение, читаю «Трех евреев». Мало того, что бездарно, так еще и омерзительно. «Мы, евреи, стыдимся самих себя...». Спрашивается: зачем читаю? А вот ради таких перлов: «Я не чувствую себя евреем. Я только по паспорту еврей, а так нет. Да я и не люблю евреев, мне даже обидно, что я еврей». Это Кушнер. Он единственный, кто одобрил «пышные усы», которые Соловьев отрастил, «объяснив шепо-

¹ Кликуха восточных евреев.

том: в усах я меньше похож на еврея. Я хотел их немедленно сбрить, но, поразмыслив, оставил». О Бродском: «Сейчас я вспоминаю патологическую Осину трусливость». А это просто прелесть что такое (профессиональный критик!): «Зачатие Бродского — трагическое зачатие древних иудеев, не уверенных в завтрашнем дне...».

И все-таки книга «заставляет себя читать», так с болезненным наслаждением чешут засохшие раны, или открывают постыдные тайны своих сородичей... И лихой апломб бездарности порой восхитителен.

Наум

P.S. Он не только Баратынского, он и Мандельштама пересказывает своими словами, близко к тексту: «В Петербурге жить, что лежать в гробу» (у Мандельштама: «В Петербурге жить — словно спать в гробу»). Даже форма этого «исправления» Мандельштама характерна...

13.5. От Бараша:

Я говорил с Ирой Гробман. Она посмотрела твой текст. Зеркало готово взять оттуда четверть или пятую часть, сделав выборку. С коей ты, естественно, будешь ознакомлен и все такое. Если ты готов на это — присылай мне текст.

С.

Отвечаю:

Я не понял: ты сам хочешь сделать выборку? Я так понимаю, что во избежание недоразумений лучше мы с Матвеем это сделаем.

Наум

От Бараша:

Ира Гробман просила меня это сделать.

Я был готов потратить время и силы — из приятельских соображений полагая, что ДЛЯ ТЕБЯ будет лучше, если это буду я — так же, как мне приходилось выступать ранее в роли посредника между вами. Но, по-видимому, тут какое-то недоразумение — участвовать в коем мне совершенно неинтересно. Во избежание недоразумений — я думаю, тебе лучше дальнейшие обсуждения по этому поводу вести с ней.

От Л: Ездили к младшему на graduation. Все, закончил университет. Получил две специальности — информационные системы управления и ближневосточные исследования. Через неделю уезжает в Европу.

Ма нишма каха?

От Зуса:

На вид еврей

Надо копнуть

Очень хороший стишок

Наум

Письмо Бараша удивило раздраженностью. Так ведь и посориться нетрудно. Какие они все бесстрашные! Решил перезвонить. Тон его с места в карьер был еще более раздраженный, если не сказать рассерженный. Он де хотел по-приятельски сделать мне одолжение, но, видимо, у нас разные представления о литературном приятельстве, и он больше не желает в это дело вмешиваться и обращается ко мне с убедительной просьбой не вести с ним никаких разговоров о «Зеркале» или — через него — переговоров с «Зеркалом». При этом он «подчеркивает, что во всем остальном, кроме “Зеркала”, по-прежнему считает меня своим приятелем» и т.д.

Тон его меня ошарашил. Какой-то наезд. «Я понимаю, ты, наверное, решил, что я хочу стать чем-то вроде твоего начальника, так вот, чтобы избежать всего этого...»

Стоп-стоп, тут он выдал себя, ибо в маленькие начальники, а точнее, в литературные надсмотрщики при Гробманах давно уже метит. Я старался держаться дружеского тона, однако не получалось, его тон был сух, раздражителен и почти официален. Но я старался, как будто хотел удержать любовницу, вдруг решившую меня бросить, естественно, что из «выяснения отношений» ничего путного не вышло, только еще большее раздражение.

— Ладно, мне еще надо поработать, у меня и так с утра нервы на пределе.

— Ладно, — говорю, — бери против нервного и — к станку.

На том и расстались. Было как-то не по себе. Вот, только что был приятель, и все, нет его. Но мне не в чем себя винить. Они (гробманы), видите ли, сейчас очень заняты, «Зеркало» хорошо идет, есть много интересных предложений, и он просто хотел Иру немножко разгрузить. Как ни глупо, но я разозлился. Да пошли вы все со своим «Зеркалом».

Позвонил Гольдштейну. Кипел и жаждал поделиться. Или искал поддержки? Вспомнил и наезд Бараша на Генделева, и начальственный тон на вечерах, где он неизменно берет на себя роль «ведущего». Гольдштейн согласился с тем, что Бараш «трудный», «причем для самого себя». Отвечал односложно. Осторожничает. И правильно делает. Умен, черт, аж завидно. Да и от людей хочется держаться подальше, как жена говорит. Людей не любит, искусства не любит, сидел бы дома и не вылезал... Понимаю, и у меня такое бывает. Только я называю это депрессией.

Оживился он только когда зашел разговор о моем «евангелии от Иуды»: «А вы не могли бы мне показать какие-то кусочки, которые уже написаны?» Я сказал, что не могу. Нечего мне показывать, стыдно. Раструбил о великом романе, а предъявить нечего...

Да, есть у Бараша это стремление быть «начальником». Это сильнее его, черта характера. Гольдштейну бы и в голову не взбрело «вы-

ступать посредником», не нужно быть «очень умным», чтобы понимать, что это скользкая должность, особенно, когда автор тебя об этом не просит.

Даже после разговора с Гольдштейном я не сразу успокоился. При чем почувствовал, что Бараш теперь не только уже не приятель, но и враг. Такова «политическая диалектика». Видно, я недооценил эффект, произведенный «Хрониками», и на него, и на Гробманов. Затаили неприязнь и будут мстить.

Наум, привет!

Деньги от Альперовича получу, возможно, завтра.

Я купил тебе заказанные книги, включая Лидию Гинзбург; «Греки о евреях. От Диогена Лаэртского до Симпликия»; Т. Луговскую и Конрада Лоренца. Псылку отправлю, скорее всего, в четверг. Когда получу деньги, сразу сообщу.

Всегда твой
Матвей

16.5.

Дорогой Наум, уезжаю я 7-го июня на три недели. Впрочем, я тебе рассказывал о чуде ожидаемой мною Флоренции.

Ответ от врача должен быть дней через 9–10. Стрёмно, конечно.

Что стряслось у тебя с Сашей? Помнится, ты говорил о ровных, почти коротких отношениях. Жаль, если сломается. Помимо того, что ломать — не строить, Бараш замечательный (был, по крайней мере) и внимательный, тонкий и умный собеседник, и может быть хорошим товарищем.

Захочется — позвони.
Твой Верник.

Вернику:

Ты прав: внимательный, тонкий и умный, и товарищем может быть. И жаль, да, видно, сломалось. Скорее всего, по недоразумению, но... Ты ведь знаешь, что он любит «начальствовать» (на вечерах всегда ведущий, причем ведет «твердой рукой»). А тут взялся вдруг посредничать между мной и Гробманами, я сказал, что сам с ними разберусь (по смыслу, не по тону этой фразы), и он неожиданно для меня обиделся, мол, хотел как «тебе лучше», а ты не понял, ну и как знаешь.

Ерунда вроде, но тон был такой раздраженный, что вернуться к прежнему «интиму» уже вряд ли удастся (во всяком случае, не сразу), я ведь тоже «злой». Да и грешен, имену подозрение, что «толстый» хотел под себя подмять. Как-то так, невзначай... А с другой стороны, какая-то странная обидчивость. Вернее резкость.

Вот и весь «сипур»¹.
Твой Ньюма

¹ Рассказ (ивр.).

Наум, привет!

Привожу конспект книги Лича. Это именно конспект, моих слов тут нет, кроме некоторых заголовков в квадратных скобках. Естественно, я многое выпустил и перекомпоновал, но не изменил ни единого слова. Если текст тебя заинтересует, может быть, выскажешься? Тогда и я как-нибудь отзовусь.

Сперва два слова «для ориентировки». Сэр Эдмунд Лич (1910–1989) — признанный мэтр британской этнографии. Принадлежит «великой традиции» британской «социальной антропологии» (Робертсон-Смит, Эванс-Причард, Рэдклифф-Браун, Б. Малиновский). Если взглянуть шире, у истоков этой традиции стоял Дюркгейм (и его племянник Мосс). Лич исключительно высоко ценит Мэри Дуглас (книга начинается с цитаты из ее работы; далее Лич на каждом шагу цитирует ее афоризм: «Грязь — это вещество не на своем месте») и весьма низко — Фрейда и школу психоанализа («Мой общий вывод состоит в том, что догадки психоаналитиков, возможно, довольно часто правильны, но та «теория», которой они стремятся обосновать свои догадки, настолько незрела в интеллектуальном отношении и настолько лишена тонкости, что практически не представляет ценности»). Особенность Лича в гораздо большем доверии к рационалистическим схемам, чем это свойственно британцам с их пресловутым «эмпиризмом». В связи с этим он проявлял большой интерес к структурализму и даже написал целую книгу о Леви-Строссе. Данная книга представляет собой вводный, «установочный» цикл лекций для студентов — начинающих антропологов. Отсюда ее особенности, как «положительные» (ясность, афористичность), так и «отрицательные» (ясность лектора обычно оказывается более темной, чем темнота автора монографии; поэтому я не доверяю словарным статьям и «кратким резюме»; часто сокровенную мысль автора легче понять в сноске или оговорке).

/Тотемизм (классический австралийский)/

(1) «мы все члены одной социальной группы, потому что происходим от общего предка» — это исходная идея «в сознании»;

(2) точно так же «они все члены одной социальной группы, потому что происходят от общего предка» — это исходная идея «в сознании»;

(3) «эти белые птицы — ястребиные орлы; те черные птицы — вороны» суть классификационные утверждения, принадлежащие контексту Природы вне человека;

(4) «Мы» отличаемся от «них», как «ястребиные орлы» отличаются от «ворон» — это простая метафора;

(5) «Мы — ястребиные орлы, потому что нашим первопредком был ястребиный орел; они — вороны, потому что их первопредком была ворона» — это «логическое» следствие сжатия пунктов (1), (2), (3) и (4).

Из этого следует, что идеология тотемизма — это, прежде всего, система социальной классификации. Социальные группы — каковы они есть в человеческом обществе — распознаются при помощи такой ана-

логии: «различие между человеческими группами подобно различию между видами животных». Но подобное понимание проблемы, детально разработанное Леви-Строссом, упускает из виду наличие здесь религиозной установки. А она требует дополнительного ряда «сгущений».

(6) «мы и они живем обычной жизнью, ограниченной во времени; события происходят одно за другим; всем живым существам суждено умереть» — это утверждение выражает естественный жизненный опыт;

(7) «если бы нам не суждено было умереть, события не шли бы одно за другим; происходящее находилось бы вне времени, как бывает во сне» — это логический вывод из пункта (6), подразумевающий следующие оппозиции:

Обычное время	Начало → Конец	Жизнь → Смерть
Время сновидений	Начало = Конец	Жизнь = Смерть
Предки более не существуют		Мы — смертны (люди)
Предки все еще существуют		Предки бессмертны (боги)

(8) «проявляя ритуальное отношение к видам 'ястребиный орел' и 'ворона', 'мы' и 'они' выказываем почтение нашим предкам — богам, живущим сейчас во Времени сновидений» — это «сгущение» пунктов (5), (6) и (7).

/Рампа/

Когда мы используем символы, чтобы отделить один класс от другого, мы создаем искусственные границы на том пространстве, которое в своем «естественном» виде неразрывно. Это понятие границы нуждается в осмыслении. Двойственность, подразумеваемая границами как таковыми, становится источником беспокойства; принцип этот затрагивает как время, так и пространство. Границы существуют во многих человеческих выдумках, посредством которых мы отделяем сферу одомашненного от сферы дикого, сакральные места — от мирских жилищ и т.д. Тот же принцип приложим к развитию отдельной личности. Переходы индивида из одного социального статуса в другой — это череда прерывных скачков от ребенка к взрослому, от холостого к женатому, от живого к мертвому. Пребывание в каждом из статусов составляет период социального времени, но сам обряд, знаменующий переход к новому статусу, — это интервал социального безвременья. Это общее рассуждение о пространственных и временных границах подразумевает ряд равнозначных фундаментальных метафор, а именно:

обычное/необычное время; временная граница/безвременье; четкие категории/двусмысленные категории; в центре/на краях; мирской/священный.

Граница разделяет две зоны пространства-времени, зоны обычные, имеющие временные измерения, четкие, центральные, мирские, и необычные, вневременные, двусмысленные, священные. Но почему «священное» должно быть «необычным, вневременным, двусмысленным, окраинным»? Представим себе две пересекающиеся окружности. Взаимно накладывающиеся сегменты являются областью сгущения, «по-

границей зоной», «священной областью», подлежащей табу. Пересечение границ и порогов всегда сопряжено с обрядами. Во всех человеческих обществах в подавляющем большинстве случаев ритуалы — это «обряды перехода», отмечающие пересечение границы. Мэри Дуглас четко резюмировала свою аргументацию в афоризме «Грязь — это вещество не на своем месте». Чем определеннее мы обозначаем наши границы, тем ощутимее для нас грязь. Границы становятся грязными по определению, и мы тратим немалые усилия на то, чтобы содержать их в чистоте, чтобы иметь возможность утверждаться в собственной категориальной системе. Общества всех видов придают огромное обрядовое значение дверным порогам и воротам. Для нашей моральной безопасности главное, чтобы пересечение порога не привело к путанице и смешению. Должен существовать разрыв непрерывности, отчетливый и злобещий. Акт насилия, нанесение физических повреждений отмечают точку разрыва, порог, место входа. Поэтому логичным становится заявлять, что все, что будет таким образом удалено из тела, есть «вещество не на своем месте», что это грязь. Выделения человеческого тела представляют собой особую трудность. «Составляют ли мои экскременты, моя сперма, мой пот часть меня?» Отверстия человеческого тела суть ворота, а все выделения — «вещество не на своем месте». Поэтому логически они должны стать средоточием табу.

Но в таких формулировках заключен парадокс. Индивиды не живут в обществе изолированно, с четко очерченными личными границами. Такое «я» будет свободно от доминирования со стороны других, но будет полностью бессильным. Выводом становится оппозиция чистый/грязный = бессилие/сила и, следовательно, сила помещается в грязи. Этот парадокс лежит в основе широкого спектра разнообразных религиозных обрядов, имеющих тенденцию к тому, чтобы святость приписывать и аскетическому, и экстатическому поведению. Обычная логика сменяется мифо-логикой. Мы не говорим «Я верю, что $3 \times 3 = 9$ ». Использование формулы «Я верю в...» приравнивается к предупреждению; это все равно что сказать: «К тому, что последует, правила обычной логики неприменимы». Мифо-логические постулаты противоречат логическим правилам обычного физического опыта, но они могут создавать смысл до той поры, пока говорящий и его слушатель разделяют одни и те же представления об атрибутах метафизического времени и пространства, равно как и о метафизических объектах. Атрибуты эти обладают неким универсальным единообразием в рамках человеческого общества. В чем же суть этих универсалий?

/Сотериологическая перверсия/

Суть вопроса — в осознании нами того, что человек смертен. Центральная доктрина любой религии — отрицание того, что смерть подразумевает автоматическое уничтожение индивидуального «я». Но если моему «я» суждено жить после смерти в качестве какого-то «иноного существа», то это «иноное существо» должно помещаться в «ином

мире» и в каком-то «ином времени». Самое характерное у такой «инаковости» то, что она достигается перевертыванием обычного жизненного опыта.

Представления о божестве проистекают из подобного перевертывания. Как человеческие существа мы осознаем свое бессилие; мы способны изменять условия нашего материального существования лишь в очень незначительной степени. Однако любое представление о бессилии подразумевает понятие о всесии, которое опять же «иное». Божество, т.е. все-сильное «иное существо», живущее в «ином мире» и «ином времени», имеет вследствие этого очень сходные черты с «иным я», возникающим после смерти, а в эсхатологических представлениях два вида «иных миров» часто сливаются — поэтому умершие предки становятся богами.

Но тут возникает мифо-логическая загадка. Если божество находится в другом мире, то как человеческое существо может получить доступ к этой силе?

Практика религиозной жизни в том и состоит, чтобы установить между мирами связующий мост, по которому могучая сила божества может быть направлена на помощь бессильным людям. Позвольте теперь напомнить вам, что говорилось выше относительно качества священного табу, присущего всем границам и проистекающего из их двойственности, и что говорилось о тесно связанном с этим принципе «сила помещается в грязи».

Упомянутый связующий мост в материальном смысле представлен «святыми местами», которые одновременно и находятся в этом мире, и не находятся в нем. Контроль за связующим мостом осуществляют «святые люди», наделенные способностью устанавливать связь с силами иного мира. Посредник — будь то реальное человеческое существо (например, шаман) или мифологический богочеловек — принимает, таким образом, «пограничные» черты: он и смертный, и бессмертный, и человек, и животное, и культурный, и дикий. Такой вид элизии противоположностей представляет собой бессмыслицу с точки зрения нормальной логики, но полностью согласуется с мифо-логикой. Так, с точки зрения мифологии Мария-безгрешная Дева и Мария-грешница — это «одно и то же лицо».

Обряды перехода

В самом широком смысле все обряды перехода обнаруживают определенное сходство, состоящее в наличии трехфазной структуры. Посвящаемого, прежде всего, необходимо отделить от его первоначального статуса. Результатом первой фазы становится изъятие посвящаемого из нормального существования: он превращается на какое-то время в аномального человека, пребывающего в аномальном времени.

Вслед за «обрядом отделения» наступает период социального безвременья. Примерами такого «маргинального состояния» могут служить медовый месяц новобрачной и траур вдовы. Общий признак этого этапа — удерживание объекта посвящения на удалении от обычных

людей. Он представляется «зараженным священным началом», а потому опасным и «грязным». В соответствии с таким представлением обряды, вновь возвращающие иницируемого к обычной жизни, почти всегда включают в себя действия вроде ритуального мытья, призванные устранить эту «зараженность».

Поскольку каждый раз разрыв постепенности социального времени представляет собой конец одного периода и начало другого и поскольку рождение/смерть представляют собой самоочевидный образ начала/конца, символика смерти и возрождения подходит ко всем обрядам перехода. Обряды обрезания, бритья головы, выбивания зубов и других телесных повреждений, которые так часто знаменуют вступление посвящаемого в общество взрослых, служат метафорами не только очищения, но и смерти.

/Логика жертвоприношения/

Главная загадка, связанная с жертвоприношением, сосредоточена вокруг метафоры смерти. Какое отношение имеет убийство животного к общению с Божеством или изменению статуса индивида?

Напомню, что понятие Иного Мира возникает при перевертывании характерных черт обыденного опыта. Этот Мир населен смертными бесильными людьми, которые проживают свои жизни в нормальном времени, где события протекают последовательно. Иной Мир населяют бессмертные всемогущие боги, которые существуют вечно в аномальном времени, где прошлое, настоящее и будущее существуют «одновременно». Цель религиозного действия — создание моста, или канала сообщения, посредством которого сила богов может сделаться доступной для людей.

Этот Мир и Иной Мир понимаются здесь как топографически отдельные пространства, разделенные пограничной зоной, которая обладает качествами обоих пространств. Именно пограничная зона (например, церкви, кладбища, святыни) является фокусом обрядовой деятельности. Человеческие существа, выполняющие обрядовые действия, тоже аномальны. Это могут быть священнослужители, от которых требуется соблюдение особых условий «ритуальной чистоты».

Социальное время становится прерывистым за счет внедрения интервалов пограничного, священного не-времени в непрерывный поток мирского времени. В соответствии с этим цель обрядовой деятельности заключается в том, чтобы в начале церемонии осуществить переход от нормального к аномальному времени, а в конце ее — обратно, от аномального к нормальному времени.

Один подход — часто находящий подтверждение в языке, которым люди описывают совершаемое жертвоприношение, — состоит в том, что принесение жертвы есть дар, или дань, или штраф, выплачиваемый богам. Церемония жертвоприношения — это выражение принципа взаимообмена. При этом происходят следующие метафорические ассоциации. Души умерших людей проходят путь от нормальности Этого Мира к аномальности пограничной зоны и затем, через последующую транс-

формацию, становятся бессмертными предками-божествами в Ином Мире. Если мы хотим принести дар существу Иного Мира, то «душа» (так сказать, метафизическая сущность) дара должна быть отправлена тем же путем, каким проходит душа умершего человека. Поэтому мы должны сначала убить дар, чтобы его метафизическая сущность отделилась от его материального тела, а потом переправить эту сущность в Иной Мир с помощью обрядов, аналогичных обрядам погребения.

Но метафора принесения дара легко может оказаться обманчивой. Боги не нуждаются в подарках; они требуют знаков покорности. На метафизическом уровне речь идет не об экономике взаимобмена. А жертвоприношение и в самом деле символ принесения дара, но дара, выражающего отношения взаимности, а не материального обмена. Животное или приносимый в жертву объект представляет собой для жертвователя метонимический знак. При этом, если душа объекта очистилась, то среда, от которой она отделилась (иначе говоря, сам труп и близкие родственники покойного), оказалась оскверненной.

Через определенный промежуток времени дух благодаря последующим обрядам приобщается к сонму предков, а считавшиеся нечистыми участники погребения, с которых удаляется скверна, возвращаются в нормальное общество. Обрядовые действия разделяют посвящаемого на две части: одну — чистую, другую — нечистую. Нечистая часть может быть затем оставлена позади, а чистая может быть приобщена к новому статусу посвящаемого. В случае с жертвоприношением жертва играет роль посвящаемого, но так как поначалу она отождествлялась с жертвователем, этот последний — в силу психологического замещения — точно так же очищается и получает новый обрядовый статус. С этой точки зрения жертвоприношение есть магический акт, переводящий все действия, направленные на коммуникацию с Миром Иным, в следующую стадию. Священная аура, окружающая акт убийства, связана с тем, что жертвоприношения являются пограничными зонами социального времени.

Библейская история посвящения Аарона в сан верховного жреца дает детальное описание жертвоприношения такого типа. Библия определенно связывает жертвоприношение с обрядом перехода, при этом особый упор делается на использование жертвоприношения в качестве средства достичь ритуального очищения (через отделение от нечистоты). Поэтому мое предложение таково: вы рассматриваете эти тексты (библейские), «как если бы» они представляли собой полевые записи современного этнографа. Там, где речь идет о процедуре жертвоприношения, отсылаю вас главным образом к главам 1–10 и 16 кн. Левит. А также гл. 29 кн. Исход. Помогут также различные детали из глав 28 и 30 (Исход).

/Рампа/

Скрупулезное, детальное описание в Исходе (главы 25–27) того, как соорудили ковчег и скиния, есть модель планировки места для проведения жертвоприношения. Это требует тщательного анализа. Прежде

всего, следует помнить, что всякий религиозный ритуал происходит на замкнутой площадке, границы и сегменты которой искусственны. На структурном уровне компоненты таких площадок в высшей степени стандартны. Имеется три важнейших элемента:

Зона 1. Собственно святилище. В контексте ритуала к нему относятся так, как если бы оно действительно было частью Иного Мира.

Зона 2. Место собрания верующих. Это пространство должно быть приближено к собственно святилищу, но в то же время отделено от него. В ходе ритуала рядовые члены конгрегации не должны входить в собственно святилище, которое предназначено для служителей культа.

Зона 3. Область срединного пространства, в котором и происходит большая часть ритуальных действий и которое также предназначено для священнослужителей.

Точное расположение всей территории святилища по отношению к мирскому стану (лагерю) в Библии не указано, но, видимо, подразумевается, что скиния стоит в центре стана. Он рассматривается как область нормативной Культуры (т.е. одомашненной, прирученной), противостоящая области «за пределами стана» (т.е. пустынной зоне дикой Природы).

Территория святилища в целом отгорожена от стана прямоугольной конструкцией из занавесей (Исх. 27:9–17). В центре этого «двора» находится более основательное сооружение, «палатка», перед входом в которую находится жертвенник, искусно сделанный очаг, в котором постоянно горит огонь. Сама палаточная конструкция делится на две части завесой: к северу от нее — Святая Святых (Ковчег Завета и Трон Господень), к югу от завесы — священное пространство, где находятся стол и святильник. В дополнение к этим разным зонам внутри стана где-то за пределами лагеря, в пустыне, существует неопределенно названное «чистое место», куда священник выносит золу от огня жертвенника и другие субстанции, «зараженные святостью», или «грязные» настолько, что оставлять их внутри стана слишком опасно.

С точки зрения метафизической топографии стан представляет собой Этот Мир, а Святая Святых — Иной Мир. Промежуточная зона, которая является средоточием ритуальных действий, существует в виде двух частей: двора (Зона А), которая имеет относительно мирской характер, и южной стороны двора (Зона Б), которая носит относительно священный характер и отягощена табу. Жертвенник стоит между этими двумя частями промежуточной зоны; он, таким образом, является порогом, в топографической форме знаменующим переход от нормального к аномальному, от Этого Мира к Иному. Огонь жертвенника — это ворота в Иной Мир, канал, через который жертвенные дары могут быть переданы Богу, но также и канал, по которому власть Бога может быть непосредственно явлена человеку.

Теперь о структуре ритуала. Прежде, чем животное убивают, жертвователю всякий раз устанавливает метонимическую связь между собой

и жертвой, прикасаясь к голове жертвенного животного. Тут ясно подразумевается, что жертвенное животное в некотором метафизическом смысле является искупительной заменой самого жертвователя. В главе 4 говорится об искупительной жертве и о роли жертвоприношения в ритуальном очищении. «Остаток» жертвенного животного, который в главе 1 сжигался на жертвеннике, а в главе 3 оставался жертвователю, здесь трактуется как в высшей степени «зараженный» и выносятся на «чистое место вне стана», где его сжигают в золе от жертвенника.

/Козел отпущения/

Теперь я хочу, чтобы вы пропустили несколько глав и обратили пристальное внимание на главу 16 кн. Левит, где описана процедура принесения в жертву козла отпущения. Мне хотелось бы, чтобы вы поняли, что эта, кажущаяся аномальной, форма жертвоприношения является всего лишь трансформацией предыдущих форм. Основная мысль здесь та, что, раз в Святая Святых на Троне Господнем может присутствовать сам Бог, то даже Аарону позволено входить в северную часть скинии только после выполнения специально разработанных обрядов очищения. Характерно, что двух козлов вначале разделяют с помощью жребия, т.е. посредством божественного вмешательства, а затем обходятся с каждым по-разному. Общая процедура в отношении всех животных — за исключением козла, избранного в качестве козла отпущения, — та же, что и прежде. Что же касается козла отпущения, то он является объектом особого ритуала. Посредством магического заклинания грехи общества совокупно переносятся на этого козла. Затем козла отводят в необитаемое место и оставляют там живым. С другим же козлом поступают как с обычной искупительной жертвой. Если взять в целом последовательность событий, связанных с козлом отпущения, то она оказывается точным перевертыванием последовательности событий, связанных с Аароном. Аарон, шаг за шагом отделяя себя от мирской скверны общества и от собственных несовершенств, в конечном счете, оказывается чистым и святым посреди стана. Козла же отпущения, поэтапно отделяемого от других козлов и жертвенных животных, нагружают той скверной, от которой освобождаются общество и Аарон, а затем козел, нечистый и нечестивый (но, тем не менее, «священный») оказывается далеко в пустыне. Главный принцип здесь в том, что отделение духовной сущности от материального тела в момент смерти является образчиком того, как происходит изменение статуса у людей. Во всех видах обрядов перехода постоянное использование жертвоприношений животных в качестве вех, отмечающих отдельные стадии, эксплуатируют приведенную выше модель. И наоборот, в случае с козлом отпущения нам нужен символ для обозначения существа, которое удаляется с ритуальной сцены, но при этом не отделяется от своей нечистоты. Поэтому естественно, что козла отпущения не убивают.

Кое-кто из вас может спросить, в какой степени эти общие положения можно применить к христианским обрядам. Христианская литургия

в целом представляет собой трансформацию еврейской пасхи, а распятый Христос «является» жертвенным пасхальным ягненком, «агнцем Божиим». Хлеб и вино поэтому ассоциируются с пищей от жертвоприношения не только метафорически, но и метонимически. Эти вопросы крайне сложны, но при всем при том должен сказать, что метафора, в соответствии с которой Аарон сам должен испытать страдания жертвы, прежде чем сможет стать полноценным постоянным посредником между Богом на Троне и греховным обществом, — эта метафора структурно действительно очень близка к христианской идее о том, что Иисус должен умереть, прежде чем станет полноценным посредником между Богом и страждущим человечеством. Теологическая литература на эту тему обширна, но наивна с антропологической точки зрения. Современный уровень антропологического анализа в такого рода книгах очень редок.

18.5.

Матвей, привет!

Спасибо за конспект. Проясняет общую «антропологическую» картину ритуалов, религиозных обрядов и пр. Можно добавить еще несколько элементов к этой картине. Например, «сакральное» отношение к порогу дома у евреев. И сейчас мезузу (маленькую коробочку с фрагментом из Торы) прибывают на порогах всех домов в Израиле, и почти все, даже молодые и вовсе не религиозные, пересекая порог своего или чужого дома, непременно ее целуют хотя бы воздушным поцелуем: касаются пальцами сначала губ, а потом мезузы. И стала понятной загадка, до сих пор вызывающая споры иудейских комментаторов: перед «открытием» Скинии Завета Господь внезапно, у входа в скинию, убил двух сыновей Аарона-первосвященника. И тот даже глазом не моргнул. Гадает: за что? По Личу, жертвователю должен почувствовать себя жертвой («сам испытать страдания жертвы»), т.е. это был как бы первый акт жертвоприношения, и последнее человеческое жертвоприношение в иудейском обряде, такое вот жестокое освящение Скинии...

Но что интересно: Лич пишет о жертвоприношении как о магическом акте (по соединению двух миров), но жертвоприношение — классика жреческого ритуала (по Рувину). Получается, что Жрец не может обойтись без магии...

И осталось неясным: почему именно перверсия, «перевертывание обычного жизненного опыта», есть единственная форма образования мифо-логики? И почему для человека именно смерть стала таким формообразующим стержнем культуры? «По Рувину» это индивидуация. Именно она порождает «страх смерти», а не наоборот!

И, наконец, Рампа: является ли Рампой сама граница между «мирами», или это та самая «пограничная зона», оборудованная для обрядов перехода? Мне до сих пор казалось (так я себе «нарисовал»), что Рампа — это именно граница между двумя мирами (линия). Но по Личу это некая площадка (пространство), где Первосвященник творит жертвоприношение, между толпой и Престолом.

Что касается «публикации», то я разделил ее на «главки»: Розанов, Гершензон, Булгаков, Фейербах и т.д. Мне даже кажется, что это можно было бы и предложить московским журналам, тому же «Новому миру». Правда, стоит убрать всякие «личные характеристики» наших общих знакомых, я уже взял на себя смелость проделать такую работу, внес кое-какие небольшие «переделки» в свои письма, чтобы в некоторых случаях «дотянуть» их до твоего уровня и тем самым сделать текст интересней, придать ему интригу столкновения, а не «обучения». К сожалению, это не просто, и в отрывке о Розанове, который я тебе послал, ты, конечно, «первая скрипка»; меня не смущает роль «второй скрипки», но чтобы сделать «музыку», нужно все же быть «скрипкой», а не барабанщиком, которому подсунили скрипичные ноты... Мне важно знать твое предварительное мнение, так как придется, так мне кажется, делать неоднократные «обработки». Жду твоих замечаний и на этот счет.

Кстати, на этой почве (нашей публикации) я уже повздорил с Барашем (такова спортивная жизнь). Привожу краткую «сценку».

Спасибо за книги.

Всегда твой

Наум

Дорогой Наум, привет! Пожалуй, мне и сказать-то нечего. Когда мы дружили, много лет, на самом деле, я Сашу начальствующим не знал. Мне — прости мелодраматику в тоне и лексике — потерять его товарищем было больно, впрочем, до сих пор, но глуше. Только след заметить, что с каждой пропажей-потерей следующая проходит не то чтобы проще, но менее что ли трагично, т.е. становишься закалённее, иногда кажется, правда, что не закалённее, но выхолощенное. Мне грустно, что у тебя так стряслось, если было дорого.

Обнимаю. Саша Верник.

Позвонил Гольдштейну. Прошлись по «галерее»: Цветков, Пепперштейн, Сорокин, Гандлевский... Статья Цветкова о Набокове и Якобсоне ужасна. Безадресная ярость. «Не хочу называть имена», тогда для чего ж ты пишешь, когда все дело в именах? И все-таки мало написано: томик стихов и недописанный роман... Роман Гандлевского очень плох. Образы неубедительные, стереотипные. И тоже мало написал. Хотя лучше мало, чем страницы заполнять. Сорокин — виртуоз. «В письме Пепперштейна есть какая-то детская наивность, он, например, выписывает буквы, заполняя целую тетрадь без помарок, и считает это окончательным текстом, боюсь сказать: но это просто непрофессионально». В Москве пьют, чтобы сблизиться, это его в последний раз поразило, как люди (литераторы!) быстро переходят на интимный уровень. Нет, в Баку этого не было. Да, Баку был дырой. Здесь этого тоже нет. И там все всего боятся, хуже, чем при советской власти. Только теперь боятся начальника. Рассказал ему, что читаю «Три еврея» Соловьева, что три издания уже книжка выдержала. «Да?! Вот что надо писать!» — воскликнул он в сердцах. Намечается возобновление мистерий на крыше у Оли.

19.5.

Наум, привет!

Я рад, что текст Лича тебя заинтересовал. Попробую ответить «по твоим пунктам»; но для этого нужно время.

К сожалению, у меня «нет мнения» о публикации. Прежде всего потому, что многое остается для меня неясным. Сначала ты говоришь о некоей «вольной композиции». Я было раскатал губу и даже проявил кое-какую «композиционную инициативу». Вскоре после этого ты вдруг извещаешь меня, что «дан приказ» вместо ‘философии’ переориентироваться на ‘литературу’. Получив новую «ориентировку», я потерял к затее 9/10 интереса. Во-первых, мне кажется интересным для всякого то, что является интересным для меня (вполне естественное заблуждение) — то есть ‘ресентимент’, ‘индивидуация’ и все такое прочее. Ведь проблема не в том, ‘о литературе’ мы говорим или не ‘о литературе’ (боюсь, что по большому счету мы обречены на то, чтобы говорить о литературе и только о ней; констатирую это со вздохом). Проблема в том, как мы говорим о литературе. Если журналу неинтересен обновленный, проблемный, «перевооруженный» (при помощи философии, антропологии, сотериологии и т.п.) подход к литературе, то мне неинтересен журнал. Как ты понимаешь, для меня публикация в израильском журнале — нечто абстрактное; будет — хорошо, не будет — еще лучше; мне важнее «мысль разрешить» (прости за выражение). Во-вторых, мне неясно, отчего произошла переориентировка. Было ли это прямое требование «властей» (издателей)? Если да, то важно, в каких конкретно словах оно было выражено. Или «мы» решили сами забежать вперед бабки (мамки), чтобы ему (ей) лучше угодить? Может быть, неуступчивость (хотя бы и мягкая) была бы в данном случае более выигрышной тактикой? В конце концов, если они заинтересованы в материале, значит, можно «потрговаться». А на нет и суда нет.

Конечно, всякая посредническая миссия чревата, тем более завязанная на «авторских амбициях». В ситуации с Барашем могу тебе только посочувствовать, но не мне же это дело расхлебывать...

Что касается моей роли, то отказ от философской проблематики фактически выводит меня из разряда «активных игроков». Конечно, я должен прочитать текст (по крайней мере, моих писем), но при сложившейся ситуации будет лучше, если я сделаю это «на последнем этапе»; иначе можно в очередной раз попасть впросак. Конечно, для меня было бы желательней, чтобы «композицию» строил ты, а не «посторонний человек». Касательно твоего вмешательства в тексты писем (твоих) задним числом (перераспределение «голосов» между «скрипками») — я ничего не имею против (но, естественно, оставляю за собой право «паритетного» вмешательства в свои тексты). Единственное, чего я боюсь в этом плане, — это превращения «интеллектуальной истории» в сказку про белого бычка. Может получиться так, что изменение в каком-то

письме может потребовать изменения в ответном письме. И т.д. и т.п. Это еще один аргумент в пользу того, чтобы я вмешался (в свои тексты) «на последнем этапе». Конечно, надо изъять из писем «личные характеристики» (если речь идет о моих знакомых; а о своих решай сам).

Предлагаю «последнюю новинку»:

Морис Бланшо. Пространство литературы. (Серия Ессе Номо) /Главный теоретико-литературный труд Бланшо. Книга вышла в Париже в 1955 году/ М.: Логос, 2002 .

«В порядке рекламы» приведу цитату о дневниках — в дополнение к тем выдержкам на эту тему, которыми мы с тобой уже обменялись.

В главе (первой) «Сущностное одиночество» есть подраздел «Прибежище в “Дневнике”».

До этой главки высказывается идея, что писатель есть безличное орудие, голос безмолвия. В связи с этим, стоит писателю превратиться в поиск художественной формы, как он начинает испытывать все возрастающую потребность сохранять хоть какую-то связь с собой. Дело в том, что он ощущает крайнее нежелание отказываться от владения собой ради той ничейной силы, что стоит за всем, что пишется (художественно), — и это побуждает автора «изготовить» то, что он зовет своим Дневником. Это очень далеко от романтической слабости. Ведь Дневник по своей сути не является исповедью. Это Памятник. Так о чем же должен писатель вспоминать? О себе самом, кто он, когда не пишет, когда живет обыденной жизнью. Но странно, что средство, которым он пользуется для того, чтобы помнить о себе, это сама стихия забвения — письмо. Отсюда, однако, следует, что истина Дневника содержится не в интересных литературных заметках, которые в нем можно найти, но в тех незначительных подробностях, которые привязывают его к обыденной действительности. Дневник представляет собой вереницу вещей, которые писатель расставляет, чтобы вновь узнать себя, когда предчувствует то опасное превращение, коему он подвергается. Это пока еще проезжая дорога, своего рода дозорный путь, что идет вдоль другого пути, следит за ним, а иногда подменяет, и блуждание по которому становится бесконечным занятием. В нем пока еще говорится о вещах настоящих. В нем говорящий сохраняет имя и говорит от своего имени, и время, которым датируется произведение — это дата во времени общепризнанном, где происходящее происходит на самом деле. И Дневник (эта, на первый взгляд, книга совершенного уединения) зачастую пишется писателем из боязни и тревоги за то одиночество, которое его настигает в творчестве.

Дневник указывает на то, что пишущий больше уже не способен соотноситься со временем через постоянство обыденных занятий, через общность труда, ремесла, через простоту задушевного слова и в силу бездумности. Пишущий более не является действительно историчным, но он также не хочет и терять время, а так как теперь он умеет только

писать, он пишет на потребу собственной повседневной истории и в соответствии со своими каждодневными занятиями. Случается, что те писатели, что ведут дневник, слынут самыми литературными из всех — но, быть может, как раз потому, что так они избегают необычайности литературы, коль скоро последняя и в самом деле является зачаровывающим царством безвременья. Ведь писать художественно — значит, предаваться зачарованности безвременья.

/Конечно, это «время сновидений» ритуала. И вот что еще меня удивило у Бланшо: он рассматривает Дневник исключительно как 'Дневник писателя' (начитался Мариэтты Шагинян?). Ему даже не приходит в голову, что возможен Дневник не вместе с писательством («путь вдоль другого пути»), а *вместо писательства* (а ведь это, как я понимаю, самая радикальная — а значит, и самая интересная — постановка вопроса)/.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!
Да, возьми мне Бланшо.

Что касается «публикации», то я со всеми твоими замечаниями согласен, в том числе и с «критикой» в свой адрес насчет недостатка твердости. Но здесь (как и в политике, да и «по жизни») лишний раз убеждаешься в том, что твердость хорошо проявляется, когда есть ясная цель (замысел, в нашем случае «композиция»). Когда же «и так хорошо, и эдак» (как мне кажется), то моя твердость действительно дает трещины (хотя никакого давления еще не оказывали, и я действительно «забегаю вперед»). Другое дело, что в ходе перечитывания с начала до конца возникает общее видение «переписки», и если говорить о композиции, то уж о композиции «большого текста», с «сюжетом» (интеллектуальным). Журнальная публикация (на 20–30 страниц) такой сюжет не выявит, а только «заморочит» читателя, поэтому я стал искать «малые сюжеты» типа «Розанов», «Гершензон», «Булгаков» и т.д. А большой сюжет — это на книгу, надеюсь, и до этого доживем, и это будет поинтересней переписки Довлатова с Ефимовым. Другое дело, что для книги хороша была бы подставка некоторой «известности»...

А что Бланшо (а также другие «умники») пишет об эпистолярных изысках?

Всегда твой
Наум

Наум, привет!

Еще раз о тотемизме, как системе социальной классификации, что возвращает нас к «диспуту», на котором ты принимаешь роль «социолога», а я — «метафизика». Я упрекаю тебя в «вульгарном материализме»,

а ты меня — в «поповщине» (ау, Владимир Ильич!) Я привел Личевы «тезисы о тотемизме» не без задней мысли (не без отсылки к этому самому «диспуту»). Лич тем и хорош, что его менее всего можно обвинить в идеализме и тем более поповщине (см., например, его саркастическое замечание о христианской теологии). Он *социальный* антрополог. Он трубит об этом на каждой странице, и слово 'социальный' в его книге лидирует по частотности употребления. Но вернемся к его тезисам (к началу моего конспекта). Лич разбил свои тезисы на две части: 1–5 и 6–8; чтобы подчеркнуть это разделение, он сделал между ними лакуну. Первые пять тезисов, действительно, полностью вписываются в «систему социальной классификации». И если бы дело было только в ней, остальные тезисы просто не потребовались бы. Однако Лич пишет: «Но подобное понимание проблемы, детально разработанное Леви-Строссом, упускает из виду наличие здесь религиозной установки. А она требует дополнительного ряда “сгущений”».

То есть, кроме «физики», потребовалась «метафизика». Строго говоря, первых пяти пунктов было бы достаточно, если бы не индивидуация. Но ведь в этом случае тотемизм не предполагал бы никакой обрядовости-ритуальности. Произвел «социальную классификацию» — и гуляй. То, что убежденный социальный антрополог вынужден ввести в свое описание «религиозную установку», что называется, дорогого стоит. Но еще показательней то, каким образом Лич вводит эту религиозную установку. На фразеологическом (а в глубинном смысле, и на логическом) уровне это происходит путем противопоставления «физическим» понятиям (пространство, время, причинно-следственные связи) категорий «диалектической метафизики». И все метафизические понятия, вводимые Личем, строятся по тому же принципу: начало приравнивается к концу, жизнь к смерти; «время сновидений» австралийских аборигенов — это и есть 'вне-временность'. Да Лич и прямо противопоставляет социальный уровень рассмотрения метафизическому, когда пишет: «Пребывание в каждом из статусов составляет период социального времени, но сам обряд, знаменующий переход к новому статусу, — это интервал социального *безвременья*». Повторяю: такое признание дорогого стоит в устах социального антрополога. По большому счету, именно безвременность структурирует время, а не наоборот. Поэтому сводить обрядовость к социальности — это значит, лишать ее глубинной сути.

Хочу, далее, остановить твое внимание на таком пассаже: «Для нашей моральной безопасности главное, чтобы пересечение порога не привело к путанице и смешению. Должен существовать разрыв непрерывности, отчетливый и зловещий. Акт насилия, нанесение физических повреждений отмечают точку разрыва, порог, место входа. Поэтому логичным становится заявлять, что все, что будет таким образом удалено из тела, есть 'вещество не на своем месте', что это грязь». Здесь идет

речь о специфическом, «ритуальном» насилии, но ведь о нем толкует в своей книге и Жирар. Это дает возможность сопоставить позиции Лича и Жирара. Нетрудно убедиться, что они противоположны. По Личу, ритуальное насилие *иницируется* ритуалом (а не «смягчается» им). В связи с этим можно вспомнить приводившиеся мною ранее высказывание: религия не «вызвана страхом», а напротив, инициирует и воспроизводит специфический «страх божий» — и она использует в этих целях в том числе и «ритуальное насилие». По-моему, натуралистическая позиция Жирара трещит в этом (главном для него) пункте по всем швам.

Теперь о моем несогласии с Личем (взглянем с точки зрения «школы Рувина»). Ты очень уместно вспомнил о Жреце и Маге, но я трактую проблему несколько иначе. Я взглянул бы на дело глубже; по-моему, сами 'переходы', которые «имеют в виду» Жрец и Маг, разные. И здесь кроется суть моего несогласия с Личем. Он (как и все, кроме меня) не делает различия между Жрецом и Магом. Вся его концепция «религии», по сути, воспроизводит христианскую модель. А вместе с христианством входит и магия; поэтому Лич, не умея отделить магию от жречества, толкует ритуал как сплошь магический, затемняя, а кое-где и грубо искажая его суть. Вспомни Канта, который также сводил религию к сохранению индивидуального «я». Вот и Лич пишет: «Центральная доктрина любой религии — отрицание того, что смерть подразумевает автоматическое уничтожение индивидуального 'я'». Я считаю такую постановку вопроса грубой модернизацией, совершенно для меня неожиданной в устах «материалистически» настроенного социального антрополога. (Еще одно доказательство того, насколько засраны христианством мозги всех людей «христианской ойкумены» — даже тех, кто на словах отрещивается от христианства.) Сохранение индивидуального «я» предполагает такой уровень индивидуации, которого трудно ожидать от австралийских аборигенов. Тем не менее, их «идеология тотемизма» — это религиозная идеология, и я думаю, что Лич излагает ее в своих тезисах совершенно правильно, но трактует неверно. Первые пять пунктов (уровень социальной классификации) не вызывают у меня никаких возражений. Но оставшиеся пункты «метафизического уровня» совсем не обязательно трактовать «в свете христианства». То есть совсем не обязательно предполагать наличие у аборигена такого уровня индивидуации, который требует «сохранения индивидуального 'я'». Самое забавное, что я согласен с Личем и по «метафизическим» пунктам (6–8): перечитай их, и ты увидишь, что ни о каком «сохранении 'я'» в них нет и речи. Речь идет об отождествлении с предками (ястребиными орлами и воронами), которые, перебравшись во «время сновидений», символизируют собой непрерывную вневременную цепь, эмблему «родового бессмертия». Ритуал же позволяет индивиду «приобщиться» к этой цепи, а тем самым и к специфическому «родовому бессмертию». У Пастернака сказано: «И вот, бессмертные на время, // Мы к лику сосен причтены».

Ведь это точная формула тотемизма, хотя Борис Леонидович, будучи евреем-антисемитом, и косил под христианина (но в церковь, как известно, не ходил). Сосны тут то же самое, что и ястребиные орлы, а «бессмертные на время» — гениальная формула «родового бессмертия», к которому приобщает тотемический ритуал (а также, как видим, и вполне современная лирическая поэзия). Нет нужды доказывать, что этот ритуал (и эта поэзия) является жреческим по своей сути. Здесь есть 'переход', но нет 'двоемирия' как такового (главная же ошибка Лича состоит в том, что он подверстал все 'переходы', включая самые архаические, к христианскому типу двоемирия). На самом деле это переход не от одного мира к другому, а с индивидуальной точки зрения на родовую. Этой формулой описывается то, что происходит в ритуале на психологическом уровне (Лич вообще его не касается, ограничиваясь «структурным анализом»). Другое дело, что для осознания того, что происходит в ритуале, «абориген» вынужден прибегать к неким внешним символам (не может же он «додуматься», что занимается «центростремительной терапией»); эти символы (типа «богов», «иноного мира» и т.п.) и вводят Лича в заблуждение и открывают дорогу магии. Маг — «товарный фетишист». Он «понимает буквально» те поначалу смутные образы, при помощи которых субъект ритуала пытается описать то, что с ним происходит «в процессе перехода» на психологическом уровне. Маг «материализует» и «объективирует» эти образы, переключая внимание с «центростремительных» адаптационно-психологических процессов на «центробежные», уже контр-адаптационные (когда я не «приспосабливаюсь к миру», а пытаюсь «приспособить мир к себе»). Итак, изначально ритуал синкретичен: в нем есть как жреческая (центростремительная, монистическая), так и магическая (центробежная, дуалистическая) составляющая. Весь вопрос в том, «от какого наследства мы отказываемся», а какое принимаем.

Пока умолкаю. Бог даст, займемся и Рампой и «грязью», и всем прочим.

Всегда твой
Матвей

Позвонила Ира. Читала, мол, с интересом, но тему «про евреев» они после Солженицына не хотят повторять. Я сказал, что у меня есть «литературные сюжеты» типа «Розанов», впрочем, тоже не без евреев... Она сказала, что их интересует более современная литературная ситуация, впрочем, «принеси, посмотрим».

Матвею:

М-да... Интересно. Красиво излагаешь.

Да, мы давно ходим вокруг «социального». И не мудрено, что эту часть «теории ритуала» я, можно сказать, с грехом пополам, освоил

(и сдал зачет). Отдаться же метафизической стихии «перехода» мне мешает проблема происхождения, генезиса, «религиозной установки». Если не разобраться с происхождением, то возникает «типа ощущение», что она откуда-то «явилась» («явилась я — но я уже не жрица!»), и тут уж у меня, верного стража материализма, сразу начинает капать слюна с клыков.

Осмелюсь высказать предположение, что всё начинается, и физика и метафизика, с «границы». Даже простая классификация — обозначение границы. Но если говорить о ритуалах, обозначающих «метафизические» границы (обряды приобщения к родовому бессмертию), то проблема в том, что с ростом индивидуации и требований «сохранить индивидуальное я», это самое «я» начинает в панике и истерии крушить все границы, от метафизических до государственных. А в таком состоянии индивида в социуме воцаряется самая дикая магия, по сравнению с которой даже христианство кажется солидной жреческой религией. То есть, хочешь ли ты этого или нет, приобщение к предкам, или природе, никого уже утешить не может, и «снятие индивидуации» «жреческим способом» становится пережитком прошлого. Уж коли индивидуация зашкаливает, человек готов и богом себя представить.

Всегда твой
Наум

P.S. И в этом смысле «художественное» это, в конце концов (или в начале начал), — магическое.

Творчество есть теургия, магия. Проведение «границы» уже «шаг в сторону» от нашего мира (и его надо считать побегом), обозначение иных миров и времен уже — творчество-теургия-магия. И с ростом индивидуации эта составляющая становится мощным течением, которое подавляет и вытесняет изначальные архетипы тотемизма (безусловно «родовые»). И Лич не от непонимания (разницы между Жрецом и Магом) трактует ритуал, как сплошь магический, а исходит из «вектора движения».

Строго говоря, творчество-теургия-магия не оперируют родовыми архетипами, а скорее относится к ним как к символам (эмблемам) родового. Творчество не создает архетипы, оно создает мифы. Мифология — это «творческое» освоение-искажение архетипов.

Кстати, если принять такой вектор «развития» религии спасения (вектор магии), то это совпадет и с твоим пессимистическим ощущением, что «человек обречен». И в этом смысле христианство, и отчасти иудаизм, естественные варианты/ветви «магического пути». Христианская история человечества есть история магического пути.

Остается надеяться, что китайские и индийские религии, как и греческая составляющая в христианстве, безусловно более «здоровые», жреческие, смогут как-то задержать этот катастрофический процесс «теургизации», хотя в конечном итоге перспектива кажется

однозначной... Ведь «снятие индивидуации» (жреческим способом) не отменяет ее «роста» (он обусловлен «социалкой»), а только его «врачуется»...

20.5. Каневский прислал: ЕГИПЕТ УГРОЖАЕТ РЕМИЛИТАРИЗАЦИЕЙ СИНАЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА

В телефонном разговоре с главой правительства Израиля президент Египта Хусни Мубарак угрожал вводом танков на Синайский полуостров в случае, если танки ЦАХАЛ'а будут сконцентрированы на израильско-египетской границе. Об этом сообщает в своем последнем выпуске журнал «Форин офис», выходящий в свет в Лондоне. По информации журнала, Мубарак и Шарон говорили о возможной военной операции ЦАХАЛа в секторе Газы. По мнению востоковеда Оеда Янона, начало антитеррористической операции в Газе перечеркнет главное достижение Кэмп-дэвидских договоренностей — демилитаризацию Синайского полуострова. «Президент Мубарак вынужден будет поступить в соответствии с требованием арабской улицы», — сказал Янон в интервью радиостанции РЭКА.

Свидание. Со всей силы обняла, даже ребра хрустнули. Попытался разжать — не смог. Гордо рассмеялась: «Я знаешь какая была сильная?!»

21.5. Утром позвонила: «Ты почему не звонишь! Я уже десять минут хожу вокруг телефона!».

Литературные пародии Сорокина в «Голубом сале» навели на мысль, что здесь сатира на «сочинительство» вообще. Вот и меня всегда, когда садился что-нибудь сочинить, пугала нелепость этой абсолютной свободы сочинительства, его нелепость, даже пародийность.

22.5. Заехал к Гробманам, отдал «Розанова». Зашел разговор о детях. Я сказал, что сын после операции, и слава Богу, что подальше от всего этого... Тут Гробман, до этого дремавший, встрепенулся и стал изрыгать филиппики, что, мол, все правые такие, как только их не касается, так они готовы «врезать», а детей своих предпочитают держать подальше, за границу отправляют. «А Наум-то здесь причем», — пыталась его урезонить Ира. «А все зависит от семьи, — не унимался Гробман, — как воспитывают. Вот наш сын — летчик».

Я пропустил мимо ушей. Перевел разговор на творческую производительность, вот, мол, жалуюсь: пенсионер, а ничего не успеваю. «Сколько у тебя времени уходит на картину (мой взгляд упал на несколько картин у стены)?».

— Десять минут.

— Десять минут?!

— Это просто рисунок. Только на закраску время уходит. Я быстро пишу. Хочешь, тебя научу херню рисовать?

— Все равно, — подлизываюсь, — ты много успеваешь. Как ты день планируешь?

— День? Значит так: встаю, завтракаю, иду гулять с Тимуром, потом обедаю, потом сплю, потом опять иду гулять с Тимуром, потом гость приходит, потом... Даже и не знаю, когда все успел: три тысячи стихотворений, тысячи картин, сотни статей. И еще проза.

От Л: что в зеркало не взяли, м.б. и к лучшему, чем Гробмана ублажать, лучше над своим текстом поработать, глядишь, и книжка получится.

чего делаю? читаю, работаю, скучаю... чего-то у нас нынче холодно, заморозки по ночам...

да, может и к лучшему.

эту переписку трудно вырвать из контекста, мне кажется, что она интересна именно как «литературный» текст, а не как философский, хотя философского просветительства и ярких мыслей в ней немало.

From: «Kanievsky Arie»

Жаль — потрясающий анализ демографической и экологической катастрофы в муравейнике сектора Газа и еще большей, грядущей, с созданием Пал. Госуд. — с возвращением миллионов «беженцев» к 2005 году может стать 20 миллионов зараз вокруг нашего местечка!

Выселение — лучше по соглашению мирового сообщества — в пустые территории Ирака, Синая, Саудии — видится единственным возможным. Это если долго и настойчиво пропагандировать.

От Л: в теннис-то поигрываешь? как настроение? как Юваль? как идет подготовка к свадьбе? с Барашем больше не общался? есть ли время на подопечного?

В теннис поигрываю...

Настроение... бог его знает, вроде нормальное. Юваля отчислили из армии на 4 месяца в связи с операцией, потом опять сделают медкомиссию, время службы идет.

Подопечный все откладывается...

Вчера был у Гробманов, отнес еще кусок писем, о Розанове. Спросили, нет ли у меня короткого рассказа для Маарива на иврите. Я сказал: есть. Пошлю им «Солдатское». Велели с Барашем не ссориться, он, мол, всегда обо мне хорошо отзывался.

23.5. От Бараша:

Privet.

КРЫША 31-го, в след. пятницу, в 19.00 — вечер новых текстов.

Готовь что-нибудь минут на 15 чтения.

КРЫША на новом месте — я там еще не был.

Олин телефон..., чтоб узнать новый адрес...

O'key! Будем готовиться.

Оле позвоню.

Наум

От Л: Это какое солдатское? из рассказов Варшавского?

А ты мне снился, только не помню... сразу после помнила, а потом как ни старалась, ну никак, но было как-то тревожно...

Ответ: Рассказ был в «Сплетении», как два солдата болтают у костра, а вдали Бейрут как рождественский торт в свечах... «Как-то раз шли мы по Кобылянской...».

Это мне не Варшавский рассказывал, а другой солдатик...

Не тревожься...

Хотя террор у нас опять разгулялся.

А с Барашем мы ссориться не будем. Опять же «крыша» у Оли через неделю.

Наум, привет!

Твое стремление разобраться с генезисом «религиозной установки» (дабы, не дай бог, не оставить лазейки для «поповщины») полностью совпадает и с моей «интеллектуальной установкой». Бдительность верного стража — «Аргуса материализма» — мною всячески приветствуется, и я даже попросил бы тебя ужесточить дисциплину исполнения этой «ролевой функции». Очень хотелось бы «пройти этот путь до конца» (что ассоциируется у меня, прежде всего, со «смещенными инстинктами» Конрада Лоренца); но пока Лоренц к тебе не прибыл, начнем размазывать клубок с понятия границы.

Тем более что ты выдвигаешь столь весомую заявку: «все начинается с “границы”». Тут надо разобраться со всей серьезностью. Этой серьезности я не заметил, к сожалению, у Лича, хотя он берется рассуждать о границе к месту и не к месту. Цитирую его главную идею: «Принцип заключается в том, что все границы являются *искусственными* (выделено Личем) разрывами того, что в естественном состоянии неразрывно, а также в том, что двойственность, подразумеваемая границами как таковыми, становится источником беспокойства». Понятие границы трактуется здесь предельно широко; так, Лич пишет: «Когда мы используем символы, чтобы отделить один класс предметов или дейст-

вий от другого, мы создаем искусственные границы на том пространстве, которое в своем 'естественном' виде неразрывно». Иными словами, Лич не видит особой разницы между границами, используемыми, например, для классификации, и «метафизическими границами». Вот и Вайман о том же. Тут необходимо сделать кое-какие уточнения. Во-первых, надо «почувствовать разницу» между классификационными и 'метафизическими' границами. В общем виде ясно, что сначала возникают классификационные границы, а метафизические на них каким-то образом «накладываются»; отметим этот момент, не вдаваясь пока в рассуждения о механизме этого «наложения». По твоей схеме, сначала возникает «обряд приобщения к родовому бессмертию», а потом «с ростом индивидуации возникает «требование сохранения индивидуального я», ломающее все обряды. Но у тебя неясно, в чем смысл «обряда приобщения к родовому бессмертию», ведь он связан не с преодолением животного страха смерти, а именно с индивидуацией, ведь ты и пишешь уже в следующей фразе о «росте индивидуации»; но чтобы был рост, надо, чтобы было чему расти. Так откуда взялась индивидуация (выходит, что «явилась», а ведь ты как «страж материализма» именно этого хотел избежать)? Есть ли она выражение «животного страха смерти» (если это так, боюсь, мы никогда не определим границу между природой и культурой)? По моей же схеме, «все начинается» с рефлексии. Это предположение хорошо тем, что для его принятия не надо «впускать в дом» никакие «потусторонние силы» (ни один Аргус носа не подточит!). Единственное, что надо «впустить», так это то естественное и совершенно безобидное предположение, что сознание, в какой-то мере освоив «внешний мир» (ближайшую среду обитания), «обращает взор» и на само себя. Предположим, что оно уже овладело навыком проводить классификационные границы (в какой-то мере этим навыком обладают и животные). Создаются предпосылки для построения «базового силлогизма»: «я человек» → «человек смертен» → «я смертен». Только при такой конфигурации (при наличии рефлексии, то есть сознания, направленного на себя) конкретный «опыт смерти» (которым, несомненно, обладают и животные) превращается в абстрактный «опыт смертности». Смерть на каком-то этапе «примеряется на себя», — и это настоящий «метафизический прорыв», приводящий к неисчислимым последствиям. Одно из таких последствий — рациональное мышление, оперирующее абстрактными категориями. Качественная новизна «человеческого» отношения к смерти состоит в том, что это отношение не прямое, а опосредованное. Человек реагирует не на «конкретный факт», а на «силлогизм» (точнее, между «голой фактичностью» смерти и эмоциональной реакцией на нее появляется совершенно «новая инстанция» — силлогизм). Появляется совершенно новая категория чувств — 'рациогенных эмоций', то есть порожденных рациональностью (или, точнее, эмоций, опосредованных рациональностью; эмоций, «надстроенных» над ин-

стинктивными, но пользующихся их энергией как всадник, оседлавший коня, пользуется его энергией). Какова же специфика этой рассматриваемой нами «новой, радиогенной» эмоции по отношению к смерти? Конечно, она остается в основе своей «той же самой» (ничего произвольно не «изобретается» всадником), — то есть она остается эмоцией страха; но она и «та же», и «не та же» (енот, да не тот). Животный страх смерти всегда «конкретен» (по объекту) и «инстинктивен» (по механизму). Есть конкретная ситуация опасности, и инстинкт страха функционально призван помочь особи этой опасности избежать (насколько это возможно). Ситуация меняется в лучшую сторону, и страх «уходит». Совсем другое дело — «страх смертности»; поскольку эта эмоция радиогенная, она приобретает и некоторые качества, присущие рациональности как таковой: ты можешь обращаться с ней произвольно, «как с мыслью»; и она приобретает некую абстрактность, свойственную мысли (страх не смерти, грозящей мне здесь и сейчас, а — «страх смертности вообще»). «Страх смертности» теряет ситуативность; ситуация «ушла», а он не уходит. Появляется некая «отвязанная» тоска бытия, *taedium vitae* — иными словами, возникает индивидуация. Суть дела в том, что «животный страх смерти» служит здоровым приспособительным инстинктом («предусмотренным Замыслом»), в то время как «тоска бытия» — это вовсе не инстинкт, а некое эмоциональное новообразование («не предусмотренный Замыслом» побочный продукт), совершенно бесполезное и, более того, абсолютно разрушительное по своим последствиям: у существа, затронутого этой 'индивидуационной' эмоцией, «опускаются руки», ослабляется «воля к жизни», блокируется работа «основных инстинктов», что приводит в конечном итоге как к логическому завершению к возможности самоубийства, то есть к обращению «Замысла о бытии» против самого себя (как сказано у поэта о «зломном духе»: «И на творенье ополчил // Все силы, данные творенью»). Фактически это поражение Замысла, после которого Ему остается только признать свое фиаско, опустить занавес, слить воду и погасить свет. Что Он и делает. Замысел «умывает руки», что и отражено в мифологеме библейского «изгнания из Рая». Фокус в том, что затронутое индивидуацией существо, вместо того чтобы благополучно погибнуть, находит-таки выход — овладевает «техникой снятия индивидуации», пристраивая к «богоданному» 'Блоку обеспечения' «изобретенный» 'Блок спасения' (культуру). Строго говоря, только с этого момента — с момента обретения «двублоковости» — это существо можно назвать человеком в строгом смысле слова, то есть *Homo salvans*'ом. До этого мы имели дело с животным, которое в ходе эволюции «зашло не туда»; то, что оно сумело «выкрутиться», «сделать из нужды добродетель», — это настоящее «чудо», гораздо более удивительное, чем магические байки всех времен и народов мира.

Но вернемся к нашим баранам. Где исток «метафизической границы», с которой мы начали разговор? Изначальная метафизическая граница та, что очерчена «сферой индивидуации». Ввиду важности этого момента, подключу к своему «дискурсу» дополнительные силы, в частности, высказывания Бахтина. Хотя Бахтин и не пользуется моей терминологией (например, словом 'индивидуация'), он говорит фактически об этой самой границе. Индивиды, зараженные индивидуацией, начинают воспринимать смерть не как необходимый момент самой жизни («замысла о жизни»), «но как явление пограничное, лежащее на абсолютном разделе этого временного тленного мира и вечной жизни, как дверь, распахнутая в иной, потусторонний мир» (ВЛЭ, 343). Происходит абсолютизация смерти; но «абсолютизируя ее, мы превращаем небытие в дурное бытие, отсутствие — в дурное присутствие» (5, 83). Таким образом, сфера индивидуации чревата появлением на свет «дурного бытия», не-сущего, производного от притязаний самодовлеющей части, противопоставляющей себя неуголному ей целому. При этом «дурное бытие», не имея позитивных онтологических ресурсов, по бедности конструируется методом зеркального отражения или, лучше, «выворачивания наизнанку» реального бытия. Мир по необходимости удваивается, разделяясь на здешний и потусторонний, причем то, что «здесь» преходящее, становится «там» вечным; то, что «здесь» относительно, превращается «там» в абсолютное, и наоборот. Так «стремятся сделать реальным то, что считается должным и истинным, наделить его бытием, приобщить времени, противопоставить его как действительно существующее и в то же время истинное наличной действительности, также существующей, но плохой, не истинной» (ВЛЭ, 299). Подобное удвоение мира обусловлено в конечном итоге не естественным, необходимым для самосохранения биологическим «страхом, свойственным всему живому» (5, 93), а метафизическим «беспредметным» ужасом от которого нельзя избавиться путем преодоления конкретных опасностей и угроз. Индивид, подверженный такого рода метафизическому ужасу, нуждается в метафизическом же спасении. Кстати, и некто Вайман некогда изрек: «Мир непрерывен. И граница между жизнью и смертью, строго говоря, никакая не граница. Не смерть «переход» (к новому состоянию бытия), а бессмертие. Эту границу между жизнью и вечной жизнью проводит человек»...

Так в чем же «наши разногласия»? Мне кажется, в том, что в твоей схеме не осмыслена другая граница — Рампа — в ее связи с границами, которые «проводит человек» (по моей терминологии, это граница, очерченная сферой индивидуации). Дело в том, что Рампа — это не «еще одна граница» в ряду других границ, как классификационных, так и метафизических, а «техническое средство», причем самое удивительное («чудесное») изо всех, «изобретенных» человеком. Рампа — граница «по факту», но по своей глубинной сути это контрграница. Во-первых, вопреки Личу, она имеет отношение только к метафизическим границам

(классификационные отдыхают). Во-вторых, Рампа не увеличивает число метафизических границ (хотя по видимости это так), а занимается их уничтожением. (И, что чрезвычайно важно, Рампа — это не «шаг в сторону, расцениваемый как побег», а шаг по направлению к возврату незадачливого беглеца «под стражу Замысла».) Это граница, изобретенная для уничтожения границ (как сказано у Маяковского: «заседание относительно искоренения всех заседаний»). Уже у Аристотеля катарсис рисуется в терминах поговорки «Клин клином вышибают». «Снятие индивидуации» применительно к границам можно толковать как уничтожение изначальной метафизической границы сферы индивидуации.

Второе — и, по-видимому, самое важное — недоразумение состоит в понимании структуры ритуала, из которой я вывожу разделение на жречество и магию. Я излагал свой взгляд на этот вопрос неоднократно, но так и не понял, воспринимаешь ты его или нет (судя по косвенным данным, скорее нет, чем да). Поэтому я предлагаю наконец разобраться с этим вопросом «окончательно», потому что иначе недоразумения будут постоянно всплывать на более поверхностных уровнях, а «углубиться» не всегда бывает уместным. Чем изобретать велосипед, я еще раз процитирую самого себя и прошу тебя высказать «со всей прямоотой», что тебя смущает в этой схеме. А то воспроизводится одна и та же ситуация: мы вроде бы говорим об одном и том же и даже «теми же словами», а выводы делаем настолько разные, что диву даешься (как, например, твой сразивший меня наповал вывод: «художественное» это, в конце концов (или в начале начал), магическое» и что «творчество есть теургия, есть магия»).

Прежде чем процитировать себя, сделаю небольшой «ориентировочный» исторический экскурс. Я считаю гениальным прорывом в понимании сути ритуала одну идею (на самом деле это, конечно, комплекс идей) своего любимого подопечного Вяч. Иванова. Уже в самом раннем своем теоретическом труде «Эллинская религия страдающего бога» (до сих пор не переизданном! поэтому и процитировать не могу: лень рыться в конспектах) Иванов выдвинул идею различения в ритуале *что* и *как*. Смысл этой идеи такой: когда мы говорим о Дионисе, следует иметь в виду некое «чистое *как*» («прото-архетип»), то есть некий психологический комплекс, переживаемый участником дионисийского ритуала (по моей терминологии, украденной у физиолога Ухтомского, это «динамический стереотип»). Иными словами, неважно, как «выглядит» бог (Дионис в этом смысле идеален, потому что он текуч, «протеичен», то есть выглядит как угодно), неважно, какое у него имя и т.п. — важен только психический процесс, протекающий «в душе» у его адепта. Конечно, это утверждение сразу вызвало бурю критики. В первых рядах выступил (с полу-доносом) Андрей Белый: у нашего Бога есть имя — Иисус Христос, а нам морочат голову каким-то там Дионисом. Пускай Иванов объяснится (забавно при этом, что сам доносчик Андрей Белый

ни в какого бога не верил, а Иванов все же верил во Христа, только «своеобразно»). Белый написал, как отрезал: «Кто Дионис? — Христос? Магомет? Будда? или сам Сатана?» Иванов ему ответил спокойно, не повышая голоса (цитирую статью 1908 года «Экскурс II. Эстетика и исповедание»: «истинная мистика всегда едина в своих достижениях. Для нас, как символ известной сферы внутренних состояний, Дионис прежде всего — правое *как*, а не некоторое *что* или некоторый *кто* — тот круг внутреннего опыта, где равно встречаются разно верующие и разно учительствующие из тех, которые пророчествовали о Мировой Душе. Ясно, что дионисийский восторг не координируется с вероисповеданием вследствие иного принципа классификации религиозных явлений, в подчинении которому он находит свое место не в ряду мер и норм, а в ряду внутренних состояний и внутренних методов. Ясно, что план, или разрез, дионисийства проходит через всякую истинную религиозную жизнь. И опять-таки, поскольку эстетик, я вправе оперировать с религиозно-психологическим феноменом дионисийства, не имея методологического права придавать этому феномену определенное религиозно-догматическое истолкование». Итак, вначале было *как*... Это означает, что «якорем спасения» послужила для «предчеловека» (заблудшего в сферу индивидуации существа) не «вера», не «бог», а — «динамический стереотип», архетип снятия индивидуации. «На входе» была «тоска индивидуации», на выходе — разрушение индивидуационной границы (переход с «точки зрения» обособленного индивида на «точку зрения рода», от дисгармонии с Замыслом — к гармонии с ним). Главная трудность состоит в том, что «нащупанная» процедура снятия индивидуации не могла (и, наверное, слава богу, что не могла) быть адекватно осмыслена. Участник ритуала должен был хоть в какой-то мере «осознавать, что он делает»; понадобились «внешние символы внутренних состояний»; именно так зародились мифы — в качестве объективации динамического стереотипа, абстрактно-психологического по своей глубинной природе. Мифы — это «вещественные следы», «окостенения», «сброшенная кожа», в каком-то смысле даже «отбросы» ритуала как «чистого процесса». Когда эти окостенения впоследствии использует художник в качестве «материала», он должен снова «растворить» их в дионисийской стихии (что на самом деле удается крайне редко: в этом смысле Роден более «мифологичен», чем Канова), а не «запечатлеть», как считает слабоумная «теория подражания». Итак, «спасает» внутренняя, направленная «на себя», центростремительная составляющая ритуала. Ее я и называю жреческой. Поскольку она направлена на снятие индивидуационных притязаний, ее можно назвать адаптивной: она адаптирует индивида к «миру как он есть». Но у ритуала есть и внешняя, направленная «от себя», центробежная составляющая. Ее я называю магической. И она контр-адаптивна: претендует на адаптацию мира к притязаниям «взбесившейся» индивидуации. Теперь процитирую себя (то

же самое другими словами, но в этом деле не жалко потратить время: надо наконец «разобраться в себе», ответить, «како веруеши» — не «догматически», а на уровне «первоинтуиций»). «Для нашей темы важна интенциональная двунаправленность деятельности участвующего в ритуале «субъекта спасения». Осознаваемая интенция направлена вовне и «приложена» к явлениям («восстановление» порядка, согласно которому за закатом следует восход, за зимой весна и т.п.), которые, на наш «цивилизованный» взгляд, прекрасно обошлись бы и без человеческой помощи. Но в ритуале может быть выявлена и другая, действующая в режиме противотока неосознанная интенция, направленная вовнутрь и задающая алгоритм преобразованию исходного душевного состояния («этому состоянию соответствует предельное возрастание негативных эмоций — беспокойство, тревога, угнетенность, печаль, тоска, отчаяние, страх, ужас») в некое оптимальное — уже не столько душевное, сколько духовное — состояние («ему сопутствует взрыв положительных эмоций — радость, восторг, чувство особой полноты переживания мира, свободы и другие признаки праздника» — ссылка на Топорова¹). При этом неосознанность, по-видимому, конститутивный признак направленной вовнутрь интенции. Именно поэтому архаическая обрядовость синкретична: в ней две противонаправленные сотериологические установки нерасторжимо переплетены. При этом установка Мага тяготеет к направленной вовне «центробежной» интенции, в то время как установка Жреца кристаллизуется в зоне «центростремительной» интенциональности. При распаде архаического комплекса магическая интенциональность «забывает» о надындивидуальной (представляющей «интересы» рода) установке на внутреннее преобразование и нагружает обряд частно-субъективными притязаниями (в пределе — супер-магическим притязанием на бессмертие в дуалистическом хронотопе); жреческая же интенциональность «забывает» об установке на непосредственное воздействие на внеположные ритуальному действию явления, сосредоточиваясь на «центростремительном» внутреннем преобразовании. При таком раскладе эстетическая сотериология представляется не просто законной наследницей стратегии Жреца, но в каком-то смысле «энтелехией» этой стратегии, тем этапом в ее развитии, на котором жреческий тип спасения, освобожденный от магических примесей, выступает в наиболее сильной позиции. При таком подходе искусство — особенно эпохи расцвета катартики (скажем, периода античной или елизаветинской трагедии) — не имеет никаких оснований испытывать комплекс неполноценности по отношению к якобы «не знаменательным, но осуществительным» (Вяч. Иванов) архаическим действиям. А ведь именно

¹ Имеется в виду, конечно, В. Н. Топоров, культуролог.

этот комплекс неполноценности искусства питал собой «теургическое беспокойство», окрасившее Серебряный век в зловещие тона замешанного на магии эсхатологического утопизма”.

Итак, батенька, извольте определиться; без этого мы продуктивно с места не сдвинемся.

А «предварительные итоги» по границам я подвел бы так: отрадно, что мы отличили классификационные границы от метафизических; неплохо было бы утвердиться в различении «естественно сложившейся» (хотя и «противоестественной») границы, очерченной индивидуацией (заточившей индивида в капсулу индивидуации), и — границы-Рампы, «технического средства» по нейтрализации индивидуационных границ. В связи с этим «на повестку дня» выходит вопрос об отношении к границам (разного рода) Жреца и Мага. Было бы интересно узнать твое мнение на этот счет.

Всегда твой
Матвей

24.5.

Матвей, привет!

Значится так: по первой половине твоего письма (до центростремительной и центробежной составляющих) наметилось праздничное единодушие. То ли многократные повторения сделали свое дело (вода камень долбит), то ли на этот раз твое изложение было особенно логичным и последовательным (а может, то и другое вместе), но «картина спасения» впервые нарисовалась у меня достаточно четко... Только насчет индивидуации я бы добавил «социальный штих»: обращение мысленного взора на самого себя, рефлексия, возникает как следствие социальной дифференциации, разложения рода, отделения от него индивидов, социальная индивидуализация предшествует «метафизической», которая, «накладываясь» на социальную, и порождает Homo salvans.

Разъяснение функции Ритуала показалось на этот раз более ясным и понятным, и я согласен почти со всеми «пунктами», кроме одного: момент зарождения «магизма» — это результат возросшей индивидуации? Т.е. взбесившийся индивид требует личного спасения, ему мало «родового», да он в него и «не верит».

Согласен, что ритуал — это некий «психический процесс, протекающий “в душе” у его адепта», согласен на лапидарное «в начале было как». Но разделение этого «процесса» на две составляющие я «не вижу в образе». Представляется, что названная тобой «внутренняя, направленная «на себя», центростремительная составляющая» (жреческая) и есть главная «спасительная» функция ритуала. Ведь сам пишешь: «деятельность участвующего в ритуале “субъекта спасения” интенционально одноподнаправлена! И всегда “направлена вовнутрь, задавая алгоритм преоб-

разованию исходного душевного состояния”». А «внешняя, направленная “от себя”, центробежная составляющая» принадлежит не самому ритуалу, его основной цели, а попыткам его осмыслить, то есть это нечто вторичное по отношению к ритуалу. В случае такой «схемы» появляется возможность четкого различения между самим ритуалом (*как*) и его радиогенной «надстройкой» (*что*): мифологией. А эта «надстройка», то есть возможность мысленно «рисовать миры» (нарисуем — будем жить), воистину в состоянии вскружить голову «человеку спасающемуся», ведь «иллюзорный» мир безудержно свободен и беспределен, а главное, легко создаваем и управляем, а благодаря психическому механизму веры в представления-образы (мир как вера и представление) — так убедителен, почти ощутим...

Так вот я и талдычу, что жреческие архетипы в религии и в искусстве, похоже, — умирающие явления. Нарастающая индивидуация уже не в силах утешиться «родовыми архетипами», она все настоятельнее требует фантастических проектов, отсюда и «теургическое беспокойство», окрашивающее наш век «в злоешие тона замешанного на магии эсхатологического утопизма». Вот ты пишешь, что жреческий путь «адаптирует индивида к «миру как он есть»». Но что есть мир? Ведь он меняется. Индивидуация нарастает, и вследствие не только-рефлексии, но и все углубляющейся социальной индивидуализации, атомизации, как теперь говорят, от которой «никуда не денешься», и которая ставит человека в безвыходные условия и толкает его в объятия «магии»... Твои схемы были хороши, быть может, для состояния сознания где-то в конце 19, начале 20 века, когда «соборность» еще не была утрачена окончательно, а индивид был еще в состоянии осознать и как-то урезонить свое «бешенство» (индивидуации). А ныне «субъект индивидуации» пошел вразнос... Хотя... ведь и греки «спасались» не только театром, а больше религией и даже философией. А философия, или наука — это уже магия...

Всегда твой

Наум

25.5. От Л: Что будешь читать на крыше?
давай записки.

Ответ: Будет «вечер новых текстов», каждому по 15 минут, еще не знаю, что читать, как ни странно: год проработал, а предъявить нечего...
Передельваю сейчас старую статью про ресентимент.

Расскажи о себе: как ложишься спать, как встаешь, какой воздух в вашем мире, какие чувства?

Я хочу почувствовать твою жизнь...

А ты мою чувствуешь? По запискам — вряд ли... Я и сам ее не чувствую...

Тут виделся еще раз со скрипачкой, ходили опять в кино вшестером, даже не помню, на что... вот пытаюсь вспомнить и не могу... И как

бы мы в пространстве вшестером не перемещались, такое было ощущение, что мы уже не нитью, а канатом связаны, и этот канат вовсе не виртуальный, а всем мешает передвигаться. Я даже смотреть на нее боялся, а она — на меня. В перерыв все остались на местах, а я вышел в холл, ходил от стены до стены, но она не вышла. В фойе, в буфете — никого, хоть и три зала, правда, маленьких, нынче мало кто в кино ходит. Думаю, что не решилась. Потом у Марика поужинали, я, когда уже расходились, поймал себя на мысли, что почти не произнес ни слова, а Марик зато стал отчаянный болтун, рот не закрывает, о чем? Музыкальные анекдоты, о дирижерах, исполнителях, трактовах. Аня Марика как-то напряжена, это она все устраивает «мероприятия», видно, иначе Марка из дома не вытянешь, а она еще молодая, энергии много. А за столом мы с пианисткой сидели удобно: муж ее меня не видел (я справа от него сидел, рядом), а я его жену — очень даже хорошо. И придирчиво оглядывал, оценивая полноту плеч, некоторую перезрелость лица... Дорога ложка к обеду, надо было года три-четыре назад, упущено драгоценное время... Подарил ей два последних «Зеркала», взял телефон у мужа (противно это: подъезжать к мужу, чтобы быть поближе к жене, мужья это чувствуют). А когда вместе выходили, она вдруг вспомнила, уже на улице: «А журналы?!» Эдак испуганно... Муж побежал за журналами. А на следующий день был пигуа¹ в Ришоне (они там живут), вот и повод был, и даже причина позвонить, поинтересоваться, выразить участие, может быть, она к телефону бы подошла, и стал я мучительно думать, что скажу ей, предложу встретиться? Когда? В понедельник — Р, во вторник я после понедельника ничего не хочу. А хочу ли вообще? Да, канатом мы связаны, но он не натянут, а висит какой-то странной ношей, почти обузой... Так ходил вокруг телефона, даже брал пару раз трубку, уже уговаривая себя, что надо же позвонить, неприлично...

Наслаждаюсь по утрам «Голубым салом» Сорокина. Феерическое письмо, просто брызги шампанского. Стыдно «после него» писать (и так-то рука не поднимается...). Тиберий Исаак Друз... «Как изволите выпариться, вашество, по-простому, аль со стоном?» «Давай уж со стоном...» А как тебе «меню из корней зубов мудрости престарелых пролетариев и менисков футболистов третьей белорусской лиги под рвотными масками?»

Да-да, это просто иссякание жизненной силы, чувствую, как она уходит...

Чем слабее задеты наши интересы, тем свободней и смелее мы говорим о морали. И надо признаться, что «соображения морали» (в смысле совести, а не общественного осуждения, последнее уже вторжение в сферу интересов) вступают в силу только тогда, когда уходят абсолютно все соображения интересов. Из этого вытекает простой логиче-

¹ Теракт.

ский вывод, что вопросы морали не имеют никакого отношения к конкретной жизни и оценке конкретных поступков. Мораль есть вопрос скорее «эстетики», чем этики.

26.5. Снилось, что мама умерла, и почему-то в нашей шестнадцатиметровой комнате в коммуналке на Тихвинской. И дядя Самуил приехал. И все так буднично, деловито, невозмутимо. И я захожу в эту комнату и вдруг, удивляясь самому себе, начинаю реветь. А сам думаю: а ведь ты о себе плачешь, тебе себя жалко...

Как и каждое утро, позвонил, гуляючи. Сначала обычные «все нормально», «да ничего нового», потом, чтобы хоть что-то сказать, поделился удовольствием от Сорокина. Сразу оживилась:

— А ты на какой странице? Аа. Ну, там еще все интересное впереди. Он такой неожиданный, и ни на что не похожий, мне даже кажется, что гений.

— Да, похоже на то.

— Вот у Пелевина все ожидаемо. А тут — такие повороты! И такой едкий юмор! Но не злобный. Немного напоминает Сологуба... Я читаю твоего еврея (дал ей почитать «Три еврея» В. Соловьева). Мерзкий сексот. Омерзительный, он думает, что он умнее КГБ. Но одну вещь я все-таки вычитала: меня всегда удивляло, как это Бродский может ценить Ахматову как поэта, ведь он такой... как Бог смотрит сверху... и у этого написано, что как поэта Бродский ее не ценил.

— Тем не менее, объявил себя преемником.

— Ну, это такой кружок был около нее. И потом он был достаточно принципиален в более важных вещах, так что это можно ему простить...

Вот такой выдался литературный разговор.

— Ну, что еще скажешь? А я по тебе соскучилась.

— И я по тебе.

— Так что ж ты не говоришь? Я же жду. Надо говорить, это важно.

А надо ли? Не знаю... Она меня как будто затягивает в эту игру в счастье. Вытягивает меня (а я все равно падаю, падаю в пропасть...). И когда разговор прерывается, меня вдруг окатывает горячей волной благодарности к ней...

Наум, привет!

Ты очень вдумчиво «тематизировал» и заострил некоторые существенные вопросы, и я не премину воспользоваться возможностью на них «потоптаться», но пока возьму кратковременный тайм-аут: получил срочный (и довольно выгодный) заказ перевода, который нужно сдать в следующий четверг, так что нам обоим придется потерпеть до этого времени.

Всегда твой
Матвей

Я получил сегодня от Костырки его очередное обозрение и решил тебе перекинуть: как-никак «про Израиль».

Обозрение С. К. №106 Дата публикации: 21 Мая 2002

Израиль как материал и тема в романе Арнольда Каштанова «Каньон-а-Шарон» — «Знамя», № 5.

Материал романа — современная жизнь в Израиле. Автор-повествователь, бывший советский писатель, ныне израильтянин, описывает свою жизнь. Жена, дочь, внук, зять. Друзья, коллеги, знакомые, соседи, гости из России. Быт, работа, психология.

Тема — все та же, старинная: война и мир. В нынешнем ее изводе, евреи и арабы. «Мир» в данном случае — это сегодняшняя израильская жизнь. Как бы обычное бытописание — про семейное, социальное, повседневное. С воспроизведением атмосферы последних месяцев перед началом нынешней интифады. И те, кто будет читать этот роман как «страноведческий», «про эмиграцию» и про то, как воспринимается интифада внутри Израиля, не разочаруются. Это все есть в романе. Но это только верхний слой. Внутренний сюжет романа выстроен тяжким недоумением повествователя: откуда берется война? Кто такие, например, арабские террористы? Где кончается «араб» и начинается «арабский террорист»? Арабов, приходящих в город на заработки, герой видит каждый день, он нанимает их, он работает вместе с ними. Отношения вполне человеческие. Герой поражен, узнав, например, что вполне понятный ему жуликоватый, безалаберный и при этом чем-то вызывающий симпатии Асаф арестован как террорист. И наоборот, когда один из знакомых героя попал в засаду на палестинской территории и был обстрелян, то жив он остался только благодаря незнакомой арабской семье, которая укрыла его от боевиков и вывезла на своей машине к израильскому полицейскому посту. Но ведь и убивают тоже арабы.

Герой не понимает. Так же, как никто не понимает. Вот случайный диалог, услышанный героем в автобусе, проезжающем мимо развороченного взрывом здания: «Ты посмотри. Сволочи. А наши в ответ пустые дома бомбят». — «А что, людей бомбить?» — «Что-то же надо делать». — «Что тут можно сделать».

Чувствовалось, что человек думал и ничего не придумал. Как, наверно, и все здесь».

И война в романе становится чем-то вроде рока, неотъемлемой частью еврейской жизни. Была Германия, сделавшая когда-то основой своей национальной идеологии ненависть к еврею. Есть так называемая русская идея, которая со времен Достоевского и Розанова уже немислима без явного или скрытого антисемитизма. И ничего, в сущности, не изменилось — сегодняшняя слепота «европейского общественного мнения», отказывающегося видеть сам характер навязанной Израилу войны (войны на уровне биологическом, то есть не когда воин убивает вои-

на, а когда воин убивает просто людей — пассажиров автобуса или девушек, отмечающих в ресторане совершеннолетие), подобная слепота, в конечном счете — тот же антисемитизм.

Написанное выше — это уже мой комментарий, повествователь не позволяет себе пафоса политической или историософской риторики. Он просто изображает. То, о чем он пишет, страшно, но оно как бы утоплено в быте, в изображении сложных семейных и дружеских взаимоотношений, в расчетах героев с прошлым, в спорах; в смешном, трогательном, драматичном — в «просто жизни». И потому такое сильное впечатление производят редкие высказывания героев романа на темы своей судьбы: «Ложь началась с пророков. Это они внушили всему миру, что Израиль наказывается за его грехи. Собачья чушь. Нас убивают не потому, что мы плохие. Святые мы или дерьмо собачье — нас убивают любимыми». То есть убивают потому, что — евреи.

Ситуация с Израилем демонстрирует это, так сказать, в химически чистом виде.

Попытки уйти от своей судьбы безнадежны. Наблюдая за дочерью, которая затевает очередную смену судьбы, повествователь констатирует: «Никуда Дашка отсюда не уедет, пусть хоть из кожи вылезет. Ей, как и мне, другого места на земле нет».

Пафос, повторяю, появляется в таких фразах, только если вынуть их из контекста. В самом повествовании его не чувствуется. Каштанов пишет обычную жизнь, обычными словами. Здесь повседневно все, даже гибель соседского сына: опустевший дом за забором, в котором безостановочно и безнадежно звонит телефон, похоронная процессия, тележурналисты, хладнокровно выбирающие ракурс, чтобы снять картинку поэффектнее и т.д. Как роняет один из героев повести: «Такая страна... У каждого есть знакомые погибшие, и каждого хоть раз показывали по телевизору».

У «бытийной» фразы про «мне другого места нет» в романе вполне реальное бытовое наполнение. Герой с некоторым удивлением наблюдает за собой. Он, как и многие творческие люди, ехал сюда уже вполне сложившимся человеком, рассчитывая, естественно, на продолжение себя того, который уже есть, а возможно, и — в более полном, в «развернутом варианте». И обнаружил себя действительно в другой жизни. Он, писатель, стал маляром и строительным рабочим (дочь-актриса работает в детском саду, зять-программист стал мойщиком посуды и т.д.). Но при этом у героя не возникает ощущения краха. Скорее наоборот — новая реальность предложила новую иерархию жизненных ценностей. И герой принимает ее чуть ли не с благодарностью. Переломным для него становится эпизод, в котором герой впервые клеит кафельную плитку и поражается тому, какими неожиданно ловкими и мастеровитыми оказываются его руки. Мимолетное вроде как переживание, но оно помогает угадать самого себя: «Я вырос в рабочем поселке среди

мастеровых людей и в детстве считал, что самое лучшее, что может со мной случиться, — это стать умелым и невозмутимым русским дядькой, столяром, слесарем, каменщиком, плотником. Я стоял, смотрел на них, а руки... Это тот самый танец шамана, в котором зритель всегда соучастник. Даже если он не танцует сам, движения шамана существуют в нем как собственные. Понимать изначально имело один-единственный смысл — уметь повторить. Так создается племя». Герой физически ощущает витальную силу самой земли, на которой стоит его новый дом, — и здесь в образе сухого краснозема, перемешенного с мусором, как бы вообще нет метафизики: «Там, где сбегала на землю вода, посадил... росток, выросший из семени соседского дерева. Корешок его был чуть больше моей ладони, и за три года выросло дерево, не знаю даже его названия, без плодов, с мелкими зелеными цветами, — в тени его уже полностью помещался «мицубиси» Дашки. Зелень перла так неистово, что я, придавая кроне форму, едва успевал отрезать лишние ветки. На севере садовод помогает слабым росткам, здесь он борется со слишком сильными. Мне приходилось бороться с избытком». И вот эта ежедневная работа («если с утра не повожусь с землей и деревьями, весь день чего-то не хватает») тоже то, из чего создается племя.

Удивительно, как естественно в картинах современной, урбанистической, средиземноморской страны, с мешаниной языков и менталитетов, проступает вдруг почти библейское, первоосновное — вот это соединение человека с самим собой, с землей, с работой, с судьбой. Эпосом звучит в романе уже просто перечисление соседей по улице: кровельщик Хагай, строитель-подрядчик Яков, старик Игаль, торгующий яйцами со своей домашней птицефермы, портниха Мирра и т.д. Вот «мир», которому противостоит война (война, а не сами по себе арабы, которые в романе тоже часть этого мира). И мир этот состоит из самых обычных, подобных герою романа израильтян — каменщиков и плотников, портных и менеджеров, математиков, писателей, мятущихся в поисках работы, займов, заходящихся от страха за близких, которые могли оказаться как раз на той площади или в том ресторане, где произошел очередной взрыв. Нет в них ничего героического. Но этот мир — они, и существует он только благодаря им. Действие романа начинается на бульваре возле Каньона-а-Шарон (торгового центра), за несколько минут до взрыва, который тогда пощадил героя, сидящего с внуком в Макдональдсе, и завершается повествование романа там же: герой ведет внука через бульвар все к тому же Макдональдсу. Герой далек от того, чтобы воспринимать совершаемое им как жест знаковый, — он просто ведет внука после школы угостить мороженым, но, собственно, вот этот чисто человеческий жест «просто жизни» и есть то, что может он противопоставить войне.

Матвею:

Спасибо, что перекинул. Я про эту публикацию уже слышал от Бараша, надо будет почитать. Костырко пишет сочувственно, да и вещь, судя по его описанию, неплохая. Упоминания Библии, конечно, пафосны, но куда от нее денешься на этой земле? Тут, думаю, и ответ на вопрос «почему нас ненавидят»: бог у нас не той системы...

Всегда твой

Наум

P.S. Оказывается этот Каштанов написал книгу по социальной антропологии (!) «Дарование слез». Так что неслучайны его «выходы» на пророков и «родовое»?! Копают в нашу сторону?

Может, Костырко знает или может узнать его израильский адрес? Я бы с ним связался. Попробую и по своим «каналам».

Наум

От Л: вот это я понимаю письмо! я даже вспомнила настоящие, бумажные.

а я мучаюсь, можно даже сказать в некотором шоке...

мой супруг вдруг выразил желание поехать со мной в Израиль — давно не был.

а у меня сразу такое чувство, будто кто-то близкий умер.

обычно перед поездкой у меня эйфория такая и страшно и прекрасно и все рецепторы обнажаются и всё благоухает, а сейчас я растерялась как ребёнок, даже побоялась тебе сказать... с этим спать ложусь, с этим и просыпаюсь.

27.5. Странный сон, спортивный. Озрик стучит баскетбольным мячом по асфальту и говорит: «Пошли покидаем». «А где?» — и иду за ним. За каким-то углом небольшая площадка с одним кольцом, кольцо очень высоко и почему-то квадратное. А потом мы бежим «купаться», «там» уже Портос, только голова торчит из песка, но он в этом песке с трудом передвигается и перебрасывается с кем-то мячом. Озрик прыгает в толщу песка и тоже погружается в него по шею, медленно продвигаясь к Портосу. Я постепенно вхожу, песок мелкий и легкий, рассыпчатый, но передвигаться трудно, я по грудь в нем, двигаюсь к Портосу и жене, которые перебрасываются мячом.

Потом вдруг приснился Костырко, он кричал «Я честный!».

Вчера весь вечер читал Арнольда Каштанова. Как-то вяло, нет «драйва». С удовлетворением подумал, что у меня все-таки энергичней.

От Л: наметили на самое начало августа, но ты все-таки не уезжай, может, ещё передумает...

ну ты нашел Каштанова?

спасибо за записки, а что, у Гробманом сын лётчик?

Ответ: Да, вроде служил в ВВС. Поездку пока не планируем.

Каштанова вчера весь вечер читал. С удовольствием разочаровался — вполне обыденно. Может, это людям «со стороны» наша обыденность кажется такой необыкновенной?

По дороге трещала про школу, про то, как все у нее сегодня не клеится. А я опять ехал и думал: куда? В какой-нибудь парк? Жара. Вдруг заговорила о том, что у нее через день-два начнется, и она ужасно возбуждена, и что в следующий понедельник не получится: экзамен, ну я и поехал по налаженному маршруту. Полусумрак «номера», все тот же вид за окном.

После первого блюда была поэзия. Она просила принести Гандлевского с Цветковым, хотела сравнить с Шуляковским. По дороге смеялась над Вадиком, мол, страшный бездарь. Я как-то неуверенно возражал. Спорили о талантливости.

— Ну, давай, это кто, Гандлевский? Это он тебе надписал? Понятно. Ладно, читай, вот отсюда.

Она открывает наугад и тычет в середину стихотворения. Через две-три пробы — приговор:

— Все. Я поняла. Чушь. Это не ново. Он, конечно, не такой бездарь, как твой Шуляковский, но это ерунда. Неинтересно. Перепевы.

Я издал мычание, которое должно было означать робкое несогласие.

— Хорошо, прочти свое самое любимое.

У меня не было любимых стихов Гандлевского. Они мне просто нравились, особенно стихи восьмидесятых, почти все, в них была элегическая нота, когда руки опускаются и только сплевываешь горечь словами. Все-таки прочитал «Самосуд неожиданной зрелости это зрелище средней руки...»

— Нет-нет. Оставь. Оставь, это ерунда. Давай Цветкова.

Ну, Леша, держись. Опять она открывала наугад и тыкала пальцем. Слушала внимательно, какие-то места просила повторить.

— Ну что ж, это, конечно, товарищ посерьезней. Да. Не могу сказать, что мне очень нравится, но тут явно другая хватка. Вот как Гандлевский, я тебе честно скажу, я и сама могу, если посидеть как следует. А вот это... пожалуй, не смогу.

А в меня уже въелась его чеканящая шаг интонация: «Мы стихи возвели через силу как рабы адриановы рим...».

Потом она облизывала-обсасывала, а после я ее перевернул и начал долгий, показавшийся слишком долгим, поход, я чеканил свой ход по запавшему в душу ритму, равнодушно и бесчувственно, как измученная когорта ветеранов, отставшая от основных сил, колотит пустынную землю привычным походным шагом, только чувствуя, как в ладонях крутится пойманным пушистым зверьком ее маленький, ладный, маль-

чишеский зад. Иногда мелькала мысль, что надо бы перевернуть ее, а то этот машинный ход превращается в дурную бесконечность, но монотонность наслаждения заворачивала.

— Как-то странно...

— Что, тебе не понравилось?

— Не знаю... Я даже не видела твоего лица... я люблю, когда ты меня целуешь. Вот если бы у тебя была шея как у жирафа, ты бы мог вот так шею изогнуть... У меня такое чувство, что меня выебли.

— Так это хорошо?

— Нет, мне нравится, когда меня вылюбили... Давай я тебе ушки помою...

И она как кошка вылизывает мне уши.

На обратном пути:

— Так делать мне косметическую операцию? Как считаешь, я же ведь только для тебя. А вообще мне говорят, что можно еще год-два подождать. Я ужасно боюсь общего наркоза. Такое чувство, что умираешь. Но на меня еще обращают внимание. Я на днях была в Битуах Леуми¹, так пока поднималась, один мужик ко мне прилип, а когда спускалась, еще один прилип, и ничего мужики, приличные, мне безразлично, конечно, я на улице вообще никогда не знакомлюсь, но все-таки приятно, что еще... У меня первый кризис был в пятьдесят, и ты меня из него вытащил, за это я тебе... ты просто спас меня. А сейчас, в 55 второй идет, я чувствую...

А ночью я ворочался как уж на сковородке, хоть убей не спится, только к четырем стал проваливаться в короткие сны, но кто-то не давал глубоко заснуть, выталкивал из сна. И нехорошо на душе.

28.5.

Сережа, привет!

Прочитал твою рецензию на роман Каштанова в «Знамени» и, естественно, заинтересовавшись, прочитал его почти залпом. Сначала мне показалось, что рецензия лучше, чем роман, «выигрышной»: средства письма у автора очень скромные, видно, что писатель «небольшой», а некоторую «трогательность» я приписал своей чувствительности и близости к «материалу». Кстати, тоже почти дневник...

В конце, дочитав, я понял, что ты попал точно: «Война и мир». И вещь вышла строго выверенной, со страхом и благоговением перед «темой». А темой тут «судьбы мира», которые, как ни странно, решаются сегодня на этом «знаковом месте»... Я порадовался, что такое написано, и что напечатано «на виду». Попробую связаться с автором, хотя, судя по тексту, он вряд ли расположен к «тусовкам».

¹ Национальное страхование (*ивр.*).

Сравнивал, конечно, и со своими «Хрониками» и подумал, что обе книги друг другу «не мешают», даже где-то и дополняют... У него много «быта», и какая-то опасливая отстраненность, и как бы смотрит вниз, «боится поднять голову»: слишком великие дела идут там «наверху», не нашего писательского и даже философского ума дело (кстати, интересно, что философски — ты это отметил — он «копает» в ту же сторону, что и Матвей)... История отшумит «наверху», а судить о ней будут по черепкам, спрятавшимся в золе...

Всегда твой

Наум

30.5. От Л: Сейчас слышала интервью с Томом Фридманом, получил уже третью Пулитцеровскую премию, это он уговорил Абдаллу предложить свой мирный план. Так он говорит, что сначала должны быть две гражданские войны, у палестинцев и евреев, а уж потом можно говорить о двух государствах.

Наум, здравствуйте!

Пишет Вам Алик Баскин, который был оператором на фильме про «Зеркало».

Вы мне подарили на просмотре свою книгу, если помните.

Я только хотел Вам сказать, что я прочитал ее с тех пор 3 раза... После этого «нравится/не нравится» решающего значения не имеет.

Мне очень близка мысль об отсутствии героизма среди нас (ну или его недостатка). Вот вчера по ТВ у Яира Лапида показали подполковника, который в Дженине первым вошел в оружейную мастерскую террористов и получил 4 пули. Про него надо фильм снимать по хорошему...

Каким-то странным образом перекликается с Вашей книгой фильм американца Генри Бина «Фанатик», который я недавно посмотрел и, на мой взгляд, этот фильм очень важен.

Спасибо за книгу, я давно думал Вам позвонить... Даже однажды взял телефон у Алисы Найман, но как всегда как-то забылось, а тут случайно набрел в инете на Ваш адрес и написал. А говорят, компьютеры вредят человеческой коммуникации.

С уважением,

Алик Баскин

Алик, привет!

Нет, компьютеры не вредят коммуникации, совсем наоборот.

Спасибо за добрый отзыв, я очень рад, что книжка показалась вам интересной.

Насчет героизма одна рецензентка (Рут Альмог) написала (куски из моей книги вышли на иврите в изд. «Кетер»), что была в шоке из-за

«приверженности автора таким устаревшим и не имеющим ничего общего с нашей действительностью понятиям, как героизм и честь». Что, мол, это идеология шахидов.

А герои у нас действительно есть, и о них надо снимать фильмы.

«Фанатик» посмотрю по вашей рекомендации.

Надеюсь, что еще встретимся, и даже удастся что-нибудь вместе сделать.

Дружески

Наум

31.5.

Оля снимает квартиру с крышей в старом доме на Раши¹. Дворик, большая комната с тройным стрельчатым окном. В Оле есть что-то побабьи очень мягкое, ласковое, податливое... Народу было немного: Бараш с супругой, Вайман с супругой, Гробман с супругой, Король с супругой, Гольдштейн один, Юхвец — всегда один, Шаус — всегда один. Еще были молодая пара и Юра Лейдерман, треугольное лицо на тонкой шее, завтра у него открывается выставка в Музее Герцлии. Новым лицом был Король. Бараш дарил свою книгу стихов. Маленького формата и тонкая, оформлена симпатично. Хотя зеленый цвет обложки с каким-то мертвенным оттенком. Потом с ней вышла путаница: Бараш вручил кому-то с надписью другому, в результате кому-то не хватило, попросил всех посмотреть свои экземпляры. У меня оказалась книжка, написанная Оле. Пришлось вернуть и остаться без книжки. С обещанием. Бараш вообще был какой-то «мягкий». Такое впечатление, что он «учел критику» и решил «начальственные нотки» убрать и быть «добрым малым» и своим в доску, поменять имидж. Интимно посоветовался с нами, Гольдштейном и мной, об очередности выступления: Гольдштейн — первый, я — второй. Интересуюсь у Гольдштейна, читал ли он Каштанова, «только несколько страниц», уронил он, «а что, стóбит? Имя у него как у конференсье... и слишком много диалогов». После этого я понял, что мои «диалоги» обречены. Поделом, впрочем. После заплыва утром и часовой прогулки с Озриком и Портосом я чувствовал себя усталю. Это ощущение усталости меня злило.

Гольдштейн читал отрывок из новой книги, романа. Все та же ажурная вязь, навязшая на зубах, мавританский стиль, не совсем понятно о чем, о какой-то Валентине-монашке, об издольщиках, и вроде здорово пишет, но... как-то ходит кругами, плетет кружева почти механически, к тому же читал быстро, и я ловил себя на том, что теряю мысль, тянет вздремнуть. Потом его спрашивали, в основном Бараш и Лейдерман, о сюжете, о герое, внутренней структуре...

¹ Улица в центре Тель-Авива имени великого комментатора Писаний 11 века.

Я прочитал диалоги Тиберия с Калигулой и Макроном. И страничку о морском празднике в Кейсари. Совершенный провал. Гробман с прямо-той римлянина выразил общее мнение: «Ты говоришь, что держался исторических фактов, то есть между тем, как Тиберий поссал, и тем, как он посрал, он там что-то кому-то сказал, а нахуй нам это надо? Для чего нам это знать?» Другие были поделикатнее, спрашивали об исторической концепции, почему римляне (Лейдерман) разговаривают как новые русские. А что же им, говорю, на латыни разговаривать?

Потом читал Король. С ноутбука. О царях израильских, о мандрагорах, какие-то бесконечные баллады-рулады, ухо иногда вылавливало удачные «ходы» типа «охувшего Ахава», но все тонуло в монотонном и плавном как Нил течении поэм, разлившихся как великие реки. Поэтическая неудержимость как недержание. Ира хвалила, так что, наверное, решили привлечь-напечатать.

После Короля — перерыв. Гольдштейн, вдруг заторопившись, откланялся. Выпивали-закусывали. Усталость прошла. То ли от выпивки, то ли от читки и «провала». Бараш с нажимом рекомендовал Лейдермана как человека «отменного ума», «почище Пепперштейна». Сам прочитал после перерыва окончание «Счастливого детства». Мило, приятно, но настоящего интереса не вызывает. Лейдерман расспрашивал: почему он в первой же книге прозы «ударился в мемуары», стал вспоминать детство, я, говорит, такие воспоминания храню напоследок. Бараш сказал, что искал от чего можно «оттолкнуться», «надо же начать прозу», и оказалось, что легче всего с воспоминаний о детстве, что это не мемуары, а вроде Пастернаковой «Грамоты».

Закрывающим дефиле был Гробман. Читал стихи, которые уже двадцать раз читал на всех «крышах»: «здравствуй, баба, добрый день, дай потрогать за пиздень». Вопросов ему не задавали. Бараш спросил Лейдермана, не почитает ли чего, но тот сказал, что ничего с собой не взял. Тогда Бараш стал его расспрашивать, как он сочетает литературу и «изобразительное», Лейдерман сказал, что в литературе он «сам по себе», искренней что ли, а в «изобразительном» он делает то, что сейчас принято (в Иерусалимском музее открыли его большую выставку, вместе с фотографом из Нигерии), спросили его, о чем он мечтает, он сказал: «О деньгах и славе». Добавил, что «современное искусство», то приключение, которое началось в конце 19 века, сейчас заканчивается, умирает. И тут слово явочным порядком взял Гробман и стал вещать об искусстве: долго, занудно, агрессивно объяснять, что искусство никогда не умрет. Лейдерман пытался возражать, что он имел в виду историческую эпоху эстетики модерна, даже ввязался с Гробманом в спор, что меня удивило, все равно что спорить с гудком паровоза, Пепперштейн на такое бы не пошел, ну и, конечно, диалога с гудком не вышло, сплошной дуэт. Все сидели как застывшие, не решаясь пошевелиться, дабы шевеление не было бы расценено как неуважение к гудку. Такого раболепия

я стерпеть не мог. Стал носиться по «крыше», пить, жрать, готовить кофе, в общем, всю фрондировал. Осмелев, взяли слово статисты: кое-кто из жен литераторов, а за ними и сами литераторы набрались дерзости. Время было к полночи, Гробман все еще говорил, стали расходиться. Поцеловался еще раз с Оленькой, понравилось, Король пригласил к себе в Фаран, Шаус попросил подкинуть, и мы втроем вышли. Он переехал из Реховота в Тель-Авив. Только что вернулся из Испании, там был турнир по стоклеточным (он гроссмейстер в этом виде спорта). Сказал, что Гробман любит объяснять-долдонить, что Гольдштейн хитрый, вовремя удрал, молодая жена ждет, что очень организованный человек, а он, Шаус, ничего не успел в жизни, разве что двух сыновей вырастил, жена сказала, что это главное, я сказал, что у Гольдштейна еще есть время, может и сыновей вырастить, «нет, там какая-то проблема», сообщил Шаус и снова вернулся к литературе, мол, Гольдштейн обескуражен тем, как прошла вторая книга, что ему, Шаусу, непонятно, нет, слог, конечно, замечательный, но зачем писать о каких-то издольщиках, какой-то Валентине, «я еврейский человек, ну что мне до этой Валентины», Бараш мил, «приятно читать и слушать, но возникает, извини, дурацкий вопрос: а к чему это все?»

Дома жена сказала: «А мне было интересно», и что я «очень хорошо выглядел», «настоящий хатих¹, не то что эти уроды». Хоть жене нравлюсь, и то хорошо.

1.6.

Наум, привет!

Я действительно освободился от переводческой запарки, но еще не «отошел» от нее: перевел 4,5 печатных листа за 4 дня! Статья твоя мне нравится (как понравилась и сразу); пересмотр некоторых позиций пошел ей на пользу. Но почему история евреев «изначально была 'апофеозом беспочвенности'» (думаю, это сказано для красного словца)? И мне кажется, ты слишком много приписываешь романтизму, обкрадывая за его счет классику эпохи просвещения. «Очиститься от христианского криводушия» мечтали уже Гете (см. о нем раздел книги Лёвита «Христианское язычество Гете и философское христианство Гегеля», с. 115–128) и молодой Гегель (хотя и они не были на этом пути первопроходцами); советую тебе прочитать по этой теме книгу: Карл Лёвит. От Гегеля к Ницше. См. особенно страницы 310–314. Там есть и «героизм по Вайману», и даже «ресентимент». Прочитую одно место из Гегеля по книге Лёвита. «В недрах этой испорченной части человечества /то есть еврейства/, которое с моральной стороны должно было бы презирать само себя, но вместо этого оценивает себя как любимца божества, должно было возникнуть и с радостью быть принято учение об испорчен-

¹ Красавчик (*ивр. сленг*).

ности человеческой природы; оно, с одной стороны, согласовывалось с опытом, а с другой — удовлетворяло гордость; сваливая с себя вину и обосновывая гордость в самом чувстве убогости, оно воздавало честь тому, что постыдно, освящало и увековечивало бессилие, делая грехом даже веру в возможность какой-либо силы (здесь и далее подчеркнuto мной — М.Р.) Для обессиленных римлян, которые, кроме всего прочего, спасались от смертельной опасности бегством, подкупом и нанесением себе увечий и были напрочь лишены всякого самоуважения, пришлось весьма кстати религиозное настроение, которое под видом болезненного послушания обратило бессилие и бесчестье в честь и высшую добродетель, благодаря каковой операции люди с радостным изумлением увидели, как презрение других и собственное чувство стыда превратилось в славу и гордость. Итак, теперь мы видим святого Амвросия с многочисленным народом, к городу которого приближается орда варваров; но вместо того чтобы спешить на стены для их защиты, они преклоняют колена в церкви или на улице и умоляют Божество... Для чего им желать умереть в бою?» Неудивительно, что, комментируя эти цитаты, Лёвит пишет: «это согласуется с тезисом Бауэра и Ницше о том, что исток христианства следует искать в ресентименте рабской морали». (С. 314.)

Относительно «Зеркала». Мне кажется, ты все же пошел «не тем путем». По-моему, следовало бы предложить им (естественно, определенным образом «выстроенную») переписку о ресентименте или что-то подобное, чтобы в тексте была «многоуровневость»; иначе теряются все сильные стороны «размышлизмов» и обнажаются слабые. Впрочем, это скорее твои дела, и я не принимаю их «близко к сердцу».

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Замечания твои очень ценные, спасибо. К сожалению, я на всем протяжении работы над статьей наткнулся на такие «теоретические бездны», как, скажем, увязка избранности и универсализма, или вопрос об античном наследии, и не имея возможности, с одной стороны, по-настоящему увязать все эти вопросы, а с другой стороны, полностью отбросить их, я пошел по пути перекидки хрупких мостиков через эти пропасти, но и этот путь как поспешный и приблизительный тоже не может привести к успеху. То есть, на самом деле, я так и не сумел найти точных границ для этой статьи... Попробую еще раз.

Кстати, одна из причин, что я не предложил «Зеркалу» «определенным образом “выстроенную” переписку» состоит в том, что подобное выстраивание показалось мне слишком громоздким делом. Легче заново написать, чем «комбинировать» (это как строить из готового пазла другую картинку).

А романтизм у меня давно на очереди, очень хочу им заняться, но пугает собственное любительство и слабеющие умственные возможности...

Всегда твой
Наум

Вечером собирался пойти на выставку Лейдермана, но почувствовал какую-то тяжесть, усталость... и не пошел. Просто сил не было...

2.6.

Матвей, привет!

Посылка с Лёвитом еще не пришла. Да и когда читать? И как это ты успел 4 листа за 4 дня?! Фантастика. А какой текст переводил, философский, или белебердистику? Кстати, сейчас есть такие программы перевода, которые дают «подстрочник», а ты уж можешь его «обработать». Это все-таки легче, чем самому трудиться...

Вернусь к твоим замечаниям.

Еврейство все-таки началось с Авраама, а он, как ни крути, скиталец, и народ сложился в блужданиях по пустыне, на «ничейном» земле. Это я и имел в виду под изначальной беспочвенностью.

И в иудаизме изначалью сидит «интернациональная составляющая» (не нация, а «рабы Божьи»), главная их задача — служение универсальному Богу, Царю Мира, это изначалью «мировая религия». Что она несла в себе черты «архаики» или даже язычества — это как раз и не суть, это общие черты, а вот «черт необщим выраженьем» стал именно универсализм еврейского Бога и универсальность Учения. И это не противоречит необходимости сохранить любой ценой национальное ядро, как своего рода Орден, без такого ядра прекратился бы «живой источник» и закончилось бы служение. Ты прав, что логически «избранность» и «универсализм» друг другу противоречат. Но я вижу избранность как посвящение в Орден, назначенный хранить универсальное учение, а евреев, как «прорабов универсализма».

Всегда твой
Наум

3.6.

Позвонил во время прогулки.

— А я вчера два раза звонила, но ты «ушел на дно», я чего-то стала беспокоиться, ты сказал, что плохо себя чувствуешь...

— Да нет, я сказал, что устал немного...

— Так чего ж ты так набрасываешься на спорт...

— Ну, знаешь, как раз когда хорошо себя чувствуешь, так хочется все: и поплавать, и в теннис поиграть...

— А я тут... не хотела тебе рассказывать, тоже вот бегала, и решила еще и попрыгать, и мне так спину схватило, что я испугалась, думала, паралич хватит. Мне же вообще нельзя... Муж говорит: а просто походить ты не можешь? Два дня лежала. Но ничего, отошла. А в общем, мы с тобой два юных дарования, ха-ха-ха!

Смех у нее хриплый, страшный... Потом перешли к «отчетам». Читал, говорю, целый день.

— «Голубое сало» дочитал?

— Нет, я читал Делёза о Спинозе...

— А ты дочитал до голубых таблеток?

— Нет, я на стакане русской крови остановился.

— Аа, ха-ха-ха, пьеса Симонова! Ну скажи после этого, что он русский!

— Ну а чего, вполне антисемитская пьеска...

— Ну ты что, это же ирония, у него же сплошная ирония! И заметь, совсем не злая!

— Ну уж не злая. Особенно когда он о коллегах пишет, как они это яйцо от Ахматовой глотали...

— Аа-ха-ха-ха! Это замечательно! Как Иосиф маленьким ртом ам, и заглотнул, ха-ха-ха! Ты знаешь, он мне так угодил с этим яйцом, я вот так же ее стихи чувствую как я вообще женщин чувствую: как что-то грязное, липкое, склизкое, мерзкое, и... я такое удовольствие получила...

Сегодня у нее экзамен, может, в четверг получится. В общем, гуляй рванина, передышка.

От Л.: спасибо за записки. я так поняла, что, если бы не Оленька, то на крышу вообще можно было не подниматься? а разве в раю предусмотрены пластические операции? что ты посоветовал по этому поводу? всё-таки это для тебя...

Я что-то не улавливаю, ты вообще подопечным занимаешься, или забросил?

Ответ: насчет «пластики» сказал, что ей виднее.

Подопечного забросил... кстати, если хочешь, pošлю тебе то, что читал на крыше

Такое было хорошее, «боевое» настроение, свиданка отменяется, предвкушал удовольствие от интеллектуальных приключений, и... когда посылал Л кусок из «РИМА», все, кроме этого куска, стер, и еще не сообразил сразу, как восстановить, в общем, утеряно все... Не дается подопечный... Можно, конечно, восстановить, все это есть в кусках, но лень опять «собирать»...

Наум, привет!

Вернусь, с твоего позволения, к нашим баранам, то бишь жертвенным агнцам. Начну с вопроса о «социальности». Далее можно поговорить о Рампе, ритуале, Жреце и Маге. И наконец перейти к твоей «творческой инициативе» об альтернативной «линии разделения» ритуала (на собственно ритуал и сферу его идеологического обеспечения, где и осуществляется расхождение Жреца и Мага), которая, на мой взгляд, заслуживает самого серьезного рассмотрения. Я и сам думал «в этом направлении»; полагаю, что это твое предложение свидетельствуют о полном «вхождении в проблему» (что называется, врубился).

Прежде всего, хотелось бы «поставить точку» в вопросе о первичности/вторичности таких явлений, как индивидуация/социальная индивидуализация. Я понимаю, что у людей с нашим, грубо говоря, «марксистским» background'ом выражения, предполагающие «первичность» категорий типа «социальная дифференциация» и «разложение рода», проходят на ура, как по маслу; беда в том, что они проходят, не задевая мозгов. А теперь попробуем определить значение слова «социальный» в предельно строгом, «узком» — то есть собственно категориальном — смысле. Во-первых, совершенно ясно, что, следуя золотому правилу «бритвы Оккама», запрещающему «увеличивать без нужды количество сущностей», мы можем спокойно обойтись по отношению к животному состоянию словом 'стадность' для обозначения явлений, которые кажутся нам «пред-социальными» (условно говоря, «пчелы, муравьи и обезьяны»). В этом смысле я безусловно соглашусь с тобой, если ты скажешь, что рефлексии предшествовали такие явления, как «дифференциация стада», повышение степени индивидуализации (но не индивидуации) его членов, хотя уже «разложение» стада — это синдром по преимуществу пострефлексивный. То есть рефлексия возникла не «где попало», а там, где только и могла возникнуть, — в среде животных с развитой и достаточно дифференцированной или даже, возможно, находящейся на грани разложения стадности (то есть отношения между индивидом и родом были уже напряжены; по моей терминологии, индивидуально-родовое единство постепенно переходило в индивидуально-родовую дихотомию). Ясно, например, что для существа, ведущего более или менее «индивидуальную» жизнь, затруднено осуществление цепочки отождествлений по типу: я человек, Кай человек, Кай смертен и т.д. и дальнейшей силлогистики с выводом: я смертен. А для «стадного» животного оно облегчено. Тем не менее, все эти явления не выходят «за рамки животности» (к любым видам животных применимы категории 'индивид' и 'род'; для животных они «необходимы и достаточны»), и применять к ним слово «социальное», то есть категорию, которая обрела терминологический смысл применительно к человеческому обществу, — значит, наводит тень на плетень. Поэтому предлагаю «в рабочем порядке» договориться (пускай пока «условно»): у животных —

стадность, а социальность характеризует человеческое состояние. Заклучив такую договоренность, мы ничего не теряем, а выигрываем многое: возможность (если повезет) использовать понятие 'социальность' как смыслообразующее для выявления специфики «человеческого состояния».

Теперь обратимся непосредственно к рефлексии и к ее связи с категорией социальности. В самом деле, что «первично», а что «вторично»? Прежде всего приходится признать: говоря о том, что рефлексия — это «всего-навсего» изменение угла зрения (взгляд, устремленный на себя), я упрощал проблему. В конце концов, водить глазами может всякий. Надо, чтобы это существо уже обладало как минимум: языком (хотя бы самым примитивным), способностью производить простейшую когнитивную классификацию, определенной мерой «отъединенности» от своих сородичей и навыками построения элементарных силлогизмов. Только при соблюдении этих (а может быть, и ряда других) условий из случайного угла зрения возникает 'рефлексия' в качестве «судьбоносного», «учреждающего», «видообразующего» явления. Возникает вопрос: Кто сей? Как назвать «существо» до возникновения рефлексии? Я уже напоминал тебе об «антропологе-самоучке» Б. Поршневе, который, на мой взгляд, указал путь в верном направлении (хотя этого никто не заметил, равно как и существования самого вопроса), назвав «предчеловека» «античеловеком» (диалектика в действии!). Конечно, это дело договорное (конвенциональное); можно условиться называть его таки человеком, но — никак не *Homo salvans*'ом! Пусть это будет какой-нибудь *Homo faber*. Но вариант не проходит: ведь как ни крути, мы не сможем выделить этого *Fabera* из животного мира; все «дифференциальные отличия» будут носить количественный, а не качественный характер, поскольку у животных есть и «язык», и «мышление», и «сообразительность», и «самоощущение» и т.п. Здесь, как и в случае употребления слова 'социальность', мы ничего не выигрываем, применяя понятие 'человек' (*homo*) к этому существу, а теряем многое (практически «все») — возможность сделать категорию 'человек' (понятую как *Homo salvans*) настоящим «оператором», «смыслообразующим человеческое состояние». Значит, это пока еще не *Homo*, а *Animal*. Назовем его *Animal faber* («очень 'продвинутое' животное»). В таком случае его «социальность» — не более чем «очень 'продвинутая' стадность». Допустим, что это «развитая стадность» в том смысле, что дифференциация приводит к «обособлению», «отъединенности» и даже в какой-то мере к «отщепенству». Лишь наложенная на это «обособление-отщепенство», рефлексия смогла произвести то, что она произвела, — индивидуацию и, в конечном итоге, *Homo salvans*'а, научившегося «снимать» эту индивидуацию.

Пост-рефлексивное существо уже не животное (если животное, то «ущербное», «непредусмотренное»), но еще не человек. Все же, поскольку

ку из животного царства оно «выпало», «отщепилось» (утратив автоматизм инстинктивных реакций) и превратилось в болванку для человека (а не кого-то другого), к человеку оно ближе. Это «Человек погибающий» — Homo perdans; именно его (а не Faber'a) следовало бы называть «античеловеком» (по Поршневу). Согласись, что в этом есть логика: если мы признаем в качестве дифференцирующего понятие Homo salvans, мы должны признать и то, что ему, salvans'у, есть от чего спастись (ощущение гибели логически предшествует спасению). Таким образом, Homo perdans — это существо, подверженное ощущению метафизической гибели. Конечно, существование Homo perdans'a — это не «антропологический факт», а «спекулятивное построение». Тем не менее, между «фактами» и «построениями» взаимосвязь очень тонкая: нередко фактов «в упор не видят», когда им не предшествуют «идеи»; с другой стороны, идеи «позволяют» видеть даже «то, чего нет». Я считаю идею Homo perdans'a «эвристичной» и не исключаю того, что антропологи «многого не увидели» из-за недостатка «философской фантазии». Как бы то ни было, не обязательно представлять себе Homo perdans'a (нашего пердуна: бздит от страха, к чести латыни) как нечто «отдельное», существовавшее «в определенный период» и оставившего после себя специфичные «палеоантропологические данные». Это вопрос не «данных», а их интерпретации. Вполне допускаю, что наш пердун никогда не существовал «в чистом виде»: инструменты снятия индивидуации — в виде Лоренцевых «животных ритуалов» и «смещенных инстинктов» — «изначально» были у него под рукой. Если бы не это счастливое обстоятельство, он просто «не успел» бы их выработать, потому что существо, «погибающее» по определению, строго говоря, не может жить ни секунды. Поэтому точнее будет сказать, что Homo perdans предшествовал Homo salvans'у не «физически», а логически; но не понимая логики, мы не только не поймем «физику», но даже не увидим «фактов» (что, по-моему, и происходит в антропологии в целом, если не считать некоторых прорывов, осуществляемых, как правило, «дилетантами»).

Теперь поставим вопрос так: где была 'социология' на этапе Homo perdans'a? Поскольку этот этап по определению зиждется на «разгулявшейся индивидуации», то есть на разрыве, отъединении, отщепенстве, то «социология Homo perdans'a» вещь весьма условная; это скорее анти-социология: стадные — державшиеся на этологических инстинктах — связи разрушены, а новые — собственно человеческие — еще не созданы. Именно поэтому я и утверждаю: индивидуация предшествует социуму, а значит, и социологии как таковой. Предмет социологии — социум — возникает в процессе преодоления индивидуации. Социум — это то же стадо, но пост-индивидуационное; «вещество его существования» — это «стадность, восстановленная на новом витке спирали». Между стадом и социумом залегает, метафорически говоря, зияющая про-

пасть; в содержательном смысле — «индивидуационный провал». Социум — это не «изначальная данность» (каковой было стадо), а результат «возврата» к экзистенциальной устойчивости, свойственной стаду, реальность «второго порядка». И как существует наука для изучения «поведенческого аспекта» экзистирования стада — созданная Конрадом Лоренцом 'этология', так «поведение социума» должна изучать социология. Эти науки отличаются тем, что у них принципиально разнокачественные «субъекты поведения»: дорефлексивный субъект описывается этологией — наукой об инстинктивных паттернах (моделях поведения), а пострефлексивный (субъект спасения) — социологией, наукой... о чем? Тут-то и загвоздка. Дело в том, что «субъект совокупного поведения», которого описывает социология, не «чистый субъект спасения» (такого субъекта описывает сотериология по лекалам Рувина): в совокупном поведении Блок обеспечения и Блок спасения не существуют по отдельности, а «накладываются один на другой». Уверен, что методологически правильно было бы сначала «разложить поведение на чистые составляющие» (Блока обеспечения и Блока спасения), а затем смотреть, как они «накладываются». При этом важнее всего иметь в виду относительную автономность каждого из блоков (иначе опять получится бесплодная конфигурация «базиса и надстройки» по Марксу). Если теперь взглянуть с этих «абстрактно-теоретических» позиций на развитие социологии, то мы найдем там, как мне кажется, убедительное подтверждение правильности подобного подхода. Первым социологом, осознавшим исключительную важность стратегии спасения (религиозного) для построения общесоциологической теории, был Макс Вебер; он и совершил, по сути, единственный серьезный прорыв в социологии, выдвинув реальную альтернативу теоретическому засилью марксизма (наиболее известный пример — теория «духа протестантской этики» как «колыбели капитализма»). Другое дело, что сам Вебер сделал в этом направлении лишь робкие шаги (очень слабо обеспеченные метафизически), а его последователи свели почти на нет достижения учителя. И если в дальнейшем в этой области появлялось что-то интересное (по крайней мере для меня), то все эти «мини-прорывы» связаны с введением в социологию сотериологических измерений. В этом смысле я нахожу много ценного в работах Норберта Элиаса и Лео Штрауса, но и тот, и другой слишком слабые метафизики, чтобы по-настоящему сдвинуть дело с почти мертвой точки.

И еще один, последний на этом этапе, момент. Индивидуация не только «первична» по отношению к социологии; она задает ей «рамку», которую та никогда не перейдет. И именно этим главным образом (а во все не конкретными взаимоотношениями между группами) поддерживается относительная стабильность *Homo salvans*'а как вида.

Всегда твой
Матвей

P.S.

Что касается переводов, то если тебе интересно, у меня секретов нет, слушайте, детишки. История проходит по рубрике «Не было бы счастья, да несчастье помогло». В ЭКСМО, где мне давали для перевода детские ужастики, на время кончились книги (один договор истек, а насчет другого торгуются), и я остался без работы. Между тем, Костырко (не знаю, известно ли тебе это) перешел со своим сайтом в «Русский журнал» «под Глеба Павловского». «Русский журнал» — это концерн, где, среди прочего, выпускают и печатные издания. Например, они издают ежеквартальный журнал-дайджест «Интеллектуальный форум», который состоит из переводов статей из таких солидных английских и американских журналов, как *The New York Review of Books*, *London Review of Books* и т.п. Это рецензии на недавно вышедшие книги, обсуждение актуальных проблем — политических, культурных и т.п. Серега принес мне как-то пару номеров, и журнал мне так понравился, что он подарил мне подписку ко дню рождения. Так вот, когда я остался без работы, мне пришло в голову, что раз журнал сплошь состоит из переводов, им должны быть нужны переводчики. Оказалось, что редактор журнала, некая Марина Фрейдкина, сидит за соседним с Костыркокой столом; я попросил его закинуть удочку, и Марина дала мне пробный перевод, который прошел на ура. Оплата там, по моим понятиям, фантастическая: 8\$ за страницу (1800 знаков с пробелами), в то время как в ЭКСМО за ужастики платят 1\$ за страницу. Разница в 8 раз! При этом перевести «прозу» (какая бы она ни была, хотя бы и детская) в 1000 раз труднее, чем научно-популярные тексты (каковыми, собственно, и являются тексты на «Интеллектуальном форуме»). Вообще ничего легче языка дайджеста нет и быть не может: это «язык средней интеллигентности», который «сам льется с языка». Я уже перевел для ИФ две статьи: об одном востоковеде, Альберте Хурани, ливанском христианине (который, кстати, в молодости, в 1947 году? представлял интересы палестинцев перед Англо-американской комиссией по палестинскому вопросу, но потом отошел от политики и стал профессором-арабистом в Оксфорде). Рецензию написал Роберт Ирвин, английский востоковед-арабист и, по совместительству, автор знаменитого романа «Арабский кошмар». Вторая рецензия — об Александрийской библиотеке; излагается вся ее история вплоть до сегодняшнего проекта возрождения; кстати, библиотеку, построенную на западные деньги, должны были открыть в этом году, но Египет заявил, что отменяет это дело «из солидарности со справедливой борьбой палестинского народа» и под шумок, вопреки предыдущим договоренностям с европейскими спонсорами, присвоил библиотеку себе, переориентировав ее на рукописи и книги исключительно на арабском языке; европейцы в очередной раз оказались в дураках, но им, по-видимому, нравится, когда их наебывают арабы.

Что же касается последнего заказа, то он не совсем «по профилю». Мне позвонила та же Марина и сказала, что есть большая срочная работа, но не для ИФ, а «для другого отдела»; платят чуть меньше (6\$ за страницу), зато текст не надо доводить до кондиции, поскольку он не для печати, а «для сведения» (возможно, для «самого» Павловского). Объем моей доли текста оказался 100 страниц; так что я заработал за четыре дня 600 \$; для меня это просто фантастика. Боюсь сглазить. Текст, который я переводил, носит заголовок

THE SOCIOLOGY AND PSYCHOLOGY OF TERRORISM:

WHO BECOMES A TERRORIST AND WHY?

Доклад, подготовленный согласно межведомственному соглашению между Отделом федеральных исследований и Библиотекой Конгресса. Сентябрь 1999 года.

Доклад огромный, и мне досталась лишь заключительная часть; зато в нее попали такие симпатяги, как Арафат, и бен Ладен. Впрочем, я оцениваю получение этих заказов как случайную удачу; беда в том, что журнал выходит раз в три месяца, имеет сравнительно небольшой объем, и у них есть, кроме меня, и другие переводчики. Поэтому не исключено, что мне со временем снова придется взяться за ужастики. Зато после них уже ничего не страшно.

Всегда твой

Матвей

Сосватал Амиру Изю Шамира и Канторера. Изю застал в парижском аэропорту, он был тронут тем, что я вспомнил о нем, сказал: конечно-конечно, передай ему мой телефон. Канторера застал в милуиме, он, похоже бука, ворчал, что не видит особой пользы, тем более что не платят. Насчет платят посоветовал ему говорить с Амиром напрямую. Он сказал: позвоните мне, когда я вернусь. Вернулся он не скоро, в конце ему еще дали «цав шмоне»¹ (сколько ж ему? Молодой ишшо), в конце-концов изволил согласиться, и я дал его телефон Амиру.

4.6. Сегодня забастовка учителей, и она не работает, но о свидании нет речи, вторник — день Мики. Тем не менее «не отпускала»: «только не говори «ладно!»», «только не говори «ну, хорошо!»». Сказал, что дочитал «Голубое сало». Забавно, но неинтересно. Пылко защищала Сорокина.

От Л: Спасибо. Что-то я не заметила чтобы они разговаривали как новые русские, наверное, от того, что не знаю как они изъясняются. знаю только что мне было интересно и, что поважнее, в кайф. С удовольствием бы почитала еще, чего не могу сказать о других обитателях

¹ Приказ номер 8 (о мобилизации) (*ивр.*).

крыши, но это, опять же, мое личное восприятие. и мне очень жаль что ты его забросил, ты уж, будь любезен, вернись к нему поскорее. мы будем ждать, он и я...

Ответ Л: Произошла обычная для новой «техники письма» с помощью компьютера «малая катастрофа»: когда посылая тебе отрывок из текста «Рим», куда я свел 5 глав, все стерлось, страниц 50...

Разозлился, конечно, потом усмотрел «знак»...

Спасибо за ободряющие слова. Я вернусь к подопечному. И «Рим» можно в целом восстановить (кроме всяких переделок), но сейчас как-то неохота. Висит ответ Матвею (что-то он «утомил» меня последним письмом) и эссе о романтизме...

Матвей, привет!

Скажу тебе честно: я запутался во всех этих «пляшущих человечках» от «фабера» до «пердуна». Мы все пытаемся нащупать границу перехода (к человеку), спускаясь вглубь веков, но там тьма тьмушая. Возникло желание, подняв хоругви Оккама, «ограничить число сущностей». Давай оставим (пока) вопрос о «первичности» (социум, рефлексия, индивидуация, когда и при каких условиях они возникают) и перейдем к нашему «родному человечку», которому так хочется порадеть: начнем с момента, когда homo salvans явился миру. А от него уже — к путям спасения, эстетике и т.п.

Вот ты обронил очень интересное замечание: «Надо, чтобы это существо уже обладало как минимум: языком (хотя бы самым примитивным), способностью производить простейшую когнитивную классификацию... и навыками построения элементарных силлогизмов». Эти способности и навыки даются в языке. Так, может быть, именно язык и есть та отличительная особенность, определяющая Человека, он же и Человек спасающийся? Это не исключает и рефлексии из группы определений, более того, они, рефлексия и язык, как-то связаны, во всяком случае, одно немыслимо без другого.

Конечно, и здесь можно залезть в дебри «генезиса языка», может, и он — результат социального развития, социальной коммуникации и т.п. Но опять же: вернемся к порогу появления нашего Чмо, определим его рефлексией-индивидуацией-языком (святой неразрывной троицей), и будем от этого комплекса «танцевать». Тем более что «метафизический ужас гибели» все-таки результат уже довольно продвинутой индивидуации, и не просто рефлексии, а рефлексии «болезненной», осознания своего «отщепенства», уже оформленного в языке. (А что такое в этом случае «сознание» и не связано ли оно «намертво» с языком? Много вопросов.) Но в любом случае «спастись» можно по-разному, можно, «снимая» индивидуацию, а можно и лелея... То есть это богоугодное дело разветвляется в течение всей «истории» (истории мысли,

религии и искусства) на два, можно сказать «противоположных» пути: «возвращение к роду» и обожествление человека, на пути жреческий и магический. Я готов при этом считать «жреческий» путь снятия индивидуации «правильным, «истинным» и т.д., а «теургический проект» — иллюзией, причем вредной, но нельзя не согласиться, что эта «иллюзия» владела и владеет многими умами, а значит, питается реальными жизненными импульсами. Мне кажется, что если посмотреть на «историю индивидуации», то можно легко подметить, что с углублением социальной дифференциации, отчуждения и отщепенства происходит и перестановка акцентов в соответствующих религиозных, философских и эстетических представлениях, причем в сторону убывания «жреческой» и возрастания «теургической» (магической) составляющей. Впрочем, последнее утверждение нуждается в доказательствах, и возможно, ты предложишь другую картину: синусоиду («схему Чижевского»), где «жреческие» и «магические» периоды регулярно и с равной силой сменяют друг друга (хотя мне, навскидку, в «синусоиде» не хватает динамизма, в этих равномерных колебаниях есть что-то застойное...). Тут действительно потребует углубление в историю, но все-таки не в праисторию, история не только доступней, но и «интересней», актуальней, и можно посмотреть на нее как на рассказ о борьбе двух, извиняюсь за выражение, парадигм спасения. Иначе можно закопаться в этих тайнах обезьяньего стада.

Кстати, не знаешь ли ты какой-нибудь толковой книжки по «романтизму»? Вот пример настоящего обожествления человека...

Всегда твой

Наум

P.S. Да, если ты разжился деньжатами, то приезжайте с Милой на свадьбу моего старшего, она будет 23.7.2002. Милости просим.

Вдогонку:

Матвей, привет!

Хочу поделиться с тобой маленьким открытием (а все «чтение с фонарем»!): вычитал у Спинозы (правда, в интерпретации Делёза, в книге «Критическая философия Канта... Бергсонизм. Спиноза», страницы 212–216) соображения о морали, весьма напоминающие ницшеанские (он тоже исходил из «любви к жизни»), включая психологические мотивы, весьма напоминающие ресентимент.

«Мораль всегда связывает существование с трансцендентными ценностями».

«Моральный закон — это некая обязанность; у него нет иного результата, нет иной конечной цели, кроме покорности. ... между знанием и моралью, между отношением приказ-подчинение (речь идет о моральном законе) и отношением познаваемое-знание постоянно обнаруживается некое различие по природе». По Спинозе, «трагедия теологии

и ее вредоносность — из-за практического смешивания этих двух различных по природе порядков, — смешивания, которое теология исподволь внушает нам».

Это «о морали». Теперь о ресентименте. Спиноза подходит к нему со стороны психоанализа «мрачных состояний».

«...мрачное состояние — это комплекс, воссоединяющий безграничность желаний с волнениями души, алчность с суеверием». «Тиран нуждается в омраченных душах, дабы преуспеть, также как и омраченным душам нужен тиран, чтобы быть довольными и плодиться. В любом случае, что их объединяет, так это ненависть к жизни, озлобленность против жизни. У Спинозы есть хорошо продуманная философия «жизни», и она состоит у него в осуждении всего того, что отделяет нас от жизни, в осуждении всех отворачивающихся от жизни трансцендентных ценностей, привязанных к иллюзиям сознания. Жизнь отравлена категориями Добра и Зла (подчеркнуто мной), вины и заслуги, греха и искупления. Что отравляет жизнь, так это ненависть, включая ненависть, оборачивающуюся против нас самих в форме вины».

Дает он и психоанализ ресентимента (цитирую по Делёзу):

«Шаг за шагом Спиноза прослеживает ужасное сцепление мрачных состояний: сначала уныние само по себе, а потом ненависть, отвращение, страх, осмеяние, отчаяние, *morsus conscientiae* (озлобленное сознание), жалость, подавленность, зависть, приниженность, раскаяние, самоунижение, стыд, сожаление, гнев, месть, жестокость... Его анализ заходит настолько далеко, что даже в *надежде и уверенности* (курсив Делёза) он может обнаружить зерно неудовольствия, которого достаточно, чтобы превратить последние в чувства рабов. /*Этика 4, 47 Схолия*/».

«Спиноза не из тех, кто полагает, что у неудовольствия, или мрачного состояния, есть что-то положительное. Уже до Ницше (Делёз-то знает куда гнет) он осудил любые фальсификации жизни, любые ценности, от имени которых третируется жизнь: мы не живем, а имеем лишь некое подобие жизни, мы только мечтаем, как избежать смерти, а вся наша жизнь не что иное как поклонение этой самой смерти».

И в довершение: «Этика — это необходимым образом этика радости: только радость имеет смысл, радость остается, подводя нас ближе к действию и к блаженству действия. Мрачные страсти всегда равнозначны бессилию (подчеркнуто мной)».

И вот тройная практическая проблема «Этики» Спинозы.

«Как мы добираемся до максимума радостных страстей, или радостных пассивных состояний и уже отсюда движемся к свободным и активным чувствам (не смотря на то, что наше положение в природе обрекает нас, по-видимому, на плохие встречи и огорчения)? Как мы умудряемся формировать адекватные идеи, которые как раз и являются источниками активных чувств (несмотря на то, что наши естественные условия, по-видимому, обрекают нас на обладание неадекватными идеями

нашего тела, нашего разума и других вещей)? Как мы начинаем сознавать себя, Бога и вещи... (несмотря на то, что наше сознание, по видимому, неотделимо от иллюзий)?».

А? Хорошо Спиноза! Как-то ближе стал после этого. Спасибо Делёзу...

А то я, признаться, несколько раз брался грызть его Этику и Трактат, но «зубы мудрости» отскакивали, как от железа...

Всегда твой

Наум

Пе.Эс. Как уже бывало у нас, собравшись отправить письмо о Спинозе, «нашел в ящике» два твоих. Ответ «по философии» откладываю (треба разжувати), а «по переводам» скажу, что рад твоей удаче (опять же спасибо Костырке, не имей сто рублей...), хорошо бы там закрепить: и деньги, и информация интересная. Кстати, про терроризм, если «не секрет», то, может, перекинешь свой перевод? Любопытно... А про этот «Интеллектуальный форум» я знаю, видел в Сети, даже думал что-нибудь им подкинуть, типа статьи о ресентименте, но для них она пожалуй чересчур «интеллектуально худосочна», да и слишком много «национального пафоса»...

От Матвея:

Наум, привет! Высылаю лишь ту часть текста о терроризме, которая относится к арабам: я выкинул латиноамериканских партизан, греческих террористов, АУМ Синрикё и т.п. Текст, на мой взгляд, интересен только как медицинское свидетельство об идиотизме «экспертов», в том числе и американских. То, что доклад составлен в 1999 году, их не извиняет.

Цитаты из Спинозы замечательные. Конечно, это «наш человек», даром что еврей.

Верник похвастался статьей о нем в «Еврейском камертоне», приложении к «Новостям недели». Друг Капитайкин написал. Я взял у тещи газетку, статья называется «Слово о друге». О стихах друг Капитайкин не сказал ни слова. Хотя процитировал Маяковского: «Я — поэт. Этим и интересен». При этом добавив: «к исходу жизни он стал и этим не интересен». Вот тебе и друг. Как говорится, убереги меня Господь от друзей, а от врагов я уж как-нибудь сам... Экивоки в адрес «большого русского поэта Чичибабина», как они втроем выпивали «в саду имени Шевченко». О том, что Верник «гений дружбы». Ну и всякие мелочи, Блока, например, назвал поэтом революции. И фото Верника на фоне парижского моста. И что «настоящий поэт каждый день должен прикасаться к вечности». Верник был застенчиво доволен.

5.6. Вчера ночью позвонил Миша.

— Миша! А я тебе несколько раз звонил, не застал тебя!

— А я был четыре месяца в психбольнице.

— Аа...

— Но сначала главное: как мама?

— Спасибо, ничего.

— Как здоровье?

— Нормально.

— Римма?

— Нормально. Ты-то как?

— Ну что, сначала я был как в санатории, можно было гулять, но я не выходил, не хотелось... а потом перевели в общую, там пьянь, ругань, драки, но ничего. Я даже написал поэму. О Нине Новиковой (я обратил внимание, что он назвал ее «моим» именем, как в повести), вернее, не о ней, а о дворе, в котором она жила, там много всякого, постмодерн такой, там и проза, и Хемингуэй, и молодость, и бомбардировки Белграда американцами, и у них кресты на крыльях, в общем, мне еще, конечно, надо с этим поработать, но если я закончу, то я, Наум, прославлюсь на весь мир.

Он был в стадии маниакальной эйфории.

— Теперь так: ты летом приедешь?

— Вряд ли.

— Как роман?

— Не идет. Застрял.

— А ты знаешь, что мне Таня Михайловская сказала? Что у тебя не получится. Тут нужен сюжет, а ты не можешь сюжетное, ты лирик. Попробуй это перевести в какую-нибудь лирическую исповедь.

— М-да...

— Таня — она понимает, и авторов в том числе, недаром тридцать лет редактором проработала.

— Слушай, Миш, давай я тебе перезвоню, но завтра, а то дорого тебе выйдет. А завтра наговоримся.

— Ладно.

А утром гулял в парке, позвонил ей. Разговор вялый. попрощались, и через две минуты она звонит: «А ты знаешь, что я звоню, ужасная вещь: только что опять был теракт, у Мегидо. Тяжелый. Вот только сейчас услышала. Не знаю, почему я тебе позвонила...».

— Ну и очень хорошо, что позвонила. А у меня было чувство, что я не успел тебе что-то сказать.

— Ну, скажи.

— Я люблю тебя.

— Ох... Ты не представляешь, как я соскучилась. Как мне хочется тебя потрогать...

От Л: А я вчера как раз добралась до Арнольда, прочла где-то половину. Есть конечно просветы, но, главное это другая алия, запоздалая, и драйв другой, с задержкой.

Вчера заказали билеты, прилетаю 5 августа и до 18, а супруг прилетит 16 августа, не получилось у него, какая-то важная сделка помешала.

Отвез Зайчику статью о ресентименте. Войдя в предбанничек Главного, поприветствовал журналистов и технических работников. Сам Главный, раздутый до размеров комнатухи, в которую он с трудом втискивался, беседовал с каким-то маленьким с седой бородкой о том, как сыграли американцы с Португалией. Я как раз видел кусочки и ловко поддержал разговор. Потом Зайчик покрутил десять страниц статьи, посмотрел на мою фотографию (я попросил его дать с фотографией), покачав головой, сказал: «Красавец!», на что мне пришлось сказать: «И ты, Брут?», он смутился и как-то странно спросил: «Нужно читать?» «Не знаю, — растерялся я в свою очередь, — вообще-то — не единого грубого слова». Зайчик удовлетворенно кивнул. «А про что?» — «Генезис морали. Надо им по морали врезать». Зайчик еще раз кивнул, уже полупрощально. «Ладно, позвоните мне в воскресенье, будем умнее».

Гольдштейн клевал какую-то невзрачную пищу с подноса из ломкого пластика, на коих разносят жарчку пассажирам чартерных рейсов, а я пока посмотрел очередной, девятый номер «Иерусалимского журнала». Он открывался стихами Сары Погреб. «Вот бы, — говорю, — Сару Погреб в один номер с Ирой Гробман, вышел бы убойный номер». Гольдштейн хихикнул, запихивая в рот измазанную чем-то рыжим вермишель. В комнатке все было по старому. Нелюдимая жирная спина Слуцкого, загородив рабочую кабинку с компьютером, как бы говорила проходящим: проходи, проходи. Невозмутимый компьютерный дизайнер с большой шишкой на немолодом черепе, которая выпирала сквозь еще почти целую шевелюру, сосредоточенно трудился перед экраном. Ян, как всегда, был приветлив. На окне лежал набор газетной страницы с портретом Бараша: заметка о новой книге «Средиземноморская нота». Далось ему это вонючее Средиземноморье. С Одессой, что ли, брататься? Зашла Наташа, поболтали о детях, опять тяжело задумался: вечный гамлетовский вопрос, ебыть или не ебыть. Наконец Гольдштейн дождался, и мы вышли. Взяли по соку, сели за столик. Поделились впечатлениями о «крыше», о читке. Он сказал, что отрывок о водном празднике в римской Кейсарии ему очень понравился, «кинематографично», «видишь», «здесь проявилась ваша лучшая сторона: пластичная наблюдательность». Я сказал про его отрывок, что он выработал очень насыщенный, яркий стиль, но возможности стиля должны совпадать с «содержанием», с интересом к нарративу (он тут усмехнулся, и я пояснил: «во, новое слово выучил»), а его сюжеты не вполне сопрягаются с таким потоком

словесной мощи. Рассказанная история должна быть существенной, либо ее вообще не должно быть, и стиль пусть живет сам по себе, своей жизнью. Он сказал, что так и задумал «галлюцинаторную мемориальность», как выразился Юра Лейдерман. Рассказал ему о споре Гробмана с Лейдерманом, когда Лейдерман заявил о смерти «современного искусства». «Ну, это понятно, — сказал Гольдштейн. — Смерть “современного искусства” — это смерть Гробмана. А Гробман не хочет умирать». Вышли на полчаса, а проболтали полтора.

6.5. Встретились в десять. Рука теплая. Но я набрался мужества:

— Слушай...

— Нет!

— Чего — нет?

— Не говори. Молчи.

— Просто мне надо сегодня к пяти вернуться...

— Я же тебя просила четверг освободить!

— Да, но в последний момент...

Машина пока катилась в сторону отеля. А я вроде решил... Собрал оставшиеся крохи этого самого мужества:

— Давай в кино сходим...

— Как скажешь.

— Мне рекомендовали посмотреть «Сказочник».

— Кто ж тебе рекомендовал?

— Одна дама.

— А.

— В Дизингоф-центре в двенадцать, поедем?

— Как скажешь.

Охранник долго обыскивал машину. Стоянка была полупустая. В торговом центре народу мало. Посреди зала внизу прилавки с книгами: неделя ивритской книги.

— Если увидишь эту антологию, «Двухтысячелетняя»...

— А у меня она есть.

— Аа, а я-то думал, куда мой второй экземпляр делся.

— Ты начинаешь меня обижать.

Касса была закрыта, слонялись полтора часа, она «разыгралась» (такой вид истерии): задирала юбку, распахивала сарафан на груди, хохотала. Русские уборщики, а больше никого вокруг не было, испуганно отворачивались. Потом какая-то девка вышла, и сказала, что в 12 сеанса не будет. Кинщик спился. Куда податься? Решили в Яффо. День обещал быть напряженным. Но, проезжая мимо Музея, предложил заглянуть. Еще раз прошлись по выставке портретов, ей понравился Раухсвергер, и вообще, была довольна. В лавке мерил бусы, а я купил альбом индийских миниатюр 17–18 веков, всего за сотню. И ей купил альбом. Потом пошли в «Джакомети», паста была слишком острой, опять неудача, но от

стакана «Кьянти» она воодушевилась. Говорила, что я красивый, что она меня ужасно любит. «А когда мы состаримся, ты будешь меня помнить? Обещай мне!»

Обещал. На пустой темной стоянке целовались в машине, кончилось тем, что я ей натер до радостных конвульсий, а она — мне. Тут она стала хохотать. «На стоянке Музея! Ха-ха-ха! А ты шалун!» А еще в момент согласного облегчения я увидел направляющихся к машине трех полицейских. Но они прошли к соседней машине, сели и уехали. «А представляешь, что бы с тобой было, если бы они появились на минуту раньше?!». Весь обратный путь она была весела. «А все-таки я тебя трахнула! Хорошо!... Но маловато. В понедельник поедем в гостиницу, ладно?»

От Л: спасибо огромное за такую оперативность, прям тепленькое. а я, правда, ценю и ликую. и за Матвея рада и за Мишу, что он уже дома. и Спиноза конечно молодец, а Дерида тоже еврей кажется? а свадьба-то уже на носу.

очень хочу тебя видеть...

злюсь на себя за твой «Рим», ведь стерлось, когда мне посылал...

Боря Р. позвонил, сказал, что проглотил книжку, очень понравилась. Ну да, если за три дня прочитал, значит, было увлекательно. А чего еще надо? О пикантностях не сказал ни слова, только за мат пожурил, мол, во многих случаях «не оправдан».

8.6.

Наум, привет! Ты меня несколько озадачил неспровоцированной агрессией против пляшущего пердуна, и я собираюсь с мыслями. Пересылаю пока последнее обозрение Костырки, «касающееся евреев». Интересно было бы узнать твое мнение об этом тексте. Поздравляю со свадьбой сына; меня тоже можешь поздравить: я стал недавно двойным дедом, дочка родила второго ребенка. Спасибо за приглашение, но мы с Милой собираемся съездить в июле к брату в Швецию. Да и слухи о моем богатстве сильно преувеличены: денег-то я еще не получил, и, возможно, их тоже придется сложить в «копилку имени Гуревича», так что и в Швецию мы едем на деньги брата — заколебал своей благотворительностью. Я вообще по натуре не 'странствователь', а 'домосед', и буду рад, если поездка сорвется, на что втайне надеюсь.

Всегда твой

Матвей

Сергей Костырко

Обозрение С.К. №107

В жанре «записок простодушного читателя» <...>

...Первым знаковым действием вокруг романа стала, естественно, его презентация и описания ее в газетах. «Когда пацаны рубили “До-

свиданья-моего-ласкового-Мишку” ... многие люди реально плакали. А по экранам неслись танки Т-34!... И Сталин мудро курил трубку, и все мы были как Один Советский Народ», «организаторы набрали в модельном агентстве “Тираспольские русалки” блондинок и блондинов в одинаковых тоталитарных костюмчиках», ну и так далее. В подобном контексте пафос романа прочитывается вполне однозначно — как фашистский. Байками про постмодернистское преобразование реальностей можно себя не утруждать — появление этого романа вслед за «Гексогеном» в «Ad Marginem» обставлено как знаковое. Как попытка расширить потенциальную аудиторию наших продвинутых за счет единомышленников из военно-патриотических клубов. А там ребята вполне серьезные, там про нравственность «арийской расы», томящейся в условиях плюрализма, понимают свое и выводы делают соответственные.

Здесь я вынужден сделать небольшое отступление. У меня уже есть некоторый опыт, так сказать, «простодушного говорения», и я могу предположить реакцию на употребление слова «фашистский» в прямом его значении как на нарушение все тех же «стилистических конвенций», как на тупой злобный наезд, предельное уплощение, ну и так далее. Забавно, но наши «крутые интеллектуалы» почему-то обижаются, когда кто-то пытается назвать вещи своими именами. Скажем, несколько лет назад, когда я нечто подобное написал про сайт ЛЕНИН, там жутко оскорбились. Почему? Если человек, например, выполняет работу антисемита, почему его нельзя назвать антисемитом? Какое мне дело до того, что он сам про себя думает. Это я, в частности, про ведущего обозревателя сайта ЛЕНИН Михаила Вербицкого, утверждающего в Интернете свое право на употребление вместо слова «еврей» слова «жид». Нет, я, конечно, могу зажмуриться и уговорить себя, что это такой постмодернистский жест, попытка расслоить реальность на собственно реальность и миф о ней, и, поиздевавшись над мифом («перетереть» его), как бы и реальность «разминировать». В данном случае, поиронизировать с помощью слова «жид» над антисемитами и пугливыми либералами-интеллигентами. Зажмуриться можно. Только зачем? Это ведь игрой (если это действительно игра) выглядит только для узкого круга посвященных. А как быть с непосвященными, то есть со всей остальной аудиторией, которая по причинам своей дремучести относится к слову вполне серьезно? Скинхеду, например, или нацболу не объяснишь эстетику постмодернизма. Да и для самого Вербицкого, думаю, оскорбительным будет отношение к нему как к ребенку, который играет со спичками возле разлитого бензина. Он-то ведет себя как вполне взрослый, выступает, например, с установочной статьей («Новый политический ландшафт: Исправление имен») в «Евразийском обозрении» о про-

исках агентов «Нового Мирового Порядка» и ZOG (Оккупационного Сионистского Правительства). То есть человек ведаёт, что творит. Так же, как и Сорокин, смакующий тоталитаристские символы.

Возможно, у меня проблемы со зрением, но я не в состоянии увидеть в действе, которое разворачивается передо мной, «остроумную и для всех равнополезную» «литературную акцию», игру и только. Возможно, их участники и думают (в чем, честно говоря, сомневаюсь), что это такие вот эстетские игры, но это те игры — скучно повторять, — в которых очень легко переиграть самого себя. <...> Идеологические сюжеты развиваются по собственным законам, и им дела нет до инфантильных юношей, играющих на их поле в «постмодернизм».

Матвей, привет!

Поздравляю с двойным «дедовством». Моя жена уже давно мечтает о внуках и внучках. Что касается путешествий, то интересно, что я тоже «не 'странствователь', а 'домосед'», и мне тоже всегда «тяжело дается» граница, но выбравшись — не хочется возвращаться, а возвращаясь, каждый раз благодарен тем (жене в основном), кто меня, бирюка, «вытащил». А что, если вам после Швеции «прогреть косточки» на нашей сковородке? Можешь и брата прихватить...

Я уж и сам подумал, что, наверное, «разочаровал» тебя (мягко выражаясь) своими «шатаниями». Но твое последнее «теоретическое» письмо как-то испугало меня сложностью всей этой «архитектоники спасения». Моя башка сказала: стоп, ты, парень, забрел в дебри. Что делать с таким «выводом», пока не знаю, тем более что мне вовсе не хочется прерывать наши «философские занятия». Я, кстати, читаю сейчас Лавджоя (да, получил посылку с Лёвитом, спасибо. Шла полтора месяца!) и должен сказать, что давно не получал такого удовольствия: пишет, во-первых, «о самом главном», а во-вторых, с удивительной ясностью, я даже думал законспектировать, но ты его вроде прочитал. И я теперь все свои «старые» идеи поверяю этой «редукцией первоинтуиций» (во, блин, как могу загнуть!). Про себя же я решил, что надо будет перечитать наши последние «письма об антропологии» и попробовать вернуться к дискуссии, если, конечно, ты не соберешься раньше, чему я буду несказанно рад.

За текст Костырки я тебе благодарен, он интересен «картинкой» российской литературной т.ск. жизни. Но Костырко зря пытается «укрыться» за щитом «простодушия». Не мне его учить тамошнему политесу (без коего не выжить, я понимаю), да и достали, понимаю, но самоуничтожение, это... самострел какой-то... невозможно смотреть.

И Сорокина он в эту компанию (прохановскую) вписал зря. Сорокин и по таланту и по идеологии фигура более сложная. Я как раз на днях за-

кончил его роман «Голубое сало» (хотел тебе написать, а вот и повод представился), и думаю, что им движет ненависть ко всяким умственным клише, к тем, кто на самом деле «мертвяк».

Я понимаю напряженную обстановку на идеологическом фронте, но нельзя же писать художественные тексты (если они таковые, а это уже другой вопрос) с оглядкой на скинхедов или еще на кого-то, кто «не так поймет». И если уж говорить об «игре» с фашистской системой знаков, то я уверен, что Сорокин здесь глубоко ироничен, и не протаскивает фашизм под покровом постмодернизма, а скорее намекает на реальный фашизм, который уже (те же скинхеды) разбил за углом лагерь. А проблема его, как и Проханова, в том, что он скорее публицист, чем постмодернист, только публицист навыворот: Проханов пишет «голышом», не стесняясь, а Сорокин берет фашистские культурные коды и выворачивает их наизнанку, что даже и «не смешно», а жутко, и иронией не назовешь. В «фашисты», или в «антисемиты» он не вписывается хотя бы потому, что его таким же макарон можно «записать» в русофобы: ничего более уничтожающе и грубо антирусского я не читал, русские у него иначе как «землебами» и не зовутся. А его «антисемитские» отрывки в «Голубом сале» («пьеса Симонова» «Стакан русской крови», естественно нацеженный и выпитый евреями) скорее похожи на издевательство над русским антисемитизмом, хотя «натурализм» сцен позволяет несмышленышам принимать все это «за чистую монету». Так что, обвинять его в совращении несмышленышей? Дык их уже давно совратили...

Если «постмодернизм» Сорокина что и скрывает, то его публицистичность, т.е. малохудожественность. Это, вообще, проблема концептуалистов (начиная с соц-арта, кстати, Сорокин и начинал с соц-арта). Простой плакатный смысл виртуозно разукрашивается всякими финтифлюшками. Кстати, «герменевты» (Пепперштейн и компания) в этом плане поинтересней, у Пепперштейна есть такая холодная отстраненность от собственных «мифов». А Сорокин со своей изобретательностью лезет и в передний и в задний проход, и в говне валяется, и «жидкую маму» пьет, и чего только ни делает, и все ради чего: дабы «показать читателю» в каком он оказался дерьме? Проза для мазохистов. А то, что «моралью» не отягощен, так это, как раз ему в плюс. Не хватало еще «морали» в этом «компоте» из соплей и дерьма. Ну а поскольку я и сам мазохист, то запишу еще на его счет глубокий пессимизм и своего рода «отказ от русской культуры» (от культуры вообще?), которую он иначе как в соусе из кала не подает читателю.

Что касается «евреев» (как одной из тем российской «пены»), то упёртый русский антисемитизм меня не столько огорчает, сколько удивляет. А удивляет все это потому (и тут я возвращаюсь к нашему старому спору, который, как мы решили, объясняется «географией»), что если «бытовой» антисемитизм (на уровне ксенофобии) понятен и даже «простителен», то совершенно непонятен антисемитизм идеологический: ес-

ли для эпохи «200 лет вместе» он еще мог быть актуален, то сегодня наши национальные пути разошлись, евреи и русские живут теперь в других «исторических мирах», хотя еще осталось несколько угасающих «общих сегментов» (сотни тысяч этнически русских в Израиле и сотни тысяч этнических евреев в России). И почему сегодня русские, или какие-либо другие «фашисты», должны вообще думать о евреях, когда враг «иудео-христианской цивилизации» очевиден, и «евреем» не называется?

Всегда твой
Наум

9.6. Позвонила днем: «Ты представляешь, что произошло?! У нас ничего завтра не получится. Забастовки не будет, и у нас сплошные совещания. А ты чего такой довольный, как ученики, которым уроки отменили?»

А потом — как она переживает, как она уже настроилась, а теперь «струна лопнула», и т.д. А мне что-то не верится. Вот это только и интересно: врет ли? Хотя зачем ей? Чтоб меня «удержать»? А зачем? Не такое уж я сокровище.

10.6. Третий день тяжелый, сорокаградусный хамсин. Сегодня утром пасмурно и сухой ветер. Позвонил ей. «Мне плохо...» — «Не хнычь», — говорю. «Когда я теперь тебя увижу? Это ужасно». Так уж и ужасно... А вообще, я люблю дистанцию. Да и она вроде не похожа на тех, кто вешаются на шею. Играет в любовь? Зачем, если мне это не нужно, и даже наоборот, отпугивает? Ведь она все нюансы подмечает, каждое мое слово помнит и понимает, ничто в нюансах «любви» от нее не ускользает...

Гулял вокруг пруда и подумал о вине, о чувстве вины. Что у евреев все начинается с чувства вины. У язычников нет чувства вины. В греческой мифологии никто ни в чем не виноват, во всяком случае, никто себя ни в чем не винит, каждый — игрушка судьбы. А еврей встречает удары судьбы вопросом: за что? Ищет вину, но обвиняет себя не в бессилии, и не в трусости, а в «грехе». Чистый ресентимент. Вся история иудаизма и христианства — история ресентимента. И чувство личной вины требует личного спасения, оно диктует «прямые», «магические» его пути, спасение через непосредственное обращение к Спасителю. А язычник, тот же грек, «спасается», расслабляясь в мистериях. Или занимается самовоспитанием (стоики, китайцы).

Матвей, привет!

Я тут вытащил из сети статью Исаяи Берлина «Европейское единство и превратности его судьбы», она меня изрядно позлила своей благоглупостью, пересыпаемой всякой философской многозначительно-

стью, например, поднимает глобальные темы, которых и мы часто касаемся («универсальные ценности», «левизна», «романтизм»). Статья по своему характерна, а посему я решил тебе ее «перекинуть», хоть она и большая. Я там брызжу слюной на полях (подчеркивая и ругаясь курсивом) — не обращай внимания. Хотя, если все-таки это покажется достойным «критического интереса», то буду рад и твоему «комментарию», и даже комментарию на комментарий. Там в середине (начало и конец совсем убогие) все-таки есть вещи, на которые надо бы серьезно ответить, и даже одно «открытие»: мне кажется, что он указал на немецкий ресентимент!

Позвонил Мише. Он рассказал, что его хотели навечно в «интернат» запихнуть. Когда перевели в «острое», врач сказал: «готовься, в интернате тебе трудно будет». Это соседи на него пожаловались, но не потому, что он музыку ночью заводил, а потому что они думали, что он пожар устроил, но потом выяснилось, что проводка виновата. И соседи его хорошо встретили, чувствуют себя виноватыми, принесли ему белье и одеяла.

11.6.

— Я сегодня раньше закончу.

— Аа. Так можем увидеться.

— Но я тебя на подвиги не призываю.

— Да какие уж тут подвиги...

От Л: а я уже хотела тебе звонить, как-то тревожно стало. спасибо за записки.

а кто такой Боря Р., кот. прочитал за 3 дня? и какая же дама посоветовала посмотреть кино? Жанна небось?

Костырко конечно с Сорокиным погорячился.

Боря Р. — это мой бывший сосед по Азуру, учитель английского, тоже на пенсии. А кино — это Жанна, угадала.

А Зайчик, гадёна, статью не взял, сказал «очень сложная, это для серьезного журнала», ну, говорю, вот и украсьте газету статьей для серьезного журнала, нет, говорит, это тяжело для наших итеэров. Не уважает, блин, читателя. Впрочем, ему видней, может, он по-своему, по-редакторски прав, не мое это дело, у него свои проблемы, у меня — свои. Будем искать другие «площадки».

Sorokin

Наум, привет!

Не сомневаюсь, что мы «вернемся к дискуссии». Куда денемся? Думаю, соберусь с мыслями, и очень скоро. А пока не собрался, поговорим о

том, что не требует «теоретической подготовки» (попросту говоря, сосредоточенности) — то бишь о Костырке и вокруг. Соглашусь, что «вокруг» интереснее Костырки (точнее, не самого Сереги, а текста его обозрения); но больше, пожалуй, не соглашусь почти ни с чем. Правда, это несогласие особого рода. Признаюсь, что твоя оценка обозрения не оказалась для меня неожиданной; мне такая позиция понятна, и я легко могу представить себя «на твоём месте»; да и были подобные случаи «в реальности», причем с тем же Серегой. Так, я защищал от него в свое время «Голубое сало», но теперь, прочитав свежее испражнение нашего клиента под названием «Лед», вынужден признать, что Костырко был прав (на всякого мудреца довольно простоты).

Двинусь за тобой следом и начну с «личного плана». Ты, конечно, верно подметил, что Серегу «достали», но ты неправ, приписывая Сереге «самоуничтожение» и сокрушаясь на этот счет. На самом деле Костырко прекрасно держит удар; например, на него уже много лет оказывают давление (наезжают) из-за того, что в его «Журнальном зале» не представлены «почвенные» издания (не только оголтелые, вроде «Нашего современника», но и такие «умеренные», как журнал «Москва»). Серега ведет себя так, будто этих печатных органов просто не существует, и это их дико раздражает, бесит до колик. Я считаю такую тактику единственно правильной. Из действующих литераторов в России ее придерживается, кажется, один Серега. Думаю, такая позиция заслуживает, по крайней мере, уважения. Теперь объясню, почему я не согласен с твоей оценкой «самоуничтожения» Сереги. Тебе показалось, что это сиюминутное «проявление слабости»; на самом деле мы имеем дело с хорошо продуманным и обкатанным имиджем. У Сереги психология троечника, который привык выглядеть неказисто на фоне еврея-отличника (скажем, того же Моти Рувина, с которым он учился в одной группе). При этом меня не приняли в аспирантуру, несмотря на красный диплом, а Серегу, никогда даже не помышлявшего о научной работе, вызвали к институтскому начальству и настойчиво предлагали место в аспирантуре на любой кафедре (еще бы, сын путевого обходчика!) К чести Костырки, он посоветовал им принять Рувина, а его больше этим не беспокоить. Осознавая «пробелы в своем образовании», он и выработал образ «простака», и лучше выдумать не мог. Сначала он удивлялся тому, что его вообще печатают, потом стал начальником (руководителем электронной версии «Нового мира»), потом академиком (Академии литературной критики), номинатором всевозможных премий (среди которых премия Аполлона Григорьева, которую он практически учредил), колумнистом-обозревателем и т.д. и т.п. И наконец — венец мечтаний — обладателем интернетского Оскара в номинации «Лучший литературный сайт» за прошлый год. Уверяю тебя, Серега воспринимает свою карьеру как сверхуспешную, как нечаянную радость и одновременно как заслуженную награду за упорство и здравомыслие. В этом плане он спокоен, бла-

годушен и благообразен. У него действительно есть проблемы, но они касаются совсем других материй. Одна из них связана с его графоманией (он «прозаик»), другая — с евреями. Первую тему отбросим, вторую отложим на закуску. А начнем с «литературных оценок».

Итак, Сорокин. Повторяю, я в свое время «аргументировал» примерно так же, как и ты, защищая «Голубое сало». Теперь я понимаю, что был недостаточно простодушным читателем, с благодарностью (неизвестно за что) вчитывая в текст «благородные клише о постмодернизме». Если же прочесть то, что там действительно написано, картина рисуется другая. «Голубое сало» — это наполовину сборник пародий «на русскую литературу». На мой взгляд, они по большей части крайне неудачны, а местами просто провальны. Совершенно беспомощна пародия на Достоевского. Еще хуже — на Толстого (уж не перепутал ли он Льва с Алексеем, любившим париться в баньке?). Бесцветен Набоков. Безвкусен Пастернак (что это за забавы: «Взошла пизда полей»? Как не стыдно...). Единственная относительно удачная пародия — на Платонова. Но и это лишь потому, что Платонов писал так «густо», что постоянно балансировал на грани автопародии; он «сам себе пародия», и пародировать его — дело зряшное. Это по части сорокинской виртуозности, или, как ты говоришь, «изобретательности». (Кстати, в «Сале», в описании «интимной жизни вождей», полно откровенного плагиата из «Палисандрии» Саши Соколова, действительно виртуозного и действительно «постмодернистского» текста.) Но суть даже не в этом. Пародия — жанр рассудочный, это не нутряное творчество, а аналитическое в своей основе. Покажи мне свою пародию, и я скажу тебе, кто ты (в смысле понимания природы художественного творчества). Сорокин видит в литературе «стиль» и «идеологию», не делая между ними особого различия («развенчивая» и то, и другое). Чего он в упор не видит, так это «архетипов». Таким образом, начисто снимается вопрос о 'гении'; остается только вопрос о 'таланте'. Если хочешь, Сорокин — «чистый талант», то есть человек не без способностей в языковом отношении и начисто «отключенный» от архетипов. Может показаться, что он «сводит счеты» с русской литературой, хотя даже американец Вуди Аллен сделал это более талантливо в своем фильме «по 'Войне и миру'» (а точнее, «по всей русской литературе»); на самом деле он сводит счеты со своими убогими представлениями о ней. К тому же он типичный «вампир» и «паразит»: присасывается ко всему, что заряжено энергией (стилистической или идеологической, но не архетипической), и скачивает эту энергию к себе на компьютер. Поскольку он находится «в интернете», тут не до творчества: во избежание лишних затрат приходится пользоваться готовыми опциями. Ноу-хау Сорокина в «Голубом сале» — это приписывание идеологически и стилистически значимому субъекту черт, прямо противоположных реальным, несовместимых с его примелькавшимся имиджем; это своего рода «общее место, вывернутое наизнанку» (так

Корней Чуковский определил стиль афоризмов Уайльда). Если речь заходит об Алексее Толстом, то это человек «узколицый, тихий, скромно одетый» (уже смешно, кто понимает); Эйзенштейн — «щеголеватый альбинос» (тоже смешно, хотя уже не так). Это что касается внешности. С душевными качествами та же история. Каганович — «человек наиболее легкомысленный из всех присутствующих». И т.д. Но главное то, что происходит в сфере идеологии. Осип (Мандельштам) дико агрессивный и брутальный матерщинник и мокрушник; ААА (кликуха Ахматовой услышана под аккомпанемент звуков, издаваемых тужащимся на горшке; естественно, «метафора» реализуется: «она заголила увесистый нечистый зад, сунула указательный палец в заросший калом и полипами анус») груба, вульгарна и «тоталитарна». И т.д. Идеологический посыл прочитывается однозначно. Для безбожной либеральной интеллигенции такие персонажи, как ААА и Осип, культовые фигуры, выполняющие ту функцию, которую для людей верующих выполняют святые мученики. Поэтому их «разоблачение» приобретает характер эпатажного «кошунства». Конечно, при желании такую «шоковую антитерапию» можно приписать «ненависти к тем, кто на самом деле 'мертвяк'», и назвать Сорокина «ненавистником всяких умственных клише». Но, по моему крайнему разумению, здесь происходит подмена понятий. Это то, что Сорокин хочет нам внушить, а не то, что «действительно написано». О каких таких «умственных клише» идет речь? Все эти слоганы про «борьбу с умственными клише» взяты из пред-постмодернистского словоупотребления; имеется в виду, что человек разрушает умственные клише, чтобы предложить свежий интеллектуальный подход. По отношению к Сорокину это мимо кассы. Если он и «разрушает клише», то только для того, чтобы сказать: кроме клише, больше ничего и нет, и никогда не было. И вообще интеллектуализм в его книгах не ночевал. Его разоблачительство идет по другой линии — по линии кошунства. Это аксиологический (ценностный) аспект. Надо найти то, что «людям дорого», «считается священным» (благородным, достойным и т.д. и т.п.), — и обосрать. По ходу дела высвобождается энергия из «разницы потенциалов» между «священным» и «богомерзким»; не забудем только, что это энергия заемная, присвоенная «в порядке вампиризма».

В твоём письме обнаруживается очень занятное противоречие: сначала ты говоришь, что Сорокин «конечно, постмодернист», а потом вдруг заявляешь: «он скорее публицист». Я думаю, именно это (что он «скорее публицист») самое точное из всего, что у тебя сказано о Сорокине. Но это у него не «от избытка», а «от недостатка». Я нахожу у Сорокина ненависть не к «мертвякам», а к творчеству: это ненависть паразита к живому телу, из которого он тянет соки (уже «предпоследние»). Ведь творчество, что там ни говори, питается от «архетипического корня»; если этого нет, остается публицистика. Не такая безобидная, как может показаться. Ведь это только на первый взгляд представляется, что Со-

рокин разрушает «все и всяческие святыни»; на самом деле в его позиции наблюдается отчетливая асимметрия: он гораздо более ласков по отношению к Гитлеру и Сталину (которые связаны тайными нитями — через землеобов — с «веществом голубого цвета, которое должны прислать из будущего для того, чтобы мир изменился»), чем к ААА и Осипу (которые ни с чем таким «почвенным» и «фундаментальным» не связаны: не землеобы, а беспочвенные долбоебы, лишние на этой земле). Да это понятно и «социологически»: ведь «типовой читатель» Сорокина — это бывший либерал, изверившийся в «ценностях шестидесятников», а не твердолобый коммуняка, вряд ли способный извериться в чем бы то ни было. Так что игра идет в одни ворота. Но и этого мало. Вот ты записываешь ему в плюс то, что он «не отягощен моралью» и его «глубокий пессимизм и своего рода «отказ от русской культуры», которую он иначе как в соусе из кала не подает читателю...» С этой характеристикой я, пожалуй, соглашусь; посмотрим, какие выводы из нее вытекают. «Отказ от культуры» — это, по моему разумению, нетворческая (в жреческом смысле), магическая («гностиическая») тенденция, чреватая «теургией». Катартика адаптирует индивида к действительности («оправдывает действительность»), магия «адаптирует» действительность к индивиду («отрицает» ее); поэтому для Мага (точнее, для супер-Мага) чем хуже действительность, тем лучше; в этом смысле гностиический Демиург на месте Бога — это бесценная находка для потенциального Мага. Тут наблюдается парадокс: чем полномасштабнее отрицание, тем меньше иммунитет против теургии. Человек начинает с «благородной позы» крайнего «пессимизма» и «отрицания» — и кончает самыми примитивными квази-теургическими и ура-оптимистическими идеологическими дешевками. (Кстати, и Серебряный век грешил поголовным пристрастием к гностицизму, от которого рукой подать до теургической экзальтации.) Уже в «Голубом сале» отношение Сорокина к «веществу голубого цвета, которое изменит мир» амбивалентно: с одной стороны, это насмешка (может быть, даже над «русской идеей»), а с другой... Что там ни говори, а на фоне сплошного говна это «вещество» является в белом (прости, голубом) фраке. Тексты Сорокина «гностиичны», гностицизм же весьма предрасположен к «теургическому алканию». А характер этого алкания является, в силу вышеуказанных обстоятельств, вполне определенным — тоталитарным, фашизоидным, а при случае и фашистским (это как фишка ляжет). Если подобные тенденции лишь «просматривались» в «Сале», то во «Льде», который развивает и подхватывает эти мотивы (впрочем, в «Сале» имеется налицо уже и «лед», присланный землеобами), они звучат в полный голос. А поскольку во «Льде» нет пародии, получилась автопародия; ты и представить себе не можешь (если не читал), насколько это тупой и примитивный текст (так что я полностью реабилитирую «простодушного читателя»: это еще очень мягко сказано, что текст незамысловат, и впросак попадает как раз «умник», выдаю-

щий Сорокину очередной незаслуженный и ничем не обеспеченный аванс; готов побиться об заклад, что после этого «романа» ты больше не будешь читать этого «виртуоза»). Меня поразила реакция критики на «Лед». Все в один голос завопили: Свершилось! Наконец-то! Наконец-то Сорокин написал настоящую, нормальную фантастику! Там есть начало, конец и «душевная мораль» («мы догадались: он и всегда был таким простым душевным парнем, а только умело скрывал это под маской напускного цинизма»). И дело не в том, что Сорокин «не отягощен вопросами морали», а в том, что он смакует любые проявления аморальности (надеюсь, ты не заподозишь меня в приверженности к нормативной морали, для меня моральный ориентир — путь Жреца). Наконец-то, говорят критики, Сорокин дал себе волю и провозгласил: «Говори сердцем!» (То, что ради «говорящих сердцем» голубоглазых арийцев безо всякого сожаления забивают насмерть представителей «низшей расы», эти «критики» пропускают мимо ушей.) В романе нет ни одного сложносочиненного предложения, не говоря уже о сложноподчиненных с придаточными: подлежащее, сказуемое и точка (чтобы прочел и школьник-дебил, неспособный постичь даже «больно умных» для него братьев Стругацких). На каждой странице появляется новый герой, характеризуемый примитивным набором признаков. Сорокин достаточно тонкий человек, чтобы его можно было заподозрить в том, что он не ведает, что «творит». И здесь мы подходим к еще одной особенности этого «бунтаря-постмодерниста-сокрушителя-всех-и-всяческих-клише». Если он такой непримиримый, то почему такой модный и знаменитый? Почему так охотно тащит свою морду в ящик, не пропуская ни программы «За стеклом», ни «Без протокола», ни тусовок, ни глянцевого журнала, в которых рассказывает о своих бытовых покупках подробнее, чем Алла Пугачева и Филипп Киркоров вместе взятые? Не кажется ли тебе это несколько подозрительным для столь отчаянного «нонконформиста»? И почему его везде так радостно встречают и так ласково провожают? На самом же деле «постмодернизм по-сорокински» — это большой подарок Путину и соответствующим органам, «управляющим демократией», тем более приятный, что неожиданный-негаданный, прибывший неведь откуда (нечаянная радость). Союз молодежи «Идущие вместе» (наш доморощенный гитлер... извиняюсь, путинюгенд), не разобравшись, чуть было не приступил к конфискации книг Сорокина, но более умные взрослые товарищи поправили ребят, и акцию отменили; орлята еще только учатся летать. Ты прав: наш клиент — публицист, а всякая публицистика выполняет «социальный заказ». Заказ, который выполняет Сорокин, — это моральная дезориентация читателя, его «духовное разоружение» перед угрозой тоталитаризма. Может быть, слово «фашизм» употреблено Костырькой «чересчур поспешно»; а может быть, и нет. Суть дела в том, что правота (или неправота) Сереги от Сорокина уже не зависит:

этот парень «сделал предложение», сорвал весь причитающийся дивиденд (в деньгах, славе и будущих премиях), а уж насколько это предложение будет востребовано, зависит от «компетентных органов» и конкретных обстоятельств; может, он останется «амбивалентным шалуном», может, фашизоидом («фашистским прихлебалой»), а может, станет прямым фашистом; свою половину пути Сорокин прошел, и не его вина, если ему не дадут «расправить крылья» и «реализоваться на всю катушку». Во всяком случае, я не слышал, чтобы он отмежевался от откровенно профашистских хеппенингов, в которые превратились «презентации» его последнего опуса.

Теперь «за евреев». Сорокин, конечно, не антисемит в прямом смысле слова («стакан русской крови», так сказать, тоже «амбивалентен»); но стирая разницу между «достойным» и «недостойным», он готовит почву для легализации чего угодно, в том числе и еврейского геноцида (если так ляжет фишка). Впрочем, я рановато начал «за евреев»; сделаю еще одно предварительное замечание. На моих глазах «размежевание внутри российской интеллигенции» сделало полный круг (или, точнее, «виток спирали»). В начале «перестройки» стычки велись на одном поле (в одних печатных изданиях), противоположным образом ангажированные «письменники» шли шеренга на шеренгу с копьями наперевес; на следующем этапе, начиная с середины 90-х, враждующие стороны разошлись по своим квартирам: печатали и читали в своих изданиях только своих же, отчего кручинились в первую очередь «заединщики»: все-таки еврею легче прожить без антисемита, чем антисемиту без еврея. И вот новый сдвиг: все снова смешалось в «Русском доме» на почве «продвинувшегося в народ» постмодернизма. И тут Сорокин пришелся как нельзя более кстати, как шар в лузу, словно только его и ждали. Не успело издательство Ad Marginem, которое еще вчера было одним из самых приличных в стране, напечатать Проханова, как тут же подоспел вторым в серию и наш пострел со своим «Льдом». А раз Сорокин постмодернист, то и Проханов как бы тоже... того... Во, блин, траектория: был «соловьем Генштаба», потом «лидером духовной оппозиции» (попросту говоря, черносотенцем), а вышел в постмодернисты. В свое время, говоря о «художественных особенностях прозы Проханова», морщились даже его единомышленники-заединщики, даже «секретарская литература» Анатолия Иванова — Сергея Сартакова была, по общему мнению, лучше «прозы» Проханова, хотя хуже секретарской литературы, по тому же общему мнению, не было ничего. Простое упоминание об этом соловье было для порядочных людей моветоном. Что случилось? Проханов стал писать иначе? Но вот что он говорит в одном из последних интервью: ««Гексоген» — это третий роман из семикнижия, в которое войдут и «Сон о Кабуле», и «Африканист»...». Интервьюер спрашивает: Но ведь книги с этими названиями у вас уже выходили? «А это были как бы этюды, подмалевки, — не моргнув глазом, отвечает

Проханов. — Переписанные, они выстраиваются сейчас в мою новую концепцию. И написан совершенно новый роман «Красно-коричневый» — о катастрофе 1993 года». Вот из чего состоит нынче корпус российского постмодернизма: из подновленных в красно-коричневой гамме унтер-секретарских подмалевок вкуче с изысками Сорокина. Нечего сказать, достойная компания.

Теперь плавно переходим к евреям. Плавно, потому что это позволяет сделать ситуация вокруг того же Проханова. Оказывается, победа Проханова в конкурсе «Национальный бестселлер» висела на волоске. Цитирую газету НГ ЕХ LIBRIS от 6 июня: «Как видим, сложилась ситуация двух голосов за двух финалистов. Для решения проблем такого рода специально существует почетный председатель жюри, каковым был банкир Владимир Коган. В прошлом году он голосовал за Проханова. Как проголосовал в этом — вы поняли». Мы поняли. Ты наверняка знаешь о случае с Татьяной Сапуновой, русской женщиной, попавшей «в ловушку для порядочного человека» (как выразился радиобозреватель Андрей Черкизов). Она попыталась выдернуть из земли плакат «СМЕРТЬ ЖИДАМ» и поплатилась за это довольно жестоко. Выступая в программе Савика Шустера «Свобода слова» (НТВ), Проханов сказал, что это была провокация — инсценировка, устроенная известно кем. Если ты еще не догадался, даю подсказку: Проханов совместно со своим другом, лидером «Союза мусульман России» Гейдаром Джемалем во всеуслышание трубит о том, что теракт 11 сентября устроила израильская разведка. У них (у жидов) одна цель: поссорить Америку, а вот теперь и Россию с мусульманским миром. Да, вот еще что: по Проханову, недавний теракт в Каспийске тоже устроил Моссад, с той же, естественно, целью. Немного однообразно, но сильно: действует беспронижительно и безотказно; когда объединенные арабо-европейские войска будут бомбить Израиль (геополитическая фантазия в духе «Африканиста»), я заранее знаю, что скажет Проханов. Ведь сказал же Кожин (в последнем, уже четвертом томе, подаренном мне Геней, дай ему бог здоровья), что уничтожение евреев Гитлером производилось по приказу сионистов, которым иначе не удалось бы достичь своей коварной цели — создания еврейского государства. Логично. Проханов взял слово у Шустера после телемоста, в котором участвовала находящаяся в израильской больнице Сапунова. И Глеб Павловский (тоже еврей-русский-патриот, но «не такой простой») спросил у Проханова: «Почему вы не сказали этого (насчет инсценировки) Сапуновой в лицо? Отвечу: потому что струсили». Как видишь, меня довели до того, что я сочувственно цитирую Павловского, а там и до Путина рукой подать. Но дело не в Павловском и даже не в Путине. Дело в банкире Владимире Когане. Почему ему так нравится Проханов? Почему самый антисемитский сайт в русском интернете, где евреев называют не иначе как жидами, ведут еврей Вербицкий и его жена Фридман? Допустим, они из-

вращенцы: любят Проханова и не любят себя; но почему они занимаются этой непристойной возней публично, сопровождая ее таким шумом и такой вонью? На самом деле я клоню вот к чему. Написав свое обозрение, Серега, можно сказать, «повторил подвиг Сапуновой» на поле российской интернетской словесности. Но есть во всей этой ситуации некая нестерпимая (для меня, по крайней мере) «гнуснотца»: мало того, что евреи, «образно говоря», спокойненько проезжают мимо подобных плакатов, расставленных вдоль шоссе, на своих мерседесах (это, может, как раз и правильно: «бороться с антисемитизмом» — дело русских, а уж никак не евреев); беда в том, что евреи этим не ограничиваются: они (в лице такой мрази, как «евразиец» Вербицкий и его жена Фридман, держатели антисемитского сайта ЛЕНИН, критики Виктор Топоров и Лев Аннинский, активно печатающиеся в газете «Завтра», и иже с ними) активнейшим образом легализуют, узаконивают антисемитизм, черносотенство, а по существу и фашизм, делают их идеологов «рукопожабелными», доводя и без того гнусную обстановку «до точки невыносимого зловония». «Образно говоря», они сами не только приучают публику к соответствующим плакатам, но и пишут для них «тексты» (исполняется хит сезона «СМЕРТЬ ЖИДАМ», музыка народная, слова Вербицкого-Фридман). На этом фоне «последние из русских могикан» вроде Костырки, естественно, чувствуют себя не только затравленными, но и преданными: Серега из брезгливости не пускает на порог своего «Журнального зала» всю эту гнущь, а в Израиле, например, не считают зазорным безоговорочно благоговеть перед Розановым, брать интервью у Дугина, безмерно восхищаться творчеством таких литературных пигмеев, как «виртуозный» Сорокин и «мощный, как надпись на заборе» Проханов, отыскивают «постмодернистский юмор» в провокационной истерике юноши-дебила Ольшанского (он уже успел в последующих публикациях проявить свое «чувство юмора» с такой силой, что его пришлось одернуть своим же корифанам в лице Льва Пирогова) и т.д. и т.п. И Пепперштейн не отстает: отыскал, вишь, у клиента «герменевтику льда». И утонченный Гольдштейн туда же: ностальгирует, понимаешь, по советскому говну, алжирской чуме и полету мусульманской мечты. Русско-еврейский теург, блин. Конечно, в такой ситуации «русскоязычные» евреи не могли найти себе более достойного занятия, чем поощрять всю имеющуюся в наличии погань и «вонзять нож в спину» последним оставшимся в этой несчастной стране порядочным людям вроде Костырки.

Вот и все, что я хотел сказать о «постмодернизме по-русски». Конечно, я «заострил ситуацию» (в том числе и не слишком тяжелыми камнями в твой огород), но не я ее создал. В заключение хотелось бы обратиться (чисто риторически, попросив прощения за ложный неполиткорректный пафос) ко всем упомянутым и неупомянутым евреям, по большей части «утонченным», с «вопросом Павловского»: Почему

бы вам не сказать всего этого в лицо Татьяне Сапуновой? Глядя ей в глаза (один, кажется, не удалось спасти даже «лучшим израильским хирургам»)?

Всегда твой
Матвей

Привет!

Так кто у нас, настоящий публицист?! Bravo! Какой пафос, какой благодатный гнев! Раздавленный восхищением, признаюсь почестному, по-взрослому, что кроме «Голубого сала» я Сорокина читал мало, да и «сало» — кусочками, нарезая на хлеб... По простой причине: не интересно. Но нельзя ж в этом признаться, исключат из сообщества высоколобых (а его популярность среди этой публики тотальна). Вот и запел про постмодернизм, будь он неладен... Не исключено, что «секрет успеха» Сорокина тема более интересная, чем его тексты. Меня больше всего смущает в них то, что они «безразмерны», то есть каждый может их «одеть на себя», то бишь трактовать как угодно, а сам он, получается, «всех в матку сосет» (такой вот перифраз в стиле «виртуоза»). Как «простодушный читатель» скажу, что когда-то, еще в начале 90-х, прочитал какой-то его рассказ в журнале (в каком, не помню, из новообразованных), где все его «ходы», вся его схема была как на ладони, читать было забавно (ты прав, он работает на разнице потенциалов между священным и богомерзким), но сразу же возникло ощущение истощенности и активного нежелания читать еще что бы то ни было «из-под пера» этого автора. Интересно, что он начинал как диссидент по отношению к диссидентам (типа Солженицына) и отчаянный «андеграунд»... Позднее, кажется, года три назад, уступив восторженному жужжанию местных корифеев «новой» литературы (в том числе и Гольдштейна), я заказал у тебя двухтомник и прочитал, почти до конца (к концу уже только листая — надоело) роман «39-я любовь Марины», в котором повторились все ходы, обнаруженные в том рассказе, это в чистом виде «ледяная» литература (и в этом смысле ненависть к «мертвякам» в этом новом романе возможно и своего рода самоненавистничество...), а эффект разницы потенциалов срабатывает только одинажды, как хлопок, и не оставляет по себе (для читателя) ни остаточной энергии, ни звука. А на «Голубое сало» меня сподобила одна дама, вполне «среднеинтеллигентная», хотя и острого ума, которой я дал почитать Сорокина. Дама от него без ума, она, вообще, обожает всякие гадости и страшилки, кои и сама сочиняет, но не так «виртуозно». Кстати, и с твоей критикой его «пародий» я тоже согласен, они не так уж интересны, а где он сути не затрагивает, там начинает играть с потенциалами (типа «пизды полей», что скорее подходит для пародии на песню «Звезда полей во мгле заледенелой» великого русского поэта Кольки Рубцова, безвременно заруб-

ленного топором по пьянке любимой женщиной). Но в определенной виртуозности все-таки не могу отказать, готов согласиться на компромиссную формулировку «чистый талант». Так вот, секрет популярности частично объясняется этим явным талантом (нельзя не признать, что у других — очень многих — и этого нет), а частично тем «встречным» общественным движением «разочарования в идеалах» и «забвения всего святого» (о котором сетует и Берлин). Вынужден и себя (принимаю камни на грудь) отнести в этом смысле к «бывшим либералам, изверившимся в «ценностях шестидесятников».

Впрочем, кроме разочарования в идеалах, на самом деле, и даже прежде всего, действует отзывчивость автора на естественное желание почти любого читателя кого-то или что-то обосрать. Люди даже по-житейски так злы на всё и на всех, что подобная литература — это своего рода терапия с помощью «избиения чучел». А все остальное — от лукавого. Но клише «обсёра» тоже клише, а стало быть, быстро надоедает.

Историю с Сапуновой у нас, конечно, подробно освещают. Действительно, «нормальная» (как она себя называет, пытаюсь откреститься от «героизма») женщина, к тому же симпатичная. Даст Бог и глаза починят (внешне, во всяком случае, она — вчера видел — выглядит без всяких ран на лице). А то, что Костырко доволен своим «положением», меня только радует. Дай ему Бог здоровья.

А я тут дочитал ту статью сэра Берлина и должен сказать, что раздражение благодушием таких вот «сэров» так велико, что невольно кидаешься (эмоционально) в объятия сорокинской мерзопакостности, которая на фоне этой церемониальности выглядит естественной, типа живая гадость лучше дохлого благородства. Думаю, что в этом секрет успеха всяких «сокрушителей кумиров», даже и фашиствующих, потому что поклонение кумирам либо приедается, либо становится раблепием, и тогда сокрушители выглядят освободителями...

И потом, чувствуешь себя на войне (так оно и есть, террор, кстати, опять разгулялся, а ведь «говорила я», что они там, в Газе и атомную бомбу сварганят), а на войне нужно не «понимание» врага, а готовность его убивать, и всякие манерные рассуждения, почему да как воспринимаются как подкоп под решимость «всех под корень».

Я поэтому и мечтал о взаимодействии с Россией, поскольку благодушная Европа не понимает (не желает понимать), что «враг у ворот». «Война с террором», судя по всему, только разворачивается, а Израиль превращается в такую «лабораторию» по изучению «методов борьбы». Ну а поскольку я всегда считал, что именно война правда мира, его «действительность», а «борьба за мир» — лицемерие, то получается, что все идет по сценарию...

Миша тут звонил, он, оказывается, четыре месяца был в психушке.

А мой «Ресентимент», переделанный и отшлифованный, Зайчик не взял, сказал «очень сложно для нашего читателя». Заботится, значит, о читателе. Ему виднее.

Всегда твой
Наум

Позвонила.

— А я раньше освобождаюсь. Так что можно в два встретиться.

— Отлично. Сходим куда-нибудь перекусим.

— А куда?

— По дороге придумаю.

— Нет, я хочу знать...

— Ну, можно в Ришон, на побережье.

— А, да. Хорошо. Но только планов не будем менять.

— Не будем.

Здравствуйте, Наум!

Я получил главу — спасибо (второй файл, к сожалению, не прошел).

Относительно сроков — в течение 2-х месяцев должен быть заключен договор о поддержке всей литературной серии Гешарим, после чего книга пойдет в работу. По плану мы надеемся выпустить ее до конца года.

С уважением
Менахем Яглом

Менахем, здравствуйте!

Я рад, что материал дошел (больше ничего я и не посылал) и что планы издательства остаются в силе. Евреи ждали 2000 лет, подождем еще пару месяцев.

Буду Вам благодарен, если будете держать меня в курсе возможных изменений.

Всегда Ваш
Наум

Встретились в два. Она была на месте: «Я уже давно тут...». Засунула мою ладонь между своих ног, поглубже, а плечо обхватила руками и прижалась к нему изо всех сил. Потом вытащила руку из мякоти между ног и покрыла ее поцелуями. «Все, моя рука, не отдам. Веди машину как хочешь». Так и ехали. В «Гаучо» много народу, обеденное время. Но вкусно.

— Когда я с тобой, то я чувствую жизнь вот как.., — и она провела пальцем по острию ножа, — как это острие... Я вообще чувствую жизнь только когда я с тобой, все остальное куда-то проваливается.

... — Почему мужчины не носят юбки... я бы сейчас залезла тебе под юбку. Нет, я бы полезла под стол и... сам понимаешь. Я бы и сейчас полезла под стол. А ты мне дашь? Думаешь, не полезу? Хочешь? Плевать мне на всех, все будут скромно отворачиваться. А что, отсосу тебе публично, публично даже интересней. А ты хочешь залезть мне под юбку? Посмотри, я уже ножки расставила. Посмотри, посмотри. Ну нагнись, как будто ты салфетку уронил.

А всего-то выпили по бокальчику красного.

На стоянке долго не хотела отпустить. Эти цепляния при расставаниях становятся тягостны.

— Ну подожди, еще пять минут... Я так тебя хочу...

— А я вообще никого кроме тебя не хочу...

— Правда?!

— Истинная правда.

— Не знаю, как дотерплю до понедельника...

— Терпи, девка, терпи.

— Ты хочешь, чтобы я дотерпела? Знаешь... вот этого я не могу тебя обещать.

12.6. Позвонил ей позже обычного.

— А я уж двадцать раз тебе звонила!

— Я не выходил, проспал.

— А у нас сегодня забастовка...

— Да... Но я сегодня не могу...

— А я и не предлагаю.

Через некоторое время звонит.

— А я, — говорю, — как раз про тебя думаю.

— И что же ты про меня думаешь?

— А вот записываю вчерашний разговор, как ты хотела мне под юбку залезть.

— Ха-ха-ха!

— А я бы сейчас залез тебе под юбку.

— Давай. Я всегда готова. Как пионерка, и честь отдам.

А позвонила она по поводу письма Матвея насчет Сорокина, которое я ей вчера дал. Разозлил ее Матвей. В результате договорились встретиться. Прямо сейчас.

Предупредил ее заранее, что могу только до трех.

По дороге туда:

— Индюк он, твой Матвей.

Секс, как всегда... После нее все женщины кажутся пресными. «У тебя два жутких синяка на ноге, как от пальцев». — «Это я ударилась», — и честно захлопала глазками.

Не помню уж как, но завел разговор о том, что «иногда тяжело», «тягостно», «чувство несвободы», что очень «требовательна». Что не

люблю «долго валяться». Сказала, что «все должно быть легко», «иначе нет смысла», чтобы «говорил прямо». «Ты вообще человек не прямой». «Ну, пошли», — сказал я прямо. И мы в полтретьего вышли.

На обратном пути еще чего-то бубнил насчет секса, что, мол, много.

— Значит, тебе со мной плохо...

— Нет, мне с тобой очень хорошо, но я... я не могу валяться по семь часов... Я предпочел бы чаще, но короче.

— Мне это странно все, что ты говоришь про секс. Для меня все, что тебя касается, секс. Ты меня так сексуально возбуждаешь, я так напряжена, как будто вот-вот кончу, как будто все время на грани. И поэтому мне даже не обязательно всегда в постель, хотя в постели, конечно, лучше всего, можно прижаться всем телом... Но и просто, когда я тебя вижу, касаюсь, говорю с тобой...

Призадумалась. А я наоборот, развеселился, несколько истерично.

— Чего насупилась?

— Перевариваю.

13.6.

Наум, привет!

Статья Берлина настолько беспомощная, что я не нахожу смысла в ее обсуждении. Извлекаю из статьи лишь один «воспитательный момент». Обрати внимание на то, что сэр не нуждается в терминологии: он не вводит своих понятий, размывает смысл чужих, не уточняет, не определяет, не задумывается над этимологией. Если судить с внешней стороны, то уже одно это безошибочный симптом отсутствия работы мысли. Справедливости для скажу, что тебе просто не повезло; данная статья крайне слабая, и она не характеризует Исайю в полной мере. У него есть работы на порядок выше. Укажу на две из них: в статье «Два понимания свободы» (Исайя Берлин. Философия свободы. Европа. М., 2001. С. 122–186) Берлин вводит очень продуктивное разделение на «свободу от» и «свободу для». (У прочитавшего эту статью разделение это «вспыхивает в голове» при каждом упоминании слова ‘свобода’; согласишься, что это не так уж мало). А в статье «Ёж и лиса» (Исайя Берлин. История свободы. Россия. М., 2002. С. 183–269) вводится очень занятное разделение всех мыслителей (и вообще людей) на два типа: на ‘ежей’ и ‘лис’. Берлин отталкивается от строки Архилоха: «Лис знает много секретов, а еж — один, но самый главный». Развивая этот образ, он пишет: «если воспринимать эту фразу фигуративно, в нее можно вложить смысл, который сделает явственным одно из глубочайших различий между писателями, мыслителями, а то и вообще между людьми — между теми, кто все и вся соотносит с некой ключевой точкой зрения, с одной более или менее последовательной и ясно выраженной системой, с единым универсальным первопринципом, — и теми, кто способен одновременно заниматься многими предметами, не испытывая нужды

сводить их к единым интеллектуальным, нравственным или эстетическим принципам». Применив это разделение ко Льву Толстому, Берлин пришел к выводу, что великий писатель был «лисой, которая косила под ежа» (передаю своими словами). Я нахожу этот вывод очень остроумным, а статью — одной из лучших в «толстоевсковедении». Но эти примеры (исключения из правила) только подтверждают мою мысль: стоило Исае придумать что-то самостоятельное и концептуальное, как он стал нуждаться в терминах и их определениях. К тому же у него редкий дар объяснять все на пальцах. Когда было что объяснять, это давало прекрасные результаты; увы, в большинстве случаев — как и в случае с «твоей» статьей — Берлин и сам оказывается в положении «лисы, косящей под ежа»; для прозаика это может быть и достоинством, но для мыслителя (если он не 'постмодернист') — только недостатком. Ради вящей справедливости упомяну еще одну статью Берлина: «Жозеф де Местр и истоки фашизма» (Философия свободы. Европа. С. 206–299). Статья «в духе Костырки»: чтобы обозвать де Местра (культовую фигуру для консервативных католиков) фашистом, нужно было тогда не меньше смелости, чем Сереге для того, чтобы обозвать подобным образом Сорокина сегодня. Кроме всего прочего, горячо рекомендую тебе для чтения самого де Местра («Санкт-Петербургские вечера»): он порадует тебя кровожадностью.

Всегда твой
Матвей

14.6.

Позвонил. Говорила отстраненно, без огонька. Когда она «гаснет» (а я сам ее «гашу», как она считает), мне становится тоскливо и одиноко, ее любовь стала для меня наркотиком. Я даже как-то подумал, что вот так уведят мужей, когда приучают к своему телу как к наркотику, но у меня нет ломки без ее тела, но есть — без ее пьяных от любви глаз, рук, слов... Но в то же время я чувствую, что этот «накал» мне не под силу, просто не под силу. И с сердцем — из-за этого. Эта любовь меня давит, я хочу освободиться. И давит не какой-то страшной навязчивостью, нет, она не навязчива, она требовательна, и я этих требований не выдерживаю. Все дело во мне. Это как вера в Бога: Он слишком требовательный...

Матвей, привет!

Статья Берлина действительно беспомощная, но мне кажется, что именно в своей беспомощности характерная, и для Берлина, и для всего этого «либерального наследия», которое сегодня вызывает у меня просто помутнение мозгов от бешенства. Поэтому я все-таки попытаюсь «среагировать», не столько на саму статью, сколько на ее «характерность».

Что касается «бешенства», то я сам задумываюсь, как же я дошел до жизни такой, что только и ищущ возможности вонзить нож в спину своей можно сказать духовной альма матер — либеральной наследии (да еще повернуть его в ране, чтоб смерть медом не казалась)? Может, правы были советские пропагандисты, равнявшие сионизм с расизмом-фашизмом, и мой нынешний интерес к фашизму (романтизм, фашистские интеллектуалы Европы перед Второй мировой, вроде Юнгера или ла Рошеля, не сомневаюсь, что и де Местр мне понравится) совсем не случаен? Я говорю наверняка «страшные» для тебя вещи, я и сам «пугаюсь» своих мыслей, и чувствую, как меня «сносит» в эту сторону мутным потоком ненависти, но я хотя бы в мыслях (и в словах), хочу быть свободным...

Вот сегодня утром, завтракая, я, как обычно, «в пол-уха» слушаю радио: одна израильская профессорша по юриспруденции рассказывает ведущему и всем радиослушателем о создании нового Международного Трибунала по «военным преступлениям» и связанных с этим проблемах для Израиля, то есть утверждать или не утверждать (уже подписали) присоединение к этой юридической конвенции, и чем все это нам «грозит». США тоже еще не утвердили, утвердили только какие-то 60 стран, можно быть уверенными, что среди них какая-нибудь Сирия, оплот демократии и либеральной юриспруденции, а ныне и председатель Совета Безопасности Объединенных Наций, небось и Саудовская Аравия, а уж всяких разных «шведов» и вовсе пруд пруди... А грозит это тем, что любой может обратиться в этот Трибунал (что-то вроде Международного суда в Гааге) с обвинением против любого гражданина (солдата, офицера, министра, в прошлом или настоящем) любой страны с требованием возбудить против него уголовное дело, как совершившего военные преступления. Израильяне все поголовно считают себя «под ударом» (как и любая воюющая страна, поэтому и США пока не спешат утверждать, и их солдат могут начать «таскать по судам», ну и российских, наверное), и профессорша пыталась, как могла, объяснить «открывшиеся возможности», в общем-то не отрицая, что мы «все под ударом», хотя сегодня трудно сказать точно, во что это выльется. Ведущий спрашивает, а не придумали ли сей Трибунал специально для Израиля — дурак-дурак, а чуёт! — и не страшно ли теперь будет выезжать за границу, ведь заарестуют, вот даже Шарона в Бельгии хотели арестовать. Профессорша ничем не могла утешить. Ну и я, конечно, все это слушая, чуть не срыгнул от злости заботливо приготовленные женой вишневые вареники. И подумал, что мое бешенство, это бессилие опутанных придуманными кем-то «моральными нормами», за нарушение коих на тебя весь мир ополчится. Я хочу быть хозяином жизни, и хозяином в своей стране, готов терпеть лояльное меньшинство, но терпеть борьбу, тем более вооруженную, этого меньшинства против устоев моего Дома, без которых это уже и не мой Дом, терпеть во имя всяких пышущих огненным благополу-

шием принципов?! Я ненавижу как кровного врага этого трехглавого дракона: евреи=универсалисты=левые (универсалисты — они же интернационалисты, и либералы, и Берлин неслучайно осуждает фашизм и коммунизм по-разному, не скрывая определенного «интеллектуального» сочувствия марксизму, вроде как я — фашизму). Так вот, если счесть такой первоначальный импульс «оправданным», то остальное «дело техники»: ты идешь в политическую деятельность (и я тоже пошел в «правые»), а там уже «логика борьбы» выводит тебя на такие «горизонты» целей и средств, о которых ты в начале пути и не думал. Хотя почему не думал, разве у меня «морально» дрогнет рука уничтожить нажатием кнопки миллион, десять, сто миллионов арабов? Да и с персами заодно. А кто вправе мне указывать, что можно делать, а что нельзя, поучая о добре и зле? Какая лицемерная сука имеет на это право? У кого руки (хотя бы в мыслях) не по локоть в крови? Ну а если и есть такие, они мне неинтересны, я не люблю праведников, все они, как Христос учил, лицемеры.

И еще одно. Что-то в этой «праведной» возне вокруг морали, добра и зла, вокруг этого нового ригоризма (профессорша тоже говорила, что «цель Трибунала благородная — извести зло на этой земле», прямо так и сказала) наступает на горло моей «песне борьбы». Вот где нерв: святость борьбы. Кто лепечет о мире — трусливая тварь, расфуфыренная, как бразильская танцовщица, вся в цветных перьях миролюбия и всеобщей любви. Но только борьба — путь к свободе. И только воин достоин этой награды. Вот и Берлин много пишет о свободе, а она для меня, как говорят на иврите, — «ципор нефеш», «птица души», но свобода — дитя борьбы, а у меня такое ощущение, что на меня хотят одеть смирительную рубашку, а на ней надпись для психов: мораль. Такое впечатление, что на весь «безумный мир» пытаются надеть смирительную рубашку «морали» (или «правильного мировоззрения»), что здесь тот же пафос переустройства мира, коим вдохновлялись и коммунисты, а все потому, что нет доверия к Замыслу, внушают, что мир — порождение дьявола и корчится во зле, на него надо надеть смирительную рубашку. И тут хочется призвать к «естественному праву»: пусть сильные выживут, а слабые сгинут! А если я попадусь — стреляй Чапая!

Всегда твой
Наум

15.6. От Л: Спасибо тебе большое за записки. Твой друг Матвей — гигант мысли. И мне намного интереснее читать вашу переписку, чем всех сорокиных вместе. Просто жалко времени на них. А ты нарочно называешь Матвея талантливым «публицистом», как и Сорокина? Кстати о птичках, Киссинджера тоже собираются судить.

Ещё раз спасибо за первоклассное чтиво.

Матей, привет!

В последнем номере «Вестей» Дов Конторер (я с ним таки вышел на связь) опубликовал отчет о российско-израильской политологической конференции на тему «Евроазии» («Судьбы России, США и Израиля в миропроектной перспективе»), которая состоялась на днях в Герцлии при участии, со стороны Израиля, довольно солидных людей (бывший шеф Мосада, бывший советник Натанияху по вопросам безопасности, бывший командующий ВВС, члены парламента, люди и сейчас связанные с «политической элитой»), со стороны же России были, как мне кажется, какие-то сомнительные «политологи», возможно, кормящиеся с израильского стола, типа Сергея Кургиняна (бывший режиссер?), доклад которого и публикуется. Речь идет о том самом «новом материке» (США-Израиль-Россия), который всплывал и в нашей переписке, и вообще он повторяет то, что и я высказывал (значит, все это лежит на поверхности), но и добавляет всякие «гипотезы», которые кажутся мне «несерьезными». Но с несколькими цитатами я тебя познакомлю.

Во-первых, Кургинян определяет ситуацию, как «конфликт цивилизаций» (с этой хохмой его бы в Одессу не пропустили, а в Герцлию — милости просим). И что «никакого «умеренного ислама» в природе не существует», а есть известная игра в «доброе» и «злое», когда «добрый» озвучивает «издержки неуступчивого поведения», а «злой» — «цену, которую надо платить за снятие издержек». А цена — Израиль. В этом противостоянии Ислам берет курс на временный союз с Европой, которая «хочет», как считает хитрый армян Кургинян, «политической победы над США». Ислам не прочь расколоть «христианскую цивилизацию» и добить неверных по одиночке, тем более, что никакой «Европы» нет (и не было), каждый озабочен своей шкурой. И главный козырь (Кургинян его отмечает) в этой игре — антисемитизм в виде антиизраилизма и антисионизма. Он сегодня становится важным политическим инструментом в глобальном масштабе, почти как во времена 3-го Рейха. И тут Кургинян переходит к анализу «евроазийства» Дугина и компании. Он считает, что и здесь, хотя Путин якобы сделал «исторический выбор» (союз с Америкой и даже с Израилем против ислама), ислам пытается взять реванш и привлечь к себе российское общественное мнение с помощью «евразийства», основой которого опять же должен быть антисемитизм.

А еще я прочитал статью некоего Гордона в «Огоньке» об опасности фашизма в России, мол, народ унижен, как немцы после Версаля, тоже идея уже обглоданная, ну унижен, а когда русский народ не был унижен? Да и при чем здесь народ: все решает крепость власти, а нынешние «ворюги», которые Бродскому «милей, чем кровопийцы», с источниками дохода легко не расстанутся, у них все схвачено и эксцессы им не нужны.

Вообще, все эти «общие картины» можно легко и непринужденно высасывать из пальца (в реальном «раскладе» никакого «мирового ис-

лама» не существует, как и «исламского проекта», и никакой «евроазиатский проект» Россию не соблазнит (я и сам люблю всякие политические «фэнтези», только ничего с этого не имею, и только удивляюсь, как некоторые умудряются зарабатывать этим деньги, разъезжать по конференциям и даже слыть «вещунами»).

Всегда твой
Наум

16.6.

Встретился с Володей на Тахане¹. Оглядев меня, он бросил:

— Ты хорошо выглядишь!

— И ты замечательно. Пить бросил?

— Не совсем. Но стараюсь держать это дело в каких-то рамках.

Он действительно выглядел почти юным: стройный, кудрявый. Только вблизи видны глубокие морщины вдоль щек и чувствуется запах алкоголя. Сначала пошли на склад к Лёне. Тот долго не открывал, а когда открыл, там была и Алла. Мои книги он не взял, а я купил у него «Флорентийский дневник» Рильке. Потом мы зашли в магазин Аллы в «Чреве Тель-Авива», давно я не нюхал этой клоаки, там Володе причитались какие-то деньги, он уже весь дрожал: «Мне надо срочно выпить пива!» Свернули в переулки напротив бетонного слона Таханы, здесь полно китайских, восточных, русских, румынских забегаловок. За столиками сидят угрюмые люди со сморщенными лицами, смотрят Испанию-Ирландию, на мутных висячих экранах бегают футболисты, заблудшие сыны далеких родин вскакивают, как и во всем мире, выкрикивают национальные ругательства, громче других слышится русский мат, впрочем, может, только его улавливало мое ухо; Володя хотел уже принять, наконец, лекарство, а я все выбирал место почище и потише, он нервно перебежал за мной: «Куда ты?!», живо интересовался у сидящих за столиками результатом. «А ты слышал, что Сенегал выиграл? Как у кого, у Швеции! Да, Сенегал хорошая команда». Наконец, в одном менее людном месте мы взяли по бутылке пива и по большому румынскому чебуреку, всего 20 шекелей за все про все, я заплатил, дешевизна показалась мне подозрительной, обнюхал чебурек, вроде мясо не воняет, ну и голод не тетка, умял. Мы сидели за крайним столиком на улице, все внутренние столики, поближе к телевизору, были заняты. Торопливо отхлебнув «Гольдстар» (я взял «Карлсберг»), Володя глубоко вздохнул, чувствовалось, что его отпустило. Заговорили об искусстве.

— Прочитал я, наконец, «Зеркало», — сказал он.

Больше всего ему понравился Винокур, Степанова не понравилась. Мол, зря я ее хвалил. Гольдштейн заебал своим культуртрегерством, хотя

¹ Тахана — станция (*ивр.*) Речь идет о Центральной автобусной станции в Тель-Авиве.

отрывок о «рэпе» приятно его удивил, он не думал, что Гольдштейн интересуется современной музыкой, Бараш бледный, «Новая Лолита» в конце все смазала, моя «переписка» тоже его не вдохновила. И еще он читал новую прозу Пригова. «Манерно! Сюсюкает, кривляется, жеманничает!» — кричал он, пересыпая характеристики хлестким матюшком. Сам он мало что сейчас делает. Чем я занимаюсь? Я добросовестно отчитался. Он посоветовал почитать Гермеса Трисмегиста, это мне поможет. Вдоль улицы потоком идут русские и дальневосточные женщины (китайки? корейки? тайки?), во всех окрестных дворах китайские клоповники, «чайнатаун», попадаются негры и румыны. Пахнуло чужим воздухом и тоской первых месяцев, как будто я недавно приехал, неустроен, шокирован вавилонской грязью, равнодушной суетой абсолютно чужой страны...

Володя взял еще бутылку, потом еще. Деньги, вырученные за книги, таяли.

— Знаешь, почему я не могу выйти из запоя? Тоска. Оттого что любви нет.

— Да, — роняю устало и равнодушно. — Это я понимаю.

18.6.

— Я винца возьму, а ты бутербродики сделай, отметим это дело? — ухмыляюсь.

— Какое дело?

Последнее свидание, вот какое. Но не сказал, конечно.

Вернула первый том Сорокина. По дороге делилась восхищением, пересказывала «Норму». В номере сказала: «Я как-то больше Сорокиным возбуждена». Мой призыв в прошлый раз сократить число «разов» до одного она, оказывается, восприняла дисциплинированно и на бис не вызывала, я сам как-то после винца... Так она все повторяла: ты сам, я не виновата.

— ... такие обнимучие руки, и губы такие поцелуйные... ты мое лысое счастье... Мы в Баку пошли с мужем в театр, на еврейский спектакль, что-то по Шолом Алейхему. А в кассе так удивленно на меня посмотрели, говорят, билеты только у администратора. Пошли к администратору, он так оглядел нас, а муж был в форме, и говорит: «А зачем вам?» Ну, говорю, как... Он говорит: это не для вас, у нас другая публика. И ты знаешь, он оказался прав. Зал был набит этими, знаешь, кавказскими евреями, татами, да, все такие низкорослые, толстые, жены как каракатицы, пришли огромными семьями, с едой, во время спектакля жрали, перекрикивались как на пикнике...

Наум, привет!

Сначала «о страшном».

Спешу тебя успокоить: меня и самого сносит иногда «в ту же сторону», и «либеральное наследие» не священная корова, тем более в ны-

нешнем состоянии, когда оно «ни мычит, ни телится». И «фашизм» для меня не жупел (разве что в «пассионарных» текстах, но им, на мой вкус, грош цена). И желание «быть свободным» в мыслях и словах могу только приветствовать. Хотя загвоздка именно здесь, в «свободе в словах». Для меня «страшное» — это неряшливое употребление слов. Надеюсь, ты согласишься, что мыслить свободно — не значит мыслить бессвязно. А значит — идти за мыслью до конца, куда бы она ни привела. Единственным оправданием такого рода говорения может быть только логика: чем строже употребляются слова (то есть, как это ни парадоксально, чем «несвободнее» они употребляются), тем лучше обеспечивается свобода мысли.

Разделяя твой пафос в целом и твои конкретные опасения в частности (относительно, например, Международного трибунала), я спрашиваю себя: действительно ли это результат происков «либерального наследия»? И что такое «либеральное наследие»? И правильно ли составлено уравнение [евреи=универсалисты=левые]? Не может ли либерализм быть консервативным, национальным («националистическим»)? Если ты в таких драматических (чтобы не сказать мелодраматических) тонах «отказываешься от наследства», да еще и вонзаешь нож ему в спину, хотелось бы узнать, от какого именно наследства ты отказываешься. Пока я понял только, что «либеральное наследие» несет ответственность за учреждение Международного суда. Ой ли? А если я скажу, что это детище просоциалистической европейской Парламентской ассамблеи (что в ПАСЕ засилье социалистов — это факт)? ‘Социалистический’ и ‘либеральный’ — это одно и то же? (Владимир Ильич так не считал.) И кем был, например, Пиночет? Очевидно, не социалистом и не коммунистом (поскольку он с ними боролся и их расстреливал). Что же остается? Остается решить: он был либералом или фашистом? По-моему, в Чили на определенном этапе победил либерализм, способный защищаться, «либерализм с кулаками» (если хочешь, с «элементами фашизма»); а если это так, то чего стоит миф о несовместимости либерализма с силой, мужеством, готовностью к насилию во имя «национальной идеи» и т.д.? Так что я не против пафоса и не против «сильных слов»; но я за точные слова. Раз уж ты затеял игру на этом (совершенно чужом для меня) поле, я и предоставляю тебе возможность определить, о чем мы, собственно, толкуем. Что это за «либеральное наследие» такое? Какие у него отличительные признаки? С евреями тоже сплошные неувязки: то ты восхищаешься «еврейским универсализмом» (который каким-то чудесным образом вытекает из еврейской избранности), то клеймишь его, приравнивая к левачеству. Пафос пафосом (это дело «законное» и даже «святое»), но на нем одном далеко не уедешь.

Теперь о Берлине. Он не относится к числу моих кумиров, но... Я вот открыл его книжку («Два понимания свободы») и восхитился: тонко, умно, «суггестивно». Выяснилось, что я «либерал по-берлински». И мне

стало стыдно, что я тебе подпевал: дурак, мол, Исайя. Давай по-честному: до чего мы докатились — обзываем дуэтом дураком человека, которого один полузабыл, а другой вообще не читал. Заразил ты меня «критическим настроем». Давай скажем самокритично: у нас понимание не поспевает за «критичностью» (это я перефразирую шутку Довлатова: «Моя снисходительность не поспевает за его наглостью»). Что это за страсть — обличать, не зная материала? По-твоему выходит, что Берлин возрос на Марксе, мол, воспитание сказывается: когда приходится выбирать между Марксом и Гитлером, его влечет к идеологу пролетариата. Все это выдумки чистой воды. Берлин прочитал Маркса впервые уже в зрелом возрасте; когда ему дали на выбор нескольких деятелей для написания «интеллектуальной биографии», он выбрал Маркса, потому что почувствовал, что иначе не заставит себя его прочесть, а «надо было». А когда он прочел Маркса, то понял, что обрел врага на всю жизнь. По Берлину, Маркс несет прямую ответственность не только за Ленина-Сталина, но и за Гитлера. Ты приписываешь Берлину «универсализм», а он с ним боролся, будучи «либералом-плюралистом». И т.д. и т.п. В общем, я потерял в этом плане перспективу разговора: если ты хочешь рассуждать в стиле: «Я Берлина не читал, но скажу...», то я не вижу для себя роли в подобном «дискурсе».

Что касается Кургиняна, то это человек «с очень плохой репутацией». Будучи главным режиссером «Театра на досках», он вступил в компартию перед ГКЧП и попытался стать идеологом коммунистического насильственного переворота. Когда ГКЧП потерпел поражение, «смыслся в кусты», потом якшался с Прохановым, печатал в газете «Завтра» антисемитские статейки (хотя у него жена еврейка), а теперь, вишь, стал армянским идеологом русско-еврейской дружбы. Можно только поздравить эту дружбу со столь ценным приобретением.

Сергея прислал мне материалы «по Проханову», и я тебе их перебрасываю (статьи Немзера, Курицына, Агеева, Кенжеева и Быкова). Может, поделишься впечатлениями?

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

За материалы спасибо, познавательно (больше по части социологии, чем литературы). Общее ощущение от прочитанного — противненько. Хотя с некоторыми высказываниями и даже «позициями» можно и согласиться, но в общем... Так, например, Немзер, хотя считает, что говорить-то не о чем: какая-то сволочь написала мерзкий роман («глумливый и истеричный антигосударственный пасквиль», главное — антигосударственный!), однако вот пишет. Не о книге Проханова, а больше об опасности фашизма в России, журит «предателей культуры» вроде Курицына. Ну не глупо? Ведь на этом Курицыне, карьеристе и циничном

тусовщике, пробы негде ставить. То есть Немзер взбалтывает эту самую мерзкую «сметану», а ведь сия жижа болотная и его сожрет, о чем он сам себе и напоминает, цитируя Солженицина: «Чего доброго ждем мы от нашего будущего? Воистину: обернутся когда-нибудь и растопчут нас всех! И тех, кто натравил их сюда, — тоже растопчут». И если дело идет к фашизму, то об этом кричать надо, а не прятаться за ширму разговоров о литературе, журия «молодых интеллектуалов» («пиаривших «Гексоген» на всех перекрестках»), «сноровисто сжигающих “либеральные ценности” (sic!)». Так зачем же ты «провоцируешь пустопорожние и выгодные только шпане “дискусии”»? Он и себя не жалеет («заранее стыдно»), но в его юродивом покаянии сидит трусость респектабельности.

Курицын, опытный тусовщик «и нашим и вашим» («Я хочу жить в одном обществе с Немзером, Агеевым, Прохановым и Бондаренко. Всех этих людей я, что ли, люблю»). Причем под эту христианскую любовь «ко всем» он подводит мощный теоретический базис: «что делать с хорошей литературой, написанной, условно говоря, плохими людьми». Опять же — «свобода творчества!» Вот и Берлин (в злополучной статье) считает, что все беды начались с «романтической» вседозволенности художника-теурга.

Агеев тоже вводит «берлинский» мотив «сочувствия» коммунизму (левакам) и проклятий «романтическому» национализму: ««леваков» интегрировать вполне можно (потому что «левак», какой он ни дикий, все равно плоть от плоти буржуазной цивилизации, и протест его против нее — проблема «отцов и детей»), но никогда и нигде «буржуазии» не удавалось «интегрировать в светский контекст» ультраправых и расистов». И в том же духе: «С настоящими, не совково-коммунистическими “левыми” (пока они не берут в руки оружие) еще можно искать “пространства диалога”, а с людьми, у которых в голове “кровь и почва”, это бессмысленно». Видишь, у либералов «левые разные бывают», а правые все «фашисты». Не указывают ли эти смазанные проговорки на связь либерализма и левизны? Конечно, тут неплохо было бы уточнить «от какого наследства я отказываюсь», и возможен ли, как ты пишешь, «либерализм с элементами фашизма»...

Ну, а Бахыт Кенжеев, как истинный джентельмен, обвиняет Проханова в незнании тонкостей ресторанных меню и сервировок («Бедный, бедный Проханов!», не знает, что лобстеры не водятся на Борнео), давая тем самым понять, что он, Кенжеев, большой в них дока, ну и мимоходом бросает кухонным «умникам» от щедрот своего великосветского вкуса: никакого «вопроса» о хорошей литературе плохих людей не существует, и ответ на вопрос «что с ней делать?» прост: «читать и восторгаться». При этом Сорокина он недолюбливает, считая его улучшенным вариантом Проханова. И все с энтузиазмом (нашли нейтральную тему?) обсуждают постмодернизм. Одни на него нападают как на источник бед, другие ему поклоняются.

Мне вся эта дискуссия интересна только в связи с тем «узелком», который наметился в моих разборках с «левыми» и с «либеральным наследием», что по Берлину антипод романтизма, героизма и национализма.

Кстати, ты зря записал меня в ругающих Берлина, но не читавших его. Мое возмущение целиком строилось на конкретном тексте Берлина, той самой статье, довольно большой и почти программной. (Ты ее назвал «беспомощной», или отказываешься?) Можно, конечно, поспорить о том, насколько она «характерна» для всего творчество Берлина, можно ли по ней «судить» и т.д. (полагаю, что характерна).

Да, самый противный текст, из тех, что ты прислал, — Димы Быкова: море общих фраз плюс самореклама.

Всегда твой
Наум

19.6. От Л: хотела рассказать, как замечательно съездила в Н-Й на оперу в Центральном парке, на лужайке, но услышала про взрыв в Ерушалаеме и, расхотелось...

Ответ: да, противно все это донельзя...
посылаю записки

— Из всей семьи только одна двоюродная сестра вышла замуж за русского, он вроде такой хороший был, хозяйственный, всегда готовил, грибы-ягоды собирал, солил, варенья делал, и ужасно такой услужливый, но я его инстинктивно не любила. И не понимала, за что, ну не знаю, противен и все тут. А через много лет, когда сестра выросла, она мне рассказала, что он, когда на даче ходил с ней в лес по ягоды, всегда ее обнимал и целовал, ей было лет семь, и она не очень-то понимала, что происходит, но чувствовала, что что-то не то, а потом и забыла, а когда с мальчиками стала гулять, и целоваться, то тогда поняла, как он ее целовал...

Пообедали в ее любимом китайском.

— Мне ужасно грустно, у меня такое чувство, что я тебя никогда больше не увижу...

— Что за чушь.

Когда расстались, позвонила через полчаса: «Я уже соскучилась...».

Ее глаза так чудесно светятся, когда она на меня смотрит, так сияют, невольно улыбаюсь.

— Чего смеешься?

Когда смотрю на себя на последних фотографиях (эффект хуже зеркала!), вижу — старик. Грустно. Поэтому предпочитаю видеть себя ее глазами.

Матвей, привет!

Террор опять разгулялся. Армия снова вошла в несколько городов. Пр-во приняло давно тобою предлагаемое решение (и то лишь частично): на каждый теракт отвечать занятием территории с удержанием ее вплоть до прекращения террора (а не навсегда, как предлагал Рувин). Навсегда не удержим против всего мира, поэтому надо не только занимать, но и вычищать, причем тотально (по Вайману). А вот и новый, и весьма характерный штришок о реакции «левых», в нашем случае еще и либералов, уравнение работает железно: известный израильский писатель А.Б. Йошуа, левый, косящий под либерала («как уважающий себя интеллигент», всячески поддерживал в свое время «мирные усилия»), после вчерашнего взрыва в автобусе впал в истерику (не мудрено) и на каком-то собрании сказал, что он потрясен размахом ненависти против нас, что это напоминает ему ненависть немцев, что (внимание, начинается самое интересное!) как мы немцев «свели с ума» (цитата), так и палестинцев теперь сводим, и он очень боится, как бы не кончилось тем же... Его сегодня вызвали «на ковер» на всех телеканалах (уверен, что не ради этого он ляпнул, он и так человек популярный, и даже выглядит чистосердечным, захлебывающейся скороговоркой несет что-то на манер дервиша), и спросили: так мы, значит, виноваты в том, что нас немцы убивали, довели их, а теперь и в том, что палестинцы нас убивают? А он отвечает (своей знаменитой захлебывающейся скороговоркой), это я сам слышал: конечно нет, его не так поняли, он просто имел в виду, что в нас есть что-то такое, что делает совместную жизнь с другими народами невозможной, поэтому сионизм и провозгласил «отделение», выход из гущи других народов, стремление зажить самим, самостоятельно, вот и с палестинцами: пока мы жили за «зеленой чертой», все было нормально, а когда мы залезли им в кишки, они нас вот так ужасно возненавидели, так что он предлагает, как хороший сионист, отделиться от них тотально, «уйти в себя», отгородиться (сейчас стену строят!) и т.д. Ну, его, конечно, легко «поймали на противоречиях», но что ему противоречия... Причем человек-то неглупый, и писатель не из последних. Вот такой крик души... Либеральный и левый, и даже сионист одновременно... Конечно, это не доказательство, я так, рассказываю местные байки...

Всегда твой

Наум

Леша, привет!

Сын наш старший женится, свадьба 23.7. Так что милости прошу, рады будем, если приедете.

Какие планы на лето? Мы думаем в августе попутешествовать по Франции, недели две. Впрочем, загадывать-планировать нынче трудно...

Так что там Штаты, вдарят, наконец, по Ираку? А то, как в том анекдоте, как один девушке всё подарки делал, то коробку конфет, то мороженое, то тортик, так она и говорит подружке: пока он меня трахнет, у меня будет сахарный диабет...

Всегда твой
Наум

От Л: спасибо за записки. А как ты с Канторером общаешься?
Матвей молодец, провоцирует тебя по делу.
Расскажи пожалуйста о последних событиях, очень тебя прошу.

А чего рассказывать, взрывают нас как хотят, вот и весь сказ. А с Канторером пообщался разок по телефону.

Кстати, Подражанский взял статью в свои Вести-2, говорит через неделю будет.

Наум, срок маловероятный, Крава на все лето в Москве, а я завтра на неделю в Италии. Навестить-то надо, но когда — пока точно не скажу.

Поздравляю молодых. Вы тоже держитесь.

Alexei P. Tsvetkov

Допоздна смотрел телевизор, а когда лег, жена уже спала. Так теперь заведено у нас. Но не спалось, думал об Р. О том, что вдруг опять колесо повернулось, почти ушло раздражение на ее властность и требовательность, а даже если и не ушло, то стало неважным, и остались восхищенное удивление и ощущение единственности ее для меня в этом мире: так странно, все в ней именно так, как мне виделось с юности, когда я искал в небе тот образ, ту «идею» моей любви, которая мне предназначена, которая «моя», а то, что она моя, я должен был узнать по «датчику любви». И в тех женщинах, что у меня были, я находил, чувствовал вот этим самым датчиком, что нашел только ту или иную деталь этого образа: волосы, или губы, или изгиб бровей, взгляд, талию, форму плеч... От образа остались фрагменты утраченной живописи древней иконы, ангел златые власы, он так и не воплотился в этом мире, и я уж было махнул рукой, но вот... это ли не чудо?

Она часто говорит мне, почти каждый раз, когда мы лежим, обнявшись, и блаженно ощущая друг друга каждой клеточкой кожи: «Как странно...» — «Что?» — «Что я тебя встретила...» Или: «Как здорово, что ты меня «увидел»!.. И что у тебя хватило духу подойти ко мне. ... И хорошо, что я тебя тоже «увидела», тогда на совещании...». Потом обычно идут воспоминания о нашей первой поездке, в Иерусалим, когда я открылся ей, что их бин «профессиональный поэт», в этом месте она всегда начинает хохотать. «И машина твоя мне не понравилась, думаю: уже 20 лет в стране, а приличную машину купить не может». «А ты помнишь,

что я тебе сказала, когда ты в первый раз подошел, позвонить через три недели? Тебя не удивило, что через три недели? Да-да, именно три, я помню. Я хорошо помню! Потому что я еще не знала. Я подумала: любопытно, но еще не знала...». Или: «И ведь надо же было, чтобы меня выгнали в Рамат Гане, и не взяли в Герцлии, и что нашлись какие-то часы в Лоде... Это надо же было добраться до Лода, чтобы встретить тебя...».

Я никогда не придавал особого значения ее словам, не знаю, почему, не верю я в магию своей личности, и, как Зальгин, покойничек, говорил: слишком плохо отношусь к женщинам, да и к мужчинам тоже, полагая, что после хорошей вздрючки чего только ни наговоришь, отдыхая и не жась... Но я и сам так чувствую, и это дает мне робкую надежду, что, может, и она не просто «лепечет от расслабухи», а тоже, как и я... А ведь и я иногда, гораздо реже, чем она, но все же проговариваю это свое счастливое удивление, и почти теми же словами: «Как странно все-таки (улыбаясь при этом эдак глупо-загадочно), что я тебя встретил... В каком-то вонючем Лоде...» — «Ага!» — радостно повторяет она и прижимается ко мне еще сильнее.

21.6.

Prokhanov

Наум, привет!

Сначала о некоторых деталях «дискуссии о Проханове». У Курицына, который, по твоим словам, сформулировал «мощный теоретический базис» («Что делать с хорошей литературой, написанной, условно говоря, плохими людьми?»), плохо с логикой. Ведь кончает он статью тезисом о том, что Проханов не только «не враг», но и «хороший человек»: он, оказывается, повторил бы подвиг Сапуновой. Выходит, Проханов не просто «хороший человек», а еще и герой. Но в таком случае непонятно, откуда взялся тезис о «плохом человеке», творце хорошего искусства. На самом деле это типичная «оговорка по Фрейду»: выдал себя Курицын с головой, знает он прекрасно, что Проханов говно, вот и подводит под это «мощный теоретический базис». Однако говну (это не новость) свойственно вонять. И на другой же день после статьи Курицына Проханов выступил по НТВ и оповестил публику о том, что щиты с надписью СМЕРТЬ ЖИДАМ являются инсценировкой и провокацией израильской разведки. Выходит, если бы Проханов поступил так, как ожидал от него Курицын («Я верю, что Проханов мог бы остановить автомобиль, чтобы убрать нехорошую табличку»), то он поддался бы на провокацию, и стал бы типа агентом Мосада, пусть и невольным. Словом, «хороший человек» Проханов подвел «наивного» Курицына, причем на другой же день, не отходя от кассы. И поделом: нечего Ваньку валять. Проблема Курицына в том, что он косит под дурака, будучи и без того таковым, в то время как это прерогатива умных, да и то действующих с разбором (прекрасно сказал Валерий Брюсов: «Конечно, ум дает права на глу-

пость, // Но лучше сим не злоупотреблять»). Не жду, что Курицын после этого застрелится, потому что он человек игривый (духовный лидер постмодернизма как-никак!), любит жызнь, а жыдам, может, туда и дорога, куда указывает плакат.

Критик Агеев с потешной важностью хвастает, что пришел в критику из литературоведения: занимался, видите ли, «измами» и «всякими промежуточными между ними формами». Ну и «периодами». А «когда долго занимаешься каким-то литературным периодом (а то и не одним)», имеешь дело со всякой всячиной и по ходу дела «сам принцип эстетической ценности усваиваешь», причем «волей-неволей». В результате «четко отличаешь вершки от корешков» — кто, скажем, «творец», а кто, напротив, «эпигон». Заметим: Агеев не говорит, что хотя бы однажды задумался над «сущностью эстетического»; он просто «долго занимался» и «волей-неволей» научился что-то там такое «четко отличать». Ну и что же он чисто конкретно отличил в Проханове, выступив для смеха в качестве эксперта? Проханов оказался эпигоном, а не творческой личностью («Оказался наш отец не отцом, а сукою»). Начитался, понимаешь, «Навьих чар» (?!), но Сологубова юмора не понял (как я — агеевского). Если это все, что может нам предложить Литературовед, то зря мы на него так рассчитывали.

Приходится положиться на свои силы. Раз уж ты так настаиваешь на «неоднозначности» «прозы» Проханова, получай ее «анализ» (получай, фашист, гранату). Признаться, я никогда не читал этого «автора» — ничего, кроме «Плахи во чреве» и пары передовиц из газеты «Завтра», но и этого слишком достаточно, чтобы «составить общее впечатление».

Поначалу может сложиться впечатление (если судить только «по показаниям Рампы»), что «с художественностью» у Проханова «все в порядке». По сути, Рампа — это подмости для отправления обряда жертвоприношения. С одной стороны, она структурирует пространство таким образом, что «весь мир» центрируется вокруг алтаря; с другой, — служит «защитной стеной» для зрителя (по словам Вяч. Иванова, «ограждает зрителя от огненных стрел Аполлона»). Благодаря чему зритель получает возможность «принять участие» в ритуале в качестве не кого-нибудь, а искупительной жертвы (пускай «метафорической»), пребывая при этом в полной безопасности.

Вот и Проханов о том же: «Материнское чрево — плаха, где состоится казнь. Кафельная операционная — место казни. Вокруг операционной, превращенной на время в центр мира, вращаются по орбитам — Президент в золоченом кремлевском кабинете, Патриарх, совершающий утреннее богослужение, хлебопек, вытаскивающий противень с румяной выпечкой, писатель, затевающий увлекательный роман. Москва своими миллионами, жилыми кварталами, банками, министерствами окружает операционную, заглядывает в немытые окна, собирается к месту утренней казни». Итак, подмости возведены, пространство

структурировано в духе рувинской «архитектоники спасения», вся публика в сборе. Все «как бы грамотно», даже слишком, до назойливости. (Конечно, «если начать придираться», можно отметить некоторые оплошности: текст называется «Плаха во чреве», а далее говорится, что «чрево — плаха»; выходит какая-то «плаха во плахе»; но это, можно сказать, мелочи, ведь никто, кроме Ваймана, кажется, не считает Проханова большим стилистом). Естественно, очередную куклу-тетку «перекладывают на операционный стол как на жертвенный алтарь».

Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что нам подсывают какой-то «неклассический» обряд: это вовсе не то «жреческое» жертвоприношение, которое послужило прообразом эстетического акта. Прежде всего замечаешь, что оно не катартично. В чем тут дело? Отождествиться с жертвой, вроде бы, нетрудно: р-р-русские, как-никак, женщины. К тому же они сами отдают своих младенцев на закляние: «уже забытый матерью, преданный ею, отданный на закляние, притаился плод». Но это только видимость: на самом деле русских теток вынуждают прибегнуть к этому крайнему средству некие «чуждые злые силы»; тут действует не «течение жизни», а целенаправленный заговор. Иными словами, это языческое жертвоприношение в православной стране. «Черная месса», навязываемая «народу» вместо «православной литургии». («Оккупационный режим», Е.Б.Н., ZOG и все такое из передовиц газеты «Завтра»). [Конечно, «православие» Проханова очень специфическое: это православие вчерашнего воинствующего атеиста, задействованное чисто спекулятивно, ввиду установки на «максимум действенности во что бы то ни стало»; как же можно пренебречь столь сильным средством воздействия? Ведь оно такие струны задевает! А то, что «православие по-Прохановски» никак не сочетается с другими дежурными спецэффектами, автора нимало не беспокоит: даешь максимум шокового эффекта на квадратный сантиметр «прозы»! Тут можно было бы порассуждать еще и о том, что «эстетическое жертвоприношение» вообще «языческое» по своей природе (скорее радение, чем литургия), но ведь Проханову в этом плане даже не втолкуешь, о чем идет речь.] Поэтому вернемся к нашим оккупантам, языческим истуканам. В облике влекомой на аборт женщины есть «нечто от жертвы, приносимой жестокому языческому богу». «Крохотная квартирка, в которой учительница приняла решение убить свою дочь, не может сравниться с дворцами и палатцами /вообще-то 'палаццо': от ит. palazzo/ в «Городе Золотых Унитазов» /ярко, образно мыслит/, где живут языческие беспощадные боги, кому /!/ приносится кровавая жертва». /Начисто лишенный вкуса и элементарного языкового чутья, Проханов особо не затрудняет себя поисками свежих антитез, сравнивая «хижины» с «дворцами»/. В пантеон «языческих богов» входят «олигархи», монструозные куклы-марионетки: рогатый банкир Потанин; алюминиевый король Дерипаска (естественно, «с алюминиевой головой»); нефтяной олигарх Абрамович

с волосатыми лапами пьет до дна «золотую пиалу с нефтью»; Чубайс, оставивший страну без электричества, «задумчиво грызет берцовую кость, глядя вдаль на черную, без единого огонька и фонарика Россию» /ни одна фельетонно-газетная «шутка» из арсенала пасквилянтской «патриотической прессы» не пропадает втуне, все идет в ход у этого «юмориста», начисто лишённого чувства юмора/. «Все они смотрят сейчас, как лежит на операционном столе усыпленная женщина. Благодарны за жертву, которую она им приносит». Ну и над всем этим пантеоном царствует языческий «Зевс», Истукан (Ельцин). «Художественные приемы», к которым прибегает Проханов для изображения отрицательных персонажей (а деление на положительных и отрицательных производится с методичностью, которая ошарашивает своей тупой заданностью), сводятся к возбуждению физиологического отвращения, доходящего до тошноты /прием, лежащий за гранью «классической художественности»/.

При таком раскладе ни о каком катартическом эффекте не может быть и речи: метафизический уровень (примирение с Замыслом в результате самозаклания) устраняется; вместо него на первый план выдвигается чисто политический модус бытия, в котором действует закон мщения. Можно сказать и так: замысел о бытии подменяется коварным конспирологическим замыслом (известно, чьим). Вместо катарсиса — смакование грядущей мести, столь же физиологичное: «Матери, совершившие аборт, обречены в аду лежать на длинном одре, и по ним непрерывной чередой ползут маленькие липкие эмбрионы, словно красные лягушата. Карабкаются, цепляют хрупкими лапками. Раскрывая крохотные мокрые рты, пищат: «Мама... Мама...» /свежо и сильно/ Отцы, чьих детей вырезали из оплодотворенного лона, обречены на адскую муку, как если бы в их семенниках поселились тарантулы, скорпионы, сколопендры. Сцепились мохнатыми ногами и щупальцами. Жалят, язвят, и грешные отцы вопят, так что крики их слышны на земле. Лекари-святотатцы, убивающие невинных младенцев, обречены в аду на то, что пальцы их перебивают кувалдами. Молчаливый молотобоец с зашитым ртом ходит мимо грешников и дробит им фаланги пальцев. Людоеды, насыщавшие свою кровь до срока убиенными, наказаны тем, что их гниющие тела непрерывно лопаются, и из мокрых трещин выползают прожорливые сороконожки. Начинают жадно пожирать кричащих каннибалов. Грешник же, подобный мне, дерзнувший стоять в операционной и смотреть на казнь, будет обречен в аду созерцать это невыносимое для человеческого сердца зрелище». /Да полно придуриваться! Ведь видно, что смакует, стервец, все эти «физиологизмы» с наслаждением маньяка-параноика, а в загробное наказание не верит! Я уже не говорю о том, что описывается почему-то «ад по Данте», хотя католиков русскому патриоту положено люто ненавидеть (Истукан-Ельцин, напившись крови христианских младенцев, «как был босиком,

пошел в соседнюю комнату с правительственной связью набирать резиденцию Папы Римского»; вот это по-нашенски!). Нестыковочка вышла, но такие мелочи Проханова-православного-человека не смущают: слопают и так, не из теологов же, в самом деле, состоит его «читательская аудитория»/.

Здесь самое время вернуться к Рампе. Приходится констатировать, что нас обманули: Рампа оказалась фальшивой, поскольку мы присутствуем на «чужом» жертвоприношении и от стрел Аполлона защищаться не приходится. Поэтому отпадают за ненужностью все «эстетико-оптические эффекты», производимые «классической» Рампой: 1) субъект отождествления не «синтезирует» индивидуационные импульсы, исходящие от разных персонажей; 2) стирается различие между «эффектом присутствия» и публицистическим абстрактным говорением; 3) переживание движется не к разрядке, а к нагнетанию, к призыву «На баррикады!», к «перешагиванию» через рассосавшуюся Рампу. Объяснюсь по каждому из пунктов. 1) В «нормальном» произведении герой-протагонист «впитывает в себя» индивидуационные импульсы, исходящие от разных персонажей, с тем, чтобы «ответить за все» в качестве козла отпущения. У Проханова все наоборот: между «положительными» и «отрицательными» персонажами пролегает такая пропасть, что жертвы вызывают не к разрядке (результат «учредительного насилия», по Жирану), а к праведной мести: вместо «козла отпущения» — «За козла ответишь!». Рампа только мешает подобной интенции: не успеваешь оглянуться, как она «рассасывается» без остатка. 2) Если присмотреться, «художественные» элементы текста с занудной регулярностью (Проханов — параноик-педант, вся его «пассионарность» является сплошной симуляцией) перемежаются с чистой публицистикой митингового характера. В перерывах между абортами писатель Проханов произносит подстрекательские речи «от первого лица». Вот выступление автора после аборта первой куклы, Служащей («почтовой»): «Полтора миллиона абортот делается сегодня в России. На миллион в год сокращается популяция русских. К середине века нас останется семьдесят миллионов. С таким населением не удержать территорию, не сохранить дееспособную армию, не построить флот и космические группировки, не отстоять русскую цивилизацию. Все, что происходит сейчас в неказистой операционной с рыжеватым потресканным кафелем, — это уход из Сибири, отказ от Енисея и Лены. Это японцы во Владивостоке, китайцы в Иркутске. Это немецкие поселенцы в тирольских шляпах с нарядными фазаньими перьями возвращаются в Калининград...». А вот выступление автора после аборта второй куклы, Статуи («учительницы младших классов»): «Миссия русской женщины в истории народа огромна. Рожая по десять-двенадцать здоровых, полнокровных детей, выкармливая их обильным молоком, воспитывая на колыбельных песнях, сказках, церковных балладах /!/ [хамство Проханова сказывается в том, что он, кося

под «православного человека», даже не удосужился заглянуть в какой-нибудь, что ли, справочник, чтобы найти в нем выражение типа «духовные стихи» или что-нибудь подобное; он прекрасно понимает, что и так схавают, в особенности утонченные умники], русская женщина наплодила жизнелюбивый, деятельный, богомыслящий /!/ и добрый народ, кому /!/ было дано освоить громадные просторы Евразии, создать небывалое государство, не просто сочетающее в себе множество вер, языков и культур, но и обращенное на единое для всех народов Откровение в Любви и Благодати. Это всепримиряющее откровение, эту женственную, свойственную России доброту несли в себе русская крестьянка и дворянка, солдатка и монахиня. Удар, которым Россия выламывается сегодня из истории, — есть, в том числе, и удар по русской женщине, которую лишают святости деторождения, пропускают сквозь абортарии, ведут в амбарных книгах строгий учет неродившимся русским воинам, ученым и пахарям». Проханов, не затрудняя себя даже стилистической переработкой, просто вставляет в, с позволения сказать, «художественную ткань» пассажи из своих митинговых публицистических статей. Разумеется, «художественные» элементы текста, и без того лубочно-схематичные, перемещаются в разряд «иллюстраций к выступлениям». То, как все это делается, выдает в Проханове убогого графомана, страдающего абсолютной эстетической глухотой, и создает «архетипическую какофонию», которой не выдержит никакая Рампа. На самом деле произнесение зажигательных речей между абортами — это безумно нелепая и смешная до слез «художественная находка», но смеяться особенно некому, потому что нормальный человек со здоровыми реакциями Проханова читать не станет (о «критиках» разговор особый). 3) Текст движется в режиме нагнетания (до трех раз, как в сказке) «сочувствия к жертвам». Но это очень странное «сочувствие», поскольку «субъекта отождествления», по большому счету, просто нет. Представляя «жертв», Проханов оповещает нас своим суконным языком, что они «Разные по возрасту, по достатку, по социальному положению». Они не люди, а «куклы-представительницы», аляповатые лубочные поделки из ассортимента халтурных «народных промыслов»: Служащая, Статуя и Кустодиевская Женщина /рядом с ними и 'Девушка с веслом' покажется образцом высокого стиля/. Вот как видится, например, автору (на полном серьезе и на голубом глазу!) третья «жертва аборта», «вылитая кустодиевская красавица»: «Поставь рядом с ней блюдо с плодами земными, посади на перину с пестрыми подушками, принеси фарфоровый чайник с нарядным золотым петухом, окружи все это дорогой /!/ золоченой рамой — и выставляй, как чудесный образ /!/ русского искусства незабвенных двадцатых годов». («Эй, народ, не ленись // Покупай живопись!») [Чегой-то я не врубаюсь: неужели ты, Наум, всерьез считаешь «неоднозначной» «прозу» этого ущербного пошляка и дегенерата? Похоже, я пал жертвой розыгрыша; спасибо хоть, что не аборта.]

Выруливаем на финишную прямую. Перед нами типовой образчик хамской магической эксплуатации жреческого архетипа. То есть по части «гения» все ясно. Поскольку «анализ на талант» в принципе методологически более громоздкий (а по большому счету и бесперспективный), я от него воздержусь: ведь и так все очевидно; вряд ли кто-нибудь пишет на русском языке хуже Проханова. Я, по крайней мере, ничего более убогого не читал. Обращу только внимание на один момент. В «сюжетной развязке» значится: «Вакцину доставили тотчас, как она была изготовлена из перетертого заживо эмбриона с добавлением липового меда и муравьиных яиц. Ее вколол сам Дебейки, введя иглу в глазное яблоко Истукана. Глаз страшно вздулся и приобрел панорамное зрение, так что ему стали видны все, кто пришел к одру, надеясь получить укол чудодейственной вакцины. Она подействовала немедленно. Синий трупный цвет тела сменился нежно-розовым, молодым. Мозг с притоком целебной омолаживающей крови стал насыщаться кислородом, и Истукан вспомнил, как зовут дочь. Сердце заработало, как у юноши». Почувствовав здесь отчетливый привкус «постмодернизма-от-Сорокина», я призадумался и вспомнил сюжетную развязку «Голубого льда». «Сталин схватил его за руки и, оперев рукояткой поршня в лоб Гитлера, надавил. Игла прошла сквозь глазное яблоко, проколола кость глазной впадины. Голубое сало хлынуло в мозг Сталина. И т.д.». Кроме факта плагиата (П украл у С инъекцию как способ сюжетной развязки), отметим, с каким трогательным взаимопониманием Сорокин и Проханов кивают друг на друга. 'Голубое сало' может прикидываться чем угодно, но функционально это кровь христианских младенцев, употребляемая известно кем. Отмеченное сюжетное сходство представляет собой любопытный и красноречивый факт: эпигон соцреализма слился в экстазе с пародистом соцреализма, и их уже невозможно ни разнять, ни различить /«Мы с Тamarой ходим парой»/. В эпигоне Проханове «соцреализм» саморазоблачился до положения риз, обнажив такие скрывавшиеся до поры под маской соцполиткорректности «потаенные места» и «миазмы», как магизм, человеконенавистничество, закомплексованность, антисемитизм, склонность к «конспирологии», китчевость и т.д. и т.п.; словом, в соцреализме на архетипическом уровне высвечивается тараканье подполье Империи зла. А насчет соцартовца Сорокина окончательно выяснилось, что у него никогда и не было за душой ничего, кроме этого подполья, служившего предметом передразнивания (вот и весь секрет его «творческой продуктивности»).

В заключение честно признаюсь: я не сумел доказать, что Проханов плохой писатель. Не думаю, что это вообще возможно. Даже если допустить, что «методология правильна», она действует только «на уровне проверки на возможную гениальность»; однако у меня есть подозрение, что даже Вайман не считает Проханова гением. Что же касается «таланта», то такого рода тестирование — это вопрос вкуса. Именно поэтому я

«не критик»: мне на этом месте «перестает быть интересно». Тут можно только цитировать, указывать пальцем, толкать в бок и восклицать на манер Кенжеева: «Да вы что, братцы, офуели?!». Талантливый человек (то есть наделенный языковым чутьем и чувством стиля) мог бы написать «крепкую прозу» (качественный человеконенавистнический памфлет), используя ту же архетипическую какофонию, которая задействована в «Плахе во чреве», и ему это сошло бы с рук; конечно, «гениальное» произведение таким Макаром не создашь, но «талантливое» — сколько угодно. Чтобы далеко не ходить за примером, упомяну того же Сорокина, человека небесталанного; однако последний его роман показывает, что даже способный писатель не может играть в дурные архетипические игры долго и безнаказанно: Сорокин дописался до «Льда» — а это почти такая же плохая проза, как у Проханова («почти» только потому, что хуже уже некуда).

Остается рассмотреть вопрос об «интеграции Проханова в светское общество». Позиция Курицына состоит в том, что таки да, надо интегрировать. Кто обзывает Проханова антисемитом, тот, дескать, только увеличивает количество антисемитизма на одну единицу. [Забавно, что Курицын не решается отрицать, что Проханов антисемит; но он, по обыкновению, передергивает, говоря, что пока Проханов ненавидит конкретного Каца, а в ответ на антиантисемитские лозунги станет настоящим антисемитом (полуподлец, но есть надежда, что станет полным наконец); вы этого хотели, господа либералы? Иными словами, Курицын приписывает Проханову «бытовой антисемитизм». Однако публичное (через печатные и электронные СМИ и книжную продукцию) распространение провокационных баек про всемирный еврейский заговор, чем активно занимается Проханов, в том числе и в «Гексогене», — это не есть «бытовой антисемитизм» и «нелюбовь к конкретному Кацу»; и не такой уж окончательный дурак Курицын, чтобы этого не понимать.] Тут не очень понятно, почему такая честь опять отводится евреям. А можно ли назвать, например, террориста террористом, а бандита бандитом, не увеличивая на единицу количество, соответственно, терроризма и бандитизма в мире? Кошку-то хотя бы можно назвать кошкой, не спросясь у Курицына? Я как-то засомневался.

Агеев отвечает: «Это вам, ребята, только кажется, что вы интегрируете Проханова; на самом деле он интегрирует (проще сказать, имеет) вас». В этом я с Агеевым согласен.

Но особенно оживился Быков (толстощекий либерал, дружащий исключительно со своими оппонентами-заединщиками, а соратников-либералов презирующий): возобновилась традиционная русская забава — битва между литераторами двух лагерей, то бишь между «заединщиками» и «жидовствующими». Тезис Быкова такой: пока паны-писатели дерутся, у холопов чубы не трещат, на улицах мир и порядок, лишь бы государству хватило ума не вмешиваться. Одно только неясно:

откуда Быков это взял? Из какого такого исторического опыта или, скажем, источника? Никто не ограничивал грызни между писателями ни во времена Веймарской республики, ни после Февральской революции (да и до нее тоже). Что не помешало Гитлеру придти к власти, а Ленину совершить переворот и развязать гражданскую войну. Признаюсь, проблема эта (об «интергадии» Проханова и о «сидении с ним за одним столом») остается для меня не вполне ясной, хотя свое мнение (скорее эмоциональное отношение) я, в сущности, высказал. Поскольку этот вопрос лежит вне сферы моей непосредственной компетенции, мне особенно интересно было бы узнать, что ты думаешь на этот счет.

И напоследок о либерализме. Агеев подводит теоретическую базу под свое суждение о том, что интегрировать Проханова нельзя. По мнению Агеева, либерализм может интегрировать в себя левых, а правых не может (можно состыковать позиции отцов и детей, поскольку дети моложе; но нельзя интегрировать город и джунгли, поскольку джунгли старше). Метафоры, конечно, яркие, но, как говорят французы, *contra raison n'est pas raison* (сравнение не доказательство). Тут Агеев льет воду на мельницу Ваймана и словно бы уличает либерализм в генетической тайной симпатии к левакам («Не указывают ли эти смазанные проговорки на связь либерализма и левизны?» Отвечаю: «Не указывают, потому что глупые проговорки указывают на глупость и больше ни на что»). Вообще непонятно, почему я должен считать Агеева «экспертом» еще и по либерализму, хотя он уже показал, какой он эксперт по литературе (где считает себя «профессионалом»? По моим наблюдениям, люди, считающие себя «либералами», сами заражены левачеством, а в «либеральном наследии» не смыслят ни уха ни рыла. Лучше бы Берлина почитали. Я вот перечитал его основные работы и не нашел в них ни малейшей симпатии к политической левизне. Беда в том, что либерализм сегодня находится в небывалом упадке. Как ни странно, этот упадок стал следствием его безоговорочной победы: либерализм рухнул с разбега, по инерции — вместе с «Империей зла», с которой боролся. И ты зря от него отмахиваешься: может быть, крушение либерализма и есть глубинная причина сегодняшнего «Заката Запада» (так на самом деле называется книга Шпенглера). И спасение (если оно есть) не в том, чтобы «списать либерализм со счетов» и метнуться в сторону романтико-нацистских монстров; на мой взгляд, единственный шанс состоит в том, чтобы возродить его (либерализм) «в истинном виде» (как ни смешно это звучит). Во всяком случае, я другого выхода не вижу. Не «спорить» надо с Берлиным, а изучать, будь он хоть трижды сэр. А потом, если надо, и спорить, но со смыслом. А без «осевой» точки отсчета (каковой и является либерализм) нечего и надеяться «в этом сумрачном лесу не заблудиться и не потерять облик человеческий».

Всегда твой
Матвей

P.S. С большой радостью услышал о решении занимать «палестинские» земли в ответ на теракты. Если помнишь, я сам додумался до такой меры в одном из давних писем (впрочем, это доказывает только, что решение лежит на поверхности). Наказание должно быть не только неотвратимым, но и необратимым. Если уж торговать землями в обмен на мир, то вновь захваченными. То есть иметь в торговле инициативу. Иначе кранты.

Матвею:
Prokhanov

М-да... Не ожидал я такого серьезного разговора «о Проханове». И все-таки нельзя оценивать произведение по степени совпадения с твоими (или другими) метафизическими схемами (где там Рампа, где стрелы Аполлона и куда подевался катарсис). Анализ и оценка разные вещи. А оцениваем мы по тому впечатлению, которое вещь на нас производит. И тот же модус «общественной значимости» всегда существует и оказывает влияние на общую оценку. И когда я читаю твои цитаты (читать Проханова самого не собираюсь) про все эти «чрева-плахи», то чувствую, «на эмоциональном уровне», и страх, и тошноту, и ужас наплывающей мерзости, и эту булькающую магму ненависти («тараканье подполье Империи зла» это еще мягко сказано), и даже его расчлененный на цитаты текст вызывает ощущение смертельно ядовитого, обжигающего зловония... И уж не знаю, как критики, но каждый «простодушный читатель» вроде меня, тебе скажет, что если текст вызывает такое эмоциональное потрясение, значит, он «сильный» (да, по силе воздействия определяем), или хотя бы «яркий» (так, пожалуй, точнее).

Другое дело, что нынче и те, кто строит алтари, и те, кто их разрушает, достаиваются равного внимания, а скандалисты, зачастую, и большего. А им ничего другого и не надо! Потому что сегодня критерий успеха — известность! Оно, может, и всегда так было, но были и другие, только в силу тех или иных причин они обесценились, вот и остался один Успех, он же Известность. И у этих критериев, кстати, есть вполне осязаемый материалистический эквивалент — их можно (и относительно быстро) монетизировать. Вот и получается, называя это постмодерном, или хоть как, что художнику нынче нет нужды тяжело трудиться над «алтарем», легче взобраться на него и начать выказулировать, и художником быть не надо, тебя критики борзые «возведут», и даже в «крутые» запишут, ну, будешь на худой конец не жрец искусства, а маг. Только ведь какая тут «магия», сие есть богомерзкая отвязанность, варварство (только не изначальное, а заново провозглашенное, как карнавальная прелесть). И у Проханова такая вот адская ворожба. Поэтому смешно немного, что ты возмущаешься: «смакует, стервец, все эти «физиологизмы» с наслаждением маньяка-параноика, а в загробное наказание не верит!».

А насчет вопроса, как «такие люди», как Курицын, «приехали» к Проханову, то лучше спросить, как «курицыным» удастся преобрести репутацию «таких людей»... Впрочем, и это не бином Ньютона. (Кстати, в этом смысле и его симпатии к Гольдштейну неслучайны.)

А Проханов действительно напоминает в приемах Сорокина, и ты лихо поймал его на плагиате, только у него нет этой сорокинской «разницы потенциалов», зато напор есть («драйв!»), которому и Сорокин позавидовать может. И это эпигонство, конечно, «бросает тень» на Сорокина. Кстати, вот за эту вакханалию на алтарях можно и весь постмодернизм вытащить на чистую воду. То есть, нет тут никакого «искусства», а есть чистой воды публицистика, или, если еще проще: политика.

Итак, в «остатке» мы имеем «сильное эмоциональное воздействие» (надо полагать, произведенное и на критиков, в том числе и на тебя, иначе не было бы вокруг столько «эмоциональных» разговоров), но поскольку это «политика», то и не надо подходить к тексту с точки зрения его эстетических качеств, художественности. А яркость налицо, есть же талантливые публицисты, или ораторы на митингах. Но главное — тема работает. А тема беспроегрешная: поругание России и наказание ее бесплодием. «К середине века нас останется семьдесят миллионов. С таким населением не ...отстоять русскую цивилизацию». А что, разве не так? Ему реально страшно, и реально болит. Напоминает вопли Розанова столетней давности, только те «художественней». А то, что митинговое вдохновение он «облек» в художественную форму (взобрался на алтарь) — так это для пущей значимости. Может, это даже такая проповедь на амвоне.

Конечно, дело не в низкой рождаемости, а в ощущении конца — на ладан дышит империя, и Проханову жалко ее (и себя немножко). Не хочет Проханов исчезать, хоть история ему, может, так и предписала, он не согласен! И вся энергия романа от страха и боли, и русский читатель легко всем этим заводится, только евреи подхихикивают. Потому и к евреям такой «напряг», из зависти. Вот Тойнби (да и не он один, воистину имя им легион), как историк, предписал им исчезнуть, мол, сыграли свою роль, очистите, пожалуйста, площадку, а они, гады, сопротивляются, не хотят признавать того, что их роль в истории сыграна, построили себе, панимаш, сухопутный авианосец, и — вперед, плывут! Так если им удалось приговор истории отменить, так, может, и нам удастся! Помечтать не грех, а как условный Проханов сможет свое право на жизнь отстоять — это его проблемы (вряд ли с помощью «войны с абортами» и бешеного поиска врагов русские «построят флот и космические группировки»). Так что речь о жажде жизни, об отчаянии подступающей гибели. Никто не хотел умирать. А не умереть — значит, «сохранить свою цивилизацию». Вот мне сейчас пришла в голову мысль, что вся эта постхристианская борьба Запада против Израиля, за арабскую Палестину (не отдадим евреям ни пяди арабской земли!) есть от-

чаянное и по-своему жалкое несогласием постхристианского мира с тем, что провозглашенный конец Израиля так не наступил, а конец христианства уже тут как тут.

Только Россия еще гротескно цепляется за свое «мессианство» (народ-богоносец). А если посмотреть на европейцев, то такое впечатление, что судьба европейской цивилизации их мало волнует. Будешь в Стокгольме, обрати внимание на то, сколько в этом «гнезде викингов» чучек, а после этого помножь плотность чучек на три, а то и на пять, и поймешь, что происходит в Лондоне, Париже и Амстердаме. И что-то не слышно про тамошних «прохановых» (хотя «ле пены» есть), которые вопили бы о том, что через пятьдесят лет Европа будет темно-зеленой и говорить по-арабски. Евреев выгнали, а арабов приняли — может, это такая их христианская месть? Либерлизм называется (он же плюрализм и т.п.), а по сути — мягкотелость. Интересно, что «по культуре», это выражается в одичании современного западного человека. Все это глобальное упрощенчество, как и коммунистическая культура в прошлом столетии, имеет свою «историческую» задачу: оно всех уравнивает и делает неразличимыми. «Классическое искусство» идет от родовых корней и нынче уже не нужно, не только политически, но и экзистенциально: западный человек настолько «оторвался от корней», стал «механистически» функциональным, что ему для возбуждения жизненных сил достаточно просто настучать по голове ритмичным боем барабанов... И «проза» Проханова, как и Сорокина, вернее, шум вокруг них — это не «упадок либерализма», а война с ним, как с подменой христианству. Вот у нас, например, чисто конкретный эксперимент столкновения религиозности вплоть до озверения с милейшим либерализмом. И выясняется, что в борьбе невозможно опереться на либерализм: он утверждает, что «нет военного решения», и под соусом этой мудрости пытается протасовать капитуляцию. Эта его «борьба за мир» на самом деле есть борьба за свое выживание, потому что если воевать, как положено, то есть мочить врага в нарастающих, необратимых количествах, то придется отказаться от либерализма, от его «морали». Кстати, занимать территории, заранее заявляя, что это «в обмен», глупо, а присоединить — весь западный мир встанет против, не выстоим. Отсюда и нерешительность — надежда всех наших врагов. Вот ты предлагаешь либерализм этот «не списывать со счетов», а «возродить». Да я не против. Но как ты его идейно возродишь, если он бесповоротно размяк и не в состоянии дать тебе силу в идущей уже на всех порах тотальной войне! Ведь либерализм — это как раз «индивидуальный подход», ценность человеческой личности. Речь же идет о выживании племен. Вот и возроди пойдя... Если они нас будут убивать пачками (как всегда делали!), а мы — искать со свечкой в этом лабиринте ненависти «виновных» и «ответственных», то проиграем, то есть умрем и даже рассеяться не успеем. Вот ты готов арабов всех «подчистую», а чуть антисемиты на Руси

развонялись, так сразу: давайте либерализм возрождать. Нет ли здесь противоречия? И почему не выживание — «осевая точка»? Разве не жизнь, и только она священна? Ни земля, ни права человека, ни либеральные ценности, а жизнь?

Всегда твой

Наум

Пэ.Эс. Тут вот какое дело: позвонил мне Миша и попросил двадцать (20) долларов. Сказать честно, меня это немного смутило. Какая-то в этой просьбе была необязательность, даже в самой сумме. А поскольку каждая такая просьба — унижение, как мне кажется, то смутила меня эта необязательность унижения, его невыносимая легкость... Не хотел бы втягивать тебя в эту «историю», тем более, что ты избегаешь с ним контактировать, но он сказал: «ведь у Матвея есть». Если тебе уж очень не хочется с ним видаться, то я попробую найти другие пути, а если ситуация все-таки терпимая, то я бы попросил тебя передать ему 50 д. Сообщить ему я могу и сам, но все равно вам придется договариваться. В общем, извини, если втягиваю тебя в неприятную ситуацию.

23.6.

Pro

Наум, привет!

Ты ошибаешься, текст Проханова не вызывает у меня и тени «эмоционального потрясения»; написал я о нем по двум причинам. Первая: сказать, в унисон с Кенжеевым: вы что, ребята, офуели? Вторая: предложить схему «архетипического подхода». Такое чувство, что ни с одной из задач не справился. Неудача с первой меня не волнует: я «заранее» знаю, что отстрел воробьев из пушек может произвести дикое впечатление. Поэтому я не критик. Критик должен «держат в уме» архетипические схемы, но «прятать» их, а в «прямом говорении» руководствоваться «вкусом». Мне же «не по чину» микшировать схематику: чего ради ее прятать, если кроме меня о ней никто просто не имеет представления? По второму вопросу у меня чувство тоже ожидаемое: хотя ты как-то написал, что «с Рампой тебе все ясно», твои замечания показывают, что твое понимание Рампы не имеет ничего общего с моим. Рампа творится с каждым новым текстом каждый раз заново, на каждом новом уровне индивидуации иначе; никакой Рампы (при индивидуальном творчестве) вне и до литературного текста (или, скажем, картины) не существует (существуют «образцы», каждый со «своей» Рампой, но творческая работа производится на свой страх и риск, каждый «продирается» к архетипам по-своему, этот процесс преимущественно бессознательный), новизна моего подхода в том и состоит, что я предлагаю проанализировать, как постоены алтари для жертвоприношения (как структурирована «архитектоника спасения») в «Евгении Онегине» или, например, в «Пушкинском доме». У каждого произведения «своя Рампа» (где же

она еще, если не в самом тексте?), она разная для каждого рода и жанра (а ведь есть и «нехудожественная проза», скажем, розановского типа; есть и «перебои» внутри произведения, когда отдельные части художественного «выпадают из Рампы»), и если начать разбор не с анализа Рампы (логически; риторически-то можно начинать с чего угодно), то не сможешь даже осознать, о чем говоришь: о художественном произведении или о чем-то другом (как это и происходит у всех без исключения известных мне «литературных критиков»). «Рамповый» подход позволяет определить, с чем мы имеем дело по критерию отношения к «художественности как таковой». Дальше вступают в силу «суждения вкуса»; сами по себе «рамповые структуры» о качестве произведения (по критерию 'таланта', а не 'гения') ничего не говорят (поэтому в принципе неважно, на чем демонстрировать метод, на Битове или на Проханове). Я не веду «серьезный разговор о Проханове» — я пытаюсь вести серьезный разговор вообще, предлагаю «эстетически осмысленную методологию», но никто не хочет ни слушать, ни понимать: это настолько не похоже на «критику», что просто не воспринимается. Ну и ладно.

Жаль, что ты не ответил на вопрос об «интеграции» Проханова в «светское общество»: это единственное, что действительно интересует меня касательно данного персонажа. Только этим питается моя «эмоциональность» по отношению к ситуации (а вовсе не к тексту). Если все соглашаются сидеть за одним столом с Прохановым, для меня места не остается уже ни за каким столом (как поется в русской патриотической песне: «За столом никто у нас не Лифшиц»).

Вопрос о демографии и выживании русских настолько отдельный и серьезный, что я не вижу никакого смысла обсуждать его в связи с Прохановым: мало ли какую тематику эксплуатируют в своем «творчестве» отдельные уроды.

Вообще у меня ощущение полного тупика: на «глубинном уровне» говорить не получается, уровень «применения» (чего я и ожидал) только обнажает непроработанность «базовых понятий» и ведет лишь к приумножению недоразумений. А разговора «на твоём поле» тоже не получается. Мы, вроде, договорились, что ты возьмешь на себя инициативу разговора 'о либерализме', но до сих пор не имею ни малейшего понятия, что ты подразумеваешь под этим словом. Поэтому даже не знаю, как реагировать на такой, скажем, пассаж: «Арабов готов «подчистую», а чуть антисемиты на Руси развонялись, так сразу: давайте либерализм возрождать». Откуда ты это взял? Из контекста моих суждений совершенно ясно, что инициативу «возрождения либерализма» должна была бы взять на себя его родина, Европа (если хочет и имеет еще силы спастись). «Возродить» же либерализм в России считаю совершенно бессмысленным. Во-первых, нельзя «возродить» то, чего никогда не было. Во-вторых, когда антисемиты здесь не воняли? У меня нет чувства, что они развонялись сейчас как-то особенно; развонялись еврей-

русские-патриоты, это да, и на эту вонь я действительно реагирую, потому что испытываю стыд; а проявления русского антисемитизма меня только радуют, хочешь верь, хочешь нет. В-третьих, я чувствую себя в России иностранцем и желаю ей всяческого зла; согласишься, что находясь в таком положении, просто неприлично «давать советы» (если ты не «агент»); я этого и не делаю, а только гнушно глумлюсь из укрытия. Что меня действительно волнует, так это судьба Израиля. Но я прекрасно понимаю, что сейчас не лучший момент для «проповеди либерализма» среди израильтян — и не потому, что это «неправильно вообще» (вообще только это и правильно), а потому, что никто не хочет вникать в смысл слов и пользоваться ими в рамках определенных дефиниций. Что бы я ни сказал, меня поймут превратно. Сразу вступят в действие «математические уравнения» типа «либерализм = левизна»; составление подобных уравнений — это «мыслеотвод», потому что есть смысл уравнивать только разное (только в этом случае нас ждет некое «прибавление смысла»), а если под либерализмом понимать просто «левизну» или «гуманизм», то так и надо говорить и уравнивать левизну с левизной, а гуманизм с гуманизмом, то есть заниматься тавтологией; только при чем тут либерализм? Вот даже и Быков, уж на что сомнительный тип, а почувствовал то, о чем ты отказываешься задуматься: «Для меня либерализм — идеология ничуть не менее пассионарная, чем патриотизм и консерватизм (в идеале, разумеется)».

Теперь что касается Миши. Я понимаю, что выгляжу «некрасиво», но хотел бы, чтобы ты меня уволил от выполнения этого поручения. Я просто надорвался в общении с ним; я человек хотя и «недобрый», но нетвердый по натуре, и мне стоило огромных сил оборвать это «общение», то есть сказать резко и однозначно: «Не приезжай больше ко мне, я не хочу с тобой разговаривать». Он до сих пор звонит мне чуть ли не каждую неделю и спрашивает, не передумал ли я. Кончает разговор так: «Хорошо. Я буду терпеливо ждать». Я почти уверен, что история с долларами — это просто уловка (ведь и тебе показалось, что в его просьбе было что-то необязательное), чтобы я не смог отказаться его «принять». Но ведь я не обязан с ним общаться, не так ли? Эта волынка и так тянется несколько десятилетий, все его «друзья» давно с ним порвали (я терпел дольше всех, поэтому он за меня так и цепляется), а я ему не друг, меня от него тошнит. Извини за резкость, но я чувствую, что если не проявлю твердости, буду опять иметь эти «общения» с совершенно непереносимым для меня человеком.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Я согласен, что возникает ощущение пробуксовки некоторых тем в наших разговорах, что система «понимания» разболталась. Я думаю,

что дело в том, что ты хочешь остаться на твердой почве «дефиниций», а я употребляю их в том смысле, которым они наполняются при употреблении «народом», в реальных, сегодняшних обстоятельствах. Ты пытаешься осмыслить реальность, заключив ее в некую схему, сделав так понятней, это философская работа, она мне интересна, но в глубине души чужда, мне нужно найти практический выход, мне нужна помощь в борьбе. Ты скажешь: хорошая философская схема — лучшее оружие в борьбе (вот марксизм, сколько «практики» натворил), и, возможно, оно так, но мне темперамент мешает (или умственные возможности) рассуждать о Спасении, когда дом горит. Отсюда и наши «недопонимания» (с моей стороны в основном). В общем, «понимание» вещь сложная, и даже, осмелюсь доложить, на точности дефиниций не основанная, просто потому, что абсолютная точность в этом деле невозможна, и в разговоре (как и в «письме», в литературе, в том числе и философской) происходит очерчивание, проведение границ между смыслами слов и понятий, а иногда и борьба за эти границы (например, агрессивные нарушения границ поэтами), то есть нет смысла искать в философии, то есть в честном и смелом мышлении, надежный гарант «устойчивости смысла». Да и что есть «смысл»? Мне даже кажется, что «понимание», это, по сути сочувствие (ведь и смыслы мы «чувствуем», представляем в образах), а чувствуют все по-разному. Иными словами, не стоит огорчаться непониманием, хотя, конечно, временами «несовпадения» огорчают, если не раздражают. Что касается твоей теории, то она нова и велика, и даже, можно сказать, революционна, так что терпи, казак, поймут не сразу. Ты и сам признаешь, что не все в твоей теории «проработано», не все концы с концами сходятся, это скорее набор глубоких идей, может, откровений, но еще не теория. Была бы у тебя теория, ты бы уж, наверное, оформил ее и сделал достоянием гласности. Кстати, один из способов (а может, и единственный) достичь понимания — это ее обсуждение, в том числе и с людьми малопонятливыми, а для этого нужно сделать свои взгляды публичными, опубликовать их. А если еще учесть, что «теория» твоя глобальна, то есть затрагивает почти все основные области мышления, то она одному человеку и не под силу. И вообще, как ты знаешь, удел великих учений — уводить далеко от взглядов основателя... Если это тебя утешает.

И в этом смысле я бы все-таки попытался уточнить смысл Рампы. Она «внутри» текста («где же она еще, если не в самом тексте»), или Рампа это сам текст, как в театре — это сцена. Кстати, и с театром не все ясно: рампа это некая граница, отделяющая сцену от зрительного зала (она даже подсвечивается), или сама сцена?

Кстати, именно постмодернисты догадались, что все дело в границах (физических!), и стали провоцировать публику, еще не сообразившую «где собака зарыта» (что куча мусора в музее — это не то, что куча мусора во дворе, хотя куча та же), нарушением этих границ. Абсурд, кри-

чала взволнованная публика, считающая ритуал принадлежностью папуасов, а себя — выше этого. Соответственно, простое письмо — информация, а то же письмо в рамках романа — уже «художество», нагруженное совсем другими смыслами, которых в написанном письме и нет. И описание работы электробритвы «Адыгель» не художественное произведение, потому что не объявлено текстом, а взяв это описание (слово в слово) и, назвав стихотворением, озаглавив при этом «Описание работы электробритвы «Адыгель», я создал стихотворение (подражая такого рода экспериментам постмодернистов). А условие катарсиса — это осознание «святости» происходящего (за Рампой). Это необходимое условие, но достаточное ли? Или важно происходящее «внутри», «содержание священнодействия»: какие мифологические архетипы и как задействованы, ведь разные ритуалы на разных людей действуют по-разному.

При этом и форма Рампы важна (ты пишешь: «она разная для каждого рода и жанра»), и есть одна Рампа для «стихотворения» и другая для «поэмы»?

Тут и получается, что если «раньше» художественным произведением считалось двуединство: наличие Рампы и определенного «содержания», то постмодернисты содержание, как условие художественности, отбросили, оставив одну Рампу. Сцена есть — ума не надо.

С Мишей я понял. Я ему позвонил, и сказал, что у тебя деньги кончились, и я ему передам с оказией. Он стал меня учить насчет «Юнион банк», попробую действительно выяснить.

Интеграция Проханова в «светское общество» меня действительно мало волнует, поэтому я и не развил эту тему. Я уже как-то писал тебе, что местная действительность просто вышибает всякую другую, и в силу своей трагичности, и в силу близости, как «физической», так и близости «к сердцу». И это не только у «старожилов», но и у недавно приехавших. Вообще, национальная борьба выявляет какие-то свойства народа, которые раньше не замечал, и вызывает в душе ощущения, которые ранее не испытывал...

Читаешь ли что интересное? Чем вообще занят? Давно про книги не писал, они, говорят, подорожали? Что Соколов, по-прежнему интересуется литературой? Еще хотел тебя раньше спросить: контактируешь ли, и как часто, с дочкой, с внуками, с Ирой?

Всегда твой
Наум

Позвонила в девять, как обещала. Голос грустный.

— Кажется в первый раз уезжаю без всякого настроения...

— Мне тоже не хочется, чтобы ты уезжала...

Какие-то дела в школе. До трех. Но через пять минут позвонила, смеется.

— Представляешь, отпустили меня! Все! Я так рада!

Но потом опять погрузилась.
— Ну ничего, месяц пролетит быстро.
— Нет, месяц — это ужасно долго...
Молчали, и действительно не было сил положить трубку.
— Я тебя ужасно... люблю...
— Да, — говорю. — И я тебя тоже...

Жена, видя, как я слоняюсь из угла в угол: «Ну что, как дела?»
— Творческий кризис.
— Что, не пишется?
— Не пишется.
— Бедный мой писюкас.

24.6.

От Л: Вот и хорошо. Так я не поняла когда ты едешь?

Я заказал тур на 13 августа. Если сможешь приехать еще раньше, раньше пятого, было бы еще лучше...

26.6.

Рампа

Наум, привет!

Допустим, что границы Рампы «физические», и Рампа — это «сама книга». Но книги ведь разные бывают. Скажем, есть книга кулинарных рецептов, я несу ее на кухню и использую в качестве руководства к действию. Какая уж тут Рампа! Ты скажешь: Рампой обладает книга, объявившая себя «художественной». И что: я должен поверить всякому проходивцу на слово? И у меня нет способа вывести самозванца на чистую воду? Какой же я после этого штабс-капитан?

Конечно, есть примеры с «кучей мусора в музее» и стихотворением «Адыгель». Но как их интерпретировать? Во-первых, смею заметить, что ты очень переоцениваешь постмодернистов, приписывая им «открытие» эстетического эпатажа [«постмодернисты догадались»]. На самом деле на радикальные эксперименты с Рампой первыми отважились сюрреалисты, а не столь радикальные эксперименты (для своего времени не менее эпатажные) производились на каждом новом витке индивидуации; но это отдельная тема. В чем был смысл «Мягкой пишущей машинки» Дешана или «Растекшегося времени» Дали? Это были акты эстетического кощунства («вандализма»). «Вещь» лишалась содержания из-за утраты функциональности; а абсолютно бессодержательная вещь обнажала абсолютную пустоту «сцены»; в этом ты совершенно прав: сцена есть — ума не надо. Сила воздействия подобных вещей зиждется на том, что они якобы позволяют ощутить «упругость голы Рампы». И все же это были детские забавы, которые задевали только формальные элементы Рампы, но били мимо ее сути. Дело в том, что

задача «эпатажа» по своей природе не столько «художественная», сколько «критическая» (не зря «авангардисты» были так помешаны на «манифестах», необычайно убогих в интеллектуальном отношении), то есть не творческая, а искусствоведческая. А здесь на одной интуиции далеко не уедешь, кривая не вывезет: что дозволено Зевсу (художнику), не дозволено быку («теоретику»). Теоретиками они оказались никудашными, и их манифесты сегодня невозможно читать без стыда. По сути, они полностью приняли «ленинскую теорию отражения» (искусство копирует «вещи», нагруженные «высоким смыслом») и довели ее до абсурда. Для постмодернистов «архетипы» и «ценности» — те же «вещи»; они хорошие и разные, и их много, на наш вампирский век хватит. Все это мимо кассы. Архетип снятия индивидуации один, ни «вещи», ни их «копирование» не имеют никакого отношения к работе его механизма. Рампа нужна только для обеспечения «как» (а не «что», представленного «вещами») — динамического стереотипа идентификации — смерти — возрождения («эстетического жертвоприношения»). Рампа — это хронотоп (пространственно-временной континуум) эстетического акта. Это, действительно, граница, но не «материальная». Рампа — это то общее, что есть в «книгах», «сценах», «музеях», «филармониях» и т.д. Вообще искусство едино, и его деление на «виды» (музыка, живопись, литература — вещь условная и «ситуативная»). Изю всех же «частных Рамп» самая сомнительная — книга. И понятно почему. Журден удивился, узнав, что говорит прозой (то есть не стихами); значит, кроме «прозы вообще» должна быть еще и некая «художественная проза». Положим, ее нетрудно отличить от кулинарных рецептов (хотя и то, и то книга), но поди попробуй отличи, на предмет «художественности», «Пушкинский дом» Битова (беру для примера писателя, которого считаю безусловным «современным классиком») от его же «Уроков Армении»: и то и другое написано «хорошей прозой», и все же «качество Рампы» в этих двух произведениях принципиально различное. Потому что в «Пушкинском доме» хронотоп структурирован в виде алтаря для заклятия (конечно, символического, в сцене идиотской «дуэли», где орудием «убийства» служит «пепельница Гончарова») несчастного Левы Одоевцева (с которым мне так легко «отождествиться»), а в «Уроках Армении» ничего подобного не происходит: нет ни алтаря, ни агнца для заклятия; выходит, «проза» (в жанре «путевых заметок») «хорошая», но «нехудожественная». С «прозой» так трудно разобраться, потому что мы «говорим прозой»; что ни ляпнешь, то и выйдет проза; остается только «зафиксировать на бумаге» и «напечатать в журнале». Поэтому, чтобы разобраться с прозой, нужно «оглянуться вокруг», памятуя о сущностном генетическом единстве эстетического акта. Если возможна «нехудожественная проза», то давайте будем последовательны и скажем, что возможна «немузыкальная музыка» и «неживописная живопись». Выговаривается с трудом, но нельзя сказать, что эти словосочетания бессмысленны: та-

нец и марш — это в жанровом отношении «менее музыкальная музыка», нежели симфония или соната (ясно, что Рампа симфонии гораздо более «прочна», нежели Рампа вальса); то же и с живописью: «декоративная живопись» является менее «Рамповой», чем станковая (ей и место не в музее, она предполагает «прикладное» использование); а «фресковая живопись» — это, очевидно, «особая статья»: ее «Рамповая архитектура» связана как с архитектурой, так и с церковной литургией. Но поскольку мы «пользуемся» музыкой или живописью не так активно, постоянно и сознательно, как речью, в этих (несловесных) видах искусства «Рамповые проблемы» очевиднее, чем в «сфере словесности». Иными словами, внутри каждого «вида искусства» (обладающего своей «Рамповой спецификой») выделяются более или менее «Рамповые» образцы, и мы можем вычленить там «эстетическое ядро» (с «крепкой Рампой») и «эстетическую периферию» (с «расшатанной Рампой»). «Однажды Гете ненароком» обронил простенькую, но гениальную фразу, за которой таится поистине бездонная мысль: «Разница между трагедией и комедией состоит в том, что трагедия кончается смертью, а комедия свадьбой». Для «полного разбора» этой фразы понадобился бы пухлый эстетический трактат, который раскрыл бы во всей полноте как «сущность эстетического», так и его иерархию. Конечно, хорошая комедия лучше, чем плохая трагедия, но в эстетике существует «идеальная иерархия», основанная на «крепости Рампы». Трагедийная Рампа более «полноценна» хотя бы уже потому, что она лучше «подогнана», лучше отвечает «изначальной сути» катартического снятия индивидуации, она абсолютно функциональна, потому что это «спецзаказ»: она создана «специально» для «безопасного принесения себя в жертву» (и больше ни для чего другого), то есть для трагедии. «Комедийная Рампа» — это «не вполне законное» выражение, отражающее «не вполне функциональное» использование эстетического арсенала. Поэтому комедия легко вырождается в «развлекаловку» и в «цирк» (у которого принципиально иная по типу — «зрелищная» — Рампа, более близкая к Рампе карнавала или «спортивного мероприятия»), она легко впадает в зависимость от «обратной связи» со зрительным залом, ориентируется на «убойную силу» испытанных гэгов и «безотказных» шуток (даже такие «мастера смеха», как Чарли Чаплин, место которого в табели о рангах, на мой взгляд, безмерно завышено из-за отсутствия у «ценителей» внятных эстетических критериев, так и не смогли отказаться ни от пинков в зад, ни от любимой забавы погружения мордой в торт; смешно до колик в животе; хочется спросить: «Щекотку не пробовали?»). Так действуют «плохие комедиографы»; отсюда не следует, что «дело комедии безнадежно». Для одаренного (то есть чуткого к архетипам) комедиографа характерно стремление «превратить свадьбу в похороны» (если продолжить метафору Гете): так, в «Укрощении строптивой» «счастливый финал» достигается «метафорической смертью» Катарины; в таких

фильмах, как «Развод по-итальянски» Джерми или «Мои друзья» Моничелли, хотя они и «кончатся свадьбой», сама «свадьба» трактуется как метафорическая смерть. «Настоящие» комедиографы «обманывают» ущербный жанр, интуитивно «восполняя» его до «Рамповой крепости», и создают полноценные художественные творения, преисполненные «амбивалентного» («карнавального», как сказал бы Бахтин) пафоса. А наиболее «высокие образцы» — типа «Гаргантюа», «Дон-Кихота» или «Улисса» — и вовсе пародийные трагикомедии. Вообще «наличие разных жанров» — это, по большому счету, видимость, уступка «ограниченности таланта» и скудости «материальной части» арсенала технических средств. Что же касается «великих художников», то они всегда творили синкретически, «выше» возможностей того или иного жанра или вида искусства, «восполняя» их до архетипической цикличности. (В этом глубинный эстетический смысл не вполне корректного, но весьма «суггестивного» бахтинского возведения Рабле к карнавалу). Только усвоив смысл «принципа восполнения», можно ответить на «кантовский» вопрос: как возможно существование разных жанров, если эстетический архетип един? Этот же вопрос можно сформулировать и применительно к более глубинному (не жанровому, а видовому) разделению: как возможно существование разных видов искусства, если архетип един? Здесь действует тот же «принцип восполнения»: «литература» восполняет себя до «синкретического действия» привлечением элементов «живописности», «музыкальности», «архитектурности» и т.п. Лессинг, не преодолевший в себе «немецкого педанта и филистера», выдвинул в своем «Лаокооне» (считающемся почему-то прорывом в эстетике, только неизвестно куда) такую идею: каждый вид искусства должен культивировать те моменты, в которых он силен, и не «замахиваться» на прерогативы «соседей»: живопись да будет «живописной», скульптура «объемной» и «пластичной» — и пусть та и другая примирятся со своей статичностью, иначе они будут смешны и нелепы в своих «незаконных притязаниях». Но «живописна» (в Лессинговом смысле) только плохая живопись. В «Пряхах» Веласкеса (как и в его «Менинах» или «Сдаче Бреды») живописная мощь доведена до крайнего предела, но это не самоцель: картины построены так, что они и рассказывают историю (кстати, историю о смерти, прерогатива «литературы»), и создают алгоритм «перепада чувств» (прерогатива «музыки»), и конструируют головокружительную «архитектонику» (прерогатива «архитектуры») — и, в конечном итоге, «восполняют» переживание до «обрядового синкретизма». Опыты Вагнера имели ту же интенцию, но он пошел по «теургическому» («сверхмагическому») пути претенциозной монументальной эклектики, механистической в своей основе; на этом сломал себе шею и «теург» Скрябин со своей «цветомузыкой» (оба балансировали на грани нестерпимой пошлости). «Гений» художника состоит в бессознательном «припоминании» изначального обрядового архетипа, творимо-

го при помощи «идеальной» Рампы. Он «плывет назад по волнам своей памяти» (привет Давиду Тухманову). Художник вновь соединяет в единый клубок размотавшиеся и разъехавшиеся в разные стороны нити, вновь синтезирует то, что подверглось «забвению», «порче», «распаду». Изначальный обряд был «синкретичным» еще и в том смысле, что «живопись», «музыка», «литература», «архитектура» (и мало ли что еще) уже «находились в нем» в эмбриональном состоянии, но все эти элементы были подчинены единой «архетипической воле» — жреческой воле к снятию индивидуации. «Современный художник», заставая, например, живопись на этапе «профессиональной деятельности» с предельно размытым статусом, может пойти двумя путями: либо он восполняет любой подвластный ему жанр до архетипической полноты (как Ван Гог превратил «натюрморты» вроде «Подсолнухов» или «Башмаков» или «портреты» вроде «Автопортрета с отрезанным ухом» в «правильную» катартику; это и есть «путь Жреца»), либо идет по пути частной спецификации (по «пути Мага», где можно создать «талантливые» в декоративном плане работы, но и только).

Что означает намеченный синтез применительно к структуре Рампы? Она не так проста, как это может показаться на первый взгляд. Прежде всего уйдем от очевидной путаницы: Рампу — граница, или место; надо выбрать что-то одно. Для меня не составляет сомнений, что Рампа — ‘граница’, а не ‘место’. Итак, что можно сказать о ее структуре? С одной стороны (в общем, «объемлющем» смысле), Рампа — круг (магический круг, очерчивающий «священное» место ритуала); но возможно и более узкое понимание Рампы: граница между «зрителем» и «актером» («как в театре»). При ближайшем рассмотрении выясняется, что оба эти толкования верны и абсолютно необходимы; они оба входят, на правах конститутивных «элементов», в сложносоставную структуру Рампы, и каждый из них имеет свой «метафизический» смысл.

Прежде, чем перейти к «графическому» анализу структуры Рампы, скажу несколько слов о ее «метафизическом смысле»; неизвестно, когда еще представится повод это сделать, а, воля ваша, батенька, без понимания этого «метафизического смысла» дальнейшие построения будут выглядеть как чистая схоластика. Почему важно настоять на том, что Рампа — это ‘граница’ (а не ‘местность’)? Потому что граница может трансформироваться, изменять свою конфигурацию, оставаясь именно ‘границей’ по своей «метафизической сути». Как я уже писал ранее, начальная ‘граница’ очерчивает «сферу индивидуации», которая в результате рефлексии изъяла индивида из «первозданного единства» мира, бытийствующего в соответствии с Замыслом о бытии. Таким образом, граница, очерчивающая «сакральный круг» обрядового действия, — это, по своей глубинной сути, не что иное, как «превращенная» граница сферы индивидуации (это ее «свое иное», как сказал бы Гегель, или «превращенная форма», как сказал бы Маркс). Катартика действует по

принципу «клин клином вышибают»; она не «закрывает глаза» на конечность единичного существования, изымающего индивида из «гармоничного порядка бытия», а заставляет его «пройти через смерть», и этим «преодолеть границу» — ту самую границу индивидуации, которая изначально изъела индивида из мира. Таким образом, граница «сакрального круга» — это превращенная граница сферы индивидуации, призванная ее уничтожить, дабы «вернуть индивида в мир» (уже в качестве 'личности'). То есть это граница, предназначенная исключительно для уничтожения другой границы, инобытием («своим иным») которой она является. Спрашивается, существует ли альтернатива такому уничтожению (нейтрализации) одной границы другой? Исходя из общих соображений, мы знаем, что альтернатива жреческой стратегии спасения — магическая стратегия. Как же последняя сказывается на Рампе? Какая «архитектоника спасения» для нее органична? Здесь должен быть произведен специальный феноменологический анализ — на этот раз «магического сознания»; не имея сейчас возможности углубляться в эту тему, я только «объявляю о результатах проведенной работы». Если «граница индивидуации» не нейтрализуется при помощи Рампы («сакрального круга»), то она «с железной неизбежностью» превращается в «границу между двумя мирами». Иными словами, трансформация «границы индивидуации» в нейтрализующую ее Рампу обеспечивает монизм мира, в то время как без Рампы «граница индивидуации» неизбежно трансформируется в границу между «посюсторонним» и «потусторонним» мирами (ничего не имею против терминологии Лавджоя; однако замечу, что он не там ищет границы и потому «плохо понимает» их природу: они обусловлены не когнитивной, а сотериологической сферой человеческого бытия). Таким образом между метафизическими, сотериологическими, антропологическими и религиозными измерениями человеческого бытия намечается «геометрически ясная» взаимозависимость; выход на этот уровень позволяет без особого труда сконструировать 'Общую теорию спасения', включающую в себя такие 'Специальные теории', как 'Путь Жреца' и 'Путь Мага'.

Теперь вернемся к конфигурации Рампы. Если взглянуть на Рампу «с высоты птичьего полета», то «в плане» она будет представлять собой окружность, разделенную на две неравные части хордой: «окружность» и «хорда» — два взаимодополняющих элемента Рампы, выполняющих различные функции. «Окружность» — назовем ее «внешней стороной» Рампы — отделяет («изолирует») сакральное пространство от профанного («повседневного»). «Хорда» — назовем ее «внутренней стороной» Рампы — отделяет «активного участника» действия от «зрителя»: она делит сакральное пространство на «алтарный» и «зрительский» секторы. Разберемся с каждой из функций подробнее. Первична функция «окружности», «внешней стороны» Рампы. Итальянский эстетик-марксист Антонио Банфи (единственный теоретик искусства,

у которого я обнаружил отдаленные подступы к проблеме, хотя он не употребляет ни одной из «моих» категорий) разделил то, что он называет «зрелищем», на три исторических этапа. «На первоначальном этапе своего развития общество в целом может являться зрелищем для самого себя. В этих зрелищах коллективное участие носит открытый и непосредственный характер: коллективное сборище — это и есть зрелище само по себе. Каждый его участник несет в себе коллективное сознание. Вторая разновидность возникает там, где зрелищный характер приобретают некоторые весьма значительные и сложные моменты человеческой жизни, как, например, брак, похороны, религиозный ритуал. В них зрелищная сторона устанавливается институционно, смысл их становится более общим, и в то же время возникает разрыв между действующим лицом и зрителем /подчеркнуто мной — М.Р./, хотя последний еще активно участвует в зрелище, пусть в качестве второстепенного лица. Третья разновидность зрелища возникает, когда элемент представления отделяется от коллективной церемонии. Само зрелище оказывает теперь воздействие не только на систему межсубъективного восприятия, но и непосредственно на каждого человека. Отдельный зритель настроен созерцательно прежде всего самой объективностью представления, воздействие которого на его личность обусловлено, так сказать, прохождением через катарсический фильтр. С другой стороны, отдельный человек чувствует себя составной частью зрительской массы, не частичкой, влекомой волнующейся толпой, а краеугольным камнем сообщества театральной публики, пространственно расположенной так, что каждый из присутствующих видит на лицах других отблеск тех же эмоций, что и его собственные, чувствует, что сам отражает общее настроение» (А. Банфи. *Философия искусства*. М.: Искусство, 1989. С. 66–68.) В этом пассаже много очевидных несообразностей, разбирать которые мне сейчас недосуг, но динамика схвачена верно: сначала имеется только «внешний круг», отделяющий «публику» от нее самой в обыденной ипостаси и делающий ее символическим сплоченным «родовым телом», приобщение к которому как раз и обеспечивается «внешней стороной» Рампы. В отличие от Банфи, я полагаю, что идеального родового тела, являвшегося «зрелищем для самого себя» никогда не существовало, но «хорда» («внутренняя сторона») Рампы должна была поначалу прочерчиваться «пунктирной линией»: четкого деления на «зрителей» и «участников», конечно, не было, но одни члены «ритуального сообщества» (приобщенные к «Жреческому руководству») были в большей мере «участниками», а другие, периферийные — в большей мере «зрителями». Вывод же о том, что в определенный момент «возникает разрыв между действующим лицом и зрителем», представляется мне совершенно правильным. Это означает, что «хорда» («внутренняя сторона» Рампы) должна изображаться теперь (с какого-то момента, связанного с новым уровнем индивидуации) не пунктирной, а сплошной

линией; с этого момента Рампа обретает законченные очертания. Теперь мы можем взглянуть на пространственную организацию «театра» (спектакль), «музея» (картина), «библиотеки» (книга), «филармонии» (симфония) и т.п. несколько более осознанно. При созерцании картины важна, конечно, не «рамка» (есть теоретики, в том числе и советские, преимущественно структуралисты школы Лотмана, которые «дошли» до понимания «рамки», да так на нем и застряли, думая, что художник ходит по миру с «рамкой» как с лорнетом и «изолирует» явление из обыденного течения жизни, чтобы поместить его затем в «рамку» музейного полотна), не пространственный ограничитель по плоскости картины (это лишь «материальное техническое средство»), а некая «невещественная линза» (катарсический фильтр), находящаяся «между» созерцателем и полотном, рассекающая перпендикуляр к плоскости картины. Это «хорда» («внутренняя сторона» Рампы); но посетитель музея отделен от «обыденной действительности» также и «внешней стороной» — самим изолирующим кругом «музейного архитектурного пространства», внутри которого «чувствует себя составной частью зрительской массы», такая структурная организация пространства облегчает задачу приобщения к «родовому телу», что служит конечным пунктом любой катартики. И совершенно неважно, есть ли в музее другие посетители. Существует такая вещь, как «эстетическое воспитание», в ходе которого у человека вырабатывается адекватная данному обществу установка, позволяющая ему, в силу однотипности «Рамповых» архетипических структур, экстраполировать минимальный эстетический опыт на восприятие любых эстетических объектов. Картину можно повесить у себя в квартире, но ее «адекватное» созерцание предполагает «музейную» установку, со всеми причиндалами Рамповой структуры. Книгу можно (и, собственно говоря, нужно) читать дома, но правильная установка предполагает «библиотечный фактор», который сказывается хотя бы в «ознакомлении с критикой», в потребности задним числом «поделиться впечатлениями» и т.д. — словом, книга читается «на миру», в пространстве, очерченном «внешней стороной» Рампы, которая облегчает приобщение к «родовому телу». Мы можем взять кассету с фильмом в прокатном пункте и посмотреть кино в одиночестве, но все равно в нашей «эстетической памяти» остается установка на просмотр фильма в кинозале, и мы, в каком-то смысле, всегда смотрим кино в кинотеатре. Кстати, возможность взять кинофильм домой и посмотреть его когда угодно заложена в самой структуре кино, которое предполагает не театральный, а именно кинозал. Тот же Банфи пишет: «Посетители кино — это не театральная публика, не общность людей, подчеркивающих как одеждой, так и поведением отрешенность от повседневных дел, которые рассматривают, обсуждают друг друга, словом, выступают как социально организованное целое, составляющее основной элемент театрального спектакля, как бы спектакль в спектакле, — как катарсиче-

ская гарантия эмоциональных переживаний каждого. Посетители кино — это, напротив, безликая, пестрая в социальном отношении толпа, погруженная еще в свои повседневные заботы. Зритель, занимающий место в рядах темного зала, пребывает в одиночестве: людей, сидящих рядом, он не видит и ничего о них не знает — всякое общение, совместные переживания или взаимоконтроль отсутствуют. Кинозритель с тем большей эффективностью и жадностью индивидуально погружается в предлагаемое ему зрелище. Он находится за пределами межсубъективных отношений, не пропускает представление через фильтр катарсиса» (Банфи. Там же. С. 69). Конечно, Банфи увлекся различиями и упустил сходство. На самом деле отмеченные им различия приводят не к тому, что катарсиса в кино нет, а к тому, что это «непривычный» катарсис, приспособленный к более высокому уровню индивидуации, и все театральные рамповые примочки продолжают действовать и в кино, но только в «снятом виде». В конечном итоге можно представить себе человека, который, сидя перед своим компьютером, посещает попеременно оперу, театральное представление, филармонию, музей, библиотеку — и все это «не отходя от кассы». Если у него есть минимальный эстетический опыт (правильно воспитанная эстетическая установка), он способен воспроизводить в своей установке (как феноменологической структуре сознания) тип сложносоставной Рампы, соответствующий данному «эстетическому объекту» и в то же время обладающий постоянными («инвариантными») свойствами некоей идеальной «Рампы вообще», включающей в себя, как минимум, «внешнюю» («окружность») и «внутреннюю» («хорда») стороны.

Отвечаю вкратце на поставленные вопросы. Занят тем, что помогаю Миле вычитывать корпус текстов очередного тома Бахтина (считаю с «натуральных» рукописей в трогательных школьных линованных тетрадках 50-х годов и получаю от этого немалое удовольствие). По магазинам прошвыривался сравнительно недавно, но почти ничего нового не встретил — летний штиль. Соколов (точнее, его жена) написал, что все книги получил и теперь займется чтением, а потом снова со мной свяжется (когда я рассказал об этом Гене, он ответил: «Сколько себя помню, мы с Мотей никогда не делали перерыва на чтение»). В это (в то, что он снова свяжется) я не верю, но он и так потратил 400 \$, из которых мне обломилось 100, так что грех жаловаться. С дочкой и внуками контактирую, но не слишком часто (когда просят посидеть с ребенком или сходить с ним, допустим, в Третьяковку); с Ирой почти нет.

Всегда твой
Матвей

Л позвонила:
— Привет...
— Привет!

— Узнаешь?

— А то.

Я почувствовал ее зависимость от моего существования, и мне стало весело.

— Я не смогу раньше приехать...

— Ну... что ж делать.

— Да уж, ничего не поделаешь.

— Как настроение?

— Так... Плохое.

— Почему?

— А у тебя?

— Вот ты позвонила, и стало хорошее.

— Да? Ну тогда и у меня хорошее.

Матвей, привет!

Я исходил из назначения Рампы (отделяет сакральное пространство от профанного), и полагал, что «согласно учению» неважно, идет ли речь о «месте» или о «границе», очерчивающей это место, ибо главное — это «действие», ритуал, который происходит в специально отведенной для этого, сакральной области. То есть я представлял себе Рампу, как некое физическое обозначение «места действия», священнодействия, содержанием которого является смерть героя и воскресение (снятие индивидуации) зрителя. Это то, что я по простоте душевной усвоил. Ты же переносишь центр тяжести с «физики» на «метафизику», и Рампа становится даже не «границей», а каким-то «хронотопом эстетического акта», а то и «пространственно-временным континуумом», да еще и подвижным, и тут же все становится... не то чтобы совсем непонятно, но как-то неопределенно, и я начинаю в этой неопределенности «плавать». Ты вообще склонен к «умственным построениям», причем загибаешь иногда такие «многоэтажки», что мне так высоко не забраться. А посему я инстинктивно склонен такой улетной архитектуре не доверять, стараюсь твою метафизику приспособить к своим возможностям, как-то ее, родимую, заземлить, воплотить (физически). И я вот подумал, что понимание (мое), может быть, прояснилось бы, если привязать «текучесть» Рампы к чему-то реальному, например, к «исторической перспективе», то есть показать, как Рампа менялась (с ростом индивидуации или по другим причинам). А у тебя получается, что каждый носит с собой какую-то портативную Рампу с одному ему известной и понятной «конфигурацией».

И еще момент. Допустим, что Рампа — пространственно-временной континуум эстетического чуда. Но ведь чудо это происходит, если действие на сцене «увлекает». Что зависит не только (даже не столько) от «организации сакральных пространств», и даже не от архетипа, а от способности актера на сцене вызвать у тебя отождествление, т.е. от «каче-

ства» действия! Актерское исполнение есть нечто реально сотворенное, это можно почувствовать, сопережить. Т.е. качество исполнения и есть «эстетика». И это касается всех жанров, и кстати, разнообразие жанров показывает, что человека волнует не только основной «трагический» сюжет смерти и воскресения, но и масса других аспектов жизни. И в этом смысле ты, конечно, недооцениваешь Чаплина, сравнивая его комедии со щекоткой, в них-то как раз и есть «выход» на трагикомедию жизни, и даже трагедию, скажем, в «Огнях большого города». И в их отсветах пинки под зад не дань людской грубости и безвкусию, а ирония, доведенная до гротеска.

В общем, скажу я тебе (раз пошла такая пьянка): вкус важнее архетипа (для зрителя, конечно, не для философа), потому что качество исполнения (ритуала) — вопрос вкуса: один от «щекотки» засмеется, а другого рассмешить — расстараться надо. И с тем что Вагнер «пошел по пути» «претенциозной монументальной эклектики» и в этом смысле «балансировал на грани нестерпимой пошлости», я могу согласиться, но ведь он как раз четко работал по схеме Рувина, что и Рувин не отрицает («Опыты Вагнера имели ту же интенцию»), работал по схеме, а оказался на «границе пошлости». Значит не только в схеме дело, а может — кощунственная мысль — и не столько?

И на «теорию отражения» ты зря набросился, обозвав ее «ленинской» (хотя она «аристотелевская»), не так все просто с «отражением», но это, конечно, отдельная тема, надо хотя бы почитать Ауэрбаха, все руки не доходят...

Кстати, мне нравится еще одно следствие из твоей теории: что «эстетическое воспитание» так же необходимо для жизни общества, как раньше было необходимо религиозное. «Долг защищать родину и долг знать классиков литературы — вот самое главное для гражданского общества», пишет, пересказывая Хабермаса, Б. В. Марков в предисловии к «От Гегеля к Ницше».

Кстати, а что Бахтин думал о Рампе и архетипах, в конце концов мужик всю жизнь бродил где-то около, неужель не заметил ничего «подозрительного»?

А у нас «идет» повторение сюжета «оборонительной стены», но почти без эксцессов (типа штурма Дженина), охоту сопротивляться они начисто потеряли: идут аресты, отлов каких-то «лабораторий», складов взрывчатки. И что интересно: как и тогда, во время операции нет террора! Буш, как ты знаешь, выступил вполне «произраильски», в Европе тоже есть кое-какие подвижки (бельгийский суд признал свою неправомочность судить Шарона, Евросоюз включил «Батальоны Аль-Аксы» в список террористических организаций, а это «крыша» всех Арафатовых «начинаний» в области террора), но все-таки Европа продолжает держаться за Арафата и всячески «мешать» Израилу в борьбе с террором. Например, нашими юристами рассматривалась возможность из-

гнать семьи шахидов (в последнее время моды взяли: матери выступают по телевизору и благословляют сыновей и дочерей на подвиги самопожертвования), однако Гаагский трибунал по военным преступлениям пригрозил: это военное преступление. Все эти «международные законы» были приняты «под Гитлера», после второй мировой войны, теперь другая ситуация, другие враги, другая война, но они все еще не поняли, что и Европу возьмут за яйца. Или наоборот, поняли, и пытаются, виляя хвостом, ослабить исламскую хватку?

По CNN выступал французский араб, который написал книгу о том, что Пентагон взорвали американские спецслужбы (межведомственные распри), удивленные американцы с любопытством интервьюировали «журналиста»...

Всегда твой
Наум

29.6.

Два дня читал и сегодня утром дочитал «Смерть Ивана Ильича». И так же, как жизнь его, Ивана Ильича, так и рассказ разворачивается не спеша, как-то даже «скучно», излишне подробно, но слово «смерть», прозвучавшее в самом начале, уже мертвой хваткой держит твой интерес и не дает оторваться от чтения, и вот это напряжение неторопливо нарастает и нарастает, и ты уже начинаешь ощущать могучую, буквально божественно могучую и беспощадную хватку художника, который, перехватив тебе горло до удушья, ведет к самому концу, к свету в конце, к освобождению, как будто уже в тот момент, когда ты, казалось, окончательно потерял дыхание и, как Иван Ильич, «втянул в себя воздух» и «остановился на середине вдоха», пальцы разжались, и когда Иван Ильич «потянулся и умер», ты продолжил вдох, но уже свободно, будто заново обретая жизнь...

Вчера гуляли с Озриком по парку, говорили о Марке, тот накануне позвонил мне и плел что-то абсолютно несусветное, и у меня было такое чувство, что человек тонет (и несет при этом что-то несусветное, ужасно смешно), а я не могу протянуть руку и вытащить его, и это бессилие отзывается виной, и в это время я увидел маму, она сидела на скамейке одна и читала газету. Когда мы подошли, она как-то молодо улыбнулась и поздоровалась с Озриком. Здесь на скамейке, одетая для прогулки, она не казалась такой старушкой, как дома, в халате, затравленная, убегающая как испуганная мышь к себе в угол, если жена хозяйничает на кухне. Нет, внешне все корректно, но...

А сегодня утром пришел тесть, принес мешочек со своим грязным бельем, он как тот заяц из сказки, которого лисица из дому выгнала, таскает нам свое грязное белье (жена ему стирает), держит у нас в холо-

дильнике свои вонючие каши, которые ему приносит социальная работница, каждый раз клянчит у дочери деньги: не хватает заплатить за то, за это, а «лиса» дома орет, требует, гоняет его, дармоед на ее шею, как она его ненавидит, пусть убирается в дом престарелых, «цыпка опять нервничает», говорит он со своим своеобразным юмором, и его по десять раз в день повторяемые «Наум, запиши и не забудь, чтобы ты был здоров», в разных вариациях: «ты не забудешь?», «чтобы ты был счастлив», и всякое такое, от чего меня воротит как от меда, который в тебя впихивают. А я мед ох как не люблю...

С улицы раздаются животные крики «молодых», яростно-визгливые вопли ссорящихся половозрелых самцов и самок, все эти крики тупого, бездумного, бессмысленного человеческого мира, вызывающие у меня спазмы ненависти и желание потравить все это стадо крыс какой-нибудь химией...

На куполе мечети Омара написано: «Слава Господу, который не родился и не родил, и один он в делах его, Господь Единый, Почитаемый, не родит и не рожден, и нет подобного ему».

«Обострим души наши в войне», говорил пророк Мухаммад.

1.7. От Л: спасибо за записки, не успела всё дочитать. приболела малость. как самочувствие?

Ответ: а что с тобой было?

у меня — нормально. Поеду сегодня к Володе, обещал ему свой старый компьютер, и книжки лишние отвезу к ним в магазин, и вообще. Вчера Верник звонил, вернулся из Европы, надо бы встретиться, но что-то неохота.

Graveyard

Наум, привет!

Все, что я вижу, — это арьергардные попытки держаться за недоразумения, возникшие в ходе уяснения Учения. Называть Рампу и границей, и местом одновременно — это примерно то же самое, что утверждать: длина окружности — это то же самое, что площадь круга. Если я и сам иногда выражался не вполне точно (ты правильно подловил меня на цитате, где я называю Рампу хронотопом; точнее было бы сказать, что это «граница хронотопа»), то прошу прощения за ошибку; впрочем, из контекста высказывания совершенно ясно, что речь идет не о «двойной интерпретации», а просто об описке: я принципиально отличаю «алтарное пространство» от «хорды».

Феноменология эстетического духа. Кроме уже приведенных аргументов, которые кажутся мне вполне достаточными, выдвину (хотя и безо всякой надежды на успех) еще один — главный. Рампа по своей глубинной природе не «физическое явление» и не «артефакт» (сделанная вещь); это структура сознания, его «установка» (на языке психологов школы Узнадзе, желавших таким образом легализовать феноменологическую трактовку фрейдизма). Если сознание «натренировано» на восприятии классических эстетических объектов, оно может «сотворить Рампу почти из ничего». Особенность феноменологической трактовки сознания (а феноменология — это, по сути говоря, философия сознания) состоит в том, что, по Гуссерлю, сознание творит свой предмет (не «находит» его в некой «предданности», а именно творит, хотя и в «заданности»). По моему мнению, Гуссерль чрезмерно расширил сферу приложения метода (что вполне «простительно»: так ведут себя все первооткрыватели). Хуже то, что он прикладывал метод вообще «не к тем» сферам, к каким надо было (преимущественно когнитивным, на которых «возрос», потому что начинал с «философии науки»), и фактически проигнорировал художественную сферу. Между тем Рампа и феноменологический метод прямо-таки «созданы друг для друга»; поэтому Рувин — это первый и пока единственный (не исключая Гуссерля) «правильный» феноменолог; только в его построениях метод и «материал» достигли полной гармонии. Пишу это «для порядка», вполне осознавая, что для тебя все это «схоластика» (для меня же, как и для большинства современных авторитетов в нашей темной области знания, это наивысшее методологическое достижение новой философии). Проиллюстрирую мысль об «установке» простым примером. Допустим, мы зрители «сборного концерта», в котором показывают все, от эстрадных номеров до «сцены из спектакля» (в концертном исполнении, без костюмов и декораций). Есть еще и конференсье, и администратор, который объявит «Концерт окончен». Во время выступления администратора Рампа будет сведена к нулю, а во время исполнения «сцен из спектакля» приобретет максимальную прочность и «плотность»; во всяком случае, она будет все время меняться; каждый номер концерта будет иметь «свою Рампу», хотя «время и место» сценического пространства (его «площадь» и «физические очертания») останутся неизменными. Если упростить суть дела до предела (опустить ниже плинтуса), то установление посредством самонаблюдения того, каким образом «перестраивается» мое сознание от «номера» к «номеру» и каким образом оно творит все новые и новые «невещественные» архитектурные структуры, — это и есть феноменологический метод в действии. Могу привести другой пример. Мы сидим за столом и пьем чай. Чашки из сервиза. На чашках («в стиле рококо») изображены в обрамленных орнаментом розетках «сцены из античной жизни»: буколические пейзажи, а то и «Прощание Дидоны» (Дидона разжигает костер, чтобы сжечь себя на виду у отплы-

вающего на корабле Энея; сам видел такую чашку). Функциональное предназначение «украшений» на таких чашках чисто декоративное (то есть не предполагает никакой Рампы). Но вполне можно представить, что я «впал в некую прострацию» (изолировал себя от обыденного хронотопа) и стал смотреть на изображения в розетках «как на картины в музее». Я могу так распереживаться, что, представив себе дальнейшую судьбу Дидоны, «катартически кончу» прямо за чайным столом (какой конфуз!), а могу прийти в идиллическое настроение, «переживая» буколическую сцену. Неадекватность моего поведения не отменяет того, что в моем сознании произошла некая работа, переструктурировавшая «архитектонику чаепития», добавив к ней, в качестве «новых измерений», две различные Рампы — трагическую и буколическую (фактически я переструктурировал пространство в духе архитектоники спасения). При этом ничего не изменилось в «физическом мире», в той сфере бытия, где вещи можно трогать руками (как сказал бы Курицын, «при этом не пострадало ни одного еврея»); и, тем не менее, с точки зрения «Рамповой» философии искусства, изменилось все: на наших глазах возник эстетический объект и состоялся эстетический акт. Именно эта тонкая сфера бытия стала впервые доступной анализу благодаря методологии Гуссерля, и именно она является главной для понимания специфики эстетического; так все удачно сошлось у «схоластов».

«Иерархия сюжетов». Если даже принять категорию «сюжета» как узловую в данном контексте, то непонятно, какие «сюжеты» — «жизненные» или «эстетические» — мы будем «выстраивать в иерархию». А ведь именно в этом различии — между «жизнью» и «сценой» — все и дело! Допустим, тебе захочется произвести классификацию «жизненных сюжетов» на основании близости «к архетипической схеме 'пути человека'». Ты тут же растеряешься, потому что сразу откроется бесчисленное множество способов такой классификации (если исходить из «жизни»). Критерии могут быть какими угодно: сюжеты окажутся «нравоучительными и соблазнительными», «положительными и отрицательными», «счастливыми и несчастными» и т.д. и т.п. (беру примеры из книги Абульхановой-Славской «Диалектика человеческой жизни»). Словом, получится классификация по критерию «кто по жизни козел» (еще один привет Куре). Не будет только того, что нам нужно: «жизнь» не дает образцов смерти-воскресения. И жертвоприношение вне очерченного Рампой хронотопа — это просто убийство. (Кстати, еврейская религия изначально не признавала жертвоприношений вне храма). Единственный способ выйти из тупика — это испытать сюжеты не на «жизненный путь» (эка невидаль!), а на амбивалентность «брюхатой смерти» (образ, «раскрученный» Бахтиным в книге о Рабле). «Сюжеты» подобного рода не живут вне «Рампового хронотопа», как рыба не живет на суше. Если бы «жизнь как она есть» давала подобные «примеры и образцы», не возникло бы нужды ни в Рампе, ни в религии, ни в 'Блоке спасения' во-

обще. Поэтому мы поневоле приходим к тому, от чего пытались «уйти» — к Рампе, к ней, родимой. Иерархия «сюжетов» (не «жизненных», а приспособленных к эстетическому наполнению) выясняется только одним путем — «отнесением к Рампе». Что и требовалось доказать.

Рампа и Красота. Еще один момент. Я выстраиваю концепцию Рампы, имея в виду некую «сверхзадачу» («мечту-идею», как говорил герой одного фильма): Рампа призвана заменить «Красоту» в качестве базисной, системообразующей категории эстетики. Рампа — это базовый концепт, то есть такая категория, полная экспликация которой могла бы дать в пределе всеобъемлющую эстетическую систему. Эту роль никаким образом не может выполнить Рампа, трактуемая как «место». Сцена в ее «физической реальности» может быть пустой; она может быть мертвой. И она ничего не гарантирует. Там, где есть сцена, есть только предпосылка для эстетического акта. Но там, где есть Рампа, эстетический акт осуществляется живьем, здесь и теперь. Рампа есть «живая вода», способная не только «преобразить» физическое пространство «специально приготовленной» сцены, но и «сделать сценой» практически любой «хронотоп».

Кладбищенские мотивы. У Бахтина есть фраза, которую он повторяет время от времени как заклинание: «У всякой идеи будет свой праздник воскрешения». «Хронотоп» нашей переписки — это, к сожалению, не праздник воскрешения, а кладбище идей. Похоронен бедолага пляшущий пердун. Угроблена идея трансформации границы сферы индивидуации либо в Рампу (путь Жреца), либо в границу между двумя мирами (путь Мага). Угноблена и закопана концепция «расширенной Рампы». Не мне судить о «казистости» или «жизнеспособности» этих моих «отпрысков» (хотя «в глубине души» нисколько не сомневаюсь, что это величайшие эстетические идеи, выдвинутые за последние столетия; у меня никогда не было проблем с «энергией заблуждения»). «Объективности ради» скажу несколько слов в их защиту. Как бы к ним ни относиться, вряд ли кто-нибудь скажет, что они периферийны, случайны или касаются каких-то пустяков. Все-таки речь идет о «структурообразующих» идеях, способных преобразовать базовые основания традиционной эстетики. И, насколько могу судить (с учетом ограниченности моей эрудиции), они вполне оригинальны. Поэтому мне не очень понятно, почему в «мертвой зоне» нашей переписки их с такой регулярностью постигает столь незавидная участь. Благо были бы выдвинуты альтернативные идеи того же масштаба; или обнаружены присущие Учению противоречия; или произведен критический анализ отдельных идей; но этим вроде бы и не пахнет.

«Расширенная Рампа». Как, например, мочится идея расширения Рампы. Она не оспаривается, однако компрометируется тем, что «сегодня» все уже не так. Как говорят французы: «Nous avons changé tout cela» («Мы всё это переменили»). Из того, что в кино тушат свет (спасибо, что

не сливают воду), делается вывод, что публика — уже не публика, эстетический акт — не эстетический акт, а катартика — не катартика. Я еще могу понять Банфи: став на старости лет убежденным марксистом-маразматиком, он дал себе партийное поручение вывести толпы из зрительного зала на баррикады, для чего следовало прежде всего уничтожить Рампу. Цитирую этого пламенного революционера-очкарика: «При господстве капитала искусство, как, впрочем, и вся культура, встает на рельсы отхода от общественного долга, бегства от действительности. Когда в конце XIX века в театральных залах стали гасить свет, дабы сосредоточить все внимание на сцене, это означало, что театральное зрелище утратило свою социальную функцию и сохранило лишь эмоционально-субъективную. Это признак общественного кризиса, как никогда остро ощущаемого и поныне. Если мы хотим вновь вернуться к живому и подлинному смыслу зрелищного мероприятия, то искать его мы должны не в наших классических театрах драмы, в которых зрители холодно и пассивно следят за представлением, не принимая в нем никакого участия, а в тех периферийных народных театрах, где публика без стеснения переживает события, происходящие на сцене, с открытой душой предается одним и тем же эмоциям, кричит «подлец» предателю и «молодец» герою. В этом конкретном участии в зрелище реализуется его глубокий смысл как организации коллективного сознания». Вот до чего докатился бедолага, который учился у Гуссерля и даже написал о нем две книги в 20-е годы (одна из них называлась так: «Чистая феноменология Э. Гуссерля и идеальная автономия теоретической сферы», Milano-Torino, 1926), когда еще фатально не поглупел под воздействием злокозненной бациллы марксизма. На самом же деле особенности «публики кинозала» свидетельствуют лишь о повышении уровня индивидуации. Если бы я не ощущал бесполезности выдвижения новых идей (наше кладбище и без того достаточно унавожено), то увязал бы «кинопублику» с конститутивной особенностью кино, радикально отличающей его от театра. Эх, была не была, одной идеей-доходягой больше, одной меньше, какая разница?! Истоки этой идеи восходят к трудам Белы Балаша, венгерского марксиста (естественно, еврея), жившего и работавшего в 30-е годы в Москве; его книга «Искусство кино» была выпущена издательством «Искусство» в 1960-х годах; я считаю ее самой глубокой и до сих пор не превзойденной общетеоретической работой о кино. Балаш выдвигает такую «простенькую» (зато чисто феноменологическую) идею: отличие кино от театра состоит в том, что театральным зритель зафиксирован в одной точке и, соответственно, видит представление в одном ракурсе (под одним, неизменным углом зрения), в то время как кинозритель нигде не зафиксирован и передвигается в пространстве и времени вместе с глазком кинокамеры. Обдумывая и развивая эту идею, я пришел к мысли, что Рампа («хордовая») кинематографа расположена не между (точнее, не только между) зрительным залом и

экраном, но и между глазком кинокамеры и «предлежащей эстетической реальностью». При этом субъект эстетического акта («зритель»), совместивший свой взгляд с «киноглазом», утрачивает конкретные черты и безмерно «универсализируется»; в отличие от театрального зрителя, который, как пишет Банфи, «сидит в ложах, где подается мороженое и шампанское, где дамы обмахиваются веерами, а кавалеры, наклонясь к ним, демонстрируют позолоченные ножны никому не нужных шпаг», кинозритель «деиндивидуализируется» и даже в каком-то смысле «дематериализуется»: он полностью утрачивает все свои свойства (особенно «вещественные»), кроме одного — быть «всеведущим и всепроникающим оком», беспрепятственно перемещающимся во времени и пространстве («По высям вселенной как Бог я шагал» — это о кино!). В то же время «кинозритель» по большому счету не утрачивает своей «глубинной индивидуальности»: напротив, лишенная внешних примет, она «раскрывается навстречу» эстетическому универсуму во всей своей душевной интимности. Возвращаясь в пределы «публичного сектора» рампового хронотопа (точнее, ощущая его «боками» и «спинным мозгом», поскольку субъект эстетического акта «всегда носит с собой» внешнюю границу «Рампового хронотопа» как улитка — свой домик), зритель видит (конечно, «в идеале») в своих соседях носителей такой же вселенской вездесущности и в то же время всеобъемлющей «дематериализованной» интимной индивидуальности. Синтезация такого рода субъектов в единое «родовое тело» в «публичном секторе» рампового хронотопа не может производиться теми же методами (например, путем синтеза идеального социального сообщества), что и в театре, поскольку кино обладает способностью синтезировать «родовое тело» на новом, более высоком уровне индивидуации. Не следует забывать и о том, что именно в «упраздняемом» тобой хронотопе находят себе место (и, стало быть, впервые получают шанс получить теоретическое обоснование) такие сферы деятельности (и даже, в феноменологическом смысле, «бытия»), как «литературная критика», «клубы фанатов» (такие, как, например, «толкинисты»), премии и тусовки, презентации и распродажи и т.д. и т.п. (все эти феномены обеспечивают непрерывность некоего «эстетического до- и после-вкусия», держа публику в состоянии «подогрева» (еще одно удачное словцо Ваймана). Но главное, конечно, не это. Эстетическая установка, актуализируясь, «автоматически» воспроизводит Рампу в ее «полном составе», включая «внешнюю границу», сколь бы редуцированной она ни казалась (структура базовых установок — это не только наиболее «консервативная» сфера человеческих реакций, но и фактор антропологической стабильности вида *Homo salvens*). Честно говоря, мне непонятны мотивы геростратовской страсти к «закрытию» идей (вместо установки на открытия). Ведь каждый осмысленный концепт — это новый ракурс, новый «орган зрения», или, если хочешь, «Ваймановский фонарь», так чего же торопиться его га-

сильно, не дав толком разгореться? Гасиловщина какая-то получается. А ведь даже «отвержение» концепта становится возможным лишь при наличии такового; если прошиваемся, останется только мычать.

Чаплин и Феллини. Подразню гусей в небольшом лирико-теоретическом и отступлении. При том, что оба мэтра отличались пристрастием к цирку и карнавалу, Феллини выражал его не на эклектическом языке балаганного «выдавливания максимального количества смеха на квадратный миллиметр пленки» (ноу-хау Чаплина), а на органическом для кинематографа языке «дематериализованного самоубийства киноглаза “Режиссера”». Глубина замысла фильма «8 с половиной» далеко не осознана. Отождествляясь с Режиссером, мы видим на нелепых «футурологических» подмостках алтарь для принесения в жертву не обычного протагониста, а носителя самого «созидающего кино творческого духа»; Феллини делает одно открытие за другим, когда выясняет, что этот дух может быть а) только «метафорическим»; и б) только комическим (Мастрояни «во плоти» смешон и, как всегда, бескомплексно глуповат, отчего наш взгляд «раздваивается» на внутренний и внешний). Естественно, за смертью следует балаган, «праздник воскрешения». При этом Феллини, с его чуткостью к народной культуре (достаточно вспомнить пролог к «Амаркорду» с похоронами зимы), верен «объемному» духу архаического балагана, как Чаплин — «плоскому» духу современного мюзик-холла. Да и что с него взять, с космополита безродного... А если отвлечься от эстетики, то никто не внес такого большого вклада в лепку «виктимного образа еврея», как Чаплин; в этом смысле он очень упростил задачу эмоциональной легитимизации холокоста. /С удовольствием подставляюсь под ядовитые стрелы гурманов и Гурманов (еврейская фамилия)./ «Человек в котелке» — это воплощенная мечта антисемита: человек без свойств, он дико агрессивен и беспардонен со слабыми и столь же дико угодлив перед лицом сильных (хотя стоит им отвернуться, как он «делает им козу»); начисто лишенный рефлексии, он не способен соизмерить свое поведение ни с чем, кроме растительного импульса к выживанию. Существо, право которого на выживание не подтверждено ничем (никакой принадлежностью и никакой соотнесенностью с ценностями, превышающими растительно-животный уровень), кроме желания выжить во что бы то ни стало. Это устрашающий образ «пустого» выживания, выживания как такового, которому может быть противопоставлено (чтобы он не заполнил собой и тем самым не «обесчестил» землю) только право отказать ему в выживании. Чаплин — это типичное воплощение «еврейской ненависти к себе», представленной такими фигурами, как Вайнингер и Брафман¹, а заполонившие ныне Россию еврей-русские-патриоты его законные на-

¹ Яков Брафман (1824–1879), выкrest и известный российский антисемит, автор «Книги Кагала».

следники. Я рад тому, что после долгих десятилетий бездумного славословия (в ходе которого «умеренные» антисемиты тешили неосознанную ненависть к евреям, а евреи — неосознанную ненависть к себе) «истинное лицо» этого кинодеятели начинает приоткрываться (имею в виду трактовку Александра Гениса, очень робкие и, как мне кажется, намеренно смягченные, но идущие в правильном направлении). И я удивлен тем, что такой «апологет героизма», как Вайман, не чувствует в Чаплине апологии антигероя. Ладно бы вся эта «сомнительная идеология» выкупалась высокими художественными достоинствами. Но Чаплин умудрился проработать в кино много лет, абсолютно игнорируя специфику жанра, «киноязык» как таковой. Он разыгрывал мюзик-холльные трюки и как попало «фиксировал их на пленке»; будучи талантливым шоуменом, он проявил себя совершенно бездарным кинематографистом; в отрыве от мюзик-холльного «образа» он сделал чуть ли не самые провальные в мировом кинематографе ленты (типа тошнотворной «Графини из Гонконга»), в то время как истинно одаренные люди — такие, как Эйзенштейн или Рене Клер, — сумели перешагнуть «звуковой барьер» хотя и не без потерь, но и с новыми приобретениями. Ты, конечно, вправе приписать мою нелюбовь к Чаплину «недостатку чувства юмора». Я не собираюсь «тягаться в чувствах» в личном плане, но готов порассуждать о «теории вопроса».

‘Ирония’ и ‘юмор’. Итак, отдаю на заклятие еще пару идей-доходяг. Начнем с прикидочного уяснения понятий ‘иронии’ и ‘юмора’. Как это всегда бывает, язык «знает» разницу, но — «бессознательно»; он «знает», но «не может сформулировать» (да это ему и ни к чему: «Бог правду знает, да не скоро скажет»). Легко произносится словосочетание «ирония судьбы», но «юмор судьбы» как-то не звучит. Легко представима «ирония ситуации». Известна «романтическая ирония». Человек же как «отдельный индивид» обладает (если обладает) «чувством юмора». Язык «подсказывает», что ‘ирония’ скорее «объективна», а ‘юмор’ — «субъективен». На языке эстетики (изобретенном, как известно, Рувинным) это означает, что ирония — свойство «гения» («гений романтизма», «гений местности», «гений христианства» (Шатобриан), а юмор — принадлежность таланта. /Самая краткая из возможных дефиниций такова: Гений — это отнесенность к архетипам, а талант — отнесенность к средствам их воплощения./ В этом смысле жреческий путь спасения преисполнен иронии. Более того, жреческий архетип снятия индивидуации, по моему представлению, единственный источник иронии как таковой, иронии *sui generis*. Отсутствие иронии — это серьезное, без тени рефлексии, отношение к собственным индивидуационным притязаниям. Но идея снятия индивидуации по самой своей сути глубоко иронична: ничтожны не только мои частные притязания, но и общее притязание на уникальность («что тот солдат, что этот», что человек, что козел, то бишь козел отпущения; Жирар правильно добавил к этому спи-

ску 'монстра'). Поэтому «жреческое» произведение искусства просто не может быть не ироничным; однако это ирония особого рода: «архитектоническая ирония большого стиля». У Пушкина есть «нашупывающее истину» высказывание: «Есть высшая смелость — смелость изобретения». Имеется в виду «архитектоническая смелость» — смелость «общего построения». Пушкин приводит в пример замысел «Божественной комедии» Данте (именно замысел, а не «воплощение»). Пусть это творение было названо комедией не самим автором, но титул точен (хотя Данте не дает поводов для «смеха от щекотки» или чаплинских трюков), потому что индивид, прошедший через все положенные «круги», «вздыхает с облегчением», сублимируя свои индивидуационные притязания в стихию «чистой личности». (Наилучшую трактовку «Божественной комедии» дал, сам того не ведая, Пастернак: «Порядок творенья обманчив, // Как сказка с хорошим концом»). Вот несколько высказываний Бахтина на этот счет (из тетрадей, частично неопубликованных). «Ирония есть повсюду — от минимальной, неощущаемой, до громкой, граничащей со смехом. Человек нового времени не вещает, а говорит, т. е. говорит оговорочно. Все вещающие жанры сохраняются главным образом как пародийные или полупародийные конструктивные части романа». «Ирония (и смех) как преодоление ситуации, возвышение над ней. Односторонне серьезны только догматические и авторитарные культуры. Всё подлинно великое должно включать в себя смеховой элемент. В противном случае оно становится грозным, страшным или ходульным; во всяком случае — ограниченным. Смех подымает шлагбаум, делает путь свободным». Если помнишь, и я, совершенно в духе Бахтина, написал в предыдущем письме: «Настоящие» комедиографы «обманывают» ущербный жанр, интуитивно «восполняя» его до «Рамповой крепости», и создают полноценные художественные творения, преисполненные «амбивалентного» («карнавального», как сказал бы Бахтин) пафоса. А наиболее «высокие образцы» — типа «Гаргантюа», «Дон-Кихота» или «Улисса» — и вовсе пародийные трагикомедии». Так что не вижу оснований упрекать меня в теоретической недооценке 'иронии' и 'смехового элемента' в творчестве. Другое дело «чувство юмора». На это скажу так: я действительно не люблю 'юмор' в творчестве, но всячески приветствую и культивирую его «в жизни». С другой стороны, я не люблю 'иронию' «в жизни» (Некрасов очень тонко почувствовал суть дела, когда написал: «Я не люблю иронии твоей, // Оставь ее отжившим и нежившим») и тащусь от нее в творчестве. Дело в том, что «талантливые юмористы» (включая действительно талантливых и остроумных людей вроде Чехова, Довлатова или Юза Алешковского) обнаруживают, как правило, полную глухоту к «архетипическому уровню» иронии. А наиболее глубокие образцы иронии как «высшей смелости изобретения» обнаруживаются у таких не склонных к юмору писателей, как Данте или Кафка. Есть, конечно, и редкие образцы сочетания безусловного ирони-

ческого гения с безошибочным юмористическим талантом — например, Джойс. Но это исключение, которое только подтверждает правило. Так что охотно уступаю тебе Чаплина, оставляя за собой Феллини.

Тем хуже для фактов! В одном из прежних твоих писем сказано сдержанным вздохом и мягким укором («И сторож бюро подходил // В ка-лошах ко мне и с укором»): «Если бы жизнь можно было построить как математическую систему...» Но кто собирается «строить жизнь»? Только не я: слава богу, в теургических поползновениях замечен не был. Единственное, на что претендую, это на построение осмысленной гипотезы. Но она, в отличие от «жизни», должна быть логически связной, «как математическая система» (в идеале). Иначе какой в ней смысл? Конрад Лоренц прекрасно сформулировал: «Гипотеза никогда не опровергается противоречащим ей фактом; она опровергается лишь другой гипотезой, которой подчиняется *большее* число фактов. Итак, «истина» есть рабочая гипотеза, способная наилучшим образом проложить путь другим гипотезам, которые сумеют объяснить больше». Аплодирую и подписываюсь под каждым словом. Один из твоих коньков — это «критика чистого разума» (не путать с Кантом) как такового («разум что дышло»). Во-первых, по Конституции (в том числе, надеюсь, и по израильской) ты имеешь полное право хранить молчание: никто не неволит тебя обсуждать теоретические вопросы. Во-вторых, у меня вызывают искреннее недоумение закидоны на тему: понуро удалюсь в леса, буду трогать деревья чисто конкретно руками — словом, уйду в историю. Смею тебе заметить, что история — это действительно лес, причем гораздо более темный, чем, например, теоретическая эстетика. Проблема в том, что эстетика занимается плодами человеческой деятельности с доступной пониманию («интеллигибельной») телеологией: то, что создано человеком, должно иметь функциональный смысл. В этом плане самые головоломные метафизические построения по философии искусства всегда окажутся более простыми, чем изучение любого — сколь угодно «элементарного» — «явления природы». Грубо говоря, постичь «смысл» какой-нибудь там «Джоконды» гораздо проще, чем «смысл камня». Это сравнимо с проведением уголовного расследования: оно не может считаться успешным, если не установлен мотив того или иного деяния. Положим, выяснить «мотив» Леонардо окажется не так-то просто, но в принципе это возможно; «мотив» же «Бога, создавшего камень», заведомо «неисповедим». В «истории» задействованы как «природные», так и «антропологические» (в том числе и «эстетические») факторы; потому эта «область знания» обречена на то, чтобы остаться «эмпирической» и «гетерогенной» (то есть будет исходить из разных и, по большому счету, взаимоисключающих предпосылок). Однако какая-то концептуализация нужна, иначе из этого «броуновского движения» нельзя будет выудить ни одного надежного «факта». В этом-то и комизм ситуации: чтобы решить, что считать «историческим фактом», а что нет, нуж-

но иметь концепцию. А зияние между концепцией и «областью фактов» в истории всегда будет гораздо более вопиющим, чем в любой теоретической деятельности, изучающей «артефакты». Так что уйдя в «леса истории» в поисках «конкретных фактов», ты первым делом обнаруживаешь, что не имеешь понятия, что «факт», а что не «факт». Например, для историка-марксиста «факты», высвечивающиеся историками «Школы Анналов» при помощи «Ваймановского фонаря» теории «структур повседневности», вообще не факты, а относятся к разряду надстроечных эпифеноменов (см. по этому вопросу замечательную работу: Копосов Н. Е. Как думают историки. М.: НЛО, 2001). Чтобы далеко не ходить за примером, приведу ярчайший образец зияния между концептуализацией и «историческими фактами» — это историософские построения Ваймана. Мы не знаем, кто такой Моисей; мы не знаем, что такое «единобожие»; мы понятия не имеем, что «происходило на самом деле», но строим, понимаем, общую концепцию. По-видимому, тут-то и удовлетворяется твое стремление «быть чисто конкретным» и «щупать вещи руками». При этом я не имею ничего против построений Ваймана и считаю их местами не только интересными, но и весьма «суггестивными». Просто я за то, чтобы мы отдавали себе отчет в природе нашей деятельности. Что же касается эстетических «фактов», то с ними гораздо проще: их не надо отыскивать в лесу и выуживать из броуновского движения — они, так сказать, «находятся в музее». Но отсюда не следует, что все, что находится в музее — включая кучу свежеиспражненного говна Бреннера, — является эстетическим «фактом». Если теоретик пойдет на поводу у любого шарлатана или посчитает своей задачей при любых обстоятельствах, задрав штаны, бежать за комсомолом, на этом его теоретическая деятельность закончится: он перейдет в категорию тусовочной obsługi. Должность хлебная, но меня она не прельщает. Так что здесь я решаю, что «факт», а что не «факт». В этом смысле ты совершенно прав: «Если факты «незаконны», то тем хуже для фактов!»

Следователь и патологоанатом. И последнее. Имея дело с теоретико-эстетической деятельностью, полезно отдавать себе отчет в том, что она может и чего не может, чтобы исключить завышенные ожидания и ощущение «неисполненных обещаний». В частности, архетипический подход, который я попытался применить к Проханову, это не «литературная критика», что было подчеркнуто мною с самого начала и с полной определенностью. И «архетипический анализ» совсем не то, что «эстетический». После того, как я стал перебежчиком из стана «литературоведов» в стан «философов», я не занимался «эстетическими анализами», за одним исключением: однажды я «из дружеских побуждений» написал статью о поэзии Калашникова. Если бы твои «обвинения» относились к этой, известной тебе, статье, и если бы я услышал подобные суждения еще и от других людей, то молча согласился бы с тем, что потерпел фиаско (как говорил мой дедушка: «Если три человека сказали

тебе, что ты пьян, иди домой и ложись спать»). Что же касается «архетипического анализа», то он просто обязан быть схематичным, потому что его функция — чисто классификаторская, то есть схематизирующая. Вернувшись к метафоре расследования, скажу, что «архетипический анализ» — это работа экспертного патологоанатомического отдела. Его дело — четко определить группу крови жертвы и сделать анализ ДНК; а ловля преступника — это дело следователя («критика»): пускай он и проявляет в этом деле «остроумие» и изобретательность. Просто надо иметь в виду, что это другая профессия. Если перевести метафору на более «эстетический» язык, то можно сказать, что «архетипический анализ» делает тест «на гениальность», а критический выносит «суждение вкуса» о соответствии «гения» автора его «таланту». Это принципиально иная схема, нежели предлагаемый тобой «эстетический критерий» («качество исполнения и есть “эстетика”»). Твоя формулировка остается на уровне совка, поскольку варьирует ту же ленинскую теорию отражения (Аристотель тут ни при чем, так как у него натуралистическое понимание мимесиса механически соседствует с элементами катартической теории; тем более ни при чем Ауэрбах, который вообще не выходит за рамки литературоведения, хотя «Мимесис» прекрасная книга; только теоретики «Ленинской школы» взяли курс на теорию отражения как на единственный и универсальный эстетический метод), не учитывая главного эстетического критерия — Рампы.

В заключение порадую тебя истинно комическим перлом. «Кстати, что Бахтин думал о Рампе, архетипе и сюжетном многообразии, в конце концов мужик всю жизнь бродил где-то около, неужель не заметил ничего «подозрительного»?» Кто еще не понял, объясняю. Комизм вопроса в том, что пару лет назад я написал статью о Бахтине под названием «По направлению к Рампе», в которой выявил (в том числе и по неопубликованным рукописям) и проанализировал все высказывания Бахтина, имеющие хоть какое-то отношение к Рампе. Юмор, конечно, не в самом этом факте (статья, написанная в жанре патологоанатомического отчета, не претендовала на остроумие), а в том, что за это я снискал похвалу не от кого-нибудь, а от самого Ваймана.

Всегда твой
Матвей

Поехал в Иерусалим, к Володе. Отвез свой старый компьютер, как обещал, и еще книги. Все щели к рынку охраняются, частые патрули — осажденный город...

Володя сделал свой кофе, фирменный. Попивая, болтали. На столе у него несколько книжек Томпсона: «Ангелы ада» и что-то там такое в Лас Вегасе. Рассказал про «хелсов», про их мотоциклетную романтику, как они в куртках, задубевших от говна, ездили, пока куртки через год-два не разваливались, вспомнили «Изи райдера», который я посмотрел

только в восьмидесятых, а он — когда приехал, в середине семидесятых, когда в Эйлате на обслуге работал, им привозили, специально для гостиничной обслуги, там у них одна хипня работала, я удивился такой заботе о культурном досуге хипни, тут и факты биографии уточнились, вытесняя легенду: родился в 54-м, приехал в 74-м, «нет, двадцати мне еще не было, девятнадцать с половиной, даже меньше», еще поговорили о «современной американской», о битниках, о Буковском, еще на столе лежал «Трисмегист» и листок со стихами в работе, резко зачеркнутые слова, все же уловил несколько, горьких и яростных, и позавидовал: есть еще порох в пороховницах. На книжной полке фото дочери. «Лилит как выросла», — говорю. «У нее потрясающие успехи на фортепьяно. Рут забрала ее из консерватории, хочет, чтобы она ходила к одной учительнице...» Перешли на журналы, Галесник на Сошкина в суд подал, обидно, что проект отняли, «весь трамвай из под него вытащили», показал девятый номер «Иерусалимского журнала», там ему проза Панэ понравилась и стихи Беззубова, «Беззубов обломился, стал писать лучше Верника, нет, он же вообще писал ужас что», насчет прозы Пана я не согласился, а стихи у Беззубова в самом деле оказались недурны, и хоть интонация Верника («скорее Бродского», кинул Володя), но лучше, гуще, крепче, и не так слезливо. Пока читал Беззубова, Володя заправился самокруткой с травкой. Пожаловался ему на «иссякание». «Возраст, дорогой, — прозвучал приговор. — Вот Волохонский, я недавно читал стихи, которые он писал в сорок с чем-то, разве можно их сравнить с тем, что теперь?» — «Ну, ты еще ничего, держишься, я смотрю», — и я кивнул в сторону листочка. «Держись, но вот за полгода написал только одно стихотворение на 50 строк, и еще несколько “теней”, так я зову мои короткие, в две строчки. И всё. Ты хотя бы дневник ведешь». — «Веду», произнес я вяло. Потом пошли в магазин, через рынок, через гетто Стана Иуды. Вокруг снует мелкий, уродливый народец, этот район Иерусалима полон тараканами марокканских пустынь. У машины вертится какой-то подозрительный малый: высокий, костистый блондин в рваном красном свитере, похожем на кольчугу, глядится среди этих упырей и недотыкомов таким Ричардом Львиное Сердце, только потерянным, преданным, измученным смертельной болезнью. Странно на нас поглядывает. «Что за тип?» — «Наркот. Знаю я его. Ищет дневную порцию. Да тут же кругом «точки»...» Я грешным делом подумал, что не зря он как-то вопросительно поглядывал на нас, на Володю. «Красивый малый. Жалко. И ведь совершенно погибший», — говорю. «Да, много их таких, молодых-красивых. И заметь, отнюдь неглупых. Ничего не поделаешь, необходимые отбросы общества». Шли через тесные дворы Стана Иуды, кое-где уже преобразованные в аккуратные каменные лабиринты с маленькими сквериками. «Да, приводят в порядок». Жаловался, что бизнес идет туго. Я говорю: «Ты вообще обедаешь?» — «Да я вообще не ем. Нет, ем иногда, но не больше раза в день. Да денег нет никуя». Кроме Люси за прилав-

ком, в магазине ошивался хрипатый Лонский. Потом он присел к Люсе поближе, и они вместе решали кроссворд. Володя дал мне книжку о русском космизме, которую я у него дома приметил, я еще взял Вебера, который Альфред, почитаю немецкое, потом позвонил Вернику на работу, Верник сказал, что он без сил, ждет звонка, чтобы ползти домой. Ладно, говорю, в следующий раз. Значит, он тоже не жаждет встречи, это хорошо. На обратном пути Володя старательно обходил симпатичные каменные скверики в Стане Иуды: дружки-алкаши заметят — затянут, на рынке взяли по пите, он со швармой, я — с фалафелем, с каким-то местным восточным людом он обменивался впечатлениями о футболе: народ был доволен победой бразильцев. «Народ немцев не любит». «Народ в войну не любил немцев, — процитировал я Мишу Файнермана, — а вообще-то их любят». Дома закусили, выпили по бутылке пива, я сказал, что хочу о романтизме написать, о Гитлере. Володя охотно подхватил:

— Оо, Гитлер — романтик! Что стоит одна его фраза о Гейдрихе: «Человек с железным сердцем»! А?!

Поболтали об ошибках этого «романтика»: Дюнкерк, Югославия, два фронта, о том, что рыцарски выручал Муссолини. Потом я собрался домой, а он — на работу. По дороге сдал две бутылки пива, я при этом ждал его на небольшой площади, где сидел пожилой восточный люд, лакал кофе и играл в карты, забегаловки были забиты картежниками, он спустился с новой бутылкой, отсасывая по пути, у машины озаботился вдруг моими расходами: «Так получается, что ты каждый раз как в Иерусалим приезжаешь, кучу бабок выкладываешь? И за стоянку, и меня подкармливаешь...». «Ты чего это?» — удивился я.

Когда возвращался и проехал уже поворот на Холон, на светофоре рядом остановилась мотоциклистка: гибкая фигурка, узкая талия, прямые, даже как будто приподнятые плечики — прелесть что такое, особенно в сочетании с огромным шлемом и мощным мотоциклом... С улыбкой безнадежной влюбленности проводил ее маленькую ладную спину, умчавшуюся при перемене цвета.

2.7.

Матвей, привет!

В своей главке «Тем хуже для фактов» ты задел основополагающий процесс познания, и хотя я не склонен «углубляться в философию», просто потому, что я в ней не копенгаген, но не могу не привести некоторые соображения на сей счет. Ты говоришь, что без предварительной концепции (гипотезы, схемы) нет и «факта», т.е. «фактом» является только то, что вписывается в схему. Пусть так, и тогда, действительно, любая сложнейшая теория будет проще «камня», поскольку она создается не природой (всей ее совокупной мощью и сложностью), а всего лишь нашей логикой, которая выхватывает из «леса» фактов те, что «рисуют» схему. И это верно, что когда мы нарисовали в сознании некую схему,

она заменяет нам действительность, даже если мы понимаем, что это лишь подборка фактов, сделанная определенным образом, и что можно подобрать факты иначе и получить другую схему. Это касается даже физических теорий, опирающихся, казалось бы, на «реальные» вещи, на эксперимент, и претендующие на понимание «устройства мира», что уж говорить об «эстетических» схемах, как бы априорно туманных. И тут мы упираемся в главный вопрос познания: насколько схема близка к действительности, и что есть действительность? Ученые говорят, что если по теории можно предсказать явление, то она верна. Так-то оно так, но не подбираем ли мы, вольно или невольно, факты для таких проверок, а потом провозглашаем, что открыли «механизм вселенной»? Ведь это чистейшая магия! И в этом смысле Эйнштейн был типичным магом, т.е. верил, что можно понять и описать Вселенную исчерпывающими математическими уравнениями — вот она, власть над миром!

И все же, вынося за скобки вышесказанное, мне кажется, что нам все же удалось в наших разговорах прояснить какие-то приемлемые мысли и идеи, например, у меня нет возражений против глав об иронии и исторических фактах. А насчет «кладбищенских мотивов», то я думаю, что история мысли вообще есть кладбище идей. А история человечества — кладбищенский пейзаж. Хотя, если говорить о технике, то кое-что все-таки работает...

Кстати, привлекательность изложения, хоть ничего не доказывает, но может убедить, так, например, мне очень понравилось в твоём письме «приложение теории к практике»: о Феллини, Чаплине, о кино, о юморе и т.д. Хотя твои «разоблачительные» ходы против Чаплина показались мне хоть и остроумными и содержательными, но спорными. Во-первых, Чаплин не может быть «типичным воплощением «еврейской ненависти к себе»», поскольку он не был евреем (разве что на четверть, как Ленин), и хотя в Голливуде наверняка «объевреился», но вряд ли до такой степени, что стал осознавать себя евреем, скорее мог стать антисемитом. И его образ «маленького человека» (человека «в котелке») не был образом еврея, хотя по затюканности мог его, конечно, напоминать (да и выбор Джойсом еврея в качестве главного героя не говорит о том, что Джойс написал роман «о еврее»). Кстати, почти в таком же «духе» он сыграл и Гитлера, демонстрируя «универсальность» изобретенной маски. И дело не в том, что в этом образе есть «апология антигероя», тут скорее образ античеловека (ты сам говоришь о «человеке без свойств», без рефлексии, а это, по Рувину, главный признак «человечности»), не случайно он назван «маленьким человеком» и похож на какую-то лягушку, механически реагирующую на раздражение током. Так что тут скорее социальная сатира, чем «устрашающий образ «пустого» выживания». Более того, герою Чаплина не чуждо и сострадание, и готовность помочь, и он борется не только за «растительно-животный» уровень

выживания, но и за достоинство, напоминая иногда Дон Кихота... Это образ человека «опущенного», но не опустившегося: состояние уже само по себе трагикомическое.

Сегодня получил последние две посылки, спасибо. Когда едешь к Юре?

Всегда твой

Наум

Европейцы затеяли бороться не только с Израилем, но и с Америкой с помощью т. наз. Гаагского Трибунала, в ответ американцы пригрозили вывести войска из Боснии, сами ковыряйтесь с исламитами, вообще НАТО дает трещины, неужели европейцы так круто взяли курс на союз с исламом против Америки? Европа настолько уже исламизировалась? И все под лозунгом «справедливости» и «деколонизации».

4.7. Подражанский статью тормознул. Звоню.

— Нет, Наум, все нормально, просто не влезла, большая, пойдет в ближайших номерах. Кстати, тут с вами хочет говорить некто Марк Котлярский, дать ему трубку? Дело в том, что с ним не каждый хочет разговаривать...

— Наум? Не слушайте его, он пьян. Наум, вышел журнал, поздравляю вас, замечательный перевод...

— Аа, хорошо. Спасибо. А как бы свои авторские получить?

— Ну, встретимся в ближайшее время, позвоните мне, и я вам передам ваш авторский.

— Ну, Марк, хотя бы два!

— Не могу, у меня расписаны все номера.

— А говнорар! Хоть говнорар какой-нибудь!

— Ладно, Наум, позвоните мне, мы это обсудим.

5.7.

bakhtin

Наум, привет!

Еще несколько слов о Чаплине и «эстетическом переживании», в результате которого мы имеем снятие индивидуации и возвращение в родовое тело.

1) Это состояние «на выходе», а не «на входе» и не в самом «черном ящике» архетипа. Когда «осколки родового тела» вводятся в повествовательную ткань (как, например, Платон Каратаев у Толстого), они, как правило, не являются ни главными, ни единственными протагонистами («субъектами отождествления»); напротив, они символизируют собой конечный, уже запредельный (в том числе и в эстетическом плане) пункт снятия индивидуации «рефлексирующего героя» («настоящего протагониста»); в структуре «Войны и мира» катартически значима связь Пьер Безухов — Платон Каратаев, вне которой «осколок родового

тела» превратился бы в «чистый предел» полного отсутствия индивидуации. В «Войне и мире» есть гениальная сцена гибели Платона Каратаева. Французы-конвоиры пристреливают Платона как собаку, на обочине дороги на глазах у Пьера. Я назвал сцену гениальной, потому что Толстой почувствовал, что в ней начисто отсутствует катартический потенциал. Платона «не жалко». Пьер, искренне любящий Платона и «назначивший» его «гуру» и «маяком» для своей «последующей жизни» (в дальнейшем он сверял все свои поступки по этому камертону: как отнесся бы Платон?), в момент гибели Каратаева блудливо отводит взгляд и малодушно пытается «скрыть от самого себя» суть происходящего. Все дело в «разнице индивидуационных потенциалов»: когда в поздних «народных рассказах» остался один «Филиппок», а Пьер Безухов испарился, устремилась к нулю и величина «разницы потенциалов», а вместе с ней — и эстетические качества текстов (обладающих изрядными достоинствами, но все же иного, не «художественного» плана). «Человек в котелке» обладает столь же малым индивидуационным потенциалом, что и Платон, но, в отличие от Каратаева (представителя крестьянского «мира»), он даже и не «осколок» какого бы то ни было «родового тела». Какого такого «тела» он осколок? Он просто атом в броуновском движении распавшегося мира. В Платоне «роевое начало», а в Чаплине — «броуновское»; почувствуйте разницу!

2) Когда я говорю о «принадлежности и соотнесенности с ценностями, превышающими растительно-животный уровень», то имею в виду, конечно, не «взгляды» или «мировоззрение» протагониста (это для героя не обязательно), но именно чувство 'принадлежности' и 'соотнесенности'. Ифигения добровольно восходит на костер, потому что «принадлежит 'дому Агамемнона'»; Гамлет чувствует себя обязанным выполнить 'завет отца'; Дон Кихот соотносит себя с 'кодексом чести', соблюдать который обязывает его придуманная принадлежность (кстати, «придуманность принадлежности» — это чисто «экзистенциалистский» мотив; недаром культу Дон Кихота придали новый импульс такие экзистенциалистски настроенные мыслители, как Ортега-и-Гассет и Мигель де Унамуно) к идеальному 'сообществу рыцарей'. В чем тут смысл? В том, что начиная с определенного уровня индивидуации (а в «искусстве» — всегда) жертвоприношение должно носить характер самозаклания. Перефразируя максимум Гераклита «Логос умного ведет, а глупого тащит», можно сказать, что архетип «ведет» протагониста на алтарь, а не «тащит» его. Точнее, в «наличном» архетипическом творчестве нет «абсолютно чистых» образцов (даже Иисус, воспользовавшись «родственными связями» (как никак Сын) и «служебным положением» (как никак Бог), попытался-таки «договориться по-тихому насчет чаши» (пронеси, мол). Но если у героя нет ни малейшей готовности сказать в конечном итоге: «А впрочем, пусть будет по Твоей воле, а не по моей», то это просто не герой; в протагонисты он не

годится и для целей катартики бесполезен. Таков, на мой взгляд, герой Чаплина. («А вы, друзья, как ни садитесь (на торты), в протагонисты не годитесь»). Применительно к оппозиции 'ирония'/'юмор' можно сказать, что «человек в котелке» воплощает в себе минимальные возможности для 'иронии' и максимальные — для 'юмора', что как нельзя лучше соответствовало возможностям (очень, на мой взгляд, скромным) самого Чаплина.

Отмечусь еще по одному пункту. Все почему-то поспешили уверовать, что «человека с котелком» следует зачислить по ведомству «маленького человека». Я вижу в этой поспешности признак «нечистой совести»: хочется поскорее закрыть глаза на такие признаки этого якобы «маленького человека», как агрессивность, беспардонность, бессердечность и полное отсутствие сочувствия (если не затронуты личные интересы). Кстати, Генис, сделавший попытку посмотреть на Чаплина «свежим взглядом», начал как раз с того, что показал органическую несовместимость «человека в котелке» с типом «маленького человека». Ты же умудрился прописать его сразу по двум ведомствам: он и «маленький человек», и «Дон Кихот»; я бы сказал так: он цинично косит то под «маленького человека», то под «Дон Кихота», играя на сентиментальных чувствах окружающих по отношению к обоим этим образам.

/У меня есть что сказать и насчет «еврейскости» Чаплина, но сейчас нет под рукой его автобиографии, весьма «саморазоблачительной»./

Еще один мой должок («неотвеченный интеллектуальный вызов») связан с идеей «восполнения» и «синтеза видов искусства». Возможно, эта идея прописана у меня слишком невнятно (ты прав: как ни старайся, у нас всегда будет скорее 'разговор', нежели 'научная полемика', и в этом есть свои преимущества). Так вот, я вижу принципиальную разницу между 'восполнением' и 'синтезом'. 'Восполнение' происходит в рамках одного «вида искусства», посредством выявления и активизации его внутренних ресурсов. Живопись Ван Гога приобретает повышенную «музыкальность» не оттого, что предполагает «музыкальное сопровождение»; и она «сюжетна» не оттого, что реабилитирует «литературность» («в духе передвижников»). Французский феноменолог Дюфренн очень интересно проанализировал «Подсолнухи». К сожалению, этого текста нет в русском переводе, и я не могу его процитировать. Там смысл в том, что «светлое желтое пятно» производит поначалу жуткое впечатление из-за лихорадочности мазка (это мазок «из темноты душевного хаоса»), но созданное излучение каким-то образом нейтрализует этот хаос; восприятие «описывает круг» и приходит к «неустойчивому умиротворению». Я передал идею коряво, но у Дюфренна анализ получился очень убедительным. Сходным образом проанализировал «Башмаки» Ван Гога Хайдеггер (хотя и не без своих, совершенно неадекватных, закидонов о «матери-земле»). Так вот, «путь Ван Гога» — активизация внутренних ресурсов — это путь Жреца. А «путь Вагнера» (а также Скрябина, Чурлени-

са и иже с ними) — внешний синтез — это путь Мага. Когда следуешь по первому пути, остаешься в рамках обслуживания «как», в «рамках Рампы»; это, так сказать, «химия искусства». А когда по второму, появляется безумная идея «найти философский камень»; от химии переходишь к алхимии, от искусства — к теургии.

Теперь о другом. Я недавно поневоле перечитал записные книжки Бахтина и впервые с такой отчетливостью ощутил, что его «главная тема» состоит вовсе не в 'диалоге' и не в 'карнавале', а в невозможности «в наши дни» непосредственного авторского голоса. Эта тема, на мой взгляд, нисколько не утратила актуальности и в «совсем уже наши» дни, и мне было бы интересно узнать твое мнение о нижеследующих фрагментах из записных книжек 60-х — 70-х годов. Записи опубликованы лишь частично, с изъятиями. Цитирую непосредственно по рукописи. Кстати, в этом отрывке есть мое «текстологическое открытие». Одна из фраз ранее печаталась так: «Есть праведник, знающий, святой (вера <1 нрзб>)». «1 нрзб» означает: «одно слово написано неразборчиво». Там ясно, что написана фамилия, похожая на «Смердяков»; но Смердяков никак не подходил по смыслу (тоже мне святой!) И никому из патентованных текстологов (в том числе и Бочарову, признанному достоевсковеду), не пришло на ум, что имеется в виду Лизавета Смердящая (которую изнасиловал Карамазов-отец, в результате чего и родился Смердяков).

Всегда твой

Матвей

Бахтин. Из записных книжек.

«В поисках собственного (авторского) голоса. Воплотиться, стать определеннее, стать меньше, ограниченнее, глупее. Не оставаться на касательной, ворваться в круг жизни, стать одним из людей. Отбросить оговорки, отбросить иронию. Гоголь также искал серьезного слова, серьезного поприща, убеждать (поучать) и, следовательно, быть самому убежденным. Наивность Гоголя, его крайняя неопытность в серьезном, поэтому ему кажется, что надо преодолеть смех. Спасение и преображение смешных героев. Право на серьезное слово. Не может быть слова в отрыве от говорящего, от его положения, его отношения к слушателю и <от> связывающих их ситуаций (слово вождя, жреца и т.п.). Слово частного человека. Поэт. Прозаик. "Писатель". Разыгрывани<е> пророка, вождя, учителя, судьи, прокурора (обвините<ля>), адвоката (защитника). Гражданин. Журналист. Чистая предметность научного слова. Поиски Достоевского. Журналист. «Дневник писателя». Направлен<ие>. Слово народа. Слово юродивого (Лебядкин, Мышкин). Слово монаха, старца, странника (Макар). Есть праведник, знающий, святой (вера Смердящей). ... Слово как личное. Глубокое понимание личностного характера слова. Речь Достоевского о Пушкине. Слово всякого человека, обращенное ко всякому человеку. Сближение литературного языка с разговорным обо-

строяет проблему авторского слова. Чисто предметная, научная аргументация в литературе может быть только в той или иной степени пародийной. Жанры древнерусской литературы (жития, проповеди и т.п.), вообще жанры средневеков<ой> литературы. Неизреченная правда у Достоевского (поцелуй Христа). Проблема молчания. Ирония как особого рода замена молчания. Изъятые из жизни слово: идиота, юридивого, <сумасшедшего>, ребенка, умирающего, отчасти женщины. Бред, сон, наитие (вдохновение), бессознательность, алогизм, произвольность, эпилепсия и т. п.

Эпоха наличия авторитетного непререкаемого слова. Им определяются прямые и серьезные жанры и стили (и не только в литературе). Эпоха мифа, религии, непререкаемой власти.

Проблема “образа автора”. Первичный (не созданный) и вторичный автор (образ автора, созданный первичным автором). Первичный автор — *natura non creata, quae creat* /природа несотворенная творящая/; вторичный автор — *natura creata, quae creat* /природа сотворенная творящая/. Образ героя — *natura creata, quae non creat* /природа сотворенная нетворящая — все три латинских термина использовались схоластами, а затем, в переосмысленном виде, Спинозой — М.Р./ Первичный автор не может быть образом: он ускользает из всякого образного представления. Когда мы стараемся образно представить себе первичного автора, то мы сами создаем его образ, т. е. сами становимся первичным автором этого образа. Создающий образ (т. е. первичный автор) никогда не может войти ни в какой созданный им образ. Слово первичного автора не может быть собственным словом; оно нуждается в освящении чем-то высшим и безличным (научными аргументами, экспериментом, объективными данными, вдохновением, наитием, властью и т.п.). Первичный автор, если он выступает с прямым словом, не может быть просто писателем: от лица писателя ничего нельзя сказать (писатель превращается в публициста, моралиста, ученого и т.п.). Поэтому первичный автор облачается в молчание. Но это молчание может принимать различные формы выражения, различные формы редуцированного смеха (ирония), иносказания и др.

Проблема «писателя» и его первичной авторской позиции особенно остро встала в 18 веке (в связи с падением авторитетов и авторитарных форм и отказом от авторитарных форм языка).

Форма простого безличного рассказа литературным языком, но близким к разговорному. Рассказ этот не отходит далеко от героев, не отходит далеко и от среднего читателя. Пересказ романа в письме к издателю. Пересказ замысла. Это (такой рассказ) не маска, а обыкновенно<е> лицо обыкновенного человека (лицо первичного автора не может быть обыкновенным). Само бытие говорит через писателя, его устами (у Хайдеггера).

В живописи художник иногда изображает себя самого (обыкновенно у края картины). Автопортрет. Художник изображает себя как обыкновенного человека, а не как художника, создателя картины.

Проблема лирики как самовыражения.

Поиски собственного слова на самом деле есть поиски именно не собственного, а слова, которое больше меня самого; это стремление уйти от своих слов, с помощью которых ничего существенного сказать нельзя. /Выделено мной — М.Р./ Сам я могу быть только персонажем, но не первичным автором. Поиски автором собственного слова — это в основном поиски жанра и стиля, поиски авторской позиции. Сейчас это самая острая проблема современной литературы, приводящая многих к отказу от романного жанра, к замене его монтажом документов, описанием вещей, к леттризму, в известной мере и к литературе абсурда. Все это в некотором смысле можно определить как разные формы молчания. Достоевского эти поиски привели к созданию полифонического романа. Для монологического романа он не нашел слова. Параллельный путь Л. Толстого к народным рассказам (примитивизм), к введению евангельских цитат (в завершающих частях). Другой путь — заставить мир заговорить и вслушиваться в слова самого мира (Хайдеггер).

Образ автора и первичный автор. У поэта для выражения первичного автора есть ритм, звукопись и т. п. Различие между поэзией и прозой в плане высказывания самого автора (поэзия обладает более богатыми ресурсами для несловесного выражения)».

7.7.2002

Матвей, привет!

«О невозможности “в наши дни” непосредственного авторского голоса» — близкая тема. «Сейчас это самая острая проблема современной литературы, приводящая многих к отказу от романного жанра, к замене его монтажом документов, описанием вещей, к леттризму». Ну да, что я и делаю. Как раз читаю сейчас «Записные книжки» Лидии Гинзбург (вообще-то я их заказал для знакомой, но теперь жалко отдавать, осталась ли еще в магазинах?), и видно, что и она была озабочена той же проблематикой. Например, на страницах 343–344, процитирую только часть: «Прямой разговор о жизни... — единственное, что пока современно. Потому что жизнь продолжается... и тем самым продолжается ее осознание, истолкование. Научное и эстетическое высказывание — неотъемлемая функция мыслящего человека. А романы и повести он может и не писать. По этому поводу Алеша Машевский сказал, что прямой разговор о жизни — это такая же условность, как непрямой. Как только люди привыкнут к тому, что это литература (передвинут Рампу! — Н. В.), появится литературный стереотип прямого разговора. Уже появился... По Гегелю, правда, искусство отомрет как способ познания... Но потребность эстетического переживания жизни изначальна, задана в устройстве человека. Значит, взамен прямого разговора придумают еще какую-то но-

вую форму. Или изменят назначение старой. Прямой разговор о жизни существовал еще в древности. ... Но о том, что это литература, тогда еще не знали». Не знали, куда Рампу ставить («Куда ставить то?!»).

Особо понравилось Бахтинское: «...стать меньше, ограниченнее, глупее... ворваться в круг жизни, стать одним из людей. Отбросить оговорки, отбросить иронию...» Это прямое указание нынешнему писателю, и чувствую, что это верно, потому что «автор», попавший в круговорот рефлексии, похож на собаку, гонящуюся за своим хвостом. Но легко сказать-приказать, пойдй вот, «ворвись в круг жизни». Иногда кажется, что это вопрос бесстрашия. То есть «современный автор» больше всего боится, что его обвинят в «несовременности», т.ск. засмеют за «простоту»: деревенщина! А эстетический «прорыв», то, что принято называть «новым словом в искусстве», это дебильно-уединенные игры с Рампой, как ребенок в уголке со своими фантиками-фантазиями, строит стенку из кубиков... Есть, правда, еще проблема: чтобы убеждать, надо быть самому убежденным. А убежденности в чем бы то ни было у «современного человека» нет (вот поэтому я так много и «вожусь с философией», хочется найти хоть какое-то понимание хоть чего-то...), вообще, убежденным может быть только верующий, а в век сомнений и апологий сомнения («подвергай все сомнению», еще в школе выучил) это как-то даже и не солидно, задрав штаны, понимаеш... Вот он («современный»), и старается быть «умным», то есть рефлексировать без конца (гуссерлиада), мол, понимаем, редуцируем, небось не лыком шиты...

Так что иерархия: «первичный автор» (обреченный на молчание), «вторичный автор» (фактически «образа автора», который «рисует» в произведении — внимание, нарисовался автор! — , ведь «первичный автор не может быть образом, он ускользает из всякого образного представления»), и «образ героя», вполне приемлема. Похожа на платоническую схему эманации от Перводвижителя. Выходит, чтобы «донести» себя до читателя, надо строить иерархию сакральных образов и пространств...

И, как небольшое замечание к Бахтину, я бы сказал, что «невозможность непосредственного авторского голоса» присуща не только «нашим дням», а, извините за выражение, имманентна (внутренне присуща) «первичному автору», который действительно, как Господь, обречен на молчание, он «говорит» своим творением. А следовательно, существует только тот, кто творит (я творю, следовательно я существую). А «сотворить», «высказаться», это прежде всего провести «границу» между собой и творением (построить Рампу?). Творение есть сцена, и недаром метафора спектакля была всегда популярна, от вопроса Марка Аврелия «хорошо ли я сыграл свою роль», до «вся наша жизнь — игра». А лирика (в поэзии), как и музыка — это все равно «отделение» от себя-автора-творца себя-образа (персонажа), и «поиски автором собственного слова — это в основном поиски жанра и стиля, поиски авторской позиции». И не случайно герой художественного произведения зовется

«героем». Герой — это человек, который выделяется из массы, из «родового океана», человек, который выходит на сцену (истории), чтобы «сыграть роль». Герой — это человек, который вдруг посмотрел на себя, как на образ, и на свою жизнь как на произведение. Герой — это художник. И художник всегда герой. Героизм есть творчество и творчество есть героизм.

Насчет Платона Каратаева и «маленького человека» ты все красиво объяснил, и то, что Платонова «не жалко», и что «ценности» важны для героя, ты совершенно прав, но все-таки, если я возвращаюсь к «Огням большого города» (нет смысла обсуждать или «осуждать» его буффонады с трюками и тортами в рожу, «Чаплин» этим не исчерпывается), то в памяти встает почти эпическое полотно (если подзабыл, советую посмотреть) «затерянности» человека в «большом городе», и не «маленького человека» (действительно противное клише), а человека вообще, ставшего «маленьким» (как у Мандельштама: «я уменьшаюсь там, меня уж не заметят»), затерявшегося в стихии взбудораженных масс, но, может быть, именно в этой затерянности (или спрятавшись!) обретающего человечность, «личностность» (и достоинство, если угодно) в донкихотском служении «прекрасной даме» через трагикомический «трюк с переодеванием», когда он играет роль богатого покровителя слепой продавщицы цветов, которая, «прозрев», не узнает своего спасителя... Происходит такое выныривание из безликого моря небытия, обретение лица (бытия?) через сочувствие, которое дается как благодать. «Заклания» или «самозаклания» здесь нет, но есть увлекающее за собой «движение к другому», в коем больше сочувствия, чем либидо. Не знаю, не могу объяснить «схематически», только знаю, что на меня это «действует». И этот последний взгляд Чаплина-актера на спасенную — взгляд человека, уходящего для нее в небытие, но вырастающего для нас в спасителя одной из малых сих...

Получил твое письмо в пятницу утром, мы как раз уезжали на два дня в Галилею, «отдохнуть», так что с ответом задержался. Галилея, кстати, благостно красива с высоты гор вокруг Цфата, рыже-зеленая, с Кинеретом далеко внизу под шапкой дымного марева сорокаградусной парилки. Даст бог, увидишь еще. И запахи: трав, цветов, кустов, сосен — давно я не валялся в траве... И впервые за много лет, и несмотря на жару (хотя в горах ночью ветер), долго и глубоко спал.

Всегда твой

Наум

8.7.

«В интервью французской газете левого толка “Либерасьон” Перес сказал, что, подписывая Ословские договоренности, он искренне надеялся, что их результатом станет установление мира и добрососедских отношений между евреями и арабами. “Я не раскаиваюсь, и мне не перед

кем просить прощения”, — заявил Перес корреспонденту газеты. На вопрос о том, подписал бы он сегодня те же протоколы, Перес ответил, что он не стал бы давать арабам автономию, но... дал бы им сразу независимое государство. “Я тогда был наивен, и полагал, что автономия и государство — это практически одно и то же. В этом моя единственная ошибка. Мне часто говорят, что политик должен быть циничным, но я всегда был смелым, верным и честным”». (Из газетного сообщения «Перес: Мне не хватает цинизма!»)

Написал Л: Ездили в Амирим. Забегаловку на углу, где я на гитаре играл, закрыли, теперь новая дорога, и она в стороне осталась. Были, кажется, в том же ресторане, «Далия», кормят по-прежнему невкусно, но вид с балкона сумасшедший. И еще поднялись в «Хемдат яним», где концерты дают, был концерт барокко со старинными инструментами: чембало, виола ди гамба, старинная флейта. И опять же вид с балкона... Туда зимой хорошо поехать, у них всегда зимой снег... И я давно не был среди природы, давно не нюхал ничего кроме городской суеты, а тут всякие травы пряные: нана, барбарис, заатар, кусты, сосны... Завтракали в саду, читал Эзру Паунда. Оказывается, он в тридцатые жил в Рапалло, а потом в Риме, и служил Муссолини (на радио), американцы обвинили его в измене и держали в клетке, но казни он избежал, закосив под придурка, что ему было нетрудно сделать. Но лет десять все ж отсидел на старости лет в психушке, стихи пописывая.

1.7. От Л: а павлины у Далии ещё гуляют? клюют гранаты? вот видишь, всё-таки пришлось куда-то подниматься, чтобы музыку послушать, так как нет её, музыки, промеж вас, а тогда она через край лилась или мне так просто слышилось? давно дело было, а как вчера, всё вижу и слышу...

К Л: павлинов не видно и не слышно, а вот гранаты висят, но в целлофановых мешочках, чтоб быстрее созрели...

Каневский позвонил, рассказывал о поездке в Москву. Его кузины держат личных шоферов в серебристых мерседесах, «пьют нектар и заедают амброзией», и по сравнению с их апартаментами его «крыша» просто хлев. Он был в одном номере с Зайчиком.

— Ты его знаешь? — спросил.

— Ну, редактор все-таки...

— Аа, да, действительно... Он вообще симпатичный малый, но... какой-то обтекаемый...

— Трусоват.

— Зайчик все-таки.

Послал мне статью Коржавина.

Korzavin

Матвей, привет!

Тут приятель «перекинул» статью Коржавина, не знаю, откуда он ее взял, но она показалась мне характерной во многих отношениях, так что решил тебе «перебросить» (и не удержался от комментариев). Коржавин, которого я держал за такого подслеповатого «страшного либерала», вдруг обнажил, когда за «живое» задел (болеет все-таки старик за евреев!), почерневшие корешки клыков и бодро налетел на «прогнивший Запад» (впрочем, теория «гнилости» Запада всегда была его «коньком»). Местами она напоминает мою собственную статью «о морали», которую еще не напечатали («не влезает»). Любопытно, что беспокойство о «нашей цивилизации» высказывается как бы с позиций «настоящего либерала», но при этом Коржавин, не утруждая себя рефлексией на этот счет (всегда был «честный старик»), проделывает тот самый путь от «либерализма» к «фашизму», который так смущал меня, если ты помнишь.

Перед этим я говорил с Мишей, он позвонил поблагодарить за передачу денег и настойчиво приглашал меня в Москву, сказал, что устроит мне выступление на «Эхо Москвы» и «даже по телевидению», где я расскажу об Израиле, и о том, как я, бывший «правый» и чуть ли не участник государственного переворота («?!» — «Ну тебе же предалгали что-то в этом духе, ты даже в книге об этом писал!»), стал гуманнее относиться к арабам (?). После этого он стал мне говорить, что Израиль должен опомниться, что разъезжать на танках вокруг Храма Рождества — это полуфашизм (это он из дружеских чувств смягчил характеристику), и что Америка не будет защищать полуфашистский режим, ну и так далее. Темпераментно излагал. Так что «актуальной» оказалась статья...

Наум Коржавин

«БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ» И СУДЬБА ЦИВИЛИЗАЦИИ

/привожу фрагменты/

Я начал писать эту статью на очередном витке так называемого ближневосточного кризиса (о том, почему так называемого — чуть позже), когда «живые бомбы» терроризировали жизнь израильских городов, а ответные действия Израиля (до введения войск на «Западный берег») встречали хорошо организованное и оркестрованное осуждение, а то и возмущение «мирового сообщества».

Меня это волнует и как человека еврейского происхождения (у которого в Бабьем Яре погибли родные и школьные товарищи), но я всю сознательную жизнь был русским поэтом, человеком русской, следовательно, европейской культуры, мои пути совершенно естественно привели меня к христианству, и изменять себе в конце жизни я не собираюсь. И поэтому сейчас я хочу говорить не только и не столько об Израиле, сколько в связи с ним о судьбе нашей общей цивилизации. Ибо Израиль, я надеюсь, несмотря на все опрокинутые на него ушаты грязи, сей-

час выживет, а насчёт нашей цивилизации в целом у меня такой уверенности нет. /Вот я и говорю, что «ушаты грязи» от черной зависти умирающей цивилизации к выжившей!/ ... Нынешний трагический фарс отличается особой тотальностью — в нём участвуют все политики и интеллектуалы и прикосновенные к этой теме журналисты всех видных изданий и телеканалов Западной Европы. ... Не остались в стороне и писатели. Вот недавно приезжал в Бостон португальский прозаик, лауреат Нобелевской премии Хосе Сарاماга. Отвечая на вопрос о Холокосте, он сначала объявил, что теперь Освенцим — это Дженин, но потом «поправился», что, конечно, масштабы не сравнимы, но он имел в виду накал расизма. /Этот недобитый комуняка даже написал «Евангелие от Иисуса» — лишний повод не трогать эту тему.../

Как известно, инсинуации либеральной прессы насчёт Дженина подтвердились. Но поражает отношение этого писателя к точности своего слова. Даже если бы версия европейских СМИ не оказалась клеветой, как можно было в штурме Дженина усмотреть расизм, а тем более его накал? Нацисты были расистами, но сама по себе осада Ленинграда при всей её жестокости расизмом не была, как не было его и в кровавых бомбардировках немецких городов. Как можно писателю так подменять слова и понятия — по принципу уличного агитатора: что бы ни сказать, лишь бы слова были ругательные? ... То, что он говорил об Израиле, теперь общепринято. Но на приём, который он использует и который нынче в таком большом ходу, — сравнение израильтян с нацистами — следует обратить особое внимание. ... Г-н Сарاماга не один. Английский поэт и оксфордский профессор Том Полин (Tom Paulin) объявил, что американских евреев, селящихся на «Западном берегу», надо расстреливать. ... Естественно, происходящее в европейских СМИ всколыхнуло и традиционных антисемитов, воспринявших это как повод для легализации своей низменности. «Евреи напрашиваются на это, — сказал неназванный член палаты лордов, — и теперь, слава Богу, мы им можем сказать, наконец, что мы о них думаем». ... И подспудное соображение, что лучше бы вообще избавиться от существования этой «маленькой говённой», по изящному выражению французского посла в Лондоне Даниэля Бернара, страны, доставляющей своим желанием жить так много беспокойства жаждущим покоя серьёзным, солидным людям. Равнодушие /ненависть, дорогой, ненависть, никакого равнодушия!/ доводит этих прожжённых реалистов до глупости, они надеются, что с исчезновением Израиля исчезнет и агрессивность исламизма (я вовсе не свожу к нему Ислам как религию). Между тем эта агрессивность вызывается не Израилем, не силой исламизма, а только внутренней слабостью европейцев. ... «Мюнхен, — как точно сформулировал Солженицын, — болезнь воли благополучных наций» ... И те, кто планировал операцию «11 сентября», именно на это рассчитывали. И я не думаю, что они просчитались. Это была хорошо организованная, глубоко эшелонированная опе-

рация, которая отнюдь не исчерпывалась чудовищным терактом. Терракт этот был поводом для развёртывания хорошо подготовленного пропагандистского наступления, развёрнутого сразу же после него и параллельно объявлению Бушем войны терроризму. Этот беспрецедентный по варварской жестокости акт был поддержан «мирными» выступлениями множеством живущих или гостящих в Америке арабов. Один за другим они выступали по всем каналам радио и ТВ по одной и той же разработанной однажды схеме. Для порядка осудив этот акт, они тут же начинали «озвучивать» невысказанное требование террористов. По этой же схеме выступили и руководители всех арабских стран, особенно «дружественных». Все они — и лидеры, и гости, и обретшие гражданство США (только последние употребляли «мы») — говорили одно: Америка должна изменить свою политику в отношении Израиля, и тогда таких прискорбных случаев не будет. Некоторые даже добавляли, что если не изменит, то такое может и повториться, «потому что арабам обидно». ... в том и состоит весь так называемый «ближневосточный кризис» на всем своём протяжении. И на протяжении всего «кризиса» Запад (пока он еще был Западом) со старательной наивностью стремился найти компромисс в этом «конflikте». Логика простая: раз есть конфликт, то необходим (и возможен, если постараться) компромисс. И компромисс достигался — всегда за счёт позиций Израиля в его борьбе за выживание.

Но последний «мирный план», предложенный Германией и одобренный Евросоюзом, говорит о том, что этот рубикон уже перейден. Сводится этот слегка закамуфлированный (пожалуй, что только словом «мирный» в названии) план почти прямо к тому, чтобы сам Израиль создал необходимые и требуемые арабскими лидерами предпосылки для своего уничтожения:

1. Допустить превращение автономии Арафата в независимое и неконтролируемое, но давшее обещание быть мирным государством.
2. Вернуться к трудно защитимым изломанным границам 1967 года (из-за нежелания мириться с существованием Израиля даже в этих границах арабы и начали тогда войну, которую быстро проиграли).
3. Впустить большое количество враждебно настроенных беженцев и их потомков.

А уж после этого начать переговоры о границах — то есть, об еще большем сужении крохотной территории Израиля. Так что при таком поиске выхода из «конflikта» даже слово «уничтожение» и произносить не надо — Арафат с Саудами и так будут удовлетворены, а это главная забота нынешней свободной Европы.

Я не очень высокого мнения об интеллекте людей типа г-на Соланы, но они знают, что делают, хотя и закрывают глаза на последствия этой активности для своих стран. Но это удел всех «прагматиков». Таков сегодня уровень европейского политического мышления и обществен-

ной морали, одинаковой для солидного истеблишмента и «протестующей» молодёжи. На вопрос о том, что у них общего, могу ответить: нравственная безответственность /никакого «прагматизма», никакой нравственности — только ненависть/. ... Я действительно убеждён, что всеобщая плотная тотальная западно-европейская (с включением части американских СМИ вроде CNN) волна лжи и клеветы, которая обрушилась на Израиль и может его погубить, опасна отнюдь не только, а может, даже не столько для Израиля и, допустим, для евреев вообще (поскольку этот посев по своему характеру безусловно даст антисемитские всходы), а и для всей нашей цивилизации /да она и так дышит на ладан/. Еще больше понижает уровень её духовности, самоуважения, а значит, и сопротивляемости. Поставленным под вопрос оказалось многое, чем я дорожу больше, чем Израилем /«нашей», то бишь христианской цивилизацией?/, и ради приобщения к чему на равных правах и создавали Израиль пресловутые сионисты /вот тут Эмка не прав/. А теперь вроде и приобщаться не к чему /во-во, вот это верно/. Главное несчастье Израиля в том, что волей судеб он на свою беду оказался форпостом цивилизации, которая не хочет себя защищать. И плохо это отнюдь не только для него. Думаю, что духовное состояние любой страны имеет прямое отношение к её интересам и безопасности.

Вернёмся в связи с этим к «11 сентября». Как только произошло это несчастье, включились в работу не только арабская пятая колонна, но и тот страшный слой, который на Западе почему-то именуется либералами (и в который до сих пор еще входит множество евреев /так-так!/). За 28 лет моей жизни на Западе я убедился, что либеральность они проявляют только по отношению к тираниям /так-так!/. А если говорить о свободе мнений, то если она до сих пор существует в Соединённых Штатах то вопреки им, благодаря тому, что они, хотя и влиятельны, но всё же пока еще не всемогущи. Сейчас они всем своим ульем занимаются тем, что в СССР называлось «подрыв обороноспособности страны» /Эмка «наш человек» оказался, правый в доску!/, — стараются гасить возмущение, лишать его адреса. Еще и «Близнецы» до конца не обвалились, как по ТВ началось буквальное воспевание Ислама как религии любви и мира. <...> Включились в работу и университеты. Сразу после 11 сентября преподавателям стали рассылать специальные бумаги, призывающие «гасить» ненависть. Призывали к толерантности в момент, когда Америка должна была и хотела собраться в кулак для отражения агрессии. А в печально знаменитом Беркли заставили извиняться редакцию газеты, посмевшую поставить Христианство выше Ислама. Заявления противоположного свойства сопротивления не встречали.

Да что говорить, если тем же самым — поддержкой мусульман против христиан — уже много лет занималась и «большая политика». Геноцид христиан в Судане никакой реакции постхристианских правительств не вызвал. А ведь тамошних христиан не просто убивали —

их распинали на крестах. Зато призрачное по сравнению с этим нарушение прав мусульман в Косово заставил сердца западных лидеров и журналистов обливаться кровью. Настолько, что все они выступили в союзе с «Освободительной Армией Косова», доселе числившейся — и отнюдь не по политическим причинам — в списке преступных организаций. ... теперь Запад втихаря, против всех своих заявлений, добился уже не автономии, а полного отторжения Косова от Сербии. <...> Разрушительная традиция безответственности, неграмотной уверенности (образование — особенно гуманитарное — непрерывно «демократизируется»), беспардонного идеализма — всё время развивалась и крепла. Личность освобождается до свободы всего безличного, для противостояния чему и создавались все цивилизации. <...> Вместо содействия развитию самостоятельности народов малограмотные гуманисты неколебимо содействуют развитию у них паразитизма. Их сочувствие бедным и несчастным было и остаётся сентиментально бесчувственным, неграмотным, равнодушным и неколебимо твёрдым. Разве те, кто поддерживал установление власти чёрных в Северной Родезии (пардон, в Зимбабве), чувствуют ответственность за последствия, за голод, к которому неминуемо вела эта власть? И ощущает ли журналист «Нью-Йорк Таймс» господин Гвирцман хотя бы тень стыда за своё воспевание революции в Мозамбике в свете того, что получилось? Я был в Южной Африке и видел представителей освобождённого мозамбикского народа, убежавших улететь в апартеидную Южную Африку, чтоб спастись от голодной смерти, на которую обрекла их устроенная советскими чиновниками и восторженно поддержанная свободной западной общественностью революция. А как интенсивно сталкивали они в пропасть саму Южную Африку! /Ну, Коржавин дает! Ну, развоевался! Явно старик скатывается к «расизму».../

<...> энтузиасты освобождения... продолжают искать, кого еще освободить (или от чего еще освободиться самим).

<...> промывание мозгов считалось атрибутом тоталитарного строя. И действительно, оно требует тотальности. Но оказывается, в наше время такую тотальность можно воссоздать и в демократических обществах, на всём пространстве европейского демократического сообщества. Возможно создать атмосферу, в которой святотатством будет считаться не то, что в христианскую святыню — Храм Рождества Христова в Вифлееме — ворвались боевики с оружием и оттуда стреляли по израильтянам, а то, что израильские войска окружили этот храм, имея при этом жёсткий приказ в сторону святыни не стрелять. Так же, как никому не приходит в голову вопрос, на каком основании Кофи Анан, пусть он даже глава ООН, берёт на себя роль третьей стороны в означенном «конфликте», если он как минимум дважды голосовал за приравнивание сионизма, то есть стремления евреев создать Израиль, — к расизму, то есть, открыто признал, что отрицает право Израиля на существование?

Промывание мозгов часто действует и на самих промывателей. Некий Фишер из «Лос Анжелес Таймс» настолько вжился в представление об Израиле как об источнике агрессии, что предложил не только создать независимое палестинское государство, но и дать ему возможность иметь современную, хорошо тренированную армию, вооружить её так же, как израильскую, чтобы силы были равны...

<...> Всё, о чём шла речь, — это результат глубокого кризиса, который переживает наша цивилизация, и который до сих пор столь бравурно воспринимался как её кульминация, как пир прогресса.

<...> Но что делать, если на протяжении последних ста лет либеральная демократия только то и делала, что подрывала свои устои? Если она пародировала сама себя, все свои высокие и такие притягательные слова и ценности, доводя их значение до абсурда? <...>

10.7. Вчера Гольдштейн звонил, провел разведку боем: как у меня «дела», пишется ли «главное». Нет, не пишется.

Верник позвонил. Как дела? Да все по-старому.

Lovejoy

Матвей, привет!

Итак, я дочитал Лавджоя и меня «тянет на реферат». В основном хочется поделиться впечатлениями о 10-й лекции, где речь идет о романтизме.

Как и Берлин /надо полагать, что это общее место в «истории духа», он считает, что 17-й и начало 18 века утверждали «сущностную рациональность мира», оправдывая веру «в логичность, совершенство, статическую полноту, упорядоченность и непротиворечивость реальности». «Почти во всех областях мысли в эпоху Просвещения главной установкой была та, что Разум — понимаемый обычно как знание нескольких простых и очевидных истин — один и тот же у всех людей, и им равно обладают все; что этим общим для всех разумом следует руководствоваться в жизни; и что, следовательно, эта всеобщая умопостигаемость, всеобщая доступность и даже всеобщая родственность предопределяет главные критерии пригодности и ценности во всех важных вопросах, касающихся жизни человека...». Другой «главной установкой» /она следует из предыдущей/ была «универсальность», понимаемая как набор «очевидных истин». Лавджой приводит в подкрепление этого цитаты из Вольтера («Естественная религия — это принципы морали, общие для всего человечества»), Самюэля Кларка («то, что не является общеизвестным любому, не нужно никому») и Свифта («В религии должно содержаться только то, что сразу понятно последнему тупице»). «Тот же самый смысл универсальности, очевидности каждому рациональному уму как таковому, неизменности содержания, вкладывался чаще всего в неоднозначное понятие “природа” в ее этическом прило-

жении, то есть представление о «природном законе»...». /Думаю, что сюда же относится и кантовский «категорический императив»./ Лавджой цитирует Болинброка: «Перечень естественных законов настолько очевиден, что никакой человек, способный читать написанное черным по белому, не может понять его превратно... Закон природы слишком очевиден и слишком важен, чтобы не быть извечным законом законов». Вольтер по этому поводу даже выражался в стихах:

«Мораль одинакова во все времена, в любом месте...
Это закон Платона, Сократа и ваш.
Природа — апостол этого вечного культа...».

Признаком «несомненной ценности» считалось «широкое одобрение». «Универсальными ценностями» в таком случае считались те, что «заслужили всеобщее признание в течении долгих веков».

«Что касается доктрины превосходства античности и искусства, следующего ее примеру, то она была двойником все того же универсализма». Лавджой пишет не без иронии: «Эстетический или любой другой универсализм, коль скоро он последовательно выражен, очевидно оказывается близок к своего рода примитивизму — поскольку все, что не было известно древним... очевидно не могло быть общим всему роду человеческому», и приходит к такому итогу: «Просвещение, коротко говоря, было эпохой посвятившей себя упрощению и стандартизации мысли и жизни. Спиноза подытожил это выражением: «Цель природы состоит в том, чтобы сделать людей схожими как дети одной матери». /В том же духе он высказывается и в другом месте: «Просвещение... полагая человеческую природу чем-то несложным... как правило, полагало такими же простыми политические и социальные проблемы, у которых предполагались, следовательно, простые решения»./

«Борьба за реализацию этой предполагаемой цели природы, общее наступление на *несхожесть* между людьми и их мнениями, оценками и установками и было центральным фактом интеллектуальной жизни Европы от конца 17 до конца 18 веков».

Романтизм же, о котором Лавджой пишет, что «немного было во всей истории мысли более глубоких и более важных изменений в представлении о ценностях», был противоположной уверенностью в том, «что разнообразие само по себе есть нечто превосходное», и цитирует Галлера: «Счастье смертных — это разнообразие». Романтизм — это «отвращение к простоте; недоверие к универсальным формулам в политике; эстетическая антипатия к стандартизации; чувство «великолепия несовершенного»; культивирование индивидуальных, национальных, расовых особенностей; высокое место (совершенно несвойственное большинству прежних эпох), отводившееся оригинальности, а также доходящее до абсурда стремление к обладанию этим качеством оригинальности». «На смену униформизму пришло то, что может быть названо диверсификационизмом».

В этих характеристиках Просвещения и романтизма Лавджой в общем и целом совпадает с Берлиным, который, как видно, держался вполне в русле принятых классификаций. Но поскольку Лавджой хочет проследить влияние основных платоновских концепций божественного на разные культурные эпохи, то есть что из тех концепций было воспринято этими эпохами как основная мировоззренческая установка, то для понимания его рассуждений надо вернуться к основанию, к Платону.

Платон, значит, оставил нам «двух Богов», один был «неизменным и самозамкнутым совершенством», а другой — «креативной силой». Главным атрибутом Абсолюта Платон считал «благо», суть которого «в самодостаточности, свободе от любой зависимости, внешней индивидууму». Оно полностью противоположно «этому» миру, и чтобы постигнуть его, «нужно отвратиться всей душой от всего становящегося: тогда способность человека к познанию сможет выдержать созерцание бытия и того, что в нем всего ярче, а это, как мы утверждаем, и есть благо» (Платон, Государство). /Здесь явные «созерцательные», «индийские» мотивы./ В этом случае «Бог не нуждается в мире, безразличен к нему и так будет ныне и присно и вовеки веков». Он «потусторонен». Но мир все-таки создается, а причиной тому все то же благо, которому свойственна «любовь», то есть готовность Абсолюта поделиться благом. Любовь делает благо плодотворным (эманация блага). «Он был благ, а тот, кто благ, никогда и ни в каком деле не испытывает зависти. Будучи ей чужд, он пожелал, чтобы все вещи стали как можно более подобны ему самому». «Так как Первоединый есть всесовершенный, так как он ничего не ищет, не имея никакой потребности, никакого желания, то сам он как бы через край всем переполнен; это-то переполнение и произвело нечто иное...». Отсюда вытекает определенная замкнутость мира и его неподвижность во времени (то, что Лосев красиво определил: «античность — скульптурна»). Это замкнутость совершенства и отсутствие становления (непрерывно связанное со временем). Все в этом мире изначально задано и совершенно. В том числе и зло, которое посему вовсе и не зло. /Тут непонятно, как благо, истекая и «производя иное», то есть речь о становлении, уживается с замкнутостью и неподвижностью изначально заданного и совершенного мира?/

И Лавджой так же отмечает, что платоновская диалектика концепта «божественной полноты, которая не завершена в себе, поскольку она не может быть таковой без существования бытийствующего иного, чем она, и неизбежно неполного, ... многим сегодня может показаться неубедительной и голословной», но тем не менее он восхищается ее интеллектуальной дерзостью. Платон не побоялся создать противоречивый (диалектический) концепт Двух-Богов-в-Одном, хотя для большинства философов (современных) «любой вопрос — почему мир в целом таков, каков он есть... не имеет ответа». В итоге, считает он, такой

подход предполагает, что «мир в конечном счете устроен не рационально. «Однако Платон оставил греческой, и средневековой, и раннеевропейской философии глубокую убежденность в том, что эти вопросы можно и нужно задавать — хотя эта возможность и была многократно оспорена... Таким образом, история, которую мы обозреваем, является, кроме всего прочего, частью долгой истории попыток западного человека сделать мир, в котором он обитает, рационально постижимым».

Итак, «религия Запада на протяжении большей части своей истории обладала двумя Богами». Схема взаимоотношений этих двух Богов мне, честно говоря, непонятна. Допустим, Абсолют «переполнился» и «излил» из себя сей мир, но это было одноразовое излияние, и с тех пор Абсолют уже не переполняется («благо» кончилось), или излияние продолжается все время? Кстати, в лурианской Каббале Бог тоже «сжался» (цимцум) и как бы освободил место для материального мира. И там тоже встает вопрос об одноразовости или многократности такого «цимцума» (в этом случае Бог превращается в такой пульсар, «накачивающий» жизнь...), Каббала в основном склоняется к постоянному «излучению», что похоже на эманацию Плотина. Так или иначе, если Просвещение было в большей степени склонно «верить» в бога-Созерцателя, в Жреца, в Универсальность и неизменность, то романтизм — в Мага-Демидурга. Т.е. Просвещение верило в Универсальность и неизменность, а романтизм совершил «темпоральный переворот», ввел время в картину мира и «вселенский порядок стал пониматься ... как процесс, приводящий к умножению различий». Бог стал «жизнью», процессом становления, «первичной манифестацией и универсальным условием» которого «становится время». Концепция самодостаточности отбрасывается, и Бог обретает неукротимую креативную силу. Переворачивается и «направление» творения. «Миропорождающий процесс начинается не с вершины, а с основания, с той «ульtima потенце» (как сказано у Данте), которую бесконечная творческая сила имеет... нижним пределом своих способностей. «Пути вниз» больше не существует, но остается «путь вверх»». И сам Лавджой считает, что «гипотеза абсолютной рациональности космоса не может быть доказана. Прежде всего, она противоречит тому главному факту, что мир, данный нам в опыте, находится во времени». «Мир конкретно существующих вещей не является, следовательно, точной копией царства сущностей... Он есть... мир случайный». И «Воля мира превалирует над его Интеллектом».

Мир во времени — это, конечно, иудейский подход (в романтизме окончательно взявший верх над аристотелевской незыблемостью. Аристотель был еще более последовательным, чем Платон, хасидом самодостаточности Абсолюта), и романтический Бог куда больше похож на иудейского, чем на греческого, но от «греков» у него осталось Становление, а с ней и известная доля любимой Аристотелем (и Спинозой!)

«необходимости», тогда как ярый Саваоф / Бог воинств / делает «систему» совершенно открытой и отданной на произвол его дикой воли. И в этом смысле иудейский Бог «метафизически достовернее», на мой взгляд, во всяком случае... А эпоха Просвещения, соответственно, наиболее близка к античности, к «Греции», и в искусстве это «эпоха классицизма». То есть во многих отношениях Просвещение более «языческая» эпоха, чем романтизм.

И еще о романтизме.

Поскольку «подражание Богу» естественно для человека (и античного, и христианского), то «романтический человек» как «агент морального действия» или как «художник» «должен тоже быть “креативным”». «Высшим призванием человека стало добавить что-то свое к творению, обогатить чем-то совокупность вещей мира, и, в конечном счете, сознательно сотрудничать в осуществлении вселенского замысла». Отсюда, конечно, «только один шаг» до всех тех ужасов, которыми пугает добропорядочный сэр Берлин (явно застрявший на мировоззрении эпохи Просвещения): человек сам становится маленьким демиургом, а поскольку «Замысла» никто не знает, есть где разгуляться магии, креативному вмешательству в мироздание, тут тебе и «воля есть, ума не надо», и фашизм с коммунизмом, и все что угодно.

Романтизм, конечно же, был «магической революцией» (или контрреволюцией, Маркс неизменно называл его «реакционным»), победой творческого, или теургического начала, когда, согласно Фридриху Шлегелю, «именно индивидуальное есть самое главное и извечное в человеке», и «забота о своей индивидуальности, как о высочайшем призвании и ее развитие есть божественный эгоизм». Но тогда мироздание превращается в сцену /вполне античный взгляд/, на которой играется пьеса под названием «Жизнь», мы же и актеры ее и зрители, и нет места для Рампы...

Всегда твой
Наум

Жена звонит:

— Слушай, мне Пашкова прислала поздравление в стихотворной форме, я просто обалдела, не знаю, как к этому отнестись, обижаться, или что.

— Обижаться?

— Ну вот послушай: «Любить иных тяжелый крест, а ты прекрасна без извилин, и прелести твоей секрет разгадки жизни равносильна». Ну? Как тебе это нравится — без извилин? Я даже не знаю... Чего ты ржешь?...

Вытираю слезы.

— Ну, ты представляешь?! «Без извилин»! Что она имела в виду?

— Вообще-то надо у Пастернака спросить... М-да, это ты неплохо его на двусмысленности поймала. И у великих, понимаешь, бывают неточности.

— Пастернак?

— Так что Пашкова твоя не виновата.

— Да я понимаю, что это не она сама написала... Так это он что, так пошутил?

— Не думаю, он шуток не любил.

— Так это в каком смысле?

— Ну, в смысле без затей. А может и без изъяна.

— Без изъяна — это пожалуйста...

— Одним словом, неточность.

Ночью Миша позвонил. Завтра поедет к Белле за долларами. Настроение бодрое.

— У меня друг есть, Миша Суханов, он женился на Марине, она училась на художницу, но поняла, что таланта нет и стала учить детей рисовать, очень здорово это делает, а он стихи пишет, он еврей, а она русская, он христианин, а она в последнее время перешла в иудейство, у нее подруга, которая ее учила преподавать детям рисование, еврейка, и она ее в это дело втянула, она уже в Израиль ездила, смотрела, как там... а от Миши она ушла, поскольку он христианин, дочка у них, но Миша еще пишет стихи, а я у Марины, когда еще в больнице был, взял интервью, она премию получила как учительница, у нее дети здорово рисуют, и даже альбом выпустили, какой-то спонсор деньги дал, так я начал у нее интервью брать, для «Независимой», но не закончил, вот сейчас хочу продолжить, в «Независимой» я уже договорился, там есть человек... а Матвей знаешь почему тебе не пишет? Ведь у вас заглохла переписка? Заглохла, я знаю, он мне сказал, что твое последнее письмо еще не читал, он и со мной не хочет встречаться, потому что он уже не пишет ничего, когда он у мамы жил, еще до того, как женился на профессорше, он еще был тогда женат на Ире, но уже не спал с ней, и работал дворником, он еще писал, он даже показывал мне, как какая-то американка его имя упомянула, с большой гордостью показывал, с большой гордостью! А теперь он газеты разносит и читает умные книги, но уже всё. Он даже сказал мне, что считает Михалкова гениальным режиссером, а ты смотрел «Сибирского ц-цирюльника»? Да, говно. Я и смотреть не стал. И «Утомленное солнце» говно. Правильно, а Матвеем этот фильм нравится, вот, а ведь ты помнишь, каким он был киноманом, ходил на все просмотры и кинофестивали, выпрашивал у режиссеров билетик...

Ночью, и утром иногда, лежу, отодвинувшись от нее и ловлю себя на том, что с женой совершенно не хочется. И это даже пугает, так можно и «отвыкнуть». Иногда заставляю себя: вроде как надо форму под-

держать. Но убеждаюсь, что и ей этого не нужно. Такая полная смерть любви. И начинаю чувствовать, как и в молодости, что эта сосущая пустота нелюбви зовет меня в путь, снятся какие-то обнимающие руки... Не могу без любви.

11.7. Написал Зусу: как дела? Так может, подскочишь на свадьбу?

z to n

Телепаемся. Планировал поехать в Токио получать премию. Но для трех человек билеты летом не потянуть. Перечитал твою статью (с Матвеем). Уже по-другому смотрится теперь после жертв Молоху и карательной сечи.

А когда свадьбка?

Как зовут невесту? Краткое био?

N to Z свадьба 23.7., невесту зовут Дафна, ей 26 лет, работает и учится, бабушка ее живет в Нью-Йорке, она американка, ее дочка (мать невесты) вышла замуж за израильского музыканта из тель-авивского симфонического (виолончель), но потом они развелись.

Naum

12.7.

Lovejoy

Наум, привет!

Статья Коржавина мне очень понравилась; я за него обрадовался. Он хотя и слабый поэт («риторический»), но человек ершистый, не склонный плыть по течению. Некоторое время назад мне показалось, что он в интеллектуальном плане полностью выдохся, погряз в поверхностном антиамериканизме и, одновременно, во вздорной оппозиционности к «российским демократам». А тут, вишь, ожил, умно написал, хлестко. Конечно, ты прав в том смысле, что базовые категории — прежде всего 'религия' и 'либерализм' — остались у него неотрефлексированными. Но нельзя требовать слишком многого от человека с его «бэкграундом». Он и так, по-моему, прыгнул выше головы. Так что за статью спасибо. Высылай, если будет появляться что-то подобное.

Что касается Лавджоя, то дело в том, что он занимается «философией вообще», точнее, ее стержневыми концептами («эстафетными палочками» в классическом забеге). Я же занимаюсь «философией искусства», и если со временем выяснилось, что мне приходится при этом быть еще и «антропологом», и «религиоведом» — и все это в рамках своеобразно (не по-поповски) трактуемой «сотериологии», — то все это произошло не от хорошей жизни и не от излишней амбициозности, а по той простой причине, что «философия вообще» (наличная, «сложившаяся») не дает ответов на мои вопросы. Точнее, она не создает той «рамки», в которую можно было бы «втиснуть» мою сотериологию. Я не могу взять, скажем,

онтологию у Гераклита, гносеологию у Гуссерля, трактовку религии у Ницше и «поместить в эту среду» свою сотериологию как подспорье для 'философии искусства'. Рад бы, но не получается. Это тот добытый мною отрицательный результат, в котором я абсолютно уверен. Но поскольку «сложившаяся философия вообще» остается наиболее близкой к «моей сотериологии» (у нее, у 'сложившейся', позаимствованы, хотя и с пересмыслением, основные 'концепты' и мыслительные навыки), на каждом шагу создается впечатление, что «вот это — оно и есть, тут — в самую точку». Если попадаются на пути «два Бога в одном флаконе», тут же возникает соблазн «подверстать их к своему ряду»; таким образом возникают суждения типа (цитирую Ваймана): «если Просвещение было в большей степени склонно «верить» в бога-Созерцателя, в Жреца, в Универсальность и неизменность, то романтизм — в Мага-Демиурга». Соблазн «примкнуть» к такого рода суждениям очень велик: во-первых, находишь многочисленные «подтверждения» в «первоисточниках» («опираешься на высшие в нашем деле авторитеты» и тем самым повышаешь свои ставки); во-вторых, они очень — ну просто иногда до неприличия — «похожи на правду» (в моем понимании). Более того, на каком-то этапе я, возможно, и согласился бы с такой трактовкой «из тактических соображений». Но сейчас мне это неинтересно. При ближайшем рассмотрении выясняется, что тот, кого ты называешь Богом-Созерцателем, вовсе не Жрец, а ипостась, похожая на Мага (Бог-Демиург), хоть и похожа, да не то же; Федот, да не тот. Я нахожусь в трудном положении, потому что проводить аналогии «широкими мазками» легче, чем их опровергать. Чтобы «набросать картину», нужен лишь полет воображения; чтобы ее опровергнуть, нужно провести исследование. У меня есть свои идеи относительно Платона (во многом не совпадающие с трактовками Лавджоя); они возникли в ходе «заочной полемики» с Лосевым и Флоренским (которые все же покрупнее будут как «платоники», чем Лавджой), но есть ли смысл их излагать? Приведу лишь «итоговый» аргумент: философия Платона вообще не предполагает «эстетического спасения» (только религиозное). Лосев с огромным количеством цитат и анализов на руках доказывает: «Так как эта эстетика (имеется в виду Аристотелева и — шире — антично-средневековая эстетика. — М.Р.) насквозь онтологична и так как поэтому настоящим, подлинным и единственным произведением искусства является самое бытие... то искусство в нашем смысле слова есть для Аристотеля, как и для Платона, уже нечто второстепенное или третьестепенное...» (ОАСМ, 737). «В платонизме наблюдается отрицание самого искусства в его корне, здесь допустимо только такое "искусство", которое будет всецело в услужении религии и церкви". «Бытие есть торжество вечной идеи. Нет никакого прогресса, ни даже истории. Все устремлено к подчинению вечной идее и восприятию ее на себя. Ну, какое же тут, скажите на милость, возможно свободное искусство?» Вот

тебе и “Жрец”! Как видишь, Созерцатель, при последовательной трактовке (а в непоследовательности Платона в этом смысле упрекнуть нельзя), никак не приводит к Жрецу; можно доказать, что и Демиург не приводит к “Maгу” (хотя тут “теплее”). Та же история и с Рампой. Как будто читаешь Лакана или Бодрийера, которые явно сами не понимают того, что пишут. Как бы то ни было, эта «Рампа» не имеет к моей никакого отношения; нам такой простор не нужен. Словом, широк русский человек, я бы сузил.

Заказал ли ты Лидию Гинзбург? Купить ее, кажется, еще можно, но это уже последние остатки, книга вызвала большой интерес: лавина рецензий, цитирование и все такое.

Предлагаю еще одну книгу:

Ален Сокал. Жан Брикмон. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М.: Дом интеллектуальной книги, 2002 — 248 с — 250

Это одна из самых нашумевших книг последнего десятилетия (вышла во Франции в 1997 году, а вскоре после этого в Америке и в Англии). Оба автора крупные ученые, физики-теоретики. У книги есть предыстория. В 1996 году Сокал опубликовал в престижном журнале «Social Texts» статью «Переходя границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации». Это была пародия на современные «междисциплинарные исследования»; она целиком состояла из совершенно абсурдных или просто бессмысленных утверждений. Никто не заметил подвоха («комический аспект инцидента с Сокалом состоит в том, что он показал, что сами постмодернисты по-настоящему не понимают того, что пишут они сами и их коллеги и что они перемещаются по тексту от одного знакомого имени или слова к другому как лягушка, перепрыгивающая болотистый пруд по кувшинкам»); автор, признавшись в мистификации, стал открыто разоблачать «уловки», при помощи которых так называемые «постмодернисты» вводят в заблуждение доверчивых простаков. Книга представляет собой ряд очень резких (авторы, что называется, «бьют наотмашь») разоблачительных очерков, обвиняющих в шарлатанстве видных мэтров постструктурализма. Привожу названия некоторых разделов: ‘Жак Лакан’; ‘Юлия Кристева’; ‘Интермеццо: когнитивный релятивизм в философии науки’; ‘Второе интермеццо: теория «хаоса» и «наука постмодерна»’; ‘Жан Бодрийар’; ‘Жиль Делез и Феликс Гваттари’; ‘Поль Вирилио’; ‘Некоторые злоупотребления теоремой Геделя и теорией множеств’. Опубликована и злополучная статья «Пересекая границы». В качестве приложений даны «Комментарии и пародии». И, наконец, «Нарушая границы: послесловие». Очень злая и умная книга. Хотя авторы леваки в политическом плане.

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Да, Гинзбург возьми. А «злых левых» пока не надо — всего не перечитаешь.

Вчера смотрел по НТВ интервью с Сорокиным; возмущенное и чистое душой юношество тащит его в суд за порнографию, но он какую-то странную занял позицию защиты (не понравилась она мне): стал прятаться за «свободу слова», и что, мол, «молодежь» не доросла еще до его эстетики, вот и Набокова обвиняли в том же. И вообще он был как-то напряжен и взволнован и чуть больше обычного заикался, так что показалось, что побаивается. Вот ведь Лимонова упекли-таки в кутузку. Он, правда, сказал, что в творчестве главное свобода, но сказал это как-то вяло и неуверенно, с реверансами. В общем, позицию не удержал. Раз уж дал пощечину общественному вкусу, так неча извиняться, что не так поняли, мол, это я эстетически. Нет, Маяковский с Бурлюком так себя не вели. Да и Лимонов в этом смысле куда честнее (смелее?), и не только по жизни, но и «эстетически», потому что роль свою, уж коли взялся за гуж, надо играть до конца, а то получается: ни этики ни эстетики... Вот на днях видел фильм о рок-группе «Секс пистолс» (отцы панка), так они на вопрос журналиста: «Почему вы так скандально себя ведете?», ответили: «Фак ю».

Всегда твой
Наум

Вдогонку.
Тоунbee

Забыл тебе написать, что заглянул тут случайно в старые статьи Тойнби за 47 и 52 годы, где он пишет о конфликте цивилизаций как о грядущем типе конфликтов, и называет главным противником Ислам, и «экспансию переселенцев», пренебрегая опасностью коммунизма (считая последний некой ересью европейской цивилизации), что для того времени было смело. При этом безусловным «агрессором» он считает Западную цивилизацию, считая, что на вызов Запада есть, как и у иудеев против Рима, только два типа «ответа»: «зелотизм» и «иродианство». «Зелот» — это ищущий в известном спасение от неизвестного, и, если он участвует в битве с противником, превосходящим его в тактике и пользующимся грозным новомодным оружием, то отвечает тем, что с особым тщанием и скурпулезностью применяет свое традиционное военное искусство. Собственно «зелотизм» может быть описан как архаизм, его наиболее заметные представители в современном Исламском мире ... ваххабиты... Первое, что следует заметить об этих исламских «зелотах», это то, что их главные цитадели лежат в бесплодных, малонаселенных регионах, удаленных от международных магистральных путей», и дальше он прямо называет Судан, Афганистан и Саудовскую Аравию. Другой путь, «иродианство», это освоение западной технологии, прежде

всего военной (поэтому революционерами-вестернизаторами в «восточных» цивилизациях всегда были военные), пионерами этого пути он называет Египет (еще с Мухамеда Али) и Турцию (Ататюрка), в эту же категорию попадают и российские «западники» Петр Первый, декабристы и Ленин. «Иродианский» ответ страдает раздвоенностью: трудно сохранить основы старой цивилизации, осваивая элементы новой, или, с другой стороны, трудно освоить даже элементы нового, если в основе цепляешься за старое. Поэтому «иродианский» путь полон внутренних конфликтов и даже трагедий (фактически эта борьба означает гражданскую войну). Тем более что «гибрид», по мнению Тойнби, обречен на «бесплодие». При этом он цитирует Муссолини, который как-то заметил, что существуют не только пролетарские классы и личности, но и «целые пролетарские нации», и принявшие «иродианский» путь, обречены на участь «мирового пролетариата». (Правда можно это назвать и путем «ученичества»...) Третьего не дано, считает Тойнби, приходится «выбирать между подчинением и гибелью». Правда, он отмечает, хотя и не называя это особым путем, и «религиозный ответ» на цивилизационный вызов, считая, что все великие религии произошли из-за столкновения цивилизаций, и тут мы (он, конечно, об этом не пишет) выходим к ресентименту: подчинение вызывает «духовную мстительность»... Такие ресентиментные религии ущербных народов зачастую завоевывают своих завоевателей. И в этом смысле он предостерегает Запад от высокомерия типа «ничего хорошего не может выйти из Назарета».

Что касается перспектив, то он надеется, что Ислам, свободный от двух основных болезней Запада, национализма и алкоголизма (!) внесет свой положительный вклад в синтез цивилизаций. «Смешение может завершиться синтезом, но с таким же успехом и взрывом, и в этом случае ислам может сыграть роль в качестве активного ингредиента бурной реакции космополитических низов против западных хозяев». И он его побаивается. «Панисламизм дремлет, но мы должны считаться с возможностью того, что Спящий проснется... Есть два исторических примера, когда во имя ислама ориенталистское общество поднялось против западного вторжения и одержало победу...».

Во всем этом нет ничего нового, более того, мы это уже обсуждали примерно в том же духе, но просто интересно проследить за возможностью мысли предвидеть. И потом приятно почувствовать поддержку авторитета...

Всегда твой
Наум

13.7. Опять снилась «любовь». Кто-то склонялся надо мной, и длинные волосы щекотали мне щеки, и я тянулся губами к губам, и кого-то ждал, уже другую, и она шла навстречу, да, это была Р, на высоких каблуках, своей гордой походкой, покачивая станом...

Наум, привет!

Интерпретация Платона, как ты понимаешь, для взятия нахрапом малопригодна («Нелегкий труд рытье колодцев.//Работа зрелых мастеров.//Земля с наскоку не дается,//Как ты на шутики ни здоров»). Могу только «указать направления»; если что-то особенно заинтересует, можно будет и углубиться. Платон был греческим радикальным фундаменталистом, готовым пожертвовать почти всем (и культурой в первую очередь) за возврат к «порядку», которого никогда не было. За это его так любили русские фундаменталисты (Флоренский и Лосев) и так ненавидел либерал Поппер. Поэтому Платон оказался так близок христианам, и по этой же причине у него не стоит искать обоснования греческой культурной классики (как ни странно). Греческая культура «опиралась» не на построения своих высоколобых отщепенцев, а на народные культы (Ницше правильно учуял уже в Сократе могильщика культуры). В этом смысле очень интересно было бы сравнить «концепцию становления» Платона (особенно в «Тимее») с обрядовыми интуициями времени. Говоря совсем упрощенно, Платон сохранил категорию цикличности (оставаясь все же сыном своей цивилизации, хотя и достаточно «отвязанным»), но придал ей изощренно-декадентские (при всем фундаментализме) черты. Культура же возросла на циклических — и потому монистических («спиралевидных») — «непосредственно-аграрных» интуициях оседлых земледельцев (не чета еврейской «номадности»); Платона же больше занимали причудливые «конспирологические» фантазии об «отвязанной» Атлантиде («античный Дугин», прости господи). Меня очень взбудоражила в этом плане книга Пьера Видаль-Накэ (лучшие рекомендации: не левак и сионист; книгу еще можно купить) «Черный охотник», особенно глава «Время богов и время людей». Видаль-Накэ излагает сперва традиционные представления о цикличности времени у греков, а затем с большим изяществом и блеском опровергает их, преимущественно на примере Платона. Прочитую зачин главы: «На этих страницах мы не собираемся сражаться с данной / традиционной / интерпретацией и лишать иудео-христианскую мысль, разработавшую представление об историчности человека, этой чести. Но когда утверждают, что древние «знали» только круговое, циклическое, т.е. космическое время, значит ли это, что они не ведали никакой иной формы времени или что отвергали ее со знанием дела? Доказать это можно, лишь проведя хорошо продуманное широкое исследование». В этом смысле романтики если и «вернулись к язычеству», то по-разному (Гельдерлин не так, как Новалис) и, главное, к разному в язычестве: слава богу, и романтизм, и язычество в совсем уж простенькую схему не укладываются. Хотя если соблюсти «чистоту сотериологического метода», то станет ясно, что это было все-таки возвращение к Магизму, на который ни у кого нет монополии. И разграничение (в духе «архитектоники спасения») монизма/дуализма здесь работает. А «теат-

ральность» (тобою отмеченная) свидетельствует о «тесноте культурного ряда»: романтизм оказался втиснутым в очень ограниченный культурно-временной промежуток между Просвещением и Реализмом (все-го-то какая-нибудь четверть века творческого подъема) и не успел отнестись к себе «вполне серьезно» (Фридрих Шлегель так и не разобрался, к чему относится его знаменитая ирония — к индивидуационным притязаниям индивида на формирование мира или к притязаниям мира на формирование индивида): все «достижения» романтизма связаны с расшатыванием ограждения культурного поля (Рампы): нельзя очень уж всерьез говорить ни о «философии романтизма», ни о его «историографии» (хотя что-то там такое типа имеет место). Заслуга романтизма не столько в собственных достижениях (в том числе и художественных — на мой взгляд, не столь ценных, как принято думать), сколько в актуализации «ночных», «субъективистских», «дуалистических» веяний по линии всей протяженности культурной парадигмы (по всем провалам «Русских горок имени Чижевского»), в том числе и «неистовствующего демиурга» — кстати, вовсе не платоновского, который творил, доставая из соответствующих ящичков соответствующие вечные идеи и «глядя на них», а скорее гностического по происхождению, воспринятого через мистиков типа Бёме и Экхарта. Словом, «эстафетная палочка Лавджоя» слишком «чиста от сотериологического томления», чтобы иметь право на непосредственное применение к культурной сфере; это не значит, что в подходе Лавджоя нет смысла: просто он более адекватен по отношению к интуициям «научной картины мира» (кстати, читал ли ты Койре? его подход в чем-то «дополнительный» по отношению к подходу Лавджоя благодаря отчетливой ориентации на «точные науки»), нежели к «интуициям культуры» (по крайней мере, 'культуры' в моем понимании).

Что касается Сорокина, то я тоже видел этот сюжет по ТВ. Действительно, жалкий и «недостойный постмодерниста» лепет. На первых порах — до возбуждения уголовного дела — он выступал куда более задиристо: посоветовал «Идущим вместе» сходить в баню и как следует помыться, потому что от них разит совком. А сейчас у него вид человека, который «никак не ожидал удара с этой стороны» («Мы так не договаривались») — грубо говоря, со стороны власти, перед которой он в глубине души всегда лебезил и заискивал. Власть оказалась слишком глупа, чтобы понять, что Сорокин предложил ей проект «морального разоружения» интеллигенции «с диссидентским прошлым». Своя своих не познаша. /Кстати, в последнем номере «Экслибриса» Лев Пирогов (задумавший и осуществивший «проект Проханов», то есть знающий толк в деле) назвал Сорокина, наряду с Крусановым, «тоталитаристом» (поделом!). Себя же Пирогов (это псевдоним; я почти уверен, что он еврей) назвал Председателем партии Леворадикального черносотенства в рамках Закона об экстремизме. Это они так шутят. О Проханове сказано

у того же Пирогова (насчет Букеровского списка): «Почему в списке нет Александра Проханова, понятно: нечего было столбы минировать и рознь разжигать». Предпочитаю прослыть начисто лишенным чувства юмора, чем подыгрывать этим разухабистым жидовским «инвестициям в собственное уничтожение» (как сказал, шутя, Кура о прохановской примочке банкира Когана)/. Испуг Сорокина тем более нелеп, что во власти есть и «понимающие» люди (путинское поколение гебистов совсем не то, что андроповское), и на самом деле этому классику «постмодернизма по-русски» ничего не грозит, кроме бесплатной рекламной раскрутки. На этом фоне, действительно, даже Эдичка выглядит почти пристойно.

За пересказ Тойнби спасибо. Я этого не читал (во всяком случае, не помню).

Всегда твой
Матвей

Была радиопередача Губермана-Окуня с Барашем по поводу его книги стихов «Средиземноморская нота». Бараш обидчив и решил, что ехидная парочка взялась поиздеваться над ним, в какой-то момент он даже робко пригрозил уйти («после такого вопроса надо либо молчать, либо уходить»). В конце был стандартный вопрос: каких бы поэтов он взял бы с собой «на тот свет». Бараш сказал, что когда-то для него «главными» были Мандельштам, Набоков и Бродский, но теперь он бы, пожалуй, «взял с собой» Мандельштама, Кавафиса и Даррелла («Квартет»), на что Губерман заметил, что Даррелл вроде «прозаик», но Бараш возразил: «у него и стихи есть». Вообще-то странно называть по такому поводу переводную литературу (тем более переводы стихов), но чего ни сделаешь ради концепции «Средиземноморья», в которую он и себя уже втиснул: я, Кавафис, Даррелл и Мандельштам. Красиво жить не запретишь.

Теща за чаем: «Чудесная была передача о Хлебникове, ты знаешь про такого? Она так интересно рассказывала, о том, что он был человек космоса, как он знал, что есть космос и все предвидел, и как его советская власть преследовала, я ужасно люблю такие передачи, а у тебя есть стихи Хлебникова?»

14.7. Заглянул в «Журнальный зал» и увидел в «Континенте» Аксельрод и Бяльского. «Континент» превратился в израильский журнальчик?

А Леночка-то Аксельрод оказывается 32 года рождения!

Но разве мы расстались хоть на шаг,
В ладони века общего зажаты.

«Расстались на шаг», это у них в Одессе так говорят?

Стреляют в Косово,
Гремит Гило.

Чем же это оно гремит, кастрюлями?
И уж воистину:

В молельном доме, в трепете свечей,
Стыдясь, не нахожу, куда мне деться.
Душе ни холодной, ни горячей,
И чем заполнить то, что пусто с детства?

Наша училка по английскому любила шуткануть перед классом о муках нерадивого ученика: «Смотрите, как он голову ломает, что-то найти хочет. А что ты там ищешь, если туда ничего не положили?»

Бараш звонил, пригласил на вечер. 24-го, как раз после свадьбы...
Состоялась дружественная, продолжительная беседа.

Оказывается, этот номер «Континента» «израильский», там и Паланова даже. Полванову я люблю. У нее попадаютсся ненароком истинные перлы:

Прогалина божественного свойства
сигает в мое сердце напрямиком!

А вот обратите внимание, как умные женщины строят биографию: «Зинаида Паланова — родилась в Мордовии в семье отсидевших в Темлаге “врагов народа”. Окончила Московский институт народного хозяйства им. Плеханова. Работала в Москве — сначала социологом, потом — сторожем. В 1990 г. уехала в Израиль. Автор поэтических сборников “Приход весны” (1980), “Второе детство” (1983), “Утонувшее море” (1996), “Иерусалимские картинки” (2000, совм. с художником В.Клецелем). Стихи печатались в журналах “Новый мир”, “Дружба народов”, “22”, “Иерусалимский журнал” и др. Живет в Иерусалиме».

Когда родилась, не указано, ладно, возраст — женская тайна. «Работала в Москве», а потом сразу «уехала в Израиль». Получается как будто из Москвы. Хотя уехала из Средней Азии, где жила много лет до отъезда и даже была «членом СП» какой-то среднеазиатской республики. Но «из Москвы» — престижней, столичная штучка.

17.7. From: «zinovy vauman»

Aga!

Мирово!

Если бы женился Илюша в мою ДЛИННУЮ, свободную пору я бы в плеже на свадьбе.

Но господь не велит.

А не хотят ли молодые посетить Бостон??????? Японская еда гарантирована.

Подарок подготовим.

z , Кей и мяу (мое)

От Л: Коржавина прочла с БОЛЬШИМ удовольствием. Ты как-то связался с ним по этому поводу? Я очень рада, что наконец-то прояснилось с переводом. целую.

18.7. В Питере вчера убили приятеля Илюши, Эдика. Они вместе учились в школе, а потом он стал заниматься гербалайфом, вернулся в Питер и основал там «империю», и родители за ним вернулись (папа доктор химнаук). Убили «как в кино»: машина перерезала маршрут его «мерседеса» (он ехал с отцом), вышел человек и расстрелял его, а папу даже не поцарапал. Культурно.

Позвонил Гольдштейну, по поводу его интервью с Воронелями: они наперебой хвастались ему, как их принимал Солженицын.

— А вы знаете, — говорю, — почему они сами не написали о таком событии в их жизни? Потому что не решили, кому из них достанется честь и слава пересказа, вот и пригласили посредника, вас, то бишь, и, так сказать, одновременно выступили. ...

— Да-да, они очень трогательно друг друга перебивают, она ему говорит: «не бубни, дай я расскажу, а потом на тебя запишем».

Мы рассмеялись.

— Да, в их спорах есть даже что-то сексуальное, — говорю.

— Да, неугасшая такая...

— Вот он там говорит, что если, мол, влияние Солженицына так ничтожно, как уверяют его недруги, то почему они, недруги, говорят о нем с таким раздражением (похоже — намек на нас с Матвеем), вот я и думаю, ну почему меня Воронели так раздражают?! Ведь милейшие люди...

— Такой, я бы сказал, онтологической пошлостью, — изрек Гольдштейн.

— А самое обидное, что эта пошлость влиятельна.

— Еще как.

— Ведь это они мейнстрим!

— Да, у таких и материальные рычаги в руках.

— Ну это уж как водится.

— А мы отщепенцы.

— Не то что бы отщепенцы, все-таки, слава богу, и единомышленники есть, и выход на страницы, но не в этом дело, а в том, что большинство в лапах этой претенциозной пошлости! И дело здесь не в зависти, я бы хотел завидовать, я бы хотел, чтобы меня окружали люди, которыми я бы восхищался, тянуться за ними, и ведь есть такие люди...

— Да, есть. Вот я с Кабаковым поговорил пару часов, и было ощущение, что рядом с тобой такой «прекрасный зверь», полный огня...

— Да... Был бы себе физиком — продолжал я по инерции о Вороне-ле, чем плохо, что, физика не пища для интеллекта? Пусть даже математики и физики, как говорят, к тридцати годам, как поэты, творчески иссыхают, вот и Эйнштейн бросился в общественную жизнь, публицистику, чуть ли не в политику...

— Да, но какой замах был: написать всеобщий «закон мира»!

— Да, а ведь на самом деле хочется быть властителями дум. У Воронелей эта претенциозность довольно смешна, такое философское пустозвонство, о «дуализме» они видите ли говорили с Солженицыным! И еще «о добре и зле»! Осталось только поговорить «о жизни и смерти». Ей богу, когда я слышу это «о добре и зле» — рука тянется к револьверу.

— Да, как Энгельс говорил: «Жулики любят поговорить о нравственности».

Хороший фильм о Маяковском по РТР. О его страхе остаться одному, о страсти к игре (в револьвере был только один патрон). Хрупкий был. Сказал, что его поэзия связана с социализмом, и если ситуация переменится, «меня сожгут». Сжечь-то сожгли, но по другому «поводу». А нынче и подзабыли чуток. Хотя поэт изобретательнейший. И брат Кольцова (Ефимов этот) рассказал (мужику сто лет, а память прозрачная, как вода в колодце!), что брат ему устроил «лишний билетик», и он глядел в окошко крематория, как раскрылась чугунная дверь, гроб въехал в печь, и волосы на Маяковском встали дыбом и вспыхнули...

А баба эта, Лилечка, препротивная, вампирша.

Бараш прислал две рецензии на его «Ноту»:

Посмотри в Русском журнале, в рубрике «Круг чтения», первая и третья, Олега Дарка и Дмитрия Бавильского.

А.В.

Дарка:

«...В названии «Средиземноморская нота» — отзвук теории о едином средиземноморском мире. В него сложным, окольным путем включается и Россия: через Дарданеллы и Босфор. <...> В его стихах, всегда очень умных (размышление для Бараша — почти физиологическое отправление), постоянно возникает противостояние двух «культурных миров». Не их объединяет в себе и связывает русско-еврейский поэт, а они его раздирают. Отсюда “берутся” стихи.

Бараш пишет: *“я никогда не признаю смиренного молчания // перед лицом смерти (она же будущее) // Слушайте почему вы // ничего не делали // когда вас // убивало время”*. И о “мертвых”: *“Слишком ясно, что мы — одно и то же // причем в любую минуту”*.

У Бараша верлибры подавляют не только количественно. Они взяты за основу поэзии. Обыкновенно это географические или исторические заметки. Для верлибров естественно превращение в дневник, словно оно в них заложено. Мало кому удавалось преодолеть утомительное однообразие верлибров, когда они следуют во множестве. ... Но и рифмы и “строгие” ритмы “родные” у Бараша. Как в чудесном стихотворении «Мария Египетская». Неуловимо православное, оно вызывает привкус мяты, знакомый по церкви, и, как лучами в окно, пронизано еврейскими интонациями. Так что всякий раз даже странно, когда этих ритм и рифм нет. Но “вот-вот” возникнут. Любой его верлибр точно стремится “доорганизоваться”. А возникают, и вот уже опять стремятся стать “не-собой”: рифмы — не рифмами, ритм — расплыться. И это понятно. В рифмах умирают слова, в силлабо-тоническом стихе — синтаксис. Оттого-то русскому человеку, стоящему одной ногой в могиле, так “пристал” “строгий”, рифмованный стих.

...Русские и евреи живут — и те, кто не думает об этом — в разные эпохи. У Бараша: за столько-то “до вашей эры”. И в другом месте: *“до прихода Мессии ничто // не может не только // закончиться но и // начаться”*. То есть “у них” ничего еще и не произошло».

(Невразумительно даже «по языку»: после каждой фразы поставил бы вопросительный знак («этих ритм»?). Бараш, небось, выпросил, это когда ругать нельзя, а похвалить невозможно. «Очень умные» стихи — это хорошо, или плохо? «Мало кому удавалось преодолеть утомительное однообразие верлибров». В общем, стихи «еще не произошли». Ждем Мессию.)

Бавильский:

«Новая книга израильского поэта Александра Бараша “Средиземноморская нота”, выпущенная одновременно в Москве (“Мосты культуры”, 2002) и в Иерусалиме (“Гешарим”, 5762), построена как дневник путешествий. Первая ее часть — “Дорога на Гераклион” — содержит тексты стихотворений, названия которых указывают на место действия, а завязка (“хорошее место, чтобы глядеть на море”, “мы идем по дороге // от Феста к Агия Триаде”, “в автобусах катящих // по главному шоссе — вдоль побережья...”) обязательно содержит сюжетный ввод в изображаемое пространство.

Тексты оказываются закольцованы в цикл, потому что автор их кружит вокруг Средиземного моря, прислушиваясь к тому, как токи тех или иных пространств и обитающих здесь цивилизаций проходят через панцирь его тела (“я живу в своем теле как рак в клешне...”)

Другая существенная часть книги («Long Distance») посвящена путешествию поэта на бывшую родину. Бараш, оснащенный опытом новой жизни (опытом *инобытия*), пытается взирать на все здесь происходящее достаточно отстраненно, но, разумеется, дистанцироваться не выходит.

Разница между намерением и отчаянно прорывающимися криками (“И жизнь начинается снова — словно никто ни с кем не знаком...”) оказывается основой конфликта, который поэт хотел бы разрешить в следующем цикле — “Возвращение в Яффо”, “да видно нельзя никак”.

*может сложиться но зачем? — нет
совпадения рисунка этой
фазы жизни —*

Рваный, нерифмованный стих, полный синтаксических смещений, как нельзя лучше передает смятенность чувств, переполненность новыми впечатлениями, куда вплетаются старые (вечные) темы...»

(Свалил все в кучу и даже расставить по порядку не удосужился — постмодерн, бляха-муха. «Перечислительная интонация» — сомнительная похвала. Впрочем, мне-то что.)

Умер один из израильских «орлов» (типа Эзера Вайцмана) генерал Бени Пелед, командовал ВВС в войну Судного дня. Вздорный и беспепеляционный мужик с проблесками гениальности, из тех, что не смутился бы и перед Господом. Последние годы тяжело болел, писал статьи, ругал всех и вся. Перед смертью собрал семью, со всеми простился, дал интервью телевидению и последние распоряжения. Попросил сигарету и стакан вина. Велел старшему сыну вынести после его смерти на улицу колокол, который ему подарили в день отставки с поста командующего ВВС и устроить трезвон. А если люди спросят, по ком звонит колокол, то велел отвечать так: сегодня умер еврей, который полагал, что евреи способны построить свое государство — и ошибся. Мол, по государству звонит. Начитался, Хемингуэя...

19.7. Только сочиняя про «подопечного», я понял, как живучи образы нашей фантазии и картины воображения. Стоит только представить себе какой-то персонаж, написать о нем несколько слов, или даже просто обдумать его слова, как уже невозможно «изгнать» его из воображения. Он цепляется, не дает столкнуть себя в небытие... Воистину: душа моя — Элизиум теней...

20.7. Сол Беллоу сказал: «Человеческая культура это замысловатый механизм, предназначенный заставить нас позабыть, что мы умрем».

Наверное, я так раздражен на мать и придираюсь к ее слабостям, что мне невыносимо видеть, как она медленно, но неотвратимо уходит, и меня будто заставляют все время смотреть на этот уход, день за днем, час за часом, минуту за минутой.

Пишу предисловие к «Эпилогу». Озрик подкинул мысль о «превращении», как в рассказе Кафки, это то, что пришло ему в голову, когда он

читал мой перевод. Но смерть — это не метаморфоза. И еще (это я «вычитал» у Янкелевича в его «Ла морте»): «Разум освобождает от эгоцентризма, позволяет каждое явление классифицировать, поставить в ряд других, посмотреть на него со стороны. В том числе и на свою смерть». Посмотреть-то можно, но нельзя заглянуть.

Бараш позвонил, спросил, прочитал ли я заметки о нем. Сказал ему, что Дарк, похоже, иронизирует насчет приглашения России в «средиземноморский клуб», с чем Бараш активно не согласился и стал объяснять, что ирония, да еще по поводу приятелей, не в стиле Дарка. Может быть, сказал я, но и мне это твое «средиземноморское братство» не кажется продуктивной идеей, надуманно. Он возражал, защищал свое «средиземноморье», потом переключился и спросил, в каких я отношениях с Добровичем. «В хороших», — говорю.

— Он, в общем-то, неглупый человек... — произнес он полувопросительно.

— Да, совсем неглупый и понимающий, хотя я не поклонник его творчества.

— Дело в том, что он как-то, совершенно неожиданно, написал неплохую рецензию на мою прежнюю книжку. Так я его пригласил, но он без машины, ты бы не мог его...

— Ну пусть позвонит, конечно, только я не уверен на сто процентов, что приеду, я хочу приехать и постараюсь, но за день до этого у меня свадьба старшего сына...

— Аа, поздравляю.

— Спасибо.

— Ну, я конечно, понимаю, ты будешь усталый...

— Ну... да, непонятно, сколько придется выпить, и потом какие-то дела могут возникнуть... Короче, пусть позвонит.

— Ладно, я ему скажу.

— А ты Верника пригласил?

— Ну, бетах, бетах!¹ Что ж я, совсем что ли зверь какой.

Мы рассмеялись.

— Я даже Каганскую пригласил.

— Аа. Ты с ней общаешься?

— Ну, давно уже не общался, но в свое время мы были в прекрасных отношениях. Позвонил, пригласил, хотя она вряд ли будет. Я спросил, как ее здоровье, она говорит: «Саша, давайте о чем-нибудь другом».

Поговорили еще о том о сем, я сказал, что мне понравилась последняя подборка Беззубова, он сказал, что не читал, но вообще Беззубов профессионально пишет, «сидит» во всех антологиях. Я спросил, слышал ли он что про Генделева, где он теперь?

¹ Конечно, конечно! (ивр.)

— Да все там же, на посылках у Березовского. Его недавно Марина Концевая видела в Москве, в аэропорту, она шла впереди и вдруг слышит: «Концевая!», а они в свое время... очень тесно общались. Она рассказывает: совсем старый, перекошенный после инсульта, все с той же белой бабочкой, выряженный, с ним девица какая-то, у которой ноги начинаются там, где у него подбородок, предложил ей кофе выпить, а этой велел пока погулять, ну, в общем...

— Да... Странно. Что он так... ушел из литературы...

— Это тест, проверка на необходимость. Значит, стихи ему не нужны, как и он стихам.

Пока я с ним болтал, Портос, что перед этим зашел в гости, уже выпил чай с пирогом, посмотрелся телевизора, вдруг встал и, явно обиженный, не глядя на меня, попрощался. Я проводил его, не переставая говорить и промямливая извинение. А потом подумал, что некрасиво, конечно...

21.7.

Наум, привет!

Прошу прощения за «выпадение из диалога»: поступил срочный большой заказ (текст о Кашмире), который я только что «скинул».

О софистах-постмодернистах. Конечно, такое сравнение напрашивается, но не все, что напрашивается, верно. Во-первых, я не стал бы говорить о «софистической выучке» Сократа и Платона: у них и у софистов были общие учителя, так что лучше представить их в виде «соучеников» (при этом софисты были «старшими соучениками»). Можно ли (даже условно, «в порядке метафоры») назвать путь софистов постмодернистским? Здесь не худо было бы выслушать мнение специалистов. Как это ни странно, «фундаменталист» Лосев видит в софистах «кульминацию» греческой философии как таковой, хотя и не скрывает их релятивизма и субъективизма. Лосеву важно показать, что самые основы греческой мысли, будучи «языческими», должны были привести к этому самому «релятивизму-субъективизму». Цитирую малость Алексея Федоровича: «Софистика является естественным завершением всей “досократовской” философии. Существенное в ней — скептицизм и субъективизм (гносеологический, этический). *К этому скептицизму и субъективизму неизменно стремилась вся древнейшая космологическая мудрость эллинов.* /выделено Лосевым/ Общее древнеэллинистическое мировоззрение располагается вокруг основного пессимистического ядра. Пятый век отличается лишь тем, что этот пессимизм и скептицизм перестали скрывать и, заговоривши о нем открыто, стали иногда (далеко не всегда!) злоупотреблять им. С этой точки зрения софистика представляется нам высшим пунктом греческой философии. Здесь ум человеческий впервые ощутил ту глубину переживания, когда все сознание и жизнь распадаются на бесконечные антиномии и когда чувствуется эта, выра-

жаясь терминами новой философии, “воля”, эта иррациональная основа всего стройного и рационального. С универсальной и систематической точки зрения такой пессимизм не конец, а может быть, только начало подлинной мудрости. Но исторически софистика с ее скептицизмом и релятивизмом была кульминацией греческой мудрости /выделено Лосевым/ — по крайней мере той языческой, первородной мудрости, которая еще не была затронута интуициями Платона. /.../ Софистическая философия крылась в прежних системах, казалось бы, ничего общего не имеющих с нигилизмом и скептицизмом V века. Софистика лишь осознала этот нигилизм и скептицизм» (ОАСМ, 792, 794). Согласно Лосеву, Платон осуществил новый синтез греческой мысли, «подхватив» ее (в том числе и у софистов) накануне полного распада, последовавшего сразу за «кульминацией». Так что софисты скорее модернисты, а Платон (Лосев) — поздний модернист (символист не декадентского, а теургического склада). Постмодернистами же правильно будет назвать более поздних «александрийцев». Все это, конечно, очень приблизительные и неточные аналогии, но без «актуализации» обойтись трудно, если хочешь по-настоящему «увлечься» чужой мыслью.

Есть один тонкий момент, в котором я «не могу согласиться» с Лосевым, как смешно это ни звучит. По Лосеву, Платон не фундаменталист, а осуществитель синтеза. Но ведь Лосев и самого себя считал «синтезатором», а не фундаменталистом (церковники же прямо считали его модернистом). Дело в том, что у Лосева (как и у Платона) подход онтологический, а у меня — сотериологический. С моей точки зрения, они оба фундаменталисты, поскольку «изгнали поэта из города», то есть попытались избавиться от жреческой составляющей Блока спасения (отказались от косвенного спасения в пользу прямого).

Теперь несколько слов о романтиках. Это верно, что «во многих отношениях Просвещение было более «языческой» эпохой, чем романтизм». Скажу больше: поражает отсутствие у романтиков действительно глубокого взгляда на античность («колыбель и идеал язычества»). Винкельман, Гете, Шиллер чувствовали античность лучше романтиков (кроме, может быть, Гельдерлина, который был городским сумасшедшим). А «ницшеанский пересмотр» (к нему надо отнести и писавшего до Ницше Бахофена) произошел уже в пост-романтическую эпоху. В одной из статей («Образ античности в западноевропейской культуре XX в. Некоторые замечания»), напечатанной в малотиражном специальном издании (Новое в современной классической филологии. Сборник статей. М., 1979), Аверинцев интересно рассуждает о фатальной роли Ницше в рецепции античности. Поскольку эта статья вряд ли тебе доступна, пересказываю «своими словами». Ницше первым решился отсечь от греческой классики (которая до него рассматривалась как нечто единое, хотя и многообразное) один из его центральных компонентов — Сократа (как нечто «неистинно классическое»). Нервная установка Ницше

диктовала ему и его последователям необходимость доходить завтра до больших крайностей, чем сегодня, реализуя себя в акте непрерывной эскалации. Так, Боймлер (представитель «философии жизни», верой и правдой служивший гитлеровскому режиму на протяжении всего нацистского двенадцатилетия) утверждал: братья Шлегели и даже Новалис не настоящие романтики: они погрязли в субъективизме, не порвали связей с Веймарской классикой и не прониклись безличным пафосом почвы и связующего предания. Настоящими романтиками предстают у Боймлера лишь такие периферийные фигуры, как Савиньи (право есть выражение «духа народа») и Карл Мюллер (см. о нем у Хюбнера). Ну и, разумеется, Бахофен (не влезающий ни в хронологические, ни в территориальные рамки «классического» романтизма). Сам Ницше в его трактовке оказался «ненастоящим». Боймлер переадресовывает самому Ницше упреки, которые тот адресовал Сократу. Аверинцев замечает: «Перед нами акт неблагодарности, ибо без Ницше Боймлера никогда не было бы: позволительно сказать, что у Ницше он выучился всему, в том числе и тому, как ругать Ницше». Но ставки приходилось и дальше ежесекундно повышать. Все последователи Ницше согласны, что историю нужно переиграть, но с какого момента? Хайдеггер начал с того, что расплевался (в «Бытии и времени») с Декартом и Новым временем, противопоставляя их метафизическому грехопадению благой пример греческой классики (прежде всего Аристотеля). Через 20 лет грехопадением оказывается уже творчество Платона. Досократики тоже продержались недолго: вскоре Хайдеггер обрушивается на Парменида, и дело кончается тем, что миг падения философии попросту совпадает с мигом ее рождения. «История бытия начинается с забвения бытия» (Хайдеггер). Адорно и Хоркхаймер (в «Диалектике просвещения») обнаруживают синдром буржуазного рационализма в гомеровском Одиссее. Вся классика оказывается «неподлинной». При таком раскладе кровная заинтересованность в античной классике, которая жила все века европейской культуры, угрожает отмереть почти безболезненно. Аверинцев пишет: «В самом деле, если новейший вкус даже в эллинстве ищет варварства, даже в греке — дикаря, то не проще ли искать дикаря в дикаре?»

По сути, это завершение «романтического проекта» интерпретации классики (осуществленного не самими романтиками: сначала это сделали пост-романтики, а затем уже изошрялись все, кому не лень). Аверинцев пишет: «Адепт посленицшевского нигилизма, льнущий к безднам архаики, поближе к ритуалам кровавой жертвы и оргиастического срамодействия, медлящий в мире смутных, нечленораздельных, безличных праформ, надеясь экстатически обрести опыт живого мифа, — явление гротескное и глубоко двусмысленное». Здесь сказывается «христианская ограниченность» (чего стоит одно «срамодействие») и «гротескная двусмысленность» подхода самого Аверинцева (как ранее и Лосева). Не бывает никаких «безличных праформ» (читай: плохих, «языческих»),

противостоящих «личным» (читай: хорошим, «христианским»), как нет и архаического «безличного пафоса почвы», о котором толкует Боймлер, от которого Аверинцев в этом отношении недалеко ушел. Все архетипы, в том числе и наиболее архаические, занимаются конституированием личностного начала: личность формируется путем переработки индивидуации (которая существует «изначально», коль скоро мы ведем речь о человеке) через ее снятие в ритуале — от архаического до эстетического. Если принять сотериологический подход (а не онтологический, применяемый Лосевым и, менее последовательно, Аверинцевым), то все трудности «постромантической интерпретации» исчезают: в этом случае мы сможем применить к культуре адекватные для нее сотериологические категории, а не напяливать на эстетическую сферу онтологические конструкции (типа платоновских), которые ее по сути отрицают.

Приведу до кучи замечательное рассуждение того же Аверинцева (о 'катарсисе' у Аристотеля) из другой его статьи («Классическая греческая философия как явление историко-литературного ряда»), опубликованной в том же сборнике 1979 года. Пафос статьи в том, что у греков классического периода философская терминология только еще создавалась, и тот, кто думает, что Аристотель «разработал теорию катарсиса», глубоко ошибается (так же, как и тот, кто думает, что он «разработал теорию мимесиса»). Цитирую Аверинцева: «Популярная литература по эстетике, обращаясь к массовому читателю, чрезвычайно уверенно оперирует словом 'катарсис'. Как ясно всем (кроме специалистов по Аристотелю), «катарсис» — это «эстетическая категория», которая была не только «введена» в науку эстетику, но даже «разработана» Аристотелем. Если читать некоторые пересказы Аристотеля и стараться не заглядывать в него самого, возникает впечатление, что «Поэтика» вообще посвящена не чему-нибудь, а именно «разработке» этой категории, что «катарсис» — центральное понятие, а значит, и ключевой термин трактата в целом. Сколько же раз употреблен этот термин? Оказывается, во всем дошедшем тексте «Поэтики» слово *κάθαρσις* (нормально означавшее по-гречески либо медицинские меры по удалению веществ из организма, либо обряды ритуального «очищения» от скверны) встречается всего *один* раз. Правда, всюду цитируемая фраза из «Поэтики» имеет в себе что-то очень заманчивое и многообещающее, так что не приходится удивляться сотням попыток ее истолковать; однако, как на зло, эта фраза невразумительна уже на грамматическом уровне («очищение подобных аффектов» или «очищение от подобных аффектов?»). По энергичной, как всегда, констатации Лосева, «тут нет ни одного понятного слова. А бесчисленные попытки толкования несомненно объясняются тем, что исследователи и любители античной литературы никак не могли примириться с той мыслью, что у Аристотеля, кроме отдельных и случайных высказываний на эту тему, нет совершенно ничего» (Лосев. ИАЭ. Аристотель и поздняя классика. М, 1975, с. 178)».

От себя посмею заметить, что оба мэтра не совсем правы (Лосев преднамеренно лукавит, продолжая свой джихад против «субъективизма» и «индивидуации» как таковой, а Аверинцев плывет у него в фарватере): что там ни говори (не сомневаюсь, что Аверинцев почти во всем прав), нельзя отрицать, что «всюду цитируемая фраза» занимает в «Поэтике» особое место — это не что иное, как, по словам самого Аристотеля, «определение ее /трагедии/ сущности». И это определение заканчивается словами: «/подражание действию/... совершающее посредством сострадания и страха очищение подобных страстей» («Поэтика», б24). В другом месте «Поэтики» Аристотель пишет: «А достигать через зрелище даже не ужасного, а только чудесного — это совсем не имеет отношения к трагедии: ведь от трагедии нужно ожидать не всякого удовольствия, а лишь свойственного ей. Так, в трагедии поэт должен доставлять удовольствие от сострадания и страха, через подражание им...» (Поэтика, б8–11). Так что это все же не «случайные высказывания», хотя и не «разработанная теория»; словом, что-то среднее. Осталось разобраться со словом 'подражание'. Оно еще менее терминологично, чем 'катарсис', хотя употребляется в «Поэтике» десятки раз. Пр процитирую ключевое место: «Породили поэтическое искусство явным образом две причины, и обе естественные. /А именно/ /1/ подражать присуще людям с детства: /люди/ тем ведь и отличаются от остальных живых существ, что склоннее всех к подражанию /... / И вот, так как подражание свойственно нам по природе, то с самого начала одаренные люди, постепенно развивая /свои способности/, породили из своих импровизаций поэзию» (б4–20). Трактовка крайне натуралистичная: люди подражают, потому что это «свойственно им по природе» (тогда первыми художниками следует считать мартышек, которым Аристотель почему-то отказывает в этом даре). Конечно, на такой основе нельзя было «разработать» теорию катарсиса, потому что в выборе для подражания именно тех действий, которые вызывают «сострадание и страх», а не какие-то иные — например, веселые и приятные — эмоции, нет ничего «натурального»; скорее это «противоестественно». Таким образом, натуралистическая трактовка подражания приходит в столкновение с определением катарсиса, вследствие чего «Поэтика», действительно, не поддается строгой систематизации. Тут Аристотель «чего-то недодумал».

На кинофестивали я не хожу уже давно. Из последних фильмов запомнился показанный недавно по телевидению «Фанатик» (Believer), получивший главный приз на прошлом Московском кинофестивале — про еврея-фашиста. Смотрел ли ты этот фильм?

Всегда твой,
Матвей

22.7. Матвею:

Привет!

А я, признаться, подумал, что ты уже в Швеции. Ты вроде собирался? Я и сам сейчас «закопался в переводах». Кажется, я писал тебе, что появился шанс (боюсь сглазить) на издание романа о «бедном Меире», а у меня еще солидный кусок не переведен, к тому же я увлекся предисловием (или послесловием, еще не решил), где рассматриваю роман как некое «путешествие к смерти» (любопытны почти буквальные совпадения с рассуждениями и схемами Янкелевича /«La Mort»/, которого по этому поводу перечитываю), сравниваю со «Смертью Ивана Ильича», и тут открываются соблазнительные перспективы сравнения русского и еврейского подхода к смерти. Поэтому я и говорю, что увлекся, хотя, надо полагать, что в итоге придется свой пыл умерить, так как с этой «смертью» выходишь на необъятные просторы... Кроме того я продолжаю начатую статью «против Берлина», читаю Лёвита, но поскольку ни один цельный текст из всего этого не возник (слабая результативность меня удручает), то я и тебя не дергал.

За «Plato» спасибо, все это очень интересно и существенно. Что касается «постмодернизма» софистов, то я должен сказать, что и имел в виду их «релятивизм и субъективизм», а также «скептицизм» и «пессимистическое ядро», а «актуализировать» ли это как «модерн» или «постмодерн» (я пока постою на своем, во всяком случае, так я понимаю постмодерн) это, конечно, интересный вопрос, но уточнение потребует отдельного и углубленного разговора (о постмодерне). В таких случаях я чувствую себя голодным котом из мультфильма, перед которым разбегается толпа мышей, и он не знает, в чей хвост вцепиться: «обрубленные» темы напоминают разбежавшихся мышей... И я обеими руками подписываюсь под цитатой Лосева: «софистика представляется нам высшим пунктом греческой философии. Здесь ум человеческий впервые ощутил ту глубину переживания, когда все сознание и жизнь распадаются на бесконечные антиномии и когда чувствуется эта, выражаясь терминами новой философии, «воля», эта иррациональная основа всего стройного и рационального». Самое интересное, что к этому уровню, к пониманию того, что «сознание и жизнь распадаются на бесконечные антиномии», европейская философия пришла, и то неуверенно ковыляя, только к концу 19 века (уроки Лёвита). Это и дало тот всплеск гениальной болтливости франко-еврейских «постструктуралистов» и «постмодернистов» в 20 веке. То есть христианство, в этом смысле, задержало развитие философии на двадцать веков... Потому что еще в конце 19 и начале 20 (временные рамки, конечно, приблизительны) философским «мейнстримом» все еще был «гегелизм» и его производные (марксизм и экзистенциализм, если по Лёвиту), то есть стремление удержать в сознании некую «цельность» мира. Кстати, и Берлин туда же... Рационализм у такого рода эпигонов (уж и не говорю о всякого рода «журна-

листах») прочно ассоциировался с чем-то универсальным-незыблемым, а Разум был той «платформой», на которой вся эта братия собиралась спеть в конце времен «мы наш, мы новый мир построим» (прости, не полюбил я Берлина, мне он представляется очень ловким человеком, который и «сэра»-то получил не за философию, а за службу в английской разведке). А софисты уже когда были насмешниками и пессимистами...

Кстати оказались и твои замечания о романтизме: я вдруг увидел, что романтизм, который представлялся мне (как, кстати, и Берлину) чем-то духовно основополагающим для судеб 19 и 20 веков, вплоть до Гитлера, на самом деле довольно локальное и слабо «проработанное» идейное движение конца 18 века и начала 19, которое (ты говорил о том же) не дало ничего выдающегося не только в философии, но и в «художественности», страдая напористой дидактичностью. А Ницше, как и Гитлера, гораздо естественнее выводить из других «сфер влияния», хотя, конечно, и романтический след присутствует в этих «случаях». Так, например, преувеличенное самомнение человека в эту эпоху легче объяснить колоссальными успехами науки, техники и промышленности в Европе (то есть силой Разума!), которые создали у многих ощущение всемогущества человека и своеобразную «веру» в него как в бога, творящего некий «храм будущего», веру в его творческую энергию и способность. Я при этом вспоминаю Бердяева, да и свою до сих пор преданность «творческому началу». Но почему не может быть «романтизма» у технического прогресса (не таков ли романтизм футуризма и авангарда?), веры в «лестницу бытия», поднимающую человека до «божественных высот»? В общем, с романтизмом все оказалось не так уж однозначно, о чем ты и предупредил...

Кстати, хайдеггеровское «история бытия начинается с забвения бытия» получило неожиданное (для меня) созвучие с идеями Янкелевича о том, что «смерть» нельзя помыслить (как и Хайдеггеровское «бытие»): Янкелевич говорит о «антиномической полуоткрытости» смерти, распространяя эту «антиномическую полуоткрытость» и на «бытие» (солидаризуясь с Хайдеггером). Как он считал, «отныне нам нельзя обойтись без органической и неуничтожимой антиномичности на пути к истине». Что, как видишь, совпадает с «софизмом»...

Замечательно, что ты напомнил мне о фильме «Фанатик», я не видел его, но один приятель мне написал, что когда его смотрел, то вспоминал мою книгу. Я, конечно, бросился узнавать, но никто об этом фильме ничего не слышал. А вот теперь буду знать. Может, его покажут на Иерусалимском кинофестивале, который уже начался? А почему ты не ходишь на фестивали, разочаровался в кино?

Послезавтра у нас (23.7.) свадьба, старший сын женится.

Всегда твой

Наум

23.7.

Наум, привет!

Я не то чтобы разочаровался в кино, но когда оно перестало играть «дополнительную» роль («окна в запретный мир»), потеряли смысл и фестивали (не говоря уже о том, что они мне просто не по карману). Я вполне удовлетворяюсь записью на видик тех фильмов, которые идут у нас по ТВ «после полуночи», а потом мы смотрим их в удобное время, на сон грядущий. Кстати, я записал таким образом и «Фанатика» (реж. Bean); если этого фильма не будет у вас на фестивале, могу прислать тебе кассету (сейчас она, правда, у Костырки). Из книг я достал Видаля-Накэ, а Гинзбург пока ищу. Любопытно, что когда я полез в интернет, чтобы получить сведения о Тарике Али, авторе статьи о Кашмире, которую переводил для «Интеллектуального форума», первым пунктом мне выдали заметку Зиновия Зиника о его похождениях в лондонских пабах (помнится, ты упоминал об этой заметке в одном из писем). Оказалось, что тот Али, с которым беседовал Зиник, и есть мой автор. Мир тесен.

Сердечно поздравляю со свадьбой сына.

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

Спасибо за поздравление. «Фанатика» я бы приобрел, только хотелось бы хорошую копию, «промышленную», но вот как ее передать? Можно их посылать по почте? Если нет, то долго ждать оказию, я попробую здесь достать.

А что за статья про Кашмир? И скоро ли они там врежут муслимам? И американцы что-то телятся. Зато наши, наконец, перешли к тактике, которую давным-давно нужно было применять: вчера атаковали с воздуха жилой дом, где укрывался один очень крутой террорист, вместе с террористом отправились к своему Аллаху и «мирные жители», или, как еще их любят некоторые называть, «невинные жертвы» числом с дюжину. Опять же наконец-то начали разрушать дома террористов (их семей). Конечно, возмущение «мирового общественного» вскипает как волна. Но если продолжить в таком духе, то на выходе мы увидим либо мир, либо выжженную землю на той стороне, что и требовалось доказать.

А мир он, конечно, тесен, да... Если не лень, перекинь статью, интересно.

И еще. Я бы очень хотел, чтобы ты «посмотрел» мой перевод, весь роман (когда я его закончу). Вычитывать не нужно, грамматика меня интересует в меньшей степени (это уж пусть издательство платит корректорам), хотя, если по ходу дела заметишь какие-то ляпсусы, то у меня нет возражений против исправления, а мне важны твои замечания по стилю, «русскому языку», общему впечатлению и даже предисловию.

Мне очень хочется, чтобы роман дошел до русского читателя «в лучшем виде». Это, конечно, в том случае, если выкроишь время. И, если выкроишь, устроит ли тебя сто (100) долларов за такую работу?

Всегда твой

Наум

25.7. После свадьбы был сумасшедший день. Утром поехали на кладбище, умерла мать Дана Хелера, босса жены, ей было сто лет. Юваль плохо себя чувствовал, рвало с семи утра, и я нервничал. Жена успокоила: просто он перепил вчера. «Он был трезв. И с перепою рвет только раз, а не все время». — «Ты уже забыл, как тебя рвало, как я тебе кулечки делала...» Ладно, поехали. И по традиции: как похороны, так жарю. Дан еще завел целую речь про мать, о том, что «теперь таких не делают», про тяжелую жизнь, как родилась в Яффо в начале века и... до наших дней. Соль земли, которою она теперь и станет. На обратном пути позвонили испуганные бабушки: Ювалю плохо, рвет его. Я разразился бранью и помчался домой, не переставая ругать жену последними словами. Она только иногда отвечала: «Не волнуйся, сделаешь аварию». Примчались домой. Юваль не бледный, а белый, стонет и в полубессознательном состоянии. Повезли в больницу. Перед этим я позвонил Добровичу и сказал, что вряд ли поеду на вечер Бараша, так что подбросить его не смогу. В больнице поставили капельницу, и стало легче. Сильное отравление. Плюс обезвоживание. Часам к пяти вернулись. Позвонил Барашу и сказал, что не приеду. Голос у него сел, и он сказал: «Аа». Я объяснил. Он отошел и сказал, что у него тоже машина сломалась. И в конце разговора сказал: «Спасибо, что позвонил».

Еще утром посмотрел записи телефонной «секретарши» и там новая запись от Р, какая-то странная, пугающая: «...не знаю... у меня просто язык не поворачивается... ладно, я тебе потом позвоню». Голос ужасный, почти плачущий... Звонила из дома. Уже в больнице, ожидая процедур, записал ей: «Что случилось? Я позвоню тебе завтра утром, около восьми». Потом было какое-то странное сообщение: приглушенный разговор, мужской голос, видимо, она была не одна, и муж вошел, разговор и ее громкий шепот прервались. Наутро проводил Полину в Нью-Йорк (встал в четыре утра) и где-то в полвосьмого позвонил, но телефон по-прежнему заблокирован. Записал: «Не мучь меня, что случилось?». Жена была дома, решила на работу не идти, тогда я пошел в бассейн, по дороге прочитал сообщение: «Ох... хочется хотя бы поговорить с тобой... ужасно скучаю... но... не знаю... целую, целую, целую... да? ... не знаю., я просто умираю...». Позвонил, и все так же, на волю радиоволн, оставил сообщение: «Давай увидимся в йом ришон¹, в десять? Я в любом случае подъеду».

¹ Воскресенье (ивр.).

Приехал Илюша. Посчитали подарочные деньги, поехали в банк, «сдавать». Собралось в общем-целом тысяч 15 долларов. Где-то 75–80 % от затрат. Приличный «результат».

Позвонил Верник.

— Ну как прошел вечер? — спрашиваю.

— Проще хорошо. Было человек двадцать, может, двадцать два. Сначала Саша читал минут сорок, потом был перерыв, потом он читал еще минут сорок. Фактически всю книжку прочитал. Потом спросил, не хочет ли кто высказаться. Мне захотелось, и я сказал, что стихи мне понравились, что серьезный сдвиг по сравнению с предыдущей книгой, что соответствует и месту и той «ноте», которую он себе выбрал. А потом разошлись. Единственное, что получилось некрасиво, это когда некоторые в перерыв ушли. Тарасов, Зингеры.

— Так что ж хорошего: было всего 20 человек, да и те разбежались.

— Ну, Наум, ты же знаешь, что в эту комнату в библиотеке больше 25 влезает с трудом, зато пришли те, кто должен был услышать, ну, а ушли — мало ли у кого какие дела.

— Ира Гробман была?

— Ира была. А пахан дома остался.

Паханом Гробмана и Бараш называет («Пахан не придет. Он, понимаешь, из дома не выходит. Сапсэм плохой стал»).

Наум, привет!

Я малость поразмышлял и решил согласиться «просмотреть» твой перевод за 100\$. Размышлял я о том, что неловко брать деньги со «своего человека». Но, с другой стороны, текст, как я понимаю, большой: следовательно, и работа большая. Если делать ее бесплатно, трудно устоять перед соблазном схалтурить. Ну и очень хочется выкроить деньги на книги: «бюджетных» едва хватает на неотложные надобности. У меня накопился довольно большой опыт подобного «редактирования», так что сложились и определенные «привычки». Если я буду править, то всё — от стиля до орфографии и знаков препинания (предисловие, конечно, тоже); это тем более важно в данном случае: насколько я помню, роман написан длинными, разветвленными фразами с усложненным синтаксисом, который сам по себе играет важную стилистическую роль. С другой стороны, моя правка тебя ни к чему не обязывает — пользуясь опцией «исправления» не «оптом», а «в розницу», ты в каждом отдельном случае сам решишь, принимать тебе правку или нет (или произвести собственную правку). Твое стремление подойти к этому более серьезно я всячески приветствую, поскольку лично знаю людей (не самых худших читателей), которые не стали читать твой опубликованный Текст до конца, наткнувшись на ряд грубых языковых ляпсусов (я и сам нередко ловил себя на подобном «грамматическом снобизме»). Полагаться в этом вопросе на корректоров нельзя категорически: у Кононова

нормальные корректоры, но они пропустили кучу ошибок. Кто поручится, что израильские лучше? При этом «искушенному читателю» всегда понятно, где вина корректора, а где — самого автора. И конечно, ты прав: если я начну править, то только после того, как будет готов весь текст. Если эти соображения тебя не напрягают, ударим по рукам?

Всегда твой,

Матвей

И перебрасываю тебе эссе Гениса о «филологической прозе», написанное с обычным для него поверхностно-афористическим блеском. С содержанием, как ты поймешь при чтении, никак не могу согласиться. А ты?

Матвей, привет!

Да, бьем по рукам. Оплату возьми из оставшихся денег на книжки, а на них я в обозримом будущем переведу.

С ошибками в Тексте, конечно, обидно. Боюсь, что никаких корректоров у Кононова и не было. В общем, он отнесся ко всему этому как к еще одному израильтянину, которому приспичило за свои зелененькие въехать «на белый конь» в русскую литературу, что многих, полагаю, раздражает (о чем учит статья Топорова). Так что взять деньги, да и еще при этом ткнуть безграмотного еврея, как Кутузов говорил, мордой и в говно — двойное удовольствие. Я, конечно, могу это понять, но, как говорили древние греки, понять не значит простить.

За эссе Гениса спасибо.

Всегда твой

Наум

Получил по электронной почте:

From: «jasmine»

браво!

простите за вторжение... мы не знакомы...

ну, просто очень хотелось поблагодарить Вас...

случайно «наткнулась» вчера на Вашу «Третью тетрадь»...

сегодня дочитала, принялась за первую...

но нет терпенья ждать, пока дочитаю...

кажется, в жизни не читала ничего более реалистичного, что ли..

каждый скатывается в описания того, что по его мнению, находится за его персональным «слепым пятном»... и/или в пошлость..

а Вы... сижу, читаю полдня, улыбаясь от удовольствия, и тихонько про себя бормочу: «Да... так... все так... точно...»,

а может, просто, «слепые пятна» у нас с Вами совпали...

впрочем, это было бы странно...

не буду злоупотреблять Вашим вниманием

спасибо спасибо спасибо

с восхищением,

Аня

Здравствуйте, Аня!

Спасибо за письмо. Порадовали. Я всегда воспринимал литературу, во всяком случае то, что мне самому хотелось в ней сотворить, как «письмо к далекому другу». Наугад, как письмо в бутылке (такие вот игры в «бутылочку»). И речь тут не о застарелом романтизме или отчаянии отшельника, измученного недостатком общения, а о том, что ощущаешь свою жизнь только в ответном и совместном душевном трепете. Или в общей интеллектуальной страсти. А иначе, как говорится, и жисть не в жисть.

И вот мое письмо «дошло». Что может быть чудесней.

Буду рад, если напишете, где и как наткнулись на этот «роман». Ну и, если можно, несколько слов о себе. Например, где Вы живете (откровенно говоря, побежал бы, сломя голову, «знакомиться», но боюсь, что не близко...).

И сообщите, пожалуйста, «прочитал» ли Ваш «компютер» написанный выше текст, потому что, увы, часто случаются проблемы с кодировкой. Если текст не читается, то я пошлю его через attachment.

Наум

Целый день звонил и оставлял сообщения, жена уехала к боссу на «шиву», семидневные посиделки-поминки. Позвонил Р и сообщил, что один, позвони. Юваль поехал было на работу, но быстро вернулся, еще не восстановился. И вдруг она звонит. Голос бодрый, смеется.

— Ну, слава богу! Так что случилось?

— Случилось? Ничего не случилось, а что?

— Ну... ты такие мне оставила сообщения...

— Какие?

— «Язык не поворачивается сказать», «умираю»...

— У меня действительно язык не поворачивался, как только я слышу твой автоответчик, это «ушел на дно», меня сразу парализует. Я умираю как соскучилась, просто с ума схожу. И задыхаюсь.

— Ну ладно, раз ты это от чуйств-с, тогда, слава богу, а то... напугала.

— От чуйств-с, от чуйств-с.

— Тогда хорошо, я счастлив.

26.7. От Л: а что, много гостей понаехало? есть фотки?
как перевод продвигается?

было где-то 280
фотки будут не скоро
перевод, естественно, на пару дней застрял
очень интересный момент: подарки. Так как «порция» стоила где-то 450 шекелей на двоих, то 450 — это «порог жадности», и ты видишь,

как этот роковой порог не могут перейти люди, во всех других отношениях вполне достойные, и неслучайные на празднике, и не бедные, а с другой стороны приятно обнаружить у некоторых друзей широту души аж до пятисот сикелей...

Жена еще вчера вечером прочитала послание Ани (подсмотрела).

— Это что еще за блядь тебе пишет?

— Чего ты так грубо...

А утром опять:

— Ну что, написала тебе эта?

— Нет.

— Нашла себе, наконец, мачо.

Потом немного смягчилась.

— Ты должен такое письмо над кроватью повесить.

Матвей, привет!

Эссе Гениса мне не понравилось. Ну что значит, например, «неосязаемой, как воздух в шаре, поэтической материи»? Причем тут шар, да и «неосязаемость поэтической материи» — что-то невнятное. А что значит: «филологический роман компенсирует пристальностью чтения бессилие письма»? Или такой исторический экскурс: «В ответ на вызов печатного станка появился модернизм» (?). А это как-то чересчур простенько для такого затейника: «Если реалист рассказывал истории, то модернист рассказывал о том, как он рассказывает истории. Постмодернист историй уже не рассказывает вовсе — он их цитирует». Цитатностью постмодерн не исчерпывается, а Сорокин и Пепперштейн только и занимаются тем, что рассказывают истории. Впрочем, это, конечно, мелочи. И по части «критики» многое, в общем, верно (критика всем хорошо дается): сюжеты, мол, поистерлись, книги «пишут простым и удобным языком, который как джип надежно и без претензий перевозит читателя от одного действия к другому», и «беда в том, что эра великих открытий кончилась. Тысячи романов, тасуя имена и обстоятельства, рассказывают одни и те же истории». Так-то оно так, но я не уверен, что «кризис литературы вымысла» в том, что все сюжеты уже рассказаны. Дальше он сетует на «кинематографический» путь решения кризиса («функцию романа, “упаковывающего” жизнь в сюжет, взяло на себя кино»): «как факир кобру, писатель гипнотизирует читателя непрерывным движением». Но ведь сам же говорит: «В сущности, это уже не литература», так зачем об этом? Далее, однако, предлагается выход из кризиса: «филологический роман». Т. е. «изящная, но небеллетристическая словесность — эссе, дневники, письма, гуманитарная проза, включая всевозможные “романы без вранья”, которые мне больше нравится называть “филологическими романами”». И тут начинается самое интересное: теоретическая часть. «Единственный критерий, позволяющий

провести достаточно определенную границу между двумя видами словесности: «художественной» (к ней он относит литературу вымысла, или сюжета) и «нон-фикшн» (или «филологический роман») — персонаж. Именно его отсутствие и лишает литературу вымысла, который делает ее “художественной”. В сущности, вопрос сводится к тому, что отличает персонажа от человека?» Последнее совсем непонятно, может, он хотел сказать «от автора»? Если суммировать (у него на эту тему много неуклюжих словес), то «персонаж» характеризует «литературу вымысла», которую Генис почему-то считает «художественной», а вот «автор» — это искомый выход их кризиса. Т.е. он ратует за «авторскую» литературу, прежде всего дневники. «Перебирая лучшее из прочитанного за последние годы, я сразу вспоминаю полное издание дневников Кафки, “Телефонную книгу” Шварца, но в первую очередь — восхитительную “Книгу прощания” Олеси. В ней он, освободившись от прокрустова ложа сюжета, расчистил пути для того свободного жанра, что способен упразднить границу между поэзией и прозой, документом и вымыслом, философией и автобиографией, актуальностью и вечностью. Такая “слипшаяся” литература, как благородный арабский скакун, отличается беспримесной чистотой. Ее нельзя ни пересказать своими словами, ни перевести на язык другого искусства. Словесность, замкнутая на себе, она сохраняет то, что не поддается подделке, — неповторимый, как почерк, голос писателя». Но ведь дело в том, что «автора» еще надо «найти» (это уже где-то было: «в поисках автора»). «Сегодня нас больше волнует не уникальное произведение, а уникальность творческой личности, неразложимая сумма противоречий, собранная в художественном сознании, неповторимость реакций на мир, эксцентрическая исключительность духовного опыта. Так мы приходим к тому, что подлинным шедевром являются не литературные герои, а их автор. Найти его — специфическая задача филологического романа».

В общем, суть современного романа — поиск автора. И самый «чистый» жанр в этом смысле — дневники. Но ведь поиск «автора», как персонажа дневника, это работа читателя и к произведению не имеет отношения. Или Генис имеет в виду такие хитрые дневники с детективным сюжетом: особой «игрой в прятки» между «самим» автором и автором как персонажем? А, может, у него просто тоска по хорошему автору (не зря же требует, чтоб автор непременно был «уникальной творческой личностью»), читай: хорошей литературе?

При этом он считает, что главное в литературе «самовыражение». Причем «искреннее», оно же подлинное и уникальное. И выдвигает оригинальную идею, мол, чаемый «филологический роман» это, по сути, роман об авторе, «фотография души». Автор типа сам о себе рассказывает. Причем за образец он берет «восток», «китайскую поэзию», мол, «китайское стихотворение — душа наизнанку». (Не совсем понятно: в смысле нараспашку?) И чего он так старается ради «автора» и его самовыра-

жения «наизнанку», если сам же цитирует Бродского: «Люди, говорил Бродский, тавтологичнее книг». Призывает отказаться от «сюжетного» («монотонно»), но описание собственных чувств и мыслей (в дневниках) — что может быть монотонней?! Что может быть менее оригинально? Поэзия дело хорошее, но ему ли не знать, что поэзия сегодня в еще худшем состоянии, чем проза? Мне в свое время («на пике славы» моего романа) тайно вручали и присылали из далеких стран всякие «подлинные истории моей жизни», иногда совсем примитивные, а иногда «литературные», но эта «литературность» была еще ужасней. То есть жанр сам по себе «не спасает», хотя может «выручить», если остальное примелькалось. Впрочем, и тут он немного запоздал (застрял на «модернизме»), сегодня редакции завалены «нон-фикшн» и только это дело и печатают, кряхтя: уже примелькалось. (Все «Зеркало» стоит на нон-фикшн). Неправ он и насчет возможности «выследить» автора в его дневниках, тут его надо отослать к Бахтину (или к нашей переписке). В общем, барахтается он в мелкой и мутной воде прибрежья, где не током что до дальнего плавания, но и до каботажного далеко.

Всегда твой
Наум

Леша, привет!

Я тут прочитал (приятель перекинул) эссе Гениса «Каботажное плавание. К вопросу о филологическом романе», читал ли? Тема, можно сказать, профессиональная, о нынешней литературе. У меня появилось желание (в связи с принципиальными несогласиями) написать ему. Не знаешь ли ты его «емелю»?

Был ли уже в отпуске? А мы сына женили, вроде всё слава Богу. В середине августа сами поедем отдохнуть (наместили во Францию).

Какие у тебя новости? Как «пишется»?

Краве сердечный привет.

Всегда твой
Наум

Позвонил Тарасову. Голос с трудом проснувшегося пьяницы.

— Ну, как прошел вечер Бараша? — спрашиваю.

— Отвратительно.

— Чего так?

— Ну отвратительно. Полная хуйня. Бараш — убожество, глупое убожество. Я думал, надеялся, вернее, что он в чем-то, может быть, изменился, но, увы. Какие-то уроки рефлексии, все время рассказывает, какой он грамотный, начитанный, в общем, книжность сплошная. Плохо, плохо. Убого. Я в перерыве ушел.

— А сколько людей было?

— Когда я считал, было 32–34, потом еще двое-трое подошли.

- Ну, неплохо. А кто был?
- Дана была, Вайс, Шаус, Ира Гробман.
- Каганской не было?
- Каганской?!
- Он ее приглашал.
- С Каганской я бы совсем усох!
- Книжку подарил?
- Подарил.
- Ну и то хорошо.
- Да нах-хуй она мне нужна.
- Слушай, а как там мои книжки, продаются?
- Не знаю... Дело в том, что я поссорился с Люсей, я ее незаслуженно обидел, потом, правда, извинился, но... в общем, я остался без места, без зарплаты, но выжил. А теперь вот жду, кто мне сметану купит...
- Плакать...
- Ха-ха-ха, вот именно!
- Да, это ты зря, Люся — убежище. Поздно уже носиться по прериям молодым мустангом.
- Да-да. С чего это ты такой мудрый? Старый стал?
- Наверное...

27.7.

Genis

Наум, привет!

У меня не возникло желания «выступить» на эту тему, хотя она далеко не исчерпана. Пожалуй, не совсем соглашусь с тобой только в общей оценке Гениса. Хотя некая раздражающая газетная сноровка действительно имеет место, но у Гениса все настолько обкатано и отшлифовано, настолько приноровлено не только к его мыслительным навыкам и возможностям, но и к тембру голоса (годы на «Свободе» не прошли даром), что порождает симулякр «высококачественного письменного продукта». Генис сумел извлечь максимум из своих скромных дарований, что, на мой взгляд, заслуживает уважения. Если сравнить его с другим сокамерником по «Свободе» Борисом Парамоновым, то картина получается не в пользу старшего товарища. Хотя Б. П. безусловно глубже и умственнее массивнее, но он так и не сумел найти «письменный эквивалент» своих псевдо-фрейдистских фантазий-импровизаций: его практически невозможно читать (во всяком случае «сплошь»), он «проскакивает» только в устном виде, сдобренный барственно-жирными интонациями радио-дискурса; запечатленные на бумаге, его идеи задыхаются как рыбы на суше, хрипят, лова ртом воздух. Генис же «всегда равен себе»: отточенность каждой фразы выводит его тексты куда-то «поверх» разницы между устным и письменным словом, между «газетой» и «книгой». В этом смысле Генис гораздо более «интернетен», чем сетевые

борзописцы типа Льва Пирогова: все-таки идеальная суть интернета не в его «чистой специфике» (не в фамилярной безответственности чата), а в том, что он способен придать текстам некое «надспецифическое» качество.

Ты спрашиваешь, как я на него наткнулся. Обычным путем: его трехтомник вышел в «ЭКМО», и Гена, который там работает, спер для меня экземпляр. Когда я прочел «Каботажное плавание», возникло желание послать текст тебе, и я, чтобы не тратить время на перепечатку, нашел его в интернете, в Костыркином «Журнальном зале» и скачал. Адреса Гениса я не знаю.

Вот еще что: я купил недавно по дешевке (на книжном развале, куда сводил меня Эдик-книголюб) четырехтомник Евгения Шварца и упиваюсь «каботажным» чтением его дневников (оказывается, он вел дневники всю жизнь, но в конце 30-х сжег их от страха, а потом, после смерти Сталина, всю жизнь восстанавливал старые записи и писал новые), которые впервые представлены в столь обширном (хотя все же неполном) виде.

В Дневниках Чуковский, у которого Шварц работал в молодости секретарем (фактически пасквиль), обэриуты: Олейников, Хармс, Заболоцкий, детские писатели: Житков, Маршак, художники: В. Лебедев (пасквиль), Тырса, Чарушин, Конашевич. Первый съезд писателей, дрязги в Союзе писателей и на даче в Комарово, Серапионы: Лев Лунц, Зощенко, Каверин, Слонимский, Шкловский; Тынянов, А. Толстой, О. Форш и т.д. и т.п.

Очень трудно охарактеризовать качество текста: он точный и в то же время взволнованный, «слабонервный», патетический и «неуловимо сказочный». Поцитирую. «Я боюсь вспоминать о событиях роковых. О таких, которые при возникновении своем казались мелкими, нелепыми, а оказались необратимыми. Расхождения, возникшие между Маршаком и Житковым, вначале выглядели ужасно забавными, а в конце концов оказались просто ужасными. Непримируемость и нетерпимость обоих наших учителей шла на пользу делу, пока обращена была на врагов великой детской литературы. Но вот осколки собственных снарядов стали валиться внутрь крепости. И зашибать своих». «И, думаю, главным виновником этого был мой друг и злейший враг и хулитель Николай Макарович Олейников. Это был человек демонический. Он был умен, силен, а главное — страстен. Со страстью любил он дело, друзей, женщин и — по роковой сущности страсти — так же сильно трезвел и ненавидел, как только что любил. И обвинял в своей трезвости дело, друга, женщину. Мало сказать — обвинял: безжалостно и непристойно глумился над ними. И в состоянии трезвости находился он много дольше, чем в состоянии любви или восторга. И был поэтому великим разрушителем. Был он необыкновенно одарен. Гениален, если говорить смело. Совершалось обычное унылое явление. Люди талантливые, сильные,

может быть, даже могучие, поворачивались в ежедневных встречах самой своей слабой, самой темной стороной друг к другу. Вот и совершилось постепенно нечто до того печальное, а вместе и темное, ни разу прямо друг другу в глаза не высказанное. Ссора эта развела Маршака и Житкова навеки, похуже, чем смерть. А теперь во имя точности должен я сказать, что эта демоническая или, проще говоря, черт знает что за история, развиваясь и углубляясь, не убивала одной особенности нашей тогдашней жизни. Мы были веселы. Сейчас даже трудно представить, как мы были тогда веселы». «Едва наладились личные мои дела, о которых не буду больше говорить, как, начиная с весны, разразилась гроза и пошла все кругом крушить, и невозможно было понять, кого убьет следующий удар молнии. И никто не убежал и не прятался. Человек, знающий за собой вину, понимает, как вести себя: уголовник добывает подложный паспорт, бежит в другой город. А будущие враги народа, не двигаясь, ждали удара страшной антихристовой печати. Они чуяли кровь, как быки на бойне, чуяли, что печать «враг народа» пришибает всех без разбора, любого, — и стояли на месте, как быки, подставляя голову. Как бежать, не зная за собой вины? Как держаться на допросах? И люди гибли, как в бреду, признаваясь в неслыханных преступлениях. И исчезали без следа, а за ними высылали жен и детей, целые семьи. Нет ничего более косного, чем быт. Мы жили внешне как прежде. Устраивались вечера в Доме писателей. Мы ели и пили. И смеялись. По рабскому положению смеялись и над бедой всеобщей — а что мы могли еще сделать? Любовь оставалась любовью, жизнь жизнью, но каждый миг был пропитан ужасом». О Корнее Чуковском: «Одна черта, необходимая для критика, у него была: он ненавидел то, что другому только не нравилось бы. Но любил с такою же силой — редко. Мешало ему то, что настоящего дара к прозе у него не было. Во многих детских стихах язык у него обнаруживался (конец «Мойдодыра», например), а в прозе в его развязанности чувствовалась скованность, ограниченность. В прозе проявлялась та сила, которая так легко сгибалась и выпрямляла его длинную фигуру, играла его высоким голосом, жестикулировала ручищами. Актерская сила, с фейерверками, конфетти и серпантином. Он часто не помнил, а сочинял. Не было у него памяти, чтобы запомнить, и языка, чтобы рассказать. Та сила, которая угадывалась, заставлявшая его уходить в себя посреди разговора или бегать вокруг дома посреди работы, была нема и слепа и только изредка сказывалась в стихах. Не радовала она его, а грызла и бродила, отчего он и кусался».

И еще одно собрание сочинений купил я на развале (книги — как Шварц, так и Хармс — не букинистические, а новые, прямоком из издательства) по смешной цене (пока еще можно достать): Даниил Хармс. Собрание сочинений: в 3-х томах. 250 р. за все три тома.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

А я вчера посмотрел «Фанатик» Генри Бина, на иврит перевели как «Верующий», что больше соответствует оригиналу (*The Believer*), так что если ты еще не купил кассету, то и не покупай.

Что и говорить, фильм на мою тему. В деталях (видеоряд) он довольно прост, но переплясы темы влекут. В общем, я смотрел с интересом, но в итоге проблема, увы, оказалась смазанной. Ведь что тут главное: евреи даны как пример непротivления, ставшего образом жизни, и герой пылает ненавистью к еврейскому «непротivлению злу», когда слабость становится философией, и даже религией (тут христианство и талмудизм совпадают), а со временем и психикой. То есть, тема фильма: ресентимент. И это, конечно, не только еврейская проблема: разве русское рабство не стало для русских второй натурой? Но русские топят свое рабство в порабощении других (такая вот «пропасть забвенья»), им тоже невыносимо признание своей беспомощности. А «еврей» строит на беспомощности свое моральное превосходство и внутреннюю независимость! Такая «философия жизни» для героя «Беливера» невыносима, вызывает пароксизм неприятия самого еврейства, как носителя этой «философии». И эта кривая дорожка приводит его в объятия тех, кто поднял знамя ненависти к евреям, он хочет стать рыцарем насилия и уничтожить евреев, как заразу непротivления, и оказывается в стане «рабов насилия», где ненавидят евреев совсем по другим причинам: наделяя их тайной властью. Их, наверное, тоже влечет мечта о свободе от «тайной власти» мирового спрута — евреев? И по их «понятиям» независимость и свобода от униженности и беспомощности дает только власть, утвержденная насилием. Героя фильма увлекает насилие, как нечто противоположное проклятому непротivлению, заставляя поклоняться войне («воистину светло и свято дело величавое войны»). Уверен, что и в Германии тридцатых были евреи, которые хотели, и даже пытались пойти в «фашисты» — ненависть к собственной слабости кого хочешь сведёт с ума — нарратив Вайнингера, проповедовавшего самоуничтожение, не зря Гитлер считал его единственным евреем, которому он сохранил бы жизнь — , но их не приняли: в «рыцари» отбирали по крови... А разве мало мы видели в России евреев, которые жались к русским с их символом веры «кто силен, тот и прав», старались не уступать народу-гегемону в количестве выпитой водки, снежных нежностях после бани, и в ратных подвигах пьяных драк? А разве русские революционеры из евреев не опьянились насилием войны-революции как освобождением, и дарами ее: властью и мстью? Вот уж отвели душу... И если бы режиссер создал фильм о таком еврее — фанатике насилия и террора, ненавистнике тех, кто «против насилия в любой его форме», всех этих вольных или невольных продолжателей дела непротivления, христиан и евреев, это было бы грандиозно! Но зачем идти в американские фашисты, иди уж тогда в сионисты, сионизм и есть реакция на бес-

силе, на непротivление как жизненную установку. А нам такие парни нужны, и есть с кем подраться, врагов хоть отбавляй, в том числе и внутренних, есть из кого выбивать левую дурь «всеобщего братства». Но у автора фильма получилась какая-то несуразица, герой изображен чуть ли не «еврейским интеллектуалом», который «запутался», не понял, где свои и где чужие, а став фашистом-террористом, внезапно раскаялся и в результате вернулся «к своим», в родную районную синагогу, в лоно слабости и непротivления... Даже если бы автор завершил поворот превращением героя в борца с насилием, сюжет идеологически выглядел бы куда круче. А так получилось ни то ни сё, одно слово, Голливуд.

А мою книгу не хотят переводить на иврит, она как раз об этом: об обреченности на войну, в общем-то всех, но прежде всего евреев, которым римляне на две тысячи лет отбили охоту братья за оружие. Но непротivление ведет к рабству, а война — к свободе, и других вариантов нет.

4-х томник Шварца за 300 рублей я бы взял.

Всегда твой

Наум

От Цветкова:

Наум, Генисова «емеля» ...

Что касается нас, то Крава сейчас в Запорожье, у сестры и матери, не сегодня-завтра отбывает в Москву к дочери, а в наши палестины (то бишь «территории») вернется к концу лета. Я тем временем единолично съездил в Италию, в Римини, но не очень понравилось, потому что цель поездки была помотаться по окрестностям, а удалось не очень — жара и забастовки на железных дорогах.

Если у вас все останется в такой же вялотекущей фазе, как сейчас, думаю, что где-нибудь в октябре нагрянем в гости. К тому времени должны, кажется, подвалить и Соколовы, так что повеселимся по мере возможностей. Привет Римме и наилучшие пожелания молодым.

Ответ Цветкову:

Это будет замечательно! Надеюсь, что «фаза» так и останется «вялотекущей», хотя в сентябре — очередной обещанный «дедлайн» с Ираком...

Посмотрел тут фильм режиссера Бина «Беливер», который в России перевели как «Фанатик», ты видел?

Спасибо за емелю Гениса, если соберусь с мыслями, напишу ему.

Наум

Матвей, хотел тебя спросить, заглянул ли ты на сайт debka, адрес которого я тебе послал? Там в последних сообщениях утверждается, что Шарон фактически одержал гигантскую стратегическую победу (хотя, конечно, обстоятельства помогли, но он сумел ими воспользоваться):

Америка признала интифаду палестинцев террористической войной (а не освободительной, как еще считают некоторые «европейцы»), признала, что Израиль в праве осуществлять военный контроль над территорией палестинской автономии, и вообще, Израиль на этом этапе становится одним из самых (если не самым) близким союзником США в борьбе с исламским террором, в сущности, с исламом. А ты как считаешь? Что у вас «говорят» об этом?

Наум

Шурин в очередной раз пришел к матери просить деньги, мол, клиенты не заплатили, и надо как-то продержаться. Он единственный человек, которого эта женщина любит. И дилемма между любовью к деньгам и любовью к сыну (бездельнику и моту) — это душераздирающая трагедия. Какие крики! Телефонная трубка орет как мегафон. «Могильщик! Камень на шею! Ты обобрал мать до нитки!». На следующий день чуть успокоилась. Жена её спрашивает: «У тебя есть обед?» — «У меня все есть! У меня счастья нет!»

28.7.

Наум, привет!

Я в сайт debka не лазил, потому что мало часов осталось на карточке («проклятая бедность»), стараюсь пользоваться Интернетом только как E-mail'ом или уж по очень большой нужде (справки для переводов). Поэтому буду тебе благодарен, если пришлешь какие-нибудь материалы оттуда. Соображения о «стратегической победе» Шарона не лишены основания, но у нас в прессе стали в последнее время подавать его как одиозный «объект торга»: мол, хотя он и действует «по мандату» большинства населения Израиля, но репутация (а может, и «ментальность») у него пещерного человека; поэтому он годится лишь на то, чтобы «разменять» его на Арафата. Словом, та же гнусная практика уравнивания палача и жертвы. Тревожит во всем этом то, что Америка остается «единственным другом» Израиля. Все решения трепаной «четверки» превращаются при таком раскладе в вопрос о том, наложит Америка вето на очередное осуждение Израиля или не наложит (Россия же всегда исправно голосует против Израиля, и, боюсь, что твои начертания «оси США-Израиль-Россия» не более чем «утопические мечтания»). То есть Америка вынуждена выступать в роли силы, которая «противопоставила себя всему миру» ради какой-то shitty country («говенной страны», как выразился посол Франции). Если такая конфигурация не изменится, Америку может надолго и не хватить. Да и сам Буш ненадежен, и в администрации у него раздрай. У меня такое ощущение, что все упирается в позицию Европы, выполняющей сегодня на международной арене роль «коллективного Гитлера» (к счастью, пока «пассивного», не владеющего инициативой). Активными силами выступают сегодня лишь исламский

террор, Америка и Израиль. Остается надеяться, что Америка поскорее начнет бомбить Ирак, террористы поскорее взорвут Лувр и Букингемский дворец, а Израиль — поскорее избавится от пятой колонны у себя дома: невыносимо слышать, как Перес и израильская левая пресса проливают крокодиловы слезы над «невинными жертвами государственного террора» (все это массированно тиражируется европейскими СМИ).

С твоими суждениями о фильме *Believer* я в принципе согласен. Он построен грамотно (с возведением алтаря и жертвоприношением протагониста), но субъектом «коллективной воли к выживанию» оказывается там не народ (евреи), а конфессия. В этом смысле фильм абсолютно «галутный», причем конкретно — галутно-американский (и здесь глупая самоуверенность Америки портит фильм не только в смысле голливудской «техники», но и в «содержании»). Для героя еврейство существует лишь в качестве «экзистенциально-религиозной проблемы», а не «родового тела». Топос существования еврейства — лишь маркированные «хронотопы» (ешива, синагога) и типы поведения (юноша в кипе читает Тору в метро). Когда в Синагоге завязывается политическая дискуссия (о Шароне, Сабре и Шатиле), у героя не оказывается для нее «голоса», потому что существование (или несуществование) Израиля не играет никакой роли в его «экзистенциальных поисках»; напротив, он вынужден «не замечать» реальной борьбы евреев, потому что она может «испортить» экзистенциально-безупречный тезис об изначальной «еврейской виктимности». Опровержением избранного героем пути служит не судьба евреев, а «мстительный Яхве»: он боится не ошибиться по жизни, а разгневать Бога. Если бы не удивительная (совсем не голливудская) игра актера, заставляющего нас «вчитывать» во внешнюю линию его поведения «что-то еще», фильм мог бы соскользнуть и еще «ниже». Вот еще о чем я подумал: хотя тема «еврейской ненависти к себе» — условно говоря, «тема Вайнингера» — очень актуальна для «русских евреев», ничего подобного этому фильму на русской почве представить себе нельзя. Так, в лубочном фильме Лунгина «Луна-парк», в каком-то смысле «предвосхищающем» *Believer*'а, речь идет только о «крови», религиозного аспекта нет и в помине; тоже «галутность», но по-русски: узнав, что его отец, возможно, еврей, герой «понимает, что евреи — такие же люди». Это потолок квази-либерального антиантисемитизма. Американский вариант все же поинтереснее будет: герой ни на секунду не сомневается в еврейской «избранности», даже если оценивает ее «со знаком минус».

Приведу цитату из нового антисемитского опуса — книги Сергея Кара-Мурзы (разумеется, подарок Гены): «Почему же христиане Европы виновны, что не пошли на смерть, защищая евреев, если сами евреи не стали защищать ни друг друга, ни даже свои семьи? Ведь нацистам не стоило ни капли крови собрать и уничтожить, как говорят, 6 миллионов евреев. Это было бы невозможно, если бы среди них возникла хоть ка-

кая-то воля к сопротивлению. Восстание в Варшавском гетто — единственный и в масштабах большой бойни небольшой эпизод. В исследовании Беттельхайма о поведении разных групп людей в нацистских концлагерях показано, что именно «аполитичные заключенные из среднего класса (особенно евреи)» вели себя несолидарно и были пособниками СС: «Они принимали все слова и действия СС как совершенно законные и возражали только против того, что они сами стали жертвами; а преследования других они считали вполне справедливыми». (Сергей Карамурза. Евреи, диссиденты и еврокоммунизм. М.: ЭКСМО, 2002. С. 37.)

О Генесе. По существу, это перепев русских формалистов, от которых недалеко ушла и Лидия Гинзбург: «младшие жанры» с периферии перемещаются в мейнстрим. Но это значит, что суть мейнстрима остается непонятой. Мейнстрим — это то, что действует на читателя («производит максимальный эффект») сегодня. Никакого понимания архетипической подоплеки мейнстрима я у Генеса не обнаруживаю. Этого понимания нет ни у «французских интеллектуалов»-постмодернистов (утопивших разницу между искусством и неискусством в нивелирующих понятиях «письма» (écriture) и «дискурса»), ни у англоязычной «новой критики» (увидевшей суть искусства опять же не на уровне архетипов, а в амбивалентности языка), ни в аналитической философии («языковые игры» по Витгенштейну). А ведь я перечислил наиболее влиятельные школы. Назови мне хотя бы одного автора, который «разобрался в вопросе». Можно привести в пример отдельные цитаты из авторов-маргиналов (типа Батая или Бланшо), но где «общая теория»? Генес думает, что он «теоретически превзошел» классику; на самом деле он не ушел дальше «теории отражения» с прибавкой в виде формалистической «литературной эволюции» («остранение» Шкловского и «малые жанры» Тынянова). Я уже не говорю о масштабном системном взгляде, охватывающем всю сотериологию, антропологию, проблему Жреца и Мага и т.д. Какую книгу ты посоветуешь прочесть, чтобы ознакомиться с современным «осознанием» всей этой проблематики? То-то и оно. И еще вопрос, как может сказаться упомянутое «осознание» (буде оно произойдет в достаточно широком масштабе) на «художественной практике»? Думаю, что никак. Во-первых, я не могу себе представить в гуманитарной области нечто вроде «смены парадигмы» (по Куну). Ученое сообщество заинтересовано не в «истине», а в дроблении и релитивизации своего «поля деятельности», потому что так легче оправдать свое существование (необходимость которого далеко не очевидна). Все гуманитарии солидарны только в одном: в убежденности, что общество следует приучить к необходимости отсутствия солидарности в их рядах.

Читал ли ты недавно вышедший пасквиль Войновича на Солженицына «Портрет на фоне мифа»? Один приятель прислал мне его по Интернету, и я могу тебе его перекинуть целиком или в наиболее «забойных» отрывках.

Приехал чуть раньше. Ее машина уже на месте, и она смотрит в окно, как-то чересчур серьезно, подперев подбородок рукой. Подхожу сияющий к ее задраенному окну (была страшная жара), она еще какое-то время не шевелилась как загипнотизированная, открываю дверцу, она тяжело вздыхает и выходит из машины, отводя взгляд. И тут я ловлю ее, обнимаю. Розовая кофточка, зеленые глаза. Короткая черная юбка и ослепительные ножки. Она все еще молчит, только вздыхает. Сели рядом. Только тут мы поцеловались.

— Ты не представляешь, как я этого ждала...

Я погнал в отель, молча, и она молчала, мы только проносились сквозь время, которое отделяло нас от нашей одинокой крепости: знакомого номера с розовыми простынями...

— ... я думала о тебе каждый день, ты все время был со мной, а когда приехала, совсем стала с ума сходить, что я тут, а не могу тебя увидеть, даже муж стал меня раздражать... а сейчас я хотя бы на пару дней успокоюсь... А правда, вот ты скажи, как муж, хорошо, когда у жены есть любовник?

— Это смотря...

— Какой любовник, ха-ха-ха!

Матвей, привет!

Пересказывать сайт «дебка» нет особого смысла, это, в сущности, сводка новостей, только из «особых», как они утверждают, источников. Например, в эти дни они пишут о серьезных конфликтах внутри саудовского королевского дома, где борьба за власть совпала с борьбой ориентаций: принц Абдалла якобы ориентируется на «Эль Кайду», а больной король и ветвь «курейшитов» — на Америку. Пишут, что США готовит удар по Ираку, строит базы, развертывает тылы. Египет отказался поддержать атаку, так что американцы остались с Кувейтом, Эмиратами, Иорданией и Турцией. Кроме Турции все пешки. Ну и Израиль. Что Израиль становится одной из основных тыловых баз, а значит, над ним требуется «чистое небо», а значит, армия будет оставаться на территориях, и более того, возможен удар по Хизбалле в Ливане, поскольку они уже заскладировали у себя 10 000 ракет и держат под ударом весь Север Израиля. Да, Америка единственный друг, но других у нас и раньше не было (когда-то, в 50-х была Франция, когда после Войны евреи там были в фаворе и даже у власти). Единственный, но зато могущественный и нынче накрепко с нами связан. Что делает наше стратегическое положение вполне надежным. Тем более что мы и сами с усами. Например, Израиль превратился в основного поставщика (и союзника!) сверхсовременного вооружения для Индии, включая антиракетный комплекс «Хец» /стрела/. И Китаю поставляем летающие радиолокаторы и спутники. Многие ли страны в состоянии это сделать? Наш основной враг — это мы сами: все эти «пересы», одураченные гуманизмом и страдающие

моральным бешенством. Видимо, все дело (как и в «Фанатике») в самоненавистничестве, которое бывает то «правое» (ненависть к еврейской «слабости»), то «левое» (ненависть к еврейской «силе»), и эта непринужденная смена ориентации ненависти (причем речь идет именно о ненависти, а не о «критике») говорит только о том, что это антисемитизм навыворот, такая зараженность чужой (всеобщей) ненавистью. Вот и «Фанатик» туда же, конечно, это «галутный» фильм, я согласен. Кстати, наш общий друг Миша рассказал мне похожую историю о своем приятеле, еврее, который принял христианство и женился на русской девочке, художнице, которая связалась с «дурной компанией» и заинтересовалась иудаизмом, приняла его по полной программе, развелась с мужем-христианином (евреем) и уехала в Израиль... А насчет Европы как «коллективного Гитлера», хоть и пассивного, — это, пожалуй, чересчур. Европа просто амеба, и она меня не пугает. При поддержке Америки мы можем лет через десять сравняться с бывшими сверхдержавами по военному потенциалу (по ядерному уже близки). Мне кажется, что именно это так раздражает Европу, что shitty country может стать влиятельнее какой-нибудь Франции, по крайней мере на Ближнем Востоке (а Францию еще ломит от фантомных болей ампутированной империи). Что касается России, то ты, пожалуй, прав, трудно представить себе Россию в качестве настоящего друга кому либо, тем более Израилю.

Пасквиль Войновича перекинь, люблю пасквили.

Наум

29.7.

Наум, привет!

Перевел для тебя присланную сегодня братом статью из National Post.

Не извиняйтесь за жертвы среди мирного населения.

Ральф Питерс (офицер армии США в отставке, автор книги «Что стоит за террором: стратегия в меняющемся мире»).

Friday, July 26, 2002

На этой неделе Израиль успешно провел операцию по уничтожению Салаха Шхады, жестокого террориста, одного из самых влиятельных лидеров военизированного крыла ХАМАС. Более дюжины палестинцев, мирных жителей, среди которых были члены семьи Шехады, погибли в результате этой операции. Гибель гражданских лиц при скорбна, но мы должны признать ее оправданной. Лидер террористов использовал своих родственников и соседей в качестве живого щита, и они погибли вместе с ним. Их смерть на совести Шхады, а не Израиля.

И снова во всем мире поднялся шум, основанный на применении двойных стандартов, снова евреев обвиняют в варварстве за жертвы среди мирного населения, которые были следствием законной военной операции; и в то же время критикам нет никакого дела до сотен мирных

граждан Израиля, преднамеренно убитых Шхадой и его соратниками. Особенно это касается европейцев: для них еврейские жизни сегодня не дороже, чем в 1944 году. Немного раньше в этом месяце на Израиль обрушились с критикой за его планы депортировать семьи террористов с Западного Берега в сектор Газа. Разумеется, европейцы и левые оборванцы /tattered left/ с упоением принялись сравнивать этот план с поездами смерти, идущими в Освенцим.

Новая вспышка европейского антисемитизма недорого стоит, поскольку сегодня европейцы не имеют ни силы, ни воли, ни смелости действовать в соответствии со своими фантазмами... /И т.д./

Реплика к вопросу о «каботажном плавании».

Да, нынче нравятся «Записки», «Дневники»!
Жизнишки глупые, их мелкие грешки
Ползут на свет и требуют признанья!
Из худосочия и умственных расстройств,
Из лени, зависти и прочих милых свойств
Слагаются у нас бытописанья —
И эта пища по зубам
Беззубым нам!

К.К.Случевский. 1883

Купил я тут по случаю (по дешевке, через Эдика) шеститомник Шопенгауэра. Артур Шопенгауэр. Собрание сочинений: В 6 т. М.: ТЕРРА, 1999–2001.

Это 'Собрание сочинений' составлено на основе дореволюционного издания: Шопенгауэр. Полное собрание сочинений в 4-х томах /В переводе и под ред. Ю.А. Айхенвальда. М., 1900–1910. Все переводы сверены и уточнены. Фрагменты, опущенные в русском издании 1900–1910 гг. по цензурным и техническим причинам, восстановлены по новейшему авторитетному немецкому изданию.

Это издание имеет смысл даже применительно к основному опусу «Мир как воля и представление», поскольку перевод Айхенвальда ничуть не хуже (на самом деле лучше) нового перевода Левиной (А. Шопенгауэр. М.: Наука, 1993); что же касается «малых произведений» Шопенгауэра, печатавшихся под названием *Parerga* и *Paralipomena* («Дополнения и пропуски»), то они после революции в полном виде не переиздавались. Между тем, именно в них встречаются наиболее оголтелые антихристианские и в особенности антисемитские выпады (Шопенгауэр ненавидел христиан и особенно евреев, и был в этом смысле покруче, чем следовавший по его стопам Ницше). Я только сейчас прочел эти откровения в полном объеме, чем и хочу с тобой отчасти поделиться.

«Не должны забывать мы и избранного народа Божья, который, украв в Египте, по прямому специальному приказанию Иеговы, у своих

старых, полных доверия друзей одолженные ими золотые и серебряные сосуды, предпринял затем во главе с убийцей Моисеем свой смертоносный и хищнический поход в землю обетованную, чтобы отнять ее как «землю обетованную» у ее законных владельцев при самом беспощадном избиении и истреблении всех обитателей, даже женщин и детей (Иис. Нав. 10 и 11) — согласно прямому, постоянно повторяемому приказу того же Иеговы совершенно отрешиться от всякого сострадания, и именно потому, что прежние жители не были обрезаны и не знали этого Иеговы — основание, считавшееся достаточным, чтобы оправдать по отношению к ним всевозможные зверства. На самом же деле, как это явствует из трудов Тацита и Юстина, фараон долее не хотел терпеть в чистом Египте втершийся туда нечистоплотный, грязными болезнями, угрожавшими заразой, одержимый иудейский народ и потому приказал посадить его на суда и переправить на аравийский берег. За ними действительно был послан отряд египтян, но не для того, чтобы вернуть назад драгоценных господ, которых как раз выпроваживали, но чтобы отнять у них то, что они украли, а украли они именно золотые сосуды тех храмов: да и кто мог что-нибудь доверить такому сброду! Из двух указанных римских классиков мы видим также, в какой степени во все времена и у всех народов евреи были предметом отвращения и презрения: это отчасти, быть может, зависело от того, что они были единственным народом на земле, который не признавал для человека никакого бытия за пределами этой жизни, и потому считался за скот, за отребье человечества, но за большого мастера по части лжи. Если когда-нибудь, с течением времени, вновь появится народ, исповедующий такого Бога, который дарует ему соседние земли, подлежащие затем завоеванию в качестве «земель обетования», то я советую соседям такого народа заблаговременно обратить на это внимание и не дожидаться, пока через сотни лет явится наконец благородный царь Навуходоносор для запоздалого водворения справедливости, а заранее отбить у этого народа мысль о подобных обетованиях, а также до последнего камня разрушить храм бога, столь великодушно раздающего соседние земли, — и все это будет вполне правомерно. Изучение единственно идентичного /в противовес Лютеровской подделке/ перевода Семидесяти привило мне сердечную любовь и искреннее уважение к великому царю Навуходоносору, хотя он и проявил несколько излишнюю мягкость по отношению к народу, у которого имелся бог, даривший или обещавший ему земли его соседей, так что потом он (народ) завладевал ими с помощью грабежей и убийств, а затем строил в них храм этому богу».

«Однако я, быть может, захожу слишком далеко, говоря так обо всех религиях: ибо в угоду истине я должен прибавить, что ужасы фанатизма известны нам, собственно, все-таки лишь о приверженцах монотеистических религий, т.е. единственно об иудействе и его двух ответвлениях — христианстве и исламе. В самом деле, нетерпимость существенно

свойственна лишь монотеизму: всеединый бог по самой своей природе бог ревнивый, не допускающий существования никакого другого бога. Политеистические боги, напротив, по природе своей терпимы — они живут и дают жить другим. Однако вернемся к главному; и ты тут, конечно, прав, ссылаясь на сильную метафизическую потребность человека: но, кажется мне, религии не столько ее удовлетворяют, сколько злоупотребляют ею». Т. 5. С. 276–278.

«Другая основная погрешность христианства, о которой надо здесь упомянуть, — то, что оно вопреки природе отделило человека от мира животных, считая животных прямо за вещи. Эта ошибка — следствие творения из ничего, после которого творец передает человеку всех животных совершенно как вещи и без всякого упоминания о хорошем с ними обращении; затем он еще сверх того назначает его /человека/ первым профессором зоологии, предлагая дать им имена. Подобные истории действуют на меня как жидовство и foetor judaicus /иудейское зловоние/! Очевидно, настает время, когда в Европе исчезнет иудейское понимание природы, по крайней мере по отношению к животным, и будет признано, щадимо и чтимо то вечное существо, которое живет во всех животных, как и в нас. Не упускайте этого из виду, даже если пожелаете всю Европу застроить синагогами”.

“Вечный жид Агасфер — не что иное, как олицетворение целого еврейского народа. За то, что он тяжко погрешил перед Спасителем и Икупителем мира, он никогда не освободится от земной жизни и ее бремени и, лишенный отчизны, будет скитаться на чужбине. Таков именно жребий и грех небольшого еврейского народа, который, изгнанный почти две тысячи лет тому назад из своей родины, все еще существует поистине чудесным образом и скитается вне отчизны, тогда как столько великих и славных народов, наряду с которыми такой крохотный народец не заслуживает даже упоминания, как, например, ассирийцы, мидяне, персы, финикийцы, египтяне, этруски и т.д., отошли на вечный покой и совершенно исчезли. Таким образом, и в наше время gens extorris /народ-изгнанник/, этот Иоанн Безземельный среди народов, встречается по всей земле, везде — не дома и нигде не чужой с беспримерным упорством сохраняет свою национальность и даже не прочь был бы — помня об Аврааме, жившем как чужеземец в земле Ханаанской и ставшем мало-помалу, как и было ему обещано от Бога, господином всей страны, — где-нибудь осесть и пустить корни, чтобы снова утвердиться в какой-нибудь стране, без которой народ все равно что шар в воздухе. А пока он живет паразитом на других народах и на их земле, но тем не менее одушевлен при этом живейшим патриотизмом к своей нации, проявляющемся в теснейшей сплоченности, в силу которой все стоят за одного и один за всех. Отечество еврея — все другие евреи, и никакое сообщество не держится так тесно, как это. Отсюда видно, как нелепо желание открыть им доступ к участию в правительстве или в управле-

нии каким-либо государством. Считать евреев религиозной сектой — взгляд в высшей степени поверхностный и ложный; если же с целью поддержать в народе такое заблуждение и окрестили еврейство заимствованным из христианской церкви выражением «иудейское вероисповедание», то это глубоко ложное название, умышленно рассчитанное на то, чтобы ввести в заблуждение, почему оно и не должно быть допускаемо. «Еврейская нация» — вот правильное выражение. Евреи не имеют никакого вероисповедания: монотеизм — принадлежность их национальности и государственного строя и подразумевается у них сам собою. Даже более того, при правильном понимании иудаизм и монотеизм — синонимы. Если все присущие национальному характеру евреев недостатки, из которых наиболее заметным является поразительное отсутствие у них всего того, что выражается латинским словом *verecunda* /стыдливость/, недостаток, быть может, более полезный в жизни, чем всякое положительное качество; если, повторяю, все эти недостатки приписать гнету, который они перенесли, то это только объясняет их, но не уничтожает. Когда разумный еврей, отрекшись от старых бредней, принимает крещение и выходит из общества, которое не приносит ему ни чести, ни выгоды — хотя выгода и бывает возможна — то я склонен безусловно одобрить такой шаг, если бы даже христианская вера и не принималась при этом особенно всерьез: разве много этой серьезности у юного христианина, который произносит на конфирмации свое *Credo*? Но чтобы избавить евреев даже от этого шага и в то же время наивозможно мирным путем положить конец всему этому трагическому безобразию, самым лучшим средством было бы, без сомнения, разрешение или даже поощрение браков между христианами и евреями, против такой меры ничего не может возразить и церковь, ибо она имеет за себя авторитет самого апостола (1 Кор. 7:12–16). Тогда останется лет через 100 весьма мало евреев, вскоре исчезнет совершенно призрак Агасфера, он будет погребен, и избранный народ сам не будет знать, куда делся» (5, 203–205).

«Основная черта иудейства — *реализм и оптимизм*, которые близко между собою родственны и служат условиями подлинного теизма. Брахманизм и буддизм, напротив, имеют своей основной чертой *идеализм и пессимизм*: за миром они признают лишь призрачное существование. В учении Зендавесты, из которого, как известно, возникло иудейство, пессимистический элемент все-таки еще представлен Ариманом. Но в иудействе этот последний занимает уже только подчиненное положение в виде сатаны. Иудейство немедленно воспользовалось им для исправления своей основной ошибки — оптимизма, именно для грехопадения, которое и вносит в эту религию пессимистический элемент, требуемый указаниями очевиднейшей истины, — хотя здесь перенесено в процесс бытия то, что надлежало бы выставить как его основу и как нечто ему предшествующее. Как Иегова есть превращение Ормузда, так

соответственно Ариман превратился в Сатану. Что Иегова есть Ормузд, это получает себе сильное подтверждение у Ездры (1, гл.6, ст. 23 в пер. Семидесяти), где официально сообщается, что в храме иерусалимском приносится господу жертва *непрерывным огнем* — это мудро пропущено Лютером при переводе. Ибо вообще откровение тут, по-видимому, открывает несколько больше, чем имеет в виду. По-видимому, служение Иегове возникло при Иосии с помощью Илии, то есть было заимствовано от персов и окончательно выработано Ездрую при возвращении из вавилонского изгнания. Ибо до Осии в Иудее, очевидно, господствовала религия природы, сабеизм, почитание Бела, Астарты и т.д. Все предыдущие книги Ветхого Завета или составлены позднее, т.е. после вавилонского пленения, или по крайней мере в них позднее внесено учение о Иегове. Впрочем, у Ездры мы знакомимся с иудейством с его позорнейшей стороны. Здесь избранный народ поступает по возмутительному и бесчестному примеру своего родоначальника Авраама: как последний прогнал Агарь с Измаилом, так и иудеи прогоняют от себя вместе с детьми тех жен, с которыми они вступили в брак во время вавилонского плена, — по той причине, что они не принадлежат к жидовской расе. Едва ли можно придумать что-либо более презренное, если только помянутый гнусный поступок Авраама не изобретен для того, чтобы приукрасить еще более великолепную гнусность всего народа.

Новый же Завет так или иначе должен иметь индийское начало: об этом свидетельствует его всецело индийская этика, переводящая мораль в аскетизм, его пессимизм и его аватар /в индуизме — воплощение бога/. Но благодаря этим именно своим чертам он стоит в решительном внутреннем противоречии с Ветхим Заветом, — так что только история о грехопадении могла послужить тем звеном, с помощью которого их можно было связать друг с другом. Ибо когда названное индийское учение ступило на почву земли обетованной, возникла задача, каким образом признание испорченности и скорби мира, его потребности в искуплении и спасении через аватар, вместе с моралью самоотречения и покаяния, соединить с иудейским монотеизмом и его «все хорошо весьма». Подобно тому как плющ, нуждающийся в опоре и прицепке, обвиняется вокруг грубо обтесанного столба и, всюду принароываясь к его безобразным формам и передавая их, облакает их в то же время своею жизнью и грацией, так что вместо уродливого столба мы видим перед собою приятное зрелище, так же точно возникшее из индийской мудрости учение о Христе скрыло под собою старый, совершенно с ним разнородный ствол грубого иудейства.

Именно обособленный от мира творец из ничего отождествляется со Спасителем, а через него — с человечеством, заместителем которого является последний, ибо оно получает в нем избавление, как оно пало в Адаме, томясь с тех пор в узах греха, гибели, страдания и смерти. Ведь таким именно представляется здесь, как в буддизме, мир — уже

не в свете иудейского оптимизма, который нашел все «весьма прекрасным»; напротив, теперь сам дьявол именуется «князь мира сего». Мир уже не цель, а средство: царство вечной радости лежит по ту сторону мира и смерти. Отречение в этом мире и устремление всех надежд на мир лучший — таков дух христианства. Таким образом, учения Нового Завета внесли поправку в учения Ветхого и придали им иной смысл, благодаря чему в самом сокровенном, в самом существенном получается согласие с древними религиями Индии. Все, что в христианстве есть истинного, встречается также и в брахманизме и буддизме. Но напрасно было бы искать в индуизме и буддизме иудейского воззрения об оживотворенном ничто, о временном изделии, которое не может достаточно смиренно благодарить и славить Иегову за эфемерное существование, полное скорби, страха и нужды. Ибо как с далеких тропических полей, через горы и реки навеянное душистое дуновение чувствуется в Новом Завете дух индийской мудрости. В Ветхом Завете же к ней не подходит ничего, кроме только грехопадения, которое тотчас же и пришлось присоединить к нему именно в качестве корректива для его оптимистического теизма и которое поэтому и послужило для связи с ним Нового Завета как единственная представляющаяся последнему точка опоры. Если бы кто для объяснения такого сходства между христианством и индийскими учениями пожелал прибегнуть к разного рода догадкам, то можно бы принять, что евангельская заметка о бегстве в Египет имеет за собой некоторую историческую основу и что Иисус, воспитанный египетскими жрецами, религия которых была индийского происхождения, усвоил от них индийскую этику и понятие аватара, а впоследствии старался приноровить ее у себя дома к иудейским догматам, привить ее к старому стволу. Но если бы кто пожелал серьезно установить и провести эту гипотезу, тот должен бы признать, что религиозное и моральное содержание христианства сложилось у александрийских евреев, сведущих в индийских и буддийских вероучениях, а затем в качестве звена, соединяющего эти учения с иудейством, послужил Иисус, политический герой, с его печальной судьбой, так что первоначально земной мессия превратился в небесного». (5. С. 293–299.)

30.7.

— Мне было так хорошо вчера... Но мне всегда с тобой хорошо... Уже прочитала «Лёд», за один день. Если бы это была первая его книга, которую я прочитала, я бы другие читать не стала. Нет уже тех неожиданных поворотов, той легкости...

От Л: ты где? опять в нукве?¹

¹ Дырка (*увр.*) Типа «где — в п*зде».

К Л: у нас тут аврал с отпуском, уже был идеальный вариант, с 15 по Франции, но отменили, вот и мечемся, жена хочет немедленно куда-то ехать, а мне надо затормозить хотя бы до середины месяца. Пока перевою Шабтая.

Матвей, привет!

Ты мне насыпал кучу драгоценностей, и прежде всего — Шопенгауэр! Темперамент, однако! Да, христиан он не любит, но его сердце смягчается, даже наполняется нежностью (все-таки что-то индо-пессимистическое), когда он сравнивает их с иудеями, этими исчадьями оптимизма. Его горячность невольно наводит на мысль о том, что здесь какая-то «сыновья обида» и что антисемитизм немецких мудрецов (да и глупцов тоже) имеет те же корни, что и первоначальное христианство евреев — бунт против Отца (у немцев — против Христа-иудея). Только немцам легче, у них это бунт против «отчима»: вали все на чужаков-евреев, и — гуляй рванина. Любопытно, как важна для немцев (и для русских) земля, и нет ничего страшней «безземельности». А значит, и до монотеизма, до того же христианства, они не доросли, остались язычниками. Потому что для подлинно детей христовых нет ни родни, ни родины. Бедняга Шопенгауэр пытается «стереть» в христианстве следы иудаизма и переориентировать его на Индию, как будто это спасает от «безземельности». Ведь сам же пишет, что для «индуса» и буддиста жизнь вообще эфемерна. А евреи «реалисты и оптимисты» (в отличие от буддистов, «идеалистов и пессимистов»), да, и я рад этому, посему они строители, работники и преобразователи мира, а не убегающие от него в нирвану нищенствующие монахи-скитальцы. Потому они и Христа не приняли, потому что он вещал о конце истории, конце света. Христианство — вера в конец света, без него оно становится нелепым (каким сегодня и стало). А с привкусом буддийского отношения к жизни как к извечному и непоправимому злу, от коего можно уйти, безмолвно покорствуя в ожидании и надежде — это вера для блаженных бездельников. А у евреев пафос истории как становления, а значит вечного обновления и преобразования, исправления, если угодно. И поэтому они всегда сражаются за свободу и держатся за род как за древо жизни. Вообще, принятие германцами христианства оказалось принуждением к любви, к отказу от насилия, дрессировкой покорности. Боевой дух германских племен долго боролся с этой заразой (никакого отношения к библейскому иудаизму действительно не имеющей), но был, в конце концов, побежден ею. Сегодня нет уже ни «германцев» (тонущих в трясине расового смещения), ни боевого духа, а есть только христианствующие попки, голосащие со всех папертей о тотальном запрете не любое насилие, даже ради защиты границ, а по сути, и собственной жизни. И поэтому христианская Европа обречена, это музей под открытым небом, музей некогда бушевавшей здесь устремленности вширь и ввысь, дожи-

вающей последние десятилетия своей истории, а еврейство, будучи столько раз растоптанным и растертым в пыль, возрождается и снова строит.

Что касается обвинения евреев в захватнической сущности, то оно вроде бы звучит смешно в устах немца (до империи Бисмарка злока не дожил), но этот «пессимист» обвиняет евреев не как немец, а как «индус», призывающий к отказу от воли...

Странно, но ведь я когда-то считал себя пессимистом, и еврейский оптимизм жутко меня раздражал, хотя всегда, сколько помню себя, я был деятельным, даже лихорадочно деятельным. А «пессимизм» был такой маской, модой на разочарованность в противоход насаждаемому оптимизму-коллективизму, пафосу «строительства коммунизма». Такое фрондерство, кстати, привело многих (в том числе и евреев) в лоно христианства, хотели спрятаться в тихой гавани отрешения и молитв...

Я бы еще с удовольствием почитал переписку с Гете. А сколько стоит этот шеститомник? У меня есть двухтомник «Мир как воля и представление» (Левиной) и еще «Свобода воли и нравственность» из «Библ. эстетической мысли»...

Если будешь читать переписку с Гете и найдешь что-нибудь любопытное, в частности, о «романтизме», то сделай милость, процитируй.

А ведь Шопенгауэр по времени совпал с романтиками, и даже по молодости у него был с ними какой-то «романчик».

Статья Питерса, конечно, по делу, хотя одна фраза меня сильно смутила: «когда мирные жители позволяют террористам использовать себя, они становятся законными мишенями для военных, ведущих борьбу с террором». Ну что мирные жители могут сделать против террористов?

Кстати, к нам тут приехали два черных американских лидера, один — известная левая сука Джеси Джексон, который братался с Арафатом, приехал нас «мирить», то бишь спасать своего побратима, а другой — правый республиканец, так он выступал по радио в духе Питерса, оправдывая бомбардировки мирных жителей, так что наши левые радиоведущие просто ошалели, у нас это «моветон», тут народу внушают, что «так нельзя», Перес даже интервью дал какой-то еврогазете, где осудил бомбежку, да еще сказал, что с Шароном мира не будет, неплохой министр иностранных дел, а? И стишок Случевского — в яблочко, как ты набрел на него?

P.S.

Я тут прочитал статью о Фридрихе Шлегеле в «Фил. энциклопедии» 1989 года и тоже хочу кое-что процитировать:

«...выдвинул утопический идеал новой, универсальной поэзии и культуры... устремленной к бесконечной полноте универсума», находящейся в непрерывном процессе творч. становления, принципиально незавершенной, постоянно рефлектирующей себя и своих созданий, сливающей воедино искусство, философию, науку и религию

/пробраз такого слияния Шлегель видел в древней мифологии/. С этим связано учение об иронии как выражении... «чувства целого», побуждающего художника к постоянному самовозвышению над ограниченностью своего Я...»

Никакого пессимизма в этой моде на древнегреческое не чувствуется. Ницше как ученик Шопенгауэра напирал на пессимизм греков, но греки не были пессимистами в стиле индусов, не было у них этого «бегства от жизни», наоборот, было героическое принятие вызова судьбы и смерти. Конечно, греческая трагедия не была «оптимистической», но она и не была пессимистической, она была героической. Суть греческой цивилизации в «героизме». А этику «избавления от страданий» Шопенгауэра, причем любой ценой, я вообще не понимаю. Неужели тевтоны уже тогда настолько протухли...

31.7. Эти обязательные звонки по утрам, эта необходимость комплиментов и признаний в любви, ненасытность ее... Давит.

Позавтракали у китайцев. На ней сиреневый сарафан на белой маечке, сияет.

— Какой ты краси-ивый!

— А на тебя вообще страшно смотреть.

— В каком смысле?!

— От тебя искры летят, — говорю.

— Это оттого, что я тебя вижу. А ну-ка покажись, покажись, ну встань! А ты стал франтик!

— Франтишек...

Прижавшись ко мне в машине: «Я тебе завидую... Что ты такой любимый...».

From: «jasmine»

Наум, я Вас не обидела?

Если да, пожалуйста, поверьте, я не хотела.

Мне бы тоже хотелось с Вами познакомиться.

Аня

Аня, почему Вы решили, что меня обидели? Я был огорчен Вашим молчанием, это верно. Даже и сам стал думать, не написал ли чего «гусарского» по своей, как Пушкин говорил, «похвальной привычке». А раз Вы ответили, и, судя по всему, прочитали русский текст, то все в порядке. Я рад. И давайте знакомиться. Поскольку, прочитав книгу, вы знаете обо мне почти все, то Ваша очередь «открыться». Где Вы живете, чем занимаетесь? Мне также интересно, на каком сайте вы нашли мою книгу? Знаете ли Вы, что она вышла в 2000 году в издательстве ИНАПРЕСС в Питере? Если у Вас ее нет, и если Вам это удобно, я с удовольствием

пошлю Вам. У меня вообще-то есть еще три сборника стихов, которыми я не так чтобы очень горжусь, но последний («Левант»), изданный в Москве, удостоился некоторого внимания критики.

Наум

От Матвея:

Переписка с Гете не представляет общепсихологического интереса: это история глубочайшей психологической травмы. Мать Шопенгауэра была, в отличие от его отца, богатого купца и “филистера”, ученой дамой, писательницей, в салоне которой бывал Гете. Желая понравиться Гете, которого он боготворил, Шопенгауэр, будучи еще юношей, написал труд о теории цвета, где, развивая учение Гете, внес в него кое-какие поправки. Гете отнесся к работе Шопенгауэра с пренебрежением, все его письма — вежливые, но по сути оскорбительные отписки. С таким же пренебрежением Гете отнесся впоследствии к главному труду Шопенгауэра “Мир как воля и представление”, который молодой (относительно) автор передал ему еще в рукописи как высшему авторитету. Переписка с Гете — материал не для философа, а для психоаналитика. Вторая травма Шопенгауэра связана с его соперничеством с Гегелем, которому он проиграл вчистую (можно, конечно, сказать, что Ш. “опередил время”: на старости лет он успел застать возрождение интереса к своему учению).

Я к Шопенгауэру “питаю слабость”. Пожалуй, это мой “любимый” философ (хотя трудновато “любить” завистливого мизантропа, женоненавистника и антисемита). Тем не менее, из всех мыслителей (пожалуй, всех времен) Шопенгауэр самый близкий к “рувинизму” в области эстетики. Ницше немислим без Шопенгауэра, и я берусь доказать, что “ученик” “снизил” и “опошил” систему учителя, заменив ‘Волю’ ‘волей к власти’. Учение Шопенгауэра глубоко аристократично: оно ставит целью подавление воли (это нечто наиболее близкое к “моему” снятию индивидуации; кроме всего прочего, именно Шопенгауэр извлек из трактатов средневековых схоластов термин ‘индивидуация’ и наполнил его новым смыслом; Ницше в этом плане пришел на готовенькое). Ницше же превратил эту аристократическую систему в плебейскую “философию жизни”, и сколько бы он потом ни строил из себя аристократа, плебейские уши торчат из-под его философского колпака. Все достижения Ницше в области эстетики связаны с ранней работой “Рождение трагедии”, написанной под влиянием Шопенгауэра. Да, это творческое развитие идей учителя (грубо говоря, Ницше усмотрел в Воле Диониса, а в Представлении — Аполлона). Но когда Ницше переосмыслил в оптимистическом духе (как ты заметил, столь презираемом Шопенгауэром) отношение к Воле и пришел к мысли, что Волю (превращенную в пошлую “волю к власти”) следует не “снимать”, а “поощрять”, он переметнулся из стана Жрецов (почетным старостой которого следует признать Шопенгауэра) в стан Магов. Все, что писал Ницше об искусстве после

этого, поражает мелочностью и просто глупостью. Я с удовольствием развил бы эту тему, если она тебе интересна. (О Шопенгауэре я готов говорить «бесконечно»; зная за собой эту слабость, предпочитаю, чтобы меня «попросили».)

И еще один момент. Суждения Шопенгауэра о христианстве в приведенных мной отрывках носят чисто «маскировочный» характер. Шопенгауэр глубоко ненавидел христианство и безмерно презирал христиан. Просто в его время нельзя было писать об этом с той свободой, которую мог позволить себе Ницше. На тему об отношении Ш. к христианству я тоже с удовольствием порассуждал бы.

Что касается литературы о романтизме, могу составить для тебя список и даже берусь достать основные тексты, но на это нужно некоторое время.

Кстати, никакого «романа» с романтиками у Ш. не было: он слишком высоко себя ценил, чтобы якшаться с такой, по его представлениям, мелюзгой.

Всегда твой
Матвей

Матвей, привет!

Шопенгауэр не читал (только кое-что «вокруг»), но. Возьму на себя смелость не согласиться. Идея «воли», как неуловимой силы жизни, прекрасна. Как в физике поле, так в жизни — воля. Для меня с отрочества это слово священо. И если это «плебейство», то я плебей. Не офицер я, не ассессор, и даже, блин, не дворянин, не академик, не профессор, я просто русский мещанин. Ты пишешь, что «подавление воли» у Шопенгауэра «это нечто наиболее близкое к “моему” снятию индивидуации». Но твое «снятие индивидуации» в дионисийских вихрях приобщения к животворной силе родового начала — это как раз и есть раскрепощение воли как единого жизненного начала! «Снять индивидуацию» это не подавить волю, а стать «волей», стать «жизнью». Тут и элан виталь Бергсона и «воля к власти» у Ницше это та же воля, только не «слепая», как у Шопенгауэра, а имеющая некий вектор экспансии, захвата, самоутверждения. И у Ницше нет этого заунывного мотива: жизнь — страдание (потому, мол, и волю надо давить), он вообще буддизм ненавидит. И я не вижу магизма в поощрении воли, в самоутверждении жизни через волю к власти отдельного человека. Это не теургическая воля, а строительная («кровь-строительница хлещет горлом из земных вещей, захребетник лишь трепещет на пороге новых дней»¹), а Шопенгауэр предлагает ее подавить, слить в болотную жижу нирваны. Умиравший решил потешить себя аристократической красотой смерти. Не был ли Шопенгауэр отцом европейского декаданса?

¹ О. Мандельштам, «Век».

Судя по всему, он был человек довольно несчастный, это как же надо страдать жизнью, бояться ее, чтобы стремиться к ее подавлению! Все-таки в жизни есть и кое-какие радости...

Позвонил Бараш.

— Ты звонил?

— Да, хотел узнать, как вечер прошел?

— Нормально.

— Никто не подрался?

— Ну с кем могла подраться, скажем, Анна Исакова?

— Ну, Анну Исакову могли просто побить.

Похихикали.

— Ну что, было человек сорок. Из них человек тридцать литераторов.

— Был какой-то разговор?

— Да нет. Только Верник выступил. Но он так хвалил, что после него никто не решился и рот раскрыть.

Я выразил сожаление, что не удалось приехать. Конечно, это его задело. И то, что Гольдштейна не было.

— Я тебе, кажется, говорил, — защищаю Гольдштейна, — что он в этот день работал вечером.

— Работал так работал.

Он был явно обижен. Это складывалось у него в общую картину: «пренебрежения» к нему со стороны Гольдштейна, и с моей, конечно. Поговорили о сюрреализме террора (днем был теракт в Иерусалимском университете).

— А вчера рядом с моей работой рвануло, на Навиим.

— Да...

— А скоро вообще придется противогазы одевать. Ладно, пойду поведу радиослушателям, у кого чего оторвало.

Не отомстить он не мог.

— Хочешь почитать гадости о себе?

— Давай.

— Этот, Виктор Яфе, все изгаляется. Я его воспитываю, да, у нас переписка, он даже приезжал ко мне. По отношению у «Зеркалу» он свой тон несколько изменил, по отношению ко мне совершенно поменял, а вот по отношению к тебе...

— Давай-давай, перекинь.

1.8.

From: «jasmine»

Наум, Вы просто не получили мое предыдущее письмо, поэтому думали, что я молчу, а я думала, что молчите Вы...

посылаю Вам его еще раз:
«Здравствуйте, Аня!»
Ну конечно, здравствуйте!
я никогда не обращалась к авторам...
такое желание возникало, но всегда было неловко беспокоить незнакомого человека...

возможно, желающих высказаться очень много...
а вчера просто эмоции взяли верх [смущенно-иронично улыбаясь]
тем более меня тронул Ваш ответ
очень...

«И дело не только в тщеславии автора. Я всегда воспринимал литературу, во всяком случае то, что мне самому хотелось в ней сотворить, как «письмо к далекому другу». Наугад, как письмо в бутылке (такие вот игры в «бутылочку»).

может быть, это меня и увлекло?

«Был бы рад, если бы Вы написали мне, где и как вы наткнулись на этот “роман”».

о, совершенно случайно... боюсь, Вам это не покажется увлекательным

я искала один магазин в поисковой системе апорт... по ключевым словам... в числе прочего, система выдала две или три строчки из Вашего романа... я пробежала их глазами, пошла по ссылке и читала до вечера...
вчера дочитывала...

забавно, что за эти два дня в моей жизни много чего случилось, хорошего и разного... но, все же, больше разного... однако, всякий раз, возвращаясь к Вашему роману, я переставала грустить... редкая для меня иллюзия неодинокства...

ну, т.е. есть у меня и друзья, и люди которых я люблю, которые любят меня, у меня чудесная большая семья, и все такое...

мое одиночество — просто мироощущение... я люблю его...

а тут — такая роскошь

в общем, очень мило было с Вашей стороны показаться таким близким

наверно, некоторые именно это ищут в религии...

неодинокство

«Например, где Вы живете (откровенно говоря, побежал бы, сломя голову, знакомиться, но боюсь, что не близко...)

конечно, Вы правы... совсем не близко — в Москве...

«проблемы с кодировкой».

основной вопрос в том, сколько гейтов проходит письмо на своем пути, если четное количество — прочитается... нечетное — не прочитается...

т.ч. если Вам приходит письмо в непонятной кодировке, его надо просто переслать куда-нибудь... а если не поможет — еще раз...

не знаю, что еще рассказать о себе...
не знаю, что Вам интересно...
ну, осенью мне будет 25...
но это, наверное, и так понятно...
аня

From: «jasmine»

знаете, я уже пыталась найти эту книжку в мск, но у меня ничего не вышло...

т.ч. Ваше желание послать мне книжку было не только очень приятно, но и неожиданно своевременно...

признаться, я редко покупаю книги... покупаю только те, которые полюбила

не очень изящный комплимент получился, правда?

ну, я еще научусь...

Ваших стихов я пока не читала... не успела... я — известный тормоз...

нет, не тормоз... медленный газ...

простите меня, Наум... меня заносит... абстинентный синдром

всегда проявляется у меня таким вот странным образом...

кроме того, я, признаться, сознательно оттягиваю знакомство с остальными произведениями... «растягиваю удовольствие», как сказал бы почтальон печкин

буду надеяться на скорую весточку; по-прежнему, с восхищением

Аня

Ане:

Черт возьми, как говорил Д'артаньян, прекрасный возраст! И то, что живете в Москве — это хорошо, все-таки родной город (почему-то снился мне вчера, уже много лет такого не помню), и я давно все собираюсь приехать, да все откладываю...

Вообще-то моя книга более активно нравится женщинам (женщины вообще более эмоциональны, они — надежда художников и опора религий), правда, судя по откликам, — женщинам более «продвинутого возраста», так сказать «умудренным опытом», так что Ваш возраст и в этом смысле меня порадовал, хотя опыт, особенно женский, не всегда линейная функция возраста: ум, смелость и красота «уплотняют» жизнь. Но, конечно, не всем нравится: многие возмущены «цинизмом». Я-то не согласен, но не спорю, да и возмущение — тоже хорошая реакция, лучше равнодушия. Одна знакомая литературная дама даже запальчиво сказала, что на месте моей жены немедленно развелась бы со мной. А покойный Залыгин, в ту пору (1999) еще редактор «Нового мира», прочитав, заметил (как передали): «Мы бы напечатали, но уж очень плохо пишет о женщинах».

А вообще, ощущение близости, наверное, самое ценное и волнующее из человеческих ощущений, и я счастлив, что оно у Вас возникло, что невольно передалось и мне...

Насчет кодировок я учту Ваш совет, спасибо, но чтобы не возникало путаницы, лучше всего посылать «скрепкой», это от «гейтов» не зависит и должно раскрываться всегда.

А чтобы получить книгу, Вам придется рискнуть и послать мне свой адрес.

Наум, привет!

Серьезной литературы по романтизму на русском языке почти нет. Прежде всего приходят на ум глубокие идеи Вяч. Иванова о различии между романтизмом и символизмом и общие соображения Флоренского о чередовании «дневного» и «ночного» типов творчества.

Кроме двух книг Жирмунского — «Немецкий романтизм и современная мистика» (1914) и «Религиозное отречение в истории романтизма» (1919; насколько мне известно, эта книга не переиздана), — заслуживают внимания две работы Наума Берковского: «Литературная теория немецкого романтизма». Документы под редакцией, со вступительной статьей и комментариями Н.Я. Берковского. Изд. писателей в Ленинграде, 1934 г. /Эта книга — библиографическая редкость./

Берковский Н.Я. «Романтизм в Германии». Л., ГИХЛ, 1973. Эту книгу можно найти в букинистических магазинах. Кажется, она недавно переиздана в мягкой обложке; значит, можно купить недорого. Автор прекрасно знает материал, масса интересных сведений. Однако у книги есть существенный дефект: в угоду совковым представлениям Берковский из кожи вон лезет, чтобы доказать «прогрессивность» романтизма. Он всячески выпячивает «историзм», интерес к «духу народа», «новаторство» и т.п. и столь же настойчиво затушевывает «субъективизм», «идеализм», «религиозность», «двоемирие» и т.п. Книга до сих пор сохраняет значение, т.к. вряд ли кто-нибудь рассматривал романтизм в таком ракурсе, при том, что автор остается серьезным ученым, даже несмотря на передержки.

К счастью, не все так плохо благодаря поразительной по масштабу деятельности одного человека — Ал. В. Михайлова, который перевел и откомментировал основной корпус текстов-первоисточников по эстетике немецкого романтизма. Будучи сильным мыслителем и редким эрудитом (о нем были очень высокого мнения не только его друзья Аверинцев, Ильенков и С.Бочаров, но и Лосев), Михайлов посвятил все свои силы «культуртрегерской работе». Он не написал ни одной книги, зато перевел (на свой страх и риск, не имея заказов; большинство его переводов печатаются до сих пор из архива) Гуссерля, Хайдеггера (лучше Бибихина), Ницше, Дильтея, Адорно, Ауэрбаха и многих других.

Практически все книги по эстетике немецкого романтизма вышли в выпускаемой издательством «Искусство» серии «История эстетики в памятниках и документах» (у тебя, как я понял, есть в этой серии Вагнер и Фридрих Шлегель в 2-х томах). Есть еще: «Эстетика немецких романтиков». 1986 — 736 с. /Предисловие («Эстетические идеи немецкого романтизма»), переводы и комментарии Ал. В. Михайлова.

«Эстетика раннего французского романтизма». 1982. /Шатобриан: 'Гений христианства'; 'Опыт об английской литературе и суждения о духе людей, эпох и революций'. Бенжамен Констан. 'Статьи о литературе и политике'; 'О госпоже де Сталь и ее произведениях'; 'Размышления о трагедии'. Жубер: 'Дневники'; 'Обвинительная речь против романов' и др./ Сэмюель Тэйлор Кольридж. Избранные труды. 1987 — 350 с.

Почти все книги этой серии можно купить в букинистических магазинах сравнительно недорого — думаю, 150–250 р. за одну книгу (том). Это очень культурное издание с грамотными примечаниями. Примечания Михайлова — это «классика жанра», возможная только в «совке»: сделана попытка вставить как можно больше «сомнительного» и «полузапретного» при сохранении строгой научной концептуальности.

Всегда твой
Матвей

Позвонил Озрик. Похвастался ему, что получил письмо от восхищенной поклонницы.

— Да? Что же ее так привлекло? Сексапил?

— Не, мы берём нравственной глубиной.

Поржали.

— Вообще-то я думал перечитать твою книгу, — сказал он серьезно, а то я прочитал ее сразу по приезде, и это... у меня вообще голова шла кругом, а тут еще... такой интеллектуальный удар.

И мы опять заржали.

Матвей, привет!

Я бы приобрел «Романтизм в Германии» Берковского.

Прочитал Войновича. То, что он умом не блещет, я и раньше подозревал, и посему ничего из-под его бойкого пера не читал, и этот текст прочитал с трудом, хотя кое-какие «картинки нравов» и литературные сплетни вполне съедобны. Зуб у него, конечно, на Исаича пребольшой, и мужик он, видать, злопамятный и склочный, но текст вышел мелочный, местами даже гаденький. Он как бы «разоблачает» миф о Солженицыне, но поскольку мифа-то уже давно никакого нет, то получается — сведение счетов. Верно, что Солженицын пишет «неинтересно» («в поте лица катил свое «Колесо»», это хорошо, зло сказано). Но после этого все остальное становится лишним. Все эти упреки в «самолюбовании», в «карьерных соображениях», в «антисемитизме» (к которому честняге

Войновичу внушила стойкое отвращение даже не «еврейская мама» — надо же так написать! — а русская няня), и даже в «безнравственности»: Демичева обманул и заставил пленного немца нести свой чемодан! Он бы, Войнович, никогда бы себе такого не позволил. Ну да, Солженицын — ловкач (что на Руси всегда осуждалось, ценился рубаха-парень), госпожа Боннер — дама «твердая», а Кублановский — лизоблюд, так кто ж этого не знает. А кто не знает — никогда и не узнает.

А как «художника» его исчерпывающе характеризуют такие «приговоры»: «Крайние условия жизни, где ни для каких человеческих чувств не остается места, художественному описанию просто не поддаются. Поэтому нет высоких литературных достижений в сочинениях об Освенциме, Треблинке (но есть очень сильно написанная глава в «Жизни и судьбе» Гроссмана), а рассказы Шаламова слишком уж беспросветны, чтобы восприниматься как факт большой литературы». И это по своему замечательно: «Художественная литература — это вид искусства. Отсутствие в романе, повести или рассказе признаков искусства нельзя оправдать...». Глубоко копает.

Так что если Солженицын мухомор, то Войнович в этом тексте выглядит обиженной поганкой.

С нетерпением жду про Шопенгауэра.

Всегда твой

Наум

From: «jasmine»

...на месте Вашей жены... был какой-то фильм... а, ну конечно! «Тот самый барон Мюнхгаузен»! там пастор тоже говорит: «На месте вашей жены, барон, я бы», — а Мюнхгаузен ему отвечает: «Вот поэтому я и собираюсь жениться не на Вас, пастор, а на Марте».

...недавно преподаватель актерского мастерства, жутко умный экспрессивный дядечка, выспрашивал у меня, какие мне нравятся фильмы, что именно мне там нравится, что меня особенно поразило, что запомнилось... в числе прочего я сказала, что мне нравится Николас Кейдж... на что он сразу ответил: «Нуу, это-то понятно: в нем очень сильно мужское начало». Я очень смеялась... Я, конечно, сразу перебрала в памяти всех любимых и нелюбимых актеров, каких смогла вспомнить, и с удовольствием обнаружила, что он прав. Люблю, когда люди с завязанными глазами попадают в яблочко...

знаете, я Вас все время цитирую... не дословно, конечно, не обольщайтесь, просто часто Ваши слова наиболее точно описывают то, что я вижу... чувствую...

«А вообще, ощущение близость, наверное, самое ценное и волнующее из человеческих ощущений, и я счастлив, что оно у Вас возникло, что невольно передалось и мне...»

да, знаете, наверное, это самая сладкая из всех существующих иллюзий

да, еще адрес пажалста ...

хотите, могу и телефон может быть

Аня

2.8. Проснулся в пять и не мог заснуть, вышел погулять по парку в полседьмого. В парке оживленное движение старичков-спортсменов. Свернул к пруду. Гуси недвижно стоят на трубах фонтана посреди пруда и скульптурной группой отражаются в воде. Позвонил Р. Рассказал, что получил письмо от поклонницы.

— Ах ты старый развратник.

Ответ Ане:

Уже «собрал» вам посылку (если вы не против, перейду на более «простое» обращение, без заглавных букв, грамматически это неправильно, но «Вы» — уж очень церемонно, а «ты» — чересчур близко), а когда надписывал адрес, то обратил внимание, что не знаю фамилии. Это может затруднить доставку. Так что придется вам открыть мне еще одну вашу тайну, если, конечно, это вам каким-то образом не навредит. И предложение дать мне свой телефон я принимаю.

ICQ у меня раньше была, но я стер.

А что именно вас привлекает в вызове?

Кейдж всегда играет темпераментных мужчин... Был как-то фильм, забыл как он называется, что-то вроде «Дикое сердце», где он играет парня без тормозов, который из-под венца похищает дочку какого-то мафиози и убегает с ней от мафии через всю Америку, и я помню, что вот эту бесшабашную, даже не смелость, а страстность, ему удалось передать... А страсть, как известно, владычица миров...

А вы учитесь актерскому искусству? Хотите послужить, или, быть может, уже служите музам?

Наум

Вести дневник, это все равно что путешествовать с фото- или кинокамерой: видишь мир через «глазок», рыщущий в поисках «кадра».

Пришла теща. У нас были Юваль и Илюша с Дафной. Теща плачет: дала все-таки сыну деньги и вдруг испугалась, что он не вернет.

— Нахалы, двое нахалов, которые изводят меня!... Я хочу избавиться от них к чертовой матери!.. Он врет, он все врет!.. Я дала ему тысячу долларов!...

— Мама, хочешь компоту?

— Я ничего не хочу!... Я хочу умереть... Я пришла только послушать Моцарта и уйду. (Жена перед этим поставила «Похищение из сераля».)

Но Моцарт не облегчил страданий.

Дафна говорит:

— Ат роца маим?¹

— Я сама знаю где маим, я у себя дома!

Первым сбежал Юваль. Потом Илюша с Дафной отчалили. А теща все изрыгала:

— ...Я его терпеть не могу, грязнущий вонючий пес, он мне мешает жить... моя жизнь сгорела... я несчастный человек... пусть он идет на тот свет... какое мне дело... он мне не муж с 72 года... он сел мне на шею... он обманул меня... у меня нет дома... это разорение моей жизни...

От Л:

прилетаю 5 днём

как там у тебя с отпуском?

С отпуском просто сумасшествие. Тур во Францию с 15 отменили, с одним частником, который рисовал красиво, но требовал все деньги сразу, мы решили не связываться. Через интернет не можем найти ничего подходящего — все забито, или дорого. Остались два тура в Скандинавию, 9-го и 19-го, жена хотела 9-го, но я уговорил на 19-е, но сейчас и это под угрозой, мало людей записалось. Так что — ничего определенного. И вообще я не хочу никуда ехать... Ты будешь одна у сестры, тебе можно туда звонить? Или ты мне позвонишь шестого?

3.8.

Schor

Наум, привет!

Пока я «примеривался» к Шопенгауэру издали, все было хорошо, но как дошло до дела, так возникли сомнения — главным образом формально-технического свойства. Не излагать же мне по главам такой кирпич, как «Мир как воля и представление»? А ты как себе это мыслишь? Единственное, до чего я додумался: лучше всего было бы, если бы ты сам прочел этот труд (не обязательно целиком, но 'Главу третью: О мире как представлении' — непременно), а мы бы потом его обсудили. Мне самому очень хотелось бы это сделать по следующим соображениям (излагая их, я надеюсь заинтересовать и тебя соответствующим ракурсом рассмотрения). Связка Шопенгауэр — Ницше (до 'Рождения трагедии' включительно) видится мне как кульминационный пункт развития эстетической теории в западной философии. Это пункт наибольшего «приближения к Моему Учению», совершенно в этом смысле не оцененный (хотя и 'МкВ', и 'РТ' — очень известные книги). Разобраться в соотношении между «кульминационным узлом» Ш-Н и Учением — значит, «позиционировать» себя по отношению к классической традиции. Задача увлекательная.

¹ Вы хотите воды? (*ивр.*)

Ситуация развивалась таким образом, что Ницше, достигнув поразительных высот в этом своем раннем труде, вскоре стремительно пошел на спад (по части эстетики он, на мой взгляд, с тех пор неуклонно деградировал), что сказалось и на изменении его отношения к Шопенгауэру. Поскольку проследить это изменение нетрудно, и материал эффективный, с него можно было бы для затравки и начать.

В написанном вскоре после РТ (еще до «перелома») сочинении 'Шопенгауэр как воспитатель' (1874) говорится: «Я принадлежу к тем читателям Шопенгауэра, которые, прочитав одну его страницу, вполне уверены, что они прочитают все, написанное им, и будут слушать каждое сказанное им слово. У меня сразу явилось доверие к нему, и это доверие теперь таково же, каким было девять лет тому назад». Мера восторженности, с какой Ницше, уже автор РТ, говорит о Ш., беспрецедентна. Ш. не только величайший, — он единственный. Он не только величайший образец, но и «воспитатель», эталон человека. Кроме того, его имя — пароль. Первая встреча с Вагнером ознаменовалась «долгим разговором о Шопенгауэре» («ах, ты поймешь, — пишет Ницше еще одному шопенгауэрианцу Роде, — каким наслаждением было для меня слушать его, с неопишуемой теплотой говорящего о Шопенгауэре, чем он ему обязан и что это единственный философ, постигший сущность музыки». В РТ Ницше, по собственным словам, трактовал искусство «в его /Шопенгауэра/ духе и во славу его». Цитируя одно из высказываний Ш., Ницше называет его «важнейшим для всей эстетики воззрением, с которого, строго говоря, эстетика только и начинается» (1, 117–118). «Огромному мужеству Шопенгауэра удалось одержать труднейшую победу — победу над скрыто лежащим в существе логики оптимизмом, который в свою очередь представляет подпочву нашей культуры. Этим прозрением положено начало культуры, которую я осмеливаюсь назвать трагическим». (1,128) «Таким Дюреровым рыцарем был наш Шопенгауэр: он потерял всякую надежду, но он жаждал истины. Нет ему равного». (1,138). В «Шопенгауэре как воспитателе» Ницше выступает ортодоксальным шопенгауэрианцем-пессимистом, пронизанным духом пессимизма и отрицания; шопенгауэрианцы составляют, по его мнению, соль земли: «Это те подлинные люди, которые уже не звери, — философы, художники и святые; при их появлении и в их появлении природа, которая никогда не делает скачков, делает свой единственный скачок, и притом скачок радости, ибо она чувствует себя впервые у цели, — т.е. там, где она понимает, что должна разучиться иметь цели и что она делала слишком высокие ставки в игре жизни и становления» ('ШкВ'// Ницше. Странник и его тень. М.: REFL-book», 1994. С. 42).

Но уже в предисловии к переизданию РТ, написанном в 1886 году («Опыт самокритики»), Ницше утверждает, что он «кропотливо старался выразить формулами Шопенгауэра и Канта оценки, которые по самой

основе своей шли вразрез с духом Канта и Шопенгауэра, не менее чем с их вкусом. /.../ О, со сколь иной речью обращался ко мне Дионис! О, как далек был от меня именно в это время дух отречения!» (1,54).

По мере эволюции своих взглядов Ницше каждый раз приписывал Шопенгауэру именно то, против чего боролся (и в этом смысле никогда с ним не расставался). Так, на этапе «Веселой науки», когда Ницше возмнил себя «просветителем-материалистом» на манер Вольтера, его главным врагом стал «романтизм», — и в грехе романтизма обличается, конечно, Шопенгауэр: «Есть два типа страждущих: от избытка жизни... и страждущие от оскудения жизни, которые ищут через искусство и познание покоя, тишины, гладкого моря, избавления от самого себя или же опьянения, судороги, оглушения, исступления. Потребности последних отвечает всякая романтика, ей отвечали (и отвечают) как Шопенгауэр, так и Рихард Вагнер, если назвать тех прославленнейших и выразительнейших романтиков, которые тогда превратно толковались мною». (1,696).

Когда главным врагом Ницше стал *decadans*, Шопенгауэр в его представлении заделался князем декадентов (ты угадал!). Ницше гордится тем, что сумел «восстать против всего большого во мне, включая сюда Шопенгауэра» (2, 526). «Благодеяние, которым Вагнер обязан Шопенгауэру, неизмеримо. Только философ *decadence* дал художнику *decadence* самого себя» (2,533). «Мораль, как ее понимали до сих пор — как напоследок ее формулировал еще и Шопенгауэр в качестве «отрицания воли к жизни», есть инстинкт *decadence*, делающий из себя императив; она говорит: «погибни!» — она есть приговор осужденных» (2,576). Далее пошли уже грубости. Кем только ни обзывал Ницше Шопенгауэра! Любимое ругательство — «старый пессимистический фальшивомонетчик». Или так: «отдает трупным запахом Шопенгауэра». Есть намеки на импотенцию или, может быть, онанизм: «Шопенгауэр говорит о красоте с меланхолическим пылом, — почему в конце концов? Особенно ценит он ее как освободительницу от «лучецентра воли», от полового чувства, — в красоте он видит половой инстинкт отрицаемым... Удивительный святой! Кто-то противоречит тебе, боюсь, что природа» (2, 605). Звучат неприятные личные ноты: в вину Шопенгауэру ставится даже игра на флейте: «кто вполне восчувствовал, как безвкусно-фальшиво и сентиментально звучит этот тезис в мире, эссенцию которого составляет воля к власти, — пусть тот вспомнит, что Шопенгауэр, хоть и пессимист, собственно — играл на флейте...» (2,307). В общем, согласись, тема богатая.

А книжка Войновича действительно глупая, и обсуждать тут особенно нечего. Жалко «испорченной» темы: история о том, как бывшие диссиденты оказались «по разные стороны баррикад», могла бы стать захватывающей и вобрать в себя едва ли не всю «поколенческую» проблематику. Но у Войновича, с одной стороны, нет склонности к анали-

тике, а с другой, он человек все-таки деликатный (это надо ж было умудриться — не дать в пасквиле практически ни одного нового компрометирующего факта!). Вот и получилось ни то, ни сё. Впрочем, справедливости ради следует признать, что Войнович «как человек» во многих ситуациях вел себя исключительно мужественно; он принадлежит к тем немногим из «диссидентов», которые «ничем себя не запятнали». А из его текстов «Иванькиада» нравится мне до сих пор (может быть, потому, что там нет «художества» — одни документы). В связи с этим, может быть, стоит прочесть его мемуарную книгу «Антисоветский советский союз»: съедобные картинку нравов и литсплетни гарантированы.

Всегда твой
Матвей

Матвею:

Твоя «затравка» меня увлекала. Я с радостью приму участие в этом многообещающем интеллектуальном приключении. Дело в том, что Ницше — узловая фигура для многих философских и литературных истоков, даже, если угодно, современного типа мышления (и до сих пор, в силу одиозной знаменитости, отпугивающий «осторожные» умы), а связка-конфликт с Шопенгауэром представляется мне не только ключевой (в контексте Твоей Теории), но и весьма драматической в истории европейских идей вообще, что делает попытку разобраться в этой драме особенно увлекательной. Тем более что Ницше я еще и люблю, во всяком случае, «храню в сердце», а имя Шопенгауэр когда-то звучало для меня таинственно-привлекательно из-за пароля «пессимист» (уж очень отвратителен был подгнивший коммунистический оптимизм). Но я, как и Ницше, отрекся от пессимизма и стал адептом воли (она и у коммунистов мне нравилась), и он правильно раскусил Шопенгауэра как декадента, со всем его «буддизмом»: отказом от воли и бегством от страданий. Причем Ницше выбрал не оптимизм, по-прежнему мне ненавистный (слишком розовощекий, да с наложенными, как на старой бляди, румянами), а героизм, действительно в ту пору стремительного покидавший Запад (вместе с аристократизмом). Ницше был боец, последний воин, восставший на Мораль, но не во имя аморализма, а из любви к трагическому героизму, что по ту сторону добра и зла.

Что касается третьей «эстетической» главы «Мира как воли и представления», то, начав читать, я увидел все ту же идею отказа от воли как сердцевины «эстетического созерцания». И если Воля это даже не воля к жизни, а воля жизни, воля рода, то зачем ее подавлять, тем более что он пытается «в созерцании» с ней слиться? И тем более не вижу никакой связи между идеей подавления воли (то есть жизни!) и твоей теорией (хотя соображения его, по стилю, надо сказать, весьма элегантны, талантливый писатель). Так что я был бы рад, если бы ты, не дожидаясь

меня (когда я еще дочитаю эту главу, вон сколько Лёвита мучаю), начал «атаку». А для начала-разбега ты мог бы просветить меня по части эстетического подхода Шопенгауэра.

Кстати, исходя из того, что ты написал, интерес Шопенгауэра к эстетике как к узловой теме философии идет от романтизма, возможно, в этом и состоит основное философское достижение (и значение) романтизма — выдвигание эстетики в центр философских и экзистенциальных проблем. Но я не вижу ничего общего между романтизмом (все-таки «Буря и натиск») и «подавлением воли» у Шопенгауэра.

Вообще-то, во всей этой германской «фонтанирующей философии» конца 18 — начала 19 века мне видится некий националистический взрыв (интересно, что с объединением Германии он стал угасать), причем увлечение Грецией тут послужило подменой возвращения к германским корням воинской доблести и освобождения от пут ханжеской христианской морали, а заодно и от наступающей уже во всю меркантильности, а значит, от «гнета иудаизма»: все-таки на прямой разрыв с христианством решались не многие, а античность как-никак часть христианства. Это был такой «фрейдистский» перенос германской исконно мрачной воинственности на «греческую трагедию», выискивание у греков германского трагического начала. Но трагический героизм греков совершенно иной, гораздо более светлый и жизнеутверждающий. И в его сердцевине не только Дионис (да и мистерии дионисийства были дикими праздниками весны и обновления!), но и Аполлон, буйство греков было обуздано философией. Впрочем, это так, нота Бене.

Всегда твой
Наум

Барашу: А где обещанный пашквиль?!

4.8. С утра будто воздух не хватает. И очередной автобус взорвали у Цфата. Совсем не хотелось встречаться. Но. Машины у нее не было, заехал за ней. Хороша. Но стара. «Садитесь, уважаемая». — «Ты чего это?»

По дороге говорю: «Давай в кино ходим. На Альмодовара». — «Как скажешь». А когда рассказал, что вчера был на выставке импрессионистов, там скульптуры Дега, зимний пейзаж Моне и две «морские» акварели Синьяка, она вдруг захотела в Музей. Поехали. Но Музей оказался закрыт (я и забыл, что всегда закрыт в воскресенье), зашли в кафе у Оперы. Достала фотографии внука и дочери. Разговорились о родственниках. Я рассказывал о последних тещиных истериках, она заметила, что мотовство шурина — способ прикарманить наследство, я пожал плечами. У них свои дела, говорю, и я в эти дела не вмешиваюсь. Она спросила, как жена реагирует, мой ответ вызвал у нее приступ симпатии к моей жене в сочетании с какой-то даже неловкостью: «Чем больше ты мне про нее рассказываешь, тем больше я проникаюсь к ней уважением, она

очень достойная женщина». Рассказывала об отце, как женился во второй раз, на русской женщине «с задницей до пола», завкафедрой математики, деревенская, но очень способная к математике, как окрутила его, вдовца, вызвалась проводить домой, зашла домой и осталась. Как закатывала ему истерики, грозилась повеситься, а он очень пугался. «Однажды она заболела, лежала в больнице, и отец сказал мне в панике: «Неужели я опять останусь вдовцом?». Понимаешь, что его больше всего пугало? Не то, что она умрет, а то, что он будет вдовцом. И, видимо, он так это переживал, что через неделю после того, как она вышла, с ним случился удар, и еще не сразу отвезли в больницу, и в больнице он вел себя как ни в чем не бывало, курил, хотя ему строго запретили, просил меня привести ему Гашека, читал своего любимого «Бравого солдата Швейка», и так и умер со «Швейком» в руках...». После бутылки пива соскочили на «жизнь», она сказала, что ее «главная задача — быть счастливой». А я пожаловался, что по-настоящему счастлив только тогда, когда мне кажется, что удалось сделать что-то, имеющее значение, а все оттого, что хочется вырваться за пределы своей жизни, жизни вообще, вот такая религиозность. Стал рассказывать о «бедном Меире». Об этой анатомии смерти, о путешествии героя Шабтая в Амстердам, Амстердам как метафора иного мира, иной жизни. Пересказал тот кусок, на котором как раз остановился, где Меир думает о его друге Гавруше, орнитологе, гоняющимся за редкой птицей, и об этой птице, которая «утонула» в Гавруше с его смертью, и что все, что мы видим, в том числе и «удовольствия», собирать бесполезно, все в нас утонет, жизнь в этом смысле — иллюзия, она согласилась, что иллюзия, но сказала, что не собирает удовольствия, а для нее жить — это все время их испытывать, таков смысл «этой» жизни.

— И «эта» жизнь, только часть того, что мне предстоит, я это знаю, ничего не кончается, поэтому эту часть надо прожить счастливо.

— Удовольствие и счастье — разные вещи, — возражаю.

Все время звонил муж. Она не отвечала, но нервничала. Нервничала, что с самого начала забыла выключить телефон. Дала мне обещанный туристский каталог, «ты вернешь мне до конца недели?». Я говорю: не знаю, если мы девятого уедем... Лицо ее почернело. И вообще, она чувствовала, что я «мертвый». В оправдание стал жаловаться, что «задыхаюсь», потом заговорил о перепадах настроения.

— У тебя каждый сентябрь перепады.

— Именно в сентябрь?

— А то ты не знаешь.

Лицо ее серьезное и отчужденное. Лишний раз подивился женской интуиции.

Прочитала сообщение мужа: машина готова, надо ее забрать. Долго не решалась позвонить мужу, обдумывала «версию», наконец позвонила. Вышла из машины, чтобы я не слышал. Вернулась в машину, хлопнув дверью:

— Как я ненавижу врать! Ну почему, почему надо врать! Ведь оттого, что у меня есть любовник, я не отношусь к нему хуже, и не перестаю быть хорошей женой.

Вот такое получилось свидание. Повез ее домой. По дороге расшалилась.

— А можно, я тебя за яйца возьму? Ну, раскрой пошире ножки. А это что? Ну чего ты, как будто тебя девственности лишают.

Боролись и хохотали, вокруг гудели, видно, я петлял, хорошо аварию не сделал. Подъезжая к задуманному месту, она позвонила мужу, чтобы он ее встретил. И мне: «Не слушай!». Но руки были заняты рулем, и заткнуть уши было нечем. Ее голос, обращенный к другому, показался живым. А тут жена позвонила: у тещи инфаркт.

— По-дурачки все получилось, — сказала она.

— Да, нелепо.

— Но я все равно рада, что тебя повидала.

На обратном пути слушал радио: теракты, теракты, теракты...

Бараш написал: «на, получай свое удовольствие».

Оказывается, у этого Яфе целый сайт, и там он накатал статью о «современном положении» в нашей русскоязычной, разбирая в основном «Зеркало» (последний номер) и «Солнечное сплетение». Очень много и с обильными цитатами о «Новой Лолите» Урман, и не поймешь, вроде невысокого мнения, но полпубликации переписал, про все ее «членства», хвалил казенно Бараша, искренне — Тарасова, а про нас, грешных вот так:

«Точно такой же тотальной избыточностью страдают дебильноватые «письма» двух престарелых евреев — небезызвестного «ханаанца-хрониста» Н. Ваймана и его «друга по переписке» — некоего Матвея Рувина. Забавное местечковое токотанье двух никому не интересных, немного придурковатых семитских джентльменов, вымученно (как и их простато-стариковский, литературно зафиксированный недосекс) накручивающее одну досужую чушь и надутощековую «глубокомысленность» за другой — не может не печалить прихотливый читательский глаз, особенно, буде предпослано именно под занавес выпуска».

5.8. Утром позвонил Р.

— А я в машине.

— В Хайфу едешь? (Собиралась.)

Чуть замялась.

— Да.

И я понял, что едет она не в Хайфу, а, небось, к своему Яки-бяке. Вторая смена.

Спросила, как теща, как сам.

— Нормально.

- Задыхаться перестал?
— Перестал.
— Знаешь, я чего подумала? Надо осторожно с такими книгами о смерти, можно заразиться.

Навестили тещу. Она была бледна, черты лица заострились. Но жизнь еще цепко держалась в ней и не топталась у выхода. Потом пришли Илюша с Дафной, и она вдруг разговорилась, стала рассказывать внуку, он стоял около кровати, свою жизнь, как «папу» преследовали «за Троцкого», он в 20-м, после боя с белополяками и речи Троцкого вступил в партию, и «за сионизм», и поэтому отец хотел уехать из Бобруйска и поехал в Бирабиджан, но в Биробиджане ему не понравилось, он объехал Байкал и вернулся, а дядя Зяма, который жил под Москвой и работал на деревообрабатывающем комбинате, предлагал отцу остаться и устроил его на работу, но отец вернулся в Бобруйск, и они всей семьей уехали в Крым, в еврейский колхоз, в тридцать восьмом, и там она кончила школу и поехала в Москву поступать на медицинский, сдавала в Университет на Моховой и сдала, и проучилась шесть лет, а после войны ее направили в Литву, и как она там «воевала с этими бандитами», и брат ее погиб в боях с «лесняками», и как она воевала за путевку в Институт Усовершенствования врачей, как ее хотели обмануть, но она все-таки добилась, и какие светила там преподавали, а брат Борис уже жил в Москве... А началось все с рассказов о битве за «мумхиют»¹, как она единственная дала правильный диагноз в одном сложном случае, и профессор Давидович после этого поручал ей сложные операции, она за два месяца сделала двадцать операций, и как ей дали «мурше»², и профессор поздравил ее, и спросил, возьмет ли она, но она сказала, что ей не нужно «мурше», а ей нужны почет и уважение, и она согласна только на «мумхиют», и профессор сказал, что он и не сомневался, что она так скажет, и в конце концов ей дали «мумхиют»... И мой сын, стоявший у ее постели, и даже я, притулившийся в углу, в кресле, почему-то внимательно слушали этот обычный стариковский бред, который — вот она, суггестия — разворачивался перед нами летописью жизни этой нехитрой души и сильной воли. И она, чувствуя внимание, явно преобразилась, голос окреп, жесты рук стали размашистыми, и уже прощаясь, она даже попыталась сесть и обнять нас. На обратном пути сын еще уточнял у меня какие-то исторические детали. Потом мы остались с женой вдвоем, и она сказала: «Вот и жизнь прошла».

По дороге домой рассказала историю, как теща влюбилась в одного парня на последнем курсе, и они уже решили пожениться, а того после

¹ Звание «специалиста» (*ивр.*), без этого звания нельзя открыть частную клинику.

² Разрешение на профессию (*ивр.*).

института послали в Польшу, восстанавливать здравоохранение, и он должен был написать, как только приедет, и вызывать ее, но поезд, в котором они ехали, попал к партизанам Армии Крайовой, и им нужны были врачи, и они его год продержали в плену, а она каждый день бежала на почтамт и рыдала, а в конце концов вышла замуж за папу, а тот, кого она любила, когда партизаны его через год освободили, написал дяде Борису, так дядя Борис ему ответил, что она замужем, у нее ребенок, и пусть забудет о ней, вот так, распорядился ее жизнью, потом она говорила ему: Борис, какое право ты имел так распорядиться моей жизнью? Я бы все бросила и побежала к нему. Да, брат был такой же прямолинейный, как и она, а у самого жена сбежала через неделю после свадьбы, сбежала рожать от другого, и он ее долго искал, в конце концов она вернулась, и он эту девочку удочерил... А этот, мамина любовь, он недавно приехал в Израиль и нашел ее. Но они не встретились, только по телефону говорили.

— Прям Шекспир.

6.8. Утром позвонил Р. Оставил автоответчику «нешикат бокер». В полдевятого перезвонила. Я был в ванне: надо иногда и помыться. А когда вылез, позвонила Л. Говорит в нос, простужена.

— Ну что, очухалась после перелета?

— Собрала себя по частям.

Договорились на 11.

И опять она ждет меня на том же месте, и вновь садится рядом, будто вчера расстались, кривя рот в горькой улыбке, качает головой. И я как-то неловко ухмыляюсь.

— Ну что, поедем в отель?

Неопределенно пожимает плечами. Еще в легком шоке.

— Молчание знак согласия?

Ухмыляемся. Еду в Бат-Ям. Дешевый номер для ебли. Она сухая. Тру по сухому, и чувствую увлажнение, набухание соком, и уже не тру, а плаваю, а потом и вовсе — свободное падение...

Лежим рядом, почти не касаясь друг друга.

— Знаешь, — говорю, — в последний раз что-то изменилось... Если до этого я всегда чувствовал какую-то границу, то теперь... ее как будто не стало, или скажем так: я никогда не чувствовал, что ты «моя», а теперь у меня появилось такое чувство, чувство абсолютной власти...

Она слабо кивнула.

— В последний раз я пережила сильнейшее потрясение в своей жизни...

— Ты имеешь в виду смерть отца?

— Да. Он и сейчас еще у меня перед глазами. И ты все время был рядом. И потому возникла какая-то другая близость... Думаю, что в этом дело.

— Да, возможно...

Потом она заснула («из-за этого перелета я никак в себя не могу прийти»), а я смотрел на ее полуоткрытый рот и обострившееся лицо, которое я никогда не любил, и подумал о близости без любви и любви без близости...

По дороге туда и обратно немного болтали. Она серьезно увлекается Каббалой, в Филадельфии есть всякие общества, очень интересные люди, большинство не евреи, все через интернет, есть общие лекции для таких групп по всему миру, больше всего каббалистов в России, не евреев, конечно. Что их привлекает? Знаешь, вот — желание управлять миром. Я когда еще здесь жила, думала, что я могу сделать? Вот ты политикой занимался, и в конце концов все это оказалось бесполезным, и я чувствовала, что все бесполезно, что «повлиять» можно только... да, через тайну, если хочешь. Каббала — это тикун. Дерех ле тикун¹. В Каббале есть все. А главное, я чувствую, как меняюсь. И мне уже ничего не интересно кроме этого, я ничего не могу читать кроме этого. Вот как ты мне говорил, что все неинтересно кроме философии.

— Ох, охмурили тебя ксендзы! Не нравится мне все это.

— Почему? Чувствуешь конкуренцию?

— Конкуренцию?

.....

— Так ты что, веришь теперь в Бога?

— Нет.

— Ну а как же можно верить во все это и не верить в Бога?

— Я верю в тикун.

От Ани-Жасмин:

Наум, отвечу сразу на оба Ваших письма.

Нет, Вы меня не напугали. Я вообще не боюсь людей.

Просто я заболела и только сегодня вышла на работу, получила Ваши письма.

Моя фамилия — ...

Про вызов... не помню, что я писала в прошлый раз, т.ч., возможно, повторюсь: в вызове я всегда чувствую жизнь (только здесь нужно рассматривать вызов в широком смысле слова: смирение тоже может быть вызовом в определенных обстоятельствах). Я, кажется, не очень доходчиво объясняю, да? Простите меня. Температура, в голове — туман.

А Кейдж покорила меня двумя ролями (т.е. тремя): в фильмах «Без лица» (Face Off) и «Покидая Лас-Вегас» (кажется, так и переводится, не помню точно), кстати, последний и во всех остальных отношениях —

¹ Тикун — исправление (*ивр.*), «тикун хаолам» — исправления мира, один из основных каббалистических принципов. Дерех ле тикун — путь к исправлению.

очень сильный фильм, рекомендую, если не видели... Да, все то, что вы пишете о Кейдже — так, но «темперамент», «страстность» — это, как мне кажется, только проявления... и не единственные...

...нет, увы, я не учусь актерскому искусству... я пыталась в этом году поступить на режиссерский факультет ВГИКа, занималась на подготовительных экспресс-курсах, в т.ч. и актерским мастерством немножко, т.к. на экзамене по специальности могут быть любые задания... я когда-то давно играла в маленьком театре-студии... но это было давно и тоже недолго...

...буду надеяться, что получу Ваш ответ еще сегодня...

Меня, признаться, тоже мучает тихая глубинная лихорадка ожидания.

Аня

А чем приболели? Простуда? Интересно, я даже Вашу температуру чувствую...

И так близко мне: «в вызове я всегда чувствую жизнь»...

Вы, мне кажется, очень прямой человек: от чувства к слову у вас прямая, короткая и единственная дорога. А я иногда стою перед поступком (а слово — это поступок), как витязь на развилке: вправо поедешь — это потеряешь, влево поедешь — то...

Так что, в этом году не удалось поступить? Будете продолжать попытки?

Вообще-то я кино очень люблю, и сам когда-то в отрочестве мечтал стать режиссером... Правда, режиссер более зависим от внешних обстоятельств чем писатель, все-таки индустрия. Хотя и писатель при желании легко может оказаться связанным, зависимость — это внутреннее состояние...

А какие фильмы любите? Видели Годара («Прожить свою жизнь»)? «Изи райдер» («Беспечный ездох») Денниса Хоппера? «Последний киносеанс» Питера Богдановича? В последнее время что-то не помню «впечатляющих» фильмов. Ну вот, разве что «Про уродов и людей» Балабанова. А последний интересный (хотя и плохой, голливудский) фильм, который я посмотрел по рекомендации знакомых (сказали, что герой напомнил им мою книгу), это «Фанатик» Генри Бина.

А что интересного Вы видели в последнее время в кино, или читали?

Посылку завтра пошлю.

Наум

7.8.

Утром, гуляя в парке, позвонил Р. Она как будто сделала шаг назад, чуть отошла, отпустила меня. И мне уже жаль... Сорвал сиреневую розу и принес жене. Посадил в вырез синей майки. Расцеловала: «Вот это — счастье! Кто этого не знает — мне его жалко!».

Позвонила Л. Поедем на пляж, купнемся. Мне с ней спокойно.

Барашу:

Саша, привет!

Прочитал твоего Виктора-партизана, надо сказать, что пишет он почти вдохновенно, но только тогда, когда это вдохновение питается злобой (в своих «положительных» высказываниях он скучен: «одевает галстук» и старается быть «академичным»). Поэтому ты зря его «воспитываешь», боюсь, твое воспитание лишит нас пусть и малосимпатичного, но своеобразного зоила, а у нас их немного. Свободная, тем более вдохновенная ругань куда интересней, чем вольные, или невольные, а особо — подневольные, реверансы.

А сколько ему лет? Наверное, где-то 35? И, полагаю, не женат? У неженатых за тридцать всегда развивается мизантропия.

Всегда твой

Наум

От Анны:

«Вы, мне кажется, очень прямой человек»
как рельса?

да, да, все так... прямой, открытый...

знаете, я когда-то посещала клуб практической психологии Синтон (не вызывает доверия, не правда ли?)

и тем не менее, богатое место: там много чего качественно проповедуют,

и можно найти по вкусу... но речь не о том...

злоумышленники говорят, что «синтоновцы» так открыты только потому, что великолепно закрыты...

«от чувства к слову у вас прямая, короткая и единственная дорога».

это у Вас такая мечта?

нет, все не так...

множество длинных извилистых тропинок...

а помните у Стругацких:

«Сказали мне, что эта дорога

Меня приведет к океану смерти,

И я с полпути повернул обратно.

С тех пор все тянутся передо мною

Кривые глухие окольные тропы...»?

красиво... мой пьяный в лоскуты друг Верецкий говорит, что если бы он был «кем-то вроде президента», непременно запретил бы «Ромео и Джульетту» и Ахматову с Цветаевой...

я спросила, почему, а он ответил, мол, это неправда, но слишком красиво, чтобы не поверить...

Аня

Ответ Ане:

Я всегда любил «откровенничать», как бы выманивая человека-улитку из его раковины, и сам при этом почему-то не ощущал «опасно-

сти», и не от бесстыдства, а потому что всегда смотрел на себя немного со стороны, как на кого-то другого, так почему бы о нем не посплетничать... И откровенность всегда была попыткой «сообща» (ведь не с каждым же мы откровенничаем) раскрыть собственные тайны. «Познай самого себя»... Ну вот, все намешал в кучу.

Прямота «в голом виде» может, конечно, быть «рельсовой», то есть стремлением к простым, «линейным» решениям. Есть простота, которая «хуже воровства», а есть и простота, как «ересь» жизни: «и впасть, как в ересь, в простоту» по Пастернаку. То есть некая благодать умудренности...

А прямая и коротка дорога от чувства к слову — это литературный талант, о котором я действительно мечтаю...

Вот вы упомянули «клуб Синтон» и мне стало ужасно интересно: как и чем живет сегодня молодежь в Москве, во что верит, что и как ищет, каким кумирам поклоняется. Мне и «общая картина» интересна, но и очень интересна жизнь вашего «круга». Было бы здорово, если бы у вас появилось настроение пооткровенничать со мной о ваших «духовных поисках». Раз человек читает книги, ходит в клубы «практической психологии», хочет поступить во ВГИК, значит, нечто его беспокоит, тревожит, жаждет проявиться... Когда я в отрочестве «мечтал стать писателем», в этом было много тщеславия, одно время мне даже казалось, что только тщеславие, но со временем, по маниакальной преданности письму и чтению я понял, что есть еще что-то, какое-то неизбывное стремление понять, а что, собственно, я тут делаю?

А почему (вопрос и к вашему другу) так страшно поверить в неправду (потому что «слишком красива»)? Правда обычно простовата (хуже воровства).

Наум

Встретились с Л на пляже. Искупались, гуляли вдоль моря.

— Ну что, Аня написала?

— Написала. Ей 25, и мне ужасно интересно, чем там сейчас живет молодежь. Мне кажется, что они не только умнее, чем мы были...

— Да, там сейчас молодежь очень продвинутая.

— Но меня огорчает, что они гораздо более продвинутые, чем молодежь здесь, так мне кажется.

— Может, ты и прав, но только здешняя молодежь куда более продвинутая, чем американская. Сын ведь не зря хочет приехать в Израиль. Все-таки колледж — это тоже серьезный отбор, но он говорит, что ему не с кем разговаривать.

— Может быть, может быть, здесь молодежь интересней, чем в Америке, или даже в Европе, но это... так себе утешение.

Потом пошли в рыбный ресторан, она проголодалась, взяли копченую форель с пивом (ах, такую как на Кёнигзее уж, видать, не попробовать!), и тут я поведал, что ошибся с датой приезда Р, что она уже давно

здесь. Это сломало ей весь кайф. А соврать я как-то не смог. А вернее, не захотел. Мне почему-то нравится делать ей больно. Рассказал, что Р сделала себе пластическую.

— Интересно, она сделала пластическую, а я перестала краситься.

Опять говорила о «каббале», объясняла про лестницу восхождения, куда, спрашиваю, будем подниматься, к совершенству, говорит, к тому, чтобы отрешиться от эгоизма и полюбить всех. «Во, блин, — осерчал я, — через каббалу христианство протаскивают!»

От «Жасмин» куча писем.

On Wed, 07 Aug 2002 07:31

я вот, например, пыталась вчера конкретизировать...

получилось откровенно плохо...

ну, да, я, в определенной степени азартна,

да, люблю достойных партнеров по игре...

даже с братом на днях спорила...

Печорина защищала...

мол, у всех этих «бедных и несчастных женщин» своя голова на плечах есть...

«там, где ты ни на что не способен, тебе нечего желать», и все такое...

так, винегрет из отдельных мыслей...

пытаюсь дальше конкретизировать — получается пошло, влезаю в штампы...

а хочется — своего...

т.ч. нет у меня никакой прямой дороги...

«Будете продолжать попытки?»

пока не знаю... сейчас думаю, что буду...

друзья даже уверены, что поступлю...

но ведь еще год впереди...

много чего может измениться

On Wed, 07 Aug 2002 07:44:16

«Я всегда любил “откровенничать”, как бы выманивая человека-улитку из его раковины»

вот, уважительно цитирую Вас...

(учитель балльных танцев говорил: «Сейчас я вас уважительно поругаю»)

браво! мне абсолютно нечего добавить!

ах, спасибо, это так приятно!

«Есть простота, которая “хуже воровства”, а есть и простота, как “ересь” жизни:

“и впасть, как в ересь, в простоту” по Пастернаку.

То есть некая благодать умудренности...»

да, или по Ахматовой: «Я научилась просто, мудро жить...»
к слову сказать, я не согласна со своим пьяным другом...
я не стала бы ничего запрещать...
и мне нравится кое-что из Ахматовой...
вот, например:

«Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки...
Не любил, когда плачут дети,
Не любил женской истерики...
А я была его женой».

(прошу прощения за вольное разбиение на строки
и знаки препинания — не помню авторских)
закончу письмо попозже...

Аня

А вот стихи моего друга Юрки:

«Здесь не хватает Вашего портрета,
И очень много снега выпадает.
Живу на даче, дожидаясь лета.
Но вот портрета... Как-то не хватает.

Вы знаете, я часто вспоминаю
(но помню, к сожалению, немного):
В июле в поезде я чудом Вас встречаю,
А в мае выбираю прочь дорогу.

Но, знаете, мне кажется напрасным
Припоминать и крайние две даты:
В своих мечтах почел бы я прекрасным
Считать, что весь тот год пропал куда-то,

В котором я мог опоздать на поезд,
Тот, что тем летом увозил Вас в Питер,
Или, успев, не стал Вас беспокоить,
Подумав про себя: “Ну, спите, спите...”

Здесь не хватает Вашего портрета —
Всегда чего-то не хватает в мире.
Живу на даче. Дожидаюсь лета.
А Ваш портрет висит в моем сортире».

On Wed, 07 Aug 2002 07:44:16

Наум, пожалуйста, не подумайте, что литературные извращения,
которые я Вам прислала, напомнили мне Вашу книгу по слогу или сти-
лю... нет...

Юрка вообще не литератор... он инженер... но неужели они Вас совсем не развлекли?

в любом случае, извините, если это показалось Вам оскорбительным

я и не пыталась вас сравнивать... ладно?

что касается жизни моего круга... я не могу Вам этого рассказать...

у меня нет круга...

у меня есть друг Верецкий — блестящий программист, который к 35 годам

пошел в МГУ получать второе высшее образование — психологическое (!), который в настоящее время пишет диплом на тему женской психологии,

и нагло использует меня в качестве консультанта по общим вопросам,

наш девиз: «Любые ответы на любые вопросы!»

есть друг Андрей, большой компьютерный человек

с темным медицинским прошлым, страдающий от ума

есть спелеотусовка — рыцари без страха и упрека —

с которыми нет смысла общаться в Москве —

только на общих вылазках — песни у костра,

неожиданные откровения и глубоко засунутые,

оттого очень романтичные желания...

наверное, почти всех нас объединяет то самое «стремление понять»

но что?

а что касается меня...

о! хотите я Вам пришлю свою автобиографию?

(пришлось написать для поступления во ВГИК)

«jasmine»

Date: Thu, 08 Aug 2002 9:35

Науууу... Ваше имя похоже на «ауу» ...

.....

черт, ну я так и знала! Вы обиделись, да?

вот поэтому я предпочитаю личное общение,

когда чувствуешь человека: глаза, жесты...

ну, простите меня уже, ну, пажаааааалуйста...

ну, сколько Вы можете всерьез обижаться на маленькую глупую женщину?

я неправильно выразилась...

я имела в виду, что Ваше творчество напомнило мне этого человека... ну и что здесь обидного?? ну, да, когда он это все писал, у него был не лучший период в жизни;

а я оговорила и сказала, что Вы пишете похоже...

или что я там сказала? Наум, ну, проявите, в конце концов снисхождение к измученному температурой и прочими радостями гриппа человеку, а?

скажите, что мне сделать, чтобы загладить свою вину?
хотите я пришлю Вам свою фотографию?
только не сердитесь на меня больше...
я обещаю впредь тщательно выбирать слова, а?
always

8.8.2002.

Анне:

Ну что вы, ей Богу, какие обиды.

Я как раз писал вам письмо, в то время, что вы писали мне...

Вот оно.

... А стихотворение ничего, не без ловкости и остроумия. И я рад, что вы это цитируете «без страха и упрека».

А своей книге я благодарен хотя бы за то, что она нас «свела», кто-то сказал, что музыка — великая сводница, думаю, что и литература не хуже, так что не смущайтесь, напишите о ней все, что захочется.

А готовность отвечать на любые вопросы всегда была моим девизом.

И конечно пришлите «автобиографию». Я бы и фотографию попросил, если бы не боялся упасть в стилистику «знакомства по переписке».

Я, кстати, вчера послал вам книгу, в двух экземплярах, одну надписал вам, очень лаконично: Ане (не ловок я в этом жанре), а другую можете подарить кому угодно, и еще последний сборник стихов.

А интересно, что из стихов Ахматовой вы выбрали стихи, обращенные к Гумилеву, и даже стилизованные под его собственные...

From: «jasmine»

Date: Thu, 08 Aug 2002 10:41:22

ну вот, теперь еще и начальник ругается...

говорит, я неорганизованная... можно подумать, он это только что узнал...

у Вас сейчас 9:30 Вы, наверное, еще спите...

а, может, просыпаетесь...

или уже сбежали на улицу...

в последнем случае я Вам завидую...

люблю гулять... особенно по утрам и вечерам...

меня из-за этого долго интриговала фамилия Бродский (до тех пор, пока я не познакомилась с творчеством ее обладателя) — она напрочь ассоциировалась у меня со словом «бродить»...

Вы меня простите, что я Вам все это пишу...

одно слово — и я перестану...

always

Нет уж, пожалуйста, продолжайте.

А встаю я рано, где-то в полседьмого, и пока еще не жарко, иду «бродить» по соседнему парку (даже пруд есть с гусями и утками). А иногда хожу в бассейн, тоже недалеко, но гулять как-то приятней. А вчера в первый раз в сезоне поехал на море (15 минут езды на машине). И только к полдевятого, если нет других дел, занимаю свое «рабочее место», то бишь сажусь за компьютер. Мне сейчас надо форсировать перевод одного романа (называется «Эпилог», израильского писателя Якова Шабтая), который мне очень нравится, и я его наполовину перевел в свое удовольствие, а вот теперь, слава Богу, есть надежда, что нашелся издатель, так я стараюсь его закончить. Ну и другие есть текущие дела. Так что вы не обижайтесь, если не сразу отвечаю. Обычно я заглядываю «на почту» пару раз в день, утром и вечером. Вот и сейчас мне скоро уходить, так что, может быть, не успею ответить.

Чуть было не написал «целую». Ну вот, написал. Раз уж захотел «написать», то иди, удержишься. Надеюсь, что правильно поймете. Это дружеский поцелуй за вашу теплоту, даже горячность. Я понимаю, что это «резкий ход», неровен час все поломаешь, но ваша горячность «толкнула» меня и отозвалась ответной волной теплоты и благодарности.

Thu, 08 Aug 2002 11:38:34

пасиб за книжки... это — мои любимые подарки,
несмотря на банальность... и за стихи — отдельно...
вот видите, какая я вежливая
посылаю Вам примерно половину своего творения...
имейте в виду, что писалось оно
для совершенно конкретного читателя
с целью создать совершенно конкретное впечатление...
однако, там все же нет ни слова неправды
жалей Ваше время, я сделала некоторые
сокращения...
always

(Автобиография раздражающе неинтересна и я ее убираю, надо сокращать, итак книжища выходит толстенная.)

Thu, 08 Aug 2002 12:12:59

.....

«Это дружеский поцелуй за вашу теплоту, даже горячность. Я понимаю, что это «резкий ход», неровен час все поломаешь, но ваша горячность «толкнула» меня

и отозвалась ответной волной теплоты и благодарности».

что Вы, мне приятно...

только странно немного...

Вы, кажется, писали,
что Вам не нравится несдержанность...
(я знаю, это глупая и довольно жесткая игра —
ловить на словах, но очень веселая...
я увлеклась ею давно и все не могу наиграться...)
извините
Аня

9.8. Пошел утром в бассейн. Позвонил Р. Она поменяла тон на более сдержанно-отстраненный, уже не бросается навстречу... Потом позвонила Л. Каждый день ездит к врачевателю-каббалисту, но нос все еще заложен. «Не сразу», — говорит. «Ну, — говорю, — со временем все проходит».

Собралась к раву Лайтману в Бней-Брак. И в Кармиэль 13-го, там открывают какое-то кафе каббалистов. «Хочешь со мной поехать? Там будут интересные люди, артисты театра “Гешер”». Отказался.

Ане:

Жасмин по-арабски красотка, девочек часто так называют. Расцветает у нас весной, кусты вдруг вспыхивают желтым огнем. Сильный аромат.

Я вам еще в том письме хотел написать, что мне кажется, вы «любите мужчин», но не написал, потому что (особенно рядом с «поцелуем») звучит двусмысленно. Но вы помогли мне, написав, что всегда любили «дружить с мальчиками», и даже в одном месте написали о своем «юношеском», а не девическом увлечении. Мы в этом похожи: я всегда любил дружить с девочками, причем именно дружить. Конечно, такая дружба всегда была приправлена дразнящими пряностями невольных влечений, но это только ей помогало. И если судить по себе (хотя и не только, да, кстати, под каким знаком Зодиака вы родились?), такой вид общения говорит о стремлении к какому-то иному типу близости, для которого секс не обязателен, во всяком случае не составляет ее сердцевину (только как приправа к этому изысканному блюду-блюду). Удовольствие, конечно, есть, но настоящая радость — в другом. Так ли это у вас? А заговорил я об этом, потому что для меня это стало, особенно в последнее время, каким-то элементом сожаления, как будто я лишен какой-то природной способности, можно сказать, обделен, если, по общему мнению, секс величайшая радость жизни. Тем более что в это самое «последнее время» я «дружу» с женщиной, для которой секс, с отрочества (с 12 лет!) и до весьма продвинутого ныне возраста, всегда составлял квинтэссенцию «радости жизни». Хотя я бы не сказал, что завидую, но иногда восхищаюсь мне недоступным, хоть и мною вызванным. Впрочем, я здесь только «орудие божие»... А в юности-молодости, когда меня не отпускал «угрюмый, тусклый огонь желанья», я скорее тяготился им...

Вашу «автобиографию» прочитал с огромным интересом, в какой-то мере она удовлетворяет мое любопытство: какое оно, «племя молодое, незнакомое»? А чем профессионально занимаются ваши родители? Ведь личность во многом определяется семьей, это и есть «ближний круг». И вы ни словом не обмолвились об отце. Простите, если проявляю чрезмерное любопытство, но мне кажется, что в этом молчании кроется что-то очень важное, быть может, определившее ваш жизненный путь.

И если уж играть в «ловушки», то не помню, что писал вам, будто мне «не нравится несдержанность», может, в книжке писал, это да, местное панибратство достало. Но есть ведь разные «несдержанности», одна от невоспитанности и распущенности, а другая от дерзости, ведь вы же любите «вызов»?»

Вот, кстати, типичная «сценка»: возвращаюсь утром (около восьми) из бассейна, улица еще пуста, навстречу мне идет полная женщина в коротких, обтягивающих штанишках, лет 35, этакий слоник в штанишках, и весело говорит, со мной поравнявшись: «Так рано — и уже из бассейна?» Я весело и гордо отвечаю: «Ага!». А она: «Молодец!» И разбежались. Это пример местного «панибратства», которое не всегда раздражает, а иногда даже и приятно дразнит...

10.8.

Fri, 09 Aug 2002 16:21:07

Жасмин... я, признаться, немного стесняюсь этого ника... слишком нарочито... приторно... но нужно было что-нибудь придумать... я не люблю, когда чужие люди называют меня по имени, особенно если начинают его склонять, придумывать уменьшительно-ласкательные... ничего ближе, лучше я не придумала... когда-то в Синтоне все меня называли сказкой... но это было бы слишком нескромно

да, Вы правы, я люблю мужчин... я даже про себя мысленно всегда употребляю именно это слово... и мне совсем нечего добавить к Вашим словам...

кроме того, мне очень приятно, что Вы угадали... я тоже люблю угадывать...

не буду цитировать все Ваше письмо — все так...

и даже друг, для которого секс «квинтэссенция радости жизни», у меня тоже есть... и уже несколько лет наше общение, кроме глубокого, скажем, культурного содержания, — это еще и постоянная игра двух шулеров, которой, при всех ее недостатках, нельзя отказать в увлекательности...

а радость секса становится не единственной, и в некоторых отношениях проигрывает радости пограничного общения, просто меркнет, понимаете? впрочем, я, наверное, знаю, о чем Вы пишете... на востоке многие считают, что все проблемы запада (?) оттого, что есть иллюзия выбора... вот если у человека есть одна радость в жизни (это я не про

Вас), и у всех его соседей та же самая одна радость жизни, и у всех его предков одна радость жизни, то он живет и радуется этой одной радостью... а если у человека появляется выбор сразу начинаются «муки творчества»...

о! в Вашей книге есть место, где Вы говорите о японском, кажется, искусстве... помните? о его статичности, умиротворенном созерцании... ох, что-то меня далеко занесло от темы разговора извините... просто тема для меня очень живая в данный момент... я как раз вчера читала в Вашей книжке про спор о геройстве и приспособляемости, непротивлении и противлении злу, миру вообще... мне кажется, Вы усложняете... и я много думала об этом вчера, а сегодня почти та же тема... так вот, у меня не одна радость в жизни... почему меня должно восхищать, если у кого-то — одна? и мне жаль, что Вас это расстраивает... если бы можно было переиграть: секс стал бы главной радостью в жизни, никаких других отношений с женщинами, никаких других удовольствий от общения с ними — Вы согласились бы?

always

Fri, 09 Aug 2002 16:57:29

у мамы два образования: по первому она — ветеринарный врач, по второму — художник-оформитель... не работает... иногда стрижет собак за деньги...

а еще у нее есть хобби всей жизни: сколько я ее помню, она вечно сидит днями и ночами над истертыми ластиком клетчатými листочками и чертит дома, планировки квартир, земельных участков...

мой папа — водитель, образование — экономический ф-т ВГИКа, полжизни работал по совместительству водителем и директором картины... он боялся «бросить баранку», боялся спиться... он чудесный, добрый, порядочный, талантливый человек... любовь к литературе и память у меня — от него... они разошлись с мамой, когда мне было шесть... он — безумствовал, не хотел давать развод, мама была непреклонна... он — дитя улицы, мама воспитана на картинных галереях, операх, балете..

мне очень нравится это Ваше «я еще не знаю» большинство людей уже к тридцати годам полагают, что знают все... «может в книжке писал, это да, местное панибратство достало. Но есть ведь разная «несдержанность», одна от невоспитанности и распущенности, а другая от дерзости, ведь вы же любите «вызов»?

да, это из книжки, но писали Вы о женщинах...
не слышали Леонида Федорова?

«На моем оконце
Гнезда вьют метели...
У тебя есть Солнце,
У меня — веселье?»

это — очень мое
да, я еще обещала про Вашу книгу...
буду писать потихонечку,
что вспоминается...
мне очень понравилось про ассимиляцию...
вы говорите, что это попытка избавиться от груза индивидуальности
браво... только не смейтесь... я рассказала об этом всем своим
друзьям...
это ведь касается не только «национального вопроса»
через это, наверное, вообще каждый проходит
always

Fri, 09 Aug 2002 19:13:43

упомянула о своем вечно стремящемся к сексу друге и вспомнила: мы на днях виделись, я цитировала Вас весь вечер... он — молча это сносил, но в конце нашел-таки к чему придрататься: «Вот, — говорит, — люди, рассуждающие об индивидуальном и родовом всегда вызывают у меня неприязнь»...

я рассмеялась, сказала, что я и не надеялась, и напомнила ему, что за 7 лет нашей дружбы ему ни разу не понравилось творчество, с которым я его знакомила... мы сидели на парапете у с/к Олимпийского, носком ботинка я играла горлышком уже пустой бутылки из-под Бейлис... в тот вечер мы как-то особенно глубоко разоткровенничались, насмешничали над собственной смелостью и всем сказанным... «Анна, — говорит, — ну, разве вы не понимаете? Мужчина — собственник. Нравится должно то, что нравится мне. Варианты возможны, но нежелательны».

Анне:

Ну, конечно я «заострил» всю эту сексуальную проблематику, и я рад, что вы все правильно поняли, и все ваши «поправки» принимаю. И в самом деле я не какой-нибудь там «лишенец» по части секса, и моя «позиция» вовсе меня не расстраивает, я просто «констатирую», что при этом что-то теряю, какие-то «неизведанные земли», но, как вы написали, эти «неизведанные» радости «меркнут» перед радостями «пограничного общения», так что «переигрывать» ничего не собираюсь.

Настолько меркнут, что иногда, если складывается такое «пограничное общение» (драгоценная редкость!), то бывает по-настоящему страшно переходить к общению «интимному» — кавычки здесь более чем уместны, потому что интимнее «границы» ничего нет, а секс — это насилие над «границами», чей статус священен, попытка путем penetration решить проблему непреодолимой разности, героическая попытка... И вы правы (и я рад, что вы это осознаете), что отношения между мужчиной и женщиной всегда война. «Игра двух шулеров, не лишенная увлекательности», да, но это самый милый и безобидный случай, ведь

шулера, проигрывая, частенько хватаются за ножи, об этом неплохо написано в бессмертных «Опасных связях» (кстати, вы видели французскую экранизацию с Жераром Филиппом?). Я предпочитаю называть это войной, хотя формулировки могут быть разные, а битвы — «прекрасными». И именно поэтому, потому что любовь, как вообще жизнь, — война, я ненавижу прекраснотушные разговоры о «мире», «согласии» и «любви», все эти ошметки христианского лицемерия (надеюсь, что не задел ваших религиозных пристрастий), и в этом смысле я «нищсеанец» (хотя он был не единственным «антихристом» 19 века, но — самым последовательным и непримиримым). Впрочем, в книге все это есть, я повторяюсь. Просто с тех пор я еще плотнее занялся философией (просто увлекся, и ничего другого читать не могу), в связи со всякими замыслами и просто «из интереса». И вы правы, что это «та же тема» (поэтому все это в одной книге, хотя меня почти все дружно ругают за «философию»), а для меня она теперь (всегда) «живая». Так вы считаете, что я «усложняю»? С удовольствием «поспорил бы» об этом.

Про Леонида Федорова, к сожалению, ничего не знаю, поищу его в Сети. Я и сам люблю попеть, даже идея была послать вам запись, но нет качественной аппаратуры...

А национального вопроса не нужно «пугаться». Через него не только каждый проходит, но и каждый в нем остается. Правильно, без истерики, определить себя в этом вопросе — это уже «полдела»...

Сценка на парапете с/к «Олимпийский» (очень знакомые мне места, я ведь и жил неподалеку) меня порадовала «ожившей картинкой», я вдруг увидел вас, и ваш носок, играющий бутылкой... А что, ваш друг со стажем (семь лет!) обращается к вам на «вы»?

Мужчина, конечно, «собственник», но это «житейская», т.е. плосковатая мудрость. В такой же степени (если не больше) и женщина собственник. Все любят хозяйничать, причем безраздельно. Но надо уметь делиться...

И, наконец, самое «страшное» — какого я года... Признаться, я почувствовал себя дамой, с которой хотят сорвать вуалетку... где-нибудь, среди столицы шалой, при звуках омерзительного бала... Я 47-го года рождения. Мой старший сын женился две недели назад. В возрасте 32-х лет... И тут дама закрыла лицо руками и разрыдалась.

Это одна из причин, почему я не настаиваю на фотографии (а вы не спешите мне ее послать). Я подозреваю, что вы еще и красивы, и тогда вместо «умудренной жизнью дамы неопределенного возраста, со значительным видом поучающую юношество» я окажусь стареющей кокеткой, тщетно пытающейся добиться расположения этого юношества, так сказать «втереться в доверие»...

Да, черт подери, комплексую. Каждый мужчина не только «собственник», но и «трусиска». И любит поговорить о «священных границах», думая только о том, как бы их нарушить...

Матвей, привет!

Забыл у тебя спросить: получил ли ты «техзаказ»? Клиент вчера поинтересовался.

А еще тут один местный зоил (по фамилии Яфе, «Красавчик») «обосрал» нас с тобой «за Солженицына», впрочем, не за него обидевшись, а просто «по злобѣ». Я было думал и не тревожить тебя ерундой, а с другой стороны, как в песне поется: «тебе — половина, и мне — половина». Опять же: любишь кататься, люби и саночки...

«Точно такой же тотальной избыточностью страдают дебильноватые «письма» двух престарелых евреев — небезызвестного «ханаанца-хрониста» Н.Ваймана и его «друга по переписке» — некоего Матвея Рувина. Забавное местечковое токованье двух никому неинтересных, немного придурковатых семитских джентльменов, вымученно (как и их простато-стариковский, литературно зафиксированный недосекс) накручивающее одну досужую чушь и надутощековую «глубокомысленность» за другой...».

С поклоном от всегда преданного тебе
придурковатого семитского джентльмена.

11.8. Что-то мне надоело архивировать письма «jasmine»-always. Их стало много. А когда женщины становится слишком много... Будем сокращать.

On Sat, 10 Aug 2002 08:52:43

...однако, спешу полить бальзамом Вашу рану (хотя и сомневаюсь, что Вы сильно в этом нуждаетесь): человек, написавший стихотворение про портрет старше Вас на год и, кстати, тоже еврей...

always

Отвечаю:

...Что касается вашего «старого еврея», то, как ни странно, это очень меня удивило, я в самом начале почувствовал эту «нотку» в ваших «предпочтениях», поэтому и спросил об отце, но углубляться не стал. Смысл этого «предпочтения» в том, что, скажем так: возраст вас не пугает. Это говорит о «древности» вашего духа, о его печали, мужественности и зрелости. И в этом смысле не удивительно, что у вас были и будут друзья евреи, здесь можно достигнуть двойного эффекта — повстречать «древность»... а заодно и родственную женскую душу... Шутка. Впрочем, дело не только в «древности еврейского народа», евреи (вот я и сел на любимого конька), конечно же, народ самый «интересный» (как к нему ни относись), а вы любите интересное. А резвая «мболодежь» иногда может показаться скучной. Но, должен сказать (я как раз думал об этом с завистью), что современная молодежь, и именно в России, как-то особенно «продвинутая», и вы яркий тому пример. Мы в юности были «глупее»...

Вы пишете: «чтобы остаться собой, никакого особого геройства не требуется». Может быть и так, если человек «был собой». Тогда, может быть, достаточно упрямства. Хотя и в этом случае вы, пожалуй, упрощаете. Иной раз упрямство легко не дается. Но что делать тому, кто «потерялся»? Тогда обретение себя всегда выбор, поступок, волевое решение, а значит, акт героизма. Во всяком случае я это так называю. И если думать, что «себя нельзя выбрать», то это не совсем так. Вот как раз и пример с евреями. Если для русского в России быть русским естественно, то для еврея быть евреем — вопрос выбора. И это выбор судьбы (хотя для многих выбор страны проживания это зачастую самое натуральное приспособленчество). И тут действительно «пан или пропал», если хочешь не жить, а «быть». Помните «Быть или не быть? Вот в чем вопрос. Что лучше://сносить ли от неистовой судьбы/удары стрел и камней, — или смело//Вооружиться против моря зла// И в бой вступить?» Вот говорят Гамлет — нерешительный. Но «Гамлет» — это пьеса о становлении человека, как героя, когда надо совершить поступок, выбрать судьбу. А это все равно что выбрать бытие, «быть». Смирившиеся, выбравшие рабство — перестают «быть». Хотя, конечно, многие при этом живут припеваючи... Но жизнь для того и дается, чтобы превратить ее в бытие, в исполненную судьбу, в чекан. На котором, как сказал поэт, «век оттиснул свои зубы». И сколько надо передумать, и как «завестись», чтобы написать: «Я знаю свой жребий. Когда-нибудь с моим именем будет связываться воспоминание о кризисе, какого никогда не было на земле, о самой глубокой коллизии совести, о решении, предпринятом против всего, во что до сих пор верили, чего требовали, что считали священным. Я не человек, я динамит...»¹.

Не подумайте, что «переживаю с евреями», просто во многих случаях это удобный пример «пограничной ситуации», даже Джойс так считал, сделав героя своего «Улисса» евреем... Впрочем, пора с конька слезать, а то и загнать можно. Добавлю только напоследок, что если кто-то полагает, что сделав выбор, человек не оглядывается, то такого не бывает...

А давайте поиграем в отгадки: каким я вам представляюсь? Мне кажется, что вы роста чуть ниже среднего (160–165) и худощавы.

Эх, гостиница моя, ты гостиница...

Уже на подходе:

— Как ты думаешь, я хочу сейчас в гостиницу?

— Вроде не против...

— Не против! Да я умираю, ты что, не видишь?

Когда возвращались, у машины:

— Давай потанцуем? Ну куда ты? Ты чего, стесняешься?

¹ Ф. Ницше «Ессе homo» (как становятся собой).

12.8.

Наум, привет! Техзаказ я получил, но выполнить его (то есть съездить в Олимпийский) смогу не сразу, а только после того, как развяжусь с накопленными «долгами» по переводу. Может быть, поделишься пока впечатлениями от чтения Лёвита?

У «Красавчика» убийственный козырь — молодость. Его обвинения сводятся к тому, что у стариков, как говорит Гамлет Полонию, нетвердая походка и лицо в морщинах. У меня есть определение старости получше шекспировского: стóбит похотливо взглянуть на девушку в автобусе, как она встает, уступая тебе место. Приходится признать, что это объективный недостаток, особенно в «культуре Интернета», отмеченной печатью безжалостной возрастной аксиологии и поколенческой сегрегации. В русскоязычном сетевом пространстве, где задает тон резвящийся молодняк, небезызвестный тебе Серега Костырко тоже чувствует себя придурковатым предком, который неизвестно зачем приперся на подростковую тусовку. Но он по крайней мере знает, за что страдает (надо дотянуть до пенсии). А что делать человеку, который любит кататься еще меньше, чем возить саночки? Может быть, организовать свое геронтологическое гетто в сети («сектор газов»), куда не будут допускаться дети до 55 лет, разве что в порядке исключения (скажем, в случае положительного результата анализа на простатит и недосекс)?

Всегда твой,
Матвей

Mon, 12 Aug 2002 10:53:04

а по поводу молодежи, как говорит мой друг, «не будем горячиться понапрасну»: «молодеж» в России разная и, как мне кажется, подавляющее большинство «продвинуто» лишь в области компьютерных игр или, в лучшем случае, программирования, ну, хакерства, это, конечно, тоже хорошо, но, все же, не совсем то о чем Вы пишете...

вот Вам иллюстрация: мой друг недавно «снял» в чате девушку, умницу, они договорились встретиться и пойти в какое-то кафе, а когда пришли, оно оказалось закрыто, на что девушка отреагировала следующим образом: «Слеш ми дисапоинтед дабл слеш...» — и что-то там еще, какие-то символы через запятую... надо ли говорить, их общение на этом закончилось, так и не успев начаться... мой друг спасался, как от огня (хотя сам он компьютерный гений, и девушка поначалу привлекла его именно умом).

Вы слышали Юрия Кукина (это питерский бард)?
always

...А Вы читали «Детские годы Багрова-внука» Аксакова Сергея Тимофеевича? Я впервые прочитал в Израиле (лет 20 назад), и это сочета-

ние плавящей жары Средиземноморья за окном и бескрайних заснеженных полей на страницах подействовало как проникающее ранение... Показалось сказочной прозой. Даже боюсь перечитывать.

Впрочем, просторы, конечно, прекрасны, но рождают лень, а тут приходится за каждый квадратный сантиметр царапаться.

А у Вас нет желания посетить Святую землю?

Юрий Кукин? Это из старых бардов, «я гоняюсь за туманом, за туманом»? Если он, то, конечно, знаю. Певал даже. «Ах, гостиница моя, ах, гостиница! На кровать присяду я — ты подвинешься».

А я на днях посмотрел «Поговори с ней» Альмодовара. Женщины поголовно в восторге.

From: «jasmine»

Date: Mon, 12 Aug 2002 11:32:59

«пришли дожди и холода,
пожухли травы...
мой друг, прощайте навсегда,
но Вы — не правы...
звенят прощальные слова,
гремят составы...
жизнь, как всегда, сейчас права,
а Вы — не правы, не правы, не правы...»
(А.Дольский)

просто вспомнилось...

я тоже люблю Ницше, только он не подтверждает Вашу правоту в этом вопросе...

я тоже не сразу себя нашла, искала довольно долго, но в этом не было героики...

просто нужно искать... то же упрямство... вернее, даже упрямство мне было не нужно...

я просто не могла не искать...

после Синтона я уже никогда не смогу думать, что «нельзя себя вы брать»...

я думаю, что не только можно... это обязательно нужно делать (именно несовершенная форма глагола)... да, Вы правы, на каждом шагу — выбор, но, опять, ничего героического (на мой взгляд, разумеется)

а что такое «лапидарный»?

«И за “философию” извините»... философствуйте, философствуйте, мне очень интересно

мой друг Верецкий сейчас пишет диплом на тему женской психологии...

недавно поделился со мной одним открытием... знаешь, говорит, я всегда знал, что мужчины — большие дети, а теперь понял, что и женщины тоже — большие дети...

конечно, ему было плохо...

«А давайте поиграем в отгадки: каким я вам представляюсь?»

ничего не получится... я с самого начала видела Вашу фотографию на сайте, к тому же Вы описываете себя в книге.

«Мне кажется, что вы роста чуть ниже среднего (160? 165), и худощавы?»

такие женщины Вам нравятся?

знаете, когда я посылаю Вам письма, мне всегда так хочется, чтобы Вы сразу ответили... хоть какая-то иллюзия личного общения... глупо...

always

Да, мне тоже хочется, чтоб наш разговор длился...

А «лапидарный» — это краткий, выбитый на камне (lapis — камень), на камне не порассусоливаешь. Говорят о «лапидарном стиле» классических латинских изречений. А Вы спрашивайте, если что неясно, я обычно не стараюсь «ученость свою показать», но иногда эдак и подпустишь что-нибудь для красного словца.

Что касается героизма выбора, то нет смысла спорить по поводу слова «героизм», Вы, наверное, придаете ему несколько «возвышенное» значение, а я упрощаю, делаю его обыденным, частью жизни каждого, а не каких-то там «героев».

Что касается Дольского, то я, увы, — не поклонник.

From: «jasmine»

Date: Mon, 12 Aug 2002 12:47:59

нет, я не читала «Детские годы...»

я вообще — «темная девица»... мне очень нравится этот момент из фильма «Приходите завтра»... но я понимаю, о чем Вы говорите...

«А у Вас нет желания посетить Святую землю?»

только не надо соли на раны, сахару на известное место... путешествия — есть желание, но нет возможности... вот, разбогатею, тогда...

Кукин — это старый бард, да...

«вы пришлите в красивом конверте

теплых слов шелестящий шелк...

ну, а мне Вы не верьте, не верьте:

я — такой, я взял, и ушел...»

Always

Насчет «А мне Вы не верьте, не верьте» у Тютчева (был такой талантливый нееврей) есть такие стишки:

«Не верь, не верь поэту, дева!

Его своим ты не зови,

И пуще пламенного гнева

Страшись поэтовой любви!»

И т.д. А насчет «женского идеала» то мне нравятся высокие и статные женщины, а глаза и волосы чтоб непременно «пепельные»... Но и маленькие и худенькие бывают, знаете ли, эгоисты...

Матвей, привет!

Мне понравилась систематизация Лёвита¹, если я правильно ее уловил. То есть: Просвещение и Французская революция разрушили главную опору почти двухтысячелетней жизни Европы — христианство, и оставили человека наедине со своим разумом (наедине с философией) и с теми социальными силами, которые были развязаны демократизацией и научно-технической и, соответственно, промышленной революцией. А главное, было разрушено некое единство (а с ним и комфорт) существования, а точнее, единое понимание этого существования, что тоже покоилось на христианстве. В поисках «духовной альтернативы» мысль Просвещения и романтиков «бросилась» к греческому язычеству, хотя последнее тоже, в конце концов, было одним из составляющих христианства. Таким «христианским язычником» был Гете, некая «переходная» фигура. А Гегель, с другой стороны, попытался заменить христианство «исторической закономерностью».

Цитирую Левита: «Французская революция, разрушив традицию, оказала историзирующее влияние на сознание современников, заключающееся в том, что с этого момента современная эпоха, в противоположность всем прежним, понимает себя исключительно и категорически временно-исторически и обращает свой взгляд в будущее». «Лишь после нее на время стали ссылаться как на последнюю инстанцию». «Но что такое дух времени... Откуда он приходит и куда стремится?». «В теологических сочинениях молодого Гегеля... революция в “царстве духа”, благодаря которой христианство одолело языческий мир, понимается как рожденная из “духа времени”».

Мне понравилась эта мысль, мол, христианство победило не «новой моралью», а потому что предложило вместо замкнутой и бесцельной цикличности язычества иудейскую целеустремленность исторического времени, сделав каждого участником и творцом будущего. Оно разомкнуло роковое кольцо «вечного возвращения», превратив бытие в историю, во время. При этом, уже в Новое время, Иисуса Христа как «носителя истории» и вовсе выкинули (и поделом, поскольку был пророком конца времен), оставили одну историю, пытаясь наполнить ее новыми смыслами. Запустили боеголовку «исторического времени», отбросив ракетноситель — Иисуса Христа. То есть, при всей своей не любви к евреям Гегель довершил иудейскую революцию в европейском мировоззрении.

¹ нем. *Karl Löwith*; 1897–1973, немецкий философ еврейского происхождения, рассматривается работа «От Гегеля к Ницше».

У Гегеля «смысл истории» присутствует в ней изначально, как «идея» (дух), и история есть лишь его проявление и осуществление. Гегель все время при этом говорит о свободе, что история приносит в мир свободу (это и есть ее Цель), и я поначалу никак не мог понять, о какой такой свободе речь, а потом догадался: о свободе воли. А это, по сути, свобода от природы.

Левит, наученный горьким тоталитарным опытом, справедливо указывает гуманисту Гегелю, что для него «повседневная жизнь людей лишена субстанционального значения» и «не зависит от “гула истории”», и тогда «принципиально бессмысленно выдвигать моральные претензии к всемирно-историческим деяниям и вести мораль на битву с политикой». «Ценны» только «всемирно-исторические индивиды, исполняющие великие задачи истории», а что касается суеты «отдельных муравьев, блох и клопов», то есть, если смотреть со стороны «драмы человеческих страстей и страданий», то «в истории мира нельзя усмотреть ни идеи, ни разумной конечной цели». А если так, то не пора ли вернуться к язычеству?

Прочитую итоговый (с моей точки зрения) абзац: «Метафизический историзм гегелевской конструкции заменяет исчезнувшую веру в Провидение, и еще сегодня историзм как вера в смысл истории представляет собой религию для образованных...». Это ориентация на ту самую «великую цепь бытия», которую еще называют прогрессом. За эту ориентацию Левит тоже пеняет Гегелю, поскольку в этом случае придется, «основываясь на последнем шаге истории, реконструировать предыдущие как необходимо к нему ведущие», то есть «последовательность мировых событий нужно оценивать по разумности результата». Результат становится последней инстанцией и критерием морали (Дарвин тут подлил масла в огонь), в результате чего «восхищение историческими и биологическими силами вело к служению идолам той или иной победоносной власти». (Ницше: «результат всегда был величайшим лжецом».)

И если историзм Гегеля выламывает человека из природы, то язычество Гете возвращает его в лоно природы: «В ней все всегда присутствует. Прошлого и будущего она не ведает. Настоящее — ее вечность». Гете не верит в «разум» природы, в ее, т.ск. цель. «Если рассмотреть поступки и деяния людей в течении тысячелетий, то можно выявить несколько всеобщих формул, которые всегда обладали некой волшебной силой по отношению как к целым нациям, так и к отдельным людям, и эти формулы, вечно возвращаясь, вечно оставаясь теми же самыми, несмотря на тысячи разнообразных обрамлений, представляют собой таинственное вмешательство в жизнь высшей власти».

Гегель — «философский христианин», пытавшийся обосновать «абсолютную разумность» христианства, то есть увидеть в нем философию развития человечества и дать это завершающее учение заблудшим че-

ловекам. Задача была восстановить единство духовного бытия Европы. Гегель писал о «религиозном кризисе» и о «начале новой эры», в которой «Бог не найдет радости и должен будет вновь все разбить вдребезги и все сотворить заново». Под конец, перед тем как «холера его взяла», он был настроен пессимистично: «Философия вряд ли сможет сопротивляться невежеству, насилию и злым страстям, разбуженным этим шумом /революцией/», и что в столь возбужденное в политическом отношении время уже не найдется пространства для «бесстрастной тишины» познания...»

«Формальное» христианство Гегеля его последователи окончательно отбросили: Фейербах поставил в основу «социалку» («Бог это — род»), а Маркс убрал и «абсолютный дух», заменив его перманентной социальной борьбой. Правда, он задал этой перманентной борьбе какую-то странную (неуместную) «моральную» цель: как будто эта борьба должна привести к некой социальной гармонии, где исчезнут эксплуатация и отчуждение, и вновь, но уже на «социальной основе», восстановится «единство мира». Все было правильно, кроме этой вздорной ультрарелигиозной «конечной цели». Лёвит еще рассматривает Кьеркегора как некую «иную», даже альтернативную составляющую, то есть, вместо полного отбрасывание христианства возвращение к «первоначальному» христианству, личному, «экзистенциальному», нечто вроде «свободы совести», христианской совести... Эта «альтернатива», на мой взгляд, спасает христианство, как личную веру, но уводит его с площадей и превращает в нечто «камерное», в частное дело каждого.

И, наконец, Лёвит приходит к Ницше как «завершителю» и самому успешному импровизатору «нового единства», основанного на «вечном возвращении».

Сказать честно, я эту ницшеанскую идею вечного возвращения не понимаю. И «Заратустру», напыщенную поэму с германскими псевдоромантическими заморочками читать не могу. У Ницше куда интересней критика даже не христианства, а «состояния души» современного (тогдашнего и нынешнего) человека декаданса, в коем уже обозначились черты вырождения. Лёвит, кажется, сочувствует язычеству: «вечно возвращающееся бытие детской игры в уничтожение и созидание». Такая, я бы сказал, «гераклитовщина», но и здесь не вижу, в чем смысл именно ницшеанского вечного возвращения... Лёвит пишет: «три образа определили человеческую природу в новое время: человек Руссо, человек Гете и человек Шопенгауэра» (кто такой, почему не в армии?). А для Ницше Лёвит рисует такую схему: «Подлинная мысль Ницше представляет собой такую систему, в основании которой находится смерть Бога, в середине — проистекающий из нее нигилизм, а в конце — самопреодоление нигилизма в вечном возвращении», когда воля хватает себя за хвост и «закругляется» в воле к ничто. Смутно весьма...

Еще у него об эстетике Вагнера, мол, «во взглядах Фейербаха на человеческую сущность он находит указания на “художественного человека”». И он же, Вагнер, «понимал проблематику искусства как проблематику общественной жизни», и что «изначальное искусство выросло из «самоосознанной всеобщности жизни».

Это уже проборы в социальную антропологию. Вагнером давно пора заняться.

Всегда твой
Наум

From: «Alexander Barash»

Privet.

А лет Виктору нет еще и 30.

Но, кажется, вот-вот будет. Не женат, но есть хавера¹, со стажем в несколько лет. Вообще, общий бытовой стиль — излет студенчества.

S.

Mon, 12 Aug 2002 13:56:25

кино я люблю, но и в этом вопросе я — «темная».

то, о чем Вы пишете, я не видела...

да, я помню это стихотворение... но все равно — спасибо... потому что Ваш выбор тоже о многом говорит...

да, теперь придется прислать фотографию...

always

Ну спасибо, угодили. Замечательные фото. Первое как-то особенно впечатлило, и то, что Вы, как бы вместо себя, «выставляете» чье-то открытое и счастливое, бесстрашно отдающееся миру детское лицо (кто это?), а сами как бы прячетесь, и взгляд внимательный, почти напряженный... и волосы, я люблю золотисто-русые волосы, и мягкие, но у Вас, думаю, жесткие... Теперь Ваш мысленный образ «совпал» с визуальным, и совпал точно, естественно, без «стыков».

Поищу у себя чего-нибудь пристойное из фоток, на всякий случай не самые последние...

13.8.

From: «jasmine»

...по поводу начальника — не волнуйтесь...

я давно здесь работаю и все точки над «i» уже расставлены...

основную часть моей работы составляют переводы английский-русский и обратно... по большей части корреспонденция...

¹ Подруга (*увр.*).

на фотографиях вместе со мной — моя дочка... правда, это не последние фотографии... теперь она уже старше...
а волосы у меня — жесткие, как китовый ус (ну, почти).
и всегда такие были... это — в деда...
always

А мне еще показалось, что она очень на вас похожа, особенно первая фотография меня поразила, как будто Вы, но в каком-то чудном зеркале...

Так у Вас, стало быть, к 25 годам уже биография... Были замужем, или так «получилось»?

Ничего, что я спрашиваю?

Я еду завтра с утра в Ерушалаим, вернусь часам к пяти. Хотите, передам от Вас привет Городу?

Ну вот, привет Вам от Иерусалима и небольшой от него подарок: копия старинной литографии.

Попробую отправить по почте, авось не стырят. У вас еще бытует такое словечко «тырить»?

Кстати, я бы с удовольствием поднабрался современного сленга...

А Вы иногда в книжные заглядываете?

Вы хотели написать о книге, так вот, я Вам для затравки pošлю-похвастаюсь статью о ней из журнала «Знамя».

Ездил с Л в Ерушалаим, в музей древностей. Шумер, Ашур, Мидия. И выставка фотографий и литографий Иерусалима прошлого, то есть уже позапрошлого века. На обратном пути, в машине, позвонила Р.

— Это я звоню... Хочу пожаловаться... Я ключи потеряла., да все, ключи от жизни...

Это отравило атмосферу.

Л: — Я смотрю, тебя держат на коротком поводке.

14.8. По утрам у меня теперь два звонка. Сначала Р, потом Л. У Л голос какой-то сдавленный, будто плакала.

— Ты где?

— Я на кладбище.

— Что случилось?!

— Ничего, отца навестила...

Наум, привет!

Не имея сейчас возможности разбирать схему Лёвита подробно, выдерну из контекста вопрос о «вечном возвращении», тем более что ты упомянул по этому поводу о «гераклитовщине»... Я тоже долго не понимал, что имел в виду Ницше, и до сих пор не верю в возможность понять

эту идею, исходя из того, как она преподается в «Заратустре» (твою оценку этого злосчастливого опуса я вполне разделяю). Однако, перечитав сравнительно недавно другой, еще более дикий опус Ницше «Ессе Ното», я, как мне кажется, «приблизился к разгадке». Другое дело, что «истинная разгадка» достижима только в общем контексте «связки Шопенгауэр-Ницше», так что прошу рассматривать дальнейшие размышления как сугубо предварительные (хорошо бы к ним вернуться, если удастся развернуть тему Ш-Н в сколько-нибудь систематическом виде).

Итак, «Ессе Ното». Вещь беспрецедентная по бахвальству (чего стоят названия глав: 'Почему я так мудр'; 'Почему я так умен' и т.п.), но поскольку это последняя работа Ницше (закончена за два дня до смерти), она заслуживает внимания как итоговая интеллектуальная автобиография. Что удивительно, Ницше говорит о «вечном возвращении» не в разделе о «Заратустре», а в главе («Рождение трагедии»), где он упоминает ранний период своего творчества, в частности РТ и «Сумерки кумиров», а там, насколько я понимаю, ни о каком «вечном возвращении» нет и речи. Ввиду важности этого отрывка приведу довольно обширную цитату (все подчеркивания принадлежат Ницше):

«В какой мере я нашел понятие «трагического», конечное познание того, что такое психология трагедии, это выражено мною еще в «Сумерках идолов»: "Подтверждение жизни даже в самых непостижимых и суровых ее проблемах; воля к жизни, ликующая в *жертве* своими высшими типами собственной неисчерпаемости, — *вот что* назвал я дионисическим, вот в чем угадал я мост к психологии *трагического* поэта. *Не* для того, чтобы освободиться от ужаса и сострадания, не для того, чтобы очиститься от опасного аффекта бурным его разряжением — так понимал это Аристотель, — а для того, чтобы, наперекор ужасу и состраданию, *быть самому* вечной радостью становления, — той радостью, которая заключает в себе также и *радость уничтожения*..." В этом смысле я имею право понимать самого себя как первого *трагического философа* — стало быть, как самую крайнюю противоположность и антипода всякого пессимистического философа. До меня не существовало этого превращения дионисического состояния в философский пафос: недоставало *трагической мудрости* — тщетно искал я ее признаков даже у *великих* греческих философов за два века до Сократа. Сомнение оставил во мне Гераклит, вблизи которого я чувствую себя вообще теплее и приятнее, чем где-нибудь в другом месте. Подтверждение исчезновения и *уничтожения*, отличительное для дионисической философии, подтверждение противоположности и войны, *становление*, при радикальном устранении самого понятия «*бытие*» — в этом я должен признать при всех обстоятельствах самое близкое мне из всего, что до сих пор было помыслено. Учение о «вечном возвращении», стало быть, о безусловном и бесконечно повторяющемся круговороте вещей, — это учение Заратустры *могло бы* однажды уже существовать у Гераклита».

Вот что особенно важно (на мой взгляд): Ницше видит ретроспективным взглядом идею «вечного возвращения» в контексте проблемы трагического (он «в глубине души» понимает, что «Рождение трагедии» остается его высшим достижением, и пытается «подверстать» поздние гнилые концепты типа «вечного возвращения» к действительно содержательным идеям «дионисийства» и «трагического мирозерцания»). Трагедия позволяет *«быть самому вечной радостью становления, — той радостью, которая заключает в себе также и радость уничтожения...»* Ключевое слово здесь (в философском смысле) — становление. В своих «Тезисах о Гераклите» Ницше радикально противопоставляет становление бытию: *«становление, при радикальном устранении самого понятия бытие»*. Оставим, так сказать, на совести Ницше такую трактовку Гераклита (совершенно не учитывающую роль «логоса» как стабилизирующей категории в его учении); ясно, что он говорит в первую очередь о себе. Если понять ‘становление’ так, как понимает ‘волю’ Шопенгауэр (а Ницше всегда «имеет в виду» своего ненавистного учителя) — как некую слепую, бесформенную и неукротимую силу, — то ‘бытие’ представляет здесь собой трансформированное ‘представление’, то есть начало стабилизирующее, придающее слепому порыву устойчивую форму. Шопенгауэру понадобились для стабилизации порыва «платоновские идеи», выводящие «представления» на уровень «бытия» (которое он, впрочем, оценивает как видимость, но это «оценка», которая в принципе может быть и пересмотрена). Ницше же их отбрасывает, как и всю метафизику с ее субстанциональностью. К числу таких стабилизирующих ‘идей’ несомненно (и даже в первую очередь) принадлежит идея ‘рода’. Хотя Шопенгауэр редко употребляет эту категорию, мне трудно отделаться от ощущения, что он имеет в виду под «платоновскими идеями» преимущественно именно формы рода. Поэтому у Шопенгауэра метафизика, хотя и перевернутая с ног на голову (в смысле «пессимизма», оценивающего ‘бытие’ со знаком минус), но она остается классической в том смысле, что у него есть, с одной стороны, становление, а с другой — бытие. Строго говоря, эти категории соотносительные, и одно без другого просто не имеет никакого смысла: *«становление, при радикальном устранении самого понятия бытие»* — это сапоги всмятку. Становится что-то, и это что-то и есть бытие («становящееся бытие»). Такой подход позволяет заключить абсолютную текучесть ‘воли’ в некую ‘форму’ (платоновскую идею, ‘представление’, или ‘род’, или аристотелевская ‘чтойность’); тогда в принципе можно искать смысл в оптимальных соотношениях между абсолютной текучестью преходящей индивидуальности (полюс становления) и хотя бы относительной стабильностью рода (полюс бытия). Ницше, якобы вслед за Гераклитом, отбрасывает бытие, оставляя одно становление. Беря за исходную точку трагедию, Ницше выдает сотериологический подтекст своего построения. Если мы радикально отказываемся от всего, кроме становления

(причем становления неизвестно чего), то есть от всего сколько-нибудь постоянного (от любого хотя бы относительно устойчивого бытия, будь то в виде 'формы', 'представления' или 'рода'), то мы отказываемся и ото всех сотериологических возможностей, предоставляемых этими формами бытия (например, от приобщения к «миру идей», от «спасения души» как чего-то устойчивого, от «иногo мира» как чего-то метафизически неизменного и т.д.). Строго говоря, спасать вообще нечего, потому что если ничто не имеет бытия, то бытия не имеет и индивид (личность). Как можно (и зачем) спасти чистое становление неизвестно чего? И тут нас поджидает парадокс: если спасать нечего, то оно уже спасено. Или так: играя на понижение слишком резко, получаем повышение. Если мы имеем лишь становление («не замутненное бытием»), в нем не может быть ничего необратимого: ведь необратимость возникает путем введения слепого порыва в некое стабильное русло. Собственно говоря, смерть оказывается расплатой за необратимость бытия; если нет бытия, нет и необратимости. А если нет необратимости, то ничто не мешает рано или поздно прийти к «повторению», или «вечному возвращению». Можно сказать и так: Ницше сначала пожертвовал индивидом как личностью, сведя его к бесформенному потоку неизвестно чего (то есть, в моих терминах, радикально отрешил индивида от рода), а потом оказалось, что это неизвестно что запросто можно спасти, потому что в бруновском движении любая фигня может повториться (а может и не повториться: разницы, вообще говоря, нет). Условно говоря, он в шахматной партии, вопреки правилам, с самого начала пожертвовал короля — и после этого уже не может проиграть; но и выигрыш получается, во-первых, жалким, а во-вторых, «не по правилам». Конечно, это гнилая сотериология. Ее пустота особенно наглядно проявляется там, где Ницше, со свойственным ему бахвальством (за которым ощущается неуверенность в себе), противопоставляет свое понимание трагедии аристотелевскому («катартическому»). Схема такая: трагическое служит «Не для того, чтобы освободиться от ужаса и сострадания, не для того, чтобы очиститься от опасного аффекта бурным его разряжением — так понимал это Аристотель, — а для того, чтобы, наперекор ужасу и состраданию, *быть самому* вечной радостью становления...». Конечно, это магия (попытка магического перетолкования жреческого феномена) со всеми ее артефактами — отрицанием Рампы, апофеозом «жизнестроительства» и, главное, полной бессодержательностью. Ведь ясно, что все осмысленное содержится в отвергаемых Ницше аристотелевских формулировках, а «быть самому» — это просто демагогия.

Жалко мне то, что Ницше в ретроспективе «опустил» самого себя: его *Opus Magnum* — «Рождение трагедии» — заслуживает лучшей участи, чем поздняя авторская трактовка.

Всегда твой,
Матвей

Поехали с Р в Тель-Авивский музей, там еще выставка (из частной коллекции Якова Перемана) израильских художников 20–30 годов, старые фотографии, газеты. Откуда-то даже картинка Утрилло и этюд Левитана...

А потом пошли в «Сигар», обожрались.

— А ты знаешь, что мы оба с тобой свиньи?

— Приступ совести после обжорства?

— Да нет, мы родились в год свиньи. А что, это очень хорошее животное.

.....

— А ты хотел бы вернуться в восемнадцать лет?

— Нет. А вот в сорок — не отказался бы...

— Сорок — прекрасный возраст. Ах, как я была хороша в сорок лет!

Ты себе не представляешь!

Вся сияет. «Ты чувствуешь, что я тебя люблю?».

Теща опять в больнице, сердце. Жена отменила поездку в Скандинавию.

15.8.

Свидание с Л получилось печальным, каким-то прощальным. И даже лишним. Грустные объятия, разговоры о старых родителях. И жена все время звонила: теща, поездка. И даже секс получился слишком скоропалительный, как в доброе старое время...

Под конец долго стояли обнявшись. «Как хочется иногда тебя обнять, вот так...».

Завтра муж прилетает. У него уже 60 человек в бизнесе, раскрутился.

— Ну что, Аня пишет?

— Пишет. Но... уже не так интересно.

— Ну, ты небось уже окатил ее холодненькой.

— Откуда ты знаешь?

— Х-ха. Мне ли не знать.

16.8.

Thu, 15 Aug 2002 09:47:18

три недели — целая вечность...

а Вы не собираетесь в Москву?

always

Ответ:

Каждое сердце, в которое ты проник, это еще одна твоя «зацепка» в этом мире, из которого ни за что не хочется уходить. Мы как деревья, пускаем корни, но не в землю, а в сердца...

Мне очень хочется повидаться с Вами, и поэтому я уже думаю теперь о Москве с большей конкретностью. Что меня до сих пор останавливало, это то, что мне хочется приехать в Москву с каким-то результатом, с новой книгой, ведь я создал после той (первой) книги некую ауру ожидания (так мне кажется или мнится), и надо ее оправдать... И потом есть у меня какой-то «страх» перед Москвой, страх возвращения...

17.8.

Матвей, привет!

Ты к Ницше как-то не по-доброму, а я с каждой твоей цитатой все больше им восхищаюсь. И в таких фразах «почему я так мудр» вижу не бахвальство, а вызов. Т.ск. пощечину общественному вкусу. «Я знаю свой жребий. Когда-нибудь с моим именем будет связываться воспоминание о кризисе, какого никогда не было на земле, о самой глубокой коллизии совести, о решении, предпринятом против всего, во что до сих пор верили, чего требовали, что считали священным. Я не человек, я динамит...» Из того же «Ессе Номо».

Что касается твоих разъяснений, то они только все запутали.

Во-первых, я вообще плохо понимаю, что такое «бытие». И уж тем более — «становящееся бытие». Что такое «становление» я еще могу себе представить — это целенаправленное изменение. Когда растение «становится», то есть образуется, у него есть «план», заранее предусмотренная форма. Есть ли такая форма, такая цель у становления мира? Сомневаюсь, и в любом случае нам ее не увидеть (слишком маленькие по отношению к миру). Цель знает нас, но мы не знаем цели, как сказал поэт. А вот что такое мир, или «сущее», это вроде бы понятнее, поскольку дано нам в ощущениях и представлениях. Кстати, и Шопенгауэр не отрицает познание методами науки, только считает, что мы таким образом неизбежно упрямся в собственную субъектность как «вещь в себе». И «волю» — таинственную суть мира, такой мировой движок, мы тоже познать (методами науки) не можем, поскольку «вещь в себе», но мы можем в нее «погрузиться» в глубоком созерцании, или в актах искусства, так сказать, вкусить. И это как раз напоминает мне рувинское «слияние с родом», с природой.

Но природа не находится в становлении (нет цели), она в состоянии непрерывного изменения, а вот человек, по аналогии с растением, может и имеет свой «план» (отдельный человек точно имеет) и тогда его история — становление, «творческая эволюция». Но если природа, в том числе и живая — просто изменение без плана, то это вечно меняющееся сущее не оставляет места вечному возвращению — куды возвращаться-то, когда все уже изменилось. Так что «воля» и «становление» — разные вещи, воля есть сила (вроде гравитации), а становление это все-таки процесс. Или как? И опять же: «воля» — нечто реальное, вроде энтелехии, а «бытие» — непонятно что. Умственный конструкт, представле-

ние, только вот я никак не могу его себе «представить» (как в старом анекдоте про Чапая, когда его спросили на экзамене по математике что такое квадратный трехчлен, и бравый воин ответил: не только не знаю, но и представить себе не могу). Что-то вроде «вечное» против «текущего»? Но как тогда «становление» может быть внутренним смыслом «бытия»? Так может прав Ницше, «отбрасывая всю метафизику» как муть — еще один повод восхититься его дерзостью, сгинь поповская нечисть. Да здравствует сущее!

Я вот по ходу дела решил справиться насчет «бытия» у Хайдеггера. Он разъясняет в Бременском докладе 1949 г.: «То, что мыслитель речёт о бытии (das Sein), — это не его взгляд. Сказанное — это говорящее через него эхо того притязания (Anspruchs), которое выдвигает само [подлинное] бытие (das Seyn) и в котором Оно, бытие (Es), приводит себя к проговариванию (zur Sprache bringt)». Ты что-то понял?

Понятно только то, что гад-немец не отождествляет сущее и бытие. Бытие у него «присутствует в сущем». «Бытие имеет место в сущем через впускание присутствия, то есть, открытие потаенности. Бытие означает присутствие». То есть и в самом деле что-то вроде «воли», только воля деятельна, а бытие только присутствует... И при всем при том бытие раскрывается только через человека. «Человек тот, кто является постоянным приемником дара присутствия. И именно через приятие этого дара определяется мера человека как человека. Потому что если некому будет выносить то, что несет дар присутствия, Бытие не просто останется потаенным (нераскрытым), но сам человек окажется вне поля досягаемости Бытия, то есть, перестанет быть человеком. Таким образом, человек есть пастух бытия» («Бытие и время»). Хорошо, допустим оно во мне присутствует, и я должен его «ощутить» (иначе и человеком не стану, это, кажется, и Шопенгауэр требует). Ощутить путем всяких созерцательных «упражнений духа». И тогда я стану «пастухом бытия», красиво, но что пасем-то, братва? Воздух? В Экклезиасте писано: «хранящий ветер /дух/ не сеет, пасущий облака — не пожнет». И у Хайдеггера получается, что нет человека — нет бытия. То есть сущее, и даже жизнь — не обладают бытием. («Воля» Шопенгауэра хотя бы присутствует в человеке имманентно, независимо от его воли.) Вот один толкователь пишет: «Хайдеггер ставит радикальный вопрос, а что вообще значит «есть»? Одинаково ли это «есть» у камня, собаки и человека? И приходит к выводу, что не одинаково. Камень — наличествует, собака — пребывает, а человек — экзистировать. Экзистировать значит выступать за пределы своего наличного существования. В этом и состоит главная особенность положения человека в мире. Он принципиально открыт сущему, не являясь замкнутым в себе предметом. Человек внимает обращенному к нему сущему».

Ёлы-палы, но ведь и собака, и даже камень (через химические реакции) принципиально открыты сущему! И они не замкнутые в себе

«предметы»! Все в природе «внимает» всему (сущему). И в каком-то смысле и камень, и собака выступают за пределы своего наличного существования, потому что находятся в процессе становления, только в разной форме и степени интенсивности. И они внимают обращенному к ним сущему!

Хайдеггер пишет: «Человек существует таким образом, что он есть «вот Бытия», т.е. его просвет». Все это какие-то магические пассы над «таинственными безднами», шаманство и акробатика слов. И по Хайдеггеру, человек именно в языке «находит» свое бытие, язык — дом бытия и т.д. Не знаю, в языке Хайдеггера я ничего не нахожу. И эти его пассы о Ничто, мол, через Ничто мы должны увидеть Нечто, понять явное через неявное, слово через молчание, сущее — через несущее, бытие — через Ничто и т.п. Вот другой комментатор пишет: «Хайдеггер переворачивает традиционный способ философствования, при котором неизвестное объясняется из известного, исходным пунктом он берет именно то, что до сих пор не удавалось объяснить» (похоже на Шопенгауэра). Т.е. неизвестное пытается объяснить неизвестное?! Бред! Причем сам же гад-немец пишет: «понятию бытия нельзя дать определение. Но неопределимость бытия, напротив, понуждает к вопросу о его смысле». О каком смысле можно говорить, если ты не определил, о смысле чего речь?

В общем, прав Ницше: этакое «бытие» надо радикально устранить.

Ты цитируешь его фразу: «Трагедия позволяет *«быть самому вечной радостью становления, — той радостью, которая заключает в себе также и радость уничтожения...»*. Ну вот тебе и весь сказ про «бытие»: понять нельзя, но можно чувствовать, переживать, ощущая вечную радость становления и даже радость уничтожения, хотя это уже труднее, но все-таки можно себе представить, как готовность вечно жертвовать собой, своей индивидуальностью во имя рода, сама эта жертвенность и есть «вечная радость становления» рода. Вполне, я бы сказал, «сотериологическая» интерпретация, в твоём духе: «спасение» не метафизический акт, а вполне себе физический, поддерживающий жизнь индивида в акте жертвенного приобщения к роду (ритуал, искусство и т.п.). И мы не становление спасаем, а человека, от болезненных явлений в процессе становления.

Кстати, у Хайдеггера «время» — нечто такое же мутное, как и бытие: «ни Бытие, ни Время не сущее, ни одна из вещей сущего». Допустим, но есть разница. Время можно измерить, поскольку оно есть характеристика движения, инструмент измерения его скорости и вообще изменений. А как ты измеришь «бытие», или его «становление»? У Хайдеггера получается, что «бытие» это «идея» сущего. Иди проверь. Но тогда идея чего время? Вечности? А это что за хрень?

Еще по Хайдеггеру (раз уж уткнулся в него) суть человеческого существования — это поиск «бытия» (своей «само-бытности»), как поиски своего дома, своих корней, и этот поиск дает ему де возможность «пре-

одолеть бессмысленность окружающего мира». Вот это мне как раз понятно: человек все время ищет смысл всего, с чем сталкивается и, конечно, задумывается о смысле «всего». И в первую очередь о смысле собственного существования. Но искать этот смысл в каких-то, прости Господи, «трансценденциях», это просто воду мутить. Поиск смысла чего-то это просто поиск его причины и формулы становления (откуда и куда). Неслучайно ведь когда находим причину чего-то, мы так радуемся, будто разгадали загадку? И не надо бояться бесконечности этой лестницы: причина явления, причина причины, причина причины причины и т.д. Она не более «дурна», чем бесконечность становления неизвестно чего. На что незыблемое можно опереться в этом море изменчивости? Что было и останется, когда человек исчезнет как волна? А может быть то, что грозит нам исчезновением, и есть наша опора? И в самом деле, единственная «стабильная» точка в мире человека — это смерть. Это и есть его точка опоры, из которой, как Вселенная при Большом Взрыве, рождается «мир человека», вся суть которого с момента рождения это война со смертью. В этой войне и происходит «становление человека». И все религии и метафизики, так же, как и науки, так же, как и твоя сотериология, все это действительно попытки «спастись», найти «опору» в этом зыбучем песке необратимой и хаотичной изменчивости. А от нее не надо спасаться, не надо с ней примиряться: вся суть жизни в борьбе с ней.

«Смерть как расплата за необратимость бытия; если нет бытия, нет и необратимости. А если нет необратимости, то ничто не мешает рано или поздно прийти к “повторению”, или “вечному возвращению”». Но смерть не расплата за необратимость, а гарант необратимости. Жизнь конечно же необратима, и смерть — опора жизни, поэтому ее надо любить и лелеять, любовь к ней и есть та самая «радость уничтожения» Ницше. Мне это близко: и то, что человек — жертва рода (как у Лосева), ликующая жертва, что жертвенность сплавлена в человеке с волей к жизни, по сути, героической волей, и это, конечно, трагический сплав. Не знаю, взял ли это Лосев у Ницше, или дошел своим умом, но я все это чувствовал, не зная Ницше, просто он сказал это словами, довел до ума, а потом еще и ты добавил свои пять копеек про род, про возвращение в род и бессмертие в роде, поэтому я так легко и воспринял твои идеи, хотя у меня несколько другие акценты... И эта радость осознания своей смертности, переживание жизни как жертвы совершенно противоположно Шопенгауэру.

Кстати, странно, что Шопенгауэр прошел мимо идеи «рода». Все они были измученными индивидуализмом, и видели (ощущали) только себя в центре мира и спасение для них — магия всевластия над природой. И твои упреки «сотериологии Ницше»: «гнилая», «пустая», «магия», — несправедливы. Он вообще отрицает спасение! Да, ты совершенно прав, у него «жизнестроительство» («Здравствуй, мой давний бред, — башни

стрельчатый рост!»). Но оно оказывается у тебя «бессодержательным» (?), возможно, но оно остается (именно в силу этого!) героическим. Именно в героизме красота бытия (жизни), и только этой красотой оно оправдано, и в этом смысле, можно сказать, спасено.

Всегда твой

Наум

P.S.

Скандинавия окончательно отпала (теща опять в больнице), видимо, этим летом мы дома. Осенью — видно будет. А что Юра, закончил «гастроль»?

18.8.

Леша, привет!

Прага так и не стала Венецией, большая вода вроде ушла. Надеюсь, вы все это пережили безболезненно.

А мы так в отпуск и не уехали — у Риммы мать заболела...

В этом году осень начнется раньше (Новый год уже в начале сентября), так что можно приехать уже в конце сентября. Даст Бог, к этому времени и с Саддамушкой разберемся, и сами целы останемся...

На всякий случай повторюсь: отдельная комната для вас есть.

Привет Вале.

Всегда ваш

Наум

19.8.

From: «jasmine»

«Суббота.

Душит жара.

А Сеть без твоих писем

Пуста, как звездный невод Вселенной».

красиво... а Вы давно это написали?

еще не читала Ваше длинное письмо...

щас пойду на кухню, налью себе чаю,

устроюсь поудобней

и буду читать

потом — отвечать

Mon, 19 Aug 2002 10:45:34 даааа...

разве так можно?

я хочу сказать, разве можно изголодавшегося человека кормить до отвала? это жестоко, Наум — то пишете по две строчки в день — ни о чем, то вдруг такое письмо

мне очень приятно...

пока не забыла, отвечаю на все остальное...

дочку зовут Катя, Екатерина... фотография сделана в Ростове...
а еще (тут звучит баррррабанная дробь) я получила Вашу посылку
СПАСИБО

(а у Вас было когда-нибудь трое мужчин одновременно?)

трудно ответить однозначно... однажды, в виде эксперимента,
у меня было одновременно 15 молодых людей, каждый из которых счи-
тал, что у нас начинается «роман».. разумеется, они не знали друг о дру-
ге... ни с кем из них я не спала... мелкая была... это длилось очень недол-
го: игра оказалась утомительной... (если Вы об этом спрашивали)

«Потому что каждое сердце, в которое ты проник,
это еще одна твоя «зацепка» в этом мире,
из которого ни за что не хочется уходить?..

Мы — как деревья, пускаем корни, но не в землю,
а в сердца...»

здесь мы и близки... самое дорогое в моей жизни — люди... не все...
немногие... сейчас — и Вы...

always

отвечаю по Вашей «системе»

«я получила Вашу посылку»

Замечательно. И быстро дошло. Теперь попробую послать литогра-
фию.

Насчет «одновременных» мужчин я уж потом подумал, что спросил
как-то «неловко», неточно, но я рад, что вы «поняли». Да, несколько ро-
манов одновременно. Иногда и муж (жена) не выпадает из этой карти-
ны, эмоционально, я имею в виду. Кто-то о ком-то знает, кто-то нет, кто-
то догадывается. И действительно, в конечном итоге остается, наверное,
только одна «утомленность»... А в положении «третьей» любовницы
(второй, десятой, число не принципиально, хотя иногда «технически»
это интересно...) не приходилось бывать? Это, наверное, не так утомля-
ет? Одна знакомая сказала: «Вот ты как муж можешь подтвердить, что
для семьи хорошо, когда у жены любовник?» — «Ну...», — замаялся я. —
«Ну конечно, смотря какой любовник!» — и рассмеялась.

Mon, 19 Aug 2002 11:43:47

забыла:

фотография очень хорошая...

произведение искусства...

спасибо...

мне кажется, Вы зря боитесь... отталкивать может не возраст,
а «следы пороков»... портрет Дориана Грея... понимаете? однажды, лет
пять назад, мной заинтересовался тридцатипятилетний холостяк...
пообщавшись с ним час, я твердо решила, что у меня никогда не будет
мужчины старше меня больше, чем на 10 лет... через год я встретила
Юрку (того самого, Вашего почти ровесника) и поняла, в чем разница...

кстати мой дедушка, весь седой и теперь уже сутулый, сухой — до сих пор очень привлекательный человек... и я до сих пор горжусь, когда иду с ним вместе по улице...

«А в положении «третьей» любовницы (второй, десятой, число не принципиально) не приходилось бывать?»

да, бывали разные случаи...

однажды уговорила своего мужа (ну, мы просто жили долго вместе — неофициально) переспать со своей знакомой — у нее был тяжелый период в жизни (муж ушел), кроме того, она призналась мне, что мой муж как две капли воды похож на ее первую любовь, с которой так ничего и не получилось... мне это далось тяжело, мужу — не понравилось... больше таких глупостей не делала... тем более что потом оказалось, что эта девушка провернула такую же штуку еще с парочкой наших общих знакомых «семейных» пар...

с нежностью

Аня

Ане:

«однажды уговорила своего мужа»

Ну вы даете! Разве можно такие вещи делать?! Мужу не надо никого подыскивать (если, конечно, не хочешь от него избавиться), он и сам только этим и занимается. Да и для женщины, если она не совсем уж страхолюдина, мужика-то найти «на переспать» — что за проблема? Мужу не понравилось? Ой, не верю! Мне этот вид «дружеских услуг» кажется странным... Да еще такой распространенный...

Может, я чего-то не понимаю, в провинции одичали-с... А Вы меня часом не разыгрываете?

«мне трудно отказывать себе в удовольствии общения с Вами...»

ни в чем себе не отказывайте

Ладно, полезу опять под корягу, в обнимку с вашей «нежностью»...

Каневский прислал статью Эльдада:

Израэль Эльдад, «Новости недели» 9 Августа 2002

Плесень

Много плохого и хорошего происходит в Сионе, но мое скудное перо занято в последнее время интенсивным написанием имен Йоси Бейлина, его тезки и единомышленника Сарида, Шимона Переса и других архитекторов Осло, и отнюдь не в положительном контексте. Я ругаю «махровых миротворцев» грубыми словами, цитирую словесную грязь, которой они мажут мое государство и мой народ, и выставляю напоказ их неблагоприятные действия в прошлом, настоящем и будущем.

Это obsessions, переходящая в паранойю — говорят мне коллеги и единомышленники — оставь их в покое. Они сами передохнут как крысы в своих углах от злобы и отчаяния.

Хотелось бы верить, но интуиция журналистки с почти тридцатилетним стажем подсказывает мне, что под вывеской “Гуш шалом”¹ и других “гушей” и “шаломов” собираются группы опасных маньяков, люто ненавидящих свой народ и государство, которое они не считают своим, поскольку не могут делать в нем все, что им заблагорассудится... /и так далее/

Mon, 19 Aug 2002 14:12:02

«Мужу не надо никого подыскивать (если, конечно, не хочешь от него избавиться), он и сам только этим и занимается».

можете не верить, но это был не тот случай... он был слишком ленив и занят...

кроме того, я не ему «подыскивала»... его еще и уговаривать пришлось... мне девочку было жалко...

конечно, все это глупо было ужасно... ну так я ведь и не хвастаюсь... Вы спросили — я рассказала... можно подумать, есть человек, не совершавший глупостей в своей жизни...

«Да и для женщины, если она не совсем уж страхолюдина, мужика-то найти «на переспать» — что за проблема?»

ну вот она и нашла

«Мужу не понравилось? Ой, не верю!»

ну и не верьте! тоже мне, Станиславский

Ответ Ане:

Позабавила меня эта история, нет, ей Богу, интересно. Возможно, что здесь еще след какой-то новой сексуальной атмосферы в стране, и мне как юному натуралисту, ужасно интересно, ведь сексуальные практики — фундамент культуры. А может это я такой, понимаешь, восточный бей, которому такие штуки в диковину...

Любопытно, любопытно.

А мы обязательно встретимся, если я Вас до этого не разочарую своими заморочками.

А вообще, у меня хорошее настроение. И рассказ идет (и, главное, сам «тянет», не надо его толкать), и вот два письма получил от старых друзей (из Москвы), «бумажных», я уж отвык от таких писем, как в доброе старое время...

От Ани Килимник:

Здравствуй, Наум!

Мастер-кассета «Омонима» находится по-прежнему у меня, а было бы лучше, если бы она вернулась к хозяевам-создателям. На Шаболовке

¹ «Блок за мир» (ивр.).

грядет ремонт, и я забрала ее, т.к. она может затеряться на «Культуре». Да и рассчитывать на то, что Паухова или Андронникова еще разок поставят ее в эфир, теперь не приходится — сейчас такие услуги безвозмездно не оказывают. А вот в прошлом сезоне они «заткнули» ею эфирную «дыру», что очень мило с их стороны. Может быть, прислать кассету с какой-нибудь оказией или по почте? Напиши, как мне поступить.

Израильтяне, которые приезжают к нам в последнее время, уверяют, что никакой войны в «земле Обетованной» нет — все как обычно. Надеюсь, что они не лукавят. Желаю Вам мира!

Если в очередной раз не подведут люди и обстоятельства, постараюсь в ближайшее время издать уже готовый к печати сб., посвященный памяти Генриха Сапгира под названием «...вообразить, что я свободен». Посылаю тебе фото лианозовских классиков, которые в нее (эту книгу) войдут.

Если проект осуществится, перешлю, конечно, и сам сборник. Ты был прав, издавая свою книгу у Кононова, фигуры, с моей точки зрения, очень одиозной. Эффективность и брезгливость, как правило, несовместимы. Но стилистическая и моральная (точнее аморальная) конъюнктура бессильна перед «бегом времени» и, следовательно, материальные дивиденды приносит недолго. Надеюсь, тебе удастся достигать результатов своих творческих и организационных усилий, не становясь жертвой ни безответственного чистоплюйства, ни «экзистенциальной тошноты», которая лично для меня хуже, страшнее любого идеологического или социального давления извне.

Можешь ответить мне по e-mail-у... или по старому адресу...

А.

Аня, дорогая, привет!

Ты не представляешь, как меня обрадовало твое письмо! Я уж думал, ты совсем на меня обиделась, а ты только чуть-чуть... И замечательно, что есть «емеля», можно сразу ответить.

Насчет кассеты я спрошу у режиссеров, хотя думаю, что важности в ней особой нет. Если она у тебя места не занимает и кушать не просит, то пусть полежит до оказии, авось приеду когда-нибудь... Кстати, у Гробмана в НЛО вышли дневники: молодые годы, художники. Интересно, книгу заметили? А режиссеров спрошу для порядка. Я их давно не видел, они тут кое-что сняли, но «шума» не слышал. Впрочем, и мне похвастаться нечем: после книги были две публикации в «Зеркале», повесть о визите в Москву летом 91-го и кусок переписки с другом Матвеем о Солженицыне, кстати, Таня Михайловская когда-то, когда еще работала у Прохоровой, предложила нам регулярно публиковать нашу «переписку из двух углов», но с тех пор много воды утекло (ты с ней по-прежнему общаешься?). Ну и были еще газетные публикации («Вести», если слышала о такой газете): эссе, статьи, интервью. Вроде и все...

Да, еще были три публикации отрывков на иврите в разных местных антологиях, с хорошей прессой, и радиопередача по центральному радио (на иврите). Было и на русском радио несколько передач, и куча статей о книге, но местная «слава» — это чушь собачья, шу-шу по деревенским углам. А, было еще интервью на «Свободе» с Петей Толстым.

Это я тебе для «отчетности», ну и похвастаться не грех: интервью на «Свободе» порадовало. Пишу много, я теперь не работаю, только пенсия (вышел в отставку коллежским асессором), но «на выходе» пока нет ничего, что несколько раздражает, однако не отчаиваюсь, работать интересно, а остальное со временем образуется.

А что за израильтяне к вам приезжают, литературные? И не верь им, лукавят, лукавят! Настоящая террористическая война. Оно конечно, «все как обычно», это верно, уже привыкли, что автобусы на воздух взлетают... Ну и Саддамушка Гусейн на носу, а тот обещает нам непременно врезать неконвенциональным, так теперь не то что противогазы — прививку собираются всем от оспы делать и таблетки раздают против радиоактивности. А так «все как обычно». Да Бог с ним, это уже неинтересно, действительно бытовуха.

Спасибо за фото. Выйдет книга, буду рад получить. Замечательно, что твои проекты осуществляются.

А ты меня удивила одобрением того, что я издался у Кононова. У меня в конечном итоге накопилось к нему столько претензий (мелкий шрифт, никакой корректуры, куча позорных ошибок...), что я частенько вспоминал твои предостережения... Да и моих надежд «по раскрутке» он не оправдал, и обещаний не выполнил. Ну да черт с ним. Я так думаю: будут у меня книги лучше той — все «выстроится», а не будет — туда мне и дорога. Но я, честно говоря, верю, чувствую, что все еще сбудется. А как по-твоему, книга прозвучала? Была одна хорошая статья в «Знамени», Урицкого, могу перекинуть, если интересно, была статья Топорова в питерской «Смене», ругательная, но и не без комплиментов, были заметки в московских газетах и в «Сети»...

Как дела у Саши? Замуж не вышла? Передай ей привет.

Напиши (как в доброе старое время), что нового-интересного в Москве?

Всегда твой
Наум

От Миши:
4 августа 2002
Воскресенье
Здравствуй, Наум!

Сегодня, послушав «Новости», я понял, что ты был прав — дела день ото дня у вас становятся все тревожнее. Это — мягко говоря. Т.е., я понимаю так, что палестинцы решили скорее умереть, чем жить так, как хотели бы (чтобы они жили) евреи.

С одной стороны, так тоже нельзя — взрывать автобусы с мирными жителями. С другой — ты сам знаешь, что именно этим путем евреи создали Израиль в борьбе с Британской Коронаой.

.....

А) Теперь это «с одной/другой» стороны называют двойными стандартами. Вряд ли ты стал бы с этим спорить.

.....

Еще здесь, до отъезда, ты говорил мне — цитирую: «Я понял, что вопрос простой: чья земля. И все. И пиздец».

.....

Теперь цитирую классику: «Все возьму», — сказала злато, «Все возьму», — сказал булат.

.....

Булат Шалвович Окуджава — я (нрзб), конечно, (нрзб) словами, предложил путь мудрости и компромиссов. А булат решает серьезнее. Черт его знает: что будет... Что будет, то и будет. Тебя уже не призвуют. Разве что ты сам запишешься в добровольцы.

.....

Но на Израиль не нападало никакое государство. Науськивали, провоцировали — да. Но — хитрые арабы: чужими руками хотят забрать добро... Добро-то есть, вольно же им, блядь!..

.....

В) Но могут забрать (в армию) Илью. / От (нрзб) я выскажусь (нрзб). О личном — «чуть позднее...»/

Разрешите поделиться такой догадкой. Не оттого ли Илья решил жениться, что чувствовал: скоро война. Он же понимает, что если (не дай Бог) что, ты ляжешь костями, но его ребенка прокормишь... И Римма тоже.

.....

Я мало верю в совпадения: 5% всех событий — совпадения — да, случайные. А 95% — что-то было. Важно вскрыть — что /именно/.

Разными способами — (вскрыть), ты, видимо слышал о большинстве из них.

.....

Я, как ты знаешь, поклонник еврея Зигмунда Фрейда, — но есть и другие методы выяснения истины... скрытой от простого наблюдателя...

С) Теперь об Исааке. Раз обещал. (Я обещал). Если ты хочешь, чтобы он защитил твою новую родину, — тогда ему место в танке. Если ты хочешь, чтобы твой сын жил, тогда способов уйти от ответственности хватает...

.....

Ну вот. Все серьезное я сказал. «Доложил по начальству»... Твой русский друг Вадим — он бы пошел защищать Россию? Позвони ему, спроси. Он скажет: «Безусловно!» А я... но молчу — то есть, о Вадиме молчу — не о себе. /В этой ситуации./

.....

Все, с серьезным все. А то голова болит... Знаешь грузинский анекдот: стучит себя по лбу — «Чему там болеть?! — Кость!» У меня-то она не болит — но я хочу, чтобы и ты отдохнул от боли...

.....

Д) Вот такие, Наум, дела... Как здоровье мамы? Не ссоритесь ли с Риммой? Хватает ли денег?

.....

Е) (нрзб) Наум, спасибо тебе и спасибо Игорьку за вашу помощь. Игорьку даже большее спасибо (не ревнуй так. но): он ведь меня почти и не

.....

Семь, последняя страница.

Семисвечники...

.....

...почти и не знал. Впрочем, он малый умный и, видно, понял «суть» (меня) за те короткие встречи, что у нас с ним были... Спасибо ему!

.....

Тебе — естественно. Но ты меня действительно знал — и разозлился только один раз, в самом конце. Я помню за что, что я струсил... — ну, эта история с велосипедом — он уже и забыл и не поймет о чем речь.

.....

Все. Всех целую. Моя подруга Таня передает вам: «мы с вами. Мы все с вами сейчас».

Обнимаю

Миша.

Портос позвонил. Частушки зачитывал, он их из Сети выуживает:

Моя милка крышу крыла и оттуда сорвалась.

Пока в воздухе летала — сорок раз обосралась.

Ваня лезет на березу, а береза гнется.

Интересно посмотреть, как он наебнется.

И сам хохочет, хохочет, просто счастлив.

20.8.

Tue, 20 Aug 2002 11:09:35

а мне вчера очень понравилось Ваше стихотворение...

приятно, черт возьми...

сияла как медный самовар...

рассказывала вечером про Вас Верецкому...

даже показывала Ваше ругательное письмо (не сердитесь?)...

смеялась, что Вы обычно очень сдержанно ко мне пишете,

а тут столько эмоций... я всегда смеюсь, когда мне страшно...

а вообще я из всего готова сделать комедию, за что мне все время влетает от родственников... не то чтобы для меня нет ничего святого... просто не люблю когда люди слишком серьезно ко всему относятся, а особенно к себе... особенно если учесть, что все равно никто ничего

толком про этот мир не знает... каждый выдумывает собственных трех китов (или заимствует, если своей фантазии не хватает), ставит в красный угол и делает вид, что это самое главное в жизни...

что будет дальше?

always

Ответ «jasmine»:

Что у Вас за мероприятие такое «машкерадное»?

А что письмо показали — нормально. Вам виднее, что показывать, а что нет. А что Ваш гвардеец (185!) думает о Вашей переписке вообще? Как «относится»? Не ревнует?

И мне понравилось, что Вы со мной, почти как сама с собой разговариваете...

21.8.

Tue, 20 Aug 2002 14:36:32

«А книжечку стихов нашли в посылке?»

да, конечно нашла... большое Вам спасибо... очень интересно... дополняет то, что я уже читала... просто боюсь делиться впечатлениями... всегда очень боюсь толковать... только, может быть, тихо-тихо, для себя... это ведь бывает очень неприятно, когда тебя трактуют...

а гвардеец не ревнует... видите ли, мы очень давно друг друга знаем, мы очень-очень-очень-очень разные люди... и сложившиеся дружеские отношения, наверное, оптимальны в нашем случае... во всяком случае, очень стабильны... есть, конечно, некоторые примеси... лешка хочет меня иногда, особенно когда напивается... лезет обниматься... но он вполне адекватен... видимо, положительных эффектов от такого почти бесполого общения со мной, все же больше, чем отрицательных... к тому ж я ему помогаю с его девицами разбираться...

все, пора бежать...

до свидания

Отвечаю:

А вот и зря, для «толкований» да разговоров все и пишется. Толки да разговоры — все что от жизни останется, если вообще. Потому что эмоции, если о них не расскажешь, так в сейфе души и похерены будут. Хроника похеренного храма — как вам такое название?

Так что пишите, толкуйте, трактуйте. И если не нравится — тоже важно. Вы и о книге мало писали, если «боитесь», то зря. Могу Вам переслать статью Топорова в питерской газете, очень злючую.

а «до свидания» как-то очень «близко» прозвучало, вернее «отозвалось»...

От Л:

долетела нормально, спасибо

а записки пришли «пустые»... Нет, извини, ложная тревога. Все раскрылось со второго раза. Спасибо

Вчера посмотрела по телеку «Подруги» Антониони. Очень рекомендую.

22.8. К jasmine:

письма как наркотик, чуть перерыв — и сразу ломка начинается... надеюсь, что Вы здоровы.

Thu, 22 Aug 2002 10:38:17

здорова (смайлик)

извините меня, Наум... вчера было очень много работы...

да и сегодня — тоже... и начальник ходит злой, как черт...

а еще я книжку интересную читаю... «легкая литература»... фантастика... сказочки... очень мило... и про мужчин и женщин здорово написано...

а вчера у моего дедушки день рождения был... целый день подарок искала...

дедушка — с детства мой любимый родственник...

а Вы чем поживаете?

Thu, 22 Aug 2002 11:28:30

видите, ничего интересного у меня не происходит...

писать не о чем, вот и молчу...

так и в любви: сначала восторг, а потом — говорить не о чем...

бегал на свиданку, а еще посмотрел на днях замечательный фильм Антониони «Подруги», один из первых его фильмов, конец 50-х. Блеск. Интересно, сам ли он написал сценарий. Спрошу у приятеля-киношника (преподает историю кино в Тель-Авивском университете), когда вернется, он еще в отпуске. А как Вы относитесь к Антониони? Какие его фильмы видели?

23.8. По телефону:

— А я вся мокрая.

— В каком смысле?

— У меня второй день. Не боишься?

Зашла в туалет. Крик. Выходит:

— Ужас какой! Они туалеты совсем не моют!.. У нас дома два туалета, и одним мы фактически не пользуемся, и то я его каждый день мою. Конечно. Я туалеты каждый день мою. Иногда и по два раза. Я полы часто мою, даже после уборщицы. Найдет вдохновение, и начинаю мыть... Считаешь, что это сумасшествие?

— Может, ритуал...

— Это что, вот мама мыла... Сверкало все. По сравнению с мамой я просто грязнуля... А сестра Женька, ха-ха-ха, однажды призналась, говорит, я каждый раз, если знаю, что ты приедешь, туалет мою, ха-ха-ха! А я это дочке рассказала, так она говорит: мама, если хочешь знать, то и я тоже перед твоим приездом туалеты мою.

В результате мы залили кровать кровью.

— Это им за то, что они туалеты не моют.

— Как ты думаешь, я бы изменяла тебе, если бы мы поженились?

— Надо полагать...

— А ты бы мне?

— Тоже, наверное... Вряд ли бы мы ужились...

— Почему?!

— Не знаю, я вряд ли бы это... вынес.

— А ты бы ничего не знал. А тебе я бы сил не оставляла для измен.

Иногда она тяжело вздыхает.

— Я сегодня вялая? Нет, я какая-то... У меня на второй день обычно спад. А два-три дня перед месячными так хочу, просто ужас. И в первый день еще.

— Даже с мужем?

— Конечно.

— И вы по-прежнему «каждый день, а иногда и по два раза»?

— Да. А ты — не так?

— Я уже этот зайчий темп оставил. Дай Бог разок в неделю.

— Нуу, ты что! Так нельзя.

— Скажи еще: возьми себя в руки.

Смеется.

— Нет, правда, так и форму потеряешь.

Fri, 23 Aug 2002 09:46:05

...никак я не отношусь к Антониони... впервые слышу... может, что-нибудь и смотрела... а что он еще снял?

а по поводу творчества... хочется привести Вам несколько примеров... конечно, примерами нельзя ничего ни доказать, ни опровергнуть... зато они наводят на размышления...

я начала играть на гитаре еще когда училась в школе... моей преданной и рукоплескающей аудиторией были мои одноклассники... без меня и гитары не обходилась ни одна вечеринка, и все такое... меня даже записывали на кассеты... когда после школы прошло года три, я случайно нашла одну из таких кассет... когда я дослушала ее до конца, я была красная, как помидор... если бы кто-нибудь тогда, в школе, хоть раз объективно оценил мое музицирование, я бы никогда больше не взяла гитару в руки...

а два года назад мы, как обычно, напивались с Верецким, долго говорили, потом я попросила его спеть «куда ты скачешь, мальчик», потом мы исполнили пару песен Щербакова, и гитара перешла ко мне... я что-то спела, вдруг Верецкий посмотрел на меня трезвыми глазами и сказал: «Анька, да ты научилась петь! Здрóрово! Молодчина!»

и я рассказала ему про ту кассету... как мне повезло, что мои одноклассники ни черта не понимали в музыке...

а еще, когда я занималась на подготовительных курсах во ВГИКе, там было много творческих заданий... знаете, я была очень удивлена, с какой деликатностью почтенные преподаватели встречали наши работы, наши пробы пера... с какой неуверенностью они решались на маленькие критические замечания (и при этом десять раз извинялись и вносили оговорки)...

а как поживает Ваш рассказ?

always

У меня с гитарой тоже все время приключения. Дело в том, что ужасно я это дело люблю: попеть под гитару. Репертуар, конечно, старый, новые песни разучивать времени нет, да и старого для души хватает. В свое время пытался петь (на трех аккордах, ну, на пяти-шести) классику русской поэзии, Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, само собой Есенина, даже Мандельштама наяривал, и в среде поэтов пользовался большим успехом, как Вы — в школьной: а что, народ поэзию любит, к музыкальному сопровождению, особенно поддавши, не строг, да и слова, как их ни «сопровождай», бьют безошибочно, недаром классика. Но каждый раз, когда я попадал в компанию «мелкобуржуазную», то замечал, что мои «вдохновения» с трудом терпят. И в общем-то догадывался, почему: ни слуха, ни голоса, а «слова» не волнуют. Так мое пение совершенно завяло, слова забылись, и теперь я только один для себя самого иногда вечером, когда никого дома нет, изображаю какой-нибудь романсик, тянет погрузить, панимаш... А все дело в том, что вот та атмосфера взаимного вдохновения, или душевной приподнятости ушла из моего окружения. Надо сказать, с тех пор, как я уехал из России. Здесь не любят с такой же беззаветностью отдаваться грусти... И даже отношения с коллегами-поэтами, и всякими там «литераторами», даже и дружеские, этого уровня «совместной грусти» ни разу уже не достигали... А может, это следствие возраста... И хотя я (как и вы) вроде стал лучше петь и играть, так что даже иногда и «буржуазия» хлопает, но того «вдохновения», какое бывает у меня, когда я один, нет. А если записываешь (я тоже делал записи), то чересчур «напрягаешься», и уходит эта раскрепощенность, которая одна и способна выручить... Вот все хочу собраться и записать Вам что-нибудь...

А Микеланджело Антониони великий (именно так, это не моя сугубо личная оценка) итальянский режиссер, он начал где-то с середи-

ны пятидесятих (младший современник и соперник Феллини, они исповедовали совершенно разные «эстетики», Феллини, как известно, «неореалист», а Антониони — «экзистенциалист», ну это «грубо», конечно), а умер совсем недавно. Знаменитые фильмы, которые шли в свое время: «Затмение», «Забриски поинт», это классика мирового кино. А какие у вас отношения с Пазолини? Для будущего режиссера это все азбука. Ведь хорошее кино, как и хорошая книга, не стареет, а даже «чем старе, тем сильнее», как сказал поэт. Смотришь иногда каких-нибудь немецких экспрессионистов 20-х годов (для примеру) и диву даешься...

А рассказ было забуксовал, но я его, кажись, вытащил. Разрастается, еще не вижу конца...

24.8. От Л:

так что, будем молчать, или будем признаваться?

Наум — «Жасмин»

Вы уж простите меня за поучения — есть за мной такой грех, недаром же двадцать лет учителем отрубил — , но Антониони с Пазолини я просто, как говорится, настоятельно рекомендую. Дело в том, что это не только «киноискусство» (как камеру и актеров правильно расставить), а и глубокое осмысление жизни, в свое время сильно повлиявшее на современников, фактически давшее некую новую и «навязчивую» картину мира, видение мира. Мы вчера гуляли с приятелем еще с институтской скамьи и в частности вспоминали, какое сильнейшее влияние оказал на нас, и на все наше поколение Хемингуэй, он как будто «нарисовал» нам тот воздух жизни, который мы искали, и с тех пор мы все стали по-другому «дышать». Хотя писатель-то (Хемингуэй) не шибко вумный, даже, можно сказать, инфантильный. Может, поэтому так хорошо вписался в «наш» (нашего, советского поколения шестидесятых) инфантильный век. Уверен, что сейчас интерес к нему невелик среди молодежи. У нынешней эпохи другой «воздух», другие ингредиенты нужны, чтобы дышать полной грудью... Или я не прав? Как там старик Хэм, звучит нынче в России?

Я в свое время тоже мечтал поступить во ВГИК, что-то благоговейное, священное было в этом сочетании букв (и в именах жрецов этого Храма: Чухрай, Колотозов, Тарковский). Уже здесь я познакомился с некоторыми его выпускниками даже такими, которые относительно успешно работали в кино, теперь они, как правило, работают в местных газетах, «пописывают», но это уже эмигрантская доля... Впрочем, и служба в Храме часто становится обыденностью. От нее только одно лекарство — фанатизм. Человек должен быть «заряжен» на творчество. И еще нужно быть «отпущенным» (отвязанным) и даже немножко «распущенным».

Возвращаясь к Вашему письму на тему о любви, наберусь смелости задать пару вопросов на засыпку: как вы считаете, у Вас в жизни была «любовь»? То есть то, что Вы сами именно таким словом и называете? И думаете ли Вы (независимо от того, была она, или не была), что у Вас она еще «возможна»? И как Вы представляете себе наше общение, если мы встретимся? Вопросы, конечно, «журналистские», зато можно не отвечать. Или просто написать: сам дурак.

Мама шахида — шихидише мамэ.

Наум, привет!

Чувствую себя виноватым за долгое молчание: казалось, вот-вот выберу время, да все никак не получалось. А ограничиваться отпиской не хотелось, потому что боязно упустить что-то существенное в «сотериологии Ницше» (тема занятная, но очень уж «подспудная»: уклончивый был писатель, мнительный, скрытный, строил из себя не то, чем являлся на самом деле). Перечитал в связи с этим статью Хайдеггера «Слова Ницше 'Бог мертв'» (Хайдеггер М. Работы и размышления разных лет. Пер. А.В. Михайлова. М.: Гнозис, 1993. С. 168–217), которую и тебе настоятельно рекомендую. Очень отчетливо проведена линия отказа Ницше от «мира сверхчувственных сущностей» (то есть, по моей терминологии, от дуализма) и показано, с какими проблемами он в связи с этим (в связи с переходом к радикальному монизму) столкнулся. Идеи Ницше «вдвинуты» в контекст развития всей западной метафизики, и делается вывод, что как ни старался Ницше, а преодолеть ее в полной мере не смог (надо же было оставить «завершающий штрих» на долю Хайдеггера). Впрочем, идею «вечного возвращения» Хайдеггер трактует совершенно неадекватно. И «позитивная программа» у него дичайшая. В общем, соберусь с мыслями и напишу об этом поподробнее.

У меня дикая запарка в связи с тем, что “Интеллектуальный Форум”, оставшись, по-видимому, на лето без переводчиков (гранды сидят на дачах или разъехались по границам), завалил меня заказами. Лезу вон из кожи, чтобы накопить подкожный жирок в преддверии грядущей зимы. Да и тексты занятные, работаю без отвращения. Мучит совесть за невыполненный до сих пор “техзаказ”, но съезжу, съезжу в Олимпийский не позднее воскресенья.

Что-то давно не было терактов. К чему бы это? Сегодня выступал по радио какой-то академик, председатель российского подразделения ЮНЕСКО в связи с каким-то юбилеем. Ему задали вопрос: “Циркулирует письмо 200 западных ученых, призывающих бойкотировать израильских представителей, как будете реагировать?” Он ответил: “А как можно реагировать на клиническую глупость? У нас в комитете сотни ученых, и ни один из них не поддерживает идею бойкота”. В некоторых ситуациях русские выглядят гораздо более вменяемыми, чем “западные коллеги”.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

О чем я тебе и говорил (насчет «вменяемости» русских). Пишу сейчас рассказ на эту тему, уже разрастается в целую повестушку, и тема интересная, и выведет меня из-под глыбы («подопечный» меня как-то придавил, комплексу...).

А теракты утихли по одной единственной причине: войска сидят «на территориях» и контролируют ситуацию. Каждый день отстрелы и аресты. Палестинцы явно устали, и глобально, и организационные возможности тоже, как выясняется, не безграничны. Он ведь подготовился к террористической войне (Арафатка), создал засекреченную инфраструктуру, теперь она почти разрушена, а восстановить «на ходу», да под «бдительным оком» невозможно, разве что «отрывочно». Так что теракты, конечно, могут быть, но их возможности взрывать «кого угодно и когда угодно» сильно ослабли. В последние месяцы, наконец-то, идет разрушение домов, и это тоже действует однозначно: земля горит под ногами террористов...

Статью Хайдеггера прочту. Пока грызу Лёвита: «историзм» Гегеля, прогресс как «вера для образованных» и т.п.

Всегда твой

Наум

Здравствуй, Наум,

если это не обременительно, то пришли мне рецензии на твою книжку, я их прочту с удовольствием. Вчера в издательстве РГГУ распотрошила второй номер своего альманаха, образовалась лакуна — а сегодня случайно (возможно, и не случайно) наткнулась на рукопись твоего друга Володи Тарасова «Россыпь». Подумала, что лакуну было бы очень хорошо заполнить именно ею. Если его «Синайская поэма» еще не опубликована, и он не возражает, дай мне знать — я включу ее во второй номер альманаха. Если же опубликована, то где и каким тиражом — я ее по крайней мере процитирую, по тексту, который ты мне когда-то присылал.

Всего хорошего, «подробности письмом» (настоящим).

Аня.

Привет от Михайловской.

Аня, привет!

Я переговорил с Тарасовым. «Россыпь» (или «Синайская поэма») — это текст на 115 тыс. знаков, исправленный. Куски из него были опубликованы в разных «углах», в том числе и таких, из которых их теперь не достанешь, но также и в первых номерах «толстого» «Зеркала» (в том же номере, что и отрывки из моих «Хроник», кажется, он должен у тебя быть). Он был бы, конечно, рад, если опубликуешь всю вещь целиком и исправленную в своем альманахе (и считает, что это вполне «правомоч-

но» в смысле «первенства»). Он считает, что хорошо бы в одном номере, потому что текст с трудом терпит разрывы: «поэтический поток». Компьютер у него есть (я недавно отдал ему свой, более раннего поколения), но «почты нет», так что связь пока придется держать через меня. Он может записать все это на дискету и передать мне, а я тебе перешлю. Если ты действительно собираешься опубликовать эту вещь, то он спрашивает, сколько времени у него есть, чтобы еще раз посмотреть, а возможно, и «почистить». Кроме того у него есть еще один прозаический текст, называется «Фрагменты с посвящением», куски из которого были опубликованы в «Солнечном сплетении», но полностью он тоже не был опубликован, это текст на 170 тыс. знаков.

За это время он издал очень любопытную книжку, называется «Анечка», о молодой поэтессе, которая несколько лет назад умерла от передозировки, но была действительно очень талантливая (подписывалась «Анна Горенко»), он опубликовал ее стихи со своими комментариями (любовника-наставника), по-моему, книга во всех отношениях замечательная, если тебе интересно, мы (я или он) тебе ее пошлем.

А расскажи, что это за издательство РГГУ, и что за альманах при нем ты издаешь (можно ли послать какие-то номера для знакомства с ним)?

Посылаю тебе заметки о моей книге, которые были в российской прессе. Если любопытно, могу послать и израильские отклики.

Тане сердечный привет.

Сразу захотелось побывать в Москве и повидать всех.

Всегда твой

Наум

P.S. Тут все заметки перемешались, российские и израильские, и я не стал выкидывать. Израильские — далеко не все. Кое-что и из российских упущено: большое предисловие Сергея Костырко к журнальной публикации в «Уральской нови» и заметка Василевского в «Новом мире».

Пошли гулять с Озриком и Портосом. Сосед повесил в парадном свою картину, малюет на досуге. Портос:

— Ноха, это ты стал картины писать?

— Да, это моя последняя работа «Я зимой».

И мы с Озриком стали ржать до спазм. Портос растерянно хихикал: «Вы чего?».

Тема живописи была продолжена, когда заговорили о политике, и я рассказал им свой «сон»: «Как-то показывали в одном документальном фильме разрушенный Грозный, так я подумал: хорошо бы Рамалла так выглядела...». И Озрик тут же подхватил: «"Видение Рамаллы", Сальватор Дали». И опять стали ржать.

26.8.

Mon, 26 Aug 2002 13:56:09

я признательна Вам, что Вы написали про фанатизм...

это моя самая главная проблема... когда я перед экзаменом занималась актерским мастерством, учитель на последнем занятии сказал мне: «Экзамен надо сдавать так, как будто, если не сдашь, львы задницу откусят!!!» — а я никогда так не умела... мне даже из-за этого несколько раз отказывали при приеме на работу: «Видите ли, для этой работы нужен человек, который за юбку от кардена готов конкурентов зубами рвать, а Вас это совершенно не интересует... Вам нужно работать где-нибудь в редакции... что-нибудь творческое...»

а я человек очень отстраненный... от всего... не умею относиться к жизни серьезно... Оскар Уайлд здорово сказал: «Жизнь — слишком важная вещь, чтобы говорить о ней серьезно»...

вот я и провалилась на экзамене... после экзамена я, правда, разозлилась... в первый раз... только не знаю, хватит ли этой моей злости до следующего года...

т.е. я, конечно, могу и сыграть... только это, наверное, не очень честно... есть ведь люди, для которых это действительно — мечта всей жизни... я не хочу занимать их место... для меня на ВГИКе свет клином не сошелся... для меня вообще ни на чем свет клином не сошелся... думаю, это как раз то, о чем Вы пишете... нет во мне, наверное, этого фанатизма...

скажите, Вы не смотрели фильм «восемь с половиной долларов»?

Ответ:

«Восемь с половиной долларов» я не видел. Зато видел «Восемь с половиной женщин» Гринвея, такая полемика-переключка с Феллини. А вчера еще раз посмотрел «400 ударов» Трюфо. Великий фильм. А у Вас есть «видик-видак»?

27.8.

From: jasmin

а про любовь...

«Детка, не бойся,

Что у меня на шее воловьем

Потноживотные женщины

Мокрой горою висят —

Это сквозь жизнь я тащу

Миллионы огромных, светлых любовей

И миллион миллионов маленьких грязных любят...»

Ну, у меня, конечно, поскромнее

но, кроме детей, женщин, деда и брата

я давно люблю четверых мужчин, включая мужа,

и периодически влюбляюсь еще...
правда, обычно это быстро проходит...
при этом, я допускаю мысль, что это все — не любовь,
а любовь — это нечто другое, мне неведомое...
а может быть она просто у каждого своя...
т.ч. конечно, не только «возможна», но даже, я бы сказала, неизбежна
очень хочется поскорее отправить Вам письмо,
и поскорее получить ответ...

Ответ jasmine:

Маяковский, конечно, яркий поэт. И как раз по части любви особенно ранимый...

Так Вы замужем? (спросил он после трех лет совместной жизни)

И все-таки — нехватка любви... здесь мы похожи, наверное, поэтому и пишем друг другу и так ждем писем. А может, эта нехватка — болезнь всеобщая?

И Вы не случайно такого поэта вспомнили, в нем была эта бешеная требовательность любви, неумение, нежелание без нее жить.

Tue, 27 Aug 2002 10:29:56

глаза, взгляды, случайные и не очень прикосновения, интонации голоса, запахи, наконец... все то, что позволяет чувствовать человека, а не осмысливать...

«А как Вы представляете себе наше общение, если мы встретимся?»
Как это — если?!

From: jasmine

Date: Tue, 27 Aug 2002 12:41:40

«Так Вы замужем?»

уже два дня

напишите мне еще что-нибудь, пожалуйста

Ответ jasmine:

Прочитав «уже два дня», так и воскликнул про себя: «Ор-ригинально!» И почему-то — рот до ушей.

Так что, Вас можно, даже не слишком опоздав, поздравить? М-да, женитьба (замужество) шаг серьезный, кхе-кхе... А желаю я вам мира и согласия. В браке (извините за выражение) это, пожалуй, главные вещи... И кто же счастливеец?

From: jasmine

Date: Tue, 27 Aug 2002 13:28:20

нууу... Вы его не знаете

Ответ jasmine:

а свадьба была?

сколько ему лет?

чем занимается?

давно вы знакомы?

а я (от горя и мстительности) уезжаю на неделю в Италию

Tue, 27 Aug 2002 14:15:19

читая Вашу книжку, я радостно впитывала Ваши смелые идеи... как свежий ветер в лицо... но на днях мне приснился сон... знаете, бывают такие очень реальные сны... была охота за нашей семьей... моего мужа убили, а я пыталась спасти своих маму и дочку, искала какие-то безопасные квартиры, убежища... хорошо помню свои ощущения: «лишь бы не было войны»... хорошо помню момент, когда мне впервые за три дня (действие сна продолжалось около четырех суток) выдалась свободная минутка, чтобы подумать о чем-нибудь кроме убежища (нам все время «наступали на пятки»)... я усмехнулась про себя и подумала: «Да, просто быть смелой, пока читаешь книжку... да здравствует война, жизнь — борьба, и все такое... а когда тебя все время настойчиво пытаются убить, больше всего хочется мира и покоя... не воин, ты... не боец... вот и знай свой шесток»

Ответ jasmine:

сон Ваш меня удивил, откуда такой страх войны и уничтожения в давно и надежно мирной стране? Нет, я понимаю, есть какая-то возня на Кавказе, есть преступность, но Вам как будто приснился фильм о войне... странно. Или я чего-то не понимаю, и сегодня жизнь в России такая глубинно тревожная?

А что касается «войны» и «борьбы», то когда тебя изолировали и «прижали к стене», то на войну нет шансов, только на «достойную смерть», если это кого-то волнует. А воевать надо «до того», именно для того, чтобы тебя не прижали к стене. Ибо свободный человек не дает себя поработить, а порабощенный, поднявшийся на бой, всего лишь взбунтовавшийся раб. Это я уже цитировал в книге...

From: jasmine

Date: Tue, 27 Aug 2002 14:39:46

а я Вам даже и не завидую...

я тоже, наверное, уеду...

недели на две...

он микробиолог... на три года меня младше...

и свадьбу устроили, как мы не сопротивлялись...

только это все не имеет, на мой взгляд, особого значения... важно, что мы — друзья, насколько это применимо в данном случае... однажды я говорю:

— Колька, тебе со мной будет очень трудно.

— Да, я знаю.

— Я ведь еще буду очень много раз влюбляться.

— Ну, это-то я с самого начала понял...

или вот еще беседа...

Я: — Я только боюсь, вдруг это не любовь.

Он: — Любовь — это здорово, но для семейной жизни — не главное...

Я: — Ну да, а если я через несколько лет встречу одну — единственную, неповторимую любовь?

Он: — А если не встретишь? Что ж теперь, так и будешь ждать до старости?

Ответ:

он мудр. Я рад за Вас.

Хотя мудро высказаться легче, чем мудро поступить... Да и какая уж там мудрость в делах между мужчиной и женщиной...

А куда поедете?

протяните руку, я хочу коснуться...

Все-таки первая разлука на носу...

From: jasmine

Date: Tue, 27 Aug 2002 14:54:02 +0400

в Крым... дикарями...

мы ведь оба спелеологи...

Ваш последний обзац про «изолировали, прижали в угол» я не поняла, к чему...

а про взбунтовавшегося раба мне очень понравилось...

у Пелевина в Чапаеве есть похожая мысль про смех под землей... читали? помните? а почему такой сон... последние два месяца я жила, как загнанная лошадь: «Беги и боли...» вот, наверное, поэтому...

Вы слышали Ивасей? барды такие — Иващенко и Васильев? а Кашина?

руку Вам... приезжайте скорее...

Отвечаю: «прижали в угол» это как пример безнадежной ситуации, которую нельзя допускать, нельзя дожидаться, сопротивление должно начинаться раньше...

А Пелевина я читал только «Поколение Пи», и то не до конца, хотя нравилось, писатель искусный. А, кстати, Вы Соколова Сашу читали?

Привет, Матвей!

Я прочитал статью Хайдеггера, спасибо за наводку. Да, Ницше был борцом с потусторонним. И это, пожалуй, в нем главное. Это проясняет

его «философский образ». Лёвит называет Ницше философом «воли к ничто и вечного возвращения», но это все только путает, нагоняя философскую таинственность (что за «ничто», что за «вечное возвращение»). Хайдеггер, дон кихот сверхчувственного и поэт потустороннего, считает, что «воля к ничто» Ницше есть воля к освобождению от метафизики (в смысле сверхчувственного). Хайдеггер, так и не изживший свой романтизм, сразу усыхает без «тайны»: если нет чего-нибудь трансцендентного, то сразу и — «ничто» (и пожевать нечего).

Главный страх и главный враг Хайдеггера — рационализм, разум, он отказывает ему даже в способности мышления («возвеличивавшийся веками разум — это наиупрямейший супостат мышления», пышно выражается). Разум порождает технику, а последняя — царство Ничто. И Ницше, последний метафизик, прорубает этому Ничто дорогу своим «нигилизмом». Ничто есть гибель цивилизации старых ценностей. Хайдеггер правильно считает, что для Ницше нигилизм не упадок, а переоценка ценностей в пользу «пессимизма силы» (пессимизм Шопенгауэра, отрицающий жизнь, — «пессимизм слабости»), который «не строит себе ни малейших иллюзий, видит опасности, не жалеет ничего затушевывать, в этом «пессимизме силы» довершается восстание человечества нового времени — оно восстает в безусловное господство субъективности. И нигилизм для Ницше «идеал изобильнейшей жизни». А Жизнь для него — это воля к власти («где ни находил я живое, везде находил я волю к власти»). Это самоутверждение жизни для Хайдеггера есть утверждение Ничто: «Коль скоро Бог как сверхчувственная основа, как цель всего действительного мёртв, а сверхчувственный мир идей утратил свою обязательность и, прежде всего, лишился силы будить и созидать, не остается вовсе ничего, чего бы держался, на что мог бы опереться и чем мог бы направляться человек». Хайдеггер боится «смерти Бога» как смерти сверхчувственного, полагая (не без основания), что убив сверхчувственное, возьмутся и за чувственный мир, а когда его добьют тут и настанет Ничто — царство техники. Оно, кажись, уже и настало. «И не блуждаем ли мы в бесконечном Ничто?» Для него Бог «замещает сверхчувственный мир идеалов, заключающих в себе цель жизни, что возвышается над самой же земной жизнью, и тем самым определяющих ее сверху и в известном смысле извне. ... Авторитет Бога, авторитет церкви с ее учительной миссией исчезает, но его место заступает авторитет совести, авторитет рвущегося сюда же разума. Против них восстает социальный инстинкт. Бегство от мира в сферу сверхчувственного заменяется историческим прогрессом. Потусторонняя цель вечного блаженства преобразуется в земное счастье для большинства. Попечение о религиозном культе сменяется вдохновенным созиданием культуры или распространением цивилизации. Человеческое творчество переходит, наконец, в бизнес и гешефт». Вот он, ужас Хайдеггера, верх падения, пропасть: Ничто — гешефт, еврейское начало. Ницше

у него вышел проводником еврейского начала. А ведь на самом деле гешфт — самое что ни на есть живое, человеческое начало, в нем не больше рациональности чем в картежной игре, и оно было всегда, до всякой техники.

И, наконец, об искусстве и «спасении». Искусство у Ницше, как это понимает Хайдеггер, не имеет отношения к эстетике, это «побуждение воли стать самой собой», искусство — «великое стимулирующее средство жизни» (и никак не ее украшение). Это близко к твоему подходу: искусство — средство спасения. «Спасения в целом сущего». Т.е. возвращения человека к Жизни, к ее героическому пессимизму. Я вот только не пойму, почему Хайдеггер трактует ницшеанское видение искусства как «ценность». То, что по Ницше «искусство ценнее истины», не делает искусство «ценностью». Нет, оно непосредственно связано с живым нервом жизни, с ее сутью, будь то воля к власти, или воля к творчеству, или просто воля.

Всегда твой
Наум

От Л: Наконец получила записки, читаю. Аня просто прелесть что такое. Но это было давно, а что сейчас с ней? Ещё «влюблён»? как перевод? что с отпуском?

Отвечаю: С Аней тебя ждет «роман с продолжениями».

Перевод заканчиваю, с договором пока глухо.

1 сентября лечу на неделю в Италию.

Весь в рассказе (пишу рассказ), настроение мечется между «получается — не получается».

28.8. Последние дни она грустна и как-то отдалилась. К очередному дню рождения? Или просто чутко реагирует на то расстояние, которое чувствую между нами?

Или просто не до меня.

— Теперь мне сорок четвертый пошел.

— В прошлом году тоже... Вечное возвращение?

Смеется.

— Возвращайся — не возвращайся, но у нас скоро юбилей, — говорю. Четыре года уже.

— Ну, юбилей — через год. Хотя и четыре года — срок немалый.

— Да...

— Любовник с таким стажем уже и не любовник, а второй муж. Или третий. Скукота.

From: jasmine

Иваси незатейливы и проникновенны... все их творчество пропитано самоиронией... вот, например:

Мой милый
Мой пух на розовых щеках мне представлялся столь солидным,
Его впервые безобидно касалась женская рука...
Когда впервые как в бреду та фраза в воздухе застыла:
— Мой милый, жди меня, мой милый, и я приду, приду, приду...
(далее текст и ноты еще 6–7 песен, пропускаю)
вот еще: Одуванчиков дым
Я знаю, что к стулу еще не прирос,
И жизнью не загнан в занюханный угол,
И бросить дела для меня не вопрос,
Вот только немножко со временем туго.
.....
Пора, мой друг, пора... /А. Иващенко/
Подходит срок менять ковбойку на сюртук,
Подходит время рвать надежд своих оковы,
И в четверть силы жить уже невмоготу,
И в мальчиков играть резону никакого...

29.8.

От Л: давай продолжение.
а что за рассказ ты пишешь?
а у жасмина цветы белые...

Почему белые? Наш-то, израильский, золотой.

А рассказ я начал писать о русском генерале, на тему «роль евреев в Великой Отечественной», и называется он «Юдофил», но только он ужасно разросся (25 стр.), и я сейчас с трудом пытаюсь его «соорганизовать»... Да и другие линии появились, и любовная, и «личная».

From: jasmine

Date: Thu, 29 Aug 2002 10:09:21

Вы даже не сказали, понравились ли Вам фотографии... а я так волновалась, выбирала... ведь я, наверное, никогда не была такой красивой, как на свадьбе...

Как Вам Иваси?

Это я мужскую сдержанность проявил...

Конечно, Вы ослепительны. И Николай симпатичный парень.

А «иваси» меня не впечатлили. Стихи, конечно, в песнях не главное, и музыка — тоже. А главное — голос, как человек все это «склеивает», пропустив через себя, песня всегда окрашена личностью исполнителя. Однажды видел передачу, как делегация во главе с Кобзоном поехала в Магадан к Козину, знаете, был такой певец романсов в двадцатые-тридцатые, гениальный, его посадили (кажется, за нетрадиционную

сексуальную), потом сослали, доживает в Магадане, так они ему какую-то правительственную награду вручали, старику было под девяносто. И Кобзон спел один из его романсов. Но Козин остался не очень доволен, сам сел за пианино и спел по-своему, слабым, дрожащим голосом, но как! Какой там Кобзон...

Наум, привет!

Сосредоточусь на Ницше.

В борьбе с потусторонним Ницше достаточно решителен; и он действует сознательно и бескомпромиссно. Но Ницше не мог решить, что делать дальше, после «упразднения потусторонности». Он не справился прежде всего с последствиями сотериологического порядка (кто про что, а вшивый про баню). Во всяком случае, я убежден, что два основных концепта позднего Ницше — ‘Вечное возвращение’ и ‘сверхчеловек’ — могут быть поняты только в сотериологической перспективе. Поскольку моя методика еще не освоена человечеством, Ницше не понят в сотериологическом аспекте, а значит, не понят в главном. Лёвит тоже туманен, как и сам Ницше, но относительно Лёвита это приговор, а относительно Ницше — предпосылка к размышлениям. Я дам набор «предпосылок» (в виде цитат): на ‘размышления’ не хватает пока времени.

Ницше выразил собственную растерянность в заключительном афоризме раздела «Как ‘истинный мир’ наконец стал басней» книги «Сумерки идолов» (под «истинным миром» Ницше понимает здесь как раз потусторонность). «Мы упразднили истинный мир — какой же мир остался? быть может, кажущийся?.. Но нет! *вместе с истинным миром мы упразднили также и кажущийся!*» /здесь и далее курсив принадлежит Ницше, а подчеркивания — мои/. Выяснилось, что все — даже язык! — несет на себе печать потусторонности. Встала задача «великого очищения»: надо было очистить дискурс от ‘бытия’, чтобы научиться говорить о ‘становлении’. И все сразу уперлось в «проблему Я» (*sapienti sat*, умному достаточно: в проблему субъекта спасения). Цитирую: «действующее лицо («субъект») подсовывало себя под каждое совершение. Человек выпроецировал из себя свои три «внутренних факта», то, во что он тверже всего верил, — волю, дух, Я; он выудил понятие «бытие» впервые из понятия Я. Сама вещь ... просто рефлекс веры в Я как причину... И даже ваш атом, господа механики...». Ницше спорит с идеей Я как «атома», как «монады» (т.е. как потенциальным субъектом спасения). (2,580)

Вот чрезвычайно характерное место. «Это /открытие Коперника/ был величайший триумф над чувствами из всех достигнутых доселе на земле. Но нужно идти еще дальше и объявить беспощадную, смертельную войну также и «атомистической потребности», которая, подобно еще более знаменитой «метафизической потребности», все еще существ-

вует в опасном паки-бытии в таких областях, где ее никто не чует; нужно прежде всего доконать также и ту другую, еще более роковую атомистику, которой успешнее и дольше всего учило христианство, *атомистику души*. Да будет позволено назвать этим словом веру, считающую душу за нечто неискоренимое, вечное, неделимое, за монаду, за *atomos*, — эту веру нужно изгнать из науки! Между нами говоря, при этом вовсе нет надобности освобождаться от самой «души» и отрекаться от одной из старейших и достойнейших уважения гипотез... Но путь к новому изложению и утонченной обработке гипотезы о душе остается открытым; и такие понятия, как «смертная душа» /!/, «душа как множественность субъекта», и «душа как общественный строй инстинктов и аффектов», с этих пор требуют себе права гражданства в науке. Готовясь покончить с суеверием... новый психолог, конечно, как бы изгнал самого себя в новую пустыню и в новую область недоверия...». (2,250). Тот же мотив: Ницше, отказавшись от потусторонности, оказался в пустыне. Подкоп под Я-монаду («субъект спасения») идет у Ницше по многим направлениям, местами он ведется с поразительной тонкостью. Главная жемчужина, которую я выудил из последнего чтения Ницше, — это «коммуникативная деконструкция Я» (афоризм длинный, но он стоит того, чтобы над ним поразмыслить не спеша; на мой взгляд, это самое глубокое из всего написанного Ницше). «О гении рода. Проблема сознания (вернее, самосознания) лишь тогда встает перед нами, когда мы начинаем понимать, насколько мы могли бы обойтись без него: к этому началу понимания приводят нас теперь физиология и естественная история животных (той и другой, стало быть, понадобились два столетия, чтобы настичнуть опережающее подозрение Лейбница). Действительно, мы могли бы думать, чувствовать, хотеть, вспоминать, равным образом могли бы мы «действовать» во всяком смысле слова, и, однако, всему этому не было бы никакой нужды «включиться в наше сознание» (говоря образно). Жизнь была бы вполне возможна и без того, чтобы видеть себя как бы в зеркале; впрочем, еще и теперь преобладающая часть этой жизни протекает в нас фактически без этого отражения, — и притом мыслящей, чувствующей, волящей жизни, сколь бы обидно ни звучало это для какого-нибудь более старого философа. К чему вообще сознание, раз оно по существу *излишне*? Что ж, мне кажется — если соизволят выслушать мой ответ на этот вопрос и заключающуюся в нем необузданную, возможно, догадку, — что утонченность и сила сознания всегда находятся в прямой связи со способностью общения человека (или животного), а способность общения, в свою очередь, связана с потребностью в общении... Допустив, что это наблюдение верно, я вправе перейти к догадке, что сознание вообще развивалось только под давлением потребности в общении, что оно с самого начала было необходимо и полезно лишь в отношениях между людьми... Сознание есть, по существу, лишь коммутатор между человеком и человеком — лишь в качестве такового

должно было оно развиваться; отшельническим и хищным натурам оно было бы ни к чему. То, что наши поступки, мысли, чувства, движения сами вошли в сознание — по крайней мере, частично, — было следствием «нужды», страшно долго господствовавшей над человеком: он *нуждался* в себе подобном... — и для всего этого ему необходимо было прежде всего «сознавать», стало быть «знать», что он думает. Ибо, говоря снова: человек как всякая живая тварь постоянно мыслит, но не знает этого; *осознаваемое* мышление есть лишь самомалейшая часть всего процесса, скажем так: самая скверная часть, — ибо одно только это сознательное мышление и протекает в словах, т.е. в знаках общения, которыми и возвещается начало сознания. Короче говоря, развитие языка и развитие сознания (не разума, а только самосознания разума) идут рука об руку. Следует добавить к этому, что не только язык служит мостом между одним человеком и другим, но и всякий вообще взгляд, нажим, жест; сознательность наших чувственных впечатлений в нас самих, сила, позволяющая фиксировать их и как бы помещать их вовне, возростала пропорционально росту необходимости передавать их другим посредством знаков. Изобретающий знаки человек есть одновременно все более остро сознающий себя человек; лишь в качестве социального животного научился он сознавать себя — он и теперь делает еще это, он делает это все больше и больше ... сознание, собственно, не принадлежит индивидуальному существованию человека, скорее, оно принадлежит тому, что есть в нем родового и стадного; оно, как и следует отсюда, достигает утонченного развития лишь в связи с родовой и стадной полезностью, и, стало быть, каждый из нас, при всем желании в максимальной степени *понять* себя индивидуально, «узнать самого себя» всегда будет сознавать только неиндивидуальное в себе, свой «средний уровень», — сама наша мысль своей сознательностью — повелевающим в ней «гением рода» — постоянно как бы набирает большинство голосов (*majorisiert*) и переводится обратно в стадные перспективы. Нет никакого сомнения, все наши поступки, в сущности, неповторимо личностны, уникальны, безгранично-индивидуальны; но стоит лишь нам перевести их в сознание, как они *уже не выглядят таковыми*... Это и есть доподлинный феноменализм и перспективизм, как я его понимаю: природа *животного сознания* влечет за собою то, что мир, который мы в силах осознать, есть только мир поверхностей и знаков, обобщенный, опошленный мир, — что все осознаваемое уже тем самым делается плоским, мелким, относительно глупым, общим, знаком, стадным сигналом, — что с каждым актом осознания большая и основная порча, извращение, обмеление и обобщение. В конце концов растущее сознание есть опасность, и тот, кто живет среди наиболее сознательных европейцев, знает даже, что это болезнь. Вы догадываетесь, мне здесь нет никакого дела до противоположности между субъектом и объектом, это различие я предоставляю теоретикам познания, которые запутались в се-

тях грамматики (народной метафизики). Это вовсе и не противоположность между «вещью в себе» и явлением: ибо мы «познаем» далеко не столь основательно, чтобы быть в праве на такие *деления*. У нас ведь нет никакого органа для *познания*, для «истины»: мы «знаем» (или верим, или воображаем) ровно столько, сколько может быть полезно в интересах людского стада, рода, — и даже то, что называется здесь полезностью, есть в конце концов тоже лишь вера, лишь воображение и, возможно, как раз та самая роковая глупость, от которой мы однажды погибнем». (Афоризм 354 из «Веселой науки»; 1, 674–676). Здесь такая бездна смысла (в том числе сотериологического), что не хочу комментировать наспех. Отмечу только, что этот афоризм находится в той же «Веселой науке», где впервые сформулирована идея Вечного возвращения. Кстати, процитирую эту формулировку. О Ницше много говорят, но мало читают. Здесь он толкует 'Вечное возвращение' «амбивалентно»: он еще не решил, «дьявольская» это идея или «божественная» (кто нашептывает ее на ухо: демон или бог?). «Величайшая тяжесть. Что, если бы днем или ночью подкрался к тебе в твое уединеннейшее одиночество некий демон и сказал бы тебе: «Эту жизнь, как ты ее теперь живешь и жил, должен будешь ты прожить еще раз и еще бесчисленное количество раз; и ничего в ней не будет нового, но каждая боль и каждое удовольствие, каждая мысль и каждый вздох ...должны будут наново вернуться к тебе, и все в том же порядке и в той же последовательности... также и это вот мгновение, и я сам. Вечные песочные часы бытия переворачиваются все снова и снова — и ты вместе с ними, песчинка из песка!». Разве ты не бросился бы навзничь, скрежеща зубами и проклиная говорящего так демона? Или тебе довелось однажды пережить чудовищное мгновение, когда ты ответил бы ему: «Ты бог, и никогда не слышал я ничего более божественного!». Овладей тобою эта мысль, она бы преобразила тебя и, возможно, стерла бы в порошок; вопрос, сопровождающий все и вся: «хочешь ли ты этого еще раз, и еще бесчисленное количество раз?» величайшей тяжестью лег бы на твои поступки! Или настолько хорошо должен был бы ты относиться к самому себе и к жизни, чтобы не жаждать *больше* ничего, кроме этого последнего вечного удостоверения и скрепления печатью?». (2,660). Любопытно, что Ницше, по-видимому, «инсценировал» свое «прозрение у озера Сильваплана», поскольку в его архиве найдена книга Е. Дюринга (тот, о котором «Анти-Дюринг» «Курс философии», испещренная многочисленными пометами Ницше. Вот как пересказывает Дюринга Свасьян в своем комментарии: «Дюринг высказывает здесь мысль, что вселенная могла бы быть представлена в каждое мгновение как комбинация элементарных частиц и что мировой процесс был бы в таком случае неким калейдоскопом всех возможных подобных комбинаций. Но если допустить, что число комбинаций конечно и что, стало быть, оно неизбежно исчерпывается, тогда придется допустить и то, что с завершением последней комбинации

вновь возвращается первая». Рудольф Штейнер (тот самый), работавший в архиве Ницше, заключил в связи с этим, что генезис идеи Вечно-го возвращения был не мистическим, а естественнонаучным (о том есть любопытнейшие суждения у Шпенглера; надеюсь о них еще поговорить). Снова не хочу «портить» тему торопливыми комментариями. И еще одна, чрезвычайно важная, на мой взгляд, цитата, из «Воли к власти», то есть из поздних рукописей. Создается впечатление, что в конечном итоге Ницше отказался от идеи 'становления' без 'бытия' («становления неизвестно чего»), то есть идеи радикальной первичности становления перед бытием. В нижеследующей цитате аспекту постоянства ('бытия') придается должное значение (что противоречит радикально-»подстрекательским» формулировкам периода «Веселой науки»). «Точка зрения «ценности» — это точка зрения условий сохранения, возвышения, что касается сложных образований с относительной длительностью жизни в пределах становления». («Воля к власти, афоризм 715).

Насчет «сложных образований с относительной длительностью жизни» — в связи с нашим «спором» о том, за что «плата» смерть. Я прочитал недавно статью в последнем номере (2002, № 8) «Нового мира»: Серега подкинул из-за «хита сезона» — новой пьесы Галковского «Друг утят». Бог с ними, с утятами, а вот что пишет ученая дама Галина Муравник (биолог, генетик, завкафедрой и т.п.) в статье «Ибо прах ты и в прах возвратишься». До определенного момента «бессмертия» было как грязи — хоть жопой ешь. «Бессмертными организмами можно считать бактерии, поскольку им не знакомы старость и умирание. Аналогичная ситуация наблюдается у амёб — одноклеточных организмов из царства Простейших, которые размножаются простым делением надвое. Более сложный случай — инфузории: они тоже «относительно бессмертны». И тут — на тебе: «Эволюция на определенном этапе привела к появлению многоклеточных форм жизни. Это эволюционное достижение породило и новые проблемы. Дело в том, что митотетическое деление клетки, являющееся способом размножения одноклеточных организмов, для многоклеточных форм живого в принципе невозможно. И они утрачивают сопряженное с делимостью бессмертие. ... в целом можно утверждать, что смерть как биологический феномен вошла в мир после возникновения колониальных форм — первых прообразов многоклеточных организмов (примером может служить колониальная зеленая водоросль вольвокс, для которой смерть материнской колонии стала «нормой жизни»). Получается, что смерть есть своего рода «плата» за многоклеточность — то биологическое решение, которое родилось на одном из этапов эволюционного становления живого».

Всегда твой,
Матвей

Матвею:

Я тоже читал недавно одну научно-популярную книжку по биологии, где было сказано, что смерть — удел сложных организмов, т.ск. расплата за сложность. Я даже высказал эту идею боссу Риммы, он иммунолог, профессор, он был очень воодушевлен этой идеей и, судя по всему, слышал о ней впервые, что странно...

Вообще, я очень доволен тем, что мы вернулись к Ницше, и спасибо огромное за обильное цитирование — нелишний повод им восхититься. Тем более, что при всей к нему любви я как раз из тех, кто много о нем говорит и мало читает, я бы еще добавил, что не шибко и понимает, но теперь мне кажется, что какие-то вещи стали чуток яснее.

Что касается естественнонаучного генезиса идеи «вечного возвращения» (с чем я согласен), то я предпочел бы вариант Гераклита: «Этот космос не создал никто из богов, никто из людей, но он всегда был, есть и будет вечно живой огонь, в срок вспыхивающий и в срок угасающий». В современной физике вполне приемлема идея «схлопывания вселенной»: разбегается-разбегается, а потом начнет стягиваться вокруг некой нарастающей массы, стянется в точку и вновь взорвется. Но что нам до такого возвращения? Это касается и «комбинаторики» с конечным числом элементов. Даже если число элементов конечно, оно так велико, что число комбинаций практически неисчерпаемо. Иди, жди возвращения своей «комбинации»... Гораздо интересней вопрос: а ты хотел бы чтобы все вернулось? Бытует мнение, что человек жаждет возвратиться в детство, юность и молодость, но мне кажется, что это простенькая дань страху смерти. На самом деле человек не хочет повторения чего бы то ни было, даже счастливых минут. Повторение скучно, а скука убивает любое счастье. И в этом смысле «Вечное возвращение» — адская пытка скукой. А вот «вечное возвращение» как родовое воспроизводство, при том, что каждый индивид проживает свою новую, оригинальную жизнь, это интересней. Но уникальность особи (человека) это не просто другая окраска шерсти. Это постоянное созидание, приращение нового. Это ведет и к постоянному обновлению рода, и число элементов, из которых состоит мир, все время расширяется и нет этому конца, как и числа «комбинациям». А это значит, что нет вечного возвращения, или, другими словами: нет вечному возвращению!

А мысли о самосознании и языке как прежде всего форме родовой коммуникации очень интересные и продвинутые (немного напоминают Розенштока-Хюсси). С удовольствием продолжил бы «углубление». Но к сожалению, на неделю вынужден отключиться. Ждет Умбрия, мать задумчивых далей.

Я тут пытаюсь сочинить рассказ, где главный герой русский генерал, юдофил и ницшеанец. Но слишком намешал воспоминаний, и еще любовная линия — в результате пока одна путаница.

Всегда твой
Наум

From: jasmine

На свадьбе объявили белый танец. Обвожу глазами зал, в поисках обделенных моим вниманием... так и есть... брат... подбегаю, приседаю в низком реверансе... смеется... кланяется, начинаем танцевать...

— Как приятно танцевать с невестой. Знаешь, это большая ошибка, что женщины больше не носят таких платьев.

— Да, я тоже так считаю, только имей в виду, что для того, чтобы носить такие платья, женщине нужна, по крайней мере, одна служанка.

— (смеется) Ладно, я запомню.

вот еще вспомнила из Ивасей:

/цитата «Ивасей», ну ее к шуту/

обязательно спою Вам, когда приедете...

конечно, Вы правы... важна мелодия, важно как поют (а поют они заразительно, с необыкновенным подъемом)... я постараюсь Вам прислать... с этой свадьбой ни на что не было времени... а теперь вот ребенка надо полностью в школу собрать за два дня... а потом — путешествие... может, Вы уже раньше сами приедете?

фотографии замечательные. А дочка — совсем большая... В первый класс идет?

Я чувствую Ваше хорошее настроение и рад за Вас.

А Вы что, всех ивасей наизусть помните? Ну и память...

Насчет приезда — пока не знаю. Может быть осенью.

30.8.

От Л:

это не жасмин.

записки получила, ещё не прочла.

куда в Италию? кажется, в прошлый отпуск тоже были там?

а рассказ перекинешь?

а что же это? Сама его жасмином называла...

В Италии — в Умбрию и Тоскану, это случайно подвернувшаяся организованная поездка, просто развеемся. Ну а Италия — всегда Италия.

А рассказ пока не готов, совсем не готов. Если за оставшиеся пару дней что-то «прояснится», pošлю.

Здравствуй, Наум!

Обсуждать с тобой ряд возникших у тебя, да и у меня — в процессе возобновившегося диалога — вопросов по почте не хочется, постараюсь это сделать по почте обычной, когда прочту присланные тобой рецензии и улучу время. РГГУ это Рос. Гос. Гуманит. Ун-т, ректор его небезызвестный Афанасьев. На фоне крушения книжного дела в Рос-

сии у них все-таки одно из самых приличных научных издательств, если ориентироваться на «репертуар» и уровень работы редакторов, художников, корректоров. Мой альманах «Журнал наблюдений» научно-художественный, требует способности и музам послужить, и с грамотной публикацией научного аппарата справиться. Я возлагаю на них надежды, они же считают наше сотрудничество «желанным и престижным» и ни во что не вмешиваются.

Не думала, что повесть Тарасова так велика по объему. Принимать решения, не глядя на весь текст, вещь для меня невозможная. Пусть придет его в полном объеме и так скоро, как сможет (через тебя), но не в ущерб качеству второй редакции. Постараюсь подождать, т.к. те 27 страниц, что ты мне когда-то передал, очень точно вписались в контекст 2-го номера альманаха. Пока он будет «чистить» «Поэму», может быть, пришлешь, если это не очень обременительно, уже, как я понимаю, готовые «Фрагменты посвящения»?

Благодарю за усилия. Привет от Сашки. Всего хорошего. — А.

From: jasmine

Date: Fri, 30 Aug 2002 11:25:33

иллюзия безнаказанности, стерильности виртуального общения провоцирует на близость... наверное, много большую, чем была бы при личном общении... и вот уже при каждом нашем шаге я с ужасом думаю: «Что же будет, когда мы встретимся???» (Кстати, Вы заметили — «когда», а не «если»)

все? больше не услышимся до отъезда?

...тишина...

до свидания, Наум

Аня

От Л: мне кажется, ты путаешь с мимозой...

Черт, точно, это склероз, я и думал про мимозу, а вышло «жасмин», тоже что-то жужжащее вместо зудящего, вот ведь как обмишурился...

Но ты, слава Богу, на страже.

Наум, привет!

Уже позвонили из букинистического отдела магазина 'Москва': им принесли двухтомник Фр. Шлегеля (во оперативность!) Цена 300 р (я ожидал, что будет дороже). Рассчитываю в ближайший вторник выслать бандероль с Шлегелем и заказанными путеводителями.

Желаю успешной поездки (в смысле творческой «подзарядки») Как там, у Поэта? — «Умбрии ласкающая мгла»...

Всегда твой,

Матвей

31.8. У меня в туалете висит список знакомых и родственников по датам рождения: каждый раз, как садишься, смотришь, кого надо поздравить. А тут Белку пропустил. Звоню Портосу.

— Слушай, мы тут пропустили Белкин день рождения...

— Ты чего, неделю срать не ходил?

В последний раз она сказала, что на неделе ничего не выйдет: день рождения, много работы, заседания. Из-за дня рождения, или еще чего-то, настроение у нее было всю неделю плохое, злое. Но поскольку я уезжаю, решили встретиться (время нашлось) в четверг в двенадцать, «на пару часов». Вышли друг другу навстречу из своих машин.

— Привет, красючка!

— Ну вот, сразу сучкой обозвал.

— Почему сучкой?

— Красучка — красивая сучка.

— Да просто у нас так говорили...

Поехали в Латрун. По дороге пытался выведать, почему у нее настроение плохое, вызвать на разговор. Уходила. «Нормальное настроение». Но я наседал (зачем?), заговорил о любви, что есть любовь. Сосуд она, в котором пустота, или огонь мерцающий в сосуде. А когда подъезжали, спросил: «Скажи, ты чувствуешь, что тебе не хватает любви?» И она сказала: «Да».

В Латруне другой воздух, суше, пропитан сосновым запахом. Монастырский сад в цветах. Большие кусты в красных, оранжевых, голубых, желтых и белых цветах. Встала у куста, белые цветы вокруг головы, невеста. Потом поднялись в собор.

Дверь открыта, изнутри доносится пение. Мы вошли. Двенадцать монахов, двумя группами, по обе стороны, видимо, на коленях (торчат только головы и плечи), поют по-французски, очень слажено, негромко, под аккомпанемент виолы да гамба, мотив однообразный и все время повторяется, в нем... нет, не грусть, а благодатная меланхолия. Пропев строфу (наверное, это псалмы), они умолкали, и наступала пауза абсолютной тишины, с минуту, и вдруг, всегда неожиданно и с замиранием сердца, ее прерывает очень слабый, но явственный, как далекое бляение, звук тронутой струны, он нежно трогает все пустое и высокое пространство собора, будто благословляет его, и когда, поднявшись, начинает замирать, его подхватывают двенадцать слаженных голосов. Мы сидели, не шевелясь, я все-таки украдкой посмотрел на нее: захватило ли ее это благоговение? Трудно понять. Но когда я попытался взять ее за руку, она убрала руку. Значит, захватило, не хочет, чтобы я помешал. И мне это понравилось.

К часу они закрывали, и нам пришлось уйти. Сели на скамейку в саду, спиной к винному магазину при монастыре, вино они делают не ахти, и я завел разговор о любви, что это такое, страсть или благоговение,

«разве любовь — это не какое-то чувство заполнения души, вот как воздух заполняет легкие, если его не хватает, начинаешь задыхаться...». — «Да», — подтвердила она. «Это у всех так? Мне всегда казалось, что не у всех, я видел, что не у всех...». — «Да, не у всех». — «А вот когда мы с тобой были в соборе, ты чувствовала, что душа заполняется?» — «Да». — «Вот видишь. То есть любовь, это все-таки благоговение, а не секс. Ведь секс не дает этого заполнения». — «Только секс — конечно, нет». — «Ну вот». Наш вечный спор о «любви» и «сексе». Она поняла, что я ее «затянул», крючоктвор-диалектик, и стала возражать, что и секс тоже должен быть, да, конечно, конечно, не отрицал я со снисходительностью победителя. А потом я ее спросил: «А может такое быть, что душа, хоть на миг, заполнится до отказа? Своего рода счастье?». — «Нет, — сказала она. — Душа бездонна».

А вечером, гуляя с Озриком, я заговорил о том же, о ебле и обожествлении, об амбивалентном подходе к женщине, но Озрик, к удивлению моему, заявил, что эти две женские ипостаси, любовница и богиня, могут сочетаться (с грехом пополам) в браке, причем христианском. Заспорили о культурных влияниях. Для Озрика «обожествление» женщины — чисто еврейский комплекс (пошли примеры Пруста, Селинджера), я кивал на христианство, вот, говорю, Флобер в евреях не числится, а его «Воспитание чувств» — роман о любви к женщине без стремления спать с ней. А откуда это в христианстве, горячился Озрик, потом вдруг пустился в воспоминания о своей первой любви, свидетелем которой я был в Друскениках, ему было восемнадцать, а мне 19, о том, что у него даже и в голове не было каких-то «желаний» по отношению к предмету влюбленности. А как ты лишился девственности, спросил я. Лет в двадцать, в доме отдыха. Бабе было за тридцать.

Аня, привет!

Конечно, по «емеле» быстрее, но поскольку, как я понял, это не личный твой адрес, то пишу лапидарно. Было бы здорово, если бы ты вместе с письмом послала последние номера (хотя бы один) своего альманаха. Вчера переговорил с Тарасовым, он сказал, что «Синайскую поэму» приготовил, и что по объему она не должна быть больше, чем те 27 листов, которые у тебя, он сказал, что там чуть ли не 4 тысячи знаков в листе, так что как раз... Есть у него только техническая загвоздка (с компьютером), но поскольку я на неделю уезжаю (просидел в духоте все лето, надо проветриться, возвращаюсь 8 сентября), то к моему приезду он все подготовит и в начале той недели (скажем, девятого) передаст мне дискету, а я тебе «перекачаю». Надеюсь, что эта задержка не окажется катастрофической и публикация осуществится, она того достойна.

Что касается «Фрагментов», то надеюсь, что он и их подготовит к этому времени, о чем я его и попросил от твоего имени, так что будут и «Фрагменты».

Жду письма. Саше сердечный привет.

Всегда твой

Наум

8.9. По возвращении меня нашло письмо Жасмин, уже «состарившеяся»:

знаете, Наум, я не люблю рассуждать на эту тему (хотя и меня иногда тянет), потому что, на мой взгляд, применительно к ней особенно уместно выражение «мысль изреченная есть ложь».

и возможно, Вам не понравится то, что я скажу. Простите меня. Я циник до мозга костей. У нас все поколение сплошь состоит из печориных.

сначала о сексе... это проще... во-первых, секс для меня — система саморегуляции, некий буфер, куда уходит все, чему не находится выхода в жизни... скажем, человек — большой начальник, а ему хочется быть слабым, или nobles oblige быть вежливым, а первобытные инстинкты сильны и требуют реализации...

а во-вторых, это один из способов сказать человеку: я люблю тебя (или что-нибудь другое... эссенция языка жестов, прикосновений)... поэтому я и написала Вам, что для меня все в жизни — эротика...

а что касается любви, думаю правы и Вы, и Ваша знакомая... душа бездонна, но она может на миг заполниться до отказа... читали писание? «...и, исполнившись благодати, сказал», — это как раз о любви... однако, в отношениях между мужчиной и женщиной я встречала такое только в постели: оргазм... возможно, мне просто не повезло... или повезло... хотя однажды я была на грани такого «заполнения» вне постели, вне секса или эротики...

мне не вполне понятен термин «не хватает любви»... хочется больше любить? ну, люби... или хочется, чтобы тебя больше любили? это еще проще... стань более привлекательным... это вовсе не сложно... это просто культура... как чистить зубы по утрам... или чисти зубы, или не переживай, что они больные... если тебе не настолько хочется иметь здоровые зубы, чтобы чистить их два раза в день, нечего ныть и причитать, будто это тебя природа обделила здоровьем...

(Вам, наверное, смешон мой детско-юношеский энтузиазм, но я действительно человек действия... я даже Чехова из-за этого читать не могу... у него все несчастные и нет никакой надежды... ну и чего тогда сидеть? если нет надежды, надо идти и вешаться (тоже действие), а если ее все-таки не настолько нет, если что-то можно исправить, то нужно вставать, закатывать рукава и исправлять, а не сидеть и хныкать...)

знаете, я несколько месяцев назад наткнулась на одну научно-популярную статью про химию любви... она очень помогла мне расставить все точки над і. Вот ссылка:...

Видите ли, я очень переживала, что моих романтических чувств всегда хватает на год, если я живу с человеком под одной крышей... выяснилось, что это обычная наркомания, просто наркотик вырабатывается моим организмом (не помните серию фантастических рассказов про хоббитов или хогбенов, не помню точно... там мама запрещала папе пить, и папа стал вырабатывать алкоголь внутри организма)...

короче, если у человека только один партнер, ему может начать не хватать любви в виде фенилэтиламина, например, но тогда можно купить себе шоколадку (шоколад содержит фенилэтиламин), или на худой конец влюбиться в кого-нибудь другого, и проблема решена...

а если серьезно, любовь (НЕ влюбленность) для меня — это какое-то глубинное родство, прорастание друг в друга, когда человек становится тебе ближе, чем отец и мать... а влюбленность — сродни восхищению... кстати говоря, раз уж Вы заинтересовались моими четырьмя мушкетерами, могу привести один пример...

мой друг Андрей, с которым мы пили бейлис у Олимпийского... мы столько лет встречаемся, что давно стали друзьями... мы, наверное, полюбили бы друг друга, если бы наши интересы не расходились так сильно... мы, наверное, давно расстались бы, если бы он не восхищал меня при каждой нашей встрече... мы видимся довольно редко, только когда это кому-то из нас необходимо, но после каждой нашей встречи мир встает с ног на голову... Андрей — Печорин в кубе, т.е. 100 % эгоист, 100 % раскованный, 100 % гениальный, поэтому непредсказуем... в мои 17 лет он женился и признался мне в любви, хотя из всего, что он говорил, я понимала, в лучшем случае, процентов 10 (не хватало словарного запаса и скорости мысли), в 18 лет он написал мне роман, в 19 отказался научить меня танцевать самбу (он чемпион Москвы по бальным танцам), в 20 назвал меня своим другом и персональной сказкой (я всем про тебя вру, и всегда буду врать... я даже на работе вру, что ты — моя сестра)... в 21 год он отказался взять меня на работу... в 22 года он эмигрировал в Германию, а перед отъездом стоял передо мной на коленях и умолял обещать, что мы еще увидимся (нормально? он решил эмигрировать, а я должна обещать, что мы увидимся...)... в 23 года выяснилось, что все это время он жил там один и готовил мне многократную деловую визу, а также узнавал насчет садика для моей дочки и все такое... в 24 года он вернулся, мы жутко напились, он затащил меня к себе, раздел догола и (что бы Вы думали?) учил танцевать самбу...

вот так и живем... при всем при том, у нас есть только одна общая черта, общий талант: мы оба любим и умеем устраивать праздники...

простите, Наум... мне пора бежать... до встречи!

сладкого Вам отдыха и приветливой Италии...

я буду скучать по Вашим письмам...

Матвей, привет!

Во-первых, с Новым годом, здоровья вам с Милой и творческих успехов.

Какие новости? Вот, вернулся я из «ласкающей мглы» Умбрии и Тосканы. Погода была замечательная, темп — убийственный: по три города в день. Роскошества средневековья, на которых делают дешевый бизнес, такой фастфуд, где кормят культуркой. Городки-бонбоньерки с тщательно наведенной патиной «старины». Всегда ненавидел такой «туризм», но подобные «жалобы» могут показаться лицемерными, тем более что никто ведь не заставлял.

Впечатления в основном «импрессионистические»: запомнилась гигантская площадь в Перудже, полная молодежи: это университетский город, и молодежь красивая, до шоколадности загорелая, голоногая, рослая. Средневековье вокруг — вроде декорации, на нее никто не обращает внимания. В женщинах уже забытый в наших ближневосточных буднях праздничный шик. Как пир на празднике чужом... Запомнились караваны кипарисов по гребням вспаханных желто-бурых холмов...

Ну что, накопил орешки на зиму? Не пора ли нам уже замахнуться на нашего Артура, понимаешь ли, Шопенгауэра?

Кстати, вновь, и неизбежно — в Италии, в этих соборах, набитых искусством, как торты кремом, возникает мысль о том, что великое искусство это, прежде всего, услуга власти, оформление ритуала поклонения власти небесной через поклонение ее воплощению — величию и роскоши земной власти. И как таковая (обслуга), обязана быть частью «политики», государственной заботой. Сиятельные меценаты Возрождения это хорошо понимали, но в «буржуазное» время сия наука как-то забылась, ее возродили титаны тоталитаризма уже «нашего времени», Гитлер и Сталин, но они заботились о власти, не о спасении.

Всегда твой

Наум

P.S. Один приятель все время подкидывает мне всякий забавный интернетовский материалчик. Вот тебе одна из его «находок».

GOOD BYE, AMERICA

Соединенные Штаты начинают строить коммунизм

Марк Зальцберг (профессор физического факультета Хьюстонского университета, штат Техас, США)

...Та самая демократия, которая стала основой богатства и могущества этой страны и которая в течение 220 лет была образцом государственного устройства, на моих глазах превращается в то, чему и названия нет. Впрочем, есть. Диктатура. Но не пролетариата, а бессовестного, наглого и бездарного меньшинства.

Это меньшинство поддерживается теперь все большим количеством американцев, которых идеологически оболванивают голливудские либералы, лидеры черного населения и бездарные университетские профессора. ...

Исчезновение героя

Идет выпускной акт в университете. Вручают дипломы. И кто же, вы думаете, был самым знаменитым в этот вечер? Отличник-выпускник? Начинаящий молодой ученый? Человек, известный всему университету своим талантом? Нет. Восторженный прием и речи относились к 28-летней негритянке, учившейся в университете 10 лет вместо четырех и с трудом, с общественной помощью набравшей минимум баллов, чтобы получить диплом бакалавра. (Замечу, что средний студент делает это при желании и за три года.) Кто же она? Почему такой восторг и почет? Вот ее краткий послужной список. Мать троих детей, никогда не имевшая мужа, бывшая наркоманка и алкоголичка, частый визитер кутузки. Она много раз бросала непосильное при такой жизни и интеллекте учение. Столько же раз водворялась обратно различными благотворительными и правозащитными организациями. Эта женщина является отражением всей современной американской идеологии.

Благополучное американское общество, точно как когда-то русское, заболело чувством вины перед «меньшей братией». От героев Джека Лондона, на примере которых воспитывались поколения американцев, оно повернулось теперь к социальной помойке, из которой и черпает представление о том, «делать жизнь с кого». Стыдно быть успешным, стыдно быть нормальным. Нельзя уроду назвать уродом, идиота — идиотом, гомосека — дефективным. Нельзя черного назвать черным, белого — белым, и Боже упаси заговорить о том, что не все равны, не все одинаково талантливы, не все одинаково полезны для общества.

Куда делся американский герой — стойкий, работающий индивидуалист, надеющийся только на себя? Герой, до изнеможения работающий и знающий, что выживает сильнейший? Ведь именно эти люди создали самую богатую и мощную страну в мире. Увы, герои Джека Лондона, да и он сам, утекли в социальную дыру. <...>

«Западоиды» и остальные

С другой стороны, черное население Америки проявляет исключительную политическую активность. К сожалению, эта активность направлена не на всемерное освоение западных ценностей как единственного пути к достижению истинного равенства с «западоидами» (я употребляю удачный термин русского философа Александра Зиновьева), а на превращение в откровенных иждивенцев, все время требующих себе социальных, экономических и политических преимуществ и добивающихся их во все более и более устрашающих масштабах. И это на фоне молчащего «западоидного» населения страны, запуганного словом «расист» до такой степени, что вместо слова «черный» давно уже говорят African American (и это после 10 поколений предшественников, родившихся в Америке!), а белый стал каким-то неизвестным Caucasian. Я всегда вспоминаю, как в конце XIX века евреям Европы предоставили равные права с христианами. Все они, почти 1800 лет не имевшие ника-

ких прав, не мечтавшие даже о среднем образовании, ринулись в гимназии и университеты. Они сдавали экзамены так, как будто все 1800 лет только и делали, что к ним готовились! За 20–25 лет евреи стали одной из самых образованных, профессиональных и законопослушных групп населения Европы. То же происходило и в России, и в СССР, несмотря на открытый антисемитизм.

Что происходит с черным и мексиканским населением в образовании и науке? Я с 1985 года работаю на физическом факультете Хьюстонского государственного университета. Моя область — сверхпроводимость, криогеника, сверхвысокий вакуум и космическая техника. Я не преподаю, а работаю в исследовательском отделе, где большинство технических исполнителей — студенты. За эти годы я объехал с научными целями почти все престижные университеты, съезды и конференции по моей специальности. Слушал и делал доклады. Встречался с коллегами на семинарах и в неофициальной обстановке. Но ни разу не встретил я ни среди слушателей, ни среди докладчиков (их было тысячи за столько лет) ни одного черного или мексиканца. Их нет в числе студентов таких специальностей, как физика, математика, химия или механика. И это при том, что эту категорию студентов уже 20 с лишним лет буквально насильно тащат в университеты, давая им стипендии, завышая им отметки на экзаменах или создавая для них облегченную систему тестов. Теперь всерьез обсуждается на национальном уровне вопрос: а не сделать ли для них облегченные программы в школах и вузах? <...>

...но что самое страшное — американское правительство давно уже идет у них на поводу. Вмешательство правительства в бизнес и в частную жизнь напоминает мне советские времена. Государство диктует, кого нужно брать на работу, государство разоряет успешные компании, проводя политику «свободной конкуренции», государство занимается типичной коммунистической уравниловкой, требуя одинаковой оплаты за одинаковую должность, государство поощряет гомосексуализм — разрушитель морали и семьи, государство следит за тем, что можно и что нельзя говорить и писать. Несмотря на то что Америка остается лучшим местом на Земле как по уровню жизни, так и по возможностям для всякого толкового человека, ее будущее, как и будущее всей западной цивилизации, внушает сегодня серьезные опасения.

10.9. Еще простужен. Позвонил Р. Рад был услышать голос и смех.

Анне Жасмин:

У нас все поколение сплошь состоит из печориных.

Меня, кстати, в школьной юности иначе как «Печорин» и не называли, но Печорин (как и Лермонтов) романтик, а не циник, хотя застенчивый романтизм частенько рядится в модные (всегда!) наряды цинизма. Так и мужчина, не смея обожать женщину (засмеют!) рядится

в прожженного волокиту. Вот в этой-то мужской трусости и загадка. Мужчина не может «любить» женщину и одновременно спать с ней. Это не работает. Либо-либо, а если и то и другое, то обычно в два этапа: сначала «любит» (боготворит), а потом «спит»...

секс для меня... один из способов сказать человеку: я люблю тебя...

Это определение мне нравится, да, это так, но тогда получается, что любовь «раньше» секса, «выше» секса, вообще «вне» секса? Это и есть «мужской подход»: любовь — отдельно, секс — отдельно.

однажды я была на грани такого «заполнения» вне постели, вне секса или эротики...

мне не вполне понятен термин «не хватает любви»...

Вот этого «заполнения» и не хватает. Но мне такое «заполнение» дает творчество. Поэтому я никогда «не любил», но при этом считал себя обделенным, а может зря, может, не любить (женщин) — это и есть счастье? То есть не обманывать себя. Ведь «любовь» (всегда сексуальная) как «заполнение» — обманка?

как чистить зубы по утрам...

Но если секс — гигиеническая профилактика, то при чем здесь «любовь» и «заполнение души» и пр.?

я даже Чехова из-за этого читать не могу... у него все несчастные и нет никакой надежды... ну и чего тогда сидеть?... надо идти и вешаться (тоже действие), а... если что-то можно исправить, то нужно вставать, закатывать рукава исправлять...

Да, меня тоже Чехов в юности раздражал (тупик и безнадега), только он не хнычет, а посмеивается над «человеком действия» («надо, господа, дело делать»), и со временем я оценил его меланхолическую иронию...

я очень переживала, что моих романтических чувств всегда хватает на год...

... короче, если у человека только один партнер, ему может начать не хватать любви в виде фенилэтиламина ... химия любви

Химии-то сколько угодно, а вот любви-с. Я про то и толкую, что, может, и не надо ее искать в «химических процессах»? Или эти процессы «провоцируют» какие-то другие «процессы», иного порядка?

это какое-то глубинное родство, прорастание друг в друга, когда человек становится тебе ближе, чем отец и мать...

Вот это уже ближе... А может быть «загадка» (или разгадка) женщины в том, что у нее нет этого разделения на «земное и небесное», у нее цельное восприятие мира, а мужчина — существо раздвоенное? В любви он пытается соединить изначальную разорванность, свою и мира.

Ну вот, как «видите», я вернулся. Больше в организованные туры не поеду. Во-первых, это не отдых, а беготня, а, во-вторых, беготня такая бешеная, что все мелькает и тут же забывается.

А Вы еще в Крыму?

Наум, здравствуй!

Е-почта, разумеется, не «личная», а семейная. Квартира, где стоит связанный с ней компьютер, посещается далеко не каждый день, — особенно летом, когда хочется быть ближе к воде. Вот и сейчас прошу прислать мне текст «Синайской поэмы» не позднее 12 сент., т.к. после этого числа и до 22 сент. рядом с е-мейлом никто не будет появляться. «Фрагменты» можешь перекачать и после 22.09. Если пришлешь свой диалог (интервью?) с Тарасовым, где в ироничной манере коснешься фактов его (да и своей) литературной биографии — с удовольствием его тоже опубликую. Можешь надеть маску «итальянца в Израиле» — т.к. в готовящемся номере альманаха будет много итальянских мотивов, в «Поэме» они тоже возникают, а ты только что вынырнул из «ласкающей тьмы» Умбрии. Объем выбери сам — если понадобится, я безжалостной рукой сокращу твоё интервью в твоих же интересах.

Будь здоров — Аня.

Аня, привет!

Я передал Тарасову «последний срок», а заодно и дал твой адрес (надеюсь, что ты не против). Он сказал, что завтра отошлет (у него появилась какая-то возможность выхода в Сеть). Насчет «интервью» подумаем.

А насчет «семейной» почты я давно хотел спросить: Сергей Хоружий, это не тот, кто написал замечательную книгу «К феноменологии аскезы»? И каковы тут «семейные связи»? Надеюсь простишь за любопытство.

Наум

Нерлер с Битовым сделали фильм о гибели Мандельштама, про последний год жизни. Фильм крутится вокруг скульптуры Ненаживина: Мандельштам в полный рост, завернутый в какую-то робу, с дырявой рукой, сшитым черепом и задранный головой, как на последней, предсмертной фотографии. На шее то ли цепь, то ли порезы. Скульптура стояла во дворе мастерской несколько лет, потом, к столетнему юбилею ее повезли в «последний путь» (фильм называется «Конец пути») во Владивосток и поставили у барака, куда складывали тогда замерзшие трупы перед тем, как погрузить их на дроги, при этом два дюжих мужика с огромными деревянными колотушками обивали голые черепа для уверенности, что кто-нибудь из живых заключенных не затесался в компанию мертвецов. Когда «демократическая общественность» после юбилея разъехалась, скульптуре отбили руки и нос, и без носа она стала ужасно похожа на обезьяний профиль скульптуры Данцигера «Нимрод»...

Создатели фильма аккуратно подчеркивали «русскость» Мандельштама, «русский поэт», отпевали по православному обычаю (хотя православным-то он уж точно не был), на могиле Надежды Яковлевны могучий крест. Да, он хотел слиться с Россией, вот и лёг с ней, губами шеверя¹, воплотившись в ее язык. *Ты на песок с ней рядом ляжешь, оденешь ризою своей, ты неразрывно с нею свяжешь огромный колокол зыбей.* Но как же он боялся ее и всегда, вольно или невольно, противостоял ей, еврейский человек времени — ее убойному пространству. *Тело, измученное пространством, выпрямляется, припоминает длину пути...; О, этот медленный одышливый простор! — Я им пресыщен до отказа... /Повязку бы на оба глаза!*

11.9. Миша, привет!

Извини, что сразу не ответил, но, если говорить откровенно, мне трудно было отвечать на твое письмо... Однако, раз уж взялся, то скажу тебе прямо-грубо: если убивают палестинцев, негров, китайцев — это для меня «события» той или иной степени отдаленности. А если убивают евреев, то это меня хотят убить, и моих близких, и тут не до идеологий. В газовые камеры, ради того, чтобы разные «гуманисты» умилились моей жертвенностью, я безропотно не отправлюсь. И не морочь мне голову «справедливостью»: не имея родины, евреи решили поселиться в справедливости. Ох, земля ненадежная! Впрочем, вольному воля. У меня другая родина. Я там, где воюет мой народ. А если бы он был таким ужасно несправедливым и жестоким, как тебе представляется, то арабов тут уже давно днем с огнем не нашли бы. Вот Барак предложил им все, что только можно было предложить: поделить страну по границам 67 года, отдать им Восточный Иерусалим и даже экстерриториальный проход из Газы на Западный берег (и даже часть Негева в компенсацию хрен знает за что), на что они ответили волной террора. Интересно, кстати, какое бы «политическое» решение ты сам счел бы справедливым? Впрочем, вопрос праздный, можешь не отвечать, для тебя всё это теоретизирование, а для меня война, если с местным «левым», как с некоторыми из моих приятелей, я могу спорить, потому что их сыновья служат в армии, то с тобой, извини, не о чем. Тем более что и с фактами ты дружить не любишь: «Но на Израиль не нападало никакое государство». А кто напал в 48-м, в 67-м, а кто развязал «войну на истощение» в семидесятом, а в 73-м? А кто всегда вел против нас террористическую войну в двадцатые, тридцатые, сороковые, пятидесятые, шестидесятые, семидесятые, восьмидесятые, девяностые, а вот теперь — в новом веке? Инапланетяне? Или террор не «нападение»? И потом, что значит «так тоже нельзя — взрывать автобусы с мирными жителями». А как можно? Как ты им посоветуешь убивать евреев — чтоб «гуманно», чтоб тебя «не отталкивало»?

¹ «Да, я лежу в земле, губами шеверя...», 1935.

Ты, конечно, можешь сказать: нечего было туда, в Палестину, соваться, сионизм — это ошибка, или даже больше чем ошибка — преступление. Есть такое мнение. Ты, наверное, посоветовал бы евреям вообще не вылезать из Египта и остаться рабами (зато никто не обвинит в несправедливости), а то и вовсе не рождаться на свет. Вот тут вчера один «прохвессор» (да еще в ермолке!) плакал по ТВ (так и мелькает на экране по всем программам), что евреи оказались на острие копья в столкновении цивилизаций, а это, мол, неудобная позиция. Ничего, арабы еще поствят его при случае (если рядом израильской армии не будет) в удобную для них позицию...

Ладно, оставим эту тему. Давай лучше о литературе. А если о «личном», то о личном, а не о детях, и без вопросов типа «Не ссоритесь ли с Риммой?». Еще спроси: «А сколько раз вы трахаетесь в неделю». Смотри, нам уже не по двадцать пять, и мы не на Пугачевской... Кое-какая порция воды утекла с тех пор.

С литературой ситуация такая. Я закончил перевод одного местного романа (есть такой писатель Яков Шабтай), надо еще написать предисловие. Роман мне очень нравится, и я перевел его «добровольно», из любви к искусству. Теперь хотелось бы издать, и вроде издательство «Гешарим» взялось за это дело, но мурыжат (какие-то разрешения, субсидии), и я нервничаю. Ведь, почитай, после первой книги и не написал ничего, вернее, ничего не издал (только несколько публикаций в журналах и газетах). Мой глобальный замысел об «иудейских войнах» пока основательно застрял, хотя я еще надеюсь к нему вернуться. Пару недель назад взялся писать рассказ, но он разросся и тоже пока не выходит. И у меня начинаются ощущения «кризиса». Начинаешь думать: а вдруг я просто «не могу»? То есть не могу так, как хочу... Рад был бы поделиться с тобой чем-то законченным, но ничего нет...

Недавно, пару месяцев назад, мне написала одна женщина, прочитала мою книгу (куски из нее) в интернете и, значит, восхищена. И у нас завязалась переписка. Она живет в Москве, ей 25 лет. Приглашает приехать... А мне страшно. Старый я, стыдно... Но переписка любопытная: все-таки «племя младое, незнакомое». И довольно «продвинутое».

Напиши о личном (бог с ними, с арабами). Что делаешь, с кем встречаешься, общаешься, пишется ли?

Ну, давай. Обнимаю.

Наум

Наум, привет!

Поздравляю с новым годом и с благополучным возвращением.

Вот отчет о последней бандероли (№ 3) и очередной Список.

1. В. В. Бартольд. Сочинения. (Изд-во «Наука» приступило к переизданию собрания сочинений акад. В. В. Бартольда.) Том VI. Работы по истории ислама и Арабского халифата. /Состав: три монографии: 'Ислам'; 'Культура мусульманства'; 'Мусульманский мир' плюс статьи/ М.: Восточная литература, 2002 — 784 с. — 360.

2. М. Мерло-Понти. Знаки. (Серия «История эстетики в памятниках и документах»). /В книге, составленной самим Мерло-Понти, собраны работы, написанные в 40–50 годы. Основные статьи: ‘Косвенный язык и голоса безмолвия’; ‘От Мосса к Леви-Строссу’; ‘Всюду и нигде’ (размышления о соотношении философии и христианства); ‘Философ и его тень’ (о Гуссерле и судьбе его идей); ‘Открытие субъективности’; ‘Сам себя создающий Бергсон’; ‘Эйнштейн и кризис разума’; ‘Читая Монтеня’; ‘Заметки о Макиавелли’; ‘Человек и его злоключения’; ‘Заметки’ (полемика с Сартром и леваками, размышления о тоталитаризме и т.п.)/. М.: Искусство, 2001 — 429 с. — 180.

Кстати, я видел главный труд Мерло-Понти «Феноменология восприятия» у букинистов, когда брал Фр. Шлегеля. Возможно, книга еще не продана, цена (договорная) — 240 р. (Вряд ли сейчас можно купить дешевле; тираж распродан).

3. Адальберт Штифтер. Бабье лето. Пер. с нем. С. Апта. /Впервые по-русски. Цитирую из предисловия: «Для австрийской литературы это произведение (написанное в 1857 году) имеет такое же значение, как для немецкой «Вильгельм Мейстер» Гете». Вот что пишет о нем замечательный германист и переводчик Ал. В. Михайлов, считавший стиль Штифтера вершинным явлением в немецкоязычной прозе: «...австрийская реалистическая литература, коренящаяся в психологических проблемах рубежа веков и достигшая немало в творчестве таких видных и нередко виртуозных писателей, как Артур Шницлер или Стефан Цвейг, выглядит на фоне мощных стилистических противоречий Штифтера как область беллетристической примитивности, и только у такого представителя австрийского культурного региона, как Франц Кафка, можно наблюдать такую подлинную противоречивость стилистических исканий, когда стиль, вновь обретая самостоятельную весомость, становится смысловым концентратом трагических конфликтов эпохи. (А.В. Михайлов. Языки культуры. М, 1997. С. 369.)

4. Жан Старобинский. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 2. /Второй том состоит из трех монографий: 1) Монтень в движении (Главы: ‘Раздвоение, чудовища, меланхолия’; ‘Критика смерти’; ‘Высшее бытие: самоубийство’; ‘Момент телесности: бесстыдство, непокоренное тело, обдуманное признание’; ‘Природа и творение’; ‘Жизнь как шедевр’); [“Сведенная к самой себе, сбросившая все заслонявшие ее лохмотья случайности, истина “Я” собирается воедино, воссияв в неотвратимости близкой смерти. Она берет смерть в соучастницы, словно ей дано явить себя лишь на фоне небытия. Смертный час — правдивое зарцало, в котором бытие в первый и в последний раз совпадает с самим собой”.] 2) 1789 год: эмблематика разума. [Книга о том, как революция сказалась на стиле искусства; анализируется творчество Гойи, Давида, Блейка, Кановы, Моцарта и др. Выявляется «миф Революции»]; 3) Портрет художника в образе паяца. [“Ироническая игра равно-

значна здесь взгляду со стороны на самого себя: она выставляет искусство и артиста в смешном виде. С критикой буржуазной добропорядочности соединяется самокритика, направленная против художнического призвания как такового. Это отношение художника к себе, возникающее уже более ста лет назад, следует признать одним из слагаемых 'современной' эпохи.]"Заклание трагического клоуна — невинной жертвы — может восприниматься как несколько пародийный вариант Страстей. Как следствие, клоун — "тот, кто получает пощечины", — становится эмблематическим двойником поруганного Христа. Мы наблюдаем выход на поверхность — в христианизированной форме — жертвенно-искупительной составляющей древнего обряда. Этот пережиток язычества, бессознательно и, можно сказать, простодушно сохраненный народной традицией, теперь вновь получает одно из своих первичных значений, но на этот раз озаряется светом пылкой и скорбной христианской веры". М.: Языки славянской культуры, 2002 — 600 с. — 310.

5. Рюдигер Сафрански. Хайдеггер: Германский мастер и его время. (Серия ЖЗЛ) М.: Молодая гвардия, 2002 — 614 с. — 260 /Я прочел книгу: оказалась очень содержательной. Для названия использован образ из стихотворения Пауля Целана "Фуга смерти": "Черное млеко рассвета мы пьем тебя ночью / мы пьем тебя в полдень смерть это мастер германский / мы пьем тебя утром и на ночь мы пьем тебя пьем / смерть это мастер германский его глаз голубой / свинцовой пулей настигнет тебя он и точно настигнет / он травит на нас кобелей он дарит нам в ветре могилу". Есть, например, раздел «Мартин Хайдеггер, Ханна Арендт и Карл Ясперс после войны. История личных и философских взаимоотношений», в котором много неожиданного материала. Ханна написала Ясперсу вскоре после войны, что видит в Хайдеггере «потенциального убийцу», так как он своим поведением разбил сердце Гуссерля. Ясперс на это ответил: «Я вполне разделяю Вашу оценку Хайдеггера». Тем не менее, приехав в Германию в 1950 году, Ханна встретила с Хайдеггером и его женой Эльфридой (ярой антисемиткой). Письмо Ханны Арендт мужу: «он /Х/, человек, который, как всем известно, лжет всегда и везде, где только может, на протяжении всех этих 25 лет ни разу даже не пытался отрицать, что я была единственной страстью его жизни. Боюсь, пока я жива, эта женщина /Эльфрида/ будет мечтать об одном — перетопить всех евреев как котят. Она, к сожалению, непроходимо глупа». Дальше все запутывается еще сильнее. В 1966 году в «Шпигеле» публикуется разоблачительная статья против Хайдеггера, в которой говорится, что Х в свое время запретил Гуссерлю появляться в университете (чего не было) и перестал общаться с Ясперсом, потому что последний был женат на еврейке. Ясперс: «В такие моменты 'Шпигель' снова впадает в свой прежний дурной тон». Сафрански пишет: «Реакция Ханны Арендт выразилась в бурном выплеске ярости против Адорно, который на самом деле не имел никакого отношения к статье в 'Шпигеле'»;

она написала Ясперсу: «Хотя доказательств у меня нет, я почти убеждена, что заварили всю эту кашу франкфуртские приспешники Визенгрунда-Адорно. И это тем более гротескно, что, как теперь выяснилось (благодаря студентам), Визенгрунд (полуеврей и один из противнейших людей, которых я знаю) сам пытался осуществлять политику гляйхшалтунга. Он и Хоркхаймер годами обвиняли в антисемитизме — или шантажировали угрозами таких обвинений — каждого в Германии, кто осмеливался выступить против них. Это действительно мерзкая компания». Очень забавные детали ректорства Х. Самым амбициозным проектом Х был «лагерь науки»... нечто среднее между бойскаутским лагерем и платоновской академией. Он воплотился на практике в октябре (с 4-го по 10-е) 1933 года, у порога тодтнаубергской «хижины» /то есть у собственного дома Х/. Отряд вышел из университета сомкнутым строем. Для первого опыта Х отобрал маленькую группу доцентов и студентов и составил для нее инструкцию: «Движение к цели — пешим маршем... Форменная одежда СА и СС; возможная униформа «Стального шлема» с нарукавной повязкой». Хайдеггер собирался привести горстку молодежи в мирный Тодтнауберг, где им предстояло собираться вокруг лагерного костра, строиться на линейку, готовить себе еду, вести долгие разговоры, петь под гитару, — а возвестил об этом намерении так, будто речь шла об опасном походе во вражескую страну. «Успех лагерного начинания будет зависеть от степени обладания мужеством... от того, решилась ли воля на верность, жертву и служение...». Единственная опасность, которая угрожала этому предприятию, заключалась в том, что Х мог осрамиться и из задуманного не вышло бы ничего, кроме обычной скаутской жизни (к которой зачем-то привлекли людей, давно уже вышедших из подросткового возраста). Однако Генрих Бур, один из участников тогдашнего «похода», рассказывает, как выразительно Х у лагерного костра говорил об «обесценивании мира, презрении к миру и упрощенческой унификации мира», в которых виновно христианство. Это было назидательное действо, однако, чтобы пережить его, никакого мужества, конечно, не требовалось. Несколько портили впечатление только словесные перепалки между приверженцами Х и группой студентов-штурмовиков, которые акцентировали военное начало и представляли точку зрения воинствующего антисемитизма и т.д. и т.п.». Книге предпослано предисловие философа Бибихина (переводчика Хайдеггера, очень тихого и мягкого человека), который, споря с автором книги, фактически полностью оправдывает фашистский «эпизод» в жизни Х, что на фоне массы приводимых Сафрански документов выглядит просто гротескно, но такая уж у нас сейчас мода и хороший тон: хорошо быть фашистом, а еще достойнее черносотенцем.

Рекомендую тебе еще одну книгу (Марсель Райх-Раницкий. Моя жизнь. М.: НЛО, 2002 — 528 с. — 180), которую проглотил залпом, не смотря на катастрофическую нехватку времени: она кажется мне ис-

ключительно поучительной, причем во многих отношениях. Райх-Раницкий (р. 1920) ныне если не самым «лучший», то уж точно самый влиятельный литературный критик Германии (он занимает «самый интересный пост в литературной жизни Федеративной республики — заведующего отделом литературы «Франкфуртер Альгемайне»). Еврей, родился в Польше, учился в Германии, приход Гитлера к власти застал его подростком, учившимся в Берлине в престижной гимназии им. Фихте. В 1938 году был депортирован в Польшу (как еврей, имеющий польское гражданство), попал в Варшавское гетто (был там помощником того самого Адама Чернякова, председателя «Юденрата», чьи записки, кажется, произвели на тебя сильное впечатление), принимал косвенное участие в восстании, чудом сбежал по пути к поезду в Треблинку, ему в спину стреляли, затем его укрывала в провинции польская супружеская пара. После окончания войны вступил в Польскую компартию и был послан в Лондон в качестве шпиона. Затем его отозвали как «космополита», посадили в тюрьму и исключили из партии. Райх стал рядовым польским литературным критиком. В конечном итоге он обманным путем перебрался в ФРГ и стал знаменитым литературным критиком, но уже немецким. Если не считать мемуаров Клемперера, это самое интересное из того, что я читал о жизни евреев при Гитлере. Но все остальное в книге тоже очень занятно (хотя «беллетристично» и, конечно, поверхностно). Прочитую некоторые пассажи, сперва о литературных нравах.

В Польше Райх служил под командованием старшего лейтенанта Войска Польского Станислава Ежи Леца (того самого); «(Райх попытался сделать критические замечания.) Лишь много позже я понял, какое произошло недоразумение. Лец нуждался лишь в моих похвалах и восхищении. В 1944 году я еще не имел опыта общения с писателями. Для Леца существовала только одна тема — его стихотворения, его афоризмы, его переводы. Тщеславный, эгоцентричный человек? Я не знал еще ни одного писателя, который не был тщеславным и эгоцентричным, разве что это был очень уж плохой автор. Когда Лец летел с одним коллегой из Варшавы в Вену, тот спросил его по прибытии, не заметил ли он, Лец, что всю дорогу только о себе и говорил. На этот вопрос Лец ответил тоже кратким вопросом: «А ты знаешь тему получше?» Однажды мы с Лецем совершали долгую прогулку — от дома Союза писателей в Варшаве до чудесного парка Лазенки и назад. Лец говорил без умолку, а я, по мнению многих не особенно молчаливый, слушал его молча, довольствуясь время от времени краткими репликами. Примерно через час Лец вдруг сказал: «Так больше не пойдет. Мы говорим все обо мне и обо мне. Давайте теперь поговорим о вас. Как *вам* понравилась моя последняя книга?» «/по поводу беседы с Анной Зегерс/ Внезапно меня пронзила мысль: да эта скромная, симпатичная женщина не поняла свой собственный роман “Седьмой крест”. Чему я научился из этого разговора с Анной Зегерс? Тому, что большинство писателей понимает в литературе

не больше, чем птицы в орнитологии. И что они меньше всего в состоянии оценить свои собственные произведения. Ведь они, как правило, приблизительно знают, что хотели показать и разъяснить. Такое знание затемняет их взгляд на то, что они действительно сделали».

Теперь «кроме шуток». Сцена прощания с приютившими (и спасшими его от смерти) поляками (супружеской четой, Болеком и Геней). «Мы собрались было идти, как вдруг Болек сказал: «У меня тут немного водки, давайте-ка по стаканчику». Я почувствовал, что он хочет нам сказать что-то еще, и он заговорил серьезно и медленно: «Прошу вас, не говорите никому, что вы были у нас. Уж я-то знаю этот народ. Они нам никогда не простят, что мы спасли двух евреев». Геня молчала. Я долго колебался, приводить ли эти страшные слова. Мы с Тосей никогда не забывали их. Но мы не забыли также, что своей жизнью обязаны двум полякам, Болеку и Гене».

«В начале 1936 года мы, с десяток молодых людей, собрались в просторной и хорошо обставленной квартире в Груневальде. Я не знал, что затевалось, и крайне удивился, увидев на столе два экземпляра эссовской газеты «Дас шварце кор». И действительно, мой шурин Бём читал большую статью в этой газете. Если память мне не изменяет, она называлась «Заявление эмигранта о банкротстве». Это было письмо Курта Тухольского Арнольду Цвейгу от 15 декабря 1935 года, прощальное письмо. Сначала мы были ошеломлены, а потом нас охватил ужас. Мы не хотели верить. Письмо свидетельствовало о взрыве ярости, несомненно копившейся годами, — ярости, направленной против немецких левых и немецких евреев. Неужели эти безжалостные высказывания, иногда переполненные ненавистью, а то и переходившие в обычную брань, действительно принадлежали Тухольскому? Но вскоре наше недоверие исчезло, ибо стиль автора был неоспорим. Как позже выяснилось, эссовская газета сократила это письмо, искажила его и снабдила издевательскими промежуточными заголовками, но текст не был сфальсифицирован. Да, эмигрант Тухольский действительно с отвращением писал о евреях, применяя иногда даже примитивные и злобные антисемитские стереотипы. Мы не сомневались в том, что конфликт Тухольского с евреями был болезненным конфликтом с самим собой. Это письмо написал человек, в жизни которого страдания из-за принадлежности еврейскому народу и тайная ненависть к самому себе играли важную, вероятно, решающую роль. Нам было известно, что через несколько дней после написания письма Тухольский покончил с собой».

«Сразу же после прихода Гитлера к власти среди евреев обнаружались две противоположные тенденции. Первую можно сформулировать так: после всего, что произошло, нам нечего больше ждать в этой стране, надо не строить иллюзии, а эмигрировать возможно быстрее. Представлявшие вторую считали, что не следует терять голову, напротив, необходимо подождать и продержаться, ведь не так страшен черт, как его

малюют. Было немало таких, которые пытались себя уговорить, что антисемитская травля направлена в принципе против евреев — выходцев из Восточной Европы, а не против тех евреев, которые на протяжении столетий жили в Германии. Те, кто воевали во время Первой мировой войны и были награждены орденами, испытывали особую уверенность в том, что с ними ничего не может случиться. Часто друзья и знакомые неевреи с самыми лучшими намерениями пытались успокоить евреев, говоря, что столь бесчеловечный режим, как национал-социалистический, в Германии немыслим надолго. Через два, самое позднее три года этот кошмар закончится, так что нет смысла продавать квартиру и уезжать. Во время праздничного ужина в нашей квартире можно было услышать оба мнения. Даже если жестокость обсуждавшейся расправы и ее очевидная противозаконность возмущали всех, саму информацию комментировали вовсе не только пессимистически, то есть как признак не одной лишь жестокости режима, но и его слабости. Тот, кто считал правильным и возможным решение оставаться в Германии несмотря на всю дискриминацию, надеясь именно здесь пережить Третий рейх, находил подтверждение своему оптимизму в варварской расправе Гитлера с оппозицией в собственных рядах.

Глядя из нынешнего дня, остается, по меньшей мере, удивляться, что численность евреев, покинувших Германию, не возрастала из года в год, несмотря на систематические преследования, вопреки столь чудовищным мерам, какими были «Нюрнбергские законы», принятые в сентябре 1935 года. Если в 1933 году эмигрировали около 37 тыс. человек, то в 1934, 1935, 1936 и 1937 годах только 20–25 тыс. ежегодно. Можно кратко сформулировать, что годами удерживало большинство евреев от эмиграции, — вера в Германию, поколебавшаяся только после «Хрустальной ночи», да и то не у всех евреев, живших в Германии».

«С годами положение евреев основательно изменилось. В 1933 и 1934 годах они слышали от неевреев успокаивающие и ободряющие слова. Им говорили: «Вам надо продержаться». Евреям очень нравились эти успокаивающие слова, вот только в 38-м их уже не было слышно».

Достигнув высокого положения в литературной иерархии, Райх, тем не менее, чувствовал себя дискриминированным. «Я был исполнен твердой решимости противостоять подозрению, что сталкиваюсь то тут, то там с затаенным антисемитизмом; ... мне ни разу не предложили никакого поста в газете. В юбилейном сборнике «Время в Цайт» /газета, в которой Райх вел рубрику/ я прочел, что в газете размышляли о том, не предоставить ли мне штатную должность. Но редакторы отдела культуры, как я узнал теперь, в 1996 году, испытывали «величайшие сомнения, выдержат ли они общение с таким осознающим свою силу, склонным к казуистике человеком». Я испугался, так как это слово звучит весьма неприятно — его можно было часто встретить в национал-социалистической печати, прежде всего в статьях Геббельса».

«Чем больше становился мой успех, тем чаще мне приходилось ощущать зависть и недоброжелательство, а то и нескрываемую ненависть. Прошло совсем немного лет, и мне пришлось услышать, что я забрал необычно много власти. Большой телевизионный фильм обо мне начинался со смелого утверждения, что руководимый мною литературный раздел «Франкфуртер Альгемайне» стал крупнейшим центром власти, когда-либо существовавшим в немецкой литературе. Не честолюбие ли побуждало меня продолжить традицию, заложенную евреями в истории немецкой критики, традицию, на которую я давно опирался, продолжить ее на руководящем посту и в высшей степени публично, может быть, даже демонстративно? Да, и, возможно, в большей степени, чем я это осознавал».

Вывод Райха («резюме» книги): «Я думал, что мое решение вернуться в 1958 году в Германию и поселиться в Федеративной республике было все-таки не ошибкой, оно было правильным. Пьеса Фассбиндера /антисемитская/, спор историков /попытка реабилитации Гитлера/ и речь Вальзера /см. о Вальзере ниже/, являющиеся в целом важными характеристиками духа времени, ничего не изменили в этом решении». При этом кратковременное — от отчаяния в конце 1930-х годов — сближение с сионистами Райх считает ошибкой: «Я, и без того чувствуя себя одиноким, искал общения и, как мне казалось, нашел его в молодой сионистской организации — еврейском союзе бойскаутов Германии. Это было недоразумение, даже если о нем и не стоило сожалеть».

Но «жизнь» написала свое «резюме» к «Моей жизни» Райха. Он оказался на старости лет центральным фигурантом самого громкого скандала в сегодняшней Германии. Получилось так, что как только я прочитал книгу Райха ('Чтение с фонарем', или 'На ловца и зверь бежит'), отовсюду посыпались материалы, связанные с ним (раньше я даже никогда не слышал эту фамилию). Привожу ниже некоторые из этих материалов.

Александр Миримов

Дебаты, которые потрясли Германию.

«Цайт» от 4.02.99. Интервью с канцлером Шредером. Тема: берлинский мемориал и спор Вальзера с Бубисом. «Неужели они до сих пор спорят?» — спросит на этом месте осведомленный читатель. «Какие еще Вальзер с Бубисом?» — спросит чуть менее осведомленный читатель. Сегодня мы попытаемся (по мере сил) ответить на оба вопроса.

Итак, о споре. «Сначала была речь лауреата премии мира. Потом — воинственный ответ на нее. После чего некто третий попытался помирить спорщиков и только окончательно все испортил. Ну а дальше к разбору случившегося стало подключаться все больше и больше народу, так что под конец виднелось уже только одно большое облако пыли, из которого доносились отдельные выкрики: «Стыд? Нет, вина...» — «Вы хотите сказать: позор?» — «Что-что? Ущерб?» — «Так это намек?» — «Да Вы сами латентный...» — «Что Вы там еще сказали?» Итак, в нашей

большой семье под названием Германия разразился нешуточный скандал» (Дитер Шваниц, «Шпигель»). Мартин Вальзер — видный немецкий писатель. В 1998 году он стал лауреатом премии мира, ежегодно вручаемой союзом немецких издателей и книготорговцев. И все бы было хорошо, если бы в своей благодарственной речи, произнесенной им 11 октября во франкфуртской Паульскирхе, он не высказал ряд далеко не очевидных мыслей, не на шутку задевших человека по имени Игнац Бубис, а в месте с ним и многих многих других. Для справки скажем сразу, что Игнац Бубис — председатель Центрального совета евреев Германии, видный общественный деятель (Коль предлагал его некогда на должность федерального президента). Несколько цитат из речи Мартина Вальзера: «Ни один нормальный человек не отрицает Освенцим... Но когда каждый божий день средства массовой информации преподносят мне ужасы прошлого, я замечаю, что что-то во мне восстает против этой нескончаемой «презентации» нашего позора... И начинаю отворачивать голову... И анализирую... И вижу, что очень часто вовсе не память о жертвах и не ответственность перед историей являются подлинными мотивами. Наш позор превращают в разменную монету, вспомогательный инструмент, служащий достижению текущих целей. Пусть и самых благих...

(...) Освенцим не должен превращаться в привычку, в универсальное устрашающее средство, в моральную «дубинку», в ритуальное упражнение (...) На примере нынешней дискуссии по поводу берлинского мемориала хорошо видно, что могут нагородить люди, чувствующие себя ответственными за чужую совесть. «Забетонировать» центр столицы этим кошмаром размером с футбольное поле! Историк Генрих Август Винклер придумал для такого поведения термин «негативный национализм»... Ничуть не лучше обычного национализма». 9 ноября 1998 года в речи на мероприятии по поводу пятидесятой годовщины «хрустальной ночи» (массовых еврейских погромов в Германии) Игнац Бубис обвиняет Вальзера в латентном антисемитизме и называет его духовным подстрекателем. Вальзер в полемику вступать не намерен: Бубис, по его мнению, просто не понял текста и цепляется к отдельным словам. Бубис требует объяснений. Вальзер давать их отказывается, считая это ниже своего достоинства. Неожиданно масло в огонь подливает сам канцлер Шредер: во время одного из телеинтервью с его языка срывается фраза-намеки: «Писателю позволительно высказать то, что непозволительно высказывать канцлеру». Федеральный президент Роман Херцог пытается как-то разрядить обстановку, но безуспешно. В спор (с самыми лучшими намерениями) вмешивается Клаус фон Донаньи, президент берлинской Академии художеств, уважаемая авторитетная фигура. Он публикует в «Цайт» статью, в которой предпринимает попытку «растолковать» Бубису подлинный смысл вальзеровской речи. В результате он только портит с Бубисом отношения. Да и дело-то, в общем, не столько в смысле, сколько (и в этом Бубис, несомненно, прав)

в эффекте (или возможном эффекте) от подобной речи. Об этом, в частности, пишет в своей статье, также опубликованной в «Цайт», известный французский писатель еврейского происхождения, сам бывший узник концлагеря, Эли Визель. Тем временем популярный немецкий литературный критик (тоже еврейского происхождения) Марсель Райх-Раницкий предлагает свою трактовку случившегося. Вальзера он критикует не за содержание, а за стиль и риторику: Вальзер, по его мнению выбрал неправильный тон, что и сделало его речь «провокационной». «Я знаю также, что Вальзер не антисемит», — добавляет Райх-Раницкий. К полемике подключаются все новые авторитетные деятели. Пресса строчит комментарии. Poleмика заряжается все новым пафосом. И только подавляющее меньшинство обращает внимание на саму структуру спора, в которой-то, собственно, и кроется корень зла. Ибо спор этот, по сути говоря, ни о чем: Мартин Вальзер и Игнац Бубис говорят о разном и, что самое главное, с разных позиций: Вальзер — с позиций личности, Бубис — с позиций государства и общества, или, возвращаясь к высказыванию Шредера: Вальзер говорит как писатель, Бубис — как политик.

В декабре Вальзера с Бубисом удастся, наконец, усадить «за стол переговоров». «Франкфуртер Альгемайне» организует в своей редакции встречу непримиримых «спорщиков», которые к тому моменту, похоже, уже изрядно устали как от спора в целом, так и от собственных ролей в этом споре. Смягчившийся Бубис берет назад свои обвинения в «духовном подстрекательстве» и «латентном антисемитизме». Вальзер слова свои назад не берет, но признает, что, возможно, недостаточно ясно выразил некоторые мысли. Спор объявляется окончанным. Всеобщее облегчение.

Но что это? Не проходит и нескольких дней, как место спора занимает спор о споре и комментарии к спору о споре. Видимо спор все-таки был...

Опубликовано 03.06.2002 17–35

Автор *Элла Володина*, НЕМЕЦКАЯ ВОЛНА

Антисемит ли Мартин Вальзер?

Скандал разразился на прошлой неделе в среду. Влиятельнейшая немецкая газета «Франкфуртер Альгемайне» опубликовала открытое письмо заведующего литературным отделом Франка Ширрмахера, в котором тот излагает причины отказа газеты опубликовать на её страницах рукопись нового романа Мартина Вальзера «Смерть критика». На протяжении последних десятилетий «Франкфуртер альгемайне» публиковала до выхода в печать практически все произведения писателя, регулярно брала у него интервью. Рукопись нового романа была отвергнута, но не тихо и незаметно для общественности, как её направил в редакцию сам Мартин Вальзер с согласия издательства «Зуркамп», которое планировало выпустить книгу в августе этого года.

Заведующий отделом культурной политики газеты и соиздатель «Франкфуртер альгемайне» Франк Ширрмахер предпочел сделать объяснение причин отказа в публикации рукописи достоянием гласности. Ширрмахер обвинил писателя в использовании антисемитских клише и заклеил роман как «документ ненависти». «Смерть критика», пишет Франк Ширрмахер, это «не что иное, как совершаемое в воображении убийство... Речь идет при этом не об убийстве Критика как критика, как то происходит, например, у Тома Стоппарда. Речь идет об убийстве еврея». А поскольку прототипом главного героя романа стал известнейший литературный критик Германии Марсель Райх-Раницки, пишет Ширрмахер, газета была вынуждена опубликовать отказ на своих страницах для того, чтобы предупредить предположения о давлении со стороны Райх-Раницкого, который долгие годы возглавлял литературный отдел «Франкфуртер альгемайне».

За прошедшие с момента публикации открытого письма дни спровоцировавшая небывалые по накалу дискуссии рукопись поступила в редакции других немецких газет, а также в руки ведущим литературным критикам страны. Прочитал его и Марсель Райх-Раницкий, который парадоксальным образом считает Мартина Вальзера гениальным писателем, но, за исключением хвалебной рецензии на новеллу «Летающая лошадь», методично подвергает разгромной критике каждое новое произведение писателя. «Смерть критика» Райх-Раницкий назвал в интервью немецкому информационному агентству DPA самой бездарной книгой Вальзера. При чтении рукописи романа, в главном герое которого без труда узнаваем сам Райх-Раницкий, он испытывал не возмущение, а жалость по отношению к автору. <...>

Большинство профессиональных критиков, которые смогли получить на прочтение рукопись романа, выступили в защиту Мартина Вальзера. Их вердикт гласит: роман слаб, особой художественной ценности не представляет, однако не антисемитский. <...>

В интервью немецкому еженедельнику «Фокус» Гюнтер Берг, глава издательства «Зуркамп», в котором должен был выйти роман «Смерть критика», назвал абсурдными обвинения Мартина Вальзера в антисемитизме. В ближайшее время окончательно решится вопрос, будет ли издательство публиковать роман, и когда это произойдет. Объект саркастической критики романа, главный литературный авторитет в масс-медиа Германии, Марсель Райх-Раницкий потребовал от руководства «Зуркампа» отказаться от выпуска книги.

Между тем, Мартин Вальзер в многочисленных интервью, данных им за последние несколько дней, категорически отверг высказываемые в его адрес обвинения. «Я никогда даже представить себе не мог, что мой роман будет отвергнут под предлогом антисемитизма», — заявил писатель. Роман «Смерть критика», отметил Мартин Вальзер, это попытка размышлений над тем, почему Марсель Райх-Раницкий много лет громит его, Вальзера, произведения в печати.

Ну и т.д.

Матвей, привет!

Получил посылку со Шварцем. Спасибо за нее и за обзор новинок. Райх-Раницкий симпатии не вызывает, как и склока вокруг него, но прочитать стоит. «Смерть критика» хорошо подходит для определения уничтожения евреев в Европе: Еврей существовал в христианской Европе не только как Свидетель, но и как Критик. И в той и другой роли он надоел, и Европа в конце концов исторгла его, родила Израиль и умерла в родовых муках.

Пока отправлю тебе заказ: Бартольд, конечно, нужен, Мерло, Штифтер, Хайдеггер Сафранского и Райх-Раницкий.

Наум

From: «zinovy vauman»

Бьюсь с гадами

Судья велел охраннику повести меня в тюрягу попугать

Но мне там понравилось

Тишина, кондиционер, чисто

С кем бьешься, с квартирантами?

Alexei P. Tsvetkov

Наум, пытались вам звонить на праздники, но вы оказались за границей. Поэтому поздравляем задним числом.

Наши планы несколько прояснились — без консультаций с вами, поскольку вас не было. Мы прилетаем 7 октября и улетаем 13. У вас на шее все время сидеть не будем — часть времени проведем в Ашкелоне у Кравиной подруги детства, семья желает поваляться на пляже. К сожалению, рейсы в несусветное время, вылетаем почти в полночь и будем по вашему времени около 4 утра. Так что лучше, наверное, мы к вам на такси — если вообще впустите в такую пору.

Еще не знаю, как там с Соколовыми — я их просил, если придут, сразу дать знать тебе.

У вас стали строже правила с визами, с Кравы в консульстве требовали целую кипу бумаг. Правда, когда я приехал в консульство, пошли на попятную, почуяли своего. И так мне стало жалко Краву с ее краснокожим документом, что решил я, наверное, воспользоваться своим священным правом на возвращение и податься к вам в соотечественники, хоть будет у жены человеческий паспорт. Ну, не человеческий, но хотя бы еврейский — все не русский. Если сможешь, узнай, куда надо тыкаться с такими вопросами и с женой-гойкой.

Римме привет, до встречи.

Леша, привет!

Мы очень рады вашему приезду, и, конечно, я вас встречу.

И вас тоже с Новым годом, здоровья и удач в новом году. А нас действительно не было неделю: удрали в Италию.

Попробую узнать насчет оформления гражданства, но боюсь, что это не простая «регистрация». Я знаю, что «аналогичный случай» был с Пепперштейном, но ему пришлось просидеть здесь чуть ли не полгода, пока все оформили.

Кстати, не хочешь ли каким-то образом отметиться «литературно»? Думаю, что местная литературная братия (частично тебе известная: Гольдштейн, Бараш, Гробманы, Тарасов) рада будут устроить в твою честь какой-нибудь сабантуй. Думаю, что возможны и радиовыступление, и интервью. Может быть, в свете твоих намерений это было бы и полезно. У тех же Гробманов — связи. Что касается домашней пьянки с литературным уклоном, то, признаюсь, «пить» тут не с кем: Гольдштейн разве что пригубит винца, Тарасов наоборот, непременно напьется как скотина, да того же Гольдштейна задираТЬ станет, а если Бараша пригласить, то и на Бараша наскочит, сам же Бараш, степенный как урядник, пьет в меру. Гробман невыездной, принципиально «не выходит из дому», то бишь визитов не делает. Других же ты совсем не знаешь — так что это за «домашняя пьянка»? Вот если бы Соколов приехал, мы б за пражскую невстречу отыгрались на славу... Так что «с литературным уклоном» можно только на «нейтральной полосе» — есть тут одна дамочка, кстати на телевидении работает, сейчас «русский канал» готовят к открытию, так что в этом случае не исключен и выход на ТВ. Так что если есть такое желание («отметиться»), дай знать.

Ждем вас.

Наум

P. S. Да, 14–17 сентября нас не будет, это насчет связи.

От Тарасова.

Наум! вот обещанное. Пошлю и ей тоже. Есть просьба-требование: знаки ивритские и шумерский не менять ни при каких обстоятельствах и, вторая, — не корректировать текст. бывай. Звякну.

Наумчик, здравствуй!

Только что получили «Россыпь» в целости и сохранности. Большое спасибо.

Надумал ли ты что-нибудь по поводу интервью? Подробности письмом —

Будь здоров — Аня

P.S. Книга «К феноменологии аскезы» действительно написана моим мужем. А читал ли ты его книгу «О старом и новом» (2000)? Перевод «Улисса» Джойса, который ты наверняка читал, тоже принадлежит ему.

Какие ты, однако, знакомства водишь... Шутка. «О старом и новом» я не читал, а об «Улиссе» даже не решился спросить, это работа вообще сумасшедшая... Так что низкий Сергей Сергеевичу поклон.

А Тарасов еще просил, цитирую буквально: «знаки ивритские и шумерский не менять ни при каких обстоятельствах и, вторая, — не корректировать текст».

Интервью мы попробуем организовать пока ты будешь в отпуске.

Всегда твой

Наум

12.9.

Alexei P. Tsvetkov

Наум, ты меня знаешь — я человек не слишком тщеславный, но и не слишком жеманный. Так что насчет выхода на израильскую аудиторию сообрази сам — если есть спрос, ломаться не буду, а нет — ладушки.

Что касается состава интеллигентной попойки, то стратегия та же. В конце концов, мы летим повидать вас, и будет вполне достаточно, а если еще и Соколовы подвалят, то интеллигентнее не придумаешь. Но у них хвост подрагивает насчет разборки с Саддамкой, и я их понимаю. Можно наглотаться неприятностей, мало не покажется. Я им в канун отлета еще черкну запрос.

Билеты я уже закупил, прибываем 8 в 3:45 утра — извините за не-сусветное время.

Что касается нашего возможного слияния с родным народом, то если не получится — ничего не напишешь, не первая гениальная идея гибнет на самом старте. Но на всякий случай, если будут оказии — поспрошай.

Цветкову:

Саддам, конечно, серьезный аргумент, и я Сашу понимаю, тем более что ему кажется, что он «небезучий». Но, если это возможно, приободри его, было бы неплохо всем встретиться.

А номер рейса и компанию все-таки сообщи, удобней будет встретить.

Всегда ваш

Наум

Встретились в пол-третьего. Я пересел к ней, на «свое» место у руля. Два часа поцелуев, признаний, объятий.

— Я так счастлива тебя видеть... когда думаю о тебе, мне хочется только быть рядом с тобой, сидеть, или лежать, обнявшись, но когда я тебя вижу, то я уже не могу... Если ты мне утром не звонишь, я весь день

потом злая... У меня всегда рот до ушей, когда с тобой разговариваю по телефону, вчера посмотрела на себя в зеркало, так смешно, и потом еще долго не закрывается... Я люблю тебя и я счастлива...

13.9. От Л:

с приездом, как отдохнул? а у меня компьютер барахлил, не было сигнала

и тебе Шана това у мэтука!¹

ма нишма каха?²

Ответ Л.:

бегал как бобик, по три города в день, этот вид спорта не для меня, вернулся, как из милуима, да еще где-то «на перелете» подцепили грипп, так что теперь поедem «отдыхать» в Эйлат на три дня. Вернусь 17-го вечером.

Рассказ со страшным скрипом продвигается, вернее, обрастает деталями, никак не «закруглится». 7 октября Цветковы приезжают на неделю, будут у нас. Может, и Соколов приедет, но он побаивается.

Анюта в Крыму, лазает по пещерам с молодым мужем. Прорезалась и старая (тартей ма шма³) Аня, несостоявшаяся издательница, хочет опубликовать Тарасова и предлагает сделать с ним интервью. С переводом — глухо. У Гробманов на ура прошла поездка в Белград, а 7-го они как раз летят в Москву. Пожинать плоды славы. Бараш тоже вчера улетел в Москву. И мне надо бы, да не с чем.

А ты чего делаешь?

Я тут, в связи с рассказом, любовью заинтересовался. А что каббала на эту тему гутарит?

Alexei P. Tsvetkov

Соколовым я только что написал, заверил, что все будет известно заранее, потому что Израиль предупредят загодя, чтобы были приняты меры безопасности и, что самое главное, чтобы он не сунулся в Ирак с собственной инициативой, перепутав американцам все карты — а такое неизбежно, если Саддам улучит возможность чем-нибудь жахнуть в предсмертных конвульсиях. Я, честно говоря, до сих пор не уверен во всем этом мероприятии, потому что весь Ближний Восток может взорваться как котел, и у американцев не хватит вооруженных няnek ко всем приставить. Моя бы воля, я бы прежде всего жахнул по нашим саудовским друзьям, потому что главная куча говна — именно там.

¹ Счастливого и сладкого года! (*ивр.*) Приветствие на Рош Ашана, еврейский новый год.

² А вообще, что слышно? (*ивр.*)

³ В буквальном смысле слова (*ивр.*).

Мы прилетаем в ночь с 7 на 8 в 3:45 утра по вашему времени рейсом 286 Чешских авиалиний.

17.9.

От Л:

а я думала ты влюбился. Оказывается, только заинтересовался, да ещё в связи с рассказом...

а каббала говорит, что кто умеет любить, тот уже почти каббалист, потому что, как бы самоустраняется, ради любимого человека...

а ты Аниуте покаялся, что с мимозой её перепутал, или ей это по фене?

Хатима това вэ Гмар хатима това!¹

не забудь Тимне от меня привет передать и окаменевшим динозаврам тоже.

Ответ Л:

И тебе гмар хатима това.

А когда мимо динозавров проезжал, привет передал...

С мимозой «проехали».

Достала на отдыхе мелкая буржуАзия (все врачи), даже позавидовал Гробманам, мне Ира перед отъездом рассказывала, как они здорово в Белград съездили, а сейчас едут в Москву — совсем другой круг общения...

В Эйлате у меня неожиданно нашелся поклонник: живет в Цфате, бывший майор милиции, русский человек Сережа, женат на одной из дам в этой компании, врачихе, а книжка моя у них по рукам ходила, говорит, «весь Цфат прочитал», ужасно обрадовался, что познакомился с автором, понравилась ему книжка. А с Мироном уже не так интересно, философия его утомляет, про Вальтера Беньямина он даже не слышал, чем меня удивил, и я вдруг почувствовал, что мне с ними скучно, а ведь это один из лучших.

From: jasmine

Date: Mon, 16 Sep 2002 11:01

очень рада, что Вы получили мой подарок... обязательно расскажите о своих впечатлениях

у нас тоже было очень много впечатлений от поездки, и две недели показались слишком долгими и полными, но, по счастью, обошлось без суеты...

«это и есть «мужской подход»: любовь — отдельно, секс — отдельно».

а у Вас никогда не получалось вместе?

напишите, пожалуйста, мне поскорее... я соскучилась...

¹ Хорошей подписи (*ивр.*). Приветствие к Судному дню, имеется в виду Книга Жизни, которую Господь каждому в этот день подписывает.

Ответ Жасмин:

А я и сам только что приехал, отдыхал после отдыха в Эйлате, это такой наш «южный курорт» на Красном море... И вид «отдыха», и общество, и... да, и жена туда же, все раздражает меня безмерно, по одной простой причине — мы будто существуем в разных измерениях. А когда меня насильно тащат в чужое измерение и перекармливают этим компотом, меня тошнит, и я становлюсь букой. И опять же этот повторяющийся дурацкий сюжет с гитарой: Наумчик, обязательно возьми гитару (это компания в Эйлате)! Ну, я сдуру и беру. Наумчик, сегодня у нас собираемся! Дамы: ах-ах, мы ждем, когда Вы нам споете! Собрались (сплошь врачи, аж профессора имеются), напились, да и забыли начисто, что гитара в углу, а я как школьник маюсь: вспомнят обо мне, или нет, потому что хочу попеть-то... А тут еще один поклонник неожиданно обнаружился: бывший майор милиции из Москвы Сережа Кудрин, женатый на еврейке и волею судеб заброшенный в город каббалистов Цфат, оказывается, «весь Цфат прочитал» мою книжку, и ему очень понравилось, ну, вот думаю, Сереже спою, хоть он-то оценит. Он-то может и оценил бы, если б вспомнил про меня... И тут я пошел и вовсе на отчаянный шаг: взял гитару и стал тренькать в углу, ну, тут сделалось какое-то движение, сказали «тише», «Наумчик петь будет», кое-кто из мужиков сразу вышел, из тех, кто громко разговаривает и громко смеется, и не любит, когда от них внимание отвлекают, ну я спел пару песен, тут одна подскочила, которая романсы любит и любит сама их петь, «Наумчик, подыграй», ну, я, конечно, подыграл, а потом народ еще по рюмашке пропустил, стал анекдоты рассказывать, и я ушел под корягу, по-детски на всех обидевшись... Нет, втихую, конечно. А «хозяйка салона» (которая по романсам) говорит: «Наумчик, я тебя люблю. Я раньше думала, что ты сноб, а теперь вижу, что ошибалась». В самом деле, какой же я сноб. Я их просто в упор не вижу.

«а у Вас никогда не получалось вместе?»

Нет, никогда. Почти никогда, вот только с этой подругой, о которой уже писал, немножко больше чем с другими, но все равно не то.

From: jasmine

Но если секс — гигиеническая профилактика, то при чем здесь «любовь» и «заполнение» и «бездонность души»?

вы меня неправильно поняли... я вовсе не секс сравнивала с гигиеническими процедурами... попробуйте еще раз:

«или хочется, чтобы тебя больше любили? это еще проще... стань более привлекательным... это вовсе не сложно... это просто культура... как чистить зубы по утрам... или чисти зубы, или не переживай, что они больные...»

а еще, может некстати, вспомнила фразу, которая мне нравится:

«чтобы найти счастье с женщиной, его нужно очень понимать и немножко любить... чтобы найти счастье с женщиной, ее нужно очень любить, и даже не пытаться понять»...

А рассказ жду с нетерпением.

Ответ Жасмин: Помните знаменитую фразу из кино «Доживем до понедельника»: «Счастье, это когда тебя понимают»? Я вдруг (и совсем недавно!) «увидел», что каждый человек это некое чудо, конечно же, разного масштаба и значения, но все равно каждый. И как нет такой книги (как говорили древние римляне), которая не нашла бы своего читателя, так и нет даже самого маленького «чуда», которое кого-нибудь не удивило бы. И вот когда вы вдруг увидели в человеке «чудо», это значит, что вы его «поняли», полюбить и понять — это одно и то же, любовь это чудо понимания.

Наум, привет!

Как я уже писал, мне приходится сейчас помогать Миле в подготовке 6-го (завершающего) тома Бахтина (расставляем точки над и), в связи с чем я перечитал как корпус, так и Милины комментарии (которые по объему приближаются к «Войне и миру»). По ходу дела мне пришло в голову, что эти тексты могут тебя заинтересовать — в особенности по части «проблемы автора». Поэтому высылаю тебе некоторые из поздних записей Бахтина, касающиеся этой проблемы, и комментариев Милы к ним. Я и прежде кое-что посылал тебе, но сейчас более полно. Что касается комментария Милы, то я выдрал из него — как из преамбулы (ко всему тексту и в особенности к Т-3), так и из постраничных примечаний — только места, прямо касающиеся «проблемы автора». Было бы интересно узнать твое мнение о комментарии, тем более что в него еще можно внести изменения. При этом прошу иметь в виду, что все эти тексты еще не опубликованы, и (учитывая бандитские нравы филологической тусовки) лучше их пока никому не показывать (у Милы в этом отношении «пунктик» — не природный, а благоприобретенный). Поэтому посылаю тебе тексты «тайком от нее». В этом есть и преимущество: ты можешь не стесняться в своих оценках, так как я не собираюсь делиться ими с автором. Впрочем, никакой обязаловки тут нет: возможно, комментарии вообще тебя не заинтересуют, тогда и бог с ними.

Всегда твой,
Матвей

18.9. От Жасмин:

папа тут всучил мне одну очень романтическую книжку М. Семеновой — «Валькирия» или, в другом варианте, «Тот, кого я всегда жду»... было бы жестоко просить Вас ее прочитать, учитывая, что она может

Вам не понравится... а как объяснить, что я там для себя нашла — не знаю... (во всяком случае, я стала сильнее верить, что любовь бывает и больше, чем Вы думаете... что-то сродни моему определению про проращение друг в друга... и не говорите мне, что это чисто женское... мой брат с декабря месяца (почти год уже) влюблен в женщину из госпиталя, где он работает... он ей об этом не говорил («А что я ей могу сейчас дать? У нее ребенок, ей опора нужна... Вот, закончу институт, тогда...») и он даже не смотрит на других девушек, хотя сам этому удивляется... так и живет... ездит каждый день в госпиталь (хотя работает сутки через трое и учится на вечернем в Меде), кормит ее леденцами, болтает...

Еще хотела поблагодарить Вас за Ваш рассказ об отдыхе... мне было очень приятно... эгоизм, конечно... для Вас приятного было мало... ну, просто мне очень близко то, о чем Вы пишете... хотя я эти проблемы обычно решаю другими способами...

Ответ Жасмин: А Вы видели китайский фильм In The Mood For Love (что-то вроде «На любовь свое сердце настрою»), режиссер Кар-Вай. Из многих фильмов, которые я смотрел в последнее время (современных), он произвел на меня наиболее сильное и наиболее благостное впечатление. Там нет секса, но все время находишься под «сексуальным напряжением» (краски, жесты, женские платья, голоса). Речь идет о двух семейных парах, которые становятся соседями (снимают соседние комнаты) и любовниками крест накрест...

И то, что вы написали о брате, напоминает эту ситуацию: когда «любишь», не думаешь о сексе (но живешь им).

19.9.

Матвей, привет!

Медленно читаю комментарии к Бахтину, очень интересно, спасибо, что послал мне. Извини, это займет время: я захвачен своим рассказом, идет плохо, мучительно, чувствую, что «не попадаю»...

А к нам на недельку, с 7 октября, приезжает Цветков с женой. Пытается соблазнить Соколова, но тот побаивается Саддама. А у тебя с ним контакт продолжается, или он еще не освоил прежние закупки?

Всегда твой

Наум

От Л: спасибо за записки. а что за знакомая дама на телевидении?

Анюта прелесть... почему-то напомнила мне, когда я тебе написала, что всегда, сколько себя помню, любила и иногда 3–4 сразу, а ты любить не умеешь... ты тогда очень обиделся — как это одни умеют любить и даже «нескольких», а другие совсем не умеют?! помнишь? ты ещё потом согласился со мной?

Опять у нее «день второй», значит, ровно месяц не виделись. Залили номер кровью.

Верный признак «ублажения»: глаза стекленеют, потом сатанеют, теряют всякую осмысленность, становятся хищными, дикими...

— Мне хочется протиснуться в тебя (крепко прижимаясь), залезть к тебе внутрь. Тебе-то хорошо, ты можешь в меня проникнуть, а я в тебя? Мне хочется разъять тебе грудь, раскрыть ее и улечься там, свернувшись калачиком. А потом вылезу окоровавленная, как ты из меня, ха-ха! А помнишь, что ты мне давно сказал, когда говорила тебе, что хочу забраться внутрь? Помнишь? Ты сказал: ты уже внутри. Мне это очень понравилось...

На обратном пути в машине она обычно начинает зевать. Это у нее признак полового удовлетворения. На этот раз она начала зевать еще в постели.

— Ой, я уже зеваю.

— Идем с опережением графика.

— Ну, сегодня ты был просто... бесподобен.

— Мерси. Я старался.

Позвонила Настя, сказала, что звонил Саша, брат ее из Питера, и просил передать, что он перечитал мою книгу, и что я написал замечательную вещь, что я настоящий писатель и правильный мужик.

22.9. Утром позвонил Р. «Я вчера не мог позвонить...» — «А я ждала...» — «А я мучился, что не могу позвонить...». Сказал, что люблю. Аж задохнулась от счастья. «Как здорово!». Долго болтали. Потом перезвонила, еще болтали. «Я хочу все время слышать твой голос».

От Л: а чего ты мне фотку Анютину не пришлешь? свадебную хаг Суккот самэах!¹

спасибо. И тебя с праздником.

А с фото есть техпроблема, но я попробую... А вообще она мне внешне не особенно нравится.

Матвей, привет!

Завтра еду в Ерушалаим, встречаться с Гринбергом (Гешарим) на счет издания. Институт перевода пока мне договора не присылал и вообще не спешит. Гринберг предлагает «рискнуть», приготовить книгу к изданию, довести до типографии, это займет пару месяцев, а тем временем что-нибудь да обломится. Рискую, конечно, я (моя работа может оказаться неоплаченной), но, честно говоря, я так хочу видеть книгу из-

¹ Веселого праздника Суккот! (*ивр.*)

данной, и потому что сжился с ней, и потому что проделал огромную работу и хочу видеть результат (а он для меня не выражается в деньгах, хотя «фраером» быть не хочется), что, видимо, соглашусь. Я закинул ему удочку насчет работы корректора (для тебя) и кинул ему сумму поболее той, на которую мы договорились (было бы неплохо расколоть его), но он тут же уполз под корягу, назвал мою сумму чрезмерной (я назвал 200 долларов), и что, мол, все зависит от его редакторши в Москве, сочтет ли она тебя достаточно квалифицированным, ну и прочая херня, под конец, правда, смягчился, и сказал, что завтра поговорим. Не можешь ли ты мне оперативно послать (до завтрашнего утра), какие в Москве реальные расценки за такую работу (допустим, чисто корректорскую), в книге 500 тыс. знаков, чтобы у меня был «упор» для «торговли».

К сожалению, в связи со срочными делами, чтение комментариев затягивается.

Всегда твой
Наум

23.9. Поехал в Ерушалаим, у Шореша машина опять «закипела». Остановился у бензоколонки, позвонил гаражнику, только вчера, сука, «чинил», менял термостат. Гад посоветовал в ближайшем гараже почистить радиатор. Я позвонил Гринбергу, сказал, что машина барахлит, застрял я, пожалуй, не выйдет сегодня встретиться. «Не будем отчаиваться, — говорит, — позвони мне попозже».

На бензоколонке арабы работают, спрашиваю одного, лет двадцать, в черных очках для понта, стройный, где тут ближайший гараж. А в чем проблема? — вопрошает. Перегревается, говорю. Ну давай посмотрим. Короче, починил. Дал я ему на радостях сотню, он тоже был приятно удивлен (хватило бы и 50, но я столько ухлопал на этих еврейских жуликов, что экономить на арабе принципиально не стал — он хоть дело сделал) и покатил в гору.

Поставил машину рядом с Володей, там всегда находится место, и пошел в Гринбергу. Почти у самого магазина встретил Володю с Резницким. Володя говорит:

— Я слышал, ты застрял с машиной.

— Это прям карусель с этой машиной! Сын мне еще неделю назад сказал, что перегревается, я отвез в гараж, проверили, все нормально, а на следующий день, по дороге на свадьбу она у меня «вскипела». И тут, как вороны, набросились всякие доброхоты, и все норовят наебать — кто больше. Заплатил кучу денег, на свадьбу в результате не попал, на генеральный ремонт машины тоже хватило ума не согласиться, на следующий день опять везу в гараж. «Мастер», причем знакомый, проверил, термостат надо менять, заходи через пару часов. Ладно, поменял, вроде фурычит. И ему, конечно, забашлял. Еду сегодня в столицу и у Шореша — на тебе!

— Так как же ты доехал?

— А арабчонок какой-то починил за четверть часа! Когда эти еврейские суки мало того, что кровь выпили, так еще и не починили, бляди! Вот и будь после этого правым!

Резницкий, похожий на общипанного попа с редкой и седенькой бородашкой, удовлетворенно кивнул на последнее замечание.

— А ты не будь, — говорит. А потом благодушно добавил про арабов: «А они что, днем тебе починят, а вечером бомбочку подложат, и все за милую душу».

В конце концов, я добрался до Гринберга. Шикарный двухэтажный магазин, просторный, с административными помещениями для издательства, кабинет как у министра, разве что кресла не кожаные. Посудили-порядили, решили Нели Козн из Института переводов не ждать и начать книгу готовить. Подписали «протокол о намерениях». Намерения самые добрые: к весне книгу издать. Алева¹. При всем присутствовал Менахем Яглом, вроде редактора издательства. Я еще потолкался в магазине, взял пару книжек («Гениальность и помешательство» Ламброзо, я ее пропустил в свое время, и «Возвращающийся Египет» Розанова), Берта записала вроде как в кредит, в счет гонорара, разумеется, но с другой стороны все-таки признак серьезности намерений с их стороны (полчаса торговались из-за количества авторских). Потом пошел к Володе. Он накрыл стол: сыр, черные маслины, иракская пита, красное вино, это, конечно, не «Брунелло», ну да ладно. Я достал диктофон и мы часа три проболтали. По ходу дела сбегали за следующей бутылкой. Две бутылочки оприходовали. В конце я уже как-то размяк и захотел спать, и стихи, которые ему вздумалось мне читать, воспринимал сквозь туман. Он догадался. Отпускать меня не хотел, предлагал сбегать за следующей, но я отказался. Все, мой завод кончился. Разговор получился бестолковый, вряд ли удастся что-то из него выкроить. По ходу дела он признался, что была у него недавно «лежанка» с молоденькой, двадцать с хвостиком, у тебя, говорит, такое бывало? Я вспомнил Риту, кстати, выяснилось, что она слиняла в Америку, танцует там, вот не спросил, развелась ли, да, говорю, это ободряет душу. «Да-да», — хихикнул.

Наум, привет!

Насколько я понял, расценки сильно варьируются в разных издательствах. У Лены Гришиной (издательницы «Русских словарей») платят 400 р за лист, но это корректура и редактура вместе (Лена говорит, что маленькие издательства в основном не делят на корректуру и редактуру и платят приличнее, чем акулы). У Гены в ЭКСМО (типичная акула) расценки следующие: корректура 100 р за лист, редактура 200 р за лист.

Всегда твой,
Матвей

¹ Дай-то Бог (ивр.).

Матвей, привет!

Я был сегодня у Гринберга и подписал с ним «протокол о намерениях», по которому он «намеревается» издать книгу к марту. Сильно сомневаюсь, потому что деньги и права от Института перевода пока не спешат поступать в наше распоряжение. Но тем не менее. Я же обязался выдать ему готовый текст до 15 октября. Не думаю, что это «дедлайн», скажем, намерение.

Говорил с ним и о корректуре и редактуре. Он мне сказал, что они должны тебя «проверить» (моей рекомендации не хватило), а если ты окажешься подходящим, то, может, они вообще с тобой закончат, тем более что издают много (кстати, недавно Кононов издал с помощью Гринберга «Гог и Магог», роман Бубера, чему я в какой-то мере поспособствовал, но гадёныш Кононов даже спасибо мне не сказал). Я так понимаю, что его «московская команда» (издает он «технически» в Москве) просто так не даст пронести кусок мимо рта, но я очень настаивал, давая понять, что это важное условие. Сошлись вот на чем: я передаю текст (или его часть, так себе думаю) в распоряжение секретаря (он же как бы и «распорядитель») издательства, его зовут Менахем Яглом, он пошлет небольшую часть текста тебе на корректуру, а может, и редактуру. В этом будет состоять «проверка». Я, если не возражаешь, дам ему твой и-мейл, и вы свяжетесь напрямую, а я начну действовать после «результата», а может, все и так выйдет к обоюдной пользе. Если ты не против цены в 200 долларов (к сожалению, я уже назвал эту сумму), то, как я понял, это твой козырь, потому что «московская команда» «жрет» больше, сколько — не знаю, но понял по роже, что больше.

Вот такие дела. Так что в ближайшие дни жди послания от Менахема.

Всегда твой

Наум

Аня Жасмин:

А это что, жанровые сценки, или эти люди имеют к Вам какое-то отношение?

нет, не имели, просто мы гуляли в парке и увидели эту пару
Мне понравились «Зеркало» и «Парус», поэтичные снимки вышли.

спасибо, Наум... мне очень приятно... и важно Ваше мнение...

Вы, кажется, собирались в Москву осенью?

я это к тому, что осень в Москве уже наступила
как обычно, с нетерпением жду Ваших писем,

Аня

Собирался..., скорее надеялся. Вот вчера подписал «протокол о намерениях»: издательство «Мосты культуры» собирается издать мой перевод романа одного израильского писателя. В ближайшие недели надо

подготовить текст «на выход». 7 октября приезжает ко мне старый приятель Леша Цветков, довольно известный в России поэт (и из современников один из самых талантливых), он вообще живет в Праге, работает на «Свободе». Вы «Свободу» иногда слушаете? Рассказ я еще не доделал... Вот и получается, что с поездкой неясно... А у Вас какие новости?

Наум, привет!

Против того, чтобы ты дал мой E-mail, я не возражаю. Заниматься же какими-то играми, чтобы им понравиться, я не расположен: меня в принципе не интересует эта работа, сколько бы за нее ни платили. Я как-то брал у Гены рукопись на редактирование от ЭКСМО и понял, что это дело мне не нравится. К тому же за перевод в РЖ платят на порядок больше, и занятие это более для меня привлекательное. В общем, как получится, так и получится: мне просто хочется, чтобы твой текст не вышел «увечным» из-за ерунды. А 200 баксов — это, конечно, лучше, чем 100. Не знаю только, как пойдет дело в смысле скорости: сроки больно уж сжатые, а я не застрахован от «наплыва» заказов от РЖ, от которых не смогу отказаться. Впрочем, может, я рановато раскатал губу, и они вообще мне больше ничего не дадут переводить.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Я понял. Не будем устраивать из этого сложных танцев, но поскольку пока задачи совпадают, то почему бы тебе не обработать тот кусок, который они тебе пошлют, ведь ты так и так его пройдешь, по «моему маршруту», или по ихнему. Все упирается в сто лишних долларов, тем более что после всех этих «расценок», мне как-то неудобно за свое предложение (100 долл.). Что касается скорости, то надрываться в любом случае не нужно. В конечном итоге, по договору, я утверждаю текст, так что смогу внести поправки и позже.

Кстати, меня еще интересуют твои замечания с точки зрения «российского читателя», например, нужно ли объяснять то или иное слово, название (ну, например, слово Галут) и так далее.

Что касается адреса, то я обычно посылаю через «риплай», а тут вдруг обратил внимание, что адрес другой, и подумал, что ты воспользовался чьи-то компьютером, и я послал письмо по другому.

Всегда твой
Наум

25.9. Наум, привет!

Разумеется, я обработаю полученный от «Мостов» кусок, и постараюсь сделать это как можно лучше. Иначе зачем было давать им

адрес? Конечно, выторговать у «классового врага» лишние 100 баксов — это дело святое, но раз уж я согласился изначально на твоё предложение (т.е. на 100 \$), то никакой трагедии не произойдет и в том случае, если им «не покажусь»: я с самого начала не относился к этому делу как к «чистой коммерции». Однако пока со мной никто не связывался.

Вышел очередной том Розанова «Возрождающийся Египет». М.: Республика, 2002 — 526 с (суперобл.) — 200. / Кроме «титულიной» работы (самой поздней, ранее не публиковавшейся — это так называемый «сокровенный труд Розанова»), в том вошли: 'Апокалиптическая секта (Хлысты и скопцы)' и 'Малые произведения 1909–1914 годов: 'Библейская поэзия'; 'В соседстве Содомы (Истоки Израиля)'; '«Ангел Иеговы» у евреев (Истоки Израиля)'; 'Европа и евреи'. Я еду по магазинам и оттуда на почту сегодня; поэтому беру на себя смелость прибавить Розанова к согласованному списку, не дожидаясь твоего ответа.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Ты знаешь, когда я был у Гринберга, то взял у него этот том Розанова, он мне показался «нужным» для моего рассказа, который называется «Юдофил». Тем более что Гринберг открыл мне кредит (в счет будущего гонорара, разумеется, но все-таки это свидетельствует о его «намерениях»), и я соблазнился. Даже хотел тебе вчера написать о некоторых первых впечатлениях, но решил, что Розанов тебя раздражает, и открывать новый фронт, когда у нас и так накопилось столько «брешей», не стоит... Вот и ошибся. Но если ты книгу купил, то, как и прежде в подобных случаях, ничего страшного не произошло, либо ты, либо я найдем ей адресат.

А меня лишний раз позабавили его измышления насчет «женственности еврейской нации», не лишённые наблюдательности, и даже проныцательности.

«Бабе нужна “любовь”. И она визжит на весь свет, когда ей говорят: “Не люблю»». «Древние пророки все говорят о непрерывной влюбчивости евреев в соседние племена... В Испании — к испанцам, в России — к русским... евреи действительно прилепляются, как сказано о жене, что она «прилепится к мужу своему»... Раз русский, захавший в Нью-Йорк, отдал поправить сюртук... Сюртук приносит из починки еврей и, отдавая, застенчиво говорит: «У вас метка на воротнике: С.-Петербург. Значит вы русский?.. И тут же подскочил к нему, весь сияя: Из Одессы?! И кто же у нас там теперь городской голова?». Согласитесь, что никакой выгнанный из Таганрога итальянец не стал бы интересоваться... Тот же русский рассказывал, что в Бостоне он увидел массы интеллигентной

еврейщины, в последней бедноте, которые все курили папиросы «Бакунин», с его портретом на мундштуке, и называли себя “русскими нигилистами”...».

«Жидки — это лукавые девчонки, которые среди нас бегают, ласкаются к нам, обольщают нас, входят в дружбу и интимность с нами, издают нам журналы и газеты, курят папиросы «Бакунин», интересуются одесским городским головой, делают «политику русскую» как «свою еврейскую политику» и вообще все «русские дела» делают как свои дела, с жаром, пылом, без остановки...».

Ну и так далее. Согласись, что портрет за последние сто лет мало изменился...

С большим пиететом и не без поэтической образности написано о «библейской поэзии», глубокие и тонкие «комментарии» к Библии.

Всегда твой

Наум

From: jasmine

а я завтра иду на день открытых дверей в школу гейш

а еще делаю свой сайт

Ого! Это для заброски в Японию, или в Москве теперь свои требуются?

Если так, то надо полагать, что московские гейши — это нечто иное.

Знаете анекдот: «Отец — рикша, мать — гейша, а сын — Мойше».

А как муж на это «смотрит»? Все-таки гейши (в Японии) профессия не для замужних.

Он вообще какого рода: высоко сидит — далеко глядит, или «узнаю тебя жизнь, принимаю»?

А сайт — это замечательно. Сами делаете, или кто-то помогает, и сколько это стоит? Я вообще-то подумывал на этот счет, многие делают, но все руки не доходят.

От Л: у тебя всё в порядке? все здоровы?

все нормально. я позавчера был в Иерусалиме, подписал с Гринбергом «протокол о намерениях», есть надежда, что к марту издарт роман. Сейчас в авральном порядке просматриваю и посылаю на «проверку» Матвеем (ну ты все это прочтешь потом в записках). После Гринберга взял интервью у Тарасова для его публикации (через Аню), «беседовали», две бутылки красного осушили. Тарасов с легкой, весьма обрадовавшей меня завистью сказал, что я за пару лет «здорово раскрутился» (не очень это чувствую), стал, мол, «писателем для других»(?), это он — прочитав «протокол о намерениях».

А ты чего делаешь? Чего читаешь? Чем «заполняешься»?

Уважаемый Менахем!

Посылаю Вам первую (из четырех) главу романа. Часть ее можете предложить Матвею Рувину, моему корректору, «на пробу». Его адрес...

Продолжаю просматривать текст и буду посылать главы по мере просмотра. Буду рад услышать Ваше мнение о переводе, а также возможные замечания.

Пожалуйста, если Вам не трудно, сообщите о получении текста и этого письма, а в дальнейшем — и о Ваших «переговорах» с Матвеем.

Техническое замечание: я написал некоторый «комментарий» к «непонятным» для российского читателя словам. Полагаю, что его удобней поместить в сносках на той же странице, где читатель сталкивается с этим словом. Но это, конечно, уже во время окончательной подготовки.

С глубоким уважением
Наум Вайман

26.9. Утро. С полседьмого писал рассказ, потом вышел погулять, позвонил Р.

Матвей, привет!

Все-таки еще о Розанове. Читая его злобные, пропитанные «зоологическим» антисемитизмом пассажи о «злодеянии над никого не обидевшим мальчиком Андрюшею Ющинским», об «освобождении Европы от семитизма» (что Гитлер пытался воплотить в жизнь, и в результате получили Европу еще более семитскую, только не еврейскую, а арабскую), и это рядом с его почти мистическим восхищением «еврейством», неизбежно приходишь к ощущению, что его «антисемитизм» — это мистический страх перед «евреем», страх перед несокрушимостью Избранности, перед духовным «порабощением», даже через «брак», что уже произошло однажды. Отсюда и его амбивалентное отношение к христианству, он рад был бы обрезать эту пуповину, связывающую его русское бытие с еврейством... Но трепыхается «в липких, нежных наших лапах»¹ как муха, — деваться некуда... И отсюда взрывы отчаянной, человеконенавистнической ярости. И в этом смысле я как-то лучше понял высказывание нашего израильского классика (писал тебе), что евреи «доводят» народы до исступления, вот немцев довели, а теперь арабов... Есть в этом что-то... Здесь трепыхается отчаяние бессилия...

Наум

¹ Перифраз из стих. А. Блока «Скифы»: «Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет/В тяжелых, нежных наших лапах?»

Наум, привет!

Я так занят (получил сегодня суперсрочный заказ от ИФ: перевести доклад Блэйра перед парламентом об Ираке за 1 день!), что нет даже времени произвести расчет; поэтому посылаю тебе только список отосланных сегодня книг. ...

Как видишь, я, к сожалению, уже отослал Розанова: книга вышла совсем недавно, и мне не пришло в голову, что ты успел ее купить.

Текст главы перевода я получил.

Всегда твой,

Матвей

From: jasmine

Ого! Это для заброски в Японию, или в Москве теперь свои требуются?

не знаю, требуются или нет

просто у меня призвание...

Если так, то надо полагать, что московские гейши — это нечто иное.

да, к сожалению... я думаю, что московская школа сильно проигрывает...

я даже не знаю пока, стану ли там учиться... но посмотреть — стбит...

Знаете такой анекдот: «Отец — рикша, мать — гейша, а сын — Мойше.

знаю... а почему «Мойше»? особенности произношения или опечатка?

А как муж на это «смотрит»?

он мне и нашел эту школу... т.е. он ее не мне нашел...

мой друг Верецкий использует меня в качестве кролика (подопытного): заставляет заполнять всякие тесты, проводит сеансы психотерапии и все такое... так вот, на первом сеансе он спросил: «С чем будем работать?» (в смысле, с какой проблемой)... я подумала, и сказала, что есть два момента, которые меня беспокоят... первый — не могу найти «свое дело в жизни»... т.е. я уже нашла, и давно, но делать из этого профессию, в нашей стране, при живых родственниках... это надо сильно хотеть их смерти... ну, мы поржали, и я закончила: дескать, не по карману мне ехать в Японию учиться мастерству... вот Колька и сказал, что в Москве есть школа гейш... я сказала: «Тогда эта проблема отпадает»...

я спрашивала его, как он к этому относится... ему любопытно, интересно... к тому ж, фактически я и есть гейша... только круг обслуживаемых лиц очень узок и денег я за это не получаю (Вы, кстати, знаете что гейша совершенно не обязана спать с клиентами?) кроме того, он не смотрит на эту мою затею, как на получение профессии... только как на получение полезных для женщины знаний и навыков...

Все-таки гейши (в Японии) — профессия не для замужних.

В Японии считается очень престижным взять гейшу второй женой.

Ответ: Моисей на иврите Моше, с ударением на последний слог. А на идиш — Мойше, с ударением на первый.

Да, гейша не обязана спать с клиентами, это как-то само собой получается, как в жизни. И в жены, может, и возьмут, но гейшей она после этого уже вряд ли будет работать. А вообще, любопытно, как в московской школе преломляется японская традиция. Непременно расскажите. А Вы видели японский фильм «Империя чувств»? Рекомендую.

Муж у Вас, однако, «продвинутый».

От Л:

ну поздравляю! надо надеяться, что публикация освободит тебя от многолетнего груза, но и будет грустно без бедного Меира?

а я зажралась, желаю наполняться только светом...

ну /потирая руки/, давай записки

светом — это хорошо... Записки пошлю позже, сейчас убегаю в банк, сын квартиру покупает, одалживаем...

From: jasmine

А сайт — это замечательно.

Сами делаете, или кто помогает? И сколько это стоит?

(гордо) Сама... читаю книжку по HTML и ковыряюсь...

правда, похвастаться пока могу только первой страничкой... и то, не потому, что она — само совершенство, а потому, что остальные и вовсе не закончены... (адрес)

т.ч. стóит это нисколько... более того, я всерьез подумаю о заработке на ниве web-дизайна... мой Верецкий — хороший программист, но ни хрена не разбирается в дизайне... т.ч. мы с ним будем отлично друг друга дополнять уже объявления дали...

а вообще-то это стóит довольно дорого... во всяком случае, в Москве... я, как начинающая, прошу 50 USD за самую простую страничку, и Верецкий кричит, что это слишком дешево...

кстати, когда соберетесь в наши края, сообщите как можно раньше, если хотите хорошего крымского заводского вина... у меня есть возможность заказать очень дешево: по 5–6 USD за литр... впрочем, возможно это дешево только для Москвы...

Муж у Вас, однако, «продвинутый».

о чем Вы? о либерализме?

это — необходимое условие нашей дружбы...

как всегда с нетерпением жду Вашего ответа,

аня

К Жасмин:

ох, трудно мне представить брак, как дружбу, да и вообще «дружбу между мужчиной и женщиной», или я старомоден, или у Вас один из очень редких и незаурядных случаев...

Один мой приятель любил начинать свою речь присказкой: «Позвольте мне быть старомодным...».

Заглянул в Ваш сайт — здорово! И должно быть приятно, как автопортрет...

И фото замечательные, у Вас удивительное чувство кадра. Долго «целитесь», или просто «получается»?

А 5–6 долл. за литр это везде недорого. Однако выпить найдем что, приехать бы...

27.9. From: jasmine

Ох, трудно мне представить брак, как дружбу

и правильно, конечно, это не только дружба... но и дружба тоже (уж извините)... и она (дружба эта) является очень важной (может быть, пока) составляющей...

...а, может, и не пока... возможно, «нормальный», классический брак мне заказан (или противопоказан)... «есть женщины, на которых женятся, а есть женщины, которым посвящают стихи»... я всегда относилась ко вторым, но как Вы верно подметили, «тяжела ноша избранности» (или индивидуальности), и хочется, очень хочется «ассимилироваться», и не ловить больше НИКОГДА сочувствующих взглядов гармоничных, благополучных до отвращения, до деградации матрон: мол, такая красивая, и одна с ребенком, жизнь не сложилась, да? вот я и «ассимилировалась» — вышла замуж... только расстаться со своей холостяцкой жизнью, со своей драгоценной свободой и независимостью не могу... возможно, это временно... не знаю... не знаю, сколько мне удастся сидеть на двух стульях... не знаю, на каком из них останусь, если придется выбирать... может, Колька сможет «перетянуть» меня к себе... а может, устанет, махнет рукой и найдет себе тихую, милую домохозяйку, у которой с головой все в порядке, в отличие от меня (пока он говорит, что ему с такими скучно)..

у Вас удивительное чувство кадра

большое спасибо, мне очень приятно...

Долго «целитесь», или просто «получается»?

долго целюсь, а потом еще иногда приходится обрезать фотографию, и все такое

Наум, напишите мне, пожалуйста, еще что-нибудь, а?

ну, хотя бы из сочувствия больному человеку

К Жасмин:

Меня ужасно радуют Ваши письма, и вдруг захотелось перейти на «ты»... Но все-таки что-то мешает...

А может, у меня просто в последние дни хорошее настроение, и вообще, и потому что появилась надежда (даже чуть больше чем

надежда), что перевод, наконец, издадут. А когда у меня такое настроение, это как состояние первой влюбленности. А хотите, я pošлю Вам этот перевод? По частям. Есть ли у Вас время и желание читать? А Вы мне честно-честно-честно, без всяких скидок и реверансов скажете все, что захотите о нем сказать: интересно ли Вам, интересно ли вообще, и для российского читателя, и как сам перевод, и вообще, все интересно. И важно.

целую

А что моя картинка, так и не пришла еще? Вообще-то я послал ее с уведомлением. Надеюсь, не украдут для Третьяковки...

Что касается брака, то опыт учит, что всё, увы, «устаканивается». Но мне нравится Ваша любовь к свободе. Это мне по душе.

28.9.

Наум, привет!

Я получил еще вчера первую главу твоего перевода по E-mail'у от «Гешарим» с сопроводительным письмом следующего содержания:

«Здравствуйте, Матвей! Обращаюсь к вам из редакции иерусалимско-московского издательства «Гешарим», по рекомендации Наума Ваймана, чей перевод романа Якова Шабтая «Эпилог» мы готовим к печати. Хотелось бы предложить Вам произвести вычитку рукописи (легкая редакция + корректура), но для этого необходим образец Вашей работы. Я посылаю Вам первую главу книги с просьбой сделать любые 10 стр. по Вашему выбору.

Вы можете обсудить все необходимые подробности с зав. московской редакцией, Инной Демьяновной Авлиной: тел. ..., e-mail

С уважением, Менахем Яглом

зав. редакцией «Гешарим», Иерусалим»

Надеюсь сделать правку за 3–4 дня; хотя там работы на полдня, я, к сожалению, смогу править только урывками, после разноски, т.к. все ближайшие дни у меня заняты. Думаю взять для «легкой редакции» (это, наверное, такая редакция, за которую платят слегка) самое начало романа — первые 10 страниц. Если хочешь, могу выслать правку предварительно тебе. Или как?

Что касается Розанова (не книжки, которую, надеюсь, тебе удастся пристроить, а литератора), то твое второе суждение о нем показалось мне более взвешенным, чем первое. Тем не менее, и в нем слышится мнестораживающий оттенок экзальтации: то Розанов такой весь из себя гениальный, то евреи такие ни на кого непохожие («великие и ужасные»). Я, пожалуй, может, даже (когда-нибудь) и соглашусь, что то и другое верно, но хотелось бы перейти, наконец, от «дискурса изумле-

ния» к просто дискурсу, то есть к дискурсивному мышлению. А то получается у нас, батенька, больно непритязательный вид спорта: бег по кругу впечатлительных старперов. (К себе отношу эти слова в такой же степени, как и к тебе.)

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Не забудь, что любой «дискурс» начинается с изумления. И что делать, оное по-прежнему вызывает у меня этот гениальный писатель.

Я рад, что в «Гешарим» сработали оперативно. И связью с Инной Демьяновной, может, и не стоит пренебрегать, вдруг и здесь что-то «отколется». Так что думаю, что затягивать с работой нет смысла, тем более что и «скорость» может оказаться аргументом.

Читая твою правку, старый троечник краснел и бледнел. Так что спасибо, твоя работа мне просто необходима, и я поэтому «лично» заинтересован в том, чтобы тебя «выбрали». Тем более что с тобой могу и обсудить некоторые детали. Дело в том, что особенностью стиля этого романа является неожиданная остановка в плавном течении фразы и «перескок» на другую мысль, которая прежнюю дополняет или поясняет, а то и вовсе к ней не привязана, вроде как «отвлекся» человек, то есть попытка построить фразу, подражая скачкообразности мысли. Поэтому я еще подумаю над правкой в первой фразе романа, эта фраза вообще очень важная, здесь сразу возникает «заявка на стиль», и, откровенно говоря, как я с ней ни возился, так и остался неудовлетворен, даже и после твоей правки.

Всегда твой
Наум

От Л.:

я заглянула на Анину страничку, думала её фотку посмотреть, но не увидела.

а вообще она уникальный экземпляр, достойный представитель молодежи...

а поклонник из Цфата тоже интересный? как рассказ?

а вы кровавые налёты делаете в той же гостинице?

Да, в том же «Империале», там уже все улыбаются, когда мы заходим.

А фотки Аниной к сожалению нет на ее страничке, но я надеюсь, что она сделает, надо будет подать ей эту мысль...

Рассказ был почти готов, но я отложил его в связи с переводом, а пока он «лежал», еще всякие идеи добавились, так что пока не знаю. А тут еще Цветков приезжает, боюсь, что не вовремя, как раз дел полно...

Наум, привет!

Давай договоримся сразу об одной вещи. Я не сомневался, что правка вызовет у тебя во многих местах сомнения, а то и раздражение: с авторами иначе не бывает. Поэтому надо раз и навсегда установить статус моей правки: если не считать очевидных исправлений по части орфографии и пунктуации, то вся остальная правка — это вот что: я просто указываю тебе на те места в тексте, которые вызвали у меня затруднения при чтении (а если вызвали у меня, то, вероятно, так же воспримутся и многими другими), и предлагаю возможный вариант их исправления, не более того. Дальнейшее зависит от тебя, и только от тебя. На основании опыта (местами и внутрисемейного) я пришел к твердому убеждению, что дальнейшую судьбу правки обсуждать с автором не имеет смысла (разве что он сам уж очень попросит); более того, я не только не «настаиваю» на своей правке, но никогда не «проверяю», воспользовался ли ею автор и каким образом (считаю, что это просто не мое дело). Поэтому я и в дальнейшем, с твоего позволения, буду править как считаю нужным, а ты воспользуешься (или не воспользуешься) правкой по своему усмотрению.

Теперь хочу посоветоваться с тобой относительно порядка своих дальнейших действий. Должен ли я отправить текст по E-mail'у на адрес Яглома, или на адрес Инны Демьяновны, или на оба адреса сразу? Или лучше сначала позвонить Инне Демьяновне по телефону и задать ей соответствующие вопросы (судя по индикации на полях письма, Яглом отправил ей копию письма ко мне с приложенным текстом первой главы). Был бы тебе признателен за скорый совет.

Всегда твой,
Матвей

29.9. Позвонил Р. «Жду не дождусь до послезавтра, соскучилась...».

Наум, привет!

Я воспользовался твоим советом и послал правку Инне с небольшим сопроводительным письмом, а копию всего этого хозяйства отослал Яглому. Позвоню Инне в понедельник, если не получу раньше от нее ответа по Емеле.

Главу 2 получил.
Всегда твой,
Матвей

30.9.

— Вот ты не позвонил, а я испереживалась, прям как жена, что с тобой, может, что случилось, как себя чувствуешь, нет так нельзя (сказала это очень серьезно, и как бы себе), это уже... нельзя так. Не могу больше жить на три дома...

От Л:

а человек и не должен себя исправлять, наоборот чем хуже, тем лучше, тем больше кли /желание/. это как семя, когда его сажают в землю, оно должно полностью сгнить, а уж потом прорастает... ведь всё что написано в Торе не имеет никакого отношения к нашему миру, а только к духовным мирам. поэтому, когда ее перевели на греческий язык, раввины порвали на себе одежды и объявили траур. а Израэль — это такое состояние души — яшар ле Эль¹. просто твоя душа ещё не готова, не догнила...

хочу уже рассказ...

ладно, пусть гниет пока, авось запах проберет кого-нибудь.

Сегодня говорил с Гольдштейном: Зайчика больше нет (не выяснил, пошел ли на повышение, или вообще ускакал), у них теперь коллективное руководство (в «Окнах»), просил «дать что-нибудь», ну, я не против. Вот, готовлю, переделал старую статью, которую Зайчик раньше не взял, и может быть, дам кусок из романа, а там посмотрим.

From: jasmine

хотите пошлю Вам Колькину фотографию? у меня получился хороший портрет

конечно хочу

2.10. Гостиница. Все тот же клочок моря за окном.

Первый раз, как ни старайся, всегда только прелюдия. Закуска. Главное блюдо — на второе. Наконец ей удалось высосать из меня. Долго мучалась. Я не сопротивлялся. Только удивлялся, как ей не надоест. Волосы у нее слиплись, яростная улыбка, и все, что вылилось, размазала языком по всей округе... Лежу мокрый... «Потрогай мне, я ужасно возбуждена...» И действительно, на таком чудесном инструменте я никогда не играл: каждое прикосновение пальцев вызывало гудение органа в соборе. И вдруг я почувствовал, как откуда-то из недр брызнуло на мой палец что-то теплое и густое: неужели они кончают, как мы?

Рассказ о какой-то Броне (я был в полузабытьи), из-за которой утопился еврейский юноша, потом о Лиле, которая подцепила «молодого»

¹ Прямо к Богу (*ивр.*).

на танцах, а он после «дела», повез ее в «каньон», шмотки себе покупать. Но та, не будь дурой («я всегда была давалкой, но не содержалкой»), сказала, что деньги и «картис»¹ дома забыла.

Ира Гробман звонила, вышел мой рассказ на иврите.

Вечером позвонил Миша. Получил письмо. «Я подумал, и решил, что ты прав. Мне легко издалека рассуждать».

Неожиданно позвонила Светлана Шенбрунн, пригласила 21-го на вечер Амира. Устраивают в библиотеке Форума.

Наум, привет!

Докладываю, что позвонил вчера Инне Демьяновне в московскую редакцию издательства, но не слишком удачно в том смысле, что саму Авлину не застал, а поговорил с какой-то девицей, видимо, ее сотрудницей. Эта девушка, после того как я представился, забросала меня вопросами по четырем позициям: 1) кто такой Шабтай? 2) кто такой Вайман? 3) кто такой я сам и 4) почему текст такой чудной (слишком длинные фразы, «не выделена, как положено, с красной строки прямая речь», предложения какие-то «разбросанные» и т.п.)? Изю всех этих вопросов (в связи с которыми я, как ты понимаешь, охарактеризовал всех троих, а особенно третьего, с самой лучшей стороны) меня насторожил, естественно, четвертый. Я как мог объяснил, что, видите ли, это у него стиль такой, в нем-то весь и цимес, и Шабтая нужно переводить либо так (с соблюдением всех «странностей», то бишь «художественных особенностей»), либо никак. На что дама немного помолчала и пригласила меня на вечер дочери Зускина (в рамках театрального фестиваля памяти Михоэlsa). Теперь у них есть мой E-mail и телефон, обещали связаться как только, так сразу... Кажется, я имею шанс оказаться между двух огней: переводчику моя правка будет казаться чрезмерной, а главному редактору — недостаточной. Кстати, объявилась тут на горизонте некая Елена Римап (кажется, она преподает в Иерусалимском университете) по бахтинским делам, говорит, что с тобой знакома.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Дадим им время «повариться в своем соку», то есть снестись с Иерусалимом для «согласовок». Я сегодня позвоню Яглому, может, что и вы-

¹ Карточка (*ивр.*), в данном случае банковская кредитная.

ясню. Если будешь общаться с Авлиной лично, можешь ей мою книжку всучить, пускай знает, кто такой Вайман. Только пусть в штаны не надевает (как редактор и как женщина).

Сочетание Елена Риман мне незнакомо. Может, она слышала мое имя, прогремевшее по холмам иудейскими?

А как она выглядит?

Всегда твой

Наум

Заехал к Гольдштейну, отдал ему статью и отрывок из романа. Погулять не удалось, он весь в делах, оказывается, его назначили исполняющим обязанности главреда, «с испытательным сроком», добавил он, покривившись. А Зайчика просто шуганули. Хотят сделать «Окна» «повеселей». «Вы уж, Наум, подберите что-нибудь повеселей, — попросил Гольдштейн (шла речь об отрывке из Шабтая). — Поступило указание весело встретить Новый год». Потом поехал к Гробманам. Гробман, устроившись поудобней и дождавшись Ирки, свернувшейся по-кошачьи на соседнем кресле (мой взгляд, как я не уводил его в сторону, все время уныло возвращался к ее круглым коленкам), посмотрел на меня тяжелым немигающим взглядом и начал свою очередную проповедь о том, какую революцию произвело в Израиле «Зеркало» на иврите, как это всех потрясло и как все теперь наперебой хотят у них напечататься. Посреди проповеди Тимур вдруг залаял на кого-то за дверью (а когда Тимур лает, говорить бесполезно, не услышишь), и Гробман заорал на него страшным голосом. Потом зашел разговор о том, что они теперь (Гробманы) центр русскоязычной жизни в Израиле, что в Москве «Зеркало» тоже очень уважают, а вот другие, например, Мишка Вайскопф (Мишка еще ничего, а Ленка¹ ужасно агрессивна) не сумели. Им деньги-то дали на молодежь, а Вайскопф этого не любит, молодежь всякую, и потом они не литературой занялись, им это чуждо, а филологией, а «Зеркало» занимается чисто литературой, вот почти наш «круглый стол», сказала Ирка, интересно, что ты скажешь. Потом зашел разговор о книгах, что, вот, хмыкнула Ирка, у «Полины» в Иерусалиме, говорят последняя книжка Бокштейна идет по 80 долларов, представляешь? И тут покатились бочки на Бокштейна, что он графоман, что его авторитет раздут, что его возвели в «первые авангардисты», потому что здесь вообще никого не было, на том убогом фоне... Кажется, Гробман расчищал территорию для собственного возведения в «первые». Ну, почему, говорю, никого не было, Волохонский., тут пошла пальба по Волохонскому, что, мол, «так себе». Тарасов?! Да ты что, правда, мы его напечатали... Пришлось сдать им и Бокштейна, и Волохонского, и частично Тарасова, с трудом цепляясь за противоречивый факт публикации последнего

¹ Лена Толстая, супруга М. Вайскофа.

в «Зеркале». Вспомнили и Генделева, который де им недавно звонил. А что, говорю, он действительно советником у Березовского? Гробман высказал предположение, что этот хлестаков просто «советник» при Деме Кудрявцеве, а Дема и Носик чего-то там пишут для каких-то там «олигархов». Убедившись, что культурно-воспитательная работа проведена на высоком уровне, правильное мнение запущено по очередному каналу, они перешли на более легкие темы. Я при этом вышел из-за стола и зашел в соседнюю комнату-студию, где на подставке стоял очередной шедевр Гробмана «Последние небеса»: черная птица поднимается в темно-синем небе к белому кругу. Картинка из мультика. Сказать было нечего. «Вон там, внизу еще домовые ебутся, — сказал Гробман. — Да куда смотришь! Вон там!» В углу была картина чуть поменьше: две странные птички с круглыми совиными глазами, тоже на синем фоне, повернув головы, глядели на зрителя, одна птичка сидела на другой. Ира принесла «Зеркало», израильский журнал «Гаг» (Крыша) с моим рассказом (с их подачи вышел, ничего не могу сказать) и «Левиафан» Гробмана, книга только что издана в НЛО. Я уж подумал, что расщедрились, но книгу мне только показали. «Не, не могу, — серьезно сказал Гробман. — Может, из Москвы привезу. Посмотри индекс. Да куда ты смотришь, знаешь что такое индекс?» — «Ну, список имен...» — ответил я неуверенно. «Посмотри, сколько имен!» Да, список имен составил полтора десятка страниц. Уже на выходе меня одарили Уитменом без обложки, у Гробмана было хорошее настроение, в таком настроении он становится щедр. «Ты карандашами пользуешься?» «Пользуюсь», — осторожно сказал я, еще не понимая, куда он клонит. «Вон там, возьми себе. Да вон, около картины. Да возьми не сколько». «Спасибо», — сказал я как вежливый мальчик.

3.10. Позвонил Барашу. «Что в Москве?» — спрашиваю. «Ну чего, Москва... настоящая столица третьего мира». Он ездил с Ирой и сыном. Мать оплатила. Продала офис — первый этаж особняка на Таганке. Зашел тихий человек и сказал: вы слышали, что у вас соседний дом сгорел? Я вам советую продать офис.

От Л: ты теперь не только работой завален по горло, но и поклонницами и почитателями. Статью, когда закончишь, пошли мне пожалуйста. И скорейшего догнивания...

Когда в Москву?

Ну, насчет поклонниц да почитателей — это ты хватила.

Вчера был у Гробманов. С их подачи напечатали мой рассказ «Солдатское», на иврите, в журнале «Гаг», я перевел как «Пьют цвай¹». Перечитал — вроде ничего, смешно. Еще отвез вчера Гольдштейну статью

¹ Солдатская поэзия (*ивр.*).

(Зайчика скинули, и он теперь и.о. главного редактора в «Окнах», во как) и отрывки из Шабтая. Статья старая, та, что Зайчик забраковал, а Подражанский заныкал, называется «Ресентимент».

А в Москву с пустыми руками не поеду. Вот Бараш вернулся, сегодня болтал с ним, четыре вечера у него было. Но у него там полно друзей. А вообще, говорит, все как-то серовато, в литературном смысле. А еще Файнерман звонил, получил письмо, сказал, что «я прав», «ведь ты, Наум, уже четверть века живешь в другой стране». Да...

К jasmine.

Вот завяжу с переводом, потом «отгуляю» с Лешей Цветковым (я вам писал, что приезжает ко мне на неделю) и тогда уж добыю рассказ, не будь я Шипучин. Такие вот будни. Кстати, вот его, Цветкова, стихотворная поступь (медь торжественной латыни):

Мы стихи возвели через силу
как рабы адриановы Рим
чтоб грядущему грубому сыну
обходиться умелось без рифм.

4.9. From: jasmine

Наум, спасибо за Ваши письма... даже не знаю, почему мне так приятно их получать, читать...

стихи Вашего друга интересны, но кажутся мне слишком напыщенными...

как греческие трагедии, что ли...

я люблю стихи «от избытка» / «от избытка чувств говорят уста»/...

вот, например:

Мне нужна красота позарез —
Чтоб до слез, чтоб до звезд, чтобы гордо!..
Опускается солнце за лес,
Словно Бог с перерезанным горлом.
/М. Анчаров/

или вот еще понравилось (сегодня нашла):

Я потерял чувство чёрного юмора
Мой отличительный признак —
Герб моего выпендрёжа
На него бы ты клюнула

/это, конечно, не совсем то... не знаю, чем понравилось... может, просто про меня.../

как всегда, жду Ваших отзывов...

Ответ:

Стихи всегда от избытка (чуйств-с), даже плохие. И Вы интуитивно правы по отношению к Цветкову: «напыщенность» и «греческая траге-

дия», да, в его «поступи легионов» есть пафос, но мне он нравится, это стильный, стилизованный, отрефлектированный пафос, даже чуть иронический.

Дальше к западу гулкие стены,
Переплеты асфальтовых жил.
Так простимся по-доброму с теми,
Кто в отчизне меча не сложил.
Злобный ветер провыл над Сенатской,
Над сугробами воска-сырца.
Стали ментики — рванью солдатской,
Темным торфом — живые сердца.

Ну и т.д.

Ваши письма мне тоже приятно получать, я всегда рад им.

От Л: так что Гольдштейн теперь вместо Зайчика? статью помню, я её читала, когда мы в Пальмахим кофе пили у араба под барабанную дробь, помнишь?

Как рассказ? я жду его, а фотку давай, интересно...

Ответ:

Да, Гольдштейн вместо Зайчика, люди растут на глазах... Статью я чуть изменил, но не существенно. Если напечатают, пошлю, похвастаюсь. А рассказ надеюсь добить после того, как Леша уедет, после 15.

В «Окнах» интервью Гольдштейна с Гробманом. Позвонил Гробману поздравить с удачным интервью, потом с тем же — Гольдштейну. Сказал, что придется мне уступить ему интервью с Цветковым. «Ну, мы можем и разговор втроем сделать», — дипломатично предложил Гольдштейн. Я сказал, что думал об этом, может, и стоит попробовать. Рассказал, что сделал «разговор» с Тарасовым, но боюсь, что не получился. А он поделился, что взял интервью у Генделева, который сейчас приехал на короткое время. Где и чем Генделев занимается так и осталось тайной. «Наш Рембо, — говорю. — Бросил поэзию и ударился в приключения. Мечтает стать Рэмбо?» — «Я не спросил», — сказал Гольдштейн. — «А вообще, он как-то интересуется литературной жизнью?» — «Только приватно, на литературных застольях». — «С кем пьет?» — «С Рубинштейном, Кибириным, Аксеновым, с Аксеновым прямо-таки дружит». — «Что ж, уважаемые люди». Перешли на Москву. Поведал ему о байках Бараша про столицу. «А мне он, — пожаловался Гольдштейн, — после приезда не позвонил. Как будто все обижается на что-то. А я позвонил Кукулину насчет него, и вообще оказал ему несчетное количество мелких услуг». (Бараш рассказал — об этом я не поведал — , что Кукулин спросил его, как он относится к последней книге Гольдштейна, на что

Бараш сказал: «Не заставляйте меня быть искренним», рассказывая этот эпизод Бараш засмеялся. Еще у него был разговор о Гольдштейне с Александром Ивановым, редактором Ад Маргинем, и тот якобы очень точно все понимает, «так же как мы»). «Я запомнил два момента в его рассказе, — говорю Гольштейну, — что литературная жизнь в Москве показалась ему “неинтересной по тональности”, то есть на тамошних тусовках по-прежнему упрямо господствует концепт, соц-арт, эстрадность, ерничество, так что его, Бараша, “тональность” прозвучала как очень необычная. Его впечатление, что в России больше никто не пишет “серьезных” стихов, человеческих, о себе, без оглядки, и этом смысле он, Бараш, действительно выгодно отличается, пытается хотя бы писать “настоящие стихи”». Гольдштейн кивнул. «А второй момент, что Кукулин ему сказал, мол, русская литература сегодня находится между двумя полюсами: между Анечкой Горенко и Гиршовичем». — «Он, наверное, имел в виду зарубежную?» — «Я тоже спросил Бараша, но он говорит, что Кукулин имел в виду всю русскоязычную, и ему показалось забавным, что на обоих полюсах “наши”». — «Это странно, — неожиданно заволновался Гольдштейн. — Я должен вам сказать, что Кукулин все-таки поразительно непонимающий человек, в литературном смысле, ну совершенно, я это и из нашей беседы понял...» — «Однако его назначили завотделом практики в НЛО...» — «Да, я знаю, и тем ни менее, у него совершенно странные вкусы».

5.10. From: jasmine

нужно объяснить, показать человеку, что именно плохо... как ни странно... казалось бы, читай хорошие стихи, и сравнивай... в чем проблема? на самом деле, я долго не умела различать интересные и не интересные фотографии... и делала неинтересные, в основном... до тех пор, пока не объяснили... увидела, только, когда рассказали, что вот здесь нет личной позиции, здесь — не хватает конфликта, здесь — хромает композиция...

хочу Вас видеть

кстати, по поводу стихов... наверное, Вы правы... просто я не люблю, когда человек слишком серьезно относится к себе, к своим переживаниям...

«Жизнь — как коробок спичек... относиться к ней серьезно — смешно... относиться к ней несерьезно — опасно...» (Акутагава Рюноскэ)
truly yours

Прибываем во вторник утром, как и собирались.

Alexei P. Tsvetkov

Ответ:

Портреты вывешены, красная дорожка расстелена, почетный караул выстроен, ноты оркестру розданы, помидоры замаринованы. Ждем-с.

Кстати, если у тебя есть экземпляры твоей последней книги прозы, то возьми парочку (напрашиваюсь на подарок).

Вале привет.

Матвей, привет!

Псылаю тебе две оставшиеся главы романа. И мне еще надо написать предисловие.

Есть ли какие-то новости от Авлиной? Здесь мне пока не удалось ничего пронюхать. В «Окнах» у нас перемены: Зайчик ускакал, и вместо него пока Гольдштейн. Это облегчает доступ. Он уже взял статью («Ресентимент»), которую газета так и не напечатала, а также отрывок из перевода. Соответственно пришлось несколько дней этим заниматься. Так что извини, что я до сих пор не взялся за Бахтина (поверь, что я и сам хочу внимательно прочитать и написать об этом), а тут еще Цветков приезжает на неделю. Через неделю начну разгребать долги: предисловие, рассказ, Бахтин.

На Хайфский кинофестиваль приехал Роман Поланский и сказал, причем без всякой патетики, как-то очень естественно, что он рад находиться в государстве, где евреи могут себя защитить (он привез свой фильм «Пианист», о Катастрофе, который уже получил премию в Каннах). Так что есть еще на свете и среди «звезд» нормальные евреи. Кстати, позвонил Файнерман и сказал по поводу моего письма, что я прав, мне все это «ближе», а его абстрактные рассуждения «издалека» чересчур абстрактны. Прогресс.

Всегда твой

Наум

6.10. От Л:

спасибо за фотки, мне нравится её взгляд, а так простовата, не вяжется с эпистолярным образом.

Ответ Л: Постепенно эпистолярный образ налагается, почти совпадая, с визуальным. В ее эпистолярной деятельности нет ничего выходящего за рамки обычности. Разве что сексуальная раскрепощенность.

А у меня к тебе дело, в связи с предисловием к переводу: напиши (процитируй) все, что ты знаешь или читала о «еврейском» подходе к смерти, как на это смотрит иудаизм, каббала и т.д.

Чувствую, милый Нио, что ты о-очень занят. А поскольку я терпением особым не отличаюсь, то и настреливаю ответ на письмо, которое не получила. А вообще-то я ужасно скучаю, и поэтому бесконечное число раз целую тебя во все твои бороды и в прочие приятные места. Спокойной ночи. Р.

7.10.

Наум, привет!

Все главы перевода получил.

Новостей от Авлиной у меня нет. Если что прояснится, тут же сообщу. Ловлю себя на мысли, что неизвестно как вдряпался в ситуацию, когда приходится ждать какого-то там «одобрения» неизвестно от кого. Кроме всего прочего, такое положение сбивает меня с толку. Одно дело — произвести редактирование и правку «в общем виде» в спокойной уверенности, что она повысит качество текста (в смысле грамотности), а за «последние штрихи» отвечают совместно автор и издательский корректор. И совсем другое — отвечать за все точки над «и» в последней инстанции. Другая работа и другая ответственность. Кстати, при таком раскладе мне, по-видимому, пришлось бы вторично редактировать и места, подвергшиеся последующей авторской правке (вариант сказки про Белого Бычка): мало ли какие новые ошибки могут возникнуть при переработке (в издательской практике это называется 'вычитка второй корректуры'). Я совсем не уверен, что «добровольно» выбрал бы второй вариант за лишние 100 баксов (то есть уверен, что не выбрал бы). Тем более учитывая необходимость «понравиться» каким-то неведомым мне дамам, при том, что по крайней мере одна из них, мягко говоря, дура набитая. Конечно, раз уж дело запущено, я не отказываюсь ни от какого варианта, но, честно говоря, мне все это как-то не очень...

Насчет Миши Файнермана я бы на твоём месте поостерегся принимать на веру, что ты его «убедил». Я мог бы кое-что порассказать на эту тему «из личного опыта», но говорить об этом субъекте как-то уж очень тошно. Скажу только, что к «достоверным доводам разума» это отношения не имеет: М «спасается» антисемитизмом (такая, блин, сотериология).

Никакой спешки с Бахтиным нет. Ты просто можешь «принять к сведению» наличие этого текста и обратиться к нему, когда подвернется повод (если подвернется). Другое дело, что в «вопросе об авторстве» (если копнуть достаточно глубоко) его ни объехать, ни обойти. Единственный выход — взорвать. У меня, кстати, есть и рецепт детонатора: функция Жреца в ритуале. Кстати, в книге Грегори Надя «Греческая мифология и поэтика» (ее еще можно купить) есть на эту тему удивительные пассажи в связи с Гесиодом (которого он, вопреки всеобщему убеждению, считает таким же легендарным «мифологическим конструктом», как и Гомера). «Родовой эпитет поэта thearon «служитель Муз» непосредственно отождествляет Гесиода с этими богами и подразумевает не только его ритуальную смерть, но и посмертное почитание его в форме героического культа. Поэтическое слово thearon, обычно переводимое как «служитель», заимствовано из анатолийского: оно зафиксировано в хеттском варианте tarpan-alli «ритуальный заместитель, субститут». Это слово можно сопоставить с родовым эпитетом воина — «служитель [thearon] Ареса» (например, в «Илиаде»), который отожде-

ствляет героя в момент его гибели с богом войны. Таким образом, особенности культового почитания поэта Гесиода оказываются встроенными в поэзию самого Гесиода». Общий вывод Надя состоит в том, что поэт в архаическом представлении — это одновременно и жрец, и царь, и пророк, и герой, достойный культового почитания. «Заслугой поющего теогонию Гермеса /в «Гимне к Гермесу»/ становится то, что он «утверждает» этим богов, обладая независимым авторитетом наподобие того, которым обладают цари и источником которого является сам Зевс. /.../ Аполлон отдает Гермесу прорицания, относящиеся к ведению «Пчелиных дев» с горы Парнас. Эти девы тоже «утверждают»; стоит им вкушать меда, как они впадают в исступление и вещают «истину», но они же и «лгут», когда лишены этой пищи. Такое исступленное прорицание связано с бродящим медом — модель, характерная для той ранней ступени, когда понятия aoidos «поэт» и mantis «жрец, пророк» еще не отделялись друг от друга. /Кстати, добавлю от себя: мотив опьяняющего меда как «источника вдохновения» играет важную роль в поэтике Вячеслава Иванова, а через него — Мандельштама («Золотистого меда струя...»)/ Разделение сфер деятельности между Аполлоном и Гермесом воплощает последовательное разграничение поэтических функций, которые в момент, когда Гермес поет свою теогонию, выглядят еще слитыми воедино».

Из новостей одна касается Костырки: он отказался вести в сетевом «Журнальном зале» свое еженедельное обозрение. (Подозреваю, что причины отчасти «геронтологические»: заклевали «Красавчики», и поделом, нехер дедушке, хрену лысому, шастать по молодежным дискотекам). Долго готовился Серега к разговору с начальством, репетировал обоснование, а ему, недослушав, сказали: «Ну и не надо». И уехал Костырко наш в Тунис отдохнуть. Леня Бахнов тоже слинял из «Дружбы народов», устроился ge-writer'ом, то есть попросту говоря корректором, в газету «Известия»: в журнале сотрудникам уже несколько месяцев не платили зарплату. Стоило моим друзьям занять «руководящие должности в ведущих журналах» (Леня был в ДН заведующим отделом прозы), как выяснилось, что это самые безденежные, бесперспективные и гнилые места.

С переменами в смысле «облегчения доступа» я тебя поздравляю. Если бы еще знать, что такое «Окна», и кто такой Зайчик...

Про триумф Поланского в Каннах наслышаны (торжество политкорректности? похоже, для нынешних европейцев лицемерное «сочувствие жертвам Холокоста» «уравновешивает», в смысле «очистки совести», ту реальную функцию содействия Катастрофе, которую они нынче выполняют; надеюсь, у израильтян возникнет в будущем повод столь же лицемерно посочувствовать Катастрофе самих европейцев). «Пианиста» я не смотрел, но все последние фильмы Поланского разочаровывали. О чем можно только пожалеть, памятуя о его былых достижениях. Смотрел ли

ты его старый фильм «Тупик» (Cul-de-sac: буквально жопа, то есть изнанка мешка)? Лучшего юмора в кино не припомню. Куда твоему Чаплину! Кажется, и сам Поланский это понимает: в недавнем интервью он сказал, что этот фильм остается его любимым детищем. Не потускнело и «Омерзение», где юная Катрин Денёв (кажется, это был ее дебют в кино) очень убедительно разыгрывает физическое омерзение к мужчинам как к классу, что подготовило ее к воплощению бунюэлевских метафор несовместимости «любви» и «секса» (в «Дневной красавице») и взаимопроникновения «любви» и «членовредительства» (в «Тристане»).

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Честно говоря, я соскучился по нашим «чистым размышлениям», о чем ты мне напомнил цитатой из Надя (очень интересной) и лихими пробросами к Иванову и Мандельштаму. Идея об изначальной совместимости поэта, жреца, царя и героя мне весьма по душе (впервые об этом я читал в «Феномене героизма» Сафронова, книжка была для меня своего рода «зарубкой» на тернистом пути постижений), хотя я сам сейчас «копаю» с другой стороны, со стороны смерти. И на эту тему вчера с восхищением читал комментарий Кожева к Гегелю (наше все). И при этом, случайно заглянув в Батая («Гегель, смерть и жертвоприношение»), вдруг с радостью увидел точку стыка (так рельсоукладчики с двух сторон Ла Манша встречаются под толщей океана...): с одной стороны смерть «немыслима» (это и у Янкелевича) — помыслить можно только смерть «другого», — ее нельзя помыслить, но можно себе представить, а для этого требуется «представление»: жертвоприношение, зрелище, искусство. Это если в двух словах...

Насчет Миши и своей «убедительности»: иллюзий не питаю, он просто не хочет со мной ссориться, да и я с ним тоже... Насчет Поланского согласен, боюсь, что его «Пианист» — очередная лажа в стиле «Списка Шиндлера» (уже рекламные кадры с эшелонами и селекциями сильно настораживают, терпеть все это не могу). «Тупик» не помню, может и видел, но в любом случае «молодой» Поланский, конечно, был интереснее. А я вчера посмотрел по новой «Дорогу» Фелини, фильм, конечно, гениальный, такая метафора жизненного пути как столкновения яростной силы земного и победоносной беззащитности небесного, Дзампано и Мазины: он чувствует себя царем зверей, выступает, раздувает грудь, разрывая навешенные на себя цепи, но встречает существо не от мира сего, существо-мелодию, простую и грустную. Сила презирает мелодию, терзает ее и губит, но тут же впадает в тоску жуткого одиночества, ведущую его на берег ночного моря, где остается только упасть в песок и пену прибоя, понимая, вдруг, что ничего в его земной жизни и не было кроме этой мелодии.

Для справки: «Окна» — литприложение к газете «Вести», а писатель Марк Зайчик был его редактором, я, кажется, тебе уже жаловался на него, но ты правильно сделал, что забыл. А чего Костырко все к арабам шагает, нет чтоб к евреям заглянуть — такое же море и то же вино, как пел любимый бард. Ну, а ты сам, еще не накопил на билет? И плавно перехожу к нашим баранам...

Я и сам немного сожалею, что связался с этим делом (выбить из классового врага лишнюю сотню), которое ты назвал «богоугодным», но увы, классовые враги так легко со своими даже лишними сотнями не расстаются, и за них душу тебе вымотают. Мне, откровенно говоря, тоже не хочется играть роль надоедливой «проситель» (в которую уже втянулся). Так что давай сделаем так. Оставим наш прежний договор в силе, ты делаешь работу «для меня», и я тебе ее, как договорились, оплачиваю (у Альперовича уже ждут сто баксов, сегодня позвоню ему). Все остальное как получится: если они вдруг надумают подрядить тебя, так будешь договариваться с ними уже напрямую, если захочешь, а нет, так и хрен с ними.

Сегодня жду Цветкова. Соколов остался дома: очко играет, Саддамушка-то усы крутит.

Всегда твой

Наум

P.S.

Зачитался тут Кожевным, и если ты эту книжку «Идея смерти...» не читал, то могу составить тебе «реферат». Там идет рассмотрение «антропологических», а если угодно, то и сотериологических проблем (судьба человека), причем, как мне показалось, по «канве» Рувина. И хоть в некоторых местах я замечаю «стыки» и «сварки», конструкция так нравится, что неохота проверять их на прочность. Если читал, то как ее оцениваешь? Здесь Гегель какой-то неожиданный, совсем иной, чем у Лёвита, подозреваю, что сильно «кожевский», и не без Гуссерля, что впрочем, отмечено рецензентом в послесловии.

Наум

8.10. Цветковы должны были прилететь в 3.45, а прилетели в пять утра, но так и так ночь я почти не спал. Крава пошла спать, а мы с Лешей, позавтракав (он стал вегетарианцем, тех, «у кого глазки», не ест), болтали о том о сем: о планах на эти дни, об общих знакомых. Я ему дал телефон Бюро, чтобы выяснил насчет идеи израильского гражданства (потом он один раз позвонил, но на нужного человека не вышел и попыток не возобновлял, тоже «рак-отшельник», контакт с людьми его пугает). Еще он хочет как-то организовать передачу денег матери, но так, чтобы они не попали в руки брата, который все пропьет. Мать в доме престарелых в Реховоте, но он не знает, в каком. Жена встала, позавтракала и уехала на работу. Потом встала Крава. Жена позвонила с работы, она

вышла на социального работника горсовета, который занимается престарелыми, и дала номер телефона. Позвонили, работника на месте не было. Поехали, согласно плану, в Кейсарию. Сначала я завез их в музей Ралли, насчет чего Леша без церемоний высказал недовольство («это было лишне», буркнул он в то время как Крава с любопытством осматривала экспонаты), он по музеям таскаться не любит, да и устал с дороги, потом поехали к амфитеатру, прогулялись вдоль моря, мимо римского ипподрома, сфотографировались у камня Пилата (прогулка понравилась: было солнечно, но не жарко, почти безлюдно, и у Леши было много возможностей продемонстрировать древнеримскую эрудицию), потом вышли к порту, сработанному еще рабами Рима, и тут сели перекусить на берегу, в «Таверне крестоносцев». Еда произвела сильное впечатление (восточные салаты особо понравились), пошли кулинарные сравнения, воспоминания о Вайле и пражских ресторанах, было отмечено, что в Праге с этим делом «хуже». Потом я повез их к акведуку, мы с Кравой искупались, а домой вернулись часам к шести.

По пути позвонила социальный работник Марина, сказала, в каком доме престарелых Лешина мать, спросила, собирается ли навестить. Он сказал, что нет, но хочет организовать передачу денег, и только на конкретные нужды. Долго говорил с ней по телефону. Договорились организовать это через меня. Непонятно, как он себе это представляет.

На ужин выпили винца, «заполировали» итальянской граппой с последнего нашего похода, попели. Радиостанцию грозятся перевести в Ригу, Леша недоволен: Рига дыра, а Прага центр Европы, но Крава говорит: Прага себя исчерпала. Болтали о политике: террор, Ирак, «клаш цивилизайшн», Россия; о литературе: единодушно осудили как непотребный «НРЗБ» Гандлевского (Крава была недовольна, что «сплетничаем» о Гандлевском, а Леша ее убеждал, что литературная оценка не сплетня, хотя заодно и посплетничали). Террора Крава боялась, а Леша считал все это ерундой: статистика дорожных катастроф. Еще утром Леша листанул лежавший на столе последний номер «Зеркала» и выразил свое пренебрежительное отношение в такого рода литературе: «все только о себе и пишут». На что я возразил, что, во-первых, как говорил Ежи Лец, разве есть более интересная тема?, а, во-вторых, это сегодня можно сказать «основное направление» современной литературы. Леша был с этим категорически не согласен, сказал, что все это «пассе», неизжитый в Европе и особенно в России романтизм, в России вообще писать не умеют, а главное, и не учатся, что настоящая культура сегодня создается только в англоязычном ареале, прежде всего в Америке, там сегодня «великая литература» (Пинчон, Далиль), он вообще по-русски почти не читает и не пишет, потому что читателя нет, для русского читателя ему неинтересно писать, это «не его» читатель, а перейти на английский уже поздно, надо было вовремя «дезертировать», а он еще питал какие-то иллюзии, русская культура это вообще боковой рукав ев-

ропейской, прежде всего немецкой, которая в свою очередь неизлечимо больна романтизмом и безнадежно отстала, ты же знаешь, что Ницше писал о немцах, а Ницше был чуть ли не единственным настоящим философом. Гегель?! — туман!, вся немецкая философия это напускание тумана, да-да, и Хайдеггер, и Гуссерль туда же, а все эти вычурные придурки типа Фуко, Барта, Деррида — да их невозможно читать, это все сплошной выпендрейж. Он читает только американских и английских философов и за какого-нибудь Шефтсбери отдаст всю современную европейскую философию. Единственный, кого можно назвать из современных европейских философов, это Исая Берлин. Я сказал, что читал одну его статью о свободе (он тут же назвал статью) и она мне показалась очень поверхностной... «Поверхностной?! Да это самая замечательная и исчерпывающая статья на эту тему!» Точек соприкосновения нащупать не удалось.

Наум, привет!

Костырко не выбирает своих маршрутов. Будучи профессиональным халявщиком и к тому же человеком любопытным и охочим оторваться от домашних забот, он взял себе за правило ездить раз в год «за рубеж» (во что бы то ни стало, «хоть трава не расти»), но поскольку денег мало, он устанавливал связи с туристическими фирмами, давал о них рекламу («злоупотребляя служебным положением») и делал для них кое-какую работу (писал что-то рекламно-путевое), а они расплачивались с ним бесплатными путевками. Сейчас он работает по аналогичному договору с какой-то крупной турфирмой и должен отчитаться за поездку «путевыми заметками»; Тунис выбрали они, но Серега не против: любит человек экзотику.

Касательно темы смерти и роли «другого» (мотив Батая), вот тебе несколько цитат из Бахтина («Автор и герой в эстетической деятельности»): «...совершая попытку эмоционально воспринять событие моей смерти в мире, я становлюсь одержимым душой возможного другого. Событие моей смерти совершается не во мне и не для меня.

<...> Эстетический подход к живому человеку как бы предопределяет его смерть, предопределяет будущее и делает его как бы ненужным». По Бахтину, «помыслить» можно что угодно, но смерть находится «у себя дома» только в эмоционально-ценностной (а не в интеллектуальной) сфере. Слабость бахтинского подхода в недоучете архитектурной роли «жертвенника», алтаря для заклания с подобающими причиндами. Он хочет обойтись «малыми средствами»: для восприятия и «эстетического воспроизведения» смерти якобы достаточно «другого». Ан нет, недостаточно... Что касается Кожева, то я эту книгу читал, но говорить сейчас всерьез трудновато: надо бы и в самого Гегеля заглянуть. Вот сдам тебе текст перевода, и уж тогда... Срок, конечно, напряженный: боюсь, не уложусь за неделю.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Со сроками не перенапрягайся, я тебе уже писал.

Рассуждения Бахтина об авторе где-то состыкуются с рассуждениями Кожева-Гегеля-Батая. А мысль Кожева, как я ее понял, все-таки изложу, уж очень по душе (и тут не важно: Гегель — не Гегель, да хоть с потолка взял, была бы мысль), но тоже погода, до субботы я занят с Цветковым, о впечатлении от него тоже напишу, любопытно по своему...

Ну, будь здоров.

Наум

Объявление:

С 18–20 октября, в Москве, фонд «Древо жизни» проводит международный конгресс «Каббала в меняющемся мире».

9.10. Встали чуть позже запланированного, вели переговоры с социальными работниками (Леша хочет оставить мне деньги, чтобы я «выдавал» их по мере необходимости, кому?). Потом рассказывал мне по новой эту его «ситуацию» с матерью и братом. Потом я позвонил Гольдштейну и сказал, что утром не получается подъехать для интервью, перенесли на вечер, на шесть. Поехали в Иерусалим, по дороге я планировал завернуть к Барашу, так как тот на литпьянку завтра не сможет приехать. По дороге лопнуло колесо. И тут мы вспомнили, я — про себя, а Леша — вслух, что нам вместе нельзя садиться в машину, обязательно что-то случается. Я еще в Праге дал зарок вместе с ним не ездить, и вот... Но колесо поменяли, и мы двинулись дальше.

У Барашей мило посидели, хозяин демонстрировал виды Иерусалима со своего балкона, гости были восхищены, выпили бутылку красного, закусили салатами из баклажан, сырами, салаты хорошие, из Абу Гош, Леше израильская кулинария решительно нравится, поговорили за литературу, но так, «светски», согласились, что последний роман Гандлевского «ужасен», об «ихних» премиях, о Тане Толстой (Леша с ней в молодости дружил), «так что, — спрашиваю, — надо «Кысь» прочитать?», Крава отрицательно покачала головой: «Не надо». В конце Бараш подарил нам по книжке, мне надписал: «Науму». Интимно.

Возвращаться мы не стали, поехали в Иерусалим. Погуляли по району Эфиопской улицы, посидели в ресторанчике у музея Тихо. Тут я позвонил Тарасову (он был осерчавши на первой стадии: «Ну где вы там?!»), сказал, что не приедем к нему, времени уже нет. Не было уже сил на Тарасова. Еще прогулялись к Русскому подворью, вышли к старому городу. Потом вернулись к машине, и назад. Отвезли Краву домой, а сами поехали в «Вести», интервью делать. Топоровский оказался Лешиным давним знакомцем: в Одессе вместе учились в Университете. Гольдштейн был доволен интервью: резко, скандально. После интервью

зашли к Большану, он хотел с Лешей познакомиться и обсудить какие-то дела со «Свободой». Высокий, седые усы, полуприкрытые глаза. Говорит, что фамилия «итальянская», от озера Большан. А вечером еще поперлись к Мирону с Настей на ужин. Обошались.

10.10. Я устал. Поездку на Фавор отменил. Погуляли по «Иеменско-му винограднику» (Римка осталась дома, животом застрадала), потом через Удел Биньямина вышли к Аленби, прошли через рынок, на рынке выпили по стакану гранатового сока (тут уж и у меня забурчало), потом вышли к морю, посидели на пляже, пива выпили. Потом поехали обе-дать к «Ицику». Арабская кулинария, все это обилие салатов, привела Лешу в полный восторг («хорошо живете!», «Праге до вас далеко!»), мы еще араком заполировали и — домой. Вечером приехали Гольдштейн с подругой Ирой, поболтали, песенки попели. Когда Гольдштейн ушел, Крава сказала: «Никогда не видела таких зажатых людей, просто пора-зительно!» Еще бы, говорю, когда камеры Истории за тобой следят.

От Л: напомнил Кейсарию и сердце защемило

тогда такое счастье было

и я тебя любила

А что это за кафе такое у «Дома Тихо»? чего-то я запомнила

так сколько же они у тебя гостили?

три дня, сегодня отвез их к автобусу в Ашкелон, им тоже надо от-дохнуть: пляж, море. А ты что, забыла дом-музей Анны Тихо, художни-цы, у нее такие рисунки, как офорты, с пейзажами Эрец Исраэль? А ря-дом дом рава Кука, переулок этот выходит на улицу Яффо, и там, рядом с музеем, садик и в нем ресторанчик, мы там были.

Наум, привет!

Вынужден тебя огорчить в том отношении, что при ближайшем рассмотрении текст твоего перевода оказался намного более «сырым», чем это представлялось мне вначале: поэтому работа идет медленно. Высылаю тебе правку первой главы, но предварительно несколько об-щих слов о переводе. Он вполне удовлетворителен — и даже местами хорош — в лексическом отношении, но совершенно неудовлетворите-лен в смысле синтаксиса и пунктуации. С основной «художественной особенностью» текста — с вводными предложениями, обособленными при помощи запятых, — я так окончательно и не решил, что делать. Ко-нечно, хочется эту особенность сохранить, но это связано с очень боль-шими трудностями, с которыми не всегда знаешь, как и справиться. Де-ло в том, что в русском языке вводные предложения, согласно правилам, обособляются двумя способами: либо при помощи двух тире, либо при помощи скобок. Запятая — это слишком «слабый» для этой цели знак,

и если “язык принял такое решение”, то плетью обуха не перешибешь. Конечно, один текст может шагать не в ногу, но на это имеет право только сугубо “авангардный” текст, к числу которых “Эпилог”, конечно же, не относится.

Ниже приводятся образцы этих и некоторых других типологических неточностей, регулярно встречающихся в тексте. ... /Опускаю ряд параграфов с примерами/

Поскольку я осознал перечисленные (равно как и многие другие) трудности текста слишком поздно, мне пришлось вернуться и к первым десяти страницам и существенно их переработать. Первоначальный вариант представляется мне сейчас совершенно неудовлетворительным, поэтому тебе тоже обязательно придется вернуться к этим страницам и заново их переработать в соответствии с моей последней правкой. В связи с этим редакторы «Гешарима» проявят полную некомпетентность, если, прочитав пробную правку, поручат работу все-таки мне (к счастью, этого, как я понимаю, не случится). Надеюсь, когда ты взглянешь на текст и увидишь «густоту правки», тебе станет понятно, что сделать такую работу за короткий срок невозможно. Я понимаю, что моя правка может показаться тебе чрезмерной, но, положив руку на сердце, скажу: я до последнего момента надеялся «обойтись малой кровью» (и от этого малодушно обошел трудности в пробной правке), и если это не получилось, то не по моей вине (я человек все-таки добросовестный). Думаю, ты не найдешь в тесте ни одного исправления, для которого не было бы какого-нибудь объективного основания. Поэтому от тебя потребуется некоторое терпение и хладнокровие: если не увидишь оснований для правки в первую минуту, досчитай до десяти.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Ты затронул основную проблематику этого перевода. Добавлю вот еще что. Его (Шабтая) постоянные «он сказал» на самом деле (на иврите) — «и он сказал», и все его «вводные предложения» тоже начинаются как правило с «и он...» пошел, или сделал, или услышал что-то, или что-то произошло, и это «и» конечно же «стиль Библии», где постоянный союз «и» служит «выходом» в будущее время («и было так» одновременно означает «и будет так»), что в русском языке считается «высоким», или библейским стилем, такая своеобразная форма настоящего в будущем, как бы отключает течение времени... Кстати, на английский название романа «Past Perfect» тоже указывает на эту игру со временем и темой смерти (прошедшее закончившееся, т.е. закончившаяся жизнь). Но я отказался от перевода с употреблением союза «и», потому что текст становился просто «патетическим», каким он,

правда, и является, но по-русски это звучит чересчур выпендренно... Так как выделять вводные? Скобки показались мне чересчур сильным выделением, а обилие тире (как и скобок) напугало, в результате я остановился на запятых, как в тексте, но по твоим примерам вижу, что и это не проходит. Сам я, видимо, замечать этого «не пожелал», находясь под влиянием ивритского текста (попытка самооправдания...). Короче, дело сложное. Твой способ «сочетания» я сейчас проверю (еще не читал).

Если говорить практически, то твоя работа оказалась сложнее, я фактически взвалил на тебя и творческие проблемы. Это одна из причин, почему я хотел раскулачить «классового врага», который пока ни мычит ни телится (Яглом так и не отзвонил). Боюсь, что «московскую редакцию» текст несколько «озадачил». Если не напугал.

Ладно, с оплатой мы так или иначе сочтемся, так что пока продолжим, если ты не возражаешь. Кстати, ты звонил Альпровичу?

Всегда твой
Наум

От Л: место хорошо помню, а вот подумала, что название «дома ти-», в смысле тишина и покой, смешно получилось...

А я похудела на 10 кг. чем тела этого меньше, тем душе легче.
Как рассказ продвигается?

13.10.

Наум, привет!

Мои «жалобы» на трудности, в том числе и, как ты выражаешься, «творческие», имели целью, во-первых, обратить твое внимание на необходимость еще как следует поработать над текстом (сначала мне, а потом тебе после меня) и, во-вторых, объяснить, почему дело идет медленнее, чем ожидалось (то есть оправдаться). Целей вымогательства я перед собой не ставил: 100 \$ меня вполне устроят, тем более что наиболее ответственная часть работы — «окончательная доводка» — ляжет на тебя. Я даже подумал, что для пользы дела будет лучше, если текст (после тебя) просмотрит «нормальный» профессиональный корректор, да и редактор не повредит, однако «нормальных» редакторов на свете, увы, не так уж много: это уж как повезет.

Как протекает общение с Цветковым?

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Конечно же, я внимательно просматриваю твою правку (и даже свежую с оригиналом), не все принимаю, а кое-что приходится править дополнительно, то есть нахожу у себя ошибки перевода, которые рань-

ше не замечал, так что все это крайне для меня полезно и важно — хочется сделать «вещь». Так что еще раз спасибо, это не только работа, но и дружеская услуга.

С Цветковым общение было любопытным. Мы сделали (я и Гольдштейн) «двойное» интервью с ним для «Окон». Оно должно выйти на неделе, а может, и через неделю, если интересно, пошлю тебе куски. Гольдштейн был очень доволен: сенсационное. Основные узлы такие: он полностью переориентировался на англоязычный культурный ареал (который ему зарплату платит), это настоящее и будущее мировой культуры, Европа в жопе, а Россия этой жопы придаток, поэтому ему не для кого писать в России.

По политическим взглядам он «консервативный либерал» республиканского толка (Рейган-Буш), и тут у нас как раз случилось полное единодушие («споры» о сербах забыты). Его возмущение этими «суками» (террористами) звучало вполне искренним (недалеко от того места, где мы гуляли, поймали самоубийцу, едва не взорвавшего одно из приморских кафе, думаю, что у вас передавали). Тем более что у него даже (!) есть мыслишки на старости лет бросить якорь в Израилевке. Он бы предпочел Флориду, но жене тут будет «легче».

Всегда твой
Наум

Леша надписал мне свою книгу: «Писателю будущего от поэта прошлого».

14.10.2002. Позвонил, как всегда, утром и сказал, что завтра не получится, я совсем забыл, что у меня «эргометрия», проверка сердца под нагрузкой. Когда сказал, что не получится, в трубке возникла мертвая тишина, всего лишь на мгновенье, но я почувствовал.

Вчера жуткий разговор с мамой, что ее «вытесняют», что она больше не нужна, и я, раскипавшись до исступления, кричу ей, что у нее в голове какие-то заговоры, что никто ее ни в чем не ограничивает, делай что хочешь, что она все это выдумывает, что многие люди, и тем более старики, так чувствуют, и тут ничего не поделаешь, и что мне нечем ее утешить... Я просто орал. Я не могу смотреть на ее страстное желание услужить хоть в чем-то, прежде всего внукам и мне, при том что в услугах ее не нуждаются, и все, что ей остается из «отведенных» занятий, это мытье посуды, и вот она трет ее с утра до вечера, лишь бы оставаться в гостиной, откуда все (кроме меня) убегают и ждут, когда она уйдет к себе.

А сегодня теть, с его ебаной газетой:

— Я куплю газету, Наум?

— Пожалуйста, Борис Михайлович.

— Я желаю тебе всегда быть здоровым и счастливым.

— Спасибо, Борис Михайлович.

— А что Юваленька?

— Спит.

— А Римма?

— Римма на работе.

— А как ты себя чувствуешь?

— Спасибо, нормально.

— Не забудь, чтобы ты был здоров. И счастлив. Я желаю тебе всех...

И так каждый день. У мамы — посуда, а него — газета. Кажется, отними газету, и жизнь кончится. Однажды, когда он разозлил меня, я сказал ему, что газета мне не нужна, она и в самом деле мне не нужна, так он конючил три дня, взял таки измором, и теперь опять работает незаменимым разносчиком...

Через час он позвонил снизу: «Я принес газету». Рубашка его была заляпана.

— Где это вы так испачкались, Борис Михайлович?

— Аа, мороженым. Я кушал мороженое (он иногда балует себя сладостями), и кто-то пробежал мимо...

15.10. Настроение у нее плохое.

— Что нового?

— А ничего. Это и плохо. Я вот подумала недавно: а что у меня может быть нового? Не знаю. Чувствую, что надо что-то менять, но не знаю, что...

Да знаешь, подумал я, любовника надо менять. Или всех сразу. Впрочем, поди найди любовника. Так, разве что перепахнуться. И еще к ним сестра мужа приезжает, а та уж как завалится, так на несколько месяцев.

— Во, блин, — говорю, — и Саддама не боится!

— Ужасно, представляешь? Придется мне дома не появляться. И так-то я редко бываю... Слушай, а ты мое сообщение получил?

— Нет, не видел. Приду — посмотрю.

Сообщение: «Милый НИО, ты самый очаровательный поросёнок на свете!».

Наум, привет!

С Альперовичем договорился предварительно на среду; как получу деньги, сразу сообщу.

В четверг (то есть послезавтра) Мила уезжает на десять дней в Америку на Лосевскую конференцию, где выступит в качестве key speaker'a (ключевого докладчика). Мне пришлось в последние дни помогать ей доводить до ума доклад («Радикальный лингвофилософский проект

А. Ф. Лосева»), поэтому работа над Шабтаем, и без того продвигавшаяся медленно, на время застопорилась: поэтому высылаю пока только Вторую главу (см. второй приложенный файл).

То, что ты пишешь о Цветкове, очень любопытно, хотя он и не производит впечатления «надежного эксперта» ни в какой области (например, обнаружить «туман» в Гуссерле может только человек, который его никогда не читал; почти все его остальные оценки показались мне столь же экзотичными и «ситуативными»). Впрочем, за «консервативный либерализм» и любовь к Исаяе (который, конечно, отнюдь не «глубок», но все равно «очень мил», а местами «весьма суггестивен») все прощается. Относительно же «НРЗБ» я вообще не понимаю, как это можно читать: Серега оставил у меня эту книжонку, но я не смог продвинуться дальше двадцати страниц — от стыда за автора: вот уж отработанный пар. Надолго ли приехал Цветков?

Всегда твой,
Матвей
P.S.

Получил только что письмо от Яглома следующего содержания:
«Здравствуйте, Матвей!

Текст раскрылся без проблем, Лене я его на днях передам.

Правка Шабтая — Ваймана, на мой взгляд, отличная. Я написал об этом Инне в ГТ в Москве, теперь Ваш черед с ней связываться и заключать договор.

С уважением,
Менахем».

Как еще мне «связываться» после того, как я позвонил и продиктовал им номер своего телефона (E-mail address у них тоже есть), и получил заверения, что они свяжутся со мной «в ближайшее время», я не знаю. А навязываться — не мой стиль. Менахем очень мил, но трудно доверять стилистическим оценкам человека, который пишет слово «здравствуйте» столь странным образом (и уже второй раз).

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

По-моему, все идет хорошо. А что Яглом не стилист (сноб ты, однако, уж нельзя еврея немножко русский язык поправить, кстати, этот Яглом чуть ли не сын советского академика, уже забыл в какой области, кажется, физики), не мешает ему быть важным передаточным звеном. Так что смири гордыню и свяжись с ними, тем более что письмо хороший повод для этого. А заодно и с Леной контакт не помешает, тем более что она уже тебя знает и, полагаю, с лучшей стороны (впрочем, друзей у тебя не замечал!).

Первую главу сегодня закончу. Тогда уже можно отдавать ее Инне как исправленную (и подлежащую оплате).

Уже переправив все «сказал» на «удивился-пожал плечами-ответил», опять засомневался: теряется этот библейский оборот «и сказал», в Библии тысячи раз повторяется («вайомер Адонай...»), и ничего...

Я очень рад за Милу и за ваши, можно сказать совместные успехи. Передай ей мои поздравления. А Цветков был (у меня) всего три дня, но время прошло интенсивно, я даже подустал. Потом они уехали еще на два дня к подруге жены в Ашкелон. Он уже в воскресенье с утра вернулся в Прагу, и с тех пор ни слуху ни духу: странные люди, какой-то «минималистский» стиль, особенно если учесть, что он взвалил на меня весьма деликатные семейные поручения. Не то чтобы я обидчивый, но тут, понимаешь, из города в город переедешь, и тебе звонят: как доехал, да и ты сам звонишь, благодаришь, если тебя принимали.

Вчера посмотрел по российскому ТВ (ОРТ) фильм о Шолохове (первую серию), имеющий целью доказать подлинность его авторства «Тихого Дона», в частности, приводится аргумент такого рода: Шолохов де всю жизнь, а особенно после публикации первых двух книг в «Октябре» (Серафимовичем), был под колпаком у НКВД, и его прошлое и настоящее были совершенно прозрачными, и если бы он не был автором «Тихого Дона», то это стало бы известно Сталину, и даже если бы этому делу не дали бы хода, в любом случае упоминания об этом сохранились бы в архивах.

К тому же первые две книги были встречены резкой критикой как «кулацкие» и сочувствующие «белоказакам», при этом рассказывается, что слово «казак» было синонимом слова «враг», а Троцкий (передача шла в сопровождении документальных кинокадров) был одним из беспощадных гонителей казачества, особо усердствовали в критике рапповцы, при этом несколько раз показывается коллективная фотография «гонителей казачества» с почти сплошь еврейскими физиономиями. Третью книгу «Тихого Дона» вообще запретили к печати, и над Шолоховым навис домоклов меч НКВД (которое его особо преследовало, и Ягода называл его в глаза контриком). Из лап НКВД Шолохова спас Сталин. Шолохов писал письма Серафимовичу, Горькому, но все они не возымели действия. И тогда он написал Горькому письмо, в котором раскрывал «тайный» замысел романа: борьба с троцкизмом. Горький показал письмо Сталину, и начался уже роман Шолохова со Сталиным (недавно вышла книжка с их перепиской, видал ли?), который встречался с ним больше, чем с любым другим писателем СССР (12 зарегистрированных личных встреч и несколько «общих», например, в присутствии Горького). В общем, идея такова: Шолохов сыграл на сталинском антисемитизме и «любви» к Троцкому, представляя себя борцом с троцкизмом, а Троцкого — ответственным за геноцид казачества. Не знаю, какое это имеет отношение к подлинности авторст-

ва. Ни за что не поверю, что парень двадцати лет с хвостиком, да еще «деревня», может написать такой роман. А как ты считаешь? Видел ли фильм?

Всегда твой
Наум

Леша, привет!

Как отдохнули в Ашкелоне, как долетели?

Фотографии готовы, получилось нормально. Перекинь почтовый адрес, я пошлю.

Звонила Марина, социальный работник, дала номер счета, на который перевести деньги, и при этом я передам ей копию перевода с указанием, что это для Беллы Цветковой (так мы с Мариной условились). Если у тебя нет возражений (извини, что переспрашиваю, но в денежных делах лучше быть точным), то я так и сделаю.

Сердечный привет Краве.
Всегда ваш
Наум

Наум, привет!

Я наступил на горло собственному снобизму и, смилив гордыню, написал — и уже отправил — Инне Демьяновне письмо с цитатой из Яглома (чего никогда не сделал бы, если бы дело касалось меня одного).

Фильма о Шолохове я, к сожалению, не видел. В том, что именно он написал «Тихий Дон», я никогда не сомневался; хотя «классовое чутье» требовало относиться с сочувствием к тем, кто ставил его авторство под сомнение, но все работы «критиканов», среди которых отличились и два израильянина, выполнены на очень низком филологическом уровне и ничего не доказывают. Сюжет «Троцкий и казаки» (вариант «Свердлов и казаки») относится к числу самых кровотокающих в «русско-еврейской распре». Думаю, ни из одного другого обстоятельства советской истории не было извлечено столько антисемитских дивидендов. Безусловно, вся эта жидовская рать совершила бесчисленное количество злодеяний, подпадающих под статью «Преступления против человечности». И все же те, кто говорят о «геноциде казачества» (а говорят именно об этом), передергивают карты: Троцкий — так ему, по крайней мере, казалось — принимал активное участие в уничтожении не «народа», а «реакционной социальной прослойки». Если кто-то скажет, что хрен редьки не слаще, и погибшим от этого не легче, я спорить не буду. Более того, любое «деяние с активным участием евреев», совершенное в рамках большевизма и, шире, в рамках какого бы то ни было публичного активизма, неизбежно будет трактоваться коренным населением как «геноцид русского народа». Евреи почему-то не хотели понимать этого тогда и не хотят понимать теперь. Бешеная активность евреев в нынешней России

приводит в ужас. Оставим в покое Березовского. Но трудно даже передать, что творится в такой тихой заводи, как филология. Конечно, я не сравниваю Кациса с Троцким, боже упаси, просто говорю о близко касающемся меня факте, который состоит в том, что Кацисы-Фельдманы довели атмосферу в русском филологическом сообществе до точки кипения. Впрочем, ничего «трагичного» в приводимых ниже материалах нет, напротив, они комичны: история, как известно, повторяется в виде фарса. Итак, привожу для твоего развлечения две картинки с «филологической выставки» (см. приложенный файл «Кацис»).

Всегда твой,

Матвей

Скандал вокруг Мандельштамовского общества

(Избиение Мазура)

РОМАН ФИЛОЛОГА В ДВУХ ПИСЬМАХ

или

правдивая история про то, как побили сотрудника «Литературного обозрения», как коллектив журнала отстаивал и не отстоял свою честь... /описание склоки не привожу/

16.10. Смеется, настроение уже лучше.

— Ты знаешь, я, наверное, ведьма! Сестра не придет! В больницу попала. Что-то с сердцем, ха-ха-ха! Это ужасно, но я так не хотела, чтобы она приезжала!

Матвей, привет!

Твои описания «филологических» разборок замечательны (годятся в сборник «Евреи в русской литературе»), особенно письмо о рукоприкладстве. Непонятно мне только одно: для чего жулики рвутся в филологию, капиталы в этой области, кажется, не сколачивают, да и слава в очень уж «узком кругу».

Кстати, насчет капиталов (и евреев), не видел ли ты фильм «Олигарх»? У нас он назван (по ТВ) антисемитским. Наверное, купят, так что посмотрим. Главный герой (судя по отрывкам) на Березовского никак не похож, Березовский как-то «гаже». Тут недавно было интервью с Генделевым (в «Окнах», Гольдштейн брал, под шапкой «Кондотьер», а если ты, обижая весь наш край, опять спросишь: а кто такой Генделев, то замечу, что это наш «национальный поэт», конечно, в масштабах русскоязычной репатриации), который уже несколько последних лет подвизался на ниве «политического консалтинга» чуть ли не у самого Бориса Абрамовича. Вот фрагмент интервью:

— Что это за человек (Березовский), нельзя ли набросать его психологический портрет?

— Я в своей жизни встречал немало людей умнее меня. Я встречал их, как ни странно, среди поэтов, среди философов и, безусловно, среди

тех, кто обладает потенцией мыслителя, на что я сам не слишком тяну, да и амбиций таких не имею. Но людей, соображавших быстрее меня, я не видел. Так вот, скорость мышления Березовского настолько меня потрясла, что я немедленно после свидания с ним захотел у него работать.

— А склад личности, реакции?

— Непрерывная атака, фонтанирующий тип, и притом еще одно, безумно симпатичное качество — он хотя бы делает вид, что выслушивает собеседника, а уж это экзотика в политике.

— Некоторое время тому Березовский был эмблемой колоссального успеха и достижения своих целей, потом ситуация перевернулась, и сегодня на мир укоризненно взирает аутсайдер, изгнанник, провалившийся во всех своих доступных обозрению начинаниях, только все еще очень богатый.

— Вы несправедливы и в первой и во второй части суждения. Полагаю, что Борису Абрамовичу свойственен несколько иной ракурс, иная оптика трактовки событий. Я не собираюсь оценивать, какой он стратег, был ли верен его проект приведения к власти нынешнего президента России — сам он утверждает, что альтернативы были унылее и даже значительно страшнее, это, повторяю, мнение Бориса Абрамовича, не мое. Но я полагаю и то, что он не считает себя стороной проигравшей, поскольку действительно, по всем характеристиками своего поведения, занимается по-ли-ти-кой, а может быть, и таково мое уже ощущение, он считает себя не человеком политики, но человеком истории, что требует иной системы жестикуляции, вообще иной системы оценок и веса поступков. Это мои слова, я довольно давно не разговаривал с ним о том, как он понимает историческую составляющую актуальной политики. Кстати, одним и тем же людям он в течение времени предстает в разном обличье, любопытная метаморфоза произошла в это смысле с Василием Павловичем Аксеновым. Несколько лет назад, помнится, он сказал мне о Березовском: боже, какой потрясающе интересный и нарядный персонаж, да это же авантюрный роман, да это же Мазарини! А совсем недавно обмолвился подружному, мол, будь у него на два-три миллиарда поменьше, совсем свой парень был бы... На мой взгляд, БАБ — идеальная реализация судьбы еврея в России, сопровождаемая и подкреплённая всякого рода историческими и, к сожалению, литературными параллелями, аллюзиями — вы сами можете их вписать в интервью полным веером. Березовский празднично, очень красочно воспроизводит некий архетип...

— Архетип кого?

— Наверное, царского еврея.

— Но он, крестившийся еврей...

— Он настолько еврей, что факт крещения есть дополнительное обстоятельство его еврейства. Он абсолютный еврей и абсолютно русский человек. Он именно в той мере русский человек, в какой им может быть только еврей. В этом весь спектр его доблестей и блистательных пороков, он элегантно выполнил эту историко-биографическую фигуру высшего пилотажа, а потому фильм «Олигарх» несправедлив, так же, как и послужившая основой для него книга «Большая пайка», написанная Юрием Дубовым, бывшим крупным администратором «Лого-ВАЗА». Хорошая, кстати, книжка, года полтора-два уже бестселлер в России...

Там еще немало перлов, если захочешь, продолжу. Добавлю только на закуску ответ на вопрос: «Литературное общение входит в ваш распорядок?»

— Конечно, пусть не в тех дозах, что раньше, но входит. Я шучу, ем, выпиваю, треплюсь с близкими, милыми мне московскими приятелями — Рубинштейном, Кибировым, Гуголевым, с Игорем Померанцевым из Праги, очень замечательный господин, часто навещается Веллер, Аксенов Василий Павлович — застолье гарантировано.

Всегда твой
Наум

От Л: так что ты решил с правками текста, все эти тире, точки с запятыми и скобками?

И ты оказался прав: Аня не врубается. Может, по молодости?

Ответ Л: Я решил, что Матвею виднее, с точки зрения российского читателя (а перевод все-таки ему предназначен), так что в основном я переделал первую главу. Ну и ошибок он тоже полно нашел, но это другое. Переделал — это сильно сказано, но... Хочешь, я тебе pošлю первую главу? Скажешь, как это звучит.

Через неделю Гольдштейн даст в двух номерах «Окон» (с продолжением) отрывки из романа, еще до правки, тоже посмотрю, сравню.

А Аня что ж, может, и по молодости, но не ждать же пока она вырастет... И потом, кто много ебется, тому весело живется — не до искусства и философии. Хотя, гениям все полезно. Вот читаю сейчас «De Profundis» Оскара Уайльда (рекомендую), он там жалуется, что любовник все время отвлекал его от искусства...

Позвонил Вернику. Он, как всегда, хандрит и хворает: ишиас. Сидит дома. Что нового, спрашиваю. Рассказал, что виделся с Генделевым, по сидел с ним полтора часа в кафе.

— Так что, ничего не пишет? — спрашиваю (Генделев в интервью жаловался).

— Нет, пишет, написал замечательную оду Василию Аксенову, читал мне отрывки, очень здорово.

— Понятно.

— Ну и общается, как сказано в интервью.

— Да, читал... Меня одна фамилия только удивила в его круге общения, Рубинштейн.

— Почему? — спросил он отрывисто, и тон сразу стал сухой, почти враждебный.

— Так... Уж очень разные.

— Ну, мы с ним тоже разные. Но я к нему отношусь с нежностью.

Пьеро и Арлекинд.

17.10.

Наум, привет!

Получил сегодня от Альперовича 100 \$. (Застал его за сборами: едет мужик на утиную охоту в Астрахань: во, блин, развлечения у этих жидов!).

Жулики рвутся в филологию только из-за одного человека (помоему, сознательного «вредителя») — Сороса. Такие люди, как Кацис, путешествуют за счет этого засранца по европам (якобы работают в каких-то там библиотеках), издают статьи и книги, а полученное благодаря этому «имя» дает им возможность читать лекции в иностранных университетах (тоже за деньги); конечно, это не те заработки, что у Березовского, но они же убогие умом, и в чисто конкретном в натуре криминальном мире (к которому тяготеют) у них не было бы никаких шансов. Соросовские гранты в области филологии получают исключительно люди двух категорий: еврей-жулики и православные антисемиты; есть специальная порода якобы «умеренных» православных антисемитов (на мой взгляд, это самые опасные и бесстыжие люди), пользующаяся особым покровительством «дяди Джорджа»; один из таких персонажей — некто Иван Есаулов, разоблачивший Ольгу Фрейденберг, двоюродную сестру Пастернака и замечательного ученого, в русофобии и жидовской ненависти к господину нашему Иисусу, — летит завтра на деньги Сороса на Лосевскую конференцию (ту самую), и Мила в данный момент дрожит мелкой дрожью из опасения оказаться с ним в одном самолете.

Что касается собственно Березовского, то нет ничего удивительного, что «ваш национальный поэт» встречал немало людей умнее себя: это довольно часто бывает с круглыми идиотами. По моим наблюдениям, Березовский преднамеренно разыгрывает роль «жидомасона» (думаю, по соглашению с российскими спецслужбами), чтобы ненависть к еврею не угасала, чтобы не стирался из коллективного бессознательного утрированный образ. Последний его подвиг — сближение с Прохановым (и вообще с «русскими патриотами», то есть профессиональными погромщиками; могу гордиться, что предсказал этот союз, когда он ка-

зался всем совершенно невыносимым), которому он дал недавно (буквально неделю назад) огромное интервью для черносотенной газеты «Завтра». Проханов помчался по первому свистку опального олигарха в Лондон, извивался перед Борисом Абрамовичем в почтительных поклонах и почтительно выслушивал от жида, как нужно любить Россию (если у тебя есть склонность к мазохизму, могу прислать этот текст). После этого «Либеральная Россия» (оппозиционная партия, созданная на деньги Березовского), вынуждена была исключить главного спонсора из своих рядов и оказалась на паперти в положении бомжа, даже не зарегистрированная. Березовский в очередной раз добился своего: извлял в говне людей (среди которых есть и относительно порядочные), которые ему «доверились», как сделал это раньше со всеми, до кого дотрагивался, в том числе и с телевизионной «командой Киселева» (бывшее НТВ), полностью после этого деморализованной и утратившей свой единственный капитал — моральный авторитет (а чего еще желать властям, с которыми Березовский якобы борется?). То, что у подобной мрази оказываются «адвокаты» в Израиле, да еще «в литературных кругах», — это позорный факт: говорю так не из «презрения», а как раз из-за того, что «болею за Израиль», за маленькую державу обидно... Березовскому оказали бы большую услугу, если бы как-нибудь придушили его цепочкой от православного креста — для его же пользы.

Что касается фильма (который я смотреть, конечно, не собираюсь; интересно, чего ты ждешь от такого фуфла?), то не знаю, как он может быть «антисемитским». Все критики согласны в том, что герой Машкова, прототипом которого послужил Березовский (роман, положенный в основу сюжета, — кстати, как это ни странно, не такой уж плохой — написан его бывшим партнером по Логовазу), обрисован в фильме с нескрываемой симпатией (ходят слухи, опровергаемые режиссером как-то уж очень горячо, что кино снято на деньги прототипа). Кроме того, режиссер фильма Семен Лунгин (сам еврей, живущий сейчас во Франции) специализируется на «борьбе с антисемитизмом» (достаточно вспомнить его предыдущие шедевры «Такси-блюз» и «Луна-парк»; кстати, симпатичный израильтянин, живший когда-то в моей квартире, забыл его фамилию, всерьез доказывал мне, что Лунгин замечательный режиссер, чем удивил меня до глубины души: ведь он профессиональный киновед, чему же он учит бедных израильских несмышленишек?). Другое дело, что в глубинном, «историософском» смысле восхваление «жидово-олигархов» — это, конечно, провокационная антисемитская акция, но вряд ли ваше телевидение имело в виду именно этот аспект дела, а Лунгин слишком глуп и бездарен, чтобы осознать объективный смысл собственной деятельности.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Закончил вторую главу, жду продолжения.

Текст интервью Березовского прохановской газете, конечно, пришли, склонность к мазохизму у меня имеется, по той же причине я непременно посмотрю «Олигарха». Кстати, фильм Лунгина «Такси-блюз» мне в свое время очень понравился, «Луна-парк» уже гораздо меньше, но там был симпатичный персонаж Ньюма, а меня так некоторые звали в детстве («Нюма — не фунт изюма»), так что я растрогался, а «Свадьба» — вообще бред.

Березовский фигура омерзительная, а с Генделевым у него даже есть что-то общее в манере жестов: этакая еврейская торопливость, выдаваемая за скорость мысли: руки, мол, от скорости мысли дергаются.

Всегда твой

Наум

В пол-третьего встретились в деревне. Вид у нее не только усталый, но какой-то измученный. Синяки под глазами. Поехали в Ришон, там в местном клубе выставка Дали (все равно, что выставить Шагала в Сыктывкаре): «Еврейские мотивы у Дали». Оказывается, Дали с 50-х по 80-е годы сделал несколько серий цветных литографий, в разных техниках, посвященных не только евреям, но и сионизму и Израилю, и это не считая чисто библейских серий вроде «Песнь песней», «Потерянный рай», «Моисей и монотеизм» (посвященный одноименной брошюре Фрейда) и бесчисленных библейских мотивов. Выставка начинается с серии «Алия». Первая же работа поражает неожиданностью, вызывающей невольную улыбку: Пушкин, с задранным к небу лицом, окутанный израильским стягом с голубой шестиконечной звездой. Да-да, именно Пушкин. Смотришь и думаешь: неужели случайное сходство, невольная ирония творческой фантазии? А может, ирония не случайная? Может, через русскую жену он был знаком и с портретом великого русского, и с его «тайной происхождения»? И еще серия «12 колен», потом «Песнь песней», портреты «великих евреев» (Фрейд, Эйнштейн, Бен Гурион, и даже Моше Даян), скульптуры и барельефы: «Стена плача», «Семисвечник». Вот уж не знал, что Дали проявлял такой интерес к нашему брату. К барельефу «Десять заповедей» посвящение: «Вам — народу еврейскому, народу избранному, детям Авраама, Исаака и Якова как знак восхищения вашим упорством в сохранении традиции праотцев, как символ радости и счастья, с которыми вы освящаете ваши праздники, создал я этот «Семисвечник», и эту «Стену плача». В час, когда вы в нерушимой вере молитесь праотцам вашим, я хочу выразить в этих символах самым полным и ясным образом свое восхищение вашим народом». А может, он был потомком маранов?

А народа нашего на выставке почти нема: молодой парень хипового вида с мамой и пара вроде нас, мужику около пятидесяти, и тоже бритоголовый. «Слушай, давай украдем картинку?». Она начинает трогать ли-

тографии, царапать раму, пластиковое покрытие, дергать за веревочку. «Я сигнализацию проверяю. Вроде не звенит. Давай срежем? Где тот перочинный ножик, что я тебе подарила?».

Второй зал еще интересней, здесь чисто библейские мотивы, здесь фантазия на свободе. Р ходит ошеломленная. Даже «срезать картинку» ей уже не приходит в голову. «Чудо», — шепчет. На обратном пути она говорит о том, что должна поменять жизнь, резко, иначе ничего не получится, но нет никаких идей, раньше у нее хоть были идеи, а теперь.., смертельно скучно...

Я спешу, у меня еще много дел. «Ты меня даже не поцеловал... Что я тебе все время плачусь... Ох, я страшно выгляжу». Наконец расстается. Солнце село, росчерки облаков еще горят в небе, с моря наплывают пышные, темные тучи.

— Ужасно... Я думала встряхнуться, а вы меня совсем убили. Да, ты и Дали, каждый по-своему.

Дома жена ужинает с младшим. Сажусь с ними. Да, мне с ними хорошо, и жену свою я люблю. А что, нельзя?

По каналу НТВ, ставшим захолустной и холуйской жидовской хатой, показывают Губермана, он вещает с Красной площади, там готовится фестиваль цирков, говорит, что все это ему странно видеть, он все еще «советский человек» и Красная площадь для него что-то священное. «Вот я вам сейчас прочту гениальные строчки (имярек, не запомнил), дикий антисемит, но строчки совершенно гениальные: пустеет в поле борозда, жиреет в городе делец, желтеет красная звезда и у нее растет шестой конец. Гениально сказано, правда? И Тютчев бы от таких строк не отказался!». Тютчева лучше б не трогал... И еще он рассказывает старые анекдоты, и его разнузданная красная рожа с дьявольским шнобелем тенью ложится на серую брусчатку площади, сменяясь кадрами старых советских фильмов («Как невесту Родину мы любим!», поет Столяров, шагающий с Орловой под плещущими знаменами), все это отдает каким-то жидовским глумлением над трупом России, глумлением, в котором он даже не отдает себе отчета, он и иже с ним, там целая еврейская команда, операторы, режиссеры, художник Окунь, это, оказывается, первая серия в новом пятисерийном фильме...

А потом нашей шестеркой едем на ярмарку вин в музей Эрец Израэль, там в саду с византийскими мозаиками израильские виноделы выставляют товар — пей не хочу. Можно еще сыры купить, и всякие хлебные изыски. Народу невпроворот, толпа медленно течет от прилавка к прилавку, растекается на ручейки под кусточки, к скамеечкам, все уже под парами, громкие разговоры, кто-то бесстыдно целуется прямо в толпе, сливаемся с толпой, чувство праздника, и публика «своя»: зажиточная, интеллигентная, средних лет, «русских» и молодежи мало. Здесь

те, кто уже понял, что вино и кулинария — одно из самых существенных удовольствий в этой жизни. К одиннадцати едем домой, жена устала. Наши друзья еще остались.

18.10.2002. Утром звоню Р. Настроение у нее то же. Вдруг спрашивает:

— Слушай, а тебе не кажется, что у нас это прошло?

«А что было-то?» — захотелось созорничать, но смолчал.

— Не знаю...

— Нет, правда?

— Ну что, сейчас вот будем по телефону решать: прошло — не прошло?

— Ну а когда решать? Я, можно сказать, всю ночь об этом думала.

— Всегда есть спады и подъемы...

— Ну, эти твои теории мы знаем...

От Цветкова:

Наум, спасибо за все — отдохнули на славу, и у вас, и в Ашкелоне.

С матерью как получилось, так и ладно, главное, чтобы социальный работник была довольна. Где-то в декабре пришлю еще денег для тех же нужд. Но очень важно как-нибудь еще позвонить этой Марине, чтобы проконтролировать, не отдает ли мать все эти деньги брату.

Что касается моего адреса, то лучше всего слать на работу /адрес/.

Alexei Tsvetkov

Еще раз огромное спасибо, привет Римме.

Леша, привет!

Деньги я еще не перевел, так что если у тебя есть какие-то другие «идеи», дай знать. Марине я, конечно, позвоню, но она ж понимает, что я только «передаточное звено», так что осуществлять «контроль» — дело для меня сложное (не технически, а в принципе), так что было бы неплохо, если тебе важно «куда идут деньги», чтобы ты сам позвонил «для контроля». На всякий случай напоминаю телефон ...

Фотки на днях вышлю.

Краве привет.

Всегда ваш

Наум

Матвей — Науму

Беседа Александра Проханова с Борисом Березовским (продолжение), «Завтра», 08.10.2002

А.П. Может быть, он хотел принять в Грозном парад Победы?

Б.Б. Может быть, Путин и в самом деле не остановил чеченскую войну, потому что мечтал принять в покоренном Грозном “парад побе-

ды”. Это полковничий комплекс неполноценности, не преодоленный в период президентства. Теперь я вернусь к первой части вашего вопроса: не является ли Путин моей ошибкой? Знаете, когда закончилась выборная кампания, я пришел к Путину и сказал: не хочу больше ОРТ. Потому что это огромный груз, огромное давление. За мою деятельность на ОРТ меня ненавидели все. Если уж есть причина, по которой масса людей в России меня ненавидит, то, конечно, за ОРТ. Поскольку оно было поперек горла всем. И Жириновскому, и коммунистам, и, как вы помните, Анатолию Борисовичу Чубайсу. Потому что это мощнейшее политическое орудие. Кто владеет этим инструментом, может решать задачи любой сложности. Я могу сегодня сказать: мы распорядились ОРТ правильно. Я полагал, что с избранием Путина задача оттеснения коммунистов решена окончательно. Путин согласился с моим намерением оставить ОРТ. Но после того, как Путин приступил к разгону Совета Федерации, а по существу, к уничтожению парламента, я вновь пришел к нему и сказал: “Нет, теперь я не хочу отдавать ОРТ, потому что ты пошел другим путем. Путем концентрации власти”. Я привел вам этот эпизод, чтобы показать: у меня никогда не было политических амбиций, не было стремления быть во власти. Но у меня было стремление изменять страну так, как я считал правильным. Я знаю, что власть доставляет сильные эмоции, но я научился получать эмоции другим способом. На это я потратил почти всю свою жизнь. Мне в Англии сейчас интересна система образования. <...> И могу сказать: здесь образование слабее, чем было в Советском Союзе. Но иначе расставлены приоритеты. Здесь приоритет номер один — формирование личности. В Советском Союзе ты часть коллектива, песчинка. А здесь тебе говорят: “Ты уникальный, ты единственный, ты неповторимый, и рядом с тобой — уникальный, неповторимый, единственный”. Поэтому, когда здесь человек заканчивает школу, он чувствует себя совершенно самостоятельным. Не надеется ни на английскую королеву, ни на премьер-министра, ни на государство. Только на свои силы.

А.П. Что не мешает этой уникальной, состоящей из индивидуальностей массе быть управляемой в период выборов. <...> Пропаганда сильнее индивидуализма.

Б.Б. Конечно, масса манипулируема, но приходится прибегать к очень тонким манипуляциям. Это нельзя делать дубиной, как делается в нашей стране. Это можно делать скальпелем. И всегда есть ниша для оппозиции. Никто не пытается сопротивляться тебе на уровне затыкания рта. Такое невозможно в этой системе. Возможно другое. Например, Си-Эн-Эн мгновенно перестраивается. Если Путин поддерживает Америку в бомбардировках Афганистана, то он просто класс. Но если Путин против американских бомбардировок Ирака — тогда целый день в репортажах по 40 минут из Путина делают отбивную котлету.

А.П. Если опять вернуться к проекту “Путин”, то как все происходило на самом деле?

<...>

Б.Б. ... было несколько принципиальных моментов, которые следовало понять и под них подстроить технологию. Первый и главный момент, который был сформулирован, — это необходимость преемственности власти. Было расшифровано, что это такое. Под преемственностью понималось закрепление тех элит, которые уже были созданы. Срыв попыток заменить эти элиты какими-то другими. Существовали молодые, пусть во многом несовершенные элиты — политическая, экономическая, информационная, культурная. Дальше они должны были улучшаться эволюционным путем. Идея состояла в том, чтобы не допустить революции, когда происходит насильственная ломка, иногда с кровью, что неизбежно кончается государственной катастрофой. <...>

Как вы знаете, Борис Николаевич любил только исторические победы. Одерживал их, а потом засыпал. Вот и теперь, накануне выборов, Борис Николаевич все еще не проснулся, хотя уже над ним нависал импичмент. В его окружении царила растерянность, а тут еще возникла мощная конкурирующая сила. Лужков–Примаков прибавляли с каждым днем силу, уже имели организационную структуру, уже проводили селекторное совещание по стране. Я понимал: чтобы достичь результата, нужно немедленно создавать новую структуру, окол властную. Не важно, как она называется. Самое главное, чтобы никакой идеологии. Никого она сейчас не волнует. Только лица, только воля. <...> Моя идея создать окол властную структуру была лишь демонстрацией силы. Не сама сила, а ее демонстрация. Народ же оказался еще слабее и принял демонстрацию за саму силу. Сразу же вышло заявление 36 губернаторов, которые сказали: “Да, да, мы хотим альтернативу, хотим новизну!” Что-то еще невнятное. Многие подписали это заявление, даже не понимая, что подписывают. А потом опять стали клясться в преданности Лужкову и Примакову. Но уже было поздно, уже был запущен механизм. Был дан сигнал обществу, что “царь проснулся” и теперь будет снова дубиной размахивать. Дальше все было элементарно просто. <...> Но это уже другая история, неинтересная с точки зрения политтехнологии. На самом деле, я считаю, что успех нам обеспечили наш правильный взгляд на общество, понимание элит и адекватно выбранные технологии. И вот тут я должен сказать, что существовал другой штаб, “параллельный центр”, использовавший иные технологии для приведения Путина к власти. Существовала ... другая идея, сходная с той, которую пытались реализовать Коржаков и Барсуков, но которую они в свое время не реализовали. Этот штаб действовал параллельно нам. Были люди, которые присутствовали одновременно в обоих штабах. Соединяли обе технологии. Знал ли Путин о существовании двух параллельных штабов? Внешне он вообще не присутствовал в выборах. Промолвил какие-то невнятные слова, что поддерживает “Единство”. Потом промолвил еще невнятное, что поддерживает СПС. Но то, что существовала “параллельная технология”, начиная с Дагестана, продолженная взрывами в Москве и в

Волгодонске, для меня несомненно. Для доказательства того, что в Рязани было не учение ФСБ, а попытка теракта, нужно доказать три факта. Что в заложенных мешках был гексоген, а не сахар. Что использовался настоящий детонатор, а не муляж. И это действительно, сотрудники ФСБ закладывали эту смесь. Третье они не отрицают. То, что это был гексоген, подтверждено прямыми, в экран, свидетельствами людей, нашедших мешки. То, что детонатор был настоящий, а не муляж, подтверждают снимки устройства, переданные в прессу сотрудниками ФСБ. Что это детонатор, подтверждено специалистами и в России, и за рубежом. Но есть другое, чистое доказательство, что это была попытка теракта. Вы помните, что взрыв в Волгодонске был 16-го числа. А 13-го числа произошел взрыв на Каширском шоссе в Москве. Так вот, 13-го числа, утром, на Совете Думы Селезнев зачитал экстренное сообщение о взрыве дома в Волгодонске, который еще и не думал взрываться. Волгодонск — это такой маленький городок из сотни тысяч русских городов, о котором мало кто слышал. 17-го числа на заседании Думы, уже после того, как был взорван Волгодонск, слово берет Жириновский. Этот фрагмент записан у меня на видеопленке. “Геннадий Николаевич, как могло произойти такое, что 13-го числа, за три дня до взрыва в Волгодонске, вы нам рассказываете о том, что взрыв уже произошел? Кто вас снабдил этой информацией?”

А.П. Так вы полагаете, что спецслужбы, которые, по-вашему, рвали дома, были настолько непрофессиональны и бюрократически безграмотны, что перепутали посылаемые в Думу депеши?

Б.Б. На сто процентов именно так. Эти службы действительно безграмотны и далеко не так профессиональны, как их советские предшественницы. К тому же, спецслужбы не едины. Внутри спецслужб много групп и группировок, которые обслуживают разные фрагменты нынешней политической власти. И одна из них ошиблась. Или одна заменила другую. Или вышел какой-то иной сбой. Но этот сбой обнаружил истину.

А.П. Хорошо, перейдем теперь к другому вопросу... Скажите, по какому принципу раздавалась советская собственность? Почему собственностью завладели олигархи? Были ли они “теневиками”, обладавшими значительным стартовым капиталом, что позволило выкупить государственные богатства? Или они пользовались покровительством партийный бонз? Или были приближены к Комитету госбезопасности?

Б.Б. Собственность не раздавалась. Она вырывалась зубами, доставалась в тяжелейшей конкурентной борьбе. Просто были люди, которые раньше других поняли, что эта собственность перестанет быть государственной. Не только поняли, но были готовы сражаться, чтобы она досталась им, и за это сражались в полном смысле слова. Я не совсем хорошо знаю биографии тех, кого называют сегодня олигархами, но свою-то

биографию знаю хорошо. У меня не было никакой “лапы”, никакой проекции, никакого “теневого капитала”. Занимался наукой. Зарплата доктора наук. Иногда подрабатывал тем, что помогал писать диссертации. Все предпосылки для того, чтобы стать богатым человеком, создавал я сам. Важно то, что у меня не было никаких комплексов. Не было комплексов по поводу того, что кто-то умней меня, кто-то сильнее, настойчивей. Было важно, что я не имел еще одного комплекса — национального. Сегодня Березовский воспринимается как еврей. Я не успел развить в себе этот комплекс. В восемь лет на катке я сильно подрался с одним мальчишкой. И вдруг он мне сказал: “Уйди, Абрам!” Я удивился: “Откуда он знает мое отчество?” Может быть, я переживал давление государства, когда поступал в университет, на физфак. Мне говорили: “Не поступай, ты еврей, тебя не примут”. Почему не примут? Я чемпион математических олимпиад, должны принять. Но меня не приняли. Но были евреи, которых приняли. Моего товарища Женю Берковича приняли, значит, я оказался слабее тех, кого приняли. Я не относил это к “пятому пункту”. В тот же год я поступил в институт и успешно его закончил. Потом поступил все-таки в университет. Просто для меня всегда было значимо — не сворачивать с цели. Если цель поставлена, ее нужно достичь. И, знаете, эти черты характера я заметил у многих так называемых олигархов. Не знаю, какая “лапа” помогала Гусинскому. Знаю, что его отец был рабочий. Мне кажется, что у всех нас общим качеством является воля и какая-то нереализованность в прежней жизни. Меня иногда обвиняют: “Вы были под чеченской мафией”. Олигархи тем и отличились от других, что никогда ни под кого не “легли”. Ни под государство, ни под мафию. Тех, кто лег, сегодня уже и не помнят. Но вопрос национальности остается, потому что подавляющее большинство, особенно очень богатых людей, это евреи. Я, конечно, пытался найти ответ на этот вопрос. Вы в своей газете писали, что евреи захватили власть в России. Вы поставили этот вопрос, и я считаю, что на него нужно начать отвечать. Мое понимание той среды, которую называют русским еврейством, весьма ограничено, ибо я не чувствовал своей принадлежности к этой среде. Моя первая жена русская, моя третья жена русская, а вторая жена татарка. Но мне кажется, что все-таки есть отличия в самосознании русского и еврея. Есть черты, которые зародились не в течение одного поколения, а складывались столетиями, тысячелетиями. Судьба еврейского народа совершенно отлична от судьбы русского народа. Иногда диаметрально противоположна. Евреи — очень древняя нация, а русские — молодая. Мы знаем, какие черты присущи молодости и какие — старости. У каждого возраста есть свои плюсы и есть свои минусы. Особенность русских состоит в повышенной чувствительности к окружающей среде, к новой информации, к изменениям, уже произошедшим или происходящим сегодня. <...> В чем сила евреев по сравнению с русскими? В интуиции. Не в сегодняшних ощущениях, а в умении предвидеть.

Это не расчет. Вот я плохой аналитик, плохо считаю, плохо играю в шахматы. Но каким-то таинственным образом чувствую, что произойдет через некоторое время. Если в логических терминах сформулировать это различие, то русские — это индуктивный способ мышления, а евреи — дедуктивный способ.

А.П. Вы думаете, именно это обеспечивало им доминирование в экономике?

Б.Б. Думаю, именно это является одной из причин крупных успехов в бизнесе. В бизнесе важно предвидение, предчувствие еще не наступившей ситуации. Многие евреи рано почувствовали конец государственной собственности. А многие русские до сих пор верят в ее незыблемость.

А.П. Вы сами затронули “национальный аспект”. Попробую его усилить. В России реальностью является “экономический антисемитизм”, который то усиливается, то ослабевает. Его природа, на мой взгляд, в том, что евреи, захватив лидирующие позиции в экономике и пообещав в начале либеральных реформ, что эта новая экономика будет продуктивней советской, на деле создали “экономiku загнивания”. Она не работает на социум, не работает на народ. Работает только на корпорации, которые возглавляют сами олигархи. Социальная катастрофа, вымирание народа, вечно пустая казна, отсутствие средств на науку, образование, безопасность, государственные институты, все это связано с дефектностью экономики, представленной евреями-олигархами. А ведь советская экономика, которую так бранят, мало того что поддерживала народно-освободительные движения во всем мире, но еще позволяла строить внутри страны два-три города в год.

Б.Б. Начнем с того, что в вашем вопросе есть некоторая неточность. Евреи ничего не захватили. Была жестокая конкурентная борьба. Начальные условия для всех были равны. Евреи были в лучшем положении только потому, что все возможности прежней системы для них были исчерпаны некоторым ограничением, выставляемым государством. Так что евреи начали на равных жесткую конкуренцию. Многие из них добились успеха, так же, как многие потерпели поражение. Действительно, в высшем эшелоне бизнеса очень много евреев. Но ... обещали не они, ... обещали совершенно другие, те, что рулили экономикой, политикой. Среди этих обещавших были вполне русские люди, чеченцы, ну и, конечно, евреи. Чеченец Хасбулатов был председателем парламента. Русский Ельцин был президентом. Русский Черномырдин был премьером. ... Я с вами не согласен, когда вы утверждаете, что экономика не работает на народ. Я считаю, что все, кто сегодня хочет работать, в России имеет возможность работать. Мне, конечно, очень грустно констатировать, что сегодняшние беды России прежде всего задевают русских. Действительно происходит катастрофа массового вымирания, и прежде всего русских. И опять же, я должен был найти для себя этому объясне-

ние. И объяснение, к сожалению, неутешительное. Русские всегда слишком полагались на государство, на власть, на Царя-батюшку, на Генерального секретаря, верноподданнически служили им, получая взамен определенные гарантии безопасности. И если евреям приходилось как-то крутиться для того, чтобы в институт попасть, чтобы членом партии стать, то русскому не нужно было крутиться. Мы надеялись, что демократическая система приведет к более свободному, творческому, независимому сознанию, которое обеспечит расцвет. Считаю, что путь был избран правильный, но было сделано столько ошибок, что основная часть людей потеряла интерес к происходящему. И если раньше сознание было верноподданническим, то теперь оно перестало быть каким бы то ни было. Его даже трудно описать. Мы много накуролесили, все, кто живет в России. Я свою ответственность ощущаю, в том числе и в разрушении “красной империи” СССР. Но мне кажется, что в предыдущей русской, советской истории ощущалась не избыточность имперскости, а ее недостаточность. Недостаточность воли для создания реальной империи. Нет никаких сомнений, что Соединенные Штаты Америки — это империя. Какими бы словами это ни прикрывалось, все равно это экспансия. В другие территории, в другие культуры, в другое национальное сознание. Так что империя — это не всегда ужасно. Я считал, что, несмотря на все реформы, несмотря на необходимость жесткого воздействия на общество, есть то, что необходимо сохранить. Я имею в виду культурную среду, поскольку, как писал Лев Гумилев, это то, что создается дольше всего и разрушается проще всего. Хрупкая оболочка, определяющая самосознание нации. Я считал, что нужно защитить от шока интеллигенцию. Не потому, что она такая хорошая, нашими классиками описаны все ее недостатки и слабости, но, как говорил Сталин, других писателей у нас нет. Это нужно было защитить, защитить систему образования здесь, в России, в Советском Союзе. Сегодня я могу констатировать, что, к сожалению, ее не удалось защитить. Это создало для нас долгую перспективу реванша. Мне кажется, что русская демографическая катастрофа происходит от того, что русские проявили меньшую способность приспособливаться. Им легче просто уехать из России, чем обрести новую специальность, новый динамизм. И мы для преодоления катастрофы должны определить стратегию реванша. Стратегию внутривнутриполитическую и внешнеполитическую. Я же не вижу никакой стратегии государства, вообще никакой. У власти нет исторической перспективы, исторического сознания. Я считаю, что развал, начатый разрушением Союза, не закончился. Разваливается Россия, и никто не предлагает никакого плана по восстановлению нашего исторического пространства. Я не империалист, но империя была комфортна для тех, кто жил на этой огромной территории. Эта комфортность привлекала и тех, кто не жил в империи, а наблюдал нашу жизнь со стороны. А вот сейчас нет развития, привнесена огромная степень неопределенности. И мне ка-

жется, определенность никогда не возникнет, если не будет построена сильная Россия. Такую стратегию необходимо создать. Политика страны — прямое продолжение самосознания нации. Сейчас русские, с моей точки зрения, глубоко не уверенная в себе нация. Они не нашли способа компенсировать эту неуверенность, как это сделали немцы. Если угодно, немцы — это цивилизованные русские. Русские и немцы очень близки. Ни одна нация не смогла укорениться в России так, как немцы. Ни одна западная нация, я имею в виду. Мне кажется, что основная проблема русских, связанная с неумением сформулировать внешнеполитическую и внутривнутриполитическую стратегию, — это глубокая неуверенность в себе. Сегодня нужно понять, что Россия — это уменьшенная модель Советского Союза. За 300 лет империи мы не сумели создать единый “политический народ”. То, что удалось американцам ... они четко отделили личную роль от государственной. Вот я еврей, а вы русский, а она татарка. Мы так себя и считаем. А вот чтобы кто-то прописывал национальность в паспорте, отделял меня от русского, от татарина, от чеченца — это катастрофическая ошибка. Она была допущена и в Российской империи, и в Советском Союзе, наследнике этой империи. ... Когда сегодня говорят, что Советский Союз распался из-за Ельцина или Горбачева, я задаю один-единственный вопрос: “Какие они такие гениальные, что развалили его ровно по национальным границам? А почему именно так развалилось?” А развалилось так, потому что был узбек, был туркмен, был украинец, был старший брат — русский. Только через реконструкцию Российской Федерации можно избежать продолжения катастрофы. Мы прозевали, пропустили исторический этап, когда могли создать единую политическую нацию.

<...>

Б.Б. Путин все время боится разменять свой рейтинг. У него есть рейтинг, а нет авторитета. ... Он не смог реализовать ничего из того, что нужно было реализовать. Эта ситуация длится уже дольше двух лет, и постепенно стала ощущаться внутренняя пустота. Он пустой. Людям понравилось, что он говорит на правильном русском языке. Предполагалось, что за правильной речью стоят правильные мысли и воля, способность вершить благие дела. Но этого не произошло. Эту пустоту я понял одним из первых, когда стал с ним ближе общаться. ... Нет ничего — муляж. Это колоссальная проблема для нации, прелюдия глубочайшего разочарования. Возникает вопрос: что делать? Давайте посмотрим на Украину. Странная вещь — на площади коммунисты вместе с националистами и либералами. Против кого? Против Кучмы, против режима. Эти вчерашние противники сошлись, ибо считают, что только так можно возродить Украину. Если речь идет о выживании народа, о выживании государственности, любые союзы оправданы. <...> Власть не сформулировала ни одного теоретического посыла, ни одной идеи. <...> Я не понимаю, почему нужно воевать с Грузией. Я точно знаю, что

с Грузией можно договариваться. Я точно знаю, что Россия не выдержала войну с Чечней, и уж точно не выдержит войну с другой кавказской страной. В Чечне не возрождается Российская армия, как сказал господин Чубайс, а гибнет. Вообще, с господином Чубайсом у меня не меньше разногласий, чем с вами, потому что его идеология, с моей точки зрения, это идеология предательства либеральных ценностей. Я за диалог с патриотами, потому что они, как бы ни заблуждались, но любят Россию. А я хочу вернуться в Россию. Там моя культура, моя страна. Не понимаю, почему моя жена должна страдать из-за того, что мы не можем пойти в русский театр. <...> Патриоты — это политически наиболее активная часть людей, готовых отстаивать интересы своей страны. Но когда говорят, что интересы страны патриоты должны ставить выше своих собственных, здесь я категорически не согласен. Не любя себя, невозможно любить своих близких и такую абстракцию, как Родина.

А.П. Ваш взгляд на патриотизм сугубо либеральный. Быть может, он годится, когда река истории течет по равнине. Но у нас в России один кризис сменяет другой. А кризисы требуют мобилизации. Любая форма мобилизации — это приоритет организации над теми, кого эта организация захватывает. Человек, не готовый пожертвовать своими интересами в период войны, в период бедствий, в период распада, перестает быть патриотом. <...>

Б.Б. Я вообще считаю, что мобилизация — печальный атрибут всей российской истории. Сами придумали жизнь, которая не является нормальной. Мы должны научиться создавать конструкции, в которых не нужно будет жертвовать, а можно будет созидать без колоссальных человеческих жертв. Хотя жертвенность — глубоко русская, православная категория. ...

Матвей, привет!

Спасибо, замечательное интервью! Журналистский успех, нельзя не отдать должное Проханову. «Идейки» у персонажей, конечно, бедненькие, все эти сравнения евреев и русских, рассуждения о причинах и результатах нынешнего положения России, но есть и глубокомысленные и даже сенсационные замечания. Например, бесстыдное откровение этого «демократа» об «организации» перехода власти от Ельцина к Путину: «Первый и главный момент, который был сформулирован, — это необходимость преемственности власти. Под преемственностью понималось закрепление тех элит, которые уже были созданы». Закрепление элит, или «вечный кайф» из анекдота про слона и муху, означает захват власти навечно, когда страна, как собственность, передается по наследству. Но что тут искать логику у профессора-математика, он и сам искал «вечного кайфа», а заработал удавку.

Но самое интересное, это свидетельство БАБ о «параллельном центре», который использовал «иные технологии для приведения Путина

к власти», технологии взрывов домов. Об этом много говорят, но поверить в такое трудно. Как-то слишком «сложно»: убивать своих граждан в массовом порядке и при этом не бояться разоблачения!? И естественный вопрос к профессору математики и «страшному демократу»: если это так, как ты говоришь, то подобные люди могут совершить любое преступление, любую бойню — как же ты помог им завладеть страной? Тут уже не просто «преемственность власти», но преемственность бандитской власти. А тебе самому-то не страшно? Он же еще напирает на «еврейскую интуицию» и, видно, уверен, что она его точно не подведет!

А пока посылаю тебе отчет о посещении выставки Дали в Ришоне, ну и еще кое-какие заметки на ту же (еврейскую) тему (фрагменты будущих «Хроник»). Кстати, «Пушкина» Дали постараюсь сканировать и переслать.

Тут недавно Жирика показывали, он рассказывал о детстве, требовал прибить мемориальные доски «здесь родился», «здесь учился». Что-то в них есть общего, в БАБе и Жирике... Впрочем, известно что.

Всегда твой
Наум

20.10. Встретил Мераса¹. Сказал, что прочитал мой рассказ в журнале «Гаг», ничего рассказик, сказал, посмеиваясь, хороший.

От Л: по сравнению с тем, что я помню, ты изрядно причесал бедного Меира, но от этого он не стал «богаче», на мой вкус. Что касается гениев, то это в раю ты стал гением, а со мной ты был поэтом...

Да ладно, какие гении, уж и пошутить нельзя.

Наум, привет!

Шавуот и Пятидесятница — это, вроде бы, действительно «одно и то же», но только «логически», а по сути — нет. В Православной энциклопедии есть Пятидесятница, а Шавуот нет (вообще нет такого слова), а в Еврейской энциклопедии (краткой, «черной»), наоборот, есть Шавуот, а слова 'Пятидесятница' нет. В связи с этим здесь, по-моему следует не «стремиться к русскости», а, напротив, от нее отмежеваться, тем более что в другом месте ты употребляешь слово Шавуот. Так что советую Пятидесятницу убрать: для русского читателя она однозначно ассоциируется с христианскими мотивами типа сошествия Св. Духа, Троицы и т.п., а о еврейском «первоисточнике» помнят только единицы.

У тебя везде 'кибуцы'. Такое написание, по-видимому, допустимо (в Интернете оно попадает), но в серьезных изданиях пишут 'киббуцы' (с двумя 'б'). Советую тебе исправить по всему тексту; это легко сделать сразу по опции «Заменить везде».

¹ Ицхак Мерас, известный советско-литовский писатель, репатриировался в 1972 г.

К сожалению, не смогу сделать Третью главу быстро, потому что получил относительно срочный заказ от ИФ.

Ассоциация с Тютчевым возникла у Губермана из-за строк: «Лишь паутины тонкий волос / Блестит на праздной борозде». Что Губермана, естественно, не оправдывает (хотя жалко, что ты не запомнил фамилию «великого поэта» и приведенные строчки). Отмечаю, как 'психологический факт': в отличие от «отечественных евреев», Губерман (повидимому, в качестве «израильтянина») меня совершенно не раздражает, что бы он ни делал и что бы ни говорил. Вспоминается Розанов: «Вы не слушайте, что он говорит, а посмотрите, где он стоит». По моему ощущению, израильтянин, стоящий на Красной площади, стоит на ней не так, как «русский еврей» (то есть он стоит «не совсем там»).

Пушкин действительно похож, а Дали я все равно не люблю.

Всегда твой

Матвей

Матвей, привет!

За уточнения в переводе спасибо, Пятидесятницу я уже исправил, а вот с кибуцами надо подумать, такое удвоение «б» вообще принято (рабби — раввин, каббала)...

А я вчера посмотрел вторую передачу про Шолохова, там любопытные «сюжеты», почти детективные, с рукописью, оставленной у Кудашева, сюжет возможного «присвоения» рукописи Крюкова, и в связи с этим к тебе вопрос: публиковалась ли эта рукопись (как «ядро» «Тихого Дона»), а также, после того, как нашлась кудашевская, есть ли какие «новости» по части спора об авторстве? Кстати, в передаче рассказывалось, что некто Лев Колодный (несомненно еврей!) получил доступ к этой рукописи и даже предложил продать ее за полмиллиона долларов, а часть вроде даже и продал на Запад («Тихий Дон» утек на Запад»). Некоторые считают, что этот роман вообще «проект НКВД». Насчет этого должен сказать, что был неправ, удивляясь активности жуликов на «фронте» филологии: и в филологии, как и вообще «в искусстве», можно сделать серьезную карьеру, даже хапнуть при случае и деньги.

Кстати, если попадетсЯ тебе книжонка «Писатель и вождь» (переписка Шолохова со Сталиным), возьми для меня.

Всегда твой

Наум

А что Инна Демьяновна, молчит?

Наум, привет!

Я выслал тебе только продолжение интервью БАБа, но раз тебя заинтересовала тема, высылаю, кроме начала интервью, еще некоторые материалы, касающиеся БАБа и отчасти Гусинского: в основном отобрал то, что имеет касательство к Израилю.

Про подробности «дела Шолохова» я знаю меньше тебя: фильма не смотрел (к сожалению) и перестал читать «материалы по этому делу» много лет назад. Знаю только, что Лев Колодный опубликовал пару лет назад толстенную книгу и провел по ее поводу шумную рекламную компанию под лозунгом: «Тайна 'Тихого Дона' разгадана, так как я нашел рукопись». Не знаю, еврей ли Лев Колодный, но он публицист «патриотического лагеря» (правда, умеренный). Если книга попадется на глаза (в принципе она распродана), могу тебе ее купить. «Писатель и вождь» куплю, если встречу.

Почему молчит Инна Демьяновна — это вопрос не ко мне. Замечу, что обращался к ней трижды — и не получил вообще никакого ответа. Это по крайней мере невежливо. Последнее письмо я написал — «скрепя сердце», со скрежетом зубным, «поступившись принципами» — с единственной целью: чтобы не было никакой возможности представить дело так, что я «заартачился и сорвал все дело». Больше я к ней обращаться не буду ни за какие коврижки; как говорит одна героиня Островского: «А лягушку эту я есть не стану, хоть ты ее сахаром всю обсыпь».

Всегда твой,
Матвей

21.10. Интенсивная сексуальная разминка с двух до пяти. И опять месячные. Знак того, что стали встречаться раз в месяц. Прошло неплохо. «Ох... я забыла... я уже забыла, как мне хорошо с тобой...».

Рассказывала, как мать ее Сталина любила, да и после разоблачения считала гением. Про жертвы говорила: «Кто знает, пройдет еще время, и выяснится, что они, может быть, действительно были «врагами народа».

Матвей, привет!

Спасибо за материалы по БАБу, как и в предыдущих, много любопытного.

«Я был абсолютно счастлив в Советском Союзе». Да еще «был членом компартии, и, в отличие от некоторых, билет свой никогда не рвал, не сжигал». И всегда рвался в «первачи» («Я рассчитывал в дальнейшем стать академиком, лауреатом Нобелевской премии»), но эту простую мотивацию он «сформулировал с помощью Андрея Дмитриевича Сахарова. Когда его однажды спросили: «В чем смысл жизни?» — он ответил: «В экспансии». Это определение мне подходит. <...> Думаю, что Сахаров имел в виду преодоление энтропии, преодоление хаоса. «Победа над хаосом», — вот что движет человеком. <...> Для меня, человека верующего, православного, свобода означает жизнь с соблюдением ограничений, которые сформулировал Иисус Христос в Нагорной проповеди. А до него в Ветхом Завете Моисей, который услышал эти заповеди от Бога. Вот это для меня и есть свобода. Свобода как система внутренних ограничений. <...> И может, самое главное, я никогда не перешел через грань,

которая называется «убить», «заказать» другого человека. ... Кровь проливали и те, кто проводил реформы, и те, кто им противостоял. Но я, повторяю, не только смог преодолеть. Я действительно ничего не украл». Все кругом кровь проливали, но я ничего не украл — высшая математика от профессора.

«Б.Б. Конечно же, я ощущаю колоссальный комплекс вины. И не только за те деяния, когда я ошибался и эти ошибки принесли страдания миллионам людей. Но даже за ошибки моих предков /это он перед Прохановым кается за «грехи» евреев в Революцию!/. Знаете вы или нет, — когда был съезд партии «Либеральная Россия», была выпущена декларация. Я участвовал в написании этой декларации. Первым пунктом я призвал покаяться всех за то, что произошло в России, за горе и беды людские. Мне было дико, что люди, считающие себя либералами, полагают, что им не за что каяться. В этом манифесте я пытался обосновать тезис о том, что идея свободы — прямая производная христианства. Главный смысл христианства — именно в свободе. Но не в свободе как вседозволенности, а в умении себя ограничивать. Покаяние — это и есть ограничение. Поэтому я должен каяться. Мы пришли на землю, чтобы страдать. Только через страдания можем понять смысл жизни. Невозможно жить иначе, кроме как каяться за то, что совершил». Христосик ты наш.

А вот интересно, что этот радетель свободы понял о Западе: «соображения Запада... конъюнктурны и рациональны». Ужас-то какой.

Интересно и про Путина: «Действительно считаю, что персонально Путин — это ошибка. Хотя далеко не только моя. Я не один принимал это решение. Более того, у меня были иные предложения, рассматривались другие решения. Вообще, это иллюзия, что народ выбирает. Эта иллюзия особенно сильна в России. Традиционно в России вопрос о власти решается элитой. /Сокольничий с постельничим, да пара думных дьяков — вся «элита»./ <...> Теперь хочу ответить на ваш вопрос, в чем же моя главная ошибка. Она состояла в том, что ... я считал, что главной преградой на пути развития России являются коммунисты. В 96 году я действительно пытался построить конструкцию, которая противостояла коммунистам. Но уже тогда у меня зародилось сомнение ... а правильная ли цель — борьба с Зюгановым? Отсюда ли исходит основная опасность? Что было бы, если бы победил Ельцин, но остались бы Коржаков и Барсуков? Считаю, что это была бы почти та же конструкция, которая сегодня создается в России. Ельцин переставал быть легитимным, опирался бы только на спецслужбы, и они получали неограниченный контроль над ним. Дальнейшее развитие совершенно понятно. ... И постепенно я понял, что основной противник реформ и вообще нормального развития России, — это не коммунисты, а спецслужбы. Уже после того, как «партия была сделана» и избрали Путина, я стал задумываться над этой историей со взрывами домов. ... Уже позже я пришел к выводу,

что все это было одной большой провокацией. И интервенция Басаева, и война в Дагестане, и взрывы. Как оценивать действия ФСБ? Конечно, русское самосознание было поражено в Чечне в Первую войну. Есть два способа преодолеть это поражение. Либо ждать, когда народятся два новых поколения, и травма зарастет. Либо реванш. Другого человечество не знает. Мы знаем историю современной Германии, знаем, что понадобилось два поколения, чтобы немцы освободились от комплекса пораженцев. Они с этим справились. Россия пошла другим путем. Она решила не ждать. Решила взять реванш. /Взрывы домов по всей Руси — это такой русский реванш?/... У меня был на эту тему серьезнейший разговор с Путиным. ... Но видимо что-то сидит внутри Путина очень ограниченное и злобное. Вот эта мелочность, тщеславие, непонимание, что за это тщеславие придется расплачиваться тысячами и тысячами конкретных жизней».

Сорос тоже «жжот», как теперь любят выражаться, не могу не процитировать (только я не понял, это статья в «Гардиан», или отрывки из книги):

«...в 1997 году я принял решение участвовать в аукционе, на котором был выставлен «Связьинвест», и нам удалось одержать победу. Это был первый настоящий аукцион, в котором государство не было обсчитано. Хотя мы заплатили большую цену (почти 2 млрд. долларов, из которых мои средства составляли около половины), я рассчитывал, что эти инвестиции принесут большие дивиденды, если переход к цивилизованному капитализму все же будет осуществлен. К сожалению, этого не произошло. Аукцион активизировал ожесточенную борьбу между олигархами, размолвку среди воров. Некоторые из олигархов стремились совершить переход к цивилизованному капитализму, в то время как другие сопротивлялись этому, поскольку не умели действовать в рамках закона. Основным противником аукциона и его результатов был Березовский. После того, как его союзники потерпели поражение на аукционе, он поклялся уничтожить Чубайса. У меня было с ним несколько разговоров с глазу на глаз, ... я говорил ему, что он богатый человек и все, что ему нужно — это укрепить свои позиции. Если он не может сделать этого сам, то он может прибегнуть к услугам инвестиционного банкира. Он подчеркнул, что я ничего не понимаю. Вопрос не в том, насколько он богат, а в том, насколько он силен по сравнению с Чубайсом и другими олигархами. Он должен уничтожить их, или сам будет уничтожен. Я стал свидетелем удивительного исторического спектакля, в котором влиятельный человек пытался не только пересмотреть итоги аукциона, но и положить конец усилиям правительства контролировать олигархов. Я видел, как находящиеся в одной лодке люди дерутся между собой, в то время как саму лодку относит к водопаду.

... Возвращаясь в 1996 год, хочу отметить, что у нас с Березовским состоялся ряд очень откровенных дискуссий о предвыборной кампании.

Я узнал, как он действует ... он сможет выжить только в случае, если продолжит вовлекать людей в лично создаваемую им структуру незаконных отношений. Он держал в руках Ельцина потому, что оказал семье Ельцина определенные услуги. К примеру, он сделал зятя Ельцина менеджером «Аэрофлота», чьи валютные доходы переводились на счет швейцарской компании под названием «Форус». Он имел над Ельциным такую власть, какой не было ни у одного другого олигарха. Березовский держит в руках Чубайса, и при случае не колеблясь этим пользуется. Березовский и семья Ельцина искали пути сохранения иммунитета, которым они пользовались во время правления Ельцина. ...он должен был найти Ельцину преемника, который бы его защитил. Именно тогда созрел план выдвижения кандидатуры Путина. Во время перелета из Сочи в Москву в 1997 году Березовский рассказал мне, как он платил антироссийски настроенным полевым командирам в Чечне и Абхазии. Так что когда чеченцы вторглись в Дагестан, я почувствовал неладное. Чтобы проверить свои подозрения, я решил посмотреть, уйдет ли Басаев к сроку, указанному Путиным. Он ушел. Нет никаких сомнений, что своей победой Путин обязан войне в Чечне. Во время прошлой чеченской войны 1994–96 годов россияне были возмущены опустошениями и страданиями, которые причинила война. Протесты со стороны матерей солдат-призывников и правозащитников привели к тому, что конфликт был урегулирован путем переговоров. На этот раз реакция населения была совершенно противоположной. Принято считать, что основная доля вины за войну лежит на чеченских террористах. Они захватывали рабочих и журналистов, требовали за них выкуп и зачастую убивали их. Мало кто решается оказывать помощь чеченцам или публично говорить о совершаемых в отношении них зверствах. Налицо умелое манипулирование общественным мнением. В первые постгорбачевские годы россияне питали естественное отвращение к насилию. Действительно, в это время пролилось очень мало крови, и случаи убийства людей были редки. В Тбилиси, Литве, а затем в ходе осады парламента в 1993 году общественность критиковала тех, кто применял силу. Но этому пришел конец. Избрав Путина президентом, россияне стали причастными к кровопролитиям в Чечне. Путин попытается восстановить сильное государство и может в этом преуспеть. Однако государство Путина вряд ли будет построено на принципах открытого общества. Скорее всего, государство по-прежнему будет использовать в своих целях тот ужас, который охватил российских граждан после взрывов жилых домов. Путин постарается установить власть государства внутри страны и авторитет России на международной арене». («Гардиан», 17 апреля 2000 г.)

Похоже, что он неплохо разобрался в российской ситуации...

Остальные материалы, в том числе «израильские», мало интересны.

Всегда твой

Наум

От Р: Милый НИО, уже 2 часа я дома, а всё ещё не в состоянии «страхнуть» тебя и вернуться к нормальной рутине. Ты был безумно хорош сегодня! И я уже скучаю и мечтаю о новой встрече. Спокойной ночи, мой милый НИО.

Первое движение было ответить. Но не ответил. Ну вот начальство выразило тебе благодарность за хорошую работу, так что, благодарить начальство за любезность? Не за страх ведь вкалываем, а за совесть...

Ездили в Иерусалим на вечер Аарона Амира. Вела Шенбрунн. С самого начала Клара, увядшая красотка-библиотекарша, разозлила меня: «Вас не разорит...», — замыкала. Содрала, не успел опомниться, пять шекелей. Почувствовал себя как фраернувшийся вор в законе. Ух и разозлился. А тут еще Шенбрунн, пригласившая выступить (стал бы я иначе в Иерусалим тащиться), забыла про меня. Она, оказывается, перевела отрывки из романа Амира «Роза и меч» еще в 78-м, они были опубликованы во втором номере «22», и их зачитал по листочкам какой-то актер с бородой. Я узнавал отрывки из моего интервью: вот, оказывается, где секрет «хорошей памяти»: он сначала обо всем рассказал в романе, а потом пересказал в нескольких интервью, в том числе и мне. Потом Шенбрунн, величественная и очень серьезная дама, когда-то была красива, объявила дискуссию. Народ дорвался до болтовни. Пришлось о себе напомнить — еще одно унижение. Представила меня таким макаром: «Предоставляю слово Науму Вайману, он давно просит». В общем, обсрали как положено. В довершение всего Шенбрунн подарила мне свою книжку (а я свою забыл, конфуз). Издана хорошо, бумага гладкая. И Шенбрунн ничего баба, огнеупорная. Попалась бы ты мне под Курском... Познакомился с молодым парнишкой в кипе, Сашей Гринбергом, переводит с арабского и французского. Пошлю ему книжку.

22.10. Утром позвонил Р. Голос сонный. «Иди сюда...»

— А ты еще в постели?

— Ага...

— Тогда бегу по проводу. Жид по веревочке бежит.

Опять стала говорить, что «в тот день» она пришла и не могла от меня «освободиться», и сейчас еще...

— Есть в мире сердце, где живу я, — резонерствую.

— А у меня есть сердце, где я живу?

— Ну, у тебя их много.

Засмеялась довольная.

Через две минуты позвонила:

— Ой, забыла тебе рассказать, что со мной позавчера в школе было! Иду я на урок, поднимаюсь по лестнице, сзади, как всегда толпа, и вдруг

слышу: «Цицим ве шпицим»¹, ха-ха-ха! А ведь в старое время за такое из школы бы выгнали, ха-ха-ха, цицим ве шпицим!

— Ну что, милый шарж.

— Я, конечно, обернулась: какой-то парень. Асу ли эт а ём². Я два дня ходила смеялась.

Цицим у нее действительно на полметра вперед, и каблуки — сантиметров десять. Ноги уже опухают, но высоты не снижает, держит планку...

Через две минуты еще раз позвонила.

— Мне так хочется с тобой поговорить... Ты знаешь, у Нехамы скоро день рождения, так мы с мужем устраиваем ей вечер... Ой, она замечательная, я так хотела бы вас познакомить.., но она ужасно любит моего мужа. Она мне недавно сказала, что была участницей первой Макабиады, представляешь? Живая история Израиля! Она хорошо знает и многих политических деятелей...

— Мемуары пишет?

— Нет, она говорит, что у нее нет склонности к искусству, у нее такой математический склад, хотя она чудесно рисует и лепит, а в молодости она лепила таких толстых баб с огромными сиськами, а сама она высокая и очень худая... Она мне как-то показала свою старую тетрадь, 75 лет тетради, которую послали на выставку во Францию, на выставку студенческих работ, она заняла там какое-то почетное место...

— Рисунки?

— Нет! Тетрадь по аналитической геометрии, чертежи! Я сначала и не поняла, что это тетрадь, думала: такая старая книга, чертежи такие — просто чудо, и каждая страница обрамлена в такую рамочку с разными орнаментами, ты себе не представляешь, как здорово! Вот так она училась. И всю жизнь, как я, математику преподавала.

— Да, у вас много общего...

— Ужасно, она и говорит... и иногда рассказывает мне такие вещи, которые, говорит, я и дочкам не могу рассказать...

От Л: Прочла рассказ на одном дыхании. Плакала.

Ответ Л: А теперь улыбнись: посылаю «Пушкина», угадай — чей?

От Л: Окуня?

Ответ: Нет, это Дали. посылаю тебе предисловие к роману. Пожалуйста, покритикуй как следует.

¹ Сиськи на шпильках (*ивр.*).

² Сделали мне праздник на целый день (*ивр. сленг*).

Уважаемый Менахем!

У меня давно уже все готово, но дело тормозит нерешенность вопроса о корректуре-редактуре Матвея Рувина. Вы ему написали, что его работа признана успешной, и чтобы он «вышел» на Инну Демьяновну, что он и сделал. Но Инна Демьяновна, к сожалению молчит. Нельзя ли узнать, в чем там дело? Потому что, если есть «добро» на его работу, то весь роман, вычитанный и исправленный, включая предисловие, уже через несколько дней будет у Вас.

Кстати, в «Вестях» (в «Окнах») через неделю начнется публикация отрывков из романа, с указанием, что книга готовится к изданию в из-ве «Гешарим» (о чем я говорил с Гринбергом). Есть ли какие новости с «правами»?

С глубоким уважением

Наум Вайман

Поехали вечером на презентацию «Кешет ахадаша¹» в Кфар Шмарьяу, в «Доме художника». Все та же компания. Амир весь вечер на арене. Еще Ори Бернштейн выступал. Говорить они мастаки, просто лиходеи. Амир ночью улетает в Париж, Беттина говорит, что силой решила увезти его на три дня, дать ему отдохнуть. Познакомился с Ари Беленьким. Странный парниша, говорит по-русски, пишет по-английски, а печатается на иврите: у него в сборнике два рассказа. Перевел с отцом историю антисемитизма одного католического священника (забыл фамилию), где защищает евреев даже от евреев (от Ханны Арендт, например). Чем-то напомнил Бравермана. Обменялись адресами.

23.10. Утром позвонил Р.

— Я тебе послал вчера рассказ, получила?

— Получила и прочитала. Но была очень недовольна твоей припиской. Да-да, что это такое: ни поцелуя, ни даже привета. А рассказ я просто проглотила, приехала поздно, устала (где ж ты, сука, была?), думала, только посмотрю, и уже не могла оторваться. Нет, я же не могу читать «объективно», это для меня как разговор с тобой. Вот ты там наивно пишешь о выборе между постелью и пьедесталом. Но ведь для женщины постель и есть пьедестал.

Пришла посылка с книгами. Сообщил Озрику, что пришла его книжка.

— Что нового? — спрашиваю.

— Ничего.

— Ты на выставку Пикассо не ходил?

— Нет. Я его как-то не очень.

¹ «Новая радуга» (*ивр.*), журнал Аарона Амира, ремейк знаменитого журнала «Кешет» (Радуга), который он издавал в 60-е.

— Да, я тоже.
— Не задевает. Я думаю: его раздули, коммунист, то да се.
— Да, с этой «Герингой»...
— С «Герникой»?
— Ну да.
Долго ржали.

От Р: Впервые говорю с тобой совершенно серьёзно. Я восхищена. Ты Хитрый Змей. Ты умён и талантлив. Очень надеюсь, что тебе достанет пороку и вкуса довести «Юдофоба» до полной чистоты. Все комплименты потом, «глаза в глаза». Ну, а если ты жаждешь критики, то пожалуйста получай — мне не жалко для тебя даже критики:

— наличие большого количества скобок в художественном тексте — это отсутствие умения четко выразить мысль и скомпоновать её в удобоваримом виде.

— слабые стихи не украшают текст.

— слишком много идей для одного рассказа. Явная перенасыщенность, особенно в начале. Мысли набегают одна на другую, отчего соответственно уходит смысл и теряется форма повествования.

— много прописных истин. Напр. На стр. 11, абзац «А вообще...»

Критика в больших количествах омерзительна мне, как одна из форм утончённого садизма. Впрочем, ты это знаешь, как и всё остальное...

Чёрточки в конце строчек выскакивают сами, и у меня не получается от них избавиться.

Спокойной ночи.

Спасибо за отзыв. Он был мне очень важен. Тысячу раз целую.

Танечка!!!

Ты звучишь хорошо, тьфу-тьфу!!!

Поздравляю с совершеннолетием вашей семейной жизни!!!

Мы пока не собираемся никуда, но кто знает???

Целую, Rima

Spasibo Rimochka

Мы Вас очень часто вспоминаем (как пример для подражания). А муж так просто краснеет и бледнеет, говоря о Вас (Римочка — красавица). Мне единственно жалко, что Павке не удалось повстречаться и пообщаться с Наумом. Он изучил уже вдоль и поперек «Ханаанские хроники», сначала возмущался, потом ругался, а теперь принял и говорит, что очень хорошо понимает видение Наума и уже не видит в книге злобы, но боль. Вот так. Сидя здесь все время грузим себя новостями из Израиля и пытаемся решить его судьбу (сидя на кухне... смешно...). Но хотя бы не ссоримся из-за политики. Где ваш младший служит? В неопасном месте хотя бы?

Ну все, рвут компьютер, пойду кофе пить. Счастливо.
Таня

Послал емелю Беленькому. Позвонил Шенбрунн. Мило поболтали.
Взял адрес: книгу послать.

24.10.

Shalom Nahum.

I got your message safely — thanks.

If you do not mind I would send you 2–3 short stories.

Ari

Ари, привет!

Прости за прямоту римлянина: рассказы страдают схематичностью и чересчур пафосны. Просто рапсодия какая-то. («Режиссер» в этом плане совсем не годится: эпические рыдания для простой современной истории показались мне неуместными.) Рассказ «Идущие на смерть приветствуют тебя» понравился больше всего, может быть, потому, что очень похож на один мой давнишний («Сын звезды»), где советский студент техникума пишет рассказ о Бар Кохбе и штурме Масады. С тех пор, увы, я мало преуспел в этом деле (писании рассказов), но хотя бы понял — мне кажется — как писать нельзя. И могу признаться, что очень долго болел одним «грандиозным замыслом» (Рим, Иудея, Великая война, юный скиталец, ставший распятым проповедником)... Наверное, этими видениями бредит каждый еврейский юноша, даже состарившись. Только недавно до меня дошло, что замысел неподъемный, мне, во всяком случае, не по силам... И еще (все тянет на сравнение твоего и моего рассказа), у меня все построено на контрасте: советская обыденность и поэтические (пафосные, не хуже, чем у тебя) видения штурма Масады, а у тебя рассказ — в одной тональности (пафоса). Хотя, должен признаться, что читал без ощущения переизбытка пафоса, скорее, как стихотворение в прозе, и, кстати, стихи в рассказе вполне соответствуют общей «картине». А может, повторюсь, бедное еврейское сердце невольно отзывается на эти картины... Император Тит перед штурмом Иерусалима, ха-ха... Последний рассказ «Софер» продолжает эту пафосную линию «романтического сказания», но тут уже этот «возвышенный стиль» показался мне перебором. Но в любом случае тексты вполне «печатные», они скорее слишком литературны, чем неумелы. И в этом смысле выигрышны для перевода.

Надеюсь, что простишь меня за «прямоту»: пишу как самому себе, а к себе я «строг».

Наум

И пришли мне свой адрес, я pošлю тебе свою книжку в надежде на столь же нелицеприятный отзыв.

Читая, вновь вспомнил Бравермана, и подумал: литературные близнецы. Но писать об этом не стал. И у Бравермана нет этого «пылающего» пафоса.

Наум, шалом.

Я попробую ответить на все замечания. Есть несколько человек, которые любят эти рассказы — этого достаточно. Короткие рассказы — это как шахматные двухходовки — они тоже могут быть классикой, хотя не все их любят. Скажем, Моше Шамир отказался напечатать у себя эти рассказы, считая их фельетонами — хотя напечатал несколько длинных — а вот Аарон Амир напечатал. Ты переводишь романиста, поэтому твоя позиция — это позиция Шамира.

Вообще, после Борхеса нельзя писать длинно, а я его ученик. Обычно мои читатели понимают, о чем речь в последней строчке — и понимают, как много они упустили в тексте — и перечитывают. Очень важны эпиграфы.

В Режиссере я пересказал 6 дней творения. Там нет ни одного проходного слова или образа. Все отсылки к Торе или мидрашам. Концовка — моя, которая поднимает рассказ уже на другой уровень.

В Софере — пересказ создания Торы. Хотя он самый слабый — там есть некая интонация.

В Моритури замысел гораздо серьезнее — пленник, которого Тит спас, это и есть Иосиф Флавий, оставивший нам о нем воспоминания. Тут нужно прочесть его Иудейскую войну. Некоторые из стихов в рассказе — это парафраз из этой книги.

Посылаю следующую партию рассказов — всего полтора десятка.

Ари

Если человек пишет, что он «ученик Борхеса», то спорить уже не о чем (особенно если он при этом советует тебе хотя бы почитать Иосифа Флавия). А я в очередной раз вляпался со своим критиканством.

Однако тут же пришло продолжение письма:

Наум — шалом.

Я — за краткость, так как просто не терплю необязательных слов.

Мои рассказы просто нафаршированы недосказанностями и непрямыми цитатами. Я предполагаю, что читатель должен знать Тору и еврейскую историю — остальные вещи я объясняю. Часто мой рассказ — это *драш* на один *пасук*¹ из Торы (как, например, Софер).

Шесть дней творения еще никто не рассказал *так*. А любое его новое прочтение — это событие.

Вместо посылки книги предлагаю встретиться.

¹ Драш — комментарий (*ивр.*), пасук — глава (*ивр.*).

Я сам шаббат публично не нарушаю, поэтому не смогу поехать в Холон (в моцаей шаббат¹ приглашен), но буду рад видеть вас с супругой у себя, скажем в 1 ч. пополудни.

Гиват Шмуэль, га-Наси 19 бет, кв. 16. Тел ...

Ари

moneu

Матвей, привет!

Я сегодня говорил с Гринбергом и «пожаловался» ему на молчание московской конторы. Он сказал, что дело «на мази», твоя работа «принята», и московская контора должна связаться с тобой для заключения договора, а что не связалась еще, так, мол, у них сейчас работы невпророт, выпускают одновременно десять книг, надо их простить, но в любом случае он им отправит письмо с тем, чтобы «сдвинуть» дело. Он также «обронил», что контора должна выяснить у тебя, сколько ты хочешь за работу. Если до этого дойдет дело, то, может быть, не стоит называть цифру самому (хотя цифра 200 в моем прежнем разговоре с Гринбергом фигурировала, и он ее, конечно же, не забыл), а спросить, сколько у них принято платить за такую работу (если есть надежда, что они заплатят больше). Хотя можно и сыграть в открытую (правда, опыт показывает, что «открытость» в торговле редко вознаграждается) и сказать, что хотя такая работа стоит столько-то и столько-то, но ты, по дружбе со мной, выразил свою готовность сделать ее за 200 и от своих слов не отказываешься. Не подумай, что поучаю, просто советуюсь, и по одной единственной причине: хочется раскрутить буржуев на полную катушку. Но тебе, конечно, видней, так что «смотри по обстановке».

Вернулась ли Мила? Что рассказывает?

Всегда твой

Наум

25.10.2002.

moneu

Наум, привет!

Позвонили мне таки сегодня из «Мостов культуры». Сказали, что моя правка их устраивает, и они готовы подписать со мной договор. Расценки — 10 \$ за печатный лист. Договорились, что я подъеду к ним для оформления договора во вторник. Между прочим, сказали (правда, говорила со мной секретарша, сама Инна Демьяновна не удостоила), что им кажется, что перевод неплохой, а вы как думаете? Я ответил: «Если бы перевод мне не нравился, я бы за правку и не взялся». Буду держать тебя в курсе. К сожалению, пока нет времени править, но при первой возможности возобновлю работу.

Всегда твой,

Матвей

¹ Конец субботы (ивр.).

Прочел твое письмо уже после разговора с редакцией. Что касается денег, то никто не спрашивал, какая моя цена, а было мне сказано абсолютно однозначно: «Наши расценки такие-то. Мы понимаем, что это очень маленькие деньги, но, к сожалению, у нас нет возможности платить больше». Я немного покочевряжился, спросил, всем ли они так платят, сослался на то, что в других изд-вах ставки выше (хотя это неправда: 300 р — это средняя ставка). Конечно, я не сомневаюсь, что каким-нибудь «своим человечкам» они платят на порядок больше, но в разговоре со мной не возникала ситуация, которая давала бы мне возможность торговаться. Да и почему они должны быть во мне так уж заинтересованы? Возможно, я вел себя неграмотно и мог бы что-нибудь выторговать, но, во-первых, я не был готов к разговору (мне казалось, что они вообще не позвонят), а во-вторых, я просто не умею вести такого рода разговоры. В любом случае, если я получу от них 125 \$, то вкупе с твоими 100 \$ это составит вполне приемлемую для меня сумму. А что не удалось распатронить классового врага, так и у Ленина не все получилось.

Всегда твой,
Матвей

money
Матвей, привет!

А почему 125 дол.? Кто считал «листы»? Кажется, их там около двадцати, так что может и 200 выйти. В любом случае я рад, что дело сдвинулось. И то, что они готовы платить — это признак серьезности намерений, в смысле издания (я, откровенно говоря, до сих пор не уверен, ведь права он так и не получил еще).

Всегда твой
Наум

От Л: пока думаешь, давай записки
это ты не Аниного ли деда раздел в юдофилы?

нет, просто «выдумал», а что, «хилая» идея?
а Анюта заткнулась

Ари, привет!

Спасибо за приглашение. С удовольствием подскочим, только, может быть, (если тебе это удобно) чуть попозже, потому что мы собрались с приятелями пойти утром в тель-авивский музей. Давай сделаем так: мы тебе из музея позвоним и уточним. А если время окажется для тебя неподходящим, то перенесем встречу.

Наум

Позвонил Боря: Гриша умер. Светлый был человек. Мы вместе начинали «карьеру» израильских учителей, Боря преподавал английский, а Гриша, его тесть, физику, только в отличие от меня, вольного и дикого стрелка на этой поляне, он был кандидатом педагогических наук, старше нас лет на двадцать и человеком удивительно мягким и добрым, качества, с которыми, как мне казалось, в израильской школе не выжить. И он, конечно, немало натерпелся от подростковой израильской вольницы, тем более что язык ему очень трудно давался, да и часов вначале было мало, физику в Израиле в то время вообще не преподавали, только факультативно, в некоторых школах, где смогли набрать небольшие группы. И что меня удивило и как-то даже примирило с израильскими школьниками, которых я ненавидел, что хоть они и мучили его, «ходили на голове», но — любили, до сих пор странно, что они на это способны, и это особенно проявилось, когда он тяжело заболел, и ясно стало, что умирает, к нему каждый день приходили ученики, маленькими группками, или в одиночку. А я так и не заехал, не попрощался. Страшно посмотреть в глаза умирающему? Хочется держаться от смерти подальше? Он был крупный мужчина, и его долго и неловко «сгружали» с носилок в бетонную лунку. Почему похороны всегда в жару, даже в октябре, и солнце в зените, могильные плиты растворяются в белом мареве, удар можно схватить.

26.10.

Матвей, привет!

Смотрю с утра «освобождение заложников» и недоумеваю: либо лихие чеченцы оказались какими-то «бабами», либо весь зал каким-то образом усыпили, а потом кого надо отстреляли. Никого из заложников пока не показывают, развезли по больницам, видно, «откачивают». А что у вас «народ говорит»?

Посылку с Берковским и техзаказом получил, спасибо.

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Действительно, кто считал листы? Кажется, ты и дал мне эту цифру: не выдумал же я ее «из головы». Для интереса я все же листы посчитал (по изначальному тексту, без правки), и у меня получилось 14,7. Если же приплюсовать Предисловие (не знаю, стоит ли это делать), то получается 15,1. В общем, в любом случае сумма меня устраивает.

У меня в данный момент совершенно катастрофическая ситуация со временем: какой-то небывалый наплыв дополнительных газет для разности (правда, за дополнительную плату), так что я не успеваю сделать в срок даже работу для ИФ, которую откладывать не могу никак. Впрочем, если они (Мосты культуры) действительно подпишут со мной

договор во вторник, то, я думаю, сроки, которые ты мне раньше называл (что-то типа 15 октября), по-видимому, теряют силу. Если я к моменту заключения договора сделал уже половину работы, то, наверное, особой спешки быть не должно, или как? Мне не хочется делать этот текст на бегу: сказать по правде, я по первым двум главам прошелся дважды, потому что, просмотрев первые десять страниц по второму разу, нашел в них массу упущений, и та же картина повторялась по всему тексту. Так что я понял, что «одного раза недостаточно» (по крайней мере, для этого текста). Кроме того, мне сказали по телефону, что я должен буду на последнем этапе еще раз «просмотреть корректуру». Этому я даже рад, потому что если буду значиться официальным редактором, то чтобы отвечать за «конечный результат», вторую корректуру надо держать обязательно: только так можно пройтись еще по внесенным тобой изменениям (разумеется, если там будет что-нибудь помимо чистой орфографии, эту правку тоже надо будет согласовать с тобой).

Раз уж ты назвался груздем-мазохистом, полезай в кузов — почитай Джемалю, публициста, пользующегося сейчас колоссальной популярностью, любимца всех телеканалов, без которого не обходится ни одно ток-шоу. Когда в театре захватили заложников, он тут же прошелся по всем телеканалам и объяснил, что террористы действуют по заданию израильских спецслужб. Позавидуешь такой четкой «картине мира»; он, кстати, ближайший сподвижник Дугина, любимца израильской прессы.

Всегда твой, Матвей

P.S.

Зал действительно усыпили при помощи какого-то газа. Спецслужбы этого открыто не признают, говорят, что были использованы только шумовые гранаты. Однако у заложников были мобильные телефоны, и некоторые из них звонили на радиостанцию «Эхо Москвы» прямо в прямой эфир. И вот в какой-то момент — еще ночью, но уже ближе к утру — позвонила какая-то девушка и очень нервно, с использованием «ненормативной лексики», истерично, задыхаясь, почти прохрипела: «Эти мудаки (в смысле федералы) решили нас угробить вместе с чеченцами, они травят нас газом, весь зал прикрывает носы чем попало, чтобы дышать через фильтрующую ткань». И тут же послышались звуки стрельбы. Сейчас, когда все уже кончено, показывают прорву заснятой пленки, и там видно, что спецназовцы выносят неподвижных людей на плечах и складывают их у главного входа штабелями. Те журналисты, которые были очевидцами этого события, признаются, что в первую минуту были уверены, что это выносят трупы. Но постепенно люди начали очухиваться, шевелиться, поднимать головы. Те же, кто покрепче, стали выходить потом на улицу на своих ногах, но придерживаемые спецназовцами — и все они прижимали к носу платки. А потом всех потащили к каретам скорой помощи, которых нагнали десятки. Кроме того, показали медсестру из одной больницы, куда привезли заложников,

и она сказала: они все на долечивании с одним диагнозом — отравление. А вокруг трупов чеченцев видны были вдобавок разбросанные шприцы; при этом они с начала захвата не принимали пищу. Думаю, в этом и была их главная ошибка: они настроились на спринтерскую дистанцию, а надо было — на стайерскую. Лужков признался, что самим Путиным уже было принято решение назначить личного представителя для проведения переговоров (Лужков даже назвал имя — генерал Казанцев), и в 10 часов утра должно было быть объявлено, что власти готовы приступить к диалогу от имени самого президента. Дуракам повезло, и операцию пришлось провести в идеальном — запланированно-импровизационном — режиме, и все получилось.

У нас ни один из «публичных политиков» (и уж подавно никто из «обывателей») не верил в возможность успешной операции, и заложники боялись «освободителей» гораздо больше, чем террористов («Стокгольмский синдром»). Но вот, ко всеобщему изумлению, всеми презираемые «силовики» провели операцию блестяще и посрамили либералов-пацифистов. Интересно, что передача единственного канала, работавшего всю ночь — НТВ с Савиком Шустером, — превратилась в пацифистскую антипутинскую демонстрацию, которая достигла наивысшего накала как раз к моменту штурма. Девушка, звонившая по телефону на «Эхо», сказала: «Как же эти скоты (в смысле: федералы) посмели начать штурм? Ведь все мы смотрели НТВ, и наши сердца наполнились надеждой, потому что все ораторы ясно как день доказывали, что надо принять все требования комбатантов (!) и вывести войска из Чечни».

Матвей, привет!

Я, конечно же, хочу, чтобы работа была проделана наилучшим образом, и спешки особой нет. Хотя и затягивать тоже не хочется. Давай прикинем срок «окончательных итогов», условно на 15 ноября, нормально?

Джамаля прочитал: спец по сионизму, были такие в СССР, доказывали, что евреи не нация, и национальное государство им не нужно, опять же палестинцев обижают. Давая антисемитам советы, как надо «умно» с евреями разбираться, старается при этом не попасть в антисемиты, но враньем не гнушается: вешает на нас «резню в лагерях Сабра и Шатила» — шум-то о резне был, а кто кого резал (фалангисты-христиане — мусульман-«палестинцев») кто ж помнит, называет Израиль религиозным государством, да много чего. И то, что это под «эгидой» Израиля Шамира, не удивляет, но вызывает все-таки раздражение... Но, увы, и у нас полно левых с подобными взглядами. Кстати, любовь к Дугину израильской прессы не нужно преувеличивать.

Что касается теракта в Норд Ост, то меня больше всего раздражает наивная и единомышленная ложь, которой дружно пичкали публику по всем вашим каналам, причем не только официальные представители, но и

корреспонденты. И что за «успешная операция», в ходе которой погибло (по официальным данным, а веры им нет) 67 заложников, а также неясны последствия для здоровья тех, кто «очухался»?

Всегда твой
Наум

26.10. Поехали с утра на выставку Пикассо. Народу много: давно не видел очереди в музей. Пикассо знакомый и нелюбимый. Бычок-мужичок. Матисса, оказывается, не любил. Еще бы: у Матисса улыбка, линии летают, краски нарядные, а у Пикассо — напор (рогами вперед), линии как скрещенные мечи сражаются, и краски — злые.

Потом поехали к Ари. Старый обшарпанный дом для восточной бедноты и новых репатриантов на окраине района новых многоэтажек. Дом пустой — берлога безработного разночинца в чужом городе. Журнальный столик и стол у окна завалены бумагами, книгами, журналами, все раскрыто, как будто в работе. Усадил, угостил водой, стал рассказывать о математических моделях в экономике, в прошлом году он давал этот курс в Бар Илане, а в этом году не востребован. Почитал его стихи, лежавшие на столе. Вдохновенно, но неказисто. Немного поспорили — он возражений не принимает. Поговорили даже о рабби Акиве и еврейской этике, он объяснял мне «мидраш» о ценности жизни разных людей, а я ему рассказал такую же китайскую притчу (двое в пустыне умирают от голода: один кусок хлеба, или глоток воды, на двоих). Ко всему еще выяснилось, что он на гитаре играет и поет. Ходит в КСП в Тель-Авиве, его ведет некто Гельфанд. Сыграл-спел две песни, Визбора и свою. Ну, я тоже, принял вызов. Обменялись книгами. Они с отцом (бывший главврач центральной больницы в Донецке) перевели «Муки евреев» (смешное название) Фланнери. Весь угол заставлен экземплярами книги. «Продаю». Пришлось купить. «Возьми еще пару для распространения».

— Спасибо, — сказала жена, прощаясь, было гораздо интересней, чем я думала.

— А я старался, — сказал он.

У меня сразу появилось ощущение, что он не меня, а жену пригласил.

А вообще парень с признаками гениальности, разбросанности и невостребованности. Обещал взять меня в Клуб.

Вечером гуляли с Портосом и Озриком. Потом зашли ко мне. Портос заинтересовался «Муками евреев» и купил книжку. Взялся устроить Ари на работу. Я тут же позвонил, связал их, переговорили.

Озрик (тоже решил принять участие): «Может, его женить? У меня есть знакомая врачиха...»

— Ты ее сначала мне покажи, — говорю.
Гусары заржали.

27.10.2002. Утром позвонил Р.

— А я сегодня решила не пойти на работу. Может, давай сегодня встретимся? В одиннадцать.

— Давай...

— А куда пойдем?

— Давай в кино сходим?

— Как скажешь.

Наум, привет!

Хорошо, буду ориентироваться на 15 ноября, хотя для меня это очень напряженный срок.

Насчет «успешности» операции ты прав: я писал письмо, когда намекалось, что жертв среди заложников вообще нет (кроме пяти якобы убитых террористами). Потом Лужков назвал цифру 30, потом Васильев — 67; сейчас говорят, свыше 90, и ясно, что это не окончательная цифра. По-видимому, большинство заложников погибли от газа, причем довольно-таки «неприятным образом» — захлебнувшись в собственных «рвотных выделениях». Похоже, доза газа была чрезмерной для удобства «освободителей», и заложники погибли от рук «своих»; если бы в перестрелке погибли 100 заложников из 700, и мы узнали бы, что все от пуль своих, то вряд ли можно было бы говорить об успешности операции, а если от газа, то это, выходит, «совсем другое дело». Лжи тоже наворочено невпроворот, и главная ложь в том, что операция началась спонтанно, потому что террористы якобы стали расстреливать заложников (двух человек). Сейчас становится ясно, что это выдумки (незадолго до начала штурма у террористов был телефонный разговор с Казанцевым, назначенным Путиным переговорщиком для отвода глаз; они договорились встретиться утром, и никакого резона расстреливать ни с того ни с сего заложников у них не было), и операцию начали федералы, которые и не собирались ни о чем договариваться, а выполняли единственную задачу — повысить рейтинг Путина любой ценой. Я, конечно, проявил наивность в первоначальных оценках — по-видимому, на фоне всеобщих ожиданий чего-то еще худшего, памятуя о прежних «успехах» федералов в подобных ситуациях (Буденновск, Кизляр, Первомайское и проч.). Парадокс состоит в том, что принятие условий террористов (ритуальное, ни к чему не обязывающее «вступление в переговоры» и демонстративный вывод из Чечни каких-нибудь избыточных подразделений) давало Путину какие-то шансы изменить ситуацию в Чечне и хоть немного освободиться от влияния придурковатых генералов-ястребов; теперь же, на фоне мнимых «успехов» силовиков, Россия увязнет в войне еще более безнадежно. Впрочем, туда ей и дорога, а для Израиля Россия, увязнувшая в войне с мусульманами, — это самый лучший шанс: при лю-

бой другой конфигурации она пошла бы на более тесное сближение с главными врагами Израиля (включая поставки оружия и все такое), а мечтать о России-союзице можно только по наивности.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Будем считать 15.11. ориентиром. В конце концов, это не «дедлайн».

Что касается отцов-освободителей, то странно то, что «умом» я понимаю, что чем им хуже (с мусульманами), тем нам лучше, но не могу рассуждать «нейтрально», отрешиться от старой ненависти к этой машине лжи и убийства по принципу бей своих чтобы чужие боялись. Я полагаю, что перестрелки не было вообще, все погибшие — от газа. А «уснувших» чеченцев просто расстреляли, чтобы доложить народу о потерях со стороны врага, а то как бы не вышло, что своих-то перебили, а этих только взяли в плен (что, возможно, было б полезней). Или просто прятали концы в воду. Может, потому так задело, что и у нас подобных манипуляций, лживости прессы и тупого патриотического легковерия предостаточно.

И, конечно, свои иллюзии насчет «союзицы» я отношу на счет слабости духа. Упаси Боже от таких друзей...

Наум

Пошли на «Олигарха». Портрет кисти придворного художника. Мерзятина.

Потом пообедали в «Цезаре». Какое-то полувьяснение отношений. Она в кризисе, говорит, что «этап кончился», надо что-то резко менять. Но нет идей. То есть, мужиков на примете.

— А что у тебя во вторник?

Смеется.

— А ты что, хочешь во вторник встретиться? Если хочешь, то я подумаю.

— Ну, подумать я и сам могу.

— Вот и подумай.

В деревне (в шесть уже темно) отсосала за милую душу.

— Как Яки твой поживает?

— А что твоя американская подруга, пишет?

— Пишет.

— Каждый день переписывается?

— Почти...

— А чего ты про Яки вспомнил?

— Так, интересно... Ему уже 50 стукнуло?

— Нет еще.

— Молодецкий возраст.

— Да ну... Тот еще «молодец». В общем, Яки мне надоел. Просто уже — все. Тошнит. Невыносимо скучно. Надо его женить...

— Ну, а он... чувствует?

— Конечно, чувствует.

— Смирился?

— Да. Прошли эпохи скандалов, претензий и требований.

— И что, он не пытается что-то... предпринять, как-то развлечь?

— А ты — много пытаешься меня развлечь?

— Ну...

— Мне кажется, ты все сделал для того, чтобы держать меня на расстоянии, не подпустить. Ты меня с самого начала отталкивал от себя.

— Ну уж...

— Но все равно я тебе благодарна. Ты... ты меня возродил! Ты дал мне еще несколько лет жизни. Когда я уже думала, что все, конец. Я была ужасно увлечена тобой... А сейчас...

— Ну, как человек с деньгами, он мог бы взять тебя на три дня на Гавайи...

— Да ты что, я там со скуки умру.

— Ну... всякие культурные развлечения, театр...

— Жрачка, вот и все развлечения. Менять надо, все надо менять...

— А у него не могут появиться такие же идеи?

— Какие?

— Ну, поменять...

— Алевой¹. Но вряд ли.

— Так к тебе привязан?

— Да. Я в свое время слишком многое ему показала...

Смеюсь.

— Чего ты ржешь?

— У моей девочки есть такая маленькая штучка?

Молчит. Помрачнела.

28.10.

Naum, I will make another effort to make you find some interest in my stories. Here are two more. They are real stories, built from the first floor up. I would like you will connect me with Grobman. It will be good would you say a few words first and then I can send him some stories.

I recalled I have read the beginning of your novel in Hebrew.

shavua tov,

Ari

Ари, привет!

Рассказы не изменили моего общего мнения. Тем не менее, я покажу их Гробманам. Твои «деловые бумаги» передам знакомому,

¹ Дай-то бог (*ивр.*).

вдруг сможет помочь с работой. Он, кстати, купил твою книжку, так что я тебе должен 45 шекелей.

Наум

Матвей, привет!

Посмотрел «Олигарха». Оказался отвратительной лажей. Признаться, я даже удивился. Как-то необъяснимо «плохо», куда хуже самого худшего из того, что он (Лунгин) до сих пор сделал. Такое впечатление, что он, нехотя и презирая себя, выполнял заказ олигарха...

Изменился ли у вас хоть немного тон реакции на события, или одобрение партии и правительства по-прежнему единодушно?

Наум

Барашу:

Саш, привет! Как дела? Надеюсь, из твоих близких никто не был затронут этой театральной северо-восточной жутью.

Во-первых, твое предложение о помещении куска романа Шабтая в моем переводе на сайте Остракона теперь более реально, так как Гринберг взялся его издавать (хотя прав еще нет, «выбивает»). Так что если ты по-прежнему заинтересован, то можно это сделать. Во-вторых, я тут познакомился с одним своеобразным и многосторонним малым (он американский выпечки доктор математики), некто Ари Беленький, которого я в литературном смысле определяю как талантливого непрофессионала. Он пишет рассказы по-английски и сам же переводит их на русский и иврит. На иврите некоторые были даже опубликованы. Кроме того он перевел книгу Эдварда Фланнери «Муки евреев» (название, конечно, то еще...) и издал ее за свой счет. Носит кипу. Выразил желание «выйти на «Зеркало». То есть предложить свои рассказы. Мне они не особо нравятся, но, кто я, что я, только лишь мечтатель... Если у тебя, как у члена редколлегии, есть желание ознакомиться, то могу перекинуть. У его рассказов есть одно несомненное достоинство: они короткие.

Всегда твой

Наум

29.10.

Любезный Наум,

тут Московский Журнал *Топос* перепечатал мои давние заметки (в том числе и) о Вас. Не считите за «новость» — ибо сие мой «старый Гной». В смысле не шибко новый.

Сам я уже придерживаюсь несколько иных воззрений на описываемое...

Так что не считите за оффенсиву. Это зело застарелая дребедень...

Мне (ныне) кажется Ваша книга весьма поучительной...

С почтением,

Ваш Виктор Яфе.

Казус Ушельца или Рефлексия о методологии Постмодернизма середины девяностых годов. Постмодернизм в русском Израиле №2.

Безответственность бывает и точечная. Сугубо анонсная. Игольчатая и краткая, но от этого не менее противная. Так, просматривая некую псевдомемуарную книжечку другого Гольдштейнова друга-приятеля — одного тель-авивского учителя предпенсионного возраста, отчего-то свято уверенного в собственной литпригодности — лысоватого брюзги Наума Ваймана — мы читаем на обложке вот что: «Отрывки из «Ханаанских Хроник», опубликованные в уважаемом русскоязычном израильском журнале «Зеркало»...»

Здесь очень важно (в контексте ответственности) обратить внимание на прилагательное «уважаемый», употреблённое относительно издания «Зеркало». Что позволяет безымянным сотрудникам конововского издательства «Инапресс» именно так аттестовать супругогробманное детище? Что делает «Зеркало» уважаемым изданием? Наверное, в первую голову то, что журналистик этот днём с огнём не сыщешь ни в одном из сотен русскоязычных книжных лавок города Израиля. Нет как нет. Это ли не показатель уважения? И абсолютное большинство из кретинического поголовья израильскообременных книжников-продавцов (да простят нам счастливые исключения из этого правила, люди, метящие свою «книгоношу» в слова «рыцарское добро», без них жить было бы вообще тошно) даже и не слышало о таком органе. ... Даже смердящий удвоенной воронелью «Двадцать Два» встречается-«привечается» и «уважается» (а это корень «уважения») читательской массой не в пример больше и интенсивнее. Кстати, это мы вовсе не к тому, чтобы сказать: де «Зеркало» — откровенно плохой журнал. Как раз таки хороший. Намного важнее и «Двадцати Двух», и «Двоеточья», не говоря уж о юных сплетённых солнцах. Только вот — не уважаемый он. <...>

Что же до самого текста Ваймана, то говорить о нём не имеет в нашем случае особого смысла. Проблемы ответственности данная книга, сплошь пестрящая разнообразными стонами и скрежетами стареющего мужчины (весьма дурновоспитанного к тому же), не затрагивает. Ну что с того, что у Ваймана в тот или другой момент «не встал» член или что его заела жженьем простата, или что он услышал в какой-то корчме как два дебила-сабры говорили о какой-то даме: де она «воот так свою пизду топырит» (весьма «утонченный» престарелый джентльмен — Нахум Вайман даёт оба — двуязыко — варианта этой важнейшей по его мнению фразы)? Это всё гной и сало, гной и сало, как писал В.Г. Сорокин. Эстетические взгляды Ваймана не менее ярко оформлены и интересны своей концептуальной выверенностью. Дали для него, например, лишь «вымученные иллюстрации к Фрейдю». Вот так — сказал, как отрезал.

Чтоб ему было на здоровье. Вайман — большой дока в творчестве Сальвадора-Гала. Он, наверное, знает корни собственной категоричности. Мнение Фрейда о Дали (обоих познакомил известный писатель Стефан Цвейг) тут ничего не изменит в Ваймане. Такого Ваймана, вообще, исправит только одно. И оно (учитывая его относительно преклонный возраст) не заставит себя чересчур долго ждать. Хотя мы ему этого желать не можем и не желаем».

Дальше он многословно, страниц на пять, кои я опускаю, наезжает на Кациса: «Добро был бы старый знакомец «Кац» (Гашеков) — фамилий вполне престижный — буквально аббревиатурно глаголящий — «Кохен Цадик», что означает — правоверный священствующий. А вот этот «суффикс» «ис» — как-то уменьшительно плюгав...»

Ну и т.д. Заодно и на Каганскую: «Во-первых, не совсем понятно, кто есть собственно данная «писательница и литературовед» Майа Каганская, да к тому же и «известная»? Ничего, кроме замечательного буддийско-материнского имени и весте-«оконного» «Дневника писателя», где она повествовала о Штирлице и прочем своим жите-бытьем (не совсем ясно, собственно в качестве кого — наверное-таки в качестве «писателя»), мы о ней практически не знаем (а должны?). В начале восьмидесятых она, по слухам, в соавторстве с другим «известным» литературоведом З. Бар-Селлой выпустила некую книгу о «Мастере и Маргарите» и с тех пор стала *конвенциональной* израильской (на безрыбье...) болгароковедшей, не чуждой, впрочем, и набоковских коллизий — писавшей вступительную, в частности, статью к ивритской версии «Приглашения на казнь». По поводу особой имманентной «известности» данной Майи интересовались не только мы, но и американский профессор Александр («Алик») Мельчук-Жолковский, который в своих «виньетках» писал буквально так: «...как-то мы оказались вместе в лифте (Каганская и Жолковский — на пастернаковском симпозиуме 84-го года в Иерусалиме — Д.И.) и я спросил, чем она занималась в России, где я о ней ничего не слышал.

— В России я исключительно полировала свою личность — сказала она своим кокетливым басом. — И, отполировав, решила преподнести в дар Западу. Присутствие в лифте славистов — представителей осчастливленного Запада — её не смущало».

В общем, лихой говнометчик.

From: «Ari Belenkiy»

Наум, Зеркало — литературный журнал со своим вкусом — верно? Я хотел бы, чтобы он отнесся серьёзно к моим рассказам, как бы непривычны они не казались. (В каком-то смысле это будет и моей оценкой их серьёзности).

Посылаю еще два — завершающие Мидраш.

Ари

Я таки вляпался с этим Ари...

Позвонил тесть (он уже звонил вчера вечером и сегодня утром, сообщая, что купит газету, и желая мне здоровья и счастья).

— Науум?

— Да, Борис Михайлович.

— Я купил газету, но тебя не было...

— Да, спасибо.

— Я сейчас занесу.

— Не надо, я тоже купил.

В его голос ворвались панические ноты:

— Но я же купил, и принес вовремя!

— Я вас ни в чем не обвиняю, Борис Михайлович, я просто выходил на часок и купил газету.

— Так я тебе сейчас занесу?

— Не надо, зачем, у меня есть газета.

— Ну зачем же ты купил?!

— Купил, ничего страшного.

— Так тебе не нужна газета?

— Нет, не нужна.

— Ну хорошо. Что б ты только был здоров, запиши. И счастлив.

— Спасибо, Борис Михайлович.

Наум, привет!

Позвонили мне сегодня из «Мостов культуры» (я уже, можно сказать, одевался) и попросили перенести мероприятие — подписание договора — на четверг, на чем и порешили.

Что касается тона реакции на события, то он очень наглядно изменялся «по синусоиде»: либерально-пацифистские настроения быстро возрастали и достигли кульминации в ночь перед штурмом. Можно даже назвать конкретное время-место, в котором это произошло — на телепередаче Савика Шустера, где «интеллигенты» били себя в грудь, вспомнив про страдания чеченского народа, произвол армии и т.п. Разгул пацифизма увенчался прямым обращением к Путину с требованием немедленно приступить к переговорам с Масхадовым и начать вывод войск. Наутро, когда операция по освобождению заложников была объявлена блестящей, вчерашние пацифисты стали восхвалять спецназовцев (только глазки бегали). Когда выяснилось, что все прошло не так гладко, «либеральная интеллигенция» была уже настолько деморализована, что ей осталось только лопотать что-то невнятное. И действительно, нелегко за 5 дней пережить столько «этапов эволюции»: 1) сочувствие путинскому «государственности» (перед терактом); 2) возрождение «синдрома первой чеченской войны», когда вся «интеллигенция» была настроена либерально-пацифистски (перед штурмом); 3) но-

вый всплеск ура-патриотического восторга, осложненный нечистой совестью (сразу после штурма); 4) блудливый и осторожный возврат к «либерализму»: вот теперь, когда власть никто не шантажирует после ее победы, которая уже не признается безоговорочной, надо бы Путину поступить эксцентрично: объявить о начале переговоров (прямо сейчас). После того, как Путин цыкнул, выступив с необычайно воинственным и невнятным бредом (оказывается, сейчас главная угроза миру исходит уже не от Грузии, а от Дании: новая редакция лозунга «мочить в сортире»), «либералы» окончательно заткнулись и понуро заползли в свои норы (мне очень нравится русская народная поговорка, приводимая Далем: «Понурая свинка глубок корень роет»).

Русские очень легко переходят от безмерного самоуничижения к безумному самовозвеличению. У Лидии Гинзбург сказано: «Нам знакомы только два типа отношения к писателю — оплевывание и облизывание, причем облизывают тех, кого вчера оплевывали, и наоборот». Это наблюдение вполне применимо и по отношению к власти. Уж как критичен и оппозиционен бывал Пушкин (особенно в молодости), но стоило членам Французской палаты депутатов выступить с критикой зверств, творимых русской армией в Польше (взятие Варшавы в 1831 году), как он разразился экзальтированным ура-патриотическим бредом: «Так высылайте ж нам, витии, // Своих озлобленных сынов: // Есть место им в полях России, // Среди нечуждых им гробов». Нечто подобное выкрикивает сейчас по телевидению комментатор Леонтьев и иже с ним.

Но за русских мне, по крайней мере, не стыдно. Стыдно «за еврея» — в этот раз за режиссера Марка Розовского, который публично, с крайней наглядностью выразил все пять «этапов эволюции»: ночью он проклинал Путина на программе Савика Шустера и требовал прекратить войну (у Розовского дочь находилась в это время в числе заложников), утром, когда стало известно, что дочь жива, восхвалял доблестных спецназовцев и мудрые решения вождя, а к вечеру, когда выяснилось, что погибли обе подруги дочери (одна из них участвовала в мюзикле в качестве артистки), стал всхлипывать перед камерами. Потом эта понурая свинка окончательно заползла под свой корень.

Справедливости ради должен признать, что «бывают и хорошие евреи». Когда дым рассеялся, выяснилось, что единственным безоговорочным героем событий был доктор Рошаль. Путину пришлось даже пригласить его в Кремль, чтобы выразить личную благодарность.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

И все-таки не могу отрешиться (может, это тоже неотрефлектированное лицемерие) от впечатления «варварства» всей этой операции. Варварство не всегда плохо, но всегда страшновато. Хотя, может, ты

и прав, что в России власть, хоть и варварская, лучше общества. Мне понравился Третьяков на РТВ (Леонтьев, Невзоров и Третьяков): «интеллигенция — он сказал — как всегда, ищет повод для предательства». Глубоко.

А мне тут Красавчик (который улюлюкал о старперах с простатами, лезущих, несмотря на свою сексуальную немощь, в литературу) прислал вот такое письмо... /приводил выше /

Его заметку из ТОПОСА я тоже пересылаю, там, кроме молодецки-прыщавого наезда на меня (с непременно упоминанием простаты), есть и наскоки на других, небезынтересных для тебя персонажей.

Признаться, этот типчик, завивляв хвостом, меня озадачил. Я сгоряча даже накатал ему письмо, но еще не отправил, чувствую, что лучше проигнорировать обращение: пусть попотеет.

«Любезный Виктор, очень мило с Вашей стороны, что моя книга вдруг показалась Вам “поучительной”, но даже если бы она показалась Вам мало поучительной, я бы не стал расстраиваться — дело житейское. Удивляет только одно: извиняясь, Вы льете старый гной в новые меха, видно, он у Вас выделяется произвольно, а девать некуда... И если это попытка извиниться, “не потеряв лица”, то она несурозна, потому что с извинениями-то — бог с ними, а вот “лицо” (авторскую маску, если угодно), которое вы демонстрируете, гордясь подростковыми нагноениями, как раз недурственно было бы и сменить. Или хотя бы сделать пластическую правку. Чего я Вам, человеку, в отличие от меня, широко образованному, воспитанному и небесталанному, искренне желаю.

Не взъищите, пока без почтения. Вот до сексуальной немощи и простаты доживете, тогда и окажем.

Наум».

Все морочу тебе голову болтовней, отвлекая от великих свершений... К тому же я тут, наконец, закончил рассказ, и хочется показать...Если будет время и желание посмотреть, сообщи.

Всегда твой

Наум

Позвонила Шенбрунн, поблагодарила за книгу. Голос такой «грудной», гудящий призывно. Намечается «химия».

30.10.

Наум, привет!

Мне снова позвонили из «Мостов культуры» и попросили перенести визит, теперь уже на пятницу. Думаю, это моменты чисто технические.

У меня всегда найдется время прочитать что-нибудь «несерьезное» (типа Яфе), так что можешь не беспокоиться; да и какие между нами могут быть церемонии? Другое дело, что рассказ твой я лучше прочту после окончания работы над правкой — у меня завалы по всем направлениям и дефицит времени катастрофический.

Прокурорский тон по отношению к «провинившимся» во время теракта интеллигентам и, в особенности, журналистам сейчас господствует. «Эхо Москвы» завалено письмами с обвинениями в «пособничестве терроризму» (только из-за того, что они, в отличие от Леонтьева-Невзорова-Третьякова, не стали «соловьями спецназа» и решаются задавать властям «неудобные вопросы»), думцы требуют увольнения с работы некоторых журналистов (на первом месте Савик Шустер за организацию ночной истерики с несчастным Розовским, за ним Леонид Парфенов, разоблачивший Путина в том, что решение о штурме было принято лично им уже в первый день). Василий Аксенов опубликовал (в «Московских новостях») статью о том, что Россию захлестнула «вакханалия лжи»; совершенно очевидно, что запретительский пафос идет не только сверху, но — может быть, даже с большим напором — снизу: «народ» требует введения цензуры, увольнения журналистов-антипатриотов-предателей и т.п. Между тем в больницах продолжают умирать люди, а «силовики» не выдают своей вонючей «военной тайны» (просто мальчиши-Кибальчиши какие-то) — формулы примененного газа. При этом министр здравоохранения (!) выступил на пресс-конференции и сказал, что газ применили очень хороший, исключительно лечебный, анестезирующий, и от него никто не умер, а умерли «от других факторов»: мы-то думали, что министр будет нас лечить, а он видит свою задачу в том, чтобы прикрывать силовиков, помогая им нас гробить. Из всех официальных заявлений это произвело на меня наиболее тягостное впечатление. Даже не само заявление, а отсутствие общественной реакции на откровения министра-людоеда. Общественность не требует от властей правды и называет каждого, кто поднимает «неудобные» вопросы, пособником террористов и предателем». Конечно, это варварство, что же еще? Но не эксклюзивное варварство «властей», а диффузное, «растворенное в воздухе». Жалкие датчане дрогнули и арестовали Закаева, официально признанного переговорщика со стороны Масхадова; тем самым Путин отрезает последние пути для мирного урегулирования, так что продолжение резни в Чечне и разложение армии обеспечено на много лет вперед, с чем я нашего разбушевавшегося Буратино и поздравляю.

Статья Яфе хотя и забавна, но очень уж нелепа и бессмысленна. Во-первых, автор глубоко невежественный человек (я могу привести десятки тому доказательств, но «обличать» такое жалкое существо — слишком много чести); во-вторых, он умудряется писать еще хуже, чем Кацис (до сих пор я полагал, что это невозможно; и у него еще хватает наглости наезжать на Гольдштейна, который по сравнению с ним просто Цицерон). Конечно, Кацис говно, но как можно потешаться над фамилией? Кстати, суффикс «-ис», который автор называет уменьшительно-плюгавым, говорит лишь о том, что предки Кациса «прошли через Прибалтику» (Златкис, Ландсбергис и т.п.). И как можно желать смерти

мирному гражданину-соотечественнику? («Ваймана могила исправит, и, к счастью, ждать осталось недолго»). Излагая «дело Лосева», он обнаруживает полное невладение материалом: «Лосев создал некие «дополнения» к его /стилистически правильно 'своей'/ известной книге «Диалектика Мифа», где позволил себе совершенно беспрецедентные (для него) нападки и яростные обличения иудейства...». Но Лосев не «создал» дополнения, а просто восстановил ранее изъятый текст и попытался, в обход цензуры, напечатать его в виде дополнений. Нападки на иудаизм (да и просто на евреев, которых он в дневниках не называет иначе как жидами) для Лосева вовсе не «беспрецедентные»: их сколько угодно в опубликованной ранее книге «Очерки античного символизма и мифологии» и в ранних дневниках, опубликованных позднее в книге «Мне было 19». Ничего этого Яфе, конечно, не читал. Так же нелепа и ссылка на «Диалектику просвещения»: если бы Яфе хотя бы перелистал эту книгу, он увидел бы, что ее последняя, довольно обширная, часть посвящена проблеме антисемитизма. Он считает выдающимся «античником» Гайденко, которая даже не знает греческого языка. И т.д. и т.п.

А вот избранные стилистические перлы: «изыскание антисемитов среди тех, кто среди таковых ... до сих пор не числился»; «О чём же собственно, писал Кацис в контексте Лосева?» /вместо того чтобы сказать попросту: «Что же пишет Кацис о Лосеве?»; «никак не «семема» (по лосевской кодировке имени)» /это набор слов, смысла которых автор не понимает/; «стала конвенциональной израильской (на безрыбье...) булгаковедшей, не чуждой, впрочем, и набоковских коллизий» /абсолютно безумное словоупотребление: при чем тут 'конвенциональный'? и при чем тут 'коллизии', то есть столкновения?/; «кришнаидов» /наверное, от слова 'айд'/; «статью об одном консенсусно выдающемся русском философе» /с таким же успехом можно сказать, что Яфе — консенсусно выдающийся идиот/; «подчеркивали свою этническую принадлежность на, так сказать, «генном» уровне внешнего вида и языкового поля идиш» — чистый бред.

Я совершенно неспособен понять, как можно печатать подобную бредятину. Человек просто не владеет языком, и он совершенно безнадежен во всех отношениях. Ладно бы оставался на своей интернетской форумной помойке, но печатать такое в журнале... Я бы на твоём месте вообще не стал отвечать этому юному дебилу. Как сказано в дневнике у Ильфа: «В дверь вошел молодой, полный сил идиот».

Кстати, у нас показали недавно по телевизору презентацию последнего номера журнала «Зеркало», которая прошла в Москве. Выступали Врубель-Голубкина и Гробман. А презентовал презентацию... правильно — Кацис. Очень авторитетного подобрали для этой цели человека. Так держать, товарищи евреи!

Всегда твой,
Матвей

31.10.2002. От Л: Совсем другое дело. я не понимаю что произошло, но всё как-то встало на свои места. А что ты сделал? Махнул волшебной палочкой?

Я рад, коли так. Но продолжаю «Юдофила» шерстить, там и в деталях еще полно «шероховатостей». Но больше тебя мучить им не буду. Почитай пока записки.

В «Окнах» вышел сегодня отрывок из перевода. Гольдштейн позвонил, сказал, что «продолжение» отменяется, «наверху» сочли текст «тяжелым». Но через неделю даст статью, ту, что Подражанский зажилил.

Сказал Гольдштейну, что прочитал только половину «Фамагусты», но уже сейчас могу сказать (я почувствовал, что он очень этого хочет), что это мне нравится гораздо больше, чем его вторая книга, во всяком случае, нет уже того смешения жанров.

— Да, хотя я с Вами по-прежнему не согласен в оценке второй книги. Кстати, я тут получил потрясающий комплимент, обычно не в моем обыкновении хвастаться...

— Ну почему не похвастаться...

— Один питерский критик написал, что взял бы мою книгу на необитаемый остров.

— Чтобы читать по пятницам Пятнице.

Он вежливо хихикнул.

1.11.2002. От Л: мне понравился твой ответ молодому идиоту, но, м.б. Матвей прав и не стоит ему отвечать...

Да, отвечать не стоит. Если человек желает тебе окочуриться (литературная критика!), то хочется просто вмазать ему, какие уж тут письма...

От Бараша:

Наум, привет.

Дела — без особых новостей. Что-то как-то сил мало и чувствую себя не очень — так что прости за задержку с ответом и краткость ответа.

По «делу» — насчет Шабтая: когда решится с правами — с удовольствием.

Насчет Беленького — специального желания знакомиться нет. Если это ТВОЕ обращение ко МНЕ — то пусть присылает мне, по этому мейлу.

Если просто надо дать человеку адрес редакции (то есть офиса — то есть Иры Гробман), то он известен...

твой

а.б.

Ари, привет!

Мой приятель отдал твои данные в несколько мест, но положительной реакции не было, сейчас вообще, как он мне сказал, все «затормозили».

Насчет рассказов: просили послать на адрес редакции «Зеркала» (редактор Ира Врубель-Голубкина), вот он: ...

А что в клуб песняров, ты не ходил? А то пошли мне их адрес, я при случае сам загляну.

Всегда твой
Наум

2.11.

Alexander Barash

Хорошо, что ты, так же, как Виктор Яфе, знаешь, как надо.

Очень здорово, что бережешь мое здоровье.

Ты и свое береги, годами ведь старше.

Знаешь анекдот: «Заходит человек в гости — нагибается — пукает — машет рукой и говорит: Нервы ни к черту!».

Странное письмо, тоже какое-то нелепое и «недоброе». От Красавчика заразился, или просто два сапога пара?

Барашу:

Кажись, мое упоминание о здоровье тебя задело. Это бывает, когда плохо себя чувствуешь, а кто-то, в чьей доброжелательности ты не уверен, на эту тему иронизирует. Мне жаль, что ты не уверен в моей доброжелательности, это даже лишает меня возможности пожелать тебе выздоровления — как бы ты не усмотрел в этом иронию. Но по крайней мере ты можешь «в этом контексте» понять мою реакцию на Яфе. Не пойму только, почему я, как и он, «знаю, как надо»? Про «нервы ни к черту» ты мне уже рассказывал.

Поразмыслив, не отослал и это.

А вот и Жасмин проснулась:

Здравствуйте, Наум.

Извините, пожалуйста, мое молчание.

У меня стало очень много работы с приездом шефа. Он вернулся из отпуска и взялся за работу с удвоенным рвением (насколько это вообще возможно для трудоголика). Помощникам тоже приходится рваться вдвойне, несмотря на то, что энтузиазма у них (т.е. у нас) гораздо меньше.

Читаю очень интересную, хотя и «тяжелую» для восприятия, написанную очень аналитически книгу: Фредерик Перлз «Эго. Голод. Агрессия» — на редкость трезвая и увлекательная для психологического труда работа. Впрочем, я не уверена, что и Вам она показалась бы интересной.

Много фотографирую: пытаюсь «расти над собой»... не знаю, насколько получается... до сих пор представляла на суд почтеннейшей публики только старые фотки... можете посмотреть здесь... и здесь...

any comments are highly appreciated

truly yours

Аня, привет!

Перлз, зачинатель гештальттерапии, очень своеобразный писатель, я «листал» (уже с давних пор редко прочитываю до конца какую-либо книгу) его «Помойное ведро». Буду благодарен, если процитируете мне что-то из упомянутой Вами книги. Если, конечно, будет время.

Кроме «лика под фатой» других фотографий не нашел.

Наум

Наум — шалом.

Я послал запрос по адресу, что Вы дали — спасибо.

Сегодня в 5:05 на РЕКе должны говорить о книге.

Я звонил Вам во вторник о клубе — Вы, кажется, не узнали мой голос.

Клуб — по вторникам, 20:00, Хашмонаим 90.

Ари

Наум, в последнем письме были какие-то закорючки.

Фотографии получил — очень хорошие, спасибо.

Может быть, стоит послать мне номер счета, и я тогда буду посылать деньги сам?

Alexei P. Tsvetkov

Леша, привет!

Деньги я перевел (об этом и «закорючки»).

Номер счета ... в банке Хапоалим, отделение ... При переводе надо еще написать «Для жителей “Ган Давид”». После этого надо послать Марине (факс: ...) копию бланка перевода и сообщить, что для Цветковой, и она должна это подтвердить. Всю эту процедуру мы с ней проделали. Нам нетрудно время от времени совершать такие операции, тем более что мне кажется, что тебе сложно будет совершить все эти действия из Праги. Но в любом случае решение за тобой.

Краве привет

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Заклучил я сегодня, с позволения сказать, «договор» (то есть подписал грязную мятую бумажку с неразборчивой подписью начальницы, без даты и т.п.): там заполнена их рукой только одна графа — расценки (10 у.е. за лист). На все остальные вопросы (срок сдачи, объем, сроки выплаты денег) они отвечали мне: пишите что хотите, а лучше не пишите ничего. Если я пытался что-то уточнить, они спрашивали: разве вы не договорились об этом с израильской стороной? Гнусный русско-еврейский бардак. Впрочем, у нас везде так: в ИФ я вообще нигде не расписываюсь, а получаю доллары в конверте, из рук в руки. Срок сдачи я написал 15 декабря (они несколько раз повторили, что срок «примерный», ни к чему не обязывающий). Кроме всего прочего, некая Елена Израилевна, по-видимому, помощница Аблиной (кстати, так фамилия зав. редакцией значитса на всех книгах, что я выяснил задним числом; между тем, Яглом называл ее в письмах ко мне Авлиной, и я соответственно обращался к ней в своих письмах; абсолютно не понимаю этого хамства — не уметь правильно написать фамилию своего единственного соредактора; «Здрастуйте, гаспадин Еблом»), произвела свою — очень густую — правку поверх моей на пробных десяти страницах и при мне сняла с нее для себя ксерокопию (наверное, чтобы иметь возможность потом проверить). Поскольку у меня нет этой правки в электронном виде, я не могу тебе ее переслать, а набирать вручную очень долго; не знаю, что и делать.

Поскольку я подписал договор и теперь «отвечаю за все» (как Путин), те милые моему сердцу принципы, которые я излагал ранее (я делаю свою правку, а за остальное не отвечаю и даже не читаю твоего окончательного варианта), отменяются. Больше всего меня беспокоит следующая техническая проблема: как я обнаружу в выправленном тобой тексте твою последнюю правку? Если бы она была выделена, я мог бы ограничиться тем, что прочел бы только выделенные места. Если же она не будет выделена, мне придется читать сплошь весь текст по новой в третий раз (чего очень бы не хотелось), а если не прочесть, в него могут вкрасься новые ошибки (за которые я ведь тоже отвечаю). Что касается сотрудников редакции, то они сказали мне, что их не интересуют промежуточные варианты (это, конечно, хорошо, но нам с тобой придется разбираться самим). Учитывая все эти обстоятельства, а также и то, что я физически смогу приступить к работе не ранее, чем через неделю (в лучшем случае), мы, конечно, вряд ли уложимся в срок, но я считаю, что главное — сделать работу относительно качественно. Во всяком случае, я сделаю все от меня зависящее, чтобы не затягивать это дело.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Правку текста будем осуществлять так же, как и раньше: ты посылаешь мне правку, я ее «воспринимаю» и результат возвращаю тебе. Спорные места можно откомментировать. Если есть технический способ не заставлять тебя читать снова весь текст (так и привязаться можно к роману), сообщи. После такого круга правки, видимо, придется совершить еще полукруг: то есть ты посылаешь мне прочтение-правку тех исправлений, которые я внес, а я тебе возвращаю уже окончательный вариант, который ты, в принципе, можешь не проверять, а передать «заказчику». Думаю, что этого будет достаточно (отличное — враг хорошего), а если «заказчику» вздумается еще что-то исправить, то пусть уже согласовывает со мной, поскольку за мной право на окончательное одобрение.

А вообще все эти российские издательские нравы (договора, оплаты и пр.) просто джунгли. Как и вообще, надо полагать, российская жизнь.

Посылку со Шлегелем получил, спасибо.

Красавчику отвечать не буду.

Вышли «Излучения» Э. Юнгера, дневники периода Второй мировой. Возьми, если встретишь. А заодно и Фому Аквинского, все-таки «классика», надо иметь.

Дочитываю комментарии Милы к Бахтину. Закончу — поделюсь впечатлениями.

А ты так и не написал мне, как она съездила.

Всегда твой

Наум

Из диалогов с Портосом во время прогулки:

— Армяне сейчас в жопе. У них доход на душу населения в три раза ниже, чем на Украине...

— А мне одна баба рассказывала, что ей в Армении всю жопу исщипали.

— Да, мой друг тоже рассказывал...

— Ему тоже жопу исщипали?

— Нет, жене его проходу не давали. Он работал в Ереване, пришлось уехать.

— Дикие люди.

— Но армяне чуть ли не первые приняли христианство.

— С тех пор их тянет ущипнуть кого-нибудь за жопу.

— Но армяне же вылитые евреи. Не отличишь.

— Но евреи за жопу не щипают.

— А помнишь, как Ельцин какую-то бабу за жопу ущипнул?

— Да не за жопу, за бочок.

— Да какой «бочок», за жопу!

— Да не за жопу, за бочок.

— Ты что, уже не различаешь, где бочок, а где жопа?

3.11.2002

Наум, привет!

С технической стороны правки разберемся, когда пошлю тебе третью главу (надеюсь, скоро, вот только развяжусь с текстом для ИФ: убийственная тягомотина про патентную систему). В целом предложенная тобой схема естественна.

Что касается Милы, то она в полном восторге как от конференции, так и от Америки вообще. На конференции она была бесспорным корифеем, все докладчики ссылались на нее как на классика, а закончив выступление, устремляли на нее озабоченный взгляд, ожидая реакции мэтра, и она картинно хлопала понравившимся ей докладчикам на манер того, как на прошлой конференции Аверинцев хлопал ей. Те, которым она не хлопала, сходили с трибуны подавленные: жизнь не удалась. Конференция длилась всего 3 дня, последующую неделю она путешествовала по Америке на халяву, от одного знакомого слависта к другому, не платя ни за дорогу (ее возили на машинах), ни за квартиру (она жила у коллег). Так, она посетила Филадельфию и провела четыре дня в Нью-Йорке. Там ее гидом был некий Александр Трейгер, израильтянин, относительно молодой парень. Он окончил Иерусалимский университет, отслужил в армии обороны Израиля и поступил в Америке (безо всякого блата) в очень престижную аспирантуру. Знает древнегреческий и латынь, собирается переводить на английский «Античный космос и современную науку» Лосева. Сейчас пробный отрывок его перевода у меня «на экспертизе», чтобы представить его вдове Лосева Азе Алибековне, распоряжающейся авторскими правами; ну как не подсобить родному человечку... Вообще почти все американские слависты евреи, люди в основном симпатичные, и Мила пригласила их всех к нам в гости, когда будут в Москве. Естественно, дает о себе знать дикая зависть коллег по Институту философии: как же так? ведь она даже не доктор наук (хотя для иностранцев она «профессор Бабалашвили»). Читая текст комментария к Бахтину, ты должен иметь в виду, что это не теоретический жанр; свои статьи она пишет в совершенно другом стиле. Никакого научного значения подобные конференции, конечно, не имеют: это дело престижа и знакомств.

Прилагаю несколько статей, которые могут тебя заинтересовать; впрочем, ничего особенно умного в них нет, это я так, для поддержания разговора с минимальными затратами.

Матвей, привет!

Я прочитал, наконец, комментарии Милы. Чтение было очень интересным и поучительным, так что я тебе крайне признателен за то, что ознакомил меня с этим текстом. Комментарий, конечно, очень толковый. Мне было любопытно проследить за многолетней литературоведческой полемикой, которая, как мне показалось, являлась просто кос-

венной формой философской полемики по проблемам языка (и Бахтин здесь имел некоторое преимущество именно как философ по своему базису, по своей «школе»), и которая, кроме всего прочего, навела меня на несколько ободряющих мыслей (в плане нашей эпистолярной полемики): во-первых, мыслительный процесс в диалоге развивается очень медленно, и если имеет место некая спираль, то шагок ее мал, а диаметр велик, а чаще всего «продвижение» и вовсе сомнительно, поскольку все силы уходят на уточнение понятий, попросту говоря, на разговор глухих, когда каждый говорит на своем языке и не понимает оппонента. Это «ободряет», поскольку я нередко бываю удручен нашим взаимонепониманием, приписывая его только своей тупости и невежеству, а тут вот, понимаешь, уважаемые люди, а проблемы все те же. У меня даже возникло ощущение, что в споре (дискурсе) рождается не истина (которой нет в принципе), а ее образ (временный), то есть победа в споре — это нахождение удачного термина-слова-образа (концепта), который на время становится «моделью действительности» (применительно к обсуждаемой проблеме). У меня в последнее время вообще возникла такая мысль, что наше сознание — это бесконечное строительство моделей действительности, образов (мифов?), и создавая их, мы как бы «переезжаем» в некую виртуальную действительность, и зачастую живем там (создавая модели второго, третьего и бесконечно числа порядков), забывая, откуда мы родом. Так что пора уже направить часть работы сознания на восстановление связи с истоком, с действительностью, с природой. Это в какой-то мере возможно, надеюсь, в естествознании, но, как мне кажется, невыносимо в «образе» жизни, который уже тотально «идеологизирован», т.е. удален от истока (тот самый «смертельный полет», с которого мы начали нашу переписку). Если угодно: пути Жреца (как возвращения) и Мага (как окончательного отрыва). То есть человек создает виртуальную действительность, а будучи созданной, она, на счастье или на погибель, отрывается от «земли» и творит человека, который в большей степени живет в мире воображаемом, чем в действительном (вроде нас с тобой). Что касается «авторских масок», «позиций» и «образов автора», то я подумал, что так же, как образ автора проявляется в художественном произведении, так и личность (душа, образ души) проявляется в реальном поведении человека и во всех формах его самовыражения. А что такое личность, в конце концов? Разве это не наш собственный образ самих себя, который, если и находит свое внешнее выражение, то в стиле поведения, в жизненных сюжетах (жанрах) и т.д., по которым наблюдательный современник с той или иной степенью успеха восстанавливает «первообраз», и он всегда и в любом случае образ «текущий», до конца не определенный, как и образ автора-творца... («Индивидуальное собственное слово — концептуальная фикция» — готов подписаться, с оговоркой, что не только в романе, но и в жизни). Это приводит меня к выводу, что Автор в произведении скорее раскры-

вається, чем «прячется», он раскрывает свою собственную диалогичность и полифонию, свою нецельность, «скрытность», то есть: глубинный смысл произведения, тем более такого, как роман, это самопознание (как и вообще деятельности человека), человек, рассыпая себя на образы героев, пытается понять свое собственное «устройство», как ребенок, разбирая игрушку. Какое-то ощупывание себя изнутри, вслепую...

Надо признаться, что подобные выводы ввергают меня в некоторое «гносеологическое отчаяние», когда все вокруг, вся наша жизнь, становится настолько текучей и несообразной, что невольно возникает «тоска» по «оцельняющему» (странное словцо) началу...

Всегда твой

Наум

Получил твое письмо с рассказом о конференции. Рад за Милу, передай ей сердечный привет. Приложения прочту потом.

Опять реховотское кладбище, середина дня. Как назло, хамсин, и это в начале ноября. У Жанны умер отец. Он был художником. У вдовы глаза выцвели и стали почти прозрачными от слез. Она была актрисой. Рижская интеллигенция. Иду за тележкой рядом с Мироном. «Где-то здесь Марк», — сказал я, чтобы прервать молчание. «Да, вон там. Знакомые места... Я был у него на прошлой неделе». — «Ты часто к нему приезжаешь?» — «Почти каждую неделю, по дороге на работу. Цветы надо полить».

Когда носилки еще торчали по диагонали в яме, покойный, почти стоя, ожидал, как тот, что внизу, развязал тесемочки и снял с него талес, оставив в тонкой белой простыне, и после этого потянул тело за ноги вниз. И тут вдова заплакала. В сущности, хоронили ее жизнь, лет пятьдесят вместе. Он всегда был в черном берете, и взгляд тяжелый.

Потом мужики и два внука поработали заступом и лопатами, земля была сочно коричневой, свежевыкопанной. Длинноногий и неловкий Арик едва не свалился в яму.

4.11.

Дочитал в «Зеркале» «Помни о Фамагусте» Гольдштейна. Кажется, я понял общий замысел книги, хотя это только отрывок: зауспокойная песнь по сгнувшей на глазах и превратившейся в музей Советской Империи. И само собой родилось:

ОБРАЗ БЕЗУТЕШНОСТИ

Попытка славословия или полторы страницы лести

Империя как судьба. Свидетель ее развала — свидетель собственной смерти. От этого наваждения можно избавиться, только «похоронив» его, воплотив в слово. И если не обретешь при этом новую жизнь, то хотя бы продлишь «старую», уведешь ее в вечность. «Слово» Александра Гольдштейна — это попытка избавиться от наваждения. Его «тема» — исчезновение Империи, прощание со своей судьбой.

Крах колосса наблюдали все. И все бросились так и сяк описывать. Но выходило до обиды беспомощно. Может, оттого, что тем, кто это пережил, пришлось обживать развалины, разбирать зиккураты на кирпичи для домашних печей. «Большое» видно издалека.

Первая книга — «Расставание с Нарциссом» («Эта книга написана под знаком утраты») — блестящая журналистика, скорее, заявка на тему, декларация, проиллюстрированная литературоведческими очерками: «...моя книга — венок, мемориальное подношение».

Вторая книга была шагом в сторону, выстрелом мимо обозначенной цели. Нужны были проба руки и глаза, проверка готовности владеть оружием.

И вот, читая третью книгу, я подумал, что, наконец-то, Империя нашла своего поэта. Теперь можно не беспокоиться: наша жизнь, на глазах уйдя в небытие, обрела своего «археолога». Мы не сгинем на свалке истории, а будем бережно храниться в музейных залах как экспонаты Гольдштейновой прозы.

«Помни о Фамагусте» — сага о Советском Союзе. Путешествие по злачным его закоулкам (о, Парапет!), сделанное в виде сказочной гирлянды «Тысячи и одной ночи», когда волшебный жезл памяти оживляет классические мизансцены, каждая из которых почти не имеет значения, но вместе они сливаются в огромную мозаику эпохи упадка, частично уже разобрannую, разворованную, сваленную в одну кучу забвения с мозаиками других империй, и эта свалка империй как кладбище погибших кораблей покоится под тяжким морем поэтической меланхолии.

Такой тонкой резьбы, таких персидских миниатюр, такой нерусской прозы на русском языке, сочной и перекрученной как крылья серафимов на фресках раннего Возрождения, трудно было себе представить. О ней только грезилось. И вот, сподобились.

Даже окружающие, похваливая и злословя, не ожидали. Плюгавый конторщик, ну да, зело начитан. Но такие кренделя выписывает — невозможно читать. Строит из себя восточного каллиграфа. «Плюгавый конторщик» прятал девичье застенчивое лицо, будто недовольный его двусмысленной красотой, не смея надеть чадру, уводил взгляд, будто чувствуя себя голым под настырными взглядами любопытных, храня целомудренность, в которой нынче невозможно признаться, и будто сам весь прятался, — засмеют зубоскалы, а литературные пересмешники куда злее, ядовитее уличных. Шлялся по притонам, воспитывая девственность, дабы воплотилась воскурениями утонченной похоти. И скромной дощечкой конторской работоспособности закрывал от грабительских глаз фанатизм писателя, беззаветную преданность и любовь к словам, к тем нитям, из которых по ночам тайно ткалась гигантская шпалера, «обращение к свидетелю»: «Помни о Фамагусте», помни о матери своей, о погибшей Империи. «Проникновенность вышиваний источа-

лась соболезнующим гнетом строки, мнимо беззвучным ее вмешательством, и когда человек затомленный... поднимал глаза к трудам.., он и дышать начинал, как она за работой, залечивая, пока длился просмотр, большие края своей жизни».

Когда пытаешься отыскать в памяти нечто подобное по эпической поступи, по тщательной отделке фантастических, но таких «живых» фресок, пожалуй, только один русский писатель приходит на ум: Платонов. Но Платонов трагичен: рухнул дом, кругом кровь, а Гольдштейн меланхоличен: много их было, этих прекрасных империй. Все посетит режущий степной песок и отпоет монотонный мугам. И эпос преобразуется в сказочные видения эльфа, в тяжелые каменные кружева. «Галлюцинаторная мемориальность».

Баку. Роза культурных ветров, зловонные закутки подневольного братства. Восточная Провинция. Эпос пишут только в провинциях. В столицах слишком шумно и суетно. Чтобы нагулять энергию, бредоносность и мучительное тщеславие эпоса, нужно быть провинциалом. Нужна его наивная извращенность. И нужна отстраненность. Ну и всякие мелочи типа ума, умения и таланта. Встречаются по отдельности, но вместе — редкий букет. Наслаждайтесь.

Наум, привет!

Ты очень изящно «сублимировал» тему; с одной стороны, можно считать это за триумф, поскольку текст вроде бы «спровоцировал на глубокие мысли», с другой — остается впечатление, что ты увильнул от обсуждения конкретных проблем. Ну и бог с ними, есть проблемы и неконкретные. Например, такая: существует ли методика преодоления «гносеологического отчаяния»? Думаю, да, и она состоит в том, чтобы сначала отделить гносеологическое отчаяние от отчаяния как такового (вообще первый шаг всегда аналитический: мы выявляем различия, делим первоначальный хаос на относительно однородные сегменты). Если произвести это разделение, окажется, я думаю, что то отчаяние, о котором зашла речь, не гносеологическое по своей природе; ты ведь сам готов признать, что «приближение к действительности» возможно в естествознании, а «классическая» гносеология возникла как ее обоснование (Юм, Кант, Коген). Иными словами, она относится, согласно моей терминологии, к 'Блоку обеспечения', и степень приближения к действительности (которое, как ни крути, останется в рамках «антропологии выживания») ничего не дает для преодоления «гносеологического отчаяния». Да и существует ли такое в чистом виде (чтобы к нему не примешивалось «экзистенциальное» отчаяние)? Представим себе, что, попав на прием к Господу Богу («Попросил я у Господа Бога, // У создания, которого нет...»), мы задаем ему чисто гносеологические вопросы и получаем на них исчерпывающие ответы. Оставим в стороне то соображение, что, по-видимому, невозможен язык, на котором мы могли бы

понять что-либо за рамками «антропологии выживания»; но даже если бы мы достигли взаимопонимания и существенно продвинулись бы, «путем Откровения», в «чистом знании», это никак не отразилось бы на «степени нашего отчаяния» (если отразилось бы, то скорее в отрицательном смысле). Однако задавать нашему Отцу вопросы из области «экзистенциального отчаяния» тем более бессмысленно: по моему представлению, столкнувшись с фактом индивидуации, Он («Бог философов») махнул на нас рукой и предоставил дело спасения утопающих самим утопающим. Конечно, наличие «текучести и несообразности», в том числе и в личностной сфере, способно привести в отчаяние, но в аморфности этой сферы есть по меньшей мере две точки опоры, два достаточно отчетливо структурированных «каркаса»: «на самом дне», в основании — в составе Блока обеспечения — рационализированные инстинкты (в том числе и выделяемый Лоренцом «ориентационно-познавательный инстинкт»), а «на вершине» — не менее отчетливо структурированные «архетипы спасения», которые имеют свой инвариант в горизонте феноменологии «спасения как такового». Отрефлектированная позиция наблюдателя, конечно, не может «ликвидировать» текучесть и аморфность, но может ее «познавательно снять», то есть локализовать в определенном «антропологическом хронотопе» (это «моя» позиция — позиция сотериолога-теоретика). А неотрефлектированная позиция субъекта спасения, участвующего в архетипических актах («рядового зрителя»), снимает отчаяние в экстатической практике. В связи с вышесказанным, я вижу причину нашего «взаимонепонимания» не столько в свойствах «диалога» как такового (это была бы слишком удобная индульгенция), сколько в том, что мы каждый раз начинаем с чистого листа, пренебрегая всем, чего достигли в ходе «первичного анализа» (работы разделения, различения, разграничения и т.п.). Спиралевидное движение необходимо — недаром говорят о «спирали познания» и о «герменевтическом круге», — но в том-то все и дело, что в герменевтике тоже действует не круг, а спираль (просто термин неточен). Проблема нашего диалога состоит в том, что у нас спираль не развертывается, а вырождается в круг: если каждый раз начинать с яиц Леды, никакой спирали (и, соответственно, никакого продвижения) не получится. Наиболее показательным симптомом «бесследности» работы разграничения служит для меня тенденция ко «всеобщей смази», которая предельно затрудняет осмысленный подход к любой конкретной проблеме. Возьмем, к примеру, «проблему автора». Допустим, мы имеем суждение: «Автор в произведении скорее раскрывается, чем прячется». Мне кажется, что обсуждать эту проблему «в общем виде» почти бессмысленно. Пользуясь обыденным (нетерминологическим) языком, не составит никакого труда доказать и то, и другое: он и «раскрывается», и «прячется». Ну и что с того? Мы ни на йоту не приблизились к теоретическому пониманию «феномена ав-

торства». Единственный выход из порочного круга (прорыв от круга к спирали) — это построение концептуальной модели, в ходе которой словам задаются (назначаются) точные, недвусмысленные терминологические значения. Например, если принять концепцию «двух блоков» и выстроить на этом основании непротиворечивое здание, получится, что Автор «скрывает» себя в качестве Жреца (хранителя архетипических моделей снятия индивидуации) и «раскрывает» себя в качестве создателя «субъекта отождествления» (то есть носителя индивидуации, перекликающейся с «моей»). Что же касается «личности в реальном поведении человека», то мы вряд ли продвинемся в понимании этого феномена, если не произведем сначала опять же рутинную «работу разделения». По моим представлениям, ‘личность’ формируется только в результате архетипических практик, в то время как ‘индивидуальность’ всегда дана нам и без них. В «реальном поведении», в фактических поведенческих актах действует не ‘личность’ и не ‘индивидуальность’, а субъект — аморфный, текучий, незавершенный субъект, — характер действий которого «синтезирует» импульсы «снизу» (от ‘Блока обеспечения’) и «сверху» (от ‘Блока спасения’). В этом смысле я, пожалуй, соглашусь, что «личность проявляется в реальном поведении», но при этом, положив руку на сердце, не знаю, согласился ли я с тобой на самом деле или нет (вариант: согласишься ли ты с моей интерпретацией), потому что твое высказывание нетерминологично: я не знаю, какой смысл ты вложил в слово ‘личность’ (одно дело — понимать его «в свете рувинизма», в духе концепции «двух блоков» и «снятия индивидуации»; и другое дело — выбрать для себя какую-нибудь другую из миллиона существующих интерпретаций этого понятия. Я при этом настаиваю, что мой выбор единственно правильный (что было бы просто смешно); я настаиваю только на том, что спор (да и вообще более или менее осмысленный разговор) возможен только между двумя концепциями; а между концепцией и обыденным суждением на нетерминологическом языке он в принципе невозможен. Отсюда не следует, что концепция обязательно «умная», а обыденное суждение «глупое», ничуть не бывало. Возможно — да сплошь и рядом так и бывает, — что «суждение здравого смысла» оказывается тоньше, глубже и «умнее» тысячи проработанных и непротиворечивых в себе концепций (более того, в основе любой концепции обязательно лежит некая «интуиция» до-концептуального характера). Но условия игры таковы, что «суждение здравого смысла» должно быть переоформлено и преобразовано в концептуальное, если оно хочет вступить в диалог с другим концептуальным суждением. Если же оно «не хочет этого делать», то вольному воля: оно не теряет своей ценности, но играет на другом поле (на, так сказать, «нищенском» поле эссеистики).

Всегда твой,
Матвей

Привет!

В общем, ты все изложил понятно, но. Ясно, что мы «играем на разных полях». Хотя бы в силу разной подготовленности. Но не только. Так, кроме «внешнего» диалога мы (я во всяком случае) ведем еще и внутренней (который нам «экстатически» важнее), зачастую «путаясь», и отвечая скорее на свои мысли, чем на мысли «оппонента», оппонент же в этом случае играет только роль триггера. Но разве внутренний диалог не самый главный? Хотим ли мы познать мир «объективно», или «утешиться» (спастись)? Конечно, спастись. А спастись можно только на пути образного (и сугубо личного) представления о действительности: мы живем, то бишь мыслим, образами. Все «архетипы спасения» суть некие образы жертвы и воскресения. Образ есть нечто «видимое», хоть и виртуально, а «терминологическое» аналитическое суждение абстрактно до бессмысленности и только рядится в одежды «несомненности», «объективности», «доказательности» (логика!). Такое «суждение» мне кажется выхолощенным, из него «вышел образ» той действительности, которую мечтаешь описать. Вот о каком «гносеологическом отчаянии» я и говорю, об отчаянии понять, и отсюда о единственном пути — представить себе.

Теперь о «площадках». Я вот подумал: дай-ка я предложу поиграть на моей, на «образной», но тут же догадался, что моя площадка, а точнее моя «игра» тебе просто неинтересна, ты в ней ничего кроме забавы не видишь. Ты хочешь понять «механизм спасения», само спасение тебе неинтересно, потому что ты в него не веришь. Если угодно, твое «спасение» в понимании. Но понимание не спасает, а разлучает со спасением, но поскольку ты давно с ним расстался, тебя это не пугает. Что же ты просишь для себя в этой игре? Где твой выигрыш? Гносеологическая гордыня? Не могу сказать, что «твоя игра» мне абсолютно неинтересна (я только и делаю, что пытаюсь в нее играть, на чужом для себя поле), но она мне как-то очевидно чужда. Кстати, настоящий «концепт» всегда образ. Например, мое суждение «Автор в произведении скорее раскрывается, чем прячется». В аналитическом смысле оно бессмысленное, согласен (смазь), но в образном несет бездонную смысловую нагрузку, в которую ты вникать не желаешь.

Ну ладно, я балаболка, но вот тебе мнение серьезных людей. Треугольник Батай-Кожев-Гегель. До меня, наконец-то, дошло (в меру вышперечисленных ограничений) суждение: «человек это смерть, осознающая себя», и в письме я пытался развить это понимание и сопоставить с твоим (видимо, сделал это неудачно, повторяю попытку). Вот Гегель пишет (и Батай цитирует его по книге Кожева, а я — по книге Батая, бабка за дедку, дедка за репку): «Человек есть ночь, пустое ничто: роскошь несчетных представлений и образов, ни один из которых не приходит ему на ум со всей ясностью /гносеологическое отчаяние! /... интимность /то есть скрытость, как я понимаю/ природы существует здесь...». (Это терминологические рассуждения, или смазь?) «Основание

и источник объективной реальности и эмпирического существования человека суть ничто, которое проявляет себя как негативное и творческое Действие, свободное и сознающее себя». Батай, вслед за Кожевным, считает эту идею «центральной и последней идеей гегелевской философии». «Диалектическая, или антропологическая, философия Гегеля в последнем анализе обнаруживает себя философией смерти». У Кожева все это гораздо стройней, чем у Батая, но ты читал, повторяться не буду. (Кстати, «по дороге» я понял и «От Кафки к Кафке» Бланшо с его литературой как правом на смерть, «когда я говорю, через меня говорит смерть», все это повторы из Кожева.) Мне кажется, что путь абстрактных концепций, твой рациональный тип понимания действительности для действительности разрушителен. Потому что мы потом (поверив в собственные абстракции) начинаем строить мир по придуманным схемам. Отсюда плавно перехожу к «проблеме автора». Автор либо грубо и нагло, «монологически», творит произвол, «сочиняет мир», либо робко, вслепую, «ищет самого себя», или даже «строит самого себя» из всей «многоголосицы на древних плоскогорьях мира», которая его окружает.

Кстати, какие «конкретные проблемы», от которых я «увильнул», ты имел в виду?

Боюсь, что дал тебе еще один пример «вселенской смази», «эссеистики» и прочих интеллектуальных безобразий... (А может, Ницше пошел по пути «образности» именно от гносеологического отчаяния?)

Всегда твой
Наум

Встретились в десять, в пять вылезли из номера и вышли к морю. Уже сумрачно. Сидели, обнявшись, смотрели на море. Говорила, что любит, что в этот раз (причем во второй), было необыкновенно, она этого долго не забудет. А потом сказала:

— Мне грустно.
— Почему?
— Не знаю...

Стали вспоминать нашу «историю» — четыре года прошло.

На обратном пути опять говорила о том, что я ее спас, что она была в жуткой депрессии, когда возвращалась из Иерусалима думала: крутану рулем — и все.

— Ты чего, серьезно?

— Да. У меня было ужасное состояние. Сейчас у меня похожее состояние, но, конечно, не такое. Тогда я решила, родился внук, и я решила, что все, списали меня. Еще как раз и школу в Рамат Гане закрыли, и я испугалась, что работы не будет, а нищета — это единственное, чего я боюсь. По-настоящему боюсь... Наверное, поэтому я еще раз выйду за муж, за деньги.

— Как это? (Я слегка обалдел.)

— Так. Ты не волнуйся, с тобой мы к этому времени уже расстанемся, а мужа уже не будет.

— Как это?

— Вот так.

— Это что, та баба тебе нагадала?

— Нет, мне вообще ничего невозможно нагадать. Я просто это знаю.

— Как это знаешь?

— Так, знаю.

— И когда ты это «узнала»?

— Всегда знала.

— Ну, все-таки это зависит и от других факторов, «деньги» еще найти надо. Или ты имеешь в виду известного кандидата?

— Да ты что. Это абсолютно исключено. Что-нибудь подвернется.

— А что, муж болен?

— Нет.

— Так что, ни с того ни с сего...

— А это всегда бывает ни с того ни с сего...

— Мистика это все.

— Конечно.

— Как ты можешь в это верить.

— Я не верю, я просто все про себя знаю. И каждый знает.

— Я — не знаю. И знать не хочу.

— Ну, это другое дело. Не хочешь — это твое право. Но знаешь.

— Я не люблю все эти «знания», потому что у них есть тенденция самоосуществления.

— Не волнуйся, у тебя есть еще три хороших года.

— Ну, спасибо.

6.11.

Fields

Наум, привет!

Сначала произнесу несколько слов «в свою защиту». Я согласен с тем, что «понимание не спасает, а разлучает со спасением», а также с тем, что «меня это не пугает». Но с чего ты взял, что я «не верю в спасение»? Это чистой воды инсинуация — как раз верю, свято и непреклонно. Я верю в то, что спасение следует понимать абсолютно буквально, то есть если человек жив, значит, он спасен (пока, по крайней мере); если он жив, но не спасен, то это не человек; никаких других вариантов нет, *tertium non datur*. Откуда же взялась «инсинуация»? Все очень просто: ты отказываешься употреблять слова терминологически; когда тебе удобно, ты толкуешь слово «спасение» «по Рувину», а когда неудобно — похристиански (или, точнее, в том обыденном значении, которое навязали нам так называемые «религии спасения»). Конечно, с христианской точки зрения я «не верю во спасение», но с какой стати о моей «вере» нужно

судить по законам конфессии, чью трактовку спасения я считаю глупой, лицемерной и малодушной? (Как говорит у Горького Павел Власов: «Человек партии, я признаю над собой только суд моей партии».)

Теперь два слова «об игре». Чего я «прошу для себя в этой игре»? Того же, чего просил бы любой теоретик («А он, мятежный...») — проверки своей теории на вшивость. Согласно Попперу, теория, претендующая на научность, должна быть «фальсифицируемой»; поэтому для нее дело чести — не увиливать ни от каких испытаний, чреватых «фальсификацией».

Переходим к «полям». Стоило тебе вообразить ситуацию «игры на твоём поле», как выяснилось, что ты сам не знаешь, что это за поле. Ведь не предлагаешь же ты мне посостязаться в сочинении стихов и прозы. Если бы даже я и принял столь экзотическое предложение, то все равно беседы «путем взаимной переписки» не получилось бы — мы вступили бы в ту сферу бахтинского большого времени, где Шиллер неспешно беседует с Гете, а Данте с Вергилием. Прочь, призраки. Деуки, иде я нахожусь? На самом деле ты приглашаешь меня на поле, которого нет («Сплясать на той площадке, // где некому плясать»). На нем пасется хотя и теория, но очень жирная, такая вся из себя «образная», не чета семи тощим коровам абстракции. Ругать аналитическое суждение за абстрактность — это все равно что ругать воду за то, что она мокрая. Тут другое: если испытываешь жажду, то тянешься к воде. «Проблема Ваймана» (как я ее понимаю) состоит в том, что жажда абстрактного конструирования таки имеет место, но место это неотрефлектировано. Выдвину предположение (в модусе контрвопроса: а чего ищешь в этой игре ты?), что кроме «чисто человеческого» («тип личности») интереса, ты ищешь в нашей игре творческого импульса в надежде на то, что она (игра) каким-то образом поможет обновить одеревеневшие и омертвевшие художественные архетипы. Если судить чисто теоретически, в этих ожиданиях есть свой резон: ведь «мысли об искусстве» (сотериологические суждения) суть не что иное как самосознание и самокритика художественной формы в ее наличном состоянии. Так почему бы не понадеяться найти в подобных играх импульс к обновлению? Все так, но, по моему разумению, искомый синтез возможен только на путях радикальной диверсификации (векторного расхождения) абстрактного конструирования и «нутряного» видения; смысл синтеза в том, что синтезируются разные вещи, и чем более радикально различие между синтезируемыми элементами, тем доброкачественнее и эвристичнее синтез. То есть синтезироваться может только полноценная — то есть по определению сугубо абстрактная — мысль и столь же полноценное — то есть сугубо чувственное — «видение». Возлагая же все надежды на «образность» («Даешь образное мышление!»), ты, как мне кажется, ставишь не на ту корову (она только с виду такая жирная). Обряжая мысль в «образы» с первых же, еще нетвердых шагов, мы делаем из нее «инвалида с детства», не давая ей развиваться так, как того требует ее собственная природа.

Возьмем, к примеру, того же Гегеля (с твоей, между прочим, подачей). Цитируя этого панлогиста, ты уличаешь его сначала в «гносеологическом отчаянии», а затем в «смази» (в связи с тем, что в его речи якобы «много образности»). Попробуем разобраться. Сначала о «гносеологическом отчаянии». Цитирую («Энциклопедия философских наук», § 441): «Если люди утверждают, будто нельзя познать истину, то это злейшая клевета. Люди сами не ведают при этом, что говорят. /Будучи «пророком», Гегель явно имел в виду Кожева и его компанию./ Знай они это, они заслуживали бы того, чтобы истина была отнята у них». По Гегелю, «нынешнее отчаяние в возможности познать истину чуждо всякой спекулятивной философии» /то есть, для Г., всякой настоящей философии/. Вот тебе и «гносеологическое отчаяние»! Теперь поговорим об образности. В той же «Энциклопедии» (§ 457) Гегель обсуждает проблему «символизирующей фантазии». «Пока интеллигенция /спекулятивно мыслящий субъект/ использует такого рода фантазию, она еще только относительно свободна, потому что не может пока расстаться с подпорками наглядности, не приобрела уверенности. Поэтому она боится упустить схваченное и, так сказать, держит его обеими руками. Символизирующая фантазия похожа на человека, которому мало назвать вещи просто и прямо, и он делает всевозможные изобразительные жесты руками и языком, присвистывает, пришептывает, словно без этих уподобительных усилий вещь, которую он хочет назвать, куда-то денется, потеряет реальность. Но на определенном этапе своего развития интеллигенция обретает уверенность и больше не нуждается в подобных ужимках. Обращение к «образности» может быть только последним средством, к которому прибегает философское бессилие». В «Логике» (кн. III, разд. 1, гл. 1) Гегель столь же круто расправляется с 'символом': «Все, что должно было бы служить символом, способно самое большее — подобно символам для природы Бога — вызывать нечто намекающее на понятие и напоминающее его; но если серьезно... то... внешняя природа любого символа не подходит для этого, и отношение скорее оказывается обратным: то, что в символе намекает на некоторое высшее определение, можно познать только через понятие /то есть через чистую абстракцию/ и сделать его доступным можно только удалением той чувственной примеси». Итак, символ лишь помеха. Когда мысль хочет быть тем, чем должна, символ виснет на ней своей малоповоротливой образностью. Мысль в понятии уж конечно не образ, не символ, даже не сознание и не самосознание, все подпорки оставлены далеко позади: она истина как чистая самость, равная себе и больше ничему. Гегель, словно бы предвосхищая те пути, по которым пойдет далее философия, предостерегает от символизма как от деградации мысли. «Возвращение к символу при уже достигнутой и существующей философской культуре присовокупляет к своему бессилию смешное желание выдавать эту слабость за нечто новое, возвышенное и за прогресс». Гегель испытывал глубочайшее презрение к тем «мнимым

философам», которые якобы обогащают свой предмет такой «полнокровной» вещью, как символ, а на деле просто не видят в мысли ее сути. «Приходится возражать против всякой символики вообще... Философия не нуждается в такой помощи ни из чувственного мира, ни со стороны представляющей способности воображения, ни даже со стороны тех областей ее собственной почвы, которые ей подчинены». В «Лекциях по истории философии» (особенно в разделе о Гераклите) Гегель приоткрывает перед нами «сотериологический» аспект своей расправы над наглядностью и «образностью» /это, по моему разумению, и есть «центральная и последняя идея гегелевской философии», как бы ни ярился Кожев/. Гегель цитирует Гераклита: «Смерть есть все то, что мы видим проснувшись, все же, что видим спящими, — сон». Интерпретация Гегеля такова: «Люди — смертные боги, и боги — бессмертные люди: живущие смертью тех и умирающие жизнью тех». То, что мы видим глазами, слышим ушами, вообще ощущаем чувствами, есть окаменелые формы, есть смерть. Из такого истолкования Гераклита только и становится понятной настоятельность, с какой Гегель отвергает символ — и вообще всякую «образность» — в философии. Погружение в символ, лицо которого всегда наглядно, — это все равно что погружение в немслящий мир; это есть не просто помеха для мысли, а смерть ей. А смерть мысли для человека — просто смерть. Гегель как некий Жрец мысли совершает своего рода «жертвоприношение», «очистительный обряд» заклания вещиственности с явными сотериологическими импликациями. Словом, того еще союзничка подкинули тебе Кожев и компания.

В свете вышесказанного особое удивление вызывает такой пассаж из твоего письма: «Например, мое суждение: «Автор в произведении скорее раскрывается, чем прячется». В аналитическом смысле оно бессмысленно, согласен (смазь), но в образном несет бездонную смысловую нагрузку, в которую ты вникать не желаешь». Но я ведь как раз и попытался «вникнуть» и дать истолкование /в духе того, что Автор прячется как Жрец и раскрывается как зазывала-идентификатор/, ты же /никак не отозвавшись на мою интерпретацию/ призываешь меня полностью отключить мозги, выпучить глаза и воздеть руки, демонстрируя погружение в некую «бездонность». Эти игры а la Андрей Белый мне уж точно не по нутру. Это и есть то самое «погружение в немслящий мир», от которого так своевременно предостерегал Гегель. Мудреца, конечно же, сначала «не слышали», а потом перетолковали вкривь и вкось, но лев и мертвый — лев, а шакалы и есть шакалы.

Всегда твой,
Матвей

P.S. Чувствую, газетные статьи не вызвали у тебя интереса. Между тем, мне прислали гору материалов (разумеется, сплошь антисемитских) по поводу теракта из газеты «Завтра» и других СМИ «прохановского лагеря». Если пожелаешь ознакомиться, могу перебросить.

Матвей, привет!

Гегель, конечно, пацан реальный, в авторитете, но, судя по твоим цитатам, был все еще «сыном Просвещения» с характерной для этой боевой эпохи верой в Разум. И еще в «истину», и в познание с помощью понятий и категорий разума. И это после того как Кант уже определил Разуму строгие границы (суди, дружок, не выше сапога). А все сие от напыщенности, от нескромности. А на дворе уже тогда была другая эпоха. Мы же неслучайно копнули Шопенгауэра. Да и сам Гегель, мистагог «чистой мысли», не зря побаивался «символизма», сия новая эпоха явилась нам не с бухты-баракхты. Уже Шопенгауэр полагал волю как нечто первичное, а разум — слугой воли. То есть не одного меня охватило «гносеологическое отчаяние», и не от одного только «бессилия мысли», то есть не от личной слабости умишком (уж Шопенгауэра в этом никак нельзя обвинить), а от бессилия в известном смысле predetermined. Ты цитируешь Гегеля: «можно познать только через понятие/то есть через чистую абстракцию/ и ... только удалением чувственной примеси. ... Мысль в понятии уж конечно не образ, не символ, даже не сознание и не самосознание: она истина как чистая самость, равная себе и больше ничему». «Чистое» понятие, оторванное от всякой «образности» (условный термин-концепт), выглядит мне как фантазм, еще более фантастический, чем символизм, а оперирование «понятиями» в поисках истины (а что это, черт подери, такое?!, и не пора ли, кстати, расстаться с этим отвратительным словом, как мы благополучно расстались в свое время с «красотой»?), представляется мне строительством храма на облаке, или царством Снежной Королевы (прошу прощение за разбушевавшуюся образность): все очень чисто, правильно и красиво, и даже вечно, но как это связано, извините, с «жизнью»? Является ли этот Храм моделью жизни? Или жизнь пытаются построить как модель бездушного, механистичного (чистая логика) разума? И я совершенно не согласен с твоим выводом из интерпретации Гегелем Гераклита (а если ты тут ни при чем, Гегель виноват, то я ведь не посмотрю, что они «Гэгэл»): «То, что мы видим глазами, слышим ушами, вообще ощущаем чувствами, есть окаменелые формы, есть смерть». Да все наоборот: то что мы «видим глазами» — это жизнь в движении-изменении, а то, что мы «конструируем» умом — это «окаменелые формы», и чтобы придать им «жизни», мысль спускает свои теоретические разрядки «вниз», кромсает и коржит по этим лекалам жизнь. Так уважаемый Гегель искорежил нам жизнь своим пониманием истории как «прогресса», т.е. совершенствования, попросту говоря, «мы идет к светлому будущему», и вот люди принялись бодро топтать в сторону этого светлого будущего, а кто шел «не в ногу со временем», тому ноги ломали и бросали у дороги (пусть мертвые хоронят своих мертвецов).

А с другой стороны, возьмем «поэтическое» (образное) мышление (ведь ты не зря частенько «подкрепляешь» свою «чистую мысль» какой-

нибудь жирной поэтической цитатой): разве «философскую» поэзию Баратынского или Заболоцкого можно считать ужимками? Я не призываю к поэтическому разгулу в философии, но лично мне «понятнее», именно в философском смысле, Тютчев или Мандельштам, чем Гегель-Шмегель.

И признаюсь, раскусил ты меня: я ищу не истины (нет такого зверя в природе), а вдохновения. Но, как писал Ювенал: «если нет вдохновения, рождается стих возмущением». В философии есть свой «цеховой» фанатизм: «каждый гордится свои мундиром», как говаривал Д'артаньян (и твои цитаты из Гегеля только подтвердили мне это), фанатизм, который по силе «тяги» граничит с поэтическим вдохновением, и я, конечно, хочу к этой силе приобщиться. Но никак не к «истине», поскольку, повторяюсь, не ведаю что она такое.

А твоя лаконичная формула: «я жив, следовательно, спасен» вполне подходит и обезьянам. Может, все-таки мы «живы» в силу инстинкта самосохранения, вполне животного, а не в силу ритуалов жертвоприношения у костра? Ты же сам говорил, что «спасение» штука метафизическая. Стало быть, есть выживание, и есть спасение, и если хочешь спастись, иди в коллектив и пой-пляши у костра («но как в колхоз идет единоличник, я в жизнь вхожу — и люди хороши»). Да, спасение — вещь коллективная. В этом и заключается «магическая ложь» христианства, что оно внушила несчастному, что он сам, лично, прямым обращением к Богу, «спасется». И человек крепко в это поверил... Зря.

И есть, в конце концов, иная философская традиция (не менее древняя и авторитетная), можно назвать ее условно «иррационализмом», да попросту — некоторым недоверием к всемогуществу разума. Он, великий, конечно, многое может, и самолеты строит, но самолеты нас не спасут. И потом, если считать (по Рувину), что только «ритуал спасения» обеспечивает жизнь, то какое отношение к этому ритуалу имеет мысль? К пониманию механизма спасения — конечно, имеет, но ты и сам признал, что понимание не спасает (знание уму не научает, преумножающий знание — преумножает скорбь). А вот «образное мышление» как раз таки спасает, ибо на что действует театр — на образное мышление, на фантазию. А мысль, срывающая покровы с интимности ритуала, — губительна! Вот такие у меня получаются «сотериологические импликации» от «заклания вещественности» многоуважаемым Гегелем.

А на твою интерпретацию я не среагировал потому, что не очень-то ее понял... А может, кстати, автор в произведении не прячется и не раскрывается, а ищет самого себя. И вся интеллектуальная деятельность: философия, художественное творчество — это поиск самого себя, строительство самого себя, самоопределение (кажется, вполне по Гегелю).

А статейки, конечно, пришли.

Всегда твой

Наум

7.11.

Наум, привет!

У меня почему-то не возникла потребность «дискутировать» на тему твоего последнего письма по существу: наверное, я расслабился из-за оказанного Гегелю уважения. И вообще, важнее «обозначить позиции», чем что-то «доказать». Да и времени нет совсем.

Однако получается так, что в твоём письме полно утверждений, которые я никак не могу «пропустить» (спустить с рук), поскольку они чреватy дальнейшим «смещением» и уже полной и окончательной неразберихой. Дело в том, что как я ни стараюсь, на какие уловки ни иду (например, упорно предвараю все цитаты словом 'Цитата'), все равно повторяется та же история — чьи бы взгляды я ни излагал, они приписываются мне. Не существует линии «Рувин-Гегель». Я не антисимволист (скорее уж символист) и тем более не гегельянец (скорее уж антигегельянец). Моя сотериология основывается на «двублоковости»: на различении 'Блока обеспечения' и 'Блока спасения'. Ничего подобного у Гегеля нет и быть не может. Для Гегеля спасение — это «умерщвление вещества существования» («заклание вещественности») ради перехода в царство чистой мысли. Нет ничего кроме мысли и ее перевоплощений. Для меня же спасение — это «снятие» особого рода эмоций ('рациогенных', но — эмоций: ведь лежащий в основе 'Блока спасения' метафизический ужас — это никак не «мысль»); поэтому мысль как таковая не имеет к ритуалу прямого отношения (в этом ты совершенно прав, и сомнения у тебя зародились недаром). Спасение по Гегелю не имеет ничего общего со спасением по Рувину; у меня есть свой «цеховой фанатизм», но мы с Георгом Вильгельмом из разных цехов (хотя коллегия одна); и как бы я ни был беден умишком перед Магистром, мой цех «правильный» (применительно к искусству), а к тому же и «самый демократичный»: фанатизм чистой мысли может «спасти» такого чудика, как Гегель, но это исключение — «простой люд» спасается иначе. Поэтому ты совершенно напрасно подверстал меня к Гегелю, Декарту и другим, впрочем, почтенным, особам («рационалистам»). Я обратился к Гегелю (с твоей, кстати, подачи), возмутьившись его ложной интерпретацией (как говорят англичане, *misreading*'ом — чтением мимо). Но не только. Я хотел показать, что «чистая мысль» имеет свою сферу применения, где она королева; в этом я с Гегелем абсолютно согласен. Мыслить — это, прости господи, не хуи валять; и уж тем более не изощряться в щегольстве «образного прикида». Я сказал бы так: предмет моего рассмотрения (сотериологического) — эмоции («эстетические»; хотя эти эмоции рациогенны) и все, что их вызывает и «снимает» (фобии, архетипы спасения, «образы», метафоры и другие тропы, «стихи и песни» и все такое прочее). Этого предмета для своей мысли как особой квази-онтологической сферы бытия ('сферы индивидуации') Гегель в упор не видел (даже в своей «Эстетике»: ведь художественное творчество является для

Гегеля лишь не вполне зрелым выражением чистой мысли, и когда человечество повзрослеет, оно перестанет нуждаться в искусстве); поэтому в выделении (Рампа), созерцании и «переживании» этой сферы он мне не помощник. Но я не только «купаюсь» в этой сфере (ведь я не Творец и не Зритель, а Сотериолог), а анализирую ее с позиции стороннего наблюдателя. А это уже вопрос не предмета, а метода. И вот когда дело доходит до анализа, вступает в свои права «чистая мысль», и тут Гегель со своим Методом (со своей диалектикой, методикой обращения с категориями и т.п.) для меня великий авторитет и в каком-то смысле «маяк». Дело в том, что мышление как чистое оперирование понятиями не зависит от своего предмета (а зависит от предельно абстрактной инвариантной «логики»). Если я говорю (вслед за Гегелем), что в «общей конструкции» мысли следует отрешиться от «образности», — и чем радикальнее, тем лучше, — это не значит, что я отрицаю образность (в том же искусстве); более того, она-то и является предметом моей мысли. И это не значит, что я не могу «употреблять образы» для подсобных, риторических, иллюстративных целей (для убедительности, силы воздействия и т.п.) /Художник же «употребляет образы» совершенно иначе; они у него не «иллюстрируют», а «живут своей жизнью»/. Но к самой природе мысли все эти прибабасы отношения не имеют. Если я мыслю о метафоре, это не значит, что моя мысль должна быть «метафоричной». (А какой должна быть моя мысль, если я мыслю о корове?) Если это было бы так (если бы характер мысли зависел от предмета рассмотрения), то орнитолог думал бы по-птичьи (лучшим орнитологом была бы птица), а ихтиолог по-рыбьи. Между тем ученые «просто мыслят», мыслят рационально. Признавая этот факт, я не становлюсь тем самым «рационалистом». Рационализм в философии — понятие не методологическое, а онтологическое, то есть бытийное. Рационалист считает, что ничего кроме мысли на свете нет (а то, что от нее с виду отличается, — это ее «воплощения» и «выражения»). Поэтому мир рационалиста не может состоять из более чем одного 'блока': ведь мыслительная сфера одна (рационалист Лосев так и начинает все свои рассуждения: вначале было Одно). У меня же картина мира совершенно другая, как раз предполагающая — с определенного момента (а не изначально: иначе я был бы дуалистом) — наличие двух 'блоков'; соответственно, и совершенно другие антропология, и сотериология в целом, и эстетика в частности. А где есть две сферы, там есть условия и простор для таких вещей, как «отражения», «символы», и все такое прочее. Поэтому я скорее «символист», чем «антисимволист». Остается повторить «дежурное заклинание»: не надо валить все в одну кучу (привел цитату из Гегеля — и ты уже рационалист); надо разбираться.

Теперь о «проблеме автора». Утверждения типа «автор ищет самого себя», «строит себя» и т.п., может быть, и понравились бы Гегелю, но мне они решительно не близки. Человек может «искать» и «строить» себя

по-разному в разных сферах (например, в образовании, воспитании, поступке, размышлении, самоанализе, исповеди и т.д. и т.п.) Когда он выступает в качестве 'автора' (автора «художественного творения»), то получает доступ (по крайней мере, теоретически, в возможности) к мощным архетипам, которые за тысячелетия культурной эволюции приобрели статус мощных генераторов сотериологической энергии. И дальше уже от самого «автора» зависит, как он будет обращаться с этими «генераторами»; он может либо «подключиться» к ним (и тогда все эти пресловутые «индивидуальные поиски» утонут в океане «синергии» — соединения индивидуальной энергии с энергией архетипа), или обращаться с ними как ребенок, ковыряющийся в непонятной игрушке. При желании поведение такого ребенка тоже можно трактовать как «поиск себя» и «самостроительство», но лучше бы он подыскал для этого занятия какую-нибудь другую игрушку, скажем, конструктор или puzzle.

И еще одно уточнение насчет «ложной интерпретации». Ты пишешь: «А твоя лаконичная формула: «я жив, следовательно, спасен» вполне подходит и обезьянам. Может все-таки мы «живы» в силу инстинкта самосохранения, вполне животного...».

Ты сделал мою и без того лаконичную формулу уже чересчур лаконичной. Напомню тебе «оригинал»: «если человек жив, значит, он спасен (пока, по крайней мере); если он жив, но не спасен, то это не человек». Тот, кто жив только «в силу инстинкта самосохранения, вполне животного» (скажем «маугли», воспитанный волками), не человек (как это ни странно, человеком не рождаются), поскольку не испытал «метафизического ужаса» и не «снял» его посредством культурных стереотипов. Есть и более сложные случаи «не вполне людей» (маньяки, разного рода «сотериологические лишенцы» и проч.), но разговор на эту тему завел бы нас слишком далеко в сторону.

Не могу согласиться и с тем, что «рувинское спасение» имеет в виду прежде всего коллективы. Это суждение недостаточно диалектично. Динамический стереотип снятия индивидуации имеет «на входе» личного индивида (с присущей ему мерой индивидуации), а «на выходе» — личность, перешедшую на «точку зрения» рода (причастившуюся роду в какой-либо из его ипостасей). Ты говоришь о «коллективах» так, будто речь идет о каких-то «чисто конкретных» колхозах или макаренковских колониях (приведенная тобой же цитата «и как в колхоз идет единоличник» показывает, в каком «дематериализованном» модусе выступает в произведении «контрагент рода»: ведь в данном случае (Мандельштама) «спасается» не коллектив, а «заматерелый индивидуалист», и спасается он не тем, что действительно «вступает в колхоз», а тем, что символически воспроизводит архетип снятия индивидуации). В культуре «присутствие» коллектива всегда иллюзорно, он «дан» только символически, в «Рамповой репрезентации», как горизонт снятия индивидуации, как «виртуальная точка зрения», на которую переходит инди-

вид. Поэтому бессмысленно говорить как о «чисто индивидуальном» спасении (это пускай христиане тешатся), так и о спасении «чисто коллективном» (это пусть тешатся коммунисты и «софиологи»). В эстетическом хронотопе мы имеем дело только с их — индивида и коллектива — символическими «контрагентами» (вот тебе доказательство, что я, в отличие от Гегеля, вовсе не «антисимволист»). Конечно, возможна такая высокая — зашкаливающая — степень индивидуации, когда любые коллективные ценности девальвируются и, соответственно, участие в эстетическом акте затрудняется или, в пределе, становится невозможным (ситуация «сотериологического лишения»: «я лишен был и чаши на пире отцов»). Но это не просто «эстетическое пограничье», — это «пограничье антропологическое», и я отдаю себе отчет, что от угрозы «перейти границу» (стать «антропологическими лишениями») не застрахованы ни отдельный индивид, ни даже «человечество» в целом. По своей антропологической сути это угроза мутации, способной изменить природу вида.

Всегда твой,

Матвей

Интересно было бы узнать твое мнение о прилагаемых статейках «проханойдов»: см файл prokhanoids

Матвей, привет!

Прочитал я «статейки», спасибо. Радзиховский (еврей, судя по всему) в статье «Наивный пацифизм как главная угроза» повторяет набор аргументов наших правых, обвиняющих левых (в России их роль играют «либералы») в наивности. Только наши левые вовсе не «пацифисты» (хотя и такие среди них попадаются), они, скорее, фанатики «мирного урегулирования», но они гораздо сильнее политически, чем российские «либералы», так что вреда от них куда больше. Они тоже верят в возможность «разделиться» (как при разводе), дать «им» отдельное государство, и это якобы решит конфликт. У Радзиховского это звучит так: «избавиться наконец-то и от этой проклятой войны, и от этой Чечни — отпустить... и отгородиться от них рвом, железобетонной стеной и тремя рядами колючей проволоки» (мечты Жаботинского о железной стене между евреями и арабами). Радзиховский считает такое «решение», во-первых, неосуществимым, а, во-вторых, губительным для России. (Ему вторит некто Шурыгин из газеты «Завтра»: «Эфемерное чувство безопасности и отдаленности от Чечни не более чем самообман».)

Радзиховский неправ только в том, что чеченцы, мол, и не хотят независимости, да и не смогут без России прожить (израильские миролюбивые таких иллюзий не питают), а в остальном все верно, для «Чечни», как и для «Палестины»: получив самостоятельность, они обречены стать гнездом террористов. И за что бы они ни боролись, тем, кто им помогает (а без помощи им и дня не прожить) эта борьба нужна как инструмент

для разрушения и уничтожения врага (у вас — России, у нас — Израиля). Израильский правый готов подписаться под словами Радзиховского о тотальной войне: «мирного времени нет, реально идет война. Эта война объективна — даже если мы ее не признаем». И это верно, с заменой «России» на «Израиль»: «или Россия поймет, что на войне — как на войне, или узнает, что “в рабстве — как в рабстве”». Шурыгин жалуется на моральную слабость России: «На самом деле чеченцы могут делать в Москве все, что им угодно. И никто с этим не пытается бороться». Точно так же израильские справедливо жалуется на разбои бедуинов в Негеве и на бессилие государства обуздать их бесчинства.

Кстати, я тут наткнулся (самостоятельно) еще на одну статью Радзиховского в том же духе, называется «Мировая война», с подзаголовком «Фундаменталисты обречены на победу, а Запад и Россия — на поражение». Знакомые вопли о «мягкотелости» Запада, соответственно, недавние переговоры американской полиции с киллером из Вашингтона он считает капитуляцией, а лихой штурм московского театра — несгибаемой волей к победе. А дальше идет совсем уж неожиданный вывод: «В России возможны либо демократическая коррупция и власть бандитов, либо полицейский режим. Россиянам не нужен сумасшедший тиран Сталин. Нужен и необходим как воздух и вода свой Пиночет». Ну и так далее. Да, еще требует «ограничения постыдного балагана политической свободы». А ведь числится, кажись, «либералом», например, называет интервью БАБа с Прохановым «дружеской беседой садиста с мазохистом»...

Остальные статьи посвящены в основном деталям самого теракта, критике работы спецслужб, все это не так интересно. Впрочем, у Макаркина (статья «Драма заложников и выбор президента») есть интересные обобщения, но они касаются оценки и прогнозов развития общественно-политической ситуации в России. Макаркин пишет: «Сейчас ситуация принципиально изменилась. В значительной степени дискредитирован принцип гуманизма, который, казалось, прочно занял определяющее место в сознании людей в период перестройки (вспомним часто цитировавшиеся тогда слова Достоевского о «слезинке ребенка»)». Дальше он приводит разные причины, которые по его мнению «повлекли за собой трансформацию общественного сознания, создания базы для путинского большинства, которое ... востребует решительное и дееспособное государство, и готово простить этому государству очень многое». И в этом раскладе «Путин выступил как раз в качестве строителя подобного государства — по контрасту с Борисом Ельциным, воспринимаемым как разрушитель. Отсюда и мощная электоральная поддержка его курса». Автор считает, что эта ситуация приведет к усилению влияния силовых структур и лично Путина: «Таким образом, Владимир Путин одержал убедительную личную победу, став успешным военным вождем, консолидировавшим общество, подобно тому, как он был им во

время второй чеченской войны. Знаковыми для путинского большинства стали его слова о том, что «Россию нельзя поставить на колени»». В другой статье («Красно-белый синтез против республики Путина») Макаркин повторяет и подчеркивает тезис о «реакционной волне» в российском обществе: «В обществе с конца 90-х годов нарастает консервативная волна, включающая в себя такие элементы, как позитивное отношение к советскому периоду истории (с элементами ностальгии по империи), изоляционизм, патернализм».

Что касается «еврейских» тем, то здесь нет ничего нового. Так, Владимир Бондаренко (статья «Кто же фашист? Швыдкой — провокатор антисемитизма в России», «Завтра», 1.10.2002) возмущается (на мой взгляд, не без основания) телепрограммой «Культура», которая называлась просто и без затей «Русский фашизм страшнее немецкого»: «Почему на государственном канале, в программе, которую ведет член правительства России, министр культуры, — три еврея спокойно, на всю страну обсуждают как аксиому, что русский фашизм страшнее немецкого?». (При этом очень смешно, якобы иронизируя, оговаривается: «Ощущение такое, что Немцов и Швыдкой — впрочем, и подыгрывающий им Павловский — что-то такое знают о нашем будущем, о чем мы еще не догадываемся».) По сути, Бондаренко просто нашел повод для нападок на евреев вообще: «Непонятно почему почти вся финансовая элита России — сплошь Ходорковские и Фридманы, Абрамовичи и Чубайсы? И они почему-то не боятся и не спешат убежать из страны, где царит “русский фашизм страшнее немецкого”». Тут, конечно, возникает все тот же извечный вопрос: можно ли считать абрамовичей и фридманов, а также павловских и радзиховских «представителями» еврейства. Дело в том, что они сами себя таковыми не числят, наоборот, они считают себя русскими, по культуре и жизненным задачам, не говоря уже о гражданстве, т.е. действуют «ради России», если можно так сказать, в рамках русской идентичности и русской истории (схема, конечно, «грубая» и не вникает в личные переживания каждого). Но вот беда: окружающие видят в них прежде всего евреев, т.е. чужаков, и требуют «не лезть в чужой монастырь со своим уставом» (хотя во многих случаях еврейство того или иного персонажа лишь предлог обвинить его в «чуждости нашим идеалам»). Из этой трагической ловушки (для евреев, потерявших национальную идентичность) нет исхода, их участь — круговорот погромов и изгнаний. Погромный призыв звучит и у Бондаренко: «И что это за народ /русские/, который такие оскорбления терпит?» В другой заметке (от 29.10.2002, газета «Завтра») он пишет про «агрессивное меньшинство, которое при любых событиях занимает автоматически крайнюю антирусскую позицию», про «гнусные признания в ненависти Марка Розовского к русским патриотам, прозвучавшие в прямом эфире», в общем, смакует тему. При этом «простого еврея», якобы чуждого этой антирусской вакханалии он рисует таким макаром: «Живет бедный Абрам или

Семен где-нибудь в Орше или Челябинске. Более-менее устроился. Торговлишку мелкую ведет или еще что-нибудь...». Интересно в этой вонючей словесной кучке только то, что Бондаренко выдает-выбалтывает «маленький секрет» антисемита: чувство униженности. «Хватит, сколько же можно унижать мое достоинство!», восклицает он. Тема «русского унижения» педалируется и дальше: «унижение народа, к тому же необоснованное, не прощается никогда и никем... Увы, за исключением народа русского. Но до каких же пор мы будем унижаться?». Ему подпевает тот же Проханов: когда, мол, «всплывет, наконец, долгожданный «русский фактор»? И главному народу России передадут причитающуюся ему долю политической и экономической власти, уберегут его от оскорблений и духовного подавления? Ибо русская армия больше не станет защищать банки Авена. Русские священники не станут молиться за богатства Фридмана».

И это не униженность «родины» перед американцами, вставание Великой России с колен и тому подобное, это униженность перед евреем (даже «бедным Абрамом из Орши»), иными словами, комплекс неполноценности и черная зависть.

Та же тема «униженности» (комплекса неполноценности по отношению к Еврею) всплывает и в любопытном диалоге «Евреи, русские и Солженицын» Александра Казинцева и Виктора Кожемяко (по поводу первого тома Солженицына «200 лет вместе», диалог был в журнале «Наш современник», №12, 2001). Раз уж я взялся за «обзор» того, что ты мне прислал, то этому диалогу уделю специальное внимание, поскольку и мы об этой книге говорили, и участники диалога, не в пример оголтелому Проханову, люди более уравновешенные, к тому же Сашу Казинцева я знаю лично, вместе посещали в блаженные семидесятые поэтическую студию «Луч» Игоря Волгина при Московском Университете. Он уже тогда был «почвенником». Так вот, Казинцев по своему неприятию «либералов», сплошь, как ему кажется, евреев и ненавистников России, мало чем отличается от Бондаренко или Проханова (полагаю, что это общий тренд русских патриотов, в кавычках или без), и характерно, что для демонстрации своего возмущения этой публикой он вспоминает «лозунги еврейской революционной молодежи в октябре 1905 года», который приводит в своей книге Солженицын: «Теперь мы будем управлять вами», «мы дали вам Бога, дадим и царя» («прости Господи это кощунство», добавляет Казинцев).

Предъявы «либералам» понятны: израильские правые точно так же обвиняют наших левых в отсутствии патриотизма, в презрении к национальным интересам, в смычке с врагами и т.п. Но у Казинцева и иже с ним идеологический враг маркирован по национальному признаку. Хотя Казинцев, конечно (дабы не обвинили в разжигании национальной розни), делает оговорку: «Сразу подчеркну, чтобы избежать кривотолков: я и говорю не о всех, а наиболее социально активной группе, кото-

рая на протяжении истории еврейства приписывает себе право выступать от его имени. Опираясь при этом на догму «богоизбранности», исключительности». Оговорка нелогичная, ведь все эти «революционеры», как и нынешние «леваки» и «либералы», как раз и не выступают от имени еврейского народа, совсем наоборот, и уж точно не считают себя «богоизбранными», ибо вообще в Бога не веруют. При этом Казинцев зачем-то вспоминает «Всемирную конференцию, состоявшуюся недавно в южноафриканском городе Дурбан, где подавляющее большинство участников квалифицировало сионизм как расизм», но сионисты не либералы, а националисты. Поскольку я не могу сказать, что Казинцев просто слаб умишком или совсем не разбирается в «еврейских делах», то его куча мала из сионистов, революционеров, либералов и богоизбранных доказывает только то, что ему все равно: как еврея ни называй, он все равно вражина. Это легко и точно квалифицируется как «зоологический антисемитизм» и дальше уже не интересно, поскольку заранее все известно. Кожемяко, например, задает ему каверзный вопрос: «Но ваши оппоненты могут возразить: русские тоже считают себя богоизбранным народом. Достаточно вспомнить Достоевского». Но для Казинцева тут нет ничего каверзного, мол, богоизбранность богоизбранности рознь, наша-то посконная зело добра: «В программной Пушкинской речи он /Достоевский — *Н.В.*/ говорил: «Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только... стать братом всех людей». Таково русское понимание богоизбранности». Известное дело, русские покорили, а частично раздавили и уничтожили десятки народов не для грабежа и господства, а исключительно в целях братского с ними слияния (как тут не вспомнить старый болгарский анекдот: болгарин и русский, найдя 10 рублей, размышляют, как их поделить. Русский говорит — давай по-братски. Болгарин, задумавшись, робко просит: а может, все-таки, разделим поровну?). «А вот еврейская богоизбранность, сформулированная еще в Ветхом завете, чистый бандитизм. Прочитирую слова, обращенные к народу Израиля: «Когда введет тебя Господь, Бог твой, в землю, в которую ты идешь, чтоб овладеть ею, и изгонит от лица твоего многочисленные народы Хетеев, Гергесеев, Амореев... и предаст их тебе Господь, Бог твой, и поразишь их, тогда предай их заклятию, не вступай с ними в союз и не щади их» (Второзаконие. 7:1–2)». Мало того, Казинцев еще и ядовито лицемерен: «Поймите, я говорю обо всем этом с горечью. Я сам призывал к межнациональному диалогу». Солженицын при этом в рамках «межнационального диалога» обвиняется в пособничестве сионистам: «разоблаченный агент, работает под контролем своего противника — под сионистским контролем», «на сионистские хлеба отпущенный». Хотя это уже скорее внутренние разборки в стане русских патриотов.

Очень мил и аргумент против «обвинений в антисемитизме»: «За столетие с небольшим проживания под русской короной — с 1800 по

1914 год — численность евреев возросла восьмикратно! С 820 тысяч до 5 миллионов, плюс полтора миллиона эмигрировавших в США. После этого трудно бубнить о «невыносимых условиях», в которых гонимый народ будто бы жил в «этой стране». (У нас арабы тоже размножаются как кролики, так что их, по логике Казинцева, не устраивает?)

Однако перейдем к действительно интересной (очень старой, но все еще актуальной) теме, я уже затронул ее раньше: об идентичности ассимилянтов, или — о национальном характере. Есть ли такая штука вообще? Если есть, то в какие шкуры еврей ни рядись, он всегда действует «как еврей», и его вина — вина всех евреев. Включая, по мнению Кожемяко, целенаправленное спаивание русского народа: «Вот в XIX веке евреи спаивали русских в шинках — об этом немало страниц у Солженицына. Но, может, в чем-то прав еврейский редактор Голенпольский: а зачем они, т.е. русские, этому поддавались? Кстати, очень актуальный для нас вопрос и сегодня — разве не так? Спаивание народа продолжается, а сопротивления этому никакого нет».

Казинцев (поэт ведь все-таки) не углубляется в хитросплетения культурных влияний, не рассматривает, например, влияние евреев, их национальной культуры и национального характера, если таковой существует, на русскую литературу, русскую поэзию. Мог бы, например, разобрать слова Мандельштама «Это грозно. Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои сольются с ней, кое-что изменив в ее строении и составе». Разобрать, насколько все это «грозно» для русской культуры, тем более что в наличие у народов национального характера он не сомневается. Но нет, он предпочитает развивать тему спаивания евреями русского народа, да и других народов в разные исторические эпохи. И греков спаивали, и даже негров: «После войны на юге, где выращивали хлопок, простые и необразованные негры собирали урожай на паях с белыми плантаторами. Евреи устанавливали на территориях плантации магазины, удовлетворяли все нужды черных в кредит и в конце сезона становились владельцами той части урожая, которую получали негры». Между прочим, это свидетельство популярного у нас Марка Твена. Сопоставим с данными расследования, которое проводил в Минской губернии наш знаменитый поэт (и сенатор) Г. Державин. Цитирую по книге Солженицына: «Жидаы, езда по деревням, а особливо осенью при собирании жатвы, и напоив крестьян со всеми их семействами, собирают с них долги свои... пьяных обсчитывая, обирают с ног до головы...». Не правда ли, схожий механизм?» В общем, не Библию евреи дали народам, а спаивали их, вот оно, главное содержание их деятельности в мировой истории.

Кроме прочего, мое «профессиональное» (как бывшего поэта) любопытство привлекла интерпретация поэта Казинцева стихотворения «средневекового поэта из испанской Кордовы» Иуды Га-Леви:

Как мусор для меня все испанские сокровища,
богатство и испанское добро.
Для меня чистое золото — пыль той земли,
на которой стоял наш храм.

Казинцев считает эти строки отнюдь не клятвой преданности покинутой родине, а «предельно выразительным и предельно аморальным» отказом «полюбить землю страны, давшей пристанище» и расстаться с чувством «надменной экстерриториальности»...

Красноречив и вывод Кожемяко: «Я вот выписал для себя в некотором роде интегрирующий вывод автора (Солженицына — *Н.В.*): «Сила их развития, напора, таланта вселилась в русское общественное сознание. Понятия о наших целях, о наших интересах, импульсы к нашим решениям — мы слили с их понятиями. Мы приняли их взгляд на нашу историю и на выходы из нее». Получается (это справедливо подмечено в одном из откликов на книгу), что ассимилировались не евреи, а русские!». Казинцев утешает: «К счастью, до этого далеко. Конечно, многое общество усваивает с чужих слов, вдалбливаемых с телеэкрана. Но это в основном поверхностное восприятие. А как доходит до животрепещущего, рокового, вылезает свое, русское! (Замечательная фраза!) Беда не в том, что мы ассимилировались, а в том, что с экрана, со страниц печати говорят не русские патриоты, а — как бы от нашего имени — деятели совсем иного рода-племени. Солженицын плохо знает современную Россию, вот он и перепутал; картинку на телеэкране принял за изображение русской души. Но главная беда не в этом. И даже не в засилье чужих, чуждых русскому духу людей в элитах — властных, финансовых, информационных. Беда в том, что мы сами порастеряли, утратили русский дух. Нет, евреями мы не стали, но уже и русские мы больше по записи в паспорте, а поменяют серпастые-молоткастые, так пропадет и запись. Чтобы совсем не потеряться в мире, не превратиться в перекасти-поле, я бы советовал всем вспомнить завет Ф. М. Достоевского. В год 180-летнего юбилея писателя он прозвучит особенно актуально: «Стать русским, во-первых и прежде всего. Прежде всего, надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шага все изменится». Великий писатель понимал, как непросто это на деле. Он прибавлял: надо «выделаться» в русского. ... Поглядите хотя бы на лотки с патриотической литературой — сплошь еврейский вопрос. Они, поди, радуются, что все едва пробудившиеся духовные силы мы отдаем на его изучение. Получается, что русский патриот — это специалист по еврейскому вопросу. (Тоже потрясающая фраза!) ... Надо укреплять русский характер, русскую национальную жизнь, государство Российское. Конечно, и за «избранными» поглядывать: что у них на уме. И уверяю: если поднимемся из нашей разрухи — не только же материальной, но, прежде всего, духовной, если определимся и укрепимся именно как русские...»

И ты еще прислал, надо полагать для контраста, статью Барнави о самоощущениях нынешних французских евреев, включая «беседу» этого Барнави (был послом Израиля во Франции) с французским философом Люком Розенцвейгом. Барнави спрашивает Розенцвейга: «В своей последней книге Вы пишете: «Еще никогда, начиная с войны, французские евреи не чувствовали себя на своей Родине такими отверженными, такими непонимаемыми и такими нелюбимыми». Не допустили ли Вы здесь некоторого преувеличения?» Тот отвечает: «Я хотел описать то восприятие, которое сложилось у евреев Франции, не обязательно отражающее объективную реальность, но которое непременно должно приниматься в расчет для истинного понимания ситуации. Поверьте мне, я исходил Францию вдоль и поперек, встречался с сотнями людей, посетил многие города и регионы и вынес впечатление большой душевной тягости, которая овладевает евреями вследствие их глубокой уверенности в том, что их не понимают, и что Республика их бросила».

А у нас тут предвоенное шевеление, всю демонстрируют народу «новые типы вооружений»: наш противоракетный комплекс «Стрела», американский усовершенствованный «Патриот», американско-израильскую лазерную систему «Наутилус», сбивающую аж артиллерийские снаряды (ее делали против «катюш»), всякие беспилотные летающие игрушки. А все это, как я понимаю, к тому (о чем осторожно и предупреждают), что Саддам не так уж беззуб, как полагали раньше, т.е. непременно ебнет. Вот и ждем-с. Где-то к середине декабря... А евреи как раз «базар» затеяли — выборы. Шарон взял Натанияу в пр-во министром иностранных дел, и оба сцепились в борьбе за власть в партии. Натанияу мне нравится все меньше: уж больно позёр... Шарон производит впечатление более цельного человека.

Всегда твой
Наум

Озрик позвонил. Читал «Счастливое детство» Бараша, не понравилось. Вдохновился эпизодом об онанизме и кривых членах. «Во до чего литература дошла, до каких глубин! Уж больше заинтересовать нечем, как старым анекдотом, ну это же старый анекдот: доктор у меня член вправо глядит. А вы онанизмом занимаетесь? Ну что вы, доктор! Тогда ничем помочь не могу. А если бы занимался? Тогда поменяйте руку». Я попробывал возразить, но Озрик вдохновился до неумолимости:

— Это не «счастливое детство», а «горькие плоды онанизма».

— Хм, неплохое название для романа.

Увлеклись вариациями: «Скромное обаяние онанизма», «Шум и ярость онанизма» и т.д.

8.11. Позвонил Барашу, спросил, как самочувствие. В ответ пробубнил что-то неясное. Что нового, спрашиваю. Ничего нового. Вот книжная ярмарка была в Иерусалиме. Ощущение несоответствия литературы со-

временной жизни. А Цветков тебе говорил чего-нибудь про мою книгу? Чтоб не огорчать, пожаловался ему на Цветкова, что, мол, скуп на письма и на отклики.

— Мне кажется, — сказал Бараш, — что его гложут две вещи: собственная бесплодность и недостаточность славы в России, а это гремучая смесь.

— Не знаю... Он утверждает — в интервью с Гольдштейном — что русская литература его уже не интересуется. Она, якобы, вдали от магистральных путей культуры.

— Ну, это глупо. И Генделев о том же в интервью. А ты знаешь, что Цветков в шорт-лист премии Белого попал? Для этого надо много потрудиться, немало связей задействовать.

— Да? Нет, не знал. Возможно, Гандлевский помог. Не зря жена все время нас одергивала, когда мы его поливали. А потом он мне даже выразил сожаление, что присоединился к моим нападкам, мол, все-таки старый приятель, и он не хотел бы, чтобы это дошло. Будто я побегу Гандлевскому докладывать.

— Знаешь, мне и самому эти поливы как-то... Нет, все правильно, но когда люди вроде нас, без всяких премий, поливают лауреата, это звучит, согласись...

— Так что ж, из-за того, что у нас премий нет, и вовсе заткнуться и мнения своего не высказывать? А кто еще был на ярмарке?

— Гробманы. Верник был.

— Верник читал стихи?

— Читал. Ты знаешь, Ира, со свойственной ей пронизательностью, сказала, что он там из всех «единственный литературный человек».

— Да. Только держится немного особняком...

— Ну, у него есть какая-то своя компания: беззубовы, добровичи.

— Есть, да, но с тобой, с Гольдштейном общение заглохло, и я, конечно, понимаю почему... обижается...

— Верник любит позу «брошенная жена».

Потом он спросил, а что у меня нового, я рассказал о мучениях с рассказом.

— Ну, если хочешь, пошли мне.

— Ладно, pošлю.

Вспомнили и Яфе. Бараш и тут яда не пожалел:

— Один мой приятель говорил: получеловек, полу-идиот. «Без всякой внутренней культуры», как говорил мой отец о кошках. В том смысле, что все мы с какими-то своими загибами. А этот Яфе в сущности несчастный и одинокий человек.

— Думал ему написать, — говорю, — вроде извинился человек, а он взял и послал мне свои старые испражнения, «горбатого могила исправит» и т.п. Ну согласись...

Бараш хихикнул: «Горбатого мудила исправит, я люблю это созвучие: могила-мудила. Но не тем, спокойным сном мудилы...».

9.11.

Наум, привет!

Радзиховский не только еврей, но и бывший «пламенный демократ» — депутат Парламента первого созыва от радикального «Демвыбора России». Тем более показательна его нынешняя «эволюция». Я, честно говоря, окончательно «раздробился» («Был человек расстроен, расчленен, раздвоен, //Был человек расстроен, расчленен, распят»): постоянно оказываюсь между двух (как минимум) стульев. Те высказывания, которые по старой памяти, мне «симпатичны» (Сергей Адамович Ковалев, «права человека» и все такое прочее), как правило, принадлежат людям, «осуждающим Израиль» (в лучшем случае за превышение допустимой меры обороны, о худшем умолчим); а те «ястребы», которые высказываются в духе нынешнего Радзиховского, — это единственные люди, проявляющие по отношению к Израилю искреннее понимание и сочувствие (напомню тебе статью того же Радзиховского «Мизерабли», по-моему, довольно осмысленную). /Мой брат-швед проголосовал в этом году за Христианскую партию, сочувствующую Израилю, хотя все остальные пункты ее программы ему, мягко говоря, не близки — начиная от самого Христа и кончая борьбой с абортными; буржуазная же партия, программе которой он сочувствует в социальном плане и за которую всегда голосовал, заняла антиизраильскую позицию/. Похоже, все упирается в «проблему самоидентификации»: возможно, «если бы я был русским», оценки были бы иными (ты правильно уловил «ваймановские ноты» в высказываниях Радзиховского, если заменить слово 'Россия' на слово 'Израиль'). Думаю, считающаяся по умолчанию «ужасной» перспектива «здравомыслящего тирана», равно как и обида за «постыдный балаган 'политической свободы'» — это отрывок недостаточно отрефлектированного «либерализма» (в обыденном понимании). В теоретическом плане, по моему разумению, все как раз и сводится к «проблеме либерализма», о которой никто всерьез не размышляет (в том числе и Вайман, который пообещал было «разобраться» с одним сэром, но воз и ныне там). Шарон мне всегда нравился «как человек»; а Натанияху — «как политик»; но отсюда деталей не видно, а в них-то вся и суть. Способность сбивать снаряды — это, возможно, переворот во всей военной стратегии; а то, что это совместный американо-израильский проект, настраивает на оптимистический лад; не ровен час Израиль войдет в тройку величайших военных держав мира, что похоже на чудо.

Я, конечно, рад бы потолковать о «проблеме автора» у Бахтина (для меня это гораздо интереснее всего того, о чем балаболим), но как раз сегодня развязался с ИФ и принялся за правку третьей главы Шабтая. Пока не кончу, постараюсь не отвлекаться.

Всегда твой,
Матвей

Пошел гулять с Озриком. Он вернул мне рассказ: «Вот тебе твой “дед-юдофил”». Поржали. Когда ржачка утихла, он продолжал развивать тему: «Я бы добавил подзаголовок: “Интеллектуально-эротическая проза”». Еще поржали.

10.11.2002

От Бараша:

Prochital.

Осталось очень хорошее психологическое ощущение. Как по мне — может быть хорошая вещь, если кое-что убрать. Или вообще — начать прямо со страницы девятой...

Но — дело хозяйское.

Могу высказать свои впечатления по телефону.

S.

Матвей, привет!

Радзиховский по взглядам действительно «вылитый я в молодости». А насчет «либерализма» (Исайя Берлин у меня «на очереди») возникает мысль, что эта штука хороша, пока «все хорошо», а как начинается война, причем не на шутку, то не нужно особо развитой рефлексии чтобы учуять: есть вещи и поважней, например, простое выживание. Если оно возможно при сохранении «основ либерализма», тем лучше, а если нет, то давайте сначала «выживем», а потом будем «либеральничать». На войне как на войне: невольно жмешься к «своим». Другое дело, что в реальной обстановке трудно зачастую определить: когда «либерализм» еще наша организующая и направляющая сила, а когда — не до жиру. И любому правителю всегда легко объявить «чрезвычайное положение» и править без помех под шумок «войны на границах», такой «вечный двигатель» власти, знай поддерживай боеготовность, не давай уголькам потухнуть. И тут все уже зависит от «конкретных условий»: скажем в Англии, даже во время тотальной войны с Гитлером, никаких серьезных покушений на «либерализм» не было (думаю, в силу «гомогенности» английского общества), а в России из-за теракта развели истерию: «срочно требуется тиран». (Кстати, вот сейчас посмотрел передачу Вольфа о Гитлере и подумал, что ведь наблюдается в последнее время просто поток материалов о Гитлере: тут и ТВ, и книги, причем под общим негласным заголовком «Гитлер в жизни», всякие «объективные» факты биографии с акцентом на Еву Браун, бытовые эпизоды, рассуждения, последние дни и т.д., не иначе как «общественный запрос». А может, «установка сверху»? А может, и то, и другое вместе?) Что еще усиливает истерию антилиберализма: ощущение, что враг внутри. Пятая колонна, подлинная или мнимая. Ты с ними ля-ля, а они тебе нож в спину... В этом смысле приходится только удивляться стойкости либера-

лизм в Израиле, где не только никакой гомогенности, но где совершенно очевидная пятая колонна — арабы (почти 20% населения). Да и общая ситуация либерализму не способствует: та же политическая нестабильность — начиная с Осло, каждые два года смена пра-ва. (Однако во «взаимоотношениях» евреев и арабов, как «внутренних», так и «внешних», со стороны евреев нет элемента «ненависти», даже наоборот, есть ощущение какой-то «нутряной близости» — единокровные братья — и что «ссора» скорее «семейная»...) И самые истеричные «правые» в Израиле, требующие «железной руки» — «русские»... Если поговоришь с «коренными», то они к арабам и до сих пор относятся снисходительно, и хотя понимаешь, что снисходительность не лучший инструмент выживания, но уж во всяком случае лучше истерики, так что невольно жмешься к «серцевине», зарядиться уверенностью. Скажу тебе честно, они меня (эта «соль земли» израильской) до сих пор совсем по-юношески восхищают, в них та спартанская закваска, которой в евреях Галута нет начисто, она в них не благовоспитана, а естественна (среди евреев «рассеяния» много самоуверенных, но уверенных в себе мало, и это тоже понятно, может быть, такую «уверенность» дает только своя земля под ногами?).

А я вот тут дочитал, наконец, «Гегель, смерть и жертвоприношение» Батая (как раз на тему) и убедился в том, что Батай ходит очень близко вокруг твоей концепции (у него даже «наметки» на разделение на два «блока»). Однако в своих антропологических изысканиях он спускается только до уровня жертвоприношения, и хотя отталкивается от «смерти», между «смертью» и «жертвоприношением» у него зияет пустота, которую он, вместо «культурного строительства во спасение», заполняет остроумными домыслами о «стремлении к суверенности» (что такое «суверенность» я так и не понял).

Вначале он, опираясь на Гегеля и Кожева, утверждает, что человек, «отталкиваясь» от смерти, отрицает в себе Природу, он «творит, разрушая ее, мир, которого не было». «С одной стороны, есть поэзия / курсив его/.., а с другой — Действие, труд, борьба».

Далее Батай, цитируя Гегеля-Кожева (и, видимо, соглашаясь с ними), утверждает, что гегелевская антропология «принадлежит иудейско-христианской традиции», подчеркивающей в Человеке *свободу, историчность и индивидуальность* / курсив Кожева, а может, и самого Гегеля, я не понял/, и что для этой традиции, как и для Гегеля, человек «есть духовное бытие», и что смерть подтверждает существование «духовного».

Затем идет фраза, под которой, как мне кажется, ты мог бы запросто подписаться: «Если бы животное, которое формирует природное бытие человека, не умирало, если бы смерть в нем не была источником тоски.., то не было бы ни человека, ни свободы, ни истории, ни индивида».

И главная идея Гегеля-Кожева: «сила и неистовство негативности (страха смерти — Н.В.) бросает человека в непрерывное движение истории, которая меняет его и которая одна властна осуществить во времени тотальность конкретной реальности».

И другая фраза в духе Рувина: «именно его (человека) отъединенность от Природы и, следовательно, отъединенность от ему подобных обрекает его на окончательное исчезновение... Несомненно, что какая-нибудь муха как индивидуальное бытие умирает, но чем отличаются эти мухи от прошлогодних?».

Батай пишет: «Человек обнаружил и обосновал человеческую истину как раз в жертвоприношении: в нем он уничтожил животное в себе, оставляя от этого животного (и от себя) существовать только нетелесную истину, которую и описывает Гегель...».

И опять вполне «рувинские» утверждения: «Чтобы человек открыл себя самому себе, ему следовало бы умереть, но ему следовало бы это сделать в жизни — созерцая собственное умирание». «Это возвещает о необходимости *зрелища* или вообще *представления* (курсив Батая), без разыгрывания которых мы рискуем остаться невежами по отношению к смерти, как это бывает с животными». «В трагедии мы отождествляем себя с героем, который умирает, и тогда считаем, что сами умираем, хотя продолжаем жить». «Представление» Батай называет уловкой бытия.

«Тем не менее между Гегелем и человеком жертвоприношения существует глубокое различие. ... позиция Гегеля противопоставляет наивности жертвоприношения бесконечную упорядоченность дискурсивной мысли» (при этом Батай высказывает «психологическую» догадку, что «возможно это из-за того, что у него не было католического религиозного опыта, более близкого к языческому...»). И вывод Батая: «Позиция Гегеля менее целостна, чем позиция наивного человечества». Но много путанного, да с пафосом: «Единственно святое, поэтическое слово... хранило ту мощь, которая может обнаружить полную суверенность. <...> Миф, соединившись с ритуалом, поначалу обладал бессильной красотой поэзии, но дискурс о жертвоприношении соскользнул к вульгарному, заинтересованному толкованию» (и тут он справедливо осуждает «рациональные» тезисы «Золотой ветви» Фрезера). И вывод такой: «мудрец бессилён достигнуть суверенности (т.е. спасения), если он будет исходить из дискурса». Хотя Батай утверждает, что и «суверенность жертвоприношения не абсолютна», а с другой стороны, по Гегелю, «Дух достигает своей истины лишь оказавшись в абсолютной разорванности». Позицию Гегеля Батай называет «несчастный случай при восхождении ввысь». И заключает: «человек всегда ищет подлинную суверенность. По всей видимости, он имел ее изначально (?), но, вне всякого сомнения, это было с ним *не сознательно* (его курсив)... главное заключается в том, что ее нельзя настичь сознательно, нельзя настичь ее в поисках, так как искания удаляют от нее».

Извини, что отвлекаю, но все это показалось мне похожим на твои рассуждения, и даже с «выходом» на проблему автора, но об этом потом.

Всегда твой
Наум

11.11. От Л:

Только что вернулась с Сэнт Томаса, Карибский Вёрджен айленд. Чего делали? Купались в аквамарине, грелись на солнышке и ходила на завтрак к пеликанам, у супруга день рожд. ма нишма ве ма хадаш?¹

Ответ: Позавтракать с пеликанами — дело хорошее. А мы вроде тоже собираемся через неделю на Мертвое море, дня на три.

Новости? Вот, депрессирую с рассказом, пишу другой. Написал маленькую заметку о последней прозе Гольдштейна. Я, кстати, послал тебе несколько дней назад продолжение записок, получила?

bataille
Наум, привет!

К сожалению, придется отложить не только «проблему автора», но и Батая: я вплотную занялся правкой, но все равно приходится работать урывками, а если будет новый заказ от ИФ, окажусь и вовсе в полном цейтноте.

Скажу пока только две вещи. Во-первых, ты, на мой взгляд, очень точно просек у Батая некое зияние «между смертью и жертвоприношением»: так оно и есть, и как раз здесь наши с Батаем пути-дорожки расходятся. Точнее, так: я иду далее по азимуту, вооруженный (как мне кажется) компасом и картой, а Батай блуждает, хотя и движется «в нужном направлении», выходя иногда — благодаря поразительной интуиции — на очень точные формулировки. Можно сформулировать и так: Батай идет от «личного переживания смерти» напрямиком к «современной культуре», минуя антропологию (его «жертва» — это больше писательская метафора, чем этнографический термин). Он хочет найти все «архетипы спасения» внутри себя, путем интроспекции. Между тем, эти архетипы не «внутренние», а «интериоризованные» (спроецированные вовнутрь), и наблюдать их нужно «в сильной позиции», то есть в реальном ритуале.

Во-вторых, «случай с Батаем» показывает, как глупо судить размашисто, выносить огульные оценки. Здесь я имею в виду «случай Цветкова»; впрочем, огульное отрицание «французского постмодернизма» стало сейчас хорошим тоном. Но проблема не во «французах», а в нас самих.

¹ Что слышно и что нового (*вер.*).

Когда Эзра Паунд посоветовал Хемингуэю «почитать русских» («Вы многому сможете у них научиться»), «папа Хем» подумал про себя: «Еще бы. Я могу многому научиться у кого угодно».

Что касается «либерализма» и «сильной руки», то все, о чем ты пишешь, представляется мне совершенно очевидным. Но проблема заключается в том, чтобы вывести наш «политический дискурс» на теоретический уровень. Иначе мы будем без конца приводить «убедительные примеры», ни на йоту не приближаясь к подлинному осмыслению проблемы.

Всегда твой,
Матвей

Вчера поехали в Яффо. Был солнечный теплый день, но теплый по-осеннему, без жары, с ветром. В порту — никого, кафе пустые, только рыбаки кое-где возятся с сетями и кто-то чинит прогулочный катер. Написано по-русски: «Прогулки вдоль моря, группы и одиночки». Поели, прогулялись, посидели на скамеечке над причалами яхт, пока не зашло солнце. Яхты покачиваются и скрипят мачтами, урчат, потираясь бортами. Недалеко четверо убирают большую сеть, наматывают ее на барабан, один мужик с пшеничными усами кряхтит и матерится по-русски, два других перекрикиваются по-арабски, четвертый молчит. Ее лицо раздумянилось на ветру и под лучами уходящего за мол солнца кажется матовым. Глаза иногда прозрачно-зеленые, а иногда вдруг мутно-болотные, как у слепого. Обнял ее. «А у тебя, — говорю, — волосы совсем золотые...» — «Да, меня так и звали «злато-серебряная», я ведь рано поседела. Когда мама умерла. Я вернулась с похорон, а впереди такой седой клок...». Над молом, как дым, встают брызги разбивающихся о камни волн, вспыхивая на солнце разноцветными гирляндами.

— Какой хороший день... Вайман... я тебя люблю, ты это знаешь? Ты знаешь это, или нет?

А вечером я любил жену и утром любил жену, а ночью мне приснилось, что встретил ее с любовником, они идут куда-то, и я наткнулся на них случайно. И парень был таким явственным, я до сих пор его «вижу»: небольшого роста, круглое лицо, энергичный, неглупый, но другой «стаи», «земной». Смутился, но не растерялся. «Твой любовник, что ль?» — спросил я жену. Нелепый, незапомнившийся разговор, а потом они пошли своей дорогой...

Позвонил Барашу. Он сказал, что над рассказом, конечно, стоит поработать, но в целом осталось «светлое ощущение». «Дело в том, что главное в нем — это любовь к этому старику, а любовь с девицей, это — как фон... и что трогательно, что вот любовь-дружба с Вадимом, и любовь к истории, то есть к культуре — это то, что было нам важно, это

знак поколения, мы любили и любим это больше, чем плотскую любовь, и вот это надо бы подчеркнуть... Только слишком много рассуждений, зачастую банальных... Да и старик не прописан...».

Потом он соскочил на Гольдштейна, которому, якобы, «нечего сказать», у него «нет месседжа», он паразитирует на других текстах и личностях в культуре, и в этом смысле он «мачо», «знаешь, что Оля Медведева назвала его «мачо русской литературы», ну, в том смысле, что он все абсорбирует, все берет себе, оставаясь при этом абсолютно холодным».

«Ну, не знаю, — говорю, — на мачо он как-то не смахивает...»

Позвонил Гольдштейну, сказал, что «Фамагуста» мне понравилась, и что написал заметку-рецензию. В очередной раз заявили друг другу, что надо непременно «встретиться и поговорить», в ближайшее же время, прям на этой неделе, хватит, в конце концов, откладывать. Нет, завтра он не может. Созвонимся. Да, созвонимся.

Матвею:

Ладно, давай закончим «дело», а потом погуляем смело.

Но не могу удержаться и не сообщить, что Гольдштейн (только что говорил с ним) взял интервью у Проханова. Можно, конечно, брать интервью у «врагов» (кстати, он прекрасно знает, что имеет дело именно с врагом), вопрос: кто кого «развернул» для своей пользы... Если интересно, когда интервью выйдет, пошлю тебе.

Наум

12.11. Утром звонок Р.

— Барашу понравилось, как я тебя водой пою.

— Мне это тоже нравится.

— Сказал, что «придумано или нет, но это настоящая проза».

— Ну вот, теперь каждый раз будешь меня поить, а то ты в последнее время перестал.

Днем возился с рассказом. Вечером поехал в Тель-Авив, договорился пойти с Беленьким в Синематеку. Фильм Белы Тарра отменили, пошли (вход свободный) на американский фильм о возвращении Ростроповичей в Москву в 90-м. Еще один сюжет возвращения. Герои почему-то несимпатичны (у Славы бабья жопа, а Ирочка — штормовая стерва 12 баллов), но навевает... Знаменитости ходили на могилу Сахарова в Востряково, а на концерте баба в зале кричала: «Слава Зевс!» В перерыве он потребовал: «Уберите эту сволочь, эту отвязанную истеричку!» А музыка хорошая. Особенно Рахманинов. Вот только забыл, какая это симфония...

На выходе ужасно понравилась одна женщина, лет тридцати. В фойе она закурила. Смотрю, Беленький — шасть к ней. Ну, думаю, молодец! А он, оказывается, замечание ей сделал, что курит в общественном месте, и на дощечку указал. Женщина усмехнулась и отошла от него. Я говорю ей: «Это способ завязать знакомство». Поулыбались. И я подумал, что надо бы, но... Что я ей предложу?

«Я бы убивал этих курилок», — сказал Беленький.

Потом пошли в клуб, как планировали, но он оказался закрытым: забастовка городских служащих. Вечер неудач. Пошли обратно в Синематеку («Думаете, опять ту женщину встретить?» — догадался Беленький). Я дал ему 50 шекелей за «Муки евреев», и по этому случаю заскочили в кафе: «Я угощаю», — сказал он. Для безработного это был «жест», и он мне понравился. Он взял стакан чаю, а я — пиво с бейгеле¹. Чай он пил со своим хлебом: всегда носит с собой пакетик с обломками иракской питы. Вот так сидел, крошил тонкую и жесткую как деревяшка питу и жевал, попивая чай. Напомнил кулинарными изысками Зуса.

Доделывает свою статью о квантовой механике.

— Вы знаете, что такое спин?

— Ну, знаю.

— Что это?

— Ну, вроде, момент вращения электрона...

— Правильно. Так вот, Эйнштейн одно время сомневался в правильности квантовой механики, но потом (посыпались какие-то имена, физические принципы, «эффекты», которые я не стал «брать в голову») ... он поставил такой эксперимент: составил вот так два магнита, севером вверх, и стал мерить спин, когда раскрутили электрон, магнит отклонился, и что интересно, второй отклонился точно так же. А это означает, что можно предсказать явления с абсолютной точностью, или, иначе, что информация передается со скоростью выше скорости света, понятно?

Я кивнул головой.

— Решили, что начинается новая физика. Но тут... я у него работал, очень сильный физик... предложил поставить магниты вот так. Вот так. И тут же эксперимент дал старый результат, все убедились, что квантовая механика жива. В общем, все это открывает интересные философские перспективы. Вот в феноменологии Канта... самого Канта невозможно читать, я его почти не читал, но мне помог Владимир Соловьев. Гениальный русский мыслитель, которого в свое время проморгали...

— Ну, почему проморгали, — робко возразил я.

— Нет, как поэта его оценили, возвели в предтечи русского символизма, но как мыслителя — проморгали. Вот Бунин...

Я не понял, причем тут Бунин и всплывший затем Куприн, впрочем, выяснилось, что Бунин его любимый писатель. Вылитый я в молодости.

¹ Баранка (идиш-ивр.).

— Бунин мне нравится тем, что никогда не позволял себе штампов, понимаете? Он считал, что самое страшное в литературе — штамп.

— Ну... — я чуть было не ввязался в спор, но, образуясь, заткнулся. И захотелось домой.

— Даа... Вообще-то мне пора.

Ему явно не хотелось уходить, и мне было жаль бросать его одного: сейчас сядет в пустой автобусе, потащится в свою пустую, холодную берлогу... Но. Каждый умирает в одиночку.

13.11. От Л:

записки получила, но ещё не прочла. спасибо. а почему другой рассказ пишешь? Никак не дожать тот?

Ответ: Одно другому не мешает. А «Юдофила» я в общем закончил, пусть пока полежит, созреет.

16.11.

Привет, Наум!

С очень многим (самым главным) согласен, но все же есть ремарки:

— Нужна власть, и надолго. Хотелось бы сразу, но надо постепенно, без фонарных столбов. Для этого нужна команда, (а не сброд). У Биби не было команды, у Толстяка был сброд. За два первых года он не вычистил ничего. Из новых назначений в основном креатура Шими¹ (Дания, Париж, почти Лондон, ООН). О прессе Толстяк даже не помышлял. Мясорубка работала против него, чтоб не рыпался — по нажиму кнопки запустили Брюссель и по нажиму же остановили (Шими). Он купил тишину ценой полной внутренней травоядности, отдал банкротам больше половины рычагов власти. А тот же Биби прошел полпути к альтернативному телеканалу. Не начав с которого, не сделаешь ни эволюции, ни революции. Не доделал, однако.

Надо сколотить команду: Толстяк, без левой сволочи, с Биби на второй скрипке и бандажом Либермана. Есть еще безупречный Аренс, Ландау, та же Ливнат, Штайниц и т.д. А Эйтам, к сожалению, слаб, это не то. Это не идеальный вариант, но другого нет. Я не теряю надежды.

Лева Каневский

Каневскому:

Да я и сам обижен на этот «тусик шель амдина»² за то, что взял Шими, и за вонючий его «ипук»³ после Дельфинариума и за то, что так медленно раскачивался, когда, по моему разумению, надо было давно пре-

¹ Имеется в виду Шимон Перес, а вообще — бред вовлеченного в политику в качестве болельщика на задних скамейках.

² Задница страны (*ивр.*), намек на то, что Шарон был очень толстый.

³ Сдержанность (*ивр.*) Шарон провозгласил этот «принцип» после того как не отреагировал на теракт в Дельфинариуме.

вратить Шхем и Дженин в Грозный после штурма, а Газу стереть. И я знаю, что это оттого, что он совсем не смотрит на «левых», как мы, как на врагов. Он ведь и с Саридом варил «Шломцион», и Ямит срыл (вместо Газы). По-настоящему правых в Израиле вообще мало (Ливнат тоже только под себя гребет, я ей не верю). Биби, пожалуй, «правый», но в нем я не уверен после «Маарат а Котель», когда они впервые подняли на нас оружие, и он не среагировал, как должен был (и вообще не предвидел, а должен был подготовиться к такому повороту и сразу поломать Осло). Биби себя не оправдал. И команды не создал, а только разогнал. Верно, нужна команда, только где ж ее возьмешь... Отдельные люди (Ландау, Штайниц) еще не команда.

А надеяться, что ж, надеяться надо, и я надеюсь. Бог не выдаст, свинья не съест.

Наум

Матвей, привет!

Бибихин во вступлении к Хайдеггеру цитирует Штокхаузена (кто такой, почему не в армии?), назвавшего «аккуратное взрезание умелыми самоубийцами манхеттенских башен... совершенным произведением искусства». Вступительная статья к философу-нацисту называется «Сила мысли». Гольдштейн берет интервью у Проханова, потому что он «яркий» (из частной беседы). Я тут написал Гольдштейну целую оду о его последней прозе «Помни о Фамагусте», а после этого интервью стыдно стало. И дело даже не в моральной неразборчивости г-н Гольдштейна, и на антисемитизм Проханова мне насрать, а в том, что Проханов гадок (и убог, так же, как Солженицын в его «анализе русско-еврейской жизни»). И вот тут возникает очень важная, и далеко не новая в искусстве коллизия «яркости» как самостоятельной ценности, яркость любой ценой, с гадостью или без, не важно, тут и восхищение манифестами Бретона, превознесение де Сада, в общем, «Литература и Зло» Батая. Философский вопрос. Может, современные (уже лет сто, а то и больше, Бодлер и Лотреамон — предтечи) литераторы и мыслители, пытаясь отойти от принципов христианской нравственности, потерялись в «чистом поле» жизни без Бога? (Читаю сейчас «Танатологию эроса», статьи и материалы, посвященные Батаю — просто какое-то «Гуляй-поле»). И Батай весьма характерный представитель таких поисков, более того, он искал на тех же направлениях, что и «мы» (извини, что примазываюсь), и ты правильно отметил его «паразитическую интуицию». Я только не согласен, что он выходит на культуру, минуя антропологию, не надо забывать, что Батай отталкивался от Мосса и его «Очерка о даре», который произвел на него, если верить мемуаристам, сильнейшее впечатление (так

же, как и Кожев, а через него и Гегель). А к чему я это говорю? А к тому, что мне, наконец (помнишь, как я теребил тебя вопросами: а насколько оригинальна твоя теория?), открылась вся поразительность твоих прозрений. И тут же возникла паническая мысль: это требует немедленной публикации. Возьмем даже эту проблему «искусства и зла». Ведь для мага важно прорваться в потустороннее, не важно, к Богу или к Дьяволу: и то и другое — центры сверхъестественной силы. И только твой «антропологический» подход дает возможность расставить все по местам, и отвергать гадкое не потому что оно «безнравственно», а потому, что враждебно нашим жизненным установкам: есть искусство, поддерживающее жизнь (условно жреческое) и искусство, жизнь разрушающее. А то что нашу жизнь разрушает, мы должны отвергнуть, как «нечистое» (хотя, помятуя Дуглас, здесь все несколько сложнее, и кто-то должен, что называется, «ощупывать границы»).

То есть у меня возникла сильная побудительная причина опубликовать нашу переписку, мне кажется, что в эпистолярной форме твое «учение» окажется более «съедобным» и, с другой стороны, довольно широко и подробно представленным (все равно это не «система», а «группа идей»). Я бы, конечно, предпочел дать ее как приложение к продолжениям «Хроник», для повышения их «веса», но это дело второстепенное. Хотя в любом случае процесс издания такой книги (или в виде «Переписки», или в виде приложения к «роману», которое потом, я уверен, выйдет и отдельной книгой) — дело долгое.

Ну, это я так, в продолжение «линии Батая»... Кстати, большинство статей о его «Внутреннем опыте», даже таких умов, как Сартр (тоже кажется мне гаденьким), совершенно беспомощны, то есть не понимают господа хорошие, куда он гребет, а он греб «к нам», и в этом далеко ушел от своих коллег. (Кстати, а ты Хайдеггера проверял на «оселок Рувина»?)

А теперь немного об этом интервью (мне это кажется характерным и для Гольдштейна, который сам, воленс-ноленс, стал характерной, если не знаковой фигурой современного литературного небосклона, и для той «коллизии зла», о которой я говорил). Кстати, свой e-mail Гольдштейн упорно не дает, то ли «технику не освоил» (но это вряд ли), то ли не хочет обременять себя ненужной ему перепиской, что-то нес мне, что у него и нет, правда, есть у жены, но у нее все время какие-то поломки (оба журналисты)... Ну да Бог с ним.

Так что приходится перепечатывать из газеты.

Интервью называется «Триединый империалист», под рубрикой «в поисках утопии».

После почти «положительного» вступления с обзором достижений собеседника (см. скрепку), Гольдштейн далее объясняется во избежание кривотолков:

«Деятельность Александра Проханова, его воззрения и тексты мне глубочайше враждебны; напитавшая их ненависть ищет внелитературного проявления. Но сегодня он и все, что с ним связано, слишком заметны, чтобы игнорировать тему /какую тему?/ или заслоняться чужими, поневоле искажающими словами. Пусть герой происшествия выскажется сам. Разговаривать с Прохановым, опытным дипломатом и ритором, было занимательно. Он легко согласился на интервью /еще бы, теперь попробуй обзови его антисемитом: вот, пожалуйста, я с «понимающими» евреями — к которым и БАБ относится — разговариваю/ и, кажется, отнесся к нему с любопытством».

Вообще, интервью выглядит как-то нелепо. Вот характерный фрагмент о евреях, похожий на разговор глухих:

— Вы известны, в том числе, как человек, сказавший немало теплых слов об этом народе /о евреях — Н.В./, вы и возглавляемое вами издание. Сейчас вам предоставляется нечаянная возможность прямо и ясно сформулировать для читателей израильско-русской газеты ваше отношение к евреям.

— Я православный христианин, я читаю Ветхий и Новый Завет, и все, что в них сказано миру евреями, о евреях и для евреев, я приемлю как христианин... У меня печатаются и ваши, израильские евреи, Изя Шамир, Шмулевич, приезжал недавно в Москву Миша Гробман, мы с ним общались в 60-е годы — в моем отношении, поверьте, нет ничего звериного, животного /!?!/...

— Вопреки сказанному, ваши сочинения пронизывает сильнейшая «метафизическая» (определим ее так, обтекаемым словом) неприязнь к еврейству, вы в этом смысле последовательны, неизменны.

— Я уже говорил, что читаю Библию... Я христианин...

Посмотрел сегодня замечательный фильм «Аутсайдер» Белы Тарра (венгерский режиссер, а фильм 79 года). Слышал про такого? Жаль, что не видел его 20 лет назад...

Всегда твой

Наум

Сейчас получил твою правку. Постараюсь быстро с ней «справиться».

Наум, привет!

Бибихин, по моему мнению, стал просто «нерукопожабелным» в связи с предисловием к ЖЗЛ'овской книге, и это совершенно конкретная проблема, поскольку он, будучи «этикетным джентльменом», хотя и не без придури (целует дамам ручку и все такое), «сидит» на одном этаже с Милой (к счастью, всего раз в неделю). Его суждения выглядят

особенно дико на месте предисловия к книге, в которой приведена масса документов, от которых не отмажешься и не отвертишься. Если он настолько не согласен с книгой (как, к примеру, фашист с антифашистской позицией), то надо писать контркнигу, а не предисловие к вражеской. Ты правильно обратил внимание на стиль — это уже чистая карикатура на мышление. Чего стоит такой, например, пассаж: «Кто понял, что бурю в океане создают не корабли...». Действительно, кто это пишет, неужели философ? И все это словоблудие призвано «оправдать» лживого и трусливого пройдоху, писавшего доносы с антисемитскими инсинуациями на своих коллег по работе (вот уж действительно «корабль в бурю»).

По-видимому, мое замечание о Батае, который якобы мыслил «минуя антропологию», действительно легкомысленно и неточно. Нет времени сосредоточиться и перечитать что нужно, отсюда приблизительность суждений.

Хайдеггера я «пробовал на оселок», но это разговор отдельный.

Штокхаузен — это, насколько я понимаю, современный композитор-авангардист, родился в Германии в 1928 году.

Спорить против того, что только моя — вполне оригинальная, могучая и ужасная — концепция «дает возможность расставить все по местам» (в том числе и отделить «зло» писателей-деградантов от «добра», играющего на стороне жизни), я не стану. Насчет формы переписки у меня принципиальных возражений нет. Единственное, на что я хотел бы обратить твое внимание, это противоречие, в которое впадаешь ты сам. С одной стороны, ты обнаруживаешь, что вся суть в «моем антропологическом базисе», с другой — не хочешь слушать «про пердуна»¹. Для меня все это может представлять интерес только в том случае, если будет доведено «до последних глубин» (до, так сказать, «нулевого цикла»). Ты можешь считать это «группой идей», но, по моему убеждению, это именно система — во всяком случае, не в меньшей мере, чем «системны», скажем, построения Шопенгауэра (с построениями других, чисто онтологизирующих персонажей сравнивать труднее, потому что системность на почве одного только 'Блока обеспечения' несравненно легче достижима, но в ней больше «чисто научного» смысла, чем собственно философского). Другое дело — форма изложения, то есть риторика. Она может быть самой разной и даже по видимости «бессистемной», но к существу дела это имеет только опосредованное отношение: это обертка, способ «подачи», а не сама «конфета».

А Гольдштейн «заигрался со злом» и, по сути, «себя потерял»: ведь это он позволяет использовать себя Проханову, а не наоборот, что бы этот утонченник себе ни думал. Меня удивили в его вопросах, прежде всего фактические неточности, слишком густые на единицу смысла. «Несколько новых критиков, восхищенных образностью прохановских

¹ Напоминаю, что от французского слова «пердю» — потерянный, утраченный.

газетных проклятий...». Не несколько, а один, вполне определенный, Лев Пирогов (это псевдоним, думаю, Лева к тому же еще и еврей), прожженный циник, откровенный мерзавец и убежденный клеветник (он сам себя так с удовольствием характеризует) задумал это как просчитанную, чисто пиаровскую акцию. Когда критикесса Алла Латынина спросила у него: «Лева, как Вы могли, да читали ли Вы этот роман?», он ответил: «Зачем я стану читать это говно? Просто пришло время скрестить ядовитую жабу с ужом». Так что ни о какой «восхищенности образностью» не может быть и речи. Про «передовое издательство “Ad Marginem”» я тебе уже писал. Александр Иванов был начинающим издателем и одновременно мужем Елены Петровской (дочери крупнейшего дипломата громыкинских времен). Используя связи жены, Иванов раскрутил коммерческую сторону дела, а когда сообразил, что на одной философии — без громких скандалов — много не заработаешь, сделал ставку на скандал во что бы то ни стало. Сначала пошел Боян Шириянов, потом «поздний» Сорокин и, наконец, «Гексоген», до которого Иванов с неизбежностью в один прекрасный момент дозрел-докатился. К этому прекрасному моменту Лена Петровская с ним развелась, а все основатели журанала — то есть абсолютно все: и Подорога, и Рыклин, и Ямпольский, и Петровская — из издательства ушли, громко хлопнув дверью и с Сашей Ивановым публично расплевавшись. Когда Рыклина спросили в одном из недавних интервью, почему его последняя книга («Пространства ликования») издана не в «Ad Marginem», как все предыдущие, он ответил: «Издательства “Ad Marginem” больше не существует. То, что сегодня значится под этой маркой, не имеет к прежнему издательству никакого отношения». Так что никакая «молодежь с пресыщенным вкусом» (образец чисто умозрительного, высосанного из пальца «умозаключения») Проханова не читает, равно как и прежние приверженцы изд-ва «Ad Marginem». Премию «Национальный бестселлер» Проханову дали совершенно жульническим образом: с подачи прожженного пиарщика Левы Пирогова специально состряпали заочное жюри (назначив «журнальных и газетных лидеров», в том числе и Костырку, который, конечно, не сел бы за один стол с Прохановым) из абсолютно разных людей (Новый мир, газета «Завтра» и т.п.) Расчет оказался точным: жюри, члены которого не только не встречались для совместного обсуждения, но и друг друга на дух не переносят, представили все разных авторов, каждый своего — сколько членов жюри, столько и авторов (естественно, газета «Завтра» представила своего главного редактора). И тут возник банкир Коган, спонсор премии, который, собственно, и решал, кто получит премию: естественно, тот, кому он отдаст свой — то есть второй — голос. Конечно, банкир-еврей отдал свой голос за погромщика, за кого же еще? Гольдштейн же, кажется, всерьез полагает, что Проханов «победил» в каком-то там «конкурсе» и «потрафил чьему-то вкусу». На самом деле Проханов — это жалкий эпигон прежней «секретар-

ской литературы» (Петр Проскурин, Юрий Бондарев и иже с ними), который, по общему признанию, всегда писал хуже всех (хотя, кажется, куда уж хуже Проскурина?), а теперь всплыл в виде какашки как «обнажение тараканьего подполья» кондового соцреализма. Конечно, ему очень нравится, когда его называют постмодернистом. Если бы этого зловонного прыща не раздували такие «утонченные умники», как Гольдштейн (думающий, что играет «в свою игру») давно бы на месте этого чирья ничего уже и не было.

Третью главу я добил таки и приступаю к четвертой (слава богу, сравнительно короткой). С правкой слишком не спеши. Все-таки делаем ставку на качество.

Всегда твой,
Матвей

17.11.2002.

Date: Sun, 17 Nov 2002 1:24 +0200

Dorogoi Naum,

Аня попросила Вам лаконично написать, что она хворает — серьезнее, чем хотелось бы, мозговые явления типа сотрясения — так она это пожелала обозначить — однако все же сейчас выздоравливает и авось через недельку вернется к делам, в том числе к Вашим с ней делам. Привет и извинения за задержку всех предприятий передайте также Тарасову.

Ваш дружески — Сергей Хоружий

Уважаемый Сергей Сергеевич!

Рад Вашему письму и вестям от Ани, тем более, что дела у нее пошли на поправку.

Желаю ей скорейшего и самого полного выздоровления и, так сказать, «возвращения в строй».

Признательный Вам
Наум Вайман

От Л: у меня компьютер не работал, вот только заработал, читаю Юдофила, он здорово похорошел, молодец.

«похорошел» — это еще не «хорош»... А чего, по-твоему, не хватает, или что «мешает»?

От Л: мне не хватает Латруна, но мне его хронически не хватает...

Латрун — «сипур ахер»¹...

А получила ли записки?

Последние два дня сижу с правкой от Матвея.

¹ Другая история (*ивр.*).

Три дня подряд ходил в кино: в четверг пошли «компанией» на «Сломанные крылья» (Кнафаим швурот), израильский фильм, который получил местного «Оскара» и даже какой-то приз в Японии. Японцы, вить, не те, что в эпоху Хайян... Ну, а израильтяне — чего с них взять, эстетические голодранцы. На следующий день пошли с женой на «Аутсайдера» Белы Тарра (1981). Замечательная вещь. Это венгерский режиссер, цыган, пересказывать слишком долго, но фильм классный. На радостях сделал абонемент в Синематеку, буду «отрываться» и «оттягиваться». А в субботу я отказался от запланированного пикника в той же компании (надоело!) и поехал (с женой) опять в Синематеку, на французский фильм «Моя жена актриса». Такой же типично французский, как первый — типично израильский. Леавдиль элэф эвделим¹.

17.11. Мама ушла вчера утром, а пришла к пяти. Рассказала, как промучилась в транспорте и в очередях, но все-таки попала к главному. Упрек, что не отвез ее.

— И что он тебе сказал?

— Сказал.

— Ну что? На что ты вообще жаловалась, зачем ты к нему пошла?

— Ну как ты не понимаешь, я должна провериться, я стала не так видеть...

— Ну хорошо, так что он тебе сказал?

— Ничего не сказал.

— Ну ты же пошла за помощью, так чем он тебе помог?

— Выписал мне витамины. Сказал, что если зрение резко ухудшится, надо к нему прийти.

— Понятно. Ну, так ты понимаешь, что совершенно зря таскаешься по врачам? Вместо пользы ты наносишь себе только вред! Ты же еле ходишь! Ты последние силы тратишь на эти поездки и сидения в очередях!

Я уже перешел в крик. Она разозлилась, потом обиделась: мол, кому какое дело, что она ходит по врачам, денег она не просит, времени ни у кого (у меня, значит) не отнимает, чего я от нее хочу, чего я ее мучаю, стала всхлипывать. Тогда я отстал. Ушел к себе, править Шабтая. Какой там. Слышу, как она у себя плачет. Не могу сосредоточиться, ругаю себя и злуюсь. Минут через десять слышу ее шаркающие шаги, входит ко мне заплаканная и начинает извиняться, что она только не хочет, чтобы я волновался, только что б я не волновался, все остальное ерунда, ну что же делать, вот она такая, но только я не должен волноваться...

Боже мой, как это переворачивает мне кишки. Ну что, в самом деле, я хочу от нее?

Чтобы она была молода и красива, как тогда, когда я был маленьким?

¹ Кроме той пропасти, которая разделяет эти миры (*ивр.*).

18.11.

От Л: а я в кино уже не помню когда была, строим третий храм. рав лайтман в америке. был в торонто, лос анжелесе, сан франциско, чикаго, бостоне, вашингтоне, филадельфии и нью йорке. в филадельфии я координатор, было 450 человек, прошло на ура, говорит за счёт моего клижелания, выпивали потом, так тост за то что филадельфия была первой столицей америки и будет первой столицей каббалы в америке. он стал доктором философии российской академии наук. пардон за исчезновение заглавных букв вспомнила что недавно смотрела «нора» — это про жену джойса...

19.11. Лет май пенис гроу.

Открыли новый, «русский» канал на израильском телевидении. Вчера случайно включил и увидел Окуня с Губерманом, у них там передача «На троих». Живо и в хорошем темпе делали себе саморекламу. Даже потягивая коньячок, потихоньку. В конце чуток зарпортовались, Окунь сказал: «Я Шатобриан». Так и хотелось ему крикнуть: «А мог бы быть Шопенгауэром!»¹

От Л:

на лекции кто-то из зала спросил про Иисуса, не был ли случаем каббалистом. так доктор философии ответил, что был, до тех пор пока его не отстранили, но и те знания кот. он успел приобрести, позволили ему овладеть пол-миром. а потом, за рюмочкой, я его спросила зачем ему доктор философии понадобился, а он говорит: да так, с понтом...

Совсем русский язык забыла...

Ответ: Стало быть, назначили тебя Большим Координатором Каббалы в Америке! Карьера!

А что, все там «русские» были, или не только?

Я еду на три дня на Мертвое море. Вернусь в субботу вечером.

Позвонил Тарасову. Голос бодрый: «Слушай, я прочитал потрясающий роман Мамлеева! Замечательная вещь! Рекомендую!». Говорит: музыканты приглашают его на совместные шоу. Хочет открыть «Артистическое кафе». «Культурная жизнь замирает, если я не возьму ее в свои руки, то некому. Я готов пойти на самые сумасшедшие ходы, продать квартиру...».

Позвонил Гольдштейн. Поблагодарил за заметку. Мол, «тронут». Все-таки приятно иметь дело с вежливым человеком. Статью даст через неделю.

Прозу Гнедича он считает маниакальной.

¹ Цитата из «Дяди Вани» Чехова.

Вечером поехал на КСП. Приехал бард Дмитрий из Казани. Играл хорошо, пел так себе. Сам сочиняет песни на слова известных поэтов: пел Юнну Мориц, Давида Самойлова, какого-то Тряпкина. Потом даже спел Камянова и Гробмана, из сборника израильских поэтов. В перерыве я подошел к нему, сказал, что тоже в этом сборнике участвую, и подарил свою вторую книжку. Он сделал вид что страшно обрадовался и вообще был очень мил. Я тоже возбудился и еще подарил ему «Хроники», тогда он в свою очередь («алаверды») подарил мне свой диск. Сочиняет — фонтанирует, но все как-то... не в моем стиле, бодро-туристски. Второе отделение уже пошло про Казань, про речку Ушую, как у них там местная интеллигенция, «эскадрон имени поручика Ржевского», собирается после сплава, песни поют, вместе сочиняют. Бизнесом занимается. Каким — не стал спрашивать. Фамилия татарская, а по национальности, как признался, грек. Вполне подходящая национальность для бизнеса и песен.

24.11. Каневский прислал:

Опередивший время, или состоится ли второе пришествие Нетаниягу

Борис Шустеф

20 Ноября 2002

... Для многих сторонников правого лагеря он (Нетанияху — *H.B.*) сегодня представляется таким воплощением зла: отдал Хеврон, подписал договор в Уай Плантэйшн, пожал руку Арафату и прочая, и прочая, и прочая. Хотя на поверхности все это и так, необходимо четко представить себе подспудные течения, которые привели Нетаниягу к таким не очень характерным для представителя национального лагеря поступкам.

Поэтому прежде, чем безоговорочно заклеить Биби как негодного к повторному занятию поста главы государства, рассмотрим ситуацию, в которой он руководил страной. Нетаниягу выиграл выборы в условиях, когда Израиль с трудом выходил из шока, вызванного убийством Рабина. Если до убийства Рабина опросы общественного мнения показывали, что Биби победит с огромным перевесом (ему прочили перевес 18–24%), то затем левые начали настоящую травлю всего национального лагеря, обвиняя его в убийстве, поэтому победу Нетаниягу в тех условиях иначе как чудом назвать нельзя.

В любом случае приход Нетаниягу на пост премьер-министра стал шоком для израильской левой элиты. Его травля началась с самых первых часов пребывания у власти и не прекращалась на протяжении всей его каденции. К сожалению, против него была не только израильская

пресса и весь левый бомонд. Ему противостоял намного более страшный враг — зараженный неизлечимой бациллой левизны лидер единственной сверхдержавы президент США Билл Клинтон.

Необходимо сразу отметить, что ни один американский президент (не считая Картера, арабофила и тоже левака) не нанес Израилю более страшного вреда, чем это сделал Клинтон. Клинтон возродил картеровский подход, требовавший от Израиля уйти со всех освобожденных в 1967 году земель. Однако он превзошел даже Картера, став первым американским президентом, открыто провозгласившим необходимость создания арабского палестинского государства на землях Иудеи, Самарии и Газы.

Великолепный американский журналист Норман Подгорец написал в декабре 1996 года большую аналитическую статью в журнале "Commentary", где с горечью признал, что все попытки Нетаниягу остановить несущийся с огромной скоростью поезд "Осло" будут обречены на провал. Он писал, что если Биби сумеет этот поезд притормозить, то уже одно это должно будет считаться огромным успехом. Только беря за основу подход Подгорца, можно будет правильно оценить результаты работы Биби на посту премьер-министра ... Подгорец написал в "Commentary": "Стало ясно (реакция мировой прессы на столкновения во время открытия туннеля эпохи Хасмонеев в Иерусалиме): шаг в сторону от «Осло» будет считаться побегом, и Израиль тут же распрощается со всей той 'доброй волей' человечества, которой энтузиасты мирного процесса так хвастались, как дивидендами от этого процесса... Человечество продемонстрировало, что его концепция 'мирного процесса' спокойно уживается с правом палестинцев перейти к террору и войне, как только те разочаровываются в быстроте и результатах переговоров".

Немаловажную роль в решении Нетаниягу отказаться от удара по Арафату и его банде сыграл и тот факт, что армейское высшее руководство было против таких действий. В Израиле в то время упорно ходили слухи, что если Биби отдаст приказ о такой атаке, то левонастроенные военные, находящиеся во главе ЦАХАЛа, возьмут власть в свои руки, уберав Нетаниягу с его поста. И поэтому Биби, вместо того, чтобы свернуть Арафату шею, был вынужден пойти на вариант попытки примирения с Арафатом и пожал ему руку.

Неважно, насколько достоверны были слухи о военном перевороте, но истинной было то, что Биби, на протяжении всего своего правления, был практически одиноким канатоходцем на канате. У него не было настоящей поддержки ни в Кнессете, ни среди израильской публики. Он со своими правыми идеями пришел к власти слишком рано и дабы удержаться на плаву, стал в срочном порядке смещаться в сторону настроений большинства израильского общества, надеясь, что оно его постепенно поймет, и тогда он сумеет повести его уже в нужном направлении.

Кровопролитие, вызванное открытием туннеля окончательно убедило Нетаниягу, что, как об этом написал Подгорец, «ему никуда не деться от наследия оставленного ему Рабиным и Пересом, и что он не сможет повернуть в обратную сторону процесс начатый ими. Более того, после эпизода с туннелем он понял, что даже значительно замедлить этот процесс он не в силах». <...>

Победа в мае 1996 года фактически поставила Биби посередине каната, протянувшегося от мая 1994 года (начало ословских договоренностей) к 4 мая 1999 года (дню истечения срока действия этих договоренностей, заложенному в сам договор). Его целью было дойти до конца каната, удержав под контролем Израиля как можно больше земель Иудеи, Самарии и Газы. Так как по истечении срока ословского договора не оставалось бы ни одного юридического документа, обязывающего Израиль передать арабам пусть даже один квадратный сантиметр этих земель.

Но израильский народ, не говоря уже о большинстве израильских политиков, к торможению несущегося с самоубийственной скоростью поезда «Осло» совершенно не был готов. Незадолго до ухода Биби с поста премьер-министра опрос, проведенный в июле 1999 года исследовательской группой при тель-авивском университете, показал, что огромное большинство израильтян по-прежнему верили, что ословские соглашения принесут мир. Среди опрошенных 15.6% очень в это верили, 29.1% верили в значительной степени, 20.0% было колеблющихся, 12.9% не очень верили и лишь 17.0% совершенно не верили.

Только крах политики Барака и 580 убитых израильтян за время правления Шарона немного сдвинуло общественное мнение вправо. Если бы этот сдвиг произошел в каденцию Нетаниягу, еврейское государство не было бы сегодня в таком плачевном состоянии.

Привет из Бостона!

Нема! Как там Каневский и Марик Левин?

z

Зус, привет!

Каневский — нормально, по мере сил разоблачает козни левых и борется за родину. Я тоже — по мере сил.

Марк живет трудно, в роли незатребованного гения, трудности с работой и, соответственно...

Чищу последнюю главу Шабтая, там есть такой отрывок, где «бедный Меир» громко декламирует в ущелье какие-то стихи, которые сам плохо помнит. Приводится ивритская транскрипция этих стихов, которая по-русски звучит так: «Фарма сива нелачита долонте, фарма сива нела...», тут ему не хватило нескольких слов, которые забылись, но он тут же, на месте, продолжая шагать, заполнил этот пробел чередой звуков, случайно возникших в голове в эту минуту: «долоре чаито», и про-

должил уже по памяти: «фарма сива неллапардита джента, джустиция мэцо мио альто патура». Хорошо бы выяснить откуда это. Возникла мысль написать «другу-итальянцу»...

Матвей, привет!

... Я с увлечением прочитал первые сто страниц Сафрански, и книга показалась мне очень толковой. Почти учебник по истории современной философии, который пришлось весьма кстати: у меня в последнее время возникло ощущение, что я стал лучше понимать это птичий язык (твоими молитвами). Так что разговор о Хайдеггере, надеюсь, впереди.

А Бибахин действительно какой-то уж совсем «не наш человек», чего стоят, например, такие пассажи: «Да, он был заморожен мощью, только не партии национального единства, а исторической судьбы», «Хайдеггер действительно воспринял как великое событие германский прорыв начала 30-х годов», «благодаря в первую очередь ему и таким как он (поддержавших режим!) Германия в жуткое двадцатилетие своего безумия (не после, а именно во время!) осталась народом мыслителей и поэтов». Про Ясперса пишет, что тот «ушел (!) в неприятие немецкой действительности». А если присовокупить к этому такие фразы, как «разлив психоанализа означал лишь, что в культурном мире стало меньше той глубины, где мысль могла бы вернуться в свою естественную среду», то все это как-то удручает.

Всегда твой

Наум

Матвей, привет!

Кажется, загадка ивритской транскрипции разгадана! Я написал своему знакомому из Италии (в Бергамо с ним познакомился, я тебе писал об этом), и вот что он мне ответил:

Dear Numa, I am happy to got your email after long time I could not see you. Here all it is well. Life it is going not so bad, day after day. Only italian policy of actual governement is really a danger for my poor Italy. (right liberal, nord separatist, ex fascists together in same government). I don't talk about Israel, because you can already to think what is my mind. But I am really afraid and when I read on the print about Israel my thought is raining to you and Rima. I am happy to know that you both are well. We always remember about our meeting. It have been so nice, that we kept it strongly in our heart.

About you question we have find the righ answer for you: — But what that you wrote to me it is not italian... it is a strange language... lol well... this italian poem it is «LA DIVINA COMMEDIA — INFERNO», «CANTO TERZO» BY DANTE ALIGHIERI (born1265 — dead1321). The Divina Commedia it is talking of the trip of Dante around the hell, after the purgatory and the end to the paradise. When Dante it is for enter into hell, in front to him on the hell door he can read these terrible words...

PER ME SI VA NELLA CITTA' DOLENTE,/
PER ME SI VA NELL'ETTERNO DOLORE,/
PER ME SI VA TRA LA PERDUTA GENTE./
GIUSTIZIA MOSSE IL MIO ALTO FATTORE:/
FECEMI LA DIVINA POTESTATE,/
LA SOMMA SAPIENZA E 'L PRIMO AMORE./
DINANZI A ME NON FUOR COSE CREATE/
SE NON ETTERNE, E IO ETTERNO DURO./
LASCIASTE OGNI SPERANZA, VOI CH'ENTRATE./
Queste parole di colore oscuro/
vid'io scritte al sommo d'una porta;/
per ch'io: «Maestro, il senso lor m'X duro»./
etc.etc...

These are the words with is starting the CANTO TERZO and we think it can be same words you were searching...

I hope I worked well for you.

A big hug to you and Rima both... Don't you use never chat? ISPQ, or icuii or yahoo messngers, or icq or...lol? I would like see you sometime: — For now bye from Italy, from your close friends

Vittorio&Fiorella

Как я и подумал, это Данте. Знаменитый фрагмент «Я увожу к от-верженным селеньям», включая хрестоматийное «Оставь надежду всяк сюда входящий», можно по этому «восстановить» русский текст, скажем, Лозинского? У тебя есть, наверное, «Человеческая комедия» (у меня нет), и ты можешь проверить мою догадку? Тогда мы сделаем перво-классный комментарий, который израильским изданиям и не снился... И, видимо, хотя ясного совпадения я не нашел, надо несколько переде-лать ту транскрипцию, которую я «вычитал» в ивритском оригинале.

Всегда твой

Наум

Сереза, привет!

Решил послать тебе небольшую заметку о последней прозе Гольд-штейна с вопросом-запросом: нельзя ли пристроить ее в каком-нибудь уважительном месте (если, разумеется, она того достойна, о чем ты можешь написать мне без обиняков).

Я интенсивно тружусь на литературной ниве, хотя можно сказать: пишу много, а толку мало. Разве что печатаюсь время от времени в мест-ной газете «Вести».

Впрочем, я вот завершил некий труд: перевел с иврита на русский роман израильского писателя Шабтая «Эпилог» и подписал с издателем (Гринберг, изд. «Мосты культуры», или «Гешарим») что-то вроде согла-шения об издании книги. Надеюсь, весной выйдет. Написал рассказ (еще «чищу»). Ну и всякая текучка типа «хроник», еще на пару томов насоби-рал с Божей помощью... Отчитываюсь, чтоб не подумал, что мы тут бак-луши бьем.

Будет время и настроение, напиши, что нового, как дела.
Сердечный привет Ире и Василию.
Всегда твой
Наум

26.11.2002.

(Авторизированный перевод с моего ломаного английского)
Дорогой Витторио!

Огромное тебе спасибо за быстрый и точный ответ. Ты мне очень помог. Я найду этот фрагмент «Божественной комедии» в русском переводе.

Что касается «прямой связи» (chat, ISPQ and setera), то я рад был бы «прямому контакту», но мой английский ужасен, и ответить тебе сразу будет для меня просто мучительно (фактически я пишу не сам, а перевожу с помощью друзей, или Римма помогает, хотя то, что ты пишешь, я понимаю — и даже вижу ошибки, ха-ха!), поэтому давай просто писать письма, так мне проще.

Мы с Риммой тоже часто вспоминаем нашу чудесную встречу в Бергамо и надеемся, что нам еще удастся повидаться. Кстати, приглашение погостить у нас остается в силе, приезжайте!

О наших семейных делах вам напишет Римма.

Сердечный привет Фиорелле.

Всегда ваш
Нума

От Л: Рассказ очень нравится, и нет никаких замечаний, молодец.

Как отдохнул? Ма хадаш?

Получили приглашение на свадьбу к дочке Вересов 14 декабря, обсуждаем...

Ответ: Чего-то ты «некритична»...

Отдохнул ничего, перегрелся, читал биографию Хайдеггера (с увлечением). В начале декабря Мирон-Аркадий зовут в Галилею на пару дней, но у меня что-то «оборвалось» с ними, неинтересно... На Мертвом море мы познакомились с парой из Москвы, нашего «призыва» (но они застряли в отъезде лет на восемь), причем с женской половиной — помоложе лет на пять — мы даже рванули твист, и вроде ничего, неглупые, культурные, но... неинтересно. (Вспомнил, как мне Аркадий говорил: «собрался трахнуть, а потом подумал: а зачем мне это надо?»). Бегал от них...

А на свадьбу приезжай, замечательно. У нас дикая жара для конца ноября и солнце вовсю.

Юваль армию закончил, работает на всяких разных работах, вот сейчас шофером в «хеврат шмира»¹, устает, хмурый. Может, надумает все-таки учиться... А что про сыновей не пишешь?

¹ Компания по охране (*ивр.*).

Села, закутавшись в простыню и задумалась.

— Ты знаешь, что это было? Это была знатная ебля! — И она подняла палец вверх. — Вот! Знатная ебля. Ты понимаешь?

И бросилась меня зацеловывать.

— Я бы открыла фабрику шоколадных вайманов, вот такого размера шоколадные фигурки, и кушала бы их, сначала голову, вот так хруст и откушу, потом все остальное, а напоследок оставила бы, как ты думаешь, что? Да, я бы положила его под язык и чувствовала, как он тает...

Вздremнули. Потом съели пополам бутерброд с сыром, показался ужасно вкусным. Заели финиками.

— Вот это настоящая жизнь: есть, спать и трахаться. Как в раю. Ведь Бог что наказал им делать в Раю? Плодиться и размножаться. То есть трахаться. А познание — грех. С него все и началось... Никуда не хочется идти... Мне так хорошо рядом с тобой, так спокойно, я так люблю тебя...

На ней джинсовое голубое платье на пуговицах (две последние снизу — выше колена — расстегнуты) и с белым кружевным воротничком, на ногах черные обтягивающие матерчатые сапоги. Запихнув по обычаю мою руку между своих ног, она рассказывала, как ученицы пристали к ней, где она купила эти сапоги, а она их купила десять лет назад, в Австрии, давно уже думала выбросить, но «вроде они ничего, да? только каблук толстоват, сейчас принят более тонкий», а потом рассказала про ученика-бухарца, который мешает ей на уроках, и она вызывала его мать, так та стала на нее нападать, что ребенок жалуется, что она вызывающе одевается, и это мешает ему учиться, а потом расплакалась и рассказала, что муж ее умер, и это ребенок от первого мужа, а сейчас она уже беременна третьим ребенком от второго мужа, «если бы она не сказала, мне бы и в голову не пришло, она вот такая, квадратная, тридцать пять всего, просто не похожа на женщину», и что мальчик не ладит с отчимом, и что отчим даже пытался недавно его задушить, «а я действительно видела у него на шее такие темные круги, но не поняла, подумала, может шею не моет», и сейчас сидит в тюрьме за это, а денег у них нет, просто иногда есть нечего... А когда вчера она со мной по телефону разговаривала, я сидела в машине и вот так ноги расставила, и смотрю: мужик рядом стоит и вытаращился, ха-ха-ха!»...

На обратном пути, по-прежнему с моей правой рукой между ее ног (я уже привык вести «Федора» одной левой), она говорила о том, как меня любит, и что каждая встреча со мной праздник, и вспоминала особенно памятное: как мы смотрели «Буэна виста клаб», день в Эйн Кереме, «ты меня тогда просто поразил, я так была удивлена, я шла и не знала, куда ты меня ведешь...», и как все началось (юбилей, как никак), и как я сказал тогда про «Аркадию», что «это шикарная гостиница», а ей было смешно, нет, по сравнению с той гостиницей в Бат Яме, куда ты меня потом возил, и даже с «Импералом» это, конечно, хорошая гостиница, «но ты с такой гордостью сообщил мне, что она шикарная, что мне

стало смешно», и как я был нерешительно настроен и сказал: «А может, не пойдём?», а она думала сказать: «Давай не пойдём», но решила поймать меня на слове, и что я вообще нерешительный, «вот посмотри, как ты руку у меня между ног держишь», и она понимает, почему у меня были такие проблемы в молодости, «женщину нужно как следует зажать, так, чтобы вздохнуть не могла, да-да, ты ничего не понимаешь», а я сказал, что нерешительность, как правило, следствие неуверенности в необходимости задуманного, что если я уверен в своей цели, то и на решительность не жалуюсь — неужто задело?

27.11.2002.

От Зуса:

Я тут сразился с Ноамом Хомским — пришлось заплатить за билет. А вчера у израильского консульства разубеждал американских пособников палестинских арабов.

Ответ: Молодец!

От Л: Юваль обязательно будет учиться, я в этом не сомневаюсь, дай время и не дави. иначе всё будет с точностью до наоборот.

У старшего моего появилась хавэра¹ японочка, хрупкая и нежная, как японская ваза и волосы блестящие ниже пояса, готовит ему суши...

Младший пока живёт с нами и работает, но уже подумывает о покупке своего жилья.

А я уже давно ни с кем не «дружу», времени жалко и скучно. все на меня уже благополучно обиделись и махнули рукой.

Давно записок не слал.

Ответ: Да, времени жалко, это, пожалуй, главное... Как-то я все больше чувствую, что «тела» остается все меньше, а «дух» становится все требовательней. Ему каждой минуты жалко. Может, это просто разбушевавшееся тщеславие...

Добавил к предисловию еще кусочек, посылаю тебе:

«Но сегодня, в том водовороте террора, в котором мы кружим (и в который попал весь мир), когда все время гибнут сородичи, и бесконечная вереница похорон тянется перед глазами, «отношение к смерти» становится вопросом практической жизни, и философия приобретает значение прямого наставничества.

И мне хочется в заключение привести письмо лейтенанта Дана Коэна, 22-х лет, который погиб в Хевроне в ноябре 2002 года, в засаде, устроенной боевиками движения «Исламский джихад». Письмо написано человеком, возможно предчувствующим свою смерть, но относящимся к ней с поразительной мудростью и бесстрашием. Оно обращено к родителям:

¹ Подружка (*ивр.*).

«Папа и мама, шалом!

Есть ли смысл в жизни единичного человека? Мир существует ради того, что должно явиться, должно случиться, и каждый из нас — необходимая часть в движении человечества навстречу грядущему.

А если так, то от каждого требуется, и это, в сущности, и есть «смысл жизни», вписаться в пазл наилучшим, насколько он может, образом, то есть, тому, кто идет путем религиозного еврейства — исполнить наилучшим образом заветы религии, чтобы определить жизнь следующих, лучших поколений, путем влияния на окружающих и на своих потомков.

Я, как видно, принадлежу к той части, что должна была повлиять на окружающих, а вы, — к той части, которая повлияла на своих детей (и обогатила их). И поэтому я просто хотел сказать вам, что я вполне доволен тем, что успел за то короткое время, что мне предназначено, и что я чувствую, что был хорошим исполнителем той песни, которой вы меня научили, и мне трудно представить себе более успешный путь, чем тот, которым вы меня воспитали (ну, может быть чересчур баловали...). На моем небольшом опыте я убедился в том, что люди, самым безнадежным образом ломающиеся от потери близких, это люди, отягощенные чувством вины. Насколько я вас знаю, несмотря на то, что на это нет никаких причин, вы можете пожалеть о вещах, которые сделали, или которые не сделали, о том, что сказали, или не сказали. Так знайте, что вы действительно сделали все правильно, что, исключая короткие паузы, я вот уже двадцать лет счастлив, и только хочу вам сказать: спасибо!»

Наум, привет!

Я очень рад тому, что ты идентифицировал отрывок из Данте. Эту работу необходимо было проделать, так как в противном случае нам пришлось бы представить в соответствующем месте чистую абракадабру: итальянские звуки под сурдинку в переводе с иврита на русский. Особенно ценно то, что у нас теперь есть — благодаря твоим итальянским друзьям — итальянский текст в оригинале, на который и ориентировано звучание припоминаемых Меиром стихов. Достать этот текст мне было бы труднее всего; а перевод Лозинского — это, конечно, не проблема. Если это тот отрывок, то я его знаю наизусть: Я увожу к отверженным селеньям, // Я увожу сквозь вековечный сон, // Я увожу к погибшим поколеньям. // Был правдою мой зодчий вдохновлен; кроме того, у меня есть (в одном из выпусков «Дантовских чтений») новый перевод «Божественной комедии», выполненный силлабическими стихами с максимальным приближением к оригиналу. Однако нам, вообще-то говоря, понадобится не это, а человек, способный правильно прочитать итальянские стихи вслух — ведь, насколько я понимаю, в романе они даются ивритскими буквами, а если это так, то в переводе придется дать транскрипцию русскими буквами, для чего нужно знать, как это правильно звучит по-итальянски. Впрочем, я оставляю этот вопрос — так

же, как и многие другие, как то: написание имен собственных, топонимов (географических названий, в основном в Тель-Авиве и Амстердаме), замысловатых словечек (типа «чолнт») и проч. (среди прочего, комментарии и предисловие) — на потом. Всеми этими вопросами придется заниматься специально, но я планирую приступить к ним вплотную после того, как будет доведен до ума весь основной текст. Я рассчитываю закончить вычитку Первой главы сегодня (осталось совсем немного) и выслать ее тебе завтра рано утром (используя неизрасходованные «ночные» часы на карточке cityline). К правке будет приложено отдельное письмо, в котором я объясню, почему мне пришлось править текст фактически по второму разу. Сразу скажу, что это произошло преимущественно по моей вине: видимо, убаюканный словами Яглома о «легкой правке», я подошел к делу слишком легкомысленно.

Всегда твой,
Матвей

— Хочешь мандаринку? — спросила мама.

— Нет, спасибо.

Я сидел на диване и тренькал на гитаре. Отошел на минуту, а когда вернулся, на журнальном столике передо мной лежала очищенная мандаринка. И я с трудом сдержал себя, чтобы не заплакать...

Позвонил Беленькому.

— Ари, привет, ты звонил?

— Да. Не хотите пойти сегодня на игру?

— На какую?

— Ну, эту, «Что, где, когда».

Подумал, может, поддержать, пойти с ним: он явно чувствует себя одиноко. Но не мои это «игры», да и сил нет... Отказался. С трудом. И подумал: странная возникла симпатия...

28.11.

Наум, привет!

Вернувшись к Первой главе, я пришел в ужас от качества своей работы (от чего именно конкретно, ты увидишь по правке) и посчитал необходимым пройтись по тексту заново. Знаю, что ты подумал. «И только в этот момент Вайман понял, наконец, что связался с маньяком». Может, оно и так, но, в отличие от натурального маньяка, я располагаю очень ограниченным количеством времени, что делает ситуацию небезнадежной. Насчет твоей («вторичной») правки скажу следующее: 1) когда ты принимаешь мои исправления, я испытываю чувство удовлетворения и законной гордости (а потом правлю заново); 2) когда находишь «третий» вариант, он, как правило, оказывается лучше моего (например, местами я терял нить и перекраивал фразы так, что вводные предложе-

ния переставали восприниматься как вводные, а ты возвращал им первоначальный статус); 3) однако в некоторых (увы, более чем многочисленных) местах ты просто игнорируешь правку, особенно знаки препинания, даже в тех случаях, когда она совершенно бесспорная (я не имею в виду сложные случаи, возможно, еще требующие согласования). Если это «вызов», то не мне, а «Правилам русской орфографии и пунктуации» (есть такая книга). Вообще, хочу сказать что несмотря на обилие ошибок и «корявостей», перевод, как ни странно, производит впечатление не «очень плохого» (чего следовало бы ожидать), а скорее «очень хорошего (в потенции), но сырого», или «черновика очень хорошего перевода». Может быть, поэтому его так и тянет «дорабатывать», и конца этому не видно... Поэтому призываю тебя отнестись к правке Первой главы со всем возможным вниманием и терпением, не то мы совместными усилиями превратим роман в сказку — про Белого Бычка.

Всегда твой,
Матвей

29.11.

Маньяку от маньяка, привет!

Если ты пришел в ужас от своей работы, то он резонировал моим удвоенным ужасом перед моей собственной. Так что я могу быть только счастливым, что тебе не лень так вгрызаться в эту работу. Мне кажется, что последний вариант приближается к идеальному, хотя в некоторых местах есть какие-то «сомнения», но я считаю, что «убиваться» из-за этого не стоит: лучшее враг хорошего. Кстати, должен сказать, что мне эти многократные правки очень полезны с точки зрения «техники языка» (русского), так мне недостающей, теперь, когда я пишу текст, я ловлю себя на том, что проверяю его на твоих «клише», хотя с другой стороны у меня возникло чувство неуверенности в себе и потребности в грамматической няньке... А то, что тебя тянет «дорабатывать», предполагает, кроме всего прочего, и твою «заинтересованность» текстом, чему я рад и мечтаю уже добраться до предисловия и обмена мнениями о романе.

Всегда твой
Наум

Счастливого праздника. А они пусть горят!
Yakov Shechter

«А они пусть горят» — я сначала подумал, что он про врагов («чтоб они сгорели», как говорят у них в Одессе), и чуть было не написал: «пока, к сожалению, это мы горим», но вовремя догадался, что он ведь это про свечи ханукальные, неистов и упрям, гори, огонь, гори, горит пламя не чадит, надолго ли хватит¹...

¹ Из песен Окуджавы.

Спасибо, дорогой, и тебя также с праздником! Здоровья и благополучия всей семье.

Читал ли мою статью «Ловушки морали» в последних «Вестях»? Интересно знать твое мнение.

Наум

Наум, ну не читаю я прессу. У меня от нее камертон сбивается. Чуча — он писатель. Извини.

Зашли в электронном виде, ежели есть.

Яков

30.11.2002. Безуспешно пытаюсь опробовать на жене свои новейшие разработки, я трудился поутру на ниве любви, и горячие словечки шептал: «Как там, — говорю, — мой червячок!» — «Хорошо, хорошо», — пыхтит она, но на самом деле, как всегда, «непробиваема», и эта ее «невозмутимость» начинает постепенно злить, а злиться в таком деле нельзя, сокращает продолжительность, и тут же заработали все вредные факторы: и старание «довести» ее, и отчаяние от тщетности усилий, и неизбежная мысль «а чего я так стараюсь, мне что, больше всех надо?» — ну и кончил. Тут она немножко пошевелилась, выбралась из-под меня (тяжело ей, видите ли), отдышалась, а потом сказала: «Никогда так не говори... Он же у тебя Змей Горыныч». И мне как-то стыдно стало, что опять, невольно, можно сказать, в самоуничужение впал. А потом, когда уходил, она даже сказала: «Подожди, подожди, дай Змея Горыныча поцелую», совсем меня пристыдила.

Наум, привет!

У меня отлегло от сердца: было-таки опасение не найти с твоей стороны понимания и остаться одиноким маньяком. А на пару можно и горы своротить. Мне тоже кажется, что за окончательный вариант стыдиться не придется. А что касается «техники языка», то твой «творческий рост» заметен даже по письмам.

Планирую выбраться в магазин и на почту во вторник. А пока занимаюсь Второй главой (урывками, конечно) и стараюсь не отвлекаться.

Всегда твой,

Матвей

Доброе утро, милый НИО!

Твоё предисловие мне понравилось. Читается на одном дыхании. Всё логично и сбалансировано.

Но особенно потрясает краткая информация об авторе перевода.

Целую тебя в твой самый замечательный в мире нос.

1.12. Яша Шехтер кинул ссылку на стихи Даны Зингер в «Вавилоне» Димы Кузмина:

«Вот так вот ее числят. Несмотря на все старания быть израильской. А может, правильно числят...».

Как ее там числят, я не понял, но стихи не впечатлили, «Признание» называется:

я больше не люблю
(да и никогда не любила) те-
атральные конфеты, барбарис и дюшес,
не говоря уж о мятных.

Поехали с Р в Иерусалим, на выставку Шагала. Она его любит, а я как-то не очень. Шагал, в основном в рисунках, на этот раз неожиданно пригласился. Перекусили в саду, было солнечно и прохладно, апельсины созрели и висят как елочные украшения. Она сказала, шурясь на яркий дневной свет: «Как мне хорошо, спокойно... И Шагал... он такой свой...» А я подумал, что «своим» его почему-то не чувствую.

Потом мы пошли в Музей Библейских Стран напротив, купил ей, наконец, подарок, ожерелье типа древнегреческое, аж на двести долларов. То-то радости было. Полмагазина перемерила. Перемерила бы весь, но я взбунтовался. Пора.

Вечером поехал на «Проклятье» Белы Тарра. Фильм понравился мне меньше, чем «Аутсайдер», не оставил целостного впечатления, хотя отдельные куски феноменальные. Массовая сцена танцев в баре, эротическая сцена сидя, сцена одинокого пьяного танца-степа под сильным дождем, невзрачные городские пейзажи с бездомными собаками, грязные пустыри, канатная дорога и вагонетки с углем, скрипя скользящие за окном вниз. Немигающая камера, дождь. Да, все это напоминает Тарковского, как утверждают кинокритики. Есть родство поэтик. «Проклятье» похоже на «Сталкер». Но Тарковский претенциозен, тщится «осмыслить» мир, духовно напутствовать, что, с другой стороны, позволяет ему быть навязчиво цельным, последовательным и продуманным. Бела Тарр как-то расползается, уходит в песок, в грязь пустырей, в скрип вагонеток, долго и медленно плывущих за окном, фильмы обрываются, кончаются «ничем», а попытки «закруглить» оборачиваются надуманностью, как в финальной сцене «Проклятия», когда герой, плюхнувшись на четвереньки в грязь, лается с бездомной собакой на какой-то заброшенной свалке. Зато у него нет претензий на духовное наставничество, на исправление мира, и его отчаянное равнодушие, вернее, отстраненность отчаявшегося человека, и по-настоящему трагично. А мрачный, упорный степ пьяного под дождем явно и с вызовом перекликается со знаменитым американским лубком «Сингинг он зе рейн»... У Тарковского — символизм. У Тарра — трагическая ирония. И если Тарковский любит в качестве фона для своих мировоззренческих построений музыку Баха и картины Брейгеля, то Тарр заводит унылые народные романсы под аккордеон, или популярный «заграничный» рок-н-ролл в исполне-

нии талантов из заводской молодежи. Его «немигающая камера» занудно долго всматривается в лицо или пейзаж, слишком долго, будто засыпая, как бы останавливая нас: не спеши, говорит она, взглядишь, спешить некуда, да и всюду одно и то же. Это отрешенный, приправленный горечью, а по сути разгневанный взгляд на жизнь, и он с трудом его прячет в разрывы затянутых ритмов, где густеет энергия. Этот затянутый ритм хорошо работает в эротической сцене, когда мужчина (со спины) в неподвижности замер, где-то «спрятавшись» в женщине (голова на уровне ее груди), а она, обняв его великими руками, равномерно отталкиваясь пяткой, медленно, качаясь, насаживает себя...

И что всегда отличает настоящего мастера: кропотливость и скрупулезность в деталях. Каждый кадр выверен, каждое лицо подобрано, каждый жест «сделан», и так, что возникает ощущение документа.

Встретил Жанну (подумал: хорошо один оказался). Она болтала с высокой девицей в сером вязаном платке.

— Знаешь кто это? Это Анна Фароки, я вчера видела ее фильм, и он мне так понравился, что я решила ей это сказать. А что, Риммочка не пошла?

1.12. А к утру неожиданно всплыл Шагал, желтой горечью в лазури, ядовитой еврейской желтизной...

Позвонила какая-то пожилая (по хриповатому голосу) женщина.

— Я не знаю, туда ли я попала...

— А куда вы хотели попасть?

— Мне дали в редакции «Вестей» телефон... я по поводу статьи...

Вот, суки, подумал я о редакторских.

— По поводу последней статьи, «Ловушки морали». Это вы написали?

— Мой грех.

— Я только хотела вам сказать: коль акавод¹.

— Спасибо, я очень рад.

— Я была так рада, я уже давно в стране и всякого навидалась... (голос ее вдруг стал плачущим), вы с какого года в стране (голос стал нормальным)?

— С 78-го.

— Я раньше... Так вот, у меня от вашей статьи было ощущение, что не все потеряно. Меня зовут Циля. Чтоб вы не думали, что я прячусь. Вы знаете, я здесь уже давно, и я люблю свою страну (голос опять сорвался и стал плачущим)... извините, пожалуйста, я простужена и кашляю... Я работала на радио. А вы журналист?

— Как вам сказать... пописываю.

¹ Честь и хвала (*ивр.*).

Попросила, чтобы я прислал ей книгу, а она пошлет мне чек. Я «задомил» 30 шекелей. К концу разговора ее тон стал несколько отчужденным, может, рассчитывала, что я на радостях подарю книгу.

3.12. От Л: вот захотелось тебе процитировать:

...в нашем разуме /мохйн/ ничего нет. Разум — это, своего рода система, проделывающая сравнительный анализ ощущений, что в сердце /либб/. Наш мозг не работает более, чем того требуют чувства. Он работает только на то, чтобы желание получить наполнилось... получаем — наслаждаемся, не получаем — страдаем...

как статья? доволен ли публикацией?

А я посмотрела «Фриду», про Фриду Кало, жену Диего Ривьеры. Там её картины оживают и музыка соответствующая и Троицкий шашни крутит.

Ответ: Я тоже думаю, что мозг (точнее, мысли) продолжение тела. Но и выход из него.

На статью среагировала какая-то пожилая дама, позвонила и сказала: «кол акавод». «Фрида» у нас тоже идет, стоит посмотреть?

А я написал заметку о замечательном венгерском режиссере, зовут Бела Тарр, может, сегодня закруглю и пошлю тебе.

4.12. Готика кипарисов.

Дорогой, замечательный и очаровательный Милый НИО. Учитывая твою не-не-не-вероятную занятость, а также чисто мужскую нетерпимость к длительным телефонным разговорам, я перехожу на эпистолию. Конечно, для меня это не самая привлекательная форма общения (вообще-то существуют четыре формы общения с тобой. Перечисляю в порядке возрастания их приятности: письменная, телефонная, визуальная и постельная). Но чего уж ни сделаешь ради удовольствия помочь тебе мозги. Собственно, я хотела сказать тебе всего лишь одну, но очень важную вещь:

Несмотря на то, что ты — Милый НИО, ты ужасно Противная Рожа, которую мне всё время хочется целовать.

Так что целую, целую и целую. Всё.

Ответ: «...следует обратиться к двум архетипам нимфеток, встречающимся в литературе Набокова: и Долорес Гейз (Dolores Haze) и Аделаида Вин (Adelaide Veen) из «Ады, или радости страсти» дают неоднократные подтверждения своим свободным взглядам на любовь. И обе же, как и Жюстин (Justine) маркиза де Сада (de Sade), расстались со своей девственностью в двенадцатилетнем возрасте...

Лолита и Ада — это не просто пример раннего сексуального созревания, они, кроме того, обладают еще и поражающей зрелостью, которую не сочтешь обыденной: смесь *femme fatale* (роковая женщина) и *Belle dame sans merci* (беспощадная красотка), умные и лукавые. Но, более всего остального, завораживает их готовность предаваться страсти, которая еще больше увеличивается под воздействием гипнотической вульгарности. Нет никакой надобности в том, чтобы привлекательность нимфеток скрывалась лишь во внешней красоте, потому как подобные создания отличают совершенно иные «добродетели»: бесстыжие и дерзкие, увенчанные ореолом смертельной грации и этим «изворотливым, переменчивым, сводящим с ума и коварным очарованием».

Не зря значит у евреев 12 лет отмечают, как порог взросления девочек. Тут же и твои 12 лет, на Большом Каретном...

5.12. Жена зовет его «дружок». Чо, говорю, какая-то собачья кличка. «Почему? Мой дружок!» И стала играть пальчиками с дружком, заигралась и доигралась.

— Давай, говорю, — назовем его «юдофил».

6.12.

Наум, привет!

Вышла книга: Теодор Моммзен. История римских императоров. [IV том] (Серия “Историческая библиотека”) /Это “так называемый” IV том в серийном оформлении. История такая. Моммзен, как известно, четвертого тома не написал (хотя написал пятый); почему — это отдельный вопрос, о котором есть целая литература (проблема подробно разбирается в предисловии немецкого историка Демандта к данному тому). Тем не менее, Моммзен читал лекции по этому периоду, но ни конспекты слушателей, ни подготовительные материалы автора не сохранились (возможно, из-за пожара в его доме, во время которого сгорели 40 000 книг). Так считалось до 1980 года, когда тот же Демандт нашел в Нюрнбергском антикварном магазине прекрасно сохранившиеся конспекты Хензелей (отца и сына), слушавших лекции Моммзена по “императорскому периоду” в 1882–1886 годах. Конечно, это всего лишь “эрзац” четвертого тома, но спасибо и на этом. В предисловии отмечается, что в лекциях Моммзен гораздо “живее и актуальнее”, чем в печатных работах. Кроме чисто содержательного интереса (а Моммзен, как ни крути, был крупнейшим знатоком этого периода), этот том представляет интерес как выражение “идеологии” историка (девизом которого было: *Cum ira et studio*, т.е. “С гневом и пристрастием”), очень, на мой взгляд, актуальной. Он называл себя либерал-националистом (к вопросу о том, совместимы ли эти понятия) и, соответственно, любил правителей-“милитаристов” и презирал изнеженных “гуманистов”. Соответственно, он считает императорскую эпоху “полным политическим, военным,

экономическим и нравственным банкротством тогдашней цивилизации". "В эпоху римских императоров мы наблюдаем за римским народом вплоть до периода его глубочайшего одряхления, вплоть до его самоуничтожения, потому что не варвары разрушили Рим". Указывая на то, что римляне периода правления Антонинов возложили обязанности военной службы на провинциалов-"инородцев", Моммзен пишет: "Когда страна сама себя обезоруживает и предоставляет право защиты другой стране, она неизбежно оказывается под игом". "Империя — далекая от того, чтобы быть солдатской, — была, возможно, самой мирной и миролюбивой эпохой, какую когда-либо мог видеть мир в подобной пространственной и временной протяженности. Республика была войной, Империя была миром, но именно мир и был причиной слабости. Обязательная мирная политика была ошибочной для государства: правления, отмеченные мощной активностью, оказываются обычно лучшими". Поскольку рукопись найдена недавно, это, естественно, новый перевод (в отличие от других томов, где был просто перепечатан перевод 30-х годов)/. СПб.: Ювента, 2002. — 630 с. (большой формат) — 420.

Моммзена бери. Мужик правильный.

7.12. Пишу Л: был два дня в Галилее, старой компанией (Мирон-Аркадий), смотрели птичек на озерах Хулы, прогулялись по «швиль ацадиким»¹, и даже на обратном пути заехали в Ципори...

От Л: как там, в Ципори, всё на месте?

Да, все то же и так же. Открыли для осмотра еще несколько мозаик. Уже близко подступают кварталы «одноэтажного Израиля» с красными черепичными крышами. И видны «небоскребы» Верхнего Назарета. Холмы ведь вокруг невысокие. Погода была хорошая, солнечная.

А вообще Галилея там, в районе Цфата, красивейшее место. И какие-то совершенно удивительные просторы, а краски... Кстати, я сделал несколько фотографий, попробую просканировать и послать.

Мы поднялись в «форт Бидия», это над Цфатом, в лесу Бидия, там еще могилы каббалистов кругом, форт, конечно, одно название: постоянный двор с башней, обнесенный так себе «стеной», но вид оттуда... Такие просторы, что взгляд «зависает», ему даже некуда убежать, и вся эта гигантская долина внизу, это мутное море воздуха с рыжими и карими холмами на дне, будто хлебами, запеченными с корочкой, а над толщей уже только небо, и где-то далеко-далеко белые следы, то ли облака, то ли снежные вершины Антиливана... У меня был бинокль, и я увидел, что это снежные вершины. А Хермон еще «сухой», не то что снегов, и дождей-то не было толком.

¹ Тропинка цадииков (*ивр.*), т.е. святых мудрецов.

Пока я сидел на камне и смотрел в бинокль (вокруг никого, попутчики уже отчалили домой), подъехала машина и из нее вышла религиозная молодая пара с младенцем. Парень сел поодаль, и я услышал, как он играет на гитаре и поет. Девушка в длинном платье из легкой цветной, сиренево-розовой ткани и с косынкой-венком на голове (знаешь, как они скручивают косынку, как косу) и с младенцем на руках стояла и смотрела в ту же даль, что и я. Жена, восхищенная младенцем, что-то сказала, женщины разговорились. Потом парень в кипе и с юношеской бородкой, подошел и попросил бинокль, посмотреть. Потом жена его посмотрела. «Это Хермон?» — спросил он. «Нет, — говорю, — это уже Ливан». Потом пожелали друг другу доброй субботы, и мы уехали. Я их вижу, эту красивую пару. Мне, сентиментальному дураку, привиделась древняя, «та» Галилея, и эта пара будто сошла с картины.

Мы еще прошлись потом по «тропинке цадиков» к мавзолею раби Иоханана бен Элизера: в ущелье рыжих гор прислонился к склону серый кубик с белым куполом...

Приехал Гергель из «силиконовой долины», навестить внуков. Он неплохо там развернулся. Остановился с женой у Портоса (не у сына). Поехали с Озриком к Портосу выпить по рюмашке, поболтать. Одной рюмашкой, конечно, не обошлось. Гергель «правый», говорит: на весь этот вонючий исламский мир достаточно одной подложки «Трайидент». И вообще, вот-вот создадут долгосрочную электрическую батарею с высоким КПД, и тогда арабам капец. Инженеры заговорили об изобретениях. Портос рассказал (решил похвастаться национальными достижениями), что в каком-то кибуце создали какое-то особенно полезное молоко, что-то добавляют в пищу корове... «Познали, значит, корову», — срезонировал я. Посмеялись. Портос продолжил, мол, была передача о том, что какой-то изобретатель в Израиле уменьшил коэффициент трения до того, что появилась возможность чуть ли не создать вечный двигатель. «Предложил смазывать спермой», — я уже раздухарился. Посыпались рацпредложения: еврейской спермой, еврейская сперма смазывает колеса революции. Тут Портос предложил средство борьбы с палестинцами: загонять им яйца в тиски, и жать, жать. Озрик тут же предложил карикатуру: «Палестинский народ в тисках израильской оккупации». В общем, встреча прошла с теплой и дружественной атмосферой.

В «Окнах» статья Исаковой «О пользе и вреде либерализма». Особенно напирает на экзистенциализм (небось, какую-то книжку прочла): «экзистенциализировали толпу», «процесс экзистенциализации в скандинавских странах», где «обучение по Кьеркегору» начинается «уже в детских яслях», «экзистенциальная дрожь», «люди, начиненные экзистенциальной драмой до ушей» и т.д. «Богом скандинавов является Кьеркегор, но им ничего не мешает “кьеркегоризировать” Маркса,

что они и делают, при поддержке экзистенциалистов всего мира». Выделяет страны «с сильной экзистенциальной доминантой кьеркегоровского типа».

8.12.

From: «Kanievsky Arie»

Привет, Наум.

Что однако происходит с нашим «известным органом» Вести? (Мой любимый старый орган/ так измучен, так издерган/ что ему и в самом деле/ трудно три раза в неделю»...)

И, кстати: обратил ли ты внимание на «трилогию» Владимира Фромера «Золотые цепи Мессии» в Вестях трех прошлых недель? Я бы ему rektum разорвал за такой opus да кишка тонка.

Ответь мне на подстрекательство...

Ты помнишь: «А будет жалко, капитан, коль ниточка порвется и было б грустно наблюдать злорадство этих морд!»...

Ответ: Опус Фромера видел, но не читал. Про Барака, про это во- площение еврейской хитрожопости, противно читать.

А про капитана не помню, откуда?

От Л: я их тоже вижу, эту красивую молодую пару, спасибо тебе, старый сентиментальный дурак. Закрываю глаза и вижу всё, что в твоём бинокле, и писаю глазами. Хисарон¹ называется, есть такой термин в науке каббала.

From: «Kanievsky Arie»

Про «капитана» — из Кима, «московские кухни», блестящий и страш- ный цикл, мороз по коже.

Прочешь бы тебе Фромера все же. И дать бой придурку.

Мама потеряла сумочку с документами, ключами и пр. Изнервнича- лась. И вдруг вся эпоха всплыла:

— В военкомат не надо сообщить?

Я хохотнул. Сумочка, однако, нашлась.

9.12. Пишу Л:

А еще (пожалуюсь), я в тот день, что мы на север поехали, с утра был какой-то ужасно раздражительный, а там, когда в Метулу заехали (потянуло их в Метулу, а я не сопротивлялся) и в горку поднялись (про- шли и мимо «Ораним», если помнишь), я и вовсе как-то себя «нетвердо» почувствовал, какое-то сердцебиение-трепыхание. Может, от перемены

¹ Нехватка (*ивр.*).

погоды, вроде грозятся, что сегодня, наконец, зима грянет... А когда вечером обсуждали «дальнейшие планы», Мирон спросил: «Так на чем вы остановились?», жена удачно пошутила: «Не знаю. Наумчик остановился на себе». И это было правдой.

От Л: я бы в Метулу не поехала без тебя, но это не показатель, я бы и в Латрун никого не водила... а может быть я всё ещё просто элементарно «ревную».

а как себя чувствуешь?

Уважаемая Ирина Прохорова!

Посылаю на ваш строгий и непредвзятый суд заметку о публикации отрывка из новой книги А. Гольдштейна «Помни о Фамагусте» («Зеркало» №.19–20)

С глубоким уважением и надеждой на благосклонность.

Наум Вайман

10.12.

Naum,

I cannot read your Russian — you have to transliterate.

If you said you want to discuss — find time to visit me, we should have 1–2 hours for discussion.

Ari

O'key. Naidem vreme.

Naum

Весь день перезванивались. Рассказала, как, встретив сестру, с трудом довезла ее до дома: подскочило давление. И на два дня застряла у сестры, отходила. «Декабрь, самый ужасный мой месяц. Годовщины... Пережить хотя бы 15-е. И знаешь, в этот раз они в первый раз пришли ко мне вместе... Я тебе рассказывала, что в этот месяц мама и папа всегда приходят, мы разговариваем, но они всегда приходили отдельно...».

Я ей посоветовал обследоваться. 160 на 130 не шутки, когда обычно 100 на 60.

— Не буду, — отвергла решительно.

Рассказала об очередном приключении подруги Лильки.

— У нее такой язык — записывать надо. Ну, дали какому-то мужику, израильтянину, ее телефон. Он позвонил, пригласил в ресторан. Мужичок оказался плюгавенький, но стал расписывать, какой он богатый и как он ее озолотит, мол, очень понравилась. А ей надо было на Кикар Амдина¹ джинсы поменять, малы оказались, так когда он её спросил, ку-

¹ Площадь Государства (*ивр.*), одна из центральных площадей Тель-Авива с дорогами магазинами.

да отвезти, она и говорит: на Кикар Амдина. Он аж позеленел. Говорит: ани од ло мухан ле зе¹, ха-ха-ха! Но через день еще раз позвонил и опять пригласил в ресторан, а потом они поехали к ней. Он, говорит, разделся, и стоит голый, уши торчат, лучше бы, говорит, у него хуй торчал, ха-ха-ха! Ну, он ее всю сверху донизу облизал, и говорит: я тебе, мол, все отверстия облизал, и должен сделать тебе комплимент: ты нигде не воняешь. Представляешь? Она кончила, а он стоит и говорит: а теперь сделай так, чтобы я кончил. Она говорит: я поднимать не умею. Но пришлось. В общем, ресторан отработала.

Привет!

Мне сегодня позвонил Гринберг и спросил, где текст. Мол, права на издание он получил, Институт даже готов финансировать (может, и мне что перепадет). Я, конечно, заверил его, что мы интенсивно работаем, тут он стал вдруг расспрашивать о тебе, мол, кто такой, я сказал, что ты филолог «высшей категории», и тогда он сказал, что «они» хотят дать тебе еще работу, тоже перевод какого-то израильского писателя. Я на всякий случай сказал, что прекрасно, лучшего редактора и не сыщешь. Отказаться всегда сможешь, если захочешь.

Всегда твой
Наум

Матвей — Науму

Inter os atque offam multa intervenire potest /Между ртом и куском многое может произойти/ Мы с Меиром уже улетаем из Лондона, а в Тель-Авиве ему жить осталось, слава Богу, недолго. 3-ю главу вышлю завтра утром.

Best regards,
Матвей

Вдруг позвонила.

— Ой, а я мужу звоню...

— Смотри ночью имена не перепутай.

— А я поэтому никого по имени не называю, а даю всякие клички.

Вот Нио, например. Ты, кстати, тоже ни разу меня по имени не назвал.

— Да... Но не поэтому. Просто... имя, как ни странно, разделяет. И на определенной стадии близости оно как-то мешает...

11.12.

Наум, привет!

Я, конечно, понимаю, что все эти «подстегивания» метят в меня, но быстрее работать не могу. Когда ты внимательно просмотришь правку

¹ Я еще к этому не готов (*увр.*).

Третьей главы, то поймешь, какой там объем работы. Я уверен, что там нет «чисто косметических» исправлений: все отмеченные места действительно требуют доработки. Хорошо еще, что сейчас нет переводов, и мне удастся проводить за правкой почти все свободное время (правда, после разности, которой перед Новым Годом так много, что абсолютно свободных дней, чтобы сесть с утрачка, вообще не остается). А «работать быстро» я уже пробовал — получается просто двойной труд. Кстати, ты мог бы ускорить дело, если бы взялся проверить (по доступным книгам, словарям, путеводителям и по Интернету) имена собственные, топонимы (названия городов, улиц, аэродромов и т.п. — как говорит твой любимец Путин, «имена, явки, фамилии»).

Кстати, я тут обнаружил одну техническую возможность, которая облегчает работу над правкой. Если установить курсор на том месте, которое подверглось исправлению, и щелкнуть правой кнопкой мыши, то сразу выскакивает окно, при помощи которого можно принять или отклонить правку. Очень удобно.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Объективно говоря, пока у них еще «не горит». Так что торопиться нет необходимости. Ну а я заинтересован только в тщательности, так что я тебя не подстегиваю. Тейк ё тайм. Есть, конечно, элемент общенервической нетерпеливости, но он тебе знаком и требует снисхождения.

Имена собственные (городов, улиц, аэродромов) я проверял, все путем. Сажусь за 3-ю главу.

Всегда твой
Наум

Позвонила Ира. Сказала, что Гробман пошел вечером (а я ему звонил часов в шесть, он был в порядке) гулять с Тимуром... «Ну, вот это зря», — вырвалось у меня. «Да, зря... и у него началось кровотечение».

— Ну, конечно, рана еще не зажила, а Тимур же тянет как паровоз...

— В общем, отвезли мы его в больницу, и он пока там. Так что он, конечно, не поедет.

— А ты поедешь?

— Ну конечно, о чем ты говоришь.

Договорились, во сколько я заеду за ней. Взволнованная произошедшим, говорила, нервически посмеиваясь:

— Гробман, конечно, бушевал, что не уберегла, может, он и прав... они говорят, что задела вену, что от этого... а Тимур утром так разнервничался, что записал гробмановскую половину кровати, причем не просто написал, он же море делает, а отметил, одеяло запачкал, представляешь?

12.12. Мама позвала: «Пойди сюда...». Зашел в ее комнату. Показала на полированную стенку книжного шкафа: «Ты ничего не видишь?»

— Нет... — удивился я.

— Смотри, — показала на линии дерева, — прям папин портрет: вот нос, вот губы, вот глаза... неужели не видишь?

Вечер «Зеркала» в Иерусалиме. Заехал за Ирой, Гробман уже дома. Немного притихший.

— Миша! Ты уже дома?!

— А ты меня уже похоронил?

Едем втроем: я, Ира и Денис Соловьев. Набили багажник журналами. Ира говорила, что у Соловьева голос оперного певца, но петь на этот раз не сможет, простужен. В разговоре голос у него педерастический, большие маслянисто-нефтяные глаза за очками. Выглядит молодо. Сыпет именами и терминами: Бланшо, Делез, Бодрийяр, «когда я был в Кельне», «фрески в Ахене». «Вы искусствовед?» — спрашиваю. «Ну, можно сказать...» — «А откуда?» — «Из Ленинграда». — «Давно?» — «Семь лет. А вы?» — «Я уж тут четверть века отмотал».

Вечер в магазине Гринберга. Человек 50, неплохо. Встретил Эли Люксембурга, подарил ему «Хроники». Ира сначала прочитала Красовицкого, потом Бараш читал стихи Гробмана. Потом стал читать Гольдштейн, и первая струйка потянулась на выход. Потом Соловьев стал читать какой-то непонятный по жанру и содержанию отрывок, полный сюсюкающей зауми, сам устыдился и оборвал чтение. Потом по сценарию был разговор двух шелковых умников Гольдштейна и Соловьева о смерти литературы. Соловьев опять невпопад вспоминал Делеза и Бланшо, а также Кафку и Флобера, посреди этих умностей Ира решила вдруг вспомнить про «Митин журнал», как Гробман взял его в больницу, и ему было скучно читать, она уже репетировала эту речь в машине, но как только произнесла «Митин», раздался страшный грохот: стул под Барашем надломился и он упал на пол, раздавив еще и вазу с цветами, хорошо, что не накололся. Раздался дружный «ах!», потом смех, потом заботливые восклицания помогавших большому поэту подняться. Потом к отпеванию литературы присоединилась Лола, супруга Козовского, они спелись с Соловьевым, и он ее спросил: «А что вы сейчас читаете?» — «Я читаю только философию. В настоящее время читаю Аквината». — «Удивительное дело, я тоже сейчас читаю Фому Аквинского», — удивился Соловьев. Народу осталось ровно половину. Бараш объявил перерыв. После перерыва читала Аня Соловей, какая-то женская проза о ночнушках, снах и грезах, Соловей выглядит девочкой, хотя строга (одергивала присутствующих, слушавших недостаточно внимательно), и дочка у нее лет шестнадцати. Потом вдруг Ира предложила завершить программу, было уже поздно, да и осталось человек десять. Но я же еще не сказал своего гневного слова! И я прокричал в толпу о любви к смерти и любви к жизни, о синдроме

Освенцима, вас убивают, евреи, а вы ведете себя, как в нацистских загонах: ждёте акций! «Ну, ты хватил с Освенцимом», — сказала Ира, когда я сошел с трибуны. На этом закончили, оставшиеся не расходились, смотрели книги, Бараш с Соловьевым-Фридманом (так он представился, когда я надписал ему книжку) вышли на иерусалимский мороз побеседовать, Ира пошла брать интервью у Кациса, я отнес в машину нераспроданные книги и журналы. Мух у стойки потягивал горилку с каким-то скандинавского вида парнем, рассказывал, как он ненавидит евреев, что Израиль надо уничтожить, Игорь Бяльский стал с ним спорить, но Мух был неумолим: уничтожить, и все. Я тоже выпил горилки, и мне захотелось ударить его в лицо. Вышел охладиться, у дверей Бараш что-то толковывал Соловьеву. Пожаловался ему на Муха: «Уничтожить всех предлагает». «Мухи творчества» — срезонировал Бараш.

На обратном пути (взяли еще Шауса) Соловьев рассказал, что закончил филологический Ленинградского университета, даже защитился, преподавал английскую литературу в правительственной школе, теперь филология ему надоела, занимается философией. «Сколько, ты думаешь, ему лет?» — спросила Ира, когда мы шли с авоськами журналов (Гринберг и половины не взял). «Лет тридцать?». — «А сорок не хочешь?».

Л прислала какой-то «план» ихнего рава Лайтмана, план спасения, или как статья каббалистом. Пунктов много, привожу несколько:

1. Всё создание в общем называется «игрой Творца».
2. Весь наш мир называется «Олам а «мэдумэ» — «Надуманый мир»¹.
3. Всё наше состояние до махсома² называется «Сон» — «Хаину ке холмим»³.
4. Весь наш путь к цели происходит по принципу вы прилагаете усилия, а затем Я вас спасаю» — «Игати вэ мацати»⁴.
5. Всё наше отношение к исправлению построено по принципу «Вера выше знания».
6. Весь переход из эгоизма в противоположный ему во всем альтруизм непонятен и невозможен, потому что промежуточного состояния, включающего оба, нет. Переход происходит как скачок через вечность, как чудо.

Отвечаю Л: А к какой цели идем, ты спросила у рава? К тотальному альтруизму? Так уже шли (и до сих пор идем) под руководством Иошуа Иосифовича. Да все кругами, кругами.

¹ Более точный перевод: нереальный, призрачный.

² Преграда (*ивр.*).

³ Мы были как во сне (*ивр.*).

⁴ Пришел и нашел (*ивр.*).

Мы как-то с мамой поехали в Гурзуф (мне было лет одиннадцать, первый раз к морю), и из Симферополя в Ялту ехали на такси, большой старой «Волге», набитой пассажирами, и всех, в том числе и меня, мутило от серпантина — шофер круто «закладывал», и пассажиры жаловались: «плохо!». И шофер время от времени говорил: «Вот, всё, мы уже у цели, вот, почти у цели, вот еще пару поворотов...» И это давало силы терпеть. Ну, а потом и действительно приехали...

13.12. Шурин праздновал день рождения в русской берлоге. Теща, по дороге:

— Я такую замечательную статью прочитала в газете, о Распутине, оказывается, его совсем не убили, а убили другого, это князь Юсупов признался, и заgrimировали под Распутина, а Распутина отвезли на остров где-то на Севере, и он там жил со своими монашками, и Сталин к нему приезжал...

Тут я заржал.

— Чего ты смеешься, — обиженно сказала теща. — Так в статье написано. А в этой России все что угодно может быть.

В русском ресторане «Дельфин» на набережной Бат-Яма всегда собирается изысканная публика. И песенки поют зажигательные. И баба в клеенчатых брюках, старая, но стройная, поет и «затейничает»: прыгает между столами, раздаёт шляпы с бубенчиками, организует танцы паровозиком. Народ в основном южно-украинский: Херсон, Днепропетровск, Запорожье. Уси с привозу. За столиком рядом с нами примостились три славянские девки из соседнего «массажного кабинета», отдыхают после трудов праведных, две — жабы толстые, раскрашенные как австралийские индейцы, а третья — стройная, танцует лихо, извивается как хлыст (те двое только жопами трясут), но рожа мерзкая, зубы выбиты, и разговоры типа: «я те бля, говорила, пойдем, а ты, бля...». Потом к ним два мужичка присоединились, один в форменной одежде «бандита»: спортивные штаны с лампасами, кеды и брит наголо, лет двадцать пять, а второй, приземистый и плотный, лет под сорок, с раскосыми глазами и такими же раскосыми скулами, мнет беззубой вертихвостке плечо и что-то мычит. И все водку хлещут.

От Л: каббала — это наука, а не религия, «математика души». давно записок не было.

Ответ: Решили из религии науку сделать? Похоже, у вас в «кружке» много бывших итеэров.

Доброе утро, дорогой, замечательный, любимый, прекрасный, вкусный, прелестный, обожаемый, хитроумно-одиссеистый, вайманистый и наумистый Милый НИО!

Твой «утренний поцелуй» стал мне совершенно необходим, как утренний кофе, как осознание того, что в моей жизни всё нормально, всё хорошо.

Всегда, когда я слышу по утрам твой голос, я таю от счастья, радости и восторга. Но ты, Скупой Рыцарь, не даешь затянуться моментам блаженства и очень быстро объявляешь «конец связи». А для меня это как маленькие трагедии, т.к. оторваться от трубки мне почти так же тяжело, как оторваться от тебя в дни наших встреч.

Целую и облизываю тебя всего от макушки до пяток с частыми и длительными остановками в определенных местах. Р.

От Л: Это методика постижения высших миров, которые в тебе самом. А Бог — это ты, только первозданный, творящий и созидающий. Когда ты, искра творящей силы /абсолютного добра/, сливаешься по своим качествам /параметрам/ с творящей силой, когда ты сотворяешь самого себя таким, каким был задуман изначально-идеальным, ты постепенно меняешь свои ипостаси /парцуфим/, сбрасываешь с себя разные оболочки /клипот/ и преодолеваешь все исчезающие миры /уламот-нэеламот/, поднимаешься по лестнице Якова туда, где нет ни времени, ни пространства, а слияние происходит по подобию качеств. Ты становишься Адамом. Всё равно все обязаны это сделать, прийти к цели творения. И именно будучи в этом мире, в этом белковом теле. Вопрос когда. Когда у тебя появляется в этом потребность, но чем раньше, тем лучше.

15.12. Спал плохо, утром не пошел гулять, позвонил ей только в девять.

— Как ты, что с тобой? Ты знаешь, как я изнервничалась? Я тебе уже два раза звонила. Бог знает чего себе вообразила...

Встретились в час, поехали в гостиницу.

— Ты что, неделю сперму копил? Смотри сколько натекло... Как он мне там хорошо делает... Рассказать тебе? Сожми кулачок. Вот так он сначала мне здесь делает, а здесь у меня самое чувствительное место, в самом начале, а потом вот сюда забирается, и вот сюда давит... А откуда он знает, что надо именно сюда давить? Ведь он не давит сюда, или сюда, а вот именно сюда... Сегодня день смерти папы. Это уже вошло в традицию: отмечать день его смерти в постели с любовником... Я тебе рассказывала, как в тот день, когда он умер, дочка не могла меня найти. А я была как раз в ту неделю свободная женщина, муж в командировке... А вечером я сама домой позвонила, она мне: «Мамочка, где же ты, тебя целый день все ищут», и плачет, «дедушка умер». А я стою голая в квартире у чужого мужика...

— А она никогда тебя не подозревала?

— Нет. Она как-то спросила меня: вы так долго живете вместе, тебе не надоело всегда с одним? А я ей говорю: надо правильно выбирать. Она видела, что любовь из нашего дома не уходит. Ну, он всегда меня любил и любит, и я его в общем-то тоже. Он прекрасный отец, заботливый муж...

Закусили традиционным бутербродом с сыром.

— Вкусно, — говорю. — Молодец, хорошо бутерброды делаешь.

— Это не я, это муж делает, это его обязанность.

16.12.

— Ма, а кто у нас в семье говорил: «не сёрбай»?

— Не дёргай? Да у нас все дергали понемножку. А больше всего Хеник дергал. Все фокусничали, а уж он — революционер, коммунист! Вот десять лет и отгремел. Десять лет, это только представить себе... А детишек он тогда отослал к нам в Ленинград, когда уже чувствовал, что подбираются... Он в Сибири прокурором работал, и отослал, мааленькие такие были, куклятки...

От Л: ма нишма каха? почему не шлешь записки? как себя чувствуешь?

у меня чего-то тоже сердечко разговорилося под утро...

И чего оно тебе нашептывает?

Чувствую себя лучше. Хотя дико простужен: насморк и чихаю так, что просто взрываюсь. Может, младший заразил, а может, просто зима. Дожди у нас, наконец. Похолодало.

Посмотрел «Фриду». Из всех «биографических» фильмов о художниках этот, пожалуй, из лучших. Кроме картонного Троцкого, никто не раздражал. А сама Фрида очень даже ничего, «похожа», темпераментная девушка.

А на следующий день посмотрел по нашему ТВ «Секс в Израиле», новая телевизионная серия, какая-то феминистка сварганила. На ту тему, что сексуальная жизнь в Израиле груба, а груба она из-за «милитаризма» (нашли еще один угол атаки на армию), мол, солдатам не до любви, им надо «литкоа»¹ и дальше. Разозлил меня фильм. Там разные бабы жаловались на грубость израильских мужиков, на их «тахлес»². А я думаю, что грубость эта не от милитаризма, а от сложившейся «культуры секса». Вон рыцари, уж на что были милитаристы, а воспевали «прекрасную даму». А королева Виктория говорила: «Ничего не бойтесь, ложитесь на спину, закрывайте глаза и думайте о благе Англии».

¹ Вставить (*ивр.*).

² Сразу к делу (*ивр., сленг*).

А еще мы в субботу ездили в Иерусалим, там в Дормцион (помнишь этот гигантский собор у армянского кладбища?) давали в концертном исполнении оперу Перселла «Дидона и Эней», короткая, на час с небольшим, очень неплохо, и состав израильский, а потом прогулочка по исусовским местам, там совсем рядом «тайная вечеря», и тут же могила царя Давида...

А записок мало еще...

Что у тебя нового?

17.12. Позвонил Р.

— А я тебя сегодня приснила... И такой странный сон... как будто я у тебя дома, и такие пустые комнаты, и полно маленьких детей, лет четырех, пяти, и кошки, много кошек, и они в ногах крутятся и царапают, и все бегают, и грязь кругом, тряпки, и ты какой-то маленький, суестьешься... Не понравилось мне у тебя...

И тут я вспомнил, что мне ночью жена приснилась, она была голая и вызывающе мерила всякие мужские причиндалы: шляпы, галстуки, пинджаки, и меня это страшно злило...

От Л: да, Фрида мне тоже приглянулась, и музыка, и танцы, и ожившие картины.

а церковь, это где мозаика зодиаков на полу?

феминисток я вообще не перевариваю, всё валят в одну кучу и мужчин тоже.

записки давай, пока мало — мне легче читать.

Да, могучая мозаика, такая современная, но она стульями заставлена, хорошо, мы ее тогда увидели. А мне вчера позвонил Эли Люксембург и наговорил столько комплиментов о книге, что и за год мне не наговорили. Прочитал ее за четыре-пять дней, да еще, говорит, перечитывал, и хочется перечитывать, и гениально (самое частое слово), гениально сделано, конец гениальный, что «учился», что «проза поэта», и боль за страну почувствовал, ну, в общем, живо воспринял, приятно. Приятно, когда твоя книга так действует, тем более если учесть, что не просто читатель так возбудился, а коллега, писатель, может, и не великий, но в Израиле считается одним из самых талантливых, во всяком случае, темпераментных. А темперамент ведь тоже талант... Интересно, что у нас с ним старая «химия», еще с того его стихотворения в журнале «Время и мы», которое мне еще в Москве понравилось, помнишь?

А еще на статью я получил два восторженных отклика, и тем более ценных, что косвенных, то есть люди поделились со своими знакомыми, какая замечательная статья, а те мне просто передали.

Кстати, Гольдштейн заметку о Беле Тарра взял. Я ему предложил давать мой портрет к материалам, но он сказал, что это у них не при-

нято. Я говорю: а как же портреты Зиника и Айзенберга да на пол-страницы? Ну, говорит, это Зайчик, в знак особого уважения. И тут мы неловко замолчали. Получается, что я до этого «уважения» еще не дорос. Ладно, я не в обиде. Мне ведь портрет нужен не для того чтобы на улице останавливали, а все еще имею «заднюю мысль» к политике пристроиться, а для этого «известность» нужна...

А вообще я простужен, вчера так чихал, что стены тряслись. Сегодня вроде полегче.

Посылаю записки.

Матвей, привет!

Что касается Данте, то надо учесть, что герой произносит эти итальянские слова по памяти и с явными, даже грубыми искажениями, так что мы не обязаны искать точную транскрипцию, «неправильность» в данном случае соответствует замыслу автора. А в комментарии мы даем источник, и этого, на мой взгляд, достаточно (с твоими предложениями в этом смысле я согласен). Поэтому я изменил написание («мье» на «мио») просто чтоб было благозвучней. Тут даже и размер не столь важен: не мы виноваты, а герой и автор («пан Зюзя, ну зачем вам в стихах размер, это же не ботинки»).

Сексуальные термины (типа помпадур-помпуар) даны, конечно, в ивритской транскрипции, черт его знает, где он их взял, судя по звучанию, французские. А йони и линга (лингам) — это уже международные «термины». Я в принципе не против дать какие-то другие «названия» поз и способов (совсем не обязательно индийских, французы тоже в этом деле кое-что понимали), но не вижу смысла их искать, тем более что названия эти не имеют значения (чем загадочней, тем лучше).

Про Магариши я даже раздобыл брошюру, которую выпустило наше местное общество трансцендентальной медитации, оно же общество «особого поля». Там и портрет его, если хочешь, просканирую, такой волосатый, седые с черными струями волосы как у дедушки Бога. На английском, к сожалению, ни одной буквы, так что все в ивритской транскрипции. Сказано так: «Маг(х)ариши Маг(х)аш Йоги, основатель мирового правительства в эпоху озарения и науки интеллигенции творчества». Там еще всякие графики и формулы об этом «особом поле», которое он открыл. Ну вот, как хочешь, так и понимай. Не удивительно, что автор дал это имя как нарицательное для всяких «ловцов душ».

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Я категорически не согласен, что «размер не имеет значения»; наоборот, имеет значение размер, и только размер. Меир может не помнить тех или иных слов и совсем не понимать их смысла, но он с детства

запомнил эти слова *как стихи*. Если человек забывает какие-то слова из стихов, он вставляет какое-нибудь тра-ля-ля (как сказано у классика: «Вставляем какое-нибудь ламца-дрица-ца») — *для сохранения размера*. Кстати, Шабтай (в отличие от своего переводчика) это прекрасно понимает: Меир забыл половину второй строчки, далее цитирую: «перме сива нела...», тут ему не хватило нескольких слов, которые забылись, но он тут же, на месте, продолжая шагать, заполняя этот пробел чередой звуков, случайно возникших в голове в эту минуту: «долоре чито», и продолжил уже по памяти: «Перме сива трала/я?/ пердута джете». Если мы дополним то, что он запомнил (из второй строчки), тем, что он добавил, получится «перме сива нела долоре чито», то есть безупречный пятистопный ямб, каким и написана вся «Божественная комедия», так что не надо делать Меира тупее, чем он есть (его и так автор обижает). Единственное, что он запомнил совершенно точно — это размер, и если он не помнит слов, то дополняет чем попало — лишь бы не нарушился размер. Проблема не в том, что я «настаиваю на 'мье'», если итальянцы так не произносят, надо искать правильный вариант, но размер должен быть сохранен «любой ценой». И не надо перекладывать с больной головы на здоровую. Совершенно не понимаю твоей фразы: «не мы виноваты, а герой и автор». Герой (Меир), как мы выяснили, ни в чем не виноват, потому что свято блюдет размер, автор (Шабтай) прекрасно помнит эти стихи, и когда герой во второй строчке отстает от буквы (но не от размера), он считает необходимым на это указать, если же ты имеешь в виду под автором Данте, то вряд ли он виноват, что мы с тобой по малограмотности не можем правильно прочитать всемирно известные стихи.

Теперь об «эротических терминах». Согласен, что они и должны быть непонятными (в этом и есть их смысловая нагрузка), но это не значит, что они должны быть *неправильными* (почувствуйте разницу). Меир читает их в магазине, в книге, в которой они наверняка написаны правильно. Поэтому на самый худой конец можно заменить их другими словами, но я должен быть уверен, что такие слова существуют и что они написаны правильно. В этом состоит моя прямая обязанность как редактора. А выполнить ее мне трудно, потому что я никогда такой «литературой» не увлекался, и у меня дома нет ни одной подобной книги. К тому же я еще не потерял надежду найти именно те слова, которые употреблены в романе. Далее. Совершенно загадочной остается для меня фраза: «совсем не обязательно индийских, французы тоже в этом деле кое-что понимали» (можно подумать, что я подсуживаю индийцам в каком-то состязании). Если ты забыл, я напомню тебе, в каком контексте встречаются эти слова. Цитирую: «помпуар — один из восхитительных приемов женщины. Она должна сжать йони так, чтобы обхватить лингам как палец». В данном контексте 'йони' и 'лингам' (индийские термины) являются составной частью некоего «приема» под общим на-

званием 'помпуар' — и он тоже должен быть, по логике, обозначен индийским термином. Конечно, «не обязательно индийским», но смесь французского с нижегородским здесь так же недопустима, как и в любом другом месте (если, конечно, это специально не обыгрывается).

То, что ты написал мне о «Магариши», только увеличило мои подозрения. Думаю, это что-нибудь вроде «махараджа Махаш Йоги» (это примерно то же самое, что считать английским именем слово 'сэр'). Но если даже он и «Магариши» (предположим самое невероятное), то, во-первых, где гарантия, что Шабтай имел в виду конкретно его? Во-вторых, такого имени нарицательного, как 'магариша' (неизвестно даже, какого оно рода и как его употреблять), в русском языке нет (думаю, в иврите тоже, и Интернет его не выдает). Между тем, смысл фразы Познера очень простой: он имеет в виду шарлатанов, экстрасенсов, гуру и прочую нечисть; значит, и нужно подобрать соответствующее *общеупотребительное* слово, а давать примечание о конкретном «Магариши» и вовсе бессмысленно: из них каждый — основатель какого-нибудь «великого учения», а то и двух-трех.

Всегда твой,
Матвей

От Л: про Эли Люксембурга и «Время и мы» помню. Мне тоже приятно, что наша «девочка», извини за выражение, пользуется таким успехом. Не улыбайся в свои седые усы, я про щель говорю. А что уж и нельзя «порадоваться» вместе с тобой?

А я думала ты уже облегчил свою «заднюю мысль», политическую стало быть.

Записки получила, спасибо. Читаю.

Ответ: Политика квинтэссенция жизни. Так что хочется, понимаешь, «пожить», повлиять...

19.12. Р полагала, что мы днем поедem куда-нибудь поесть, а я утром позвонил и сказал, что сегодня не получится.

Поголял с собакой в дождь, и опять сердце чувствую... Что угнетает. И все раздражают, и Меир, который навис надо мной своей смертью, и старики, которые каждое утро приходят по мою душу и тяжелыми камнями жалости давят на грудь...

Милый НИО, добрый вечер.

Сегодня чертовски устала, но всё равно, где-то в уголке души всё время присутствуешь ты. Видимо поэтому, прежде чем засесть за срочную работу, ужасно захотелось «пообщаться» с тобой.

Скучаю, хочу потрогать тебя, потереться об тебя носом, подышать тебе в ухо и всё остальное в этом же роде.

Целую. Спокойной ночи.

Дорогая моя, спасибо за письмецо, если б не на экране, исцеловал бы его.

А «у меня» сейчас утро, нудный дождь. И мне грустно, мне кажется, что силы уходят...

И я думаю, какое же чудо, что судьба подарила мне тебя.

Тесть:

— Науум? (голос дребезжащий, слабый)

— Да, Борис Михайлович.

— Доброе утро.

— Доброе утро.

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально.

— А Римма на работе?

— На работе.

— А Ювалинька?

— Тоже.

— Я, несмотря на дождь, все-таки пойду за газетой.

— Как хочите, Борис Михайлович.

— Ну как же я оставлю такого Наума без газеты. ... Так все в порядке?

— Все в порядке, Ворошилов на лошадке.

— Дождь идет... Но это хорошо для нашей страны.

К Л: Вот тебе рассказ только что «из печки», суди строго...

А у меня сегодня вышла в Окнах эта заметка о Тарре, они ее красиво оформили, фотографии наши, в том числе и его фотографию, красивый парень. Так что я доволен.

20.12.

Наум, привет!

Высылаю — надеюсь, в последний раз — Вторую главу. Там осталось посмотреть всего 3–4 места.

Пристали тут ко мне с предложением из издательства «Гешарим»: звонят каждый день, не возьмусь ли я отредактировать один текст (думаю, речь идет о книге, о которой говорил тебе Гринберг). Я им отвечал каждый раз, что сначала «сдам Ваймана», а потом посмотрю, пообещав при этом закончить Шабтая сначала «до конца года», а затем, когда они меня «дожали», на той неделе (они не торопят с Шабтаем, а торопят с тем, чтобы я либо дал принципиальное согласие взять следующую работу, либо отказался). Сегодня опять панический звонок: им нужно срочно знать мой ответ. Я пообещал «сдать Ваймана» на следующей неделе, тогда, мол, и решу. Так нет, им нужно иметь мой ответ уже в понедельник, ну я и дал слабину, согласился приехать к ним в понедельник. В связи с этим у меня такой вопрос: не могли бы мы закончить работу до

понедельника, чтобы мне — при моей загруженности — не пришлось ездить к ним дважды? Тем более что я ни при какой погоде не собираюсь брать эту работу (более черную, неблагодарную и невыгодную в денежном отношении работу просто трудно себе представить), но «отказаться не глядя» как-то неудобно (да я и упустил уже момент для безоговорочного отказа); тем более не хотелось быть невежливым, пока они не приняли мою работу по Шабтаю (в Договоре есть загадочная фраза о том, что они выплатят деньги после того, как работа будет сдана и одобрена). И тут возникает еще один вопрос: о твоём Предисловии. Нельзя ли устроить дело так, чтобы не увязывать сдачу отредактированного текста со сдачей Предисловия? Ведь в Договоре о Предисловии ничего не сказано, и, закончив редактирование текста, я свои обязательства по договору как бы выполнил и имею право требовать деньги. А над Предисловием мы тогда поработали бы спокойно, сколько нужно, и я дослал бы им его по Емеле. Если этот вариант тебя не устраивает, то до понедельника мы Предисловие уж точно не сделаем (закончить бы текст!), и мне придется совершить совершенно бессмысленную поездку — только для того, чтобы отказаться от их предложения, в чем бы оно ни заключалось (да мне и совершенно не интересно, что они предложат), то есть отчасти подпортить с ними отношения — как раз перед тем, как отдать им свою работу «на одобрение». Чувствую, что у них создалось такое впечатление, что «израильская сторона» со мной уже «обо всем договорилась», а я почему-то закобенился; между тем, я, во-первых, даже не знаю, о чем идет речь, а во-вторых, вообще не собираюсь заниматься редактированием — тем более по их непристойно нищенским тарифам. Я даже от крайне выгодных переводов собираюсь отказаться, чтобы иметь хоть каплю времени для более «благородных» занятий. Если ты согласишься не увязывать сдачу текста с Предисловием, то я мог бы им сказать, что текст абсолютно готов, но, как я слышал, там будет еще Предисловие (мол, есть договоренность о нем у Наума с Ягломом или с Гринбергом), которое в ближайшее время будет представлено.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Да, с Предисловием можно повременить, главное «сдать» текст, так что твой вариант вполне приемлемый. Насчет «работы» я тебя понимаю, мне даже и неудобно, что я втянул тебя в такое мероприятие, но все же не спеши отказываться, ты еще можешь и за деньги «поцарапаться», и сказать им с полной искренностью, что то, что я согласился сделать для друга, не значит, что я согласен делать как «работу», уж не думаете ли вы, что я не понимаю, что это «не деньги». Может, они раскошелятся на нечто более приемлемое, и кроме всего прочего, сле-

дующая работа всегда легче первой, да она и не потребует от тебя такой тщательности (придется как-то сговориться со своей «рабочей совестью», так сказать, наступить на горло собственной песне), да и коррекция не редакция.

Но смотри сам. Мне-то давно уже не терпится перейти к чему-нибудь более «благородному», вот Хайдеггер висит экзистенциально не выпоротый...

Всегда твой
Наум

21.12. От Л:

Передают, в Шомроне выпал снег?¹

А почему у «героя» моя фамилия?

В записках мне понравилось что тебе понравился Шагал. И ещё райское письмо и что у тебя теперь змей горыныч... живёшь — до всего доживёшь...

но мы выше этого или ДАЛЬШЕ

Зашла теща, спрашиваю ее как медроботника о термине «нервное перевозбуждение» (все поправки к переводу):

— Нервное перевозбуждение, да, конечно, это то, что у меня все время, с первого моего дня в Израиле...

Посмотрели «Секретаршу» Шейнберга, а потом втроем, с Жанной, пошли в «Одеон», угостили Жанну, у нее день рождения. Она рассказала о том, как пытается продать картины отца, и вообще разговор шел о стариках...

По русскому каналу Зайчик брал интервью у Гробмана. Занудство.

22.12.

From: «Kanievsky Arie»

Привет, Наум.

Да, с Шариком, хреново, он явно гребет не туда.

У него уже нет фигового листка Крокодилчика Фуада, а он продолжает генлинию.

Я снова утверждаю, что он не имел права подхватить кресло без переыборов Кнессета, он же и проторпедировал их. Теперь это так ясно — после грязного трюка с Ликудом. Это он рекрутировал 150 000 новобранцев чтоб скинуть Биби. Результаты праймериз, пересчитанные на изначальный Ликуд (без новобранцев) соответствуют результатам голосования в Центре (даже после трюков Омри). Теперь, по логике ве-

¹ Парафраз из стихотворения Н. Ваймана.

щей, должна начаться кампания «разочарования» Ликудом, сопровождаемая массовым выходом рекрутов накануне выборов.

Неплохо сработано, рука Шими и тут.

Левушка, привет!

Шарона я никогда не любил, он всегда был мафиозным. И нет смысла в каждом ликудовском дерьме видеть «руку Шими». Ликуд всегда был партией черни, покрытой тонкой корочкой подпольщиков-ашкеназов, и эта чернь стремилась только к тому чтобы потеснить белую кость, «ве ту ло¹». И в их «правизне» нет никакой идеологии, просто как чернь они всегда за «жесткие меры». Бегин думал, что оседлает марокканского тигра, а они за «правыми» идеологическими щитами хотели дорваться до власти. Вот и весь союз. Человеку нашей «формации» в Ликуде делать нечего. Но «куды христианину податься»...

И, конечно, они ненавидят Биби, а Шарон — свой. Даже Ганди был свой, пальмахник, обрати внимание, как они ласковы к нему после смерти, да и при жизни не особо травили, он каждый день торчал на экране. А Биби — чужак, и он настоящий правый, но то, что он не взял власть, когда можно было, это грубая ошибка (еще не понял как человек Запада, что такое власть в Израиле, стране восточной, продажной и не понимающей что такое дисциплина).

Всегда твой

Наум

23.12.2002.

Матвею:

На это раз, кажется, все. Гигантскую работу проделали, хорошо бы выпить по этому поводу. Впрочем, если книга выйдет, надеюсь, что мы это осуществим.

Всегда твой

Наум

Сообщи мне, как прошли переговоры. Прежде, чем брать следующую работу, если вообще, хорошо бы, чтобы они заплатили за предыдущую.

Наум, привет!

Докладываю, что мой визит в издательство прошел успешно — в том смысле, что они мне почему-то сразу выдали деньги (15 п.л. x 10 = 150\$), на что я даже не рассчитывал (имею в виду сроки и облегченную процедуру). От их следующего предложения (редактировать роман некого Шахира (если правильно запомнил фамилию) я отказался, но вежливо. Ввернул словечко о том, что будет еще предисловие Ваймана, это,

¹ И больше ничего (*ивр.*).

мол, согласовано с Ягломом. Никакой особой реакции на это не последовало, ни положительной, ни отрицательной, просто приняли к сведению. Такое ощущение, что они считают издание книги делом решенным, еще раз напомнили о моем согласии держать корректуру, когда она будет готова.

На обратном пути купил тебе в изд-ве «Наука-Восточная литература» том Бартольда о тюряках за 330 р. К сожалению, тот мой «агент» (с книжной ярмарки в «Олимпийском»), которому я заказал два экземпляра Моммзена, книги пока не достал: говорит, что это не так просто, потому что свободные экземпляры остались только в Питере (это ленинградское издание); тем не менее обещает достать через неделю-другую.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Ну что ж, я рад, что они оказались «аккуратными» в денежных вопросах, для меня это тоже важный признак серьезности их намерений (там по-прежнему какая-то загвоздка с правами, которую я сам до конца не понимаю). Да и сумма, надеюсь, делает «в общем и целом» все это «приключение», если уж не «стоящим», то хотя бы «не обидным». Ну, а раз уж ты отказался от работы ради предисловия, то можно к этой части и перейти. Или, может быть, ты хочешь «перевести дух»?

Всегда твой
Наум

24.12. От Л: а у меня в Женеве родилась внучатая племянница, в ванне, представляешь не успела скорая приехать, так она прямо в ванне, а они уже перерезали пуповину и отвезли в больницу. ма нишма каха?

Ну что, некоторые специально в бассейне рожают.

А я тут был занят бешеной работой по чистке перевода. Все, вчера Матвей отвез результат. Теперь надеюсь, что у него хватит духа обсуждать сам роман и заняться моим предисловием.

Вот, собственно, и все новости. Этим и живу. Прошелся еще раз «со щеткой» по «Смертельной улыбке» (ты говоришь, откуда твоя фамилия? там и имя твое появляется., так, музыка навеяла), нет, вроде ничего, есть «живое чувство», но надо бы «усилить», углубить немного. Потом думаю доделать Некрофила, а потом хочется заняться старой задумкой об убийстве нашего премьера-миротворца. И всякие статьи давно на очереди. Зе ма ше нишма¹. А нас тут готовят к неконвенциональному удару, опять запахло войной.

¹ Это то, что слышно (*ивр.*).

Матвей, привет!

Теперь, когда техническая работа позади, мне ужасно хочется поговорить о сути этого текста. Надо сказать, что даже последняя вычитка не только не вызвала к нему отвращения (ведь несчетное количество раз я его и так и эдак пожирал, жевал и дегустировал), а даже наоборот, я лишний раз убедился, что он почти безупречен. Интересно, как ты его видишь, ведь я в каком-то смысле (даже не практическом, а психологическом) необъективен, я, можно сказать, сжился и с текстом, и с его героем, сразу показавшимся таким удивительно близким... Мне даже трудно с ним расставаться. И еще ощущается какая-то «печальная любовь» к автору всего этого, который жил совсем рядом и чей образ остался «смутен» как тот «воздух, вырезанный по его контуру». Мне даже хочется провести какие-то розыски о его судьбе, узнать его поближе, и я намереваюсь это сделать, обратившись к вдове, когда все проблемы с правами будут разрешены.

Пожалуй, такого «подробного» романа об уходе из жизни я не знаю, такая элегия... Теперь, когда я прочитал о Хайдеггере, вижу в книге его следы, например, образ умерших как водорослей, и даже Хайдеггеров пафос тщательного и тщетного (на мой взгляд) обнаружения «присутствия». Кстати, о Хайдеггере, мне пришла, когда я читал его и удивлялся этой маниакальности в попытках обнаружить «существенность» нашего «присутствия», мысль о том, что этот «экзистенциальный путь» тупиковый, что человек — «чистая страница», «ничто», если угодно, и все, что он есть, это «письмена», то, что он сам на эту чистую страницу наносит, это его жизнь, и прежде всего социальная, а не экзистенциальная.

Впрочем, жду твоего заключения.

Всегда твой

Наум

От Л: Едем в Нью-Йорк с сыновьями, это уже у нас традиция.

А ты когда дедом будешь? Если «геройский» рассказ доделал, то присылай.

А где подопечный? Я теперь часто об этом вспоминаю.

Подопечного я основательно задвинул, может, и к лучшему.

Тут недавно в Окнах было многосерийное повествование некоего Еськова «Евангелие от Афрания», где залихватски описывается заговор римских спецслужб вокруг «дела Христа», в некоторых моментах автор перехватывает мои идеи. А меня еще с детства учили: все, что лежит на поверхности, то поверхностно, так что не жалко.

С наступающим тебя Новым годом. Целую.

Наум, привет!

А я и не знал, ради чего отказываюсь от работы; спасибо, что просветил. Раз уж так, высылай предисловие, если оно закончено. Что каса-

ется денег, то я знал, на что иду, и с самого начала не рассматривал этот «проект» как «коммерческий»; поэтому окончательная сумма, хотя и несоизмеримая с затраченными усилиями, оказалась даже выше, чем я предполагал, и обижаться мне не на что.

Купил несколько книжек в издательстве «Мосты культуры» (не устоял перед стоимостью без торговой наценки). Ниже перечислены эти, а также некоторые другие книги, из последних. ...

Забавен Вадим Степанцов. Неприличные столичные отличные уличные личные. Стихи, песни, поэмы. /«Человек я, бля, хуевый, бога я не уважаю, сру на все авторитеты, пидорасов не люблю, на базаре пижжу чурок, и евреев обижаю, и ебу бесплатно девок, хоть сперва им мзду сулю. /.../ И шеф-повар Макаревич, поваренок Шендерович и крупье, блядь, Якубович пусть напитков принесут, пусть жопелью на рояле гимн хуячит Ростропович: «Славься, сука, бля, Россия! Гряньте, бляди, бля, салют!» И из строя, бля, поэтов тушку вытолкнут скорее — вот он, наш Вадим Гандоныч, куртуазный маньерист! И обрадуется Путин, что не чурки и евреи написали гимн российский, а нормальный, бля фашист»/ М.: ЭКСМО, 2002 — 382 с. — 160.

Всегда твой,
Матвей

Наум, привет!

Ты задал мне два вопроса, причем разных. 1) мое впечатление от романа; 2) мое впечатление от Предисловия.

Надеюсь, ты не ждешь от меня дежурных оценок и «похвал». Уж если говорить, так «по гамбургскому счету» (на другое просто жалко времени). Отвечаю по пунктам.

1. Я тоже в какой-то мере «сжился» и «утратил объективность», но, конечно, в несравненно меньшей степени, чем ты. Роман «неплохой» (что уже неплохо по нынешним временам). Но и только (на мой взгляд). Конечно, это «серьезная литература», в каком-то смысле «бескомпромиссная» — по занудству и целеустремленности, с какими игнорируется «читательский интерес», и это мне симпатично. Как и владение трудным стилем «затяжной словесной вязи». Но, как мне кажется (если даже полностью принять условия авторской игры), в замысле есть серьезный просчет: роман «исповедален» по жанру, а «мера открытости» автора невелика — во всяком случае, недостаточна. Между автором и героем — зазор, и по мере чтения романа я неоднократно ловил себя на мысли, что от меня утаивают «самое интересное», что «самое главное-то» как раз и опущено. Под этим «главным» и «интересным» я как раз и имею в виду «зазор» между автором и героем. Я не говорю, что зазора не должно быть вообще, он неизбежен, но к разным жанрам разные и требования. Роман о «частной смерти» обязан быть исповедальным и «более откровенным». Шабтай «слишком хорошо устроился». Он взял такую

большую дистанцию между собой и героем, что получил возможность пользоваться интонацией «снисходительного свысока» (не говорю, что эта интонация доминирует, но она заметна). «Бедный Меир». Если вычленишь этот интонационный пласт, пласт «Бедного Меира», то при наличии некоторого воображения, можно прочитать этот роман как комикс. Или как фольклорную байку. Рассказ о приключениях «израильского Епиходова», по-русски таких людей называют «Тридцать три несчастья». О них и пословицы типа «Пошли дурака богу молиться...». И фольклорные ситуации, когда, встречая похоронную процессию, олух говорит: «Таскать вам не перетаскать». Четыре главы — это четыре круга комических (ладно, трагикомических) приключений: В круге первом: «Как Меир лечился от смерти голоданием». В круге втором: «Как Меир мать хоронил». В круге третьем: «Как Меир съездил за границу к проституткам в красных окнах». В круге четвертом: «Как Меир умер в постели с собственной врачихой преклонных лет». Роман дико монотонен в том смысле, что я сразу смекнул: за что бы этот недотепа ни взялся, все у него получится шиворот-навыворот. Через весь роман проходят два символа его «недотепистости»: *тот мужчина*, с которым изменила ему жена, и *та женщина* (Рая), с которой он не сумел толком изменить жене. Я, кстати, не против того, чтобы герой был недотепой (по супермену не скучаю); более того, я готов «отождествиться» с героем-недотепой, но автор мне этого сделать не дает, потому что сам «отождествляется» с ним лишь частично, «в льготном режиме» (злоупотребляя своим авторским положением): он отчуждает от себя и объективирует свою недотепистость, но не делится с героем своим интеллектом, своей эрудицией, своими достижениями, наконец. Вот что от нас утаили — самое интересное. Неужели автор тоже из книг читает только «Бермудский треугольник», а в сколько-нибудь «умственных вопросах» сдается без борьбы какому-нибудь Познеру (тоже не бог весть какому интеллектуалу)? У Юрия Олеши в дневниках есть запись о том, что Толстой совершил ошибку, сделав Левина помещиком. Если это человек, способный совершить самоубийство, то Толстой должен был сделать его писателем — то есть самим Толстым (чтобы читатель мог отождествиться для принесения себя в жертву). Олеша пишет: «Кто он? Помещик? Не верю». У меня такое чувство, что автор поступил с Меиром «не вполне порядочно», он его «упростил», в каком-то смысле «обокрал». Мне Меира жалко, слишком уж «бедным» его сделал автор, причем насильственно. И тем самым измельчил свой замысел.

2. Предисловие тоже «неплохое», но совершенно бессвязное. Самая главная претензия — в нем не анализируется роман. Ты ходишь вокруг него кругами, опасаясь приблизиться. Каждый из кругов по-своему интересен. Янкелевич? Давай Янкелевича. Толстой? Давай Толстого. Философствование о смерти? Давай и его. Но я ждал, когда ты выйдешь хотя бы от одной из этих внешних тем к самому роману — и не дождался. По-

этому почти все в Предисловии воспринимается как «интересное, но необязательное». Мне кажется, идти нужно было другим путем: от структуры романа — к тем «внешним» рассуждениям, которые с ней коррелируют. Ведь в романе есть своя «сотериология»: в нем можно выявить ряд «стратегий спасения», которые опробуются и отвергаются (в основном в разговорах с Познером). И у автора есть своя, вполне определенная точка зрения. Это явно не христианский подход (не дуализм), но и не ортодоксальный еврейский религиозный (автор — разочаровавшийся «вчерашний левый»); это вариант «светского бессмертия» на почве пространственно-временных трансформаций. То есть возможен такой подход к пространственно-временному континууму, когда все обратимо и трансформируемо. Поэтому в романе столько головокружительных «пространственно-временных экспериментов», когда герой воображает заполненные пространства полыми, одни встраиваются в другие наподобие матрешек, верх становится низом (Меир пристраивается на внутренней стороне земной оболочки и смотрит вниз на небо — разве это не круто?); в конечном итоге все эти пространственно-временные курбеты подготавливают нас к финальной неразличимости смерти-рождения: «Какой красивый мальчик». И именно эти пространственно-временные блуждания роднят замысел с жанром «мистерии» (каковой является и «Божественная комедия» Данте; не «случайно» ведь Меир ее цитирует!). Как же можно в Предисловии пройти мимо столь благодатного структурно-архетипического материала и дать вместо него ряд совершенно необязательных вещей? Кроме того, нужно бы дать читателю (мне, например) хотя бы минимальную справку о совершенно новом для него писателе, тем более что из одного из примечаний он узнает, что роман — часть дилогии (кажется; что-то там такое с «Итогом»).

То есть читатель не получает почти ничего из того, что ему нужно, и очень много ненужного и необязательного.

Надеюсь, ты не обидишься: сказал, что думаю. Повторяю: жалко времени на экивоки.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Да какие, к черту, обиды, наоборот. Я думаю, что недостатки предисловия ты отметил правильно. Другое дело, что они, возможно, из-за того, что мне сам роман недостаточно интересен. Действительно, великоват «зазор», хотя слишком близко к смерти вообще подойти трудно, а тут еще надо учесть, что автор писал этот роман, действительно умирая, и умер, почти дописав, а вдова с другом (своим или автора, или «общим другом», неясно) выбрали из нескольких вариантов окончания (он всегда готовил большое количество вариантов на каждый отрывок) тот, что напечатан. Однако с твоими впечатлениями я не совсем согла-

сен. Я, например, не заметил отмеченной тобою комической структуры (хотя она, как выясняется после твоего замечания, явно проглядывает), может, и по неумению «видеть структуры», но еще и потому, что в трагикомичности Меира элемент трагичности в моем восприятии неизмеримо превалирует. Дело в том, что у романа есть актуальная социально-историческая составляющая (в предисловии я это отметил). Если учесть, что в Израиле искусство как нигде политизировано, а автор — воспитанник киббуца, плоть от плоти социалистического сионизма, разочаровавшийся и в том и в другом, то не исключено, что под «маской» экзистенциального романа подается своего рода «роман о поколении», о сыновьях отцов-основателей, ставших декадентами, о вырождении боевого духа. То есть это не экзистенциальный роман о «частной смерти», а «социальный», об уходе из жизни даже не поколения, о определенном социуме с его «суммой идей», его стремительное, не по возрасту, угасание. И герой этот социум символизирует. Отсюда тот самый «зазор» между автором и героем, который ты отметил, и даже определенная «пустота» героя («пошли дурака Богу молиться»), и автор его не «упростил» или «обокрал», как ты пишешь, а он сам себя упростил и обокрал. Его «сумма идей» оказалась бедна. И это проступает, если взять оба его романа, «Итог» и «Эпилог», как диптих (а это он и есть). Первый роман, сделавший автора знаменитым и дружно обозначенный критикой как «портрет поколения», начинается с похорон и заканчивается самоубийством. В нашем романе вырождение уже произошло, раненый разочарованием декадент стал «бедным Меиром» и ушел в «экзистенцию». Из первого я перевел только страниц пятьдесят, и он чем-то меня сильно раздражал, вот этими длинными фразами с подробным описанием мелких подробностей жизни; в смысле писательского мастерства это очень искусная, ажурная работа, и я, читая, завидовал, понимая, что мне сие не дано, хотя потом я пришел к мысли, что мне это не интересно, скучно, нет, читать интересно, хотя иной раз томительно, но самому плести такие кружева — нет у меня терпения на такие подробности. И я этот первый роман бросил. Но я думаю, что мое раздражение — от обиды. От обиды на это «поколение», на эту публику, и оно сродни обиде «бедного Меира» на свое свое тело, неожиданно предавшее его. Если бы я увидел «Эпилог» как «приключения недотепы», он бы вряд ли меня заинтересовал. Вообще-то, Меир выглядит довольно обычным человеком, по сути — обывателем, но эта «тень великого поколения», которую он отбрасывает, делает его образ трагическим. А если так, то и обнаруженная тобой «структура» оказывается «бесполезной», то есть не в ней суть, или она предназначена для того чтобы подчеркнуть, что речь идет скорее о «человеческой комедии», чем о приключениях фольклорного недотепы.

Кстати, я вижу некую связь между твоей «критикой» этого романа (и его героя) и твоей критикой моей повести о «путешествии в

Москву». Там ты тоже нашел моего героя не только лишенным «героичности», но и даже «неприглядным», что вызвало и к самому тексту «отталкивающие чувства». Уж нет ли тут какой-то «внутренней потребности» в героизме, даже большей, чем у меня? Так кто у нас романтик?

И не вполне я согласен с твоим мнением, что «у автора есть своя, вполне определенная (сотериологическая) точка зрения», и что сводится она к «варианту «светского бессмертия» на почве пространственно-временных трансформаций». Мне трудно поверить в то, что столь ироничный и искушенный автор (а он мне кажется искушенным) всерьез «верит» в такую концепцию. На мой взгляд, тут речь вообще не о бессмертии в том или ином варианте (они и рассматриваются иронически), а именно в смерти. Это вера в смерть. И финальный удар «Какой красивый мальчик!» это трогательная (хоть плачь) банальность: все опять повторится сначала, как поется в известной песне «Я люблю тебя жизнь», гимн продолжению рода, если угодно, что может быть банальней, да и трогательней. И в этом смысле мой разбор разных философских подходов к смерти и «спасению» в предисловии видится мне излишним, просто — мимо кассы. Герой (как и автор) принципиально «не философы», и, возможно, это самая мудрая позиция, и она тебе, философу, конечно, не нравится. Автор и его герой просто обижены и растеряны — привкус, остающийся от жизни у столь многих. И именно этой растерянностью автор создает (для меня) такое поле сочувствия вокруг своего текста и своего героя. А нам, блин, сочувствие дается, как нам дается благодать.

Вот у Толстого этой «растерянности» не было, он твердо верил в то, что Шабтай дает как один из вариантов «веры»: «а Гавруш, зачерпнув рукой опавшие сосновые иглы, стал растирать их друг о друга и сказал, что люди, которые живут среди природы, а он познакомился с такими, когда жил два года в деревне в Голландии и рыбачил, знают с детства, что смерть — часть жизни, она заключена в ней, как вкус соли в морской воде, они видят это вокруг себя день за днем, у животных и растений и учатся понимать, что смерть — это не несчастный случай или какая-то неполадка, или что-то, противоречащее ходу жизни, и что их жизнь — тоже лишь мизерная частица того, что началось задолго до их прихода в мир и продлится до бесконечности после того, как они умрут и превратятся в часть той земли, которую теперь попирают...». И такой «исход» не вызывал у него обиды. Но Толстой — не еврей. Он часть земли, на которой возрос, и которая, вроде бы, никуда не денется. А еврей — часть идеи, того что умирает, растворяется, исчезает. Хотя некоторые из них зело живучи...

Всегда твой

Наум

25.12. С утра мне нацепили «хольтер»¹, после чего я поехал в «деревню». Пригласила в ее любимый китайский ресторан у бензоколонки по дороге на Рамле. Хорошо поели и поехали в гостиницу. Опять ебля с хольтером. Аппаратура на груди мешала, мне во всяком случае. Затяжной петтинг. Потом она в позе всадницы (все другие варианты были неудобны). Как всегда, это было волшебно, на этот раз она основательно раскопегарилась, стала вскрикивать, и я даже сорвался: «Выеби меня, выеби меня!»

Потом она, улегшись на мне, лукаво мяукала:

— А почему ты сказал «выеби меня»?

— А что?

— Тебе нравится, когда тебя ебут?

— В хорошем смысле.

— А чего, я люблю это слово, ты же знаешь. И мне очень нравится с тобой ебаться.

И мы еще проебались часов до шести и, как всегда, с трудом расцепились.

26.12. Посмотрел вчера «Героику» Анджея Мунка. Встретились с Бельским в его забегаловке «Аль а эш» на Хашмонаим, перекусили, там действительно неплохо: хороший кебаб и недорого, а потом — в кино. После фильма сели чай попить в кафе Синематеки: я горел желанием обсудить фильм — моя тема! Но подсел какой-то парнишка насчет игры, клуба и т.п., так что разговора не получилось. То есть я попробовал, когда парнишка отчалил, фильм меня воодушевил на череду рассуждений, но Ари не поддержал. Я был раздосадован. Вот странно: чем-то он мне глубоко симпатичен, хотя обсуждать с ним почти нечего, кроме, пожалуй политики. Во всем остальном — пропасть. И еще он хочет от меня какого-то литературного наставничества, а я сам в пионерах бегаю, да и нет у меня на все это ни времени, ни душевных сил. Вспоминаю Зиника, который 30 с лишнем лет назад отмахнулся от моих притязаний на литературную дружбу...

А «героика»... да, моя тема. И похоже, владела мной с детства. Конечно, нас воспитывали на героических примерах: революционеры, первооткрыватели, солдаты, но была у меня, как видно, и какая-то внутренняя предрасположенность к такой роли, я уже в раннем возрасте примеривал ее на себя. Мама рассказывала (сам не помню), что когда меня спрашивали (в возрасте пяти-шести лет), кем ты хочешь быть, я неизменно отвечал: «Вождем». Может, и стремление — с отрочества! — «стать писателем» из того же корня? Стать властителем дум. Как у Юнга: «Я не то, что со мной случилось, а то, чем я решил стать». Но моя любовь к героизму столкнулась с любовью к самому себе, и, как говорил

¹ Аппарат для круглосуточного измерения кардиограммы.

друг-поэт Вадик Шуляковский (что-то в нем было польское, шляхетское), когда мы обсуждали невозможность далее терпеть советское рабство: «Так ведь мясо будут рвать, жалко молодое тело!» Распевали Галича: «И все так же, не проще,/Век наш пробует нас —/Можешь выйти на площадь,/Смеешь выйти на площадь...». И польское кино восхищало заточенностью на борьбу. «Пепел и алмаз», Збигнев Цибульский — звучало романтической музыкой, мы хмелели от культа жертвенности. И уже являлись герои — вышли же восемь на Красную площадь с протестом против вторжения в Чехословакию!

Но мне кажется, что зря ревнители мифов о героическом освобождении ругали Мунка: мол, насмешка над героизмом, над польской верой. Его фильм именно о том, что люди свыкаются с неволей, приспособляются, и уже хотят освободиться от этой безумной легенды о безнадежной борьбе, но кто-то, не смиряясь, продолжает рассказывать историю героического деяния, да, ложную, но во спасение, во имя жизни! Ведь и мифы — иллюзия, но они поддерживают огонь веры. А вера — мотор жизни.

Наум, привет!

К «дискуссиям» на литературоведческом поле я вкуса не имею: утратил его в какой-то момент раз и навсегда. Поэтому ограничусь очень краткими уточнениями. Согласен, что я прежде всего «вижу структуры», но не считаю это недостатком. Это единственная печка, от которой стоит плясать; все прочее — вкусовщина. А твоя «социологическая» трактовка, если верна, выводит текст из сферы художественности, делая его и вовсе неинтересным (для меня). Другое дело, что выявление структуры еще ничего не говорит о том, хорошая перед нами книга или плохая. Я вижу в романе, грубо говоря, три «пласта»: «обыденный», «фольклорный» и «мистериальный». Никогда не говорил, что автор «хохочет» над героем; тут важно другое: «зазор» так велик, что «взгляд свысока» открывает поле для фольклорного «осмеяния» (пусть приглушенного, «под сурдинку»), которое, конечно, не исключает «сочувствия»; ведь Меир — это, по сути, тот же автор, но «объективированный», усредненный, лишенный тонкости и интеллекта. Ты сам где-то пишешь, что до идеи жертвы Меир не допер; но по моей терминологии это и означает, что индивид в нем даже еще не начал «переплавляться в личность». Поэтому я считаю употребление слова «трагический» применительно к Меиру совершенно неуместным. Конечно, можно употреблять слова нетерминологично. Когда в новостях сообщают о человеке, на голову которого упал кирпич, говорят о «трагическом случае». Но литературоведческий текст — это то место (одно из немногих оставшихся), где слово 'трагическое' не должно девальвироваться. Недостаток «личности» в герое — расплата за авторское «высокомерие», источник которого в неготовности Шабтая «вывернуться наизнанку», как это делает, напри-

мер, Вайман в своем тексте, далеко не столь «совершенном», но зато вызывающем гораздо большее «доверие». Меня раздражает не растерянность, не вижу в ней ничего плохого, (более того, по моему представлению, истинный герой трагедии, то есть наиболее принципиальный «субъект отождествления», — это «растерянный человек», как царь Эдип или Гамлет, а «героический человек» типа Дон-Кихота или Лаэрта героем трагедии стать не может), а недостаточная «отождествленность» с героем и монотонная угадываемость всех, с позволения сказать, «сюжетных ходов». Мистериальный же пласт — скитания души в неземных пространствах (по типу «Хождения Богородицы по мукам» или той же «Божественной комедии») — «наслаивается» на фольклорный (который и сам ранее «наслоился» на обыденный). Почему я должен выбирать или/или и тем самым структурно обеднять и без того не слишком богатый текст? Думаю, что как раз выявление структур могло бы показать некую ценную «особинку» этого текста, который при буквальном прочтении (без гида — автора предисловия) очень сильно проиграет. Что касается «сотериологических убеждений» самого Шабтая, то я и не настаиваю, что это он «всерьез», а «не от растерянности»; скорее всего даже такая стратегия строится «по остаточному принципу»: отвергается все то, во что «современный образованный человек» ну уж никак поверить не может, и остается наполовину мистический, наполовину научно-образный вариант «светской научной мистики». Во всяком случае, композиционный ход (надо признать, очень сильный) со смертью/рождением («Какой красивый мальчик») — это ход авторский и завершающий, и от этого никуда не денешься (мало ли что там могло быть в черновиках, перед нами другого текста нет). Конечно, Шабтай не Толстой: «природный» вариант спасения дан как «Гаврушевский», симпатичный герою, но внутренне ему глубоко чуждый, и мы чувствуем, что Гавруш — герой не его (Шабтая) романа. С другой стороны, излишне «сциентистский» взгляд Познера тоже не вполне авторский (который «располагается где-то посередине»). Так что «два Вергилия», которые пытаются вести Меира по мистериальному пространству «блужданий души» — это тоже своего рода структура, которую имело бы смысл выявить. Я глубоко убежден, что танцевать надо — еще раз повторюсь — именно от этой, структурно-типологической, печки. И как автор предисловия ты выступаешь не в качестве «частного человека», а в каком-то смысле тоже «Вергилием», и эта функция кое к чему обязывает.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Я тоже не вижу недостатка в том, чтобы начинать, как от печки, с анализа «структур». Даже наоборот. И твое умение «видеть» эти структуры как фигуры на поле цветных шариков при тестах на различение

цветов, меня восхищает. «Другое дело, что выявление структуры еще ничего не говорит о том, хорошая перед нами книга или плохая». А мне как раз и хотелось всегда понять «хорошая перед нами книга или плохая», не почувствовать на уровне вкуса, а понять. Задача явно философская, но серьезная философия, особенно «современная», оставляет (на манер автора этого романа) такой «зазор» между своими теоретическими послылками и практическим их «применением», что превращает саму себя в такое же «академическое» занятие, как и литературоведение. Если ты, увидев орлиным философским оком все структурные уровни произведения, не можешь решить, плохая книга или хорошая, то грош цена этому «видению» (на что орлу его зрение, если оно не кормит). А качество текста зависит не от архетипической глубины «структур», а от умения автора взять читателя за руку и повести на прогулку со своим героем (где-то незримо пристроившись между ними третьим). И даже если зазор между автором и героем велик, между героем и читателем его быть не должно — это гарантия увлеченности текстом.

Что касается обсуждения книги, то эту тему мы, боюсь, исчерпали. Единственное, что я бы еще сделал, с сугубо практической точки зрения, это попросил бы у тебя разрешения напечатать эти наши несколько писем как приложение к предисловию, или как послесловие, если угодно. Мне кажется, что это послужит для читателя интересным и важным дополнительным путеводителем по роману. Если, конечно, и ты так считаешь.

Ты в свое время обратился к сотериологии (философии, попросту говоря) как к методу решения «эстетических» вопросов. Справедливо определив направление поисков: не в «красоте» дело, а в снятии индивидуации. Но каждый раз, когда мы сталкивались на оценках конкретных произведений, спор частенько заводил нас в тупик «вкусовщины», то есть твой метод не позволял однозначно определить качество произведения, требуя, видимо, философского рассмотрения самой «вкусовщины». Ведь читатель, как мне кажется, находится в не менее сложных взаимоотношениях с произведением, чем сам автор. С той только незначительной разницей, что автор «известен», индивидуален и определим, а «читатель» многолик и «структурно неисчерпаем». Но я даже не об этом. Вот в связи с книгой у меня возник к тебе другой, вполне провокационный вопрос: вот ты строишь свою Сотериологию, грубо говоря, теорию Спасения. Вот что ты можешь сказать «простому человеку», тому же «бедному Меиру» по, так сказать, «основному вопросу». Вот человек «в растерянности» — научи, спаси! Вот Маймонид же написал «Путеводитель растерянных». Не пора ли спуститься с академического Олимпа и стать простым «учителем жизни», проверить, так сказать, на практике свои изыскания? Вот Шабтай перебрал все варианты «спасения», известные «современному человеку» (остановившись на «мистериальном»), но все они выглядят, как «типичное не то». У меня, во вся-

ком случае, осталось ощущение растерянности. Конечно, могут сказать, что «вот и хорошо», как сказал Хайдеггер: «В какой мере задача философии заключается в освобождении от страха? Или, напротив, ее задача состоит в том, чтобы как раз радикальным образом предоставить человека страху?». Кстати о Хайдеггере. В этом (приведенная цитата) и состоит на мой взгляд суть его философии: «присутствие» начинается со страха (и тут мы согласны, не так ли?), поэтому давайте (это обращение к «современному» самодовольному человеку) вернемся к страху, давайте как следует испугаемся, и от этой печки начнем вытанцовывать, лепить нашу, извините за выражение, экзистенцию.

Всегда твой
Наум

От Ани Килимник:
Наум, здравствуй!

Мои наилучшие новогодние пожелания тебе, твоему семейству, Володе Тарасову и его близким. Пытаюсь «возвратиться в строй». Работа над альманахом возобновляется, поэтому если хочешь поместить какой-нибудь диалог с Тарасовым, можешь присылать материал. «Краткие биографические сведения» о Володе нужны непременно — и т.к. о «другом» говорить легче, можешь написать о нем сам. Впрочем, можно и «утопить» эти сведения в диалоге. Коли не рождается — пусть Володя ограничится биографической справкой.

Саша едет в Израиль на практику с 3.01. по 3.02.2003 и может захватить для тебя Альманах №1, кассету и т.д., если в это время будешь в пределах досягаемости.

Всего самого хорошего. Аня

Аня, привет!

Я рад, что ты уже «возвращаешься в строй» и даже «подаешь голос». Спасибо за поздравления, я тоже поздравляю тебя и всех твоих близких с наступающим Новым годом, желаю здоровья и творческих удач. Тарасову все передам. Я записал с ним интервью, но пока не удосужился «распечатать», но если это актуально, попытаюсь сделать, не откладывая, тем более что завершил на днях срочную работу по редакции (коррекции) своего перевода романа одного израильского писателя (кажется, я писал об этом), книгу издает издательство «Гешарим» (Мосты культуры).

Саша пусть обязательно мне позвонит (мой домашний телефон ..., и мобильный ...), я буду рад с ней увидеться, и это будет нетрудно сделать. Привет ей.

Всегда твой
Наум

(А кто-то мне обещал подробное письмо о житье-бытье.)

Позвонил Тарасову, передал новости от Ани. А он как раз пишет продолжение «Анечки». А я, говорю, взялся наш «разговор» распечатывать. Он спросил, как прошел вечер. Я рассказал. Стал расспрашивать про Дениса Соловьева. Когда я описал впечатление, он сказал: «Да, это он. Жалко, что я не пришел». «Зря, конечно», сказал я. «Надо было — продолжил он, — прийти и убить его. Это же тот гад, который Анечку погубил».

От Л: и тебя с наступающим!

у нас тут такое светопреставление вчера было...

по дороге в Н-Й шёл ливень а там уже перерос в снег и при этом громы и молнии!

мы такого никогда не видели, ай да крисмас! завораживает... вообще метель метёт, всё белое и под городскими фонарями сверкают падающие хлопья и вдруг всё это великолепие пронизывает молния в сопровождении грома... соф а олам¹ получается...

А у меня старший с женой тоже сейчас в Нью-Йорке, сегодня звонил, про снег рассказывал.

А ты уже дома?

27.12.

Наум, привет!

На практический вопрос — согласен ли я «поучаствовать» в предисловии — отвечу: «Скорее нет, чем да». Это вопрос не «принципиальный», а «ситуативный». Я думаю, что жанр «переписки» слишком громоздкий и претенциозный для предисловия (это было бы более уместно в ситуации «обсуждения», в жанре «рецензии»), тем более учитывая сравнительно небольшой объем романа и его в общем-то «непретенциозность». Для меня это становится особенно очевидным, когда я представляю себе вид (довольно скромный) той гешаримовской серии («Литература Израиля»), в которой, по-видимому, выйдет (если выйдет) эта книжка. Мы можем поступить гораздо проще: если какие-нибудь из моих «структурных разработок» могут тебе пригодиться, то я готов тебе их «подарить», тем более что не вижу ситуации, при которой сам бы имел случай ими воспользоваться.

На теоретические вопросы, как ты понимаешь, ответить капельку труднее. Не пора ли спуститься с Олимпа и стать «учителем жизни»? Не пора (мне, во всяком случае). И никогда не настанет такая пора (для меня). Мысль о примеривании на себя роли гуру вызывает у меня чувство глубокого отвращения. Я, видишь ли, «занимаюсь наукой» (льщу себя

¹ Конец света (*ивр.*).

такой мыслью), то есть не «частными случаями», а типологией. Я изучаю, а не учу, описываю, а не предписываю. И эта роль меня вполне устраивает. Я действительно обратился к сотериологии (философии) «как методу решения эстетических вопросов». Но вопрос о конкретной оценке того или другого произведения — это не эстетический вопрос. Здесь решает не теория, а вкус. Оценку выносит не эстетик, а критик. Другое дело, что умный критик воспользуется эстетическими работками, но и это не гарантирует «правильного суждения вкуса» (и критик-профан может «оценить» более адекватно; ну и что?) А «просто человеку» мне сказать совершенно нечего («Мне нечего сказать ни греку, ни варягу»), потому что я не обладаю перед ним никакими преимуществами. Я могу сказать бедному Меиру «о жизни» ровно столько же, сколько он может сказать мне. Я лучше его разбираюсь в «структурах спасения», но это так же мало помогает мне «спасаться самому», как Меиру то, что он лучше меня разбирается в проектировании молодежных комплексов. Кроме того, я не имею никакого вкуса к «философскому рассмотрению самой “вкусовщины”»; думаю, это область не философии, а «социологии вкуса». Философа могут во всем этом заинтересовать две вещи: уровень индивидуации и обновление эстетических структур в связи с его ростом. А конкретный «расклад» (по «классам», «психологическим типам» и мало ли чему еще) дает результаты, интересные не для философии, а для социологии, психологии и т.д. Я понимаю, что «не удовлетворил», «ушел в кусты» и «засунул голову под крыло». Что делать? Чем богаты, тем и рады...

Хайдеггер — это особая тема, о которой трудно говорить походя.

Получил «из кругов, близких к Азе Алибековне (вдове Лосева)», «еще горячую» книжку — двухтомник художественных произведений Лосева, а также его дневников, автобиографических записей и писем, каковую тебе и предлагаю.

Алексей Лосев. «Я сослан в XX век...»: В 2-х томах. М.: Время, 2002.

Том 1. Рассказы и повести: 'Мне было 19 лет'; 'Театрал'; 'Переписка в комнате'; 'Трио Чайковского'; 'Завещание о любви'; 'Седьмая симфония'; 'Метеор'; 'Встреча'; 'Из разговоров на Беломорстрое'; 'Вранье сильнее смерти'; 'Епишка'; 'Жизнь'.

Том 2. Женщина-мыслитель. Роман. Приложение к роману. Дневники и письма. Стихотворения 1942 — 1943 годов. Воспоминания и беседы: 'Из воспоминаний'; 'Беседы с В.В.Бибихиным'; 'Невесомость'; 'Сокровище мыслящих'; Беседы с Чаликовым: 'Как же научиться думать?'; 'И думать и делать'; 'Что такое чудо?'

Если сравнить с предыдущей книгой (А.Ф.Лосев. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. СПб., 1993), то те произведения, которые в нее вошли, выделены у меня подчеркиванием по первому тому. Все остальное если и было ранее напечатано, то в труднодоступных журналах (если не счи-

тать изданной Леной книжки «Мне было 19 лет»). Что же касается 2-го тома, то в нем впервые полностью (сокращенный вариант появился в журнале «Москва», №№ 4–7 за 1993 год) опубликован роман «Женщина-мыслитель» (1933), представляющий собой, кроме всего прочего, довольно грубый пасквиль на пианистку Марию Юдину. Не предназначая роман к печати, Лосев, тем не менее, дал почитать его Юдиной. /Интересно, на что он рассчитывал?/ Юдина пришла к Лосеву объяснить и, не застав его дома, высказала все свои претензии его жене. К публикации приложены письма Лосева к Юдиной с попытками оправдаться. Юдина на них не ответила и никогда после этого с Лосевым не общалась. Более того, в ее архиве не нашлось ни одного упоминания о нем, хотя одно время они были очень дружны. На мой взгляд, это самое интересное прозаическое сочинение Лосева.

Цена обоих томов 350 р. Это без торговой наценки. В магазинах дороже.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Ты прав. А я не прав. И мне даже несколько неловко, что я попытался ради публичности тебя спровоцировать и «вытащить улитку на свет божий». Так что, как ни странно, ты как раз «удовлетворил» меня своим ответом. Дело в том (хочу оправдаться), что я жажду «вытащить на свет божий» твои, так сказать, интеллектуальные достижения (ты же знаешь, что во мне сидит культуртрегер, «учитель»), но никак пока не найду «адекватной формы», вот и неловко тащу на свет тебя вместо твоих открытий. А ты очень аккуратно и справедливо «ставишь меня (и себя) на место».

Что касается предисловия, то я еще и до твоего письма понял, что предложенный мною вариант не годится. Мое последнее письмо смутило меня самого какими-то «фальшивыми» нотками, которые появляются, когда в «интимную беседу» вдруг вторгается микрофон. Попробую сварганить некий «синтетический» вариант: использовать твои идеи, под твоим именем, разумеется, но не в виде писем, а как цитаты. Если тебе интересно будет взглянуть на переделанное предисловие, то по завершении работы pošлю тебе.

Вчера по российскому каналу РТР в передаче «Школа злословия» была встреча с Прохановым. Сначала я смотрел с любопытством: все-таки ни разу не видел его «живьем», но, увы, быстро потерял интерес. Все это носило какой-то «несерьезный» характер, все испытывали неловкость и спасались от нее всяческими балаганными ужимками. В конце концов это превратилось в балаган не только совершенно безвкусный, но и бессмысленный. Кстати, по некоторым зачитанным отрывкам

из «Гексогена» очевидно, что он как-то вызывающе бездарен. Видимо, настолько вызывающе, что этот «вызов» воспринимается «интеллектуалами» как «особый прием», разумеется, «постмодернистский». Только этим можно объяснить позор публикации и мерзость прославления (премия). Татьяна Толстая, вся извивающаяся от манерности, этакая играющая косой и закатывающая глаза пятидесятилетняя девица (я не такая, я жду трамвая), была как-то особенно отвратительна.

А вот о Хайдеггере я бы с удовольствием поговорил (не для микрофона), и даже не походя. Просто я «походя» хотел тебя «зацепить»...

Лосева возьми.

Всегда твой

Наум

Наум, привет!

Конечно, мне интересно будет прочесть предисловие (Шабтай мне теперь не чужой), но в его «показе мне» нет никакой обязаловки. Что касается формы подачи «моих идей», то они могут быть самыми разными, в том числе и без ссылок и цитат. У меня на этот счет никаких амбиций нет. Впрочем, думаю, у тебя самого в процессе писания установится понимание, как это лучше сделать.

Выпуск «Школы злословия» с Прохановым не новый, премьера была больше месяца назад. Совершенно согласен с тобой в его оценке. Проханов формально прав, когда говорит «либералам»: «Мы к вам не навязывались, вы сами нас к себе позвали». Хотя по существу все было иначе: в лучшие времена «патриоты» стремились «сесть за один стол», а «либералы» от этого брезгливо уклонялись. Сейчас ситуация изменилась радикально. Усевшись за один стол, эти «как бы либералы» (Толстая еще не худшая их представительница, хотя достаточно мерзкая) все же чувствуют, по-видимому, уколы нечистой совести; может быть, поэтому все время извиваются «и хохочут, и хохочут, будто кто-то их щекочет». На этом фоне даже Проханов выглядит «более достойно» (как ни странно звучат эти слова применительно к такой гнуси). Разве так нужно разговаривать с подобной публикой? Вчера видел по «Культуре» программу Виктора Ерофеева «Апокриф»; на сцене в качестве «спецприглашенной» сидела Новодворская, а в зале Проханов. Валерия Ильинична сказала Ерофееву, что он обязан был ее предупредить, что считает возможным приглашать к себе на передачу таких пошлых нацистов, как Проханов. Если бы знала, не пришла бы. Встретив такой прием, Проханов тут же сник и вскоре «демонстративно» ушел. У Новодворской репутация городской сумасшедшей, но почему-то только она судит здраво, а те, кто считают себя «нормальными», в ударном порядке теряют человеческий облик. /Недавно под маркой «борьбы с экстремизмом» милиция совершила налет на прохановскую контору (редакция газеты «Завтра») и кон-

фисковала в ихнем книжном киоске экземпляры книги «Майн Кампф». Проханов выскочил к журналистам и сказал, что если подобные действия властей будут продолжаться, то демографическая катастрофа «достигнет апогея» и русских людей на земле вообще не останется. Из чего я заключил, что близость книги «Майн Кампф» побуждает русского человека энергично размножаться. Интересный зоомедицинский факт/.

Лосева я тебе куплю, Дневник пионерки и Степанцова уже купил. /Слышал его песню «Пионервожатая»? «Пьяная-помятая пионервожатая, с кем гуляешь ты теперь, шлюха конопатая?» Душевная песня, очень сближает/.

Предлагаю еще один хит сезона:

А. Солженицын. 200 лет вместе. Часть II. М.: Русский путь, 2002 — 550 с. — 260.

Всегда твой,
Матвей

Ответ: Мимо Солженицына не пройдешь. Придется этот «русский путь» прошагать до конца, так сказать, по долгу службы. И ведь надо же, добил все-таки второй том! Видать «жжот» тема!

Звонил Бараш. Сказал, что завтра передача с ним по второму каналу («Криа ришона¹»).

Марик пригласил в гости. Посидели вчетвером, поели, поиграли в шахматы. Он выдвинул свою кандидатуру в директоры филармонии.

Sat, 28 Dec 2002 00:26:12
Спокойной ночи, любимый.

28.12.

Матвей, привет!

Хочу послать тебе свой рассказ «Юдофил» (давно грозился). Мне вообще-то, кроме твоего «общего мнения», интересно и твое мнение в более узком и практическом аспекте: подойдет ли такой рассказ (в смысле качества и темы) для нынешнего «журнального поля» в Москве? Я понимаю, что вопрос не совсем по адресу, лучше было бы обратиться к Костырко, но на мое предыдущее письмо (с заметкой о Гольдштейне) он не ответил, и я как-то в этом смысле в растерянности... Уточню, пожалуй, вопрос: стоит ли посылать этот рассказ Костырке?

Всегда твой
Наум

¹ «Первое чтение» (ивр.) телепередача о новых книгах.

Рассказ, конечно, присылай, но учти, что в практическом отношении от меня толку мало

Best regards,
Ruvín

Посмотрел «Первое чтение» с Авирамой Голан, о тутошной русскоязычной литературе. Первую часть посвятили альманаху «Бат шнот альпаим»¹, где мы с Исаковой, но интервью взяли у Исаковой, не у меня... Обидно. Исакова требовала государственной поддержки. Потом пошло интервью с Некодом. У него хороший иврит, как и у Даны. Доложил, что пишет одновременно два романа, на иврите и по-русски. Снимали в студии, около его картины, очень вышло благообразно. И на закуску — поэзия. Бараш читал в своем саду переводы на иврит. На иврите читает плохо, волнуется-запинается, вместо «митъанъеним» (интересуются), говорил «меанъеним» (интересные). Разговор на разных языках. Голан клонит в сторону социологии (куда, мол, отнести русскоязычных израильских, «куда ставить-то!»), а Бараш — о своей роли в культуре. Говорил о «средиземноморской ноте», о том, что для того, чтобы прозвучать «здесь», надо прозвучать «там». В конце Голан спросила: «Думаешь ли когда-нибудь писать на иврите?» Бараш сказал: «Нет». «Почему?» — удивилась израильтянка. «Не испытываю потребности», был ответ. Как завершающая нота, прозвучало грутально.

Потом мы созвонились. Я передал свои впечатления. Он рассказал, что эти семь минут смонтировали из полуторачасовой беседы, и это то, что «они» хотели подчеркнуть. Но все равно он доволен: успел высказаться, и ни у кого ничего не просил (как Исакова). Я догадался, что надо и что-то приятное сказать. Поздравил и пожелал.

Решил написать заметку о прозе Бараша. Тогда можно подать вместе с заметкой о Гольдштейне. Накатал полстранички.

НЕЖНАЯ ПАМЯТЬ

«Асфальтовый двор — еще теплый и в листве, ранняя осень. Брат с приятелями-третьеклассниками поджигает спиртовые таблетки — и воздух над ними искривляется в змеином танце, сияет ясным разрывом в прозрачной ткани мира».

Нежная память. Мне по душе мотив этой прозы. По сердцу ее прозрачность, трепетность, ее легкое струение, похожее на змеиный танец подогретого воздуха. Прогулки с самим собой по переулкам московского детства, спускаясь в темные чуланы памяти с волшебным фонариком, зорко выхватывающим из небытия точные приметы исчезнувшей эпо-

¹ Дочь двухтысячелетняя (ивр.).

хи. «Как много, представьте себе, доброты...» — вдруг оживший мотив Окуджавы напомнит о том, что когда-то здесь жили «наивность», «лиричность» и «доброта». Воздух надежд не отравлен жалким цинизмом «опытности», мудрость не отравлена «умудренностью», не переперчена горечью. Лишь изыски наблюдательности с приправой иронии. Проза дышит младенческой правотой. Светом и чистотой напомнила мне «Охранную грамоту» Пастернака. Только текст «Грамоты» живописней, проработанней, в нем властность, вовлеченность. Футуристическая школа метафорической яркости и революционной непрерываемости. В «Счастливом детстве» мне не хватает яркости, остроты, глубины. Но судить за это автора не могу, у него другое: скорее импрессионистические акварельные наброски, чем живописные этюды. Он мягче и отстраненней. Да, от собственной жизни. Ноты меланхолии, даже недоумения. Невозможность какой бы то ни было назидательности, убежденности. Физиологическая невозможность восторга. Школа постмодерна и краха эры безоглядных энтузиазмов.

Умная и тонкая проза. В сочетании с прозой Гольдштейна под одной и той же обложкой делает десятый выпуск «Зеркала» явлением в литературной жизни на русском языке.

Саша Соколов неожиданно позвонил. Из Эйлата. Приехал на очередные полгода. Говорит, целый дом снял, с бассейном. Приглашал остановиться. Несколько месяцев они болтались по Европе: Англия, Португалия, Испания, Италия. Все парходами, парходами, устали. Теперь будут отлеживаться. Марлин уже не гребет. Очень по-дружески поговорили. Жена говорит «он теплый».

29.12.

Дорогой Менахем!

Посылаю Вам «предисловие» к переводу, а также справки об авторе и переводчике, могут пригодиться для аннотации.

Основной «корпус» перевода, уже отредактированный, отправлен в московское отделение издательства. Просьба передать в издательство и эти добавки.

Если Вам нужен основной корпус, то я перешлю.

На этом я считаю свою работу по подготовке книги к изданию завершенной.

Сообщите, пожалуйста, не требуется ли еще что-то, а так же интересно знать, как обстоят дела с «правами», и дан ли «зеленый свет» на издание, то есть выйдет ли книга, как было запланировано, в марте 2003-го.

С уважением
Наум Вайман

Наум, привет!

Рассказ мне понравился, но, так сказать, «условно». Слишком, скажем так, «ожидаемый». Хотя и «про чудика». Такой «ожидаемый чудик». Всё хотя и «индивидуализировано», но «литературно», без «творческого риска». Тем не менее, считаю его вполне добротным; сказал бы даже «публикабельным в российской периодике», если бы что-нибудь в этом понимал (боюсь, что на нынешнем фоне может отпугнуть как раз «излишняя традиционность», хотя «лично я» ничего против нее не имею). Забавно, что идеи о евреях как «становом хребте», который на каком-то этапе (после февральской революции) спас Россию от распада, есть у антисемита Кожина (то есть тут просматривается некая диалектика: юдофобские идеи как естественное продолжение идей юдофильских, и/или наоборот, и «тонкую грань» между ними выявить порой очень трудно; жалко, что этого мотива нет в рассказе, хотя я понимаю, что его введение только повысило бы «сконструированность» текста). Если интересно, могу процитировать соответствующие места у Кожина.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Вот и редкий случай, когда наши мнения о художественном произведении совпадают... Чудачества генерала рассказ не спасают, в лучшем случае его можно считать «добротным». Но «добротный» рассказ на такую тему — это плохой рассказ. Попробую «довести», но боюсь, что легче другой написать.

Спасибо, что прочитал, и за поправки — особо. Не мешало бы мне почаще заглядывать в словари...

Кстати, вчера позвонил Саша Соколов, он в Эйлате, несколько месяцев мотался по Европе и вновь на полгода бросил якорь в нашем южном порту. И это накануне войны (на днях в Эйлате ожидается серьезный американский «десант»), что странно, учитывая его особую «чувствительность» к разным беспокойным местам... А поскольку гребля теперь уже не стоит на повестке дня, то это можно объяснить только особо благоприятной для него «атмосферой» в нашей стране, что он, собственно и не скрывает, утверждая, что нигде он не чувствует себя так легко. Вот тебе еще один «юдофил».

А цитаты из Кожина пришли, если не лень, это интересно.

В «Новом журнале» кажется (в «Журнальном зале» в Сети) прочитал письма Флоренского за 1903 год. Ничего особо любопытного, но там есть его стихотворение «На перепутье», настолько плохое, что это даже интересно.

Мы стоим на перепутьи
и дрожим от тьмы
И в мистическом предчувствии
ждем рассвета мы.
Все мы, путники, томимся
и восхода солнца ждем;
Теней мрачных мы страшимся,
бледно светит небосклон.

Всегда твой
Наум

30.12.

Наум, привет!

Как раз собрался перебросить твой рассказ Костырке, но получил почту и засомневался. А дело было так. Сегодня, как раз после того, как я прочел твой рассказ, позвонил мне Костырко, переполненный впечатлениями от нового романа Гюнтера Грасса (которого я не читал; называется, кажется, «Путь краба»). Поскольку там идет речь о возможной переоценке отношения к немецкому нацизму, Костырко мне сказал, что хотел бы написать письмо Науму Вайману, чтобы узнать, как реагируют на эти литературные события в Израиле. Ну, я и сказал (к слову пришлось), что Наум, мол, на тебя обижается: на письма не отвечает. Он стал оправдываться, что, мол, собирался, да текучка заела. Никаких «подводных течений» в его отношении к тебе я не ощутил (тем более что Костырко еще один юдофил), ну я и ввернул к слову про рассказ, и он мне говорит, причем так настойчиво, без тени колебания: «Присылай мне рассказ по Емеле, а я Науму отвечу письмом». Поскольку ты в любом случае собирался переслать ему рассказ, я решил взять на себя смелость сделать это самому, но теперь, по прочтении твоего письма, подумал: может, ты еще хочешь над ним поработать? Впрочем, поскольку у нас с Костыркою есть о том «принципиальная договоренность», вопрос времени остро не стоит. Так что жду твоих дальнейших указаний.

Что касается виршей Флоренского, то они написаны в подражание жутко модному в то время произведению Мережковского «Смерть. (Петербургская поэма)» (1890 — 1891). Мотив стояния на перепутьи в ожидании рассвета оказался очень продуктивным для раннесимволистского «поэтического дискурса». Мережковский как поэт несравненно талантливее Флоренского, хотя как мыслитель не идет с ним ни в какое сравнение. Прочитую самые знаменитые строки из Мережковского, тем более что сейчас их мало кто помнит.

Мы бесконечно одиноки,
Богов покинутых жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вещие певцы,
Еще неведомые миру!
И отдадим мы нашу лиру
Тебе, божественный поэт...
На глас твой первые ответим,
Улыбкой первой твой рассвет,
О, Солнце будущего, встретим,
И в блеске утреннем твоём,
Тебя приветствуя, умрем!
*«Salutant, Caesar Imperator,
Te morituri»*. Весь наш род,
Как на арене гладиатор,
Пред новым веком смерти ждет.
Мы гибнем жертвой искупленья,
Придут иные поколенья.
Но в оный день, пред их судом,
Да не падут на нас проклятья:
Вы только вспомните о том,
Как много мы страдали, братья!
Грядущей веры новый свет,
Тебе от гибнущих привет!

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Спасибо, что взял на себя дружескую инициативу наладить связь с Костырко. Может быть, не стоило говорить, что я «обиделся», но это детали. Рассказ пошли, но новый вариант, который я тебе посылаю. Переделки незначительные, по мелочи, ну и ошибки вопиющие исправил. Пока Костырко не ответит, никому предлагать не буду.

А Мережковский просто был хороший поэт, но его «сгубила» все та же «идейность», да и идеи-то были не простые, а настоящая самопридуманная религия. Впрочем, весь Серебряный век страдал такими придумками, вот и твой подопечный Вячеслав Иванов туда же.

Всегда твой
Наум

Kozh
Наум, привет!

Сперва Кожин выводит «общий закон» (очень похожий на пропагандируемую Шафаревичем теорию «малых народов»): «в период вели-

ких смут для любой страны характерен приход к власти “чужаков”. Вот еще одна формулировка: «Как убеждает изучение истории, в периоды “смуты” закономерно или даже неизбежно появление на политической авансцене любой страны “чужаков”; острейшее, неразрешимое столкновение различных сил *внутри нации* требует “чужого” вмешательства». Кожинов цитирует Ленина: «Русский человек добр. Русский человек рохля, тютя. У нас каша, а не диктатура; если повести дело круто (что абсолютно необходимо), собственная партия помешает: будут хныкать, звонить по всем телефонам, уцепятся за факты, помешают». Кожинов пишет: конечно, возникает естественное возмущение — вместо добрых русских привести к власти злых чужаков. Но, убеждает Кожинов, «необходимо понять, что объективная историческая задача состояла все же не в некоем самоцельном подавлении всяческого сопротивления революционной власти, а в создании государства, — в частности, в преодолении начавшегося после Февраля распада страны». Шульгин, которого нельзя заподозрить в особой любви к большевикам (и евреям), писал (в 1921 году): «именно большевики восстанавливают сейчас военное могущество России, восстанавливают границы Российской державы до ее естественных пределов. Конечно, они думают, что создали социалистическую армию, которая дерется “во имя Интернационала”, — но это вздор. Им только так кажется. На самом деле они восстановили русскую армию. Как это ни дико, но это так. Знамя Единой России фактически подняли большевики». /Чем тебе не юдофил/юдофоб?/ Кожинов комментирует: «Шульгин явно считает “еврейское засилье” в послереволюционной России неизбежным и даже имеющим позитивный смысл явлением. И, наконец, еще одно суждение Шульгина о русском народе, которое, без сомнения, трудно принять, но столь же трудно опровергнуть: “Сняв самому себе голову (то есть русскую власть и, отчасти, культуру. — В.К.), он /русский народ/ теперь бесится, что сие совершил. Но ежели русскую голову этот народ сам себе оттяпал, то жида, пожалуй, даже услугу оказали, что собственную свою еврейскую голову ему на время приставили: совсем без головы еще хуже было бы!”» Кожинов комментирует: Восстановить власть «на пустом месте» можно было только посредством самого жестокого насилия и, как оказалось, при громадной и, более того, необходимой роли «чужаков», способных «идти до конца». Нельзя не видеть, что власть чужаков являла собой тогда своего рода фатальную необходимость, которая столь резко обнаружилась в составе верховного органа — Политбюро ЦК, где к концу Гражданской войны числились, помимо Ленина, три еврея и один грузин.

Вместе с тем нельзя, конечно, не видеть, что восстановление власти «чужаками» имело свою тяжелейшую оборотную сторону: они ничего не щадили в так или иначе чуждом им русском бытии, они подавляли и то, что вовсе не обязательно было подавлять. И это уже в первые послере-

волюционные годы вызвало решительное сопротивление даже в тех кругах, которые всецело поддерживали дело Октября». /Все цитаты приведены по книге: Вадим Кожинов. Россия. Век XX (1901—1939). М.: ЭКСМО, 2002)/.

Иными словами — добавлю от себя, — когда надобность в еврейской голове отпала, ее снова сняли с широких русских плеч.

Если сравнить все эти рассуждения с идеями твоего «юдофила», то окажется, что, во-первых, ничего особенно нового твой генерал не надумал (если не считать некоторых смысловых нюансов, которые выглядят историческими анахронизмами), а, во-вторых, шульгины-кожиновы, будучи людьми не в пример менее «симпатичными», мыслят, пожалуй, более «диалектично» и более «исторично».

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

За цитаты из Кожинова спасибо, замечательные. На самом деле они меня порадовали как контекст для рассказа: генерал-то, оказывается, не чудик, и не плод моей еврейской фантазии, а находится в русле определенной русской традиции, что делает его образ более живым и убедительным.

Всегда твой
Наум

Третий день радикулит. Под этим предлогом отменил вчера свидание. Она и сегодня хотела встретиться («хоть в носик тебя поцеловать»), и я уж было поддался, но... Целый день созванивались. «Не болей! Мне плохо, когда ты болеешь!». Сказал, что очень люблю ее, что никогда и ни с кем мне не было так хорошо. «Правда?! Нет, ты правда не врешь?! А как я тебя люблю!» И т.д. Поздравил ее с новым годом, пожелал. Сказала:

— Следующий год будет хороший. Мы еще будем вместе. Дальше — вряд ли.

Позвонил Вернику, поздравить. Пожелал ему творческих успехов.

— Слов, слов, — подправил он меня со многозначительной печалью.

Беленький звонил. Приглашал в кино в пятницу. Сходим, даст Бог.

Закончил распечатку разговора с Тарасовым. Позвонил ему. Он работает над «дополнением» к «Анечке». Сказал, что Сошкин статью об Анечке в НЛО напечатал...

— Да? Смотри... Нагулял вес...

— Да какой там вес! Такую хуйню напечатал! Я камня на камне не оставляю от его бреда! Сошкин тут же, конечно, испугался. А я там действительно хорошо его причесал. А заодно и НЛО, что оно такую хуйню печатает.

Разговор с Тарасовым (для Ани), декабрь 2002 года. В. — Вайман, Т. — Тарасов.

Едим сыр, оливки, салат из баклажан с теплой еще, местами прогорелой хлебной лепешкой, запиваем красным.

В. Ну, давай (поднимаю стакан).

Т. За удачу.

В. За удачу — это правильно.

Т. Ты молодец, продвигаешься... Вот сейчас идет подача совсем другого материала, это удача.

В. Вообще-то да, я рассчитываю на эту книгу, это действительно нечто иное...

Т. А насколько я помню те страницы, которые ты зачитывал, это производит впечатление... что перевод сделан вполне безупречно. Стилль сохранен безусловно.

В. Надеюсь. Тем более что он мне нравится, этот роман (булькает вино, разливаемое в стаканы)... А насчет публикации у Ани, то если разговор у нас не сложится, напишу вводную статью. Надо же как-то тебя представить. Без контекста нет и текста, особенно для тех, кто ничего об авторе или книге не знает...

Т. Хотя в России меня знают. Некоторые, как поэта.

В. Это другое дело, да, знают, конечно. Кстати, ты не послал Ане «Анечку»?

Т. Нет, не послал. Я как-то думал, но послать, это... знаешь...

В. Хочешь, я ей pošлю? Думаю, что ей понравится.

Т. А «Суммарий» у нее есть?

В. Не уверен, что есть.

Т. Получается, что надо все посылать, «Саламандру»...

В. Полный набор...

Т. Да, ха-ха-ха!

В. Ну, что, давай (стук стаканов)... Так что, начнем сначала? В каком году ты приехал?

Т. В самом начале 74-го. Дали справить Новый год.

В. Так ты фактически...

Т. Двадцать восемь лет, скоро двадцать девять, скоро двадцать девять...

В. То есть большую часть жизни ты здесь, даже если считать по количеству лет...

Т. Я и ощущаю себя израильтянином. В большой степени. В очень большой. Мне Израиль достаточно хорошо понятен. На своей коже испытано.

В. Да... Израиль вошел в плоть и кровь... Значит в 74-м ты приехал...

Т. Сразу после войны Судного дня. Бардак был кошмарный.

В. Сколько тебе было лет, давай уточним, если без булды? Лет 19?

Т. Да.

В. То есть школу ты окончил?

Т. Да.

В. Ты не поступал никуда?

Т. Поступал и благополучно вылетел. Точнее, ушел, в общем, сам...

В. А куда поступал?

Т. В «Связи».

В. Серьезно?! Ты мне никогда этого не говорил! Да я же закончил Институт Связи...

Т. (с характерным гомерическим хохотом) Да ну?! Вот, еб! Нихуя себе, ха-ха-ха! Мы с тобой 20 лет знакомы, и я тебе ни разу не сказал?! Ха-ха-ха!

В. Здравсти, «да ну», мы 20 лет знакомы, и ты не знаешь, что я закончил Институт Связи?!

Т. Значит, мы не говорили на эту тему ни разу...

В. Да. Видишь, как интересно. Собственно, не столь важно (хохот Тарасова)... но тем не менее это смешно...

Т. М-да, забавно!

(Оба жуют.)

В. А ты знаешь, это, как говорится, не для микрофона, кхе-кхе, я сейчас пишу рассказ, и там героиня главная, и герой собственно, тоже... в общем, ээ, все дело происходит в институте Связи, не все, но... как герои знакомятся...

Т. Как завязываются связи, ха-ха-ха!

В. Да... В общем, я там описал то, что было на самом деле, как я не навидел этот институт Связи...

Т. Да?

В. Как мечтал из него уйти, перейти на Исторический, перейти куда угодно...

Т. Ты, наверное, закончил его раньше, чем я туда поступил.

В. Я поступил в 65-м, а закончил в 70-м...

Т. Ну вот, раньше, чем я поступил. Я поступил... уже не помню в каком, то ли в 71-м, то ли в 72-м.

В. Наверное, в 72-м.

Т. В 72-м? И тогда с 72-го я так много успел до отъезда? Нихуя себе! Бля-адь! (Хохот) Я повертелся! Ой-ёй! Прежде, чем бросил его окончательно, даа, ха-ха-ха!

В. А стихи ты начал писать уже там, или только здесь? Вообще, какие-то «литературные идеи» тебе являлись в возрасте 17–18 лет?

Т. Нет.

В. То есть до отъезда ты себя совершенно не видел себя писателем?

Т. Абсолютно нет. Абсолютно. Первое, что можно как-то отметить... в одном письме я вдруг написал четыре строки.

В. Стихотворные?

Т. Да. Прошло еще там какое-то время, долгое, вдруг я написал опять чего-то. Но в принципе все это водопадом на меня свалилось, просто обвалилось, это был каскад какой-то, совершенно невероятный...

В. Именно в Синае, да?

Т. Нет, не в Синае, нет, ни в коем случае не в Синае. По дороге в Синай. По дороге в Синай, 30 апреля.

В. Да, ты мне говорил о видениях, прозрениях...

Т. Там масса переживаний было... причем я на самом деле, в ту поездку, я глубоко в Синай не забрался. Я там пробыл всего неделю, как и каждый раз, я всегда уезжал на неделю, иногда шесть дней, иногда восемь, иногда десять...

В. А какие у тебя вообще были размышления о дальнейшей деятельности, в юности, чем ты хотел заниматься?

Т. Да толком не было никаких. В двадцать лет я сказал своей возлюбленной... той самой, которая описана в «Россыпи», что я знаю, кем я стану, писателем.

В. А, да? Все-таки, значит... Или ты это для понту?

Т. Нет, не для понту, я просто вспомнил, что один раз меня отец спросил, кем я хочу быть. И я ему с большой уверенностью в восьмилетнем возрасте ответил: чего там «я хочу быть», я просто знаю кем я буду, ха-ха-ха! Да! (Хохот.)

В. Так значит у тебя были идеи...

Т. Не было никаких идей никогда вообще! Это у меня просто сидело в подкорке! Вот в чем дело. Но идей не было. Подкорка это не идеи... это судьба уже...

В. Совершенно верно, совершенно верно, да, вот именно — судьба... А я уже лет в 14, я... себе как бы уже наметил... что буду писателем.

Т. Да?

В. Ага. И писал такие маленькие рассказы, даже помню, о чем, под влиянием, как правило, двух писателей: Хемингуэя и Бунина. Два моих тогдашних кумира.

Т. Понятно... В тринадцать лет ты уже знал Хемингуэя и Бунина... это недурно. Для той поры-то.

В. Да, может это и недурно...

Т. А что тогда переводилось-то?

В. Ну, во-первых, тогда уже вышел такой пятитомник Бунина, большой, в 56 году...

Т. Хотя, можно было и Селина разыскать тридцатых годов..., но ты не разыскал...

В. Нет. Я рос в этом смысле, литературно, предельно конвенционально. То есть совершенно... консервативно...

Т. Понимаю. Многие так начинали.

В. Да, неизбежно с этого начинали...

Т. Большое счастье тех, кто начинал с чего-то обратного...

В. Да, нужны учителя. Очень важны учителя. В крайне редких случаях в человеке спрятался гений. Но... обычные люди, а я считаю себя обычным (оба ухмыляемся), они доходят до хороших вещей, как правило, через хороших учителей.

Т. Да. Я готов согласиться с этим. Учитель не мешает никогда. Другое дело, что учитель может душировать ученика, но это не учитель уже, это мучитель, это разные вещи.

В. Ну вот, я ж не зря в книге обозвал тебя «мэтром». И не собираюсь это отрицать, или как-то затушевывать, я рад этому, вот, что ты многому меня научил... Гробман, правда, утверждает, что ты меня научил тому, чему он тебя научил.

Т. Ха-ха-ха, да?! Да?! (Оба смеются.)

В. Так что косвенным образом это он меня научил.

Т. (Смех Тарасова переходит в хрип). Вот это — атас!

В. Так что, косвенным образом, он мой учитель, а ты — это так, посредник... переводчик. (Новая волна хохота Тарасова, уже со слезами.)

Т. Ай-ай... (Хохот переходит в какой-то захлебывающийся кашель.)

В. Вот такая курьеза...

Т. (Отходя от смеха-крика-кашля.) О, это блистательно. Эт-то просто чудно (напевает). Кстати, мэтром ты меня прозвал, допустим, где-то походя, да...

В. Ну, в этом был, конечно, какой-то элемент иронии... небольшой...

Т. А есть люди, которые меня просто так зовут, ко мне так обращаются. Вот Птах, он всегда подчеркивает в своем обращении, абсолютное уважение: «Мэтр, ты готов? Зайдем выпьем! Нет, сначала нет, «закинемся»! Нет, «подколем», нет (смеется), я сначала стихи прочитаю». Вот так.

В. Так у тебя было после школы где-то пару лет, что ты вообще делал?

Т. Да ничего не делал (очень серьезно, даже печально). Поступил в институт. Научился за полгода плохо играть в преферанс, вылетел из института, собственно, я не хотел учиться, мне все это остоебенило...

В. Вот у тебя, значит, хватило мужества вылететь, а у меня нет. Я доучился до конца, как было велено, как хороший мальчик.

Т. Потом уже крутился с хиппём, в основном первомайским, Первомайского района, тогда знаменитого...

В. Кстати (гремят чашки, посуда), я давно у тебя хотел спросить, откуда у тебя это... увлечение психоделическим, так сказать... элементом.

Т. Ну, еще с Москвы.

В. То есть тогда уже в Москве было всего... достаточно?

Т. Нет, в Москве не было всего, но тогда уже в Москве, мм, были какие-то.., даже среди этой вот отвязанной молодежи уже... мм... скажем, какие-то культовые ... культовые имена... В основном это касалось музыки, а поскольку музыки тогда не было, западной музыки, я имею в виду, ... все это было связано какими-то ходами своими, например, с фарцовщиками, потому что среди фарцовщиков тоже были какие-то друзья, не у меня, но у тех людей, которых я очень хорошо знал...

В. То есть была какая-то все-таки общая среда...

Т. Да-да-да-да-да. Да.

В. Своеобразный пласт диссидентства, но не идеологического, а я бы сказал такого...

Т. Поведенческого.

В. Поведенческого, да.

Т. Но там идеология тоже присутствовала.

В. Да-да, конечно. Я и хотел о ней...

Т. Были среди них, среди многих из моих друзей, люди, которые все прекрасно понимали, отчасти с моей подачи, отчасти просто так сказать вдруг, где-то сами, своими путями... в общем-то понимали и... и даже иногда крутился самиздат.

В. А вот интересно, какие культовые фигуры были ключевыми в такой группе людей?

Т. Ну, если говорить о музыке, то просто тогда уже было понятно, многим было понятно в 70-е годы, в России, что существует Джимми Хендрикс, это фигура, что существует уже Кинг Кримсон, к тому времени уже многие понимали, не все, но лучшие понимали, а такие вещи, как «Лед Зеппелин», «Ди пёпл», «Блек сабес», это было расхожим, ну, среди как бы наиболее продвинутых. Но дело не только в этом, там еще, значит, уже были к тому времени разговоры о «Хол анджелс», «Ангелы ада», вот как раз книгу Хантера Томпсона недавно перевели, доехала, наконец, до Израиля... я не помню какого она года издания, 2000-го, или 2001-го...

В. Доехала на русском?

Т. Да, да.

В. На иврите его, наверное, и нету?

Т. Но на иврите есть другая его книга, «... (нрзб) прощения. Лас-Вегас», это... на иврите существует давно. По-моему, «Ангелы ада» тоже существуют на иврите, но Израиль, поскольку он был более открытой страной...

В. Для Америки во всяком случае...

Т. Для Америки безусловно, то им это было понятней, и поэтому, когда я сюда приехал уже, и на юге, ... после киббуца, я мотался постоянно на юг, конкретно в Эйлат и Синай, там я уже встретил очень многих людей... осколки хипья, американского, английского...

В. А вот интересно, ты не думал: а почему идеология, условно говоря, поведенческого диссидентства, она в основном как бы от музыки шла, почему именно от музыки, а не, скажем, литературы, или еще чего-нибудь?

Т. Ну это не совсем так, потому что... у нас, вот у нас, это меньше было связано с литературой, потому что мы, русские, москвичи, тогда меньше всего знали о такой литературе, у американцев — нет, американцы знали Хантера Томпсона уже в 66 году, американцы знали Тома Вульфа и...

В. Нет, я не имею в виду литературу о хиповстве...

Т. А такой литературы на русском тогда не существовало... Именно такой, которая носила бы культовый характер, то, что называется на сегодняшнем языке культовый писатель, культовая фигура и так далее...

В. То есть просто в силу технической доступности музыка была, ээ, ближе, то есть Запад пришел к русской молодежи через музыку...

Т. Получается, что так...

В. Но если говорить о современном искусстве в России, то его источником был не только Запад, но и какие-то... ручейки, какие-то мелкие, едва прочерченные тропиночки, которые вели от русского авангарда там 10–20-х годов, и литературного, и художественного... через обэриутов, которые оказались таким мостиком через пропасть. И новая, уже послевоенная волна авангарда, те же «лианозовцы», выросли из обэриутов.

Т. Не обязательно. Скажем, Савелий Гринберг вырос на футуристах как раз, и начал в сороковые годы писать так, как никто не писал в России тогда вообще!

В. Ну я и говорю о некой именно русской, не западной, авангардной традиции в литературе, то есть современная литература, так скажем, могла возникнуть в России только от русского авангарда 10–20-х годов, от Маяковского, Хлебникова, через обэриутов...

Т. Не только обэриуты...

В. Аронсон, Уфлянд, вот эти вот 50-е годы... откуда это у них вдруг? Это же не с Запада пришло? Тем более что переводов не было. Или как-то просочилось?

Т. Аронзон не с запада пришел...

В. Я и говорю...

Т. У Аронзона можно найти корни пастернаковские...

В. Нет, вообще после смерти Сталина новый век начался, будто прорвало, взрыв творчества, суперсовременного. Ирка Гробман любит себе и Мише приписывать определение эпохи, как Второго русский авангарда...

Т. О, да! (Пьяный хохот.)

В. Да пусть так, но ведь был не только художественный авангард, всё пробудилось, и кино, проза, правда, пришла попозже, к концу шестидесятых: Саша Соколов, Женя Харитонов, Веничка Ерофеев. Конечно, это был не новый «век», не расцвет, скорее пробуждение-проращение, побег из-под глыб. Надо бы дать ему имя какого-нибудь полудрагоценного металла, есть такие металлы, называются переходными, титан, уран. А что, Урановый век — это неплохо!

Т. У Бродского есть «К Урании».

В. Ага. Ну что, он нам не соперник (смеются).

Т. Там начало отвратительное: «У всего есть предел: в том числе у печали», тьфу, рвота.

В. Стишок не ахти, но он вообще застрял на переходе. Тем более что век оказался короток, к концу семидесятых это скромное цветение бурьяна усохло. А я его только здесь стал «догонять». Не без твоей помощи. Я был жуткий тютя.

Т. Ты просто не в том стаде пасся, не на тех лугах. Ты же в Москве ни Пастернака ни Хлебникова не читал, а на тему Хлебникова висела целая школа очень долго, на тему Хлебникова и округи... И округа эта тоже суперзвезды: Маяковский, Крученых... Маяковского Советская власть сохранила, ему, получается, повезло немножко...

В. Да-да, повезло, и читателям повезло...

Т. Угу, и читателям в том числе. И новой поросли.

В. Иосиф Виссарионыч лично...

Т. Но с другой стороны, его же и замучили...

В. Почему это замучили, кто его замучил?

Т. Да в школе, наизусть учить заставляли, поэму «Владимир Ильич Ленин», блядь, это же пиздец...

В. Аа, да, а под шумок и лирика его открылась, он же гениален в лирике...

Т. Да...

В. Так вот литература, если говорить о модернистской литературе, она шла в общем-то от русских корней, а потом уже западная культура стала вторгаться, через музыку в основном, то есть музыку еще можно было услышать...

Т. Через музыку и через живопись. Прежде всего через живопись.

В. Где ты мог ее увидеть?

Т. Ну, в 50-е годы впервые увидели Пикассо, это был шок для всех, его же выставили...

В. Ну да, он был коммунист... там была целая плеяда коммунистов-авангардистов, и Советская власть как-то попыталась их разжевать... Ну ладно (жуем). Я понял. И вот приехал ты в Израиль, а кстати, чего это ты привалил сюда?

Т. Вопросик.

В Вопросик на засыпку. Помнишь?

Т. Ну конечно же помню все! Мы подали на выезд давно...

В. Мать или кто?

Т. Мать. Мать подала. Но мать подала за сыновей тоже, в том числе и на меня, так что получается «мы»...

В. Вывезти сыновей?

Т. Да.

В. Ну а вы сами-то, вы как-то разговаривали в семье...

Т. Ну, во-первых, у Мишки в каком-то смысле...

В. Мишка старше тебя?

Т. Нет, младше.

В. А.

Т. В каком-то смысле не было какого-то особого решения, конечно же он едет с матерью, но и я еду с матерью, хотя я мог сказать «нет». У меня был с ней на эту тему разговор, и она сказала, что вот если уж очень сильно не захочешь, не знаю что, будешь орать на эту тему... тогда мы просто не поедem вообще. Нет, вообще на самом деле не так было. Я сейчас смотрю на это в другом ракурсе. Не было такого конкретного разговора.

В. Он не мог не быть, а как же она могла подать, не обсудив с вами, тебе было уже 18 лет...

Т. Такого конкретного разговора не было, это все звучало как-то иначе, что... я подала, она сказала, но я надеюсь, что ты не захочешь здесь остаться. Я сказал: ты знаешь, мам, мне на самом деле сейчас в последнее время здесь очень нравится, но в принципе я понимаю, что, ээ, чем это дело все грозит, и поэтому я поеду с тобой.

В. А чем это могло грозить?

Т. Нуу, у меня на хвосте КГБ было...

В. Почему?

Т. Ну было!

В. Из-за чего, из-за этих...

Т. Было! Матушку вызывали в КГБ именно из-за меня.

В. На какую тему?

Т. Ее вызывали на тему распространения самиздата. А что касается хипья, так там был полный, так сказать, пиздец, когда переписали про-сто всю адресную книжку, которая у меня была, когда нас хомутнули.

В. Скажи, кстати, вот психоделика, ээ, насколько она была тогда распространена, тогда ведь наркотики не были...

Т. Она не была доминантной, потому что ЛСД не было тогда, но был уже амфетамин, это все-таки не психоделия, это немножко другое. ЛСД не было в России. Потом появился...

В. А что вообще было в ходу в этой хипне, извини за выражение, и были ли в ходу в то время наркотики?

Т. Вполне в ходу ...

(Кончилась пленка. Идем на базар, тут рядом, за дверью. Берем еще бутылку вина, маслины, сыры, хлебные лепешки. Вставил новую кассету. Продолжаем.)

В. Кстати, как называется эта плоская штука?

Т. Эта? Иракская пита.

В. А эта?

Т. Не знаю. Какое-то подобие лаваша. Хуй его знает.

В. (жую) Уumm, ничего, даже такой... жирненький...

Т. Да.

(Выпиваем еще по стакану.)

В. (с набитым ртом) Вино из средневекового Иерусалима...

Т. (смеется) Не так поймут. Решат, что мы вернулись из Старого города, а мы вернулись с рынка, ха-ха! Пойди теперь объясни, ха-ха!

В. Объясним.

Т. Даже на рынке есть Старый город.

В. Даа, самый старый и есть. Без туристских (невнятно, рот по-прежнему набит) красот.

Т. Этот район? Из наиболее старых, но сам рынок меньше.

В. Да, он не самый старый, но... (чокаемся)

Т. Он не самый старый, хотя существует более ста лет...

В. Колоритный...

(Звук разливаемого вина. Чокаемся.)

Т. Этому дому, в котором я живу, лет сто... (Что-то неразборчивое о еде).

В. Никаких сложностей с сыром... замечательно. Мы дома иногда такой покупаем. Как он называется, ты не знаешь?

Т. Хуй его знает. Понятия не имею. Но сыр замечательный, действительно. Вот интересно, есть ли в России такие сыры...

В. Думаю, что есть, в Греции усё есть! Ты чо, в России... в России все теперь есть. Только деньги плати.

Т. Не знаю... В смысле молочных продуктов, насколько я в последние годы слышал, Израиль стоит просто на одном из первых мест в мире, в смысле того, что здесь есть, по потреблению, ну, после Италии, после Франции там, это понятно...

В. Ну, давай еще по стаканчику. На всякий случай. (Звук сталкивающихся стаканов. Выпиваем и закусьваем.) Да, так мы остановились на чем... Что в ходу было... эфедринчик какой-то, ты говорил.

Т. В ходу было много хорошего, странного... были всякие кошмарные колеса в ходу, очень широко распространены...

В. Причем это именно в России еще, да?

Т. Угу... причем всякие складолы, в лучшем случае это был наксерон, в кашмарном случае это был какой-нибудь ... протопан или демидрол...

В. Демидрол — это я помню, лекарство такое было...

Т. Это было понятно у всех, но были вещи действительно какие-то совершенно ошарашивающие, то есть я был знаком с парнем, уже в 73 году, в начале, сидел на эфедрине и периодически с него слезал, буквально с иглы, при этом он продолжал работать на заводе. Выглядел он совершенно ахово, то есть абсолютно бледный, абсолютно бледный, кожа, обтягивающая лицо, хотя молодой совсем парень, он был старше меня на полгода, и вот оказалось, что это здесь сейчас уже всюю, эфедриновой основой здесь всюю уже пользуются, это и джеф, и винт, и... Вот такая фигня. Ну конечно там был среди старшего поколения известен фенамин, младшие о фенамине знали гораздо меньше... Вот, я сказал, чем мы пользовались. Кроме всего прочего были в ходу всякие пятновыводители, всякая хуйня, бля, которую нужно было нюхать и от этого... балдеть настолько, что один дуб, блядь, накинул на себя платок, промоченный этим., значит, в лесу решил отдохнуть, у нас, в Измайловском лесу, положил на себя платок, а потом его, минут через... какое-то время, увезли в больницу. Ну дышать ему было нечем кроме как этой хуйней, и если бы хоть как-то оторваться, а то не оторваться, ха-ха-ха!

В. Погоди, а почему Измайловский, где ты жил?

Т. Я же сказал, Первомайский район.

В. Аа, елки-палки! Мы же жили с тобой близко!

Т. Какая улица у тебя?

В. Я жил на Черкизовской, около метро Преображенская.

Т. Нет, ну это в другом месте.

В. Да, в другом, но мы туда ездили все время, в Измайловский, ходили там... нет, идти пешком далеко, да... но на метро... там щас от Щелковской на Первомайскую ветку протянули...

Т. Начали второе кольцо что ль строить?

В. Не, не кольцо... ветка...

Т. Второе кольцо... Москва может стать мегаполисом номер один в мире, блядь. По транспорту. Она уже, наверное, номер один в мире. По общественному транспорту.

В. Ну, хорошо, приехал ты вот, здрасти вам, новый репатриант.

Т. Что ты хочешь знать? Ну я пошел в киббуц сразу. Мне посоветовали. Дали великолепный совет друзья семьи, очень хороший совет, я им благодарен. Я даже сначала воспринял это как... будто сбавляют с одной стороны куда-то., правда, я понимал, что даже если меня сбав-

ривают, это действительно надо, потому что мать не может дальше с нами сейчас двумя возиться, тем более что я был уже давным давно готов «уйти из дома», давно был готов, в Москве еще. Я уходил периодически, на какое-то время. То есть гулял. Не уходил, а гулял. Вот так и получилось, что я покинул дом надолго, но это... никуда страшного, отлично. В киббуце... великолепно. Знакомство с Израилем, в первую очередь с волонтерами, во вторую очередь с волонтершами. Нет, в первую очередь с волонтершами! Впрочем, там было хуй разберешься, что в первую очередь. Это не надо уточнять.

В. Хм, на столько было, кхе-кхе, запутано?

Т. Волонтеры представляли из себя великолепную бригаду. Был огромнейший киббуц, где было триста волонтеров!

В. Что за киббуц?

Т. Гиват Бренер. Триста волонтеров! С разных концов света. Это Мексика, Уругвай, Австралия, мм, ну, конечно же, Штаты, конечно же Англия, конечно же Франция, смешно упоминать, Германия, и Швеция, блядь, это... да, это Колумбия, это Венесуэла, у меня был венесуэльский друг, например, с которым мы подкуривали, а одна подруга-бразильянка, я об этом пишу в прозе, угостила меня асидом впервые. Впервые я это попробывал... голосааа помню!

В. А как ты... в Синай зачастил?

Т. В Нуэбе мы были впервые именно с киббуцем... я просто охуел от Нуэбы, настолько я охуел от этого места, настолько, так сказать, девственное место, для моей души... Народу — практически никого, где-то там какое-то хипье болтается...

В. Да, Синай был девственным...

Т. Тебе никто не нужен, блядь, и зачем приезжать сюда с группой в 50 человек или сорок, хотя мы там прибалдели великолепно, мы там курили великолепнейшую колумбийскую траву. Та же самая Браверьянг нас угощала, все та же самая. Просто великолепнейшую. Полный пиздец. Я оттягивался не с русскими в киббуце, а с иностранцами. Хотя русские меня все знали, очень уважали, получилось, что я как-то очень быстро схватил иврит, на уровне ульпана, правда, не более того, но на уровне ульпана очень быстро схватил иврит, разумеется, лучше всех играл в футбол, больше всех пил и принимал гашиш.

В. А чего они искали в киббуцах, вот ты с ними общался... Чего они приезжают сюда? Кто их посылал?

Т. Не, ну это был такой чудный энтузиазм. В конце концов большую часть из них сагитировал Сохнут, большую часть, кроме всего прочего, это были дети богатых людей, и без Сохнута...

В. Это не были евреи?

Т. Нет, подавляющее большинство были евреи.

В. А, понятно.

Т. Кроме Германии. Из Германии, конечно, нет. А немцев было много. Шведы — конечно же нет. Вот так это делилось.

В. Ну мы подходим к ключевому моменту твоей биографии, литературной, по крайней мере, к Синаю. В Синае у тебя произошло «это», «озарение».

Т. С Синая началось понимание призвания, окончательное...

В. Ты мне в свое время рассказывал, что у тебя в Синае... вдруг ты увидел стихи, которые ты напишешь.

Т. Да, в том числе, но это было... на уровне видений, и их нужно было раскодировать, это сложная история, тоже так или иначе поданная в этой прозе, а в следующей прозе гораздо подробней, все это было связано зачастую со сновидениями, и не только в Синае, а и до Синая... В общем, писать-то я, пробовать писать-то я начал раньше, но я как бы родился через 9 месяцев, в буквальном смысле слова...

В. После чего?

Т. После того, как начал пробовать. Когда я поехал в Синай, на меня опрокинулись именно стихи. До того я пробовал исключительно какие-то рассказы, они все меня не удовлетворяли, я чувствовал себя абсолютно несчастным, перепробовал все виды наркотиков, в общем, все что угодно, блядь, великолепный там ЛСД и дальше, в общем, как-то проснулся после ЛСД, и вот, 30 апреля на меня это обвалилось, просто в поездке. В поездке. Конкретно в поездке. Я писал стихи везде. На тремпе¹ стоя, где-нибудь, это тут быстро, а в Беер Шеве, скажем, тремпа можно ждать три часа, там вот писал, сел на камушек, или даже стоя под фонарем. Тоже было. То есть это было что-то невероятное. Это продолжалось в течение 8 дней моего пребывания. А потом я вернулся в Герцлию, значит, в общежитие, и продолжил это. И это лилось... лилось, лилось и лилось. И уже было понятно, что это вот мое призвание. И то, что я где-то нащупывал... впотьмах, наконец-то оно пролилось, и пролилось подлинным светом. При этом меня в этом убедили сновидения, незадолго до этого состоявшиеся, которые меня терзали в течение трех месяцев, я просто охуевал от них, блядь! Такие картины богатые! И вот это дополнительно меня убедило в том, что да, вот оно состоялось, это описывается в «Россыпи», нет, в «Россыпи» это практически не описывается, это описывается во «Фрагментах посвящения».

В. Ты знаешь, у меня был еще вопрос... о московской юности... Ты вообще много читал?

Т. Да. И очень любил. В подростковом возрасте заглатывал книги, а в юности...

В. Что ты помнишь как самое сильное впечатление, причем я имею в виду не эмоциональное, сиюминутное, а...

¹ Тремп — автостоп (*сленг*).

Т. Ну это уже были вещи в более или менее осмысленном возрасте, в тринадцать лет, когда «Один день Ивана Денисовича», потом... вместе с классикой, разумеется... трудно все разделить...

В. А вот в Израиль ты приехал, в киббуце пока жил, ты чего-то читал по-русски, или ты это забросил, то есть чисто технически не было возможности...

Т. Бывало, что читал и по-английски, но в киббуце практически не читал. Но я знал так много вещей, которые в самиздате распространялись, что мне было в конечном счете до пизды, понимаешь, я знал настолько больше, чем все приехавшие, для меня «Архипелаг Гулаг» был не секрет. Абсолютно. К тому времени я также знал уже, в России познакомился, конечно же, например, Платонова. Вот он меня поразил. Он просто поразил мое воображение! Такой нетронутости язык, настолько он его выворачивает и вся сердцевина языка, нетронутая, она вдруг выходит. И именно поэтому, потом, в Израиле, меня совершенно уже наотмашь было поражение, блядь, наповал — Набоков. Язык. Платонова я помню. Но я помню и другие вещи, например, Гроссмана, но это поражение как бы другого характера, в другой кусок мозга оно отдает, такое происходило, когда я прочел «Все течет», можешь себе представить, я прочитал «Все течет» еще в Москве, в самиздате. То есть это, блядь, пиздец! Я был в нокауте нахуй, о том, что в нашей стране такое происходит! Я был просто в нокауте! (Смеются)... Не, всё, я возненавидел Россию на каком-то этапе...

В. Да, это я помню, у меня тоже была ненависть к России. Я даже помню, что... я как бы из-за этого уехал...

Т. И я из-за этого хотел уехать...

В. Я чувствовал, что если не уеду...

Т. Мне было в конце концов все равно. То есть я уехал не в Израиль вместе с матерью, а уехал из России.

В. Да-да. Ну, для меня Израиль тоже играл какую-то определенную роль, но...

Т. Для меня меньше.

В. ... главную, конечно... Да, для тебя, наверное, меньше. Потом ты уехал в 19 лет, я — в тридцать. Но... я это помню: страх ненавидеть. Я чувствовал, что если останусь, превращусь в злобную крысу.

Т. Конечно...

В. Буду ненавидеть все.

Т. Конечно.

В. Я уже ненавидел все. В общем, надо было уезжать, чтобы сохранить... если не любовь, любовь ведь тоже была, то хотя бы нормальный взгляд... Тем самым ты просто сохраняешь себя, потому что ненавидя, ты не можешь себя сохранить...

Т. Любовь есть часть тебя, да...

В. Да... Так я к чему это все... веду, что... в тот момент, как ты понял, как ты говоришь, свое призвание, то это было не оттого, что ты как бы начитался, и решил тоже попробовать.

Т. Не-не-не. Осознанного хода в той ситуации не было просто ни на йоту. Нехуя здесь искать, это все поебень. Не было, и все. ... В 22 года я решил, что должен искать себя и завязать с наркотиками. Пробовал писать, то, другое, пятое-десятое, пробовал писать какую-то хуйню полную, все это выбрасывалось, и вдруг на тебя опрокидываются стихи. О чем я никогда не подозревал.

В. И что особенно поразительно, для меня по крайней мере, что ... я же помню твои первые стихи, вернее, твой первый сборник, который ты мне показал, то есть ты как бы готовил это к печати...

Т. Было такое...

В. И я помню эту беспомощность, в общем-то... Знаешь, в таких случаях, когда парень так порядка двадцати с чем-то лет, пишет беспомощные стихи, вот, то, как правило, приговор однозначен. Почти не бывает каких-то вариаций. И вдруг, не вдруг, вернее, а как бы получилось, что даже этот сборник тебе удалось каким-то образом вытащить... ты, конечно, не стал его издавать, я тебе тогда какую-то службу в этом смысле, может быть, сослужил...

Т. Да-да-да.

В. Потому что критически отнесся к этому.

Т. Что-то вытащил, да. «Палитра подмастерья» как раз синайские, я над ними работал долго и я их вытащил.

В. Это какой-то такой феномен, который мне до сих пор не совсем понятен. Как ты все-таки стал поэтом. То есть настоящим поэтом, каким я тебя считаю (Тарасов застенчиво хмыкает). Настоящим и незаурядным на самом деле. Вот как так получается, что... это для меня явный признак какой-то внутренней...

Т. Это признак внутренней борьбы...

В. Какой-то мощной силы внутри...

Т. Которая, видимо, начинает бороться с самого начала. Кроме всего прочего, здесь есть какие-то вещи, которые мне очень помогли, посторонние вещи. Ты говорил о необходимости учителя, вот мне несколько уроков преподавал Волохонский, при этом Анри настаивает на том, что чепуха, ни в коем случае он не мой учитель, но по большому счету те уроки, которые он мне преподавал, вдруг всплыли в моей памяти через много лет...

В. Тут иногда достаточно беглых замечаний.

Т. Да.

В. Когда мы говорим об учителях, мы не говорим о ком-то, кто сидит с тобой и анализирует тексты. Или каким-то образом с тобой занимается. Речь идет о каких-то иногда случайных замечаниях, которые ты впитываешь...

Т. Но Анри действительно дал мне несколько уроков, я к нему ездил тогда в 77-м, ... да, в Тверию, один раз мы были вместе с тобой, ты забыл, наверное...

В. Почему, я прекрасно помню, вместе с Наташей Рубинштейн...

Т. Да-да-да, тогда я ему и прочитал кое-что... не, ну это было позже!

В. С Наташей позже, да.

Т. Это было позже резко! А до того я к нему ездил в 77-м, а это было в 83-м, когда мы с тобой ездили, в 84-м, я ему прочитал... у меня уже были какие-то куски из «Азбуки» сделанные, и это было совершенно другое. Появился абсолютно другой голос. Я вдруг нашел в себе этот голос. Нашел благодаря... Я с ним виделся в 77-м, потом ушел в подполье, писал, абсолютно оставаясь безвестным, писал и зачеркивал, и выкидывал все это. Все из того, что написано с 77-го по 84-й, за исключением 10 процентов, выкинуто. То есть у меня осталось с тех пор, допустим, 30 вещей. То есть 270 выкинуто. Ты понимаешь? Если эти 30 вещей остались, это тоже еще большой вопрос, остались ли они.

В. Ты хочешь сказать, что ты учился тоже (со смешком)?

Т. Ну, разумеется!

В. Не с неба упал. А я все пытаюсь провести концепцию, что есть путь учебы и путь озарения. И ты мне всегда казался примером такого «пути озарения». Кстати, это разговор в каком-то смысле помогает понять, откуда все эти «случайности»...

Т. Да, что случайности закономерны. Конечно же. Когда это сваливается, и вдруг ты это осознаешь, и ты этому предаешь самое себя, просто, преданно, предаешь самого себя, в том смысле, что отказываешься от всего. Я отказался от Университета в Израиле, ради этого. Отказался. У меня были в Университете кое-какие долги, которые можно было пересдать, присев так на заднице и окаменев на этой самой заднице как Молотов, и сдать. Ну я бы остался в этом Университете изучать историю, я же поступил на историю, в Тель-Авивский университет на историю. Я решил, что нахуй мне русский язык и русская речь со всеми ее оттенками. И тут, значит, на меня сваливается мимоходом Набоков...

В. У меня было по-другому. Ну и возраст, другая немножко... эпоха. Но я тоже приехал с надеждой, с намерением перейти на иврит.

Т. А я вот не хотел.

В. Я честно хотел быть евреем (посмеивается). Израильтянином. Вот.

Т. Мне это не удалось. Честно говоря, долгое время и желания не было, а сейчас, сейчас — стал.

В. Нет, если говорить о, так сказать, социальном существовании, то я...

Т. У меня было абсолютно асоциальное существование очень долгое время. Наум, вот трудно поверить, современным ребятам вполне легко поверить, современным, которые приехали сюда в 91-м, 92-м и разъезжают тут на тремпах 5 или 7 лет подряд. Но тогда, когда я приехал, чтобы четыре года подряд человек, четыре года не ездил в автобусах,

а только тремпами?! Это пиздец! В то время это просто полный пиздец. Меня брали все. Меня принимали за голландца, австралийца, блядь, человека с луны, с того света, в общем, откуда угодно.

В. Ну, в какой-то мере ты с того света, конечно, да, очевидно. Не от мира сего. И в этом смысле синайская эта поэма ... характерна, именно как поэма с того света. Потому что Синай вообще тот свет.

Т. Угу.

В. Неслучайно там началась история.

Т. Да, это любопытная, глубоко емкая метафора. Надо вспомнить астронавта, между прочим... люблю вспоминать иногда астронавта... который сделал «первые шаги человека на Луне», забыл... а, Нил Армстронг...

В. Знаешь этот анекдот: «Конгратьюлейшенс, мистер Смит?» Когда он сделал первый шаг на Луне, и, значит, докладывает на Землю, и говорит начальнику полетов, мол, передайте мистеру Смигу: «Конгретьюлейшенс, мистер Смит!» А тот не понял, а причем тут Смит? А этот Смит, оказывается, жаловался, что у него жена очень отсталая женщина, не хочет брать в рот. И сказала: «Я возьму у тебя в рот, когда человек будет на Луне».

Долгий и раскатистый хохот Тарасова, переходящий в хрип.

В. М-да. Ну вот. Вообще в стихах твоих есть что-то потустороннее...

Т. Есть элемент. А я это не скрываю, абсолютно.

В. Это хороший элемент. Кстати, я вообще-то рад, что ты начал писать прозу, хотя ты не вчера начал, а уже какой-то период... Вначале ты как-то не думал о прозе?

Т. Да не, не думал. Мне надо было поставить себя на место в рамках собственной поэтики, мною же выбранной. Когда я ее, благодаря влиянию Волохонского, некоторым подсказкам Миши Генделева, я решил что... именно такая, с какими-то поправками, но это именно герметичная поэзия, которая не говорит о всех моих переживаниях, о них только можно догадаться, и в этом отношении получается, что... с одной стороны какая-то странная символистская ветвь, с другой стороны чисто футуристские ходы, то есть очень много футуризма, футуристских следов, с третьей стороны уже на новом этапе...

31.12. Поздравил Р с Новым годом.

— Желаю тебе быть здоровой и любимой.

— Тобой. Я хочу быть любимой тобой. Хотя бы еще год.

Пришлось неловко хмыкнуть.

— А что ты сам себе пожелаешь?

— Чтоб писáлось и пíсалось.

— И больше ничего?

Тут я догадался, что дал маху.

— И чтоб мы любили друг друга.

— Это самое главное!

Матвей — Науму

Извини, но рассказ я выслал, то есть выполнил твое прямое указание. Правда, будучи маньяком, я перед высылкой его все же выправил с точки зрения орфографии (что коснулось в том числе и слова 'шебуршиться') и пунктуации (ошибок оказалось довольно много, в том числе и «вопиющих»); при этом если за орфографические ошибки (в смысле их отсутствия) я отвечаю, то по пунктуации прошелся лишь слегка. Никаких смысловых моментов я не затрагивал, то есть не изменил ни единого слова, за это можешь быть спокоен.

Если это для чего-нибудь нужно, могу перебросить тебе рассказ точно в том виде, в каком выслал его Костырке.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Ничего, кроме глубокой благодарности, не могу выразить, хотя и испытываю неловкость, столь жестоко эксплуатируя твою «маниакальность».

Орфографически исправленный текст действительно вышел, пригодится.

Опять же Новый год на носу, так что поздравляю тебя и Милу, здоровья вам и творческих успехов.

Очень понравились в «Новой юности» (как много нам открытий чудных готовит сей «Журнальный зал») мемуары Сантаяны. Так что если выйдет книга, то возьми мне.

А еще в последнем НЛЮ я наткнулся на подборку о Бахтине, в том числе на статью Дэвида Слоуна (не с подачи Милы?) о «несправедливом» отношении Бахтина к Толстому. Там походя затрагивается проблема «автора», но в целом мало интересно.

Всегда твой
Наум

Наум, привет!

Поздравляю тебя в свою очередь с Новым Годом.

Сантаяну буду иметь в виду, хотя и замечу вскользь, что его философских работ ты не заказывал. Задам риторический вопрос: правильно ли это? Предвижу такое развитие событий: по прочтении мемуаров тебе так захочется прочитать «самое само» (как выражался Лосев), да поздно будет. (Это я, конечно, выдаю желаемое за действительное: на самом деле повышенного спроса на Сантаяну не наблюдается и не предвидится.)

К публикациям в НЛЮ Мила отношения не имеет. Она вообще «убежденный нелитературовед»; мне кажется, ее комментарии к «проблеме автора» тем и интересны, что в них есть некая конгениальность Бахти-

ну, который был «литературоведом поневоле». Вообще, на мой взгляд, самый последний человек, способный понять Бахтина — это литературовед. А поскольку занимаются им почти исключительно литературоведы, мы и имеем такое уродливое явление, как «бахтинистика».

Прилагается текст рассказа, идентичный тому, который был выслан Костырьке. Исправления в нем специально не отмечены, но их — в том числе и существенных с точки зрения орфографии — довольно много.

Всегда твой,
Матвей

Матвей, привет!

Вчера посмотрел по нашему ТВ (у нас теперь в Израиле есть «русский» канал, такое отвратительное житомирско-бердичевское телепомело) интервью с одной художницей, Зоей Черкасской, полной девицей лет 26, у которой в одной из престижных тель-авивских галерей, открылась выставка «на еврейские темы», то есть, нарисовано много евреев (с кривыми носами и в спецодежде), в том числе «ужасный» портрет «богобоязненного» в голом виде. Художницу, конечно, пригласили из-за скандала, обвиняли в антисемитизме, но она отвечала настолько толково, что я не только заслушался, но даже возмечтал познакомиться... А говорила она о том, что, во-первых, в каждом западном крупном музее иудаики есть специальный отдел антисемитского искусства, во-вторых, «еврейское» изобразительное искусство, как и вообще еврейская психика, как художника, так и зрителя, неизбежно находится под влиянием антисемитизма, в атмосфере которого все евреи (в Галуте) выросли. Что она специально занималась этим вопросом, и, оказывается, есть колоссальная литература (на Западе) об образе «еврея», о его специфических деталях и «ужимках», в одной книге есть несчетное количество описаний жестов руками, специфически еврейских. Считать ли это все антисемитской литературой, ну и т.д. Бойкая девица, очень уверенная в себе, свободная от этих «житомирско-бердичевских» комплексов.

Извини, но я уже не помню, о каких философских книгах Сантяны ты мне сообщал, если нетрудно, повтори, может, действительно стоит заказать: не так часто попадаются авторы, которые «нравятся».

Всегда твой
Наум

Разослал всем поздравления. Принимаю ответы.

Have a wonderful new year too.

Sending you and your family, the wish of a happy, healthy, and loving holiday season, and may the angels watch over you in all the days ahead.

Vittorio& Fiorella

Thank you Naum and Rima! You too. M+S

Позвонил Городецкому. Говорил с Катей. Леву назначили каким-то гендиректором какого-то, не понял, агенства всемирного русскоязычного еврейства, предлагает писать корреспонденции, якобы хорошо заплатят. В середине января Лева должен быть в Израиле.

Позвонил Вадику. Кажется, он был тронут.

— Я совсем отошел от женщин. Никакой пользы от них. Один вред. И не пишу ничего, уже год как ничего не написал. Правда, читаю. Недавно купил двухтомник «Есенин в жизни». Книги, как ты, стал покупать. Вся моя жизнь теперь дочь, чтение и работа. Почти ни с кем не общаюсь. Наташа? Она предпринимала какие-то попытки вернуться, даже очень агрессивные, но я... Спортом? Обязательно: гимнастика, прогулки по лесу. А ты как? У тебя есть женщина? Ты всегда был активней по женской части...

1.1.2003. Встречали у Аллы. Пять пар. Гоша хвастался докладом своему новому министру, Дани Наве, Мирон рассказывал старые анекдоты. Но постепенно набрались, и повеселело. Я даже гитару достал. Лучше бы дома оставил.

Перес рассказал, что несколько лет назад Ельцин привез в Израиль всю верхушку СНГ, «погулять», и на пьянке говорит Пересу: «Ты Клинтона не слушай! Клинтон никем не управляет. Мы с китайцами будем миром управлять». Подумал и добавил: «Ну и вы. Вы тоже умные».

2.1. 2003. Странно год начался: приснился вдруг подопечный, прям феофания.

Раннее утро, предчувствие жары, колючая трава ждет пожара. С горы, заиорданской, надо полагать, вижу Кинерет и долину Иордана. На бурой земле лежит высокий красавец с длинными волнистыми волосами цвета каштанового ореха, жует травиночку, смотрит вдаль. Присаживаюсь рядом на корточках:

— Валяешься? А на носу конец света.

— Ну и черт с ним.

Улыбаюсь.

— Давай, вставай, пастух, пора свиней гнать к обрыву.

Наум Вайман
ХАНААНСКИЕ
ХРОНИКИ
Архив четвертый
(російською мовою)

Макет обкладинки і верстка Друкарський двір Олега Федорова
Формат 60x84 1/16. Наклад 200 прим. Зам. № 9404
Папір 80 офсет. Друк цифровий. Ум. друк. арк. 63,5
Гарнітура «Cambria».
Підписано до друку 14.07.2024 р.

Видавець Федоров О. М.,
«Друкарський двір Олега Федорова»
Адреса: а/я 24, Київ-205, 04205, Україна,
e-mail: relaks-oleg@ukr.net

Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 3668 від 14.01.2010 р.

Віддруковано в друкарні ТОВ «7БЦ»
Адреса: 07400, Київська обл., м. Бровари, б-р Незалежності, 2/148
Свідоцтво про внесення до Державного реєстру видавців,
виготовлювачів і розповсюджувачів видавничої продукції
серія ДК № 5329 від 11.04.2017 р.

Наум Вайман — известный писатель, журналист, переводчик, исследователь творчества Мандельштама и автор знаменитых «Ханаанских хроник». Перед читателем «четвертый архив» этой грандиозной дневниковой эпопеи, рисующей актуальную картину современной жизни в Израиле, и в мире, а также упорные попытки лучших умов эпохи осмыслить нависший над всеми вал мировых событий. Первый же том («архив») был встречен залпом заинтересованной критики и был номинирован на премию «Русский Букер» в 1998-м году. Сергей Костырко писал о «первом архиве»: «Книга Ваймана, несомненно, событие. Книга получилась значительной»; Андрей Урицкий отметил в обширной рецензии в «Независимой газете» 26 февраля 2000 года: «...стремительная и злая, предельно откровенная проза русского израильтянина...»; многократное внимание книге уделил знаменитый писатель и критик Александр Гольдштейн («Окна», 4.5.2000): «...раскрыл псевдонимы, громко обиделся на капитулянтский пейзаж, вымазал дегтем синклит соглашателей, но в первую очередь и пуще всего — повелел себе стать уловителем стремительно ускользавших примет здешней жизни, суммарного русско-палестинского опыта, как будто никем в наших краях не переданного с такой дотошностью, тщанием и взволнованной рассудительностью».

